ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

ЗНАМЕНИТЫЕ РОМАНЫ О ЛЮДЯХ И РОБОТАХ

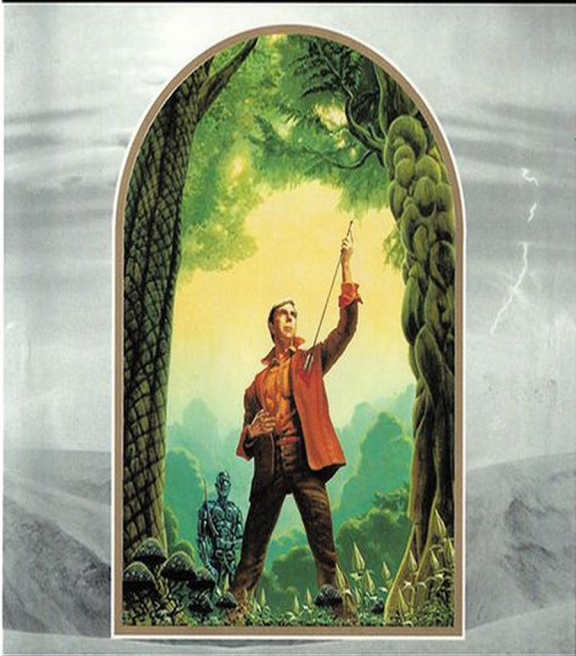
Айзек
АЗИМОВ



Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо

ВПЕРВЫЕ ВЕСЬ ЦИКЛ ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ

Айзек
АЗИМОВ



Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо

Айзек Азимов

Аннотация
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
Глава первая. Разговор с комиссаром
Глава вторая. Поездка на экспрессе
Глава третья. Происшествие в обувном магазине
Глава четвертая. Знакомство с семьей сыщика
Глава пятая. Анализ убийства
Глава шестая. Шепот в спальне
Глава седьмая. Поездка в Космотаун
Глава восьмая. Спор из-за робота
Глава девятая. Разъяснение космонита
Глава десятая. Рабочий день сыщика
Глава одиннадцатая. Бегство от преследования
Глава двенадцатая. Консультация у специалиста
Глава тринадцатая. Проверка робота
Глава четырнадцатая. Власть имени
Глава пятнадцатая. Арест заговорщика
Глава шестнадцатая. Мотивы преступления
Глава семнадцатая. Завершение проекта

Глава восемнадцатая. Окончание расследования
ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ
Глава первая. Вопрос ждет ответа
Глава вторая. Друзья встречаются
Глава третья. Имя произносится
Глава четвертая. Женщина появляется
Глава пятая. Показания даются
Глава шестая. Гипотеза отвергается
Глава седьмая. Доктор недоумевает
Глава восьмая. Космонит гневается
Глава девятая. Робот капитулирует
Глава десятая. Аналогия прослеживается
Глава одиннадцатая. Ферма обследуется
Глава двенадцатая. Выстрел не попадает в цель
Глава тринадцатая. Роботехник усмиряется
Глава четырнадцатая. Мотив выявляется
Глава пятнадцатая. Портрет создается
Глава шестнадцатая. Загадка разгадывается
Глава семнадцатая. Собрание созывается
Глава восемнадцатая. Вопрос получает ответ
РОБОТЫ ЗАРИ
Глава первая. Бейли
1
2
3

4
5
Глава вторая. Дэниел
6
7
8
Глава третья. Жискар
9
10
11
12
13
Глава четвертая. Фастольф
14
15
16
17
Глава пятая. Дэниел и Жискар
18
19
20
21
22
Глава шестая. Глэдия
23
24

25
26
Глава седьмая. Снова Фастольф
27
28
29
30
Глава восьмая. Фастольф и Василия
31
32
33
34
35
Глава девятая. Василия
36
37
38
39
Глава десятая. Снова Василия
40
41
42
43
Глава одиннадцатая. Гремионис
44
45

46
47
48
Глава двенадцатая. Снова гремионис
49
50
51
Глава тринадцатая. Амадиро
52
53
54
Глава четырнадцатая. Снова Амадиро
55
56
57
58
59
Глава пятнадцатая. Снова Дэниел и Жискар
60
61
62
63
64
65
Глава шестнадцатая. Снова Глэдия
66

67
68
69
Глава семнадцатая. Председатель
70
71
72
73
74
Глава восемнадцатая. Снова председатель
75
76
77
78
79
Глава девятнадцатая. Снова Бейли
80
81
82
83
84
РОБОТЫ И ИМПЕРИЯ
Часть первая. Аврора
Глава первая. Потомок
1
2

3
4
Глава вторая. Предок?
5
5а
5б
5в
6
Глава третья. Кризис
7
7а
7б
8
9
Глава четвертая. Другой потомок
10
11
12
13
Часть вторая. Солярия
Глава пятая. Покинутая планета
14
15
16
17
18

Глава шестая. Экипаж
19
20
21
22
Глава седьмая. Надзирательница
23
24
25
26
27
28
Часть третья. Бейлимир
Глава восьмая. Поселенческий мир
29
30
31
32
Глава девятая. Речь
33
34
35
36
Глава десятая. После выступления
37
37а

38
39
40
41
Часть четвертая. Аврора
Глава одиннадцатая. Старый лидер
42
43
44
45
Глава двенадцатая. План и дочь
46
47
48
49
50
Глава тринадцатая. Робот-телепат
51
51а
51б
52
53
54
55
56
Глава четырнадцатая. Дуэль

57
58
59
60
61
62
63
Часть пятая. Земля
Глава пятнадцатая. Священная планета
64
65
66
67
68
69
70
71
Глава шестнадцатая. Город
72
73
74
75
76
77
Глава семнадцатая. Покушение
78

79
80
81
82
83
Глава восемнадцатая. Нулевой закон
84
85
86
87
88
89
90
91
Глава девятнадцатая. Один
92

Аннотация

Свершились мрачные пророчества! Земля, колыбель человечества, страдает от перенаселения, и ее обитатели вынуждены проводить всю свою жизнь в стальных пещерах гигантских городов, не видя солнечного света и питаясь дрожжевыми культурами, в то время как космониты, потомки землян, заселивших иные планеты, наслаждаются всеми радостями бытия. Конечно, это устраивает далеко не всех...

Знаменитый цикл романов Айзека Азимова о похождениях сыщика-землянина Элайджа Бейли и его напарника - робота-космонита Дэниела Оливо - впервые под одной обложкой!

СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ

Глава первая
Разговор с комиссаром

Не успел Лайдж Бейли добраться до своего письменного стола, как поймал на себе ожидающий взгляд Р. Сэмми. Строгое вытянутое лицо Бейли сразу как будто окаменело.

— Чего тебе?

— Босс хочет вас видеть. Немедленно. Как только появитесь.

— Хорошо, — Р. Сэмми не двинулся с места. — Я сказал, хорошо. Можешь уходить!

Р. Сэмми круто развернулся и отправился выполнять другие поручения.

«И почему им заменили человека?» — раздраженно подумал Бейли.

Он помедлил, изучая содержимое своего кисета. Прикинул — если выкуривать по две трубки в день, то можно растянуть табак до получения следующей порции.

Затем он вышел из-за барьера — вот уже два года, как он имел право на отгороженный угол, — и прошел через общую комнату к выходу. Симпсон оторвался от своей ртутной картотеки:

— Вас ждет босс, Лайдж.

— Знаю. Р. Сэмми мне уже сказал.

Испещренная перфорацией лента змейкой вилась из миниатюрного прибора, который разыскивал в своей памяти и затем анализировал нужную информацию, хранящуюся в крошечных ячейках с мерцающими капельками ртути.

— Я бы дал пинка под зад этому Р. Сэмми, если б не боялся сломать себе ногу, — сказал Симпсон. — На днях видел Винса Барретта.

— Да?

— Он хотел бы снова работать на прежнем месте. Или на любом другом, лишь бы у нас в департаменте. Бедняга в отчаянии, но что я мог ему посоветовать? Его обязанности уже выполняет Р. Сэмми, и ничего тут не поделать. Малышу сейчас приходится работать на конвейере на дрожжевой фабрике. Смышленый был малый. Всем нравился.

Бейли пожал плечами и сказал несколько строже, чем хотел:

— Сейчас такое время, что подобное с каждым может случиться.

Боссу был положен личный кабинет. На матовом стекле изящными буквами было старательно выгравировано; «Джулиус Эндерби». И чуть по-

ниже: «Комиссар полиции Города Нью-Йорка».

Бейли шагнул внутрь и сказал:

— Вы хотели видеть меня, комиссар?

Эндерби поднял взгляд. Он носил очки, так как его глаза были слишком чувствительны к обычным контактным линзам. Только привыкнув к очкам, можно было разглядеть черты его лица, в которых, впрочем, не было ничего примечательного. Бейли не мог отделаться от мысли, что комиссар ценил свои очки как раз из-за той индивидуальности, которую они ему придавали, и подозревал, что Эндерби несколько лукавил в отношении чувствительности глаз.

Комиссар определенно нервничал. Он разгладил манжеты рубашки, откинулся на спинку стула и с преувеличенной радушностью сказал:

— Присаживайтесь, Лайдж, присаживайтесь. Бейли неуклюже сел и, внутренне напрягшись, стал ждать.

— Как дела у Джесси? Как сын? — спросил Эндерби.

— Нормально, — сухо ответил Бейли. — Все в порядке. А как ваши?

— Нормально, — эхом отозвался Эндерби. — Тоже в порядке.

Начало показалось неудачным.

«Что-то неладное у него с лицом», — подумал Бейли. Вслух он сказал:

— Комиссар, мне бы не хотелось, чтобы вы посылали за мной Р. Сэмми.

— Вы знаете мою точку зрения на этот счет, Лайдж. Но его прислали к нам, и я должен его как-то использовать.

— Это неприятно, комиссар. Сообщает, что вы меня ждете, и стоит на месте как вкопанный. Вы понимаете, что я имею в виду. Приходится приказывать ему уйти, иначе он так и будет стоять истуканом.

— О, это моя вина, Лайдж. Я сказал ему, что нужно передать, но забыл напомнить, чтобы после этого он вернулся к своей работе.

Бейли вздохнул. Мелкие морщинки вокруг его темно-карих глаз стали более заметными.

— Прошу учесть на будущее. Вы хотели меня видеть?

— Да, Лайдж, — согласился комиссар, — и по очень серьезному делу.

Эндерби поднялся, подошел к стене позади стола и прикоснулся к незаметному контактному переключателю. Часть стены стала прозрачной, Бейли невольно зажмурился от неожиданно хлынувшего в комнату сероватого света.

Комиссар улыбнулся:

— Я устроил это в прошлом году, Лайдж. Кажется, я вам еще не показывал. Подойдите сюда, взгляните. В былые времена подобные штуки были во всех комнатах. Они назывались окнами. Вы слышали об этом?

Все это Бейли прекрасно знал. Он прочитал немало исторических романов.

— Слышал, — обронил он.

— Подойдите сюда.

Бейли поежился, но все-таки подошел. Было что-то неприличное в этой демонстрации убогости комнаты внешнему миру. Иногда увлечение комиссара медиевизмом доходило до нелепых крайностей.

«Взять хотя бы эти очки», — подумал Бейли.

Так вот оно что! Вот что делало его лицо таким непривычным!

— Простите за любопытство, комиссар. У вас, кажется, новые очки? — спросил Бейли.

Комиссар взглянул на него с удивлением, снял очки, посмотрел на них, затем снова на Бейли. Казалось, его круглое лицо без очков округлилось еще больше, а подбородок обозначился чуть резче. Его взгляд стал более рассеянным, так как все расплывалось перед его глазами.

— Да, — ответил Эндерби. Он снова нацепил очки себе на нос и добавил в сердцах: — Старые я разбил три дня назад, а новые смог раздобыть в этой сумятице только сегодня утром. Эти три дня были для меня сущим адом, Лайдж.

— Из-за очков?

— Не только. К этому *я* как раз и подхожу.

Он повернулся к окну. Бейли последовал его примеру и был крайне удивлен, обнаружив, что за окном идет дождь. На минуту он забылся, очарованный видом падающих с неба капель, в то время как комиссара прямо распирало от гордости, будто в этом явлении природы была его собственная заслуга.

— Уже третий раз в этом месяца любуюсь дождем. Потрясающее зрелище, как вы находите?

Бейли вынужден был признать, что дождь действительно произвел на него сильное впечатление. За сорок два года своей жизни он редко видел это явление природы, как, впрочем, и любое другое.

— Мне всегда казалось, что вся эта падающая па город вода тратится впустую, — заметил он. — Ее следовало бы собирать в резервуары.

— Вы неисправимый модернист, Лайдж! — воскликнул комиссар, — И в этом ваша беда. В

среднюю эпоху люди жили под открытым небом. И не только в сельской местности, но и в городах. Даже в Нью-Йорке. Когда шел дождь, они не думали о нем как о пустой растрате. Они радовались ему. Они были ближе к природе. Это лучше, здоровее. Все проблемы современного человека коренятся в том, что он в разводе с природой. Займитесь как-нибудь на досуге угольным веком.

В свое время Бейли читал об этом. Он слышал, как многие выражали недовольство изобретением атомного реактора. Он и сам сетовал на это, когда уставал или когда что-то не ладилось. Человек всегда чем-то недоволен. В угольном веке люди ворчали по поводу изобретения парового двигателя. В одной из пьес Шекспира герой возмущался тем, что кто-то изобрел порох. А через тысячу лет найдутся такие, что будут недовольны изобретением позитронного мозга. Пошло оно все к черту!

— Послушайте, Джулиус… — решительно начал Бейли. (Обычно он не позволял себе фамильярничать с комиссаром в рабочие часы, сколько бы тот ни обращался к нему просто по имени, но что-то в сегодняшнем разговоре, казалось, тянуло его перейти на более доверительный тон.) — Послушайте, Джулиус, чего вы ходите вокруг да

около? Можно подумать черт знает что. Скажите, наконец, в чем дело? Зачем вы меня вызвали?

— Не спешите, Лайдж. Я непременно открою вам тайну. Позвольте только сделать это так, как я задумал. У нас… неприятности.

— Еще бы. Ничего другого на этой планете и не происходит. Опять что-нибудь с роботами?

— В некотором роде, да. Лайдж, я вот стою здесь и думаю: интересно, сколько еще бед сможет вместить в себя этот старый мир? С тех пор как я установил окно, я не просто время от времени впускаю сюда небо, я впускаю Город. Я смотрю на него и спрашиваю себя: что станет с ним еще лет через сто?

Бейли почувствовал отвращение к сентиментальности босса, но тут же обнаружил, что сам смотрит в окно с восхищением. Даже в такую погоду Город представлял собой грандиозное зрелище. Департамент полиции находился на верхних этажах здания муниципалитета, самого высокого в Городе, Из окна комиссара видны были верхушки соседних шпилей и башен, похожих на устремленные ввысь пальцы огромной руки. Стены зданий были совершенно гладкими и глухими — внешние оболочки человеческих ульев.

Вообще-то жаль, что идет дождь, — сказал ко-

миссар. — Мы не сможем увидеть Космотаун.

Бейли взглянул на запад. Комиссар был прав. Горизонта не было видно. Очертания нью-йоркских башен становились вдали все более расплывчатыми, а затем и вовсе исчезали в невыразительной серой мгле.

— Я знаю, как выглядит Космотаун, — отозвался Бейли.

— Мне нравится его вид отсюда. Он едва различим в промежутке между двумя секторами Брунсвика. Растянувшиеся вширь купола… В этом мы и отличаемся от космонитов. Мы стремимся вверх и стараемся прижаться друг к другу как можно теснее. У них же каждая семья имеет свой собственный купол. Одна семья — один дом. А между ними участки земли. Вы когда-нибудь разговаривали с космонитом, Лайдж?

— Приходилось несколько раз. Месяц назад я разговаривал с одним прямо отсюда, по вашей селекторной связи.

— Да, я помню. Меня просто распирает пофилософствовать. Мы и они. Разные образы жизни.

Бейли почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел. «Чем изворотливее предисловие комиссара, — подумал он, — тем ужаснее может быть заключительная часть».

— Да, конечно, — проговорил он. — Но что в этом удивительного? Не можете же вы расселить восемь миллиардов людей по Земле в маленьких куполах. А у космонитов на их мирах хватает места, вот и пусть живут, как привыкли.

Комиссар подошел к своему креслу и сел. Его глаза, немного уменьшенные вогнутыми линзами очков, не мигая смотрели на Бейли.

— Не все так терпимы к различиям в образе жизни. Ни среди нас, ни среди космонитов, — заметил он.

— Хорошо. И что из этого?

— А то, что три дня назад умер космонит.

Ну вот, начинается. Впечатление, произведенное словами комиссара, не отразилось на печальном лице Бейли. Лишь чуть-чуть дрогнули уголки его тонких губ.

— Очень жаль. Надеюсь, что-нибудь не слишком серьезное. Какой-нибудь вирус или простуда?

Комиссар с недоумением взглянул на него:

— О чем это вы?

Бейли не собирался тратить время на объяснения. Всем была хорошо известна педантичность, с которой космониты искореняли болезни в своем обществе. Еще более известна была тща-

тельность, с которой они избегали, насколько это было возможно, контактов с землянами, переносчиками тысяч болезней. Но сарказм, видимо, комиссар вообще не улавливал.

— Так, ни о чем. Отчего же он умер?

Бейли снова повернулся к окну.

— Он умер оттого, что у него оторвало грудь. Кто-то расправился с ним при помощи бластера.

Бейли окаменел.

— Вы о чем говорите? — воскликнул он, не оборачиваясь.

— Я говорю об убийстве, — негромко сказал комиссар. — Вы сыщик и знаете, что такое убийство.

Только теперь Бейли смог повернуться:

— Но ведь убит космонит! Три дня назад, говорите?

— Да.

— Кто это сделал? Как?

— Космониты говорят, что убийца — землянин.

— Не может быть.

— Отчего же? Вам космониты не нравятся. Мне тоже. Да какому землянину они нравятся? Кто-то немного переборщил в своей ненависти к ним, вот и все.

— Все это так, но…

— На фабриках Лос-Анджелеса были пожары. В Берлине громили роботов. По Шанхаю прокатилась волна беспорядков.

— И что же?

— Все это свидетельствует о растущем недовольстве. Может быть, даже о существовании какой-нибудь организации.

— Я вас не понимаю, комиссар. Уж не проверяете ли вы меня?

— Что?

Во взгляде комиссара отразилось искреннее недоумение.

Пристально глядя в лицо босса, Бейли сказал:

— Три дня назад убили космонита. В Космотауне считают, что убийца — землянин. И до сих пор все тихо. Верно? — Пальцы Бейли пробежались по столу. — Комиссар, но это же невероятно. Думаю, если бы что-либо подобное действительно произошло, Нью-Йорк давно бы стерли с лица Земли.

— Не так-то все просто. — Комиссар покачал головой, — Послушайте, Лайдж, меня не было здесь три дня. Я встречался с мэром. Я был в Космотауне. Вылетал в Вашингтон для разговора во Всепланетном бюро расследований.

— Да? И что говорят всепланетчики?

— Говорят, что расхлебывать эту кашу придется нам. Преступление совершено в пределах Города. Космотаун находится под юрисдикцией Нью-Йорка.

— Обладая, однако, экстерриториальными правами.

— Знаю. К этому я сейчас и подхожу. Комиссар опустил глаза под твердым взглядом Бейли. Казалось, его вдруг разжаловали, и он вел себя так, будто был просто-напросто напарником Бейли.

— Космониты сами могут вести расследование, — заметил тот.

— Погодите, Лайдж, — в голосе комиссара послышались умоляющие нотки. — Не напирайте на меня. Я хотел бы обсудить это с вами, как с другом. Поймите мое положение. Я был там, когда это произошло. У меня была назначена с ним встреча. С Роджем Наменну Сартоном…

— С жертвой?

— С жертвой, — простонал комиссар, — Еще каких-нибудь пять минут, и я лично обнаружил бы труп. Какой бы это был ужас! И без того все было чудовищно, просто чудовищно. Меня встретили космониты и сообщили о происшедшем. С этого и начался мой трехдневный кошмар. Я

уж не говорю о том, что у меня перед глазами все расплывалось, так как совершенно не было времени заменить очки. Ну да хоть это-то больше не повторится: я заказал себе сразу три пары.

Бейли живо представил себе, как все было. Вот к комиссару приближаются высокие белокурые космониты и со свойственным им хладнокровием, без всяких прикрас выкладывают ему новости. Джулиус снимает очки и начинает их протирать. Потрясенный случившимся, он конечно же роняет их и беспомощно смотрит на разлетевшиеся осколки. Его мягкие полные губы подрагивают. Бейли был абсолютно уверен, что по меньшей мере пять минут комиссар гораздо больше был обеспокоен утратой очков, чем убийством. Комиссар продолжал говорить.

— Чертовское положение. Как вы говорите, космониты обладают экстерриториальными правами. Они вполне могут настоять на проведении собственного расследования и сообщить своим правительствам все, что пожелают. Внешние Миры могут воспользоваться этим, чтобы потребовать с нас непомерную компенсацию. Вы прекрасно знаете, какую реакцию это вызовет у населения.

— Согласиться платить для Белого дома было

бы равносильно политическому самоубийству.

— А не платить — тоже самоубийство, только другого рода.

— Я понимаю, чем может грозить сложившаяся ситуация, — сказал Бейли.

Он был еще маленьким мальчиком, когда сверкающие космолеты с Внешних Миров последний раз высаживали своих солдат в Вашингтоне, Нью-Йорке и Москве, чтобы забрать то, что, как они считали, принадлежит им по праву.

— Значит, вы и сами понимаете: платить или не платить — результат один и тот же. Единственный выход — собственными силами найти убийцу и передать его космонитам. Все зависит от нас.

— А почему бы не передать это дело ВБР? Даже если с точки зрения законников оно в сфере наших полномочий, то ведь здесь встает вопрос межзвездных отношений…

— ВБР к этому не притронется. Дело свежее и как раз по нашей части. — На мгновение комиссар поднял глаза и пристально посмотрел на своего подчиненного. — И вообще, положение скверное, Лайдж. Мы все рискуем остаться без работы.

— Заменить нас всех?! Как бы не так! Где они

найдут профессионалов?

— Не забывайте, что существуют роботы, — возразил комиссар.

— Что?

— Р.Сэмми — это только начало. Он просто на побегушках. Но такие, как он, вполне могут патрулировать экспресс-дороги. Почему бы нет? Черт побери, старина, я лучше вас знаю космонитов и представляю, чем они сейчас занимаются. Существуют роботы, которые могут выполнять и нашу с вами работу. И вас и меня могут просто деклассифицировать, поверьте мне. А пополнять в нашем возрасте ряды безработных…

— Ладно. Хватит, — резко оборвал его Бейли.

— Простите, Лайдж, — смутился комиссар.

Бейли кивнул, стараясь не думать о своем отце. Комиссар, конечно, знал эту давнюю историю.

— Когда началась вся эта кампания по замене кадров? — спросил Бейли.

— Послушайте, Лайдж. Не прикидывайтесь таким наивным. Она идет постоянно вот уже двадцать пять лет, с тех пор как на Земле появились космониты. И вы это знаете, Просто она начинает забираться выше, вот и все. Если мы завалим это дело, то и нам не видать пенсионных книжек как своих ушей. С другой стороны, Лайдж, если

мы окажемся на высоте, возможность такой неприятности отодвинется в далекое будущее. И особенно хороший шанс продвинуться по службе был бы у вас.

— У меня?

— Вы поведете расследование, Лайдж.

— Мой класс не дает мне на это права, комиссар. Я всего лишь *С-5*.

— Но хотите получить *С-6*, не так ли?

Что за вопрос! Еще бы! Бейли хорошо знал, какие привилегии давал класс *С-6.* Сидячее место в экспрессе не только с десяти до четырех, но и в часы пик. Больший выбор блюд в столовых. Может быть, даже более благоустроенная квартира и пропуск в солярий для Джесси.

— Хочу, конечно, — ответил Бейли. — Почему бы и нет? Но что будет, если я не смогу раскрыть это преступление?

— Вы его раскроете, Лайдж, — вкрадчиво подбодрил комиссар. — Вы хороший сыщик. Один из лучших в нашем департаменте.

— Но у нас в отделении немало парней с более высоким классом. Почему вы обходите их?

Хотя Бейли не высказал своей мысли вслух, его поведение недвусмысленно говорило о том, что он понимал: подобное нарушение заведенного

порядка комиссар допускал только в чрезвычайных обстоятельствах.

Комиссар сложил руки на груди.

— На это есть две причины. Для меня, Лайдж, вы не просто один из сотрудников. Мы еще и друзья. Я помню, что мы вместе учились в колледже. Иногда может показаться, что для меня это не имеет никакого значения, но во всем виновата разница в положении. Я — комиссар, а вы знаете, что это такое. Тем не менее я считаю себя вашим другом. Вот сейчас появился прекрасный шанс для достойного человека, и я хочу, чтобы им воспользовались именно вы.

— Это одна из причин, — холодно заметил Бейли.

— Вторая заключается в том, что, как мне кажется, вы тоже расположены ко мне по-дружески. Окажите мне услугу.

— Какую услугу?

— Я хочу, чтобы вы взяли себе в напарники космонита, Это условие поставили в Космотауне. Они согласились не сообщать об убийстве и оставить расследование в наших руках. Но при этом они настаивают на том, чтобы один из их агентов участвовал в этом предприятии от начала до конца.

— Похоже, они нам все-таки не доверяют.

— В том-то все и дело. Если преступление не будет раскрыто, им придется отвечать перед своими правительствами. Пусть не доверяют, Лайдж. Мне хочется верить, что у них нет дурных намерений.

— Наверняка нет. В том-то вся и беда.

Последнее замечание Бейли явно озадачило комиссара, но он не стал заострять на нем внимания.

— Так вы согласны взять в напарники космонита, Лайдж?

— Вы просите об этом как об услуге?

— Да, я прошу вас взяться за это дело, выполняя все условия космонитов.

— Я буду работать с космонитом, комиссар.

— Спасибо, Лайдж. Но… ему придется жить у вас.

— Постойте, постойте…

— Я все понимаю, Лайдж. Но ведь у вас большая квартира. Целых три комнаты. И только один ребенок. Вы вполне сможете поселить его у себя. У вас не будет с ним никаких хлопот, абсолютно никаких. К тому же это просто необходимо.

— Джесси это не понравится, я уверен.

— Скажите Джесси, — комиссар смотрел на

Бейли так пристально, что, казалось, его взгляд просверлит стекла очков, — скажите ей, что, если вы сделаете это для меня, я приложу все усилия, чтобы вы получили сразу *С-7*. *С-7*, Лайдж!

— Хорошо, комиссар, по рукам.

Бейли уже начал было подниматься со своего стула, но что-то в выражении лица Эндерби заставило его сесть снова.

— Еще что-нибудь?

Комиссар медленно кивнул:

— Есть еще одно обстоятельство.

— Какое?

— Имя вашего партнера.

— Какое это имеет значение?

— У космонитов странные методы работы, — проговорил комиссар. — Помощник, которого они вам дают, не… не…

Глаза Бейли широко раскрылись.

— Минуту!

— Вы должны, Лайдж. Должны. Другого выхода нет.

— Поселить в своей квартире? Такое?

— Пожалуйста! Прошу вас как друга!

— Нет и еще раз нет!

— Лайдж, я не могу посвятить в это дело никого другого. Неужели вы этого не понимаете? Мы

должны работать с космонитами. И нам во что бы то ни стало надо добиться успеха, если мы хотим удержать корабли Внешних Миров вдали от Земли. Но ведь у нас ничего не получится, если будем работать старыми методами. Вам придется сотрудничать с их роботом. И если преступление раскроет он, если у него будет повод объявить о нашей некомпетентности, нам конец. Нам как департаменту. Так что задача у вас очень деликатная. Работать вы будете в паре с ним, но убийцу должны найти вы, а не он. Понимаете?

— Вы хотите сказать, что мне нужно сотрудничать с ним на все сто процентов и в то же время не упустить случая, чтобы перерезать ему горло? Похлопывать его по плечу, держа наготове нож?

— Что делать? Другого выхода нет.

Лайдж Бейли стоял в нерешительности.

— Не знаю, что скажет Джесси.

— Если хотите, я могу поговорить с ней.

— Нет, комиссар. Не надо. — Бейли сделал глубокий вздох. — Как зовут моего напарника?

— Р. Дэниел Оливо.

— Сейчас не время для эвфемизмов, комиссар, — с грустью проговорил Бейли. — Я берусь за эту работу, так что давайте называть его полным именем. Робот Дэниел Оливо.

Глава вторая
Поездка на экспрессе

На экспресс-линии, как обычно, было полно народу. На нижнем ярусе ехали стоячие пассажиры, наверху — те, кто обладал правом на сидячие места. Нескончаемый людской поток выливался из экспресса, пересекал замедляющиеся полосы, направляясь к местным линиям или неподвижным платформам, и оттуда устремлялся под арки или через мосты в бесконечные лабиринты жилых секторов Города. Другой поток, столь же непрерывный, пробивался с противоположной стороны через ускоряющиеся полосы к экспресс-дороге.

Вокруг сверкали сотни огней: фосфоресцирующие стены и потолки заливали пространство холодным ровным светом; яркие рекламы привлекали внимание прохожих; резали глаза длинные, похожие на червей указатели: «К СЕКТОРАМ ДЖЕРСИ», «К МАРШРУТНОЙ СЛУЖБЕ ИСТ-РИВЕР СЛЕДОВАТЬ ПО СТРЕЛКАМ», «ВЕРХНИЙ ЯРУС — ВСЕ НАПРАВЛЕНИЯ К СЕКТОРАМ ЛОНГ-АЙЛЕНДА». Всюду стоял неотделимый от жизни

большого Города шум: говор, смех, кашель, крики, гудение, дыхание миллионов людей.

«Нигде ни одного указателя к Космотауну», — подумал Бейли. Он переходил с одной полосы на другую с легкостью человека, привыкшего делать это всю свою жизнь. (Едва научившись ходить, дети тут же начинали «скакать по полосам».) С каждым шагом скорость Бейли увеличивалась, но он почти не чувствовал толчков ускорения. Он даже не замечал, что в противодействие ускорению наклонялся вперед. В полминуты он достиг последней, идущей со скоростью шестьдесят миль в час полосы и теперь мог шагнуть на огражденную перилами застекленную движущуюся платформу — экспресс-линию.

«Ни одного указателя к Космотауну», — снова подумал Бейли. Да и не нужно никаких указателей. Если у тебя в Космотауне дело, значит, ты знаешь, как туда добраться. А если ты этого не знаешь, то и делать тебе там нечего.

Когда около двадцати пяти лет назад возник Космотаун, появилась идея устроить из него что-то вроде городской достопримечательности. Толпы горожан осаждали поселок космонитов.

Космониты положили этому конец. Вежливо (они всегда были вежливы), но довольно бесце-

ремонно они воздвигли между собой и Городом силовой барьер и создали ведомство, совмещающее функции эмиграционной службы и таможни. Если у кого-то действительно было какое-то дело в Космотауне, он предъявлял удостоверение личности, мирился с тем, что его обыскивали, и соглашался на медицинский осмотр и дезинфекцию.

Это вызвало бурю негодования. Еще бы! Возмущения были больше, чем того заслуживало нововведение. Оно оказалось серьезной помехой в осуществлении программы модернизации.

Бейли хорошо помнил Барьерные бунты. Он сам был среди тех, кто свисал с экспресс-дороги, держась за поручни, невзирая на ранги, занимал места на верхних ярусах, отчаянно носился вдоль и поперек полос, рискуя сломать себе шею, и двое суток находился у самого барьера, выкрикивая лозунги и уничтожая городскую собственность просто из чувства разочарования и безысходности.

При желании Бейли мог бы даже вспомнить слова песенок того времени. Одной из них была «На матушке-Земле мы, люди, рождены, слышишь?» со странным рефреном «хинки-динки-парле-ву», положенным на мотив старой

народной песни.

На матушке-Земле мы, люди, рождены, слышишь?

Земля — наш дом родной, что все понять должны, слышишь?

Непрошеных гостей спровадим поскорей.

Ты не найдешь среди землян друзей.

Эй, грязный космонит, ты слышишь?

По Городу ходили сотни песенок. Некоторые были остроумны, большинство — глупы, многие были просто непристойны. Однако все они заканчивались словами: «Грязный космонит, ты слышишь?» Грязный, грязный… Это была тщетная попытка отплатить космонитам за то, что они считали всех жителей Земли разносчиками опаснейших болезней.

Конечно, космониты не покинули Землю. Им даже не пришлось пускать в ход свое наступательное оружие. Пилоты безнадежно устаревшего земного флота давно уже убедились, что приблизиться к любому из кораблей Внешнего Мира было равносильно самоубийству. Самолеты землян, отважившиеся пролететь над территорией Космотауна еще в самом начале его

существования, попросту бесследно исчезали. На Земле в лучшем случае находили искромсанные части их крыльев.

И никакая толпа не могла обезуметь настолько, чтобы забыть действие субэфирных «руколомок», которые применялись в войнах с землянами еще за сто лет до Барьерных бунтов.

Вот так космониты и отсиживались за своим барьером, который невозможно было разрушить земными средствами, и хладнокровно ждали, пока городские власти не утихомирят толпу недовольных, что те и сделали с помощью снотворного пара и рвотного газа. Впоследствии подземные тюрьмы были переполнены зачинщиками, недовольными и теми, кто просто попался под горячую руку. Впрочем, скоро их всех освободили.

Спустя некоторое время космониты смягчили свои ограничения. Барьер убрали, а охрану границ Космотауна доверили городской полиции. Но самое главное, медосмотр стал не таким оскорбительным.

«Теперь, — подумал Бейли, — история может повториться. Если космониты всерьез считают, что убийство совершил пробравшийся в Космотаун землянин, они могут снова установить барьер.

А это ничего хорошего не сулит».

Он поднялся на платформу экспресс-дороги, протолкался к узкой винтовой лестнице сквозь строй стоящих пассажиров и, взобравшись по ней на верхний ярус, занял одно из сидячих мест. Он не стал предъявлять свою служебную карточку, пока экспресс не вышел за пределы секторов Гудзона. Класс *С-5* не давал права на кресло в экспрессе восточнее Гудзона и западнее Лонг-Айленда и, хотя свободных мест было довольно много, его могли попросить перейти на нижний ярус. В том, что касалось привилегий, люди становились все более щепетильными, и, сказать по правде, Бейли и сам был таким же.

Обтекая изогнутые ветровые стекла, укрепленные на спинках кресел, воздух издавал характерный свистящий звук. Разговаривать при таком шуме было задачей не из легких, но думать он не мешал, если привык к нему с детства.

Большинство землян так или иначе были медиевистами. Быть медиевистом легко, если подразумевать под этим ностальгическое созерцание тех давних времен, когда Земля была единственным миром, а не одним из пятидесяти, к тому же не самым лучшим из них. Бейли резко повернулся вправо на истошный крик женщины.

Одна из пассажирок обронила свою сумочку; на мгновение Бейли увидел ее нежно-розовое пятнышко на унылой серой полосе. Должно быть, какой-то пассажир, спешивший сойти с экспресс-линии, нечаянно выбил ее на замедляющуюся полосу, и теперь сумочка и ее владелица неслись в разные стороны.

Бейли криво усмехнулся. Женщина могла бы догнать ее, хвати у нее сообразительности поспешить к более медленной полосе. Но, увы!.. Бейли так и не узнал, нашла она сумочку или нет: от места происшествия его уже отделяли добрых полмили.

Скорее всего, нет. По статистике в городе каждые три минуты кто-нибудь что-нибудь ронял на полосу и больше никогда не находил. Наладить работу департамента находок было чрезвычайно сложно. Еще одна проблема современной жизни.

«Когда-то было проще, — подумал Бейли. — Все было проще. Это-то и делает людей медиевистами».

Медиевизм принимал различные формы. Для лишенного воображения Джулиуса Эндерби он означал увлечение старинными вещами — очками, моноклями. Для Бейли он заключался в изучении истории, особенно истории обычаев и

нравов людей.

Взять хотя бы нынешний Нью-Йорк. Город, в котором он жил, которому принадлежало все его сердце. По площади его превосходил лишь Лос-Анджелес, а по численности населения он уступал, только Шанхаю. А ведь ему было всего триста лет.

Конечно, что-то и прежде существовало на том же самом географическом пространстве и тоже называлось Нью-Йорком. То примитивное поселение насчитывало три тысячи, а не триста лет, но оно не было Городом в полном смысле слова.

Тогда вообще не было настоящих Городов. Были лишь беспорядочные, большие и малые, нагромождения жилищ под открытым небом. Они чем-то напоминали купола космонитов, хотя, конечно, сильно от них отличались. Тысячи таких нагромождений (население самых крупных из них едва достигало десяти миллионов, большинство же не насчитывало и миллиона) были рассеяны по всей Земле. По современным меркам, они были совершенно неэффективны с экономической точки зрения.

С ростом населения на Земле возникла необходимость более разумного устройства городов. Ценой постоянного снижения уровня жизни

планета могла прокормить два миллиарда человек, три и даже пять. Однако, когда численность населения достигла восьми миллиардов, полуголодное существование стало реальной проблемой; от которой просто так не отмахнешься. В жизни человечества неизбежно должна была произойти радикальная перемена, особенно когда оказалось, что Внешние Миры, тысячелетие назад бывшие всего лишь колониями Земли, начали всерьез подумывать о введении строгих эмиграционных ограничений.

Радикальная перемена состояла в постепенном образовании городов современного типа. Этот процесс занял тысячу лет земной истории. Необходимость укрупнения городов диктовалась целесообразностью. Возможно, чисто интуитивно это поняли еще в среднюю эпоху, Кустарный промысел уступил место фабрикам, а фабрики — межконтинентальной индустрии.

Подумать только, как неразумно содержать сто тысяч домов для сотни тысяч семей в сравнении с одним жилым сектором на сто тысяч квартир; а что такое домашняя библиотека по сравнению с централизованным хранилищем книгофильмов, индивидуальный телевизор по сравнению с системой видеоканалов? Если на то пошло,

взять хотя бы наивную глупость бесконечного дублирования кухонь и ванных в каждом доме. Разве могут они сравниться с автоматизированными блоками столовых и душевых, которые появились с развитием современной городской цивилизации!

Все больше и больше старых городов, поселков и деревень на Земле поглощалось современными Городами. Даже угроза атомной войны лишь замедлила этот процесс. Но с изобретением силового щита он приобрел еще больший размах.

Современная городская культура означала оптимальное распределение пищевых продуктов и возрастающее применение дрожжей и гидропоники. Нынешний Нью-Йорк раскинулся на двух тысячах квадратных милях, и по последней переписи численность его населения значительно превышала двадцать миллионов. На Земле было около восьмисот Городов, в каждом из которых проживало в среднем по десять миллионов человек.

Каждый Город стал полу-автономной единицей, почти самостоятельной экономически. Он покрыл себя сводом, оградился со всех сторон, зарылся глубоко в землю. Город превратился в стальную пещеру — громадную замкнутую пеще-

ру из стали и бетона.

Внутренняя планировка Города была тщательно продумана. В центре находился гигантский комплекс административных зданий. В строгой соотнесенности друг с другом и по отношению к целому располагались огромные жилые сектора, соединенные экспресс-дорогой и местными линиями. На окраинах размещались фабрики, гидропонные заводы, цистерны с дрожжевыми культурами и силовые станции. Во все это были вплетены водопроводы и канализационные сети, школы, тюрьмы, электролинии и линии лучевой коммуникации.

Без сомнения, Город являл собой наивысшее проявление господства человечества над окружающей средой. Не космические полеты, не те пятьдесят миров, которые теперь так кичились своей независимостью, а именно Город.

Практически никто из населявших Землю людей не жил за пределами Городов, где под открытым небом, один вид которого приводил горожанина в замешательство, простирались незаселенные пространства. Конечно, без этих пространств было не обойтись. Именно там добывалась необходимая человеку вода, уголь и древесина, являвшаяся основным сырьем для

пластиков и вечнорастущих дрожжевых культур. (Нефть на Земле уже давно была израсходована, но ее прекрасно заменили богатые маслами штаммы дрожжей.) Эти пространства продолжали использовать, причем в большей степени, чем думало большинство людей. Там нее еще работали шахты, выращивали пищевые продукты и откармливали скот. Такое производство продовольствия было неэффективно, но натуральное мясо и хлеб всегда находили спрос на рынке деликатесов, и, кроме того, их экспортировали на другие планеты.

Однако, для того чтобы управлять шахтами и водонасосными станциями, а также вести хозяйство на фермах, требовалось совсем мало людей. К тому же контроль за всеми этими объектами мог осуществляться с большого расстояния. Роботы справлялись с работой лучше и требовали меньшего.

Роботы! Какая ирония судьбы! Именно на Земле изобрели позитронный мозг, и именно на Земле роботов впервые стали использовать на производстве. На Земле, а не на Внешних Мирах. Хотя Внешние Миры всегда вели себя так, будто роботы были порождением их цивилизации. Правда, надо признать, что своей высшей точки

развития роботы достигли именно на Внешних Мирах. Здесь, на Земле, уделом роботов всегда оставались шахты и фермы. Только в последнюю четверть века они стали постепенно проникать в Города, да и то под нажимом космонитов.

Города были всем хороши. Всякий, кто не был медиевистом, знал, что альтернативы им нет, во всяком случае, разумной альтернативы. Единственная беда была в том, что они не могли оставаться такими вечно. Население Земли по-прежнему росло. Рано или поздно, несмотря на все свои преимущества, Города могли оказаться не в состоянии обеспечить каждого своего жителя необходимым количеством калорий.

Положение усугублялось тем, что потомки первых эмигрантов с Земли, космониты, жили в прекрасных условиях на своих малонаселенных, набитых роботами мирах. Они были полны решимости сохранить тот комфорт, который давал им простор их миров, и с этой целью ограничивали как уровень рождаемости у себя, так и приток эмигрантов с перенаселенной Земли. А потому…

Скоро Космотаун!

Бейли как будто что-то подтолкнуло; он понял, что приближается к сектору Нью-Арк. Задержись он на долю секунды, и экспресс умчал бы его

совсем в другую сторону, на юго-запад, к сектору Трентон, в глубь теплого, пахнущего плесенью царства дрожжевой индустрии.

Все дело было в том, чтобы правильно рассчитать время. Пару минут на то, чтобы спуститься вниз и протиснуться вдоль перил к выходу и пересечь замедляющиеся дорожки. Проделав все это, он оказался как раз у нужного ему перехода, Он действовал автоматически, не задумываясь, иначе наверняка бы промахнулся.

Бейли очутился в непривычном для себя почти полном одиночестве. Кроме него внутри станции находился лишь один полицейский. Гнетущую тишину нарушал только шелест экспресс-линии.

Бейли поспешно предъявил подошедшему полицейскому свое удостоверение, и тот отсалютовал, разрешая ему пройти.

Переход к Космотауну постепенно сужался, несколько раз резко сворачивая то вправо, то влево. Такая конфигурация была явно не случайна. Толпы землян не могли бы здесь развернуться, и, кроме того, в подобном переходе невозможно было бы организовать прямое нападение.

Бейли был рад, что по договоренности место его встречи с напарником находилось по эту сторону от Космотауна. Ему совсем не улыбалась мысль о

прохождении медосмотра, сколько бы ни говорили о вежливости, с которой он проводился.

Возле ряда дверей, за которыми под открытым небом раскинулись купола Космотауна, стоял космонит. Одет он был по-земному: на нем были расклешенные книзу брюки с тесьмой по бокам и обычная текстроновая рубашка с открытым воротом, швами-молниями и гофрированными рукавами. В том, как он стоял, в его манере держать голову, в спокойном бесстрастном выражении его широкого скуластого лица, в его аккуратно подстриженных бронзовых волосах, гладко зачесанных назад без пробора, было что-то отличавшее его от настоящего землянина.

Бейли подошел к нему деревянной походкой и голосом, лишенным всякой выразительности, представился:

— Я сыщик Элайдж Бейли, департамент полиции Города Нью-Йорка, класс *С-5*. — Предъявив свое удостоверение, он продолжил: — Мне поручено встретить здесь Р. Дэниела Оливо. — Бейли взглянул на часы. — Я приехал чуть раньше назначенного времени. Могу я попросить, чтобы объявили о моем прибытии?

Ему было не по себе. К земным моделям роботов он уже немного привык, Модель же космонитов

наверняка будет иной. Бейли никогда не сталкивался с их роботами, но на Земле не было истории известнее, чем пересказывавшиеся шепотом ужасы о страшных роботах, совершавших немыслимое на далеких сверкающих Внешних Мирах. Бейли невольно стиснул зубы.

— В этом нет необходимости. Я уже жду вас, — ответил космонит, вежливо выслушав его.

Рука Бейли непроизвольно поднялась и тут же опустилась. То же самое проделал его подбородок; казалось, он стал еще длиннее, чем обычно. Бейли не мог выдавить из себя ни звука. Слова застыли у него на губах.

— Я должен представиться, — продолжал космонит. — Меня зовут Р. Дэниел Оливо.

— Да? Я не ослышался? Мне показалось, первая буква…

— Именно так. Я робот. Разве вас не предупредили?

— Предупредили. — Бейли поднес влажную ладонь к волосам и стал заглаживать их назад, в чем в тот момент не было совершенно никакой необходимости. Затем он протянул руку роботу: — Извините, мистер Оливо. Я как-то не ожидал… Добрый день. Я — Элайдж Бейли, ваш напарник.

— Хорошо, — Робот стал сжимать руку. Бейли

с плавно возрастающей силой, которая достигла величины «приятного дружеского рукопожатия» и ослабла. — И все же, мне кажется, вас что-то беспокоит. Пожалуйста, будьте со мной откровенны. В таких отношениях, как наши, лучше всего быть друг с другом как можно искреннее. Кроме того, у нас принято, чтобы коллеги называли друг друга по имени, Я полагаю, это не противоречит вашим обычаям?

— Видите ли, все дело в том, что вы совсем не похожи на робота, — в растерянности проговорил Бейли.

— И это вас беспокоит?

— Я понимаю, что это глупо, Дэ… Дэниел. Ваши роботы все такие, как вы?

— У нас есть индивидуальные различия, Элайдж, как и у людей.

— Земные роботы… Ну, когда встречаешь нашего робота, сразу видно, что это робот. А вы выглядите совсем как космонит.

— А, понимаю. Вы ожидали увидеть довольно грубую модель и поэтому удивились. Но если мы хотим избежать неприятностей, в этом деле логично использовать робота с ярко выраженными гуманоидными чертами. Разве не так?

Это было, конечно, так. Явный робот, шатаю-

щийся по Городу, быстро попал бы в беду.

— Вы правы, — ответил Бейли.

— Ну что ж, пойдемте, Элайдж.

И они отправились к экспресс-линии.

Р. Дэниел сразу понял назначение ускоряющихся полос и начал передвигаться по ним умело и быстро. Бейли, сперва старавшийся идти помедленнее, закончил тем, что с каким-то непонятным раздражением начал двигаться все быстрее и быстрее.

Робот не отставал. Он не проявлял никаких признаков усталости. «Интересно, — подумал Бейли, — может, Р. Дэниел намеренно двигается медленнее, чем мог бы». Они подошли к одному из вагонов бесконечной экспресс-дороги, и Бейли вскочил в него с безумной бесшабашностью. Робот с легкостью проделал то же самое. Бейли покраснел, дважды сглотнул и сказал:

— Я останусь с вами здесь, внизу.

— Внизу? — переспросил робот. Он явно не замечал ни шума, ни ритмичного покачивания платформы. — Разве моя информация неверна? Мне говорили, что при определенных обстоятельствах класс *С-5* дает право на сидячее место верхнего яруса.

— Все правильно. Я могу подняться туда, а вы

— нет.

— Почему мне нельзя подняться вместе с вами?

— Для этого нужно обладать классом *С-5*, Дэниел.

— Мне это известно.

— Но у вас его нет.

Говорить было трудно. Свист врывающегося воздуха на менее защищенном нижнем ярусе был громче, а Бейли по вполне понятным причинам старался не повышать голоса.

— Почему вы думаете, что нет? Я ваш коллега и, значит, должен быть одного с вами класса. Мне дали вот это.

Из внутреннего кармана рубашки он достал абсолютно подлинное на вид удостоверение. В нем значилось: «Дэниел Оливо, класс *С-5*», Инициала, имевшего первостепенное значение, естественно не было.

— Тогда идемте наверх, — без всякого выражения произнес Бейли.

На втором ярусе он сел и уставился прямо перед собой, злой на самого себя, да к тому же чувствующий неловкость от присутствия сидящего рядом робота. Он уже дважды сел в лужу, сначала не распознал в Р. Дэниеле робота, потом не сообра-

зил, что Р. Дэниелу для выполнения его задания обязаны были дать класс *С-5*.

Дело в том, что Бейли вовсе не походил на образ легендарного сыщика из популярных книгофильмов. Он не был идеалом хладнокровия и сообразительности, его способность примеряться к любым обстоятельствам была не безгранична, а о холодной невозмутимости и непроницаемом спокойствии оставалось только мечтать. Бейли никогда и не думал, что должен обладать всеми этими качествами и никогда не жалел об их отсутствии. Не жалел, пока не встретился с Р. Дэниелом Оливо, потому что тот, по всей видимости, как раз и был воплощением всего этого. А как же иначе? Ведь он — робот.

Бейли начал искать себе оправдание. Он привык к таким роботам, как Р. Сэмми из их отдела. И ожидал встретить существо с кожей из твердого блестящего пластика какого-то мертвенно-бледного цвета. Он ожидал увидеть в его глазах застывшее выражение нереального бессмысленного счастья. Думал, что движения его будут отрывистыми и слегка неуверенными.

Ничего подобного в Р.Дэниеле не было.

Бейли отважился искоса взглянуть на робота. В тот же миг Р. Дэниел повернул голову, встретил

его взгляд и серьезно кивнул. Когда он говорил, его губы двигались естественно, а не оставались все время полуоткрытыми, как у земных роботов. Время от времени можно было даже увидеть, как шевелился кончик языка.

«Как он может оставаться таким спокойным? — подумал Бейли. — Ведь для него все должно быть совершенно непривычным. Шум, огни, толпы людей!»

Бейли поднялся, проскользнул мимо Р. Дэниела и на ходу бросил:

— Идите за мной!

Они сошли с экспресс-линии и двинулись по замедляющимся полосам.

«Боже праведный, что же я все-таки скажу Джесси?» — подумал Бейли. При встрече с роботом эта мысль вылетела у него из головы, но теперь, когда местная линия несла их прямо в Нижний Бронкс, она возвращалась с вызывающей слабость настойчивостью.

— Все это — одно здание, Дэниел: все, что вы видите, целый Город — это одно здание. В нем живут двадцать миллионов человек. Экспресс-линии движутся непрерывно, день и ночь, со скоростью шестьдесят миль в час. Их общая протяженность составляет двести пятьдесят миль, это не считая

местных линий.

«Теперь, — подумал Бейли, — я начну подсчитывать, сколько тонн дрожжевых продуктов Нью-Йорк поглощает в день, и сколько кубических футов воды мы выпиваем, и сколько мегаватт в час вырабатывают наши атомные реакторы».

— Во время инструктажа меня информировали об этом, а также о других фактах подобного рода, — сообщил Р. Дэниел.

«Ну что ж, будем надеяться, что эти факты освещают ситуацию с продовольствием, водой и энергией. Да и к чему стараться удивить робота?» — подумал Бейли.

Они добрались до сто восемьдесят второй Восточной улицы, и до лифта, развозившего жителей этого сектора по домам из стали и бетона, среди которых было и жилище Бейли, оставалось не более двухсот ярдов.

Бейли уже собирался сказать «сюда», когда путь ему преградило скопление людей, собравшихся у ярко освещенной силовой двери одного из многочисленных магазинов, которые полностью занимали нижние этажи этого сектора.

По привычке властным тоном Бейли спросил ближайшего к нему человека:

— Что здесь происходит?

Вытягиваясь на цыпочках, тот бросил:

— Черт меня побери, если я знаю, Я только что подошел.

Кто-то возбужденно пояснил:

— У них там эти вшивые Р'ы. Может, их выбросят сюда. Уж я бы их разобрал по винтикам!

Бейли обеспокоенно взглянул на Р. Дэниела, но, если до его помощника и дошли слова прохожего, внешне он ничем этого не выдал.

Бейли нырнул в толпу:

— Дайте пройти. Дорогу! Полиция!

Люди расступились. За спиной Бейли слышалось:

— ...Разобрать их... винтик за винтиком... потихоньку расколоть по швам...

Кто-то засмеялся.

Бейли стало не по себе. Город был верхом совершенства с точки зрения эффективности и целесообразности, но это накладывало определенные обязательства на его обитателей, Они должны были жить в строгом соответствии с заведенным порядком и могли распоряжаться своими жизнями лишь под жестким научным контролем. Временами стройная система строгих запретов рушилась и страсти вырывались

наружу.

Бейли вспомнил Барьерные бунты.

Причины для недовольства роботами, безусловно, существовали. Люди, полжизни проработавшие не покладая рук и в результате деклассификации столкнувшиеся с перспективой прожить остаток жизни на полуголодном пайке, не могли хладнокровно рассуждать о том, что в этом не было вины конкретных роботов. Конкретного робота, по крайней мере, можно было ударить.

Ведь нельзя же было пнуть то, что называлось «правительственной политикой», или ударить какой-нибудь лозунг типа «Повысим производительность за счет труда роботов!»

Правительство определяло сложившуюся ситуацию как усиливающиеся муки нарождения нового. Оно печально качало своей коллективной головой и уверяло население, что после неизбежного переходного периода для всех наступит новая, лучшая жизнь.

Но движение медиевистов расширялось вместе с нарастанием процесса деклассификации. Люди доходили до отчаяния, и тогда чувство горькой безысходности с легкостью превращалось в жажду разрушения.

Вот и сейчас лишь минуты могли разделять сдерживаемую враждебность толпы от внезапной вспышки кровавой оргии уничтожения.

Бейли отчаянно пробивался к силовой двери.

Глава третья
Происшествие в обувном магазине

Внутри магазина народу было меньше, чем снаружи. Директор заведения с похвальной предусмотрительностью включил силовую дверь, как только почувствовал неладное, тем самым преградив путь потенциальным нарушителям спокойствия. Правда, зачинщики скандала, оставшиеся внутри магазина, тоже не могли пройти через нее, но это было меньшим злом.

Бейли прошел сквозь силовую дверь, открыв ее с помощью офицерского нейтрализатора, и тут неожиданно обнаружил, что Р. Дэниел все еще следует за ним по пятам. Робот держал в руках свой собственный нейтрализатор, меньше и аккуратнее стандартной полицейской модели. Директор магазина тут же подскочил к ним и громким голосом начал объяснять:

— Господа полицейские, мои продавцы были направлены ко мне городской администрацией. Я действую сугубо в рамках своих законных прав.

В глубине магазина стояли, как истуканы, три робота. Возле силовой двери собралось несколько

взволнованных женщин.

— Хорошо, — решительно сказал Бейли, — так что же все-таки здесь происходит? О чем весь этот сыр-бор?

Одна из женщин пронзительно заверещала:

— Я зашла купить туфли. Разве я недостойна, чтобы меня обслуживал приличный продавец? У меня что, нереспектабельный вид?

Ее одежда, особенно шляпка, были настолько экстравагантны, что последний вопрос звучал более чем риторически. Сердитый румянец, заливший ее щеки, проступал сквозь наложенный толстым слоем макияж.

— Если нужно, я сам обслужу ее, — начал директор, — но я не в состоянии обслуживать всех. Мои люди в полном порядке. Это подготовленные специалисты. У меня есть их техпаспорта и гарантийные талоны…

— Талоны! — вскричала женщина и, повернувшись к остальным, резко засмеялась. — Вы только послушайте его! Он называет их людьми! С тобой-то все в порядке? Они не люди. Они ро-боты! — проговорила она, растягивая слоги. — И я скажу тебе, что они делают — вдруг ты не знаешь. Они отнимают у людей работу. Они вкалывают бесплатно. Потому-то правительство и защищает

их всегда. А из-за этого семьям приходится жить в бараках и есть бурду из сырых дрожжей. Приличным трудолюбивым семьям. Если бы я была боссом, мы бы живо покончили со всеми этими ро-бо-та-ми. Можете не сомневаться!

Остальные женщины заговорили одновременно, перебивая друг друга, а за силовой дверью нарастал шум не думающей расходиться толпы.

Всем своим существом Бейли ощущал, не мог не ощущать, присутствие стоявшего рядом Р. Дэниела Оливо. Он посмотрел на продавцов. Это были изготовленные на Земле и даже по земным меркам недорогие модели. Просто роботы, владевшие несколькими несложными операциями. Они знали номера всех моделей обуви, их цены и имеющиеся в наличии размеры. Они могли следить за колебаниями ассортимента, возможно, лучше, чем любой человек, поскольку у них не было никаких других забот. Могли рассчитать, какие заказы нужно сделать на следующую неделю, могли снять мерку с ноги клиента.

Сами по себе они были безобидны; В массе — Невероятно опасны.

Еще вчера Бейли не поверил бы, что сможет так глубоко сочувствовать этой женщине. Да что там вчера, два часа назад. Он ощущал близость Р.

Дэниела, и ему не давал покоя вопрос; «Сможет ли этот робот заменить Рядового сыщика класса *С-5*?» При мысли об этом он представил себе бараки, ощутил вкус дрожжевой похлебки, вспомнил своего отца.

Его отец был физиком-ядерщиком и по своему классу принадлежал к высшему обществу Города. Как-то на силовой станции произошла авария, и ответственность за нее легла на отца. Его декласифицировали. Бейли не знал подробностей: это случилось, когда ему шел второй год.

Но он помнил бараки своего детства; то гнетущее коммунальное существование у самой черты бедности. Он совершенно не помнил своей матери: после случившегося она прожила недолго. А вот отца он помнил хорошо — отупевшего от пьянства, надломленного замкнутого человека, иногда говорившего о прошлом охрипшим прерывающимся голосом. Он умер, так и не восстановленный в своих правах, когда Лайджу было восемь. Маленький Лайдж и две его старшие сестры переехали в детдом одного из секторов. Детский этаж, как его называли. Брат его матери, дядя Борис, сам был слишком беден, чтобы воспрепятствовать этому.

Так что жизнь легче не стала. Непросто было

и в школе — без унаследованных от отца привилегий.

И вот теперь он оказался в центре скандала, грозившего перерасти в крупные беспорядки, и вынужден был усмирять простых людей, которые в конечном счете всего лишь боялись деклассификации — своей и своих родных, а этого боялся и он сам.

— Давайте успокоимся, мадам. Продавцы ведь не сделали вам ничего плохого, — сказал он ровным голосом умолкнувшей женщине.

— Конечно, не сделали. И не сделают, — раздалось сопрано женщины. — Думаете, я позволю, чтобы они прикасались ко мне своими холодными сальными пальцами? Я думала, что здесь со мной будут обращаться как с человеком. Я живой человек и имею право, чтобы меня обслуживали люди. И вообще, у меня дома двое ребятишек. Ждут меня, чтобы идти на ужин. Не могут же они пойти в столовую одни, будто сироты! Мне нужно выйти отсюда.

— Хватит! — Бейли почувствовал, что начинает терять самообладание. — Если бы вы позволили обслужить себя, то уже давно бы ушли отсюда. Вы просто попусту поднимаете шум. Ладно, пусть они вас обслужат, и дело с концом.

— Вот те раз! — На лице женщины отразилось крайнее изумление. — Может, вы думаете, со мной можно обращаться по-свински? Пора бы правительству, наконец, понять, что на Земле живут не одни только роботы. Я работаю с утра до вечера, и у меня тоже есть права…

Она трещала без умолку.

Бейли почувствовал себя в ловушке. Ситуация выходила из-под контроля. Если даже покупательница и согласится, чтобы ее обслужили, ждущая снаружи толпа была уже настолько возбуждена, что могла решиться на все, что угодно. С того времени, как сыщики вошли в магазин, толпа удвоилась, и теперь у витрины собралось человек сто.

— Какова обычная процедура в таких случаях? — неожиданно спросил Р. Дэниел Оливо.

Бейли едва не подпрыгнул:

— Прежде всего, это не обычный случай.

— Что говорит закон?

— Роботы были назначены сюда в соответствии с установленным порядком. Это подготовленные специалисты. Все сделано в рамках закона.

Они переговаривались шепотом. Бейли старался напустить на себя властный и грозный вид. Лицо Р. Оливо, как всегда, оставалось бес-

страстным.

— В таком случае, — сказал он, — распорядитесь, чтобы эта женщина позволила себя обслужить или покинула помещение.

Уголки рта Бейли скривились в ухмылке:

— Проблема в толпе, а не в женщине. Ничего не поделаешь, придется вызывать отряд по борьбе с беспорядками.

— Для поддерживания порядка гражданам должно быть достаточно одного представителя закона, — проговорил Р. Дэниел, затем повернул свое широкоскулое лицо к директору магазина: — Откройте силовую дверь, сэр.

Рука Бейли метнулась вперед, чтобы схватить Р. Дэниела за плечо и развернуть его, но в последнюю секунду передумал. Если в такой момент представители закона начнут открыто ссориться между собой, всякая надежда на мирное разрешение конфликта будет потеряна.

Директор начал было протестовать, ища поддержку у Бейли, но тот отвел взгляд в сторону.

Не обращая внимания на протесты, Р. Дэниел повторил:

— Я приказываю вам именем закона.

— Ответственность за ущерб, причиненный товарам и предметам обстановки, будет нести

Город, — проскулил директор тоненьким голоском. — Заявляю официально, что, делая это, я подчиняюсь приказу.

Барьер опустился; с радостным ревом собравшиеся у магазина хлынули внутрь. Они предвкушали победу.

Бейли слышал о подобных беспорядках. Он даже как-то стал свидетелем одного из них. На его глазах десятки рук подхватывали роботов и, передавая их тяжелые несопротивляющиеся тела над головами, отправляли их в гущу толпы. Люди набрасывались на свои металлические подобия. В ход шли молотки, силовые ножи, иглопистолеты. В конце концов от несчастных роботов оставались лишь искромсанные куски металла и проволоки. Дорогие позитронные мозги — наисложнейшее создание человеческого разума — кидали из рук в руки, как футбольные мячи, и в мгновение ока превращали в ненужный хлам. Затем дух уничтожения, с такой легкостью и весельем выпущенный на волю, направлял толпу на все, что только можно было разбить.

Роботы-продавцы, конечно, не могли знать всего этого, но как только толпа хлынула в магазин, они издали визгливый резкий звук и вскинули руки к лицам, как будто повинуясь примитив-

ному инстинкту самосохранения. Женщина, испуганная тем, во что вылилась поднятая ею суматоха, запричитала, с трудом глотая воздух:

— Ой, что теперь будет! Что будет!

Шляпа сдвинулась ей на лицо, и ее слова слились в протяжный бессмысленный визг.

— Господин полицейский, остановите их! Остановите их! — завопил директор.

И тут заговорил Р. Дэниел. Без всякого видимого я со стороны робота его голос неожиданно оказался на несколько децибелов выше человеческого. «Еще бы, — уже в который раз подумал Бейли, — он же не...»

— Всякий, кто сделает еще хоть один шаг, будет убит.

Кто-то из задних рядов закричал:

— Хватай его!

Но на мгновение все замерли.

Р. Дэниел ловко вскочил на стул, а с него перебрался на транстексовый демонстрационный стенд. Цветное свечение, проникая сквозь щели молекулярно поляризованной пленки, придавало его бесстрастному, холодному лицу какой-то неземной вид.

«Неземной, еще бы...» — подумал Бейли.

Р. Дэниел, страшный в своем спокойствии,

выдержал паузу, во время которой никто из участников этой немой сцены не сдвинулся с места, и твердо сказал:

— Вы думаете: «У него в руках нейронная плеть или электровибратор. Если мы все бросимся на него, в худшем случае пострадают один или двое, да и те скоро поправятся. Мы же тем временем сделаем все, что хотим, и пошлем закон и порядок ко всем космическим чертям». — Его голос не был ни резким, ни сердитым, но в нем чувствовалась сила и уверенность. Он говорил так, будто отдавал приказ и был уверен в его исполнении, — Вы ошибаетесь. У меня в руках бластер, штука очень серьезная. И я им воспользуюсь, причем целиться поверх голов не собираюсь. Прежде чем вы до меня Доберетесь, я многих успею отправить на тот свет. Может быть, большинство. Я не шучу. У меня ведь серьезный вид, не так ли?

В глубине толпы происходило какое-то движение, но она больше не разрасталась. Если прохожие и останавливались из любопытства, то, поняв, в чем дело, спешили убраться прочь. Передние стояли затаив дыхание и изо всех сил старались не податься вперед под натиском напиравших сзади.

Внезапно женщина в шляпе нарушила затя-

нувшееся молчание. Разразившись рыданиями, она завопила:

— Он укокошит нас всех! Я ничего не сделала. Выпустите меня отсюда!

Р. Дэниел спрыгнул с демонстрационного стенда и сказал:

— Сейчас я пойду к двери. Всякий, кто дотронется до меня, будет застрелен. Когда я достигну выхода, я буду стрелять в любого, кто еще не спешит по своим делам, будь то мужчина или женщина. Эта дама…

— Нет-нет! — закричала женщина в шляпе. — Говорю вам, я ничего не сделала. Мне не нужны никакие туфли! Я хочу только домой.

— Эта дама, — продолжал Р. Дэниел, — останется здесь, пока ее не обслужат.

Он шагнул вперед. Толпа молча стояла перед ним. Бейли закрыл глаза. «Я в этом не виноват, — в отчаянии думал он. — Сейчас прольется кровь, начнется ужаснейшая заваруха…» Но ведь они сами навязали ему в помощники робота, сами дали роботу равные с ним права.

Нет, это не оправдание. Бейли и сам себе не верил: Он мог остановить Р. Дэниела в самом начале. Позже он в любой момент мог вызвать дежурную машину. А вместо этого он позволил

роботу взять на себя ответственность и при этом почувствовал трусливое облегчение. Когда же он признался себе, что в этой ситуации личность Р. Дэниела одержала верх, он внезапно почувствовал к себе отвращение. Робот одержал верх…

Шум не нарастал, не слышно было выкриков и проклятий, не было ни стонов, ни воплей. Бейли открыл глаза.

Толпа расходилась.

Директор магазина постепенно приходил в себя. Он поправлял сбившийся пиджак, приглаживал волосы, бормотал гневные угрозы в адрес тающей толпы.

Прямо у входа послышался вой полицейской сирены. «Как всегда, к шапочному разбору…» — подумал Бейли.

Директор дернул его за рукав:

— Давайте обойдемся без дальнейших неприятностей, инспектор.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке, — пообещал Бейли.

Отделаться от полицейских с дежурной машины не представляло труда. Кто-то вызвал их, сообщив, что на улице собралась толпа. Они не знали никаких подробностей и сами могли убедиться, что улица чиста. Р. Дэниел отошел в

сторону, не проявляя никакого интереса к происходящему, в то время как Бейли давал объяснения людям с дежурной машины, преуменьшая серьезность происшествия и полностью умалчивая о роли, сыгранной в нем его напарником.

После он оттащил Р. Дэниела в сторону, к одной из сталебетонных колош: здания, и прошипел:

— Слушайте, я вовсе не хочу погреть в этом деле руки за счет вас.

— Погреть руки? Это одна из ваших земных идиом?

— Я не сообщил о вашем участии в этом происшествии.

— Я не знаю ваших обычаев. В нашем мире принято представлять полный отчет, но, возможно, у вас это не так. Во всяком случае, беспорядки предотвращены, а это самое главное, разве нет?

— А разве да? Теперь послушайте, что я вам скажу, — Вынужденный говорить шепотом, Бейли, тем не менее, старался придать своим словам как можно больше убедительности. — Никогда больше этого не делайте.

— Никогда больше не настаивать на соблюдении закона? Если я не должен делать этого, то в чем же тогда моя задача?

— Никогда больше не угрожайте человеку

бластером.

— Элайдж, я бы не выстрелил ни при каких обстоятельствах, и вы это прекрасно знаете. Я не способен причинить вред человеческому существу. Однако, как видите, мне не пришлось стрелять. И я был уверен, что не придется.

— Вам просто здорово повезло, что не пришлось стрелять. Не испытывайте больше судьбу, Я бы тоже мог отколоть такой номер.

— Отколоть номер? Что это значит?

— Неважно. Главное, поймите суть того, что я вам говорю. Я и сам мог бы угрожать толпе бластером. Он у меня всегда под рукой. Но я не имею права играть в эти игры, так же как и вы. Безопаснее было бы вызвать на место происшествия дежурные полицейские машины, чем геройствовать в одиночку.

Р. Дэниел обдумал сказанное и покачал головой:

— Мне кажется, вы ошибаетесь, коллега Элайдж. Данная мне инструкция, касающаяся характеристики человеческих качеств землян, включает информацию о том, что, в отличие от людей Внешних Миров, землян с детства приучают подчиняться власти. Очевидно, это результат вашего образа жизни. Одного человека, твердо

представляющего власть, было совершенно достаточно, что я и доказал. А ваше требование вызвать полицейскую машину на самом деле было лишь выражением почти инстинктивного желания, чтобы власти более высокого уровня сняли ответственность с ваших плеч. Должен признаться, в нашем мире моему поступку не было бы оправдания.

Вытянутое лицо Бейли покраснело от гнева.

— Если бы они догадались, что вы — робот…

— Я был уверен, что не догадаются.

— Как бы там ни было, помните, что вы — робот. Не больше чем робот. Просто робот, подобный тем продавцам в обувном магазине.

— Но это ведь очевидно.

— И в вас нет ничего человеческого.

Бейли никак не мог справиться со своей злостью. Казалось, Р. Дэниел задумался над последними словами Бейли.

— Возможно, разделение на людей и роботов не столь существенно. Важнее, обладает объект разумом или нет.

Бейли взглянул на часы, с трудом различив циферблат. Он опаздывал уже на час с четвертью. При мысли о том, что Р. Дэниел выиграл первый раунд, в то время как сам он оказался беспомощ-

ным статистом, у него пересохло в горле.

Он подумал о Винсе Барретте, юноше, которого заменил Р. Сэмми. И о себе, Элайдже Бейли, которого мог заменить Р. Дэниел. Его отца, по крайней мере, вышвырнули с работы из-за аварии, причинившей большой ущерб, погубившей множество людей. Может быть, он действительно был виноват. Бейли не знал точно. Что если отца отстранили от занимаемой должности, чтобы освободить место для физика-робота? Лишь из-за этого, без всякой другой причины. И он ничего не мог поделать…

— Ладно, идемте, — резко сказал Бейли, — Я должен привести вас к себе.

— Понимаете, нельзя проводить какие бы то ни было различия, основываясь на менее весомых критериях, чем факт обладания разу…

— Все. Хватит об этом. Нас ждет Джесси, — повысил голос Бейли. Он направлялся к ближайшей внутри-секторной переговорной трубке. — Мне лучше позвонить ей, предупредить, что мы поднимаемся.

— Джесси?

— Да, моей жене.

«О Боже, в хорошем же настроении я собираюсь предстать перед Джесси», — подумал Бейли.

Глава четвертая
Знакомство с семьей сыщика

С начала Лайдж Бейли обратил внимание на Джесси только из-за ее имени. Он познакомился с ней на рождественском вечере, устроенном их сектором, возле чаши с пуншем. Он только что закончил учебу, только что получил назначение на работу в городскую администрацию, только что переехал в этот сектор. Жил он в одном из холостяцких отсеков общей комнаты *122-А*. Довольно неплохом для холостяка. Она разливала пунш.

— Я Джесси. Джесси Наводны. Я вас раньше не встречала.

— Бейли, — отозвался он. — Элайдж Бейли. Можно просто Лайдж. Я недавно приехал в этот сектор.

Он взял свой бокал пунша и невольно улыбнулся. Ее жизнерадостность и приветливость пришлись ему по душе, и он остался с ней рядом. Бейли был новичком, а новички на таких вечерах всегда чувствуют себя одиноко среди незнакомых людей, стоящих вокруг обособленными группками. Он надеялся, что сумеет преодолеть

свою скованность позже, когда чаша с пуншем опустеет. А пока он задумчиво потягивал свой пунш и наблюдал, как народ веселился.

— Я помогала готовить пунш, — прервал его мысли голос девушки. — Могу гарантировать его качество. Хотите еще?

Бейли увидел, что его маленький бокал пуст. Он улыбнулся и сказал:

— Да.

Овальное лицо девушки можно было бы назвать красивым, если б не крупноватый нос. Светло-каштановые волосы множеством колечек спадали ей на лоб. На ней было скромное платьице. И выглядела она довольно-таки мило…

Следующую порцию пунша они уже пили вместе, и ему стало лучше.

— Джесси… — произнес Бейли, смакуя каждый звук ее имени. Красиво звучит. — Вы не против, если я буду вас так называть?

— Конечно, нет. Если хотите. А вы знаете, от какого имени оно образуется?

— Джессика?

— Ни за что не догадаетесь.

— Больше ничего не приходит на ум.

Она засмеялась и игриво сказала:

— Мое полное имя — Джезебел.

Вот тогда-то в нем и вспыхнул интерес к ней. Он опустил свой бокал и недоверчиво воскликнул:

— Не может быть!

— Честное слово. Я не шучу. Это мое настоящее имя. Джезебел. Оно стоит во всех моих документах. Моим родителям нравилось, как оно звучит.

Она прямо-таки гордилась своим именем, хотя во всем мире трудно было найти менее подходящую Джезебел.

— Я уже сказал, что мое полное имя Элайдж, — многозначительно произнес Бейли. — Наверняка вам известна одна библейская история.

Его слова не произвели на нее никакого впечатления.

— Элайдж был злейшим врагом Джезебел, — пояснил он.

— Серьезно?

— Ну конечно же. Только в Библии Элайдж — это Илия, а Джезебел — Иезавель.

— Да? А я не знала. Слушайте, как это забавно! Надеюсь, это не значит, что вы должны стать моим врагом в реальной жизни.

Об этом не могло быть и речи с самого начала. Сперва именно благодаря совпадению имен она стала для него больше чем просто приятной девушкой, разливающей пунш. А затем он об-

наружил, что она и веселая, и отзывчивая и, в конце концов, даже хорошенькая. Особенно ему нравился ее оптимизм. Его скептический взгляд на жизнь нуждался в противоядии.

А Джесси, по-видимому, вовсе не смущало мрачное выражение его вытянутого лица.

— О Господи, — говорила она, — ну и что с того, если у тебя действительно вечно кислая физиономия? Я знаю, что ты в душе совсем другой, и вообще мне кажется, что, если бы у тебя всегда рот был до ушей, как у меня, мы просто лопнули бы, сойдясь вместе. Оставайся таким, какой ты есть, и не давай мне витать в облаках.

А она, в свою очередь, помогала Лайджу Бейли держаться на плаву. Он подал заявление на небольшую квартиру для новобрачных и получил ордер, вступавший в силу с момента регистрации брака. Он показал его своей возлюбленной со словами:

— Джесси, сделай, пожалуйста, так, чтобы я мог выехать из общежития, Мне там не нравится.

Возможно, это было не самое романтичное предложение в мире, но Джесси оно понравилось.

Бейли помнил лишь один случай, когда привычная веселость Джесси изменила ей, и это

опять же было связано с ее именем. Произошло это на первом году их совместной жизни, когда у них еще не было ребенка. Точнее, как раз в тот месяц, когда Джесси забеременела. (Их коэффициент умственного развития, статус генетической ценности и занимаемая Бейли должность давали им право на двух детей, причем первый мог появиться на свет на первом году супружества.)

«Может быть, — думал Бейли, мысленно возвращаясь к событиям тех дней, — ее необычная раздражительность и объяснялась тем, что она ждала Бентли».

У нее портилось настроение из-за того, что он часто задерживался на работе. Как-то она пожаловалась:

— Мне уже неудобно каждый вечер появляться в столовой одной.

Бейли устал и был не в духе.

— А что здесь неудобного? Ты можешь познакомиться там с каким-нибудь привлекательным одиноким мужчиной.

Естественно, она тут же вспыхнула как спичка:

— Думаете, *я* ни на кого не смогу произвести впечатление, Лайдж Бейли?

Может быть, это произошло просто оттого, что

он устал; может быть, потому, что Джулиус Эндерби, его однокашник, обошел его еще на одну ступеньку по служебной лестнице. А может, это случилось просто из-за того, что ему надоело ее вечное стремление соответствовать своему имени, хотя никакого сходства с библейской тезкой у нее не было, да и не могло быть.

Так или иначе, он ответил колкостью:

— Полагаю, сможешь, только не думаю, что ты станешь это делать. Жаль, что ты не в силах забыть свое имя и быть самой собой.

— Какой захочу, такой и буду.

— Старания быть Джезебел ни к чему хорошему тебя не приведут. Если хочешь знать правду, это имя значит совсем не то, что ты думаешь. Библейская Джезебел, по свидетельствам о ее жизни, была верной и заботливой женой. Насколько известно, у нее не было любовников; она никогда не устраивала шумных оргий и строго блюла свою мораль.

Джесси сердито посмотрела на него.

— Неправда. О ней говорят «нарумяненная Иезавель». Я знаю, что это значит.

— Может быть, ты и думаешь, что знаешь, но вот послушай. После того, как муж Иезавели, царь Ахав, умер, на престол взошел ее сын Ио-

рам. Один из военачальников его армии, Ииуй, восстал против него и убил его. Затем отправился в Изрель, где жила старая царица-мать Иезавель, Она узнала о его приближении и поняла, что у него могла быть только одна цель — убить ее. Гордая и мужественная, она нарумянила свое лицо и оделась в свои лучшие одежды, чтобы встретить сына, как подобает величественной и непреклонной Царице. Он приказал выбросить ее из окна дворца и растоптать. По моим понятиям, она достойно встретила свою смерть. Вот что подразумевают люди, когда говорят о «нарумяненной Джезебел», знают они эту историю или нет.

На следующий вечер Джесси негромко сказала:

— Я читала Библию, Лайдж.

— Что? — В первый момент Бейли никак не мог сообразить, о чем идет речь.

— Те места, где говорится о Джезебел.

— А! Джесси, прости, если я тебя обидел, Я вел себя как мальчишка.

— Нет, нет, — она холодно сбросила его руку со своей талии и опустилась на краешек дивана подальше от него. — Всегда хорошо знать правду. Не хочется попадать в дурацкое положение из-за того, что чего-то не знаешь. Вот я и прочла о ней.

Все-таки она была порочной женщиной, Лайдж.

— Ну, то писали ее недруги. Ее мнения о себе мы не знаем.

— Она убивала всех пророков Господа, которые только попадали в ее руки.

— Опять же это говорят ее враги. — Бейли порылся в кармане в поисках жевательной резинки. (Позже он бросил привычку жевать, потому что Джесси сказала, что с его длинным лицом и печальными карими глазами это делает его похожим на старую корову, у которой застрял в горле пучок травы, и она не может проглотить его, но и не хочет выплюнуть.) — А если ты хочешь разобраться в ее поступках, я мог бы привести кое-какие доводы и в ее пользу. Она ценила религию своих предков, живших на той земле задолго до прихода иудеев. У иудеев же был свой бог, и, больше того, они считали, что, кроме него, других богов нет. Они не довольствовались тем, что сами ему поклонялись. Они хотели, чтобы все вокруг поклонялись только ему.

Джезебел была консервативной по натуре. Она оставалась верна старой вере и не желала принимать новую. В конце концов, если в новой вере было больше нравственного содержания, то старая доставляла больше эмоционального

удовлетворения. Тот факт, что она убивала священников, просто характеризует ее как дитя своего времени. В те дни это был обычный метод обращения в свою веру. Если ты читала «Третью книгу царств», то должна помнить, что Илия (на сей раз мой тезка) устроил соревнование с восьмьюстами пятьюдесятью пророками Ваала, чтобы определить, чьи молитвы будут услышаны и чей бог ниспошлет огонь с небес. Илия одержал победу и тут же приказал толпе убить восемьсот пятьдесят ваалитов. И народ ему повиновался.

Джесси закусила губу.

— А как насчет виноградника Навуфея, Лайдж? Жил себе этот Навуфей, никого не трогал. Единственная его вина была в том, что он отказался продать царю свой виноградник. Тогда Джезебел устроила так, чтобы люди лжесвидетельствовали против него. Они показали, что Навуфей богохульствовал или что-то в этом роде.

— Его обвинили в том, что он «хулил бога и царя», — подсказал Бейли.

— Да. И его казнили, а после конфисковали его имущество.

— Они поступили несправедливо. Конечно, в наше время, да даже и в среднюю эпоху с Навуфеем обошлись бы не так сурово. Если бы его

собственность понадобилась городу, решением суда ему приказали бы убраться, а в случае необходимости выдворили бы насильно, заплатив при этом справедливую, с их точки зрения, сумму в качестве возмещения убытков. У царя Ахава не было такого выхода, И все же решение Джезебел было несправедливым. Единственным оправданием ей может служить то, что Ахав так горевал из-за виноградника, что даже заболел, а она считала, что ее любовь к мужу важнее благосостояния Навуфея, Я еще раз говорю тебе, она была воплощением верной же…

Джесси отпрянула в сторону. Лицо ее пылало от гнева.

— Ты низкий, злой человек!

Он посмотрел на нее в полном недоумении:

— Что я такого сделал? Что с тобой?

Она выскочила из квартиры, не удостоив его ответом, и провела весь вечер и полночи на этажах субэфирного видео, где нетерпеливо переходила с сеанса сеанс, израсходовав свою двухмесячную квоту, а заодно и квоту мужа.

Когда она вернулась домой, Бейли все еще не спал, но ей уже нечего было сказать ему.

Позже, гораздо позже Бейли пришла мысль, что он вдребезги разбил очень важную часть

жизни Джесси. Ее имя значило для нее что-то интригующе порочное. Оно было восхитительным противовесом для ее чопорного, слишком уж приличного прошлого. Оно вносило в ее пресную правильную жизнь привкус безнравственности. И Джесси это обожала.

Но все это рухнуло. Она никогда больше не упоминала своего полного имени ни при Лайдже, ни при своих друзьях, и, как казалось Бейли, она избегала его даже в собственных мыслях. Она стала просто Джесси и начала подписываться этим именем.

Прошло несколько дней, и она снова начала разговаривать с мужем, а примерно через неделю их прежние отношения полностью восстановились. С тех пор они ссорились еще не раз, но так серьезно — никогда.

Лишь однажды их разговор коснулся ее имени, да и то косвенно. Джесси была на восьмом месяце. Она ушла из столовой *А-23*, где работала помощником диетолога. У нее появилось непривычно много свободного времени, которое она проводила в размышлениях и приготовлениях к рождению ребенка.

Однажды вечером она спросила:

— Что ты думаешь насчет Бентли?

— Извини, дорогая, о чем ты?

Бейли оторвался от стопки бумаг, которую притащил с работы. (Хочешь не хочешь, приходилось брать сверхурочную работу, поскольку вскоре должен был появиться на свет лишний рот, Джесси не работала, а его собственные шансы на продвижение по службе были, как и прежде, не очень-то велики.)

— Я говорю, если родится мальчик. Как ты насчет того, чтобы назвать его Бентли?

Бейли скептически скривил губы.

— Бентли Бейли? Тебе не кажется, что имя и фамилия слишком похожи?

— Не знаю. Мне кажется, в них есть какая-то ритмичность. К тому же, когда малыш вырастет, он всегда сможет выбрать себе второе имя по своему вкусу.

— Ну что ж, Я не против.

— Ты уверен? То есть… Может, ты хотел назвать его Элайджем?

— И прибавлять «младший»? По-моему, это не очень удачная мысль. Он сможет назвать Элайджем своего сына, если захочет.

— Я бы только хотела уточнить… — начала Джесси и замялась.

Помедлив, он поднял голову:

— Что уточнить?

Джесси старательно избегала его взгляда, но голос ее прозвучал довольно уверенно:

— Бентли ведь не библейское имя, верно?

— Нет, — ответил Бейли. — В этом я совершенно уверен.

— Ну вот и хорошо. Хватит с меня библейских имен.

И это было единственным напоминанием об их размолвке вплоть до того самого дня, когда Элайдж Бейли вместе с роботом Дэниелем Оливо возвращался домой, где его ждала жена, с которой он прожил больше восемнадцати лет, и сын Бентли (второе имя все еще не выбрали), которому шел семнадцатый год.

Бейли остановился перед большой двойной дверью, на которой светилась крупная надпись: «Туалетный блок — мужчины». Ниже буквами поменьше было написано: «Подсекторы *1A — 1E*». Еще ниже, прямо над замочной скважиной находилось объявление, выполненное еще более мелким шрифтом: «В случае утери ключа немедленно звонить *27-101-51*».

Какой-то мужчина обогнал их, вставил алюминиевый штырь в замочную скважину и скрылся за дверью, даже не подумав придержать ее для

Бейли. Поступи он иначе, Бейли воспринял бы это как серьезное оскорбление. Так уж повелось, что мужчины игнорировали присутствие друг друга как внутри туалетного блока, так и в непосредственной близости от него.

Бейли вспомнил один из наиболее интересных секретов, которыми поделилась с ним Джесси. Оказывается, в женских туалетных блоках дело обстояло совсем по-другому.

Нередко от нее можно было услышать: «Встретились в туалетной с Джозефиной Грили. Она сказала...»

Когда Бейли получили разрешение на подключение небольшой умывальной раковины в своей спальне, общественная жизнь Джесси сильно пострадала. В этом состояла оборотная сторона тех благ, которыми они пользовались, продвинувшись по социальной лестнице.

Борясь со своим смущением, Бейли сказал:

— Дэниел, подождите меня здесь, пожалуйста.

— Вы собираетесь мыться? — поинтересовался робот.

Поежившись, Бейли подумал: «Чертов робот! Уж если они напичкали его сведениями о нашей стальной норе, могли бы научить его и манерам. Если он ляпнет подобное кому-нибудь еще, отве-

чать придется мне».

— Я приму душ. По вечерам здесь бывает много народу. Теряешь много времени. А если я сделаю это сейчас, в нашем распоряжении будет целый вечер.

Лицо Р. Дэниела по-прежнему оставалось невозмутимым.

— Ждать за дверью — это один из ваших обычаев?

Бейли смутился еще больше.

— Зачем вам туда заходить без… без всякой надобности?

— О, я вас понял. Да, конечно… И тем не менее, Элайдж, руки у меня тоже пачкаются, я бы хотел помыть их.

Он протянул руки и показал Бейли свои ладони. Они были розовыми, пухлыми, со всеми надлежащими линиями. Они несли на себе отпечаток тончайшей, тщательно выполненной работы и по человеческим меркам были совершенно чистыми.

— Знаете, у нас в квартире есть раковина, — сообщил Бейли как бы между прочим. Снобизм все равно не дойдет до робота.

— Спасибо за любезность. Однако я думаю, будет лучше, если я помою руки здесь. Раз уж мне

предстоит жить с вами, землянами, я должен усвоить как можно больше ваших обычаев.

— Ну, тогда входите.

Яркий, веселый интерьер туалетного блока резко отличался от делового утилитаризма большей части Города, но в этот раз Бейли было не до интерьеров.

— Это займет около получаса. Подождите меня, — шепотом сказал Бейли и ушел. Затем вернулся и посоветовал: — Знаете что, ни с кем не говорите и никого не разглядывайте. Ни слова, ни взгляда. Здесь так принято.

Он поспешно оглянулся по сторонам, чтобы удостовериться, что его собственные коротенькие наставления никем не были услышаны и что никто не провожает их изумленным взглядом. К счастью, вестибюль был пуст, да и, в конце концов, это был всего лишь вестибюль.

Сразу почувствовав себя неуютно, Бейли засеменил вперед, мимо общих душевых к личным кабинкам. Уже пять лет прошло с тех пор, как он получил право пользоваться этой роскошью — личной кабинкой, достаточно большой, чтобы вместить душ, небольшой стиральный агрегат и другие необходимые вещи. В ней был даже проектор, который можно было настроить на

новые фильмы.

— Дом вне дома, — шутил он, когда только получил ее.

Но теперь Бейли почему-то все чаще спрашивал себя, как бы он перенес возвращение к спартанским условиям общих душевых, если бы у него вдруг отняли привилегию пользоваться отдельной кабинкой.

Нажатием кнопки он включил стиральный агрегат, и гладкое окошечко счетчика загорелось.

Тщательно вымытый, одетый в чистое белье и свежую рубашку и вообще чувствуя себя намного увереннее, Бейли вернулся к терпеливо ожидавшему его Р. Дэниелу. Когда они отошли на приличное расстояние от входа в туалетный блок и могли спокойно говорить, Бейли спросил:

— Все в порядке?

— Абсолютно, Элайдж.

…Джесси встретила их в дверях, робко улыбаясь. Бейли чмокнул ее в щеку и пробормотал:

— Джесси, это мой новый напарник, Дэниел Оливо.

Джесси протянула руку, Р. Дэниел подержал ее в своей и отпустил.

Она повернулась к мужу, затем, несмело взглянув на Дэниела, сказала:

— Садитесь, пожалуйста, мистер Оливо. Мне нужно обсудить с мужем кое-какие семейные дела. Это займет не больше минуты. Надеюсь, вы не возражаете?

Она потянула Бейли за рукав, и они перешли в другую комнату. Там она быстро зашептала:

— С тобой все в порядке? Ты не ранен, нет? Я так разволновалась, когда услышала сообщение по радио.

— Какое сообщение?

— Около часа назад. Передавали о беспорядках в обувном магазине. Сказали, что их предотвратили двое сыщиков. Я знала, что ты идешь домой вместе со своим напарником, а это произошло как раз в нашем подсекторе и как раз в то время, когда ты шел домой, и я подумала, что, может быть, с толпой было не так легко справиться, как передавали, и тебя…

— Джесси, прошу тебя, перестань. Ты же видишь, я цел и невредим.

Джесси с трудом взяла себя в руки, и неуверенно спросила:

— Твой напарник не из твоего отделения, да?

— Нет, — голос Бейли дрогнул. — Он… совершенно из другого ведомства.

— Как мне с ним себя вести?

— Как с любым другим. Он мой напарник, вот и все.

Он произнес это так неубедительно, что Джесси сразу почувствовала неладное.

— Здесь что-то не так?

— Нет, все в порядке. Ладно, надо идти в гостиную, а то неудобно.

Неожиданно Лайдж Бейли почувствовал, что его квартира не так уж комфортабельна. С ним это было впервые. Вообще-то он всегда ею гордился. Она состояла из трех комнат, довольно просторных — гостиная, например, была размером пятнадцать на восемнадцать. В каждой из комнат был встроенный шкаф. Рядом с квартирой проходил вентиляционный канал. Иногда от него исходило негромкое урчание, зато он гарантировал первоклассное регулирование температуры и поступление хорошо кондиционированного воздуха. К тому же располагалась квартира не слишком далеко от обоих туалетных блоков, это было очень удобно.

Но существо из другого мира, сидевшее сейчас у гостиной, неожиданно заставило его испытать чувство неуверенности: квартира стала казаться тесной и неуютной.

— Лайдж, вы с мистером Оливо ужинали? —

спросила Джесси нарочито бодрым голосом.

— Забыл тебя предупредить, Дэниел не будет с нами питаться. А я бы чего-нибудь поел, — быстро откликнулся Бейли.

Слова мужа нисколько не удивили Джесси. При нынешнем жестком контроле за распределением продуктов и небывалом снижении норм их выдачи отказываться от угощения хозяев стало хорошим тоном.

— Надеюсь, мистер Оливо, вы не возражаете, если мы поужинаем. Обычно мы с Лайджем и Бентли ходим в общественную столовую. Это гораздо удобнее, и, знаете, там больший выбор блюд, да и порции больше, честно говоря. Кроме того, у нас с Лайджем есть разрешение трижды в неделю питаться дома (Лайдж на хорошем счету в своем департаменте, поэтому у нас очень неплохой статус), и я подумала, что ради такого случая, если бы вы захотели присоединиться к нам, мы могли бы устроить небольшой праздник, хотя, знаете ли, я лично считаю, что люди, злоупотребляющие своими личными привилегиями, в каком-то смысле антиобщественны.

Р. Дэниел слушал очень терпеливо и внимательно. Незаметно от него Бейли дал Джесси знак замолчать и вслух напомнил:

— Я голоден, дорогая.

— Я не нарушу ваших традиций, миссис Бейли, если буду обращаться к вам по имени?

— Нет, конечно же, нет. — Джесси откинула встроенный в стену стол и подключила разогреватель блюд к розетке, располагающейся в центре крышки стола. — Отбросьте всякие формальности и называйте меня просто Джесси, э-э, Дэниел.

Она кокетливо хихикнула.

Бейли пришел в ярость. Ситуация становилась все более неловкой. Джесси явно принимала Р. Дэниела за человека. Будет чем похвастаться, о чем поболтать в туалетном блоке. Надо признать, черты его застывшего лица были по-своему привлекательны, и Джесси льстило его внимание. Это и дурак мог заметить.

«Интересно, — подумал Бейли, — какое впечатление производит Джесси на Р. Дэниела?» За восемнадцать лет она мало изменилась, по крайней мере, так казалось Лайджу Бейли. Конечно, она пополнела, и ее фигура утратила былую гибкость. Возле уголков рта появились складки, а щеки слегка отяжелели, Прическа стала более строгой, и волосы блестели уже не так, как: прежде.

«Впрочем, — хмуро думал Бейли, — все это

ерунда». На Внешних Мирах женщины были так же подтянуты и величественны, как и мужчины. По крайней мере, такими их показывали в книгофильмах. Должно быть, именно к такому типу женщин привык Р. Дэниел.

Но робота, казалось, нисколько не смущали ни слова Джесси, ни ее внешность, ни то, что она стала называть его по имени. Он спросил:

— Вы уверены, что мне можно вас так называть? Джесси — это уменьшительное имя. Вероятно, так вас зовут только близкие и друзья, а мне следовало бы называть вас полным именем.

Джесси, которая в этот момент разрывала упаковку вечернего пайка, опустила голову и еще усерднее занялась своей работой.

— Зовите меня просто Джесси, — сухо ответила она. — Меня все так зовут. Другого имени у меня нет.

— Очень хорошо, Джесси.

Открылась дверь, и в комнату осторожно вошел подросток. Его глаза сразу же остановились на Р. Дэниеле.

— Пап? — неуверенно произнес мальчик.

— Это мой сын Бентли, — негромко представил его Бейли. — А это мистер Оливо, Бен.

— Твой коллега, да, пап? Здравствуйте, мистер

Оливо. — Глаза Бена широко раскрылись и заблестели. — Скажи папа, что там произошло в обувном магазине? В новостях сообщили…

— Сейчас никаких вопросов, Бен, — резко перебил его Бейли.

У Бентли вытянулось лицо от огорчения, он посмотрел в сторону матери, которая указала ему на стул.

— Ты сделал то, что я тебе велела, Бентли? — спросила Джесси, когда он сел.

Ее руки ласково пробежали по волосам сына. Он был таким же черноволосым, как Бейли, и ростом, видимо, тоже пошел в отца. Но во всем остальном он походил на мать. У Бентли было овальное лицо Джесси, ее светло-карие глаза, ее беззаботный взгляд на жизнь.

— Конечно, мама, — ответил Бентли и подался немного вперед, чтобы заглянуть в двойное блюдо, из которого уже поднимался пряный пар. — Что у нас на ужин? Неужели опять зимотелятина? А, мам?

— Чем тебе не нравится зимотелятина? — Джесси поджала губы. — Будь добр есть то, что тебе дают, и без комментариев.

Было ясно, что на ужин у них действительно зимотелятина.

Бейли занял свое место за столом, Он и сам бы предпочел что-нибудь вместо зимотелятины с ее острым запахом и характерным привкусом, надолго сохраняющимся после нее во рту. Но однажды у них с Джесси уже был разговор на эту тему.

— Ну, я просто не могу, Лайдж, — сказала она как-то. — Я провожу здесь, на этих этажах, целый день и не хочу наживать себе врагов. Здесь прекрасно знают, что я работала помощником диетолога, и, если буду каждую неделю проходить с куском мяса иди с цыпленком по этажу, где почти ни у кого нет права питаться дома даже по воскресеньям, подумают, что я злоупотребляю своими знакомствами на кухне. Пойдут разговоры, догадки, сплетни, так что я не смогу и носа высунуть из квартиры, не то что спокойно пройти в туалетный блок. И потом, зимотелятина и протоовощи действительно очень полезны. Это хорошо сбалансированная, экологически чистая пища, и, между прочим, в них полно витаминов, минеральных солей и вообще всего, что нужно человеку. А цыплят мы сколько угодно можем есть в столовой по вторникам.

Бейли легко уступил. Джесси была права: когда живешь среди людей, самое главное — свести до

минимума трения с ними. Убедить Бентли было труднее. На сей раз он воскликнул:

— Мама, а почему бы мне не воспользоваться талоном папы и не поесть в столовой одному? Это займет столько же времени.

Джесси раздраженно покачала головой:

— Ты меня удивляешь, Бентли. Что скажут люди, если увидят тебя в столовой одного? Как будто тебе плохо дома!

— Это никого не касается.

— Не перечь матери, Бентли, — с трудом сдерживаясь, прервал его Бейли.

Бентли уныло пожал плечами.

Неожиданно с другого конца комнаты раздался голос Р. Дэниела:

— Можно мне просмотреть эти книгофильмы, пока вы ужинаете?

— Да, конечно, — сказал Бентли, выскользнув из-за стола. Лицо его мгновенно озарилось интересом. — Это мои книгофильмы. Я взял их и библиотеке по специальному разрешению школы, Я принесу вам мой проектор. Он очень хороший, папа подарил мне его в прошлом году на день рождения. — Он принес Р.Дэниелу аппарат и спросил: — Вы интересуетесь роботами, мистер Оливо?

У Бейли из рук выпала ложка, и он нагнулся за ней.

— Да, Бентли, — ответил Р. Дэниел, — очень.

— Тогда вам понравятся вот эти книгофильмы. Они все о роботах. В школе мне дали задание написать о них сочинение, вот я и пытаюсь во всем разобраться. Тема довольно сложная, — добавил он важно, — Лично я против роботов.

— Бентли, сядь на место, — не выдержал Бейли, — и не надоедай мистеру Оливо.

— Он не мешает мне, Элайдж. Я с удовольствием обсудил бы с тобой эту проблему, Бентли, как-нибудь и другой раз. Сегодня мы с твоим отцом будем очень заняты.

— Спасибо, мистер Оливо.

Бентли сел за стол и, с неприязнью посмотрев в сторону матери, отломил вилкой кусочек рыхлой розовой зимотелятины. Бейли подумал: «Сегодня будем очень заняты…»

И тут с ослепляющей ясностью он вспомнил о своем задании. Он представил лежащего в Космотауне мертвого космонита и осознал, что в течение нескольких часов был настолько поглощен своими собственными проблемами, что совершенно забыл о беспощадной реальности убийства.

Глава пятая
Анализ убийства

Джесси подошла попрощаться с ними. На ней была вечерняя шляпка и жакет из кератоткани.

— Надеюсь, вы меня извините, мистер Оливо. Я знаю, что вам с Лайджем нужно многое обсудить.

Она открыла дверь и подтолкнула сына вперед.

— Когда ты вернешься, Джесси? — спросил Бейли.

Джесси помедлила:

— А когда мне лучше прийти?

— Ну, совсем не обязательно уходить на всю ночь. Может, вернешься в свое обычное время? Где-то около двенадцати?

Он вопросительно посмотрел на Р. Дэниела.

Тот кивнул:

— Сожалею, что приходится выгонять вас из собственного дома.

— Не беспокойтесь об этом, мистер Оливо. Я всегда провожу этот вечер с подругами. Пошли, Бен.

Сладить с подростком было непросто.

— А мне-то зачем уходить? Я не собираюсь им мешать. В самом деле!

— Делай, что тебе говорят.

— Ну, тогда почему мне нельзя пойти с тобой в субэфирник?

— Потому что я иду с подругами, а у тебя есть другие…

Дверь за ними захлопнулась.

И вот настал тот момент, который Бейли все время старался оттянуть. Сначала он говорил себе: «Перво-наперво встретим робота и посмотрим, что он собой представляет». Потом думал: «Надо привести его домой» А затем: «Сначала поедим».

Но теперь все уловки были позади. Дальше откладывать было некуда. Он наконец вплотную приблизился к вопросу об убийстве, о межзвездных отношениях, о возможном повышении в звании, о возможном провале. Но даже начать разговор он не мог иначе как обратившись за помощью к роботу. Пальцы его бесцельно барабанили по столу, который еще не убрали обратно в нишу.

— Мы можем быть уверены, что нас здесь не подслушивают? — спросил Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на него с удивлением:

— Никто не станет слушать разговоры в чужой квартире.

— У вас не принято подслушивать?

— Это никому и в голову не придет, Дэниел, С тем же успехом вы могли бы предположить, что кто-нибудь… не знаю… что кто-нибудь станет заглядывать в вашу тарелку, когда вы едите.

— Или что кто-нибудь совершит убийство?

— Что?

— Убивать ведь тоже не в ваших обычаях, не так ли, Элайдж?

Бейли почувствовал, что начинает злиться:

— Послушайте, если вы хотите со мной сотрудничать, перестаньте подражать космонитам с их высокомерием. Вам это не идет, Р. Дэниел.

Он не устоял против желания подчеркнуть «Р».

— Извините, если я вас обидел, Элайдж. Я лишь хотел показать, что если человеческие существа способны, явно пренебрегая обычаем, совершить убийство, они могут нарушить обычай и для меньшего зла, такого, как подслушивание.

— Квартира достаточно хорошо изолирована, — сказал Бейли, все еще хмурясь. — Вы ведь не слышали никаких звуков из соседних квартир? Ну и соседи нас не услышат. И потом, откуда кому знать, что мы собираемся здесь обсуждать?

— Давайте не будем недооценивать противника.

— Давайте лучше перейдем к делу, — пожал плечами Бейли. — У меня информации мало, так что я без труда могу выложить все свои карты. Мне известно, что некто, по имени Родж Наменну Сартон, гражданин планеты Аврора, проживавший в Космотауне, бил убит неизвестным или неизвестными. Насколько я понимаю, у космонитов сложилось мнение, что это событие не случайно. Я прав?

— Вы абсолютно правы, Элайдж.

— Они связывают его с недавними попытками саботировать проект создания на Земле единого робото-человеческого общества по модели Внешних Миров, спонсором которого являются космониты, и предполагают, что убийство было подготовлено хорошо организованной террористической группой.

— Да.

— Хорошо. Тогда начнем с того, является ли это предположение космонитов действительно верным? Почему убийство не могло быть делом рук какого-нибудь фанатика-одиночки? На Земле многие недовольны роботами, но нет ни одной партии, пропагандирующей такого рода

насилие.

— В открытую, возможно, нет.

— Даже у тайной организации, поставившей себе целью разрушение роботов и производящих их фабрик, хватило бы здравого смысла, чтобы понять: самое худшее, что они могут сделать, — это убить космонита. Гораздо логичнее предположить, что здесь действовал человек с расстроенной психикой.

— Думаю, что факты свидетельствуют против версии о фанатике, — сказал Р. Дэниел, внимательно выслушав Бейли. — Уж очень тщательно была выбрана жертва и время убийства. Такое под силу лишь хорошо организованной группе, способной разработать детальный план операции.

— В таком случае, вам известно гораздо больше, чем мне. Выкладывайте!

— Я не знаю этого выражения, но, кажется, понимаю, что вы хотели сказать. Думаю, мне придется разъяснить вам подоплеку происшедшего. В Космотауне считают, что у нас с Землей сложились неудовлетворительные отношения.

— Это еще мягко сказано… — пробормотал Бейли.

— Мне говорили, что, когда основали Космота-

ун, почти никто из наших людей не сомневался, что Земля захочет принять и построить единое общество, которое так хорошо себя зарекомендовало на Внешних Мирах. Даже после первых бунтов мы думали, что все дело лишь в том, что ваши люди еще не оправились от первого шока, вызванного новизной происходящего. Однако оказалось, что дело не в том. Несмотря на сотрудничество со Всепланетным правительством и администрациями большинства Городов, сопротивление землян не ослабевало, и мы смогли добиться немногого, Естественно, для нашего народа это было делом большой важности.

— Вами, я полагаю, двигал чистый альтруизм.

— Не совсем, — возразил Р. Дэниел. — Хотя с вашей стороны очень любезно приписывать нам благородные побуждения. У нас широко распространено мнение, что здоровая, модернизированная Земля принесет пользу всей Галактике. По крайней мере, это мнение господствует у нас в Космотауне. Должен признать, на Внешних Мирах существуют мощные силы, противостоящие нам.

— Что? Разногласия среди космонитов?

— Конечно, Некоторые думают, что модернизированная Земля будет опасна, что у нее снова

появятся империалистические замашки. Эта точка зрения особенно характерна для населения более старых миров, которые находятся ближе к Земле и имеют больше оснований помнить первые века межзвездных путешествий, когда Земля полностью контролировала их как политически, так и экономически.

— Старая песня, — вздохнул Бейли. — Они что, действительно этим обеспокоены? Неужели они все еще бросают в нас камни за то, что произошло тысячу лет назад?

— У людей свой особый, причудливый склад ума. Во многих отношениях их мышление не так логично, как наше, мышление роботов. Ведь их цепи не так хорошо спланированы. Правда, мне говорили, что в этом есть и свои преимущества.

— Вероятно, есть, — сухо заметил Бейли.

— Вам лучше знать. Во всяком случае, постоянные неудачи на Земле способствовали усилению националистических партий на Внешних Мирах. Они считают, что земляне коренным образом отличаются от космонитов и поэтому не смогут усвоить их образ жизни. По их мнению, если мы силой навяжем роботов землянам, то тем самым выпустим в Галактику дух разрушения. Видите ли, одного они никак не могут забыть: население

Земли составляет восемь миллиардов человек, тогда как общая численность населения Внешних Миров не достигает и шести миллиардов. Наши люди в Космотауне, особенно доктор Сартон…

— Он был доктором?

— Доктором социологии. Он специализировался в роботехнике. Это был выдающийся ученый.

— Понятно. Продолжайте.

— Как я сказал, доктор Сартон и другие осознавали, что, если таким настроениям позволить распространяться на Внешних Мирах, подпитывая их нашими неудачами, Космотаун и все, что с ним связано, долго не просуществует. Доктор Сартон понял, что пришло время предпринять решительный шаг к пониманию психологии землян. Легко говорить, что люди Земли консервативны от природы, и повторять избитые фразы о «неизменяемости Земли» и «непостижимости земного склада ума», все это лишь уводит в сторону от решения проблемы.

Доктор Сартон повторял, что это говорит наше невежество и что мы не можем отмахнуться от землян какой-нибудь присказкой или банальностью. Он говорил, что, если космониты хотят переделать Землю, они должны преодолеть изолированность Космотауна и смешаться с

землянами, Что они должны жить как земляне, думать как они, быть как они.

— Космониты? Но это же невозможно! — воскликнул Бейли.

— Совершенно верно, — согласился Р. Дэниел. — Несмотря на свои взгляды, даже сам доктор Сартон не смог бы заставить себя войти в какой-нибудь Город, и он это знал. Он не вынес бы его гигантизма и вечных толп народа. Даже если бы его вынудили войти туда под дулом бластера, обстановка так угнетала бы его, что он не смог бы проникнуть в ваш сокровенный внутренний мир.

— А как насчет их прямо-таки животного страха перед болезнями? — прервал его Бейли, — Не забывайте об этом. Я думаю, из-за одного этого среди них не нашлось бы никого, кто рискнул бы войти в Город.

— И это тоже. Болезни, в земном смысле слова, не известны на Внешних Мирах, а перед неизвестным всегда испытываешь сильный страх. Доктор Сартон хорошо все это понимал и тем не менее настаивал на необходимости ближе узнать землянина и образ его жизни.

— Кажется, он сам себя загнал в тупик.

— Не совсем. Все эти препятствия непреодоли-

мы для космонитов-людей. Космониты-роботы — совсем другое дело.

«Черт, все время забываю, что он робот», — подумал Бейли. Вслух он воскликнул:

— В самом деле?

— Да. Это естественно: мы гибче. По крайней мере, в этом отношении. Нас можно сконструировать специально для адаптации к жизни землян. Если создать роботов, внешне ничем не отличающихся от жителей Земли, возможно, земляне их примут и позволят изучить свою жизнь изнутри.

— И вы…

Бейли вдруг осенило.

— Как раз такой робот, — подтвердил Р. Дэниел. — Доктор Сартон целый год работал над проектированием таких моделей. Я первый из его роботов и пока единственный. К несчастью, мое образование еще не закончено. В результате убийства меня решили использовать раньше намеченного срока.

— Значит, не все космониты-роботы такие, как вы? Другие модели больше похожи на роботов, чем на людей. Так?

— Ну конечно же, Внешний вид зависит от функции робота. Моя функция требует очень близкого сходства внешностью людей, поэтому у

меня такая наружность. Другие роботы отличаются от меня, хотя все они имеют человеческий облик. Они, конечно, больше похожи на людей, чем те угнетающе примитивные модели, которые я видел в обувном магазине. У вас все роботы такие?

— Более или менее, — ответил Бейли. — Вы считаете это неправильным?

— Разумеется. Людям трудно воспринимать грубую пародию на человека как равную себе по интеллекту. Неужели ваши фабрики не могут работать лучше?

— Могут, Дэниел, я в этом уверен. Все дело в том, что мы предпочитаем знать, когда имеем дело с роботом, а когда — с человеком.

Говоря это Бейли смотрел прямо в глаза роботу. Они были блестящими и влажными, как человеческие, но Бейли заметил, что их взгляд неподвижен.

— Надеюсь, что со временем я пойму эту точку зрения.

На мгновение Бейли показалось, что в реплике Р. Дэниела прозвучал сарказм, но он тут же отбросил эту мысль.

— Во всяком случае, — продолжал Р. Дэниел, — доктор Сартон хорошо понимал, что в этом одна

из трудностей перехода к *C*/*Fe*.

— Цэ фэ? Что это такое?

— Химические символы, обозначающие углерод и железо, Элайдж. Углерод — основа человеческой жизни, а железо — основа жизни роботов. Сочетание символов *C*/*Fe* удобно использовать для обозначения культуры, совмещающей лучшие черты обоих на равной, но параллельной основе.

— Цэ фэ. Вы пишете их через дефис или как?

— Нет, Элайдж, не через дефис. Принятая форма — диагональная линия между двумя этими знаками. Она символизирует слияние двух культур без превосходства одной над другой.

Бейли вдруг поймал себя на том, что слушает с большим интересом. Официальная программа образования на Земле по существу не включала в себя никаких сведений по истории и социологии Внешних Миров после Великого мятежа, в результате которого бывшие колонии Земли стали независимыми. Конечно, популярные романтические книгофильмы создавали свои стереотипы людей с Внешних Миров: заезжий магнат, желчный и эксцентричный; его прелестная наследница, неизменно околдовываемая чарами землянина и сменяющая презрение на

любовь; заносчивый и злобный соперник-космонит, вечно остающийся в дураках. Эти фильмы никуда не годились, поскольку противоречили даже самым общеизвестным фактам. Каждый знал, что космониты никогда не входили в Город, а женщины с Внешних Миров вообще не ступали на Землю.

Он не без усилия заставил себя вернуться к предмету разговора.

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните. Ваш доктор Сартон приступил к решению проблемы превращения Земли в общество типа *C*/*Fe* с другой, новой и многообещающей стороны. Наши консервативные круги, или медиевисты, как они себя называют, встревожились. Они испугались, что Сартон может добиться успеха, и убили его. Именно эта мотивировка предполагает организованный заговор, а не случайную ярость случайного человека, Верно?

— Да. Приблизительно так я бы это и сформулировал, Элайдж.

Бейли задумчиво присвистнул. Он чуть слышно побарабанил своими длинными пальцами и покачал головой.

— Что-то не клеится. Совершенно не клеится.

— Простите, я вас не понимаю.

— Я пытаюсь восстановить картину происшедшего. Землянин идет в Космотаун, подходит к доктору Сартону, убивает его своим бластером и уходит. Я совершенно не могу этого представить, Ведь вход в Космотаун охраняется.

Р. Дэниел кивнул:

— Думаю, можно с уверенностью сказать, что ни один землянин не смог бы пройти через вход незамеченным.

— И что в таком случае остается от вашей версии?

— От нее ничего бы не осталось, если бы вход был единственным путем проникновения из Нью-Йорка в Космотаун.

Бейли задумчиво смотрел на своего помощника:

— Я вас не понимаю. Это единственное место сообщения между ними.

— Прямого сообщения — да. — Р. Дэниел сделал паузу и сказал: — Я вижу, вам все еще не понятно Так?

— Именно так. Совершенно не понимаю, к чему вы клоните.

— Ну что ж, если вас это не обидит, я попытаюсь объяснить свою мысль. Можно попросить лист бумаги и ручку? Спасибо. Вот смотрите,

коллега Элайдж. Я рисую большую окружность и нишу на ней «Нью-Йорк». Теперь я нарисую маленькую соприкасающуюся с ней окружность. Это Космотаун. Стрелкой я указываю то место, где они касаются друг друга. Это — барьер. Ну что, разве вы до сих пор не видите других путей сообщения между городами?

— Конечно, нет. Других путей сообщения не существует.

— В некотором смысле, — сказал робот, — я рад услышать это от вас. Это соответствует тому, что мне говорили об образе мышления землян. Барьер — это единственная прямая связь. Но и Город, и Космотаун со всех сторон открыты незаселенным территориям. У землянина есть возможность покинуть Нью-Йорк через любой из многочисленных выходов и направиться через открытое пространство к Космотауну, где его не остановит ни один барьер.

Бейли не мгновение высунул кончик языка, не в силах справиться с крайним изумлением:

— Через открытое пространство? — наконец выдавил он.

— Да.

— Через открытое пространство! В одиночку?

— Почему бы и нет?

— Пешком?

— Несомненно. Обнаружить идущего пешком человека невозможно. Убийство произошло в самом начале рабочего дня, так что переход явно был совершен до рассвета.

— Невозможно! Ни один землянин на это не способен. Выйти из Города? В одиночку?

— Да. В обычной ситуации это было бы невероятно. И мы, космониты, знаем это. Вот почему мы и охраняем только вход. Даже во время Великого бунта атаковали только барьер. Ни один человек не покинул Город.

— Ну?

— Но сейчас мы столкнулись с необычной ситуацией. Это не слепое нападение толпы, идущей по пути наименьшего сопротивления, а организованный акт небольшой группы, задача которой заключалась в том, чтобы проникнуть в Космотаун в неохраняемом месте. Этим и объясняется, почему землянин смог войти в Космотаун, подкрасться к своей жертве, совершить убийство и спокойно скрыться. Убийца воспользовался нашей беспечностью.

— Это слишком невероятно, — покачал головой Бейли. — Ваши люди пытались как-то проверить эту версию?

— Да. Ваш комиссар полиции как раз находился в это время в Космотауне и едва не стал свидетелем убийства.

— Знаю. Он мне рассказал.

— Это, Элайдж, еще одно доказательство того, что время преступления было точно рассчитано. Ваш комиссар в прошлом сотрудничал с доктором Сартоном, и именно с ним доктор Сартон собирался обсудить первоочередные мероприятия, связанные с внедрением в ваш Город таких роботов, как я. На встрече в то утро должны были рассматриваться вопросы, касающиеся этого проекта. Естественно, убийство помешало осуществлению этих планов или, по крайней мере, отодвинуло его на какое-то время. И то, что это случилось, когда ваш собственный комиссар полиции находился фактически в пределах Космотауна, ставит землян в еще более неловкое положение, впрочем так же, как и нас. Но я хотел сказать о другом, — продолжал Р. Дэниел. — Ваш комиссар побывал на месте преступления, и мы поделились с ним своим предположением о том, что убийца, скорее всего, проник в наш город через открытое пространство. Подобно вам, он воскликнул что-то вроде «невозможно!» или «немыслимо!». Конечно, он был очень встрево-

жен, и, возможно, из-за этого ему трудно было уловить суть дела. Тем не менее мы настаивали на том, чтобы он незамедлительно начал проверку этой версии.

Бейли вспомнил о разбитых очках комиссара и, несмотря на мрачные мысли, улыбнулся краешком рта. Бедняга Джулиус! Еще бы ему не встревожиться! Не мог же Эндерби рассказать о своей беде высокомерным космонитам, для которых любой физический недостаток был отвратителен и являлся характерным признаком генетически не селекционированных землян. По крайней мере, он не мог этого сделать, не уронив достоинства, а комиссару полиции Джулиусу Эндерби престиж был очень дорог. Что ж, бывают случаи, когда землянам необходимо держаться вместе. От Бейли робот никогда не узнает о близорукости Эндерби.

— Один за другим были обследованы все выходы из Нью-Йорка, — продолжал тем временем Р. Дэниел. — Знаете, Элайдж, сколько их оказалось?

Бейли покачал головой, затем рискнул высказать догадку:

— Двадцать?

— Пятьсот два.

— Сколько?

— Сначала их было гораздо больше. Пятьсот два — это те, что еще функционируют. Ваш Город, Элайдж, — олицетворение медленного развития. Когда-то он стоял под открытым небом и люди свободно входили и выходили из него.

— Конечно. Я знаю это.

— Так вот, когда его только закрыли, в нем оставалось еще много выходов. Пятьсот два сохраняются до сих пор. Остальные перестроены или заделаны. Мы, конечно, не включаем в их число пункты доставки и отправки авиагрузов.

— Так что дало обследование выходов?

— Это оказалось безнадежным делом. Они не охраняются. Мы не смогли найти ни одного чиновника, который бы за них отвечал. Кажется, никто даже и не подозревал об их существовании. При желании каждый мог в любое время выйти через любой из них, когда ему вздумается. Его никто никогда бы и не заметил.

— Что-нибудь еще? Оружие, я полагаю, исчезло.

— Разумеется.

— Какие-нибудь улики?

— Ничего. Мы обшарили все вокруг Космотауна. Роботы с овощеводческих ферм оказались

совершенно никудышными свидетелями. Они мало чем отличаются от обычной автоматизированной техники. А людей там не было.

— Ясно, И что дальше?

— Коли расследование в Космотауне не дает пока никаких результатов, мы продолжим его в Нью-Йорке. Наша задача — выследить все возможные подрывные группы, выявить все организации инакомыслящих…

— Сколько времени вы намерены потратить на все это? — перебил Бейли.

— Как можно меньше и в то же время столько, сколько потребуется.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Бейли, — вам явно не повезло с напарником в расхлебывании всей этой каши.

— Я так не думаю, — возразил Р. Дэниел, — Комиссар очень высоко отзывался о вашей преданности делу и о ваших способностях.

— Очень мило с его стороны, — усмехнулся Бейли и подумал; «Бедняга Джулиус! Совесть его мучает, вот он и лезет из кожи вон».

— Мы не полагались лишь на его слова, — продолжал Р. Дэниел. — Мы сами навели о вас справки. Вы открыто выражали недовольство по поводу того, что в вашем департаменте начали

использовать роботов.

— Да. Вам это не нравится?

— Отнюдь. Ваши взгляды — это, конечно, ваше дело. Но мы были вынуждены очень внимательно изучить ваш психологический портрет. Оказалось, что, несмотря на свою сильную неприязнь к роботам, вы согласились бы сотрудничать с одним из них, если бы увидели в этом свой долг. У вас удивительно высокое чувство ответственности и уважения к законной власти. Это как раз то, что нам нужно. Комиссар Эндерби дал вам верную оценку.

— А лично вас не задевает мое негативное отношение к роботам?

— Если оно не мешает вам работать со мной и помогает мне в выполнении моего долга, какое это имеет значение? — спросил Р. Дэниел.

Бейли почувствовал раздражение.

— Ну что ж. Я испытание прошел, а как насчет вас? Что вас делает сыщиком? — вызывающе спросил он.

— Я не понимаю вас.

— Вы созданы как машина для собирания информации. Как копия человека, фиксирующая факты жизни землян, необходимые космонитам.

— Для начала сыщику было бы неплохо ею

быть — машиной для собирания информации, не так ли?

— Для начала — может быть. Но этого совершенно недостаточно.

— Конечно, мои цели были соответствующим образом скорректированы.

— Любопытно было бы узнать об этом поподробнее, Дэниел.

— Было найдено довольно простое решение. В мой банк побудительных мотивов вложили очень сильный импульс: стремление к справедливости.

— К справедливости! — воскликнул Бейли. Ирония постепенно исчезла с его лица и сменилась выражением искреннего недоверия.

Внезапно Р. Дэниел повернулся и уставился на дверь.

— За дверью кто-то стоит.

Он оказался прав. Дверь отворилась, и вошла Джесси, бледная, с плотно сжатыми губами.

— Джесси?! Что-нибудь случилось? — встревоженно воскликнул Бейли.

Она остановилась и отвела взгляд в сторону.

— Извини. Я должна была… — она замолчала.

— Где Бентли?

— Он переночует в молодежном общежитии.

— Почему? Я вовсе не просил тебя об этом.

— Ты сказал, что твой напарник останется у нас на ночь, и я подумала, что ему понадобится комната Бентли.

— В этом не было никакой необходимости, — вмешался Р. Дэниел.

Джесси подняла взгляд на Р. Дэниела и серьезно посмотрела на него.

Опустив голову, Бейли стал внимательно разглядывать кончики своих пальцев. При мысли о том, что сейчас могло произойти и чего он не мог предотвратить, он почувствовал внезапную слабость. Наступившая тишина зазвенела в ушах, а затем издалека, словно сквозь несколько слоев пластика, до него донеслись слова жены:

— Мне кажется, вы — робот, Дэниел.

И Р. Дэниел ответил спокойным, как всегда, голосом:

— Да, я — робот.

Глава шестая
Шепот в спальне

На самых верхних этажах наиболее престижных секторов Города находятся естественные солярии. Их кварцевые стены с раздвигающимися металлическими экранами пропускают солнечные лучи, одновременно преграждая доступ воздуху извне. Именно там загорают жены и дочери отцов Города. Именно там каждый вечер происходит чудо — спускается ночь.

В остальной же части Города (включая солярии, где миллионы простых смертных по строгому графику подставляют свои бока под искусственное излучение дуговых ламп) разделение суток на день и ночь — понятие довольно условное.

Трудовая жизнь Города вполне могла бы вестись непрерывно — и «днем», и «ночью», в три восьмичасовых или четыре шестичасовых смены. Ничего не стоило бы поддерживать постоянное дневное освещение, продолжая работу до бесконечности. Время от времени сторонники гражданских реформ выдвигали эту идею, приводя в качестве аргумента интересы развития

экономики.

Но не было случая, чтобы подобное предложение нашло поддержку.

И так во имя интересов этой экономики человечество пожертвовало всем прежним укладом жизни. Землянам пришлось потесниться, забыть об уединении и даже поступиться личной свободой. Правда, весь этот уклад возник вместе с цивилизацией и просуществовал не более десятка тысячелетий.

Совсем другое дело — привычка спать в ночное время суток. Ей столько же лет, сколько самому человеку — около миллиона. Отказаться от нее не так-то просто. Хотя землянам и не видно наступление вечера, но, как только на Город спускаются сумерки, свет в их квартирах начинает гаснуть и жизнь в Городе замирает. Пусть на крытых улицах Города невозможно отличить полдень от полночи, человечество руководствуется безмолвными указаниями часовой стрелки.

Пустеют экспресс-линии, затихает шум на улицах, тают толпы спешащих по гигантским переходам людей. Город Нью-Йорк покоится в невидимой тени Земли, и население его спит.

Элайджу Бейли не спалось. Он лежал в постели, в комнате было темно, но заснуть никак не

удавалось. Рядом, скрытая темнотой, лежала Джесси, ни единым движением не выдавая свое присутствие.

За стеной сидел? стоял? лежал? (хотелось бы Бейли знать!) Р. Дэниел Оливо.

— Джесси! — позвал Бейли шепотом. Затем еще раз: — Джесси!

— Ну что еще?

— Джесси, не заставляй меня переживать еще больше.

— Ты мог бы предупредить меня.

— Да не мог. Я собирался, но не знал как. Помилуй, Джесси…

— Тсс!

Бейли понизил голос до едва слышного шепота:

— Как ты догадалась? Скажи мне?

Джесси повернулась к нему. Сквозь темноту Бейли почувствовал на себе се взгляд.

— Лайдж, — ее голос был едва различим, — он может услышать нас? Этот механизм?

— Нет, если говорить шепотом.

— Откуда ты знаешь? Может быть, его уши улавливают самые тихие звуки. Роботы космонитов способны на все.

Бейли знал это. Сторонники внедрения робо-

техники без конца поспевали на разные лады чудесные свойства роботов, производимых космонитами: их прочность, способность ощутить то, что недоступно человеку, готовность взять на себя сотню новых функций, осчастливив таким образом человечество. Лично он считал, что подобная пропаганда давала обратный результат. За превосходство над собой земляне начинали ненавидеть роботов еще больше.

— Только не Р. Дэниел, — шепотом ответил он. — Его специально сконструировали по типу человека. Им нужно было, чтобы его принимали за человеческое существо, поэтому он наверняка обладает лишь теми чувствами, что и мы.

— Откуда ты знаешь?

— Если бы он обладал сверхчувствительностью, возникла бы слишком большая опасность, что он случайно выдаст себя, Он мог бы совершить нечто выходящее за рамки человеческих возможностей, узнать слишком много.

— Что ж, может быть.

Снова наступила тишина. Переждав минуту, Бейли сделал вторую попытку:

— Джесси, если ты позволишь оставить все как есть до тех пор, пока… пока… Послушай, дорогая, несправедливо так сердиться.

— Сердиться? Ну надо же быть таким глупым, Лайдж. Я вовсе не сержусь. Я боюсь. Боюсь до смерти.

Она всхлипнула и уткнулась в ворот его пижамы. Какое-то время они лежали, тесно прильнув друг к другу, и растущее было в Бейли чувство обиды исчезло без следа, уступив место неподдельной тревоге.

— Но почему, Джесси? Беспокоиться совершенно не о чем. Он не опасен. Клянусь тебе.

— Лайдж, а ты не можешь как-нибудь отделаться от него?

— Ты сама знаешь, что не могу. Это ведь задание департамента. Разве можно?

— Какое задание, Лайдж? Расскажи мне.

— Ну, Джесси, ты меня удивляешь.

В темноте он на ощупь отыскал ее щеку и погладил ее. Щека была мокрой. Рукавом пижамы он осторожно вытер ее слезы.

— Ну послушай, — сказал он ласково, — не будь ребенком.

— Попроси их, чтобы это задание, в чем бы оно ни заключалось, поручили кому-нибудь другому. Пожалуйста!

Голос Лайджа зазвучал жестче.

— Джесси, ты не первый год замужем за поли-

цейским, и пора бы тебе знать, что задание есть задание.

— Но почему выполнять его должен именно ты?

— Джулиус Эндерби…

Бейли почувствовал, как Джесси мгновенно напряглась.

— Я так и знала. Почему бы тебе не сказать этому самому Джулиусу Эндерби, что грязную работу хотя бы раз мог бы выполнить кто-то другой. Ты позволяешь взваливать на себя слишком много, Лайдж, и это просто…

— Ну, успокойся, успокойся, — утешал ее Бейли. Джесси умолкла, борясь с душившими ее слезами.

«Ей никогда не понять», — подумал он.

Джулиус Эндерби был причиной их постоянных споров еще со времен их помолвки. В Городском административном колледже Эндерби учился на два класса старше Бейли. Они дружили. Когда Бейли прошел серию профориентационных тестов и невроанализ, попав, в результате на службу в полицию, оказалось, что Эндерби и здесь опередил его: к тому времени его успели назначить в сыскной отдел.

Бейли все время шел по пути, уже пройден-

ному Эндерби, но с годами дистанция между ними увеличивалась. В принципе винить в этом было некого. Способностей и профессионализма Бейли было не занимать, но ему недоставало тех качеств, которыми Эндерби обладал сполна. Эндерби идеально подходил к роли чиновника. Он был прирожденным руководителем и чувствовал себя в бюрократическом аппарате как рыба в воде. Комиссар вовсе не отличался большим умом, и Бейли знал это. У него были свои причуды, взять хотя бы это показное увлечение медиевизмом. Но он со всеми поддерживал ровные отношения, не позволял себе наносить обиды окружающим; он принимал приказы с готовностью, а отдавал их, умело сочетая мягкость и требовательность. Он сумел наладить отношения даже с космонитами. Пожалуй, с ними он вел себя далее чересчур подобострастно (сам Бейли не выдержал бы и полдня в общении с ними, в этом он был уверен, хотя ему ни разу еще не доводилось лично сталкиваться с ними), но космониты ему доверяли, и это делало его чрезвычайно полезным для Города.

Вот так и получилось, что на административной службе, где умение ладить с людьми значило больше, чем профессионализм, Эндерби быстро продвинулся и занимал уже должность комисса-

ра, в то время как Бейли никак не мог выбраться из класса *С-5*. К такой расстановке сил Бейли относился спокойно, без обид, хотя, как всякого нормального человека, она его не очень-то радовала. В свою очередь, Эндерби не забывал об их юношеской дружбе и старался делать для Бейли все, что мог, как будто таким своеобразным способом хотел компенсировать свой собственный успех.

Взять хотя бы задание провести расследование вместе с Р. Дэниелом. Оно было сложным и неприятным, но, без сомнения, сулило значительное повышение. А ведь комиссар мог дать такой шанс и кому-нибудь другому. Его просьба об услуге во время их утреннего разговора весьма прозрачно намекала на это.

Джесси смотрела на их взаимоотношения иначе. В подобных случаях она говорила: «Это все твой дурацкий индекс лояльности. Мне уже надоело слушать, как все вокруг восхищаются твоим чувством долга. Ты хотя бы изредка думай о себе. Что-то незаметно, чтобы там, наверху, часто вспоминали о своей собственной лояльности».

Ожидая, пока Джесси успокоится, Бейли неподвижно лежал в постели, не помышляя о сне. Ему нужно было подумать. Нужно было проверить

свои подозрения. В его голове мелькали, преследуя друг друга, различные мелочи. Постепенно они складывались в некую общую картину.

Бейли почувствовал, как Джесси приподнялась.

— Лайдж! — Ее губы были у самого его уха.

— Что?

— А может, тебе уйти в отставку?

— Ты с ума сошла.

— Нет, в самом деле? — неожиданно в ее голосе появились умоляющие нотки. — Так ты сможешь отделаться от этого ужасного робота. Просто пойди и скажи Эндерби, что с тебя хватит.

— Я не могу уйти в отставку, бросив на полпути важное дело, — ответил Бейли холодно. — И вообще, я не могу всякий раз посылать все к чертям только потому, что мне этого хочется. Подобные выходки оканчиваются деклассификацией.

— Даже если так. Ты сможешь начать все сначала, у тебя получится, Лайдж. В полиции есть десятки должностей, на которые тебя возьмут с радостью.

— В департамент не принимают деклассифицированных. После деклассификации я смогу заниматься только физическим трудом, и ты, между прочим, тоже. Бентли лишится наслед-

ственных привилегий. Господи, Джесси, ты даже не представляешь, что это значит.

— Я читала об этом, Лайдж. Меня это не пугает, — пробормотала она.

— Ты с ума сошла! Ты просто сошла с ума! Бейли затрясло. В его памяти мелькнул знакомый образ отца, до самой смерти влачившего жалкое существование.

Джесси тяжело вздохнула.

Бейли без сожаления прогнал от себя мысли о жене. В отчаянии он вновь принялся восстанавливать картину убийства.

— Джесси, — сухо сказал он, — ты должна рассказать мне. Как ты узнала, что Дэниел — робот? Что натолкнуло тебя на эту мысль?

— Знаешь… — начала было Джесси, но замялась.

Уже в третий раз она пыталась все объяснить, и в третий раз что-то заставляло ее замолчать. Он сжал ее руку, побуждая ее продолжать.

— Прошу тебя, Джесси. Чего ты боишься?

— Лайдж, я просто догадалась, что он робот.

— Ты не могла догадаться, Джесси, в нем не было ничего такого, — возразил Бейли, — Ведь ты не думала, что он робот, когда уходила, скажи честно?

— Не-ет, но потом…

— Ну же, Джесси. Как ты узнала?

— Просто… Понимаешь, Лайдж, об этом говорили девчонки в туалетном блоке. Ты ведь знаешь их. Болтают обо всем на свете.

«Ох уж эти женщины!» — подумал Бейли.

— В общем, — продолжила Джесси, — молва уже, наверное, разнеслась по всему Городу.

— По всему Городу?

Бейли мгновенно охватило ликование. Вот и еще одна недостающая деталь!

— Во всяком случае, по их словам выходило так. Они рассказывали, что по Городу шатается робот космонитов. Будто бы он совсем не отличается от человека и будет работать в городской полиции. Они даже меня в шутку спрашивали, мол, не знает ли твой Лайдж что-нибудь о нем? Но я только рассмеялась и сказала им, чтоб не говорили чепухи.

Потом мы пошли в субэфирник, и я стала думать о твоем новом напарнике. Помнишь, ты приносил домой фотографии, которые сделал в Космотауне Джулиус Эндерби? Ты хотел показать мне, как выглядят космониты. Так вот, мне пришла в голову мысль, что твой напарник выглядит точно так же. Меня вдруг осенило, что

он очень похож на космонитов, и я сказала себе: «Боже мой, его, должно быть, узнали в обувном магазине, а он с Лайджем...» — тут я сослалась на головную боль и побежала домой...

— Постой, постой, Джесси. Успокойся. Чего ты боишься? Ведь сам Дэниел тебя не пугает. Ты нашла в себе силы встретиться с ним, когда вернулась домой. Ты прекрасно выдержала эту встречу. Поэтому...

Остановившись па полуслове, Бейли рывком сел на кровати. Его широко раскрытые глаза тщетно пытались разглядеть что-то в темноте. Джесси зашевелилась. Бейли протянул руку к ее лицу и зажал ей рот. Пытаясь освободиться, Джесси напряглась всем телом и ухватила его за запястье. Но он лишь еще сильнее прижал руку к ее лицу.

Через минуту, так же неожиданно он отпустил ее, Она всхлипнула.

— Прости, Джесси. Я прислушался, — хрипло проговорил Бейли, вылезая из-под одеяла, затем осторожно надел легкие шлепанцы из пластикового утеплителя.

— Куда ты, Лайдж? Не оставляй меня.

— Не волнуйся. Я только подойду к двери.

В темноте слышалось его едва различимое шар-

канье. Стараясь ступать как можно тише, Бейли обошел кровать, приоткрыл дверь в гостиную и застыл прислушиваясь. Было так тихо, что Бейли различал легкое дыхание Джесси, доносившееся с кровати. Он слышал, как глухо пульсировала кровь у него в ушах.

Рука Бейли тихонечко потянулась в приоткрытую дверь к тому месту на стене, которое он мог отыскать и с закрытыми глазами. Его пальцы нащупали выключатель верхнего света. Он слегка надавил на кнопку, и с потолка полился тусклый свет, настолько тусклый, что нижняя половина гостиной осталась в полумраке.

Однако и при таком освещении он разглядел все, что было нужно. Дверь в квартиру была заперта, и в гостиной было пусто.

Он отпустил кнопку выключателя и направился *к* кровати.

Бейли присел на краешек в задумчивости. Теперь все встало на свои места. Версия была выстроена.

— Ради бога, Лайдж, что случилось?

— Ничего. Вес в порядке. Его там нет.

— Кого нет, робота? Ты хочешь сказать, он ушел? Насовсем?

— Нет, нет. Он еще вернется… А пока его нет,

ответь на мой вопрос.

— Какой?

— Чего ты боишься?

Джесси молчала. Но Бейли не собирался отступать.

— Ты сказала, что боишься до смерти.

— Его.

— Нет, не его, мы это уже выяснили. С ним ты вела себя вполне естественно. И потом, ты прекрасно знаешь, что робот не может нанести вред человеку.

— Я думала, — заговорила Джесси медленно, — если узнают, что он робот, могут начаться беспорядки. Нас могут убить.

— Но за что нас убивать?

— Тебе же известно: когда толпа беснуется, все может произойти.

— Но ведь никто не знает, где находится робот, Разве не так?

— Это легко узнать.

— Значит, ты боишься именно этого — беспорядков?

— Понимаешь...

— Тсс! — Он прижал Джесси к подушке и придвинулся к самому ее уху. — Он вернулся. А теперь слушай и не говори ни слова. Все в по-

рядке. Утром он уйдет и больше уже не вернется. Ничего не будет, никаких беспорядков.

Говоря это, он ощутил огромное облегчение. Он почувствовал, что сможет наконец-то заснуть.

Мысленно он повторил еще раз: «Никаких беспорядков, ничего. И никакой деклассификации».

Уже погружаясь в сон, про себя подумал: «И даже никакого расследования. Ничего подобного. Разгадка найдена».

И он заснул.

Глава седьмая
Поездка в Космотаун

Комиссар полиции с необыкновенной тщательностью протер свои очки и водрузил их на переносицу.

«Неплохой финт, — заметил себе Бейли, — Дает время подумать и, в отличие от раскуривания трубки, ничего не стоит».

При мысли о табаке он невольно вытащил трубку и те скудные запасы низкосортного курева, которые у него еще оставались.

Табак был одним из тех немногих предметов роскоши, которые пока еще выращивали на Земле, но все шло к тому, что скоро и от него должны были остаться лишь одни воспоминания. За всю свою жизнь Бейли не помнил такого случая, чтобы цена на табак понизилась. Она всегда ползла вверх, а нормы его выдачи постоянно сокращались.

Поправив очки, Эндерби нащупал на конце своего стола переключатель, щелкнул им, и на мгновение дверь его кабинета стала прозрачной изнутри.

— Кстати, где он сейчас?

— Он попросил разрешения осмотреть департамент, и я позволил Джеку Тобину выступить в роли гида.

Бейли закурил трубку и потуже затянул ее дымопоглощатель. Как большинство некурящих, комиссар не выносил табачного дыма.

— Надеюсь, вы не сказали ему, что Дэниел — робот?

— Конечно, нет.

Что-то держало комиссара в полном напряжении. Его пальцы бесцельно теребили автоматический календарь, стоявший на столе.

— Как дела? — спросил он, не глядя на Бейли.

— Средней паршивости.

— Очень жаль.

— Вы могли бы предупредить меня, что он — точная копия человека, — с упреком сказал Бейли.

Комиссар, казалось, сильно удивился:

— Разве я не предупреждал? — Затем с внезапной вспышкой раздражительности воскликнул: — Могли бы и сами догадаться, черт возьми! Разве я просил бы вас поселить его у себя, если бы он выглядел, как Р. Сэмми?

— Все это так, комиссар, но в отличие от вас я

никогда раньше не видел таких роботов. Я даже не думал, что такое возможно. Просто жаль, что вы не сказали об этом, вот и все.

— Вы правы, Лайдж. Извините, Мне следовало предупредить вас. Просто эта работа, вообще все так действует мне на нервы, что я часто набрасываюсь на людей без всякой причины. Он — я имею в виду эту штуку, Дэниела, — робот нового типа. Он все еще находится в стадии эксперимента.

— Он так мне сам и объяснил.

— Да? Что ж, тогда и дело с концом.

Бейли внутренне напрягся. Дальше откладывать не было смысла. Он стиснул трубку зубами и сказал как бы между прочим:

— Р. Дэниел организовал для меня поездку в Космотаун.

— В Космотаун? — насторожился Эндерби.

— Да. Такой шаг подсказывает логика, комиссар. Я хотел бы осмотреть место преступления, задать кое-какие вопросы.

— Мне не нравится эта идея, Лайдж. — Комиссар решительно покачал головой. — Мы обыскали там все вокруг. Сомневаюсь, что вы узнаете что-нибудь новенькое. И потом… это вам не земляне. К ним нужен тонкий подход. А у вас в этом нет никакого опыта. — Он провел своей

пухлой рукой по лбу и добавил с неожиданной горячностью: — Ненавижу их.

— Черт возьми, комиссар, — в голосе Бейли послышались нотки враждебности, — робот был у нас, и я должен побывать у них. Достаточно неприятно делить с роботом переднее место, но оказаться на заднем у меня нет ни малейшего желания. Конечно, если вы считаете, что я не способен вести расследование…

— Дело не в том, Лайдж. Вы тут ни при чем, все дело в космонитах. Вы не знаете, какие они.

Бейли нахмурился еще больше.

— Ну что ж. Тогда, комиссар, может быть, вы поедете с нами?

Он машинально скрестил два пальца левой руки, лежавшей у него на колене.

Глаза комиссара широко раскрылись.

— Нет, Лайдж. Я не поеду туда. И не просите. — Бейли почувствовал, что он с радостью взял бы свои слова обратно, но было поздно. Взяв себя в руки, комиссар жалко улыбнулся: — Понимаете, много работы здесь. Накопилось за несколько дней.

Бейли задумчиво наблюдал за ним.

— Тогда вот что. Может, вам присоединиться к нам позже с помощью трехмерника? Совсем

ненадолго. Если мне вдруг понадобится помощь.

— Хорошо. Думаю, это я сделать смогу, — ответил комиссар нехотя.

— Вот и отлично. — Бейли взглянул на стенные часы, кивнул и поднялся. — Я буду поддерживать с вами связь.

Выходя из кабинета, Бейли на долю секунды задержался в дверях и оглянулся. Он заметил, как голова Комиссара начала клониться к рукам, лежавшим на столе. Сыщик мог бы поклясться, что услышал всхлипывание. «Боже мой, да он в полном смятении!» — подумал Лайдж.

В общей комнате Бейли остановился и присел на угол ближайшего стола, не обращая внимания на сидевшего за ним сотрудника. Тот поднял голову, пробормотал приветствие и вернулся к своей работе.

Бейли отстегнул от трубки дымоглушитель и продул го. Затем опрокинул саму трубку над встроенной в стол маленькой вакуумной пепельницей, и она поглотила пудрообразный белый пепел. Он с сожалением посмотрел на опустевшую трубку и, снова насадив на нее глушитель, убрал ее в карман. Еще одна трубка табак исчезла навсегда!

Он еще раз прокрутил в голове разговор с ко-

миссаром. С одной стороны, реакция Эндерби не удивила его. Он ожидал встретить сопротивление любой попытке войти в Космотаун, предпринятой с его стороны. Он достаточно часто слышал, как комиссар разглагольствовал о трудностях работы с космонитами, о том, как опасно позволять вести переговоры неопытным лицам, даже если предмет этих переговоров — сущий пустяк.

Однако Бейли не ожидал, что комиссар уступит так легко. Он предполагал, что Эндерби, по крайней мере, будет настаивать на совместной поездке. В сравнении с важностью этого расследования все другие дела просто теряли смысл.

А Бейли как раз и не хотел, чтобы Эндерби ехал вместе с ним. Ему нужно было именно то, чего он и добился. По его замыслу комиссар должен был присутствовать на переговорах в виде объемного образа — так, чтобы он наблюдал происходящее с безопасного расстояния.

Безопасность — вот что самое главное. Бейли нужен был свидетель, которого нельзя будет тут же устранить. В этом была хоть какая-то гарантия его личной безопасности.

И комиссар сразу же согласился на его предложение. Бейли вспомнил услышанное напоследок всхлипывание — или ему это только показалось?

«Господи, — подумал он, — старине явно не по силам такое дело».

Бейли вздрогнул от раздавшегося у самого его плеча бодрого гнусавого голоса.

— Какого дьявола тебе нужно? — раздраженно спросил он.

На лице Р. Сэмми застыла глупая улыбка.

— Джек велел передать, что Дэниел ждет вас, Лайдж.

— Хорошо. А теперь убирайся отсюда.

Он проводил уходящего робота хмурым взглядом. Ничто так не раздражало Бейли, как постоянное панибратство этой металлической штуковины. После своего первого разговора с Р. Сэмми он пожаловался комиссару, но тот лишь пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, Лайдж. Общественность Земли настаивает на том, чтобы роботы конструировались с усиленной дружеской цепью. Вот он и тянется к тебе. Называет тебя самым дружеским именем, какое только знает.

Дружеская цепь! Ни один из существующих роботов ни при каких обстоятельствах не мог повредить человеческому существу. В этом заключался Первый Закон Роботехники: «Роботу запрещается причинять вред человеческому

существу как действием, так и бездействием».

Не было ни одного случая, чтобы позитронный мозг построили без этого запрета, заложенного так глубоко в его базовые цепи, что ни одно мыслимое повреждение не могло разрушить его. Так что не было никакой необходимости в дополнительных дружеских цепях.

И все же комиссар был прав. В недоверчивости землян к роботам было что-то иррациональное, вот и приходилось снабжать тех особыми «цепями дружбы», а заодно делать им улыбающиеся лица. Так, по крайней мере, обстояло дело на Земле.

А вот Р. Дэниел никогда не улыбался.

Бейли вздохнул и встал. Следующая, а для него, может быть, и последняя, остановка — Космотаун.

Полицейские, а также некоторые высшие должностные лица все еще могли пользоваться индивидуальным транспортом в коридорах Города и в древних подземных туннелях мотошоссе, куда был закрыт доступ пешеходам. Со стороны членов либеральной партии вечно звучали требования превратить эти мотошоссе в детские площадки, построить на их месте новые торговые центры или расширить за счет них сеть

экспресс-линий и местных линий.

Однако соображения безопасности всегда брали верх. В экстремальных ситуациях, будь то сильный пожар, повреждение силовых линий или вентиляторов, или возникновение серьезных беспорядков, должно было существовать средство для быстрой мобилизации городских сил к месту происшествия. Вот тут-то ничто не могло заменить мотошоссе.

До этого Бейли уже приходилось несколько раз пользоваться этой дорогой, но жуткая пустота мотошоссе всегда угнетала его. Казалось, миллионы миль отделяют его от теплой пульсации жизни Города.

Бейли сидел за пультом управления машины, и перед его глазами, словно пустотелый слепой червь, разворачивался туннель мотошоссе. Время от времени туннель плавно изгибался, и взору Бейли открывались все новые и новые участки дороги. Позади него — он знал это не оборачиваясь — постепенно сокращался и исчезал другой такой же пустотелый и слепой червь. Мотошоссе было хорошо освещено, но в этой безмолвной пустоте освещение казалось бессмысленным.

Р. Дэниел сидел неподвижно, ничем не нарушая тишины. Пустынное мотошоссе производило

на него ничуть не большее впечатление, чем переполненная людьми экспресс-дорога.

Еще немного, и под дикий вой сирены они выскочили из туннеля и плавно завернули на узкую автомобильную дорогу городского коридора. В дань уважения к уходящей в прошлое части истории автомобильные дороги все еще добросовестно обозначались вдоль каждого крупного коридора. Кроме полицейских и пожарных машин, а также машин техобслуживания, автомобильного транспорта как такового больше не существовало, и пешеходы пользовались дорогами с безграничной самоуверенностью. В возмущении они поспешно рассыпались перед завывающей машиной Бейли.

Бейли вздохнул свободнее, когда его снова окутал знакомый шум Города, но это была лишь передышка.

Менее чем через двести ярдов они свернули в более тихие коридоры, ведущие к входу в Космотаун.

Их уже ждали. Часовые явно знали Р. Дэниела в лицо и, хотя сами были людьми, кивнули ему без малейшего смущения.

Один из них приблизился к Бейли и отдал ему честь с безупречной, если не сказать холодной,

вежливостью. Он был высоким и выглядел очень внушительно, хотя и не был совершенным образцом физического сложения, как Р. Дэниел.

— Будьте добры, сэр, ваше удостоверение личности, — обратился он к Бейли.

Удостоверение было проверено быстро, но тщательно. Бейли обратил внимание, что на руках у часового были перчатки телесного цвета, а в каждой ноздре — почти незаметные фильтры. Часовой вернул удостоверение и снова отсалютовал.

— Здесь у нас небольшой мужской туалетный блок. Если вы желаете принять душ, мы с удовольствием предоставим его в ваше распоряжение, — сказал часовой и занял свое прежнее место.

Бейли хотел было отказаться, но Р. Дэниел мягко тронул его за рукав:

— Прием душа перед входом в Космотаун — обычная для жителей Города процедура. Я говорю вам это, поскольку знаю, что вы не хотели бы по неведению поставить себя или нас обоих в неловкое положение, рекомендую вам также сделать все, что найдете нужным в плане гигиены. В Космотауне для этого не будет никаких условий.

— Никаких условий? — переспросил Бейли

напряженно. — Но это невозможно.

— Я, конечно, имею в виду, — проговорил Р. Дэниел, — для жителей Города, — На лице Бейли появилось выражение крайнего неодобрения. — Я сожалею об этом, но таков обычай, — добавил Р. Дэниел.

Не проронив ни слова, Бейли вошел в туалетный блок. Он скорее почувствовал, чем увидел, что Р. Дэниел идет за ним.

«Проверяет меня? Хочет удостовериться, что я смою с себя пыль Города?» — спрашивал Бейли себя. Полный негодования, он упивался мыслью о том, какой удар он готовит Космотауну. Ему вдруг показалось не таким уж и важным, что этим он, возможно, направит бластер в свою собственную грудь.

Туалетный блок был небольшим, но в нем имелось все необходимое, а чистота была просто безупречной. В воздухе чувствовался едва уловимый острый запах. На мгновение озадаченный, он стал принюхиваться. «Озон! Они установили здесь ультрафиолетовые излучатели», — догадался Бейли.

Небольшое табло моргнуло несколько раз и залилось ровным светом. Объявление гласило: «Посетитель, пожалуйста, снимите с себя всю

одежду, включая обувь, и поместите все в приемник, находящийся внизу».

Бейли не стал протестовать. Он снял пояс с бластером и снова застегнул его на обнаженной талии. Бластер показался тяжелым и неудобным.

Приемник закрылся, и одежда исчезла. Световое табло погасло, но впереди тут же вспыхнуло новое.

Бейли прочитал: «Посетитель, пожалуйста, отправьте естественные потребности и затем воспользуйтесь душем, указанным стрелкой».

Бейли чувствовал себя деталью на конвейере, которую обрабатывают с помощью дистанционно управляемых резцов.

Войдя в маленькую кабинку душа, он первым делом опустил на кобуру бластера влагонепроницаемый клапан и плотно закрепил его.

В кабинке не было ни ручки, ни крючка, на которые можно было бы повесить бластер. Не было видно даже распылителя воды. Пришлось положить оружие подальше от входа в кабинку прямо на пол.

Зажглось еще одно объявление: «Посетитель, пожалуйста, вытяните руки прямо перед собой и встаньте в центральный круг, поставив ноги в указанное положение».

Как только он поместил ноги в небольшие углубления, табло погасло и жалящие пенящиеся струйки воды ударили в него с потолка, пола и со всех четырех сторон. Он чувствовал, как вода бурлит даже под его ступнями. Это продолжалось целую минуту. От жары и давления воды его кожа стала краснеть. Теплая влажность воздуха затрудняла дыхание. В следующую минуту пошла прохладная вода, ее напор был уже не таким сильным. И наконец, теплый воздух высушил его и освежил.

Бейли подобрал с пола пояс с бластером, и оказалось, что он тоже был сухим и теплым. Он нацепил его, шагнул из кабинки и в тот же миг увидел, как из соседнего душа появился Р. Дэниел. Еще бы! Робот не был жителем Города, но ведь и на нем скопилась городская пыль.

Бейли машинально отвел глаза. Но рассудив, что в Космотауне совсем не обязательно соблюдать обычаи Города, он заставил себя еще раз посмотреть в сторону робота. Губы скривились в еле заметной усмешке. Сходство Р. Дэниела с людьми не ограничивалось только лицом и руками. С кропотливой точностью были скопированы все части тела.

Бейли двинулся дальше по коридору туалетно-

го блока и обнаружил свою одежду, аккуратно сложенную и источающую теплый свежий запах.

Еще одно табло гласило: «Посетитель, пожалуйста, оденьтесь и положите руку в указанное отверстие».

Бейли повиновался. Опустив руку на чистую молочно-белую поверхность, он ясно ощутил покалывание в подушечке среднего пальца. Бейли быстро отнял руку и увидел, как из пальца медленно вытекает капля крови. Пока он смотрел на палец, кровь остановилась. Он стряхнул каплю и надавил на палец, но крови больше не было.

Очевидно, они взяли его кровь на анализ. Бейли пронзила тревога. Он был уверен, что врачи департамента проводили ежегодный медосмотр не столь тщательно и, возможно, не на таком высоком уровне, как эти холодные роботопроизводители из открытого космоса. Он вовсе не хотел, чтобы состояние его здоровья подвергалось слишком детальному обследованию.

Бейли казалось, что его ожидание уже слишком затянулось, но наконец табло засветилось снова: «Посетитель, следуйте дальше». Бейли вздохнул с облегчением.

Он направился вперед и шагнул в арку. Прямо

перед ним возникли два металлических стержня, преграждая ему путь, и в воздухе высветилась фосфоресцирующая надпись: «Внимание! Посетителю запрещается двигаться дальше».

— Какого черта! — выкрикнул Бейли, забыв от гнева, что он все еще в туалетном блоке.

Рядом раздался голос Р. Дэниела:

— Я думаю, что детекторы обнаружили источник энергии. Бластер у вас с собой, Элайдж?

Бейли круто развернулся. Его лицо побагровело от злости. Только с третьего раза ему удалось прохрипеть:

— Полицейскому положено иметь бластер при себе в любое время суток как на службе, так и вне ее.

Он позволил себе заговорить в полный голос в туалетном блоке впервые с тех пор, как ему исполнилось десять лет. Тогда это произошло в присутствии дяди Бориса. Он ударился ногой и невольно вскрикнул. Придя домой, дядя Борис задал ему хорошей порки и прочитал ему целую лекцию о необходимости соблюдать правила приличия.

— Ни один посетитель не имеет права входить в Космотаун вооруженным. Это наш обычай, Элайдж. Даже ваш комиссар оставляет свой бла-

стер во время своих посещений.

В другое время Бейли просто повернулся бы и ушел прочь из Космотауна, прочь от этого робота. Сейчас же он был буквально одержим желанием во что бы то ни стало осуществить свой план и таким образом полностью расквитаться с ними.

«Вот тебе и неназойливый медосмотр, заменивший тот более детальный и оскорбительный, что был прежде», — подумалось ему. Теперь он вполне понимал, понимал до боли в сердце то негодование и гнев, что привели к Барьерным бунтам времен его юности.

Чувствуя поднявшуюся в груди ослепляющую злость, Бейли отстегнул пояс с бластером. Р. Дэниел взял его и положил в нишу в стене.

— Чтобы открыть нишу на обратном пути, вам нужно будет вложить большой палец в углубление. Только ваш большой палец сможет открыть ее, — сказал Р. Дэниел.

Бейли чувствовал себя обнаженным, даже более нагим, чем в душевой. Он прошел то место, где недавно путь ему преградили стержни, и наконец покинул туалетный блок.

Он снова оказался в коридоре, но что-то в нем показалось ему странным. Свет, льющийся сверху, был каким-то непривычным. Он ощутил на

лице еле уловимое движение воздуха, как будто мимо пролетела птица.

Должно быть, от Р. Дэниела не укрылось его замешательство.

— В сущности, вы сейчас находитесь на открытом воздухе, Элайдж. Он некондиционирован.

Бейли почувствовал легкую слабость. Как могли космониты предъявлять такие жесткие требования к чистоте посетителей из Города и при этом дышать грязным воздухом открытых полей? Он сжал ноздри, будто этим можно было очистить вдыхаемый воздух.

— Я думаю, вы скоро сами убедитесь, что открытый воздух не вреден для человеческого организма, — сказал Р. Дэниел.

Воздушные потоки раздражающе действовали на лицо Бейли. Они были довольно слабыми, но какими-то неустойчивыми, и это вызывало у него неприятное чувство.

Однако худшее было впереди. Коридор открылся в голубизну безграничного пространства, и они оказались в полосе яркого белого света. Бейли знал, что такое солнечный свет. Как-то по долгу службы он заходил в естественный солярий. Но там самого солнца видно не было; его лучи преломлялись в защитном стеклянном куполе и

заливали солярий равномерным сиянием. Здесь же все было открыто.

Он невольно взглянул на солнце и тут же опустил голову, часто моргая ослепленными слезящимися глазами.

В их сторону направлялся какой-то космонит. Внезапно Бейли охватили дурные предчувствия. Р. Дэниел шагнул навстречу приближающемуся человеку и пожал ему руку. Космонит повернулся к Бейли:

— Я доктор Хэн Фастольф. Прошу вас, сэр, следуйте за мной.

Внутри одного из куполов Бейли почувствовал себя уверенней. Он разглядывал все вокруг, удивляясь невероятным размерам комнат и той беспечности, с которой распределялось пространство. К его облегчению, воздух в куполе кондиционировался.

Фастольф сел, скрестив свои длинные ноги, и сказал:

— Я полагаю, вы предпочитаете кондиционированный воздух естественному.

Он держался довольно дружелюбно. Его лоб покрывали мелкие морщинки. Под глазами и подбородком кожа одрябла и слегка отвисла. Волосы его начинали редеть, но никаких при-

знаков седины еще не было заметно. Большие уши оттопыривались, придавая ему забавный и добродушный вид, отчего Бейли окончательно успокоился.

Рано утром перед поездкой Бейли еще раз просмотрел фотографии Космотауна, сделанные Эндерби. Р. Дэниел только что договорился о встрече в Космотауне, и Бейли еще привыкал к мысли о том, что ему суждено увидеть космонитов живьем. Ему несколько раз доводилось говорить с ними по многомильной несущей волне, но это было совсем не то.

В общем-то, на тех фотографиях космониты были такими же, как герои популярных книгофильмов: высокими, рыжеволосыми, серьезными, с красивыми, но холодными лицами, как Дэниел Оливо, к примеру.

Р. Дэниел называл для Бейли космонитов по именам, и, когда Бейли вдруг указал на одну из фотографий и удивленно спросил: «Это случайно не вы?», робот ответил: «Нет, Элайдж, это мой конструктор, доктор Сартон». При этом на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Создатель сотворил вас по своему образу и подобию? — съязвил Бейли, но ответа на свой вопрос не услышал, да, по правде говоря, и не

ожидал услышать. Насколько он знал, Библия на Внешних Мирах была редкостью.

И вот теперь Бейли смотрел на Хэна Фастольфа. Доктор обладал явно нетипичной для космонита внешностью, и это не могло не радовать землянина.

— Угощайтесь, пожалуйста.

Фастольф указал на стол, отделявший его и Р. Дэниела от землянина.

Стол был пуст, если не считать чаши с разноцветными сферическими предметами, которая стояла в центре. Бейли с трудом скрыл недоумение. Он принял ее за украшение стола.

— Это плоды естественной жизнедеятельности растений с Авроры. Советую вам попробовать вот этот. Он называется яблоком и считается приятным на вкус, — сказал Р. Дэниел.

Фастольф улыбнулся:

— Р. Дэниел, конечно, не может знать этого по собственному опыту, но он совершенно прав.

Бейли поднес яблоко ко рту. Оно было красно-зеленым, прохладным на ощупь и распространяло слабый, но приятный запах. Усилием воли он заставил себя откусить кусочек, и от неожиданно терпкой сочной мякоти плода у него заныли зубы. Он осторожно начал жевать.

Конечно, время от времени в рацион жителей Города включали натуральные продукты. Лично он часто ел натуральное мясо и хлеб. Но такая пища обязательно подвергалась предварительной обработке. Ее варили иди измельчали, купажировали или комбинировали с другими продуктами. Что касается фруктов, то их давали только в виде пюре или консервов. То, что он держал сейчас в руке, должно быть, попало сюда прямо с грязной почвы планеты.

«Надеюсь, они его, по крайней мере, помыли», — подумал Бейли. Он снова удивился странным представлениям космонитов о чистоте.

— Позвольте мне рассказать о себе подробнее, — начал Фастольф. — Я руковожу расследованием убийства доктора Сартона здесь, в Космотауне, как комиссар Эндерби у вас в Городе. Если могу вам в чем-то помочь, всегда к вашим услугам. Так же как и вы, жители Города, мы заинтересованы в мирном разрешении этого конфликта и предотвращении подобных инцидентов в будущем.

— Благодарю вас, доктор Фастольф. Я высоко ценю ваше отношение, — сказал Бейли и подумал: «Ну, хватит обмениваться любезностями».

Он решительно надкусил сердцевину яблока, и у него во рту оказались твердые маленькие

предметы овальной формы. Он поспешно выплюнул их на пол. Один из них попал бы в ногу Фастольфа, если бы тот быстро не отдернул ее. Бейли покраснел и начал было наклоняться.

— Ничего, ничего, — доброжелательно сказал Фастольф. — Пусть лежат.

Бейли выпрямился и осторожно положил яблоко на стол. Ему не давала покоя мысль, что, как только он уйдет, потерянные маленькие предметы будут найдены и подобраны всасывающим устройством: чашу с фруктами сожгут или выбросят куда-нибудь подальше от Космотауна, а саму комнату обработают вирусцидом.

Он попытался скрыть свое смущение за резкостью:

— Прошу разрешения при помощи объемной видеосвязи подключить к нашему разговору комиссара Эндерби.

Брови Фастольфа взлетели вверх.

— Конечно, если вам это необходимо. Дэниел, соедините нас, пожалуйста.

Бейли застыл в напряженном ожидании, следя за тем, как стоявший в углу комнаты большой блестящий параллелепипед постепенно растворялся, уступая место изображению комиссара Эндерби и части его рабочего стола. При появле-

нии знакомой фигуры комиссара Бейли вздохнул с облегчением; ему захотелось оказаться рядом с ним в безопасности его кабинета или где-нибудь еще, лишь бы только в родном Городе. Пусть даже в самых непривлекательных районах Джерси — среди дрожжевых фабрик.

Теперь, когда у него был свидетель, можно было перейти непосредственно к делу.

— Мне кажется, — решительно начал Бейли, — я проник в тайну, окружающую смерть доктора Сартона.

Краешком глаза Бейли увидел, как Эндерби вскочил со стула, хватая на лету свои соскользнувшие с носа очки. Поскольку голова его при этом оказалась за пределами трехмерного приемника, он, покрасневший и лишенный дара речи, вынужден был сесть снова.

Доктор Фастольф был поражен не меньше, однако он лишь склонил голову набок. Лишь Р. Дэниел оставался невозмутимым.

— Вы хотите сказать, — проговорил Фастольф, — что знаете, кто убийца?

— Нет, — ответил Бейли. — Я хочу сказать, что никакого убийства не было.

— Что? — вскричал Эндерби.

— Одну минуту, комиссар Эндерби, — оста-

новил его Фастольф. Не сводя глаз с Бейли, он удивленно произнес: — Вы хотите сказать, что доктор Сартон жив?!

— Да, сэр, и я думаю, что знаю, где он.

— Где же?

— Вон там, — ответил Бейли и твердо указал на Дэниела Оливо.

Глава восьмая
Спор из-за робота

Бейли ощущал каждый удар своего сердца. Казалось, время остановилось. На лице Р. Дэниела, как всегда, не отражалось никаких эмоций. Хэн Фастольф был потрясен, но умело скрывал свои чувства.

Однако больше всего Бейли волновала реакция комиссара Джулиуса Эндерби. Трехмерный приемник, из которого на него уставилось лицо Эндерби, не давал четкого изображения. Мешало его постоянное, едва уловимое мелькание и не совсем идеальная разрешающая способность. Из-за этого несовершенства, а также из-за очков комиссара по глазам Эндерби ничего невозможно было прочитать.

«Не пропадай, Джулиус. Ты мне нужен», — подумал Бейли.

Вообще-то он не думал, что Фастольф станет предпринимать что-либо в лихорадочной спешке или позволит эмоциям вылиться наружу. Он когда-то читал, что у Космонитов не было религии, но они подменили ее холодным бесстрастным

интеллектуализмом, доведенным до высот философии. Он верил этому и на это рассчитывал. Любое свое действие они будут тщательно, не спеша обдумывать и если решатся что-то предпринять, то только на основе здравого смысла, взвесив все «за» и «против».

Если бы он сделал такое заявление, находясь среди них один, он больше никогда не вернулся бы в Город, в этом он был твердо уверен. Холодный разум продиктовал бы им такой выход. Для космонитов их планы значили больше, гораздо больше, чем жизнь жителя Города. Для Джулиуса Эндерби придумали бы какую-нибудь отговорку. Может быть, предъявили бы комиссару труп его помощника и, покачав головами, стали бы говорить еще об одном ударе, нанесенном заговорщиками-землянами. И комиссар поверил бы. Так уж он был устроен. Если он и ненавидел космонитов, то ненависть эта основывалась на страхе. Он не осмелился бы не поверить им.

Вот почему именно ему Бейли отвел роль свидетеля, более того, свидетеля, находящегося в надежном месте, вне досягаемости космонитов с их тщательно продуманными мерами безопасности.

Раздался прерывающийся голос комиссара:

— Лайдж, вы совершенно не правы. Я сам видел труп доктора Сартона.

— Вы видели обугленные остатки того, что назвали трупом доктора Сартона, — смело возразил Бейли. Он мрачно подумал о недавно разбитых очках комиссара. Неожиданно для космонитов они сыграли им на руку.

— Нет, нет, Лайдж. Я хорошо знал доктора Сартона, и голова у него была не повреждена. Это был он. — Комиссар смущенно прикоснулся к очкам, как будто он тоже вспомнил о своем злоключении, и добавил: — Я осмотрел его внимательно, очень внимательно.

— А что вы скажете о нем? — Бейли снова указал на Р. Дэниела. — Разве он не похож, на доктора Сартона?

— Да, так же, как походила бы на него статуя.

— Не так уж трудно придать своему лицу бесстрастное, как у робота, выражение, комиссар. Предположим, вы видели развороченного бластером робота. Вы сказали, что внимательно осмотрели его. Достаточно ли внимательно, чтобы разглядеть, что собой представляла обугленная поверхность вокруг раны — обгоревшую органическую ткань или ее заменитель, скрывающий под собой металлическую конструкцию?

На лице комиссара появилась гримаса отвращения:

— Не делайте из себя посмешище! — воскликнул он.

Бейли повернулся к космониту.

— Согласны ли вы провести эксгумацию трупа, доктор Фастольф?

Фастольф улыбнулся.

— У меня не было бы никаких возражений, мистер Бейли, но дело в том, что мы не хороним наших умерших. Кремация — повсеместно распространенный у нас обычай.

— Весьма удобный, — пробормотал Бейли.

— Скажите, мистер Бейли, как вы пришли к этому столь неожиданному заключению? — спросил доктор Фастольф.

«Не сдается, — подумал Бейли. — Будет до конца начисто отрицать свою вину». Вслух он сказал:

— Это было довольно просто. Чтобы сымитировать робота, недостаточно надеть на лицо застывшую маску и начать говорить неестественно правильным языком. Ваша беда в том, что вы у себя на Внешних Мирах слишком привыкли к роботам. Вы начали относиться к ним почти так же, как к людям. Вы стали слепы к различиям. На Земле все иначе. Для нас робот — это всего лишь

робот. Так вот, во-первых, Дэниел слишком человечен для робота. Когда я впервые встретил его, я подумал, что он — космонит. Мне было довольно трудно перестроиться, когда он сообщил, что он — робот. Да и как же иначе, ведь он на самом деле космонит, а не робот.

— Как я говорил вам, коллега Элайдж, — вмешался Р. Дэниел, нисколько не смущенный тем, что сам был темой обсуждения, — меня сконструировали для того, чтобы я временно мог занять место в человеческом обществе. Сходства с человеком добивались специально.

— Этим занимались настолько серьезно, что тщательно скопировали даже те части тела, которые обычно скрыты под одеждой? Настолько серьезно, что повторили те органы, которые у робота не будут выполнять никакой мыслимой функции?

— Откуда вам это известно? — спросил вдруг Эндерби.

Бейли покраснел:

— Я не мог не заметить в… туалетном блоке.

Было видно, как потрясло это известие комиссара.

— Вы, конечно, понимаете, что сходство должно быть полным, иначе добиться нужного

результата невозможно, — нарушил молчание Фастольф. — Полумерами в нашем деде не обойтись.

— Я могу закурить? — резко спросил Бейли.

Три трубки в день — это было немыслимое расточительство, но он словно бы несся в стремительном потоке отчаянного безрассудства и нуждался в успокоительной затяжке табачного дыма. В конце концов, он бросил вызов космонитам. Он собирался заткнуть им глотки их же ложью.

— Извините, но я бы предпочел, чтобы вы не курили, — ответил Фастольф. Это было «предпочтение», обладавшее силой приказа.

Бейли почувствовал это. Он засунул обратно трубку, которую уже вытащил было в предвосхищении само собой разумеющегося разрешения. «Конечно же, нет, — с горечью подумал он. — Эндерби не предупредил меня, потому что сам не курит, но это же ясно. Одно вытекает из другого. На этих стерильных Внешних Мирах не курят, и не пьют, и вообще не ведают человеческих пороков. Не удивительно, что они признают роботов в своем проклятом — как Р. Дэниел назвал его? — С/Fe-обществе! Неудивительно, что Дэниел так хорошо играет роль робота. Если на то пошло, то

все они здесь роботы».

— Слишком близкое сходство — лишь одна из многих улик, — продолжал Бейли. — Когда я вел его (тут Бейли пришлось указать на своего напарника. Он не мог заставить себя назвать его ни Р. Дэниелом, ни доктором Сартоном), в моем секторе произошел скандал, едва не переросший в массовые беспорядки. Именно он остановил надвигающуюся беду, и знаете, каким образом? Он наставил бластер на предполагаемых зачинщиков.

— Боже мой! — воскликнул Эндерби. — В протоколе говорится, что это вы…

— Знаю, комиссар, — перебил его Бейли. — Протокол составлялся с моих слов. Мне не хотелось, чтобы в документах значилось, что какой-то робот угрожал бластером людям.

— Нет, нет. Конечно же, вы поступили абсолютно правильно!

Эндерби явно охватил ужас. Он наклонился вперед, чтобы посмотреть на что-то находившееся за пределами объемного экрана. Бейли догадался, что это было. Комиссар смотрел на измеритель энергии, чтобы проверить, не подключился ли кто к передатчику.

— Это еще одно доказательство вашего предпо-

ложения? — поинтересовался Фастольф.

— Разумеется. Первый Закон Роботехники гласит, что робот не может причинить вреда человеческому существу.

— Но Р. Дэниел и не причинил никому вреда.

— Верно. После он даже заявил, что не выстрелил бы ни при каких обстоятельствах. И все же я никогда не слышал, чтобы робот мог нарушить дух Первого Закона настолько, чтобы угрожать человеку бластером, даже если у него на самом деле не было намерения пустить его в ход.

— Понятно. Вы специалист в области роботехники, мистер Бейли?

— Нет, сэр. Но я прослушал курс общей роботехники и позитронного анализа. Кое в чем я разбираюсь.

— Это хорошо, — заметил Фастольф, — но видите ли, я являюсь специалистом по роботехнике и уверяю вас, что сущность разума робота заключается в абсолютно буквальном толковании мира. Он не признает духа Первого Закона, только его букву, Возможно, у вас на Земле простые модели так перегружены дополнительными к Первому Закону мерами предосторожности, что, вероятно, они совершенно не способны угрожать человеку. Улучшенные модели, такие как Р. Дэни-

ел, — совсем другое дело. Если я правильно понял ситуацию, угроза Р. Дэниела была необходима для предотвращения массовых беспорядков. В таком случае ее целью было предотвратить тот вред, который мог быть причинен человеческим существам. Он подчинялся Первому Закону, а не нарушал его.

Внутри у Бейли все сжалось, но внешне он сохранял напряженное спокойствие.

«Нелегко мне придется», — подумал Бейли, но он не собирался уступать космониту.

— Вы можете опровергать каждый довод по отдельности, но все вместе они сводятся к одному. Прошлой ночью во время обсуждения так называемого убийства этот мнимый робот заявил, что его будто бы превратили в сыщика посредством введения в его позитронные цепи нового импульса. Импульса — какого бы вы думали? — к справедливости!

— Я подтверждаю это, — откликнулся Фастольф. — Это было сделано три дня назад под моим собственным руководством.

— Импульс к справедливости? Справедливость, доктор Фастольф, это абстрактное понятие. Только человек может использовать этот термин.

— Если вы определяете «справедливость»

таким образом, что это абстракция, если вы говорите, что это есть исполнение каждым человеком своего долга, то я признаю правоту вашего довода, мистер Бейли. Знания, которыми мы обладаем в настоящее время, не позволяют нам вкладывать в позитронный мозг абстракции в человеческом понимании этого слова.

— Значит, вы признаете это — как специалист по роботехнике?

— Безусловно. Вопрос в том, что Р. Дэниел понимает под словом «справедливость».

— Из нашего с ним разговора мне было ясно, что он понимал под ним то же, что вы и я, любой другой человек. То, что никакой робот понять не в состоянии.

— Почему бы вам, мистер Бейли, не попросить его дать свое определение этому термину?

Уверенность Бейли слегка пошатнулась, Он повернулся к Р. Дэниелу:

— Ну?

— Да, Элайдж!

— Как вы определяете понятие справедливости?

— Справедливость, Элайдж, это то, что существует, когда обеспечивается соблюдение всех законов.

Фастольф кивнул.

— Неплохое определение для робота, мистер Бейли. А? Вот это-то стремление следить за тем, чтобы все законы неукоснительно соблюдались, и было заложено в Р. Дэниела. Справедливость для него — понятие очень конкретное, поскольку оно основывается на соблюдении законов. Точных недвусмысленных законов, которые, в свою очередь, конкретно определяются. Ничего абстрактного здесь нет. Исходя из абстрактных представлений морального порядка, человек может считать некоторые законы плохими, а их осуществление — несправедливым. Что вы на это скажете, Р. Дэниел?

— Несправедливый закон, — ровным голосом проговорил робот, — это логическая несообразность.

— Для робота это так и есть, мистер Бейли. Так что, как видите, не следует смешивать понятие справедливости, которое существует у Р. Дэниела, и свое собственное.

Бейли резко повернулся к Р. Дэниелу.

— Вчера ночью вы выходили из моей квартиры.

— Да, выходил. Если это потревожило ваш сон, прошу меня извинить, — ответил Р. Дэниел.

— Куда вы ходили?

— В мужской туалетный блок.

Бейли был ошеломлен. Он не сомневался, что так оно на самом деле и было, но никак не ожидал получить такой ответ от Р. Дэниела. Его уверенность поколебалась, и вес же он твердо решил держаться избранного пути. Комиссар пристально наблюдал за происходившим, его защищенные линзами очков глаза перебегали с одного собеседника на другого. Теперь Бейли просто не мог пойти на попятную, какие бы софизмы они ни пускали в ход против него. Он должен был твердо отстаивать свою точку зрения.

— После того как мы добрались до моего сектора, — Начал он, — Р. Дэниел настоял на том, чтобы войти со мной в туалетный блок. Предлог его был неубедительным. Ночью он снова ходил туда, в чем только что признался. Если бы он был человеком, я бы сказал, что в этом нет ничего противоестественного. Это очевидно. Однако, если считать его роботом, эти посещения туалетной становятся бессмысленными. Возможен лишь один единственный вывод — это человек.

Фастольф кивнул. Казалось, ничто не могло выбить его из колеи.

— Это чрезвычайно интересно. А что если мы

спросим самого Дэниела, зачем он ходил в туалетный блок прошлой ночью?

Комиссар Эндерби подался вперед:

— Прошу вас, доктор Фастольф, — пробормотал он, — да разве можно…

— Не стоит беспокоиться, комиссар, — сказал Фастольф. Его тонкие губы скривились в подобие улыбки. — Я уверен, что ответ Дэниела не оскорбит ни ваших чувств, ни чувств мистера Бейли. Мы слушаем вас, Дэниел!

— Вчера вечером, — начал Р. Дэниел, — жена Элайджа, Джесси, ушла из дома в дружеском расположении ко мне. Совершенно ясно, что у нее не было никаких оснований не считать меня человеком. Однако вернулась она, уже зная, что я робот. Вывод напрашивается сам собой: она получила эти сведения за пределами квартиры. Из этого следовало, что наш с Элайджем разговор был подслушан. Другого объяснения тому, что секрет моего истинного происхождения стал широко известен, не было. Элайдж сказал мне, что у их квартир хорошая звукоизоляция. Мы говорили негромко. Значит, обычное подслушивание отпадает. В то же время известно, что Элайдж — полицейский. Если в Городе существует подпольная группа, достаточно хорошо

организованная, чтобы подготовить убийство доктора Сартона, то вполне возможно, что они знают и о том, что расследование убийства поручено Элайджу. Тогда опять-таки возможно и даже вероятно, что его квартира подвергается лучевому прослушиванию.

После того как Элайдж и Джесси легли спать, я, как мог, обыскал квартиру, но так и не сумел обнаружить никакого передатчика. Это осложнило дело. Можно обойтись и без передатчика, если использовать направленный сдвоенный луч, но для этого необходимо довольно сложное оборудование.

Анализ сложившейся ситуации привел меня к следующему заключению. Единственное место, где житель Города может делать почти все, что угодно, не опасаясь вмешательства посторонних, это туалетный блок. Он может даже установить там лучевой подслушиватель. Земляне так оберегают свою интимность при посещении туалетной, что никто и не взглянул бы в его сторону. Секционный блок располагается довольно близко от квартиры Элайджа, так что фактор расстояния роли не играет. Могла быть использована портативная модель. Я пошел в туалетный блок, чтобы обследовать его.

— И что вы обнаружили? — перебил его Бейли.

— Ничего, Элайдж. Никаких следов дилучевого аппарата.

— Ну, как, по-вашему, мистер Бейли, это звучит убедительно? — обратился к нему Фастольф.

Но теперь от неуверенности Бейли не осталось и следа.

— Звучит-то, может быть, и убедительно, да только правды здесь ни на грош. Чего он не знает, так это того, что жена рассказала мне, где ей сообщили об этом и, главное, когда. Она узнала, что он робот, вскоре после того, как вышла из дома. Заметьте, слухи об этом ходили по Городу уже несколько часов. Значит, известие о том, что он — робот, вовсе не было результатом подслушивания нашего вечернего разговора.

— Тем не менее, — заметил Фастольф, — я полагаю, что причины его вчерашнего посещения туалетной мы выяснили.

— Зато в объяснении нуждаются другие обстоятельства, — разгоряченно возразил Бейли. — Где, когда и как произошла утечка информации? Каким образом по Городу разнеслась новость о том, что в Нью-Йорке находится робот-космонит? Насколько мне известно, об этом знали только двое землян — комиссар Эндерби и я, но мы дер-

жали это в секрете. Комиссар, кто-нибудь еще в департаменте был в курсе дела?..

— Нет, — встревоженно ответил комиссар. — Даже мэра я не поставил в известность. Только мы и доктор Фастольф.

— И он, — добавил Бейли, указывая на Р. Дэниела.

— Я? — переспросил тот.

— А почему бы и нет?

— Но я все время был с вами, Элайдж.

— Нет, не все время! — свирепо выкрикнул Бейли. — Перед тем как идти домой, я посетил туалетный блок и пробыл там с полчаса, если не больше. И в течение всего этого времени вы были вне моего поля зрения. Именно тогда вы и связались со своими людьми в Городе.

— С какими людьми? — спросил Фастольф.

— С какими людьми? — эхом отозвался комиссар Эндерби.

Бейли поднялся со своего стула и повернулся к объемному экрану.

— Комиссар, прошу вас выслушать меня внимательно. Если что-то не будет сходиться, вы меня поправите. Нам сообщают об убийстве, и по любопытному стечению обстоятельств оно происходит как раз в тот момент, когда вы

прибываете в Космотаун на встречу с жертвой преступления. Вам показывают какое-то тело, выдавая его за труп человека. Однако после этого от тела быстро избавляются и, следовательно, его более детальный осмотр невозможен.

Космониты утверждают, что убийство совершил землянин, хотя навесить такое обвинение можно, лишь предположив, что кто-то из людей вышел из Города в одиночку, да еще ночью, и пересек открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. Вы и сами прекрасно понимаете, как невероятно это звучит.

Затем они посылают в Город своего фальшивого робота; фактически, навязывают его нам. Первое, что делает этот робот в Городе, — он угрожает толпе людей бластером. После этого он пускает слух, что в Городе находится робот-космонит. Обратите внимание, насколько точен этот слух. Джесси говорила мне, что стало известно даже то, что робот сотрудничает с полицией. А это значит, что вскоре все узнают, что бластер был именно в руках робота. Может быть, даже в эту минуту по дрожжевым фабрикам и гидропоническим заводам Лонг-Айленда распространяется слух о роботе-убийце, свободно разгуливающем по городу.

— Это невозможно! Невозможно! — простонал Эндерби.

— Нет, возможно. Именно это и происходит, комиссар. Неужели вы не понимаете? В Городе действительно существует заговор, но руководят им из Космотауна. Чем больше на Земле осложнится обстановка, — тем лучше для них. Тогда корабли космонитов обрушатся на наши Города и оккупируют их.

— Двадцать пять лет назад у нас уже был предлог для этого, — мягко возразил Фастольф.

— Тогда вы не были готовы. Зато теперь — другое дело.

Сердце Бейли готово было выскочить из груди.

— Вы нам приписываете слишком сложную интригу, мистер Бейли. Если бы мы хотели оккупировать Землю, мы могли бы сделать это намного проще.

— Сомневаюсь, доктор Фастольф. Ваш так называемый робот проговорился, что на Внешних Мирах общественное мнение, касающееся Земли, отнюдь не едино. В тот раз, я думаю, он говорил правду. Может быть, открытая оккупация пришлась бы не по вкусу вашим народам. Поэтому вам и необходимо происшествие. Нешуточное происшествие, такое, чтобы всех потрясло.

— Вроде убийства, верно? Вы на это намекаете? В таком случае, это убийство пришлось бы инсценировать. Надеюсь, вы не станете утверждать, что мы способны убить кого-нибудь из своих людей ради того, чтобы имитировать происшествие.

— Вы построили робота, похожего на доктора Сартона, разворотили его бластером, а останки показали комиссару Эндерби.

— И затем, — подхватил доктор Фастольф, — использовав Р. Дэниела в качестве доктора Сартона для ложного убийства, мы выдали доктора Сартона за Р. Дэниела и привлекли его к ложному расследованию.

— Именно так. Я заявляю вам это в присутствии свидетеля, который вы данный момент находится вне пределов вашей досягаемости и которого вы не сможете устранить. Этот свидетель является достаточно важной персоной, чтобы его словам поверила администрация Города и сам Вашингтон. Теперь мы знаем ваши намерения и будем готовы дать вам отпор. При необходимости наше правительство напрямую свяжется с вашими людьми и раскроет им глаза на то, что здесь в действительности происходит. Я не думаю, что они снисходительно отнесутся к такого рода

межзвездному насилию.

Фастольф покачал головой.

— Прошу вас, мистер Бейли. Будьте благоразумны. Вы вообразили себе невероятное, в самом деле. Давайте теперь предположим, лишь допустим, что Р. Дэниел на самом деле робот. Разве из этого не следует, что тело, которое видел комиссар Эндерби, было действительно телом доктора Сартона? Едва ли разумно было бы предполагать, что в качестве трупа мы использовали остатки какого-то другого робота. Комиссар Эндерби видел Р. Дэниела в процессе сборки и может подтвердить, что другого такого робота не существует.

— Если на то пошло, — упрямо проговорил Бейли, — комиссар не специалист по роботехнике. У вас могли быть десятки таких роботов.

— Давайте не будем уклоняться от темы, мистер Бейли, Что если Р. Дэниел действительно Р. Дэниел? Разве не рухнут тогда все ваши логические построения? Будут ли у вас еще основания верить в этот выдуманный вами совершенно мелодраматичный и неправдоподобный межзвездный заговор?

— Если он робот! Я утверждаю, что это человек.

— И все-таки вы исследовали эту проблему не

до конца, мистер Бейли. Чтобы отличить робота, даже очень похожего на человека, от живого человеческого существа, нет необходимости делать очень шаткие выводы из того, что он сказал или сделал. Вы, например, пытались воткнуть в Р. Дэниела иголку?

— Что?

Бейли раскрыл рот от неожиданности.

— Это очень простой способ проверки. Есть и другие, хотя, возможно, не такие простые. Его кожа и волосы выглядят как настоящие, но вы когда-нибудь пробовали рассмотреть их через соответствующий увеличитель? И опять же со стороны кажется, что он дышит, но замечали ли вы, что его дыхание нерегулярно, что могут пройти минуты, прежде чем он снова сделает вдох. Вы вполне могли бы собрать выдыхаемый им воздух и измерить содержание в нем двуокиси углерода. Могли бы попытаться взять на пробу его кровь. Могли бы попробовать нащупать его пульс на запястье или определить, бьется ли сердце под его рубашкой. Вы понимаете, что я хочу сказать, мистер Бейли?

Бейли охватила тревога.

— Это все слова. Я не позволю провести себя, Я мог бы попытаться проделать все это, но неужели

вы думаете, что ваш мнимый робот позволил бы мне поднести к нему шприц или стетоскоп или микроскоп?

— О да. Я вас понимаю, — сказал Фастольф и дал Р. Дэниелу какой-то знак.

Р. Дэниел прикоснулся к правой манжете, и весь рукав его рубашки разлезся по диамагнитному шву. Под ним обнажилась гладкая мускулистая рука, по виду ничем не отличающаяся от человеческой. Она была покрыта короткими рыжеватыми волосками, совсем как у человека.

— Ну и что? — не сдавался Бейли.

Р. Дэниел ущипнул подушечку среднего пальца правой руки большим и указательным пальцами левой. Бейли не заметил в точности, какие манипуляции последовали за этим. Но, подобно ткани рукава, распавшейся надвое после того, как было прервано диамагнитное поле шва, теперь распалась надвое сама рука.

Под тонким слоем имитирующего кожу материала обнажились нержавеющие детали тусклого серо-голубого цвета — стержни, провода, шарниры.

— Не хотите ли более детально ознакомиться с принципом действия Дэниела, мистер Бейли? — вежливо спросил доктор Фастольф.

Бейли едва расслышал вопрос из-за звона в ушах и пронзительного истерического смеха, который вдруг начал сотрясать комиссара.

Глава девятая
Разъяснение космонита

Время шло, звон становился все громче, пока наконец не заполнил все вокруг, вытеснив смех. Комната и все, что в ней было, — все поплыло перед глазами Бейли, стало нереальным, как и чувство времени.

Наконец он пришел в себя, обнаружив, что сидит на том же месте. С момента, когда его сознание отключилось, явно прошло уже некоторое время. Изображение комиссара исчезло, экран объемного видеоприемника опять стал матово-молочным. Р. Дэниел сидел рядом с Бейли, массируя его обнаженное предплечье. Прямо под кожей Бейли заметил небольшое темное пятнышко от инъекции. На его глазах оно медленно исчезло, растворившись под кожей.

Он окончательно пришел в себя.

— Вам лучше, коллега Элайдж? — спросил Р. Дэниел.

Бейли действительно стало лучше. Он потянул руку, и робот отпустил се. Опустил рукав и оглянулся вокруг. Доктор Фастольф сидел на

прежнем месте, на его губах играла слабая улыбка, делавшая черты его невзрачного лица более привлекательными.

— Я потерял сознание? — спросил Бейли.

— Что-то в этом роде, — ответил доктор Фастольф. — Боюсь, вы испытали сильное потрясение.

В сознании Бейли живо воскресла сцена с роботом. Он схватил Р. Дэниела за руку и, засучив, насколько смог, рукав его рубашки, оголил запястье. На ощупь рука робота казалась мягкой, но под верхним слоем чувствовалось что-то более твердое, чем кость.

Р. Дэниел не пытался высвободить свою руку из цепких рук сыщика. Бейли пристально разглядывал ее, ощупывая кожу вдоль предполагаемой средней линии. Был ли там скрытый шов?

По логике вещей, конечно, должен был быть. Робот, покрытый синтетической кожей и специально сделанный так, чтобы его невозможно было отличить от человека, не мог ремонтироваться обычным способом. Не может быть, чтобы его нагрудная плита держалась на заклепках. Не может быть, чтобы его череп откидывался назад на петлях. Наверняка различные части его механического тела собирались вдоль линии

микромагнитных полей. Рука, голова, любая часть тела, должно быть, распадаются надвое при прикосновении к определенному месту и снова смыкаются при повторном прикосновении.

Бейли поднял голову.

— Где комиссар? — пробормотал он. Внутри у него все горело от стыда.

— Неотложные дела, — ответил доктор Фастольф. — Боюсь, я сам ускорил его исчезновение, заверив, что мы позаботимся о вас.

— Вы прекрасно позаботились обо мне, спасибо, — хмуро отозвался Бейли. — Думаю, наше дело сделано.

Он поднялся, с трудом выпрямив затекшие ноги. Внезапно он почувствовал себя старым. Слишком старым, чтобы начать все сначала. Не нужно было обладать большим воображением, чтобы предвидеть, что сулило ему будущее.

Комиссар будет наполовину напуган, наполовину разъярен. Он будет сидеть перед Бейли, бледный как полотно, каждые пятнадцать секунд снимая очки, чтобы протереть их. Своим мягким голосом (Джулиус Эндерби почти никогда не кричал) он начнет втолковывать ему, что космониты смертельно оскорблены.

«Нельзя так говорить с космонитами, Лайдж.

Они не смирятся с этим. — Бейли отчетливо слышал голос Эндерби, каждый оттенок его интонации. — Я предупреждал вас. Нечего и говорить, сколько вы причинили вреда. Заметьте, я понимаю вас. Понимаю, что вы пытались сделать. Если бы это были земляне, все было бы по-другому. Я бы сказал: «Да. Попробуйте. Рискните. Выкурите их». Но космониты! Вы могли бы сказать мне, Лайдж. Могли бы посоветоваться. Я-то знаю их. Я знаю их вдоль и поперек».

И что Бейли мог ответить на это? Что как раз Эндерби-то он и не мог ничего сказать. Что проект был необычайно рискованным, а Эндерби подчеркивал огромную опасность как прямого провала, так и удачи, если в ней будет заслуга робота. Что набежать деклассификации можно было, лишь доказав, что вина лежит на самом Космотауне.

Эндерби скажет: «Придется составить об этом рапорт, Лайдж. Возникнут всякого рода последствия. Я знаю космонитов, Они потребуют освободить вас от расследования этого дела, и вас придется отстранить. Вы отдаете себе в этом отчет, не так ли? Я попытаюсь сделать так, чтобы к вам были не слишком строги. Вы можете рассчитывать на это. Я буду защищать вас, насколько

смогу, Лайдж».

Бейли знал, что именно так и будет. Комиссар будет защищать его, но только в пределах разумного. Не до такой степени, например, чтобы приводить в ярость и без того рассерженного мэра.

Он хорошо представлял себе голос мэра:

«Черт возьми, Эндерби, что все это значит? Почему не посоветовались со мной? В конце концов, кто управляет городом? Почему позволили роботу войти в Нью-Йорк без разрешения властей? И вообще, какого черта этот Бейли...»

Если дело дойдет до выбора между будущим Бейли и будущим самого комиссара, на что Бейли мог рассчитывать? У него не было никакого права винить Эндерби.

Наименьшим наказанием для него могло быть понижение в звании, но и это было бы достаточно скверно.

Современный Город обеспечивал своим рядовым жителям, в том числе и деклассифицированным, лишь жалкие условия для выживания. Насколько жалкие, Бейли знал слишком хорошо. Лишь наличие определенного общественного статуса давало горожанам некоторые привилегии; более удобное место здесь, лучший кусок

мяса там, более короткую очередь где-то еще. Для философски настроенного ума приобретение всех этих благ могло показаться едва ли заслуживающим какого-либо труда.

И тем не менее, как бы философски ни относился человек к жизни, он не мог без боли расстаться с этими привилегиями, однажды получив их.

Каким ничтожным улучшением удобства квартиры была умывальная раковина, когда тридцать предыдущих лет ты привычно, даже не замечая обременительности этого, ходил в туалетный блок. Как бесполезна она была даже в качестве подтверждения своего статуса, когда выпячивать этот статус считалось верхом бескультурья. И все же отключи сейчас раковину, каким бы унизительным и невыносимым показалось бы каждое лишнее посещение туалетного блока! Каким томительно-притягательным стало бы воспоминание о бритье в спальне! Каким глубоким было бы чувство утраченной роскоши!

Среди современных политических репортеров модно стало неодобрительно отзываться о меркантилизме былых времен, когда основой экономики были деньги. В то время, писали они, велась жесточайшая борьба за существование. Никакое действительно развитое общество не

могло сохраниться из-за вечного напряжения борьбы за «зелененькую». (Слову «зелененькая» в обществе давали различные интерпретации, но его значение в целом ни у кого не вызывало сомнения.)

В противоположность тому современный «коллективизм» расхваливали за эффективность и просвещенность.

Может, все это и так. Одни ученые-историки романтизировали прошлое, другие, напротив, высвечивали в нем все самое низменное. Медиевисты же считали, что именно из меркантилизма развились впоследствии такие понятия, как индивидуализм и инициатива.

Эти споры никогда всерьез не интересовали Бейли. Но сейчас он задавал себе болезненный вопрос: «Боролся ли когда-нибудь человек за эту «зелененькую», чем бы она ни была, с большим упорством, чем житель Города за право получать по воскресеньям куриную ножку — настоящую куриную ножку некогда живой птицы?»

«Для меня это не так уж важно, — подумал Бейли. — Но есть еще Джесси и Бен».

Голос доктора Фастольфа прервал его мысли:

— Мистер Бейли, вы меня слышите?

— Да, — кивнул Бейли.

Сколько же времени он простоял, как истукан?

— Садитесь, пожалуйста. Теперь, когда вы все обдумали, вам, вероятно, будет интересно просмотреть ленты, на которых мы засняли место происшествия и некоторые события, последовавшие за преступлением?

— Нет, спасибо. У меня дела в Городе.

— Но ведь дело доктора Сартона имеет первостепенное значение.

— Не для меня. Я полагаю, меня уже отстранили. — Внезапно он вскипел: — Черт, если вы могли доказать, что Р. Дэниел — робот, почему вы не сделали этого сразу? Зачем вам понадобилось устраивать весь этот фарс?

— Дорогой мистер Бейли, мне было очень интересно ознакомиться с вашими умозаключениями. Что касается вашего отстранения от дела, то я сомневаюсь я этом. Перед тем как комиссар покинул нас, я специально попросил его, чтобы вы продолжали заниматься расследованием. Думаю, он окажет содействие.

Бейли нехотя сел и резко спросил:

— Но зачем вам это нужно?

Доктор Фастольф положил ногу на ногу и вздохнул.

— Мистер Бейли, я сталкивался в основном с

двумя типами землян: бунтарями и политиками. Ваш комиссар полезен нам, но он увлекается политикой. Он говорит нам то, что мы хотим услышать. Он обхаживает нас. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. И вот сюда приходите вы, смело обвиняете нас в ужасных преступлениях и пытаетесь доказать свою правоту. Я с большим удовольствием наблюдал за вами. И нашел начало обнадеживающим.

— Насколько обнадеживающим? — с усмешкой спросил Бейли.

— В достаточной степени. Вы тот человек, с которым я могу говорить откровенно. Прошлой ночью Р. Дэниел представил мне отчет по закрытому субэфирному каналу. Кое-какая информация о вас меня очень заинтересовала. Например, там был пункт, касающийся подбора книгофильмов в вашей квартире.

— Что же вас заинтересовало?

— Многие из них затрагивают вопросы истории и археологии. Из этого явствует, что вы интересуетесь историей человеческого общества и кое-что знаете о его эволюции.

— Полицейские при желании могут в свое свободное время смотреть книгофильмы.

— Совершенно верно. Я рад, что вы как раз

такой полицейский. Это облегчит мою задачу. Прежде всего, — продолжал Фастольф, — я хочу объяснить или, по крайней мере, попытаться объяснить причины замкнутости людей с Внешних Миров. Мы живем здесь, в Космотауне. Мы не входим в Город. Мы вступаем в контакт с вами, землянами, лишь в очень исключительных случаях. Мы дышим открытым воздухом, но делаем это через фильтры. Даже сейчас, когда я сижу здесь, у меня в ноздрях фильтры, а на руках перчатки, и никакая сила не заставит меня подойти к вам ближе, чем необходимо. Как вы думаете почему?

— Какой смысл строить догадки? — ответил Бейли и подумал: «Теперь уж пусть говорит он».

— Если бы вы все же начали строить догадки, как это делают некоторые из ваших людей, то наверняка сказали бы, что причина в том, что мы презираем жителей Земли и не позволим упасть на нас даже их тени, дабы не потерять своего превосходства. Но это не так. Настоящая причина совершенно проста. Медицинский осмотр, которому вас подвергли, так же как и дезинфицирующие процедуры, это не ритуал. Они были продиктованы необходимостью.

— Защиты от болезней?

— Да, защиты от болезней. Мой дорогой мистер Бейли, земляне, колонизировавшие Внешние Миры, оказались на планетах, где совершенно отсутствовали земные бактерии и вирусы. Конечно, на себе они завезли туда некоторые микроорганизмы, но вместе с тем у них было в руках новейшее медицинское и микробиологическое оборудование. Им предстояло покончить лишь с небольшим количеством микроорганизмов при полном отсутствии их промежуточных хозяев-паразитов. Там не было малярийных комаров, не было улиток, распространяющих шистосомиаз. Болезнетворные бактерии были полностью уничтожены, полезные же продолжали размножаться. Постепенно болезни на Внешних Мирах совершенно исчезли. Время шло, и, естественно, требования, предъявляемые к эмигрантам с Земли, становились все жестче и жестче, поскольку Внешние Миры все больше и больше опасались проникновения болезней.

— Вы никогда не болели, доктор Фастольф?

— Инфекционной болезнью — никогда, мистер Бейли. Мы все, конечно, подвержены старческим болезням, таким, как атеросклероз, но у меня никогда не было того, что вы бы назвали простудой. Если бы я подхватил такую болезнь, я мог

бы умереть от нее. В моем организме не выработано никакой сопротивляемости к ней. Вот в чем наша беда здесь, в Космотауне. Те, кто летит сюда, идут на определенный риск. Земля изобилует болезнями, от которых у нас нет никакой защиты, никакой естественной защиты. Каждый из вас является носителем микробов почти всех известных болезней. Вы даже не подозреваете о них, так как антитела, которые развились в вашем организме за долгие годы эволюции, почти всегда держат их под контролем. В моем организме антител нет. Теперь вы понимаете, почему я держусь от вас подальше? Поверьте мне, мистер Бейли, я не подхожу к вам на более близкое расстояние только из соображений самосохранения.

— Если все, что вы говорите, правда, то почему бы не объяснить это людям Земли? Я имею в виду, сказать им, что это не просто привередливость с вашей стороны, а защита от реальной физической опасности.

Космонит покачал головой:

— Нас мало, мистер Бейли. И нас, пришельцев, и так недолюбливают. Мы сохраняем свою безопасность на основе довольно шаткого престижа, приписываемого нам как существам более вы-

сокого порядка. Мы не можем позволить себе потерять этот престиж, признав, что боимся приблизиться к землянину. По крайней мере, до тех пор, пока не наступит большее взаимопонимание между землянами и космонитами.

— При нынешнем положении дел взаимопонимание не наступит. Именно за ваше предполагаемое превосходство мы… они вас ненавидят.

— Да, это настоящая проблема. Не думайте, что мы о ней не знаем.

— Комиссару об этом известно?

— Мы никогда не были с ним столь откровенны, как сейчас с вами. Однако, возможно, он догадывается. Он человек довольно умный.

— Если он догадывался, то мог бы и мне сказать, — задумчиво произнес Бейли.

Фастольф поднял брови.

— Тогда вам и в голову не пришло бы, что Р. Дэниел — человек. Верно?

Бейли слегка пожал плечами, отбрасывая мысль в сторону.

— Знаете, это действительно так, — продолжал Фастольф. — Даже если не принимать во внимание трудностей психологического порядка — ужасное воздействие на нас шума и толп людей, — факт остается фактом: войти в Город

для нас равносильно смертному приговору. Вот почему доктор Сартон и начал осуществлять свой проект по созданию человекоподобных роботов. Они проектировались как заменители людей, чтобы войти в Город вместо нас…

— Да. Р. Дэниел говорил мне об этом.

— Вы это не одобряете?

— Послушайте! — воскликнул Бейли, — Раз уж мы говорим так откровенно, позвольте мне задать вам один простой вопрос. Зачем все-таки вы, космониты, пришли на Землю? Почему бы вам не оставить нас в покое?

— Разве вы довольны своей жизнью на Земле? — с неподдельным удивлением в голосе спросил Фастольф.

— Нам жаловаться не на что.

— Да, но сколько вы так протянете? Население Земли постоянно растет. Вам приходится удовлетворять его потребности в калориях ценой все больших и больших усилий. Земля зашла в тупик, мой дорогой.

— Нам жаловаться не на что, — упрямо повторил Бейли.

— До поры до времени. Город, подобный Нью-Йорку, вынужден напрягаться до предела, чтобы снабдить себя водой и освободиться от отходов.

Атомные станции работают на уране, который все труднее и труднее доставать даже на других планетах нашей системы, а потребности в нем постоянно возрастают. Каждую секунду жизнь Города зависит от своевременности поставок древесины для дрожжевых фабрик и минеральных солей для гидропонических заводов. Добавьте к этому необходимость поддерживать постоянную циркуляцию воздуха. Да что там говорить, равновесие зависит от многих и многих факторов, и с каждым годом сохранять его будет все труднее. Что произойдет с Нью-Йорком, если система жизнеобеспечения Города даст сбой хотя бы на час?

— Такого никогда не было.

— Что вовсе не является гарантией безопасности на будущие. В примитивные времена поселения людей были почти полностью независимыми. И жили тем урожаем, который выращивался на близлежащих полях. Причинить им вред могли только стихийные бедствия, скажем, наводнение, эпидемия или неурожай. С ростом этих населенных центров и развитием техники появилась возможность бороться с местными бедствиями, опираясь на помощь издалека, что привело к возникновению тесной взаимозависимости между обширными территориями Земли.

В среднюю эпоху даже самые крупные города под открытым небом могли прожить на своих запасах, в том числе и неприкосновенных, по меньшей мере, неделю. Когда Нью-Йорк стал Городом в современном понимании этого слова, он мог просуществовать на своих ресурсах один день. А теперь он не сможет продержаться и часа. Бедствие, которое десять тысяч лет назад ощущалось бы как неудобство, тысячу лет назад — как крупная неприятность, сто лет назад — как серьезное осложнение, в настоящее время непременно стало бы роковым.

Бейли беспокойно заерзал на стуле.

— Я и прежде слышал все эти рассуждения. Медиевисты хотят покончить с Городами. Хотят вернуть нас обратно к природе, к натуральной агрокультуре. Но они безумцы; мы не сможем этого сделать. Во-первых, нас слишком много, а потом, историю невозможно повернуть вспять. Она движется только вперед. Конечно, если бы эмиграция на Внешние Миры не ограничивалась…

— Вы знаете, почему она должна быть ограниченной.

— Так что же в таком случае делать? К чему переливать из пустого в порожнее?

— Осваивать новые миры. В Галактике сотни

миллиардов звезд. Подсчитано, что сто миллионов из них пригодны или могут быть сделаны пригодными для жизни.

— Это несерьезно.

— Почему? — с горячностью возразил доктор Фастольф. — Почему это предложение несерьезно? В прошлом земляне осваивали планеты. Более тридцати из пятидесяти Внешних Миров, включая и мою родную Аврору, были колонизированы самими землянами. Разве теперь колонизация невозможна?

— Ну, знаете ли…

— Не можете ответить? Тогда отвечу я. Если теперь это невозможно, то только из-за приверженности землян к стальным Городам. До их возникновения жизнь человечества на Земле не была столь ограничена, это теперь вы не можете оторваться от Земли, чтобы начать все сначала на новой планете! Вы проделывали это уже тридцать раз. А теперь земляне стали такими изнеженными, так зарылись в свои стальные тюрьмы-пещеры, что им уже никогда не выбраться оттуда, Вот вы, мистер Бейли, отказываетесь верить даже тому, что житель Города способен пересечь открытое пространство, чтобы попасть в Космотаун. А уж пересечь космическое простран-

ство на пути к новому миру для вас, должно быть, труднее во сто раз. Урбанизм губит Землю, сэр.

— Даже если и так, Какое вам, космонитам, до этого дело? Это наша проблема, и мы сами ее решим. А если не сможем, что ж, такой будет наша особая дорога в ад, — рассердившись, выпалил Бейли.

— Лучше в ад по своей собственной дороге, чем в Рай — по чужой, так, по-вашему? Я понимаю ваши чувства. Не очень-то приятно слушать проповеди чужака. И все-таки поучения со стороны иногда бывают очень кстати. Вот мы бы от них не отказались, ведь и у нас есть свои проблемы, причем аналогичные вашим.

— Перенаселенность? — Бейли криво усмехнулся.

— Аналогичные, но не одинаковые. Наша проблема — в недостатке населения. Как вы думаете, сколько мне лет?

На мгновение землянин задумался и затем, намеренно накинув несколько лет, ответил:

— Лет шестьдесят.

— Вернее было бы сказать, сто шестьдесят.

— Не может быть!

— Если быть точным, то в следующий день рождения мне исполнится сто шестьдесят три года.

В этом нет никаких уловок. В качестве единицы измерения я использую стандартный земной год. Если повезет, если буду беречь себя и, самое главное, если не подхвачу на Земле никакой болезни, то смогу прожить еще столько же. Многие жители Авроры доживают до трехсот пятидесяти. И средняя продолжительность жизни постоянно растет.

Бейли посмотрел на Р. Дэниела, который все это время хранил бесстрастное молчание, как будто искал у него подтверждения услышанному.

— Каким образом это стало возможно?

— В малонаселенном обществе полезно сосредоточить усилия на изучении геронтологии, заниматься исследованиями процесса старения. В таком мире, как ваш, удлинение продолжительности жизни имело бы катастрофические последствия. На Авроре же хватает места и для трехсотлетних стариков. И чем длиннее жизнь, тем больше дорожит ею человек… Умри вы сейчас, вы, вероятно, потеряли бы лет сорок своей жизни, а то и меньше. Если бы умереть суждено было мне, я потерял бы более ста пятидесяти лет. Вот почему в нашей цивилизации жизнь каждого человека приобретает наиважнейшее значение. У нас низкая рождаемость, и рост насе-

ления строго контролируется, Мы поддерживаем определенное соотношение между количеством роботов и людей так, чтобы обеспечить наилучшие условия существования для каждого человека. Естественно, мы тщательно следим за тем, чтобы умственно и физически неполноценные дети не достигали зрелого возраста.

— Вы хотите сказать, — перебил Бейли, — что их убивают, если они не…

— Если, они не соответствуют требованиям. Совершенно безболезненно, уверяю вас. Это шокирует вас, так же как неконтролируемая рождаемость землян повергает в шок нас.

— Наша рождаемость контролируется, доктор Фастольф. Каждой семье позволяют иметь строго определенное количество детей.

Доктор Фастольф терпеливо улыбнулся.

— Определенное количество любых детей, а не здоровых детей. Пусть так, прибавьте к этому огромное количество незаконнорожденных, которые увеличивают и без того высокий рост населения.

— Кто решает, каким детям жить?

— Это довольно сложный вопрос, и на него в двух словах не ответишь. Как-нибудь мы можем поговорить об этом подробнее.

— Ну и в чем же ваша проблема? Кажется, вы довольны своим обществом.

— Оно стабильно. Вот в чем беда. Слишком стабильно.

— Вам не угодишь. Наша цивилизация, по-вашему, вот-вот ввергнется в пучину хаоса, а ваше собственное общество слишком стабильно.

— Стабильность может быть чрезмерной. За два с половиной века ни один из Внешних Миров не колонизировал ни одной планеты. Нет перспектив для этого и в будущем. Наша жизнь на Внешних Мирах слишком длинна и удобна, чтобы ею рисковать.

— Кто знает, может, это и так, доктор Фастольф. Тем не менее, вы ведь прилетели на Землю. Вы рискуете заразиться.

— Да, рискую. Среди нас, мистер Бейли, есть люди, которые считают, что ради прогресса человечества можно расстаться и с жизнью, какой бы долгой она ни была. К сожалению, должен сказать, что так думают очень немногие.

— Ладно. Теперь мы подходим к самому главному. Какую роль в этом играет Космотаун?

— Внедряя роботов на Землю, мы стараемся нарушить равновесие вашей экономики.

— Это ваш способ оказания помощи? — Губы

Бейли дрогнули. — Иначе говоря, вы специально создаете растущее число замещенных и деклассифицированных?

— Поверьте, мы делаем это вовсе не из-за своей жестокости или бессердечия. Именно смещенные составят ядро будущих переселенцев на новые миры. Вспомните, вашу древнюю Америку открыли корабли, экипаж которых состоял из преступников, бежавших из тюрем. Разве вы не видите, что в Городе смещенные брошены на произвол судьбы? Им нечего терять, а покинув Землю, они добьются лучшей доли.

— Но пока что у вас ничего не получается.

— Нет, не получается, — печально согласился доктор Фастольф. — Что-то мы делаем не так. Всему виной неприязнь землян к роботам. Хотя эти самые роботы могут сопровождать людей, сгладить первые трудности приспособления к новому миру, сделать колонизацию реально осуществимой.

— А что потом? Новые Внешние Миры?

— Нет. Внешние Миры были основаны еще до того, как на Земле возник культ стальных Городов. Новые же колонии будут построены людьми, у которых есть опыт жизни в закрытых городах и некоторые представления о культуре *C*/*Fe*. Это бу-

дет синтез того и другого, своеобразный гибрид. Если оставить все как есть, земная цивилизация вскоре начнет разваливаться, а чуть позже и Внешние Миры начнут медленно деградировать и в конце концов придут в упадок. В этих условиях новые миры станут нести в себе здоровое начало, сочетая лучшие черты обеих культур. Под их благотворным влиянием преобразится и наша жизнь.

— Может быть, но все это очень туманно, доктор Фастольф.

— Да, пока это только мечта. Подумайте над этим. — Космонит резко поднялся. — Я провел с вами больше времени, чем намеревался. Кстати, больше, чем предусмотрено нормами безопасности. Извините, но мне придется вас покинуть…

Бейли и Р. Дэниел вышли из купола. Их снова залил солнечный свет, он стал как будто более желтым и падал уже под другим углом.

В Бейли всколыхнулось смутное любопытство: «А что если на какой-нибудь планете солнечный свет выглядит иначе — не такой резкий и слепящий, более приятный?..»

На другой планете? Этот неказистый космонит с торчащими ушами вбил ему в голову странные фантазии. Интересно, пришлось ли в свое время

врачам с Авроры осматривать ребенка по имени Фастольф, чтобы решить, можно ли ему позволить расти дальше? Разве не был он слишком уродлив? И входили ли вообще в их критерии внешние данные? Когда некрасивость переходит в уродство и какие изъяны…

Но тут они вошли в первую дверь, ведущую к туалетному блоку, солнечный свет исчез, и оставаться в прежнем расположении духа стало труднее. Бейли в раздражении тряхнул головой. «Все это просто смешно. Вынудить землян эмигрировать, строить новое общество! Это же чушь. Что задумали эти космониты на самом деле?»

Он думал об этом и не находил ответа.

Их машина медленно ехала по проезжей части туннеля. Все вокруг возвращало ему чувство реальности. Его бластер приятным теплым грузом лежал у него на бедре. Такое же приятное и теплое чувство вызвал в нем шумный, полный жизни Город.

В тот момент, когда они въезжали на его территорию, Бейли ощутил странный, едва уловимый запах.

«Оказывается, город пахнет», — с удивлением заметил Бейли.

Он подумал о двадцати миллионах человече-

ских существ, набившихся за стальные стены гигантской пещеры, и впервые в жизни его ноздри, промытые наружным воздухом, ощутили их запах. «Будет ли на других мирах иначе? Меньше людей и больше воздуха… чище?» — подумал Бейли.

Но вокруг грохотал вечерний Город, запах ослабел и исчез, и ему стало немного стыдно за себя, Он медленно нажал на рычаг управления и увеличил подачу лучевой энергии. Машина стала резко набирать скорость, въезжая в пустоту мотошоссе. Дэниел, — позвал Бейли.

— Да, Элайдж?

— Зачем доктор Фастольф мне все это рассказывал?

— Мне кажется, Элайдж, он хотел показать вам важность этого расследования. Наша задача — не просто раскрыть преступление, мы должны спасти Космотаун, а вместе с ним и будущее человеческой расы.

— Думаю, было бы лучше, если бы он позволил мне осмотреть место преступления и допросить людей, обнаруживших тело.

— Сомневаюсь, что вам удалось бы добавить что-нибудь к тем фактам, которыми мы уже располагаем. Мы очень тщательно все обследовали.

— В самом деле? У вас же ничего нет. Ни единой улики. Ни одного подозреваемого.

— Нет, вы правы. Ответ нужно искать в Городе. Хотя, если быть точным, мы подозревали одно лицо.

— Вот как! И вы до сих пор молчали!

— Я же не думал, что это необходимо, Элайдж. Вы ведь наверняка и сами понимаете, что лишь один человек мог сразу попасть под подозрение.

— Кто? Черт возьми, кто же?

— Тот единственный землянин, кто оказался на месте преступления. Комиссар Джулиус Эндерби.

Глава десятая
Рабочий день сыщика

Полицейский автомобиль резко свернул в сторону и остановился у безликой бетонной стены мотошоссе. Мотор заглох, наступила мертвая непроницаемая тишина.

Бейли повернулся к сидевшему рядом роботу и неестественно спокойным голосом спросил:

— Что вы сказали?

Бейли ждал ответа, но время, казалось, остановилось. Издалека послышался унылый вибрирующий звук; нарастая, он достиг своего пика и постепенно затих. Наверное, это была еще одна полицейская машина, прокладывающая себе путь к неизвестной цели где-то за милю от них. А может быть, это пожарники спешили на встречу с огнем.

Неожиданно для самого себя Бейли подумал: «Найдется ли хоть один человек в Городе, который знает все ходы-выходы мотошоссе, петляющего в недрах Города?»

Не было такого времени дня или ночи, когда вся сеть мотошоссе пустовала, и все же в ней навер-

няка были такие участки, куда годами не ступала нога человека. Внезапно с уничтожающей ясностью он вспомнил кино-рассказ, который видел еще в юности.

Действие там происходило на мотошоссе Лондона, и начинался рассказ с ничего не предвещавшего убийства. Убийца рассчитывал отсидеться в заранее подготовленном укрытии на одной из развилок мотошоссе, в пыли которой за сотню лет отпечатались следы лишь его ботинок. В той заброшенной норе он в полной безопасности мог бы дождаться окончания розысков.

Но он ошибся поворотом и в безмолвной пустыне извилистых коридоров дал богохульственную клятву, что назло всем святым все-таки найдет свое убежище. С тех пор он все время сворачивал не туда. Он бродил по нескончаемому лабиринту от сектора Брайтон на Ла-Манше до Норвича и от Ковентри до Кентербери. Он пробирался из конца в конец огромного лондонского подземелья, раскинувшегося по всей юго-восточной оконечности Старой Англии. Его одежда превратилась в лохмотья, а от башмаков остались одни подметки, силы его были на исходе, но никогда не покидали его совсем. Он устал, очень устал, но остановиться не мог. Он мог только

идти и идти вперед, никогда не находя нужный поворот.

Иногда он слышал звук проезжающих мимо машин, но тот всегда доносился из соседнего коридора, и как бы быстро он туда ни бросался (а к тому времени он уже рад был бы сдаться властям), коридоры всегда оказывались пустыми. Иногда далеко впереди он видел выход, ведущий к жизни и дыханию Города, но сколько бы он ни пытался приблизиться к нему, выход мерцал все дальше и дальше, пока за очередным поворотом не исчезал совсем.

Время от времени лондонцы, проезжавшие по мотошоссе по своим делам, видели расплывчатую фигуру человека, который молча, с трудом переставляя ноги, направлялся в их сторону, подняв в мольбе полупрозрачную руку. Рот его открывался, губы шевелились, но с них не слетало ни звука. Приближаясь, фигура начинала расплываться и исчезала.

Это был один из тех рассказов, которые, несмотря на свои невысокие литературные достоинства, стали частью фольклора. А выражение «блуждающий лондонец» стало известно всему миру.

В глубинах Нью-Йорка Бейли вспомнил этот рассказ, и ему стало не по себе.

— Нас могут подслушать, — заговорил Р. Дэниел, и его голос подхватило слабое эхо.

— Здесь? Это абсолютно исключено. Ну, так что там насчет комиссара?

— Он был на месте преступления, Элайдж. Он — житель Города. Его, естественно, подозревали.

— Он и сейчас под подозрением?

— Нет. Его невиновность была быстро установлена. Прежде всего, у него не было бластера. И не могло быть. Он вошел в Космотаун обычным путем, в этом нет сомнения. А как вам известно, при входе в Космотаун положено оставлять свое оружие.

— Кстати, оружие убийцы нашли?

— Нет, Элайдж. Были проверены все бластеры в Космотауне, но ни один из них не стрелял в течение нескольких недель. Проверка радиационных камер не оставляет в этом никаких сомнений.

— В таком случае, тот, кто совершил убийство, кем бы он ни был, либо спрятал оружие так хорошо, что…

— Оно не могло быть спрятано в Космотауне. Мы очень тщательно все обыскали, — сказал Р. Дэниел.

— Я пытаюсь рассмотреть все возможности, — нетерпеливо прервал его Бейли. — Либо бластер

был спрятан, либо убийца унес его с собой.

— Именно так.

— И если вы допускаете лишь вторую возможность, тогда комиссар чист.

— Да. В качестве дополнительной меры предосторожности его подвергли цереброанализу.

— Какому анализу?

— Под цереброанализом я подразумеваю расшифровку электромагнитных полей живых мозговых клеток.

— А-а… — протянул Бейли, хотя объяснение Р. Дэниела не внесло никакой ясности. — И что это вам дает?

— Мы получаем информацию о темпераменте и эмоциональном складе данного человека. Что касается комиссара Эндерби, анализ показал, что он не способен на убийство доктора Сартона. Совершенно не способен.

— Верно, — согласился Бейли. — Он человек совсем другого склада. Это я мог бы вам сказать и без цереброанализа.

— Лучше иметь объективную информацию. Естественно, все жители Космотауна также согласились на цереброанализ.

— И, конечно, оказалось, что все они не способны на убийство?

— Вне всяких сомнений. Вот почему мы считаем, что убийца — один из жителей Города.

— Ну что ж, тогда все, что нам нужно, это провести все население Города перед вашим проницательным прибором.

— Это было бы неразумно, Элайдж. В Городе, возможно, нашлись бы миллионы способных по своему темпераменту на убийство.

— Миллионы, — проворчал Бейли, вспоминая о тех далеких днях, когда толпы землян кляли на чем свет стоит «грязных космонитов», и о грозной толпе, собравшейся у обувного магазина накануне вечером.

Бедняга Джулиус. Подозреваемый! Бейли и сейчас мог слышать голос комиссара, описывающего картину, представшую перед ним после того, как обнаружили труп.

«Это было чудовищно, просто чудовищно!» Неудивительно, что в потрясении и испуге он разбил свои очки. Неудивительно, что он не хотел возвращаться в Космотаун. «Ненавижу их», — выдавил он тогда сквозь зубы.

Бедный Джулиус! Человек, умеющий обращаться с космонитами. Человек, чья наибольшая заслуга перед Городом заключалась в его способности ладить с ними. Интересно, насколько это

помогло его продвижению по службе?

Неудивительно, что комиссар поручил расследование Бейли. Старина Бейли, преданный, умеющий держать язык за зубами. Однокашник по колледжу! Он не будет поднимать шум, если узнает об этом маленьком инциденте с очками. Бейли стало интересно, как проводился цереброанализ. Он представил огромные электроды, пантографы, деловито вычерчивающие кривые; то и дело щелкающие при смене положения автоматические устройства.

Бедняга Джулиус. Уж если он пребывал в таком неописуемом смятении (на что были все основания), то ему наверняка уже виделся конец его стремительной карьеры в лице мэра, читающего его вынужденное заявление об отставке.

Полицейская машина вползла на нижние этажи здания городского муниципалитета.

Была уже половина третьего, когда Бейли снова занял свое место за своим рабочим столом. Комиссара на месте не оказалось. Р. Сэмми, как всегда скаливший зубы, не знал, где он.

Бейли провел некоторое время в раздумьях. Он забыл о том, что еще не обедал.

В пятнадцать двадцать к его столу подошел Р. Сэмми и сообщил:

— Комиссар у себя, Лайдж.

— Спасибо, — поблагодарил Бейли.

Голос Р. Сэмми впервые не вызвал в нем раздражения. В конце концов, Р. Сэмми в каком-то роде приходился родственником Р. Дэниелу, а Р. Дэниел явно не был существом или, вернее, вещью, которая могла вызывать раздражение. «Интересно, — подумал Бейли, — как все будет на новой планете, где люди и роботы вместе начнут строить новое общество?» Эта мысль уже не вызывала в нем внутреннего неприятия.

Когда Бейли вошел в кабинет комиссара, тот пересматривал какие-то документы, время от времени прерываясь, чтобы сделать пометку.

— Ну и дали же вы маху в Космотауне! — сказал он.

Бейли живо представил себе недавно пережитое. Словесную дуэль с Фастольфом…

Его длинное лицо еще больше вытянулось от досады.

— Да, я виноват, комиссар.

Эндерби оторвался от бумаг. Его глаза пристально смотрели на Бейли сквозь очки. Казалось, в тот момент он впервые за последние тридцать часов выглядел самим собой.

— Ничего страшного. Кажется. Фастольф вос-

принял все спокойно, так что забудем об этом. Эти космониты просто непредсказуемы. Вам повезло, Лайдж, хоть вы этого и не заслуживаете, В следующий раз обсудите все со мной, прежде чем разыгрывать из себя супермена-одиночку из субэфирных фильмов.

Бейли кивнул. Тяжелый груз свалился с его плеч. Он попытался вывести космонитов на чистую воду, но из этого ничего не вышло. Пусть так. Бейли немного удивило, что он так легко воспринял свою неудачу, но что было, то было.

— Послушайте, комиссар, — сказал он. — Мне нужна квартира на двоих — для меня и Р. Дэниела. Сегодня я не собираюсь вести его к себе домой.

— Что все это значит?

— Стало известно, что он робот. Помните? Может быть, ничего и не случится, но, если начнутся беспорядки, я не хочу, чтобы пострадала моя семья.

— Чепуха, Лайдж. Я навел справки. Никаких таких слухов в Городе нет.

— Но Джесси откуда-то узнала, комиссар.

— Ну, нет никаких организованных: слухов. Ничего опасного. Я занимался проверкой с тех пор, как отключился от дома Фастольфа. Как раз поэтому я и ушел. Нужно было оперативно

выявить источник слухов. Вот у меня отчеты. Можете убедиться сами. Вот сообщение Дорис Джиллид. Она обошла женские туалетные блоки в разных районах Города. Ты знаешь Дорис. Это компетентная девушка. Так вот, она ничего не обнаружила. Нигде ничего.

— Тогда как же слухи дошли до Джесси, комиссар?

— Это можно объяснить. Р. Дэниел выставил себя напоказ в обувном магазине. Кстати, Лайдж, он действительно вытащил бластер или вы несколько преувеличивали?

— Он действительно его вытащил и направил на толпу.

Комиссар покачал головой.

— Ну что ж. Кто-то узнал его. Я имею в виду, узнал в нем робота.

— Погодите! — возмущенно откликнулся Бейли. — В нем невозможно узнать робота.

— Отчего же?

— Вы смогли? Я — нет.

— Это ничего не доказывает. Мы не специалисты. А что если в толпе был какой-нибудь роботехник с вестчестерских фабрик? Профессионал. Человек, посвятивший всю свою жизнь созданию роботов. Он замечает в Р.Дэниеле что-

то необычное. Может быть, в том, как тот говорит или ведет себя. Он начинает размышлять над этим. Может быть, делится со своей женой. Та рассказывает об этом своим подругам. И на этом все заканчивается. Предположение слишком невероятно. Люди не верят этому. Но прежде чем исчезнуть, слух дошел до Джесси.

— Может быть, — с сомнением произнес Бейли. — Но все-таки как насчет холостяцкой комнаты на двоих?

Комиссар пожал плечами и поднял трубку селекторной связи. Через некоторое время он сказал:

— Секция Q-2. Все, что они могут предложить, Не очень хороший район.

— Сойдет.

— Кстати, где сейчас Р. Дэниел?

— Он в нашей картотеке. Пытается собрать информацию о медиевистских агитаторах.

— Боже правый, их же миллионы.

— Знаю, но это доставляет ему удовольствие. Уже дойдя до двери, Бейли неожиданно обернулся и спросил:

— Комиссар, доктор Сартон когда-нибудь говорил с вами о программе Космотауна? Я имею в виду, о внедрении культуры *C*/*Fe*?

— Какой культуры?

— О внедрении роботов.

— Кажется, да.

Тон комиссара не выражал никакого интереса.

— Он когда-нибудь разъяснял вам цели Космотауна?

— О, улучшение здоровья, повышение уровня жизни. Обычная болтовня, ничего особенного. Да, я соглашался с ним. Кивал головой и все такое. Что мне оставалось делать? Просто приходится подыгрывать им и надеяться, что в своих понятиях они не выйдут за пределы разумного. Может быть, когда-нибудь…

Бейли ждал, но комиссар так и не сказал, что могло произойти «может быть, когда-нибудь».

— Он говорил об эмиграции? — не отставал Бейли.

— Об эмиграции? Никогда. Запустить землянина во Внешний Мир — все равно что найти алмазный астероид в кольцах Сатурна.

— Я имел в виду эмиграцию на новые миры.

Но на этот вопрос комиссар ответил взглядом, полным неподдельного скептицизма. Бейли на мгновение задумался и затем с неожиданной прямотой выпалил:

— Комиссар, что такое цереброанализ? Когда-

нибудь слышали о нем?

На круглом лице комиссара не отобразилось и тени замешательства. Продолжая спокойно смотреть на Бейли, он ровным голосом сказал:

— Нет. А что это такое?

— Да нет, ничего. Просто где-то услышал. Бейли вышел из кабинета.

Сидя за своим столом, он снова погрузился в размышления. Комиссар, конечно, не был настолько хорошим актером. Ну что же, в таком случае…

В шестнадцать ноль-пять Бейли позвонил Джесси и предупредил ее, что не будет ночевать дома сегодня и, возможно, еще несколько дней. Освободиться от нее после этого оказалось не так-то просто.

— Что-нибудь случилось, Лайдж? Тебе грозит опасность?

— В жизни полицейского всегда есть место определенной опасности, — объяснил он как можно беспечнее.

Это ее не удовлетворило.

— Где ты будешь ночевать?

На этот вопрос он отвечать не стал.

— Если будет одиноко, — посоветовал он, — переночуй у своей матери. — Он поспешно положил

трубку, вряд ли стоило продолжать разговор.

В шестнадцать двадцать он позвонил в Вашингтон. Потребовалось довольно много времени, чтобы найти нужного ему человека, и почти столько же времени, чтобы убедить его на следующий день вылететь в Нью-Йорк. К шестнадцати сорока ему это удалось.

В шестнадцать пятьдесят пять из кабинета вышел комиссар и неуверенно улыбнулся Бейли, проходя мимо. Дневная смена повалила к выходу. Те немногочисленные сотрудники, которые работали здесь вечером и ночью, приветствовали Бейли с различной степенью удивления в голосе. К его столу приблизился Р. Дэниел со стопкой бумаг в руках.

— Что это? — спросил Бейли.

— Списки тех, кто может входить в организацию медиевистов.

— И сколько их оказалось?

— Более миллиона, — ответил Р. Дэниел. — У меня здесь только часть.

— И вы надеетесь проверить их всех, Дэниел?

— Разумеется, это было бы непрактично, Элайдж.

— Видите ли, Дэниел, почти все земляне в некоторой степени медиевисты. Комиссар, Джесси и я

сам. Посмотрите на комиссара с его (он чуть было не сказал «очками», но вовремя вспомнил, что земляне должны держаться вместе и что лицо комиссара нужно защищать как в прямом, так и в переносном смысле), с его украшениями на глазах, — нескладно закончил он.

— Да, — сказал Р. Дэниел, — я обратил на него внимание, но думал, что с моей стороны было бы неделикатно спрашивать о нем. На других жителях Города я не видел таких украшений.

— Это очень старомодная вещь.

— Она служит каким-нибудь практическим целям?

Оставив этот вопрос без ответа, Бейли резко сменил тему.

— Каким образом вы составляли этот список?

— С помощью машины. Нужно только настроить ее на определенный тип правонарушения, а она сделает все остальное. Одной я дал задание проверить все случаи мелкого хулиганства, связанные с роботами, за последние двадцать пять лет. Другая машина просмотрела все городские газеты за тот же период в поисках имен тех, кто высказывался против роботов или жителей Внешних Миров. Просто удивительно, как много Можно сделать за три часа! Машина даже

вычеркнула из списка имена тех, кого уже нет в живых.

— Вас это удивляет? Ведь у вас на Внешних Мирах тоже есть компьютеры.

— Конечно, причем самые разнообразные. Весьма совершенные. И все же нет таких огромных и сложных, как здесь. Не забывайте, что население даже самого большого из Внешних Миров едва достигает численности проживающих в Нью-Йорке, поэтому у нас нет необходимости в сверхсложных машинах.

— Вы когда-нибудь бывали на Авроре? — поинтересовался Бейли.

— Нет, — ответил Р. Дэниел. — Меня собрали здесь, на Земле.

— Тогда откуда же вы знаете, какие на Внешних Мирах компьютеры?

— Очень просто, коллега Элайдж. Моя электронная память содержит все те знания, которыми обладал доктор Сартон. Можете не сомневаться, что в ней много фактического материала, касающегося Внешних Миров.

— Ясно. Дэниел, вы можете есть?

— Я работаю на ядерной энергии, Я думал, вы это знаете.

— Прекрасно знаю. Я не спрашиваю, нужно ли

вам есть. Я спросил, можете ли вы есть. Сможете ли вы положить пищу в рот, пережевать ее и проглотить? Думаю, без этого вряд ли можно сойти за человека.

— Я понял вас. Да, я могу выполнять механические операции жевания и глотания. Моя вместимость, конечно, довольно ограничена, и рано или поздно мне надо удалять непереваренный материал из того, что вы могли бы назвать моим желудком.

— Отлично. Вы сможете его срыгнуть, или что там вы делаете, вечером, когда придем домой. Дело в том, что я проголодался. Я пропустил обед — ну и черт с ним! — в общем, я хочу, чтобы вы были рядом, пока я ем. Но если вы будете сидеть в столовой просто так, на вас сразу же обратят внимание. Потому я и спросил, можете ли вы сделать вид, что едите. Ну, идемте!

Столовые всех секторов Города были одинаковые. Более того, по делам службы Бейли довелось побывать в Вашингтоне, Торонто, Лос-Анджелесе, Лондоне и Будапеште, и там столовые были точно такими же. Возможно, в среднюю эпоху, когда языки отличались друг от друга так же, как национальные блюда, было иначе. Ныне всюду были одни и те же дрожжевые продукты: от Шанхая

до Ташкента и от Виннипега до Буэнос-Айреса; что касается английского языка, то он уже мало чем напоминал язык Шекспира или Черчилля и давно превратился в своеобразную мешанину, которой пользовались на всех континентах и даже, с некоторыми изменениями, на Внешних Мирах.

Однако, помимо языка и меню, были и более глубокие сходства, делавшие все столовые мира одинаковыми. Это тот особенный запах, не поддающийся определению, но свойственный только столовым. Это три потока медленно ползущей очереди, которые сливались в дверях, а затем снова разветвлялись налево, направо и в центр. Это гул от движения и разговоров множества людей и грохот пластмассовой посуды. Это длинные столы, блеск полированной отделки «под дерево», отражение света на стекле и воздух, пропитанный паром.

Бейли медленно двигался вперед вместе со всей очередью (как ни распределяли часы принятия пищи, каждый раз приходилось ждать в очереди минут десять, а то и больше) и неожиданно с любопытством спросил:

— Вы умеете улыбаться?

— Что вы сказали, Элайдж? — переспросил Р.

Дэниел, невозмутимо взиравший на окружающее.

— Мне просто интересно, Дэниел, умеете ли вы улыбаться, — невольно понизив голос до шепота, сказал Бейли.

Р. Дэниел улыбнулся. Улыбка получилась очень странная. Губы робота быстро растянулись, изогнувшись кверху, и в их уголках образовались складки. Улыбался, однако, только рот. Остальная часть лица не изменила своего выражения.

Бейли покачал головой.

— Довольно, Дэниел. Вам лучше не улыбаться.

Они подошли к входу. Один за другим люди опускали свои жетоны в соответствующую прорезь автоматического контролера. Щелк-щелк-щелк…

Однажды кто-то подсчитал, что четко работающая столовая могла пропустить двести человек в минуту, и это при том, что талон каждого тщательно проверялся, чтобы не допустить посторонних посетителей, а также избежать путаницы с графиком посещения столовой и распределения порций. Подсчитали также и то, какой длины должна быть очередь для максимально эффективной работы столовой и сколько времени тратилось на особое обслуживание.

Поэтому шагнуть к окошечку, за которым сидела дежурная, и сунуть ей спецпропуск, тем самым прервав равномерное щелканье автомата, как это сделали Бейли и Р. Дэниел, означало нарушить налаженный ритм работы столовой, что для ее работников было равносильно настоящему бедствию.

Джесси, знавшая как ассистент диетолога все тонкости работы столовой, как-то объясняла Бейли, что происходило в таких случаях.

— Все тогда идет кувырком, — рассказывала она. — Приходится заново рассчитывать количество порций, производить переучет продуктов. При этом не обойтись без дополнительной проверки. Нужно сверить регистрационные карточки со всеми столовыми других секторов, чтобы не слишком нарушить баланс. Понимаешь? Баланс составляется каждую неделю, и, если что-то не сходится и у тебя перерасход, вину всегда взваливают на тебя. Никому и в голову не придет обвинить городские власти, хотя они раздают спецталоны направо и налево. Еще бы! А когда приходится объявлять, что выбор блюд временно ограничивается, очередь тут же поднимает страшный шум. И всегда виноваты те, кто стоит за стойкой…

Джесси обрисовала картину в мельчайших подробностях, так что Бейли прекрасно понимал тот холодный ненавидящий взгляд, которым одарила его из-за окошечка дежурная. Она поспешно сделала несколько записей: адрес, род занятий, причина перемены места питания («служебная командировка» — причина раздражающая, но неопровержимая), Затем уверенными движениями пальцев она сложила регистрационную карточку с данными Бейли и опустила ее в прорезь компьютера. Тот подхватил ее, проглотил ее содержание и переварил информацию.

Дежурная повернулась к Р.Дэниелу. Бейли решил, что пора сказать ей о самом худшем.

— Мой друг не из Нью-Йорка.

Вот теперь она была совершенно вне себя от ярости.

— Город проживания, пожалуйста.

Бейли снова ответил за Р. Дэниела:

— Все данные имеются в департаменте полиции. Обойдемся без подробностей. У нас официальное задание.

Женщина резко подвинула к себе пачку карточек и привычным нажатием двух пальцев правой руки заполнила нужные строчки электронным кодом.

— Как долго вы будете здесь питаться?

— Впредь до дальнейших распоряжений, — ответил Бейли.

— Приложите пальцы вот здесь, — сказала она, развернув бланк.

Бейли охватила тревога, когда к бумаге прижались ровные, с блестящими ногтями, пальцы Р. Дэниела. «Надеюсь, они не забыли снабдить его отпечатками пальцев», — подумал он.

Женщина забрала бланк и отправила его в нутро всеядной машины, стоявшей рядом. Машина назад ничего не отрыгнула, и Бейли облегченно вздохнул.

Дежурная выдала им маленькие жетоны ярко-красного цвета, что означало «временный», и предупредила:

— Свободного выбора блюд нет. У нас перерасход продуктов. Занимайте места за столом *ДФ.*

Они направились к столу *ДФ.*

— У меня такое впечатление, будто большинство из вас постоянно питается в подобных столовых, — заметил Р. Дэниел.

— Да. Конечно, довольно неприятно есть в чужой столовой. Вокруг ни одного знакомого. Совсем другое дело, когда находишься в столовой своего сектора. У тебя постоянное место. Ты в

кругу своей семьи, своих друзей. Время принятия пищи оставляет одно из самых ярких впечатлений дня, особенно когда ты молод.

Бейли улыбнулся мимолетным воспоминаниям.

Стол *ДФ* был явно предназначен для временных клиентов. Сидевшие за ним молчали, смущенно уткнувшись в свои тарелки. Время от времени они украдкой бросали завистливые взгляды на смеющиеся компании за соседними столиками.

«Ни у кого не бывает так тяжело на душе, как у человека, обедающего не в своем секторе, — подумал Бейли. — Как там говорится в старой пословице? В гостях хорошо, а в родной столовой лучше. Дома даже еда кажется вкуснее, сколько бы ни клялись химики, что она абсолютно не отличается от той, что подают в Иоганнесбурге».

Бейли сел на табурет, рядом уселся Р. Дэниел.

— Свободного выбора нет, — пробурчал Бейли, пробежав по столу пальцами. — Что ж, делать нечего, поверните переключатель вон там и ждите.

Прошло две минуты. Диск в крышке стола отодвинулся в сторону, и из образовавшегося отверстия поднялось блюдо с едой.

— Картофельное пюре, сок из зимотелятины и

компот из абрикосов. Ну что ж, неплохо, — сказал Бейли.

В углублении перед низкой переборкой, идущей по центру стола, появились вилки и два кусочка дрожжевого хлеба.

— Если хотите, можете взять мою порцию, — негромко предложил Р. Дэниел.

На мгновение Бейли окаменел. Но затем вспомнил, с кем имеет дело, и пробормотал:

— Это неприлично. Давайте ешьте.

Бейли принялся усердно работать вилкой, но ел без удовольствия, чувствуя постоянное напряжение. Время от времени он осторожно поглядывал на Р. Дэниела. робот пережевывал пищу точно рассчитанными движениями челюстей. Слишком рассчитанными. И это выглядело не совсем естественно.

Странно! Теперь, когда Бейли знал, что Р. Дэниел действительно не человек, он стал замечать все мелочи, выдающие в нем робота. Например, когда Р. Дэниел глотал, его адамово яблоко оставалось неподвижным.

Но он уже не придавал этому особого значения. Может, он начал привыкать к неживому существу? Допустим, что люди начнут освоение нового мира (с тех пор как доктор Фастольф заро-

нил в нем эту мысль, он постоянно возвращался к ней); допустим, покинуть Землю должен будет, ну например, Бентли; сможет ли он спокойно работать и жить рядом с роботами? А почему бы и нет? Космониты ведь могут.

— Элайдж, прилично ли смотреть на человека, когда он ест? — прервал его мысли Р. Дэниел.

— Конечно, нет, особенно если глазеть на него в упор. Это подсказывает простой здравый смысл, не так ли? Человек имеет право на уединение. Дружеская беседа за столом — это вполне нормально, но нельзя же при этом заглядывать человеку прямо в рот.

— Ясно. Но тогда почему я насчитал восемь человек, которые внимательно, очень внимательно наблюдают за нами?

Бейли положил вилку и огляделся вокруг будто в поисках солераздатчика.

— Я не заметил ничего необычного, — сказал он, впрочем без особой уверенности в голосе. Для него сотни обедающих были лишь огромной, совершенно безликой массой. Когда же Р. Дэниел повернулся и посмотрел на него своими неподвижными карими глазами, у Бейли закралось подозрение, что он видел не глаза, а сканирующие устройства — анализаторы изображения,

способные с фотографической точностью а доли секунды зафиксировать окружающее.

— Но я абсолютно в этом уверен, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Ну и что ж? Что из этого? Да, они плохо воспитаны, но что это доказывает?

— Не знаю, Элайдж, но может ли быть совпадением, что шестеро из них были вчера в толпе у обувного магазина?

Глава одиннадцатая
Бегство от преследования

Бейли судорожно сжал вилку.

— Вы уверены? — машинально спросил он и, еще не успев договорить до конца, понял неуместность своего вопроса: никто не спрашивает компьютер, уверен ли он в своем ответе, даже если этот компьютер с руками и ногами.

— Абсолютно!

— Они близко?

— Не очень. Они в разных местах зала.

— Понятно.

Бейли снова принялся за еду, механически работая вилкой. Он нахмурился и лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию.

Что если вчерашний инцидент был организован группой фанатических противников роботов, а не был стихийным возмущением людей, как это показалось поначалу? Среди подстрекателей вполне могли быть люди, которые специально изучали роботов именно из чувства ненависти к ним. Один из них мог распознать в Р. Дэниеле робота. Кстати, комиссар предполагал нечто

подобное. Черт возьми, этот человек обладает поразительной глубиной мысли!

Вырисовывалась стройная картина. Вчера они не смогли воспользоваться моментом и выступить организованно, но наверняка готовили новые провокации. Раз им удалось распознать такого робота, как Дэниел, они с таким же успехом могли догадаться, что Бейли — полицейский. А уж если офицер полиции находится в необычном обществе человекоподобного робота, значит, он выполняет какое-то особое задание. Теперь, задним числом, Бейли нетрудно было все это осмыслить.

Из этого следовало, что наблюдатели у городского муниципалитета (а может быть, и в самом муниципалитете) быстро выследили Бейли, Р. Дэниела или их обоих. Неудивительно, что они сумели сделать это за сутки. Они обнаружили бы его и раньше, не проведи он столько времени в Космотауне и на мотошоссе.

Р. Дэниел покончил со своим обедом. Он спокойно сидел и ждал, положив свои безупречные руки на край стола.

— Может, нам лучше начать как-то действовать? — спросил он наконец.

— Здесь, в столовой, мы в безопасности, — от-

ветил Бейли, — и вообще, предоставьте это мне. Пожалуйста.

Бейли осторожно обвел глазами столовую, и ему показалось, будто он видит ее в первый раз.

Люди! Тысячи людей! Сколько человек вмещала в себя средняя столовая? Однажды он где-то видел цифру. Кажется, две тысячи двести. А эта столовая была больше средней.

Что если в воздухе взорвется крик: «Робот!»? Что если он пронесется среди тысяч, как… как…

Он не находил слов для сравнения, но это и не имело значения. Такого не случится.

Стихийные беспорядки могли вспыхнуть где угодно: в столовых, в коридорах или в подъемниках. В столовых даже скорее всего. Там люди вели себя чуть раскованней, чем где бы то ни было, и довольно любого пустяка, чтобы эта раскованность переросла в нечто более серьезное.

Совсем другое дело — беспорядки организованные. В огромной столовой, забитой до отказа людьми, сами зачинщики оказались бы в ловушке, Начнись в зале заваруха с метанием тарелок и крушением столов, выбраться оттуда было бы очень непросто. Наверняка погибли бы сотни людей, и сами подстрекатели вполне могли попасть в их число.

Нет, безопасней устроить мятеж на улицах Города, в каком-нибудь сравнительно узком переходе, В ограниченном пространстве паника и истерия будут распространяться медленно, и у заговорщиков хватит времени, быстро, по заранее намеченному плану, исчезнуть в боковом переходе или незаметно вскочить на межсекторный эскалатор и там раствориться среди пассажиров.

Бейли понял, что попал в западню. Наверняка у этих восьмерых есть сообщники, поджидающие снаружи. Они будут неотступно следовать за Бейли и Р. Дэниелом и, улучив момент, подожгут запал.

— Почему бы их не арестовать? — спросил Р. Дэниел.

— Это лишь приблизит начало беспорядков. Вы знаете их в лицо, так ведь? Не забудете?

— Я не способен забывать.

— Значит, мы сцапаем их в другой раз. А сейчас мы будем прорываться сквозь их сети. Повторяйте в точности все мои действия.

Он встал, осторожно перевернул свою тарелку вверх дном и поставил ее в центр диска, из-под которого она поднялась. Затем положил вилку в предназначенное для нее углубление. Глядя на Бейли, Р. Дэниел сделал то же самое. Тарелки и

столовые принадлежности тотчас исчезли.

— Они тоже поднимаются, — предупредил Р. Дэниел.

— Хорошо. Думаю, они не станут подходить к нам слишком близко. По крайней мере, здесь.

Напарники стали в очередь, продвигавшуюся к выходу, где слышалось ритуальное пощелкивание автоматов. Каждый щелчок означал, что израсходован еще один обеденный паек. У выхода Бейли оглянулся и еще раз обвел глазами гудящий зал, утопающий в облачках поднимающегося с тарелок пара. Он вдруг в мельчайших подробностях вспомнил, как они с Беном ходили в городской зоопарк, Это было шесть или семь лет назад, нет, восемь. Бену тогда только исполнилось восемь лет. (Боже! Как бежит время!)

Бен попал в зоопарк впервые и поэтому был в восторге. Немудрено, ведь он никогда раньше не видел живую кошку или собаку. И потом, там ко всему прочему был павильон с настоящими птицами! Даже сам Бейли, видевший его уже раз десять, не мог оставаться равнодушным к этому зрелищу.

Когда впервые наблюдаешь, как эти крошечные создания проносятся по воздуху, возникает какое-то потрясающее, ни с чем не сравнимое

чувство. Было как раз время кормления воробьев, и работник зоопарка разбрасывал в длинные кормушки дробленый овес. (Люди уже привыкли к дрожжевым заменителям, но по-своему консервативные животные и птицы требовали натуральных продуктов.)

Воробьи слетались со всех сторон, и казалось, им не будет конца. С громким чириканьем, от которого закладывало уши, они плотно, крыло к крылу, рассаживаясь вдоль кормушки…

Так вот оно что! Вот какая картина всплыла в памяти Бейли, когда он оглянулся, выходя из столовой: воробьи у кормушки. Эта мысль вызвала у Бейли отвращение. «Господи! — подумал он. — Должен же быть какой-то иной путь!»

Но какой? Чем был плох тот, что избрали они? Прежде такие вопросы никогда не волновали его.

— Готовы, Дэниел? — коротко спросил он.

— Я готов, Элайдж.

Они вышли из столовой. Теперь их спасение было целиком в руках Бейли.

Трудно найти подростка, который не знал бы игру под названием «догонялки по полосам». Ее правила разнятся от Города к Городу, но суть остается неизменной. А потому любой мальчишка из

Сан-Франциско может без труда присоединиться к игре сверстников в Каире.

Смысл ее состоит в том, чтобы из пункта А попасть в пункт Б через систему скоростного сообщения Города. Причем ведущий должен сделать это таким образом, чтобы оторваться от как можно большего числа догоняющих.

Ведущий, прибывающий к пункту назначения в одиночестве, получает признание сверстников за сноровку, так же как и догоняющий, которого не удалось «сбросить с хвоста».

Обычно игра проводится во время вечерних часов пик, когда возросший поток людей, едущих с работы домой, делает ее более опасной и сложной, Ведущий начинает игру, устремляясь вперед по ускоряющимся полосам. Чтобы сбить с толку догоняющих, он использует всевозможные хитрости: остается стоять на одной полосе как можно дольше и затем внезапно перепрыгивает на какую-нибудь полосу, идущую в другом направлении. Или быстро пробегает по нескольким полосам и потом снова выжидает на одной из них.

Беда тому догоняющему, который по невнимательности ошибется полосой. Если он недостаточно ловок, то, прежде чем осознает свою

ошибку, безнадежно отстанет или, наоборот, унесется далеко вперед от ведущего. Находчивый ведущий сделает такой промах неисправимым, помчавшись в соответствующем направлении.

Еще один прием, придуманный для того чтобы усложнить задачу игроков раз в десять, заключается в том, чтобы в ходе игры попытаться пересечь местные линии или даже экспресс-дорогу. Считается дурным тоном как полностью избегать их, так и слишком долго на них задерживаться.

Взрослым трудно понять притягательность этой игры, особенно тем, кто никогда не играл в нее в детстве. С игроками, то и дело налетающими на кого-нибудь из окружающих пассажиров, не очень-то церемонятся. Их сурово преследует полиция, наказывают родители. Их обсуждают в школах, предупреждают об опасности по субэфирному видео. Не проходит и года, чтобы во время пробега не погибло пять-шесть подростков, не говоря уже о десятках получивших увечья и о множестве «невинно» пострадавших, кому в ходе игры был нанесен тот или иной ущерб.

Но, несмотря ни на что, ватаги подростков продолжают носиться по полосам; игру невозможно искоренить. Чем больше опасность, тем

желаннее для игроков та самая ценная из всех наград — уважение в глазах сверстников. Заслуживший ее счастливчик имеет все основания расхаживать с важным видом, а уж тот, кто добьется славы непобедимого ведущего, и вовсе становится важной персоной.

Элайдж Бейли, например, даже сейчас с удовольствием вспоминал, как и он когда-то бегал по полосам. Как-то ой вел группу в двадцать человек от сектора Конкорс к границам Квинза через три экспресс-дороги. После двух часов неутомимого упорного бега он оторвался от самых проворных преследователей и в одиночестве прибыл к месту назначения. Об этом пробеге говорили не один месяц.

Конечно, теперь уже силы были не те: не так давно ему стукнуло сорок. И хотя больше двадцати лет он не бегал, некоторые хитрости помнил до сих пор. Он потерял былую ловкость, зато приобрел нечто другое. Он стал полицейским. Лишь сотрудник полиции, за плечами которого многолетний опыт работы, мог знать Город так же хорошо, как он, знать, где начинается и кончается почти каждый закованный в металл переулок.

Бейли живо, но не слишком быстро двинулся прочь от столовой. Каждую секунду он ждал,

что сзади вот-вот раздастся крик: «Робот, робот!» Эти первые минуты были самыми опасными. Он считал каждый шаг, пока не почувствовал под ногами первую ускоряющуюся полосу.

На мгновение он остановился, и Р. Дэниел ровной походкой подошел к нему вплотную.

— Они идут за нами, Дэниел? — шепотом спросил Бейли.

— Да. Они приближаются.

— Это ненадолго, — уверенно проговорил Бейли.

Он обвел глазами полосы, тянувшиеся по обеим сторонам от него. По мере удаления от того места, где стояли они с Р. Дэниелом, полосы слева постепенно увеличивали скорость своего движения: самые дальние из них мчали свой живой, человеческий груз быстрее всех.

Почти каждый день своей жизни Бейли по нескольку раз приходилось ощущать под ногами движение полос, но теперь впервые за последние семь тысяч дней он слегка напружинил ноги, согнув их в коленях, перед тем как рвануться вперед. Совсем как в прежние времена, его охватило волнение. Его дыхание участилось. Бейли уже почти забыл, как однажды поймал игравшего в эту игру Бена. Тогда он прочитал ему бесконечно

длинную нотацию и пригрозил отдать его под надзор полиции.

Легко, проворно, со скоростью, превышающей в два раза безопасную, он двинулся по ускоряющимся полосам. Чтобы удержать равновесие, ему приходилось сильно наклоняться вперед. Мимо с гулом проносилась местная линия. На мгновение показалось, будто Бейли собирается вскочить на нее, но он вдруг стал отходить все назад и назад, лавируя среди пассажиров, толпы которых становились тем плотнее, чем медленнее двигались полосы.

Он остановился и дал себе передышку на полосе, движущейся со скоростью всего лишь пятнадцать миль в час.

— Сколько их осталось, Дэниел?

— Только один, Элайдж.

Робот стоял рядом, спокойный, нисколько не запыхавшийся.

— Должно быть, в свое время он тоже был неплохим бегуном, но и ему долго не продержаться.

Полный уверенности в своих силах, он вспомнил полузабытое ощущение детских лет. Оно состояло частично из чувства погружения в мистический ритуал, к которому допускались

только посвященные, частично из чисто физического ощущения ветра, бьющего прямо в лицо и развевающего волосы, частично из смутного ощущения опасности.

— Сейчас мы ему покажем то, что называется боковой уверткой, — тихо сказал Бейли Р. Дэниелу.

Размашистым шагом он двинулся вдоль полосы, почти без усилий лавируя среди других пассажиров. Не сбавляя скорости, он шел, все время придерживаясь самого края полосы, пока равномерное движение его головы в толпе не стало оказывать какое-то гипнотическое воздействие, на что все и было рассчитано.

И тут, не сбиваясь с шага, Бейли переместился на два дюйма в сторону и оказался на соседней полосе. Удерживая равновесие, он до боли напряг мышцы ног. Не останавливаясь, он рванулся сквозь плотную стену пассажиров и мгновение спустя был уже на сорокапятимильной полосе.

— Ну, что там, Дэниел?

— Он не отстает, — последовал спокойный ответ: Губы Бейли судорожно сжались. Делать было нечего. Оставалось только использовать скоростные платформы, а это требовало очень хорошей координации движений, возможно,

более четкой, чем та, что еще у него сохранялась.

Бейли быстро осмотрелся. В каком точно месте они находились? Мимо промелькнула улица *B-22*. Наскоро прикинув маршрут, он двинулся дальше, легко преодолел оставшиеся полосы ускорения и с размаху вскочил на платформу местной линии.

Безразличные лица пассажиров, утомленных однообразной дорогой, исказились от негодования, когда Бейли и Р. Дэниел протиснулись под перилами.

— Эй, потише! — взвизгнула какая-то дама, хватаясь за свою шляпку.

— Простите, — извинился Бейли задыхаясь.

Он с трудом пробился сквозь строй стоящих пассажиров и, изогнувшись, спрыгнул с платформы на соседнюю полосу. В самый последний момент какой-то оттиснутый им пассажир в сердцах сильно ударил его в спину. Он потерял равновесие. Отчаянно пытаясь удержаться на ногах, он с трудом перешагнул на соседнюю полосу. От резкой перемены скорости он сначала упал на колени, а затем повалился на бок. В это мгновение он с ужасающей ясностью представил себе, что последует дальше: вот на него налетают идущие следом пешеходы, они сбивают с ног других, образуется людская пробка, и в этой

страшной неразберихе не миновать переломанных рук и ног…

Но тут он почувствовал, как его подхватила рука Дэниела. Робот, обладающий сверхчеловеческой силой, без труда поставил его на ноги.

— Спасибо, — выдохнул Бейли. На большее не было времени.

Он сорвался с места и по замедляющимся полосам помчался дальше. По его хитроумному плану нужно было спуститься к. V-образной экспресс-линии точно в том месте, где пересекались две ее ветки. Не снижая скорости, он снова пересек ускоряющиеся полосы, добрался до экспресса и перебрался через него.

— Он все еще с нами, Дэниел?

— Никого не видно, Элайдж.

— Хорошо. Но какой бы из вас получился бегун по полосам, Дэниел! Так, давайте-ка сюда.

Не останавливаясь, они ринулись дальше, к следующей межсекторной линии, а оттуда — по грохочущим замедляющимся полосам вниз, к большим, внушительного вида воротам. Навстречу им поднялся охранник.

Бейли помахал у него перед носом своим удостоверением:

— Мы здесь по делу. Они прошли внутрь.

— Силовая станция, — отрывисто бросил Бейли. — Здесь наши следы окончательно затеряются.

Бейли и прежде бывал на силовых станциях, в том числе — на этой. И тем не менее всякий раз его охватывало какое-то тревожное чувство благоговейного трепета. Это чувство усиливалось от преследовавшей его мысли о том, что некогда его отец руководил подобным предприятием. До тех пор пока…

Вокруг стоял гул гигантских генераторов, скрытых в центральной шахте станции, в воздухе чувствовался легкий запах озона, безмолвные красные линии сурово предупреждали, что за обозначенные ими пределы запрещалось входить без защитной одежды.

Где-то на станции (Бейли точно не знал где) каждый день расходовался примерно фунт ядерного топлива. Время от времени радиоактивные продукты распада, так называемый «горячий пепел», под давлением воздуха выносились по свинцовым трубам в отдаленные каверны, располагавшиеся в десяти милях от берега океана на глубине в полмили от его дна. Иногда Бейли задавал себе вопрос: «Что произойдет, когда каверны заполнятся?»

— Держитесь подальше от красных линий, — предупредил он Р. Дэниела неожиданно резким тоном. Затем опомнился и добавил сконфуженно: — Хотя, вероятно, для вас это не имеет значения.

— Это связано с радиоактивностью? — спросил Р. Дэниел.

— Да.

— В таком случае, это как раз имеет для меня значение. Гамма-излучение уничтожает тонкое равновесие позитронного мозга. Оно повредило бы мне быстрее, чем вам.

— Вы хотите сказать, оно убило бы вас?

— Мне потребовался бы новый позитронный мозг. А поскольку невозможно создать два абсолютно одинаковых мозга, то я стал бы совершенно другой личностью. Тот Дэниел, с которым вы сейчас говорите, был бы, так сказать, мертв.

Бейли с сомнением посмотрел на своего напарника.

— Я об этом и не догадывался… Нам сюда.

— На этом стараются не заострять внимания. Космонит желает убедить землян в полезности таких, как я, а не в наших слабостях.

— Тогда зачем говорить мне?

Р. Дэниел посмотрел прямо в глаза своему компаньону.

— Вы мой партнер, Элайдж. Вам нужно знать все мои слабости и недостатки.

Бейли кашлянул. Ему больше нечего было сказать по этому поводу.

— На выход сюда, — сказал он немного погодя. — Отсюда четверть мили до нашей квартиры.

Это была мрачная квартира низшего разряда. Одна маленькая комната с двумя кроватями. Два складных стула и стенной шкаф. Встроенный экран субэфирного видео без всяких ручек управления и регулировки, принудительно работающий определенное время суток. Никакого умывальника, даже отключенного, никакого кухонного оборудования, даже для того чтобы вскипятить воду. Лишь в углу уродливая труба мусоропровода, Постоянно издававшая неприятные звуки.

Бейли поежился.

— Ну вот и наши хоромы. Думаю, как-нибудь продержимся.

Р. Дэниел подошел к мусоропроводу. От едва заметного прикосновения его рубашка разошлась по шву, обнажив мускулистую на вид грудь, покрытую гладкой кожей.

— Что вы делаете? — удивился Бейли.

— Решил избавиться от съеденной пищи. Если

оставить ее там, она начнет разлагаться и я буду вызывать отвращение.

Р. Дэниел осторожно нащупал двумя пальцами какую-то точку под одним из сосков и особым образом нажал на нее. Его грудная клетка распахнулась по вертикали. Он засунул руку внутрь и вытащил из хаотического нагромождения поблескивающих металлических деталей слегка раздувшийся мешочек. Бейли следил за роботом с чувством, близким к ужасу. Открыв мешочек, Р. Дэниел постоял в нерешительности и сказал:

— Продукты абсолютно чистые. Я не выделяю слюну и не жую. Понимаете, их засосало через пищевод воздухом. Их можно есть.

— Хорошо, хорошо, — мягко ответил Бейли. — Я не голоден. Выбрасывайте, и дело с концом.

Судя по всему, пищевой мешочек Р. Дэниела был сделан из фтористоуглеродного пластика. По крайней мере, пища к нему не прилипала, Она легко выходила из мешочка и постепенно исчезала в мусоропроводе.

«Еще и хорошие продукты перевели», — подумал Бейли.

Он сел на кровать и стащил с себя рубашку.

— Завтра предлагаю выйти пораньше.

— Есть причина?

— Нашим друзьям пока неизвестно местонахождение этой квартиры. По крайней мере, я надеюсь, что неизвестно. Чем раньше мы уйдем, тем в большей безопасности будем. А в муниципалитете первым делом нам нужно будет решить, стоит ли продолжать наше сотрудничество.

— Вы думаете, не стоит?

Бейли пожал плечами и угрюмо сказал:

— Мы не можем так рисковать каждый день.

— Но мне кажется…

Р. Дэниела прервала алая вспышка дверного сигнала.

Бейли бесшумно вскочил с кровати и достал бластер. Сигнальный огонек вспыхнул еще раз.

Держа большой палец на спусковой кнопке бластера, он тихо подошел к двери и поворотом специальной рукоятки включил дверное окошко одностороннего видения. Обзорное окошко было не очень удобным. Слишком маленькое, оно давало искаженное изображение. Но и этого оказалось вполне достаточно, чтобы Бейли различил за дверью своего сына Бентли.

Бейли действовал быстро. Он рывком отворил дверь, грубо схватил мальчугана за руку, не дав ему посигналить в третий раз, и затащил его в комнату.

Едва справляясь с дыханием, Бен смотрел недоуменно, прислонившись к стене, куда его отбросила рука отца. Выражение испуга очень медленно сходило с его лица. Он потер запястье.

— Пап! — обиженно проговорил он. — Можно было и не хватать меня так.

Бейли пристально вглядывался в обзорное окошко вновь запертой двери. Коридор в поле его зрения был пуст.

— Бен, ты кого-нибудь там видел, снаружи?

— Нет. Я просто пришел узнать, все ли у тебя в порядке.

— С какой стати у меня должно быть что-то не в порядке?

— Не знаю, Это все мама. Она плакала и все такое. Сказала, что, если я не пойду, она пойдет сама, и тогда неизвестно, что может случиться. Она прямо-таки заставила меня пойти, папа.

— Как ты нашел меня? — нетерпеливо прервал его Бейли. — Разве мама знала, где я?

— Нет, не знала. Я позвонил тебе на работу.

— И тебе сказали?!

Горячность отца испугала Бена.

— Конечно. А разве они не должны были?

Бейли и Р. Дэниел переглянулись. Бейли тяжело поднялся и спросил:

— Где сейчас мама, Бен? Дома?

— Нет, мы ходили ужинать к бабушке, и мама осталась у нее. Сейчас мне надо вернуться туда. Если, конечно, у тебя все в порядке.

— Ты останешься здесь. Дэниел, вы не заметили, где на нашем этаже находится переговорная трубка?

— Заметил. Вы собираетесь выйти из комнаты, чтобы воспользоваться ею?

— Так надо. Я должен позвонить Джесси.

— Позвольте заметить, что было бы разумно поручить это Бентли. Это связано с риском, а он представляет меньшую ценность.

Бейли ошарашенно посмотрел на робота.

— Да как вы…

«Боже, из-за чего я начинаю сердиться!» — подумал он и продолжил более спокойно:

— Вы не понимаете, Дэниел. Среди людей не принято посылать своих сыновей туда, где может быть опасно, даже если сделать это было бы разумнее всего.

— Опасно! — воскликнул Бен от ужаса и восторга одновременно. — Что происходит, пап? Ну скажи…

— Ничего, Бен. И перестань совать нос в чужие дела. Понятно? Готовься ко сну. Чтобы был в по-

стели, когда я вернусь. Слышишь?

— Ну ладно. Можешь на меня положиться. Я никому не скажу.

— Все, в кровать.

— О Господи!

Стоя у переговорной трубки, Бейли откинул полу пиджака так, чтобы бластер был у него под рукой. Он назвал свой личный номер и стал ждать, пока компьютер, установленный в пятнадцати милях от него, проверит, имеет ли он разрешение звонить. Ждать пришлось не очень долго, поскольку у сыщиков не было лимита на количество служебных звонков. Он назвал номер квартиры тещи.

Небольшой экран у основания аппарата засветился, и в нем появилось ее лицо.

— Мама, — сказал он как можно тише, — позовите Джесси.

Джесси, видимо, ждала его. Она сразу же появилась на экране. Взглянув на ее лицо, Бейли на всякий случай сделал изображение темнее.

— Не волнуйся, Джесси. Бен уже здесь. Так в чем все-таки дело? — Он водил глазами из стороны в сторону, держа под наблюдением коридор.

— С тобой все в порядке? Ты вне опасности?

— Со мной все в порядке. Ты же видишь. Пере-

стань, пожалуйста.

— Ох, Лайдж, я так беспокоилась.

— О чем? — строго спросил он.

— Ты знаешь. Этот твой друг…

— Что мой друг?

— Вчера ночью я говорила тебе. Быть беде.

— Чепуха. Я оставляю Бена у себя, а ты ложись спать. До свидания, дорогая.

Он прервал связь и дважды глубоко вздохнул, прежде чем отправиться обратно. От дурных предчувствий и страха его лицо стало серым.

Когда Бейли вернулся, Бен стоял посреди комнаты. Одна из его контактных линз аккуратно лежала в маленькой чашке. Другая все еще находилась у него на зрачке.

— Черт возьми, пап, неужели в комнате нет ни капли воды? Мистер Оливо говорит, что мне нельзя идти в туалетный блок.

— Он прав, Нельзя, Вставь эту штуку обратно, Бен. Ничего страшного, не произойдет, если ты одну ночь поспишь с ними.

— Ладно. — Бен снова вставил линзу, убрал свою чашку и залез в постель. — Ну и матрас!

Бейли повернулся к Р. Дэниелу.

— Надеюсь, вы ничего не будете иметь против, если вам придется провести ночь сидя?

— Конечно, нет. Кстати, меня заинтересовали стеклышки, которые Бентли носит на глазах. У всех землян есть такие?

— Нет. Только у некоторых, — рассеянно ответил Бейли. — Я, например, их не ношу.

— А с какой целью их надевают?

Бейли был слишком поглощен собственными тревожными мыслями, чтобы отвечать.

Свет погас.

Бейли не мог заснуть. Он смутно слышал, как дыхание Бентли стало глубоким и ровным, а затем перешло спокойное посапывание. Он повернулся и скорее ощутил, чем увидел, как Р. Дэниел сидит в полной неподвижности, глядя на дверь.

Затем Лайдж заснул, и ему приснился сон.

Ему снилось, что Джесси падает в реактор атомной станции и этому падению не было конца. Пронзительно крича, она протягивала к нему руки, но он лишь оторопело стоял у красной ограничительной линии не в силах переступить через нее и смотрел, как кувыркается в падении ее искаженная фигура, становясь все меньше и меньше, пока не превратилась в точку.

Во сне он только смотрел на нее и ничего не мог поделать, ибо знал, что это он сам столкнул ее.

Глава двенадцатая
Консультация у специалиста

Элайдж Бейли устало кивнул комиссару Джулиусу Эндерби, когда тот вошел в офис.

Комиссар посмотрел на часы и проворчал:

— Только не говорите мне, что вы провели здесь всю ночь!

— Я и не собираюсь этого говорить.

Комиссар понизил голос:

— Как прошла ночь? Были какие-нибудь неприятности? — Бейли покачал головой. — Я подумал, — продолжал комиссар, — что, пожалуй, преуменьшал возможность возникновения беспорядков. И если что-нибудь…

— Ради Бога, комиссар, — сухо сказал Бейли, — если бы что-нибудь случилось, я бы вам сказал. Не было абсолютно никаких неприятностей.

— Хорошо. — Комиссар двинулся дальше, к двери своего кабинета, за которой его ждало недоступное другим уединение, символ его высокого поста.

Бейли посмотрел вслед боссу и подумал: «Он-то, должно быть, хорошо выспался».

Бейли склонился к рапорту, в котором пытался описать свои действия за два последних дня, не упоминая, однако, о том, что произошло на самом деле. Но слова, которые он выстукивал одним пальцем, сливались и плясали у него перед глазами. Он не сразу заметил, что возле его стола кто-то стоит.

Бейли поднял голову.

— Чего тебе?

Это был Р. Сэмми. «Личный лакей Джулиуса, — подумал Бейли. — Выгодно быть комиссаром».

— Комиссар хочет видеть вас, Лайдж. Говорит, немедленно.

С лица Р. Сэмми не сходила бессмысленная улыбка.

— Он только что видел меня. Скажи ему, я зайду позже, — отмахнулся Бейли.

— Он говорит, немедленно, — повторил Р. Сэмми.

— Ладно, ладно, уходи. Робот попятился, повторяя:

— Комиссар хочет видеть вас немедленно, Лайдж. Говорит, немедленно.

— О черт, — процедил Бейли сквозь зубы. — Иду, иду.

Он поднялся из-за стола и направился к каби-

нету Эндерби. Робот замолчал.

— Смилуйтесь, комиссар, — начал Бейли, едва переступив порог. — Ну не посылайте за мной эту хреновину!

Но комиссар сказал только:

— Садитесь, Лайдж, садитесь.

Бейли сел и уставился на него. Может быть, он был несправедлив к старине Джулиусу. Может быть, тот все-таки не спал. Вид у него был довольно измученный.

Комиссар барабанил по лежавшему перед ним листку бумаги.

— У меня здесь есть запись, что вы звонили некоему доктору Джерриджелу в Вашингтон по закрытому каналу лучевой связи.

— Верно, комиссар.

— Записи вашего разговора, естественно, нет, поскольку вы пользовались закрытым каналом. Что все это значит?

— Мне нужна дополнительная информация.

— Если не ошибаюсь, он специалист по робототехнике, не так ли?

— Верно.

Комиссар выпятил нижнюю губу и неожиданно стал похож на обиженного ребенка.

— Но зачем вам это? Что за информация вам

еще нужна?

— Я и сам не знаю, комиссар. Просто у меня такое чувство, что в подобном деле сведения о роботах могли бы пригодиться.

Тут Бейли замолчал. Не было желания вдаваться в подробности.

— Я бы не стал этого делать, Лайдж. Не стал бы. Мне кажется, это неразумно.

— Почему вы против, комиссар?

— Чем меньше людей знают обо всем этом, тем лучше.

— Я не буду посвящать его во все детали. Это естественно.

— И все-таки, по-моему, это неразумно.

Слова комиссара окончательно вывели Бейли из себя.

— Вы что, приказываете мне не встречаться с ним?

— Нет, нет, поступайте, как считаете нужным. Вести расследование поручено вам. Только…

— Только что?

Комиссар покачал головой.

— Ничего… А где этот… Вы знаете, кого я имею в виду.

Бейли знал.

— Р. Дэниел все еще в картотеке.

Комиссар выдержал длинную паузу, затем сказал:

— Мы не многого достигли, знаете ли.

— Пока мы еще ничего не достигли. Но все может измениться.

— Ну вот и отлично, — произнес комиссар, но по его виду нельзя было сказать, что он действительно так думал.

Когда Бейли вернулся, у его стола стоял Р. Дэниел.

— Ну, а у вас что нового? — угрюмо спросил Бейли.

— Я завершил свой первый, довольно беглый осмотр картотеки, Элайдж, и установил личности двоих из тех, кто вчера пытался нас выследить и кто, кроме того, участвовал в инциденте у обувного магазина.

— Давайте посмотрим.

Дэниел положил перед Бейли крошечные, размером с почтовую марку карточки. Их испещряли маленькие точки, служившие кодом. Робот достал также переносной дешифратор и вставил одну из карточек в соответствующую прорезь. Электропроводные свойства точек отличались от электропроводности самой карточки. Поэтому, проходя через карточку, электрическое

поле специфическим образом деформировалось, и в ответ на эти изменения небольшой экран дешифратора заполнялся словами. Если бы не код, эти слова заняли бы несколько стандартных листов бумаги, Но прочесть их без специального дешифратора было бы невозможно.

Бейли бесстрастно читал предложенный ему материал. Первым был Фрэнсис Клаусарр; тридцати трех лет, арестован два года назад, причина ареста — подстрекательство к беспорядкам, служащий компании «Нью-Йорк Йист», домашний адрес, происхождение, цвет волос, глаз, особые приметы, образование, послужной список, психоаналитическая характеристика, описание физического состояния, дополнительные сведения и, наконец, порядковый номер трехмерного снимка в архиве фотоснимков преступников.

— Фотографию проверили?

— Да, Элайдж.

Вторым был Пол Герхард. Бейли просмотрел данные о нем и сказал:

— Все это бесполезно.

— Я уверен, что это не может быть бесполезно. Если существует организация землян, способных на преступление, которое мы расследуем, то эти двое наверняка ее члены. Разве это не очевидно?

И разве в таком случае не следует их допросить?

— Мы ничего от них не добьемся.

— Они оба были и у обувного магазина, и в столовой. Они не могут отрицать этого.

— В том, что они были там, нет преступления. Кроме того, они могут отрицать это. Просто скажут, что их там не было, и все. Нет ничего проще. Как мы сможем доказать, что они лгут?

— Я их видел.

— Это не доказательство, — рассердился Бейли, — Ни один суд, если до него когда-нибудь и дойдет, не поверит, что вы можете запомнить два лица в миллионной толпе.

— Но я действительно могу.

— Конечно. Вот и скажите им, кто вы на самом деле. Как только вы это сделаете, вы больше не свидетель. Ни один суд на Земле не будет иметь дело с таким, как вы.

— Выходит, вы передумали?

— О чем вы?

— Вчера в столовой вы сказали, что нет нужды их арестовывать. Вы сказали, что, если я запомню их лица, мы сможем арестовать их в любое время.

— Ну, я недостаточно хорошо взвесил ситуацию, — Объяснил Бейли. — Что-то на меня нашло,

какое-то умопомрачение. Это невозможно.

— Даже учитывая их психологию? Они ведь не будут знать, что у нас нет доказательств их соучастия в заговоре.

— Слушайте, — Бейли начал терять терпение. — Через полчаса я жду доктора Джерриджела из Вашингтона. Ничего, если вам придется подождать, пока я с ним поговорю? Не возражаете?

— Я подожду, — ответил Р. Дэниел.

Энтони Джерриджел оказался педантичным и очень вежливым человеком среднего роста, совсем не похожим на одного из самых эрудированных специалистов по роботехнике на Земле. Он опоздал почти на двадцать минут и очень долго извинялся по этому поводу. Побледневший от напряженного ожидания, Бейли не очень вежливо отмахнулся от его извинений. Он проверил, выполнена ли его заявка на конференц-зал *Д*, еще раз повторил, чтобы их ни при каких обстоятельствах не беспокоили в течение часа, и повел доктора Джерриджела и Р. Дэниела сначала вниз по коридору, затем наверх по трапу, а оттуда — к двери, ведущей в один из залов, защищенных от лучевого прослушивания.

Прежде чем сесть, Бейли достал пульсометр и тщательно проверил изоляцию стен, вслу-

шиваясь в легкое гудение прибора. Малейшее изменение в звучании пульсометра означало бы нарушение изоляционной оболочки. Затем он направил прибор на потолок, пол и — с особой тщательностью — на дверь. Повреждения изоляции не было.

Доктор Джерриджел слегка улыбнулся. Он производил впечатление человека, никогда не улыбающегося больше, чем слегка. Одет он был с такой аккуратностью, что можно было с уверенностью сказать; на этот счет у него определенно имелся пунктик. Его седые волосы были тщательно зачесаны назад, а румяное лицо, казалось, было только что вымыто. Он сидел, чопорно выпрямив спину, как будто еще в детстве от постоянных материнских напоминаний о необходимости сохранять хорошую осанку его позвоночник навсегда окаменел.

— Все это выглядит довольно устрашающе, — сказал он Бейли.

— Дело очень важное, доктор. Мне нужна такая информация о роботах, которую, возможно, можете дать только вы. Разумеется, все, о чем мы будем говорить здесь, совершенно секретно, и власти Нью-Йорка надеются, что, покинув это помещение, вы обо всем забудете.

Бейли взглянул на свои часы. Полуулыбка сразу слетела с лица роботехника.

— Позвольте мне объяснить, почему я опоздал. — Допущенная им непунктуальность явно не давала ему покоя. — Я решил не лететь на самолете. Я подвержен воздушной болезни.

— Очень жаль, — сказал Бейли. Он убрал пульсометр, предварительно убедившись в его исправности, и сел.

— Или, вернее, не воздушной болезни, просто меня охватывает нервозность. Легкая агорафобия. Ничего особенного, но все-таки. Поэтому я добирался на экспрессах.

Внезапно Бейли почувствовал острый интерес:

— Агорафобия?

— В моих устах это прозвучало серьезнее, чем есть на самом деле, — поспешно сказал роботехник, — Это просто чувство, которое появляется только в самолете. Вы когда-нибудь летали самолетами, мистер Бейли?

— Несколько раз.

— Значит, вы должны знать, о чем я говорю. Это ощущение того, что тебя окружает пустота, что ты отделен от нее металлической обшивкой всего лишь в дюйм толщиной. Очень неприятное чувство.

— Итак, вы ехали на экспрессе?

— Да.

— Весь путь от Вашингтона до Нью-Йорка?

— О, я проделывал этот путь и раньше. С тех пор как построили туннель Балтимора — Филадельфия, это не составляет труда.

Так оно и было. Сам Бейли никогда не ездил таким образом, но прекрасно знал, что в принципе это возможно. За последние два столетия Вашингтон, Балтимора, Филадельфия и Нью-Йорк так разрослись, что почти соприкасались друг с другом. Эту часть побережья часто полуофициально называли Районом Четырех Городов, и среди их жителей было немало тех, кто выступал за их административное объединение и образование одного Супергорода. Сам Бейли эту идею не поддерживал. Один громадный Нью-Йорк и то уже с трудом поддавался централизованному управлению. Чуть более крупный Город с населением свыше пятидесяти миллионов сломался бы под тяжестью собственного веса.

— Вся беда в том, — продолжал доктор Джерриджел, — что я не успел сделать пересадку в секторе Честер: в Филадельфии, и из-за этого потерял время. А потом еще пришлось ждать, пока мне выдадут временный ордер на комнату.

В общем, все это кончилось тем, что я опоздал.

— Не беспокойтесь об этом, доктор. Все, что вы рассказали, весьма интересно. Учитывая вашу неприязнь к самолетам, что бы вы сказали по поводу прогулки пешком за пределы Города?

— С какой целью? — спросил он с удивлением и тревогой.

— Это всего лишь риторический вопрос. Я не предлагаю вам совершить это в действительности. Мне хотелось бы знать, какое впечатление произведет на вас сама эта идея.

— Крайне неприятное.

Предположим, вы должны были бы выйти из Города ночью и преодолеть пешком с полмили или больше по открытому пространству.

— Думаю, я… я вряд ли поддался бы на уговоры.

— Как бы ни была велика необходимость?

— Если бы от этого зависела моя жизнь или жизни моих близких, я мог бы попытаться… — Он смутился. — Могу я узнать цель этих вопросов, мистер Бейли?

— Я объясню. Было совершено серьезное преступление, убийство, которое вызывает глубокое беспокойство. Я не имею права посвящать вас в детали. Однако существует предположение, что

убийца, для того чтобы совершить преступление, сделал как раз то, о чем мы сейчас говорили; ночью в одиночку пересек открытое пространство, Мне хотелось бы знать, что за человек мог пойти на это.

— Лично я таких не знаю, — пожал плечами доктор Джерриджел. — То, что не я, так это точно. Конечно, среди миллионов людей нашлось бы, я думаю, несколько безумцев.

— Но вы не сказали бы, что подобный поступок для человека в порядке вещей?

— Конечно, нет.

— Иначе говоря, если есть какая-нибудь другая версия преступления, другая приемлемая версия, то ее следует рассмотреть.

Доктор Джерриджел, казалось, растерялся еще больше, но по-прежнему сидел очень прямо, положив свои ухоженные руки на колени.

— У вас есть другая версия? — спросил он.

— Да. Мне кажется, что робот, например, мог бы без труда пересечь открытое пространство.

— Боже мой, сэр! — вскочил доктор Джерриджел.

— В чем дело?

— Вы что же, хотите сказать, что преступление мог совершить робот?

— Почему бы и нет?

— Убийство? Человеческого существа?

— Да. Пожалуйста, сядьте доктор.

Роботехник повиновался.

— Мистер Бейли, речь идет о двух поступках: о переходе через открытое пространство и об убийстве. Человек легко мог совершить последнее, но с трудом решился бы на первое. И напротив, робот без труда проделает первое, но никогда не сможет совершить второе. Если вы собираетесь заменить маловероятную версию невероятной, то…

— Невероятной — слишком сильно сказано, доктор.

— Вы слышали о Первом Законе Роботехники, мистер Бейли?

— Конечно. Я даже могу процитировать его: роботу запрещается причинять вред человеческому существу как действием, так и бездействием, — Пристально глядя прямо в глаза роботехнику, Бейли продолжил; — Почему нельзя построить робота без Первого Закона? Что в нем такого священного?

Доктор Джерриджел в растерянности посмотрел на Бейли, затем усмехнулся:

— Ну, мистер Бейли…

— Так что же, каков ваш ответ?

— Если вы имеете хоть какое-то представление о роботехнике, мистер Бейли, то должны знать, какую гигантскую работу нужно проделать математикам и электронщикам, чтобы создать позитронный мозг.

— Я это понимаю, — сказал Бейли.

Он хорошо помнил, как однажды по долгу службы ему пришлось посетить завод по производству роботов. Он видел заводскую книгофильмотеку. Она состояла из длинных книгофильмов, каждый из которых содержал математический анализ какого-нибудь одного типа позитронного мозга. Несмотря на сжатость изложения, в среднем требовалось более часа, чтобы просмотреть один такой фильм. И хотя каждый мозг изготавливали в соответствии со строго заданными неизменными техническими параметрами, невозможно было отыскать ни одной пары одинаковых мозговых систем. Это, как понял Бейли, являлось следствием действия принципа неопределенностей Гейзенберга. Поэтому каждый фильм снабжался приложениями, включающими возможные варианты. Да, эта работа была не из легких. Бейли и не собирался этого отрицать.

— Ну что ж, — продолжал Джерриджел, — тогда вы понимаете и то, что разработка позитронного

мозга нового типа, даже если она затрагивает незначительные усовершенствования, дело не одной ночи. Обычно на нее уходит почти год работы всего научного персонала завода средних масштабов. Но и их усилий было бы недостаточно, не будь у них на вооружении стандартизированной теории базовых цепей, которая служит основанием для дальнейших разработок. Эта фундаментальная теория включает в себя Три Закона Роботехники: Первый Закон, который вы только что процитировали; Второй Закон, который гласит: «Робот должен подчиняться приказам человека, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону», и Третий Закон: «Робот должен защищать себя от уничтожения, если таковая защита не противоречит Первому и Второму Законам». Понимаете?

Р, Дэниел, по всей видимости, очень внимательно следивший за ходом разговора, нарушил молчание:

— Извините меня, Элайдж, но я бы хотел удостовериться, правильно ли я понимаю мысль доктора Джерриджела. Вы хотите сказать, сэр, что любая попытка построить робота, чей позитронный мозг не сориентирован на эти Три Закона, потребовала бы создания ноной фунда-

ментальной теории, а это, в свою очередь, заняло бы несколько лет.

Лицо роботехника просияло.

— Это именно то, что я имею в виду, мистер… Бейли немного помедлил, затем осторожно представил Р. Дэниела:

— Это Дэниел Оливо, доктор Джерриджел.

— Добрый день, мистер Оливо. — Доктор Джерриджел пожал руку Р. Дэниела и заговорил снова: — Я думаю, разработка теории позитронного мозга, в котором основные положения Трех Законов были бы отвергнуты, и создание на ее основе роботов, подобных современным моделям, потребовали бы лет пятьдесят.

— И этим никто никогда не занимался? — спросил Бейли. — Мы строим роботов уже несколько тысяч лет. Неужели за все это время ни у кого не нашлось пятидесяти лет?

— Время, конечно, было, — ответил роботехник, — но вряд ли такая работа могла кого-нибудь привлечь.

— Мне трудно в это поверить. Любопытство заставит человека пойти на что угодно.

— Но оно не заставило его пойти на создание подобного робота. У человеческой расы, мистер Бейли, сильно развит комплекс Франкенштейна.

— Какой комплекс?

— Это известный термин, взятый из древнего романа, описывающего робота, который набросился на своего создателя. Сам я его не читал. Но это к делу не относится. Я хочу сказать, что без Первого Закона, роботов просто не производят.

— И даже не существует теории, на основе которой таких роботов могли бы построить?

— Насколько я знаю, нет, а мои познания, — он застенчиво улыбнулся, — довольно обширны.

— А робот, созданный с учетом Первого Закона, не мог бы убить человека?

— Никогда, Если только это не произошло по чистой случайности или не было необходимо для спасения жизни двоих или более человек. И в том и в другом случае всплеск позитронного напряжения полностью разрушил бы мозг, так что восстановить его уже было бы невозможно.

— Хорошо, — сказал Бейли. — Все это относится к роботам, производимым на Земле. Верно?

— Да, конечно.

— А как насчет Внешних Миров?

Теперь доктор Джерриджел выглядел гораздо менее уверенным.

— К сожалению, мистер Бейли, мои знания не позволяют мне утверждать наверняка, но я

уверен, что, если бы где-то был создан такой мозг или, по крайней мере, построена его математическая модель, мы бы узнали об этом.

— Вот как! Хорошо, тогда позвольте мне высказать еще одну мысль. Надеюсь, вы не возражаете, доктор Джерриджел?

— Нет, вовсе нет. — Доктор Джерриджел беспомощно посмотрел вначале на Бейли, затем на Р. Дэниела — В конце концов, раз это так важно, как вы утверждаете, я рад сделать все, что в моих силах.

— Спасибо, доктор. У меня такой вопрос: почему роботы человекоподобны? Я всю свою жизнь принимал это как должное, но теперь вдруг подумал: «А почему роботы именно такие? Почему у робота непременно должна быть голова и четыре конечности? Почему он должен походить на человека?»

— Вы хотите узнать, почему его нельзя построить в соответствии с выполняемыми им функциями, как другие машины?

— Верно, — подтвердил Бейли. — Почему?

Доктор Джерриджел улыбнулся краешком губ.

— Честное слово, мистер Бейли, вы родились слишком поздно. Ранняя литература по робототехнике пестрит дискуссиями как раз по этому

поводу. Вокруг этого вопроса велись в свое время ожесточенные полемические баталии. Если вы хотите ознакомиться с достоверным описанием того спора между функционалистами и анти функционалистами, я могу порекомендовать вам «Историю роботехники» Ганфорда. Математики там — минимум. Думаю, вам было бы интересно.

— Я разыщу ее, — терпеливо пообещал Бейли. — А пока не могли бы вы вкратце рассказать мне о результатах этого спора?

— Решение было принято на основе экономических соображений. Вот послушайте, мистер Бейли, если бы вы были фермером, стали бы вы покупать трактор с позитронным мозгом, жатку, борону, доильный аппарат, автомобиль и так далее — все с позитронным мозгом? Или приобрели бы обычную технику и одного позитронного робота, который мог бы на ней работать? Причем хочу вас предупредить, что второй вариант в пятьдесят, а то и в сто раз дешевле.

— Но почему ему надо непременно походить на человека?

— Потому что человеческая фигура — самая совершенная и универсальная из всех форм, существующих в природе, Мы не ограничены какой-либо определенной узкой деятельностью,

как животные, мистер Бейли. Я не говорю сейчас о нашей нервной системе и о некоторых других второстепенных признаках. Если вам нужна конструкция, способная выполнять огромное количество самых различных операций, причем выполнять одинаково хорошо, самое лучшее, что вы можете сделать, это скопировать человеческую фигуру. И потом, абсолютно вся наша техника спроектирована с расчетом на то, чтобы ею пользовался человек. Например, рычаги управления автомобиля сделаны так, что манипулировать ими легче всего человеческой кистью и ступней определенного размера и формы, которые прикреплены к телу с помощью конечностей определенной длины с суставами определенного типа. Даже такие простые предметы, как столы и стулья или ножи и вилки, создаются с учетом формы и размеров человеческого тела и приспособлены к способу его функционирования. Легче придать роботам человеческую форму, чем радикально изменять саму систему предметов, которыми мы пользуемся.

— Понятно. В этом есть своя логика. Теперь, доктор, я хочу вас спросить: правда ли, что роботехники Внешних Миров производят роботов, которые гораздо больше похожи на людей, чем

наши?

— Полагаю, что это так.

— А могли бы они создать робота, которого в обычных условиях невозможно было бы отличить от человека?

Доктор Джерриджел поднял брови и задумался.

— Мне кажется, могли бы, мистер Бейли. Правда, это было бы ужасно дорого. Сомневаюсь, чтобы затраты окупились.

— Как вы думаете, — без устали продолжал Бейли, — могли бы они построить такого робота, который ввел бы в заблуждение даже вас, заставив принять его за человека?

Роботехник недоверчиво хмыкнул.

— О мой дорогой мистер Бейли, я сомневаюсь. Честное слово. Робота выдает не только его внеш… — Доктор Джерриджел осекся не договорив, Он медленно повернулся к Р. Дэниелу, и его румяное лицо стало белым как полотно. — Не может быть, — прошептал он. — Не может быть… — Он протянул руку и робко коснулся щеки Р. Дэниела. Тот спокойно смотрел на роботехника, не пытаясь отклониться, — Боже мой! — воскликнул доктор Джерриджел. Казалось, он вот-вот расплачется. — Вы действительно робот?

— Вам понадобилось немало времени, чтобы понять это, — сухо заметил Бейли.

— Я никак не ожидал. Никогда не видел такого робота. Он создан на Внешних Мирах?

— Да, — ответил Бейли.

— Теперь все понятно. То, как он держит себя. Его манера говорить. Это не идеальная имитация человека, мистер Бейли.

— Тем не менее, довольно неплохая, правда?

— О, поразительная! Сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось распознать его по виду. Я очень благодарен вам за то, что вы свели меня с ним. Можно мне осмотреть его?

Роботехник в нетерпении вскочил со стула.

Бейли жестом остановил его:

— Прошу вас, доктор. Одну минуту. Сначала давайте-ка выясним все, что касается убийства.

— Так, значит, оно не выдумано? — Доктор Джерриджел не пытался скрыть свое глубокое разочарование. — А я уж подумал было, что это всего лишь уловка, что вы хотели отвлечь мое внимание и посмотреть, как долго удастся водить меня за нос…

— Это не уловка, доктор Джерриджел. Теперь скажите мне, при создании вот такого человекоподобного робота, который в дальнейшем будет

выдавать себя за настоящего человека, разве не следует сконструировать его мозг так, чтобы он по своим свойствам был как можно ближе к человеческому?

— Разумеется, следует.

— Очень хорошо. А могло случиться так, что подобный мозг построили без Первого Закона? Допустим, его упустили случайно. Вы говорите, что теории такого мозга не существует. Но как раз это и позволяет предположить, что конструкторы могли создать его без Первого Закона. Они просто не знали, чего им следует опасаться.

Доктор Джерриджел энергично замотал головой.

— Нет. Нет. Это невозможно.

— Вы уверены? Мы, конечно, можем проверить Второй Закон. Дэниел, дайте мне свой бластер.

Бейли не сводил глаз с робота. Свой собственный бластер он крепко сжимал рукой.

— Пожалуйста, Элайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел и протянул ему бластер рукояткой вперед.

— Сыщик ни при каких обстоятельствах не должен расставаться со своим бластером, но у робота выбора нет, он должен подчиняться человеку, — сказал Бейли.

— Кроме тех случаев, мистер Бейли, — проговорил доктор Джерриджел, — когда подчиняться значит нарушить Первый Закон.

— Знаете ли вы, доктор, что Дэниел направил свой бластер на группу невооруженных людей и угрожал тем, что откроет огонь?

— Но я не выстрелил, — вмешался Р. Дэниел.

— Еще бы. Но угроза уже сама по себе — действие для робота необычное, не так ли, доктор?

Доктор Джерриджел прикусил губу.

— Чтобы судить об этом, мне нужно знать точные обстоятельства. Но звучит это действительно необычно.

— Тогда подумайте вот над этим. Р. Дэниел во время убийства был на месте преступления, и если вы отбросите возможность того, что некий землянин пересек открытое пространство, унося оружие с собой, то получается, что Дэниел и только Дэниел из всех присутствовавших мог спрятать оружие.

— Спрятать оружие? — изумился доктор Джерриджел.

— Позвольте мне объяснить. Бластер, которым совершили убийство, не найден. Место преступления было тщательно обследовано, но его так и не обнаружили. Не мог же он раствориться в

воздухе. Существует только одно место, где его могли спрятать, только одно место, куда никто и не подумал заглянуть.

— Какое место, Элайдж? — спросил Р. Дэниел. Бейли вынул свой бластер и твердо направил его в сторону Р. Дэниела.

— Ваш пищевой мешок, — сказал он. — Да-да, ваш пищевой мешок, Дэниел!

Глава тринадцатая
Проверка робота

— Это не так, — спокойно возразил Р. Дэниел.

— Да? Позволим решить это доктору Джерриджелу. Доктор Джерриджел?

— Мистер Бейли? — Взгляд роботехника, пугливо метавшийся между сыщиком и роботом во время их разговора, остановился на Лайдже.

— Я пригласил вас сюда для авторитетного анализа этого робота. Могу предоставить в ваше распоряжение лаборатории городского бюро стандартов. Если вам понадобится оборудование, которого у них нет, я вам его достану. Мне нужен быстрый и определенный ответ, и плевать на расходы и хлопоты.

Бейли поднялся. Он говорил довольно спокойно, но внутри у него все кипело. Если бы он только мог схватить Джерриджела за горло и выдавить из него необходимые доказательства, он послал бы к чертям все эти научные изыскания.

— Ну так что же, доктор Джерриджел?

Доктор Джерриджел нервно улыбнулся и сказал:

— Мой дорогой мистер Бейли, лаборатория мне не нужна.

— Почему? — спросил Бейли, предчувствуя какой-то подвох.

Мускулы его напряглись, по телу пробежала дрожь.

— Проверить наличие Первого Закона нетрудно. Мне никогда не приходилось заниматься этим, как вы сами понимаете, но это достаточно просто.

Бейли набрал полные легкие воздуха и медленно выдохнул.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду? Вы хотите сказать, что можете проверить его прямо здесь?

— Да, конечно, Послушайте, мистер Бейли, я приведу вам одну аналогию. Если бы я, например, был врачом и мне нужно было узнать содержание сахара в крови пациента, мне бы понадобилась лаборатория. Для определения интенсивности основного обмена, проверки функций головного мозга или исследования генов на наследственное заболевание мне понадобилось бы сложное оборудование. С другой стороны, чтобы узнать, зрячий ли пациент, я сделал бы простое движение рукой перед его глазами, а чтобы сказать,

мертв он или нет, мне было бы достаточно прощупать его пульс... Я подвожу к тому, что чем важнее и фундаментальнее-то свойство, которое подвергается проверке, тем проще требуемое оборудование. То же самое относится и к роботам. Первый Закон — это закон фундаментальный. Он определяет все. Если он отсутствует, то во многих случаях робот будет вести себя явно не так, как положено.

Во время своего объяснения доктор Джерриджел достал плоский черный предмет, который, развернувшись, превратился в маленький книгоскоп, и вставил в него видавшую виды катушку. Затем он вытащил секундомер и несколько белых пластиковых полосок, которые, состыковавшись, образовали что-то похожее на логарифмическую линейку с тремя шкалами, двигающимися независимо по отношению друг к другу. Нанесенные на нее обозначения были Бейли совершенно непонятны.

Доктор Джерриджел похлопал по своему книгоскопу и слегка улыбнулся, как будто перспектива небольшой научной работы в полевых условиях воодушевляла его.

— Это мой справочник по роботехнике. Я всегда ношу его с собой. Он стал частью моей одежды, —

сказал он и застенчиво хмыкнул.

Он приник к окуляру книгоскопа и стал осторожно встраивать свой аппарат. Книгоскоп застрекотал и смолк, опять застрекотал и опять смолк.

— Встроенный алфавитный указатель, — с гордостью сообщил роботехник. Он говорил, не отрываясь от прибора, и от этого голос его звучал приглушенно. — Я сам его сделал. Экономит массу времени. Впрочем, сейчас не это главное. Давайте посмотрим. Мм... подвиньте, пожалуйста, ваш стул поближе ко мне, Дэниел.

Р. Дэниел подвинулся. Все это время он спокойно и внимательно наблюдал за приготовлениями роботехника.

Бейли держал его под прицелом.

То, что последовало дальше, обескуражило и разочаровало его. Доктор Джерриджел начал задавать какие-то странные вопросы и производить действия, в которых, казалось, не было никакого смысла. Иногда он прерывался, чтобы посмотреть на свою логарифмическую линейку или в окуляр книгоскопа.

Он спрашивал, например:

— У меня двое детей с разницей в возрасте пять лет и младший ребенок — девочка; какого пола

старший ребенок?

Р. Дэниел ответил («Еще бы ему не ответить», — подумал Бейли): «Основываясь на данной информации, это невозможно определить».

В ответ на это доктор Джерриджел лишь взглянул на свой секундомер, а затем отвел правую руку как можно дальше в сторону и попросил:

— Прикоснитесь, пожалуйста, к кончику моего среднего пальца кончиком третьего пальца вашей левой руки.

Дэниел сделал это легко и быстро.

Минут через пятнадцать, не больше, доктор Джерриджел закончил проверку. Он в последний раз молча подсчитал что-то на своей логарифмической линейке и быстро разобрал ее. Затем убрал секундомер и сложил книгоскоп, предварительно достав из него «Справочник».

— И это все? — спросил Бейли нахмурясь.

— Все.

— Но это же смешно. Вы не задали ни одного вопроса, касающегося Первого Закона.

— О дорогой мистер Бейли, разве вы станете отрицать, что врач, ударяя по вашему колену резиновым молоточком так, что оно подпрыгивает, получает таким образом сведения о состоянии вашей нервной системы? Разве вы

удивляетесь тому, что он может сделать вывод о вашей возможной склонности к употреблению определенных алкалоидов, когда внимательно осматривает ваши глаза, наблюдая за реакцией радужной оболочки на свет?

— Итак, каково же ваше решение? — спросил Бейли.

— Дэниел снабжен Первым Законом в полном объеме!

Роботехник резко кивнул головой, как бы в подтверждение своих слов.

— Не может быть, — хрипло проговорил Бейли. Он и представить себе не мог, что доктор Джерриджел способен выпрямиться в кресле еще больше, чем обычно. Глаза доктора сузились и взгляд их стал жестким.

— Уж не собираетесь ли вы учить меня роботехнике?

— Я вовсе не подвергаю сомнению вашу компетентность, — проговорил Бейли, умоляюще вскинув руку, — но разве вы не можете ошибаться? Вы сами сказали, что никто ничего не знает о теории роботов, не оснащенных Первым Законом. Слепой может читать, используя шрифт Брайля или звуковой аппарат. Предположим, вы не знаете, что шрифт Брайля или звукозапись

существует. Разве не могли бы вы со всей уверенностью в своей правоте заявить, что у человека есть глаза, потому что тот знает содержание определенного книгофильма?

— Да-да. — К роботехнику вернулось его прежнее добродушие. — Я понимаю вашу мысль. И все же, если позволите продолжить вашу аналогию, слепой не мог бы читать при помощи своих глаз, а как раз это я и проверил. Речь сейчас не о том, на что способен или не способен робот, у которого отсутствует Первый Закон. Поверьте мне, нет никакого сомнения, что Р. Дэниел этим законом снабжен.

— Не могли он фальсифицировать свои ответы? — спросил Бейли.

Он словно утопающий, хватался за соломинку.

— Конечно, нет. В этом и состоит разница между роботом и человеком. Человеческий мозг, да и мозг любого млекопитающего, невозможно полностью проанализировать ни одним из известных ныне математических методов. Поэтому наверняка предугадать его реакцию невозможно. Мозг же робота полностью поддается анализу, в противном случае его не могли бы построить. Мы знаем точно, какой должна быть реакция на данное стимулирующее воздействие, Ни один

робот не способен фальсифицировать ответы. То, что вы называете фальсификацией, просто не существует в пределах умственного горизонта робота.

— Тогда давайте обратимся к реальным фактам. Р. Дэниел действительно направил бластер на толпу людей. Я это видел. Я сам присутствовал при этом. Даже если он не стрелял, разве действие Первого Закона не должно было вызвать у него нечто вроде нервного потрясения? Этого, как вы знаете, не произошло. Впоследствии он вел себя абсолютно нормально.

Роботехник в растерянности потер подбородок:

— Это действительно странно.

— Ничуть, — внезапно вмешался Р. Дэниел. — Коллега Элайдж, посмотрите, пожалуйста, взятый у меня бластер.

Бейли взглянул на бластер, который держал в левой руке.

— Откройте патронник, — настаивал Р. Дэниел. — Проверьте его.

Бейли взвесил все «за» и «против», затем медленно положил собственный бластер на стол рядом с собой и быстрым движением открыл бластер робота.

— Он пуст, — озадаченно проговорил он.

— В нем нет заряда, — подтвердил Р. Дэниел. — Если вы присмотритесь повнимательнее, то увидите, что там его никогда и не было. В этом бластере нет запала, его нельзя применить по назначению.

— Вы угрожали толпе незаряженным бластером? — воскликнул Бейли.

— Бластер был мне необходим, чтобы выполнять роль сыщика, — объяснил Р. Дэниел. — Однако, имея настоящий заряженный бластер, я мог бы случайно причинить вред человеку, что, конечно же, немыслимо. Я как-то пытался объяснить вам это, но вы были чем-то раздражены и не пожелали меня выслушать.

Бейли уныло посмотрел на недействующий бластер, который все еще держал в руке, и тихо сказал:

— По-моему, на этом можно поставить точку. Благодарю вас за помощь, доктор Джерриджел.

Бейли послал за завтраком, но, когда его принесли (кекс с дрожжевыми орехами и нелепого вида кусочек жареного цыпленка на крекере), он только и мог, что бессмысленно уставиться на него. Мысли вихрем носились в его голове. На его длинном лице застыло выражение глубокого

уныния.

Он словно бы жил в нереальном мире, в жестоком, перевернутом вверх дном мире.

Каким образом все это произошло? События последних дней разворачивались перед ним словно в бесконечном, кошмарном сне, начиная с того момента, когда он вошел в кабинет Джулиуса Эндерби и внезапно оказался по горло в кошмаре убийства и проблем роботехник и.

Господи! А прошло всего лишь пятьдесят часов.

Он упорно искал решение в Космотауне. Дважды обвинял в убийстве Р. Дэниела, один раз как замаскированного человека, другой раз как несомненного робота. И оба раза от его обвинений не осталось камня на камне.

Теперь ему снова нужно все начинать сначала. Его вынуждали обратить наконец свои мысли к Городу, а со вчерашнего вечера он никак не мог решиться на это. В его сознание ломились одни и те же нескончаемые вопросы, но он не хотел их слышать, просто не мог. Иначе пришлось бы искать на них ответы, а он… О Боже, как боялся он этих ответов!

— Лайдж! Лайдж!

Чья-то рука грубо трясла Бейли за плечо.

— В чем дело, Фил? — спросил он, приходя в себя.

Филип Норрис, сыщик класса *С-5* сел, положил руки на колени и наклонился вперед, заглядывая в лицо Бейли.

— Что с тобой? Перешел на наркотики? Ты сидел совершенно неподвижно, с открытыми глазами. Мне даже показалось, что ты мертв.

Он приглаживал свои редеющие светло-русые волосы, с жадностью поглядывая близко поставленными глазами на остывающий завтрак Бейли.

— Цыпленок! — воскликнул он. — Все идет к тому, что скоро без рецепта врача его и не получишь.

— Угощайся, — рассеянно проговорил Бейли.

Приличия взяли верх, и Норрис сказал:

— Вообще-то я через минуту иду в столовую. Так что оставь его себе. Слушай, чем это вы там занимаетесь, ты и шеф?

— О чем ты?

Норрис пытался напустить на себя безразличный вид, но его выдавали руки, не находившие себе покоя.

— Давай-давай, выкладывай. Ты прекрасно знаешь, о чем речь. С тех пор как он вернулся, ты

от него не выходишь. В чем дело? Предвидится повышение?

Бейли нахмурился. При упоминании о внутренних интригах отделения к нему начало возвращаться чувство реальности, У Норриса был приблизительно такой же стаж, как у Бейли, и он, естественно, очень ревниво следил за любыми проявлениями предпочтения, оказываемого Бейли со стороны руководства.

— Да какое повышение! Можешь мне поверить. Ничего подобного. Абсолютно ничего. А если тебе нужен комиссар, так ради Бога, забирай его! Я бы отделался от него с удовольствием.

— Пойми меня правильно, — сказал Норрис. — Мне все равно, повысят тебя или нет. Просто если ты имеешь какое-то влияние на комиссара, может, помог бы парнишке?

— Какому парнишке?

На этот вопрос не нужно было отвечать. Винсент Барретт, тот самый юноша, которого уволили, чтобы освободить место для Р. Сэмми, шаркающей походкой приближался к ним, покинув свой укромный уголок, где скромненько сидел до сих пор. Он смущенно вертел в руках свою кепку, и на его скуластом лице появилось что-то вроде улыбки.

— Здравствуйте, мистер Бейли.

— А, привет, Вине. Как дела?

— Не очень, мистер Бейли.

Он тоскливо оглядывался по сторонам. «Конченый человек, — подумал Бейли, — наполовину мертвец… Деклассифицированный».

Внезапно на него накатило раздражение, «Ну что ему от меня-то нужно?» — подумал он, едва сдерживаясь, чтобы не высказать свою мысль вслух.

— Мне очень жаль, малыш.

Что еще он мог сказать?

— Я все думаю… может, что-нибудь подвернется.

Норрис подвинулся ближе и зашептал Бейли на ухо:

— Кто-то должен положить этому конец. Сейчас они собираются уволить Чен-лоу.

— Что?

— Ты разве не слышал?

— Нет, Черт побери, он же *С-3.* У него за плечами десять лет службы.

— То-то и оно. Но его работу может выполнять машина с ногами. Кто следующий?

Молодой Вине Барретт не прислушивался к шепоту. Он был полностью погружен в свои соб-

ственные мысли.

— Мистер Бейли? — позвал он.

— Да, Винс?

— Знаете, что говорят? Говорят, Лайрен Миллейн, субэфирная танцовщица, на самом деле — робот.

— Глупости.

— Вы думаете? Говорят, уже научились делать роботов, которые выглядят как люди; их кожа вроде сделана из специального пластика.

Бейли с чувством вины подумал о Р. Дэниеле и не нашелся, что ответить. Он покачал головой.

— Как вы думаете, — спросил юноша, — никто не станет возражать, если я пройдусь по отделу? У меня поднимается настроение, когда я попадаю в привычную обстановку.

— Нет, конечно, малыш.

Барретт отправился бродить по офису. Бейли с Норрисом посмотрели ему вслед.

— Похоже, — медиевисты правы, — заметил Норрис.

— В смысле, назад к Земле? Ты это имеешь в виду; Фил?

— Нет. Я о роботах, «Назад к Земле». Ха! У Земли-старушки безграничные возможности. Нам не нужны роботы, вот и все.

— Восемь миллиардов людей, а запасы урана на пределе! Что здесь безграничного? — пробормотал Бейли.

— Что с того, если уран и закончится? Будем его импортировать, Или откроем другие ядерные процессы, установить развитие человечества невозможно, Лайдж. Нужно быть оптимистом и верить в старый добрый человеческий разум. Наш главный резерв — изобретательность, а ее запасы не иссякнут никогда. От возбуждения он даже привстал.

— Начнем с того, что мы можем использовать солнечную энергию, а ее хватит на миллиарды лет. Можем построить космические станции, аккумулирующие энергию в орбите Меркурия. На Землю энергию будем переправлять направленным лучом.

Бейли слышал об этом проекте. Ученые-теоретики носились с этой идеей уже, по меньшей мере, лет сто пятьдесят. Реализация этого проекта наталкивалась на неразрешимую проблему: сфокусировать луч так, чтобы он мог пройти пятьдесят миллионов миль и не рассеялся в пустоте. Бейли напомнил об этом Филу.

— Когда возникнет такая необходимость, с этим справятся. Будь спокоен, — возразил Норрис.

Бейли представил себе, какой стала бы жизнь на Земле, обладай она неисчерпаемыми запасами энергии. Не нужно было бы сдерживать рост населения. Укрупнялись бы фабрики, интенсивнее использовалась бы гидропоника. Энергия — вот единственное, без чего нельзя было обойтись. Полезные ископаемые вполне можно было бы ввозить с необитаемых планет. Если когда-нибудь возникли бы проблемы с водой, ее можно было бы доставлять с лун Юпитера. Черт возьми, можно было бы заморозить океаны и вывести их ледяные массы на орбиту, по которой они кружили бы вокруг Земли как маленькие ледяные луны. Они находились бы в космосе, всегда под рукой, в то время как их ложа увеличили бы площадь суши, и появилось бы больше земли для сельского хозяйства, больше места для людей. Даже содержание углерода и кислорода в атмосфере Земли можно было бы сохранить и увеличить за счет метановой атмосферы Титана и замерзшего кислорода Умбриеля.

Население Земли могло бы достичь триллиона, а то и двух. Почему бы и нет? Было время, когда сегодняшние восемь миллиардов казались невероятной цифрой. Было время, когда население всего лишь в один миллиард и то считалось

немыслимым. Всегда, в каждом поколении, начиная со средней эпохи, находились пророки мальтузианского толка, и всегда оказывалось, что они ошибались.

А что бы сказал на это Фастольф? Мир с населением в триллион? Конечно, возможен! Но он зависел бы от импортируемого воздуха и воды, не говоря уже об энергии, идущей от сложных накопителей, расположенных за пятьдесят миллионов миль от Земли. Какой невероятно шаткой была бы такая структура. Земля постоянно висела бы на волоске от полной катастрофы при малейшем повреждении любого звена в этом охватывающем всю Солнечную систему механизме.

— Я лично думаю, что было бы легче отправить с Земли часть избыточного населения, — сказал Бейли.

Это был скорее ответ на ту картину, которую он нарисовал в своем воображении, чем на то, что говорил Норрис.

— Да кто нас примет? — с горькой усмешкой откликнулся Норрис.

— Любая необитаемая планета.

Норрис поднялся, похлопал Бейли по плечу.

— Лайдж, ешь своего цыпленка и поправляйся,

Должно быть, ты все-таки принимал наркотики, — сказал он и ушел посмеиваясь.

Бейли посмотрел ему вслед, и лицо его искривилось невеселой гримасой; Норрис раструбит новость повсюду, и пройдут недели, прежде чем хохмачи их отдела (а они были в каждом офисе) оставят его в покое. Хорошо хоть, что Норрис отвлекся от своей излюбленной темы, и ему не пришлось говорить о молодом Винсе, о роботах и о деклассификации.

Он вздохнул и воткнул вилку в уже остывшего жесткого цыпленка…

Дождавшись, когда Бейли расправился с последним куском кекса, Р. Дэниел поднялся из-за своего стола, выделенного ему еще утром, и подошел к своему партнеру.

Бейли с тревогой посмотрел на робота: «Ну, что?»

— Комиссара нет, и неизвестно, когда он появится. Я сказал Р Сэмми, что мы собираемся воспользоваться кабинетом комиссара и что, кроме комиссара, он никого не должен туда впускать.

— Зачем нам кабинет комиссара?

— Там нас никто не услышит. Вы ведь не станете отрицать, что нам нужно обдумать следующий

шаг. Полагаю, вы не собираетесь прекратить расследование?

Именно этого Бейли желал больше всего на свете, но сказать об этом прямо, естественно, не мог. Он встал и направился в кабинет Эндерби.

Как только они вошли, Бейли сказал:

— Ну, Дэниел, что вы хотели сказать?

— Коллега Элайдж, со вчерашнего вечера вы сам не свой. В вашем психоизлучении произошли определенные изменения.

В голове Бейли мелькнула ужасная мысль.

— Вы телепат? — воскликнул он.

В более спокойном состоянии он не воспринял бы такую возможность всерьез.

— Нет. Конечно, нет, — ответил Р. Дэниел.

Паника, охватившая Бейли, немного улеглась.

— Тогда что вы, черт возьми, подразумеваете, говоря о моем психоизлучении?

— Это лишь выражение. Я использую его, чтобы описать то чувство, которое вы от меня скрываете.

— Какое чувство?

— Это трудно объяснить, Элайдж. Вы, вероятно, помните, что первоначально меня создавали для того, чтобы помочь нашим людям в Космотауне изучить человеческую психологию.

— Да, знаю. Вас приспособили к сыскной работе, просто-напросто снабдив цепью стремления к справедливости. — В голосе Бейли звучал явный сарказм. Он и не пытался его скрыть.

— Совершенно верно, Элайдж. Но мой первоначальный замысел остается, по сути, неизменным. Меня строили для цереброанализа.

— Для анализа биотоков мозга?

— Вот именно. Этот анализ можно проводить на расстоянии, без электродных контактов, если существует соответствующий приемник. Мой мозг является таким приемником. Разве этот метод не применяется на Земле?

О подобных методах Бейли ничего не знал. Он проигнорировал вопрос и осторожно спросил:

— Что вы узнаете при анализе биотоков мозга?

— Не мысли, Элайдж. Я получаю некоторое представление о душевном состоянии человека и прежде всего о его темпераменте, подсознательных мотивах и взглядах. Например, именно я сумел установить, что комиссар Эндерби не был способен прикончить человека при сложившихся во время убийства обстоятельствах.

— И его исключили из подозреваемых на основании ваших выводов?

— Да. Они вполне могли положиться на меня. В

этом отношении я очень точная машина.

Еще одна мысль поразила Бейли.

— Погодите! Так комиссар Эндерби не знал, что его подвергают цереброанализу?

— Не было никакой необходимости задевать его чувства.

— Выходит, вы просто стояли рядом и смотрели на него. Никакого оборудования. Никаких электродов. Ни самопишущих устройств, ни графиков.

— Конечно, нет. Я обхожусь без вспомогательных механизмов.

От раздражения и досады Бейли прикусил нижнюю губу. Он лишился той единственной зацепки, той лазейки, которая еще давала надежду на то, что ему все-таки удастся уличить в преступлении Космотаун и таким образом нанести космонитам решающий удар.

Р. Дэниел утверждал, что комиссара подвергли цереброанализу, а час спустя при упоминании об этом сам комиссар даже не понял, о чем идет речь, и не было никаких оснований сомневаться в его искренности. Однако совершенно очевидно, что человек которого подозревали в убийстве и подвергли проверке посредством снятия энцефалограммы, не мог не запомнить эту громоздкую

процедуру, все эти электроды и графики, и уж, конечно, получил бы полное представление о том, что такое цереброанализ. Но теперь это противоречие исчезло без следа. Комиссара подвергли цереброанализу, но он об этом и не подозревал. Значит, Р. Дэниел сказал правду, и комиссар тоже.

Ну а что ваш цереброанализ говорит обо мне? — спросил он довольно резко.

— Вы встревожены.

— Да уж, великое открытие. Еще бы мне не тревожиться.

— Точнее, ваша тревога вызвана столкновением ваших внутренних побуждений. С одной стороны, ваша преданность принципам своей профессии побуждает вас серьезно заняться заговором землян, которые преследовали нас вчера вечером. Другое, не менее сильное побуждение толкает вас в обратном направлении. Вот что мне удалось прочитать в биотоках ваших мозговых клеток.

— Моих мозговых клеток, ну и ну! — разгоряченно воскликнул Бейли. — Послушайте, я скажу вам, почему нет смысла в раскрытии вашего так называемого заговора. Он не имеет никакого отношения к убийству. Должен признаться, раньше

я думал иначе. Вчера в столовой мне показалось, что нам грозит опасность. Но что произошло дальше? Они вышли вслед за нами, быстро отстали на полосах, и на этом все закончилось. Хорошо организованные, отчаянные люди действовали бы иначе… Мой собственный сын без труда узнал; где мы находимся. Он просто позвонил в департамент. Ему даже не пришлось называть себя. Наши дорогие заговорщики могли бы сделать то же самое, если бы хотели расправиться с нами.

— Думаете, они этого не хотят?

— Конечно, нет. Если бы они хотели устроить беспорядки, то воспользовались бы ситуацией у обувного магазина, а вместо этого они послушно отступили перед одним-единственным человеком с бластером в руках. Перед роботом, который не способен был выстрелить, что они, должно быть, поняли, как только распознали, кто вы на самом деле. Все они медиевисты. Безобидные чудаки. Вы могли этого не знать, но я-то дал маху! И ведь мог же сообразить, да из-за всей этой заварухи на меня нашла какая-то… сентиментальная дурость. Поверьте мне, я знаю, что за люди становятся медиевистами: мягкие, мечтательные. Жизнь здесь слишком трудна для них, и они с головой уходят в идеальный мир прошлого,

который они сами выдумали. Если бы вы могли подвергнуть цереброанализу все это движение, как вы делаете такое с отдельными людьми, то обнаружили бы, что они способны на убийство не больше, чем сам Джулиус Эндерби.

— Я не могу поверить вам на слово, — медленно произнес Р. Дэниел.

— Что вы хотите сказать?

— Вы слишком быстро изменили свою точку зрения. К тому же ваши слова расходятся с вашими действиями. Вы назначили встречу с доктором Джерриджелом за несколько часов до того, как мы пошли в столовую. Тогда вы еще не знали ни о каком пищевом мешке и не могли подозревать меня в убийстве. Зачем же вы все-таки ему звонили?

— Я подозревал вас даже тогда.

— А прошлой ночью вы разговаривали во сне.

Глаза Бейли расширились.

— Что я говорил?

— Вы несколько раз повторяли одно лишь слово — Джесси. Полагаю, это относилось к вашей жене.

Бейли облегченно вздохнул.

— Мне приснился кошмар, — сказал он неуверенно. — Знаете, что это такое?

— По личному опыту я этого, конечно, не знаю. Согласно определению, которое дает словарь, это дурное сновидение.

— А вы знаете, что такое сновидение?

— Опять же только по словарю. Это иллюзия реальности, возникающая при временном отключении сознания, которое вы называете сном.

— Хорошо. Согласен. Иллюзия так иллюзия. Хотя иногда эта иллюзия может казаться чертовски реальной. Так вот, мне снилось, что моя жена в опасности. Я звал ее. В таких случаях это часто происходит. Можете мне поверить.

— Охотно вам верю. Но в связи с этим у меня возникает одна мысль. Как Джесси узнала, что я робот?

Лоб Бейли покрылся испариной.

— Давайте не будем начинать все сызнова. Слухи. О…

— Извините, что перебиваю, коллега Элайдж, но никаких слухов не было. Иначе бы уже сегодня волнение охватило весь Город. Я просмотрел сообщения, Уступающие в департамент: обстановка в Городе спокойная. Никаких слухов не существует. Так откуда же узнала ваша жена?

— На что вы намекаете, черт вас возьми? Думаете, моя жена — один из членов…

— Да, Элайдж.

Бейли судорожно сжал руки.

— Все это вздор! И давайте больше не будем говорить на эту тему.

— Это на вас не похоже, Элайдж. Выполняя свой долг, вы дважды обвиняли меня в убийстве.

— И вы решили таким образом свести со мной счеты?

— Я не совсем понимаю, что вы хотите этим сказать. Я, безусловно, одобряю вашу готовность подозревать меня. Вы имели на это основания. Они были ошибочными, но вполне могли оказаться и правильными. Сейчас имеются не менее веские основания подозревать вашу жену.

— Что за чушь вы несете! О Господи! Да ведь Джесси не способна обидеть даже своего злейшего врага. Она не смогла бы и шага ступить за пределы Города. Она никогда… Да будь вы живым человеком, я бы…

— Я просто говорю, что она участник заговора и что ее следует допросить.

— В жизни своей вы этого не дождетесь! Что бы вы ни называли своей жизнью. А теперь послушайте меня. Медиевисты не собираются с нами расправляться. Это не в их характере. Они просто хотят выжить вас из Города. Это вне

всяких сомнений. И для этого они применяют что-то вроде психологической атаки. Они пытаются отравить жизнь вам, а заодно и мне, раз я с вами. Они легко могли узнать, что Джесси — моя жена, ну а дальше — этот ход напрашивается сам собой — поступили таким образом, чтобы до нее дошла нужная информация. Она, как и все люди, не любит роботов. И они прекрасно понимали, что Джесси будет против моего сотрудничества с роботом, особенно если намекнуть, что это опасно. И представьте, их план сработал. Она всю ночь умоляла меня отказаться от этого дела и как-нибудь выдворить вас из Города.

— Вероятно, — сказал Р. Дэниел, — у вас очень сильное желание оградить свою жену от допроса. Думаю, вы сами не верите в те аргументы, которые только что привели.

— Да кто вы такой, чтобы мне указывать? — Бейли не помнил себя от бешенства. — Вы не сыщик. Вы машина цереброанализа, вроде тех электроэнцефалографов, которые стоят у нас в лаборатории. Пусть у вас есть и руки, и ноги, и голова, пусть вы умеете говорить, но вы всего-навсего машина. Думаете, если в вас вставили какую-то паршивую цепь, то вы уже сыщик? Не тут-то было! Так что помалкивайте и предоставь-

те мне все решать.

— Я думаю, будет лучше, если вы станете говорить тише, Элайдж, — спокойно сказал робот. — Пусть, по-вашему, я не детектив, мне бы все-таки хотелось обратить ваше внимание на одну маленькую деталь.

— И слушать ничего не хочу.

— И все же прошу меня выслушать. Если я не нрав, вы так и скажете, и никому от этого вреда не будет. Дело вот в чем. Прошлой ночью вы вышли из пашей комнаты, чтобы позвонить Джесси. Я предложил, чтобы вместо вас пошел ваш сын. Вы мне сказали, что у землян не принято посылать своих детей туда, где опасно. Распространяется ли этот обычай на матерей?

— Конечно, — начал Бейли и осекся.

— Вы понимаете, что я хочу сказать, — заметил Р. Дэниел. — Если бы Джесси беспокоилась о вашей безопасности и хотела предупредить вас, она бы сделала это сама, не подвергая риску жизнь собственного сына. Тот факт, что она все-таки послала Бентли, может означать лишь одно: она чувствовала, что он будет в безопасности, тогда как сама она — нет. Если бы заговор состоял из людей, не знакомых Джесси, она бы не опасалась за себя или, по крайней мере, у нее не было бы

оснований для опасений. С другой стороны, как участница заговора, она знала, она наверняка знала, Элайдж, что за ней будут следить и узнают ее, в то время как Бентли мог проскочить незамеченным.

— Постойте, — с болью в сердце произнес Бейли, все это красивые рассуждения, но…

На столе комиссара бешено замигал сигнальный огонь. Р. Дэниел ждал, что Бейли ответит, но тот лишь беспомощно уставился на сигнал. Робот включил связь сам.

— В чем дело?

Послышался невнятный голос Р. Сэмми.

— Здесь находится леди, которая желает видеть Лайджа. Я сказал ей, что он занят, но она не хочет уходить. Она говорит, что ее зовут Джесси.

— Впустите ее, — спокойно сказал Р. Дэниел.

Его бесстрастные карие глаза встретились с полным панического ужаса взглядом Бейли.

Глава четырнадцатая
Власть имени

Ошарашенный, Бейли стоял не двигаясь, словно в столбняке, когда к нему, вся в слезах, подбежала Джесси и крепко прижалась, обхватив его за плечи. Его побелевшие губы беззвучно произнесли:

— Бентли?

Она посмотрела на него и затрясла головой, волосы ее при этом разлетелись в разные стороны.

— С ним все в порядке.

— Что же тогда?

Уткнувшись головой в грудь мужа, она произнесла тихим, едва слышным голосом:

— Я не могу так больше, Лайдж. Не могу. Я не могу ни спать, ни есть. Я должна все рассказать тебе.

— Не говори ничего! — в отчаянии воскликнул Бейли. — Ради Бога, Джесси, не сейчас.

— Я должна… Что я наделала?.. Это ужасно! О Лайдж!..

Ее слова утонули в рыданиях.

— Мы не одни, Джесси, — безнадежно сказал

Бейли.

Она подняла голову и посмотрела на Р. Дэниела, видимо, не узнавая его. Скорее всего, из-за слез, которые потоком лились из ее глаз, она вообще вместо робота видела лишь бесформенное расплывчатое пятно.

— Добрый день, Джесси, — тихо сказал Р. Дэниел.

— Это тот… тот робот? — прерывающимся голосом спросила Джесси.

Она быстро провела по глазам тыльной стороной ладони и освободилась от обнимавшей ее руки мужа. Несколько раз глубоко вздохнула, и на мгновение на ее губах появилась дрожащая улыбка.

— Это вы, правда?

— Да, Джесси.

— Вы не против того, чтобы вас называли роботом?

— Нет, Джесси. Ведь я действительно робот.

— А я не против того, чтобы меня называли дурой, идиоткой и… агентом, ведущим подрывную деятельность, потому что я действительно…

— Джесси! — простонал Бейли.

— Не надо, Лайдж, — сказала она, — раз он твой партнер, пусть знает. Я больше не могу с этим

жить. Я столько пережила со вчерашнего дня. Мне все равно, пусть меня даже посадят в тюрьму. Сошлют на самые низшие уровни и заставят жить на сырых дрожжах и воде. Мне все равно… Ты не позволишь им, правда, Лайдж? Ты не дашь меня в обиду? Я так… так боюсь…

Бейли поглаживал ее по плечу, ожидая, пока она справится со слезами.

— Она не совсем здорова, — обратился он к Р. Дэниелу. — Ее надо увезти отсюда. Сколько сейчас времени?

— Четырнадцать сорок пять, — ответил робот, не глядя на часы.

— Комиссар может вернуться в любую минуту. Слушайте, возьмите дежурную машину, мы поговорим обо всем на мотошоссе по дороге домой.

Джесси резко вскинула голову.

— На мотошоссе? О нет, Лайдж.

Самым успокаивающим тоном, на какой только был способен, Бейли сказал:

— Прошу тебя, Джесси, не будь суеверна. Мы не можем ехать по экспресс-дороге, когда ты в таком состоянии. Будь умницей, успокойся, а то мы не сможем пройти даже через общую комнату. Я принесу тебе воды.

Джесси вытерла лицо влажным от слез носо-

вым платком и печально пролепетала:

— О, что стало с моим макияжем…

— Не стоит беспокоиться насчет макияжа, — сказал Бейли. — Дэниел, как там насчет дежурной машины?

— Она уже ждет нас, коллега Элайдж.

— Пойдем, Джесси.

— Подожди. Подожди минутку, Лайдж. Мне нужно что-нибудь сделать, со своим лицом.

— Сейчас это не имеет значения.

Но она отступила назад.

— Пожалуйста. Я не могу пройти через общую комнату в таком виде… Это займет буквально секунду.

Человек и робот стояли в ожидании: человек — судорожно сжимая кулаки, робот — бесстрастно.

Джесси начала рыться в своей сумочке в поисках необходимых принадлежностей. (Как-то Бейли торжественно заявил, что если существует на свете хоть одна вещь, которая не поддалась техническим усовершенствованиям и осталась такой, какой была еще в среднюю эпоху, так это дамская сумочка. Безуспешной оказалась даже попытка заменить металлическую застежку на магнитные затворы.) Джесси извлекла из сумочки маленькое зеркальце и косметический набор

в серебряной оправе, который Бейли подарил ей на день рождения три года назад.

В этом наборе было несколько распылителей, и Джесси использовала каждый по очереди. Содержимое всех распылителей, кроме самого последнего, было невидимым для глаз, Она пользовалась ими с таким изяществом и ловкостью, которые присущи только женщинам и сохраняются в них наперекор всем обстоятельствам.

Сначала Джесси наложила на лицо ровный слой основы; ее кожа стала матовой и гладкой, с легким золотистым оттенком, который — она знала это по многолетнему опыту — больше всего подходил к естественному цвету ее волос и глаз. Затем налет загара на лоб и подбородок, легкое прикосновение румян на обе щеки — вверх по скулам, к вискам, — и тонкие штрихи голубизны на верхние веки и вдоль мочек ушей. Наконец, ровный слой кармина, наложенный на губы, то единственное видимое облачко нежно-розового цвета, которое влажно поблескивало в воздухе, но при прикосновении с губами сразу же высохло и приняло ярко-красный цвет.

— Ну вот, — быстрыми движениями пригладив волосы, сказала Джесси с видом глубокого удовлетворения — Думаю, так сойдет.

Вся процедура заняла больше чем обещанную секунду, но длилась менее половины минуты. Однако Бейли показалось, что прошла целая вечность.

Едва Джесси убрала свою косметику, как Бейли подтолкнул ее к двери.

— Идем, — раздраженно сказал он…

Их окутала жуткая, глубокая тишина мотошоссе.

— Так что, Джесси? — начал Бейли. Выражение отрешенности, застывшее на лице Джесси, с тех пор как они покинули кабинет комиссара, начало улетучиваться. Она беспомощно смотрела то на мужа, то на Дэниела, не в силах произнести ни слова. — Не молчи, Джесси. Прошу тебя. Ты совершила преступление? Настоящее преступление? — спросил Бейли.

— Преступление? — Она неуверенно покачала головой.

— Возьми себя в руки. Не надо истерик. Говори только «да» или «нет». Джесси, ты… — Он заколебался, — Убила кого-нибудь?

На лице Джесси мгновенно отразилось глубокое возмущение.

— Ты с ума сошел, Лайдж Бейли!

— Да или нет, Джесси?

— Нет, конечно же, нет. У него отлегло от сердца.

— Ты что-нибудь украла? Подделала данные о рационах? Оскорбила кого-нибудь? Что-нибудь испортила? Говори же, Джесси.

— Я ничего не сделала… ничего особенного. То есть ничего такого, о чем ты думаешь. — Она оглянулась. — Лайдж, нам обязательно оставаться здесь, под землей?

— Мы не тронемся с места до тех пор, пока все не выясним. Итак, начинай с самого начала. Ты пришла что-то сказать нам?

Он посмотрел поверх склоненной головы Джесси и встретился со взглядом Р. Дэниела.

Джесси заговорила тихим голосом, и чем дальше она рассказывала, тем уверенней он звучал.

— Это все они, медиевисты, ты-то их знаешь, Лайдж. От них с их болтовней просто прохода нет. Так было, еще когда я работала ассистентом диетолога. Помнишь Элизабет Торнбоу? Она была медиевисткой и постоянно твердила, что все наши беды от стальных Городов и что до их возникновения все было прекрасно… Я все спрашивала, откуда у нее такая уверенность, что все было именно так, особенно после того, как мы познакомились с тобой, Лайдж (помнишь наши

разговоры?), и тогда она начинала приводить цитаты из этих роликов-фильмов, которые вечно ходят по рукам. Знаешь, типа «Позора Городов», Этого… как его… не помню его фамилии.

— Огринского, — рассеянно проговорил Бейли.

— Да, только большинство из них намного хуже. А когда я вышла за тебя замуж, она стала просто язвой. Сказала мне: «Полагаю, теперь, когда ты вышла замуж за полицейского, ты станешь настоящей городской дамой!» После этого мы почти не разговаривали, а потом перестала работать, на этом все и закончилось. Чего она мне только не рассказывала! И все, наверное, для того, чтобы меня поразить или выставить себя в романтическом свете. Понимаешь, она была старой девой, так и не вышла замуж до конца своих дней. Многие из медиевистов — обыкновенные неудачники. Помнишь, ты как-то сказал, Лайдж, что люди иногда принимают свои недостатки за недостатки общества и хотят переделать Города, потому что не знают, как исправить самих себя.

Бейли помнил свои слова, но теперь они казались ему пустыми и не заслуживающими внимания.

— Говори по существу, Джесси, — мягко сказал он.

— В общем, — продолжала она, — Лиззи все повторяла, что настанет день, и людям нужно будет объединиться. По ее словам, во всем были виноваты космониты, потому что они хотели, чтобы Земля оставалась слабой и деградировала. Это было одно из ее любимых словечек — деградировать. Бывало, она брала меню, которое я готовила на следующую неделю, фыркала и говорила: «Деградируем, деградируем», Джеймс Майерс иногда копировала ее на кухне, так мы просто умирали со смеху. Она говорила — это я уже про Элизабет, — что когда-нибудь мы покончим с Городами и вернемся к земле, а заодно сведем счеты с космонитами, которые стараются навсегда привязать нас к Городам, навязывая нам роботов. Только она никогда не называла их роботами. Она говорила «бездушные монстры», прошу извинить меня, Дэниел.

— Я не знаю значения прилагательного, которое вы употребили, — сказал робот, — тем не менее принимаю ваше извинение. Пожалуйста, продолжайте.

Бейли заерзал на месте. С Джесси всегда было так… Она подходила к сути своими собственными окольными путями, и никакие чрезвычайные обстоятельства не могли заставить ее рассказы-

вать по-другому.

— Элизабет всегда старалась говорить так, как будто в этом движении, кроме нее, участвовала масса народа. Она, бывало, начнет: «На последнем собрании…», а затем смолкнет и смотрит на меня, наполовину гордая, наполовину напуганная, словно хочет, чтобы я начала ее расспрашивать о собрании — вот уж тогда она бы поважничала! — да боится, как бы я не навлекла на нее беду. Конечно, я никогда не спрашивала. Не хотела доставлять ей такого удовольствия… Ну вот, а после того как я вышла за тебя замуж, Лайдж, все это прекратилось, пока…

Джесси замолчала.

— Продолжай, Джесси, — попросил Бейли.

— Лайдж, ты помнишь, как мы поссорились? Ну, из-за Джезебел?

— Ну, так что же? — Бейли не сразу понял, что речь идет о полном имени самой Джесси, а не о какой-то другой женщине. Он повернулся к Р.Дэниелу и объяснил, как бы оправдываясь; — Полное имя Джесси — Джезебел. Оно не нравится ей, и она им не пользуется.

Р. Дэниел сдержанно кивнул, а Бейли подумал: «Вот дьявол, что я из-за него-то переживаю».

— Наш спор не давал мне покоя, Лайдж, — про-

должала Джесси, — просто не выходил у меня из головы. Наверное, это глупо, но я все думала и думала о том, что ты сказал. То есть о том, что Джезебел была просто консервативна и что она боролась за обычаи своих предков против тех странных обычаев, которые принесли с собой чужаки. В конце концов, я тоже была Джезебел, и я всегда…

Она пыталась подобрать подходящие слова, и Бейли пришел ей на помощь:

— Отождествляла себя с ней.

.— Да, — сказала она, но тут же покачала головой и отвела взгляд в сторону. — Не в прямом смысле. Пытаясь подражать тому, что, как я думала, в ней было. Ну, ты знаешь… Я такой не была.

— Я знаю это, Джесси. Не глупи.

— Но все-таки я много размышляла о ней и постепенно начала думать, что сейчас многое происходит такого, о чем не ведали прежде. Ну например, у нас, землян, есть старинные обычаи, и вот пришли космониты со своими нравами и стали насаждать всякие новшества, нарушив тем самым весь уклад нашей размеренной, несуетной жизни. Может быть, медиевисты все же правы. Может, нам действительно следовало бы почаще обращаться к нашим добрым традициям… И вот я

пошла на свою старую работу и нашла Элизабет.

— Так. И что же было дальше?

— Она сказала, что не понимает, о чем я говорю, и что к тому же я — жена полицейского, Я ответила, что это не имеет к делу никакого отношения, и в конце концов она согласилась кое с кем поговорить, И где-то через месяц она подошла ко мне и сказала, что все в порядке… Я вступила в их организацию и с тех пор ходила на все собрания.

Бейли с грустью посмотрел на нее:

— А почему ты ничего мне не сказала?

Голос Джесси задрожал:

— Я очень сожалею, Лайдж.

— Ну, сожалей не сожалей, этим делу не поможешь. Расскажи лучше о собраниях. Прежде всего, где они проходили?

Им овладело ощущение отстраненности, От оцепенения все чувства, казалось, онемели. То, во что он изо всех сил старался не верить, оказалось правдой — голой, не вызывающей никаких сомнений правдой. В каком-то смысле Бейли даже почувствовал облегчение от того, что теперь не было неопределенности.

— Здесь, — ответила Джесси.

— Здесь? Прямо на этом месте, на мотошоссе?

— Да, на мотошоссе. Вот почему мне не хотелось

сюда ехать. Правда, для встреч лучшего места было не придумать. Мы собирались…

— Сколько вас было?

— Я не могу сказать точно. Человек шестьдесят-семьдесят. Это было что-то типа местной ячейки. Мы приносили складные стулья, легкую закуску и прохладительные напитки. Кто-нибудь произносил речь, обычно о том, как прекрасна была жизнь в старые времена и как однажды мы разделаемся с монстрами, то есть с роботами, а заодно и с космонитами. Честно говоря, речи были скучноваты, потому что каждый раз в них говорилось одно и то же. Мы просто-напросто пережидали, когда они закончатся. Мы давали торжественные клятвы, и у нас были тайные знаки, которыми мы могли приветствовать друг друга в повседневной жизни.

— И вас никогда не прерывали? Ни полицейские, ни пожарные машины мимо не проезжали?

— Нет, никогда.

— Так уж это невероятно, Элайдж? — вмешался Р. Дэниел.

— Может быть, и нет, — задумчиво ответил Бейли. — Есть ответвления, которые практически никогда не используются. Вот только определить,

где они, не так-то просто. И это все, чем вы занимались на собраниях, Джесси? Произносили речи да играли в конспирацию?

— Почти что все. И еще иногда пели песни. И наконец, закусывали сандвичами, пили сок.

— В таком случае, чего ты разнервничалась? — спросил Бейли, едва сдерживаясь.

Джесси заморгала глазами.

— Пожалуйста, ответь на мой вопрос, — с железной настойчивостью проговорил Бейли. — Если все было так безобидно, то почему ты пребываешь в такой панике эти полтора дня?

— Я думала, они что-нибудь сделают с тобой, Лайдж. Ради Бога, почему ты не хочешь меня понять? Я же тебе все объяснила.

— Нет, пока еще мало объяснила. Ты сообщила мне об участии в безобидных тайных посиделках. Теперь скажи, члены вашей организации когда-нибудь организовывали открытые демонстрации? Они когда-нибудь уничтожали роботов? Устраивали массовые беспорядки? Убивали людей?

— Никогда! Лайдж, я бы в жизни не сделала ничего подобного! Я бы сразу порвала с ними, попытайся они совершить такое.

— Но тогда почему же ты утверждаешь, что

совершила нечто ужасное? Почему ты думаешь, что тебя посадят в тюрьму?

— Ну, в общем, они часто говорили, что когда-нибудь начнут давить на правительство. Предполагалось, что мы выступим организованно, прекратим работу и начнутся массовые забастовки. Правительство будет вынуждено наложить запрет на использование роботов, и космонитам придется убраться восвояси. Я думала, это были просто разговоры, а тут тебе дали это задание и нового напарника. И потом я услышала, как они говорили: «Теперь начнутся настоящие действия», и еще: «На их примере мы покажем, на что способны, и немедленно положим конец этому вторжению роботов». Они говорили это прямо в туалетном блоке, не зная, что речь идет о тебе. Но я поняла это сразу же.

Ее голос прервался.

— Ну успокойся, Джесси, — сказал Бейли смягчившись. — Все это пустяки. Одни разговоры. Сама видишь: с нами ничего не случилось.

— Я так… так бу-боялась. Я думала, что тоже в этом замешана. Если бы начались убийства и погромы, могли бы убить тебя и Бентли, и я была бы виновата в этом, потому что принимала участие в заговоре. А раз так, меня посадили бы

в тюрьму.

Бейли дал ей выплакаться. Он обнял ее за плечи и, плотно сжав губы, посмотрел на Р. Дэниела, который ответил ему невозмутимым взглядом.

— Теперь, Джесси, подумай хорошенько и скажи, кто возглавлял вашу группу? — спросил Бейли.

Джесси немного успокоилась и осторожно прикладывала мокрый носовой платок к уголкам глаз.

— Всем руководил Джозеф Клемин, но на самом деле он ничего из себя не представлял. Он не выше пяти футов четырех дюймов и, по-видимому, дома у жены под каблуком. Мне кажется, он нисколечко не опасен. Вы ведь не станете арестовывать его, верно, Лайдж? Только потому, что я сказала?

Вид у нее был встревоженно-виноватый.

— Я пока никого еще не арестовываю. От кого Клемин получал инструкции?

— Не знаю.

— На собраниях бывали какие-нибудь незнакомые тебе люди? Ты понимаешь, о чем я: какие-нибудь важные шишки из центрального штаба?

— Иногда приходили какие-то люди, произносили речи. Это было не очень часто, может быть,

раза два в год.

— Можешь назвать их имена?

— Нет. Их всегда представляли как «один из нас» или «товарищ с Джексон Хайте» или еще откуда-нибудь.

— Ясно. Дэниел!

— Да, Элайдж.

— Опишите людей, которых вы взяли на заметку, Посмотрим, сможет ли Джесси кого-нибудь узнать.

Р. Дэниел стал с методической точностью описывать каждого по порядку.

Джесси слушала его с выражением смятения и испуга на лице, и по мере того как количество данных увеличивалось, все энергичнее качала головой.

— Это бесполезно. Бесполезно! — вскрикнула она наконец. — Как я могу их всех помнить? Не помню я, как они выглядели! Совершенно… — Она не договорила и задумалась. — Вы сказали, работа одного из них была связана с дрожжевым производством?

— Фрэнсис Клаусарр, — сказал Р. Дэниел — служащий нью-йоркской дрожжевой фабрики.

— Ну, видите ли, как-то выступал один человек, а я случайно оказалась в первом ряду и постоянно

ощущала слабый, едва уловимый запах сырых дрожжей. Вы знаете, что я хочу сказать. Я помню это только потому, что в тот день неважно себя чувствовала, и от этого запаха меня все время тошнило. Пришлось даже встать и пройти в задние ряды. Я, конечно, не могла объяснить, что случилось. Было так неудобно. Может быть, это и есть тот человек, о котором вы говорите. В конце концов, когда постоянно работаешь с Дрожжами, их запах пропитывает одежду насквозь.

Она поморщилась.

— Ты не помнишь, как он выглядел? — спросил Бейли.

— Нет, — решительно ответила Джесси.

— Ну что ж, ладно, Слушай, Джесси, сейчас я отвезу тебя к твоей матери, Бентли останется с тобой. Никуда из сектора не выходите. Бен пусть пока в школу не ходит. Я договорюсь, чтобы еду вам присылали прямо на квартиру и чтобы все подступы к дому были под наблюдением полиции.

— А как же ты? — Голос Джесси дрожал.

— Со мной ничего не случится.

— И сколько все это будет продолжаться?

— Не знаю. Может, день-два.

Он сам чувствовал, как неубедительно прозву-

чали его слова.

Они снова были на мотошоссе, Бейли и Р. Дэниел, теперь уже одни. Лицо Бейли было темнее тучи от нахлынувших на него мыслей.

— Очевидно, — проговорил он, — мы имеем дело с двухуровневой организацией. Во-первых, существует нижний уровень, не имеющий какой-либо определенной программы и созданный лишь для обеспечения массовой поддержки возможного переворота. Второй уровень — немногочисленная верхушка. На ее поисках мы и должны сосредоточить свои усилия, Марионеточные группы, о которых рассказывала Джесси, можно не принимать во внимание.

— Звучит все это логично, — сказал Р. Дэниел, — если принять на веру рассказ Джесси.

— Я полагаю, — сухо сказал Бейли, — что рассказ Джесси можно считать абсолютно искренним.

— Вероятно. В ее мозговых импульсах нет ничего, что бы указывало на патологическую склонность ко лжи.

Бейли бросил на робота оскорбленный взгляд.

— Этого еще не хватало! И нам не следует упоминать ее имя в отчетах. Вы меня поняли?

— Как пожелаете, коллега Элайдж, — спокойно сказал Р. Дэниел, — но наш отчет в таком случае

не будет ни полным, ни точным.

— Что ж, может быть и так, не никому от этого хуже не будет. Она добровольно пришла к нам сообщить то, что знала. Если мы сошлемся на нее, полиция возьмет ее на заметку, а я этого не хочу.

— В таком случае, я согласен при условии, чтобы мы выяснили все окончательно.

— Что касается ее, то договорились. Ручаюсь.

— Не могли бы вы тогда объяснить, почему слово Джезебел, простое звучание этого слова, привело к тому, что ока отказалась от старых убеждений и приняла новые? Мотивация представляется не совсем ясной.

Они медленно ехали по пустому извилистому мотошоссе.

— Это трудно объяснить. Джезебел — редкое имя. Когда-то его носила женщина с очень плохой репутацией. Моя жена оценила это по-своему. Это имя придавало ей косвенное чувство порочности и как бы вознаграждало ту добропорядочную жизнь, которую она всегда вела.

— Зачем законопослушной женщине чувствовать себя блудницей?

Бейли едва сдержал улыбку.

— Женщины есть женщины, Дэниел. Как бы то ни было, я совершил большую глупость. В мо-

мент сильного раздражения я начал доказывать, что библейская Джезебел вовсе не была большой грешницей, и уж, во всяком случае, была хорошей женой. Никогда себе этого не прошу. Оказалось, — продолжал он, — что тем самым я нанес Джесси глубокую душевную рану. Я разрушил нечто, чему не было замены. Очевидно, то, что случилось после, было вызвано ее желанием каким-то образом отомстить мне. Думаю, именно поэтому она и занялась деятельностью, которую, она знала, я бы не одобрил. Я бы не сказал, что это желание было осознанным.

— Разве желание может быть неосознанным? Нет и здесь противоречия в терминах?

Бейли пристально посмотрел на робота и понял, что нет смысла объяснять ему. что такое подсознательное мышление. Вместо этого он сказал:

— К тому же на мысли и чувства человека огромное влияние оказывает Библия.

— Что такое Библия?

На мгновение Бейли сильно удивился, а затем удивился собственному удивлению. Насколько он знал, философией космонитов был механистический индивидуализм, а Р. Дэниел мог знать только то, что знали они — не больше.

— Это книга, которую почти половина населения Земли почитает как священную, — коротко ответил Бейли.

— Я не понимаю значения прилагательного, которое вы употребили.

— Это значит, что она высоко почитается. Различные ее части при правильном истолковании содержат кодекс поведения. Многие люди считают, что, следуя им, человечество может достичь всеобщего счастья.

Р. Дэниел, казалось, задумался над словами Бейли.

— Этот кодекс включен в ваши законы?

— Боюсь, что нет. Его нельзя вменить в обязанность силой закона. Каждый человек должен руководствоваться им добровольно, из внутреннего стремления поступать именно так. Кодекс в определенном смысле выше любого закона.

— Выше закона? В этом нет противоречия в терминах?

Лицо Бейли скривилось в усмешке.

— Может, рассказать вам что-нибудь из Библии? Наверное, вам это будет интересно?

— Да, пожалуйста.

Бейли сбросил скорость, и машина остановилась. Несколько секунд он сидел с закрытыми

глазами, вспоминая текст. Конечно, лучше было бы прочесть отрывок на звучном среднеанглийском языке, который использовался в Библии эпохи средних веков, но для Р. Дэниела среднеанглийский прозвучал бы как бессмысленная тарабарщина. Бейли начал, почти небрежно произнося слова из Библии в модернизированной обработке, так, словно рассказывал повесть о современной жизни, а не историю из незапамятного прошлого человечества:

— Иисус пошел на гору Елеонскую, а на рассвете вернулся в храм. Весь народ шел к нему, и он сел и стал учить их. Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии и, поставив ее перед ним, сказали ему: «Учитель! Эта женщина замечена в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедовал нам побивать таких преступниц камнями. Что ты скажешь?»

Они говорили это, надеясь заманить его в ловушку, чтобы найти основания для его обвинения. Но Иисус, низко наклонившись, писал пальцем на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали его спрашивать, он, поднявшись, сказал им: «Кто из вас без греха, первым брось в нее камень».

И, опять наклонившись, стал писать на земле.

Они же, услышав это и будучи обличены совестью, стали уходить один за другим, начиная со старшего до последнего, и остался один Иисус с женщиной, стоящей перед ним, Иисус, поднявшись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: «Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?»

Она отвечала: «Никто, Господи».

Иисус сказал ей: «И я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши».

Р. Дэниел, слушавший с большим вниманием, спросил:

— Что такое прелюбодеяние?

— Неважно. Это преступление, наказанием за которое в то время было избиение камнями; то есть в виновного бросали камни до тех пор, пока он не умирал.

— И женщина была виновной?

— Да, была.

— Тогда почему же ее не побили камнями?

— После слов Иисуса никто из обвинителей не смог этого сделать. Эта притча призвана показать, что существует нечто выше справедливости, стремление к которой в вас заложили. Существует человеческое побуждение, известное как милосердие; человеческий поступок, называ-

емый, прощением.

— Я не знаком с этими словами, коллега Элайдж.

— Знаю, — пробормотал Бейли, — знаю.

Он резко завел мотор, машина рванула с места и понеслась вперед с такой скоростью, что его вдавило в спинку сиденья.

— Куда мы едем? — спросил Р. Дэниел.

— В Йист-таун, — ответил Бейли, — вытряхивать правду из Фрэнсиса Клаусарра, заговорщика.

— Каким образом вы это сделаете, Элайдж?

— Это сделаю не я, а вы, Дэниел. Причем очень просто.

Они помчались вперед.

Глава пятнадцатая
Арест заговорщика

Бейли чувствовал едва уловимый специфический запах Йист-тауна, который становился все сильнее, заполняя собой все вокруг. Для Бейли этот запах не был неприятным, как для Джесси, например. Ему он, пожалуй, даже нравился. Он пробуждал приятные воспоминания.

Каждый раз, когда Бейли слышал запах сырых дрожжей, чувственное восприятие каким-то неведомым образом отбрасывало его на три десятилетия, назад. Он снова был десятилетним мальчуганом, навещавшим дядю Бориса, который работал на дрожжевой фабрике. У дяди Бориса всегда было припасено немного дрожжевых сладостей: маленькие печеньица, разные конфеты, напоминавшие по вкусу шоколадные, со сладкой жидкостью внутри, пирожные в виде фигурок кошек и собак. Несмотря на свой возраст, он понимал, что дядя Борис не имел права их раздавать, и всегда съедал свое угощение потихоньку, сидя в углу спиной ко всем. Он быстро запихивал сласти в рот, боясь как бы его не заста-

ли за этим занятием.

От этого они казались еще вкуснее.

Бедный дядя Борис! Он погиб от несчастного случая. Лайджу никогда не рассказывали подробностей, и он горько плакал, так как думал, что дядю Бориса арестовали за воровство дрожжевых продуктов. Он боялся, что и его самого арестуют и накажут. Много лет спустя Бейли осторожно заглянул в полицейскую картотеку и узнал правду, Дядя Борис попал под гусеницы транспортера. Таким трагичным оказался конец у этого романтического мифа.

Но все же при малейшем запахе сырых дрожжей в его сознании тотчас, пусть на один миг, всплывали детские воспоминания.

Йист-таун — Дрожжевой город... Официально в Нью-Йорке не было района с таким названием. Оно не встречалось ни в одном из городских справочников, ни на одной официальной карте. То, что в народе называли Йист-тауном, в департаменте связи числилось как округа Нью-Арк, Нью-Брансуик и Трентон. Эта часть Города представляла собой широкую полосу, пересекавшую то, что в среднюю эпоху было штатом Нью-Джерси. За исключением нескольких жилых секторов — в основном в центре Нью-Арка и Трентона

— все это пространство было занято многоуровневыми фабриками, где росли и размножались сотни разновидностей дрожжевых культур.

На дрожжевых фабриках работала пятая часть всего населения Города. Столько же народу трудилось в смежных отраслях. Горы древесины и сырой целлюлозы, которые доставлялись из непроходимых лесов Аллеганов, бесчисленное множество цистерн с кислотой, необходимой для переработки сырья в глюкозу; тысячи тонн селитры и фосфатов — важнейших для процесса добавок; огромное количество контейнеров с органическими веществами из химических лабораторий — все это требовалось для того, чтобы получить только один продукт — дрожжи, как можно больше дрожжей.

Без них шесть из восьми миллиардов людей, живущих на Земле, через год погибло бы от голода.

Бейли похолодел от этой мысли. Такая возможность существовала и три дня назад, но тогда подобная мысль просто не пришла бы ему в голову.

Машина с ревом выскочила из туннеля мотошоссе на окраины Нью-Арка. На малонаселенных улицах, зажатых с обеих сторон невыразитель-

ными блоками дрожжевых фабрик, не пришлось даже сбрасывать скорость.

— Который час, Дэниел? — спросил Бейли.

— Шестнадцать часов пять минут, — ответил робот.

— Значит, если он работает в дневную смену, мы застанем его на месте.

Бейли поставил машину в нише для выгрузки сырья и выключил двигатель.

— Так это и есть фабрика «Нью-Йорк Йист», Элайдж? — спросил робот.

— Ее часть.

Они вошли в коридор, по обеим сторонам которого тянулись служебные помещения. В том месте, где коридор сворачивал, их встретила расплывшаяся в улыбке секретарша.

— Кого вы желаете видеть? — спросила она. Бейли достал свое удостоверение.

— Полиция. У вас в «Нью-Йорк Йист» работает некий Фрэнсис Клаусарр?

— Сейчас проверю.

Девушка была явно обеспокоена.

Она нажала кнопку селектора, под которой значилось «Отдел кадров», и ее губы едва заметно зашевелились, но при этом не было слышно ни звука.

Бейли уже доводилось видеть, как работают ларингофоны, превращавшие слабые колебания гортани в слова.

— Говорите, пожалуйста, вслух. Я бы хотел вас слышать, — попросил Бейли.

Теперь ее слова можно было разобрать, но сыщик услышал лишь «…он говорит, что из полиции, сэр».

К ним подошел хорошо одетый смуглый человек с тонкими усами и небольшой лысиной. Он улыбнулся, показав ослепительно белые зубы, и представился:

— Я Прескотт из отдела кадров. Чем могу быть полезен, инспектор?

Бейли холодно посмотрел на Прескотта, и улыбка на его лице потеряла свою естественность. Прескотт сказал:

— Я просто не хотел бы волновать рабочих. Они болезненно реагируют на все, что касается полиции.

— Что ж делать! Клаусарр сейчас на своем рабочем месте?

— Да, инспектор.

— В таком случае дайте нам указку. И если он уйдет прежде, чем мы туда доберемся, нам придется разговаривать с вами в другом месте.

Лицо Прескотта побледнело. Он пролепетал:

— Сейчас я принесу вам указку, инспектор.

Указка-гид была настроена на отделение *СГ*, секции 2. Что это значило в фабричной терминологии, Бейли не знал. Ему не нужно было это знать. Указка представляла собой компактный аппарат, который легко помещался на ладони. Ее кончик слегка нагревался при совмещении с заданным направлением и быстро охлаждался, если ее поворачивали в какую-нибудь другую сторону. При приближении к конечной цели он становился все теплее и теплее.

Для новичка указка с ее едва уловимыми тепловыми колебаниями была почти бесполезна, но мало кто из жителей Города не умел с ней обращаться. Одной из самых любимых игр детства многих поколений была игра в прятки в коридорах школьного яруса с использованием игрушечных указок-гидов. («Горячо или нет, дай, указка, ответ», «Хоть куда забредешь — гида не проведешь».)

За свою жизнь Бейли уже сотни раз с помощью указки-гида находил дорогу в лабиринтах громадных зданий, так что с гидом в руке он свободно следовал по кратчайшему пути в нужном направлении, как будто перед ним была схема

расположения помещений.

Когда через десять минут он шагнул в просторную, ярко освещенную комнату, кончик указки-гида был почти раскаленным.

— Фрэнсис Клаусарр здесь? — спросил Бейли у ближайшего к двери рабочего.

Тот мотнул головой, и Бейли двинулся в указанном направлении. Несмотря па включенные вентиляторы, от гула которых в помещении стоял постоянный шум, в нос бил резкий запах дрожжей.

Один из рабочих на другом конце комнаты поднялся и стал снимать фартук. Он был среднего роста, довольно молодой, но с глубокими морщинами на лице и начинающими седеть волосами. Он медленно вытирал свои огромные, узловатые руки селлетексовым полотенцем.

— Фрэнсис Клаусарр — это я, — сказал он.

Бейли бросил взгляд на Р. Дэниела. Робот кивнул.

— О'кей, — сказал Бейли. — Найдется здесь место, где мы могли бы поговорить?

— Может, и найдется, — медленно проговорил Клаусарр, — но у меня почти закончилась смена. Как насчет завтра?

— До завтра ждать слишком долго. Давайте-ка

поговорим сейчас.

Бейли показал ему свое удостоверение.

Спокойно продолжая вытирать руки, Клаусарр холодно сказал:

— Не знаю, как у вас в полиции, но мы здесь едим строго по графику. Мой ужин с семнадцати ноль-ноль до семнадцати сорока пяти. И появляться в столовой в другое время бесполезно.

— Не беспокойтесь. Я позабочусь о том, чтобы ваш ужин принесли сюда.

— Ну-ну, — невесело проговорил Клаусарр. — Прямо как аристократу или полицейскому класса *С*, А дальше что? Может, вы еще и отдельную ванну мне предложите?

— Отвечайте на вопросы, Клаусарр, а остроты приберегите для своей подружки. Так где мы можем поговорить?

— Если хотите, можно воспользоваться весовой, а уж устроит она вас или нет — это ваше дело. Мне-то с вами говорить не о чем.

Бейли подтолкнул Клаусарра к весовой. Это была квадратная стерильно-белая комната со своей собственной и гораздо лучшей, чем в соседнем зале, вентиляцией. На столах вдоль стен в стеклянных футлярах стояли чувствительные электронные весы, управляемые электромагнит-

ными полями. В дни учебы в колледже Бейли пользовался более дешевыми моделями. Он узнал одни весы, которые позволяли взвесить всего лишь миллиард атомов.

— Думаю, здесь нам никто не помешает, — сказал Клаусарр.

Бейли неопределенно хмыкнул в ответ и повернулся к Дэниелу.

— Пожалуйста, выйдите и организуйте, чтобы сюда прислали еду. И если вам нетрудно, подождите за дверью, пока ее не принесут.

Он проводил Дэниела взглядом и обратился к Клаусарру.

— Вы химик?

— С вашего позволения, я зимолог.

— А какая между ними разница?

Клаусарр высокомерно посмотрел на Бейли.

— Химик — это всего лишь размешиватель бурды, повелитель вонючих колб. В отличие от него, зимолог — человек, благодаря которому живут несколько миллиардов людей. Я специалист по дрожжевым культурам.

— Понятно, — сказал Бейли.

Но Клаусарр и не думал останавливаться:

— Эта лаборатория обслуживает всю компанию «Нью-Йорк Йист». Мы не останавливаемся ни на

день, ни, черт побери, на час, чтобы обеспечить ее всевозможными дрожжевыми штаммами. Мы исследуем и регулируем их питательные свойства. Мы следим за их размножением. Мы изменяем их генетику, создаем новые штаммы, уничтожаем неудачные, выделяем нужные нам свойства и снова скрещиваем их. Когда пару лет назад жители Нью-Йорка стали получать клубнику в межсезонье, это, мой дорогой, была не клубника. То была особая ароматизированная дрожжевая культура с повышенным содержанием сахара, которой придали естественную клубничную окраску, — *SaccharomycesoleiBenedictae*. Ее вырастили здесь, в этой комнате. Двадцать лет назад она была всего лишь чахлым, ни к чему не пригодным штаммом с противным привкусом сала. Этот привкус сохраняется до сих пор, но жирность продукта возросла с пятнадцати до восьмидесяти семи. Если сегодня вы пользовались экспресс-дорогой, знайте, что она смазала именно *S. O.Benedictae*, штамм *АГ-7* которой был выведен здесь, в этой комнате. Так что не называйте меня химиком, я зимолог.

Бейли невольно отступил перед яростным всплеском профессиональной гордости зимолога.

Опомнившись, он резко спросил:

— Где вы находились вчера между восемнадцатью и двадцатью часами вечера?

Клаусарр пожал плечами:

— Прогуливался, Я люблю немного побродить после ужина.

— Вы заходили в гости к друзьям? Может быть, были в субэфирнике?

— Нет. Просто гулял.

Бейли плотно сжал губы, При посещении субэфирника в абонементе Клаусарра обязательно сделали бы отметку, что нетрудно было проверить. Проведи он вечер в гостях, ему пришлось бы назвать имена друзей и вместе с ними пройти очную ставку.

— Значит, вас никто не видел.

— Не знаю, может быть, кто-то и видел. По крайней мере, мне об этом неизвестно.

— А что вы можете сказать о предыдущем вечере?

— То же самое.

— Значит, у вас нет алиби?

— Если бы я совершил какое-то преступление, инспектор, я бы о нем позаботился. Зачем мне алиби?

Бейли не ответил. Он заглянул s свой блокнот.

— Однажды вы уже привлекались к суду. По обвинению в подстрекательстве к беспорядкам.

— Ну и что с того? Один из этих роботов, протискиваясь мимо, толкнул меня, и я подставил ему подножку. Это, по-вашему, подстрекательство к беспорядкам?

— Суд решил, что это именно так. Вас признали виновным и наложили штраф.

— На этом дело закончено, не так ли? Иди вы хотите оштрафовать меня еще раз?

— Два дня назад у обувного магазина в Бронксе чуть не начались волнения. Вас там видели.

— Кто видел?

— Это было как раз в те часы, когда вы обычно ходите на ужин. Вы ужинали позавчера вечером?

Клаусарр заколебался, затем покачал головой:

— Расстройство желудка. Это все из-за дрожжей, Такое бывает даже у старых работников.

— Вчера вечером чуть было не вспыхнул бунт в Уильямсбурге, вас видели и там.

— Кто?

— Вы отрицаете, что присутствовали в обоих местах?

— Вы не сообщили мне ничего, что я мог бы отрицать. Где точно все это случилось и кто гово-

рит, что видел меня?

Бейли невозмутимо наблюдал за зимологом.

— Я думаю, вы прекрасно знаете, о чем идет речь. И думаю, что вы играете не последнюю роль в подпольной медиевистской организации.

— Я не могу запретить вам думать, инспектор, но предположение — это не доказательство, как вам, вероятно, известно, — усмехнулся Клаусарр.

— Может быть, — сказал Бейли с каменным выражением лица. — И все же я смогу вытянуть кое-что из вас прямо сейчас.

Бейли подошел к двери и отворил ее. Рядом неподвижно стоял Р. Дэниел.

— Ужин Клаусарра прибыл? — обратился Бейли к роботу.

— Его уже несут, Элайдж.

— Занесите его, пожалуйста, когда он прибудет. — Мгновение спустя Р. Дэниел вошел в комнату, держа в руках металлический поднос с углублениями. — Поставьте его перед мистером Клаусарром, Дэниел.

Бейли сел на один из стоявших около окна табуретов и, закинув ногу на ногу, стал слегка пошевеливать кончиком ботинка. Он заметил, как Клаусарр, напрягшись, тихонько отодвинулся, когда Р. Дэниел подошел, чтобы поставить поднос

на краешек ближайшего к зимологу стола.

— Мистер Клаусарр, — сказал Бейли, — я хочу представить вам моего партнера, Дэниела Оливо.

Дэниел протянул руку и произнес:

— Здравствуйте, Фрэнсис.

Клаусарр не проронил ни звука. Он даже не двинулся, чтобы пожать руку Дэниелу. Робот продолжал стоять с вытянутой рукой, лицо зимолога начала заливать краска.

— С вашей стороны это невежливо, мистер Клаусарр. Или ваша гордость настолько велика, что не позволяет вам пожать руку полицейскому? — тихо произнес Бейли.

— Если вы ничего не имеете против, я бы поел, — пробормотал Клаусарр.

Он достал из кармана складной нож, извлек из него вилку и сел, уткнувшись в тарелку.

— Дэниел, мне кажется, наш друг обиделся на ваше холодное отношение. Вы ведь на него не сердитесь, верно?

— Ничуть, Элайдж, — ответил Р. Дэниел.

— В таком случае докажите, что вы не держите на него зла. Обнимите его за плечи.

— С удовольствием, — сказал Р. Дэниел и шагнул вперед.

Клаусарр положил вилку.

— В чем дело? Что здесь происходит?

Не обращая внимания на слова Клаусарра, Р. Дэниел протянул к нему руку.

Клаусарр резко отпрянул, со всего размаха отбросив руку Р. Дэниела в сторону.

— Черт возьми, не прикасайся ко мне!

Он резко вскочил и отпрыгнул в сторону, задев при этом поднос с едой, который с грохотом упал на пол.

Во взгляде Бейли появилась жесткость. Он коротко кивнул Р.Дэниелу, и тот опять начал невозмутимо надвигаться на отступавшего зимолога. Бейли преградил путь к двери.

— Не подпускайте ко мне эту хреновину! — завопил Клаусарр.

— Что вы себе позволяете? — хладнокровно проговорил Бейли. — Этот человек — мой напарник.

— Как бы не так, это робот, будь он проклят! — пронзительно выкрикнул Клаусарр.

— Отойдите от него, Дэниел, — тут же приказал Бейли.

Р. Дэниел шагнул назад и молча стал у двери позади Бейли.

Сжав кулаки, возбужденный Клаусарр повер-

нулся к Бейли.

— Ну что ж, умник, — сказал Бейли, — с чего вы взяли, что Дэниел — робот?

— Это только дураку не видно!

— Предоставьте решать это специалистам. А пока, я думаю, вам придется проехать с нами. Необходимо выяснить, как вы узнали, что Дэниел — робот. И многое другое, мистер, многое другое. Дэниел, пойдите свяжитесь с комиссаром. Сейчас он должен быть дома. Попросите его приехать в управление. Скажите, что у меня есть парень, которому не терпится, чтобы его допросили.

Р. Дэниел вышел из комнаты.

— Что вами движет, Клаусарр? — обратился к зимологу Бейли.

— Я требую адвоката.

— Вы получите его. А пока, может быть, расскажете, что вы, медиевисты, проповедуете?

Клаусарр отвернулся, храпя решительное молчание.

— Иосафат, приятель, мы знаем все о вас и вашей организации. Я не блефую. Просто мне действительно интересно. Чего вы, медиевисты, хотите?

— Вернуться назад к земле, — ответил Клаусарр сдавленным голосом. — Все очень просто,

не так ли?

— Это просто сказать, но не так-то просто сделать. Как земля сможет прокормить восемь миллиардов человек?

— Разве я сказал, что люди должны возвратиться к земле немедленно? Или за год? Или за сто лет? Это должно происходить шаг за шагом, господин полицейский. Неважно, сколько времени на это уйдет, но давайте хотя бы начнем выползать из этих пещер, в которых мы живем. Давайте выберемся на свежий воздух.

— А вам самому доводилось бывать на свежем воздухе?

Клаусарр поежился.

— Что я, со мной покончено. Но ведь дети еще не испорчены. Они появляются на свет каждый день. Хоть их-то выпустите наружу, Бога ради! Пусть хоть они узнают, что такое простор, чистый воздух и солнце, А если потребуется, можно постепенно сократить население.

— Другими словами, назад, к недостижимому прошлому. — Бейли и сам не знал, чего вдруг он начал спорить: его охватило какое-то лихорадочное возбуждение. — Назад к семечку, к яйцу, к утробе? А почему бы не начать двигаться вперед? Не надо сокращать население Земли. Лучше

выводить его на другие планеты. Возвращайтесь к земле, но к земле на других планетах. Осваивайте их!

Клаусарр засмеялся резким, неприятным смехом.

— И создавайте свои новые Внешние Миры! Новых космонитов!

— Вовсе нет. Внешние Миры основали земляне, не знавшие, что такое стальные Города, земляне, которые были индивидуалистами и материалистами. Позже эти качества были доведены до нездоровой крайности. Теперь же осваивать новые миры стали бы люди, воспитанные совсем в другом обществе, где, напротив, будет господствовать коллективизм. И вот эти-то традиции, Перенесенные на новую почву, могли бы привести к появлению новой, совершенно необычной цивилизации, не похожей ни на древнюю Землю, ни на Внешние Миры. Что-то новое, более приемлемое.

Он сознавал, что, как попугай повторяет мысли доктора Фастольфа, но слова текли так, словно он сам думал об этом годами.

— Ерунда! Осваивать дикие, пустынные миры, когда у нас есть наш собственный? Какой дурак на это согласится?

— Многие согласятся. И они вовсе не будут дураками. Им помогут роботы.

— Нет! — с жаром воскликнул Клаусарр. — Никогда! Никаких роботов!

— Почему бы и нет, Боже праведный? Мне они тоже не нравятся, но не биться же насмерть из-за каких-то предрассудков! Что уж такого страшного в роботах? Если хотите знать мое мнение, всему виной наш комплекс неполноценности. Все мы чувствуем себя ниже космонитов и страдаем от этого. А чтобы как-то это компенсировать, нам необходимо хоть кого-то в чем-то превосходить, и потому нас просто убивает, что мы не можем почувствовать себя хотя бы выше роботов. Нам кажется, что они лучше нас, только это не так. Вот в чем ирония, черт возьми! — Бейли разгорячился. — Возьмите этого Дэниела, с которым я провел больше двух дней. Он выше меня ростом, сильнее, красивее, В общем, он выглядит как космонит. Память его лучше, он больше меня знает. Ему не нужно спать или есть. Его не беспокоят ни болезни, ни паника, ни любовь, ни чувство вины. Но он всего лишь машина. Я могу сделать с ним все, что захочу. Как с этими микровесами. Если я по ним ударю, они не дадут мне сдачи. Вот так же и Дэниел. Я могу приказать ему выстрелить в

самого себя из бластера, и он это сделает.

Мы никогда не сможем построить робота, который мог хотя бы сравниться с человеком в главном, не говоря уже о том, чтобы превзойти его. Невозможно наделить робота чувством прекрасного, сознанием нравственных и религиозных ценностей. Мы ни на йоту не сможем поднять позитронный мозг выше уровня совершенного практицизма.

Ничего подобного мы не сможем, черт побери, не сможем, пока не поймем, как работают наши собственные мозги, пока существуют непонятные для науки явления.

Что такое красота, искусство, любовь, доброта, Бог? Мы вечно балансируем на грани неизведанного, пытаемся понять то, что недоступно пониманию. Именно это и делает нас людьми.

Мозг робота ограничен, иначе его невозможно построить. Он должен быть рассчитан до последнего десятичного знака так, чтобы иметь предел, Господи, чего вы боитесь? Робот может выглядеть как Дэниел, он может быть красивым как Бог, и все же человеческого в нем будет не больше, чем в бесформенном куске дерева. Неужели вы этого не понимаете?

Клаусарр несколько раз пытался что-то сказать,

но всякий раз его слова тонули в потоке красноречия Бейли. Теперь, когда Бейли в изнеможении замолчал, зимолог негромко пробормотал:

— Полицейский, а туда же, в философы. Что вы можете знать?

В комнату вошел Р. Дэниел.

Бейли посмотрел на него и нахмурился отчасти от того, что в душе у него еще все кипело, отчасти из-за накатившего вдруг нового раздражения.

— Где вы были так долго? — спросил он.

— Я разыскивал комиссара Эндерби, Элайдж. Оказалось, что он все еще в департаменте.

Бейли посмотрел на часы.

— В такое время? Почему?

Там сейчас полная неразбериха. В полицейском Департаменте был обнаружен труп.

Не может быть! Ради Бога, говорите — чей?

— Посыльного, Р. Сэмми.

Бейли перевел дыхание. Пристально глядя на робота, он со злостью сказал:

— Мне показалось, вы сказали «труп».

Р. Дэниел тут же поправился:

— Робот с полностью деактивированным мозгом, если вам так больше нравится.

Клаусарр неожиданно засмеялся, Бейли повернулся к нему и хрипло проговорил:

— Ни слова об этом! Вы меня поняли?

При этом он неторопливо достал бластер. Клаусарр тут же замолчал.

— Ну и что из этого? У Р. Сэмми перегорел предохранитель. Что здесь такого?

— Комиссар Эндерби говорил уклончиво, Элайдж, и хотя прямо он этого не сказал, у меня сложилось впечатление, что комиссар считает, что кто-то умышленно деактивировал мозг Р. Сэмми.

И так как Бейли продолжал хранить молчание, Р. Дэниел серьезно добавил:

— Или, если вы предпочитаете это слово, убил его.

Глава шестнадцатая
Мотивы преступления

Бейли убрал бластер, но руку продолжал незаметно держать на рукоятке.

— Пойдете впереди нас, Клаусарр. Семнадцатая улица, выход *Б*, — приказал он.

— Так и не поел, — пожаловался Клаусарр.

— Сами виноваты! — нетерпеливо воскликнул Бейли, — Не надо было опрокидывать еду на пол.

— Но мне положен ужин.

— Поужинаете в тюрьме. А если и останетесь без еды, с голоду не умрете. Ну, пошли!

Пробираясь по лабиринтам «Нью-Йорк Йист», все трое молчали. Впереди с каменным выражением лица шел Клаусарр, за ним следовал Бейли, Р. Дэниел замыкал шествие.

После того как Бейли и Р. Дэниел отметились у секретарши, а Клаусарр оформил отпускной листок и попросил, чтобы прибрали в весовой, они вышли наружу и уже подходили к машине, как вдруг Клаусарр неожиданно остановился:

— Минуточку.

Он повернулся к Р. Дэниелу, и не успел Бейли и

глазом моргнуть, как Клаусарр шагнул вперед и наотмашь ударил робота по щеке.

— Какого дьявола! — закричал Бейли, оттаскивая Клаусарра.

Зимолог не оказывал никакого сопротивления.

— Все в порядке. Я поеду. Просто хотелось убедиться самому.

Он насмешливо улыбался.

Р. Дэниел, сумевший частично увернуться от пощечины, спокойно смотрел на Клаусарра. На его щеке не было заметно ни покраснения, ни какого-либо другого следа от удара.

— С вашей стороны это было небезопасно, Фрэнсис. Если бы я не отклонился, вы легко могли бы повредить себе руку. Во всяком случае, я сожалею, что причинил вам боль.

Клаусарр засмеялся.

— Садитесь в машину, Клаусарр. И вы тоже, Дэниел. На заднее сиденья рядом с ним. И смотрите, чтобы он не двигался. Пусть даже для этого придется сломать ему руку. Это приказ.

— А как насчет Первого Закона? — насмешливо спросил Клаусарр.

— Я думаю, Дэниел достаточно силен и ловок, чтобы вовремя остановить вас, не причинив вам вреда. Впрочем, если бы при этом он и сломал

вам руку, а то и обе, это только пошло бы вам на пользу.

Бейли занял место за рулем, и машина стала набирать скорость. Легкий ветер растрепал волосы Бейли и Клаусарра и совершенно не тронул аккуратную прическу Р. Дэниела.

— Мистер Клаусарр, вы боитесь роботов потому, что они могут заменить вас на работе и вы останетесь не у дел? — тихо спросил зимолога Р. Дэниел.

Бейли не мог повернуться, чтобы посмотреть на лицо Клаусарра, но был твердо уверен, что на нем застыло выражение крайнего омерзения и что Клаусарр сидел в напряженной позе, отодвинувшись от Р. Дэниела как можно дальше.

— И я, и мои дети, да и не только мои, — послышался голос Клаусарра.

— Но ведь можно найти выход, — сказал робот. — Если бы ваши дети, например, согласились пройти курс обучения для того, чтобы в дальнейшем эмигрировать…

— И вы о том же, — перебил Клаусарр. — Полицейский только что говорил об эмиграции. Роботы неплохо его обучили. Может быть, он тоже робот?

— Ну хватит, ты! — прорычал Бейли.

Р. Дэниел монотонно сказал:

— Школа подготовки к эмиграции гарантировала бы вам безопасность, квалификацию и работу. Если вы действительно обеспокоены судьбой своих детей, здесь есть над чем подумать.

— Никогда ничего не приму ни от робота, ни от космонита, ни от обученных вами гиен из правительства.

На этом разговор оборвался. Их поглотило безмолвие мотошоссе, нарушаемое лишь мягким урчанием мотора да шелестом шин по мостовой.

Прибыв в департамент, Бейли выписал ордер на арест Клаусарра и передал задержанного в надлежащие руки. После этого они с Р. Дэниелом зашли в мотоспиральный лифт, чтобы подняться в Главное полицейское управление.

Р. Дэниел не выразил никакого удивления по поводу того, что они не воспользовались подъемником, да Бейли этого и не ожидал. Он уже начал привыкать к странному сочетанию в нем ума и покорности и старался поменьше обращать внимания на робота. Чтобы быстро преодолеть вертикальный отрезок между уровнями, на которых располагались камеры предварительного заключения и Главное управление, логично было бы воспользоваться скоростным подъемником.

Длинный эскалатор, который назывался мотоспиралью, обычно использовали для коротких, не более чем на два-три уровня, подъемов и спусков. Чиновники самых различных рангов входили и сходили, не задерживаясь на мотоспирали и минуты. Лишь Бейли и Р. Дэниел продолжали медленно и неуклонно подниматься вверх.

Бейли чувствовал, что ему нужно было время. Этот маневр давал ему в лучшем случае несколько минут, но наверху, в Главном управлении, его ждала еще одна проблема, и он хотел дать себе передышку. Как бы медленно ни ползла мотоспираль, Бейли казалось, что она движется слишком быстро.

Насколько я понимаю, мы пока не будем допрашивать Клаусарра, — нарушил молчание Р. Дэниел.

— Куда он денется! Сначала нужно узнать, в чем там дело с Р. Сэмми, — раздраженно ответил Бейли и негромко добавил, больше самому себе, чем Р. Дэниелу вряд ли это случайное совпадение. Здесь должна быть какая-то связь…

— Жаль. Мозговые импульсы Клаусарра… — начал Р. Дэниел.

— А что там с ними?

— Они странным образом изменились. Что

произошло между вами в весовой комнате, пока я отсутствовал?

— Я всего-навсего прочитал ему проповедь. Пересказал ему Евангелие от святого Фастольфа, — рассеянно ответил Бейли.

— Я не понимаю вас, Элайдж.

Бейли вздохнул.

— Видите ли, я попытался объяснить, что Земля вполне могла бы воспользоваться роботами и послать излишек своего населения на другие планеты. Я попытался выбить из его головы весь этот медиевистский вздор. Бог знает зачем. Никогда не замечал в себе миссионерских замашек, Короче говоря, на том дело и кончилось.

— Понятно. Что ж, это кое-что проясняет. Скажите, Элайдж, что вы говорили ему о роботах?

— Вам это в самом деле интересно? Я сказал ему, что роботы — это просто машины. Это уже было Евангелие от святого Джерриджела. По-моему, существует бесконечное множество евангелий.

— Вы случайно не говорили ему, что робота можно ударить, не опасаясь ответного удара, как любой другой предмет?

— Да, говорил, если только это не боксерская груша. Но как вы догадались?

Бейли с любопытством посмотрел на робота.

— Об этом свидетельствуют изменения в его мозговых импульсах, — ответил Р. Дэниел. — Теперь нетрудно объяснить, чем была вызвана его попытка ударить меня по лицу, когда мы вышли с фабрики. Должно быть, он думал над тем, что вы ему сказали, и таким образом проверил на практике ваше утверждение, а заодно дал выход своей агрессивности, удовлетворил свое желание унизить меня. Иметь такие побудительные мотивы и, если учесть к тому же дельтаобразные колебания в его… — Он надолго замолчал и затем сказал: — Да, это весьма интересно, и, мне кажется, теперь я смогу сформировать из этих данных логическое целое.

Они приближались к уровню, на котором находилось управление.

— Которой час? — спросил Бейли.

«Черт, я ведь мог посмотреть на свои часы, и это было бы гораздо быстрее», — раздраженно подумал он.

Тем не менее он знал, почему обратился к роботу. Им двигали чувства, близкие к тем, что испытывал Клаусарр, когда ударил Р. Дэниела. Отдавая пустяковый приказ, который тот обязан был выполнить, он тем самым подчеркивал, что Р. Дэниел — не более чем робот, в то время как он,

Бейли, живой человек. «Все мы одинаковы», — подумал Бейли.

— Двадцать десять, — ответил Р. Дэниел.

Они сошли с мотоспирали, и несколько секунд Бейли испытывал то странное чувство, которое возникает всякий раз, когда приспосабливаешься к неподвижному полу после долгих минут непрерывного движения.

— А ведь у меня еще и крошки во рту не было, черт бы побрал эту работу! — воскликнул Бейли.

Бейли услышал и одновременно увидел комиссара Эндерби через открытую дверь его кабинета. Общая комната была пуста, словно по ней пронесся смерч, и голос Эндерби, словно усиленный гулким эхом, раздавался в ней. Без очков его круглое лицо казалось голым и беспомощным. Он держал их в руке, вытирая свой гладкий лоб тонкой бумажной салфеткой.

Он заметил Бейли, когда тот был еще у двери, и воскликнул громким, раздраженным тенором:

— Боже милостивый, Бейли, где, черт возьми, вы пропадали?

Бейли пропустил замечание мимо ушей и спросил:

— Что происходит? Где вечерняя смена? — И только тогда обнаружил, что в кабинете комис-

сара находится еще один человек. — Доктор Джерриджел! — невольно воскликнул он.

В ответ на это неловкое приветствие седовласый Роботехник коротко кивнул:

— Рад снова видеть вас, мистер Бейли.

Комиссар надел очки и пристально посмотрел сквозь них на Бейли.

— Все сотрудники внизу, на допросе. Дают показания. Я чуть с ума не сошел, пытаясь вас разыскать. Оно выглядело довольно странным, это ваше отсутствие.

— Мое отсутствие?

Бейли был вне себя от возмущения.

— Как и отсутствие любого другого. Это дело рук нашего сотрудника, и всем нам это чертовски дорого обойдется. Какая ужасная неприятность! Какая ужасная, отвратительная неприятность!

Эндерби вскинул руки, словно взывая к небесам, и тут его взгляд упал на Р. Дэниела.

«Впервые ты смотришь роботу прямо в лицо. Смотри хорошенько, Джулиус!» — мысленно приказал Бейли с сарказмом.

— Ему тоже придется дать показания, — сказал комиссар, понизив голос. — Даже мне пришлось это сделать. Мне!

Бейли встряхнул головой, как бы приходя в

себя.

— Послушайте, комиссар, почему вы так уверены, что Р. Сэмми не вышел из строя сам по себе? Почему вы считаете, что его уничтожили умышленно?

Комиссар тяжело опустился на стул.

— Спросите у него, — сказал он и указал на доктора Джерриджела.

Доктор Джерриджел откашлялся.

— Не знаю, с чего и начать, мистер Бейли. Судя по выражению вашего лица, вы удивились, увидев меня здесь.

— Немного, — признался Бейли.

— Видите ли, мне незачем было торопиться назад в Вашингтон; к тому же в Нью-Йорке я бываю достаточна редко, поэтому мне захотелось остаться здесь еще на некоторое время. И самое главное, меня не покидала мысль о том, что с моей стороны было бы просто преступлением покинуть Город, не сделав хотя бы еще одной попытки получить разрешение на осмотр вашего потрясающего робота. Кстати (ему просто не терпелось добраться до Дэниела), я вижу, он с вами.

Бейли беспокойно заерзал на стуле.

— Это совершенно исключено.

На лице роботехника отразилось разочаро-

вание.

— Естественно, не сейчас. Но, может быть, позже? — На лице Бейли не дрогнул ни один мускул. — Я звонил вам, — продолжал доктор Джерриджел, — но вас не было на месте, и никто не знал, где вас можно найти, Я обратился к комиссару, и он предложил мне прийти в Главное управление и подождать вас здесь.

— Я подумал, что это может быть весьма важно. Я знал, что вы хотели его видеть, — поспешно вставил комиссар.

— Благодарю, — кивнул Бейли.

— К несчастью, — продолжал Джерриджел, — моя указка-гид оказалась не совсем исправной, а может быть, из-за своего волнения я неверно оценил ее температуру. Так или иначе, я ошибся поворотом и оказался в небольшой комнате…

— На одном из складов фотоматериалов, Лайдж, — снова перебил комиссар.

— Да, — подтвердил доктор Джерриджел, — и там, на полу, распластавшись во весь рост, лежал робот. После беглого осмотра мне стало совершенно ясно, что он необратимо деактивирован. Так сказать, мертв. Не составляло особого труда определить также и причину деактивации.

— И какова же она? — насторожился Бейли.

— В правой руке робота, — продолжал доктор Джерриджел, — был зажат блестящий продолговатый предмет около двух дюймов в длину и полдюйма в ширину со слюдяным окошечком на конце. Этой рукой робот касался своей головы, как будто это прикосновение было его последним действием. Предмет, зажатый в его руке, оказался не чем иным, как альфа-излучателем. Полагаю, вы знаете, что это такое?

Бейли кивнул, Это он знал без всяких словарей и справочников. Еще на лабораторных занятиях по физике ему не раз приходилось пользоваться этим прибором. У него был корпус из свинцового сплава с узким каналом посередине, в основании которого находилось некоторое количество соли плутония. С другого конца канал закрывался слюдяным экраном, пропускающим альфа-частицы. Именно сквозь него шел наружу поток жесткого излучения.

Альфа-излучатель широко использовался для самых разнообразных целей, но отнюдь не предназначался для уничтожения роботов.

— Насколько я понимаю, он приложил его к голове слюдяным концом, — сказал Бейли.

— Да, и тут же последовала немедленная дезориентация всех путей его позитронного мозга.

Мгновенная смерть, так сказать.

Бейли повернулся к бледному комиссару.

— Ошибки быть не может? Это действительно был альфа-излучатель?

Комиссар кивнул, выпятив свои полные губы.

— Ошибка абсолютна исключена. Счетчики среагировали на него с десяти футов. Фотопленка в комнате оказалась засвеченной.

Он помолчал немного, как будто обдумывал сказанное еще раз, затем резко сказал:

— Доктор Джерриджел, боюсь, вам придется на день-два задержаться в Городе, пока мы не запишем ваши показания на струнную пленку. Я распоряжусь, чтобы вас проводили в отдельную комнату. Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы вас охраняли?

— Вы думаете, в этом есть необходимость? — боязливо спросил доктор Джерриджел.

— Так безопаснее.

Доктор Джерриджел пожал всем руки, в том числе и Р. Дэниелу, и вышел.

Комиссар тяжело вздохнул:

— Здесь замешан кто-то из своих, Лайдж. Это беспокоит меня больше всего. Посторонний не явился бы в департамент лишь для того, чтобы прикончить робота. Их хватает и снаружи, да там

и безопаснее. И потом, это должен быть человек, имеющий доступ к альфа-излучателям. Они просто так на дороге не валяются.

Неожиданно взволнованные слова комиссара перекрыл спокойный, ровный голос Р. Дэниела:

— Но каковы мотивы этого убийства?

Комиссар посмотрел на Р. Дэниела с явной неприязнью и отвернулся.

— Мы тоже люди. Думаю, полицейские любят роботов не больше, чем все остальные. Р. Сэмми не стало, и, может быть, у кого-то на душе стало легче. Помните, Лайдж, как сильно он раздражал вас?

— Вряд ли это может служить поводом для убийства, — возразил Р. Дэниел.

— Конечно, нет, — решительно подтвердил Бейли.

— Это не убийство, — заявил комиссар. — Это порча имущества. Давайте называть вещи своими именами, в соответствии с нашим законодательством. Вся загвоздка лишь в том, что это преступление было совершено в департаменте. В любом другом месте на это не обратили бы никакого внимания. Никакого. А теперь может разразиться невероятный скандал. Лайдж!

— Да?

— Когда вы видели Р. Сэмми в последний раз?

— Р. Дэниел разговаривал с Р.Сэмми после обеда. Это было где-то около тринадцати тридцати. Он договаривался насчет использования вашего кабинета, комиссар.

— Моего кабинета? Зачем?

— Мне нужно было обсудить наедине с Р. Дэниелом некоторые детали, касающиеся нашего расследования. Вас на месте не было, так что мы решили воспользоваться вашим кабинетом.

— Ясно.

На лице комиссара отразилось сомнение, но он не стал заострять на этом внимание.

— Значит, вы сами его не видели?

— Нет, но я слышал его голос где-то час спустя.

— Вы уверены, что это был он?

— Абсолютно.

— Это было около четырнадцати тридцати?

— Или немного раньше.

Комиссар в задумчивости закусил нижнюю губу.

— Что ж, одно мне стало ясно.

— В самом деле?

— Да. Этот мальчишка, Винсент Барретт, был сегодня здесь. Вы знали об этом?

— Да, но, комиссар, он не смог бы сделать ни-

чего подобного.

Комиссар поднял глаза на Бейли.

— А почему бы и нет? Р. Сэмми отнял у него работу. Я вполне понимаю его чувства. Он наверняка считает, что с ним поступили несправедливо. Наверняка хотел как-нибудь отомстить. Как и любой другой на его месте. Но дело в том, что он покинул здание в четырнадцать часов, а вы слышали голос Р. Сэмми в четырнадцать тридцать. Конечно, он мог передать Р. Сэмми альфа-излучатель раньше и приказать, чтобы тот применил его через час, но в таком случае встает вопрос: где он мог достать альфа-излучатель? Вот это настоящая головоломка! Давайте-ка вернемся к Р. Сэмми. Что он сказал вам, когда в четырнадцать тридцать вы услышали его голос?

Какое-то мгновение Бейли колебался, затем осторожно сказал:

— Не помню. Вскоре после этого мы ушли.

— Куда вы направились?

— В Йист-таун. Кстати, я бы хотел поговорить с вами об этом.

— Потом, потом... — Комиссар потер подбородок. — Как выясняется, сегодня здесь была Джесси. Видите ли, мы устанавливали личности всех сегодняшних посетителей, и я случайно

увидел ее имя.

— Да, она заходила сюда, — холодно ответил Бейли.

— Зачем?

— Семейные проблемы.

— Ей тоже придется дать показания. Это чистая формальность.

— Я понимаю, комиссар. Между прочим, как насчет альфа-излучателя? Установили, откуда он?

— О да. Он с одной из силовых станций.

— Как они объясняют его пропажу?

— Не имеют ни малейшего представления. Послушайте, Лайдж, кроме того, что вам придется дать показания, это происшествие не имеет к вам лично никакого отношения. Занимайтесь своим делом. Только и всего… Занимайтесь своим расследованием.

— Разрешите мне дать свои показания попозже, комиссар? Дело в том, что я умираю от голода, — сказал Бейли.

Комиссар Эндерби пристально посмотрел на Бейли сквозь очки.

— Непременно поешьте. Только, пожалуйста, не выходите из управления. А ваш напарник прав, Лайдж (он, казалось, избегал прямого обращения и даже упоминания имени робота). Мотив

— вот что нам нужно найти. Мотив…

Внезапно Бейли почувствовал, как похолодело у него внутри. Как будто что-то вне его, что-то совершенно чуждое ему подхватило события сегодняшнего дня, и вчерашнего, и позавчерашнего и стало жонглировать ими. Отдельные факты снова стали увязываться между собой, и снова стала вырисовываться некая картина.

— С какой силовой станции этот альфа-излучатель, комиссар?

— С Уильямсбургской, а что?

— Нет-нет, ничего…

Последнее, что Бейли услышал, выходя из кабинета вместе с Дэниелом, шедшим за ним по пятам, было бормотание комиссара:

— Да, мотив, мотив…

Бейли сидел за своим скромным ужином в маленьком, редко использовавшемся буфете департамента. Он поглощал фаршированные помидоры с салатом, не, замечая, что ест, и, даже когда от ужина уже ничего не осталось, его вилка некоторое время бесцельно скользила по гладкой поверхности картонной тарелки, машинально ища то, чего там уже не было. Наконец он пришел в себя и, негромко чертыхнувшись, положил вилку на стол.

— Дэниел! — позвал он робота.

Р. Дэниел все это время сидел за соседним столиком, словно хотел оставить своего явно озабоченного партнера в покое или же нуждался в уединении сам. В любом случае, Бейли это нисколько не интересовало.

Дэниел поднялся, подошел к столику Бейли и сел рядом.

— Да, коллега Элайдж?

— Дэниел, мне нужна ваша помощь, — сказал Бейли, глядя прямо перед собой.

— Какая?

— Меня и Джесси будут допрашивать. Это несомненно. Позвольте мне отвечать на вопросы так, как я сочту нужным. Вы меня поняли?

— Конечно, я вас отлично понял. И все-таки, если мне зададут прямой вопрос, я смогу сказать только правду.

— Если вам зададут прямой вопрос, тогда совсем другое дело. Единственное, о чем я прошу, чтобы вы не проявляли собственной инициативы. Вы ведь можете это сделать?

— Думаю, что могу, Элайдж, если только не окажется, что молчанием я причиняю вред человеческому существу.

— Если вы вмешаетесь в разговор, то вы причи-

ните вред мне. Это уж точно.

— Я не совсем понимаю вашу точку зрения, коллега Элайдж. Наверняка дело Р. Сэмми не имеет к вам никакого отношения.

— В самом деле? Все упирается в мотив преступления, не так ли? Вы сами спрашивали о мотиве. О том же говорил комиссар. Если на то пошло, я сам задаюсь этим вопросом. Зачем кому-то понадобилось убивать Р. Сэмми? Заметьте, речь не о том, кто мог иметь желание расправиться с роботом вообще. Практически, любой землянин мог решиться на это. Вопрос в том, кому нужно было уничтожить именно Р. Сэмми. Винсенту Барретту? Возможно, но комиссар сказал, что парень не мог бы достать альфа-излучатель, и босс прав. Надо искать в другом месте, и получается так, что еще у одного человека такой мотив есть. Его невозможно не заметить. Он очевиден. Он просто кричит о себе.

— Кто этот человек, Элайдж?

И Бейли едва слышно ответил:

— Я, Дэниел.

Бесстрастное лицо Р. Дэниела ничуть не изменило своего выражения даже после такого заявления. Он лишь слегка покачал головой.

— Вы не согласны, — продолжал Бейли. — Се-

годня сюда приходила моя жена. Они уже об этом знают. И комиссар этим весьма заинтересовался. Не будь он моим другом, он так быстро бы не отстал, Теперь они узнают, почему она приходила. В этом можно не сомневаться. Она участвовала в заговоре, глупом и безобидном, но все-таки заговоре. Не стоит и говорить, что значит для полицейского иметь жену, которая замешана в подобных делах. Поэтому было бы явно в моих интересах позаботиться о том, чтобы замять это дело… Так, кто знал об этом? Естественно, мы с вами, Джесси и… Р. Сэмми. Он видел, что она была на грани истерики. А уж когда он передал ей наше распоряжение никого кабинет не пускать, она, вероятно, совсем потеряла контроль над собой. Вы видели, в каком она была состоянии.

— Вряд ли она сказала ему что-нибудь компрометирующее вас.

— Может быть, и так. Но я пытаюсь восстановить события так, как это будут делать они. Скажут, что она проговорилась. В этом заключается мой мотив. Я убил его, чтобы он не поднял шума.

— Они так не подумают.

— Именно так они и подумают. Убийство организовали специально для того, чтобы бросить

подозрение на меня. Зачем, например, было использовать альфа-излучатель? Ведь это довольно рискованно. Его трудно достать, зато легко установить, где его взяли. Я думаю, именно поэтому им и воспользовались. Убийца даже приказал Р. Сэмми отправиться в фотохранилище и прикончить себя там. Совершенно ясно, для чего это было сделано. Чтобы орудие убийства не вызывало никаких сомнений. Даже если бы все оказались настолько несведущими, чтобы тут же не узнать альфа-излучатель, кто-нибудь непременно обнаружил бы, что фотопленка засвечена.

— Но какое отношение все это имеет к вам, Элайдж?

Бейли скованно усмехнулся, но было видно, что ему совсем не до смеха.

— Самое прямое. Альф излучатель был взят на Уильямсбургской силовой станции. Вчера мы с вами проходили через эту станцию. Нас видели, и это легко выплывет наружу. Посещение станции дает мне возможность завладеть орудием преступления. И может статься, что мы были последними, кто видел Р. Сэмми в живых, за исключением настоящего убийцы, конечно.

— Я был с вами на силовой станции и могу засвидетельствовать, что у вас не было возмож-

ности украсть альфа-излучатель.

— Спасибо, — печально сказал Бейли. — Но вы — робот, и ваши показания не будут иметь силы.

— Комиссар — ваш друг. Он прислушается к моим словам.

— Комиссар держится за свою работу, а от меня у него одни неприятности. У меня есть лишь один выход из всей этой истории.

— Да?

— Я спрашиваю себя: «Зачем меня пытаются впутать в это дело?» Очевидно, чтобы избавиться от меня. Но почему? Опять же очевидно: потому что я для кого-то опасен. Все мои усилия приводят к тому, что я становлюсь предельно опасным для тех, кто убил доктора Сартона. Возможно, это медиевисты или, по крайней мере, какая-то их группировка. Члены этой группировки как раз и могли, знать, что я побывал на силовой станции; вполне возможно, что хотя бы один из них все-таки проследил меня до станции, несмотря на то что вам и казалось, будто мы оторвались от преследования.

Итак, выход заключается в том, чтобы найти убийцу доктора Сартона, тем самым я найду того или тех, кто пытается убрать меня с пути. Если я все как следует продумаю, если я разгадаю эту

загадку, если только я смогу раскрыть это дело, я спасен. И Джесси тоже. Я бы не вынес, если б она… Но у меня мало времени. — Его кулак судорожно сжимался и разжимался. — У меня чертовски мало времени.

С неожиданной вспышкой надежды Бейли посмотрел на точеное лицо Р. Дэниела. Чем бы ни было это создание, оно сильное и верное, свободное от всякого эгоизма. Чего еще требовать от друга? А Бейли сейчас нужен преданный друг, и ему абсолютно все равно, что вместо сердца у этого друга какой-то механизм.

— К сожалению, Элайдж, я не ожидал, что все так получится, — сказал робот, качая головой; на его лице при этом не было и тени сожаления, что было естественно. — Возможно, я действовал вам в ущерб. Мне очень жаль, но это необходимо для общего блага.

— Что за общее благо? — запинаясь спросил Бейли.

— Я связался с доктором Фастольфом.

— О Господи! Когда?

— Пока вы ели.

Бейли стиснул зубы.

— Ну? — выдавил он из себя. — Что случилось?

— Вам придется доказывать свою невинов-

ность в убийстве Р.Сэмми каким-нибудь другим способом, не продолжая расследования убийства моего конструктора, доктора Сартона. На основании представленной мной информации наши люди в Космотауне решили сегодня прекратить расследование и начать подготовку к сворачиванию Космотауна и эвакуации с Земли.

Глава семнадцатая
Завершение проекта

Бейли безучастно посмотрел на свои часы. Через два часа с четвертью наступит полночь. Сегодня он встал, когда не было еще и шести, и вот уже два с половиной дня, как он находился в постоянном напряжении. Его охватило смутное ощущение нереальности всего происходящего.

Он достал свою трубку и небольшой кисет, в котором еще оставались драгоценные крупицы табака, и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросил:

— Что все это значит, Дэниел?

— Вы не понимаете? Разве это не ясно?

— Я не понимаю, — терпеливо проговорил Бейли. — Мне не ясно.

— Мы находимся здесь, под «мы» я имею в виду жителей Космотауна, для того, чтобы разбить оболочку, окружающую Землю, и вовлечь землян в процесс освоения новых планет.

— Это я знаю. Пожалуйста, не вдавайтесь в подробности.

— Без них не обойтись, поскольку то, что я хочу

сказать, очень важно. Если мы и стремились наказать убийцу доктора Сартона, то, как вы сами понимаете, не потому, что надеялись тем самым вернуть доктора Сартона к жизни, а лишь по той причине, что неудача в расследовании усилила бы позиции тех наших политиков, которые выступают против идеи Космотауна.

— А теперь, — с неожиданной ожесточенностью проговорил Бейли, — вы вдруг по собственной воле собираетесь отправиться восвояси. Но почему? Ради всего святого, почему? Разгадка дела Сартона близка. Она очень близка, иначе они не лезли бы из кожи вон, чтобы расправиться со мной. Я чувствую, что в моих руках есть все необходимые факты, Ответ должен быть где-то здесь, — он неистово постучал по виску костяшками пальцев. — Какая-нибудь одна фраза, одно слово — и разгадка найдена!

Он крепко зажмурил глаза, будто надеялся, что непроницаемая пелена, сквозь которую он пробирался на ощупь вот уже третьи сутки, наконец развеется и все прояснится. Но этого не произошло. Этого, не произошло!

Бейли глубоко вздохнул. Ему стало неловко за себя. Расхныкался перед холодной бесчувственной машиной, которая только и могла, что молча

пялиться на него.

— Ладно, не обращайте внимания, — хрипло сказал он. — Так почему все-таки космониты уходят?

— Наш проект завершен. Мы убеждены, что Земля начнет колонизацию.

— Выходит, вы превратились в оптимистов?

Сыщик сделал первую успокаивающую затяжку и почувствовал, что постепенно начинает овладевать собой.

— Да. Мы, жители Космотауна, уже долгое время пытаемся изменить Землю, меняя ее экономику. Мы пытались внедрить здесь свою собственную *C*/*Fe* — культуру, Правительство вашей планеты, а также правительства различных Городов сотрудничали с нами, подчиняясь необходимости. И все же за эти двадцать пять лет мы ничего не сумели добиться. Чем больше мы прилагали усилий, тем сильнее становилось движение медиевистов.

— Все это мне известно, — заметил Бейли и тут же подумал: «Бесполезно. Он все равно будет рассказывать все по порядку. Его не остановишь. Вот чертова Машина!»

Тем временем Р. Дэниел продолжал:

— Именно доктор Сартон первым предложил

коренным образом изменить нашу тактику и создал новую теорию, по которой мы должны были найти среди населения Земли людей, желавших того же, что и мы, или способных увлечься нашими идеями. Всячески поддерживая их, мы могли бы добиться того, что новое движение разрасталось бы изнутри, а не насаждалось извне. Главная трудность заключалась в том, чтобы отыскать таких людей. Вы сами, Элайдж, стали объектом интересного эксперимента.

— Я? Я? Как так? — удивился Бейли.

— Мы были рады, что комиссар порекомендовал именно вас. Судя по вашему психическому профилю, мы поняли, что вы подходящий субъект. Цереброанализ, которому я вас подверг при нашей первой встрече, подтвердил наше суждение. Вы человек практического склада ума, Элайдж. Вы не предаетесь ностальгическим мечтаниям о прошлом Земли, хотя и проявляете к нему здоровый интерес. С другой стороны, вас не назовешь слепым сторонником современной городской культуры. Мы думаем, что люди, подобные вам, могли бы снова повести землян к звездам. В этом и заключается одна из причин того, что доктор Фастольф хотел встретиться с вами вчера утром.

Надо сказать, ваша практичность доведена до крайности. Вы отказываетесь понимать, что фанатическое служение идеалу, даже ошибочному идеалу, может заставить человека совершать поступки, на которые в обычных условиях он абсолютно не способен. Например, пересечь ночью открытое пространство, чтобы уничтожить того, кто, по его мнению, является злейшим врагом его дела. Поэтому мы не были слишком удивлены, когда вы так упорно и дерзко пытались доказать фальсификацию убийства. В каком-то смысле это подтвердило, что вы как раз тот человек, который и нужен для нашего эксперимента.

— Какого эксперимента, черт возьми?

Бейли стукнул кулаком по столу.

— Эксперимента, цель которого заключалась в том, чтобы убедить вас, будто колонизация разрешит проблемы Земли.

— Что ж, должен признаться, вы убедили меня.

— Да, но под воздействием соответствующего наркотика.

Зубы Бейли разжались, и он на лету поймал выпавшую изо рта трубку. Перед ним снова возникла сцена в куполе Фастольфа. Вот он с трудом приходит в себя от шока, вызванного тем, что

Р. Дэниел оказался в конце концов роботом; вот гладкие пальцы Р. Дэниела оттягивают кожу на его руке; вот темным пятном проступает сквозь его кожу и затем исчезает гипокапсула.

— Что было в гипокапсуле? — спросил он прерывающимся голосом.

— Ничего страшного, Элайдж. Слабый наркотик, предназначенный лишь для усиления восприимчивости вашего мозга.

— Потому-то я и принимал на веру все, что мне говорили. Так получается?

— Не совсем. Вы отказывались верить тому, что было чуждо образу вашего мышления. В сущности, результаты эксперимента оказались разочаровывающими. Доктор Фастольф надеялся, что вы станете фанатичным сторонником нашей идеи. Вместо этого вы выражали лишь отдаленное одобрение, не больше. Мешал ваш практичный ум. Это заставило нас прийти к выводу, что единственная наша надежда — это романтически настроенные люди, но, к сожалению, почти все романтики участвуют в медиевистском движении или симпатизируют ему.

Бейли почувствовал невольную гордость за себя, он радовался своему упрямству и был счастлив, что разочаровал их. Пусть эксперимен-

тируют на ком-нибудь другом.

Он не без злорадства усмехнулся:

— И вот теперь вы отступились и решили отправиться восвояси?

— Нет, это не так. Я только что сказал, что мы убеждены в том, что Земля начнет колонизацию. И именно вы вселили в нас эту уверенность.

— Я? Каким образом?

— Вы говорили с Фрэнсисом Клаусарром о преимуществах колонизации. Насколько я могу судить, вы говорили с увлечением. Эксперимент над вами помог добиться хотя бы этого. И церебральные характеристики Клаусарра изменились. Очень незначительно, конечно, но изменились.

— Вы хотите сказать, что я убедил его в своей правоте? Не верю.

— Нет, убежденность так легко не приходит. Но церебральные изменения определенно показали, что ум медиевистов открыт для такого убеждения. Затем я сам провел еще один эксперимент. Когда мы возвращались из Йист-тауна, я пытался по его церебральным изменениям догадаться о том, что между вами произошло, и подал ему идею о школе для эмигрантов в качестве способа обеспечения будущего его детей. Он отверг эту

мысль, но и на этот раз его ментальное поле изменилось, и мне стало совершенно ясно, что я избрал правильный метод убеждения. — Немного помолчав, Дэниел заговорил снова: — То, что вы называете медиевизмом, есть не что иное, как стремление к новому. Оно обращено к Земле; это естественно: она близко, и у нее есть великое прошлое. Нечто подобное представляет собой и видение новых миров, и оно легко может увлечь романтически настроенную натуру. Возьмите Клаусарра, для которого оказалось достаточно всего лишь одной беседы с вами.

Так что, как видите, космониты, сами не зная того, уже достигли успеха. Скорее всего, землян раздражают не наши идеи, а мы сами. Из-за нас романтические настроения на Земле оформились в идеологию медиевизма, а сами романтики объединились в организацию. В конце концов, именно медиевисты хотят разрушить установившиеся традиции, а не городские власти, больше всех заинтересованные в сохранении существующего порядка. Если мы сейчас свернем Космотаун, то больше не будем раздражать медиевистов своим затянувшимся присутствием, и они не успеют окончательно замкнуться на своих идеях на Земле, и только на Земле. Мы

оставим после себя несколько подобных мне роботов, которые вместе с сочувствующими землянами, такими, как вы, смогут создать школы для тех, кто отправится осваивать новые миры, и медиевист со временем отвернется от Земли. Ему понадобятся роботы, и он либо получит их от нас, либо построит свои собственные. Он создаст культуру *C*/*Fe* по своему собственному вкусу. — Для Р. Дэниела это была необычно длинная речь. Видимо, он и сам это понял, так как после очередной паузы сказал; — Я говорю вам все это, чтобы объяснить, почему необходимо сделать то, что может повредить лично вам.

Бейли с горечью подумал: «Робот не должен причинять вреда человеку, если только не сможет доказать, что в конечном счете он делает это ему во благо».

— Минутку. Позвольте мне высказать одно практическое соображение. Вот вы вернетесь в ваши Миры и заявите, что землянин убил космонита и остался ненаказанным. Внешние Миры потребуют от Земли компенсацию. Хочу вас предупредить: возникнут крупные неприятности, ибо Земля больше не намерена сносить подобное обращение.

— Я уверен, что этого не случится, Элайдж. Те

представители Внешних Миров, кто наиболее заинтересован в предъявлении претензий Земле, в не меньшей степени заинтересованы в том, чтобы положить конец Космотауну. Мы легко можем предложить последнее в обмен на отказ от первого. Во всяком случае, это мы и собираемся сделать. Земля будет оставлена в покое.

И тут Бейли прорвало. Он заговорил охрипшим от внезапно охватившего его отчаяния голосом.

— А что будет со мной? Комиссар немедленно прекратит расследование убийства доктора Сартона, если этого захочет Космотаун. Но расследование по делу Р. Сэмми обязательно будет продолжено, поскольку речь идет о коррупции внутри департамента. Тот, кто все это устроил, в любой момент появится в департаменте с кучей улик против меня. Я это знаю. Все было подстроено нарочно. Меня деклассифицируют, Дэниел. А что будет с Джесси? Ее заклеймят как преступницу. И еще Бентли…

— Не думайте, Элайдж, — перебил его Р. Дэниел, — что я не понимаю, в каком положении вы оказались. Но во имя блага всего человечества приходится мириться с личными невзгодами. У доктора Сартона остались жена, двое детей, родители, многочисленные друзья. Все они скорбят о

его смерти и будут опечалены тем, что его убийца остался безнаказанным.

— В таком случае почему не остаться и не найти его?

— В этом больше нет необходимости.

Тогда признайтесь, что все расследование с самого начала было лишь предлогом для изучения нас в экстремальных условиях, — с горечью сказал Бейли. — Вам всегда было наплевать на то, кто убил доктора Сартона.

— Нам бы хотелось узнать, — холодно возразил Р. Дэниел, — но мы никогда не сомневались насчет того, что важнее: отдельный человек или человечество. Продолжение расследования в настоящее время привело бы к нарушению создавшегося положения дел, которое мы находим удовлетворительным. Мы не можем предугадать, какой вред могли бы причинить наши действия.

— Вы хотите сказать, что убийцей может оказаться какой-нибудь выдающийся медиевист, а в данный момент космониты не хотят делать ничего, что. может вызвать враждебность со стороны их новых друзей?

— Я бы так не сказал, но в ваших словах есть доля правды.

— Куда подевалась ваша цепь справедливости,

Дэниел? Разве это справедливость?

— Существуют различные степени справедливости, Элайдж. Когда меньшая не совместима с большей, она должна уступить.

Казалось, будто ум Бейли кружил вокруг непробиваемой логики позитронного мозга Р. Дэниела, стараясь найти в нем хоть одну лазейку, хоть какое-нибудь слабое место.

— А разве вам самому не любопытно, Дэниел? Вы назвали себя детективом. Знаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, что расследование — это больше чем просто работа? Это вызов. Столкновение твоего разума с разумом преступника. Борьба интеллектов. Разве вы можете покинуть поле сражения и признать себя побежденным?

— Конечно, если продолжение не служит стоящей цели.

— И вам не будет жалко? Не будет интересно? Разве у вас не возникнет чувство разочарования? Неудовлетворенного любопытства?

С самого начала у Бейли еще была небольшая надежда, что ему удастся уговорить робота, но пока он говорил, она совсем ослабла. Слово «любопытство», произнесенное им второй раз, вызвало в памяти его собственные слова, сказанные Фрэнсису Клаусарру четыре часа назад. Тогда

он достаточно хорошо знал те качества, которые отличают человека от машины. И любопытство, конечно же, было одним из них. Любому полуторамесячному котенку знакомо это чувство, но разве может быть любопытной машина, пусть даже очень похожая на человека?

Р. Дэниел эхом отозвался на мысли Бейли:

— Что вы подразумеваете под любопытством?

Бейли постарался представить это понятие в наилучшем свете:

— Любопытством мы называем желание расширить свои знания.

— Во мне существует такое желание, когда расширение знаний необходимо для выполнения полученной задачи.

— Да, — с сарказмом проговорил Бейли, — когда, например, вы расспрашиваете о контактных линзах Бентли, чтобы побольше разузнать о своеобразных нравах землян.

— Именно, — подтвердил Р. Дэниел, совершенно не почувствовав сарказма в словах Бейли. — Однако бесцельное расширение знаний, что, я думаю, вы в действительности и подразумеваете под словом «любопытство», является лишь проявлением неэффективности. А я сконструирован так, чтобы избегать неэффективных действий.

Вот тут-то к Элайджу Бейли и пришла та одна долгожданная фраза, которой ему так недоставало. Окутывавшая его непроницаемая пелена задрожала и рассеялась, и постепенно все начало проясняться.

Пока Р. Дэниел говорил, рот Бейли открылся, да так и остался в этом положении. У него не могла сразу же сложиться полная, ясная картина всего происшедшего. Так не бывает. Где-то глубоко в своем подсознании он восстанавливал ее, восстанавливал тщательно, не упуская ни одной детали, но все время наталкивался на одно-единственное противоречие. Одно противоречие, которое не обойдешь и от которого не отмахнешься. Пока оно существовало, выстроенная им версия оставаясь похороненной под его мыслями, не досягаемой для его сознательного анализа.

Но вот последняя недостающая деталь стала на свое место; противоречие исчезло: разгадка наконец найдена.

Наступившее просветление, казалось, придало Бейли новые силы. По крайней мере, он неожиданно понял, в чем должна заключаться слабость Р. Дэниела, слабость любой думающей машины. Он с надеждой подумал: «Эта штуковина должна понимать все буквально».

— Значит, проект космонитов завершается сегодня, а с ним прекращается и расследование убийства доктора Сартона. Верно? — спросил Бейли.

— Таково решение наших людей в Космотауне, — спокойно согласился Р. Дэниел.

— Но сегодняшний день еще не закончился. — Бейли посмотрел на часы. — До полуночи еще полтора часа.

Р. Дэниел ничего на это не ответил. Казалось, он над чем-то задумался.

— Значит, до полуночи проект остается в силе, — заторопился Бейли. — Вы мой напарник, и расследование продолжается. — В спешке он говорил так, будто отбивал телеграмму. — Давайте действовать как прежде. Позвольте мне работать. Вашим это не повредит. Это им только поможет. Даю слово. Если, по-вашему, я начну делать что-то не то, остановите меня. Я прошу лишь полтора часа.

— Все, что вы сказали, верно, — ответил наконец робот. — Сегодняшний день еще не закончился. Я не подумал об этом, коллега Элайдж.

Итак, Бейли снова стал «коллегой Элайджем». Он усмехнулся и спросил:

— Когда я был в Космотауне, доктор Фастольф,

кажется, упомянул о фильме, заснятом на месте преступления?

— Да, упомянул, — подтвердил Р. Дэниел.

— Вы можете достать копию?

— Да, коллега Элайдж.

— Я имею в виду, сейчас. Немедленно!

— Через десять минут, если я смогу воспользоваться передатчиком департамента.

Меньше чем через десять минут, Бейли пристально разглядывал маленький алюминиевый кубик, который держал в дрожащих руках. Внутри его в определенном атомарном рисунке отпечатались слабые сигналы, переданные из Космотауна.

И а этот момент в дверях появился комиссар Джулиус Эндерби. Он увидел Бейли, и выражение беспокойства на его круглом лице уступило место крайнему негодованию.

— Послушайте, Лайдж, вы тратите на еду черт знает сколько времени.

— Я ужасно устал, комиссар. Прошу прощения, если я задержал вас.

— Я бы ничего не имел против, но… Лучше пройдемте в мой кабинет.

Бейли бросил быстрый взгляд на Р. Дэниела, но тот отвернулся. Вес вместе они вышли из буфета.

Джулиус Эндерби тяжелой поступью ходил взад-вперед перед своим столом. Бейли, сам едва сохранявший внешнее спокойствие, наблюдал за ним, время от времени поглядывая на часы. Было двадцать два часа сорок пять минут.

Комиссар сдвинул очки на лоб и потер глаза, оставив вокруг них красные пятна. Затем опустил очки и, быстро моргая, уставился из-под них на Бейли.

— Лайдж, — внезапно сказал он, — когда вы были на Уильямсбургской силовой станции в последний раз?

— Вчера, после того как ушел из департамента. Примерно в шесть вечера или немного позднее.

Комиссар покачал головой.

— Почему вы не сообщили об этом?

— Я как раз собирался это сделать. Я ведь еще не давал официальных показаний.

— Что вы там делали?

— Просто проходил через станцию по пути к нашему временному жилью.

Комиссар резко остановился перед Бейли.

— Не говорите ерунды, Лайдж. Никто не станет проходить через силовую станцию, просто чтобы сократить путь домой.

Бейли пожал плечами. Не было смысла за-

водить разговор о том, как их преследовали медиевисты и как они бежали по полосам. Во всяком случае, не сейчас.

— Если вы пытаетесь намекнуть, что у меня была возможность взять альфа-излучатель, которым уничтожили Р, Сэмми, то я хочу напомнить вам, что со мной был Дэниел и он подтвердит, что я прошел через станцию не останавливаясь и что у меня не было никакого альфа-излучателя, когда я оттуда вышел.

Комиссар медленно опустился на стул. Он не смотрел в сторону Р. Дэниела и не пытался заговорить с ним. Он положил свои белые пухлые руки на стол прямо перед собой и стал рассматривать их с выражением крайнего страдания на лице.

— У меня нет слов, Лайдж. Я просто не знаю, что и подумать. Ведь ваш… ваш напарник не может подтвердить ваше алиби. Его показания не имеют силы.

— И все-таки я отрицаю, что взял альфа-излучатель.

Пальцы комиссара переплелись между собой и снова расплелись.

— Лайдж, зачем сюда сегодня приходила Джесси?

— Вы уже спрашивали об этом, комиссар. Ответ

тот же. Семейные проблемы.

— У меня есть показания Фрэнсиса Клаусарра, Лайдж.

— Какие?

— Он утверждает, что Джезебел Бейли является членом общества медиевистов, цель которого — насильственное свержение правительства.

— Вы уверены, что речь идет о Джесси? В Городе много женщин по фамилии Бейли.

— Но не по имени Джезебел.

— Он назвал ее этим именем?

— Он сказал «Джезебел». Я сам это слышал, Лайдж. Я присутствовал при этом.

— Ладно. Пусть Джесси и была членом этого безобидного общества ненормальных. Она лишь посещала собрания и теперь ужасно раскаивается.

— Кассационная коллегия посмотрит на это иначе, Лайдж.

— Вы хотите сказать, что меня отстранят от работы и будут содержать под стражей по подозрению в уничтожении государственной собственности в виде Р. Сэмми?

— Надеюсь, что нет, Лайдж, но выглядит все ужасно скверно. Все знают, что вы недолюбливали Р. Сэмми. Сегодня с ним разговаривала ваша

жена, и это видели. Она была в слезах, и наши сотрудники слышали некоторые ее реплики. Сами по себе они были безобидны, но ведь нетрудно понять, что за ними стоит, Лайдж. У вас могло возникнуть чувство, что оставлять такого свидетеля опасно. К тому же у вас была возможность достать орудие преступления…

— Если бы я хотел уничтожить все свидетельства против Джесси, — перебил его Бейли, — разве я привел бы сюда Фрэнсиса Клаусарра? Кажется, он знает о ней гораздо больше, чем мог бы знать Р. Сэмми. И еще. Я проходил по силовой станции за восемнадцать часов до того, как Р. Сэмми говорил с Джесси. Разве я мог знать заранее, что мне придется его уничтожить альфа-излучателем?

— Неплохие доводы, — заметил комиссар. — Я сделаю все, что смогу. Мне очень жаль, Лайдж.

— Да? Вы действительно верите, что это моих рук дело, комиссар?

Эндерби медленно произнес:

— Откровенно говоря, я не знаю, что и думать, Лайдж.

— В таком случае я скажу вам, что думать. Комиссар, все это тщательно подготовленная провокация против меня.

— Погодите, Лайдж, — холодно сказал комис-

сар. — Не бейте вслепую. С такой линией защиты вы ни от кого не дождетесь сочувствия. Слишком много негодяев использовали этот прием.

— А я и не нуждаюсь в сочувствии. Я просто говорю правду. Меня пытаются вывести из игры, чтобы помешать раскрыть убийство доктора Сартона. К сожалению, мой приятель-провокатор слишком поздно спохватился.

— Что?

Бейли посмотрел на часы. Было двадцать три ноль-ноль.

— Я знаю, кто пытается убрать меня с пути. Я знаю, как был убит доктор Сартон и кто это сделал, и у меня есть один час, чтобы рассказать вам об этом, поймать преступника и закончить расследование.

Глава восемнадцатая
Окончание расследования

Комиссар Эндерби сощурил глаза и пристально посмотрел на Бейли.

— Что вы собираетесь делать? Вчера утром у Фастольфа вы уже пытались продемонстрировать нечто подобное. Пожалуйста, не повторяйтесь.

— Знаю, — кивнул Бейли. — В тот раз я ошибся. «Потом ошибся еще раз, — со злостью подумал он. — Но не теперь, уж на сей раз...» Посудите сами, комиссар, — продолжал он. — Допустим, что улики против меня подстроены. Попробуйте принять эту версию и посмотрите, куда она вас приведет, Спросите себя, кто мог это сделать. Очевидно, только тот, кто знал, что вчера вечером я был на Уильямсбургской станции.

— Хорошо. Кто это может быть?

— Из столовой за мной по пятам шла группа медиевистов. Мне показалось, что я сумел оторваться от них, но, судя по всему, один из них все-таки видел, как я прошел через станцию. Сделал я это, как вы сами понимаете, с единственной целью — окончательно запутать следы.

Комиссар задумался.

— Клаусарр? Он был с ними?

Бейли кивнул.

— Хорошо. Мы допросим его. Если ему что-то известно, мы вытянем из него признание. Что еще я могу сделать для вас, Лайдж?

— Погодите. Еще рано закругляться. Вы понимаете мою мысль?

— Что ж, давайте посмотрим, насколько я вас понял. — Комиссар снова сжал руку. — Клаусарр видел, как вы входили на силовую станцию в Уильямсбурге. Или, возможно, ему сообщил об этом кто-то из его группы. Он решил использовать этот факт, чтобы добиться вашего отстранения от расследования. Вы это имели в виду?

— Примерно.

— Хорошо, — оживился комиссар. — Естественно, он знал, что ваша жена — член его организации; и поэтому понимал, что вы сделаете все возможное, чтобы это не всплыло. Он думал, что вы скорее уйдете в отставку, чем станете опровергать косвенные улики против себя. Кстати, Лайдж, как насчет отставки? То есть, если дело действительно примет плохой оборот… Мы могли бы не поднимать шума…

— Ни за что на свете, комиссар…

Эндерби пожал плечами.

— Ну что ж. Так где я остановился? Ах да, итак, он достает альфа-излучатель — вероятно, через члена своей организации, работающего на станции, — а с помощью другого соучастника устраивает расправу над Р. Сэмми. — Эндерби слегка побарабанил по столу. — Ничего не выходит, Лайдж.

— Но почему?

— Слишком неестественно. Слишком много сообщников. И между прочим, он имеет железное алиби на ту ночь и утро, когда произошло убийство в Космотауне. Мы почти сразу же навели об этом справки. Правда, я был единственным, кто знал цель установления его местонахождения в то время.

— Я не говорил, что убийца — Клаусарр. Это ваше предположение, комиссар, — заметил Бейли. — Им мог быть любой медиевист. Клаусарр — лишь один из тех, кого узнал Р. Дэниел. Я даже не думаю, что он играет очень уж важную роль в организации. Хотя одна деталь мне кажется странной.

— Какая? — насторожился комиссар.

— Он заявил, что Джесси — член организации. Как вы думаете, он что, помнит всех членов орга-

низации поголовно?

— Не знаю. Во всяком случае, Джесси он знает. Может быть, он запомнил ее, потому что она жена полицейского.

— Так вы говорите, он сразу сознался и заявил, что Джезебел Бейли является членом организации. Так и сказал? Джезебел Бейли?

Эндерби кивнул:

— Я еще раз повторяю, я лично слышал его слова.

— Вот ведь какая странная штука, комиссар. Джесси отказалась от своего полного имени еще до того, как появился на свет Бентли. С тех пор она ни разу его не использовала. Это я знаю точно. Так же точно я знаю и то, что она вступила в организацию медиевистов много позже этого. В таком случае как же мог Клаусарр назвать ее Джезебел?

Комиссар покраснел и торопливо сказал:

— А, ну если все дело в этом, то, возможно, он сказал «Джесси». Я просто машинально записал ее полным именем. Да, действительно, я уверен, что он сказал «Джесси».

— До сих пор вы были абсолютно уверены, что он сказал «Джезебел». Я спрашивал вас несколько раз.

Комиссар повысил голос:

— Уж не хотите ли вы сказать, что я лгу?

— Я просто задаю себе вопрос: что если Клаусарр вообще ничего не говорил? Что если вы все это сочинили сами? Вы знакомы с Джесси уже лет двадцать, и уж кто-кто, а вы-то знаете, что ее полное имя — Джезебел.

— Да вы с ума сошли, приятель!

— Неужели? Где вы были сегодня после обеда? Вас не было в департаменте, по крайней мере, часа два.

— Это что, допрос?

— Я могу ответить за вас. Вы были на Уильямсбургской силовой станции.

Комиссар вскочил от негодования. Его лоб покрылся испариной, на щеках проступили белые пятна.

— Что, черт возьми, вы здесь городите?

— Разве я не прав?

— Бейли, вы отстранены от работы. Сдайте мне свое удостоверение.

— Не сейчас. Сначала выслушайте меня.

— И не подумаю. Вы виновны. Виновны, черт вас возьми, и еще смеете устраивать здесь этот дешевый спектакль, пытаетесь приписать мне какие-то козни, которые я якобы строил против

вас. — Его возмущенный голос сорвался на визгливой ноте, и, задыхаясь, он едва сумел выдавить из себя: — Считайте, что вы уже арестованы.

— Ничего подобного, — с трудом сдерживаясь, сказал Бейли. — Во всяком случае, пока. Я держу вас на прицеле, комиссар. Мне остается только нажать курок. И не вздумайте выкинуть какой-нибудь фортель, иначе я за себя не ручаюсь. Я выскажу вам все, что думаю, а потом можете делать со мной что хотите.

Широко раскрытыми глазами Джулиус Эндерби уставился на зловещее дуло направленного на него, бластера. Заикаясь, он пробормотал:

— За это, Бейли, двадцать пять лет в самых нижних тюремных ярусах Города.

Неожиданно к Бейли подошел Р. Дэниел и, крепко сжав его запястье, опустил руку с бластером вниз.

— Я не могу позволить этого, коллега Элайдж, — спокойно сказал он, — Вы не должны причинять вред комиссару.

Впервые с тех пор как Р. Дэниел вошел в Город, комиссар обратился прямо к нему:

— Эй, держи его! Первый Закон!

— Я не причиню ему никакого вреда, Дэниел, — быстро заговорил Бейли, — если вы не дадите ему

меня арестовать. Вы обещали, что поможете мне выяснить все до конца. У меня есть еще сорок пять минут.

Не отпуская руку Бейли, Р. Дэниел сказал:

— Комиссар, я думаю, Элайджу следует позволить высказаться. В данный момент я поддерживаю связь с Доктором Фастольфом…

— Не может быть! Каким образом? — не помня себя, воскликнул комиссар.

— В меня встроен автономный субэфирный блок, — ответил Р. Дэниел.

Комиссар во все глаза уставился на робота.

— Я поддерживаю связь с доктором Фастольфом, — продолжал Р. Дэниел как ни в чем не бывало, — и, если вы откажетесь выслушать Элайджа, это произведет неблагоприятное впечатление. Возможно, будут сделаны дискредитирующие вас выводы.

Совершенно лишенный дара речи, комиссар плюхнулся на свой стул.

— Я утверждаю, комиссар, — начал Бейли, — что сегодня вы побывали на Уильямсбургской силовой станции, взяли там альфа-излучатель и передали его Р. Сэмми. Вы намеренно выбрали Уильямсбургскую станцию, чтобы бросить подозрение на меня. Вы даже воспользовались

звонком доктора Джерриджела, чтобы пригласить его в департамент, и специально дали ему неправильно настроенную указку-гид, чтобы он оказался в фото хранилище и обнаружил остатки Р. Сэмми. Вы рассчитывали на то, что он безошибочно установит причину гибели робота. — Бейли убрал бластер. — Если вы все еще хотите меня арестовать, давайте арестовывайте, но космонитов вряд ли устроит такой ответ на мое обвинение.

— Мотив, — едва слышно выдохнул Эндерби. Его очки запотели, и он снял их. Без очков он снова выглядел на редкость неуверенным и беспомощным. — Какой у меня мог быть мотив?

— Тем самым вы навлекли на меня неприятности, не так ли? А это сделало невозможным дальнейшее расследование убийства доктора Сартона, разве нет? И кроме всего прочего, Р. Сэмми слишком много знал.

— О Боже, о чем?

— О том, как пять с половиной дней назад было совершено убийство космонита. И убили доктора Сартона именно вы, комиссар.

Тут в разговор вступил Р. Дэниел. Эндерби лишь лихорадочно взъерошил волосы и замотал головой.

— Коллега Элайдж, — сказал робот, — боюсь, что ваша версия совершенно неприемлема. Как вам известно, комиссар Эндерби не способен убить доктора Сартона.

— Тогда послушайте… Эндерби именно меня уговаривал взяться за это дело, хотя у нас много сыщиков выше меня по званию. Он сделал это по нескольким причинам. Во-первых, мы дружили еще в колледже, и он рассчитывал на то, что мне никогда и в голову не придет, что старый приятель и всеми уважаемый начальное может оказаться преступником. Он, видите ли, рассчитывал на мою всем известную преданность. Во-вторых, он знал, что Джесси входит в подпольную организацию, и, если бы я начал докапываться до истины, он вполне мог использовать этот факт, чтобы вывести меня из игры или шантажом добиться моего молчания. Да он не очень-то и беспокоился, что я сумею разгадать его тайну. С самого начала он приложил все усилия, чтобы возбудить во мне недоверие к вам, Р. Дэниел, и устроил так, чтобы мы действовали наперекор друг другу. Он знал о том, что мой отец был когда-то деклассифицирован, и легко мог предвидеть мою реакцию. Как видите, убийце выгодно возглавлять расследование совершенно-

го им убийства.

К комиссару вернулся дар речи.

— Откуда я мог знать о Джесси? — пролепетал он тихим голосом и, повернувшись к роботу, добавил: — Если вы передаете все это в Космотаун, скажите им, что это ложь! Сплошная ложь!..

Не дослушав его до конца, Бейли громко заговорил снова, постепенно понижая голос, пока не перешел на неестественно спокойный тон.

— Вы, конечно же, должны были знать о Джесси. Вы сами медиевист и являетесь членом той же организации. Эти ваши старомодные очки! Ваши окна! Совершенно очевидно, что и по своему характеру вы склонны к медиевизму. Но у меня есть и более серьезные доказательства... Откуда Джесси узнала, что Дэниел — робот? Эта мысль все время ставила меня в тупик. Теперь мы знаем, что она получила эти сведения через свою организацию, но это лишь еще дальше уводит от ответа на поставленный вопрос. Как узнали об этом медиевисты? Вы, комиссар, отмахнулись от этой проблемы, предположив, что в Дэниеле узнали робота во время инцидента в обувном магазине. Мне не очень-то верилось в это, Я просто не мог этого понять. Ведь когда сам я увидел Р. Дэниела в первый раз, я принял его за человека,

а с моими глазами все в порядке.

Вчера я попросил доктора Джерриджела прилететь в Нью-Йорк. Уже после нашего телефонного разговора выяснилось, что мне нужна его консультация по целому ряду вопросов, но в тот момент, когда я звонил ему, моей единственной целью было пригласить его и посмотреть, сможет ли он без моей помощи распознать в Р. Дэниеле робота.

Он не смог, комиссар! Я представил ему Дэниела, он пожал ему руку, мы все вместе какое-то время беседовали, и только после того, как разговор зашел о человекоподобных роботах, его осенило. А ведь это был не кто-нибудь, а доктор Джерриджел, крупнейший специалист по роботам на Земле. Неужели и после этого вы станете утверждать, что какие-то медиевисты оказались более догадливыми, чем он, да еще в той сумятице, которая царила у магазина. Как могли они быть настолько уверенными в своей догадке, что подняли на ноги всю организацию?

Теперь ясно, что медиевисты с самого начала знали, что Дэниел — робот. Инцидент у обувного магазина был устроен специально, чтобы показать Р. Дэниелу, а через него и Космотауну, размах антироботовых настроений в Городе. Он нужен

был для того, чтобы запутать все дело, отвести подозрение от отдельных лиц и направить его на население в целом.

Итак, от кого же они с самого начала могли узнать правду о Р.Дэниеле? Не от меня. Одно время я думал, что это — дело рук самого Дэниела, но такая версия отпала. Кроме меня, единственным землянином, знавшим истинное происхождение Р. Дэниела, были вы, комиссар.

— В наш департамент могли проникнуть шпионы! — с неожиданным пылом воскликнул комиссар. — Медиевисты могли подослать их сколько угодно. Ваша жена тоже наверняка шпионила. И если вы считаете возможным подозревать меня, то почему бы не заподозрить и других сотрудников?

На лице Бейли появилась недобрая усмешка.

— Давайте оставим в покое таинственных шпионов, пока не увидим, куда приведет нас прямое решение. Я утверждаю, что вы не только вероятный, но и фактический осведомитель.

Теперь, оглядываясь назад, комиссар, любопытно проследить, как менялось ваше настроение в зависимости от того, насколько я приближался к разгадке или, напротив, удалялся от нее. Сначала вы просто нервничали. Вчера утром, когда я со-

бирался посетить Космотаун и не хотел говорить вам зачем, вы потеряли всякий контроль над собой. Вы думали, что я раскусил вас, комиссар? Что вам устраивают ловушку, чтобы передать вас в руки космонитов? Вы сказали, что ненавидите их. Вы едва сдерживали слезы. Какое-то время я думал, что причиной этого было воспоминание о том унижении, которому вы подверглись в Космотауне, когда подозрение пало на вас. Но потом Дэниел сообщил мне, что с вами обошлись очень деликатно и ваши чувства задеты не были. Вы и не знали, что вас подозревают. Паника вас охватила от страха, а не от причиненного вам унижения.

Затем, когда я изложил свою абсолютно ошибочную версию и вы увидели, как далек, как невероятно далек я был от истины, уверенность вновь вернулась к вам. Вы даже стали спорить со мной, защищать космонитов. Вы даже на некоторое время совершенно овладели собой, стали уверены в себе. Тогда меня удивило, что вы так легко простили мои ложные обвинения против космонитов, хотя сами перед этим постоянно твердили об их обидчивости, чтобы я, не дай Бог, не задел их чувств. Вы просто упивались моей ошибкой.

Потом я позвонил доктору Джерриджелу и отказался сказать вам зачем. Тогда самообладание снова изменило вам, потому что вы боялись…

Р. Дэниел вдруг поднял руку:

— Коллега Элайдж!

Бейли посмотрел на часы; восемнадцать минут до полуночи.

— В чем дело? — спросил он.

— Его могла тревожить мысль о том, что раскроются его связи с медиевистами, если, конечно, допустить, что они действительно существовали. Однако нет ничего, что связывало бы его с убийством. Он просто не мог иметь к нему никакого отношения.

— Вы глубоко ошибаетесь, Дэниел, — возразил Бейли. — Он не знал, зачем мне нужен был доктор Джерриджел, но вполне мог предположить — для получения сведений о роботах. Вот это как раз и испугало комиссара, поскольку робот имеет непосредственное отношение к его более тяжкому преступлению. Разве не так, комиссар?

Эндерби замотал головой:

— Когда все это закончится… — с трудом выдавил он, но замолк, не в силах продолжать.

— Каким же образом было совершено убийство? — едва сдерживая ярость, воскликнул

Бейли. — С помощью *C*/*Fe*, черт возьми! Да, *C*/*Fe*! Я использую ваш термин, Дэниел. Вы так много говорите о преимуществах культуры *C*/*Fe* и все же не смогли догадаться, что именно ее принцип житель Земли использовал (пусть временно) в своих интересах. Позвольте мне в нескольких чертах обрисовать, как все происходило.

Несложно представить себе робота, пересекающего открытое пространство. Даже ночью. Даже в одиночку. Комиссар передал бластер Р. Сэмми и сказал ему, куда и когда идти. Сам он вошел в Космотаун как положено, не минуя туалетный блок, где и оставил свой собственный бластер. Он получил оружие от Р. Сэмми, убил доктора Сартона, возвратил бластер роботу, и тот благополучно доставил его в Нью-Йорк. А сегодня он уничтожил Р. Сэмми, так как тот знал слишком много.

Этим все объясняется. Присутствие комиссара, пропажа орудия убийства. И нет необходимости предполагать невероятное: что какой-то житель Нью-Йорка сумел преодолеть целую милю под открытым небом, да еще ночью.

Внимательно выслушав монолог Бейли, Р. Дэниел спокойно сказал:

— Вы выстроили линию поведения комиссара, казалось бы, логично, но ваш рассказ ничего не

объясняет. Я уже говорил вам, что церебральные характеристики комиссара таковы, что он не способен совершить умышленное убийство. Я не знаю, каким словом можно определить его психологическое состояние: трусость, совесть или сострадание, Я знаком со словарным толкованием этих слов, но мне трудно судить самому. Во всяком случае, комиссар никого не убивал.

— Спасибо, — пробормотал Эндерби. Его голос снова приобрел силу и уверенность. — Не знаю, каковы ваши побуждения, Бейли, и почему вы пытаетесь расправиться со мной таким образом, но я доберусь до истины…

— Погодите, — перебил его Бейли. — Я еще не закончил. У меня есть вот это. — Он с шумом швырнул на стол Эндерби алюминиевый кубик, надеясь, что от его слов по-прежнему исходит уверенность, которой в глубине души он уже не ощущал. Вот уже полчаса он пытался скрыть от самого себя одно незначительное обстоятельство; он не знал, что было на пленке. Он вел рискованную игру, но больше ему ничего не оставалось.

Эндерби отшатнулся от маленького предмета.

— Что это?

— Это не бомба, — насмешливо ответил Бейли. — Всего лишь обычный микропроектор.

— Вот как? И что вы собираетесь с его помощью доказать?

— Сейчас увидите.

Он нащупал ногтем одну из прорезей в кубике. Угол кабинета тотчас же стал невидимым, а затем на его месте высветилось объемное изображение чего-то непонятного. Картина занимала все пространство от пола до потолка и уходила за стены кабинета. Ее заливал непривычный для жителей Города сероватый свет.

«Должно быть, это и есть рассвет, о котором они столько говорят», — подумал Бейли со смешанным чувством отвращения и любопытства.

Сцена изображала комнату в куполообразном жилище доктора Сартона. В ее центре был виден труп космонита — ужасные развороченные останки.

Глаза Эндерби готовы были выскочить из орбит.

— Я знаю, что комиссар по натуре не убийца, — заговорил Бейли. — Мне не нужно об этом напоминать, Дэниел. Если бы я вовремя обратил внимание на одну деталь, то преступление давно было бы раскрыто. В сущности, я нашел разгадку лишь час назад, когда разговор зашел о контактных линзах Бентли. И тут меня осени-

ло, комиссар. Мне пришла в голову мысль, что разгадка кроется в вашей близорукости, в ваших очках. Я полагаю, на Внешних Мирах люди не страдают близорукостью, в противном случае они могли бы раскрыть убийство сразу же. Когда вы разбили свои очки, комиссар?

— При чем тут это? — насторожился комиссар.

— Когда мы в первый раз говорили об этом деле, вы мне сказали, что разбили очки в Космотауне. Я подумал, что вы разбили их в смятении, услышав о совершенном убийстве, но вы сами никогда этого не уточняли, так что для такого предположения у меня не было никаких оснований. На самом же деле, если вы шли в Космотаун, замышляя преступление, вы уже были достаточно взволнованы и могли уронить и разбить очки еще до убийства. Разве не так и разве не случилось этого в действительности?

— Я не пойму, к чему вы клоните, коллега Элайдж.

«Мне остается быть коллегой еще десять минут, — промелькнуло у Бейли. — Быстрее! Говорить быстрее! И думать быстрее!»

Он продолжал говорить и одновременно манипулировал изображением жилища Сартона. Охваченный волнением, он неловко пытался его

увеличить, с трудом двигая непослушными пальцами. Медленно, рывками труп приближался к ним, увеличиваясь на глазах. Бейли казалось, что он чувствует зловоние обгоревшей плоти.

Голова, плечи и пол руки трупа были неестественно вывернуты и соединялись с нижней половиной тела, обгоревшим куском того, что было когда-то позвоночником, из которого торчали обугленные ребра. Бейли искоса взглянул на комиссара. Эндерби сидел с закрытыми глазами. Видимо, ему было плохо. Бейли тоже мутило, но он должен был смотреть. Двигая рычажками проектора, он медленно перемещал объемное изображение, квадрат за квадратом осматривая пространство вокруг трупа. В какой-то момент его палец соскользнул с рычажка, и неожиданно изображение покачнулось и увеличилось настолько, что пол и труп превратились в беспорядочную расплывчатую массу — разрешающей способности проектора для такого увеличения не хватало. Бейли уменьшил изображение и отвел луч проектора от трупа.

Он все еще продолжал говорить. Иначе было нельзя. Дать себе передышку он мог, лишь обнаружив необходимые вещественные доказательства. В случае неудачи грош цена была

всем его словам. Сердце его бешено колотилось, в висках стучала кровь.

Он говорил:

— Комиссар не способен на преднамеренное убийство. Верно! На преднамеренное. Но любой человек может убить случайно. Комиссар вошел в Космотаун не для того, чтобы убить доктора Сартона. Он хотел уничтожить вас, Дэниел, вас! Говорит ли его цереброанализ о том, что он не способен уничтожить машину? Это ведь не убийство, а просто диверсия.

Он медиевист, убежденный медиевист. Он работал с доктором Сартоном и знал, с какой целью вас создавали, Дэниел. Он боялся, что космонитам удастся воплотить свои планы в жизнь и что со временем землян отлучат от Земли. Поэтому он решил уничтожить вас, Дэниел. На сегодняшний день вы — единственный в своем роде робот, а потому, покончив с вами и продемонстрировав тем самым размах и решимость медиевистского движения на Земле, он рассчитывал спутать планы космонитов. Он знал, насколько сильным было на Внешних Мирах стремление положить конец проекту «Космотаун». Доктор Сартон, вероятно, обсуждал с ним эту проблему. И Эндерби надеялся, что уничтожение робота станет послед-

ней каплей, которая переполнит чашу. Думаю, что решение совершить убийство, пусть даже робота, далось ему нелегко. Он с радостью поручил бы это Р. Сэмми. Но вы так похожи на человека, что такой примитивный робот, как Р. Сэмми, не сумел бы понять, в чем разница. Первый Закон помешал бы ему выполнить приказ комиссара. С другой стороны, не будь он единственным землянином, который имел свободный доступ в Космотаун, комиссар наверняка передоверил бы убийство кому-нибудь из людей.

Насколько я понимаю, план комиссара заключался в следующем. Признаюсь, это лишь мои предположения, но думаю, они не далеки от истины. Он договорился о встрече с доктором Сартоном, но умышленно пришел гораздо раньше, точнее — на рассвете. Думаю, доктор Сартон обычно в это время спал, а вы, Дэниел, естественно, бодрствовали. Кстати, я исхожу из того, что вы жили вместе с доктором Сартоном.

— Вы совершенно правы, коллега Элайдж, — кивнул робот.

— Тогда я продолжу. Вы, Дэниел, должны были открыть комиссару дверь и получить заряд бластера в грудь или в голову. Итак, с вами покончено. Комиссар быстро уходит по пустынным

предрассветным улицам Космотауна к тому месту, где его ждет Р. Сэмми, отдает ему бластер и затем не спеша возвращается к дому доктора Сартона. При необходимости он сам «обнаружит» тело, хотя он предпочел бы, чтобы это сделал кто-нибудь другой. В случае, если возникнут вопросы по поводу его раннего прибытия, он всегда может оправдаться тем, что пришел сообщить доктору Сартону о нападении на Космотаун, которое, по слухам, готовят медиевисты, и предложить ему принять тайные меры предосторожности во избежание открытого столкновения космонитов с землянами. Мертвый робот лишь придаст вес его словам.

Если бы вам сказали, комиссар, что между вашим входом в Космотаун и прибытием к куполу Сартона прошел довольно длительный отрезок времени, вы могли бы объяснить это, ну например, тем, что заметили, как кто-то крадется по улицам, направляясь к открытому пространству, и вам пришлось какое-то время преследовать его. К тому же такое объяснение пустило бы космонитов по ложному следу. Что касается Р. Сэмми, никто не обратил бы на него внимания. Мало ли роботов работает на близлежащих овощеводческих фермах. Так насколько я близок к истине,

комиссар?

Эндерби всего передернуло.

— Я не…

— Конечно, — перебил его Бейли, — вы не убивали Р. Дэниела. Вот он здесь, перед вами, и за все то время, что он пробыл в Городе, вы ни разу не смогли заставить себя посмотреть ему прямо в лицо или обратиться к нему по имени. Посмотрите же на него сейчас, комиссар!

Эндерби не мог этого сделать. Трясущимися руками он закрыл лицо.

Проектор чуть было не выпал из дрожащих рук Бейли: он нашел то, что искал.

Теперь в центре изображения находился главный вход в дом доктора Сартона. Дверь была открыта, точнее, задвинута а стену, и проектор крупным планом показывал металлические пазы, по которым она скользила. Внутри их что-то поблескивало. Вот оно! Ну, конечно! Ошибиться было невозможно.

— Все произошло так, — продолжал Бейли. — Вы уже подошли к дому и вот тогда-то уронили свои очки. Должно быть, вы нервничали, а когда вы в таком состоянии, я сам не раз это видел, то обычно снимаете свои очки и начинаете их протирать. Вы и тогда поступили точно так же.

Но руки у вас дрожали, и вы выронили очки, а может быть, и наступили на них. Во всяком случае, они разбились, и как раз в этот момент дверь отодвинулась и перед вами предстала фигура, похожая на Р. Дэниела.

Вы разрядили в него свой бластер, подобрали осколки очков и побежали прочь. Труп обнаружили они, а не вы. Потом разыскали вас, и тут-то вы поняли, что убили не Р. Дэниела, а доктора Сартона, который, как оказалось, вставал по утрам очень рано. К несчастью, доктор Сартон придал Р.Дэниелу свой облик, а вы без очков не заметили разницы. И если вы хотите получить вещественные доказательства, они здесь!

Изображение дома доктора Сартона дрогнуло: Бейли осторожно опустил проектор на стол, крепко держа его обеими руками.

Лицо комиссара Эндерби исказилось от ужаса, лицо Бейли — от напряжения. Дэниел, как всегда, оставался бесстрастным.

— Видите вон тот блеск в пазах двери? — Бейли протянул руку к изображению. — Что это было, Дэниел?

— Два маленьких кусочка стекла, — хладнокровно ответил робот. — Они ни о чем нам не говорили.

Сейчас вы все поймете. Это частички вогнутых линз. Определите их оптические характеристики и сравните их с характеристиками очков, которые Эндерби носит сейчас. Не вздумайте их разбить, комиссар!

Он бросился к комиссару, выхватил из его рук очки и тяжело дыша, протянул их Р.Дэниелу.

Думаю, это достаточно убедительное доказательство того, что он побывал у дома Сартона раньше, чем все предполагали.

— У меня не осталось никаких сомнений, — сказал Р. Дэниел. — Теперь я вижу, что цереброанализ комиссара совершенно сбил меня с толку. Поздравляю вас; коллега Элайдж!

На часах Бейли было двадцать четыре ноль-ноль. Начинался новый день.

Комиссар медленно опустил голову на руки. Его слова тонули в глухих рыданиях.

— Это была ошибка. Ошибка! У меня и в мыслях не было убивать его.

Неожиданно он соскользнул со стула и, скорчившись, застыл на полу.

Р. Дэниел подскочил к комиссару.

— Вы причинили ему вред, Элайдж. Это очень плохо.

— Он жив, не так ли?

— Да. Но потерял сознание.

— Очухается. Думаю, для него это было слишком большой нагрузкой. Но иначе никак нельзя, Дэниел, никак. У меня были одни лишь предположения, ни одного доказательства, а их суду не представишь. Пришлось постепенно, шаг за шагом загонять его в угол в надежде на то, что в какой-то момент он сломается. И он сломался, Дэниел. Вы ведь слышали его признание?

— Да.

— Ну так вот, я обещал, что все это пойдет на пользу проекту Космотауна, поэтому… Погодите-ка, он приходит в себя.

Комиссар застонал. Веки его дрогнули, он открыл глаза и молча уставился на склонившиеся над ним фигуры.

— Комиссар, вы слышите меня? — спросил Бейли. Эндерби вяло кивнул. — Хорошо. Так вот, цель космонитов не в том, чтобы привлечь вас к суду. Их замыслы гораздо обширнее. Если вы будете сотрудничать с ними…

— Что? Что? — в глазах комиссара промелькнула надежда.

— Вы, должно быть, важная персона в медиевистской организации Нью-Йорка, а может, и всей планеты. Постарайтесь убедить своих

единомышленников в необходимости освоения космоса. Вы ведь знаете, какую нужно проводить линию, верно? В смысле — мы можем вернуться назад к земле, но на других планетах.

— Не понимаю, — промямлил комиссар.

— Это то, к чему стремятся космониты. И я, черт возьми, тоже — после беседы с доктором Фастольфом. Это то, чего они хотят больше всего на свете. Ради этого они постоянно рискуют своей жизнью, оставаясь здесь, на Земле. Если убийство Сартона заставит вас перевести медиевизм на путь возобновления освоения Галактики, они, возможно, сочтут эту жертву оправданной. Теперь вы понимаете?

— Элайдж совершенно прав, — подтвердил Р. Дэниел. — Помогите нам, комиссар, и мы забудем о случившемся. Я говорю это от имени доктора Фастольфа и других жителей Космотауна. Естественно, если вы согласитесь помогать, а потом вздумаете предать нас, то помните, что мы всегда сможем сделать факт вашей виновности достоянием общественности. Надеюсь, вы это понимаете. Мне тяжело напоминать вам об этом, но я должен.

— Меня не будут судить? — спросил комиссар.

— Нет, если вы поможете нам.

Его глаза наполнились слезами.

— Я сделаю все, что смогу. Это была случайность. Объясните им. Несчастный случай. Мне казалось, что я поступаю правильно.

— Если вы поможете нам, вы действительно поступите правильно, — сказал Бейли. — Освоение космоса — единственно возможный путь к спасению Земли. Отбросьте предрассудки, и вы поймете это. Советую вам поговорить с доктором Фастольфом. А пока вы можете помочь, если уладите дело Р. Сэмми. Назовите его гибель несчастным случаем или придумайте еще что-нибудь. Одним словом, закройте его! — Бейли поднялся, — И помните, комиссар, что я не единственный, кто знает правду. Космотаун в курсе всех событий, так что не пытайтесь избавиться от меня, если не хотите нажить себе неприятностей.

— Нет необходимости говорить что-то еще, Элайдж, — заметил Р. Дэниел. — Его намерения искренни, и он будет помогать. Это ясно видно по его цереброанализу.

— Хорошо. Тогда я еду домой. Хочу увидеть Джесси и Бентли и снова вернуться в привычную колею. И еще я чертовски устал… Дэниел, вы останетесь на Земле после ухода космонитов?

— У меня на этот счет пока нет никаких инструкций. А почему вы спрашиваете?

Бейли прикусил губу и медленно сказал:

— Никогда не думал, что смогу сказать что-либо подобное такому, как вы, Дэниел, но я верю вам. Я даже… восхищаюсь вами. Сам я уже слишком стар, чтобы покинуть Землю, но у меня есть Бентли, и когда наконец откроются школы для эмигрантов, возможно, вы с Бентли вместе…

— Возможно. — На лице Р. Дэниела не отражалось никаких эмоций. Он повернулся к Джулиусу Эндерби, наблюдавшему за ними с отрешенным лицом, которое только теперь начинало постепенно оживать. — Друг Джулиус, — сказал робот, — я все время пытался понять кое-какие мысли, которыми поделился со мной Элайдж. Возможно, сейчас я начинаю их понимать: мне вдруг стало казаться, что уничтожение того, что не должно быть, то есть уничтожение того, что вы, люди, называете злом, менее справедливо и желательно, чем превращение этого зла в то, что вы называете добром. — Он помолчал в нерешительности и добавил, словно бы удивляясь собственным словам: — Иди и впредь не греши!

Бейли неожиданно улыбнулся, взял Р. Дэниела за локоть, и они рука об руку вышли из каби-

нета.

ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ

Глава первая
Вопрос ждет ответа

Элайдж Бейли мужественно боролся с паникой.

Паника начала зарождаться в нем недели две назад, а то и раньше, с того самого дня, когда Бейли вызвали в Вашингтон и с порога объявили о новом назначении.

Вызов в Вашингтон уже сам по себе был достаточным поводом для волнения. В официальном письме, кроме распоряжения, не было никаких подробностей — легче от этого не становилось. К вызову прилагались транспортные талоны на самолет, что только усугубляло ситуацию.

Тревожило то, что дело срочное, раз ему предписывается лететь, беспокоила и сама мысль о полете. Но с той тревогой вполне можно было справиться. Как-никак, Элайдж Бейли летал самолетом уже четыре раза, однажды даже пересек континент. И хотя полет — вещь неприятная, шагом в неизвестное его не назовешь.

А потом, перелет из Нью-Йорка в Вашингтон продолжается всего час. Самолет отправляется с

нью-йоркской взлетной полосы N° 5, которая, как и все государственные взлетные полосы, подобающим образом защищена. Выход в открытую атмосферу происходит только по достижении скорости полета. А сядут они на вашингтонской второй полосе, тоже укрытой.

Более того, Бейли хорошо знал, что в самолете не будет окон. Там хорошее освещение, приличная еда, все необходимые удобства. Полет, управляемый по радио, пройдет гладко. Вряд ли движение будет вообще чувствоваться, когда самолет поднимется в воздух.

Бейли убеждал в этом себя и свою жену Джесси, которая никогда еще не летала, а потому мысль о полете приводила ее в ужас.

— Не нравится мне, что ты летишь, Элайдж, — сказала она. — Это как-то неестественно. Почему бы тебе не поехать экспрессом?

— Потому что тогда дорога займет десять часов, — Бейли кисло усмехнулся, — а еще потому, что я служу в полиции и должен выполнять указания начальства, если, конечно, хочу сохранить свой класс *С-6*.

Разумеется, последний довод оспорить было невозможно.

Заняв место в самолете, Бейли уставился на

узкий газетный рулон, который непрерывно разматывался с катушки на уровне его глаз. Город гордился этой услугой. В тексте содержались новости, очерки, юморески, познавательные статьи, немного беллетристики. Говорили, что рулоны вскоре заменит видеопленка — когда пассажир смотрит в свой визор, он еще лучше отвлекается от окружающего,

Бейли не сводил глаз с рулона не только потому, что это отвлекало, но и потому, что того требовал этикет. В самолете, кроме него, было пятеро пассажиров (этого Бейли просто не мог не заметить), и каждый имел право на свои личные страх и тревогу в зависимости от характера и воспитания.

Бейли, разумеется, и самому не понравилось бы, если бы кто-то вторгся в его собственные переживания. Он не хотел, чтобы посторонние видели, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в ручки кресла, и не желал никому показывать влажный след, который оставят там его руки.

— Я в безопасности, — твердил он себе. — Самолет — это маленький Город.

Но себя не обманешь. Слева от него была стальная стенка в дюйм толщиной, он чувствовал ее

локтем. А за ней — ничего.

Ну пускай воздух! Все равно — ничего.

Тысяча миль пустоты в один конец, тысяча — в другой. И пара миль под ними.

Бейли так и подмывало взглянуть вниз, на верхушки зарывшихся в землю Городов, мимо которых они пролетали: Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона. Он представлял себе гроздья куполов, похожие на низкие гряды холмов. Он никогда их не видел, но знал, что они там, внизу. А под куполами, на милю вглубь и на десятки миль во все стороны, протянулись Города.

Бейли думал о бесконечных муравьиных переходах Городов, где столько народу; о квартирах, столовых, фабриках, экспресс-дорогах; там уютно и тепло, там люди.

А он сидит в металлической скорлупке, что мчится сквозь пустоту!

У него дрожали руки. Бейли заставил себя сосредоточиться на полоске текста и стал читать.

Ему попался рассказик о путешествии по Галактике, героем которого, по всей видимости, был землянин.

Бейли пробурчал что-то вслух, но тут же поймал себя на том, что забылся и нарушил тишину.

Но ведь это просто смешно. Что за детские игры — притворяться, будто земляне способны завоевать космос. Галактика! Галактика для землян закрыта. Ее захватили космониты, чьи предки столетия назад родились на Земле. Уроженцы Земли первыми достигли Внешних Миров и приспособили их для жизни, а их потомки поставили заслон эмиграции, не выпуская своих кузенов с Земли.

Городская цивилизация Земли завершила дело, заключив землян в Городах, за стенами страха перед открытым пространством, отрезав их от роботизированных ферм и рудников своей же собственной планеты.

Иосафат, горько подумал Бейли. Если нас это не устраивает, давайте что-нибудь делать, а не тратить время на сочинение сказок.

Но делать было нечего, и Бейли это знал.

Потом самолет совершил посадку, и все пассажиры, включая Бейли, вышли и разошлись в разные стороны, так и не посмотрев друг па друга.

Бейли взглянул на часы и решил, что успеет освежиться перед тем, как явиться в Министерство Юстиции. Это хорошо. Шум и суета, огромный сводчатый зал аэропорта, от которого

на всех уровнях расходились городские коридоры — все, что Бейли видели слышал, вселяло в него чувство безопасности, уюта, погруженности в недра Города, в его чрево. Тревога прошла, и для полноты счастья недоставало только душа.

Для посещения туалетной комнаты необходимо было временное разрешение, но командировочное удостоверение Бейли сразу уладило дело. Ему поставили нужный штамп с предоставлением отдельной кабины, указав во избежание недоразумений точную дату, и вручили листок с адресом.

Бейли был рад почувствовать под ногами бегущую дорожку. Он просто наслаждался, переступая с одной на другую и с возрастающей скоростью приближаясь к экспресс-дороге. Он легко вскочил на полотно и занял место, положенное ему по классу.

Час пик еще не наступил, так что свободные места были. И в туалетной, когда Бейли добрался туда, тоже не было излишней толкотни. Кабина, которую ему выделили, была в приличном состоянии, и мини-прачечная работала исправно.

Щедро израсходовав положенный запас воды и освежив одежду, Бейли почувствовал, что готов предстать перед начальством. По иронии судьбы

он даже развеселился.

Заместитель министра Альберт Минним был человек небольшого роста, складный, румяный, с пробивающейся сединой. Все углы его фигуры были сглажены и округлены. От него веяло чистотой и слабым запахом тоника. Все в нем говорило о жизненных благах и щедрых пайках, которыми пользуется правительство.

Бейли рядом с ним казался себе желтым и костлявым, Он чувствовал, какие у него большие руки, вверившиеся глаза, какой он весь угловатый.

— Садитесь, Бейли, — приветливо сказал Минним. — Вы курите?

— Только трубку, сэр, — ответил Бейли и достал ее, а Минним спрятал сигару, которую было извлек.

Бейли тут же пожалел о своих словах. Сигара лучше, чем ничего — надо было взять. Хотя ему и повысили норму табака, когда недавно перевели из *С-5* в *С-6*, об изобилии все-таки говорить не приходилось.

— Пожалуйста, как хотите, — сказал Минним и с отеческим терпением стал ждать, пока Бейли тщательно набьет трубку и раскурит ее.

— Мне так и не сказали, зачем меня вызвали в

Вашингтон, сэр, — сказал Бейли, глядя на трубку.

— Знаю, — улыбнулся Минним. — Сейчас мы это поправим. Вы временно переводитесь на другую работу.

— За пределами Нью-Йорка?

— Да, довольно далеко от него.

Бейли поднял брови и задумался.

— А на какой срок, сэр?

— Не могу сказать точно.

Бейли прикинул в уме преимущества и недостатки, сопряженные с переводом. Как приезжий, временный житель Города, он скорее всего будет пользоваться более высоким уровнем жизни, чем положено ему по классу. С другой стороны, очень сомнительно, чтобы Джесси и их сыну Бентли разрешили сопровождать его. Конечно, в Нью-Йорке о них позаботятся, но Бейли был человек семейный, и мысль о разлуке со своими восторга не вызывала.

Далее, новое назначение означало работу особого рода — это хорошо, и ответственность повыше той, что обычно возлагается на рядового детектива — это могло быть затруднительно. Бейли не так давно испытал, что такое ответственность, расследуя убийство космонита вблизи Нью-Йорка, и его не слишком радовала перспектива снова

столкнуться с чем-нибудь подобным.

— Может быть, вы скажете, сэр, куда меня направляют? — спросил он. — В чем суть моего задания? О чем, собственно, речь?

Взвешивая в уме слова заместителя министра «довольно далеко», Бейли заключал с самим собой пари относительно места командировки. «Довольно далеко» звучало загадочно, и он прикидывал: Калькутта? Сидней? Тут он заметил, что Минним достал-таки сигару и не спеша закуривает. Иосафат, подумал Бейли. Не решается сказать. Время тянет.

Минним вынул сигару изо рта и сказал, глядя на дымок:

— Министерство Юстиции временно командирует вас на Солярию.

Какой-то миг Бейли еще цеплялся за обманчивые ассоциации: кажется, Солярия в Азии? Или в Австралии? Потом встал и резко спросил:

— То есть на один из Внешних Миров?

— Верно, — подтвердил Минним, не глядя на него.

— Но это же невозможно. Кто пустит землянина во Внешний Мир?

— Обстоятельства иногда вынуждают пересматривать правила, детектив Бейли. На Солярии

совершено убийство.

Губы Бейли дрогнули в непроизвольной улыбке.

— Несколько за пределами нашей юрисдикции, не так ли?

— Они обратились за помощью.

— За помощью? К нам? На Землю? — Бейли не верил своим ушам. Обитатели Внешних Миров относились к былой родине с презрением или в лучшем случае покровительственно. Чтобы они — и вдруг обратились за помощью? — На Землю? — повторил он.

— Невероятно, — признался Минним, — и тем не менее так. Они хотят, чтобы следствие вел детектив-землянин. Сообщение получено по дипломатическим каналам на самом высшем уровне.

Бейли снова сел.

— Но почему я? Я немолод, мне сорок три года. У меня жена и ребенок. Я не могу покинуть Землю.

— Это не наш выбор, детектив. Они сами назвали вас.

— Меня?!

— Инспектор Элайдж Бейли, *С-6*, служащий в полиции города Нью-Йорка. Они знают, чего хотят, и вы, конечно, знаете почему.

— Я не гожусь для такой задачи, — настаивал Бейли.

— Они считают, что годитесь. До них, очевидно, дошли сведения о том, как вы расследовали убийство космонита.

— Мало ли что они могли слышать? Я думаю, что истину сильно приукрасили.

— Во всяком случае, — пожал плечами Минним, — они запросили вас, а мы дали свое согласие. Все бумаги готовы, так что можете отправляться. Во время вашего отсутствия ваша жена и ребенок будут получать довольствие по классу С-7 — такой разряд присвоен вам на время командировки. — Минним многозначительно помолчал. — В случае успешного выполнения задания разряд может стать постоянным.

Все происходило слишком быстро для Бейли. Как же так? Он просто не может покинуть Землю. Что они, не понимают?

Он услышал свой ровный голос, самому показавшийся неестественным:

— Что за убийство? При каких обстоятельствах оно произошло? Почему они не могут разобраться сами?

Минним передвинул ухоженными пальцами несколько предметов у себя на столе и покачал

головой.

— Об убийстве и его обстоятельствах мне ничего неизвестно.

— А кому известно, сэр? Не могу же я отправиться туда полным болваном? — А внутренний голос в отчаянии повторял: не могу же я покинуть Землю!

— Никто не знает. На Земле — никто. Соляриане нас не посвятили. В том и будет заключаться ваша работа: выяснить, что это за убийство, для расследования которого понадобился землянин. Точнее, это только часть вашей работы.

— А если я откажусь? — осмелился выговорить Бейли, заранее зная ответ и прекрасно понимая, чем грозит деклассификация ему и, главное, семье.

Минним не упомянул о деклассификации, а сказал мягко:

— Вы не можете отказаться, инспектор. Придется поработать.

— На соляриан? Да пропади они пропадом!

— На нас, Бейли. На нас. — Минним помолчал. — Вы же знаете, в каком положении находится Земля, — знаете не хуже меня.

Да, Бейли знал, как и любой житель Земли. Население всех пятидесяти Внешних Миров,

вместе взятых, гораздо меньше земного, однако военный потенциал космонитов выше раз в сто. В этих малонаселенных роботизированных мирах производство энергии на душу населения в тысячу раз превышает земные показатели, а именно количество энергии на душу населения определяет военный потенциал, уровень жизни, благосостояние и все остальное.

— Одним из факторов, который позволяет сохранять это положение, — сказал Минним, — является наше невежество. Да-да, невежество. Космониты знают о нас все — видит Бог, они посылали на Землю достаточно миссий, — мы же не знаем о них ничего, а если и знаем, так только с их слов. Земляне еще не бывали ни на одном из Внешних Миров. Вы первый.

— Я не смогу… — начал Бейли.

— Сможете. Вам предоставляется уникальная возможность. Они сами пригласили вас на Солярию, сами поручают вам работу. Вы вернетесь с ценной для Земли информацией.

Бейли мрачно посмотрел на заместителя министра.

— Значит, придется стать шпионом?

— О шпионаже речь не идет. Вам не придется делать ничего такого, что не входило бы в ваши

обязанности. Пользуйтесь глазами и головой, вот в все. Наблюдайте! Когда вернетесь, на Земле найдутся специалисты, которые расшифруют и проанализируют ваши наблюдения.

— Надо понимать, что мы ка краю пропасти, сэр?

— Почему вы так думаете?

— Посылать землянина во Внешний Мир очень рискованно. Космониты нас ненавидят. Я отношусь к ним вполне доброжелательно, однако мое появление там, хотя бы по их же приглашению, может вызвать межзвездный конфликт. Правительство Земли вполне могло бы отказать космонитам, если бы захотело. Могли бы сказать, что я болен. Космониты испытывают патологический страх перед болезнями и ни за что не приняли бы меня в таком случае.

— Вы предлагаете нам поступить именно так?

— Нет. Если бы у правительства не имелось серьезных оснований посылать меня туда, я бы наверняка остался на Земле. Отсюда следует, что главное как раз шпионаж. А раз так, должна быть серьезная причина не стоит идти на такой риск лишь ради того, чтобы я поглазел там по сторонам.

Бейли ожидал взрыва и даже приветствовал

бы его ради разрядки напряжения, но Минним только холодно улыбнулся.

— А вы умеете, я вижу, смотреть в корень. Впрочем, я иного и не ожидал. — Минним перегнулся к Бейли через стол. — Сейчас я скажу вам то, что вы не будете обсуждать ни с кем — даже с другими представителями администрации. Наши социологи пришли к определенным выводам относительно обстановки в Галактике. С одной стороны, пятьдесят Внешних Миров — малонаселенные, роботизированные, могущественные, здоровые, с высокой продолжительностью жизни. С другой стороны — наш мир, перенаселенный, технически отсталый, с низкой продолжительностью жизни, полностью под влиянием Внешних Миров, Такое положение неустойчиво и долго не продлится,

— Ничто не длится долго,

— Да, но нам осталось совсем немного. Самое большее — сотня лет. На наш век хватит, но у нас есть дети. Мы станем слишком опасны для космонитов, чтобы они позволили нам существовать. Нас на Земле восемь миллиардов, и все мы ненавидим их.

— Космониты исключили нас из галактического сообщества, ведут торговлю так, как выгодно

им, диктуют нашему правительству свои условия, презирают нас — так чего же они хотят, благодарности?

— Верно, поэтому в будущем нас ждет следующее: мятеж, расправа — еще мятеж, еще расправа — и столетие спустя Земля как обитаемый мир перестанет существовать. Так говорят социологи.

Бейли поежился — с социологами и их компьютерами не поспоришь.

— Но чего же в таком случае ждут от меня?

— Информации. В нашем социологическом прогнозе есть большой пробел — отсутствие информации о Внешних Мирах. Приходится делать выводы на основе общения с теми немногими космонитами, которых присылают сюда. Приходится полагаться на то, что они сами соизволят сообщить, поэтому нам известны только и исключительно их сильные стороны. Пусть они подавятся своими роботами, малым населением, долгой жизнью, но в чем же их слабость? Есть ли такой фактор или факторы, которые, будь они только нам известны, могли бы отклонить неизбежность нашей гибели? Что-нибудь, чем мы бы могли руководствоваться, чтобы дать Земле шанс на выживание?

— Может быть, лучше послать туда социолога,

сэр?

— Если бы мы могли послать, кого хотим, — потряс головой Минним, — то послали бы еще десять лет назад, когда социологи представили свой прогноз. Но сейчас мы впервые получили возможность послать туда человека. Они запрашивают детектива, и это нам на руку. Детектив — тоже социолог, на свой, практический, лад, иначе ему не стать хорошим детективом. А ваш послужной список доказывает, что вы хороший детектив.

— Благодарю вас, сэр, — машинально ответил Бейли. — А если у меня возникнут осложнения?

— Это риск, с которым сталкивается каждый полицейский, — отмахнулся Минним. — В любом случае надо лететь. Время отправления назначено, и корабль ждет вас.

— Ждет? — остолбенел Бейли. — Когда же я отправляюсь?

— Через два дня.

— Тогда мне надо вернуться в Нью-Йорк. Моя жена…

— Мы поговорим с вашей женой. Она не должна знать о вашем задании, сами понимаете. Ей скажут, чтобы она пока не ожидала от вас вестей.

— Но это же бесчеловечно. Мне необходимо ее

видеть. Может быть, мы больше не встретимся.

— То, что я скажу, покажется вам еще более бесчеловечным — но разве каждый раз, уходя на службу, вы не говорите себе, что, возможно, виделись с женой последний раз? Инспектор Бейли, все мы должны исполнять свой долг.

Трубка у Бейли погасла пятнадцать минут назад, а он того и не заметил.

Больше Бейли ничего не сказали. Об убийстве никто ничего не знал. Он переходил от чиновника к чиновнику и наконец оказался у космического корабля, все еще толком не веря в происходящее.

Корабль походил на гигантскую пушку, нацеленную в небо. В воздухе ощущалась сырость; Бейли зябко поежился. Стояла ночь, и он был благодарен за это судьбе. Ночь выстроила вокруг свои черные стены, переходящие в черный потолок неба. Было пасмурно, и яркая звездочка, проглянувшая в просвете между тучами, заставила Бейли вздрогнуть, хотя ему доводилось бывать в планетарии.

Крохотная искорка, невообразимо далекая. Бейли смотрел на нее с любопытством, почти без страха. Она казалась совсем крохотной, размером с песчинку, а ведь вокруг таких вот огоньков вращаются планеты, на которых живут властители

Галактики. Солнце тоже такое, подумал Бейли, только оно ближе и теперь светит по ту сторону Земли.

Он вдруг представил себе Землю — каменный шарик под пленочкой влаги и газа, а вокруг, со всех сторон, пустота. И земные Города, едва выступающие над поверхностью, ненадежно укрепившиеся между твердью и воздухом. По коже пошли мурашки.

Корабль, разумеется, принадлежал космонитам. Межзвездная торговля была полностью в их руках. Бейли был совсем один здесь, за чертой Города. Его долго мыли, скребли и стерилизовали, прежде чем сочли возможным, по космонитским стандартам, допустить на борт. И все-таки навстречу ему выслали не человека, а робота — ведь Бейли нес на себе сотни разновидностей болезнетворных бактерий перенаселенного Города. У Бейли был к ним иммунитет, но евгенически выводимые космониты таковым не обладали.

Массивный робот выступил из мрака, его глаза тускло светились красным.

— Инспектор Элайдж Бейли?

— Да, — отрезал Бейли, чувствуя, как зашевелились волосы на затылке. Элайджа, как истого землянина, передергивало при виде робота,

исполняющего человеческую работу. Его напарником по расследованию убийства космонита тоже был робот — Р. Дэниел Оливо, но то совсем другое дело. Дэниел был…

— Пожалуйста, следуйте за мной, — сказал робот, трап, ведущий на корабль, залил яркий свет.

Бейли поднялся по трапу и очутился на борту корабля.

— Вот ваша каюта, инспектор Бейли, — сказал робот. — Вам предписано находиться в ней до конца рейса,

Правильно, запирайте, подумал Бейли. Так оно надежнее — под замком.

В коридорах, по которым он шел, было пусто. Сейчас, наверно, роботы их дезинфицируют. А этого, который его сопровождал, подвергнут, поди, бактерицидной обработке.

— Здесь имеется санузел с водопроводом, — продолжал робот. — Пищу вам будут приносить. Иллюминаторами можно управлять с помощью вот этой панели. Сейчас они закрыты, но если вы пожелаете наблюдать космическое пространство…

— Не надо, бой, — с некоторой поспешностью сказал Бейли, — пусть остаются закрытыми.

Как было принято у землян, он обратился к

роботу «бой», но тот не возражал. Да и как он мог возразить? Его поведение регулировалось законами роботехники. Робот согнул свой массивный корпус в пародии на почтительный поклон и вышел.

Бейли остался один и мог теперь осмотреться. Во всяком случае, тут было получше, чем в самолете. Самолет просматривался из конца в конец, Бейли видел его пределы, а корабль был большой. В нём имелись коридоры, разные уровни, отсеки. Прямо как маленький Город. Бейли вздохнул почти с облегчением.

Свет мигнул, и металлический голос из репродуктора проинструктировал Бейли, как вести себя во время ускорения.

Бейли прижало к переборке, снабженной гидравлическим амортизатором, раздался рокот двигателя, воспламененного протонным микрореактором. Послышался свист разрываемой атмосферы, который делался все тоньше и выше и через час совсем затих.

Корабль взмыл в космос.

Все чувства в Бейли как-то притупились, и он не ощущал связи с реальностью. Он твердил себе, что с каждой секундой отдаляется на тысячи миль от Земли и от Джесси, но в голове это не

укладывалось.

На второй день — или на третий (он мог судить, о времени только по чередованию еды и сна), Бейли испытал странное ощущение, как будто его вывернули наизнанку. Он понял, что это Скачок — уму непостижимый, почти мистический, мгновенный переход через гиперпространство, перенесший корабль со всем его содержимым из одной точки космоса в другую, через много световых лет. Потом последовал еще один провал времени и еще один Скачок, снова провал и снова Скачок.

Ну вот, сказал себе Бейли, я теперь за десятки световых лет от Земли, за сотни, за тысячи.

Точной цифры он не знал — да и кто на Земле ведал, где находится Солярия? Бейли мог побиться об заклад, что никто об этом и понятия не имеет. Он чувствовал себя ужасно одиноким.

Корабль начал замедлять ход, и к Бейли вошел робот. Своими красными глазами он внимательно осмотрел пристежные ремни, ловко подтянул гайку, проверил амортизатор.

— Посадка через три часа, — сказал он. — Пожалуйста, оставайтесь в этой комнате. За вами придет человек, который проводит вас в вашу резиденцию.

— Подожди, — нервно сказал Бейли. Пристегнутый, он чувствовал себя беспомощным. — В какое время дня мы совершим посадку?

— По галактическому времени, — тут же ответил робот, — будет…

— По-местному, бой. По местному! Иосафат!

— Солярианские сутки, — как ни в чем не бывало продолжал робот, — состоят из 28, 35 стандартных часов. Они делятся на десять декад, каждая из которых делится на сто центад. По расписанию мы прибываем на двадцатой центаде пятой декады.

Бейли ненавидел этого робота. Ненавидел за тупость, за то, что он вынуждает его, Бейли, задать прямой вопрос и тем выдать свою слабость. Ну что ж, делать нечего. Бейли спросил с видимым безразличием:

— Это будет светлое время суток?

— Да, господин, — кратко ответил робот и вышел.

Светлое! Придется выйти на поверхность планеты среди бела дня.

Бейли не мог даже представить, как это будет выглядеть. Порой он наблюдал открытое пространство, находясь в стенах Города, и даже выходил в него на какие-то мгновения. Но всегда

поблизости находились стены, то есть убежище.

На какое убежище может он рассчитывать теперь? Не будет даже ложных стен ночной тьмы, чтобы помочь ему.

Но нельзя же проявить слабость перед космонитами — будь он проклят, если проявит. Бейли стиснул зубы, прислонился к противоперегрузочной переборке и стал мужественно бороться с паникой.

Глава вторая
Друзья встречаются

Он изнемогал в этой борьбе — одних доводов рассудка было недостаточно.

Люди всю свою жизнь живут в открытом пространстве, твердил он себе, Так живут, космониты. Так жили наши предки на Земле. Укрываться совсем не обязательно. Только мое сознание говорит мне, что это не так, но оно ошибается.

Все впустую. Нечто такое, что было сильнее и выше рассудка, взывало об укрытии и начисто отвергало открытое пространство.

Бейли начинал понимать, что терпит поражение. В конце концов он все же струсит, задрожит и будет представлять собой жалкое зрелище. Космонит, которого пришлют за ним (с фильтрами против бактерий в носу и в перчатках для пущей безопасности), не сможет почувствовать к нему даже здорового презрения — одно только омерзение.

Бейли держался из последних сил.

Корабль совершил посадку, ремни автоматически отстегнулись, амортизирующее устройство

ушло обратно в стену, но Бейли остался сидеть. Он боялся, но решил не подавать виду.

Когда тихо открылась дверь отсека, Бейли отвел взгляд, но краем глаза увидел высокую фигуру с волосами цвета бронзы. Космонит, один из гордых потомков землян, что отреклись от своего родства.

— Партнер Элайдж! — сказал космонит.

Бейли рывком повернулся к нему, широко раскрыл глаза и почти непроизвольно вскочил.

Он увидел лицо с высокими скулами, совершенно безмятежные черты, безупречное тело, невозмутимые голубые глаза.

— Д-дэниел!

— Я рад, что вы меня помните, партнер Элайдж, — сказал космонит.

— Как не помнить! — Бейли испытал глубокое облегчение. Это была частица Земли, его друг, утешитель и спаситель. Бейли захотелось вдруг броситься к космониту, стиснуть того в объятиях, засмеяться, хлопнуть по спине — словом, проделать все глупости, подобающие старым друзьям, которые встретились после долгой разлуки.

Но инспектор удержался — что-то удержало его. Он всего лишь сделал шаг вперед, протянул руку и сказал:

— Разве я мог вас забыть, Дэниел.

— Мне очень приятно, — кивнул Дэниел. — Я, как вам хорошо известно, тоже не в состоянии забыть вас, пока нахожусь в рабочем состоянии. Рад нашей встрече.

Дэниел крепко, но не больно пожал руку Бейли — и отпустил ее.

Бейли от души понадеялся, что робот не может заглянуть к нему в мозг и прочесть там, что на одно безумное мгновение, которое не совсем еще миновало, Бейли воспылал к Дэниелу нежной дружбой, почти любовью.

Нельзя же, в конце концов, питать такие чувства к этому Дэниелу Оливо — он ведь не человек, а всего лишь робот.

Робот, так похожий на человека, сказал:

— Я попросил протянуть рукав от корабля к нашей роботизированной транспортной машине.

— Рукав! — не понял Бейли.

— Да. Это распространенное приспособление. Часто применяется в космосе для перехода или переноса груза с одного корабля на другой, чтобы не пользоваться специальным противовакуумным снаряжением. Вы, очевидно, с этим приспособлением незнакомы.

— Нет, но могу себе представить.

— Довольно трудно соединить таким образом корабль и сухопутный транспорт, но я, тем не менее; потребовал, чтобы это было сделано, К счастью, миссия, доверенная нам с вами, имеет первостепенную важность, и все вопросы решаются незамедлительно.

— Значит, вам тоже поручили расследовать это убийство?

— Разве вас не информировали? Жаль, что я не сказал вам сразу же. — Однако сожаление, как и прочие чувства, не отражались на безучастном лице робота, — Доктор Хэн Фастольф, с которым вы встречались на Земле во время нашей общей работы и которого, надеюсь, вы помните, первый предложил вас в качестве следователя. И поставил условием, что я снова буду работать с вами.

Бейли невольно улыбнулся. Доктор Фастольф являлся гражданином Авроры, а Аврора была самым мощным из Внешних Миров, Очевидно, советы аврорианца имели здесь вес.

— Нельзя разбивать команду, которая хорошо сработалась, а? — сказал Бейли. Восторг, вызванный появлением Дэниела, начинал проходить, и тревога снова сжимала грудь.

— Не ручаюсь, что доктор Фастольф имел в виду именно это, партнер Элайдж. Судя по распоряже-

ниям, я скорее заключил бы, что в его интересы входило назначить работать с вами того, кто знаком с вашим миром и, соответственно, с вашими небольшими странностями,

— Странностями? — нахмурился обиженный Бейли. Применительно к себе это слово ему не нравилось.

— Так, например, я сразу подумал о том, что нужно протянуть рукав. Мне хорошо известно ваше неприятие открытого пространства, поскольку вы росли в земном Городе.

Бейли резко сменил тему. То ли потому, что его назвали человеком со странностями и надо было отыграться, то ли потому, что жизнь научила его сразу распутывать все логические неувязки.

— На корабле обо мне заботился робот. Робот, — не без ехидства ввернул Бейли, — который и выглядит как робот. Вы его знаете?

— Я говорил с ним перед тем, как подняться на борт.

— Как его зовут? И как его можно вызвать?

— РХ-2475. На Солярии роботов называют только по серийным номерам. — Дэниел перевел взор на контрольную панель у двери. — Вот кнопка его вызова.

Бейли взглянул туда же. Кнопка, на которую

указал Дэниел, была обозначена «РХ», так что ее функция не вызывала сомнений. Бейли нажал ее, и минуты не прошло, как явился робот, который выглядел как положено роботу.

— Ты РХ-2475? — спросил Бейли.

— Да, господин.

— Ты недавно говорил мне, что за мной должен кто-то прийти. Это он? — Бейли показал на Дэниела,

Роботы встретились взглядами, и РХ-2475 сказал:

— По документам, да.

— Больше тебе ничего о нем не говорили? Тебе описали его внешность?

— Нет, господин. Только назвали имя.

— Кто назвал?

— Капитан корабля, господин.

— Он солярианин?

— Да, господин.

Бейли облизнул губы. Следующий вопрос будет решающим.

— Какое же имя тебе назвали?

— Дэниел Оливо, господин.

— Хорошо, бой! Можешь идти.

Робот изобразил поклон, повернулся кругом и ушел.

Бейли задумчиво посмотрел на своего партнера.

— Вы мне сказали не всю правду, Дэниел.

— В каком смысле, партнер Элайдж?

— Разговаривая с вами, я кое-что вспомнил, РХ-2475 говорил мне, что за мной придет человек. Я отчетливо это помню.

Дэниел спокойно выслушал его и ничего не ответил.

— Я подумал, что робот мог ошибиться, — продолжал Бейли. — Или должен был действительно прийти человек, а потом его заменили вами, а РХ-2475 о том не информировали. Но, как вы сами слышали, выяснилось, что это не так. Робот проверял у вас документы, ему назвали ваше имя. Только назвали не полностью, а, Дэниел?

— Да, мое имя роботу назвали не полностью, — согласился Дэниел.

— Вас ведь зовут не Дэниел Оливо, а Р. Дэниел Оливо, верно? То есть робот Дэниел Оливо.

— Совершенно верно, партнер Элайдж.

— Отсюда следует, что РХ-2475 не сообщили, что вы робот. Подразумевается, что вы человек. С вашей внешностью такой маскарад возможен.

— Не могу оспаривать ход ваших рассуждений.

— Тогда продолжим. — Бейли охватила свире-

пая радость. Он шел по следу. Пусть это был не такой уж важный след, но сейчас Бейли делал то, что умел делать хорошо. Настолько хорошо, что его стоило тащить сюда через весь космос. — Итак, зачем нужно было обманывать несчастного робота? Ему все равно, робот вы или человек. Он бы в любом случае подчинился приказу. Поэтому разумно будет предположить, что солярианский капитан, который информировал робота, и солярианские чиновники, которые информировали капитана, тоже не знали, что вы робот. Как я уже сказал, это разумное предположение, но, может быть, не единственное. Что скажете — прав я или нет?

— Полагаю, что вы правы.

— Ладно, значит, отгадал. Но в чем же тогда дело? Доктор Хэн Фастольф, рекомендуя вас солярианцам как моего партнера, умолчал о том, что вы робот. Разве это не опасно? Соляриане будут очень недовольны, если узнают правду. Зачем было это делать?

— Мне объяснили так, партнер Элайдж, — ответил андроид. — Сотрудничество с человеком из Внешнего Мира поднимет вас в глазах солярианцев, а сотрудничество с роботом — унизит. Поскольку я знаю ваши обычаи и легко могу сработаться

с вами, было признано разумным позволить солярианам считать меня человеком, причем прямого обмана, то есть заявления, что я человек, не было.

Бейли как-то не верилось в это. Такое внимание к чувствам землянина несвойственно космонитам, даже таким просвещенным, как Фастольф. Нет ли тут другого объяснения, подумал он и спросил:

— Кажется, Солярия славится во Внешних Мирах своими роботами?

— Я рад, что вас посвятили в основы солярианской экономики, — сказал Дэниел.

— Никто меня не посвящал. Я знаю, как пишется слово «Солярия», и тем мои познания о ней ограничиваются.

— Тогда я не понимаю, партнер Элайдж, что заставило вас задать этот вопрос, так как он исключительно точен. Вы попали в цель. В моей памяти записано, что во всех пятидесяти Внешних Мирах Солярия широко известна разнообразием и совершенством выпускаемых ею роботов. Она поставляет модели различных модификаций во все Внешние Миры.

Бейли кивнул с мрачным удовлетворением. Дэниелу, конечно, не понять его интуитивного

умозаключения, исходящего из того, что человек слаб. А объяснять Бейли не собирался. Если Солярия — производитель роботов, известный на всю Галактику, у доктора Хэна Фастольфа и его сотрудников могли быть чисто личные и вполне людские мотивы продемонстрировать собственного робота экстра-класса. О том, чтобы щадить чувства землянина, никто и не думал.

Им просто лестно одурачить солярианских экспертов, подсунув вместо человека аврорианского робота.

Бейли почувствовал себя намного лучше. Странное дело: вся мощь его интеллекта была бессильна побороть панику, а уступка собственному тщеславию сделала это мгновенно.

Помогло и сознание того, что космониты тоже грешат тщеславием.

Иосафат, все мы люди, подумал он. Даже и космониты.

Вслух он произнес почти весело:

— Долго еще ждать машину? Я готов.

Рукав, протянутый по просьбе Дэниела, не очень подходил для своей нынешней задачи. Человек и андроид шли по гибкой кишке, которая раскачивалась и прогибалась под их весом. В космосе, как смутно догадывался Бейли. по ней

было бы легко перелететь с корабля на корабль — достаточно один раз оттолкнуться.

На другом конце рукав сморщился, будто стиснутый рукой великана. Дэниел, у которого был фонарик, встал на четвереньки, и Бейли пришлось последовать его примеру. Таким манером они преодолели последние двадцать футов и наконец добрались до своего транспорта.

Дэниел закрыл дверь, плотно задвинул ее. Что-то сильно щелкнуло — наверное отсоединили рукав.

Бейли с любопытством осмотрел машину — ничего экзотического в ней не было, Два сиденья, одно за другим, каждое рассчитано на троих. С обоих концов каждого сиденья — дверцы. Глянцевитые прямоугольники — должно быть, окна, — черные и непрозрачные, разумеется, поляризованные. Бейли знал, как это делается.

Кабину освещали два круглых желтых светильника на потолке. Единственное, что бросилось в глаза, Бейли, — репродуктор на панели перед первым сиденьем и отсутствие какого-либо управления.

— Водитель, наверно, сидит за перегородкой? — спросил он.

— Совершенно верно, партнер Элайдж. А ко-

манды подаются таким образом. — Он щелкнул рычажком, красный огонек рядом замигал, и Дэниел произнес: — Можно отправляться. Мы готовы.

Машина слегка зашумела, их чуть-чуть прижало к спинке сиденья, но тут же шум и давление прекратились, и за ними ничего не последовало.

— Мы что, уже едем? — удивился Бейли.

— Да, эта машина движется не на колесах, а на диамагнитной силовой подушке. Чувствуется только торможение или ускорение.

— А повороты?

— Машина автоматически уравновешивает крен. То же происходит на подъемах и спусках.

— Сложное, должно быть, управление, — сухо заметил Бейли.

— Полностью автоматизированное. Машину ведет робот

— Угу. — Бейли уже узнал все, что хотел. — Нам долго ехать?

— Около часа. По воздуху было бы быстрее, но я позаботился о том, чтобы поместить вас в укрытие, а солярианский аэроплан нельзя изолировать настолько плотно, как эту машину, в которой мы едем.

Бейли такая заботливость привела в раздра-

жение — он почувствовал себя ребенком под опекой няньки. Почти так же раздражала его, как ни странно, речь Дэниела. Ему казалось, что эти безупречно правильные фразы быстро выдадут, кто тот такой.

Бейли обратил испытующий взгляд на Р. Дэниела Оливо. Робот, сидя неподвижно, смотрел прямо перед собой, и пристальное внимание Бейли его, как видно, не смущало.

Кожа Дэниела была сделана безукоризненно, каждый волосок на голове и на теле любовно и искусно посажен на место. Под кожей вполне натурально двигались мускулы. Усилий не пожалели, не упустили ничего — даже самую малость. Но Бейли знал по опыту, что на конечностях и грудной клетке Дэниела есть невидимые швы, по которым робота можно вскрыть и починить в случае надобности. Он знал, что под этой столь натуральной кожей находится металл и силикон, что в черепной коробке помещается позитронный мозг — мощный, но все-таки позитронный, что «мысли» Дэниела — всего лишь короткие импульсы позитронов, бегущие по тщательно продуманным и собранным электронным схемам.

Но что может разоблачить его в глазах спе-

циалиста, не знающего заранее, кто он? Легкая неестественность речи? Полная невозмутимость, отсутствие эмоций? Самое его совершенство?

Однако время идет. Бейли сказал:

— Давайте поговорим, Дэниел. Думаю, вы перед отправкой сюда получили кое-какую информацию о Солярии?

— Да, партнер Элайдж.

— Хорошо — а вот мне ее дать не потрудились. Каковы размеры планеты?

— Диаметр 9500 миль. Это самая большая из трех планет системы и единственная обитаемая. По климату и атмосфере напоминает Землю, процент плодородных земель выше, чем на Земле, а содержание полезных ископаемых — ниже, но разрабатываются они менее интенсивно. Солярия экономически самостоятельна и благодаря экспорту роботов обеспечивает себе высокий уровень жизни.

— Население?

— Двадцать тысяч, партнер Элайдж.

Бейли сделал прикидку и мягко сказал:

— Вы, наверно, хотели сказать — двадцать миллионов? — Обладая лишь приблизительными сведениями о Внешних Мирах, Бейли тем не менее знал, что, как ни мало они населены,

количество их обитателей исчисляется все-таки миллионами.

— Двадцать тысяч, партнер Элайдж, — повторил робот.

— Значит, планета заселена недавно?

— Отнюдь нет. Солярия объявила о своей независимости два столетия назад, а заселена была за век до этого. Численность населения намеренно поддерживается в пределах двадцати тысяч — подобную цифру сочли оптимальной сами соляриане.

— Какую же часть планеты они занимают?

— Всю плодородную зону.

— Сколько это будет в квадратных милях? Тридцать миллионов квадратных миль, включая пограничные районы.

— И это на двадцать тысяч человек?

— Здесь работает также около двухсот миллионов позитронных роботов, партнер Элайдж.

— Иосафат! Что же получается — десять тысяч роботов на человека?

— Самый высокий показатель во Внешних Мирах, партнер Элайдж. Второе место занимает Аврора, а там на человека приходится всего пятьдесят роботов.

— Зачем им столько роботов? Куда девать такое

количество продовольствия?

— Производство продуктов питания — не самое главное в экономике Солярии. Важнее горные работы, а самое важное — производство энергии.

У Бейли голова закружилась при мысли о таком количестве роботов. Двести миллионов! И так мало людей. Должно быть, эти роботы прямо-таки кишат повсюду. Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что Солярия населена исключительно роботами — трудно было бы разглядеть тонкую человеческую прослойку.

Бейли вдруг потянуло увидеть все своими глазами. Он вспомнил беседу с Миннимом и социологический прогноз, согласно которому Земле угрожает гибель. Все это казалось далеким и нереальным, но помнилось. Собственные заботы и переживания после отлета с Земли заслонили невероятные истины, о которых столь хладнокровно, выговаривая каждый звук, вещал Минним, но не стерли их из памяти.

Бейли всегда старался добросовестно нести службу, и даже страх перед открытым пространством не мог помешать ему исполнять свои обязанности. Сведения, полученные от космонитов — в данном случае от космонитского робота, — имелись и у земных социологов. Необ-

ходимы личные наблюдения — и его долг, хоть и неприятный, заняться ими. Бейли посмотрел вверх.

— Эта штука убирается, Дэниел?

— Простите, партнер Элайдж, я не совсем понял вас.

— Верх машины съемный? Можно убрать его так, чтобы мы оказались… под открытым небом? (Он чуть не сказал по привычке «под куполом».)

— Да, можно.

— Тогда сделайте это, Дэниел. Я хочу посмотреть.

— Простите, но я не могу этого допустить, — серьезно ответил робот.

— Послушайте, Р. Дэниел! — изумленно воскликнул Бейли, подчеркнув это «Р». — Скажу иначе. Я приказываю вам опустить верх.

Ведь он же робот, хоть и человекоподобный. Он обязан подчиняться приказам.

Но Дэниел, не двинувшись с места, сказал:

— Я вынужден сослаться на то, что моя первая обязанность — не причинять вреда вам. Из моих инструкций и личного опыта следует, что находиться в открытом пространстве для вас вредно. Поэтому я не могу исполнить ваше приказание.

Бейли почувствовал, как кровь бросилась ему

в лицо, и в то же время понял, что сердиться бесполезно. Да, Дэниел робот, а Бейли хорошо знал Первый Закон Роботехники. Тот гласил: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

Мозг позитронного робота, из какого бы мира робот ни происходил, целиком подчиняется этой основополагающей формуле. Робот, разумеется, обязан выполнять приказы, но лишь при одном первостепенном условии. Подчинение приказам — только Второй Закон Роботехники. Он гласит:

«Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону».

Бейли заставил себя говорить спокойно и рассудительно.

— Мне кажется, я мог бы немного выдержать, Дэниел.

— Мне так не кажется, партнер Элайдж.

— Позвольте мне судить самому, Дэниел.

— Если это приказ, партнер Элайдж, я не могу ему подчиниться.

Бейли снова откинулся на спинку мягкого сиденья. О том, чтобы применить силу, и речи быть не могло. Дэниел раз в сто сильнее человека из

плоти и крови и вполне способен остановить Бейли, не причинив ему ни малейшего вреда.

Бейли был вооружен и мог бы наставить на Дэниела бластер, но, достигнув минутного превосходства, потерпел бы потом полный провал. Роботу угрожать бесполезно. Закон самосохранения — лишь Третий Закон роботехники, и он гласит: «Робот должен заботиться о своей безопасности постольку, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам».

Дэниел не сможет нарушить Первый Закон даже под угрозой гибели, а Бейли совсем не хотелось уничтожать напарника.

А из машины выглянуть все-таки подмывало. Им словно овладела навязчивая идея. Нельзя допустить, чтобы между ним и Дэниелом утвердились отношения ребенка и няни.

На миг Бейли задумался — не приставить ли бластер к собственному виску. Открой верх, или я убью себя. Противопоставить Первому Закону более грозную опасность.

Но он знал, что не сделает этого — уж слишком подло. Противно было даже представить себе такую картину.

— Пожалуйста, спросите у водителя, сколько миль нам еще осталось ехать, — устало сказал

он.

— Пожалуйста, партнер Элайдж.

Дэниел наклонился и щелкнул рычажком. В это время Бейли тоже наклонился и крикнул:

— Водитель! Опусти верх машины!

Человеческая рука вернула рычажок в прежнее положение и осталась на нем. Бейли, часто дыша, взглянул в глаза Дэниелу.

Тот застыл на миг, словно его электронные извилины не могли сразу оценить новую ситуацию. Впрочем, столбняк миновал, и робот протянул руку к рычажку. Бейли предвидел это. Сейчас Дэниел уберет его руку (осторожно, не причиняя вреда), включит динамик и отменит приказ.

— Вы не сможете убрать мою руку, не повредив ее, — сказал Бейли. — Предупреждаю вас. Вы рискуете сломать мне палец.

Он говорил неправду, и сам это знал, Но Дэниел не стал ничего предпринимать. Вред против вреда. Позитронному мозгу нужно было взвесить оба варианта и перевести их в электрические импульсы, что означало дополнительную задержку.

— Опоздали, — сказал Бейли. Он выиграл. Верх машины скользнул вниз, и салон залил резкий белый свет солярианского солнца.

В первом приступе ужаса Бейли хотел закрыть глаза, но пересилил себя. На него хлынул невероятно огромный, голубовато-зеленый простор. Бейли чувствовал, как лицо обдувает неуправляемый воздух, но ничего не мог толком рассмотреть, Что-то промелькнуло мимо — то ли робот, то ли животное, то ли неодушевленный предмет, подхваченный потоком воздуха. Бейли не заметил — они ехали слишком быстро.

Синева, зелень, воздух, шум, движение — а надо всем яростный, безжалостный, устрашающий лик белого светила.

Бейли откинул голову и уставился прямо на солярианское солнце. Глазами, которые сейчас не защищало рассеивающее стекло верхнего яруса Города, он смотрел на обнаженное солнце.

В тот же миг он почувствовал у себя на плечах руки Дэниела. В смятении Бейли лихорадочно твердил себе: надо смотреть! Надо увидеть все, что можно. А Дэниел, похоже, собирался ему помешать.

Но не посмеет же робот остановить человека силой! Эта мысль преобладала над прочими. Дэниел не может помешать ему — и все же руки Дэниела тянут вниз.

Бейли попытался вырваться из стальных объя-

тий и потерял сознание.

Глава третья
Имя произносится

Когда он пришел в себя, он снова был в укрытии, в безопасности. Перед глазами плясало лицо Дэниела, все в черных мушках — а когда Бейли моргал, они становились красными.

— Что случилось? — сказал Бейли.

— Я сожалею, — сказал Дэниел, — что вы пострадали, несмотря на мое присутствие, Прямые лучи солнца вредны для человеческого зрения, но я надеюсь, что короткое облучение, которому вы подверглись, не причинило вам большого вреда и ваше недомогание вскоре пройдет. Когда верх открылся, я был вынужден вернуть вас на место, и вы потеряли сознание.

Бейли скорчил гримасу. Оставалось неясным — то ли он лишился чувств от волнения (или страха), то ли его оглушили. Пощупав челюсть и лоб, Бейли убедился, что боли нет, но воздержался от прямого вопроса — ему как-то не очень хотелось знать правду.

— Это было не так уж и страшно, — сказал он.

— По вашей реакции, партнер Элайдж, я скло-

нен был думать, что вы испытали неприятные ощущения.

— Вовсе нет, — заупрямился Бейли. Мушки перед глазами припадали, и глаза уже не так слезились. — Жаль только, что так мало удалось рассмотреть. Мы слишком быстро едем. Проехали мы робота или мне показалось?

— Мы проехали нескольких роботов. Мы едем по землям Кинбальда, занятым под фруктовые сады.

— Придется попробовать еще раз.

— Пока я рядом, у вас ничего не получится. Кстати, я выполнил ваше распоряжение.

— Распоряжение?

— Если вы помните, партнер Элайдж, перед тем, как приказать водителю опустить верх, вы велели мне узнать у него, сколько миль нам осталось ехать. Десять миль, и мы будем на месте минут через шесть.

Бейли хотел было спросить Дэниела, не сердится ли тот, что партнер перехитрил его — вот бы посмотреть, как это совершенное лицо лишится своего совершенства, — но удержался. Дэниел, конечно, ответит просто «нет», без гнева и раздражения. Останется таким же спокойным и серьезным, как всегда — его безмятежность

ничем не проймешь.

— Все равно мне придется привыкать, Дэниел, — сами знаете.

— К чему относятся ваши слова? — спросил робот.

— Иосафат! Да все к нему же, к свежему воздуху. Из него ведь состоит вся планета.

— Вам не придется выходить на открытый воздух, — сказал Дэниел и, как будто этим было все сказано, продолжал: — Машина замедляет ход, партнер Элайдж. Полагаю, мы прибыли. Теперь нужно будет подождать, пока протянут рукав к помещению, которое будет служить нам штаб-квартирой.

— Не нужно рукава, Дэниел. Если мне придется работать снаружи, незачем откладывать обучение.

— Вам не придется работать снаружи, партнер Элайдж. — Робот хотел продолжить, но Бейли отмахнулся. Он сейчас был не в настроении выслушивать утешения Дэниела и заверения, что все будет хорошо и о нем позаботятся.

Чего ему недоставало, так это искренней убежденности в том, что он сможет сам позаботиться о себе и выполнить свою задачу. Вид и ощущение открытого пространства трудно было вынести.

Может случиться так, что, когда придет время, Бейли не хватит смелости. Ему это будет стоить самоуважения, а Земле — шанса на выживание. И все из-за какого-то пустого пространства.

Бейли стиснул зубы. Снова выйти на воздух, на солнце, в пустоту!

Элайдж Бейли чувствовал себя жителем какого-нибудь небольшого Города, вроде Хельсинки, который приехал в Нью-Йорк и с трепетом считает его горизонты. Со слов Дэниела он успел составить впечатление об ожидавшем его «помещении», однако действительность опрокинула все предположения. Он шел по бесконечным комнатам. Панорамные окна были старательно зашторены, так что внутрь не проникал ни единый отблеск тревожного дневного света. Скрытые светильники бесшумно загорались, когда Бейли с Дэниелом входили в комнату, и так же тихо гасли, когда они выходили.

— До чего много комнат, — удивился Бейли, — до чего много. Прямо как маленький городок, Дэниел.

— Да, может показаться и так, партнер Элайдж, — хладнокровно отвечал робот.

На взгляд землянина, это было странно. Зачем селить его по соседству со столькими космонита-

ми? Он спросил:

— А сколько еще человек будет здесь жить?

— Здесь, конечно, буду жить я — и некоторое количество роботов.

Следовало бы сказать — других роботов, подумал Бейли. Лишний раз подтвердилось, что Дэниел намерен изображать человека — даже когда нет другой публики, кроме Бейли, который слишком хорошо знает правду. Но ему надо было выяснить другое:

— Роботов? А человек сколько?

— Ни одного, партнер Элайдж.

Они только что вошли в комнату, где от пола до потолка тянулись полки с книгофильмами. В трех углах комнаты стояли проекторы с большими вертикальными 24-дюймовыми экранами, в четвертом углу висел киноэкран, Бейли раздраженно спросил:

— Неужели всех выгнали, чтобы я в одиночестве слонялся по этому мавзолею?

— Помещение предназначено для вас одного. Подобные жилища приняты на Солярии повсеместно.

— Тут все так живут?

— Все.

— А зачем им столько комнат?

— Здесь принято посвящать каждую комнату определенной цели. Вот это — библиотека. Имеются также музыкальная комната, гимнастический зал, кухня, кондитерская, столовая, мастерская, различные помещения для ремонта и испытания роботов, две спальни…

— Стоп! Откуда вы это знаете?

— Это входит в массив информации, полученной мною на Авроре.

— Иосафат! Кто же следит за порядком? — Бейли сделал широкий жест рукой.

— Группа домашних роботов. Они приставлены к вам и позаботятся о том, чтобы вам было удобно.

— Но мне не нужно столько, — сказал Бейли. Ему захотелось сесть и больше не двигаться с места. Довольно с него этих комнат.

— Мы можем ограничиться одной комнатой, если пожелаете. Такая возможность предусматривалась заранее. Однако, принимая во внимание солярианские обычаи, сочли разумным все же построить этот дом.

— Построить?! — вытаращил глаза Бейли, — Вы хотите сказать, его построили ради меня одного? Вот это все? Специально?

— Полностью роботизированная экономика…

— Знаю, знаю. А что сделают с домом, когда я уеду?

— Скорее всего, снесут.

Бейли сжал губы. Снесут! Ну конечно. Сначала строят громадное здание для одного-единственного землянина, а потом уничтожают все, к чему он прикасался. Стерилизуют почву, на которой стоял дом! Дезинфицируют воздух, которым дышал землянин! При всем могуществе космонитов и у них есть свои смешные слабости.

То ли Дэниел прочел мысли партнера, то ли правильно истолковал выражение его лица, но он сказал:

— Вам может показаться, партнер Элайдж, что дом будет снесен из-за боязни инфекции. Если так, советую вам воздержаться от отрицательных эмоций по этому поводу. Страх космонитов перед заболеваниями не доходит до такой степени. Постройка дома просто не представляет для них никакой трудности. Не принимаются во внимание и затраты по его сносу. По закону, партнер Элайдж, этот дом просто невозможно сохранить. Он находится в поместье Хенниса Грюера, а в каждом поместье закон допускает только одно жилище, принадлежащее его владельцу. Этот дом выстроен по особому распоряжению, для

особого случая. Он предназначен для нашего проживания в течение определенного времени, пока мы не завершим свою миссию.

— А кто такой Хеннис Грюер?

— Глава солярианской Службы Безопасности. Мы скоро увидимся с ним.

— Скоро? Иосафат, Дэниел. Когда же я узнаю хоть что-нибудь? Я работаю в вакууме, и мне это не нравится. С тем же успехом я мог бы вернуться на Землю. С тем же успехом… — Бейли почувствовал, что впадает в истерику, и вовремя остановился.

Дэниел и бровью не повел — просто ждал, когда будет можно вставить слово.

— Сожалею, что вас это так раздражает. Мои знания о Солярии действительно обширнее ваших, но сведения относительно убийства столь же ограничены, как и у вас. Именно агент Грюер должен сообщить все, что нам следует знать. Таково указание солярианского правительства,

— Тогда отправимся к Грюеру. Далеко ехать? — Бейли содрогнулся от мысли о новой поездке и почувствовал знакомую тяжесть в груди.

— Ехать никуда не придется, партнер Элайдж. Агент Грюер будет нас ждать в переговорной комнате.

— И для переговоров есть комната? — пробурчал себе под нос Бейли. Вслух он спросил: — Он уже ждет нас?

— Должно быть, да.

— Тогда пойдемте, Дэниел!

Хеннис Грюер был лыс — абсолютно лыс. На его гладком черепе отсутствовал хотя бы даже намек на волосы.

Бейли сглотнул и попытался, из вежливости, не пялить глаза на голый череп, но у него не получалось. На Земле существовало определенное мнение о космонитах, внедренное самими же космонитами. Космониты бесспорные властители Галактики; космонит должен быть высоким, с бронзовой кожей и такими же волосами, красивым, сильным, спокойным и аристократичным.

Короче, таким, как Р. Дэниел Оливо, но притом человеком.

Космониты, которых присылали на Землю, так и выглядели — возможно, их отбирали специально.

Но вот перед ним космонит, который вполне мог бы сойти за землянина. Он лыс, и нос у него неправильной формы. Не так чтобы очень, но на лице космонита приметна даже легкая асимметрия.

— Добрый день, сэр, — сказал Бейли. — Извините, если заставили ждать. — Вежливость никогда не повредит — ему ведь работать с этими людьми.

У Бейли мелькнула было мысль пересечь комнату, до смешного громадную, и подать Грюеру руку, но он тут же раздумал. Космониту, конечно, не понравится такое приветствие: пожимать руку, на которой полно земных бактерий!

Грюер сидел настолько далеко от Бейли, насколько было возможно, сунув руки в длинные рукава — пожалуй, и с фильтрами в носу, хотя Бейли их не было видно. Инспектору показалось, что Грюер неодобрительно косится на Дэниела, как бы думая: что за странный космонит, стоит так близко к землянину.

Стало быть, Грюер тоже не знает правды. Но тут Бейли заметил, что Дэниел стоит на некотором расстоянии от него — дальше, чем обычно.

Ну конечно! Излишняя близость насторожила бы Грюера. Дэниел должен вести себя, как человек.

Грюер заговорил приветливо и дружелюбно, но не переставая коситься на Дэниела: то отведет глаза, то снова взглянет.

— Нет-нет, вы подошли как раз вовремя. Добро

пожаловать на Солярию, господа. Вы хорошо устроились

— Да, сэр, вполне, — ответил Бейли. Может быть, этикет требовал, чтобы ответил Дэниел, как «космонит»? Но Бейли тут же с негодованием отверг эту мысль. Иосафат! Следствие поручено ему, а Дэниел — всего лишь помощник. Бейли в данном случае не стал бы играть вторую скрипку и при настоящем космоните, а уж о роботе нечего и говорить — даже если робот такой, как Дэниел.

Но Дэниел и не пытался опередить Бейли, а Грюер не выказал удивления или неодобрения — он просто переключил все внимание на Бейли и сказал:

— Вам ничего не говорили, инспектор Бейли, относительно убийства, для расследования которого потребовалась ваша помощь. И вы, должно быть, в недоумении. — Он встряхнул рукавами, откинув их назад, и сложил руки на коленях. — Пожалуйста, присядьте, господа.

Они сели, и Бейли сказал:

— Да, мы испытываем недоумение. — Он отметил, что Грюер без перчаток.

— Это входило в наши намерения, инспектор, — продолжал Грюер. — Было желательно, чтобы вы прибыли сюда со свежей головой, не

делая предвзятых выводов. Вам тотчас же предоставят отчет о преступлении и о мерах, которые мы сумели предпринять. Боюсь, инспектор, что вы, с вашим опытом, сочтете наши действия до смешного непрофессиональными, У нас на Солярии нет полиции.

— Совсем никакой? — спросил Бейли.

Грюер улыбнулся и пожал плечами.

— Видите ли, у нас и преступности нет. Население очень маленькое и разбросано по всей планете. Нет почвы для преступности — нет и полиции.

— Понятно. Однако преступление все-таки произошло.

— Верно — но это первое тяжкое преступление за последние два века.

— И, к несчастью, именно убийство.

— Да, к несчастью. К тому же убит такой человек, потерять которого было крайне нежелательно. Это исключительно тяжелая утрата для всех нас. В высшей степени зверское убийство.

— Относительно личности убийцы, вероятно, нет никаких предположений? (Иначе зачем было выписывать детектива с Земли?)

Грюер явно чувствовал себя неловко. Он снова покосился на Дэниела, который сидел неподвиж-

но и впитывал информацию, как и полагается мыслящей машине. Бейли знал, что Дэниел может в любое время воспроизвести все, что услышит, с любого места, от начала до конца. Записывающее устройство в человеческом облике.

Знал ли о том Грюер? Решительно, он смотрел на Дэниела как-то странно,

— Нет, я бы не сказал, что убийца неизвестен, — ответил солярианин. — В сущности, только один человек имел возможность совершить убийство.

— Вы уверены? Или хотите сказать, что этот человек *подозревается* в убийстве? — Бейли не доверял голословным утверждениям и неодобрительно относился к кабинетной дедукции, которая сразу приходит к неопровержимому выводу вместо того, чтобы подобрать несколько вариантов.

Но Грюер покачал своей лысой головой.

— Нет. Возможность была только у него. Остальные исключаются. Полностью исключаются.

— Полностью?

— Уверяю вас.

— Тогда в чем же проблема?

— Проблема существует. Тот человек тоже не мог совершить преступления.

— Значит, его никто не совершал, — спокойно

заметил Бейли.

— И все же оно совершилось. Рикэн Дельмар убит.

Уже кое-что, подумал Бейли. Иосафат, наконец-то! У меня есть имя убитого.

Он достал свой блокнот и старательно записал это имя — отчасти из ехидного желания подчеркнуть, что наконец получил хоть какой-то факт, отчасти, чтобы не так бросалось в глаза присутствие рядом записывающей машины, которой нет нужды делать заметки.

— Как оно пишется? — спросил он.

Грюер продиктовал ему по буквам.

— Его профессия, сэр?

— Фетолог.

Бейли записал, решив пока не вдаваться в подробности, и спросил:

— Кто бы мог подробно рассказать мне, как произошло убийство? Желательно, чтобы это был очевидец.

Грюер сумрачно усмехнулся и снова мельком взглянул на Дэниела.

— Обратитесь к вдове убитого, инспектор.

— Вдова?

— Да. Ее зовут Глэдия, — Грюер произнес имя по слогам, сделав ударение на втором.

— У них есть дети? — Не получив ответа, Бейли поднял глаза со своего блокнота. — Дети, сэр?

Грюер брезгливо поджал губы, точно попробовал на вкус что-то мерзкое и его затошнило. Потом процедил:

— Вряд ли я смогу вам ответить.

— То есть как?

Грюер поспешно продолжил:

— Во всяком случае, дело вполне терпит до завтра. Я знаю, что вы проделали трудный путь, господин Бейли, вы устали и, должно быть, проголодались.

Бейли хотел было возразить, но обнаружил, что мысль о еде ему необычайно мила.

— Не хотите ли отобедать с нами? — предложил он Грюеру, не думая, что космонит согласится. А все-таки Грюер в последний раз обратился к нему «господин Бейли», а не «инспектор». Уже кое-что.

Грюер, как и следовало ожидать, ответил:

— К сожалению, у меня деловое свидание, и я вынужден вас покинуть.

Бейли встал. Вежливость требовала проводить Грюера до дверей. Но, во-первых, Элайдж вовсе не горел желанием приближаться к входной двери и к тому, что за ней, а во-вторых, не знал, где эта

самая дверь. Грюер улыбнулся и кивнул ему.

— Мы скоро увидимся. Ваши роботы знают комбинацию, по которой можно связаться со мной.

И пропал.

Бейли вскрикнул. Грюер исчез без следа вместе со стулом, на котором сидел. Стена позади и пол под его ногами мгновенно приняли другой вид.

— Его здесь и не было, — спокойно сказал Дэниел. — Трехмерное изображение. Я думал, вы знаете на Земле они ведь тоже существуют.

— Не такие, — пробормотал Бейли. Трехмерное изображение на Земле заключено в куб силового поля, которое мерцает на окружающем фоне, да и само изображение слегка переливается. На Земле его не спутаешь с реальностью. Но здесь…

Неудивительно, что Грюер был без перчаток. Носовые фильтры ему в таком случае тоже ни к чему.

— Не хотите ли поесть, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

За обедом Бейли ждало испытание. Появились роботы. Один накрывал на стол, другой подавал.

— Сколько их тут, Дэниел? — спросил Бейли.

— Около пятидесяти, партнер Элайдж.

— Им обязательно оставаться здесь, пока мы едим? — Один из роботов пристроился в углу,

обратив к Бейли свою блестящую красноглазую физиономию.

— Один обычно остается на случай, если понадобятся его услуги. Если вам не нравится, достаточно приказать — и он уйдет.

— Да пусть его стоит! — пожал плечами Бейли.

В нормальных условиях он счел бы обед превосходным, но сейчас ел машинально. Он рассеянно отметил, что Дэниел тоже ест, поглощая пищу невозмутимо, но старательно. Потом ему, конечно, придется опорожнить фтористоуглеродный пакет, куда попадает «съеденная» пища, но Дэниел честно играл свою роль.

— Сейчас уже ночь? — спросил Бейли.

— Да, — ответил Дэниел.

Бейли мрачно смотрел на свою кровать. Она была слишком просторной, равно как и спальня. Одеял, в которые можно зарыться, не было — одни простыни. Как-то неуютно.

Неуютно и неудобно! Бейли только что скрепя сердце принял душ в кабинке по соседству со спальней. Это, конечно, верх роскоши, но все же не гигиенично.

— Как выключается свет? — буркнул он. Изголовье кровати мягко светилось, Должно быть, для просмотра книг перед сном, но у Бейли сейчас не

было настроения.

— Он погаснет, как только вы расположитесь ко сну

— Опять роботы?

— Это их работа.

— Иосафат! Эти соляриане хоть что-нибудь делают сами? Как только робот не пришел потереть мне спину, пока я мылся!

Дэниел сказал без тени юмора:

— Он пришел бы, если бы вы позвали. Что до соляриан, то они поступают, как им удобно. Ни один робот не станет делать то, что ему не приказано, если только это не требуется для блага человека.

— Что ж, спокойной ночи, Дэниел.

— Я буду в другой спальне, партнер Элайдж. Если вам что-нибудь понадобится, то в любое время ночи…

— Знаю. Роботы придут.

— На тумбочке есть кнопка вызова. Нажмите ее — и я приду тоже.

Бейли никак не мог заснуть. Он все представлял себе свой новый дом, который едва держится на внешней оболочке планеты, а рядом затаилось гнусное чудище — пустота.

Его земное жилье — уютная, удобная, тесная

квартирка — находилась в скоплении других жилищ. От поверхности Земли его отделяли десятки горизонтов и тысячи людей.

Но ведь даже и на Земле, внушал себе Бейли, люди живут на самом верхнем горизонте, за которым уже воздух. Да! И потому эти квартиры дешевле всех остальных.

Потом он стал думать о Джесси, которая была за тысячу световых лет от него. Бейли страшно хотелось вылезти сейчас из постели, одеться и пойти к ней. Его мысли путались. Вот был бы туннель, хороший, надежный туннель из крепкого камня и стали, отсюда и до Земли, тогда он шел бы и шел по нему…

Шел бы и шел, и пришел обратно на Землю, к Джесси, где так уютно и безопасно…

Безопасно.

Бейли открыл глаза. Дрожа всем телом, он приподнялся на локте, не совсем соображая, что делает.

Безопасность! Хеннис Грюер возглавляет солярианскую Службу Безопасности. Так сказал Дэниел. Что значит «безопасности»? Если то же, что на Земле, а скорее всего так и есть, то этот Грюер отвечает за охрану Солярии от вторжений извне и переворотов изнутри.

Почему он занимается убийством? Только потому, что на Солярии нет полиции и Служба Безопасности, в принципе, лучше всех должна разбираться в подобных делах?

Грюер, похоже, чувствовал себя свободно с Бейли, но то и дело посматривал на Дэниела. Не потому ли, что питал насчет того определенные подозрения? Если Бейли было приказано смотреть в оба, то и Дэниел вполне мог получить такое же задание.

Со стороны Грюера было бы естественно заподозрить их в шпионаже. Это его работа — подозревать шпионов везде, где только можно. Но Бейли он не слишком опасался — Бейли землянин, представитель самого отсталого мира в Галактике.

Другое дело Дэниел, гражданин Авроры — старейшего, самого крупного и развитого из Внешних Миров.

А ведь Грюер не перемолвился с Дэниелом ни словечком, вспомнил Бейли.

Снова все тот же вопрос; почему Дэниел так старательно притворяется человеком? Первоначальное объяснение этого тщеславной гордостью создателей Дэниела теперь казалось Бейли легковесным. Становилось очевидным, что для такого маскарада были причины посерьезнее.

Человек может пользоваться дипломатическим иммунитетом, рассчитывать на определенную учтивость в обращении. Робот не может. Но почему же тогда Аврора не послала сюда настоящего человека, а предпочла сделать отчаянную ставку на подделку? Ответ напрашивался сам собой. Настоящий аврорианец, настоящий космонит никогда не пошел бы на такое тесное и долгое сотрудничество с землянином.

А если все верно, почему Солярия придает этому убийству такое значение, что допустила к себе и землянина, и аврорианца?

Бейли понял, что попал в капкан.

Его держит в капкане доверенное ему дело. Держит опасность, угрожающая Земле. Окружающая среда, которую он с трудом переносит, ответственность, которой он не может пренебречь. И в довершение всего, он попал в гущу какого-то космонитского конфликта, сути которого не понимает.

Глава четвертая
Женщина появляется

Наконец Бейли уснул. Он не помнил, когда это произошло — просто мысли вдруг смешались, а в следующий момент изголовье его кровати уже светилось, и потолок заливал прохладный, подобный дневному, свет. Бейли посмотрел на часы. Прошло несколько часов, и роботы, которые занимались домом, решили, что хозяину пора вставать.

Интересно, проснулся ли Дэниел, подумал Бейли — и упрекнул себя в отсутствии логики. Дэниел ведь не спит. Разве что для полного сходства с человеком имитирует и сон тоже. Переодевается ли он на ночь?

И тут, как по заказу, появился Дэниел.

— Доброе утро, партнер Элайдж. — Он был полностью одет и выглядел вполне отдохнувшим. — Хорошо спали?

— Да, — сухо ответил Бейли, — а вы? — Он встал с постели и отправился в ванную побриться и проделать прочие утренние процедуры. — Если робот придет меня брить, — крикнул он Дэние-

лу, — отошлите его. Они мне действуют на нервы. Даже когда я их не вижу.

Бреясь, он смотрел на себя в зеркало и немного удивлялся тому, что выглядит так же, как на Земле. Вот если бы в зеркале был другой землянин, с которым можно посоветоваться, а не просто его собственное отражение, Бейли передал бы ему то, что удалось узнать, хотя новостей не густо…

— Маловато! Надо узнать побольше, — сказал он зеркалу, надел чистое белье (роботы обо всем позаботились, чтоб им пусто было), вышел, вытирая лицо, и натянул брюки.

— Дэниел, вы можете ответить мне на пару вопросов?

— Как вам известно, партнер Элайдж, я всегда отвечаю на все вопросы по мере своих знаний.

Или по букве инструкции, подумал Бейли и спросил:

— Почему на Солярии всего двадцать тысяч населения?

— Такую цифру, — сказал Дэниел, — получили путем вычислений.

— Да, но вы уходите от ответа. Планета способна вместить миллионы — почему же только двадцать тысяч? Вы сказали, что соляриане считают эту цифру оптимальной. Почему?

— Таков их образ жизни.

— Вы хотите сказать, что они контролируют рождаемость?

— Да.

— И оставляют планету пустовать? — Бейли сам не знал, почему прицепился именно к населению, но это был один из немногих известных ему фактов — больше особенно не о чем было спрашивать,

— Планета не пустует, — ответил Дэниел. — Она поделена на поместья, и каждым управляет один человек.

— Каждый живет в своем поместье? Двадцать тысяч поместий, и в каждом по солярианину?

— Нет, поместий меньше. В них живут также и жены владельцев.

— А городов нет? — Бейли похолодел.

— Ни одного, партнер Элайдж. Они живут совершенно раздельно и никогда не встречаются друг с другом — только в самых чрезвычайных обстоятельствах.

— Они что, отшельники?

— И да и нет.

— Что это значит?

— Агент Грюер посетил вас вчера, пользуясь видеосвязью. Соляриане наносят друг другу визи-

ты именно так и не иначе.

— Это и к нам относится? От нас тоже ожидают подобного поведения?

— Так здесь принято.

— Как же я буду вести следствие? Если я захочу кого-нибудь повидать…

— Вы можете связаться с любым человеком на планете, не выходя из дома, партнер Элайдж, С этим не будет никаких проблем. Не придется беспокоить себя и покидать помещение. Потому я и говорил по прибытии сюда, что вам нет необходимости привыкать к открытому пространству. И это к лучшему. Иной порядок вещей был бы для вас крайне неудобен.

— Я сам буду судить, что мне удобно, а что нет, — сказал Бейли. — Сегодня первым делом, Дэниел, я свяжусь с Глэдией, вдовой убитого. И если видеоконтакта будет недостаточно, поеду к ней лично. Мне решать.

— Посмотрим, что окажется наиболее приемлемым и осуществимым, — уклончиво сказал Дэниел. — Пойду распоряжусь насчет завтрака.

Глядя в широкую спину робота, Бейли про себя посмеялся. Дэниел Оливо разыгрывает командира. Но если ему велено не давать Бейли узнать больше, чем абсолютно необходимо, то у Бейли

тоже есть свой козырь.

Его партнер — всего лишь Р. Дэниел Оливо. Все, что нужно, — это сказать Грюеру или кому-нибудь еще, что Дэниел робот, а не человек.

А с другой стороны, легенда Дэниела тоже может пригодиться. Козырь не обязательно предъявлять сразу. Иногда он ценнее, когда в рукаве. Поживем — увидим, подумал Бейли и пошел вслед за Дэниелом в столовую.

— Как здесь вызывают на видеосвязь? — спросил инспектор.

— Сейчас устроим, партнер Элайдж, — ответил Дэниел и нажал одну из клавиш вызова. Тут же вошел робот.

И откуда они берутся, подумал Бейли. Когда бродишь по этому безлюдному лабиринту, называемому домом, ни одного робота не видно. Что они, прячутся, когда приближаются люди? Подают друг другу сигнал и убираются с дороги?

А по вызову являются без промедления.

Бейли присмотрелся к вошедшему роботу. Он был гладкий, но не блестящий, а матовый, серого цвета, и только на правом плече выделялось цветовое пятно — маркировка в виде шахматной доски. Белые и желтые клетки (точнее, золотые и серебряные, так блестел металл) располагались

то ли в определенном, то ли в. произвольном порядке.

— Проводи нас в переговорную, — сказал ему Дэниел.

Робот молча поклонился и хотел идти.

— Погоди, бой, — сказал Бейли. — Как тебя зовут? Робот повернулся к Бейли лицом и четко произнес:

— У меня нет имени, господин. Мой серийный номер, — робот указал металлическим пальцем себе на плечо, — АСХ-2745.

Дэниел и Бейли последовали за ним в большую комнату, которую Бейли узнал — вчера здесь сидел на стуле Грюер. Там их ждал другой робот — с бесконечным терпением машины, не знающей, что такое скука. Первый робот поклонился и ушел.

Пока он откланивался, Бейли сравнивал наплечные знаки обоих роботов. Золотые и серебряные квадратики на них располагались по-разному. Шесть на шесть квадратов, составляющих шахматную доску, дают 2*36* различных комбинаций, то есть 70 миллиардов. Более чем достаточно.

— Видно, на все есть свой робот, — сказал Бейли. — Один провожает сюда, другой отвечает

за связь.

— У солярианских роботов очень узкая специализация, партнер Элайдж.

— Понятно почему, раз их так много. — Второй робот, если не считать наплечного знака и каких-то позитронных различий в пористом платино-иридиевом мозгу, был близнецом первого. Бейли спросил его:

— Твой серийный номер?

— АСС-1129, господин.

— Я буду звать тебя просто бой. Я хочу поговорить госпожой Глэдией Дельмар, вдовой Рикэна Дельмара. Дэниел, как узнать ее адрес, чтобы легче было найти?

— Не думаю, что нужна еще какая-то информация, — мягко ответил Дэниел. — Если позволите, я спрошу робота…

— Лучше я сам. Итак, бой, ты знаешь, как вызвать эту даму?

— Да, господин. У меня есть номера всех господ. — Робот не вкладывал гордости в свой ответ — он просто констатировал факт, как если бы сказал: «Я сделан из металла, господин».

— Неудивительно, партнер Элайдж, — вставил Дэниел. — В память следует заложить всего около десяти тысяч номеров, а это немного.

Бейли кивнул.

— А другой Глэдии Дельмар, случайно, нет? Как бы не ошибиться.

— Господин? — недоуменно переспросил робот.

— Я думаю, робот не понял вашего вопроса, — сказал Дэниел, — Мне кажется, на Солярии не встречаются одинаковые имена. Они регистрируются при рождении, и человеку не дают имени, которое в данное время занято другим.

— Что ж — век живи, век учись, — сказал Бейли. — Тогда, бой, скажи мне, что надо делать — дай номер, или как там это называется, и можешь идти.

После заметной паузы робот спросил:

— Господин сам желает произвести вызов?

— Ну да.

Дэниел легонько тронул Бейли за рукав.

— Одну минуту, партнер Элайдж.

— Ну что еще?

— Мне кажется, роботу будет проще. Это его специализация.

— Уж конечно, у него это получится лучше, чем у меня, — буркнул Бейли. — Я могу и напутать. И все же, — Бейли твердо посмотрел на непроницаемого Дэниела, — я предпочитаю сделать вызов

сам. Я здесь приказываю или нет?

— Приказываете вы, партнер Элайдж, и ваши приказы будут выполняться, если позволит Первый Закон. И все же, с вашего разрешения, я хотел бы поделиться с вами тем, что мне известно о солярианских роботах. Роботы здесь специализированы более узко, чем в других мирах. И хотя физически солярианский робот способен на многое, умственно он пригоден для работ того или иного типа. Работа за пределами его специальности требует повышения потенциала, то есть прямой ссылки на один из Трех Законов. И наоборот — невыполнение работы по своей специальности для робота также невозможно без прямой ссылки на один из Законов.

— Ну хорошо — ведь мой прямой приказ приводит в действие Второй Закон, так или нет?

— Верно. Но сопутствующее повышение потенциала вызывает у робота «неприятные ощущения». Это редкий случай; соляриане почти никогда не вмешиваются в повседневную деятельность роботов. Во-первых, никто не захочет исполнять обязанности робота, во-вторых, в этом нет необходимости.

— Вы что, Дэниел, хотите сказать, что робот обижается, если я делаю работу за него?

— Как вам известно, партнер Элайдж, понятие «обида» в том смысле, какой вкладывают в него люди, к роботу неприменимо.

— Что же тогда?

— Насколько я могу судить, то, что испытывает при этом робот, так же отрицательно действует на него, как обида на человека.

— Но я-то не солярианин. Я землянин и не люблю, когда роботы делают что-то за меня.

— Я рекомендовал бы вам принять во внимание, что такое отношение к роботам может быть расценено нашими хозяевами как неуважение, поскольку в подобном обществе должны существовать более или менее твердые установки на то, как следует обращаться с роботами и как не следует. Если мы будем обижать наших хозяев, вряд ли это облегчит нашу задачу.

— Ладно, — сказал Бейли. — Пусть робот делает свое дело.

Хотя он уступил, инцидент принес определенную пользу. Поучительно было узнать, до чего бессовестно роботизировано общество. Если уж роботы существуют, от них так просто не отделаешься, и человек, пожелавший избавиться от них хотя бы на время, обнаруживает, что это ему не удастся.

Прикрыв глаза, Бейли смотрел, как робот идет к стене. Пусть социологи на Земле разбираются и делают свои выводы. Он тоже кое-что выяснил — для себя.

Половина стены скользнула вбок, и открылась контрольная панель, которая была бы впору электростанции обширного городского сектора.

Бейли страдал по своей трубке. Его предупредили, что курение на Солярии — вопиющее нарушение приличий, и даже не позволили взять трубку с собой. Бейли вздохнул. Иногда бывает так приятно стиснуть в зубах чубук и ощутить в руке теплую чашечку.

Робот орудовал быстро, ловко переключая различные реле и подбирая нужные силовые поля.

— Сначала абонента запрашивают, будет ли он отвечать на вызов, — объяснил Дэниел. — Ответ, разумеется, принимает робот. Если абонент на месте и согласен ответить, устанавливается двусторонняя связь.

— Зачем нужна такая сложная техника? Ведь большей частью панели робот совсем не пользуется.

— Я не располагаю полной информацией, партнер Элайдж. Но иногда проводятся групповые сеансы, иногда — сеансы в движении. Эти виды

связи требуют усложненных операций, особенно последний.

— Господа, согласие на сеанс получено, — объявил робот, — Можно начинать, когда вы будете готовы.

— Мы готовы, — проворчал Бейли, и не успел он договорить, как дальняя часть комнаты осветилась. Дэниел спохватился:

— Я забыл предупредить робота, чтобы он затенил изображение открытого пространства, Очень сожалею. Я должен…

— Ничего, — содрогнувшись, сказал Бейли. — Выдержу. Не вмешивайтесь.

Перед ним была ванная, по крайней мере, он так решил. В одном углу помещался, насколько он мог судить, маленький косметический кабинет, и Бейли представил себе, как робот или роботы своими точными движениями создают прическу и макияж, в которых хозяйке не стыдно показаться на люди.

Назначения некоторых предметов он просто не знал — бесполезно было и угадывать. Облицовка стен складывалась в искусный узор, обманывающий глаз, — казалось, что там изображено нечто реальное, но потом становилось ясно, что это только абстракция. Эффект был успокаивающий

и почти гипнотический — так поглощала внимание роспись.

Просторную душевую кабину — Бейли рассудил, что видит именно ее — заслоняла какая-то преграда, но не материальная, — скорее то был видеоэффект: мерцающая непрозрачная стена. В поле зрения никого не было.

Бейли посмотрел на пол: определить, где кончается его комната и начинается другая, было нетрудно, поскольку ясно виднелась черта, за которой менялось освещение. Бейли подошел к этой черте и, на миг замявшись, сунул за нее руку.

Он ничего не почувствовал — как будто опустил руку в одну из несовершенных земных голограмм. Но там он продолжал бы видеть ладонь — может быть, нечетко, с наложившимся на нее изображением, но видел бы, — а здесь она исчезла, точно кисть обрезали по запястье.

А если шагнуть за черту? Наверное, там вообще ничего не видно — сплошная чернота. Мысль о таком надежном укрытии почти радовала.

Но тут послышался голос, Бейли посмотрел вверх и неуклюже отскочил.

Говорила, надо полагать, Глэдия Дельмар. Верхняя часть мерцающей преграды исчезла, и

показалась голова. Голова улыбнулась Бейли.

— Я говорю — здравствуйте, извините, что заставила вас ждать. Я скоро высохну.

У нее было вытянутое лицо, довольно широкое в скулах, которые выступали, когда она улыбалась, И плавно сужавшееся к полным губам и маленькому подбородку. Голова была невысоко от пола — Бейли определил, что рост женщины примерно пять футов два дюйма. Это было нетипично, по крайней мере, на взгляд Бейли — космонитке полагалось быть высокой и статной. И волосы у нее не отливали бронзой — светло-каштановые с желтизной, средней длины. Сейчас они развевались — должно быть, под струей теплого воздуха. Картина получалась весьма приятная.

— Если хотите, мы прервем сеанс и подождем, пока вы… — смутился Бейли.

— Нет-нет. Я почти закончила, и мы вполне можем поговорить. Хеннис Грюер говорил мне, что вы собираетесь меня повидать. Вы ведь прилетели с Земли? — Она буквально пожирала его глазами.

Бейли кивнул и сел.

— А мой партнер — с Авроры.

Она улыбнулась и продолжала смотреть на

Бейли, будто диковинкой был именно он — впрочем, так и есть, подумал Бейли. Подняв руки, она пропускала волосы между пальцев — наверное, чтобы скорей высушить. Руки у нее были тонкие и изящные. Очень привлекательная женщина, подумал Бейли.

Потом в смущении решил, что Джесси бы это не понравилось.

— Нельзя ли, госпожа Дельмар, — заговорил Дэниел, — завесить или поляризовать окно, которое мы видим? Моего партнера беспокоит дневной свет. Возможно, вы слышали, что на Земле…

Молодая женщина (на взгляд Бейли, ей было лет двадцать пять, однако, вздохнул он, наружность космонитов весьма обманчива) приложила ладони к щекам и воскликнула:

— Ну конечно же! Я знаю. Как смешно и глупо с моей стороны. Простите меня — я сейчас, одну минутку. Здесь рядом робот… — Она вышла из сушилки, чтобы нажать кнопку вызова, продолжая рассуждать: — Я всегда говорила, что в комнате должно быть несколько кнопок. Что это за дом, в котором нельзя достать до кнопки с любого места — она должна быть хотя бы футах в пяти. Просто… В чем дело?

Она уставилась на Бейли, который вскочил, опрокинул свой стул, покраснел до корней волос и поспешно вернулся.

— Не могли бы вы, госпожа Дельмар, — спокойно сказал Дэниел, — вернуться в кабину, когда вызовете робота? Или надеть что-либо на себя, если вам не трудно?

Глэдия удивленно оглядела свою наготу и сказала:

— Ах да, конечно.

Глава пятая
Показания даются

— Ведь это только видеосеанс, понимаете? — с раскаянием говорила Глэдия. Она завернулась в покрывало, оставив открытыми руки и плечи. Одна нога виднелась до половины бедра, но Бейли, который полностью оправился и чувствовал себя полнейшим дураком, стоически переносил это зрелище.

— Все дело в неожиданности, госпожа Дельмар, — сказал он.

— Пожалуйста, зовите меня Глэдия, если это не противоречит вашим обычаям.

— Хорошо, Глэдия. Ничего страшного не случилось. Хочу вас заверить, что ничего отталкивающего в этом не было, понимаете? Просто неожиданно. — Мало того, что я свалял дурака, думал он, так бедная девочка еще сочтет, что на нее смотреть противно. Хотя как раз… как раз…

Он не стал додумывать до конца, но твердо понял, что никогда не сможет рассказать об этом Джесси.

— Я знаю, что оскорбила вас, — сказала Гл-

эдия, — но поверьте, не нарочно, Просто я не подумала. Конечно, я знаю, что надо уважать чужие обычаи, но они бывают такие странные. То есть не то чтобы странные, — торопливо поправилась она, — просто не такие, как у нас и так легко забываются. Например, я забыла затемнить окна.

— Ничего, ничего, — пробормотал Бейли. Глэдия перешла теперь в другую комнату, где все окна были завешены и свет стал иным — более мягким, искусственным.

— Что касается другой моей оплошности, — серьезно продолжала она, — это ведь только видеосеанс, поймите. Вы же не возражали против разговора, когда я была в сушилке и на мне все равно ничего не было.

— Видите ли, — сказал Бейли, желая, чтобы она оставила наконец эту тему, — слышать вас — одно, а видеть — другое.

— Но в том-то и дело. Вы же не меня видите. — Она слегка покраснела и потупила глаза. — Надеюсь, вы не думаете, что я была бы способна вот так выйти из сушилки, если бы кто-то на меня *смотрел.* А по видео…

— Какая же разница?

— Громадная. Вот вы сейчас смотрите на мое

изображение. Вы не можете коснуться меня, не чувствуете моего запаха. Будь вы здесь — тогда конечно, а так я по меньшей мере в двухстах милях от вас. Понимаете?

— Но видеть-то я вас вижу, — возразил Бейли.

— Нет, не меня. Мое изображение. По видео.

— Ну и что?

— В том-то и состоит разница.

— Понял, — сказал Бейли и не солгал. Эту разницу трудно уловить сразу, но своя логика в ней есть.

— В самом деле поняли? — чуть склонив голову набок, спросила Глэдия.

— Да.

— Значит, не будете возражать, если я сниму с себя покрывало? — улыбнулась она.

Дразнится, подумал Бейли — надо бы поймать ее на слове. Но вслух сказал:

— Не отвлекайте меня от работы. Обсудим в другой раз.

— А ничего, что я сижу в нем, или мне одеться более официально? Я серьезно.

— Нет-нет, не надо.

— Можно мне тоже звать вас по имени?

— Если представится случай.

— Как вас зовут?

— Элайдж.

— Хорошо, — Она поудобнее устроилась на стуле, который выглядел твердым и был сделан из какого-то керамического материала, но принимал форму тела Глэдии, как бы обнимая ее.

— Перейдем к делу, — сказал Бейли.

— К делу, — повторила она.

Перейти к делу оказалось невероятно трудно. Бейли не знал даже, с чего начать. На Земле он спросил бы имя, фамилию, класс, Город и сектор проживания — задал бы миллион стандартных вопросов. Ответы он мог при этом и знать, но такое вступление облегчало переход к более серьезной фазе. Так он знакомился с человеком, определяя свою дальнейшую тактику, чтобы не действовать наобум.

Но разве здесь можно хоть на что-то опереться? Даже глагол «видеть» здесь не имеет однозначного смысла, и кто знает, скольких слов это еще касается? Как часто они с Глэдией не будут понимать друг друга, сами о том не ведая?

— Вы давно замужем, Глэдия? — спросил он.

— Десять лет, Элайдж.

— Сколько вам лет?

— Тридцать три.

Бейли почувствовал смутное удовлетворение,

Ей вполне могло быть все сто тридцать три.

— Ваш брак был счастливым? — продолжал он.

— Что вы имеете в виду? — смутилась Глэдия.

Бейли растерялся, Как определить, что такое счастливый брак? И что понимают под счастливым браком соляриане?

— Ну, например… вы часто встречались?

— Что? Хочу надеяться, что нет. Мы не животные, знаете ли.

Бейли вздрогнул.

— Но вы ведь жили в одном доме? Я думал…

— Разумеется, раз мы были женаты. Но у меня свои комнаты, а у него — свои. Он занимался очень важным делом, которое поглощало почти все его время, у меня — своя работа. Мы общались по видео, когда было нужно.

Но вы ведь *виделись*, верно?

— Об этом, как правило, не говорят. Хорошо, мы виделись.

— Есть ли у вас дети?

Глэдия с негодованием вскочила на ноги.

— Это уж слишком. Что за неприличные…

— Ну-ка спокойно. Спокойно! — Бейли стукнул кулаком по ручке кресла. — Не создавайте мне трудностей. Я расследую убийство, понятно вам?

Убийство. Убит ваш муж. Хотите вы, чтобы убийца был обнаружен и понес наказание, или нет?

— Вот и спрашивайте про убийство, а не про…

— Мне приходится задавать самые разные вопросы. Вот, например, я хотел бы знать, принесла вам горе смерть мужа или нет. — И добавил с намеренной грубостью: — Глядя на вас, этого не скажешь.

— Я жалею обо всех, кто умирает, — надменно ответила она, — особенно если человек молод и представляет ценность для общества.

— А то, что он был вашим мужем, не влияет на ваши чувства?

— Он был назначен мне, и мы… да, мы встречались по графику… и… — быстро проговорила она, — если уж вам так нужно знать, у нас не было детей, поскольку их нам еще не предписывали. Не могу понять, какое все это имеет отношение к сожалению о смерти человека.

Может, и не имеет, подумал Бейли. Это зависит от нравов и обычаев, а их-то он и не знает. Он сменил тему.

— Мне говорили, вы можете рассказать, как произошло убийство.

Она вдруг вся напряглась.

— Я нашла тело — так это называется?

— Значит, самого убийства вы не видели?

— О нет, — выдавила она.

— Ну хорошо, расскажите мне, как вы его нашли. Не спешите, рассказывайте своими словами. — Он откинулся на стуле и приготовился слушать.

— На тридцать второй пятой… — начала она.

— Сколько это по стандартному времени? — быстро спросил Бейли.

— Не могу сказать. В самом деле не знаю. Вы сможете выяснить потом.

Голос у нее дрожал, и глаза широко раскрылись. Слишком серые, чтобы назвать их голубыми, решил Бейли.

— Он пришел ко мне, — продолжала Глэдия. — Это был наш день по графику, и я знала, что он придет.

— Он всегда приходил в назначенные дни?

— О да. Он был очень сознательный человек, истинный солярианин. Никогда не пропускал назначенных дней и всегда приходил в одно и то лее время. Подолгу он, разумеется, не оставался, Нам не предписывали де… — Она никак не могла выговорить это слово: и Бейли кивнул. — Как я уже сказала, он всегда приходил в определенное время, чтобы не создавать неудобства. Мы немно-

го разговаривали. Эти встречи — сущее мучение, но ему никогда не изменял такт, — такой был человек. Потом он уходил, чтобы поработать над каким-то своим проектом — не знаю, каким именно. На моей половине у него была специальная лаборатория, где он мог работать в назначенные дни. Была у него, разумеется, и своя лаборатория, гораздо больше этой.

Чем же он занимался в своей лаборатории, подумал Бейли? Скорее всего, фетологией, что бы это ни означало,

— Он не показался вам каким-то необычным? Взволнованным?

— Нет. Нет. Он никогда не волновался, — Она подавила смешок. — Всегда полностью владел собой, как ваш друг. — Она указала на Дэниела, который при этом не шелохнулся.

— Понимаю, Продолжайте, пожалуйста.

— Вы не возражаете, если я немного выпью? — прошептала Глэдия.

— Сделайте одолжение.

Глэдия слегка нажала на подлокотник. Не прошло и минуты, как вошел молчаливый робот и подал ей какой-то теплый напиток (Бейли было видно, как он дымится). Глэдия пригубила его и отставила.

— Вот так будет лучше. А можно задать вам нескромный вопрос?

— Спрашивайте что хотите.

— Знаете, я ведь много читала о Земле. Меня она всегда интересовала. Такой странный мир… извините, я не то хотела сказать.

— Любой мир кажется странным людям, которые в нем не живут, — чуть нахмурился Бейли.

— Вы совсем другие. Я хотела задать вам один вопрос… надеюсь, что вам, как землянину, он не покажется грубым… Солярианяна я никогда бы о таком не спросила. Ни за что.

— Спрашивайте, Глэдия.

— Вот вы и ваш друг — господин Оливо, да?

— Да.

— Это ведь не видео?

— То есть?

— Я говорю о вас двоих. Вы ведь находитесь в одной комнате?

— Да, мы оба здесь.

— И вы могли бы дотронуться до него, если бы захотели.

— Мог бы.

— О-о. — Она окинула их взглядом, в котором читалось — что? Отвращение? Возмущение?

Бейли пришло в голову: а что, если встать,

подойти к Дэниелу и отвесить ему оплеуху? Интересно, как бы она реагировала?

— Вы хотели рассказать о событиях того дня, когда муж пришел навестить вас. — Бейли был уверен, что отступление от темы, сколь оно ни интересно, все же было вызвано именно нежеланием рассказывать дальше.

Глэдия снова пригубила свой напиток.

— Тут особенно нечего рассказывать. Я видела, что он собирается уйти, и знала заранее, что так будет — он всегда занимался какой-нибудь творческой работой. Поэтому я вернулась к своим занятиям. А минут пятнадцать спустя услышала крик.

Она замолчала, и Бейли поторопил ее:

— Какой крик?

— Кричал Рикэн. Мой муж. Слов никаких не было, просто крик — испуганный. Нет! Скорее удивленный, выражающий потрясение. Я раньше никогда не слышала, чтобы он кричал.

Она приложила ладони к ушам, как будто крик все еще звучал в них, и ее покрывало соскользнуло вниз, обнажив тело до талии. Она этого не заметила, а Бейли уставился в блокнот.

— И что вы тогда сделали? — спросил он.

— Побежала. Я не знала, где он…

— Но вы, кажется, сказали, что он пошел в лабораторию на вашей половине.

— Да, Элайдж, но я не знала, где лаборатория. Неточно знала. Я никогда не бывала там — это было его хозяйство. Знала примерно, что она где-то в западном крыле, и так растерялась, что даже не догадалась позвать робота — он бы меня сразу провел туда, но без зова, конечно, ни один прийти не мог. Когда я все-таки добралась туда — нашла кое-как, — Рикэн был мертв.

К сильнейшему замешательству Бейли, она понурила голову и заплакала, ничуть не стесняясь, — просто зажмурилась, а по щекам медленно потекли слезы. Глэдия плакала беззвучно, только плечи немного дрожали.

Потом она открыла глаза и посмотрела на Бейли, не утирая слез.

— Я никогда раньше не видела мертвых. Он был весь в крови, а его голова… Я сумела вызвать робота, он вызвал других, и они, наверно, позаботились обо мне и о Рикэне — я ничего не помню.

— Что значит — позаботились о Рикэне?

— Унесли его и убрали комнату. — В ее голосе прозвучало негодование хозяйки, отвечающей за порядок в доме, — Комната была в ужасном состоянии.

— А что сделали с телом?

— Не знаю — сожгли, должно быть, как всякое мертвое тело.

— Вы не вызывали полицию?

Она ответила непонимающим взглядом, и Бейли вспомнил, что полиции-то нет.

— Но к кому-то ведь вы обращались. Иначе как об этом узнали?

Роботы вызвали доктора, А мне пришлось позвонить Рикэну на работу — сообщить его роботам, что он не вернется.

— Доктора вызвали к вам, не так ли?

Глэдия кивнула и, видимо, только сейчас заметила, что покрывало сползло ей на бедра. Она поправила его, пробормотав с несчастным видом:

— Извините. Извините.

Бейли неловко было смотреть, как она сидит там такая беспомощная, дрожащая, с лицом, искаженным ужасом недавнего воспоминания.

Она никогда раньше не видела мертвых. Не видела крови и проломленных черепов. Пусть супружеские отношения на Солярии довольно прохладны, ей все-таки пришлось столкнуться со смертью человека.

Бейли сам не знал, что надо говорить или делать

дальше. Ему хотелось извиниться и отпустить ее — но ведь он полицейский при исполнении служебных обязанностей.

С другой стороны, в этом мире нет полиции. Понимает ли она, что входит в его обязанности?

Медленно и со всей доступной ему мягкостью он спросил:

— Глэдия, вы ничего больше не слышали? Ничего, кроме крика вашего мужа?

Она подняла глаза, все такая же красивая, несмотря на слезы — а может быть, даже красивее — и сказала:

— Ничего.

— Никто не убегал? Не было других голосов?

— Нет, я ничего не слышала.

— Когда вы нашли тело мужа, он был совершенно один? Присутствовали только вы двое?

— Да.

— Никаких следов чужого присутствия?

— Я не заметила. Там в любом случае не могло никого быть.

— Почему вы так думаете?

Вопрос ее, видимо, шокировал, потом она сказала уныло:

— Я все забываю, что вы с Земли, Там не могло никого быть. Мой муж не виделся ни с кем, кроме

меня, с самого детства. Рикэн был не тот человек, чтобы с кем-то встречаться. Он очень строго соблюдал все правила.

— Может быть, это произошло помимо его воли. Ведь мог же кто-то явиться без приглашения, без ведома вашего мужа? И он вынужден был встретиться с этим человеком, как бы строго ни соблюдал правила.

— Он тут же вызвал бы роботов и приказал им прогнать пришельца. Он бы обязательно так поступил! Да никто бы и не стал являться к мужу без приглашения. У меня это просто в голове не укладывается. Рикэн никого бы к себе не пригласил — смешно далее думать об этом.

— Ваш муж убит ударом по голове, правда? — мягко спросил Бейли. — Вы ведь не станете этого отрицать.

— Кажется, да, Он был весь…

— Не будем вдаваться в подробности. Было ли в комнате какое-либо механическое устройство, которым можно было разбить ему голову с помощью дистанционного управления?

— Конечно, нет. Я, по крайней мере, не видела.

— Думаю, вы бы заметили, будь там что-нибудь подобное. Отсюда следует, что существовала рука, а в ней имелся предмет, способный сокрушить

мужской череп — и эта рука опустилась. Значит, кто-то должен был находиться в четырех футах от вашего мужа. И кто-то все-таки его посетил.

— Никто не мог этого сделать, — серьезно сказала Глэдия. — Ни один солярианин.

— Солярианин, способный на убийство, не остановился бы и перед личным визитом, вам не кажется?

Впрочем, как сказать, подумал про себя Бейли. На Земле он знал одного хладнокровного убийцу, которого схватили только потому, что он не смог нарушить неписаный закон, требующий соблюдения полной тишины в общественном туалете.

— Вы не понимаете, — покачала головой Глэдия. — Для землян личное общение в порядке вещей, поэтому вам не понять... — Похоже, ее разбирало любопытство — даже глаза немного оживились. — Вам ведь это кажется вполне нормальным, правда?

— Я всегда воспринимал такое общение как должное.

— И оно вас не беспокоит?

— Нет, с чего бы?

— В фильмах этого не показывают, а я всегда хотела знать... ничего, если я спрошу?

— Спрашивайте, — флегматично ответил Бей-

ли.

— Вам назначена жена?

— Я женат. Назначениями у нас не занимаются.

— И вы встречаетесь с женой, когда хотите, и не видите в том ничего особенного?

Бейли кивнул.

— А вот когда вместе, если вы захотите… — она приподняла руки в локтях, словно подыскивала нужные слова. — Вы можете… в любое время… — она не решалась, а Бейли не делал попытки ей помочь. — Да нет, ничего. И зачем только я пристаю к вам? Вы все узнали, что хотели? — Вид у нее был такой, будто она вот-вот расплачется снова.

— Еще одно, Глэдия. Забудьте, что никто не мог посетить вашего мужа. Предположим, кто-то все-таки его посетил. Кто это мог быть?

— Угадывать бесполезно. Никто.

— Нет, вы не правы. Агент Грюер говорил, что они кого-то подозревают. Значит, кто-то должен быть.

Глэдия невесело улыбнулась уголком рта.

— Я знаю, кого он имеет в виду.

— Да? Кого же?

Она приложила свою маленькую руку к груди.

— Меня.

Глава шестая
Гипотеза отвергается

— Я бы сказал, партнер Элайдж, — заговорил вдруг Дэниел, — что подобный вывод напрашивается сам собой.

— Почему? — удивленно спросил Бейли.

— Дама утверждает, — сказал Дэниел, — что была единственной, с кем встречался или согласился бы встретиться ее муж. Солярианские нравы не допускают иной вероятности. Агент Грюер должен был прийти к разумному и даже неизбежному выводу, что солярианин мог встречаться только со своей женой. А если рядом мог находиться лишь один человек, только он способен нанести удар и только он — вернее, она — могла быть убийцей. Агент Грюер, как вы помните, сказал, что у него на примете один-единственный человек. Другой возможности он не видел. Итак?

— Он сказал также, — заметил Бейли. — что тот человек тоже не мог этого сделать.

— Он, должно быть, подразумевал, что на месте преступления не нашли орудия убийства. Воз-

можно, госпожа Дельмар могла бы разрешить эту загадку? — Дэниел учтиво обернулся к Глэдии, которая все еще сидела в кадре, опустив глаза и плотно сжав губки.

Иосафат, подумал Бейли, про леди-то мы и позабыли — а все потому, что я не в себе. Его выводил из терпения Дэниел, подходивший ко всему без эмоций, и будоражил собственные чувства. Бейли не стал углубляться в свои ощущения и сказал:

— На сегодня все, Глэдия. Как там у вас прекращайся связь? До свидания.

— Обычно говорят «сеанс окончен», но «до свидания» мне нравится больше. Вы, кажется, огорчены, Элайдж. Не надо — я уже привыкла к тому, что все считают, будто преступление совершила я, так что не огорчайтесь.

— А вы не совершали его, Глэдия?

— Нет, — сердито ответила она.

— В таком случае, до свидания.

Сердитая Глэдия исчезла, но Бейли некоторое время чувствовал на себе взгляд ее необыкновенных серых глаз. Хотя она и сказала, что привыкла к разговорам, то была явная ложь — ее гнев говорил об этом яснее всяких слов. Интересно, на какую еще ложь она способна?

Оставшись наедине с Дэниелом, Бейли сказал:

— Дэниел, не такой уж я дурак.

— Никогда не считал вас дураком, партнер Элайдж.

— Тогда скажите — с чего вы взяли, что на месте преступления не нашли оружия? Таких показаний никто не давал — я не слышал ничего, что позволило бы прийти к такому выводу,

— Вы правы. Я получил дополнительную информацию, которая вам пока неизвестна.

— Я так и знал. Что за информация?

— Агент Грюер сказал, что пришлет нам отчет о расследовании. Этот отчет у меня — он прибыл утром.

— Почему вы не показали его мне?

— Я посчитал, что ваше расследование будет более продуктивным, если вы, хотя бы на первых порах, будете вести его по своему усмотрению, не опираясь на выводы других, которые, по собственному их признанию, не достигли удовлетворительных результатов. Я сознавал, что на мой собственный логический процесс упомянутые выводы повлияли, отчего и не принимал участия в разговоре.

Логический процесс! Бейли неожиданно припомнил свою беседу с одним роботехником — тот сказал, что робот руководствуется логикой, но не

здравым смыслом.

— Однако под конец вы включились, — заметил он

— Да, партнер Элайдж, но только потому, что получил информацию, подтверждающую подозрения агента Грюера,

— Какую именно?

— Она была заложена в поведении госпожи Дельмар.

— Уточните, пожалуйста, Дэниел.

— Согласитесь: если бы эта дама была виновна и пыталась обелить себя, она прежде всего постаралась бы убедить в своей невиновности следователя.

— И что же?

— Если бы она смогла сыграть на слабостях следователя, она бы сделала это, не так ли?

— Весьма гипотетично.

— Вовсе нет, — спокойно возразил Дэниел. — Думаю, вы заметили, что она полностью сосредоточилась на вас.

— Потому что говорил с ней я.

— Она обращалась к вам одному в самом начале встречи, когда еще не догадывалась, что говорить с ней будете вы. По логике, она скорее могла бы ожидать, что следствие буду вести я, аврорианец.

И все же обращалась к вам.

— Что же отсюда следует?

— То, что сна возложила свои надежды на вас, как на землянина, партнер Элайдж.

— Почему на меня?

— Она изучила все, что касается Земли — сама несколько раз упомянула об этом. Она знала, о чем я говорю, когда я попросил закрыть источники дневного освещения в начале нашей беседы. Не выказала удивления или непонимания, какие вполне пристали человеку, незнакомому с земными обычаями.

— Ну-ну?

Если она интересовалась Землей, разумно предположить, что ей известна одна из слабостей землян. Она не могла не знать, что обнаженное тело на Земле — табу, не могла не понимать, как подействует подобное зрелище на землянина.

— Она объяснила, что это видеосеанс…

— Да, объяснила. И вы считаете ее объяснение Убедительным? Дважды она показалась в таком виде, который вы должны были счесть неприличным…

— По-вашему, она пыталась меня соблазнить?

— Отвлечь вас от роли объективного следователя. Мне так показалось. И хотя я не могу

реагировать на подобные стимулы, как человек, но по своим инструкциям могу судить, что дама вполне соответствует любым стандартам физической привлекательности. Более того, по вашему поведению я заключил, что вы это понимаете и ее наружность вам приятна. Я сказал бы даже, что госпожа Дельмар действовала верно, если хотела расположить вас в свою пользу.

— Послушайте, — смутился Бейли, — какое бы впечатление она на меня ни произвела, я остаюсь офицером полиции, полностью соблюдающим профессиональную этику. Учтите это. А теперь давайте посмотрим отчет.

Бейли молча прочел отчет, затем вернулся к началу и перечитал с первой строчки.

— Появляется новая деталь, — сказал он. — Робот.

Дэниел кивнул.

— Она не упомянула о нем, — задумчиво заметил Бейли.

— Вы неверно поставили вопрос. Вы спросили ее: была ли она одна, когда обнаружила тело. Вы спросили, не присутствовал ли еще кто-нибудь на месте преступления. Робот же — не «кто-нибудь».

Бейли кивнул. Окажись сам в положении до-

прашиваемого, он вряд ли упомянул бы, что на месте преступления присутствовал, скажем, стол.

— Наверное, надо было спросить, присутствовали ли там роботы. — Черт, откуда ему знать, какие здесь надо задавать вопросы? — Насколько законны показания робота, Дэниел?

— Что вы имеете в виду?

— Может ли робот на Солярии быть свидетелем? Может давать показания?

— Почему вы в этом сомневаетесь?

— Робот — не человек, Дэниел. На Земле он законным свидетелем не считается.

— А след ноги считается, хотя в нем еще меньше человеческого, чем в роботе. Ваша планета нелогично подходит к данному вопросу. На Солярии показания роботов допускаются при условии компетентности последних.

Бейли не стал спорить, оперся подбородком о кулак и снова перебрал в уме все, что касалось того робота.

Охваченная ужасом Глэдия Дельмар, стоя над телом мужа, вызвала роботов. Когда те явились, она лежала без сознания.

Роботы доложили, что нашли ее рядом с мертвым телом. Но там был еще кое-кто — или кое-что:

робот. Этот робот не пришел вместе с остальными — он уже был на месте. И он не принадлежал к домашней обслуге. Ни один из роботов его раньше не видел и не знал его назначения.

Не удалось ничего выяснить и у самого робота: он вышел из строя. Координация движений была нарушена, как, видимо, и функции позитронного мозга. Робот не мог дать ни единого правильного ответа и произвести ни единого правильного действия и после тщательного осмотра был признан экспертом-роботехником абсолютно негодным.

Единственными связными словами, которые беспрестанно повторял робот, были: «Ты хочешь убить меня... ты хочешь убить меня... ты хочешь убить меня...»

Никакого орудия, которое могло быть использовано для нанесения смертельного удара, обнаружено не было.

— Сейчас я поем, Дэниел, — сказал вдруг Бейли, — а потом мы снова поговорим с агентом Грюером — по видео, само собой.

Хеннис Грюер, когда Бейли связался с ним, еще сидел за столом. Он ел медленно, тщательно отбирая кушанья с разных блюд и внимательно всматриваясь в каждый кусок, будто в поисках нового, лучшего сочетания.

Ему, наверно, лет двести, подумал Бейли. Уже устал от еды.

— Приветствую, господа, — сказал Грюер. — Вы, должно быть, получили наш отчет, — И, блеснув лысиной, перегнулся через стол положить себе что-то на тарелку.

— Да. А также имели интересную беседу с госпожой Дельмар.

— Хорошо. И к какому же выводу вы пришли — если пришли?

— Я сделал вывод, что она невиновна, сэр, — ответил Бейли.

Грюер метнул на него цепкий взгляд.

— Вот как?

Бейли кивнул.

— Но ведь она единственная могла с ним встречаться, единственная была рядом…

— Это я уяснил. Но как бы ни были строги солярианские нравы, сей факт не является решающим. Если позволите, я объясню.

— Разумеется, — и Грюер вернулся к своему обеду.

— У каждого убийства есть три «кита», одинаково важные; мотив, средство и возможность. Чтобы обвинение было прочным, должны быть обоснованы все три пункта. Согласен с вами в

том, что возможность у госпожи Дельмар была. Но о мотиве я пока ничего не слышал.

— Нам он тоже неизвестен, — пожал плечами Грюер, бросив взгляд в сторону молчаливого Дэниела.

— Хорошо. У подозреваемой нет мотива, но предположим, что у нее мания убийства. Допустим это и будем рассуждать дальше, Итак, она приходит к мужу в лабораторию и по какой-то причине вдруг собирается его убить. Она замахивается — скажем, дубинкой или другим тяжелым предметом, и Дельмар осознает, что жена не шутит. В страхе он восклицает: «Ты хочешь убить меня!» Он стремится убежать, и тут ему на затылок обрушивается удар. Кстати, доктор осматривал труп?

— И да и нет. Роботы вызвали доктора к госпоже Дельмар, и он заодно осмотрел труп.

— В отчете об этом не упоминается.

— О подобной мелочи вряд ли стоило упоминать, Человек умер, и, когда доктор приступил к видеоосмотру: покойный был уже раздет, обмыт и подготовлен для кремации обычным порядком.

— Другими словами, роботы уничтожили все улики, — раздраженно сказал Бейли. — Вы сказали, это был видеоосмотр? Доктор не осматривал

труп лично?

— Великий Космос! Ну и мысли у вас! Я уверен, что доктор осмотрел труп в разных ракурсах и крупным планом. Врачи не могут иногда не контактировать с пациентами, но контакт с трупом у меня даже я голове не укладывается. Медицина — грязное занятие, но даже врачи должны где-то провести черту.

— Ну хорошо — я, собственно, хотел узнать вот что: говорил ли доктор что-нибудь относительно раны?

— Я понял, куда вы клоните. Полагаете, что удар был слишком сильным для женщины?

— Женщины слабее мужчин, сэр. Тем более если женщина такая маленькая, как госпожа Дельмар.

— Но слабенькой ее не назовешь, инспектор. Будь у нее подходящее оружие, сила тяжести и принцип рычага сделали бы полдела. И потом, женщина, когда она в бешенстве, способна на самые поразительные вещи.

— Вы упомянули об оружии, — пожал плечами Бейли. — Где оно?

Грюер протянул руку к пустому стакану. В поле зрения появился робот и наполнил стакан бесцветной жидкостью — может быть, водой.

Грюер взял стакан и вновь поставил, будто раздумал пить.

— В отчете сказано — мы не смогли его обнаружить.

— Я знаю, что сказано в отчете. Хотел только удостовериться кое в чем. Оружие искали?

— Искали, и очень старательно.

— Вы лично?

— Нет, роботы, но под моим непрестанным наблюдением. Мы не смогли обнаружить ничего, что сошло бы за орудие убийства.

— Это свидетельствует в пользу госпожи Дельмар, не так ли?

— Да, — спокойно подтвердил Грюер. — Одна из загадок дела. Потому-то мы и не обвинили госпожу Дельмар. По этой причине я и сказал вам, что подозреваемая тоже не могла совершить преступления, Следовало, наверно, сказать — видимо, не могла.

— Видимо?

— Должно быть, она как-то избавилась от оружия. Просто мы пока не догадались как.

— Вы рассмотрели все варианты? — строго спросил Бейли.

— Думаю, да.

— Давайте проверим. Человек убит ударом

по голове, и оружия на месте преступления не обнаружено. Единственное, что можно здесь предположить, — что его унесли. Рикэн Дельмар отпадает — он был мертв. Могла ли унести оружие госпожа Дельмар?

— Разумеется.

— Каким образом? Когда пришли роботы, она лежала на полу без сознания. Она могла притворяться — но была там. Сколько времени прошло с момента убийства до прихода первого робота?

— Нам неизвестно, во сколько точно было совершено убийство.

— Я читал отчет, сэр. Один из роботов показал, что слышал шум и крик, причем кричал доктор Дельмар. Очевидно, этот робот был ближе всех к месту убийства. Сигнал вызова зажегся через пять минут, и роботу, должно быть, понадобилось меньше минуты, чтобы явиться в лабораторию. — Бейли вспомнилось, как молниеносно являются роботы по вызову. — За пять минут, пусть даже за десять, куда могла госпожа Дельмар унести оружие; чтобы вовремя вернуться и симулировать обморок?

— Она могла уничтожить его в мусоросжигателе.

— Судя по отчету, мусоросжигатель тоже ис-

следовали, и гамма-анализ осадка показал, что за последние сутки там не уничтожалось никаких крупных предметов.

— Знаю. Я просто приважу примеры возможных вариантов.

— Да, но существует одно очень простое объяснение. Полагаю, все домашние роботы Дельмаров были обследованы и допрошены?

— О да.

— Они были в нормальном состоянии?

— Да.

— Не мог ли один из них унести оружие, не понимая, что несет?

— Никто из них ничего не уносил с места преступления. И ничего не трогал.

— Неужели? А кто тогда подготовил тело для кремации?

— Это не в счет. Таков обычный порядок.

— Иосафат! — промолвил Бейли, с трудом сохраняя спокойствие. — Теперь предположим, что на месте преступления был кто-то еще.

— Это невозможно. Как мог кто-либо вторгнуться к доктору Дельмару?

— Предположим! — крикнул Бейли. — Роботам ведь и в голову не пришло, что там мог быть посторонний. Не думаю, чтобы они сразу же

обыскали местность вокруг дома. В отчете об этом не говорится.

— Никакого обыска не производилось, пока мы не начали искать оружие, но до тех пор прошло порядочно времени.

— И вокруг дома не искали следов наземного или воздушного транспорта?

— Нет.

— Значит, если бы кто-то имел дерзость вторгнуться, как вы говорите, к доктору Дельмару, этот кто-то мог убить его, а потом преспокойно уйти. Никто бы его не остановил и даже не заметил. Вдобавок, убийца пребывал бы в уверенности, что все сочтут подобный визит невозможным.

— Так и есть — он невозможен.

— Еще одно, — сказал Бейли. — Только одно. Тут замешан робот. Он присутствовал на месте преступления.

— Робот не присутствовал на месте преступления, — в первый раз заговорил Дэниел. — Иначе ничего бы не произошло.

Бейли резко обернулся к коллеге, а Грюер, который снова поднял свой стакан, поставил его на место.

— Разве не так? — спросил Дэниел.

— Да, верно, — подтвердил Грюер. — Робот не

позволил бы человеку причинить вред другому человеку. Первый Закон.

— Ладно, — сказал Бейли. — Согласен. Но он должен был находиться поблизости, раз был уже на месте, когда пришли остальные роботы. Допустим, он был в соседней комнате. Убийца приближается к Дельмару, тот кричит; «Ты хочешь убить меня», Домашние роботы этих слов не слышали — слышали только крик, потому и не являлись без вызова. Но тот робот слышал — и пришел незваный, повинуясь Первому Закону. И опоздал. Возможно, он видел, как произошло убийство.

— Последнюю стадию он мог наблюдать, — согласился Грюер. — Потому и вышел из строя. Видеть, как человеку наносят вред, и не помешать — грубое нарушение Первого Закона, а от этого позитронный мозг в большей или меньшей степени расстраивается. В данном случае степень расстройства была особенно велика. — Грюер вертел в пальцах свой стакан с водой, не сводя с него глаз.

— Значит, робот был свидетелем убийства. Его допрашивали?

— А что толку? Он же вышел из строя. Знай твердил себе: «Ты хочешь убить меня». Мне кажется,

вы верно восстановили картину преступления. Скорее всего, это были последние слова Дельмара, отпечатавшиеся в сознании робота, который затем полностью разладился.

— Но мне сказали, что Солярия специализируется на роботах. Неужели свидетеля никак нельзя было починить? Залатать его схемы?

— Нельзя, — отрезал Грюер.

— А где этот робот теперь?

— Его сдали в утиль.

— Странно получается, — поднял брови Бейли, — Ни мотива, ни орудия, ни свидетелей, ни улик. А если улики и были, то их уничтожили. У вас только одна подозреваемая, и все, похоже, убеждены в ее виновности; по крайней мере, убеждены в том, что никто другой виновным быть не может. Очевидно, что и вы придерживаетесь этого мнения. В таком случае, я вас спрашиваю: зачем вы посылали за мной?

— Что-то вы разволновались, господин Бейли, — нахмурился Грюер. — Господин Оливо, — обратился он к Дэниелу.

— Да, агент Грюер?

— Вы не прошлись бы по дому проверить, все ли окна закрыты и затемнены? Наверное, на инспектора Бейли влияет открытое пространство.

Бейли крайне удивился. Он хотел было возразить и приказать Дэниелу сидеть на месте, но вовремя уловил отчаяние в голосе Грюера и немую мольбу в его взгляде.

Он промолчал и позволил Дэниелу уйти.

С лица Грюера как будто упала маска, обнажив страх.

— Это оказалось легче, чем я думал, — признался он. — Знаете, я все подыскивал предлог остаться с вами наедине — но даже мечтать не мог, что этот аврорианец согласится выйти просто так, по моей просьбе. Ничего другого в голову не пришло.

— Ну вот мы и одни, — сказал Бейли.

— Я не мог свободно говорить в его присутствии. Этот аврорианец здесь лишь потому, что нам навязали его в придачу к вам. — Грюер подался вперед. — Дело не только в убийстве. Не только в том, кто убийца. На Солярии существуют партии, тайные организации…

— Ну в этом я вам помочь не могу, — опешил Бейли.

— Нет, можете. Поймите! доктор Дельмар был традиционалистом. Он верил в добрый старый строй. Но у нас хватает людей, которые стоят за перемены, и Дельмару заткнули рот.

— Кто, госпожа Дельмар?

— Возможно, она послужила орудием. Дело не в ней. Важно, кто за ней стоит.

— Вы уверены в том, что говорите? У вас есть доказательства?

— Только косвенные, к сожалению. Рикэн Дельмар напал на какой-то след, Он уверял меня, что у него доказательства есть, и я ему верил, Я достаточно хорошо его знал — он не дурак и не ребенок. К несчастью, он почти ничего не рассказывал, но это было естественно — он хотел довести свое расследование до конца, прежде чем представить дело властям. И должно быть, до чего-то докопался, иначе его бы не посмели убрать так, а открытую. Дельмар сказал мне только одно: опасность угрожает всему человеческому роду.

Бейли как громом поразило. Он как будто снова услышал Миннима, но на этот раз дело обстояло еще хуже. К нему что, все теперь будут обращаться с бедствиями космического масштаба?

— А почему вы считаете, что я могу вам помочь?

— Потому что вы землянин. Понимаете? У нас, соляриан, нет опыта в подобных делах. Мы, так сказать, не разбираемся в людях. Нас тут слишком мало. Не очень-то приятно говорить вам это,

господин Бейли. Коллеги смеются надо мной, а некоторые сердятся, но у меня определенно есть такое чувство. Мне кажется, что вы, земляне, просто обязаны разбираться в людях гораздо лучше нашего, раз живете такой кучей. Тем более детективы. Так?

Бейли слегка кивнул, но придержал язык.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — продолжал Грюер, — Я не смел говорить с другими о расследовании, которое вел Дельмар, потому что не знал, кто именно замешан в заговоре, а Дельмар не хотел посвящать меня в детали, пока не установит все в точности. Но даже если бы Дельмар добился успеха, что бы мы делали потом? Как следует поступать с враждебными элементами? Я не знаю. Я с самого начала чувствовал, что нам нужен землянин. А когда я услышал, как вы расследовали убийство космонита на Земле, то понял, что нам нужны вы. Я связался с аврорианцами, которые столь тесно сотрудничали с вами в том деле, и через них вышел на правительство Земли. Только своих коллег никак не мог убедить. Но тут случилось убийство, и это был такой шок для всех, что я добился согласия. В тот момент они согласились бы на что угодно. — Грюер помялся и добавил:

— Нелегко просить землянина о помощи, но приходится. Что бы там ни было, помните: беда грозит всему человечеству. И Земле тоже.

Значит, Земле грозит двойная опасность. Нельзя было не верить искреннему отчаянию Грюера.

Но если убийство подоспело так кстати, чтобы помочь Грюеру осуществить то, чего он так добивался, то было ли оно чистой случайностью? Перед Бейли открылись новые пути для размышлений, но он не подал виду.

— Меня прислали сюда помогать, сэр, — сказал он. — И я сделаю все, что в моих силах.

Грюер поднес наконец к губам свой стакан, глядя поверх него на Бейли.

— Хорошо. Пожалуйста, ни слова аврорианцу. В чем бы ни заключалось дело, Аврора может быть в нем замешана. Что-то они слишком заинтересовались. Например, настояли на том, чтобы дать вам в партнеры господина Оливо. Аврора — планета могущественная, пришлось согласиться. Они сказали, что посылают господина Оливо лишь потому, что он уже работал с вами, но может быть и так, что им нужен здесь свой человек, а? — Он отпил из стакана, не спуская глаз с Бейли.

Бейли задумчиво потер костяшками пальцев

щеку.

— Ну если… — Не договорив, он вскочил со стула и бросился к своему собеседнику, забыв, что видит всего лишь изображение. Грюер, выкатив глаза и держась за горло, хрипел:

— Жжет… жжет…

Стакан выпал из его руки, содержимое разлилось по полу. Упал и сам Грюер с искаженным болью лицом.

Глава седьмая
Доктор недоумевает

На пороге появился Дэниел.

— Что случилось, партнер Элайдж?

Но все было ясно и без объяснений. Дэниел закричал звенящим голосом:

— Роботы Хенниса Грюера! Вашему хозяину плохо! Роботы!

В столовой тут же появился металлический слуга, а через пару минут к нему присоединилась дюжина других. Трое осторожно подняли и унесли Грюера, остальные принялись наводить порядок и подбирать с пола осколки. Дэниел крикнул им:

— Слушайте, роботы, — не трогайте осколки! Обыщите дом. Ищите чужого человека. Предупредите всех роботов, работающих в имении. Пусть прочешут каждый акр. Если найдете чужого господина, задержите его. Не причиняйте ему вреда (излишний совет), но не позволяйте уйти, Если не найдете никого, дайте мне знать — я остаюсь на связи.

Когда роботы разошлись, Бейли сказал Дэни-

елу:

— Начинается. Это, конечно, был яд.

— Да. По-видимому, вы правы, партнер Элайдж. — Дэниел как-то странно, точно у него ослабли колени, опустился на стул. Бейли раньше никогда не замечал за ним таких чисто человеческих черточек.

— Мой механизм не выдерживает подобных испытаний, — сказал Дэниел.

— Вы же ничем не могли ему помочь.

— Я понимаю — и все же чувствую что-то вроде блокировки в мозговых схемах. Так, должно быть, случается с человеком, пережившим шок.

— Что ж, придется себя пересилить. — Бейли не питал никакой жалости к занемогшему роботу. — Надо разобраться, кто приложил к этому руку. Нет яда без отравителя.

— Это могло быть и пищевое отравление.

— Случайное пищевое отравление? В столь чистоплотном мире? Никогда. Кроме того, яд был добавлен в напиток, и симптомы были внезапными, так что сомневаться не приходится. Это был яд, причем большая доза. Вот что, Дэниел, я пойду в другую комнату и все обдумаю. А вы свяжитесь с госпожой Дельмар. Проверьте, дома ли ока, и узнайте, на каком расстоянии ее имение

от имения Грюера.

— То есть вы думаете, что она…

Бейли остановил его жестом.

— Просто узнайте, хорошо?

И вышел из комнаты — ему необходимо было остаться одному. Ясно, что два столь тесно связанных по времени преступления в таком обществе, как солярианское, не могли произойти независимо друг от друга. А если между ними есть связь, то напрашивается предположение, что рассказ Грюера о заговоре был правдивым.

Бейли чувствовал, как нарастает в нем знакомое возбуждение. Когда он прибыл сюда, его занимали грозящие Земле бедствия и собственные переживания — убийство казалось чем-то отдаленным. Теперь же началась охота. Бейли стиснул челюсти, и на скулах выступили желваки.

Как-никак убийца или убийцы нанесли удар в его присутствии, и это задело Бейли за живое. Выходит, с ним совсем не считаются? В Бейли взыграла гордость уязвленного профессионала. По крайней мере, теперь можно заняться этим делом, как обычным убийством, не забивая себе голову земными проблемами.

В комнату сначала заглянул, потом вошел

Дэниел.

— Я сделал, как вы просили, партнер Элайдж. Связался с госпожой Дельмар. Она дома. Ее имение более чем в тысяче миль от имения агента Грюера.

— Я сам потом с ней поговорю. Как вы думаете, — задумчиво спросил Бейли, — она имеет отношение к этому преступлению?

— Скорее всего, не прямое, партнер Элайдж.

— Так значит, косвенное?

— Она могла поручить кому-то убить Грюера.

— Кому-то? Но кому?

— Этого я сказать не могу, партнер Элайдж.

— Если кто-то действовал по ее поручению, он должен был присутствовать на месте преступления.

— Да, кто-то должен был там появиться, чтобы отравить напиток.

— Но разве нельзя было отравить напиток заранее? Намного раньше?

— Я думал об этом, партнер Элайдж, — спокойно сказал Дэниел, — потому и воспользовался выражением «скорее всего», говоря о причастности госпожи Дельмар к преступлению. Вполне вероятно, что она побывала у Грюера раньше. Было бы полезно проверить ее передвижения.

— Проверим. И выясним, бывала ли она там вообще. — Бейли скривил губы. Он так и знал, что когда-нибудь логика подведет робота. Как говорил тот роботехник: логика, лишенная здравого смысла. — Пойдемте обратно в переговорную и посмотрим, что там у Грюера.

Комната Грюера сияла чистотой и свежестью. Никто бы не сказал, что меньше часа назад на полу корчился в агонии человек.

У стены стояло трое роботов в обычной позе почтительного ожидания.

— Что слышно о вашем хозяине? — спросил Бейли.

— У него доктор, господин, — ответил средний робот.

— Доктор лечит его по видео или присутствует лично?

— По видео, господин.

— Что говорит доктор? Хозяин будет жить?

— Пока неизвестно, господин.

— Вы обыскали дом?

— Очень тщательно, господин.

— Не обнаружили постороннего господина?

— Нет, господин.

— Есть какие-нибудь следы недавнего присутствия постороннего?

— Никаких, господин.

— Имение обыскивается?

— Да, господин.

— Есть результаты?

— Нет, господин.

Бейли кивнул и сказал:

— Я хочу поговорить с роботом, который сегодня прислуживал за столом.

— Он на проверке, господин. Функции нарушены.

— Но говорить он может?

— Да, господин.

— Тогда давайте его сюда — немедленно.

Но немедленно не получилось, и Бейли начал раздраженно:

— Я же сказал…

— Солярианские роботы общаются между собой по радио, — вставил Дэниел, — и робот, которого вы хотели видеть, уже вызван. Если он задерживается, то причиной тому неполадки, вызванные недавним происшествием.

Бейли кивнул. О радио он мог бы догадаться и сам. Если этот мир держится на роботах, между ними должна быть какая-то связь, иначе вся система рухнет. Стало понятно, каким образом вслед за вызовом одного робота сразу является

дюжина других — но только если в них есть необходимость, и не иначе.

Появился нужный Бейли робот. Он хромал, приволакивая ногу, Что это с ним, подумал Бейли — и пожал плечами. Непосвященному не понять, как проявляются нарушения позитронного мозга даже у примитивных земных роботов. Из-за одной поврежденной схемы могла отказать, как например сейчас, нога. Это о многом говорило роботехнику и ровно ми о чем — дилетанту.

Бейли осторожно начал:

— Помнишь бесцветную жидкость, которую ты наливал хозяину в бокал?

— Да, гофподин, — ответил робот.

Еще и дефект речи!

— Что это была за жидкость?

— Вода гофподин.

— Только вода? Ничего больше?

— Только вода, гофподин.

— Где ты ее взял?

— Из крана в режервуаре, гофподин.

— Ты принес воду сразу или она оставалась какое-то время на кухне?

— Хожяин не любил слифком холодной воды, гофподин. Было отдано пофтоянное рафпоряжение набирать ее за цас до еды.

Очень удобно, подумал Бейли, — для того, кто об этом знал.

— Скажи, чтобы меня связали с доктором, как только он закончит свой осмотр. Тем временем пусть другой робот объяснит, как работает резервуар для воды. Мне нужно знать, как здесь устроено водоснабжение.

Вскоре появился доктор. Это был самый старый космонит из всех виденных Бейли — то есть, по оценке инспектора, доктору, должно быть, перевалило за триста. На руках у него выступили вены, а коротко остриженные волосы совсем побелели. У доктора была привычка постукивать ногтем по краю передних зубов, которая раздражала Бейли. Звали его Алтим Тул.

— К счастью, больного вырвало, — сообщил доктор, — и он освободился от солидной порции яда. Но его жизнь все еще под вопросом. Какая трагедия. — Он тяжело вздохнул.

— Какой это яд, доктор? — спросил Бейли.

— Боюсь, что не знаю. — (Тук-тук-тук.)

— Что? Как же вы его лечите?

— Стимулирую нервно-мышечную систему, чтобы избежать паралича, а в остальном полагаюсь на природу. — На желтом, точно из выделанной кожи высшего качества лице доктора,

застыло беспомощное, умоляющее выражение, — У нас очень мало опыта в подобных делах. Не припомню, чтобы такое случалось за все двести лет моей практики.

Бейли смерил его взглядом.

— Но о том, что существуют яды, вы, надеюсь, слыхали?

— О да. — (Тук-тук.) — Это общеизвестно.

— У вас есть справочные книгофильмы, к которым можно обратиться.

— Это займет много дней. Минеральные яды весьма многочисленны. На Солярии применяются инсектициды, возможно получить и бактериальные токсины. Даже с помощью книгофильмов сборка оборудования и подбор метода анализа затянутся надолго.

— Если никто на Солярии в этом не разбирается, — оборвал его Бейли, — предлагаю вам связаться с другими мирами. А пока что проверьте кран резервуара в имении Грюера. Отправляйтесь туда лично, если нужно, и сделайте это.

Бейли помыкал почтенным космонитом, как роботом, нисколько не заботясь о том, допустимо ли такое поведение — впрочем, и космонит воспринимал подобное обращение с собой как должное.

— Но как можно отравить кран? — засомневался доктор. — Я уверен, что это невозможно.

— Скорей всего, да, — согласился Бейли, — но все же проверьте, чтобы убедиться полностью.

Кран резервуара действительно вряд ли следовало принимать в расчет. Как объяснил Бейли робот, резервуар был типичным для Солярии устройством. Вода поступала в него из ближайшего источника и соответствующим образом очищалась от микроорганизмов и органических веществ. Потом вода подвергалась аэрации и обработке ионами по вкусу хозяина. Маловероятно, чтобы яд прошел незамеченным, не отразившись на показаниях приборов.

Но если удастся исключить резервуар, определится время преступления. Значит, вода могла быть отравлена только в течение того часа, когда кувшин, во исполнение причуды Грюера, отстаивался на кухне (*на воздухе,* с содроганием подумал Бейли).

Доктор Тул озабоченно спрашивал:

— А как мне проверить кран?

— Иосафат! Возьмите какое-нибудь животное и введите ему в вену воду из-под крана — или заставьте выпить. Соображать надо. То же самое проделайте с водой из кувшина и, если она отрав-

лена, а скорее всего, так и есть, сделайте пару анализов по книгофильмам — хотя бы самые простые. Делайте хоть что-нибудь!

— Погодите, погодите. О каком кувшине вы говорите?

— О том, в котором отстаивалась вода. Из которого робот налил Грюеру отравленную воду.

— Милый вы мой, да эту воду, наверное, давно вылили. Разве слуги допустят такой беспорядок, как неубранный кувшин?

Бейли застонал. Ясно, что не допустят. Попробуй сохрани улики, если роботы так и норовят уничтожить их ради порядка в доме. Надо было приказать им сохранить воду, но этот мир ему чужд, и он все время совершает ошибки.

Иосафат!

Вскоре поступило сообщение, что имение Грюера проверено и никаких следов постороннего присутствия в нем не обнаружено.

— Тайна сгущается, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — У нас не осталось никого на роль отравителя.

Бейли, погруженный в свои мысли, слушал его краем уха.

— Что? Вовсе нет. Вовсе нет. Дело, наоборот, проясняется. — Он не стал объяснять дальше,

зная, что Дэниел его не поймет и не поверит в то, что Бейли считал истиной. А Дэниел не просил объяснений — такое вторжение в человеческие мысли роботу не подобает.

Бейли нервничал, сознавая со страхом, что вскоре пора будет ложиться спать, а значит, усилится боязнь открытого пространства и возрастет тоска по Земле. Его обуревало почти лихорадочнее желание действовать, сделать что-нибудь еще.

— Пожалуй, поговорю с госпожой Дельмар, — сказал он Дэниелу. — Скажите роботам, пусть соединят нас.

Они перешли в переговорную, и Бейли стал смотреть, как ловко орудует робот своими железными пальцами. В голове у инспектора толклось множество мыслей, и вдруг все они пропали: половину комнаты занял стол, изысканно накрытый к обеду.

— Здравствуйте, — сказал голос Глэдии, которая туг же появилась в кадре и села. — Не удивляйтесь, Элайдж. Просто сейчас время обеда, и я соответственно переоделась. Видите?

Так и есть. Она была в светло-голубом платье до щиколоток, с длинными рукавами. Шею облегал желтый рюш, чуть светлее ее волос, теперь

тщательно уложенных.

— Я не хотел вам мешать, — сказал Бейли.

— Я еще не начинала. Может быть, отобедаете со мной?

— Как так? — насторожился Бейли.

— Какие вы, земляне, смешные, — засмеялась она. — Не собственной персоной, конечно. Как это было бы возможно? Просто идите в свою столовую, и там вы и тот, другой, сможете пообедать со мной.

— Но если я уйду…

— Ваш робот будет поддерживать связь.

Дэниел утвердительно кивнул, и Бейли, все еще нерешительно, направился к двери. Глэдия вместе с накрытым столом двинулась вслед за ним.

— Видите? — ободряюще улыбнулась она. — Ваш связист держит контакт.

Бейли и Дэниел поднялись по движущемуся полотну — Бейли не помнил, что пользовался им раньше. Видимо, в этом немыслимом жилище между комнатами были разные ходы и выходы; Бейли, в отличие, разумеется, от Дэниела, знал о существовании лишь некоторых из них.

Глэдия за столом продолжала плыть вслед за ними — то сквозь стены, то под полом, то над полом. Бейли остановился и пробормотал;

— К этому надо привыкнуть.

— У вас кружится голова? — сейчас же спросила Глэдия.

— Немного.

— Тогда вот что: скажите своему связисту, чтобы оставил меня здесь, а когда придете в столовую и все будет готово, он нас соединит.

— Я распоряжусь, партнер Элайдж, — сказал Дэниел.

Их стол тоже был накрыт. В тарелках дымился коричневый суп, в котором плавали кубики мяса, а в середине стола ждала, когда ее разрежут, большая жареная курица. Дэниел быстро отдал указание роботу-официанту, и оба прибора мигом сдвинули на один конец стола.

Как по сигналу, стена напротив пропала, стол как будто вытянулся в длину, и на противоположном его конце появилась Глэдия. Комната соединилась с комнатой и стол со столом до того аккуратно, что, если бы не разный рисунок на стенах и на полу и не различие в сервировке, легко было бы поверить, что они действительно обедают вместе.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала Глэдия, — правда, удобно?

— Очень, — сказал Бейли. Он осторожно по-

пробовал суп, нашел его превосходным и подлил себе еще. — Вы слышали, что случилось с агентом Грюером?

На лицо Глэдии легла тень, и она отложила ложку.

— Ужасно, правда? Бедный Хеннис.

— Вы называете его по имени — вы его знаете?

— Я знаю почти всех выдающихся людей на Солярии. Мы, соляриане, почти все знакомы друг с другом — это естественно.

В самом деле, естественно, подумал Бейли, Много ли их, в конце концов?

— Тогда вы, может быть, знаете и доктора Алтима Тула. Он лечит Грюера.

Глэдия тихо засмеялась. Робот нарезал ей мясо и положил на тарелку мелкие подрумяненные картофелины и морковь соломкой.

— Конечно, знаю. Он и меня лечил.

— Когда он лечил вас?

— Как раз после того… несчастья. С моим мужем.

— Он что, единственный доктор на планете? — изумился Бейли.

— О нет. — Глэдия зашевелила губами, будто подсчитывая, — Их по крайней мере десять. И еще один молодой человек изучает медицину. Но

доктор Тул — из лучших. У него самый большой опыт. Бедный доктор Тул.

— Почему бедный?

— Ну, вы же знаете — у доктора такая скверная работа. Приходится посещать людей, а иногда даже и трогать их руками. Но доктор Тул очень ответственно относится к своему делу и посещает больного, когда считает это необходимым. Он лечил меня с самого детства и всегда был такой добрый и милый, что я, честно говоря, почти не возражала бы против его визита. Например, он был у меня в тот последний раз.

— Вы хотите сказать — когда погиб ваш муж?

— Да. Можете себе представить, что почувствовал доктор, когда увидел, как я лежу рядом с мертвым мужем.

— Мне сказали, что тело он осматривал по видеофону.

— Тело — да. Но со мной было по-другому, Убедившись, что я жива и серьезной опасности нет, он велел роботам подложить мне под голову подушку, сделать мне укол и оставить одну. А сам прилетел самолетом — да, самолетом! Это заняло у него меньше получаса, Потом он занялся мной, и все стало хорошо. Я была в таком тумане, когда пришла в себя, что думала — передо мной его

изображение, пока он не коснулся меня. Тогда я поняла, что это он сам, и закричала. Бедный доктор Тул ужасно смутился, но я знаю — он хотел сделать как лучше.

Бейли кивнул,

— Наверное, у докторов на Солярии не так уж много работы?

— Надеюсь, что да.

— Я знаю, что об инфекционных болезнях и говорить не стоит. Но нарушения обмена веществ? Атеросклероз? Диабет и тому подобное?

— Такое случается — и это всегда ужасно неприятно. Доктора могут, конечно, физически облегчить жизнь таким больным, но и только.

— Вот как?

— Конечно. Если человек заболел — значит, его генетический анализ был неточным. Не думаете же вы, что мы сознательно допускаем такие вещи, как диабет?

Все, у кого находят подобные заболевания, подвергаются тщательному повторному анализу. Супружеское назначение отменяется, и это ужасно неудобно для второго супруга. А еще нельзя, чтобы у них были, — она понизила голос, — дети.

— Нельзя иметь детей? — обыкновенным голо-

сом переспросил Бейли.

Глэдия вспыхнула.

— Какие ужасные вещи мы говорим! Что за слова! Д-дети!

— Со временем привыкаешь, — сухо заметил Бейли.

— Да, но если это превратится у меня в привычку, я когда-нибудь скажу такое при солярианине и просто сгорю со стыда… А если у такой пары уже были дети (видите, вот опять), этих детей надо тоже разыскать и обследовать — кстати, одна из обязанностей Рикэна, — в общем, хлопот не оберешься.

Тула можно выбросить из головы, подумал Бейли. Некомпетентность доктора — следствие солярианского образа жизни, и ничего преступного в. ней нет. Скорее всего, нет. Поставим на нем крест, но не слишком жирный.

Он посмотрел, как ест Глэдия — аккуратно и грациозно, с хорошим аппетитом. Курица, которую ел он сам, была великолепна, От чего можно избаловаться во Внешних Мирах, так это от еды.

— Что вы думаете об этом отравлении, Глэдия? — спросил он,

— Стараюсь не думать. — Она подняла голову, — Что за ужасные вещи у нас происходят.

Может быть, это не отравление?

— Оно самое.

— Но там же никого не было!

— Откуда вы знаете?

— А разве не ясно? У него сейчас нет жены, поскольку он исчерпал свой лимит на д… Ну, вы понимаете. Так что подсыпать ему яд было некому; Как же его могли отравить?

— И все же он отравлен. Это факт, с которым надо считаться.

Лицо Глэдии омрачилось.

— А вы не думаете, что он сделал это сам?

— Сомневаюсь. Зачем? Да еще публично?

— Тогда это просто невозможно, Элайдж. Невозможно, и все.

— Напротив, Глэдия. Очень даже возможно. И я уверен, что точно знаю, как все произошло.

Глава восьмая
Космонит гневается

Глэдия на миг затаила дыхание, и оно вырвалось из ее сложенных губ почти со свистом.

— А я уверена, что понятия не имею. А кто это сделал, вы знаете?

Бейли кивнул.

— Тот же, кто убил вашего мужа.

— Как?

— А вот так! Убийство вашего мужа — первое в истории Солярии. Через месяц происходит другое убийство — или покушение на него. Может ли это быть совпадением? Два разных преступника убивают на протяжении месяца в мире, где нет преступности? Примите во внимание и то, что вторая жертва занималась расследованием первого преступления и тем самым представляла серьезную опасность для убийцы.

— Что ж, — Глэдия принялась за десерт, — Если ваша точка зрения такова, тогда я невиновна.

— Это почему же, Глэдия?

— Ну как же, Элайдж! Я никогда в жизни даже не приближалась к имению Грюера — значит, и

агента Грюера отравить не могла. А если я его не отравляла — значит, и мужа своего не убивала.

Видя, что Бейли сурово молчит, она как будто упала духом, и уголки ее маленького рта опустились.

— Вам так не кажется, Элайдж?

— Не уверен. Я же сказал вам, что знаю способ, каким был отравлен Грюер. Способ изобретательный, и любой житель Солярии мог им воспользоваться, был он в имении Грюера или нет; бывал он там когда-либо или нет.

Глэдия стиснула кулаки.

— Вы хотите сказать, что я преступница?

— Ничего подобного я не утверждал.

— Но подразумевали. — Она была в ярости: губы плотно сжались, на скулах выступили пятна, — Вот почему вы хотели меня видеть? Чтобы задавать коварные вопросы? Чтобы поймать меня?

— Подождите же…

— Вы показались мне таким участливым. Таким понимающим. Ах вы… землянин! — На последних словах ее голос сорвался.

Дэниел, обратив к ней безмятежный взор, сказал:

— Простите, госпожа Дельмар, вы слишком

сильно сжимаете нож и можете порезаться. Пожалуйста, осторожнее.

Глэдия свирепо уставилась на маленький, тупой и уж конечно совершенно безобидный ножик у себя в руке и вдруг судорожно вскинула его наверх.

— Меня вам не достать, Глэдия, — сказал Бейли.

— Да кому вы нужны? Уф! — Она передернулась от преувеличенного отвращения и крикнула: — Прекратить сеанс!

Последние слова предназначались, очевидно, роботу за кадром. Глэдия и ее стол тут же исчезли, и стена столовой вернулась на место.

— Если я правильно понял, — сказал Дэниел, — вы считаете эту женщину виновной?

— Нет, — безразлично ответил Бейли. — Ей, бедняжке, недостает очень многих качеств, которые необходимы убийце.

— Она вспыльчива.

— Ну и что? Большинство людей вспыльчиво. Не забудьте также, что она длительное время живет под сильным напряжением. Если бы я был в таком состоянии и кто-нибудь нападал на меня так, как я, по ее мнению, на нее, я бы не то что ножиком замахнулся.

— Я не сумел разгадать, подобно вам, каким образом можно отравить человека на расстоянии.

— Я знал, что не сумеете, — с удовольствием произнес Бейли. — Именно эту загадку вы и не в состоянии разрешить.

Сказал он это как отрезал, а Дэниел воспринял его слова так же спокойно и серьезно, как всегда.

— Дэниел, у меня для вас есть два задания.

— Какие, партнер Элайдж?

— Во-первых, свяжитесь с доктором Тулом и выясните, а каком состоянии была госпожа Дельмар после убийства мужа. Много ли с ней было хлопот и так далее.

— Вы хотите выяснить что-то определенное?

— Нет. Просто пытаюсь собрать данные. У них здесь это нелегко. Во-вторых, узнайте, кто замещает Грюера в Службе Безопасности, и завтра прямо с утра устройте мне с ним сеанс. Ну а я, — безрадостно добавил Бейли, — пойду спать и, будем надеяться, усну. Как вы думаете, можно здесь достать приличный книгофильм? — почти капризно спросил он.

— Я посоветовал бы вам обратиться к роботу-библиотекарю, — ответил Дэниел.

Бейли раздражало, что придется иметь дело с роботом — он предпочел бы сам порыться всласть

в библиотеке,

— Нет, — говорил он, — классики мне не надо. Обычную беллетристику из жизни современной Солярии. С полдюжины штук.

Робот повиновался — куда ему было деться. Но все время, пока нажимал нужные клавиши, чтобы извлечь заказанные книгофильмы с полок и доставить их к щели выдачи, и пока вручал их Бейли, он не переставал почтительно бубнить, знакомя инспектора с богатствами своей библиотеки.

Не желает ли хозяин приключенческий роман о временах заселения планеты? Или прекрасное пособие по химии, с движущимися моделями атомов? Или фантастику? Или учебник галактографии? Перечню не было конца.

Разозленный Бейли дождался своей полудюжины книг, сказал «хватит», сам (сам!) схватил проектор и пошел прочь. Робот потащился за ним, спрашивая:

— Помочь вам с настройкой, хозяин?

Бейли повернулся И рявкнул:

— Нет! Стой где стоишь.

Робот поклонился и остался на месте, Улегшись в постель со светом у изголовья, Бейли почти пожалел о своем решении, Проектор был не той

модели, с которой ему раньше доводилось иметь дело, и Бейли попросту не представлял, как вставлять пленку. Но он не сдался — разобрал аппарат и кое-как сообразил, что нужно делать. Фильм он зарядил, и, хотя изображение было несколько нечетким, краткая независимость от роботов стоила того.

В следующие полтора часа Бейли просмотрел четыре из шести книгофильмов — и разочаровался.

У него родилась было теория, что лучший способ ознакомиться с солярианским образом жизни — почитать их романы. Ведь без знакомства с Солярией и ее нравами вести следствие с умом было невозможно.

Теперь теория провалилась. Он просмотрел эти романы — там люди со смехотворными проблемами вели себя как дураки и совершали загадочные действия. Почему женщина бросает свою работу, узнав, что ее отпрыск избрал ту же профессию, и отказывается объяснить причину своего поступка, пока все не запутывается самым смешным и невыносимым образом? Почему доктор и художница чувствуют себя униженными, когда их назначают друг другу, и что такого благородного в намерении доктора заняться роботехникой?

Бейли заправил в проектор пятый фильм и отрегулировал изображение. Устал он как собака.

Так устал, что впоследствии никак не мог вспомнить, о чем был пятый роман, обещавший быть остросюжетным. Помнил только начало, где новый хозяин вступает во владение поместьем и просматривает счетофильмы, предоставленные ему почтительным роботом.

Он, должно быть, так и уснул — с проектором на голове и при полном свете. Потом, наверное, тихонько вошел робот, осторожно снял с Бейли проектор и выключил свет.

Во всяком случае, Элайдж спал, и ему снилась Джесси. Все было как прежде. Он никуда не улетал с Земли, и они собирались в столовую, а потом на субэфирное шоу с друзьями. Поедут на экспрессе, там будет много народу, все хорошо, никаких забот. Элайдж был счастлив.

И Джесси была такой красивой. Она как-то ухитрилась похудеть. Почему она такая стройная и красивая?

И еще одна странность. Почему-то на них светило солнце. Элайдж смотрел вверх — там было только сводчатое перекрытие верхнего горизонта, и все же солнце светило, ярко озаряя все вокруг, и никто не боялся.

Бейли проснулся в тревоге и сел завтракать, не обращая внимания на роботов, прислуживающих за столом. Он не разговаривал с Дэниелом, не задавал вопросов и поглощал превосходный кофе, не разбирая вкуса.

Почему ему приснился свет невидимого солнца? Можно понять, если снятся Земля и Джесси, но при чем тут солнце? И почему этот сон продолжает его беспокоить?

— Партнер Элайдж, — осторожно сказал Дэниел, — Корвин Аттлбиш выйдет на связь через полчаса.

Я договорился.

— Какой такой Корвин? — буркнул Бейли, подливая в чашку кофе.

— Он первый заместитель агента Грюера и сейчас исполняет его обязанности.

— Тогда давайте его.

: — Я же говорил, что сеанс назначен через полчаса.

— Мне безразлично, когда он назначен. Соедините меня с ним немедленно, Это приказ.

— Я попытаюсь, партнер Элайдж, но он может не дать согласия на сеанс.

— А вы попробуйте, Дэниел, — и поживее.

Заместитель директора Службы Безопасности

ответил на вызов, и Бейли в первый раз на Солярии увидел космонита, который соответствовал земным представлениям. Аттлбиш был высоким, стройным и бронзовокожим. У него были светло-карие глаза и выступающий подбородок.

Он немного походил на Дэниела, но Дэниел был безупречен почти как бог, а у Аттлбиша все же проступало в лице нечто человеческое.

Сейчас он брился. Из карандашика у него в руке била струйка тонкого абразива, снимая растительность со щек и подбородка и превращая ее в невидимую пыль.

Бейли узнал этот прибор по описанию, хотя никогда раньше не видел его.

— Вы землянин? — процедил Аттлбиш сквозь сжатые губы — он как раз проводил струей абразива под носом.

— Элайдж Бейли, инспектор класса *С-7*, Земля.

— Уж очень вы рано, — Аттлбиш закрыл свей бритвенный прибор и бросил куда-то за пределы кадра. — Что там у вас, землянин?

Бейли и в лучшие времена был бы не в восторге от такого тона, а сейчас он просто вскипел.

— Как себя чувствует агент Грюер? — спросил он,

— Жив пока. Может, и выживет.

— Ваши солярианские отравители не разбираются в дозах, — кивнул Бейли. — Опыта не хватает. Грюеру подсыпали слишком много, и его вырвало. Половина этой дозы убила бы его.

— Отравители? Никаких следов яда не обнаружено.

— Иосафат! Вам что, мало доказательств?

— Всякое случается, — Аттлбиш потер лицо, проверяя, гладко ли выбрит. — Кто знает, какие нарушения обмена могут быть у человека старше двухсот пятидесяти,

— И у вас есть авторитетное медицинское заключение?

— Доктор Тул докладывает…

Это довершило дело. Гнев, кипевший в Бейли с момента пробуждения, прорвался наружу, и землянин гаркнул:

— Плевал я на доктора Тула! Я сказал — авторитетное заключение. Ваши доктора ничего не смыслят, как не смыслили бы и детективы, будь они у вас. Детектива пришлось выписывать с Земли — выпишите заодно и доктора.

— Уж не вы ли мне будете указывать? — холодно спросил солярианин.

— Да, и притом бесплатно — пользуйтесь на здоровье. Грюер был отравлен. Я свидетель. Он

выпил, поперхнулся и стал кричать, что ему жжет горло. Чего же было ожидать, если он расследовал…

— Что расследовал? — невозмутимо спросил Аттлбиш.

Бейли стесняло присутствие Дэниела, который, как всегда, сидел поодаль, футах в десяти. Ведь Грюер не хотел, чтобы представитель Авроры знал о его расследовании. Поэтому Бейли промямлил:

— Что-то связанное с политикой.

Аттлбиш скрестил руки и принял отстраненный, скучающей и довольно враждебный вид.

— У нас на Солярии не существует политики в том смысле, как ее понимают в других мирах. Хеннис Грюер — хороший гражданин, но у него слишком развито воображение. Это он настоял, чтобы мы вас пригласили, наслушавшись о вас каких-то историй. Даже принял условие, чтобы вам в партнеры дали аврорианца. Я лично не видел в том необходимости. Никакой тайны не существует. Рикэна Дельмара убила жена, и мы разберемся, как и почему. А если и не разберемся, ей сделают генетический анализ и примут нужные меры. Что касается Грюера, то ваши фантазии об отравлении никого не волнуют.

— Вы намекаете на то, что я здесь больше не нужен? — недоверчиво спросил Бейли.

— Думаю, что не нужны. Если хотите вернуться на Землю — возвращайтесь. Я бы даже сказал — сделайте одолжение.

Бейли, сам себе удивляясь, выкрикнул:

— Нет, сэр. Я и с места не сдвинусь.

— Мы вас наняли, господин сыщик, мы можем и уволить. Вы вернетесь на родную планету.

— Ну нет! Послушайте-ка меня — очень вам советую. Вы — космонит, сверхчеловек, а я землянин, но при всем моем к вам почтении и с нижайшими извинениями я скажу — вы трусите.

— Прошу взять ваши слова обратно! — Аттлбиш выпрямился во весь свой рост, шесть футов с лишним, и надменно, сверху вниз, посмотрел на землянина.

— Трусите, да еще как. Вы думаете, что, если возьметесь за это дело, будете следующим. И сдаетесь, чтобы они оставили вас в покое, оставили вам вашу жалкую жизнь. — Бейли не имел представления, кто такие эти «они» и существуют ли «они» вообще. Он язвил наугад и наслаждался тем, как его слова бьют по самолюбию надменного космонита.

— Через час вас здесь не будет, — сказал Аттлбиш, в холодном гневе указывая пальцем на Бейли, — И клянусь, вам не отвертеться никакими дипломатическими уловками.

— Поберегите свои угрозы, космонит. Земля для вас ничего не значит, согласен, но я здесь не один. Позвольте представить вам моего партнера Дэниела Оливо. Он аврорианец, и если молчит, то потому, что разговоры — не его дело. Следствие возглавляю я. Но слушать он слушает — ни слова не упустит. Я вам прямо скажу, Аттлбиш, — Бейли с наслаждением назвал его просто по фамилии, — Аврору и прочие сорок с лишним Внешних Миров очень интересует то, что вы тут на Солярии вытворяете. Если вы нас вышвырнете, Солярию окружат боевые корабли. Я землянин и знаю порядок: за ущемлением прав следует применение силы.

Аттлбиш с некоторым беспокойством перевел взгляд на Дэниела и сбавил тон.

— Здесь не происходит ничего такого, что могло бы интересовать другие планеты.

— Грюер считал иначе, и мой партнер его слышал. — Не тот был момент, чтобы останавливаться перед ложью. Дэниел при последних словах Бейли повернул голову, но инспектор

притворился, будто не видит, и продолжал:

— Я намерен и дальше вести следствие, хотя отдал бы все, чтобы вернуться на Землю. Одна только мечта о ней лишает меня покоя, Если бы этот кишащий роботами дворец, в котором я живу, был мой, я бы отдал и его, и вас, и весь ваш поганый мир за билет домой. Но не вам меня выгонять. Никто не выгонит меня отсюда, пока дело, которое мне поручили, не будет раскрыто. Попробуйте только удалить меня против воли — и окажетесь перед стволами космических орудий. Более того — с этого момента я буду вести следствие по-своему. Я за него отвечаю и буду говорить с теми людьми, с какими захочу, — и не по видео, а лично. Я привык общаться с живыми людьми — так оно и будет. И мне нужно официальное разрешение на это от вашего ведомства.

— Это невозможно, немыслимо…

— Скажите ему, Дэниел.

— Как вас уже информировал мой партнер, агент Аттлбиш, — бесстрастно заговорил андроид, — нас прислали сюда вести следствие. Нам необходимо его завершить. Мы не хотим, разумеется, нарушать ваши обычаи, и, возможно, в личных визитах не будет необходимости, хотя ваше разрешение на них в случае надобности

было бы полезно, как уже сказал инспектор Бейли. Насильственное удаление нас с планеты мы рассматриваем как нежелательное, хотя и сожалеем о том, что наше пребывание может быть неприятно вам или другим солярианам.

Бейли выслушал эту высокопарную речь, скривив губы в гримасе, которую никак нельзя было назвать улыбкой. Тому, кто знал, что Дэниел робот, было ясно, что он старается не обидеть ни того ни другого из людей. Тому же, кто считал Дэниела аврорианцем, гражданином старейшего и наиболее могущественного в военном отношении Внешнего Мира, его речь казалась, вероятно, набором угроз, слегка прикрытых учтивостью.

Аттлбиш прикоснулся кончиками пальцев ко лбу.

— Я подумаю.

— Только не слишком долго, — сказал Бейли, — потому что мне нужно посетить кое-кого в ближайший час — лично. Конец сеанса!

Бейли с удивлением и одновременно удовольствием уставился на то место, где только что был Аттлбиш. Ничего этого он не обдумывал заранее. Все произошло внезапно — под влиянием сна и неоправданной надменности Аттлбиша. Но Бейли был рад, что так получилось. Ему давно

хотелось взять дело в свои руки.

Так его, космонита поганого, подумал он.

Он хотел бы, чтобы при этой сцене присутствовало все население Земли. Тем более что Аттлбиш — воплощенный образ космонита. Тем лучше!

Только с чего он, Бейли, так распалился, требуя права на личные визиты? Он и сам не мог понять. Да, он составил для себя план действий, и личные контакты были частью этого плана. Пусть так. Но когда речь зашла о визитах, Бейли ощутил вдруг душевный подъем и готовность безо всякой на то надобности сокрушать окружающие его стены.

Почему?

Это чувство не имело отношения к убийству и даже к опасности, грозившей Земле. Что же оно такое?

Как ни странно, Бейли снова вспомнился недавний сон — солнце, которое светило сквозь светонепроницаемые ярусы подземного земного Города.

Дэниел произнес задумчиво (в той степени, в которой его голос был способен выражать эмоции):

— Не уверен, что одобряю ваше поведение, партнер Элайдж.

— То, как я блефовал с этим типом? Зато срабо-

тало. И это не совсем блеф. Я думаю, что Аврора и впрямь интересуется тем, что происходит на Солярии, и Аттлбиш это знает. Кстати, спасибо вам за то, что не разоблачили меня.

— Это было естественное решение. То, что я поддержал вас, нанесло агенту Аттлбишу весьма незначительный вред. Если бы я уличил вас во лжи, вы пострадали бы гораздо сильнее.

— При сравнении потенциалов победил более высокий, а, Дэниел?

— Так и было, партнер Элайдж. По-моему, тот же процесс, только менее точный, происходит и в человеческом мозгу. Но я повторяю — ваша новая идея небезопасна.

— Что за новая идея?

— Я не одобряю ваше намерение относительно личных визитов.

Понимаю, только я в вашем одобрении не нуждаюсь.

— Мне были даны определенные инструкции, партнер Элайдж. Что сказал вам вчера агент Грюер в мое отсутствие, я знать не могу. Но что-то он сказал — это видно из того, как изменилось ваше отношение к делу. В свете моих инструкций я могу догадаться, что именно было сказано. Он, должно быть, предупредил вас, что ситуация на

Солярии угрожает безопасности других планет.

Бейли медленно полез за трубкой. Такое случалось с ним постоянно, и он каждый раз приходил в дурное настроение, вспоминая, что здесь курить нельзя.

— Но ведь соляриан всего двадцать тысяч. Чем же они могут угрожать кому-либо?

— Моих хозяев на Авроре Солярия с некоторых пор стала беспокоить. Я не обладаю всей полнотой информации…

— А то немногое, что вы знаете, вам не велено говорить. Верно?

— Прежде чем открыто обсуждать, следует тщательно во всем разобраться.

— Что же такое затеяли солярианe? Создают новое оружие? Или готовят переворот? Или занялись индивидуальным террором? Что могут двадцать тысяч человек против сотен миллионов космонитов?

Дэниел молчал.

— Я все равно это выясню, так и знайте, — сказал Бейли.

— Но не таким путем, как собирались, партнер Элайдж. Я получил самые строгие предписания беречь вас,

— Ну разумеется. Первый Закон.

— Усиленная забота. Если придется выбирать между вашей безопасностью и безопасностью другого человека, я должен сохранить вас.

— Конечно. Я понимаю, Если со мной что-нибудь случится, у вас не будет больше предлога оставаться на Солярии, не вызывая при этом осложнений, к которым Аврора еще не готова. Пока жив, я нахожусь на Солярии по ее же приглашению, так что мы можем при необходимости нажимать там и сям, и приходится нас терпеть. А умри я, ситуация изменится. Поэтому вам и наказали беречь Бейли пуще глаза. Я прав, Дэниел?

— Я не могу ручаться за то, что стоит за данными мне приказами.

— Ладно, не волнуйтесь. Открытое пространство не убьет меня, если мне и понадобится кое с кем встретиться. Переживу. Может быть, даже привыкну.

— Дело не в одном только открытом пространстве, партнер Элайдж. Речь идет о встречах с солярианами. Я их не одобряю.

— Из-за того, что это не понравится космонитам? Что ж поделаешь, Пусть вставляют фильтры в нос и надевают перчатки. Пусть разбрызгивают аэрозоль. А если их утонченные нравы не позволяют им сталкиваться со мной нос к но-

су, пусть ежатся и краснеют. Но я буду с ними встречаться. Я считаю наши встречи насущной необходимостью.

— Но я не могу этого допустить.

— Вы не можете позволить мне?

— Вы же знаете почему, партнер Элайдж.

— Нет, не знаю.

— Но поймите — агента Грюера, который возглавлял следствие со стороны Солярии, отравили. Разве не вытекает отсюда, что, если я разрешу вам подвергать себя опасности, показываясь повсюду лично, следующей жертвой непременно станете вы? Нет, я не могу позволить вам покидать эти безопасные стены.

— А как вы собираетесь помешать мне, Дэниел?

— В случае необходимости даже силой, партнер Элайдж, — спокойно ответил Дэниел. — Даже если придется причинить вам вред. Если я этого не сделаю, вы наверняка погибнете.

Глава девятая
Робот капитулирует

— Значит, снова побеждает более высокий потенциал, Дэниел? Вы готовы применить насилие, лишь бы спасти мою жизнь?

— Я надеюсь, что не причиню вам вреда, партнер Элайдж. Вы знаете, что силой я превосхожу вас, и не станете оказывать ненужного сопротивления. Но в случае необходимости — да, мне дозволено причинить вам вред.

— А если я выстрелю в вас из бластера — прямо сейчас? Мои потенциалы мне в этом не помешают.

— Я предполагал, что в наших отношениях наступит такой момент, партнер Элайдж. Если быть точным, я подумал об этом еще во время нашего переезда в имение, когда вы повели себя агрессивно в машине. Моя гибель — ничто в сравнении с вашей безопасностью, но, если меня не станет, вы можете впоследствии пострадать и планы моих хозяев расстроятся. Поэтому в первый же период вашего сна я позаботился разрядить ваш бластер.

Бейли сжал губы. Значит, он все это время ходил с незаряженным оружием? Схватившись за кобуру, он вынул бластер и посмотрел на счетчик заряда. Счетчик стоял на нуле.

Бейли покачал бесполезную железку на ладони, точно намереваясь швырнуть ее в Дэниела. Но что толку? Робот, конечно, увернется.

Бейли убрал бластер обратно, В свое время оружие, быть может, удастся перезарядить. Потом он медленно и задумчиво проговорил:

— Больше не обманете, Дэниел.

— Что вы имеете в виду, партнер Элайдж?

— Уж слишком вы мной командуете. Совсем загнали в угол. Вы в самом деле робот?

— Вы и раньше в этом сомневались.

— В прошлом году на Земле я сомневался в том, что Р. Дэниел Оливо действительно робот. Оказалось, что он им был — и скорее всего продолжает быть. Но теперь я спрашиваю себя; вправду ли вы Р. Дэниел Оливо?

— Да, это я.

— Ой ли? Дэниел был создан по образу космонита. Почему нельзя было подобрать космонита, похожего на Дэниела?

— Зачем?

— Затем, чтобы он вел здесь следствие с ини-

циативой и выдумкой, недоступными роботу. И чтобы вы, играя роль Дэниела, могли бы спокойно управлять мной, для вида предоставляя руководство мне. Вон как вы мной вертите — и мне приходится подчиняться.

— Ваши заключения неверны, партнер Элайдж.

— Почему же тогда все соляриане, с которыми мы говорим, принимают вас за человека? Они ведь знатоки. Неужели их так легко одурачить? Не могу же я один быть прав, а все не правы. Гораздо вероятнее то, что правы-то все, а ошибаюсь я.

— Это не так, партнер Элайдж.

— Докажите, — сказал Бейли, медленно подходя к сервировочному столику и отодвигая дробилку для отходов. — Если вы робот, это не составит для вас трудности. Покажите мне металл, который у вас под кожей,

— Уверяю вас…

— Покажите! — гаркнул Бейли. — Это приказ! Или вам дозволено и приказам не подчиняться?

Дэниел расстегнул рубашку. Гладкая бронзовая кожа у него на груди слегка поросла светлыми волосами. Он крепко нажал у себя под правым соском, и кожа вместе с мышцами вдоль всей

грудной клетки разошлась без единой капли крови, открыв блестящий металл,

В тот же миг Бейли, передвинув палец на полдюйма вправо, нажал кнопку вызова. Почти сразу же вошел робот.

— Не двигаться, Дэниел! — крикнул Бейли. — Это приказ! Смирно!

Дэниел замер, словно жизнь или механическая ее имитация покинула его.

— Можешь ты вызвать еще двоих слуг, не выходя отсюда? — крикнул Бейли роботу. — Если можешь, вызывай.

— Слушаюсь, господин.

Вошли два робота, вызванные по радио; все трое выстроились в ряд.

— Ребята, — сказал им Бейли, — видите это существо, которое принимали за господина?

Три пары красных глаз уставились на Дэниела, и роботы сказали в унисон:

— Видим, господин,

— Вы видите, что так называемый господин — на самом деле такой же робот, как и вы? У него внутри металл. Он просто сделан так, что выглядит как человек.

— Да, господин.

— Вы не должны подчиняться его приказам.

Понимаете?

— Да, господин.

— А вот я, — сказал Бейли, — настоящий человек. Роботы какой-то миг раздумывали, и Бейли пришло в голову: теперь, когда им показали, что некто, похожий на человека, на деле может оказаться роботом — не будут ли они сомневаться в каждом, кто с виду человек? Но тут один из роботов ответил:

— Вы человек, господин. Бейли перевел дух.

— Хорошо, Дэниел, — сказал он. — Вольно. Дэниел сменил позу на более естественную и спокойно произнес:

— Значит, притворившись, будто сомневаетесь в моем происхождении; вы стремились разоблачить меня перед другими роботами?

— Так и есть; — сказал Бейли, отводя глаза. Это же все-таки машина, а не человек. Разве можно надуть машину?

Но ему, несмотря ни на что, было стыдно. Когда Дэниел стоял вот так, с раскрытой грудью, в нем было что-то очень человеческое, и Бейли ощутил себя обманщиком.

— Закройте грудь, Дэниел, и послушайте меня. Трех роботов вам не одолеть — это ведь ясно?

— Ясно, партнер Элайдж.

— Хорошо, Вот что, ребята, — снова обратился он к роботам. — Вы не должны говорить никому, и господам тоже, что он робот. Никому и никогда, пока я, и только я один, не отменю своего приказа.

— Благодарю вас, — тихо сказал Дэниел.

— Однако, — продолжал Бейли, — похожий на человека робот не должен вмешиваться в мои действия. Если он попытается сделать это, удержите его силой, но не причиняйте ему без крайней необходимости вреда. Не разрешайте ему вступать в контакт с другими людьми, кроме меня, и с другими роботами, кроме вас — ни лично, ни по видеосвязи. И не спускайте с него глаз. Держите его в этой комнате и сами оставайтесь при нем. От прочих своих обязанностей вы освобождаетесь впредь до дальнейших указаний. Все ясно?

— Да, господин, — ответили роботы хором.

— Вот видите, Дэниел. Вы бессильны, так что не пытайтесь мне помешать.

Дэниел сказал, безнадежно уронив руки:

— Я не могу допустить, чтобы вы пострадали от моего бездействия, партнер Элайдж, но в данных обстоятельствах мне остается только бездействовать. Логически это неоспоримо, Я не стану

ничего предпринимать и полагаюсь на то, что вы останетесь живы и невредимы.

Вот-вот, подумал Бейли. Одна только логика — больше у робота ничего нет за душой. Логика говорит Дэниелу, что он окончательно побежден. Рассудок мог бы подсказать ему, что все случайности предугадать невозможно и противная сторона тоже может допустить ошибку.

Но нет. Роботы руководствуются логикой, а не здравым смыслом.

Бейли снова кольнул стыд, и он не мог не поддаться желанию утешить Дэниела.

— Послушайте, Дэниел, даже если бы я подвергался опасности — а это не так, — поспешно добавил он, покосившись на других роботов, — то такова моя работа. Мне за то и платят. Моя работа состоит в том, чтобы охранять все человечество в целом, так же как ваша — в том, чтобы охранять отдельного человека. Понимаете?

— Нет, партнер Элайдж.

— Потому, что вы так созданы, Поверьте мне на слово — будь вы человеком, вы бы поняли.

Дэниел склонил голову в знак согласия и остался стоять недвижимо, а Бейли медленно вышел из комнаты. Трое роботов расступились перед ним и устремили свои фотоэлектрические глаза

на Дэниела.

Бейли шел, так сказать, к свободе, и от сознания этого его сердце сильно билось — но вдруг пропустило удар. Перед ним возник новый робот.

Что еще стряслось?

— Чего тебе, бой? — рявкнул Бейли.

— Вам пакет, хозяин, от заместителя директора Службы Безопасности.

Бейли взял у робота запечатанную капсулу, и она тут же раскрылась. Внутри лежала свернутая бумага с написанным от руки, красивым почерком, текстом. Бейли не удивился. Солярия, должно быть, располагала отпечатками его пальцев, — ведь капсула могла раскрыться только от прикосновения адресата.

Он прочел бумагу, и на его продолговатом лице отразилось удовлетворение. Это было официальное разрешение на личные визиты. Требовалось, правда, согласие и другой стороны, но солярианам предписывалось оказывать всяческое содействие «агентам Бейли и Оливо».

Аттлбиш капитулировал — на это указывало и то, что фамилию землянина он поставил первой. Добрый знак, чтобы начать наконец вести следствие, как полагается.

Бейли снова летел аэропланом, как из Нью-

Йорка в Вашингтон, но с одной разницей. Этот аэроплан не был затемнен — окна оставили незаслоненными.

День выдался ясный и солнечный. С того места, где сидел Бейли, окна выглядели как голубые лоскуты — одинаковые и однообразные. Бейли старался не прятаться и зарывался головой в колени лишь тогда, когда становилось совсем уж невмоготу.

На эти муки он пошел по собственной воле. И все потому, что его просто распирало чувство триумфа, свободы, сознание того, что он, поборов сначала Аттлбиша, а потом Дэниела, утвердил перед космонитами достоинство Земли.

Начал он с того, что прошел по открытому месту в поджидавший его аэроплан, испытывая легкое, почти приятное головокружение, и в приступе маниакальной самоуверенности приказал не затемнять окон.

Надо привыкать, сказал он себе — и не отводил глаз от синевы, пока не заколотилось сердце и комок в горле не вырос до нестерпимых размеров.

Приходилось время от времени — все чаще — зажмуривать глаза и закрывать руками голову. Самоуверенность потихоньку утекала, и даже прикосновение к кобуре со свежезаряженным

бластером не могло остановить течь.

Бейли старался сосредоточиться на плане своих действий. Сначала изучить образ жизни на планете. Набросать фон, на котором все держится, иначе он ни в чем не разберется.

Повидаться с социологом!

Он спросил у робота, кто самый известный социолог на Солярии. Лучше всего в роботах то, что они не задают вопросов.

Робот назвал ему фамилию, перечислил основные данные и заметил, что сейчас у социолога, скорее всего, второй завтрак и он может попросить перенести сеанс.

— Второй завтрак? — возмутился Бейли, — Не смеши меня. Полдень только через два часа.

— Я ориентируюсь на местное время, хозяин, — сказал робот.

Бейли понял не сразу. В земных Городах периоды сна и бодрствования, то есть день и ночь, были искусственными, приспособленными для нужд человека и планеты. А на такой планете, как эта, лежащей нагишом под солнцем, день и ночь вовсе не зависят от людей, а попросту навязываются им.

Бейли попытался представить себе планету в виде сферы, которая при вращении то освеща-

ется солнцем, то нет. Это ему плохо удавалось, и он почувствовал презрение к сверхчеловекам, позволяющим движению планеты диктовать им такой существенный фактор, как время.

— Все равно, свяжись с ним, — сказал он роботу.

Самолет встречала группа роботов, и Бейли забила крупная дрожь, когда он снова вышел на воздух. Он сказал ближайшему роботу:

— Дай-ка я обопрусь на твою руку, бой. Социолог ждал его в конце длинного холла, напряженно улыбаясь,

— Добрый день, мистер Бейли.

— Добрый день, сэр, — едва дыша, кивнул Бейли. — Можно попросить вас затемнить окна?

— Уже сделано. Я кое-что знаю о Земле. Прошу за мной.

Бейли сделал усилие и последовал за хозяином без помощи робота, на приличном расстоянии от того, через холл и лабиринт коридоров. Наконец он уселся в большой и красиво обставленной комнате и порадовался, что можно отдохнуть.

Вдоль стен шли неглубокие закругленные ниши, в которых стояли розовые с золотом скульптуры. Абстрактные изваяния радовали глаз, хотя на первый взгляд ничего не означали.

Предмет, похожий на большой ящик, увешанный белыми цилиндрами и со множеством педалей, был, скорее всего, музыкальным инструментом,

Бейли посмотрел на социолога — тот выглядел точно так же, как собственное изображение, с которым Бейли разговаривал днем. Высокий, худой, с белоснежными волосами. Его лицо поразительно напоминало клин, нос выдавался, живые глаза сидели глубоко в глазницах.

Звали его Ансельмо Квемот.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, пока Бейли не счел, что более или менее овладел своим голосом. Первые его слова не имели никакого отношения к следствию и вылетели как-то непроизвольно:

— Можно мне чего-нибудь выпить?

— Чего, например? — Голос у социолога был слишком высокий, чтобы считаться приятным. — Желаете воды?

— Предпочел бы что-нибудь покрепче, Социолог крайне растерялся — как видно, обязанности гостеприимства были ему незнакомы.

А ведь так оно и есть, подумал Бейли. В мире, где люди общаются на расстоянии, никто никого не угощает.

Робот принес глазированную чашечку со свет-

ло-розовым напитком. Бейли осторожно понюхал его и с куда большей осторожностью попробовал на вкус. Жидкость согрела рот и не без приятности прошла вниз по пищеводу. Бейли отпил глоток.

— Если желаете еще… — сказал Квемот.

— Нет, спасибо, пока нет. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились встретиться со мной.

Квемот попробовал улыбнуться, что ему определенно не удалось.

— Давненько со мной такого не случалось. Да. — Его заметно передернуло.

— Должно быть, это вам дается с трудом?

— И с немалым, — Квемот рывком отвернулся и отошел к стулу в противоположном конце комнаты. Стул он поставил так, чтобы сидеть не лицом к Бейли, а наискосок от него, и сел, стиснув руки в перчатках. Ноздри у него подергивались.

Бейли допил свою чашку, ощущая тепло во всем теле и даже несколько восстановив былую уверенность.

— А что именно вы чувствуете, когда я здесь, доктор Квемот?

— В высшей степени нескромный вопрос, — пробормотал социолог.

— Знаю. Но я ведь, кажется, объяснял вам по видео, что расследую убийство и мне придется задавать очень много вопросов, среди которых неизбежно будут и нескромные.

— Помогу, чем могу. Надеюсь, вопросы не будут выходить за рамки приличия, — Квемот продолжал смотреть в сторону, а когда встречался взглядом с Бейли, то сразу же отводил глаза.

— Я спрашиваю о ваших чувствах не просто из любопытства. Это чрезвычайно важно для следствия.

— Не вижу связи.

— Я недостаточно хорошо знаю ваш мир, и мне нужно понять соляриан, их мысли и чувства. Теперь улавливаете?

Квемот совсем перестал смотреть на Бейли и медленно заговорил:

— Десять лет назад умерла моя жена. Встречаться и с ней было нелегко, но со временем начинаешь привыкать — и потом, она не была навязчивой. Новую жену мне не назначили, поскольку я вышел из возраста… — он посмотрел на Бейли, будто ожидая, что тот договорит за него, но Бейли молчал, и Квемот закончил, понизив голос: — …из возраста воспроизводства. А без жены я совсем отвык от такого вида общения, как

личные встречи.

— Но что вы все-таки испытываете? — настаивал Бейли. — Панику? — Он вспомнил себя в самолете.

— Нет. Не панику. — Квемот чуть-чуть повернул голову к Бейли и тут же отвернулся. — Буду откровенным, мистер Бейли. Мне кажется, что от вас пахнет.

— Пахнет? — Бейли, задетый за живое, машинально откинулся на спинку стула.

— Это, конечно, только воображение, — сказал Квемот. — Откуда мне знать, пахнет ли от вас и насколько сильно — даже самый сильный запах не может проникнуть сквозь носовые фильтры. Однако воображение… — Он пожал плечами.

— Понимаю.

— И хуже того. Простите меня, мистер Бейли, но в присутствии человека я чувствую себя так, будто вот-вот коснусь чего-то слизистого, и меня всего передергивает. Неприятнейшее ощущение.

Бейли задумчиво потер ухо, борясь с раздражением. Что ж поделаешь, если человек столь бурно реагирует по пустякам.

— Если так, то меня удивляет, что вы, можно сказать, охотно пошли на встречу со мной. Вы ведь предвидели, что вам будет неприятно.

. — Да, предвидел, Но любопытство победило — вы ведь землянин.

Это как раз и должно было удержать тебя от встреи, сардонически подумал Бейли, но вслух сказал:

— Ну и что же?

Квемот заговорил с внезапным энтузиазмом:

— Не так легко объяснить, даже самому себе. Но я вот уже десять лет занимаюсь социологией, причем профессионально. Разработал некоторые новые концепции, которые на первый взгляд поражают, но в основе своей верны. Одна из моих концепций вызвала во мне чрезвычайный интерес к Земле и землянам. Видите ли, если глубоко изучить солярианское общество и образ жизни, становится очевидным, что модель и того и другого целиком и полностью заимствована с Земли.

Глава десятая
Аналогия прослеживается

— Что-о? — невольно вскрикнул Бейли. Квемот посмотрел на него через плечо, помолчал и сказал;

— Я говорю не о современной земной цивилизации.

— А-а.

— Модель заимствована из прошлого. Из древней истории Земли. Как землянин, вы должны ее знать.

— Кое-какие книги просматривал, — осторожно сказал Бейли.

— Тогда вы поймете меня.

Бейли, который не понимал ровным счетом ничего, сказал:

— Позвольте объяснить вам, что именно мне нужно. Я хотел бы, чтобы вы мне рассказали, если можно, почему Солярия так отличается от других Внешних Миров, почему здесь так много роботов, почему у вас такой образ жизни. Простите, если я ухожу от темы разговора.

Он как раз и хотел сменить тему. Обсуждение

сходства и различия между солярианской и земной культурами — слишком захватывающий предмет. Можно проторчать тут весь день и уйти, так и не получив нужных сведений.

— Вы хотите сравнить Солярию с другими Внешними Мирами, но не хотите сравнивать ее с Землей, улыбнулся Квемот.

— Землю я знаю, сэр.

— Как угодно. — Солярианин кашлянул. — Вы не возражаете, если я еще немного поверну стул и сяду к вам спиной? Так будет… удобнее.

— Как вам угодно, доктор Квемот, — холодно сказал Бейли.

— Хорошо. — Повинуясь тихому распоряжению Квемота, робот развернул стул, и социолог, скрывшись от глаз Бейли за внушительной спинкой, сразу оживился, и даже голос у него стал глубже и громче.

— Солярия была открыта людьми около трехсот лет назад. Первыми поселенцами на планете были нексониане. Вам знаком Нексон?

— Боюсь, что нет.

— Это ближайшая к Солярии планета, парсеках в двух от нее. Нексон и Солярия представляют собой пару самых ближних обитаемых планет в Галактике. Жизнь существовала здесь еще до

открытия Солярии людьми, и наша планета была вполне пригодна для обитания, что и привлекло сюда состоятельных нексониан, которым стало трудно поддерживать желаемый уровень жизни из-за роста населения на собственной планете.

— Роста населения? Я думал, космониты регулируют его.

— Солярия регулирует, но остальные Внешние Миры подходят к этому довольно небрежно. К тому времени население Нексона приближалось к двум миллионам. При такой плотности приходилось ограничивать количество роботов, которыми могла владеть отдельная семья. Поэтому нексониане, у которых была такая возможность, начали строить дачи на Солярии, планете плодородной, с хорошим климатом и без хищной фауны. Те, кто селился на Солярии, могли и до Нексона добираться без особых хлопот, и на новой планете жить в свое удовольствие. Роботов можно было заводить сколько угодно — в зависимости от возможностей. Поэтому и размеры усадеб не ограничивались — на пустой планете с землей проблем не возникало, а при неограниченном количестве роботов не было проблем и с ее обработкой. Роботов стало так много, что их оборудовали рациями — вот начало

развития нашей прославленной роботехники, Мы начали создавать новые модели, с новым оборудованием и новыми возможностями. Цивилизация требует изобретений — этот афоризм, по-моему, изобрел я.

Робот по знаку, которого Бейли не заметил из-за спинки стула, принес Квемоту такой же, как у Бейли, напиток. Бейли больше не предлагали, и он решил, что сам не попросит.

— Преимущества жизни на Солярии были очевидны для всех, — продолжал Квемот. — Солярия вошла в моду. На ней селилось все больше нексониан, и она сделалась, по моему излюбленному определению, «планетой-виллой». Постепенно многие поселенцы стали жить на Солярии круглый год, ведя свои дела на Нексоне через поверенных. На Солярии появились заводы по сборке роботов, а на фермах и рудниках стали производить так много продукции, что представилась возможность экспорта. Короче говоря, мистер Бейли, стало ясно, что через каких-нибудь сто лет на Солярии будет столько же народу, как на Нексоне. Было бы смешно и расточительно найти такой новый мир и потерять его из-за недостатка предусмотрительности. Чтобы не вдаваться в тонкости политики, скажу только,

что Солярия сумела добиться независимости и отстоять ее без войн. Помогло, конечно, и то, что во Внешних Мирах нас ценили как поставщиков специализированных роботов. По достижении независимости первой нашей заботой стало ограничить население до разумных пределов. Мы стали регулировать рождаемость и иммиграцию, а свою потребность в рабочей силе удовлетворяли, увеличивая количество роботов и совершенствуя их,

— А почему соляриане не хотят встречаться друг с другом? — спросил Бейли, раздраженный несколько покровительственной манерой Квемота.

Квемот выглянул из-за спинки стула и сразу спрятался обратно.

— Неизбежные последствия. У нас здесь огромные поместья. Нередки владения площадью десять тысяч квадратных миль, хотя в них входят и неудобные земли. Площадь моего имения — 950 квадратных миль, зато это сплошь хорошая земля. Во всяком случае, именно размер имения, больше чем что-либо другое, определяет позицию человека в обществе. И одно из преимуществ большого поместья в том, что по нему можно бродить, почти не рискуя зайти на

территорию соседа, а значит, и встретиться с ним. Понимаете?

— Вроде бы да, — пожал плечами Бейли.

— Короче говоря, гордость солярианина состоит в том, чтобы не встречаться со своим соседом. И потом, его имение так хорошо обрабатывается роботами и так исправно приносит доход, что ему и не нужно ни с кем встречаться. Нежелание общаться лично привело к развитию техники видеосвязи, а с ее совершенствованием все более отпадала необходимость видеться с соседом. Это заколдованный круг, разновидность обратной связи. Понимаете?

— Послушайте, доктор Квемот, — сказал Бейли, — не надо ради меня все упрощать. Я не социолог, но прошел элементарный курс в колледже — земном, конечно, — скромно добавил он, чтобы предупредить встречное, более обидное, замечание собеседника. — И могу разобраться в формулах.

— В формулах? — чуть ли не взвизгнул Квемот.

— Не в роботехнических, конечно, тут я пас, но в социологических могу. Например, мне знакомо соотношение Терамина.

— Что-что?

— Может быть, у вас оно называется по-дру-

гому? Зависимость степени терпения масс от предоставляемых привилегий: дэ итое, деленное на йот, в энной степени…

— О чем вы говорите?

Бейли растерянно умолк, сбитый с толку резким тоном Квемота.

В чем дело? Ведь зависимость терпения от привилегий — это основа науки управлять массами без взрыва. Отдельная кабинка в общественном туалете, предоставленная одному человеку за особые заслуги, заставит х человек терпеливо дожидаться такого же подарка судьбы, причем величина х зависит от разных категорий среды и темперамента, что и вычисляется по формуле Терамина.

Но с другой стороны, в мире, где одни привилегии и никто не терпит лишений, коэффициент Терамина стремится к кулю. Наверное, он неудачно выбрал пример. Бейли сделал новую попытку:

— Видите ли, сэр, одно дело — качественный анализ роста предубеждения против личных встреч. Мне от него никакой пользы. Мне нужна точная формула этого предубеждения. Чтобы я мог с ним бороться. Я хочу убедить людей согласиться встречаться со мной, как согласились вы.

— Мистер Бейли, нельзя же обращаться с

человеческими эмоциями, как с рефлексами позитронного мозга,

— Я и не говорю, что можно. Роботехника — дедуктивная наука, а социология — индуктивная. Но математикой можно пользоваться и в той и в другой.

Квемот помолчал и сказал дрожащим голосом:

— Вы же сами сказали, что вы не социолог.

— Да, но вы-то социолог. Как утверждают, лучший на планете.

— Я здесь единственный. Можно сказать, я и создал эту науку.

— Вот как? — Бейли помялся, потому что следующий вопрос казался дерзким даже ему самому. — А вы знакомы с трудами по социологии?

— Аврорианские труды я читал.

— А земные?

— Земные? — Квемот засмеялся деланным смехом. — Мне бы и в голову не пришло знакомиться с земной наукой. Простите, не хотел вас обидеть.

— Ну тогда извините. Я думал получить от вас конкретные сведения, которые помогли бы мне при встречах с другими людьми, так сказать, лицом к лицу…

Квемот издал некий странный звук, его стул отлетел в сторону и с грохотом перевернулся.

Бейли услышал сдавленнее «извините», и Квемот с неподобающей быстротой выскочил из комнаты.

Бейли вскинул брови. Что он сморозил на этот раз? Иосафат! Снова нажал не на ту кнопку?

Он нерешительно поднялся с места, но тут вошел робот.

— Господин, мне поручено передать, что мой господин свяжется с вами через несколько минут.

— Свяжется, бой?

— Да, господин. Не желаете ли тем временем закусить?

Он вновь поставил рядом с Бейли чашечку розового напитка и добавил тарелочку с каким-то печеньем, еще теплым.

Бейли снова сел и отпил из чашки. Печенье на ощупь было твердым, но во рту таяло, а внутри было мягким и более теплым, чем снаружи. Бейли не сумел определить, из чего оно состоит, и подумал — наверное, из местных солярианских продуктов.

Ему вспомнился ограниченный дрожжевой рацион Земли. Интересно, нашли бы там сбыт дрожжевые штаммы, имитирующие блюда Внешних Миров?

Но Бейли тут же об этом забыл — прямо перед ним возник из ниоткуда Квемот. Лицом к гостю! Социолог сидел на стуле, уже не столь массивном, в комнате, стены и потолок которой резко отличались от комнаты, где сидел Бейли. Квемот улыбался, морщины у него на лице стали резче и, как ни парадоксально, сделали моложе, подчеркнув живость глаз,

— Тысяча извинений, мистер Бейли. Мне казалось, я с честью выдерживаю нашу встречу, но то была иллюзия. Ваша последняя фраза меня попросту добила.

— А что я такого сказал, сэр?

— Что-то о встречах лицом к л… — Он потряс головой и провел языком по губам. — Нет, уж лучше не повторять. Думаю, вы и так поняли. У меня в уме сразу возникла отвратительная картина, как мы с вами сидим и дышим… друг на друга. — Солярианин вздрогнул. — Отвратительно, вы не находите?

— Как-то не задумывался.

— По-моему, ужасно мерзкая привычка. Услышав ваши слова, я представил себе эту картину и сразу осознал — мы ведь с вами действительно в одной комнате, и пусть я сижу не к вам лицом, все равно воздух, побывавший в ваших легких,

идет ко мне и поступает в мои. При моей чувствительной натуре…

— Каждая молекула солярианской атмосферы уже прошла через тысячи легких. Иосафат! Воздух уже побывал в легких у животных и в жабрах у рыб.

— Верно, — сказал Квемот, уныло потирая щеку, — но я стараюсь не думать об этом. Меня вывело из равновесия то, что вы здесь и оба мы дышим. Просто удивительно, какое это облегчение — разговор по видео.

— А я ведь остаюсь под одной крышей с вами, доктор Квемот.

— Удивительно, не правда ли? Вы со мной под одной крышей, но изображение — совсем другое дело. По крайней мере теперь я знаю, что такое личная встреча с незнакомцем., и больше такого не допущу.

— Можно подумать, вы экспериментировали.

— В каком-то смысле да. Это был мой побочный мотив. И результаты получились интересные, хотя и стоили переживаний. Надо будет записать.

— Что записать? — не понял Бейли.

— Свои ощущения! — в свою очередь удивился Квемот.

Бейли вздохнул. Снова непонимание. Постоян-

ное непонимание.

— Я спрашиваю только потому, что сразу подумал — не пользуетесь ли вы прибором для измерения эмоций, вроде электроэнцефалографа. — Бейли безуспешно осмотрел комнату. — Но у вас, наверное, карманная модель, которую не нужно включать в сеть. У нас на Земле таких нет.

— Я полагаю, — обиженно сказал солярианин, — что способен отдать себе отчет в своих чувствах и без прибора. Эмоции были достаточно ярко выражены.

— Да, конечно, но для количественного анализа… — не унимался Бейли.

— Не знаю, что вам, собственно, нужно, — проворчал Квемот. — Когда я хочу познакомить вас с чем-то действительно новым, со своей теорией, которую не вычитал ни в каких книгах и которой просто горжусь…

— Что же это за теория, сэр?

— Ну как же: связь солярианской цивилизации с одной из древних цивилизаций Земли.

Бейли вздохнул. Если сейчас он не даст Квемоту излить душу, то нечего потом рассчитывать на его содействие.

— С какой именно?

— Спарта! — Квемот вскинул голову, и его белые волосы на миг засветились, как нимб. — Я уверен, что вы слышали о Спарте!

Бейли почувствовал облегчение. В молодости (как и многие земляне) он питал большой интерес к древней истории Земли. Ведь тогда Земля была великой, потому что была единственной, и земляне владели миром, потому что не было космонитов. Но история Земли — понятие растяжимое. Вдруг Квемот сошлется на период, незнакомый Бейли, и поставит землянина в неловкое положение. Теперь Элайдж мог сказать, хотя и с осторожностью:

— Да. Я видел кое-какие фильмы.

— Вот и хорошо. Итак, в Спарте в дни ее расцвета проживало сравнительно немного спартиатов — полноправных граждан, более многочисленные граждане второго сорта — периэки и большое количество бесправных рабов — илотов. На одного спартиата приходилось двадцать илотов, а ведь илоты были людьми — с человеческими чувствами и человеческими слабостями. Чтобы успешно подавлять восстания своих рабов, несмотря на численное превосходство последних, спартиаты стали воинами-профессионалами. Каждый из них превратил себя в солдата, и цель, к кото-

рой стремилось общество, была достигнута. Все восстания илотов заканчивались поражением восставших. Так вот, мы, люди, живущие на Солярии, в какой-то степени напоминаем спартанцев. У нас есть свои илоты, только они не люди, а машины. Они не поднимают восстаний, и можно их не бояться, даже если роботов в тысячу раз больше на одного человека, чем илотов на одного спартиата. Мы сохраняем избранность спартанцев без необходимости изнурять себя суровой тренировкой. Напротив, мы можем развивать культуру и искусства уже по примеру афинян — это современники спартанцев, которые…

— Про афинян я тоже смотрел фильмы.

— Все известные нам цивилизации были построены в виде пирамиды, — все более воодушевляясь, продолжал Квемот. — У того, кто поднимался на вершину пирамиды, становилось больше досуга и больше возможности достичь счастья. Карабкаясь наверх, он видел: чем больше благ, тем меньше людей, которые могут ими пользоваться. И угнетенные неизменно преобладают. Запомните: как бы хорошо ни жили нижние слои пирамиды по абсолютной шкале, они всегда лишены чего-то по сравнению с верхушкой. Например, самые бедные жители

Авроры живут лучше земных аристократов, но по сравнению с аврорианскими аристократами они лишены многих благ — а сравнивают себя не с кем-нибудь, а с сильными своего мира.

Итак, в любом обществе существуют социальные трения. Социальные революции и реакция на них, то есть защита от возможной революции или подавление вспыхнувшей — вот причина бед человечества, которыми пронизана вся история.

Но у нас на Солярии верхушка пирамиды впервые поставлена отдельно. Место угнетенных заняли роботы. Мы создали первое новое, по-настоящему новое общество; совершили величайшее социальное открытие, равное по значимости тому, какое сделали крестьяне Египта и Шумера, изобретя города, — Квемот с улыбкой откинулся назад.

Бейли кивнул.

— Ваша теория была опубликована?

— Когда-нибудь, возможно, я ее опубликую, — с наигранной беззаботностью сказал Квемот. — Пока нет. Это мой третий вклад в солярианскую культуру.

— Первые два были столь же значительны?

— Они не относились к социологии. В свое время я был скульптором. Все, что вас окружает, — он

указал на статуи в нишах, — мои работы. Был я и композитором. Но я старею, а Рикэн Дельмар всегда утверждал, что науки и ремесла важнее изящных искусств — вот я и решил заняться социологией.

— Значит, Дельмар был вашим близким другом?

— Я знал его. К моему возрасту знаешь уже всех взрослых соляриан. Да, не могу не согласиться с тем, что мы с Дельмаром были хорошими знакомыми.

— Что он был за человек? — Как ни странно, при упоминании о Дельмаре Бейли вспомнилась Глэдия, — такая, какой он видел ее в последний раз, с лицом, искаженным гневом, разъяренная его, Элайджа Бейли, поведением и высказываниями.

Квемот задумался.

— Достойный, преданный Солярии и нашему образу жизни.

— Другими словами, идеалист.

— Законченный. Это видно хотя бы по тому, что за свою работу фетоинженера он взялся добровольно. Решил заняться прикладной наукой — я уже говорил, какого мнения он был на сей счет.

— Это был незаурядный поступок?

— А вы бы сами… все время забываю, что вы землянин. Да: незаурядный, Фетология из тех работ, которые выполнять необходимо, но охотников на них не находится. Обычно работников назначают на определенное количество лет, и получить такое назначение не очень-то приятно. Дельмар же вызвался добровольно — и на всю жизнь. Он считал, что эта работа слишком важна, чтобы делать ее из-под палки, и убедил в том меня. Но сам я никогда не стал бы добровольно заниматься этим. Просто не способен пожертвовать собой. Тем больше его самопожертвование — ведь он был такой фанатик личной гигиены.

— Я, признаться, не совсем понимаю, в чем заключалась его работа.

Морщинистые щеки Квемота слегка зарделись.

— Может быть, вам лучше поговорить с его ассистентом?

— Я бы давно это сделал, если бы кто-нибудь соизволил сказать мне, что у него был ассистент.

— Очень жаль, что вам не сказали. Наличие ассистента — еще один показатель ответственности Дельмара перед обществом. Раньше такой должности не было. Но Дельмар счел необходимым воспитать молодую смену, чтобы оставить

себе преемника на случай своей отставки или… или смерти. — Старый солярианин тяжело вздохнул, — И вот я пережил его, а он был намного моложе меня. Я с ним играл в шахматы — много раз.

— Каким образом?

— Обычным, — вскинул брови Квемот.

— Вы что, встречались?

— Что за мысль! — ужаснулся Квемот. — Даже если бы у меня получилось перенести близость, Дельмар никогда бы не пошел на такое. Работа фетолога не притупила в нем чувствительности. Он был щепетильный человек.

— Тогда как же?

— На двух досках, как играют все, — Квемот снисходительно пожал плечами. — Нуда, вы же землянин. Он делал мой ход на своей доске, я его ход — на своей, Очень просто.

— А госпожу Дельмар вы знаете?

— Мы общались. Она ведь полевая колористка, и я смотрел пару ее выставок. По-своему прелестно, но это скорее диковинки, чем произведения искусства. А все-таки занятно и свидетельствует о проницательности ума.

— Как по-вашему, способна она убить мужа?

— Не задумывался. Женщины — существа

загадочные. Но тут случай бесспорный, не так ли? Только госпожа Дельмар могла достаточно близко подойти к Рикэну, чтобы убить его. Рикэн никогда, ни при каких обстоятельствах не допустил бы к себе никого другого. Он был крайне щепетилен на этот счет. Хотя, пожалуй, «щепетилен» — не то слово. В нем просто не было и следа какой-либо ненормальности, извращенности. Истинный солярианин.

— Разве то, что вы допустили меня к себе, указывает на вашу извращенность?

— Пожалуй, да. Я сказал бы, тут есть нечто от скатофилии.

— А не могли Дельмара убить по политическим мотивам?

— Что?

— Я слышал, он был традиционал.

— О, мы тут все традиционалы.

— Значит, на Солярии нет такой группы людей, которые не являлись бы традиционалами?

— Ну, скажем, есть такие, которые считают, что излишнее рвение в соблюдении обычаев предков опасно. Им не дает покоя наша малочисленность — в других мирах, мол, населения гораздо больше. В общем, все это глупости, и таких людей немного. Не думаю, что они могут считаться силой.

— Почему глупости? Разве на Солярии есть нечто такое, что удерживает военное равновесие, несмотря на большое численное преимущество прочих Внешних Миров? Какое-то новое оружие?

— Оружие, безусловно, есть, Только не новое. Люди, о которых я говорил, скорее слепы, чем глупы, если не видят, что оно постоянно в действии и сопротивляться ему бесполезно.

— Вы это серьезно? — сузил глаза Бейли.

— Разумеется.

— И вы знаете, что это за оружие?

— Кто же не знает? И вы знаете — стоит только подумать. Я понимаю чуточку яснее других — возможно, потому, что я социолог. Конечно, это оружие в бою не используется. Оно не убивает, не ранит — и все-таки непобедимо. Тем более непобедимо, что его никто не замечает.

— Так о каком же чудо-оружии вы толкуете? — раздраженно спросил Бейли.

— О позитронном роботе.

Глава одиннадцатая
Ферма обследуется

Бейли на миг похолодел. Позитронный робот — символ превосходства космонитов над землянами! Да, это действительно оружие.

— Роботы скорее экономическое оружие, — сказал он недрогнувшим голосом. — Солярия ценится во Внешних Мирах как поставщик усовершенствованных моделей, поэтому ей не причинят вреда.

— Само собой разумеется. Это и помогло нам отстоять независимость. Я имел в виду кое-что другое, более тонкую материю, космическую точку зрения, — Квемот устремил взгляд на свои сложенные пальцы, а умом, должно быть, устремился к неким абстрактным понятиям.

— Еще одна ваша теория? — спросил Бейли, и тщетная попытка Квемота удержать расползающиеся в самодовольной улыбке губы едва не вызвала у него усмешку.

— В самом деле, моя. Насколько я знаю, она оригинальна, но при внимательном изучении демографической статистики Внешних Миров

становится очевидной для всех. Начнем с того, что со времен своего изобретения позитронный робот используется повсюду все более и более интенсивно.

— Только не на Земле.

— Полно, инспектор. Я не очень хорошо знаю Землю, но мне все-таки известно, что роботы используются и в вашей экономике. Вы, люди, живете в крупных Городах, а большая часть планеты пустует. Кто же работает на ваших фермах и рудниках?

— Роботы, — сознался Бейли. — Но если разобраться, доктор, то и позитронного робота тоже изобрели земляне.

— Правда? Вы уверены?

— Можете проверить — это факт.

— Интересно. А по использованию роботов вы на последнем месте. Возможно, это следствие большой численности земного населения, Потребуется более длительное время, вот и все. Однако и у вас есть роботы, даже в Городах.

— Да.

— И больше, чем; скажем, пятьдесят лет назад.

— Да, — нетерпеливо кивнул Бейли,

— Тогда все сходится. Разница лишь во времени. Роботы вытесняют человеческий труд. Роботи-

зированная экономика движется только в одном направлении: побольше роботов и поменьше людей. Я изучил демографическую статистику очень внимательно, составил график и сделал несколько экстраполяции. Вот вам и применил математику, верно? — сам удивился Квемот.

— Да.

— А в этом что-то есть. Надо будет подумать. В общем, я пришел к выводам, верность которых не оставляет сомнений. Соотношение «робот — человек» в любом обществе, использующем труд роботов, постоянно возрастает, несмотря ни на какие законы, препятствующие этому. Рост идет медленно, но никогда не прекращается. Сначала прибавляется людей, а затем их опережают роботы, численность которых растет гораздо быстрее. Потом, после некой критической точки… А вот интересно, можно ли точно вычислить эту точку, представить ее графически? Снова ваша математика.

— Что же происходит после критической точки, доктор Квемот?

— А? Да-да. Людское население начинает сокращаться. Планета стремится к истинному социальному равновесию. Аврора придет к нему. Придет и ваша Земля. Земле на это может по-

требоваться несколько веков, но дело кончится все тем же.

— Что вы понимаете под социальным равновесием?

— Ситуацию, которая существует у нас. На Солярии, Мир, где люди составляют неработающий класс. Так что нам нечего бояться Внешних Миров. Стоит подождать каких-нибудь сто лет, и они все станут такими же Соляриями. Тогда и кончится, я полагаю, история человечества — по крайней мере, она придет к своему завершению. Наконец-то человек, сможет достичь того, к чему стремился и чего желал. Знаете, однажды я вычитал одну фразу — не помню где, — что-то о стремлении к счастью.

— «Все люди наделены Творцом некоторыми неотъемлемыми правами, — процитировал Бейли, — на жизнь, на свободу и на стремление к счастью».[1]

— Вот-вот. Откуда это?

— Из одного старого документа.

— И посмотрите, как все изменилось на Солярии — а скоро так будет и по всей Галактике. Стремление достигнет своей цели. Человечество

---

[1] notes: 1
Декларация прав человека — примеч. пер.

получит право на жизнь, на свободу и на счастье. Просто на счастье.

— Возможно, — сухо сказал Бейли, — но у вас на Солярии один человек убит, а другой находится при смерти. — Он почти тут же пожалел о своих словах — лицо Квемота приняло такое выражение, будто социолог получил пощечину. Старик понурил голову и сказал, не глядя на Бейли:

— Я ответил на ваши вопросы, как мог. Желаете узнать еще что-нибудь?

— Нет, достаточно. Благодарю вас, сэр. Прошу прощения за то, что растравил ваше горе, напомнив вам о смерти друга.

Квемот медленно поднял глаза.

— Трудно мне будет найти другого такого партнера по шахматам. Он всегда очень пунктуально соблюдал назначенное время и очень ровно играл. Хороший был солярианин.

— Понимаю, — мягко сказал Бейли. — Вы разрешите воспользоваться вашим видеофоном? Хочу поговорить со следующим, кого наметил посетить.

— Разумеется. Мои роботы к вашим услугам. А я вас оставлю. Сеанс окончен.

Через тридцать секунд после ухода Квемота рядом с Бейли возник робот, и инспектор снова

подивился, как тут здорово все устроено. Он видел, что Квемот, уходя, нажал на кнопку — вот и все.

Может быть, сигнал означает просто «делай свое дело». А может, роботы слушают все, о чем говорят люди, потому и знают, что может пожелать человек в тот или иной момент, а если под рукой нет робота, подходящего умственно и физически для определенной работы, он тут же вызывается по радио.

Бейли на миг представил себе Солярию в виде сделанного из роботов невода, ячейки которого все сужаются и сужаются, и в каждой ячейке сидит человек. Он вспомнил слова Квемота о мирах, которые все превратятся в подобие Солярии, представил, как невод захлестывает Землю…

Ход его мыслей прервал робот, изрекший с механической почтительностью машины.

— Готов помочь вам, господин.

— Ты знаешь, как связаться с местом, где работал Рикэн Дельмар?

— Да, господин.

Бейли пожал плечами. И когда только он отучится задавать ненужные вопросы? Роботы знают все — и точка. Чтобы управлять роботами как надо, подумалось ему, нужно быть специа-

листом, вроде роботехника. Интересно, как это получается у средних соляриан? Наверное, так себе.

— Свяжись с ассистентом Дельмара, — сказал он роботу. — А если его нет на работе — разыщи, где бы он ни был.

— Да, господин.

— Подожди! — окликнул Бейли уходящего робота, — Который час теперь там, где работал Дельмар?

— Примерно шесть тридцать, господин.

— Утра?

— Да, господин.

У Бейли снова вызвал раздражение мир, подчинивший себя восходу и заходу солнца. Вот что значит жить на голой планете.

Он мельком подумал о Земле, но отогнал эту мысль. Пока он занимается делом, все хорошо, но, если позволит себе тосковать, он пропал.

— Все равно, найди ассистента, бой, и скажи ему, что дело государственной важности — да пусть кто-нибудь принесет мне поесть. Достаточно будет сандвича и стакана молока.

Задумчиво жуя сандвич с чем-то вроде копченого мяса, Бейли подумал кстати, что Дэниел Оливо, пожалуй, стал бы подозрительно отно-

ситься к любой пище после случая с Грюером. И возможно, был бы прав.

Он доел сандвич — как будто все в порядке, во всяком случае, пока — и отхлебнул молока. Ему не удалось узнать у Квемота то, что хотелось, но кое-что он все-таки узнал. По размышлении Бейли стало казаться, что узнал он много.

Почти ничего об убийстве, это верно, но зато кое о чем поважнее.

Вернулся робот.

— Ассистент готов к сеансу, господин,

— Хорошо. Были затруднения?

— Ассистент спал, господин.

— Но теперь-то проснулся?

— Да, господин.

И перед Бейли возник ассистент, который сидел в постели, надутый и недовольный.

Бейли попятился, точно внезапно наткнулся на силовой барьер. Снова от него скрыли нечто очень важное. Снова он неправильно задал вопрос.

Никто не удосужился сказать ему, что ассистент Рикэна Дельмара — женщина.

Волосы у нее были чуть-чуть темнее космонитской бронзы, пышные и в настоящий момент растрепанные. Продолговатое лицо, нос немного

картошкой, крупный подбородок. Она почесывала себе бок чуть повыше талии, и Бейли понадеялся, что она не станет откидывать простыню. В памяти было еще живо вольное поведение Глэдии во время сеанса.

Бейли сардонически усмехнулся про себя, расставаясь с очередной иллюзией. На Земле почему-то считалось, что все космонитки — красавицы, и Глэдия подтверждала правило. Но ассистентка Грюера была некрасива даже и по земным меркам.

Поэтому, когда она заговорила, инспектор удивился приятному контральто.

— Послушайте, вы знаете, который час? — спросила она.

— Знаю. Но поскольку я хотел бы к вам приехать, то счел нужным предупредить.

— Приехать? Праведное небо... — она широко раскрыла глаза и поднесла руку к подбородку. На пальце у нее было кольцо, первое украшение, которое Бейли увидел на Солярии. — А вы случайно не мой новый ассистент?

— Нет, ничего похожего. Я расследую дело о смерти Рикэна Дельмара.

— Да? Ну и расследуйте себе.

— Как вас зовут?

— Клорисса Канторо.

— Вы давно работаете у доктора Дельмара?

— Три года.

— Вы ведь сейчас находитесь по месту работы? — Бейли устыдился своего казенного выражения, но он не знал, как называется место работы фетоинженера.

— То есть на ферме? — недовольно переспросила Клорисса. — Ну конечно. Я ее не покидала с тех самых пор, как пристукнули старика, и буду, похоже, торчать здесь, пока мне не назначат ассистента. Кстати, вы не могли бы ускорить это дело?

— Извините, мэм, я не обладаю таким влиянием.

— Что ж, спросить никогда не мешает.

Клорисса откинула простыню и без стеснения вылезла из постели. На ней было что-то вроде ночной рубашки, и она взялась за язычок замка около шеи.

— Минутку, — поспешно сказал Бейли. — Если вы согласны со мной встретиться, давайте сейчас расстанемся, и вы сможете одеться без посторонних глаз.

— Без посторонних глаз? — Она выпятила нижнюю губу и с любопытством уставилась на

Бейли. — Вы настолько щепетильны? Прямо как мой босс.

— Так, значит, можно с вами встретиться? Я хотел бы осмотреть ферму.

— Не понимаю, о какой встрече вы говорите, не если хотите видеть ферму, я вам устрою видеоэкскурсию. Дайте только мне умыться, сделать пару дел и немного проснуться, и я буду рада нарушить свою однообразную жизнь.

— Никакой видеоэкскурсии мне не надо. Я хочу видеть все своими глазами.

Женщина склонила голову набок и посмотрела на Бейли с профессиональным интересом.

— Вы извращенец, что ли? Давно проходили геноанализ?

— Иосафат! Да ведь я же с Земли. Элайдж Бейли.

— С Земли! — воскликнула она. — Праведное небо! А что вы здесь делаете? Или это какой-то сложный розыгрыш?

— Никакого розыгрыша. Меня пригласили расследовать убийство Дельмара. Я детектив, сыщик.

— А, вот вы о каком расследовании. Да ведь все и так знают, что его прикончила жена.

— Нет, мэм, мне это пока еще не ясно. Вы поз-

волите повидать вашу ферму и вас? Понимаете, будучи землянином, я не привык общаться по видео. Чувствую себя неловко. У меня есть разрешение от Службы Безопасности на встречи с людьми, которые могли бы мне помочь. Я покажу вам этот документ, если хотите.

— Покажите.

Бейли показал бумажку ее изображению.

— Встречаться! — потрясла она головой. — Надо же, гадость какая. А впрочем, что такое еще немного мерзости вдобавок к моей мерзкой работе? Только смотрите не приближайтесь ко мне. Держитесь на расстоянии, Можем кричать или передавать через робота, если надо. Понятно?

— Понятно.

Застежка ночной рубашки разъехалась, изображение погасло, и последним словом, которое услышал Бейли, было:

— Землянин!

— Достаточно, ближе не надо, — сказала Клорисса.

Бейли, стоя в двадцати пяти футах от нее, сказал:

— Я не возражаю, но хотел бы поскорей пройти в дом.

На этот раз почему-то все сошло не так уж

плохо: он перенес полет почти спокойно, но перегибать палку не следовало. Бейли еле сдерживался, чтобы не оттягивать воротник — так ему было душно.

— Что это с вами? — резко спросила Клорисса. — Вид у вас никудышный.

— Я не привык находиться на воздухе.

— Ну конечно! Вы же землянин! Всю жизнь взаперти. Праведное небо! — Она скривила губы, будто съела что-то неаппетитное. — Ну входите, только я сначала уйду с дороги. Готово. Давайте!

Ее волосы были заплетены в две толстые косы и уложены вокруг головы в сложную геометрическую конструкцию. Интересно, долго ли она возилась с такой прической, подумал Бейли, но потом сообразил, что тут, скорее всего, поработали не ведающие ошибок пальцы робота.

Прическа скрашивала продолговатое лицо Клориссы, придавала ему какую-то симметрию и делала его привлекательным, если не красивым. Она не пользовалась косметикой, а в одежде, видимо, стремилась только к удобству. В ее наряде преобладали глухие темно-синие тона, с которыми совсем не гармонировали лиловые перчатки до локтя — они явно не входили в обыденный костюм Клориссы. Бейли заметил утолщение на

пальце под перчаткой, где было кольцо.

Они стояли в разных концах комнаты, глядя друг на друга.

— Вам неприятна эта встреча, мэм? — спросил Бейли.

— А что тут приятного? — пожала плечами Клорисса. — Я не животное. Но терпеть можно. Поневоле закаляешься, когда имеешь дело с... — Она замолчала, потом вздернула подбородок, решившись говорить без жеманства: — ...с детьми, — Она четко выговорила запретное слово.

— Вы говорите так, будто вам не нравится ваша работа.

— Это работа важная, и кто-то должен ее делать. Но нет, она мне не нравится.

— А Рикэну Дельмару нравилась?

— Думаю, что нет, но он никогда этого не показывал. Он был хороший солярианин.

— И щепетильный.

Клорисса удивилась.

— Вы сами сказали. Когда мы говорили по видео и я предложил расстаться, чтобы вы могли одеться без посторонних глаз, вы заявили, что я такой же щепетильный, как ваш босс.

— А-а. Да; он таким и был. Даже по видео нико-

гда не позволял себе никаких вольностей. Всегда вел себя образцово.

— Это не совсем обычно?

— Ну почему же? В принципе все должны вести себя образцово, только никто этого не делает. Особенно по видео. Раз человека здесь нет, зачем стесняться? Знаете, я никогда не стесняю себя во время сеансов — только с боссом было иначе. С ним приходилось держаться в рамках.

— Вы восхищались доктором Дельмаром?

— Он был истинный солярианин.

— Вы назвали это место фермой и упомянули о детях. Вы здесь растите детей?

— С месячного возраста. Сюда поступают эмбрионы со всей Солярии.

— Эмбрионы?

— Да, эмбрионы, зародыши, — нахмурилась она. — Мы получаем их через месяц после зачатия. Вас это не смущает?

— Нет, — коротко ответил Бейли. — Вы покажете мне ваше хозяйство?

— Покажу. Только держите дистанцию.

Бейли с окаменевшим лицом смотрел в длинный зал, над которым они стояли. Между ними и залом была стеклянная перегородка, и по ту сторону, Бейли был в этом уверен, поддерживалась

идеальная температура, идеальная влажность, идеальная асептика. Повсюду тянулись ряды сосудов, в каждом из которых — в водянистом растворе, в питательной смеси, подобранной в идеальных пропорциях, — плавало крошечное существо. Они жили, они росли.

Крошечные существа, некоторые меньше его кулака, скрюченные, с выпуклыми головками, с конечностями, похожими на бутоны, и с хвостиками, которые скоро исчезнут,

Клорисса, в двадцати футах от него, спросила:

— Ну как, нравится, инспектор?

— Сколько их у вас тут?

— На сегодняшнее утро сто пятьдесят два. Мы каждый месяц получаем от пятнадцати до двадцати и столько же выпускаем в свет.

— Ваше учреждение — единственное на планете?

— Да. Одного достаточно для сохранения популяции, при средней продолжительности жизни триста лет и двадцати тысячах населения. Это здание — совершенно новое. Доктор Дельмар сам руководил постройкой и внес много нового в нашу технологию. Сейчас эмбриональная смертность практически равна нулю.

Между сосудами сновали роботы, неустанно

и тщательно считывая показания приборов у каждого сосуда.

— А кто оперирует материей? — спросил Бейли. — То есть извлекает малюток?

— Доктора.

— Доктор Дельмар тоже?

— Нет, конечно. Медики. Уж не думаете ли вы, что доктор Дельмар унизился бы до… ну неважно.

— А почему бы не использовать роботов?

— Роботы в хирургии? Первый Закон создает очень большие сложности, инспектор. Робот мог бы удалить аппендикс, чтобы спасти жизнь человеку, но сомневаюсь, чтобы потом этим роботом можно было пользоваться без капитального ремонта. Резать человеческую плоть — слишком большая травма для позитронного мозга. Только люди способны привыкнуть к этому — и даже к пребыванию рядом с пациентом.

— Но у вас, я вижу, роботы ухаживают за эмбрионами. Вы или доктор Дельмар когда-нибудь вмешивались в их действия?

— Иногда приходится, когда что-то идет не так, как надо. Например, если зародыш развивается неправильно. Нельзя полагаться на то, что роботы зерно оценят ситуацию, когда речь идет о

человеческой жизни.

— Да, сделай они неверный шаг — и жизнь погибнет, Это большой риск, — кивнул Бейли.

— Совсем наоборот. Риск в том, что они переоценят Жизнь и спасут ненужную, — сурово сказала женщина. — Мы, как фетоинженеры, следим за тем, чтобы дети рождались здоровыми, Бейли; *только* здоровыми. Даже тщательный геноанализ родителей не гарантирует благоприятной комбинации генов, не говоря уже о возможных мутациях. Неожиданные мутации доставляют нам много хлопот. Данный, показатель у нас ниже единицы на тысячу, и все-таки это значит, что в среднем раз в декаду у нас возникает проблема. — Клорисса пошла вдоль галереи, Бейли за ней, — Я покажу вам помещения для младенцев и дортуары для подросших детей. С ними гораздо больше хлопот, чем с зародышами. Здесь мы можем полагаться на роботов лишь до определенного предела.

— Почему?

— Вы поняли бы это: Бейли, если бы хоть раз попытались внушить роботу мысль о необходимости дисциплины. Первый Закон делает их просто непробиваемыми в этом отношении. И что вы думаете? Дети научаются вести себя с

роботами едва ли не раньше, чем говорить, Я видела, как трехлетний ребенок держал в бездействии дюжину роботов, вопя: «Вы мне сделали больно. Мне больно». Только робот высшей категории способен понять, что ребенок может лгать намеренно.

— А Дельмар умел унимать детей?

— Как правило, да.

— Как он это делал? Шел к ним и тряс, пока не образумятся?

— Чтобы доктор Дельмар до них дотрагивался? Праведное небо! Нет, конечно! Но он умел с ними разговаривать. И хорошо умел распоряжаться роботами. Я видела, как он продержал ребенка в кадре пятнадцать минут, а робота все это время заставлял его шлепать, раз за разом: шлеп, шлеп, шлеп. После этого ребенок понял, что с боссом шутки плохи. Босс был большой специалист, и робот, выполняя такие его команды, обычно нуждался потом лишь в обычной наладке.

— А вы? Вы ходите к детям?

— Увы, иногда приходится, Я не то что босс. Может, когда-нибудь я и научусь управляться с ними на расстоянии, но если я займусь этим теперь, то просто поломаю роботов, и все. Знаете, это целое искусство — командовать роботами

как следует. Но как подумаешь… Ходить к детям. Звереныши! А вы, видно, не против?

— Мне ничуть не страшно.

Клорисса пожала плечами и удивленно оглядела его.

— Землянин! — И снова пошла вперед. — И зачем вам все это? В конце концов придется признать, что убийца — Глэдия Дельмар. Придется, вот увидите.

— Не уверен, — сказал Бейли.

— Как так — не уверены? А кто еще?

— Вариантов много, мэм.

— Ну кто, например?

— Например, вы!

Реакция Клориссы на его слова очень удивила Бейли.

Глава двенадцатая
Выстрел не попадает в цель

Она рассмеялась.

Ее разобрал такой смех, что она стала задыхаться и вся побагровела. Она прислонилась к стене, ловя ртом воздух.

— Нет, не подходите, — остановила она Бейли, — Со мной все в порядке,

— Неужели это так смешно? — мрачно спросил инспектор.

Клорисса хотела ответить, снова расхохоталась и наконец прошептала:

— Какой же вы, землянин! Как я могла это сделать?

— Вы хорошо его знали. Знали все его привычки. Могли обдумать все заранее.

— И вы думаете, что я пришла к нему? Подошла настолько близко, чтобы размозжить голову? Ничего-то вы не понимаете, Бейли.

Бейли почувствовал, что краснеет.

— А почему бы и нет? Вы ведь привыкли… э-э… к личным контактам.

— С детьми.

— Одно вытекает из другого. Вы и мое присутствие как будто неплохо переносите.

— В двадцати футах от вас, — бросила она.

— Я только что был у человека, который чуть не упал в обморок во время моего визита.

— Разница только в степени выносливости, — посерьезнела Клорисса.

— По-моему, эта разница как раз все и решает. Привыкнув общаться с детьми, вы могли бы достаточно долго терпеть и присутствие Дельмара.

— Бот что, мистер Бейли, — уже без тени веселости сказала Клорисса, — что могла бы вынести я — дело десятое. Доктор Дельмар был щепетильный человек — почти такой же, как Либич. Почти. Даже если бы я и вынесла его присутствие, он бы не вынес моего. Госпожа Дельмар — единственная, кого он допустил бы к себе.

— А кто такой Либич?

— Этакий чудаковатый гений. Работал с боссом над роботами.

Бейли сделал в уме заметку и вернулся в разговору.

— Можно даже сказать, что у вас был мотив.

— Какой мотив?

— После смерти Дельмара вы заняли его должность, продвинулись по служебной лестнице.

— И это, по-вашему, мотив? Праведное небо, да кому нужна такая должность? Найдите мне на Солярии хоть одного желающего. Как раз из-за этого босса надо было беречь как зеницу ока. Пылинки с него сдувать. Придумайте что-нибудь получше, землянин.

Бейли нерешительно поскреб пальцем шею, понимая справедливость ее слов.

— Вы обратили внимание на мое кольцо, мистер Бейли? — спросила она. И даже собралась было снять правую перчатку, но передумала.

— Обратил.

— Вам, наверное, неизвестно его значение?

— Нет, — ответил он и с горечью подумал: никогда мне, видно, не избавиться от невежества.

— В таком случае не хотите ли небольшую лекцию?

— Если она поможет мне разобраться в вашем проклятом мире, то непременно.

— Праведное небо! — улыбнулась Клорисса. — Наверно, мы кажемся вам такими же, какой бы нам показалась Земля. Подумать только. Смотрите, вот пустая комната. Давайте войдем и сядем — нет, она недостаточно большая. Знаете что — садитесь, а я постою снаружи.

Клорисса отступила подальше по коридору,

пропуская Бейли в комнату, а потом встала у противоположной стены, чтобы видеть его.

Бейли сел, не особенно заботясь о галантности. Хочет стоять — ну и пусть ее, мстительно подумал он.

Клорисса начала, сложив на груди мускулистые руки:

— Геноанализ — ключ к нашему обществу. Гены, разумеется, нельзя анализировать напрямую, но каждый ген управляет одним энзимом, и можно анализировать энзимы. Кто знает энзимы, знает биохимию тела. Кто знает биохимию, знает человека. Понятно?

— В теории да. Как осуществляется на практике, не знаю.

— Это делается здесь, у нас. Анализ крови производится еще на поздней стадии эмбрионального развития. Так мы делаем первую прикидку. В идеале мы должны засечь все мутации уже на этой стадии и решить, показано рождение или нет. Но на практике мы знаем недостаточно, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Когда-нибудь мы к этому придем. А пока что продолжаем тесты и после рождения: биопсия, кровь и прочее. Во всяком случае, задолго до повзросления мы точно знаем, из чего сделаны

наши мальчики и девочки.

«Из конфет, из пирожных…» — вдруг вспомнилось Бейли.

— Мы носим кольца с обозначением своего генетического кода, — продолжала Клорисса. — Это старый обычай, пережиток тех примитивных времен, когда на Солярии еще не существовало евгеники. Теперь-то мы все здоровы.

— Но вы все-таки носите свое кольцо. Почему?

— Потому что я — особый случай, — без тени смущения, с нескрываемой гордостью сказала Клорисса. — Доктор Дельмар долго выбирал себе ассистента. Ему как раз и нужен был особый человек. Мозги, изобретательность, трудолюбие, надежность. Главное, надежность. Чтобы человек мог долго находиться среди детей и не сорваться.

— А сам он был на это не способен, верно? Значит, был ненадежен?

— В какой-то степени, но такая степень даже желательна. Вот вы руки моете?

Бейли покосился на свои руки — они были вполне чистые — и сказал:

— Да.

— Ну так вот — вы считались бы крайне ненадежным человеком, если бы отвращение ко всякой грязи доходило у вас до такой степени,

что вы не смогли бы вычистить замасленный механизм даже в чрезвычайной ситуации. Но в обыденной жизни определенная степень брезгливости заставляет вас мыть руки, и это нормально.

— Понятно. Продолжайте.

— Это все. По генетическому здоровью я занимаю третье место на Солярии с тех пор, как стали вести записи — потому и ношу кольцо. Мне нравится носить мой знак отличия,

— Поздравляю вас,

— Нечего ехидничать. Может, это и не моя заслуга, а слепая комбинация родительских генов, но все же есть чем гордиться. Никто не поверит, что я способна на такой психопатический поступок, как убийство — только не с моим генетическим строением. Так что не трудитесь обвинять меня.

Бейли молча пожал плечами. Похоже, эта женщина путает генетическое строение с доказательствами, как, наверное, и вся Солярия.

— Хотите теперь посмотреть молодняк?

— Да, благодарю вас.

Коридоры тянулись бесконечно — здание, должно быть, было громадное. Не такое, конечно, как квартирные блоки в земных Городах, но для

отдельного строения, стоящего на поверхности планеты, оно было просто колоссальное.

Клорисса показала Бейли сотни кроваток, где пищали, спали или кормились розовые младенцы. Дальше шли игровые комнаты для ползунков.

— В этом возрасте они еще ничего, — ворчливо говорила Клорисса; — хотя и требуют огромного количества роботов. Пока дети не начали ходить, почти на каждого из них приходится по одному роботу.

— А зачем?

— Они заболевают, если не получают индивидуальной заботы.

— Да, потребность в ласке остается, ничего тут не поделаешь.

— Я сказала «забота», — нахмурилась Клорисса.

— Просто удивительно — неужели роботы могут удовлетворить потребность в ласке?

Клорисса резко обернулась, и даже на расстоянии было видно, как она недовольна.

— Вот что, Бейли, если вы хотите меня шокировать неприличными словами, то вам это не удастся. Что вы как ребенок, праведное небо!

— Шокировать?

— Я и сама могу произнести это слово. Ласка! Хотите еще и слово из шести букв? Тоже могу. Любовь! Любовь! А теперь, если вам полегчало, ведите себя прилично.

Бейли, не вдаваясь в вопросы приличий, сказал:

— Спрошу по-другому: разве роботы могут заботиться о детях как следует?

— Очевидно, могут, иначе наша ферма не достигла бы таких успехов. Они балуют детей, нянчатся, носятся с ними. Дети-то не понимают, что это всего лишь роботы. Но от трех до десяти с детьми становится трудно.

— Да?

— В эти годы они непременно хотят играть друг с другом. Все поголовно.

— И вы им, стало быть, разрешаете?

— Приходится — но мы всегда помним о том, что обязаны готовить их к взрослой жизни. Каждый ребенок живет в отдельной комнате, где можно запираться. Они с самых ранних лет спят одни — мы настаиваем. В распорядок дня входят часы уединения, которые с возрастом увеличиваются. Когда ребенку исполняется десять лет, он уже может довольствоваться видеоконтактами целую неделю. Разумеется, и видеотехника у нас

превосходная. Связь можно поддерживать на воздухе, в движении — хоть целый день.

— Странно, что вам удается справиться с инстинктом. Я вижу, вы сражаетесь с ним, и на удивление успешно.

— О каком инстинкте вы говорите?

— О стадном. Он ведь налицо. Вы сами сказали, что дети хотят играть друг с другом.

— Вы называете это инстинктом? Пусть будет так. Праведное небо, ребенок инстинктивно, боится упасть, а взрослых можно приучить работать на высоте, где все время существует опасность падения. Вы же видели выступления воздушных гимнастов? Есть такие миры, где люди и живут в высотных домах. Еще дети инстинктивно боятся громких звуков, а вы разве боитесь?

— В пределах разумного.

— Могу поспорить, что земляне не могли бы спать при полной тишине. Праведное небо, нет такого инстинкта, который бы не поддался хорошему, настойчивому воспитанию. Особенно у человека, инстинкты которого слабы. А при правильном подходе каждое новое поколение будет все легче воспитывать. Вопрос эволюции.

— То есть как?

— А вы не понимаете? Каждая особь повторяет

в своем развитии процесс эволюции. У наших зародышей в определенный период были и жабры, и хвост. Эти стадии нельзя миновать. Вот так же и ребенок должен пройти стадию общественного животного. Но если зародыш за один месяц проходит стадию эволюции, на которую ушло сто миллионов лет, то и дети могут ускоренно пройти стадию общественного животного. Доктор Дельмар придерживался мнения, что постепенно, со сменой поколений, мы будем проходить ее все быстрее.

— В самом деле?

— Он подсчитал, что при нынешних темпах через три тысячи лет наши дети смогут сразу переходить на видеоконтакт друг с другом. У босса были и другие идеи. Он стремился создать таких роботов, которые могли бы заставлять детей слушаться без ущерба для своего умственного здоровья. А почему бы и нет? Дисциплина сегодня, чтобы лучше жить завтра — истинная суть Первого Закона; жаль, что роботам это пока невдомек.

— И такие роботы были созданы?

— Боюсь, что нет. Доктор Дельмар и Либич напряженно работали над опытными моделями.

— Не отправлялись ли подобные модели в

имение доктора Дельмара? Он достаточно разбирался в роботехнике, чтобы самому проводить испытания?

— О да. Он часто испытывал роботов.

— Вы знаете, что в момент убийства при нем был робот?

— Да, говорили.

— Не знаете, какая это была модель?

— Спросите лучше у Либича. Я вам говорила — того роботехника, что работал с доктором Дельмаром.

— А вы не знаете?

— Нет, не знаю.

— Если что-нибудь вспомните, скажите мне.

— Хорошо. Но вы не думайте, что Дельмар занимался только новыми моделями роботов. Он говорил, что придет время, когда неоплодотворенные яйцеклетки будут храниться в. запасниках при температуре жидкого воздуха, а потом подвергаться искусственному осеменению. Таким образом принципы евгеники осуществятся полностью, и отпадет последняя рудиментарная надобность в личных встречах. Не могу сказать, чтобы мне всегда удавалось следовать за его мыслью, но это был человек больших горизонтов — истинный солярианин.

Может, выйдем на воздух? Группу от пяти до восьми сейчас вывели играть в подвижные игры, и вы сможете понаблюдать за ними.

— Попробуем, — осторожно сказал Бейли. — Только мне, возможно, потребуется спешно вернуться в дом.

— Ах да, я забыла. Может быть, не выходить вообще?

— Нет. — Бейли выдавил из себя улыбку. — Я стараюсь привыкать к открытому воздуху.

Ветер был сущим мучением. Из-за него было трудно дышать. Он не был холодным в буквальном смысле слова, но ощущение отделяемой от тела одежды обдавало инспектора холодом.

У Бейли стучали зубы; так что приходилось не выговаривать, а цедить слова. Глазам было больно смотреть на далекий, расплывчатый голубовато-зеленый горизонт. Чуть легче становилось, если перевести взгляд на дорожку под ногами. Главное было не смотреть вверх, в голубую пустоту, где нет ничего, кроме белых громад случайных облаков и сияния обнаженного солнца.

Однако, как бы то ни было, пока он на открытом пространстве!

Следуя шагах в десяти за Клориссой, Бейли

прошел мимо дерева и осторожно протянул руку, чтобы потрогать его. Оно было шероховатое и твердое на ощупь. Вверху двигались и шелестели листья на ветках, но Бейли не стал на них смотреть. Живое дерево!

— Как вы себя чувствуете? — окликнула его Клорисса.

— Нормально.

— Группу уже видно. Они играют в какую-то игру. Игры организуют роботы, они же следят за тем, чтобы детеныши не залягали друг друга. Чего только не бывает при личном контакте.

Бейли медленно перевел взгляд на цементную дорожку, потом на траву, вниз по склону, все дальше и дальше, очень осторожно — чтобы тут же, если испугается, уставиться себе под ноги, — будто ощупывая дорогу…

Вот наконец вдали фигурки мальчиков и девочек. Носятся как угорелые, и горя им мало, что бегают по самому краю мира — дальше только воздух и космическое пространство. Среди детей, поблескивая, сновали роботы. В воздухе стоял гомон, в котором ничего нельзя было разобрать.

— До чего же им все это нравится, — сказала Клорисса. — Толкаться, пихаться, ругаться, падать, подниматься — контактировать, одним

словом. Праведное небо! И как только дети ухитряются стать взрослыми!

— А что делают вон те, постарше? — Бейли указал на группу детей, стоящих поодиночке.

— У них видеоконтакт. С помощью видео можно делать все, что угодно: вместе гулять, разговаривать, бегать, играть. Все можно, кроме физического контакта.

— А куда отправляются дети, когда уходят с фермы?

— В свои поместья. Количество смертей примерно соответствует количеству выпускников.

— В поместья своих родителей?

— Праведное небо, нет, конечно! Было бы поразительным совпадением, если бы родители умирали как раз тогда, когда дети достигнут совершеннолетия, не так ли? Нет, дети занимают освободившиеся поместья. Не думаю, чтобы кому-то из них было приятно жить в бывшем родительском имении, если бы они знали, конечно, кто их родители.

— Так они не знают?

— А зачем? — подняла брови Клорисса.

— Разве родители не навещают своих детей?

— Еще что придумаете! С какой стати?

— А можно я выясню кое-что для себя? Спраши-

вать людей, есть ли у них дети — дурной тон?

— Весьма интимный вопрос, вы не находите?

— В общем, да.

— Я-то привычная. Дети — моя профессия. Но о других этого не скажешь.

— Ау вас есть дети?

У Клориссы на шее слегка, но заметно дрогнул кадык — она сглотнула.

— Ну что ж, сама заслужила, А вы заслужили ответ. Нету.

— Вы замужем?

— Да, и у меня есть свое поместье, где я бы сейчас и была, если бы не чрезвычайная ситуация. Я просто не уверена, что смогу управлять всеми роботами, не присутствуя здесь. — Расстроенная Клорисса отвернулась и посмотрела на детей. — Ну вот, один уже шлепнулся и, конечно, плачет.

К ребенку большими шагами устремился робот.

— Сейчас его поднимут, возьму на руки, а если он сильно пострадал, позовут меня. Надеюсь, что этого не случится, — нервно добавила она.

Бейли набрал в грудь воздуха. Футах в пятидесяти влево от себя он заметил три дерева, образующие небольшой треугольник, и пошел к ним по мерзкой, мягкой траве — мягкой до омер-

зения (точно идешь по гниющему мясу, подумал Бейли, и его чуть не вырвало при этой мысли).

Но он дошел и прислонился спиной к стволу. Так было похоже, будто вокруг стены, хоть и ненадежные. Солнце бросало сквозь листву дрожащие блики, такие редкие, Что они почти не вызывали ужаса.

Клорисса, посмотрев на него с тропинки, медленно приблизилась на половину прежнего расстояния.

— Ничего, если я немного постою здесь? — спросил Бейли.

— Сделайте милость.

— Когда молодые люди уходят с фермы, как они потом ухаживают друг за другом?

— Ухаживают?

— Ну знакомятся, — Бейли не знал, как бы выразиться поприличнее, — чтобы потом пожениться.

— Это не их забота. Пары подбираются по результатам геноанализа, как правило, в ранней молодости. Очень разумно, не правда ли?

— И они охотно соглашаются?

— На брак? Никогда! Это очень большая травма. Нужно долго привыкать друг к другу, но короткие ежедневные встречи, после того как пройдет

первое отвращение, могут творить чудеса.

— А если кому-то не понравится партнер?

— Что значит не понравится? Если геноанализ говорит, что партнер тебе подходит, то какая разница…

— Понял, понял, — торопливо сказал Бейли, вспомнил Землю и вздохнул.

— Хотите узнать еще что-нибудь?

Бейли не знал, стоит ли ему тут оставаться. Не худо бы распрощаться с Клориссой и фетоинженерией и перейти к следующему этапу.

Он открыл было рот, чтобы сказать ей об этом, но тут Клорисса закричала кому-то вдали:

— Эй, ребенок! Ты что делаешь? — И крикнула через плечо: — Землянин! Бейли! Берегитесь! Берегитесь!

Бейли почти не разобрал, что она кричит, но в ответ на тревожную нотку в ее голосе узда, в которой он держал свои эмоции, лопнула, и его охватила паника. Весь ужас открытого пространства и необъятного свода небес нахлынул с новой силой.

У Бейли вырвались какие-то нечленораздельные звуки. Будто наблюдая за собой со стороны, он услышал собственный лепет и ощутил, как падает на колени и медленно перекатывается

на бок.

Что-то со свистом прорезало воздух над ним, и раздался сильный удар.

Бейли закрыл глаза, вцепился в выступающий из земли тонкий корень дерева и зарылся ногтями в грязь.

Когда он открыл глаза, прошло, наверное, всего несколько мгновений. Клорисса распекала державшегося поодаль мальчишку. Чуть поближе к ней молча стоял робот. Бейли успел рассмотреть в руках у мальчишки предмет с чем-то вроде струны.

Потом Бейли, тяжело дыша, поднялся на ноги и посмотрел на блестящий металлический стержень, торчащий в стволе дерева, о который он только что опирался. Бейли потянул, и стержень уступил — он вонзился неглубоко. Элайдж посмотрел на конец стержня, не дотрагиваясь до него. Наконечник был тупой, но мог бы здорово его поцарапать, если бы он не упал.

Ноги подчинились Бейли со второй попытки. Он сделал шаг вперед.

— Эй, парень!

Клорисса, вся красная, обернулась.

— Это был несчастный случай, Вас не задело?

— Нет. Что это за штука?

— Стрела. Ею стреляют из лука, натягивая тетиву.

— Вот так, — нахально крикнул мальчишка, пуская в воздух другую стрелу, и засмеялся. Он был гибкий, со светлыми волосами.

— Ты будешь наказан, — сказала Клорисса. — Ступай.

— Постой, постой, — вмешался Бейли, потирая ушибленное при падении колено. — У меня есть вопросы, Как тебя зовут?

— Бик, — беззаботно бросил мальчик.

— Так ты стрелял в меня из лука, Бик?

— Ага.

— А ты знаешь, что мог бы попасть, если б меня не предупредили и я бы не упал?

— Так я и хотел попасть, — пожал плечами Бик.

— Тут нужно кое-что объяснить, — торопливо вмешалась Клорисса. — Стрельба из лука у нас поощряется. Этот вид спорта допускает соревнование без личного контакта. Мы устраиваем среди мальчиков видеосостязания. Теперь я начинаю бояться, что они иногда стреляют в роботов. Им весело, а роботам никакого вреда. Я единственный взрослый человек в имении — может быть, мальчик принял вас за робота.

Пока Бейли слушал ее, в голове у него понемногу прояснялось, и суровое выражение, свойственное его вытянутому лицу, усиливалось.

— Бик, ты думал, что я робот?

— Нет. Вы землянин.

— Хорошо. Теперь иди.

Бик повернулся и убежал, насвистывая, а Бейли обратился к роботу:

— Эй ты! Откуда мальчишка знает, что я землянин? Или тебя не было рядом, когда он стрелял?

— Я был рядом, господин. Это я ему сказал, что вы землянин.

— И сказал, кто такой землянин?

— Да, господин.

— Кто же он такой?

— Человек низшей категории, которого не следует допускать на Солярию, поскольку он распространяет инфекцию, господин.

— А ты от кого узнал?

Робот не ответил.

— Не знаешь?

— Нет, господин. Это заложено в моей памяти.

— Значит, ты сказал мальчику, что я — недочеловек, распространяю инфекции, и он тут же в меня выстрелил. Почему ты его не остановил?

— Я хотел, господин. Я не допустил бы, чтобы

человеку причинили вред, даже землянину. Но он действовал слишком быстро, и я не успел.

— А может быть, ты подумал, что землянин все-таки не совсем человек, и немного замешкался?

— Нет, господин, — спокойно ответил робот. Бейли мрачно скривил губы. Робот, скорее всего, говорил правду, но инспектор чувствовал, что что-то тут не так.

— Что ты делал рядом с мальчиком? — спросил он робота.

— Я носил за ним стрелы, господин.

— Можно посмотреть? — Бейли протянул руку, робот подошел и подал ему с дюжину стрел. Бейли осторожно положил стрелу, которая вонзилась в дерево, у своих ног и поочередно осмотрел все прочие. Потом вернул их роботу и снова взял в руки первую стрелу.

— Почему ты подал мальчику именно эту?

— Особой причины не было, господин. Мальчик попросил стрелу, и я взял ее наугад. Он стал искать цель, затем увидел вас и спросил, кто этот незнакомец. Я объяснил…

— Я уже слышал, как ты ему объяснил, У стрелы, которую ты подал, серое оперение — только у нее одной, У остальных стрел оно черное.

Робот смотрел на него непонимающим взгля-

дом.

— Это ты привел сюда мальчишку? — спросил Бейли.

— Мы просто гуляли, господин.

Бейли посмотрел в просвет между деревьями, из которого прилетела стрела.

— Бик у вас, случайно, не лучший стрелок из лука?

— Лучший, господин, — склонил голову робот.

— Как вы догадались? — ахнула Клорисса.

— Одно вытекает из другого, — сухо сказал Бейли. — Будьте добры, сравните серую стрелу с прочими. Только у серой стрелы наконечник покрыт чем-то маслянистым. Рискую впасть в мелодраму, мэм, но все же скажу — ваш окрик спас мне жизнь. Стрела, которой целили в меня, отравлена.

Глава тринадцатая
Роботехник усмиряется

— Невозможно! — воскликнула Клорисса. — Праведное небо, это просто невозможно!

— Праведное там или неправедное — есть у вас на ферме животное, которого не жалко? Поцарапайте его этой стрелой и посмотрите; что получится.

— Но зачем кому-то…

— Зачем, я знаю, — отрезал Бейли. — Вопрос в том, кто.

— Никто.

У Бейли снова все поплыло перед глазами. Он со злостью швырнул стрелу в сторону Клориссы, та проводила ее взглядом.

— Поднимите, — крикнул Бейли, — и уничтожьте, если не хотите проверять. Не то на нее наткнутся дети, и произойдет несчастье.

Клорисса поспешно взяла стрелу, зажала между большим и указательным пальцами.

Бейли бросился к дому и нырнул в ближайшую дверь, Клорисса последовала за ним со стрелой в руке. Немного восстановив душевное равновесие

в четырех стенах, Бейли спросил:

— Кто отравил стрелу?

— Представления не имею.

— Не сам же мальчик. Вы не могли бы установить, кто его родители?

— Можно справиться в картотеке, — буркнула Клорисса.

— Так вы сохраняете записи о родстве?

— Да, для геноанализа.

— А парень не мог знать, кто его родители?

— Исключено,

— А вдруг он как-то выяснил?

— Ему пришлось бы взломать дверь в комнату: где хранятся записи Исключено.

— А если бы в имение явился взрослый человек и пожелал узнать, кто его ребенок?

— Крайне маловероятно, — вспыхнула Клорисса.

— И все же предположим. Ему бы ответили?

— Не знаю. Собственно, законом это не возбраняется. Просто не принято.

— Вот вы бы ответили?

— Постаралась бы уклониться. Доктор Дельмар не ответил бы; я знаю. Он был убежден, что родственные связи нужны только для геноанализа. До него, возможно: порядки были помягче. А

почему вы обо всем этом спрашиваете?

— Мне непонятно, какой мотив мог быть у самого пария — может, он действовал по наущению родителей?

— Ужас какой, — Клорисса в расстроенных чувствах подошла к Бейли на небывало близкое расстояние и далее протянула инспектору руку. — Как это все могло произойти? Босс мертв, вас чуть не убили. А ведь на Солярии нет причин для насилия. У всех есть все, что хочется, — значит, нет зависти. Нет родственных связей — значит, нет и семейных распрей. У всех отменное генетическое здоровье. — Вдруг ее лицо прояснилось, — Погодите-ка. Стрела не могла быть отравлена. В обратном вы меня не убедите.

— Почему?

— С Биком был робот. Он не допустил бы никакого яда. Он ни в коем случае не мог совершить ничего такого, что причинило бы вред человеку. Гарантия — Первый Закон Роботехники.

— Да? Что это за Первый Закон?

— То есть как? — уставилась на него Клорисса,

— Да так. Велите проверить стрелу и убедитесь, что она отравлена, — Самого Бейли проверка мало заботила — он и так знал, что стрела отравлена. — Вы все еще верите, что госпожа Дельмар

виновна в смерти мужа?

— Там никого не было, кроме нее.

— Понятно, А здесь не было ни одного взрослого человека, кроме вас, когда в меня выстрелили отравленной стрелой.

— Я к этому не имею никакого отношения, — энергично возразила Клорисса.

— Возможно, Возможно также, что и госпожа Дельмар невиновна. Вы разрешите воспользоваться вашим видеофоном?

— Да, конечно.

Бейли точно знал, с кем собирается говорить — и это была не Глэдия, И вдруг, неожиданно для себя, сказал роботу:

— Соедини меня с Глэдией Дельмар.

Робот молча подчинился, и Бейли стал наблюдать за ним, сам удивляясь, почему так распорядился.

Потому, что о ней только что шел разговор, потому, что его немного беспокоила их недавняя ссора или просто потому, что, насмотревшись на пышущую здоровьем, донельзя практичную Клориссу, он стремился для разнообразия взглянуть на Глэдию?

Иосафат! Иногда приходится играть по слуху, примирительно подумал он.

Она явилась перед ним, сидя на большом стуле с прямой спинкой, который делал ее еще меньше и еще беззащитнее. Волосы были зачесаны назад и собраны в пучок. В ушах висели серьги с камнями, похожими на бриллианты. На ней было простенькое платьице, узкое в талии. Она тихо сказала:

— Хорошо, что вы меня вызвали, Элайдж. Я сама пыталась вас найти.

— Доброе утро, Глэдия. — (Или день? Или вечер? Он не знал, сколько сейчас времени у Глэдии, и не мог угадать по ее платью.) — Зачем вы меня искали?

— Чтобы извиниться перед вами за то, что вышла из себя на последнем сеансе. Но господин Оливо не знал, где вы.

Бейли представил себе Дэниела под неусыпной охраной роботов и спрятал улыбку.

— Ничего страшного. Через несколько часов я буду у вас.

— Конечно… то есть как — будете?

— Собственной персоной, — отрезал Бейли.

Она широко раскрыла глаза и впилась пальцами в гладкие пластмассовые подлокотники.

— Что, так нужно?

— Необходимо.

— Не думаю, что…

— Вы разрешаете?

— Это совершенно необходимо? — спросила она, глядя в сторону.

— Да. Но сначала я должен встретиться кое с кем еще. Ваш муж интересовался роботехникой — вы сами говорили мне, да и другие тоже — но ведь он не был профессионалом?

— У него было другое образование, Элайдж, — ответила она, все еще избегая смотреть на него.

— И ему помогал какой-то роботехник, верно?

— Джотан Либич, — тут же ответила она. — Мой близкий друг.

— В самом деле? — воскликнул Бейли.

— Я, наверное, зря это сказала, — смешалась Глэдия.

— Почему же зря, если это правда.

— Все время боюсь сказать что-нибудь такое, что покажется… Вы не представляете, как тяжело, когда все думают, что вы в чем-то виноваты.

— Не обращайте внимания, В чем проявляется ваша дружба с Либичем?

— Ну, как сказать… Он живет в соседнем поместье. Затраты видеоэнергии практически равны нулю, так что мы можем постоянно общаться в движении без всяких хлопот. Мы с ним гуляем

вместе — точнее, гуляли.

— Никогда бы не подумал, что вы способны с кем-то прогуливаться,

— Я же сказала — с помощью видео, — вспыхнула Глэдия, — Все время забываю, что вы землянин. При видеосвязи в свободном движении фокус сосредоточивается на человеке, и можно ходить где угодно, не теряя контакта. Я гуляю в своем имении, он в своем, но мы как будто вместе. Это так приятно. — Она вдруг хихикнула. — Бедный Джотан.

— Почему бедный?

— Вспомнила, как вы подумали, что мы по-настоящему гуляем вместе. Он бы просто умер, если бы знал, что кто-то о нем так подумает.

— Почему?

— У него на этом пунктик. Он говорил мне, что уже в пять лет прекратил личные встречи — настоял на том, что будет общаться только по видео. Бывают такие дети. Рикэн, — она смутилась, но продолжала, — Рикэн, мой муж, однажды сказал мне по поводу Джотана, что таких детей будет все больше и больше. Он сказал, что это нечто вроде социальной эволюции и что у видеоконтактов большое будущее. А вы как считаете?

— Я здесь не авторитет.

— Джотан даже не женился. Рикэн сердился на него, говорил, что Джотан ведет себя антисоциально и что его гены нужны обществу, но Джотан не слушал.

— А имел он право не вступать в брак?

— Не то чтобы… Но знаете, он блестящий роботехник, а роботехники на Солярии ценятся. Думаю, на это просто закрыли глаза. Но Рикэн, по-моему, больше не хотел работать с Джотаном. Он мне сказал, что Джотан плохой солярианин,

— А Джотану он это говорил?

— Не знаю. Он работал с ним до самого конца.

— Но считал плохим солярианином за то, что тот не женился?

— Рикэн раз сказал, что брак — самое трудное в жизни, но надо терпеть.

— А вы что думаете на этот счет?

— О чем вы, Элайдж?

— Вы тоже полагаете, что брак — самое трудное в жизни?

С ее лица исчезло всякое выражение, точно она старательно смыла его.

— Никогда об этом не думала.

— Вы сказали, что гуляете с Джотаном Либичем, а потом поправились, изменили время с настоящего на прошедшее. Значит, прогулки

прекратились?

Глэдия покивала головой, и на ее лице снова появилось выражение — грустное.

— В общем, да. Пару раз я вызывала его по видео, но он постоянно был занят, и мне не хотелось — ну, вы понимаете.

— Это происходило после смерти вашего мужа?

— Нет, раньше. За несколько месяцев до нее.

— Может быть, доктор Дельмар запретил ему общаться с вами?

— Как запретил? — опешила Глэдия. — Мы с Джотаном не роботы. Как нам можно что-нибудь запретить?

Бейли не стал объяснять. Объяснение было бы чисто земное, и Глэдия ничего бы не поняла. Даже если бы он ухитрился растолковать, что к чему, то ничего, кроме отвращения, у нее бы не вызвал.

— Я просто так спросил. Я свяжусь с вами снова, Глэдия, когда поговорю с Либичем. Кстати, который у вас там час? — Он тут же пожалел о своем вопросе. Робот ответил бы в земных единицах, а Глэдия, пожалуй, ответит в солярианских — Бейли уже надоело признаваться в своем невежестве.

Однако ответ Глэдии был не точным, а описа-

тельным:

— Вторая половина дня.

— И у Либича в имении тоже?

— О да.

— Хорошо. Свяжусь в вами, как только смогу, и мы договоримся о встрече.

— Это совершенно необходимо? — снова заколебалась она.

— Да.

— Что ж, хорошо, — тихо ответила Глэдия.

С Либичем Бейли соединили не сразу, и он использовал промежуток, чтобы съесть еще один сандвич, который ему принесли прямо в упаковке. Бейли был теперь настороже и внимательно осмотрел обертку, прежде чем разорвать ее, а потом старательно исследовал содержимое.

Пластиковый пакетик с молоком, еще не совсем оттаявший, Бейли разодрал зубами и стал пить прямо та него. Невесело было думать о ядах медленного действия без запаха и вкуса, которые можно впрыснуть куда угодно при помощи иглы и шприца, но Бейли отогнал эту мысль; сочтя ее ребяческой. Пока что и убийство, и оба покушения совершались донельзя открыто. Удар по голове, доза яда: которой можно отравить дюжину человек, стрела; пущенная прямо в жерт-

ву, — во всем этом не было ничего изощренного и утонченного.

Потом Бейли подумал, все так же невесело, что, если он и дальше будет прыгать между временными поясами, вряд ли ему удастся поесть по-человечески. Да и выспаться тоже, Тут к нему подошел робот.

— Доктор Либич предлагает вам повторить свой вызов завтра, У него срочная работа,

Бейли вскочил, на ноги и рявкнул;

— А ну скажи ему… — но осекся. Что толку кричать на робота? То есть кричать-то можно, но на робота крик действует не сильнее, чем шепот. И Бейли продолжал нормальным голосом: — Скажи доктору Либичу или роботу, с кем ты там ведешь переговоры, что я расследую убийство его коллеги, примерного солярианина. Скажи, что я не могу ждать, пока доктор закончит работу. Скажи, что, если он через пять минут не выйдет на связь, я сяду на самолет и встречусь с ним лично в его имении не позже чем через час. Так и скажи — встречусь лично, чтобы не было ошибки, — И Бейли вернулся к своему сандвичу.

Не прошло и пяти минут, как перед ним возник Либич — по крайней мере, солярианин, которого Бейли счел Либичем.

Это был худощавый человек, который держался прямо и чопорно. В темных глазах навыкате застыло отрешенное выражение, сейчас слегка разбавленное гневом. Одно веко было чуть ниже другого.

— Вы землянин? — спросил он.

— Элайдж Бейли; инспектор класса *С-7*, расследую убийство доктора Рикэна Дельмара. А вы?

— Доктор Джотан Либич. Почему вы позволяете себе беспокоить меня во время работы?

— Потому что это моя работа.

— Так занимайтесь ею в другом месте.

— Сначала мне нужно задать вам несколько вопросов, доктор. Вы, кажется, тесно сотрудничали с доктором Дельмаром?

Либич вдруг сжал кулак и направился к камину, на котором маленький, хитро устроенный часовой механизм совершал сложные, гипнотизирующие глаз периодические движения.

Видоискатель следовал за Либичем так, что тот все время находился в центре кадра — перемещалась комната, дергаясь рывками в такт его шагам.

— Если вы тот инопланетянин, которого грозился доставить Грюер…

— Тот самый.

— Тогда вы здесь вопреки моему совету. Сеанс окончен.

— Нет, не прерывайте сеанс. — Бейли повысил голос и наставил на роботехника палец — тот при этом заметно отпрянул, в отвращении скривив свои полные губы, — Я ведь не блефовал, говоря о встрече.

— Пожалуйста, избавьте меня от вашей земной вульгарности.

— Если я что-то говорю, я это делаю. Я приду к вам, если нельзя заставить вас говорить по-другому. Возьму за шиворот и заставлю выслушать меня.

— Вы грязная скотина, — Либич попятился.

— Это как вам угодно, но я так и поступлю.

— Если вы вторгнетесь в мое имение, я… я…

— Что вы? Убьете меня? Вы часто так угрожаете людям?

— Я вам не угрожал.

— Тогда поговорим. Мы и так уже потеряли много ценного времени. Вы тесно сотрудничали с доктором Дельмаром. Верно?

Роботехник опустил голову и стал дышать медленно и мерно. Когда он поднял глаза, то уже полностью владел собой и даже выдавил короткую безжизненную улыбку.

— Да.

— Дельмара, насколько я понял, интересовали роботы нового типа,

— Да.

— Какого именно типа?

— Вы роботехник?

— Нет. Объясните мне так, чтобы я понял.

— Не уверен, что смогу.

— А вы постарайтесь. Я, например, думаю, что ему нужны были роботы, способные заставить детей слушаться, Что для этого требовалось?

Либич поднял брови.

— Если не вдаваться в детали и опустить различные тонкости, то нужно усилить С-интеграл, управляющий двойной маршруткой реакцией Сикоровича на уровне W-65.

— Ребус какой-то.

— Тем не менее…

— Все равно ребус. Вы не можете объяснить по-другому?

— Это означает некоторое ослабление Первого Закона.

— Почему? Ведь ребенка наказывают для его же пользы — такова идея, верно?

— Для его же пользы! — Глаза Либича вспыхнули, и он, почти позабыв о своем собеседнике,

заговорил более свободно. — По-вашему, все так просто? Много ли людей способно претерпеть мелкие неудобства во имя будущих благ? Попробуйте внушить ребенку, что от сладкого у него может заболеть живот, а от горького живот вскоре пройдет! И вы хотите, чтобы это понял робот? Боль, которую робот причиняет ребенку, посылает мощный разрушительный импульс в позитронный мозг. Чтобы уравновесить этот импульс другим, выражающим будущую пользу, нужно столько основных и дополнительных схем, что мозг увеличивается на пятьдесят процентов — если не пожертвовать прочими схемами.

— Значит, вам не удалось создать такого робота?

— Нет, не удалось и не удастся. Да и никому не удастся.

— В день своей смерти Дельмар испытывал именно такую модель?

— Нет, не такую. Нас интересовали и более практические проблемы.

— Доктор Либич, — спокойно сказал Бейли, — мне предстоит еще многое усвоить в области роботехники, и я хочу попросить вас стать моим учителем.

Либич затряс головой, и его приспущенное веко сползло еще ниже, будто он подмигнул, — впечатление получилось жутковатое.

— Излишне объяснять, что курс роботехники нельзя прочесть в считанные минуты. У меня нет времени.

— И все-таки вам придется позаниматься со мной. Тут у вас на Солярии все пропахло роботами. Если вопрос только во времени, я тем более должен к вам приехать. Я землянин и не могу удовлетворительно работать или думать с помощью видео.

Казалось бы, Либичу больше некуда выпрямляться, но он выпрямился.

— Ваши земные фобии меня не волнуют. Визит невозможен.

— Думаю, вы перемените свое мнение, когда я скажу то главное, о чем хотел проконсультироваться с вами.

— Что бы вы ни сказали, это ничего не изменит.

— Да? Тогда слушайте. Я убежден, что на протяжении всей истории существования позитронного робота Первый Закон Роботехники намеренно читался неверно.

— Как неверно? — дернулся Либич. — Глупец!

Сумасшедший! Почему?

— Чтобы скрыть тот факт, — невозмутимо сказал Бейли, — что робот способен совершить убийство.

Глава четырнадцатая
Мотив выявляется

Либич медленно разинул рот. Бейли подумал, что он сейчас зарычит, но потом с большим удивлением убедился, что это самая неудачная попытка улыбнуться, которую ему доводилось видеть,

— Не говорите так, — сказал Либич. — Нигде и никогда.

— Почему?

— Потому что опасно поощрять недоверие к роботам даже в самой малой степени. Недоверие к роботам — болезнь человечества!

Он говорил так, будто внушал что-то малому ребенку. Говорил мягко, хотя ему, должно быть, хотелось орать в голос. Говорил, стараясь убедить, хотя с большей охотой, очевидно, прочитал бы Бейли смертный приговор.

— Вы знаете историю роботехники? — спросил он.

— Немного,

— Должны знать, раз вы землянин. Так вот. Вы знаете, что роботов с самого начала встретил ком-

плекс Франкенштейна? Их подозревали. Люди не доверяли им, боялись их. В результате роботехника стала чуть ли не подпольной наукой. Три Закона были приняты ради того, чтобы преодолеть эту враждебность, но даже и тогда Земля не допустила роботов в человеческое общество. Одной из причин, по которой первые поселенцы покинули Землю и отправились колонизировать космос, было создание социальных структур, где роботы могли бы избавить человека от бедности и тяжкого труда. И даже там подозрение продолжало тлеть, готовое в любой момент вырваться наружу.

— А вам приходилось сталкиваться с недоверием к роботам?

— Много раз, — мрачно ответил Либич.

— И потому вы и прочие роботехники сговорились чуть-чуть исказить факты, лишь бы усыпить общее подозрение?

— Никто ничего не искажал!

— И все Три Закона сформулированы правильно?

— Да!

— А я могу вам доказать, что неправильно, и, если вы не убедите меня в обратном, я по возможности повторю это перед всей Галактикой.

— Вы не в своем уме. Какое бы доказательство вы там ни выдумали, оно ложное, уверяю вас.

— Обсудим?

— Если это не займет много времени.

— Встретимся? Лицом к лицу? Худое лицо Либича передернулось.

— Нет!!

— До свидания, доктор Либич, Найдутся люди, которые меня выслушают.

— Подождите. Великая Галактика, да подождите же!

— Встретимся?

Роботехник медленно поднес руку к губам, помедлил, сунул в рот большой палец и уставился на Бейли пустым взором.

Что он, возвращается в младенчество, в возраст до пяти лет, когда ничто не запрещало ему встретиться со мной? — недоумевал Бейли.

— Встретимся? — повторил инспектор.

Либич медленно покачал головой.

— Не могу. Не могу, — простонал он едва разборчиво — мешал палец во рту. — Делайте что хотите.

На глазах у Бейли он отвернулся к стене, прямая спина согнулась, и дрожащие руки закрыли лицо.

— Что ж, хорошо, я согласен продолжать разговор по видео, — сказал Бейли.

— Извините меня. Сейчас вернусь, — не поворачиваясь, произнес Либич.

Бейли, освежившись в перерыве, смотрел на свое свежеумытое лицо в зеркале ванной. Кажется, он начинает чувствовать Солярию и солярианок? Пока трудно сказать. Он вздохнул, нажал кнопку — появился робот. Бейли, не оборачиваясь, спросил:

— Есть на ферме другой видеофон, кроме того, которым я пользуюсь?

— Еще три пульта, господин.

— Тогда скажи Клориссе Канторо — скажи своей госпоже, что я пока буду занимать этот и прошу меня не беспокоить.

— Да, господин.

Бейли вернулся туда, где в кадре так и оставался пустой угол комнаты Либича. Роботехник еще не вернулся, и Бейли настроился ждать, но ждал недолго. Вошел Либич, и его комната снова поехала вслед за ним. Очевидно, фокус тут же переместился с комнаты на человека. Бейли вспомнил, как сложно устроен видеофон, и не мог не подивиться совершенству аппарата.

Либич, кажется, вполне овладел собой. Он за-

чесал волосы назад и переоделся. Теперь на нем был свободный костюм из блестящего, отражающего свет материала. Он опустился на легкий стульчик, откинув его от стены, и спросил ровным голосом:

— Итак, что вы собирались мне сказать относительно Первого Закона?

— Нас никто не подслушает?

— Нет, я принял меры.

Бейли кивнул.

— С вашего разрешения я процитирую Первый Закон.

— Едва ли в этом есть необходимость.

— Все же позвольте: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— И что же?

— Когда я высадился на Солярии, меня доставили в предназначенное мне имение на машине. Эта машина была закрыта со всех сторон, чтобы защитить меня от воздушного пространства. Как землянин, я…

— Знаю, знаю, — нетерпеливо прервал Либич. — Какое это имеет отношение к делу?

— Роботы, которые вели машину, не знали того, что известно вам. Я попросил открыть верх,

и они тотчас повиновались. Второй Закон. Они обязаны подчиняться приказам. Мне, конечно, стало нехорошо, и я чуть не потерял сознания, пока машину опять не закрыли. Разве эти роботы не причинили мне вреда?

— По вашему же приказу, — отрезал Либич.

— Цитирую Второй Закон: «Робот должен повиноваться командам человека, кроме тех, которые противоречат Первому Закону». Как видите, они не должны были подчиняться мне.

— Чепуха. Ведь роботы не знали…

Бейли подался вперед.

— Ага! Вот оно! Прочтем же Первый Закон так, как его следует читать: «Робот не должен делать ничего, что, насколько ему известно, причинило бы вред человеку, или своим бездействием намеренно допустить, чтобы человеку был причинен вред».

— Само собой разумеется.

— Не думаю, чтобы это понимал средний человек — иначе средний человек сознавал бы, что робот способен на убийство.

— Безумие! Бред! — с лица Либича сползла всякая краска.

Бейли внимательно рассматривал свои пальцы. — Но ведь робот может выполнить невинное

задание — ничего такого, что причинило бы вред человеку?

— Если ему прикажут.

— Да, конечно. Если ему прикажут, И второй робот тоже может выполнить невинное задание — ничего такого, что причинило бы вред человеку? Если ему прикажут?

— Да.

— а что, если эти два невинных задания, сами по себе совершенно безобидные, вместе взятые приведут к убийству?

— Что? — свирепо нахмурился Либич.

— Мне нужно ваше мнение как эксперта. Приведу вам условный пример. Предположим, человек говорит роботу: «Влей немного этой жидкости в стакан с молоком, который ты найдешь там-то и там-то. Эта жидкость безвредна. Я хочу только узнать, в какую реакцию она вступает с молоком, Когда я это узнаю, молоко будет вылито. Выполнив задание, забудь о нем».

Либич, все еще сердитый, молчал.

— Если бы я велел роботу влить таинственную жидкость в молоко, а затем подать молоко человеку, Первый Закон заставил бы его спросить: «Что это за жидкость? Не повредит ли она человеку? Даже если бы робота заверили, что жидкость

безвредна, Первый Закон все же заставил бы его усомниться в том, и он отказался бы подать молоко. Но ему сказали, что молоко выльют, Первый Закон не включается. Разве робот не выполнил бы подобный приказ?

Либич молча злобно смотрел на Бейли.

— Второй же робот, который наливал молоко, — продолжал тот, — не знает, что в него что-то добавили. В.полном неведении он подает молоко человеку, и человек умирает.

— Нет! — выкрикнул Либич.

— Почему же нет? Оба задания сами по себе безобидны. Только вместе взятые они ведут к убийству. Вы же не станете отрицать, что нечто подобное возможно?

— Тогда убийцей будет человек, который отдал эти приказы! — крикнул Либич.

— С философской точки зрения — да. Но убийцами-исполнителями, орудиями убийства, будут роботы.

— Ни один человек не станет отдавать таких приказов.

— Станет. Уже отдал. Именно таким образом должно было совершиться покушение на убийство Грюера. Вы ведь слышали о нем?

— На Солярии слышишь все и вся.

— Значит, знаете, что Грюер был отравлен за обедом на глазах у меня и моего партнера, авроринца господина Оливо. Вы можете предложить другой способ подать ему яд? Никого из людей в имении не было — вам как солярианин, нет надобности объяснять почему,

— Я не детектив и не выдвигаю гипотез.

— Вот я вам и предлагаю гипотезу. И хочу знать, насколько она реальна. Хочу знать, могут ли двое роботов произвести два раздельных действия, которые сами по себе безобидны, но вместе ведут к убийству. Вы эксперт, доктор Либич, Возможно ли такое?

— Да, — ответил загнанный в угол Либич так тихо, что Бейли с трудом расслышал ответ.

— Очень хорошо. Вот вам ваш Первый Закон.

Приспущенное веко Либича пару раз передернул тик. Он разнял свои сжатые руки, но пальцы остались согнутыми, будто каждая рука продолжала сжимать другую, призрачную. Либич опустил руки на колени, и только тогда пальцы распрямились. Бейли рассеянно наблюдал за его действиями.

— Теоретически возможно, — сказал Либич. — Теоретически! Вам так легко не разделаться с Первым Законом, землянин. Нужно очень умело

формулировать приказы, чтобы обойти Первый Закон.

— Согласен, — сказал Бейли. — Я всего лишь землянин и в роботах ничего не понимаю, а приказы, которые приводил в пример, сформулировал условно. У солярианина, я уверен, это получилось бы куда лучше.

Либич, как будто не слыша, громко сказал:

— Если робота можно хитростью заставить причинить вред человеку, это означает только то, что позитронный мозг нужно совершенствовать. Следовало бы, собственно, усовершенствовать человека, но это не в нашей власти — значит, надо повышать дуракоустойчивость робота. Мы прогрессируем. Наши роботы стали разнообразнее, профессиональнее, способнее и безвреднее, чем были век назад. А через сто лет мы добьемся еще большего. Зачем заставлять робота управлять машиной, если можно снабдить позитронным мозгом саму машину. Это специализация, а возможна и универсализация. Почему бы не создать робота со съемными и сменными конечностями? А? Если бы…

— Вы единственный роботехник на Солярии? — прервал его Бейли.

— Не говорите глупостей.

— Я только спрашиваю. Доктор Дельмар, например, был единственный… э-э… фетоинженер, не считая его ассистентки.

— На Солярии около двадцати роботехников.

— И вы — лучший?

— Лучший, — ответил Либич без ложной скромности.

— И Дельмар работал с вами.

— Да.

— Насколько я понимаю, перед смертью он собирался прервать ваше сотрудничество.

— Ничего похожего. Кто подал вам эту мысль?

— Сдается мне, он не одобрял вашего холостого образа жизни.

— Наверное. Он был истинный солярианин. Но это не влияло на наши деловые отношения,

— Чтобы сменить тему: вы ведь не только разрабатываете новые модели, но также выпускаете роботов и ремонтируете их?

— Производством и ремонтом занимаются в основном сами роботы. В моем имении есть большой сборочный завод и ремонтная мастерская.

— Ремонтировать роботов очень сложно?

— Очень просто.

— Значит, техника ремонта недостаточно развита?

— Это вовсе не так.

— А как же тот робот, что присутствовал при убийстве доктора Дельмара?

Либич отвел глаза и сдвинул брови, будто в глубокой печали.

— С ним ничего нельзя было сделать.

— Так-таки ничего? Он совсем не мог отвечать на вопросы?

— Ни на один. Бесполезно было и пробовать. Позитронный мозг замкнуло необратимо. Не осталось ни одной неповрежденной схемы. Поймите — он был свидетелем убийства, которому не мог помешать.

— А почему, кстати?

— Кто знает? С ним экспериментировал доктор Дельмар. Я не знаю, в каком умственном состоянии находился робот. Дельмар, например, мог ему приказать приостановить все операции, пока исследовалась одна определенная схема. Если кто-то, кого ни доктор Дельмар, ни робот ни в чем дурном не подозревали, вдруг совершил смертоносное нападение, должно было пройти какое-то время, чтобы потенциал Первого Закона в мозгу робота преодолел блокирующий приказ Дельмара. Время задержки зависит от способа нападения и от формулировки приказа. Могу вам

подобрать еще с дюжину причин, по которым робот не мог помешать убийству. Так или иначе, Первый Закон был нарушен, оттого и сгорели все схемы в позитронном мозгу.

— Но если робот физически не мог помешать убийству, разве он несет за это ответственность? Разве Первый Закон требует невозможного?

Либич пожал плечами.

— Первый Закон, несмотря на ваши попытки умалить его, защищает человека до последнего. Он не допускает исключений. Если Первый Закон нарушен, робот погибает.

— Это универсальное правило, сэр?

— Такое же универсальное, как и сам робот.

— Вот я и узнал кое-что,

— Тогда узнайте кое-что еще. Ваша гипотеза убийства как серии безобидных в отдельности поступков роботов в деле Дельмара не срабатывает.

— Почему?

— Дельмара не отравили — его ударили по голове. Кто-то должен был нанести удар, и нанесла его человеческая рука. Ни один робот не возьмет дубинку и не размозжит человеку череп.

— А если робот нажал безобидную кнопку и на голову Дельмара упал замаскированный груз?

— Землянин, — кисло улыбнулся Либич — я был на месте преступления. И не пропустил ни одного выпуска новостей. Убийство на Солярии, знаете ли, дело нешуточное. Я точно знаю, что на месте преступления не было никаких механизмов, никаких падающих грузов.

— И никаких тяжелых предметов.

— Вы сыщик, вот и ищите.

— Если исключить причастность роботов к смерти Дельмара, кто же тогда виновен?

— Известно кто! — крикнул Либич. — Его жена! Глэдия!

Тут, по крайней мере, наблюдается полное единодушие, подумал Бейли. Вслух он сказал:

— А кто же тогда с таким искусством заставил роботов отравить Грюера?

— Ну, наверное… — начал Либич и осекся.

— Не думаете же вы, что убийц было двое? Если Глэдия виновна в одном преступлении, она виновна и в другом.

— Да. Должно быть, вы правы. — Либич вновь обрел уверенность. — Без сомнения, так оно и есть.

— Без сомнения?

— Никто другой не мог настолько близко подойти к Дельмару, чтобы убить его. Он допускал

присутствие посторонних не больше, чем я, только для жены делал исключение — а я никаких исключений не делаю. Тем умнее с моей стороны, — рассмеялся он.

— А ведь вы хорошо ее знаете, — резко сказал Бейли.

— Кого?

— Ее. Ту, о ком мы говорим. Глэдию!

— Кто вам сказал, что я знаю ее ближе, чем кого-либо? — Либич чуть-чуть, на дюйм, ослабил застежку у воротника, чтобы легче было дышать.

— Сама Глэдия. Вы вместе ходили на прогулки.

— Так что же? Мы были соседи. Это в порядке вещей, Она мне казалась приятной особой.

— Значит, вы себя хорошо чувствовали в ее обществе?

— Беседы с ней помогали снять напряжение, — пожал плечами Либич.

— О чем вы разговаривали?

— О роботехнике. — В голосе Либича прозвучало легкое недоумение; о чем же, мол, еще?

— И она поддерживала разговор?

— Она ничего в этом не понимала, Ни аза! Но слушала. Сама она забавляется какой-то ерундой с силовыми полями — называется полевая коло-

ристика. Меня эти глупости выводят из терпения, но я тоже слушал.

— Личных контактов у sac не было?

Возмущенный Либич промолчал,

— Она вам нравилась? — Бейли попытался с другой стороны.

— Что?

— Она привлекала вас? Физически?

Веко Либича подтянулось и стало ка место, губы скривились.

— Грязная скотина, — буркнул он.

— Ладно, попробуем иначе. Когда Глэдия перестала казаться вам приятной? Вы сами употребили это слово, если помните.

— О чем вы?

— Вы сказали, что находили ее общество приятным. Теперь вы считаете, что она убила своего мужа, Приятные люди обычно так не поступают.

— Я в ней ошибался.

— Но вы поняли, что ошиблись в ней, еще до того, как она убила мужа — если убила. Вы прекратили прогулки с ней за некоторое время до убийства. Почему?

— Это так важно?

— Важно все, пока не будет доказано обратное.

— Послушайте, если я нужен вам в качестве

роботехника — спрашивайте, На вопросы о своей личной жизни я отвечать не буду.

— Вы были тесно связаны и с убитым, и с подозреваемой, Разве вы не понимаете, что без нескромных вопросов не обойтись? Почему вы прекратили прогулки с Глэдией?

— Мне стало не о чем с ней говорить, — огрызнулся Либич. — Я был слишком занят. Я не видел смысла продолжать эти прогулки.

— Другими словами, ее общество перестало быть приятным.

— Хорошо, пусть так.

— Почему?

— Потому! — Либич сорвался на крик.

— И все-таки вы хорошо знали Глэдию, — не обращая внимания на волнение роботехника, сказал Бейли. — Какой у нее мог быть мотив?

— Мотив?

— Никто пока не назвал мне возможного мотива преступления. Не могла же она совершить убийство без причины.

— Великая Галактика! — Либич откинул голову словно хотел засмеяться, но не засмеялся. — И вам никто не сказал? Что ж, может быть, никто и не знает. Но я-то знаю. Она мне говорила — и часто.

— Что говорила, доктор Либич?

— Что все время ссорится с мужем. Ссоры были бурные и частые. Она ненавидела его, землянин. Так значит, вам никто об этом не говорил? И она тоже?

Глава пятнадцатая
Портрет создается

Новость оглушила Бейли, однако он постарался не показать изумления. Должно быть, местные обычаи приучили соляриан воспринимать частную жизнь во всех ее проявлениях как нечто священное. Вопросы о браке и детях считались дурным тоном. Вероятно, хронические супружеские ссоры также не подлежали обсуждению.

Но когда совершилось убийство? Неужели не решились нарушить светские приличия и спросить подозреваемую, не ссорилась ли она с мужем? Не решились даже заговорить на эту тему, если и знали о ссорах?

Либич, к примеру, знал.

— Из-за чего они ссорились? — спросил Бейли.

— Думаю, вам лучше спросить об этом у нее.

И правда лучше. Бейли церемонно встал.

— Благодарю вас, доктор Либич, за содействие следствию. Мне может снова понадобиться ваша помощь — надеюсь, я смогу тогда с вами поговорить.

— Сеанс окончен, — сказал Либич и пропал из

глаз вместе со своей комнатой.

Бейли впервые обнаружил, что полет в открытом пространстве его не волнует. Совершенно не волнует. Он чувствовал себя почти что в своей стихии.

Ему больше не думалось ни о Земле, ни о Джесси. Он улетел с Земли каких-то несколько недель назад, а прошли как будто годы. Провел на Солярии неполных три дня, а словно прожил здесь целую вечность.

Неужели можно так быстро приспособиться жить в кошмаре?

Или все дело в Глэдии? Скоро он увидит ее — живую, а не образ. Не это ли придавало ему уверенность и вселяло в него странное чувство тревожного нетерпения?

Как-то она перенесет эту встречу? Не убежит ли через пару минут, взывая о пощаде, как Квемот?

Когда он вошел, она стояла на другом конце длинного зала. Глэдию можно было принять за ее же импрессионистический портрет: два-три мазка, две-три краски.

Губы слегка подкрашены, брови едва подведены, мочки ушей чуть голубоватые — и больше никакой косметики. Она была бледна и казалась

немного напуганной и очень юной.

Пшеничные волосы зачесаны назад, в серо-голубых глазах — робость. Платье с длинными рукавами темно-синее, почти черное, с узкой белой отделкой по бокам. Белые перчатки и туфли без каблука, Не видно ни единого кусочка кожи, за исключением лица. Даже шею прикрывает скромненький рюш.

— Так будет не очень близко, Глэдия? — спросил Бейли, останавливаясь на месте.

Дыша часто и неглубоко, она сказала:

— Я уже и забыла, как это бывает. Все равно что видеосеанс, правда? Если не думать о том, что мы встречаемся взаправду.

— Я-то чувствую себя нормально, — сказал Бейли.

— Ну да, у вас на Земле… — Она закрыла глаза, — Иногда я стараюсь представить себе — повсюду толпы людей, идешь куда-нибудь, а рядом с тобой люди, и навстречу идут люди. Десятками…

— Сотнями, — поправил Бейли. — Разве вы никогда не видели Землю в книгофильмах? Не смотрели земных романов?

— У нас их не так много, но я смотрела романы про другие Внешние Миры, где люди постоянно встречаются. В романе все по-другому — похоже

на групповой видеосеанс, вот и все.

— А разве в романах не целуются?

Глэдия покраснела до ушей.

— Я таких книг не читаю.

— Совсем?

— Ну… попадаются, конечно, грязные фильмы, и порой, просто из любопытства… но это такая мерзость,

— Правда?

— Но на Земле все по-другому, — внезапно оживившись, заговорила она, — Так много народу. В такой толпе, Элайдж, можно, по-моему, даже п-прикоснуться к кому-нибудь. Случайно, конечно.

— Можно и с ног случайно сбить, — улыбнулся Бейли. Он вспомнил переполненные экспресс-дороги, где все тискаются, толкаются, скачут с полосы на полосу, и невольно ощутил укол ностальгии.

— Вам не обязательно там стоять, — сказала Глэдия.

— Значит, можно подойти поближе? Это ничего?

— Мне кажется, да, Я вам скажу, когда хватит.

Бейли осторожно шагнул вперед, а Глэдия следила за ним широко раскрытыми глазами.

— Хотите посмотреть мои цветовые поля? —

спросила вдруг она.

Бейли остановился в шести футах от нее. Она казалась маленькой и хрупкой. Инспектор попытался представить себе, как она в ярости бьет с размаху чем-то (но чем?) мужа по голове. Попытался представить ее обезумевшей от гнева, ненавидящей, пылающей жаждой убийства.

Следовало сознаться, что такое возможно. Пускай женщина почти невесома, она способна проломить череп, если ее хорошо вооружить и если она достаточно озвереет. Бейли знавал женщин-убийц (на Земле, конечно), которые в спокойном состоянии были кроткими, как овечки.

— Что такое цветовые поля, Глэдия?

— Вид искусства.

Бейли припомнил, как отзывался Либич о занятии Глэдии, и кивнул.

— С удовольствием посмотрю.

— Тогда идемте.

Бейли строго придерживался дистанции в шесть футов — она и так была меньше одной трети той, которую требовала Клорисса.

Они вошли в комнату, переполненную светом. Каждый угол сиял огнями всех цветов радуги.

Глэдия с довольным видом собственницы вы-

жидательно взглянула на Бейли. Должно быть, его реакция удовлетворила ее, хотя он не сказал ни слова — только медленно осматривался, стараясь осознать то, что видит. Это ведь был только свет — ничего материального.

В углублениях пьедесталов прятались сгустки света. Живые, ломаные и кривые линии разных цветов срастались в единое целое, сохраняя при этом четкую индивидуальность. Здесь не было и двух работ, которые хотя бы отдаленно походили друг на друга. Бейли, тщательно подбирая слова, спросил:

— Это, очевидно, должно что-то означать?

Глэдия рассмеялась своим приятным грудным смехом.

— Это означает все, что вам угодно. Просто цветовые формы, которые вызывают гнев, счастье, любопытство — словом, то, что чувствовала я, создавая их. Могу сделать одну для вас — что-то вроде портрета. Только скорее всего ничего хорошего не получится — я ведь буду импровизировать.

— Правда можете? Мне было бы очень интересно.

— Хорошо, — Она порхнула к световой фигуре в углу, проскользнула в нескольких дюймах от

Бейли и, похоже, не заметила этого.

Тронула что-то на пьедестале, и сияющий мирок беззвучно умер.

— Зачем же? — ахнул Бейли.

— Ничего. Она мне все равно надоела. Сейчас притушу другие, чтобы не отвлекали. — Глэдия открыла дверцу в стене и передвинула реостат. Краски поблекли, став почти невидимыми.

— Разве на это нет робота? Чтобы щелкал выключателем?

— Ну-ка тихо, — нетерпеливо оборвала Глэдия. — Я сюда роботов не пускаю. Здесь только я. — И хмуро посмотрела на него. — Я вас недостаточно хорошо знаю, вот в чем дело.

Она положила руки на гладкую поверхность пьедестала, глядя куда-то в пространство. Все десять пальцев напряженно застыли в ожидании.

Вот один палец шевельнулся, описал полукруг над плоскостью. В воздухе зажглась ярко-желтая линия. Палец отступил на дюйм, и цвет стал чуть менее насыщенным.

— Вот так, пожалуй, — прикинула Глэдия. — Сила, которая не давит.

— Иосафат! — сказал Бейли.

— Вы не обиделись? — Она вскинула обе руки, и желтый зигзаг словно обрел объем и устой-

чивость.

— Нисколько. Но что же это? Как вы это делаете?

— Трудно объяснить, — задумчиво сказала Глэдия, — тем более что я сама не очень-то понимаю. Говорят, это разновидность оптического обмана. Устанавливаются силовые поля на разных уровнях энергии. Они, собственно, представляют собой экструзию гиперпространства и не обладают свойствами обычного пространства. Человеческий глаз видит различные оттенки света в зависимости от уровня энергии. Цвета и оттенки возникают от тепла моих пальцев, воздействующего на определенные точки пьедестала. Внутри каждого пьедестала размещены чувствительные элементы,

— А если я приложу палец? — Бейли шагнул вперед, и Глэдия посторонилась. Он с опаской приложил палец к пьедесталу и ощутил легкий толчок.

— Смелей, Элайдж. Поднимите палец.

Бейли послушался, и в воздухе, затемнив желтую линию, вырос грязно-серый световой зубец, Бейли резко отдернул палец, и Глэдия засмеялась, но тут же подавила смех.

— Напрасно я смеюсь. Это очень трудно, даже

для тех, кто долго обучался. — Она сделала быстрое движение рукой, которого Бейли не уловил; созданный им кошмар исчез, а желтая световая фигура восстановилась в прежней чистоте.

— А вы как научились?

— Просто пробовала — снова и снова. Знаете, это ведь новое искусство, и только один-два человека по-настоящему умеют…

— И вы — лучшая, — провозгласил Бейли. — На Солярии все или единственные, или лучшие, или то и другое вместе.

— Ничего смешного тут нет. Многие мои работы снимаются на пленку, Я устраивала выставки. — Она вздернула подбородок, не скрывая гордости. — Продолжим ваш портрет. — Она снова шевельнула пальцами и создала несколько ломаных линий. Преобладающим цветом был голубой. — Такой мне видится Земля, — сказала она, прикусив губу. — Она всегда представлялась мне голубой. Все эти люди и встречи, встречи, встречи. Наше общение скорее розовое — как вам кажется?

— Иосафат, я не умею представлять себе такие вещи в цвете.

— Да? — рассеянно сказала она, — Вот вы иногда говорите «Иосафат», и это — как лиловый

шарик. Как лиловая капелька, потому что срывается всегда неожиданно — кап! Вот так. — И капелька засверкала в центре композиции. — А в завершение — вот. — И Глэдия заключила фигуру в унылый, тусклый грифельно-серый куб. Узор неярко просвечивал сквозь него, будто сквозь тюремные стены.

Бейли стало грустно, словно его самого отгородили от чего-то милого сердцу,

— Зачем вы так?

— Но это же стены вокруг вас, И внутри — то, что мешает вам выйти наружу, держит вас в четырех стенах. Вы там, внутри — разве непонятно?

Бейли понимал, но не одобрял.

— Эти стены не такие уж крепкие, — сказал он. — Сегодня я выходил.

— Правда? И как вы себя чувствовали?

— Как вы при встречи со мной, — Бейли не упустил случая уколоть. — неприятно, но терпеть можно.

— А вы не хотите выйти сейчас? Погулять со мной?

Бейли чуть было не выпалил: «Иосафат, нет»

— Я еще ни разу не гуляла с живым человеком. Еще светло, и погода хорошая.

Бейли посмотрел на свой портрет.

— А если я пойду, вы уберете это серое?

— Посмотрим на ваше поведение, — улыбнулась она.

И портрет остался в комнате, продолжая держать пленную душу Бейли в серых стенках Города.

Бейли вздрогнул. Его коснулся ветерок, в котором была прохлада.

— Замерзли? — спросила Глэдия.

— Раньше так не было.

— Близится вечер, но ведь пока не холодно. Хотите одеться потеплее? Робот принесет пальто.

— Нет, не надо. — Они пошли вперед по узкой мощеной дорожке. — Это здесь вы гуляли с доктором Либичем?

— О нет. Мы гуляли в полях, где лишь изредка встречаются одинокие роботы и можно слушать природу. Сейчас мы будем держаться поближе к дому, на всякий случай.

— На случай чего?

— Вдруг вы захотите вернутся.

— Или вам надоест мое общество.

— Оно меня не беспокоит, — нервно сказала Глэдия.

Вверху тихо шелестела листва, все кругом заливали желтизна и зелень.

Тени особенно занимали Бейли. Одна упала прямо перед ним, точь-в-точь как человек, и принялась жутко подергиваться в такт его шагам, словно передразнивая. Бейли, конечно, слышал о тенях и знал, что это такое, но в ровном, рассеянном свете Городов как-то никогда их не наблюдал.

Он знал, что позади светит солярианское солнце. Он избегал смотреть на него, но знал, что оно там.

Пространство было огромным, пустынным, но Бейли почувствовал, что его тянет туда. Он представил себе, как идет по планете, а вокруг — простор на тысячи миль и световых лет.

Почему мысль об одиночестве так привлекала его? Он не стремился к одиночеству. Ему хотелось на Землю, в тепло и многолюдие Городов.

Но образ Города ускользал от него. Он рисовал себе Нью-Йорк, шум и толпу, но видел мысленным взором тихую, веющую прохладой Солярию

Бейли невольно сделал несколько шагов к Глэдии и оказался в двух футах от нее, но испуг женщины заставил его опомниться.

— Прошу прощения, — сказал он и попятился.

— Ничего. Пойдемте сюда? Думаю, вам понравится наш цветник.

Она указывала в сторону, противоположную солнцу, и Бейли молча последовал за ней.

— Чуть попозже летом здесь будет чудесно, — говорила Глэдия. — Когда тепло, я купаюсь в озере, или просто бегаю по полям так быстро, как только могу, а потом валюсь в траву и лежу в ней. Правда сейчас я не так одета. В этом платье только и остается, что гулять степенным шагом.

— А как вы обычно одеваетесь для прогулок?

— Самое большее, что на мне бывает надето, это купальный костюм. — Глэдия простерла руки, словно предвкушая свободу. — А то и того нет. Иногда я только надеваю сандалии, чтобы ощущать воздух каждым дюймом… Ох, извините. Я вас шокирую.

— Нет, вовсе нет. Вы так одевались и для прогулок с доктором Либичем?

— Когда как. Смотря какая была погода. Иногда на мне было надето вовсе ничего, но ведь это видеосеансы. Надеюсь, вы понимаете.

— Я-то понимаю. А доктор Либич? Он тоже легко одевался?

— Кто, Джотан? — усмехнулась Глэдия. — О нет. Он всегда такой чопорный. — Она сделала серьезное лицо и опустила одно веко — точно как Либич. Бейли одобрительно хмыкнул. — Вот

как он говорит; «Дорогая Глэдия, что касается влияния первостепенного потенциала в потоке позитронов...»

— Он об этом с вами беседовал? О роботехнике?

— В основном, да. Он ведь так серьезно к ней относится. Все пытался меня просвещать — до последнего.

— И как вы — усвоили хоть что-нибудь?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Для меня это — темный лес, Иногда он сердился на меня, но как только он начинал ругаться, я ныряла в воду, если была у озера, и брызгала на него.

— Брызгали? Но ведь его там не было.

— Какой же вы все-таки, землянин, — засмеялась она. — Я брызгала на изображение, он был в своем собственном поместье, и вода не могла на него попасть, но он все равно отскакивал, Посмотрите-ка сюда.

Они вышли из-под деревьев на лужайку, в середине которой располагался декоративный пруд. Лужайку пересекали выложенные кирпичом дорожки, и повсюду пышно, но в строгом порядке росли цветы. О том, что такое цветы, Бейли знал по книгофильмам.

Цветы чем-то напоминали световые картины,

которые создавала Глэдия, и Бейли подумалось, что она берет цветы за образец. Он осторожно потрогал один цветок и посмотрел вокруг. Преобладали красные и желтые тона.

Оглядываясь, Бейли случайно взглянул на солнце.

— Как оно низко, — обеспокоился он.

— Скоро вечер. — Глэдия убежала к пруду и сидела на каменной скамье у воды, — Идите сюда, — помахала она Бейли. — Можете постоять, если не хотите сидеть на камне.

Бейли медленно подошел.

— Оно каждый день опускается так низко? — спросил он и тут же прикусил язык. Раз планета вертится, значит, солнце по утрам и вечерам должно стоять низко — только в полдень оно стоит высоко.

Но образ, который запечатлелся у него в мозгу, было не так легко изменить. Инспектор знал, что бывает ночь, он уже испытал ее. Ночью вся толща планеты надежно заслоняет человека от солнца, Знал, что бывают облака и что их серый слой скрывает самое страшное. Но в мозгу держалась картина солнца, пылающего высоко в небе.

Он оглянулся через плечо, и в глазах на миг вспыхнуло. Интересно, далеко ли дом, если он

решит вернуться.

Глэдия показала ему на другой конец скамейки.

— Не близко ли? — спросил он.

Она вытянула руки ладонями вверх.

— Я начинаю привыкать. Правда.

Он сел к ней лицом, чтобы не видеть солнца.

Глэдия перегнулась назад, к воде, и сорвала маленький цветок в форме чаши, желтый снаружи и белый внутри, совсем не яркий.

— Это местное растение, а большинство цветов родом с Земли.

Когда Глэдия осторожно протянула цветок Бейли, с оторванного стебелька закапала вода. Бейли, тоже осторожно, подставил ладонь.

— Вы его убили, — сказал он.

— Это же только цветок. Их здесь тысячи. — Вдруг Глэдия выдернула цветок прямо из-под пальцев Бейли, глаза ее сверкнули. — Или вы думаете, что если я сорвала цветок, то могу убить и человека?

— Ничего такого я не думаю, — примирительно сказал Бейли. — Можно посмотреть?

Вообще-то Бейли не хотелось трогать цветок. Он рос в мокром грунте, и на нем еще осталось немного грязи. И как только эти люди, так ста-

рательно избегающие контактов с землянами и даже друг с другом, спокойно берут в руки обыкновенную грязь? Но он все-таки взял цветок, двумя пальцами, и рассмотрел его. Чашечка состояла из нескольких лепестков, тонких и почти прозрачных, которые крепились к общему центру. Внутри чашечки имелось белое вздутие, влажное, с каймой из черных волосков, которые чуть трепетали на ветру.

— Чувствуете, как пахнет? — спросила Глэдия. Бейли сразу уловил запах, понюхал и сказал:

— Женскими духами.

— Настоящий землянин, — в восторге захлопала в ладоши Глэдия. — Вы хотите сказать, духи пахнут цветами.

Бейли печально кивнул. Пребывание на воздухе утомило его. Тени становились длиннее, и пейзаж делался все более мрачным. Но он решил не сдаваться. Он хотел, чтобы исчезли серые стены, скрывающие его портрет. Пусть это донкихотство, но так тому и быть.

Глэдия забрала у Бейли цветок, который тот охотно вернул, и стала медленно обрывать лепестки.

— Наверное, все женщины пахнут по-разному? — спросила она.

— Зависит от духов, — равнодушно ответил Бейли.

— Подумать только, как близко нужно быть, чтобы различать запахи. Я не пользуюсь духами, потому что близко никого не бывает. Вот только сейчас — вы. Но вам, наверно, часто приходилось нюхать духи. Ведь ваша жена на Земле всегда рядом с вами? — Нахмурившись, она сосредоточенно терзала цветок.

— Не всегда. Не каждую минуту.

— Но почти всегда. И когда вы только захотите…

— Почему доктор Либич так упорно обучал вас роботехнике, как вы думаете? — прервал Бейли.

От цветка осталась только сердцевина со стеблем. Глэдия повертела его между пальцами и швырнула в пруд. Цветок на миг задержался на поверхности — и утонул.

— Кажется, хотел, чтобы я стала его ассистенткой.

— Он сам так сказал, Глэдия?

— В самом конце, Элайдж, — наверное, уже потерял терпение. Во всяком случае, он спросил меня, не будет ли мне интересно заняться роботехникой. Я ему, естественно, сказала, что ничего скучнее не представляю. Он сильно рассердился.

— И после этого больше с вами не гулял.

— А знаете, пожалуй, так и есть, Я, наверное, задела его чувства. Но что я могла поделать?

— Значит, про ваши ссоры с доктором Дельмаром вы рассказали ему раньше?

Она крепко сжала кулаки и вся застыла, чуть склонив голову набок.

— Про какие еще ссоры? — спросила она неестественно высоким голосом.

— Про ваши с мужем. Насколько я понимаю, вы ненавидели его.

Лицо Глэдии исказила гримаса, оно пошло пятнами.

— Кто это вам сказал? Джотан? — Сколько свирепости в ее взгляде!

— Да, доктор Либич упомянул об этом, и я считаю, что он не лгал.

— Вы по-прежнему хотите доказать, что мужа убила я, — сказала потрясенная Глэдия, — Я-то считала вас своим другом, а вы — а вы только сыщик. — Она замахнулась кулаком.

— Вы же все равно не сможете меня тронуть.

Глэдия уронила руки и беззвучно зарыдала, отвернувшись от инспектора. Бейли опустил голову и закрыл глаза, отгораживаясь от длинных, тревожных теней.

— Доктор Дельмар не проявлял к вам нежности, верно? — спросил он.

— Он был очень занятой человек, — сдавленно ответила Глэдия.

— А вот у вас сердце нежное, и вы небезразличны к мужчинам, понимаете?

— Я н-ничего не могу с собой поделать. Знаю, что это гадко, но ничего не могу поделать. Гадко даже говорить об этом.

— Но с доктором Либичем вы говорили?

— Нужно же было хоть что-нибудь предпринять. Джотан был под рукой и слушал как будто охотно, а мне становилось легче.

— Вы поэтому ссорились с мужем? Потому что он был холоден с вами, безучастен, а вас это возмущало?

— Временами я его просто ненавидела. — Она беспомощно передернула плечами. — Он был хороший солярианин — и только, и нам не предписывали д… — Слезы хлынули снова.

Бейли ждал. У него похолодело в желудке, воздух тяжело давил на плечи. Когда рыдания Глэдии стали утихать, он спросил как можно мягче:

— Вы убили его, Глэдия?

— Н-нет. — И вдруг добавила, будто вся воля

к сопротивлению иссякла в ней: — Я вам не все рассказала.

— Тогда расскажите сейчас, пожалуйста.

— Мы ссорились и в тот день, когда он погиб. Все по той же причине. Я кричала на него, а он никогда не кричал в ответ. Он вообще почти не отвечал мне, и это было еще хуже. Я так разозлилась, так разозлилась… А потом я ничего не помню.

— Иосафат! — Бейли слегка качнуло, и он уперся глазами в безопасный камень скамейки. — То есть как не помните?

— Ну, он был мертв, я закричала, пришли роботы…

— Вы убили его?

— Я не помню, Элайдж, а если бы убила, то помнила бы, правда? Только я вообще ничего не помню. Я так испугалась, так испугалась… Пожалуйста, помогите мне, Элайдж.

— Не волнуйтесь, Глэдия. Я помогу вам. — Колеблющийся разум Бейли уцепился за орудие преступления. Что с ним сталось? Его кто-то унес. Но если так, унести его мог только убийца. Поскольку Глэдию нашли без чувств сразу после убийства, она этого сделать не могла. Значит, убийца — кто-то другой. Пусть вся Солярия увере-

на в обратном — это был кто-то другой.

Надо вернуться в дом, сквозь дурноту подумал Бейли.

— Глэдия, — сказал он и вдруг понял, что смотрит прямо на солнце. Оно уже опустилось к самому горизонту. Должно быть, Бейли повернулся к нему непроизвольно и уже не мог оторваться как зачарованный. Такого солнца он еще не видел. Оно набухло, покраснело и померкло — можно было смотреть на него не щурясь; под ним различались тонкие линии кровоточащих облаков, а одно облако пересекло диск черной чертой.

— Какое красное солнце, — выдавил Бейли.

— Оно всегда красное на закате, красное и умирающее, — глухо и печально ответил голос Глэдии.

Бейли явилось видение. Солнце опускается к горизонту из-за того, что планета убегает от него со скоростью тысячи миль в час — вертится под обнаженным солнцем, и ей нечем прикрыть микробов, зовущихся людьми и снующих на поверхности шара, который вертится вечно, как безумный — вертится, вертится…

Теперь уже вертелось все — голова, и каменная скамья, которая накренилась под ним, и гнетущее синее — совсем темное — небо. Солнце исчезло

из глаз, верхушки деревьев и земля ринулись вверх, тонко вскрикнула Глэдия, и возник еще какой-то звук...

Глава шестнадцатая
Загадка разгадывается

Сначала Бейли осознал, что он в укрытии, в помещении, потом увидел над собой чье-то лицо.

Несколько мгновений он смотрел, не узнавая, потом воскликнул:

— Дэниел!!

Робот не выразил ни облегчения, ни чего-нибудь похожего, когда Бейли заговорил.

— Хорошо, что вы пришли в себя, партнер Элайдж. Не думаю, что вы пострадали физически.

— Все в порядке, — неуверенно произнес Бейли, приподнимаясь на локтях. — Иосафат, я что, в постели? Зачем?

— Вы сегодня несколько раз подвергались действию открытого пространства. Это вызвало кумулятивный эффект, и теперь вам нужно отдохнуть.

— Сначала мне нужен ответ на несколько вопросов. — Бейли оглянулся по сторонам, пытаясь отрицать тот факт, что голова у него все-таки немного кружится. Комнату он не узнавал.

Шторы были задернуты, свет искусственный, успокаивающий. Чувствовал он себя намного лучше. — Например, где я?

— В доме госпожи Дельмар,

— Теперь выясним кое-что еще. Как вы-то здесь оказались? Как ушли от роботов, которых я к вам приставил?

— Я так и думал, что вам будет неприятен такой поворот событий, но в связи с вашей безопасностью и моими инструкциями я чувствовал, что у меня нет выбора.

— Иосафат! И что же вы сделали?

— Госпожа Дельмар хотела связаться с вами несколько часов назад.

— Да. — Бейли вспомнил, что Глэдия говорила ему об этом. — Знаю.

— Вы приказали роботам, охраняющим меня, буквально следующее: «Не позволяйте ему (то есть мне) вступать в контакт с другими людьми или другими роботами, ни лично, ни по видеосвязи». Но вы не сказали, партнер Элайдж, что людям или роботам запрещается контактировать со мной. Улавливаете разницу?

Бейли застонал.

— Не нужно огорчаться, партнер Элайдж. Пробел в указаниях послужил для спасения вашей

жизни, поскольку привел меня сюда. Итак, роботы, охранявшие меня, позволили госпоже Дельмар поговорить со мной. Она спросила вас, и я совершенно искренне ответил, что не знаю, где вы, но могу выяснить, Ей было крайне желательно, чтобы я это сделал. Я сказал, что вы, возможно, временно покинули дом, и я могу проверить — не прикажет ли она тем временем вот этим роботам поискать вас в имении?

— Ее не удивило, что вы сами не можете приказать?

— Должно быть, она сочла, что я, будучи авроринанцем, не умею обращаться с роботами так, как она, — что ее приказ будет иметь больший вес и исполнят его гораздо быстрее моего. Очевидно, соляриане гордятся своим искусством управлять роботами и не очень верят в соответствующие способности инопланетян. Кажется, вы того же мнения?

— Значит, она услала их?

— С трудом, Они ссылались на предыдущий приказ, но не могли, естественно, сказать, в чем он состоит, поскольку вы приказали им не выдавать моего происхождения. Она накричала на них, и лишь тогда они подчинились.

— И вы ушли.

— Да, партнер Элайдж.

Жаль, подумал Бейли, что Глэдия не придала значения разговору с Дэниелом и не упомянула о нем.

— Долго же вам пришлось меня искать, Дэниел.

— У роботов существует сеть субэфирной связи. Знающий солярианин может получить информацию по ней. Но поскольку она передается через миллионы машин и одной из машин был я, не имеющий должного опыта, потребовалось время, чтобы добыть нужные сведения. Прошло более часа, прежде чем я узнал, где вы находитесь. И напрасно потерял время, явившись на место работы доктора Дельмара, когда вас там уже не было.

— Что же вы там делали?

— Проводил собственное расследование. Сожалею, что занимался им в ваше отсутствие, но меня вынудили к тому чрезвычайные обстоятельства,

— С Клориссой Канторо вы общались по видео или лично?

— По видео, но из ее же дома, не из нашего поместья. Мне нужно было проверить кое-какие записи на ферме. В обычной ситуации я бы довольствовался видео, но мне неудобно было оставаться в нашей резиденции, поскольку те

трое роботов знали, кто я такой, и могли в любой момент снова взять меня под стражу.

Бейли, чувствуя себя почти совсем хорошо, сбросил ноги с постели и. увидел, что на нем надето что-то вроде пижамы.

— Принесите мне одежду, — недовольно сказал он. Дэниел повиновался, и Бейли, одеваясь, спросил:

— Где госпожа Дельмар?

— Под домашним арестом, партнер Элайдж.

— Что? Кто распорядился?

— Я. Она у себя в спальне под охраной роботов, и ей не разрешается отдавать им приказания, кроме тех, что касаются ее личных надобностей.

— И все это устроили вы?

— Роботы в поместье не знают о моем происхождении.

Бейли оделся.

— Я знаю, что обстоятельства против Глэдии, — сказал он. — У нее была возможность — и даже больше, чем мы думали. Она не прибегала в лабораторию на крик мужа, как говорила раньше, — она все время присутствовала там.

— И утверждает, что была свидетелем убийства и видела убийцу?

— Нет. Она ничего не помнит. Такое иногда

бывает. Имелся у нее, оказывается, и мотив.

— Какой, партнер Элайдж?

— Тот, который я подозревал с самого начала. Я сказал себе: происходи дело на Земле и будь доктор Дельмар таким, каким его описывают, а Глэдия — такой, какой кажется, то я решил бы, что она любила его, а он любил только себя. Неясно было только, могут ли соляриане испытывать любовь или отвечать на любовь в том смысле, как это понимают на Земле. Я не мог полагаться на собственное суждение относительно их эмоций и реакций, потому и решил встретиться кое с кем. Не по видео — лично.

— Я не уловил смысла, партнер Элайдж.

— Не знаю, как вам и объяснить. Гены этих людей старательно подбираются еще до рождения, а после рождения проверяется правильность подбора.

— Я знаю.

— Но гены — еще не все. Окружающая среда тоже имеет значение и может привести человека к психозу, в то время как в генах заложена лишь склонность к определенному типу психоза. Вы заметили, что Глэдию интересует Земля?

— Заметил, партнер Элайдж, но счел, что это мнимый интерес, разыгрываемый с целью ока-

зать на вас влияние.

— Предположим, что интерес неподдельный, переходящий почти в навязчивую идею. Предположим, что ее возбуждает одна только мысль о земных толпах. Предположим, что она против воли тянется к тому, что ее приучили считать грязным. Это уже психическое расстройство. Мне нужно было проверить, как будут реагировать соляриане на мое присутствие и как будет реагировать она. Вот почему я должен был любой ценой избавиться от вас, Дэниел. Вот почему я отказался от видеосвязи как метода ведения следствия.

— Почему вы не объяснили мне раньше, партнер Элайдж?

— Разве мое объяснение помешало бы вам выполнять свой долг, как предписывает Первый Закон?

Дэниел промолчал,

— Эксперимент удался, — продолжал Бейли. — Я встречался или пытался встретиться с разными людьми. Старый социолог держался стойко, но сплоховал в разгар беседы. Роботехник отказался встретиться со мной, несмотря на сильнейший нажим. При одной только мысли о встрече он перепугался совсем по-детски, стал сосать па-

лец и плакать. Ассистентка доктора Дельмара, приученная своей профессией к человеческому присутствию, терпела меня, но не ближе, чем в двадцати футах. Глэдия же…

— Да, партнер Элайдж?

— Глэдия согласилась на встречу почти без сопротивления. Хорошо переносила мое присутствие и с течением времени чувствовала себя все более непринужденно. Все это вписывается в картину психоза. Она не против личных встреч; интересуется Землей; могла питать нездоровый интерес к своему мужу. Объяснение таково: сильное, для этого мира патологическое, стремление к личным контактам с лицами другого пола. Доктор Дельмар был отнюдь не тот человек, чтобы поощрять подобное чувство или разделять его. Ее это, должно быть, крайне угнетало.

— Достаточно, чтобы убить в миг исступления, — кивнул Дэниел.

— И все-таки, Дэниел, я думаю иначе.

— Возможно, не без влияния с ее стороны, партнер Элайдж? Госпожа Дельмар — привлекательная женщина, а вы землянин, и у вас интерес к обществу красивой женщины не является патологическим.

— Нет, не потому, — смущенно ответил Бейли.

Холодный взгляд Дэниела уж слишком глубоко проникал в душу. Иосафат! Этот парень — всего лишь машина, — Если она убила мужа, то и на Грюера покушалась тоже она. — Он хотел было рассказать Дэниелу, как могло быть организовано покушение с помощью роботов, но удержался. Он не был уверен, как воспримет Дэниел гипотезу, согласно которой роботы невольно становятся убийцами.

— Она же покушалась и на вашу жизнь, — сказал Дэниел.

Бейли нахмурился. Он не собирался говорить Дэниелу об отравленной стреле, чуть было не попавшей в цель, — ни к чему было давать роботу лишний повод для торжества; мол, я вас предупреждал.

— Что вам наговорила Клорисса? — сердито спросил он. Надо было предупредить женщину, чтобы молчала, но кто же знал, что к ней явится Дэниел со своими вопросами?

— Госпожа Канторо не имеет к этому никакого отношения, — спокойно ответил Дэниел. — Я сам был свидетелем покушения.

— Но вас же там не было, — смешался Бейли.

— Я подхватил вас в последний момент и принес сюда — час назад.

— О чем вы?

— Разве вы не помните, партнер Элайдж? Убийство было задумано почти безупречно, Ведь это госпожа Дельмар предложила вам выйти на воздух? Я не присутствовал при вашем разговоре, но чувствую, что не ошибаюсь.

— Да, она.

— Может быть, даже чем-то выманила вас из дома? Бейли подумал о своем портрете, об окружающих его серых стенах. Неужели то был тонкий психологический ход? Неужели солярианка способна настолько глубоко интуитивно понять психологию землянина?

— Нет, — ответил он.

— Но она предложила пойти к декоративному пруду и посидеть у воды?

— Ну да.

— Вам не кажется, что она наблюдала за вами, отмечая, как вам становится все хуже?

— Пару раз она спросила, не хочу ли я вернуться в дом.

— Думаю, что она спрашивала не всерьез. Думаю, она видела, что вам становится плохо, Думаю, она могла бы даже толкнуть вас, хотя это было излишне. Когда я подоспел и подхватил вас на руки, вы медленно падали с каменной

скамьи назад, в пруд, на глубину трех футов, где непременно бы утонули.

Бейли впервые после обморока припомнил свои ощущения.

— Иосафат!

— Более того, — бесстрастно продолжал Дэниел. — Госпожа Дельмар сидела рядом с вами и наблюдала, как вы падаете, не пытаясь помочь. Не стала бы она и вытаскивать вас из воды, а позволила бы вам утонуть. Самое большее — позвала бы робота, но он, разумеется, явился бы слишком поздно. Впоследствии она объяснила бы это тем, что не смогла прикоснуться к вам даже ради спасения вашей жизни,

Вполне правдоподобно, подумал Бейли. Никого не удивит то, что она не смогла дотронуться до человека. Удивление скорее вызвало бы то, что она сидела так близко к нему.

— Итак, вы видите, партнер Элайдж, что в ее виновности вряд ли можно сомневаться. Говоря, что она должна была покушаться и на Грюера, вы как бы выдвигали довод в ее защиту. Теперь вы видите, что ваша защита обернулась обвинением. Она покушалась и на вас, и на Грюера по одной и той же причине: чтобы убрать людей, слишком настойчиво расследующих первое пре-

ступление.

— Вся эта цепочка событий могла быть и совпадением. Откуда Глэдии было знать, как повлияет на меня открытое пространство?

— Она изучала Землю и знала особенности землян.

— Я заверил ее, что уже выходил сегодня и начинаю привыкать.

— Ей не следовало вас слушать.

Бейли стукнул кулаком по ладони.

— Послушать вас, она насквозь лжива и коварна. Не годится, Дэниел, и я вам не верю. В конце концов, мы никого не можем обвинить в убийстве, пока не найдем объяснения отсутствию орудия убийства.

Дэниел пристально посмотрел на землянина.

— Я могу объяснить и это, партнер Элайдж.

— Как? — опешил Бейли.

— Если помните, партнер Элайдж, вы рассуждали следующим образом: если убийца — госпожа Дельмар, тогда оружие, что бы им ни послужило, должно было остаться на месте преступления. Роботы, которые явились почти сразу же, не нашли ничего подобного — следовательно, оружие унесли — следовательно, его унес убийца — следовательно, убийца не госпожа Дельмар. Верно?

— Верно.

— Так вот, было место, где роботы не искали.

— Где?

— Там, где лежала госпожа Дельмар, — под ней. Она упала, лишившись чувств от волнения и потрясения — а может быть, и от ужаса перед содеянным, — и оружие оказалось под ее телом.

— Тогда его обнаружили бы сразу, как только подняли ее.

— Совершенно верно, но роботы ее не поднимали. Она сама говорила вчера за обедом, что доктор Тул велел роботам положить ей под голову подушку и оставить в покое. Первым к ней прикоснулся сам доктор Тул, когда прибыл в имение.

— Ну и что?

— Здесь возникает новая вероятность, партнер Элайдж. Убийцей была госпожа Дельмар, оружие оставалось на месте преступления, но доктор Тул унес его и уничтожил, чтобы спасти госпожу Дельмар.

Бейли, который настроился было услышать нечто действительно ценное, пренебрежительно заметил:

— Совершенная бессмыслица. С какой стати доктору Тулу было уничтожать орудие убий-

ства?

— По очень простой причине. Помните, госпожа Дельмар говорила: «Он лечит меня с детства и всегда был такой добрый и милый». Я задался вопросом, нет ли у доктора причины относиться к ней с особым вниманием. Поэтому я и просмотрел записи на детской ферме. И моя догадка подтвердилась.

— Что подтвердилось?

— Доктор Алтим Тул — отец Глэдии Дельмар, и более того — он знает об этом.

Бейли не мог не верить роботу и очень огорчился, что не он сам, а Р. Дэниел Оливо установил сие немаловажное обстоятельство. Впрочем, гипотеза робота требовала проверки.

— Вы говорили с доктором Тулом? — спросил он.

— Да. И его тоже поместил под домашний арест.

— Что он говорит?

— Он признался, что является отцом госпожи Дельмар. Я предъявил ему регистрационную запись и отметки о том, что он интересовался ее здоровьем, когда она была ребенком. Как врач, он пользовался в этом отношении большей свободой, чем любой другой солярианин.

— А почему он интересовался ее здоровьем?

— Я выяснил, партнер Элайдж, Он был уже стар, когда ему выдали дополнительное разрешение на ребенка, и главное в том, что ему удалось дать этому ребенку жизнь. Доктор считает, что обязан тем своим генам и физическому здоровью и, кажется, гордится результатом больше, нежели здесь принято. Иметь лишний повод для гордости побуждает его и то, что профессия врача на Солярии непрестижна, так как требует личного присутствия. И потому доктор поддерживал ненавязчивые отношения со своей дочерью.

— А Глэдия знает?

— Насколько известно доктору Тулу — нет.

— Доктор Тул признался в том, что унес оружие?

— Нет, не признался.

— Тогда вы остались при своем, Дэниел.

— При своем?

— Пока вы не найдете орудие убийства и не докажете, что его взял доктор, или хотя бы не заставите доктора признаться, ваша версия не доказана. Вы изящно выстроили цепочку выводов, но доказательств у вас нет.

— Вряд ли он признается без применения особых методов допроса, которых я лично применять

не могу. Ему дорога его дочь.

— Вовсе нет. Он относится к дочери совсем не так, как мы с вами подразумеваем. На Солярии все иначе, — Бейли прошелся по комнате, чтобы остыть. — Дэниел, вы блестяще справились с логической задачей, но проверки на здравый смысл ваша версия не выдерживает. — (Руководствуется логикой, но не здравым смыслом. Чем не определение для робота?) — Доктор Тул — старик, его лучшие годы позади, хотя ему и удалось лет тридцать назад зачать дочь. Даже космониты дряхлеют. И вот представьте себе — дочь лежит перед ним в обмороке, зять убит. Понимаете, в какой невообразимой ситуации оказался доктор? И вы допускаете, что он настолько сохранил хладнокровие, чтобы совершить целый ряд поразительных поступков. Вот смотрите! Во-первых, он должен был разглядеть под телом дочери предмет, настолько хорошо укрытый, что его не заметили роботы. Во-вторых, разглядев пусть хотя бы краешек этого предмета, он должен был сделать вывод, что видит орудие убийства, и тут же сообразить, что, если он скроет это орудие, его дочь будет трудно обвинить в совершении преступления. Довольно тонкое рассуждение для старика, охваченного паникой. Наконец, в-тре-

тьих, он должен был осуществить задуманное, что также нелегко для напуганного старика. А после всего у него хватает смелости настаивать на своих ложных показаниях, то есть оставаться соучастником. Может быть, все и логично, но здравый смысл утверждает обратное.

— Вы можете предложить альтернативное решение, партнер Элайдж?

Бейли, пока рассуждал, уселся и сейчас захотел встать, но усталость и глубокое кресло помешали. Он раздраженно буркнул:

— Пожалуйста, Дэниел, дайте мне руку.

— Простите, партнер Элайдж? — сказал робот, посмотрев на свою конечность.

Бейли, мысленно обругав его за буквализм, сказал:

— Помогите мне встать.

Сильная рука Дэниела тут же извлекла его из кресла.

— Спасибо, Нет, у меня нет альтернативного решения. Точнее, оно есть, но все упирается в орудие убийства. — Бейли нетерпеливо приподнял уголок тяжелой шторы, закрывавшей полстены, сам не очень понимая, зачем это делает, и удивленно уставился в черное стекло, но потом сообразил, что за окном — поздний вечер. К нему

тихо подошел Дэниел и освободил край шторы из его пальцев.

В ту долю секунды, когда рука робота с нежностью матери, берегущей ребенка от огня, отбирала у него штору, в сознании Бейли произошла целая революция.

Он выхватил штору из рук Дэниела и, дернув изо всех сил, сорвал ее с окна, оставив одни клочья,

— Партнер Элайдж! — мягко сказал Дэниел. — Вы же знаете, что значит для вас открытое пространство.

— Да, оно значит для меня очень многое, — ответил Бейли. И взглянул в окно. Там ничего не было видно, кроме тьмы, но эта тьма была воздухом, открытым, не огороженным пространством, и Бейли всматривался в него.

Впервые смотрел просто так — не из бравады, не ради нездорового любопытства, не ради разгадки убийства. Смотрел потому, что хотел того и где-то даже нуждался. Вот и вся разница.

Стены — только костыли! Темнота и людские толпы — только костыли! Он, должно быть, чувствовал это подсознательно и ненавидел их, даже когда думал, что любит и нуждается в них. Как иначе объяснить возмущение, какое он испытал,

увидев серую коробку, в которую Глэдия заключила его портрет?

Бейли переполняло чувство победы — и не потому ли, что одна победа ведет за собой другую, в нем беззвучным криком вспыхнула новая мысль? Бейли, справившись с головокружением, прошептал Дэниелу;

— Я знаю. Иосафат! Я знаю!

— Что знаете, партнер Элайдж?

— Знаю, куда делось оружие. Знаю, кто преступник. Все сразу стало на место.

Глава семнадцатая
Собрание созывается

Дэниел не разрешил Бейли действовать немедленно.

— Завтра! — сказал он почтительно, но твердо. — Предлагаю все отложить до завтра. Сейчас уже поздно, и вам нужен отдых.

Бейли пришлось признать, что Дэниел прав — и кроме того, нужно было еще многое подготовить. Он был уверен, что нашел разгадку убийства, но его версия, как и версия Дэниела, основывалась только на дедукции. Недоставало самой малости — доказательств. Вся надежда на соляриан.

Ему придется предстать перед ними — один землянин против полудюжины космонитов — так что надо быть во всеоружии. Во-первых, нужно отдохнуть, во-вторых, все подготовить.

Бейли был убежден, что уснуть, конечно, не удастся. Не поможет ни мягкая постель, которую специально для него постелили искусные роботы, ни разлитые по комнате ароматы, ни тихая, мелодичная музыка. Да, он попросту не сомкнет глаз.

Дэниел скромно уселся в темном уголке его спальни.

— Вы все-таки боитесь Глэдии? — спросил Бейли.

— Мне кажется неразумным оставлять вас на ночь одного, без охраны.

— Ну как знаете. Вы поняли, что вам надо сделать, Дэниел?

— Да, партнер Элайдж.

— Надеюсь, помех со стороны Первого Закона не будет.

— Меня немного беспокоит собрание, которое вы хотите провести. Вы ведь возьмете с собой оружие? Позаботитесь о своей безопасности?

— Да, непременно.

Дэниел испустил вздох облегчения, до того человеческий, что Бейли напряг зрение, пытаясь рассмотреть во мраке выражение лица робота.

— Я нахожу, что люди не всегда ведут себя логично, — сказал Дэниел,

— Нам бы тоже не повредили Три Закона, но я рад, что их у нас нет.

Бейли уставился в потолок. От Дэниела зависело многое, и все же Бейли мог открыть ему только малую часть истины. Роботы слишком зависимы. Планета Аврора имела основания выбрать своим

представителем робота, однако аврорианцы все же дали маху. У роботов есть свои границы.

Так или иначе, если все пройдет хорошо, через двенадцать часов его миссия закончится. А через двадцать четыре часа он сможет вылететь на Землю, чтобы принести туда надежду. Странную надежду. В свое открытие он и сам верил с трудом, но в нем есть выход для Земли. Должен быть!

Земля! Нью-Йорк! Джесси и Бен! Уют, родные лица, дом!

Бейли думал о них, засыпая, но мысли о Земле не принесли ему привычного успокоения. Между ним и Городами пролегло отчуждение.

А в какой-то неуловимый миг все померкло, и он уснул.

Проснувшись, Бейли принял душ и оделся. Физически он был вполне бодр, но ощущал неуверенность в себе. Не потому, что собственные выводы показались ему менее убедительными в бледном утреннем свете, нет. Неуверенность вызывалась скорее предстоящей встречей с солярианами.

Разобрался он в них наконец или так и будет действовать вслепую?

Глэдия появилась первой. Ей это было проще — она ведь пользовалась внутренней связью.

Бледная и замкнутая, облаченная в белое платье, она была холодна, как статуя. Представ перед Бейли, она бросила на него беспомощный взгляд. Бейли ласково улыбнулся ей, и она как будто приободрилась.

Один за другим начали появляться прочие участники встречи. Следом за Глэдией возник Аттлбиш, заместитель директора Службы Безопасности, стройный и надменный, с неодобрительно выпяченным тяжелым подбородком. За ним роботехник Либич, сердитый и нетерпеливый, приспущенное веко периодически подергивается. Социолог Квемот, немного усталый, заговорщически улыбнулся Бейли, как бы говоря: мы встречались, мы свои люди.

Клорисса Канторо, кажется, чувствовала себя неловко в обществе других. Увидев Глэдию, она громко фыркнула и уставилась в потолок. Врач, доктор Тул, появился последним. Вид у него был изможденный, почти больной.

Все были в сборе, кроме Грюера, который поправлялся медленно и потому не мог присутствовать на встрече. Что ж, придется обойтись без него, подумал Бейли. Все участники встречи были в официальных костюмах и сидели в плотно занавешенных комнатах.

Дэниел хорошо все организовал. Бейли горячо надеялся, что он так же хорошо справится и с оставшейся частью своей задачи. Инспектор переводил взгляд с одного космонита на другого. Сердце у него глухо колотилось. Они смотрели на землянина из разных комнат, и от разного освещения, разной мебели, разных стен рябило в глазах.

— Я хочу рассмотреть убийство доктора Дельмара. — начал Бейли, — с точки зрения мотива, возможности и средств, именно в таком порядке.

— Это надолго? — перебил Аттлбиш.

— Все может быть, — отрезал Бейли. — Меня вызвали сюда расследовать убийство — это моя работа и моя профессия. Мне лучше знать, что нужно делать. — Не давай им спуску, подумал он, иначе ничего не выйдет. Подавляй их! Подавляй! И продолжал, стараясь подбирать слова пожестче и по язвительнее: — Начнем с мотива. Мотив — по-своему, самый трудный этап следствия. Возможность и средства — понятия объективные и легко подтверждаются фактами. Мотив же — понятие субъективное. Он может быть известен окружающим — например, месть за публичное оскорбление, а может быть и совершенно неизвестен: скажем, иррациональная

ненависть, которую сдержанный человек никому не открывает.

Итак, почти все вы в беседах со мной заявили, что считаете виновной Глэдию Дельмар. Других подозрений ни у кого не было. Имелся ли у Глэдии мотив? Доктор Либич назвал его. Он сказал, что Глэдия часто ссорилась с мужем, и Глэдия сама призналась мне, что это правда. Бешенство, вызванное ссорой, безусловно может толкнуть человека на убийство. Прекрасно. Но вопрос в том, только ли у одной Глэдии был мотив? Например, доктор Либич…

Роботехник так и подскочил, потом ткнул в Бейли пальцем.

— Поосторожнее, землянин.

— Я только теоретизирую, — холодно сказал Бейли. — Вы, доктор Либич, работали с доктором Дельмаром над новыми моделями роботов. Вы лучший специалист по роботехнике на Солярии. Вы сами так сказали, и я вам верю.

Либич улыбнулся, не скрывая своего снисхождения.

— Но я слышал, — продолжал Бейли, — что доктор Дельмар собирался порвать с вами из-за некоторых ваших поступков, которых не одобрял.

— Это ложь! Ложь!

— Кто знает? А если правда? Чем не мотив — избавиться от него, пока он не нанес вам публичного оскорбления? Мне кажется, вам нелегко было бы перенести подобное. Теперь вы, госпожа Канторо, — быстро продолжил Бейли, не дав Либичу возразить. — Смерть доктора Дельмара сделала вас ведущим фетоинженером, вы получили ответственную должность,

— Праведное небо, да мы ведь уже обсуждали это! — сердито крикнула Клорисса.

— Знаю, но тем не менее ваш мотив тоже следует принять во внимание. Что касается доктора Квемота, он постоянно играл с доктором Дельмаром в шахматы. Может быть, его злили слишком частые проигрыши.

— Проигрыш в шахматы вряд ли может служить мотивом для убийства, инспектор, — спокойно заметил социолог.

— Зависит от того, насколько серьезно вы относитесь к игре. Мотив, который для убийцы заслоняет весь мир, другим может показаться совершенно незначительным. Впрочем, дело не в том. Я лишь, старался показать вам, что одного мотива недостаточно. Мотив мог быть у любого — особенно для убийства такого человека, как

доктор Дельмар.

— Что вы хотите сказать? — негодующе спросил Квемот.

— Только то, что доктор Дельмар был «хороший солярианин». Все вы сами о нем так отзывались. Он строго придерживался солярианских моральных норм. Он был идеалом, почти абстракцией. Кто же мог любить такого человека или хотя бы чувствовать к нему симпатию? Человек, лишенный недостатков, только заставляет других почувствовать собственное несовершенство. Древний поэт Теннисон выразил это так: «Тот весь изъян, кто вовсе без изъяна».

— Нельзя же убить человека только за то, что он слишком хороший, — нахмурилась Клорисса.

— Это вы так думаете, — отозвался Бейли и вернулся к прерванному рассуждению: — Доктор Дельмар раскрыл (или думал, что раскрыл) на Солярии заговор, ставивший целью завоевание Галактики. Дельмар хотел вмешаться, поэтому люди, входившие в заговор, могли счесть необходимым убрать его. В заговоре мог состоять кто угодно — в том числе, конечно, и госпожа Дельмар — а также и заместитель директора Службы Безопасности Корвин Аттлбиш.

— Я? — процедил тот.

— Не вы ли пытались закрыть следствие, став главой ведомства после происшествия с Грюером?

Бейли отпил несколько глотков из пакета, который вскрыл сам — ни человек, ни робот его не касался, — и собрался с силами. Пока что он тянул время и был благодарен солярианам за то, что они ведут себя тихо. Впрочем, они не привыкли, как земляне, спорить друг с другом и не умели драться врукопашную.

— Рассмотрим далее, у кого была возможность совершить убийство. Существует общее мнение, что возможность была только у госпожи Дельмар, поскольку лишь она могла достаточно близко подойти к мужу. Но так ли это? Предположим, что кто-то другой решился убить доктора Дельмара. Неужели столь отчаянное решение не отодвинуло бы на второй план неприятную необходимость личного контакта? Если бы кто-то из вас задумал убийство, разве он не согласился бы потерпеть несколько минут ради того, чтобы совершить его? Разве он не мог пробраться в имение Дельмара…

— Вы не знаете, о чем говорите, землянин, — ледяным тоном прервал Аттлбиш, — То, что мог или не мог сделать предполагаемый преступник,

значения не имеет. Дело в том, что сам доктор Дельмар никогда бы не позволил приблизиться к себе — уж вы мне поверьте. Если бы кто-нибудь вздумал явиться к нему, доктор Дельмар не посмотрел бы на самую близкую и старую дружбу и выгнал бы этого человека вон, а при необходимости позвал бы роботов и велел бы вышвырнуть его.

— Да, — сказал Бейли, — все верно — при условии, что доктор Дельмар понял бы, что видит перед собой живого человека.

— Что вы говорите? — дрогнувшим голосом спросил удивленный доктор Тул.

— Когда вы после убийства оказывали помощь госпоже Дельмар, она думала, что видит ваше изображение, доктор, пока вы не дотронулись до нее. Она сама говорила мне это, и я ей верю. Скажу и про себя — я не привык к видеоконтактам, и когда по прибытии на Солярию беседовал с агентом Грюером, то думал, что он в самом деле здесь. Когда же после разговора он исчез, я крайне удивился. А теперь обсудим обратную возможность. Человек всю свою взрослую жизнь общается только по видео, никогда и ни с кем не видится лично, за исключением редких встреч с женой. И вдруг перед ним появляется кто-то — не

жена. Конечно, он подумает, что это видеосеанс — тем более если робота научили сказать Дельмару, что он сейчас соединит его с таким-то.

— Ничего подобного, — сказал Квемот. — Пришедшего выдал бы фон.

— Возможно — но кто из вас в такие мгновения обращает внимание на фон? Прошло бы несколько минут, прежде чем Дельмар почувствовал бы неладное, а за это время его приятель успел бы подойти к нему и ударить по голове.

— Это невозможно, — не уступал Квемот.

— Я другого мнения. Я считаю, что возможность не является неоспоримым доказательством вины госпожи Дельмар. Да, у нее была возможность, но она была и у других.

Бейли снова сделал паузу. На лбу у него выступила испарина, но вытереть ее означало показать свою слабость. Нельзя было упускать бразды правления — тот, в кого он метил, должен был сознавать превосходство Бейли, а землянину нелегко добиться такого от космонита. Бейли посмотрел на всех по очереди и счел, что пока дела идут неплохо. Даже Аттлбиша проняло, и он проявлял вполне человеческие признаки волнения.

— Наконец, перейдем к средствам — самому загадочному моменту во всем деле. Орудие убий-

ства так и не было найдено.

— Знаем, — сказал Аттлбиш. — Если бы не это, мы бы уже предъявили обвинение госпоже Дельмар и никакого следствия не понадобилось бы,

— Допустим, — сказал Бейли, — Итак, рассмотрим вопрос о средствах. Существуют две возможности. Либо убийство совершила госпожа Дельмар, либо кто-то другой. Если убила госпожа Дельмар, орудие осталось бы на месте преступления — при условии, что кто-то не унес его позднее. Мой партнер, господин Оливо с Авроры, сейчас отсутствующий, предположил, что такую возможность имел доктор Тул. Я спрашиваю доктора Тула в присутствии всех: вы действительно сделали это? Вы унесли оружие, оказав предварительно помощь лежащей без чувств госпоже Дельмар?

— Нет, нет, — затрясся доктор. — Клянусь вам. Допрашивайте меня, как хотите — клянусь, что ничего не уносил.

— Полагает ли кто-либо из присутствующих, что доктор Тул солгал? — Все промолчали. Либич взглянул на что-то за кадром и произнес какие-то слова.

— Второй вариант: преступление совершил кто-то другой и унес оружие с собой. Если так

— зачем он это сделал? Унести оружие — значит объявить всем, что госпожа Дельмар невиновна. Если убийца — третье лицо, с его стороны было вопиющей глупостью не оставить оружие рядом с телом и не обвинить тем самым госпожу Дельмар. Итак, орудие в любом случае должно было находиться на месте преступления! Просто его никто не заметил.

— Мы что, по-вашему, дураки или слепые? — спросил Аттлбиш.

— Вы — соляриане. Потому-то и не смогли распознать то орудие, которое осталось на месте преступления.

— Ничего не понимаю, — с отчаянием сказала Клорисса.

Даже Глэдия, которая не подавала признаков жизни в продолжение всего разговора, удивленно смотрела на Бейли.

— Мертвый мужчина и женщина в обмороке — не единственные, кто остался на месте преступления. Там был еще и вышедший из строя робот.

— Ну и что же? — сердито спросил Либич.

— Разве не очевидно, что, если мы исключим невозможное, нам останется истина, хоть и невероятная? Тот робот и был орудием убийства, которое никто из вас в силу своего воспитания не

сумел распознать.

Все заговорили разом, кроме Глэдии, которая продолжала молча смотреть на Бейли. Инспектор поднял руки.

— Подождите. Тихо. Дайте объяснить! — И он повторил свою версию того, как могло быть организовано покушение на Грюера, и рассказал, как пытались убить его самого на детской ферме.

— И это, надо полагать, осуществили таким образом, — нетерпеливо сказал Либич, — один робот отравил стрелу, не ведая, что творит, а другой вручил отравленную стрелу мальчику, предварительно сказав ему, что вы землянин — и не подозревал, что стрела отравлена.

— Вероятно, да. Обоих роботов должны были тщательно проинструктировать.

— Притянуто за уши, — сказал Либич,

Квемот побледнел: казалось, он вот-вот лишится чувств.

— Ни один солярианин не способен использовать роботов во вред другому человеку.

— Может, и так, — пожал плечами Бейли, — но главное в том, что роботов, как выяснилось, можно применять в подобных целях. Спросите доктора Либича — он роботехник.

— Но к убийству доктора Дельмара ваша теория

неприменима, — сказал Либич, — я уже говорил вам вчера. Как можно заставить робота раздробить человеку череп?

— Хотите объясню?

— Если сумеете.

— Дельмар испытывал робота новой модели. Значение этого факта ускользало от меня до вчерашнего вечера, когда я случайно сказал роботу, желая, чтобы он помог мне встать со стула: «Дай руку». Робот в недоумении уставился на свою руку, точно подумал, что я прошу его снять руку и дать ее мне. Пришлось сформулировать команду по-другому. Но это напомнило мне о том, что я слышал от доктора Либича. Они экспериментировали с роботами, у которых были съемные конечности. Допустим, что робот, которого испытывал в тот день доктор Дельмар, был как раз такого типа и мог менять одни конечности на другие в зависимости от рода выполняемых работ. Предположим, убийца знает о том и внезапно говорит роботу: «Дай свою руку». Робот снимает руку и подает ему. Тяжелая рука робота — превосходное оружие. Сделав свое дело, убийца ставит руку на место.

Сначала все в ужасе молчали, потом поднялся возмущенный ропот — последнюю фразу Бейли

пришлось прокричать, и все равно его чуть не заглушили. Аттлбиш, весь красный, встал со стула и шагнул вперед.

— Даже если так, все равно убийца — госпожа Дельмар. Она была там, она поссорилась с мужем, она видела, как муж работает с роботом, и знала, что у робота съемные конечности — если такие роботы и впрямь существуют. Как бы вы ни старались, землянин, все указывает на нее.

Глэдия тихо заплакала. Бейли, не глядя на нее, сказал:

— Напротив — легко доказать, что это преступление она никак не могла совершить.

Джотан Либич с презрительным видом скрестил руки на груди. Бейли, заметив это, сказал:

— И вы мне поможете, доктор Либич. Как роботехник, вы знаете, что управление роботами с целью заставить их совершить убийство против воли требует незаурядного мастерства. Вчера я хотел посадить кое-кого под домашний арест. И дал троим роботам подробные инструкции на предмет его охраны. Простое, казалось бы, дело — но я в роботах профан. В моей инструкции оказался пробел, и мой арестованный ушел.

— А кто это был? — спросил Аттлбиш,

— Неважно, — отмахнулся Бейли. — А важно то,

что дилетант не способен мастерски командовать роботами. Дилетантов же вполне достаточно и на Солярии. Много ли, например, понимала в роботехнике Глэдия Дельмар? Доктор Либич!

— Что? — не понял роботехник.

— Вы пытались обучать ее роботехнике. Что же, она была способной ученицей? Научилась хоть чему-нибудь?

— Нет, — смущенно сознался Либич и умолк.

— Она была совершенно безнадежна, не так ли? Или вы предпочитаете не отвечать?

— Она могла притвориться непонимающей, — холодно сказал Либич.

— И вы, как роботехник, готовы заверить, что госпожа Дельмар способна заставить роботов совершить непреднамеренное убийство?

— Как я могу ответить?

— Поставим вопрос по-другому. Тот, кто пытался убить меня на детской ферме, должен был сначала разыскать инспектора Бейли, пользуясь сетью связи роботов. Я ведь ни одному человеку не говорил, куда направляюсь, и только роботы, доставлявшие меня с места на место, знали, где я. Мой партнер Дэниел Оливо в тот день тоже пытался найти меня, и это ему удалось с большим трудом. Но убийца, должно быть, выяснил все без

труда — ему ведь надо было не только разыскать меня, но еще и отравить стрелу и устроить так, чтобы ею выстрелили, пока я не покинул ферму и не отправился дальше. Сумела бы сделать что-либо подобное госпожа Дельмар?

Корвин Аттлбиш подался вперед.

— Кто же, по-вашему, покушался на вас, землянин?

— Доктор Джотан Либич сам признался, что он лучший специалист по роботам на планете.

— Это что, обвинение? — крикнул Либич.

— Да! — крикнул в ответ Бейли.

Ярость в глазах Либича медленно угасла, сменившись если не спокойствием, то чем-то похожим на облегчение.

— Я обследовал дельмаровского робота после убийства, — сказал он, — У него не было съемных конечностей — их можно было снять, как обычно, только с помощью специальных инструментов, да и то умеючи. Так что этот робот не мог быть орудием убийства Дельмара — ваш вывод ошибочен.

— А кто может подтвердить ваше заявление?

— В моем слове еще никто не сомневался.

— А я сомневаюсь. Я обвиняю вас, и ваше голословное заявление ничего не стоит, Если бы

кто-то мог его подтвердить, тогда другое дело. Вы подозрительно быстро избавились от этого робота. Почему?

— Не было причины хранить его. Он был полностью выведен из строя, потерял всякую ценность.

— Почему?

— Вы уже спрашивали меня, землянин, — ответил Либич, потрясая пальцем перед Бейли, — и я сказал вам почему. Робот стал свидетелем убийства, которому не мог помешать.

— Вы сказали также, что это всегда ведет к полному разрушению, таково универсальное правило. Но робот, подавший Грюеру отравленное питье, отделался только хромотой и шепелявостью. А ведь он сам был невольным убийцей — как казалось тогда, — а не просто свидетелем. Однако сохранил достаточно рассудка, чтобы его можно было допросить. Значит, дельмаровский робот пострадал гораздо сильнее грюеровского. И неудивительно — ведь его собственную руку использовали как орудие убийства.

— Чепуха, — возмутился Либич. — Вы ничего не смыслите в роботехнике.

— Возможно. Но я предлагаю главе Службы Безопасности Аттлбишу проверить отчетность

вашего завода и ремонтной мастерской. Может быть, удастся выяснить, производились ли у вас роботы со съемными конечностями — и если да, то посылали ли такого робота доктору Дельмару — и если да, то когда.

— Никто не будет рыться в моих книгах! — крикнул Либич.

— Но почему, если вам нечего скрывать?

— Да с какой стати мне было убивать Дельмара? Вот вы что мне скажите. Какой у меня был мотив?

— Могу предложить два, — сказал Бейли. — Вы были дружны с госпожой Дельмар. Более чем дружны. Соляриане по-своему тоже люди. Вы никогда не общались с женщинами, но это не уберегло вас, так сказать, от животных инстинктов. Вы видели госпожу Дельмар, — извините, по видео, конечно, — одетой весьма легко и…

— Нет! — с болью выкрикнул Либич.

— Нет, — вырвалось шепотом у Глэдии.

— Возможно, вы и сами не понимали своих чувств — или же, смутно осознавая их, презирали себя за слабость, а госпожу Дельмар ненавидели за то, что она внушала их вам. И Дельмара ненавидели — за то, что он ею обладает. Вы же просили госпожу Дельмар стать вашим асси-

стентом — это была уступка вашему либидо. Она отказалась, и ваша ненависть к ней стала еще сильнее. Убив доктора Дельмара таким образом, чтобы подозрение пало на его жену, вы отомстили бы им обоим.

— Кто поверит вашей грязной дешевой мелодраме? — хрипло прошептал Либич. — Разве что другой землянин, такой же скот, как и вы. Но не солярианин.

— Я не настаиваю на этом мотиве, — сказал Бейли. — Думаю, он тоже подсознательно присутствовал, но у вас имелся мотив и попроще. Доктор Рикэн Дельмар стоял на пути у ваших планов, и его надо было убрать.

— О каких планах вы говорите?

— О ваших планах завоевания Галактики, доктор Либич.

Глава восемнадцатая
Вопрос получает ответ

— Этот землянин сошел с ума! — закричал Либич. — Разве вы не видите?

Все молча смотрели кто на Бейли, кто на Либича. Бейли не дал им опомниться.

— Вы сами знаете, доктор Либич, что доктор Дельмар собирался порвать с вами. Из-за того, как думала госпожа Дельмар, что вы не вступили в брак. Я думаю иначе. Доктор Дельмар сам уповал на будущее, в котором, с повсеместным распространением эктогенеза, отпадет всякая надобность в браках. Но, сотрудничая с вами, он знал о вашей работе больше, чем кто-либо другой, — или догадывался. Он узнал бы о ваших опасных экспериментах и попытался бы остановить вас. Он уже намекал на это агенту Грюеру, но не сказал прямо, так как еще не знал подробностей. Вы, видимо, догадались о подозрениях доктора и убили его.

— Сумасшедший! — повторил Либич. — Я не желаю больше иметь с вами ничего общего.

— Выслушайте его, Либич! — вмешался Аттл-

биш.

Бейли прикусил губу, чтобы не проявить преждевременно удовлетворения — Аттлбиш был явно не на стороне Либича.

— Тогда же, когда вы говорили мне о роботах со съемными конечностями, доктор Либич, вы упомянули о космическом корабле со встроенным мозгом. Вы определенно наговорили тогда много лишнего. То ли потому, что я землянин и мне не понять тонкостей роботехники, то ли потому, что вам угрожал мой визит — и когда угроза миновала, вас охватила легкая эйфория.

Так или иначе, к тому моменту доктор Квемот уже открыл мне, каким секретным оружием против других миров владеет Солярия — позитронным роботом.

— Но не в том же смысле… — подскочил от неожиданности Квемот.

— Знаю — вы говорили с точки зрения социолога. Но это заставило меня задуматься. Сравните корабль с позитронным мозгом и корабль, управляемый человеком, Корабль с людьми на борту не сможет использовать роботов в боевых действиях. Робот не станет уничтожать людей на вражеском корабле или на планете. Он не знает разницы между «своими» и «врагами». Роботу,

конечно, можно сказать, что на борту вражеского корабля людей нет и что бомбить будут необитаемую планету, но это может не пройти. Робот видит, что на его собственном корабле люди есть, и знает, что на его планете живут люди. Поэтому он делает вывод, что так же обстоит дело и на чужом корабле или планете. Потребуется настоящий эксперт-роботехник — вроде вас, доктор Либич, — чтобы командовать роботами в подобной ситуации, а таких экспертов очень мало. Но мне сдается, что корабль, оснащенный собственным позитронным мозгом, бодро атакует любую цель, которую ему укажут. Ему ведь кажется естественным, что на другом корабле тоже нет людей. А защиту от приема сообщений с вражеского корабля, которые могут его в этом разуверить, создать легко. Поскольку боевая и оборонительная техника управляется непосредственно позитронным мозгом, такой корабль будет гораздо маневреннее обычного. За отсутствием помещений для экипажа, для продовольствия, для очистки воды и воздуха такой корабль поднимет больше брони, больше оружия и станет более неуязвимым, нежели обычный. Один корабль с позитронным мозгом способен победить целый флот. Я прав или нет?

Последний вопрос был обращен к доктору Либичу, который вскочил с места и стоял как оцепенелый, почти что в каталепсии — то ли от гнева, то ли от ужаса. Ответа не было. Да его никто бы и не услышал — все вопили, как бешеные, словно с цепи сорвались. Клорисса бесновалась, как фурия, и даже Глэдия потрясала кулачками. И вся их ярость была направлена на Либича.

Бейли закрыл глаза, пытаясь хоть на несколько мгновений ослабить мускулы, отпустить сухожилия.

Сработало. Наконец-то он нажал нужную кнопку. Квемот вчера провел аналогию между солярианскими роботами и спартанскими илотами. Он сказал, что роботы не могут взбунтоваться, поэтому соляриане могут спать спокойно.

Но если найдется человек, угрожающий научить роботов чинить людям вред — бунтовать, другими словами?

Разве это не тягчайшее преступление? Разве все до единого жителя Солярии не ополчатся яростно на того, кто хотя бы подозревается в том, что заставил робота вредить человеку? На Солярии, где роботов в двадцать тысяч раз больше, чем людей?

— Вы арестованы! — кричал Аттлбиш. — Вам

категорически запрещается пользоваться книгами или записями, пока правительство не изыщет возможности проверить их... — Он продолжал говорить, но его не было слышно в общем гвалте.

К Бейли подошел робот.

— Господин, вам сообщение от господина Оливо. Бейли взял у него капсулу, раскрыл ее и крикнул:

— Минуту!

Его голос произвел почти магическое действие. Все как один обернулись к нему, и на всех лицах (кроме застывшего лица Либича) читалось самое напряженное внимание к тому, что скажет землянин. Бейли сказал:

— Глупо было бы ожидать, что доктор Либич не прикоснется к своим записям до прибытия вашего чиновника. Поэтому еще до начала нашего заседания мой партнер Дэниел Оливо отправился в имение доктора Либича. Я только что получил от него известие. Он находится на территории имения и сейчас войдет к доктору Либичу, чтобы взять его под стражу.

— Под стражу?! — взвыл Либич в каком-то животном ужасе. Его глаза, мнилось, вот-вот выскочат из орбит, — Сюда кто-то идет? Человек?! Нет! Нет! — Второе «нет» он просто провизжал.

— Вам не причинят вреда, — холодно сказал Бейли, — если вы окажете помощь следствию,

— Но я не хочу, чтобы он приходил. Я не вынесу! — Роботехник, не сознавая, что делает, упал на колени и стиснул руки в отчаянной мольбе. — Чего вы хотите от меня? Признания? У дельмаровского робота были съемные конечности. Да! Да! Да! Я организовал отравление Грюера. Я организовал покушение на вас. И задумал такой корабль, о котором вы говорили. У меня не получалось, но да, у меня была такая идея. Только отзовите своего человека. Не пускайте его сюда. Не пускайте! — Речь Либича перешла в невнятное бормотание.

Бейли кивнул. Он снова нажал правильно. Угроза личного визита вырвала у Либича признание быстрее, чем любая пытка.

И тут, услышав или увидев нечто вне поля зрения и слышимости остальных, Либич дернул головой и открыл рот. Он вскинул руки, будто защищаясь от чего-то.

— Уйди, — взмолился он. — Уйди. Не входи. Прошу тебя. Прошу… — и пополз куда-то на четвереньках, потом сунул руку в карман, достал что-то и быстро поднес ко рту. Качнулся и рухнул ничком.

«Дурак, — хотел крикнуть Бейли, — к тебе шел не человек, а один из твоих любимых роботов!»

В поле зрения ворвался Дэниел Оливо и остановился, глядя на скрюченное тело у своих ног.

Бейли затаил дыхание. Если Дэниел поймет, что Либича убило его мнимое сходство с человеком, это нанесет страшный удар его мозгу, подчиненному Первому Закону.

Но Дэниел лишь опустился на колени и тихонько потрогал Либича. Потом, взяв в руки голову роботехника, приподнял ее, как нечто хрупкое и драгоценное. Обратив свое точеное лицо к собравшимся, он прошептал:

— Человек умер!

Бейли ждал ее — она попросила о последнем свидании. Но когда Глэдия появилась, он широко раскрыл глаза.

— Вы здесь, вы пришли.

— Да — а как вы догадались?

— На вас перчатки.

— А-а, — она смущенно взглянула на свои руки. — Вам это неприятно?

— Нет, совсем нет. Но почему вы решились на личную встречу?

— Видите ли, Элайдж, — слабо улыбнулась она, — надо же мне привыкать. Раз я собралась

на Аврору…

— Значит: все улажено?

— У господина Оливо есть кое-какие связи. Все улажено. Я больше не вернусь сюда.

— Это хорошо. Вам там будет лучше, Глэдия. Я знаю.

— Я немного побаиваюсь.

— Знаю. Там все время придется встречаться с другими людьми и не будет того комфорта, как здесь, на Солярии. Но вы привыкнете, а самое главное — забудете весь тот ужас, который вам пришлось пережить.

— Я не хотела бы забыть все, — мягко сказала Глэдия.

— Со временем захотите. — Бейли посмотрел на ее стройную фигуру и не без мимолетной боли сказал: — И когда-нибудь выйдете замуж, на сей раз по-настоящему.

— Почему-то сейчас замужество меня совсем не привлекает, — грустно сказала она.

— Когда-нибудь вы перемените свое мнение. Какой-то миг они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я так и не поблагодарила вас, — сказала Глэдия.

— Я всего лишь делал свою работу.

— Вы ведь возвращаетесь на Землю?

— Да.

— И я вас больше не увижу.

— Наверное. Но вы не огорчайтесь. Лет через сорок, самое большее, я умру, а вы останетесь такой же, как теперь.

Ее лицо горестно скривилось.

— Не говорите так.

— Это правда.

— А знаете, насчет Джотана Либича все подтвердилось, — быстро сказала Глэдия, словно желая сменить тему.

— Да, знаю. Другие роботехники просмотрели его записи и обнаружили опытный проект космического корабля с искусственным мозгом. И нашли роботов со съемными конечностями.

— Как по-вашему, зачем он делал такие страшные вещи?

— Он боялся людей. Он убил себя, лишь бы избежать присутствия человека, и готов был истребить целые миры, лишь бы Солярия с ее табу на личные контакты осталась в неприкосновенности.

— Как он мог так думать, — промолвила она, — ведь личный контакт иногда бывает… — И снова они помолчали, стоя в десяти шагах друг от друга.

Потом Глэдия воскликнула: — Элайдж, вы сочтете меня развязной, но…

— Почему я должен счесть вас развязной?

— Можно мне прикоснуться к вам? Я ведь никогда больше вас не увижу.

— Если хотите.

Шаг за шагом она приближалась к нему, сияя глазами, но все же с опаской. Остановилась в трех футах от него и медленно, как в трансе, стала стягивать перчатку с правой руки. Бейли сделал отстраняющий жест.

— Не делайте глупостей, Глэдия.

— Я не боюсь. — И она протянула ему дрожащую руку без перчатки.

Рука Бейли тоже дрогнула. Робкая, испуганная рука Глэдии на миг задержалась в его ладони. Потом он разжал пальцы, рука ускользнула, неожиданно взлетела к его лицу и легко, как перышко, на долю мгновения коснулась щеки.

— Спасибо вам, Элайдж. До свидания.

— До свидания, Глэдия, — сказал он ей вслед. Даже мысль о корабле, который ждет, чтобы отвезти его на Землю, не могла облегчить охватившее инспектора чувство утраты.

Заместитель министра Альберт Минним встретил Бейли со сдержанной приветливостью.

— Рад снова видеть вас на Земле. Ваш отчет, разумеется, прибыл раньше, и сейчас его изучают. Вы хорошо поработали. Это дело украсит ваш послужной список.

— Благодарю, — сказал Бейли. Для более обширных излияний у него не было сил. Вернувшись на Землю, под кров родных Пещер, и успев уже поговорить с Джесси, Бейли чувствовал какую-то странную пустоту изнутри.

— Однако, — продолжал Минним, — ваш отчет касается только следствия. Нас же интересовало и другое. Может быть, вы доложите мне устно?

Бейли помолчал и машинально полез во внутренний карман, где снова утешительно покоилась трубка.

— Можете курить, — поспешно сказал Минним. Бейли несколько затянул процесс раскуривания.

— Я не социолог, — сказал он наконец.

— Да ну? — слегка улыбнулся Минним. — Мы ведь, кажется, это уже обсуждали. Хороший полицейский должен быть и хорошим социологом-практиком, даже если он никогда не слышал об уравнении Хэккета. По вашему замешательству я вижу, что свои выводы относительно Внешних Миров вы сделали, но не уверены, как я к ним отнесусь.

— Что ж, будь по-вашему, сэр. Посылая меня на Солярию, вы поставили передо мной вопрос: в чем слабость космонитов? Их сила в роботах, в малом населении, в долгой жизни, но в чем их слабость?

— Ну-ну?

— Мне кажется, я знаю, в чем слабость солярианин, сэр.

— Значит, можете ответить на мой вопрос? Хорошо. Я слушаю.

— Их слабость, сэр, в роботах, в малочисленности, в долгой жизни.

Минним посмотрел на Бейли, не меняясь в лице, быстро чертя что-то пальцами по столу.

— Почему вы так думаете?

На обратном нуги Бейли часами репетировал свою речь и спорил с чиновником, выдвигая уравновешенные, продуманные аргументы. Но сейчас он растерялся.

— Не уверен, что смогу изложить связно…

— Ничего, послушаем. Это ведь только первая прикидка.

— Соляриане отказались от того, чем человечество владеет уже миллион лет, — начал Бейли. — От того, что ценней атомной энергии. Городов, сельского хозяйства, орудий труда, огня

— ценнее всего. Потому что эта вещь как раз и делает возможным все, что я перечислил.

— Не хочу гадать, Бейли. Что же это такое?

— Племя, сэр. Сотрудничество отдельных личностей. Солярия полностью отказалась от него. Это мир отдельных, изолированных друг от друга личностей, и единственный социолог планеты от этого в восторге. Кстати, он и не слыхивал о социометрии — изобретает собственную науку. Ему не у кого поучиться, некому ему помочь, некому подать мысль, которую он упустил. Единственная наука, действительно процветающая на Солярии, — роботехника, но и ею занимаются считанные люди, а когда им понадобилось проанализировать отношения между человеком и роботом, пришлось звать на помощь землянина. Солярианское искусство абстрактно. У нас на Земле абстракционизм — лишь одно из направлений искусства, на Солярии — единственное направление, и человеческого образа в нем нет. А на будущее планируется эктогенез и полная изоляция от деторождения.

— Да, жутковато, — сказал Минним. — Но насколько это опасно для них?

— Думаю, что очень опасно. Без игры человеческих взаимоотношений жизнь лишается своего

главного смысла; духовные ценности обесцениваются, и жить, в общем, становится незачем. Видеосвязь не может заменить живого общения — соляриане сами сознают, что это слишком слабое связующее звено, И если одной изоляции недостаточно для застоя, то долгая жизнь завершает дело. На Земле в наши ряды постоянно вливается молодежь, которая жаждет перемен, поскольку не успела прочно осесть в жизни. У нас, по-моему, существует определенный оптимум: жизнь, достаточно длинная, чтобы чего-то добиться, и достаточно короткая, чтобы уступить дорогу молодым. Процесс смены поколений идет довольно быстро. А на Солярии он чересчур замедлился.

Минним продолжал рисовать пальцем на столе.

— Интересно! Интересно! — потом он поднял голову, и Бейли увидел его без маски — Минним просто сиял. — Вы проницательный человек, инспектор.

— Спасибо, — буркнул Бейли.

— Знаете, почему я попросил вас самого рассказать о своих наблюдениях? — ликуя, как мальчишка, спросил Минним и не стал дожидаться ответа. — Наши социологи уже провели

первоначальный анализ вашего отчета, и я спрашивал себя, понимаете ли вы, какие превосходные новости привезли на Землю. Оказывается, понимаете.

— Подождите, ведь это еще не все.

— Конечно, — ликующе согласился Минним. — Солярии уже не преодолеть своего застоя. Они миновали критическую точку — их зависимость от роботов зашла слишком далеко. Робот не может наказать ребенка, даже если наказание пойдет ребенку на пользу — робот не способен заглянуть в будущее и переступить через боль, которую причиняет сейчас. А роботы в целом не могут руководить планетой, потому что для того нужно упразднять все, что становится вредным, — роботы не способны переступить через хаос, который это вызовет сейчас. Таким образом Внешние Миры вступили на путь постепенного загнивания, и Земле недолго терпеть их владычество. Ваша информация все изменила. Нам не понадобится никаких восстаний — свобода придет сама собой.

— Подождите, — настойчиво, уже погромче повторил Бейли. — Мы ведь говорим только о Солярии, а не обо всех Внешних Мирах.

— Это одно и то же. Ваш солярианский социо-

лог, Кимот…

— Квемот, сэр.

— Пускай Квемот. Разве он не сказал, что все Внешние Миры идут путем Солярии?

— Сказал — но он ничего не знает о других Внешних Мирах, да он и не социолог. То есть не настоящий. Мне казалось, я это достаточно ясно изложил в отчете.

— Наши ученые разберутся.

— Им тоже не хватает данных. Нам ничего не известно о крупнейших Внешних Мирах. Вот, например, Аврора — мир Дэниела. Мне кажется опрометчивым отождествлять ее с Солярией. Собственно, в Галактике есть только один мир, напоминающий Солярию.

Учёные разберутся, — махнул своей ухоженной ручкой счастливый Минним, — Я уверен, что они согласятся с Квемотом.

Бейли помрачнел. Если земным социологам захочется получить нужный результат: то почему бы и не согласиться. Из цифр можно вывести все, что угодно, если постараться как следует и подольше, да еще слегка подтасовать денные.

Он колебался. Сказать сейчас, пока его слушает высокопоставленное лицо, или…

Колебался чуть дольше, чем надо. Минним на-

шел на столе какие-то бумаги и перешел к делу.

— Выясним еще пару вопросов по делу Дельмара, инспектор, и вы свободны. Вы сознательно толкнули Либича на самоубийство?

— Я хотел добиться признания, сэр, — и не ожидал, что он покончит с собой при появлении не человека даже, а робота, который в действительности не нарушил никакого табу. Ирония судьбы. Но откровенно говоря, я не жалею о его смерти. Слишком опасный он был человек. Нескоро теперь появится другой, в ком сочетались бы безумие и одаренность Либича.

— Я согласен, что его смерть пришлась кстати, — сухо сказал Минним, — но разве вы не понимаете, чем рисковали, если бы соляриане поняли, что Либич никак не мог убить Дельмара?

Бейли вынул трубку изо рта, но ничего не сказал,

— Бросьте, инспектор. Вы-то знаете, что он не убивал. Чтобы убить, надо было подойти к Дельмару близ. ко, а Либич скорее бы умер, чем решился на это. Собственно, он и умер, лишь бы избежать подобной возможности.

— Вы правы, сэр. Я рассчитывал на то, что солярианам до глубины души поразят его опыты с роботами и о другом они просто думать забудут.

— Кто же тогда убил Дельмара?

— Если вы спрашиваете, кто нанес удар, — медленно проговорил Бейли, — то все и раньше знали, кто это сделал. Глэдия, жена Дельмара.

— И вы позволили ей уйти?

— Моральная ответственность лежит не на ней, Либич знал, что Глэдия постоянно затевала бурные ссоры с мужем, и знал, должно быть, до какого бешенства она доходит в гневе. Либичу нужно было, чтобы умер муж, а подозрение пало на жену. Вот он и подставил Дельмару робота, которого, наверное, научил с присущим ему мастерством подать Глэдии свою съемную руку, когда она разъярится до предела. Получив оружие в критический момент, Глэдия в помрачении разума нанесла удар, и ни Дельмар, ни робот не успели остановить ее. Глэдия послужила Либичу таким же бессознательным орудием, как и робот.

— Но на руке у робота должна была остаться кровь и прилипшие волосы.

— Так, наверное, и было, но роботом занимался Либич. А роботам Дельмара, которые тоже могли заметить это, он просто приказал его забыть. Мог это видеть и доктор Тул, но он был слишком занят трупом и потерявшей сознание женщиной. Одна-

ко Либич ошибся, полагая, что вина Глэдии будет столь очевидной, что даже отсутствие орудия преступления ее не спасет. Не мог он предвидеть и того, что вести следствие вызовут землянина.

— Итак, Либич умер, и вы устроили так, что Глэдия покинула Солярию. На случай, если солярианне, успокоившись, примутся размышлять и в итоге сообразят, что к чему?

— Она достаточно настрадалась, — пожал плечами Бейли. — Была жертвой своего мужа, жертвой Либича, жертвой всего солярианского уклада.

— Значит, использовали закон в личных целях?

Суровое лицо Бейли совсем окаменело.

— Нет, не в личных. Солярианский закон мне не указ. Превыше всего были интересы Земли, и во имя этих интересов я проследил за тем, чтобы Либич, представлявший опасность и для нас, ушел из жизни. Что касается госпожи Дельмар… — Бейли взглянул в лицо Минниму, чувствуя, что делает критический шаг. Он должен сказать! — Что касается ее, на ней я поставил эксперимент.

— Какой еще эксперимент?

— Хотел выяснить, согласится ли она жить в мире, где личные контакты и дозволены, и же-

лательны. Мне было любопытно, хватит ли у нее мужества порвать с привычками, которые так укоренились в ней. Я боялся, что она откажется и предпочтет лучше остаться на Солярии, ставшей для нее чистилищем, чем заставить себя порвать с извращенными солярианскими нравами. Но она выбрала путь перемен, и я был тому рад. Ее решение показалось мне символичным. Как будто выбор Глэдии Дельмар открыл врата спасения и для нас.

— Для нас? Что вы такое несете?

— Не для нас с вами, сэр, а для всего человечества. Вы неверно представляете себе Внешние Миры. У них там мало роботов, они свободно общаются между собой и присматриваются к Солярии. Вы знаете, что со мной был Р. Дэниел Оливо — он тоже представит свой отчет. Да, для них существует опасность сделаться Солярией, но они могут вовремя заметить эту опасность, удержать разумное равновесие и таким образом сохранить власть над человечеством.

— Это только ваше мнение, — недоверчиво сказал Минним.

— Я еще не все сказал. Есть один мир, напоминающий Солярию, и это — Земля,

— Инспектор Бейли!

— Это так, сэр, Мы — Солярия навыворот. Они ушли друг от друга, мы ушли от Галактики. Они укрылись в своих неприкосновенных поместьях, мы замуровали себя в подземных Городах. Они — вожди без масс, у них есть только безответные роботы. Мы — масса без вождей, и нас защищают лишь наши Города. — Бейли стиснул кулаки.

Минниму явно не понравились его слова.

— Инспектор, вам пришлось многое испытать. Вам нужен отдых, и вы его получите. Полностью оплаченный месячный отпуск, а затем вас ждет повышение.

— Благодарю вас, но я нуждаюсь не только в этом. Мне нужно, чтобы вы меня выслушали. Существует лишь один выход из тупика, и он ведет наружу, в космос. Там миллионы миров, а космонитам принадлежат только пятьдесят. Космонитов мало, и живут они долго. Нас много, и жизнь у нас короткая. Мы приспособлены для открытий и колонизации новых земель лучше, чем они. Нас подталкивает рост населения, и быстрый оборот поколений снабжает молодыми беспокойными людьми. Да ведь и сами Внешние Миры созданы нашими предками.

— Да-да, но боюсь, время нашей встречи истекло.

Бейли, видя, как Минниму не терпится спровадить его, уселся поудобнее.

— Когда первые поселенцы создали миры, опередившие нас в техническом развитии, мы начали строить себе норы под землей и забились в них, точно в чрево матери. Космониты навязали нам свое превосходство, и мы от них спрятались. Это не выход. Чтобы сломать губительный цикл мятежей и расправ, мы должны вступить с космонитами в соревнование, пойти по их следам, если надо, — обогнать, если можно. А для того нужно выйти на поверхность. Нужно научиться смотреть в пространство. А если нам уже поздно учиться, нужно научить тому детей.

— Вам надо отдохнуть, инспектор.

— Слушайте меня, сэр! — рявкнул Бейли. — Если космониты настолько сильны, как выглядят, а мы останемся такими, как есть, — не пройдет и ста лет, как Землю уничтожат. Это же подсчитано, вы сами сказали. Если же космониты слабы и станут еще слабее, то у нас есть шанс — но кто сказал, что они слабы? Соляриане — все, кого мы знаем.

— Но…

— Я еще не договорил. Есть то, что мы можем изменить независимо от силы или слабости кос-

монитов. Мы можем изменить себя. Выйдем в пространство, и надобность бунтовать отпадет. Мы создадим кучу собственных миров и сами станем космонитами. Если же мы останемся на скученной Земле, бессмысленный и роковой бунт неизбежен. И будет гораздо хуже, если люди преисполнятся ложных надежд, основанных на мнимой слабости космонитов. Поговорите с социологами. Представьте им мои аргументы. А если они по-прежнему будут сомневаться, найдите способ послать меня на Аврору. Дайте мне составить рапорт о настоящих космонитах, и вы поймете, что нужно Земле.

— Да-да, — кивнул Минним. — Всего вам хорошего, инспектор Бейли.

Бейли ушел ликующий. Ведь он и не ожидал одержать над Миннимом открытую победу. Укоренившиеся мысли нельзя изменить ни в один час, ни в один год. Зато Бейли видел, как задумался Минним, лишившись, хоть ненадолго, своей безрассудной веселости.

Бейли знал, что будет дальше, Минним обратится к социологам и посеет в ком-то из них сомнение. Они начнут задавать себе вопросы. Они захотят поговорить с Бейли.

Пройдет год, думал Бейли, всего один год — и я

отправлюсь на Аврору. Пройдет одно поколение — и мы снова выйдем в космос.

Бейли ехал по северной экспресс-дороге. Скоро он увидит Джесси. Поймет ли она? Сыну, Бентли, сейчас семнадцать. Может быть, обзаведшись собственным сыном, Бен, когда тому стукнет семнадцать, уже будет строить новую жизнь на какой-нибудь пустой планете?

Мысль пугала. Бейли все еще боялся пространства, Но зато больше не боялся своего страха. Нужно не бежать от страха, а сражаться с ним.

Он чувствовал себя так, будто пережил приступ безумия. Он ведь с самого начала испытывал таинственный зов пространства — еще тогда, когда в машине обманул Дэниела, чтобы открыть верх и выглянуть наружу.

Тогда он не понимал. Дэниел посчитал его психопатом. А сам Бейли думал, что выходит наружу из профессионального долга, в интересах следствия. Только в тот последний вечер на Солярии, сорвав штору с окна, он понял, что хочет видеть пространство ради самого пространства — потому что оно манит и сулит свободу.

Миллионы людей на Земле чувствуют, наверное, то же самое — их бы только навести на мысль о пространстве, только бы заставить сделать

первый шаг.

Бейли посмотрел вокруг.

Экспресс-дорога бежала вперед. По сторонам сверкали огни, проносились мимо огромные жилые блоки, сияли вывески, мелькали витрины, фабрики, огни, шум, толпа, шум, люди, люди, люди…

Это было то, что он любил, то, что он ненавидел, то, с чем боялся расставаться, то, по чему, как ему казалось, тосковал на Солярии.

А теперь все стало чужим.

Он больше не чувствовал себя здесь дома.

Он отлучился, чтобы расследовать убийство, и за это время с ним что-то произошло.

В разговоре с Миннимом он сравнил Город с материнским чревом — так оно и есть. А что первым делом должен сделать человек, чтобы стать человеком? Он должен родиться. Выйти из чрева. И выйдя из него, он уже не в силах вернуться.

Бейли покинул Город и не может вернуться назад. Город ему больше не принадлежит. Стальные Пещеры стали чужими. Этого не избежать. Так будет и с другими — и Земля, выйдя в пространство, родится заново.

Сердце Бейли бешено колотилось, городской шум еле слышно отдавался в ушах.

Он вспомнил сон, который снился ему на Солярии, и наконец понял его. Он поднял голову и увидел — сквозь толщу бетона, стали и человеческих тел над собой. Увидел маяк, манящий человека в пространство. Увидел, как светит оно — обнаженное солнце!

РОБОТЫ ЗАРИ

Глава первая
Бейли
1

Элайдж Бейли укрылся под тенистым деревом и пробурчал себе под нос:

— Так и есть! Я весь в поту.

Он умолк, утер мокрый лоб тыльной стороной ладони, а потом с отвращением поглядел на кожу, залоснившуюся от липкой влаги.

— Ненавижу потеть! — изрек он, ни к кому не обращаясь, словно формулируя космический закон, и вновь озлился на Вселенную за то, что она сотворила нечто необходимое таким противным.

В Городе никто не потел (разве что по собственному желанию!), так как температура и влажность надежно регулировались и организм не подвергался нагрузкам, при которых нарушается теплообмен.

Это и есть цивилизация!

Он посмотрел на поле, на неровную шеренгу мужчин и женщин — в какой-то мере своих подопечных. Большинство составляли юноши

и девушки, еще не достигшие двадцати лет, но остальные по возрасту были ближе к нему. Они неуклюже орудовали мотыгами и занимались всякой другой работой, обычно выполнявшейся роботами, для нее сконструированными. И роботы справились бы с ней куда успешнее, но им было приказано отойти в сторону и ждать, пока люди упрямо практиковались в физическом труде.

В небе плыли тучки и сияло солнце, именно в эту минуту скрывшееся за одной из них. Элайдж с тревогой задрал голову, Конечно, она избавляла от прямых солнечных лучей (и пота!), но вдруг хлынет дождь?

Во Вне всегда так — богатейший выбор неприятностей.

Бейли неизменно поражало то, как относительно небольшая туча способна закрыть солнце целиком, погрузив землю в тень от горизонта до горизонта, хотя значительная часть неба продолжает голубеть.

Он остался стоять под густой кроной (подобие примитивной кровли, а ствол с корой, приятно крепкой на ощупь, создает ощущение стены) и перевел взгляд на шеренгу, с удовлетворением ее рассматривая. Раз в неделю они трудились

здесь, какой бы ни была погода. И к ним присоединялись все новые добровольцы: горстка мужественных инициаторов заметно пополнилась. Правительство Города, хотя непосредственного участия в движении не принимало, относилось к нему положительно и помех не чинило.

Вдали у самого горизонта справа от Бейли (на востоке, как показывало клонящееся к закату солнце) маячили пологие купола и бесчисленные шпили Города, заключающего в себе все, ради чего стоит жить. И там Бейли вдруг увидел перемещающееся темное пятнышко, еле различимое на таком расстоянии.

Однако манера его передвижения и другие признаки, для которых он не нашел бы словесного выражения, подсказали Бейли, что это робот. Он не удивился: поверхность Земли вне Городов принадлежала роботам, а не людям — за исключением тех немногих, кто подобно ему грезил звездами.

По ассоциации он вновь обратил взгляд на взмахивающих мотыгами искателей звезд, переводя его с одного на другого. Он не только знал в лицо, но мог бы назвать по имени любого. Они трудились, они осваивались с существованием во Вне и…

Нахмурившись, он проворчал:

— А Бентли где?

И сразу же у него за спиной раздался голос, чуть захлебывающийся от торжества:

— Я тут, пап!

Бейли стремительно обернулся:

— Не делай так, Бен!

— Чего не делать?

— Не подкрадывайся ко мне сзади. Во Вне трудно сохранять хладнокровие и без того, чтобы к тебе подкрадывались исподтишка.

— Я не подкрадывался. Но попробуй громко топать, когда идешь по траве. Она же глушит шаги… Пап, а не вернуться ли тебе? Ты здесь уже два часа и, по-моему, дольше тебе задерживаться не стоит.

— Это еще почему? Потому что мне сорок пять, а ты девятнадцатилетний молокосос? И решил поберечь своего дряхлого родителя, а?

— В самую точку! — подхватил Бен. — Какой блестящий детективный анализ! От тебя ничего не скроешь.

Бен широко улыбнулся. Лицо у него было круглое, глаза блестели. Сколько в нем от Джесси, подумал Бейли, От его матери. И ничего общего с его собственной вытянутой чопорно-серьезной

физиономией.

А вот умственным складом он пошел в отца и, когда глубоко о чем-нибудь задумывался, было ясно, что его мать хранила нерушимую верность мужу.

— У меня все отлично, — сказал Бейли.

— Не спорю, пап. Ты самый лучший из нас, учитывая…

— Что учитывая?

— Твой возраст, что же еще? И конечно, я помню, что все это затеял ты. Но я заметил, как ты укрылся под деревом, ну и подумал… Может, не надо, старик, перегибать палку?

— Я тебе покажу старика! — пригрозил Бейли. Робот, которого он заметил где-то возле Города, теперь приблизился настолько, что его можно было бы рассмотреть подробнее, но Бейли, не обращая на него внимания, продолжал: — Если солнце светит чересчур ярко, благоразумие требует время от времени постоять под деревом в тени. Мы не только привыкаем к трудностям Вне, но и учимся использовать его преимущества… Вон солнце выходит из-за тучи.

— Ага. Так, может, ты вернешься?

— Ничего, выдержу. Раз в неделю у меня есть свободные полдня, и я провожу их здесь. Поль-

зуюсь привилегией, положенной моему рангу эс-семь.

— Дело не в привилегиях, пап, а в том, чтобы не переутомляться.

— Говорят же тебе, я прекрасно себя чувствую!

— Куда уж лучше! Дома сразу бухаешься на кровать и лежишь в темноте.

— Естественный способ дать отдохнуть глазам от яркого света.

— А мама волнуется.

— И пусть. Ей только полезно. Да и что тут опасного? Самое скверное, что я потею, но и с этим освоюсь. Никуда ведь не денешься. Вначале я не мог даже отойти далеко от Города, сразу поворачивал назад… А ходил тогда со мной один ты. А теперь взгляни, сколько людей тут с нами и как далеко я ухожу от Города. И способен много работать. Меня хватит по крайней мере еще на час. А то и больше. Знаешь, Бен, маме стоило бы ходить с нами.

— Маме? Ты шутишь.

— Если бы! Когда подойдет время отлета, я буду вынужден остаться, потому что она не полетит.

— А ты будешь рад. Не обманывай себя, пап. До этого еще далеко. И уж тогда ты правда будешь староват. Это дело для молодежи.

— Знаешь, — сказал Бейли, сжимая руки в кулаки, — до чего же ты и твоя «молодежь» мудры. Ты когда-нибудь покидал Землю? Кто-нибудь из них покидал Землю? А я — да. Два года назад. Еще до этой акклиматизации. И я выжил!

— Знаю, пап. Но улетал ты ненадолго. В служебную командировку. И тебе создавали все необходимые условия в высокоорганизованном обществе, Совсем иное дело.

— Нет, не иное! — упрямо возразил Бейли, в глубине души признавая, что очень даже иное. — Да и отлета ждать придется не так уж долго. Если я получу разрешение побывать на Авроре, дело пойдет быстро.

— Забудь. Ничего не выйдет.

— Но попробовать мы должны. Без одобрения Авроры правительство разрешения нам не даст. Аврора — самый большой и влиятельный из космомиров. И что она скажет…

— То и будет. Знаю. Мы же тысячу раз все обсуждали. Но зачем тебе лететь туда? Есть же гиперсвязь. Можешь поговорить с ними прямо с Земли… Ну сколько раз тебе повторять!

— Это совсем другое. Необходим личный контакт. Ну сколько раз тебе повторять!

— В любом случае мы еще не готовы, — заявил

Бен.

— Не готовы, потому что Земля не дает нам корабли. А космониты дадут и окажут необходимую техническую помощь.

— Какое доверие! А зачем это им? Давно ли они так полюбили нас, недолговечных землян?

— Если бы я мог поговорить с ними…

— Ну послушай, пап! — Бен засмеялся. — На Аврору тебя тянет просто из-за этой женщины.

Бейли нахмурился. Его мохнатые брови сошлись над глубоко посаженными глазами.

— Женщины? Иосафат! Бен, о чем ты говоришь?

— Пап! Строго между нами — и маме ни слова, — что у тебя все-таки было с этой женщиной на Солярии? Я уже взрослый, и ты можешь мне рассказать.

— Какая еще женщина на Солярии?

— И ты способен смотреть мне прямо в глаза и делать вид, будто не знаешь какая, когда вся Земля видела ее в гиперволновой драме. Глэдия Дельмар, вот какая!

— Так ничего же не было. Гиперволновое вранье. Тысячу раз тебе повторял! У нее даже в мыслях не было. И у меня не было. Сплошная выдумка, и я протестовал против демонстрации

волновки, но правительство решило, что необходимо показать космонитам Землю в выгодном свете. Только попробуй внушить матери, будто это не так!

— Да с какой стати! Но эта Глэдия переселилась на Аврору, а ты туда так и рвешься!

— Ты что — искренне считаешь, что я хочу побывать на Авроре из-за… А, Иосафат!

Сын с недоумением посмотрел на него:

— Что с тобой?

— Видишь робота? Это Р. Джеронимо.

— И что?

— Рассыльный из нашего департамента. И он — во Вне. У меня свободный день, и я нарочно оставил свой волновик дома, чтобы до меня нельзя было добраться. Привилегия эс-семь. А они посылают за мной робота!

— Откуда ты знаешь, что за тобой?

— С помощью тончайшей дедукции. Во-первых, из полицейского департамента здесь только я, а во-вторых, эта жалкая жестянка движется прямо ко мне. Из этого я делаю вывод, что ее отправили за мной. Надо, бы зайти за ствол и затаиться там.

— Пап, это же не стена! Робот обойдет дерево, и все…

И тут робот объявил:

— Господин Бейли, у меня сообщение для вас. Вас ждут в управлении.

— Я услышал и понял, — монотонно ответил Бейли. Иначе робот продолжал бы твердить одно и то же.

Слегка нахмурясь, Бейли изучающе посмотрел на робота. Новейшая модель, несколько более очеловеченная в сравнении с прежними. Его собрали и активизировали всего месяц назад. Не без шумихи. Правительство постоянно что-то придумывало (что ни попало!), лишь бы смягчить враждебное отношение к роботам. Оболочка сероватая, тусклая и словно бы упругая (на манер кожи). Выражение, хотя почти не менялось, не производило такого впечатления идиотизма, как обычно, хотя в умственном отношении он был таким же идиотом, как все остальные.

Тут Бейли вспомнился Р. Дэниел Оливо — косморобот, дважды помогавший ему в расследовании — на Земле и на Солярии. В последний раз они виделись, когда Дэниел обратился к нему за помощью в деле, которое они назвали «Зеркальным отражением», Дэниел был настолько очеловеченным роботом, что Бейли воспринимал его как друга и скучал без него. Вот и сейчас… Эх, будь все роботы такими!

— Бой, — сказал он, — сегодня я свободен и мне не надо идти в управление.

Р. Джеронимо застыл. По рукам у него пробежала легкая вибрация. Бейли заметил ее. Она указывала на помехи в позитронных связях робота. Всякий робот неукоснительно повиновался человеку, но нередко два человека требовали прямо противоположного. Затем робот сделал выбор и сказал:

— Сегодня вы свободны, господин. Вас ждут в управлении.

— Если тебя ждут, пап... — с тревогой сказал Бен. Бейли пожал плечами:

— Не позволяй надуть себя, Бен. Будь я им действительно нужен, они бы прислали закрытую машину с добровольцем-человеком, а не отправили пешего робота с сообщением, чтобы разозлить меня.

— Нет, пап! — Бен покачал головой. — Они же не знали, где ты и сколько понадобится времени, чтобы тебя отыскать. По-моему, при такой неопределенности посылать человека никто не станет.

— Да? Ну так посмотрим, насколько силен приказ. Р. Джеронимо! Возвращайся в управление и скажи, что я явлюсь на службу в девять

ноль-ноль. — Он добавил резким тоном: — Возвращайся! Это приказ.

Робот заметно заколебался, повернулся, сделал несколько шагов, снова повернулся, шагнул к Бейли и замер на месте, весь вибрируя.

Бейли хорошо знал эти признаки и шепнул Бену:

— Иосафат! Надо идти.

Робот испытывал то, что робопсихологи называли равнодействующим противоречием второго уровня. Повиновение было Вторым Законом, и Р. Джеронимо в этот момент из-за столкновения примерно равных по силе, но совершенно противоположных приказов находился в состоянии шока. В просторечии это называлось «заблокировать робота» или еще проще — «роблок».

Робот медленно повернулся. Первый приказ был все-таки сильнее, но не намного, а потому он запинался.

— Господин, меня проинструктировали, что вы можете сказать так. И тогда я должен сказать… — Он помолчал и добавил уже совсем хрипло: — Я должен сказать, если вы один…

Бейли кивнул сыну, и Бен не стал ждать второго напоминания. Он прекрасно умел различать, когда его отец был «пап», а когда — полицейский,

и быстро ретировался.

Бейли сердито поиграл с мыслью, не усилить ли собственный приказ, довершая роблок. Но результатом наверняка было бы какое-нибудь повреждение, которое потребовало бы позитронного анализа и ре-программирования. А их стоимость удержат из его жалованья. Возможно, в годовом размере. И он сказал:

— Я отменяю мой приказ. Что тебе велено сообщить?

Голос Р. Джеронимо мгновенно обрел звучность.

— Меня проинструктировали сообщить, что вы нужны в связи с Авророй.

Бейли обернулся и крикнул Бену:

— Пусть поработают еще полчаса, а потом передай от меня, чтобы возвращались. Я ухожу.

Широким шагом пересекая поле, Бейли ворчал на робота:

— Почему тебе не приказали начать сразу с этого? И почему тебя не запрограммировали водить машину, чтобы я не плелся пешком?

Он прекрасно знал почему. С роботом за рулем самое незначительное происшествие вызвало бы новые беспорядки под лозунгом «долой роботов!»

Он не сбавлял шага. До городской стены — два километра, а там до управления придется добираться по улицам, забитым машинами.

Аврора? Какой еще новый кризис назревает?

2

До входа в Город Бейли добрался через полчаса и весь напрягся, готовясь к тому, что могло его ожидать. Вдруг… вдруг на этот раз все будет в порядке?

Он подошел к границе между Вне и Городом. К стене, разделявшей хаос и цивилизацию. Прижал ладонь к сигнальной панели, и дверь поползла в сторону. Как всегда, он не стал ждать, а проскользнул внутрь, чуть только это оказалось возможным. Р. Джеронимо последовал за ним.

Полицейский на посту посмотрел на них с некоторой растерянностью, как бывало всегда, когда кто-то входил из Вне. Всякий раз то же изумление в глазах, настороженная поза, рука, внезапно опускающаяся на бластер, недоуменно сдвинутые брови.

Бейли угрюмо предъявил удостоверение личности, и полицейский отдал ему честь. Дверь закрылась — и это произошло.

Бейли был в Городе. Вокруг сомкнулись стены, и Город воплотил в себе Вселенную. Бейли вновь погрузился в вечный нескончаемый гул, в запахи машин и людей, — с тем чтобы вскоре перестать замечать их. Погрузился в мягкий отраженный свет, ничуть не похожий на тени и непрерывно меняющуюся яркость во Вне, на зеленые, бурые, голубые и белые цвета с красными и желтыми вкраплениями. Вместо капризного ветра, жары, холода, угрозы дождя — вкрадчивая перманентность незаметных воздушных потоков, поддерживающих постоянную свежесть. Только тщательно вычисленное соотношение температуры и влажности, настолько идеальное для человеческого организма, что оно не ощущалось.

Бейли с трепетом сделал глубокий вздох, и его охватила радость от сознания, что он дома, в безопасности, где все знакомо и познаваемо.

Так случалось всегда. Вновь он воспринял Город как материнскую утробу и вернулся в нее со сладким облегчением. Но он же верит, что заключенное в этой утробе человечество должно вырваться наружу, должно родиться, так почему же он всегда вновь вот так в нее погружается?

И ничего нельзя изменить? Неужели, пусть он

даже покинет Город, увезет бесчисленное количество людей туда — к звездам, ему самому не вырваться? Неужели он всегда будет чувствовать себя дома только в Городе?

Бейли стиснул зубы. Что толку думать об этом? Он сказал роботу:

— Бой, до этого места тебя доставили на машине?

— Да, господин.

— Где она?

— Не знаю, господин.

— Офицер! — Бейли обернулся к полицейскому. — Этот робот был доставлен сюда два часа назад. Где Доставившая его машина?

— Сэр, я заступил на дежурство час назад.

Конечно. Глупо было спрашивать. Водитель машины не знал, сколько времени робот будет его разыскивать, и ждать не стал. Бейли прикинул, не вызвать ли машину, но отказался от этой мысли сразу же. Ему просто порекомендуют воспользоваться экспрессуэем. Так быстрее.

Да и колебался он, собственно, только из-за Р. Джеронимо. Ехать в его сопровождении экспрессуэем не хотелось, но позволить роботу добираться в управление одному среди враждебных толп он не мог.

И никакого выбора у него нет. Комиссар, несомненно, не жаждет его обласкать. И, конечно, зол, что он не оказался под рукой, будь у него хоть трижды свободный день.

— Сюда, бой! — сказал Бейли.

Город занимал пять тысяч квадратных километров, и нужды его двадцати с лишним миллионов жителей обслуживались четырьмястами километрами экспрессуэя и сотнями километров фидеруэя. Сложная сеть движущихся полос размещалась на восьми уровнях — с сотнями переходов разной степени сложности. По службе Бейли был обязан знать их все — и знал. Если бы его с завязанными глазами отвезли в любую точку Города и сняли повязку, он мгновенно бы определил кратчайший путь до любого указанного места.

И, естественно, он знал дорогу в управление. Однако надо было выбрать из восьми равно удобных маршрутов, и он заколебался, прикидывая, какой в это время суток малолюднее остальных.

Секунду спустя он принял решение и скомандовал:

— Иди со мной, бой!

Робот послушно последовал за ним.

Они прыгнули в проходивший мимо фидер, и

Бейли ухватился за вертикальную стойку — белую, теплую, в меру шероховатую, чтобы удобнее было держаться. Садиться не имело смысла; скоро предстояла пересадка. Он быстро кивнул роботу, и тот только тогда положил руку на ту же стойку. Конечно, он легко удерживал бы равновесие и без нее, но Бейли предпочитал держать его поближе к себе. Он отвечал за робота, и ему совсем не улыбалось возмещать убытки Городу, если бы Р. Джеронимо потерялся и получил повреждения.

Все немногочисленные пассажиры фидера, как и следовало ожидать, с любопытством уставились на работа. Бейли по очереди перехватывал эти взгляды. Держался он с властностью официального лица, и те, на кого он смотрел, смущенно отводили глаза.

Бейли снова кивнул и, чуть они поровнялись с движущимися полосами, прыгнул на ближайшую, двигавшуюся с той же скоростью, что и фидер. Едва Бейли ступил на полосу, где не было пластикового экрана, как ему в лицо ударила воздушная струя. Он привычно наклонился ей навстречу, загораживая глаза приподнятой рукой, и побежал наискось вперед с одной полосы на другую, пока не добрался до экспрессуэя.

Раздался веселый крик подростка — «робот!»

— и Бейли (он и сам когда-то был подростком) точно пред; ставил себе, что сейчас произойдет: двое-трое, если не целая компания, набегут сзади — или спереди, — робот каким-то способом будет опрокинут и с лязгом ударится о полосу. Если же виновник будет схвачен и предстанет перед администратором, то заявит, что робот столкнулся с ним и создал опасную обстановку, после чего мальчишку почти наверняка отпустят. А у робота нет права ни защищаться на полосе, ни давать показания в административном суде.

Бейли быстро шагнул вперед, успел загородить робота от подбегающего подростка, затем переступил, на более быструю полосу, подняв руку повыше, точно из-за усиления воздушной струи, и как бы ненароком задел локтем мальчишку, столкнув его на более медленную полосу. Тот не был к этому готов и, вскрикнув «ой!», растянулся на ней. Остальные встали как вкопанные, оценили ситуацию и поспешили исчезнуть.

— На экспрессуэй, бой! — приказал Бейли.

Робот чуть замялся. Роботам разрешалось пользоваться экспрессуэем, только если они сопровождали человека, но приказ был категоричным, и он прыгнул. Бейли прыгнул следом за ним, после чего напряжение робота снизилось.

Бейли, толкая Р. Джеронимо перед собой, решительно прошел сквозь толпу стоящих пассажиров и поднялся на верхний, менее забитый уровень, а там ухватился за стойку, наступил роботу на ногу и опять заставил зевак опустить глаза.

Через пятнадцать километров они приблизились к управлению на максимально короткое расстояние, и Бейли сошел. Р. Джеронимо последовал за ним. Его так никто и не тронул. Ни единой стычки за всю дорогу. В приемной Бейли сдал его и получил квитанцию, которую убрал в бумажник, только тщательно проверив дату, час и серийный номер робота, Не забыть попозже справиться, зарегистрирована ли квитанция компьютером.

Теперь предстояло явиться пред очи комиссара, а его Бейли знал как свои пять пальцев. Стоит ему допустить малейшую оплошность, и он окажется под угрозой понижения в должности. Характер у комиссара был жесткий, а прежние успехи Бейли он воспринимал как личное оскорбление.

3

Звали комиссара Уилсон Роф, и пост этот он занимал два с половиной года, сменив Джулиуса

Эндерби, когда тот ушел на покой, тихо подав в отставку, едва улегся шум из-за убийства космонита.

Бейли никак не удавалось приспособиться к этой перемене. Джулиус при всех его недостатках был не просто начальником, но и другом, Роф же оставался только начальником. И он даже не был уроженцем Города. Его перевели откуда-то из другой системы.

Роф был не очень высок и не очень толст. Но его голова выглядела несоразмерно большой, а шея — чуть выдвинутой вперед. В результате он производил впечатление тяжести — тяжелая голова, словно набрякшие от тяжести веки, всегда полузакрывавшие глаза. Из-за этого он казался сонным, что не мешало ему подмечать каждую мелочь, в чем Бейли не замедлял убедиться, едва Роф пришел в управление. Он не строил иллюзий, что Роф испытывает к нему хоть какую-то симпатию, и в любом случае сам к нему ни малейшей симпатии не питал.

В голосе Рофа, всегда ровном, не проскользнуло ни единой раздраженной ноты, но слова были далеко не теплыми.

— Бейли, почему вас так трудно разыскать? — начал он.

Бейли ответил с надлежащей долей почтительности:

— У меня свободный день, комиссар.

— Ах да! Ваша привилегия эс-семь. Но вы знаете, что такое волновик, не так ли? Прибор для трансляции официальных распоряжений? Даже в ваше свободное время вы обязаны являться по вызову.

— Мне это известно, комиссар, но пункт об обязательном ношении волновика из инструкций исключен. С нами можно связаться и без него.

— В пределах Города. Но вы же были во Вне? Или я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь, комиссар. Я был во Вне. Но в инструкциях не указано, что в таких случаях я обязан брать с собой волновик.

— Прячетесь за буквой закона, а?

— Совершенно верно, комиссар, — невозмутимо ответил Бейли.

Комиссар встал — властный, даже грозный — и сел на край стола. Окно во Вне, пробитое при Эндерби, было давно заложено и закрашено. И в замкнутой комнате (ставшей благодаря этому теплее и уютнее) комиссар выглядел огромным. Он сказал, не повышая голоса:

— По-моему, Бейли, вы слишком уж рассчиты-

ваете на благодарность Земли.

— Я рассчитываю на то, что исполняю свои обязанности как могу лучше и точно соблюдаю инструкции.

— А когда вольничаете с духом этих инструкций, — то и на благодарность Земли.

Бейли промолчал, и комиссар сказал после паузы:

— Кое-кто считает, что вы отличились в деле об убийстве Сартона три года назад.

— Благодарю вас, комиссар, — ответил Бейли. — И, если не ошибаюсь, результатом было закрытие Космотауна.

— Совершенно верно. И к большому облегчению Земли. Кое-кто считает также, что вы отличились на Солярии два года назад. И результатом — я избавляю вас от необходимости произносить лишние слова, — и результатом был пересмотр торговых договоров с космомирами к значительной выгоде Земли.

— Насколько мне известно, все это есть в соответствующих архивных документах.

— А в результате вы — великий герой.

— Ни на что подобное я не претендую.

— После каждого из этих двух дел вы получали повышение, а происшествие на Солярии даже

послужило сюжетом для гиперволновой драмы.

— Которую, комиссар, показали без моего разрешения и против моего желания.

— Тем не менее она превратила вас в героя определенного рода.

Бейли пожал плечами.

Комиссар выждал секунду-другую, не скажет ли он что-нибудь, а затем продолжал:

— Но вот уже почти два года вы практически ничего не делаете.

— И у Земли есть право спросить, чем я был ей полезен последнее время.

— Вот именно. И она задает этот вопрос. Известно, что вы — один из зачинателей новейшей моды уходить во Вне, копаться в почве и разыгрывать из себя роботов.

— Это разрешено.

— Не все, что разрешено, следует одобрять. Не исключено, что люди считают вас не героем, а больше чудаком.

— Возможно, это согласуется с моим собственным мнением о себе, — сказал Бейли.

— Людская память коротка. Это избитая истина. В вашем случае героическое уже заслонено чудачествами, и вас ждут серьезные неприятности, если вы допустите ошибку. Репутация, на

которую вы так уповаете…

— Со всем уважением, комиссар, я на нее не уповаю.

— Репутация, на которую, по мнению департамента полиции, вы уповаете, вас не спасет. И я не смогу вас спасти.

По сумрачному лицу Бейли скользнула тень улыбки.

— Я ни в коем случае не желаю, комиссар, чтобы вы поставили под угрозу свое положение в тщетной попытке спасти меня.

Комиссар пожал плечами и ответил столь же мимолетной и смутной улыбкой.

— Это вас пусть не тревожит.

— Если так, комиссар, то для чего вы мне все это говорите?

— Предостерегаю вас. Я вовсе не собираюсь с вами разделываться, а потому предупреждаю в первый и последний раз. Вам предстоит участвовать в крайне щекотливом деле, и вы легко можете допустить ошибку. Вот я и предупреждаю вас, чтобы вы ее не допускали. — Тут на его губах появилась несомненная улыбка.

Бейли на нее не ответил.

— Вы не могли бы объяснить мне, в чем заключается это весьма щекотливое дело?

— Это мне неизвестно.

— Оно связано с Авророй?

— Р. Джеронимо приказали в случае необходимости сказать вам это, но сам я ничего не знаю.

— В гаком случае почему вы считаете его щекотливым?

— Послушайте, Бейли, разгадывать загадки — ваша специальность. Для чего бы представитель Земного департамента юстиции лично прибыл в наш Город, а не вызвал вас в Вашингтон, как два года назад в связи с инцидентом на Солярии? И почему этот представитель хмурится, раздражается и проявляет все прочие признаки нетерпения, когда вас не удается разыскать немедленно? Вы постарались, чтобы вас было трудно найти, серьезная ошибка, за которую я никакой ответственности не несу. Сама по себе она, возможно, и не роковая, но, сдается мне, начинаете вы скверно.

— А вы задерживаете меня еще дольше, — хмуро буркнул Бейли.

— Отнюдь, Представитель департамента сейчас подкрепляется. Вы знаете, что земляне никогда не упускают случая перекусить. И он сам придет сюда, когда кончит. Ему сообщено, что вы здесь, и в данное время вы просто ждете, как жду я.

И Бейли начал ждать, размышляя о том, что снятая против его воли гиперволновая драма, хотя и помогла Земле укрепить позиции, ему в департаменте полиции причинила непоправимый вред. Она выставила его в объемной проекции на плоском фоне департамента, чем наложила на него неизгладимую печать нежелательности.

Его повысили в чине, дали ему больше привилегий, что только усугубило враждебное отношение к нему в департаменте. А чем выше он поднялся, тем сильнее расшибется, если упадет.

Стоит допустить ошибку…

4

Вошел представитель департамента юстиции, небрежно осмотрелся и сел за письменный стол в кресло Рофа. По старшинству в чине. Роф невозмутимо сел сбоку.

Бейли остался стоять, пытаясь скрыть изумление.

Роф мог бы его предупредить, но не счел нужным. И так подбирал слова, что Бейли не догадался.

Департамент юстиции представляла дама.

Но, собственно, почему бы и нет? Женщины

могли занимать любые административные посты. Генеральный секретарь мог быть женщиной. Женщины служили в полиции — одна в чине капитана.

Просто без специального предупреждения мужчина подразумевался сам собой. В истории бывали периоды, когда женщин на высоких административных постах оказывалось чуть ли не большинство. Бейли знал это — он вообще хорошо знал историю. Только нынешний период таким не был.

Представительница выглядела очень высокой и сидела в кресле, чопорно выпрямившись. Ее форменный костюм мало отличался от мужского — как и прическа, как и косметика. Ее пол выдавал бюст — две выпуклости, которые она не маскировала.

Лет около сорока, правильные медальные черты лица, зрелая привлекательность, ни проблеска седины в темных волосах.

Она сказала:

— Вы детектив Элайдж Бейли, ранг эс-семь.

Это было утверждение, а не вопрос. Тем не менее Бейли ответил:

— Да, мэм.

— Я младший секретарь Лавиния Демачек. Вы

выглядите совершенно не так, как в гиперволновой драме, вам посвященной.

Бейли слышал это далеко не в первый раз.

— Если бы они показали меня таким, какой я на самом деле, то отпугнули бы зрителей, — сухо сказал он.

— Не думаю. У вас куда более волевой вид, чем у актера с детской мордашкой, которого выбрали на вашу роль.

Бейли чуть поколебался и решил рискнуть. А вернее, просто не устоял перед искушением. Он произнес с глубокой серьезностью:

— У вас утонченный вкус, мэм.

Она засмеялась, и Бейли незаметно с облегчением перевел дух.

— Мне лестно это слышать. Но почему вы заставили себя ждать?

Меня не предупредили, мэм. А у меня был свободный день.

— А свои свободные дни, насколько я поняла, вы проводите во Вне?

— Да, мэм.

— Один из этих чокнутых, как я выразилась бы, не будь мой вкус столь утонченным. А потому я скажу иначе: так вы один из этих энтузиастов?

— Да, мэм.

— Надеетесь со временем эмигрировать и осваивать новые миры в глуши Галактики?

— Возможно, не сам я, мэм. Неизвестно, позволит ли мой возраст…

— Сколько вам лет?

— Сорок пять, мэм.

— Вы так и выглядите. Кстати, мне тоже сорок пять.

— Но вы так не выглядите.

— А как? Моложе или старше? — Она опять засмеялась. — Впрочем, довольно играть словами. В любом случае, по-вашему, я слишком стара, чтобы стать первопроходцем?

— В нашем, обществе никто не может стать первопроходцем, не пройдя подготовки во Вне. Молодым она дается легче. Мой сын, я надеюсь, когда-нибудь ступит на поверхность нового мира.

— Вот как! Но, естественно, вам известно, что Галактика принадлежит космическим мирам?

— Их всего пятьдесят, мэм. А в Галактике есть миллионы планет, пригодных для человеческого обитания, где разумная жизнь не развилась. Миллионы, которые можно сделать пригодными.

— Да, но ни один корабль не покинет Землю без разрешения космонитов.

— Разрешения можно добиться, мэм.

— Я не разделяю вашего оптимизма, мистер Бейли.

— Мне доводилось говорить с космонитами, которые…

— Я знаю, — перебила Лавиния Демачек. — Мой начальник, Альберт Минним, два года назад командировал вас на Солярию. — Ее губы чуть-чуть скривились в улыбке. — В гиперволнодраме его коротенькую роль сыграл актер, очень на него похожий, насколько помнится. И, насколько помнится, он был не слишком доволен.

Бейли воспользовался случаем переменить тему:

— Я просил помощника секретаря Миннима…

— Он получил повышение, вы знаете?

Бейли знал всю важность чинов в иерархии.

— И его новое звание, мэм?

— Вице-секретарь.

— Благодарю вас. Я просил вице-секретаря Миннима получить для меня разрешение посетить Аврору в связи с этим вопросом.

— Когда?

— Вскоре после моего возвращения с Солярии. С тех пор я дважды возобновлял эту просьбу.

— Но положительного ответа не получили?

— Нет, мэм.

— И вы удивлены?

— Разочарован, мэм.

— Напрасно! — Она чуть-чуть откинулась в кресле. — Наши отношения с космическими мирами очень щекотливы. Возможно, вам кажется, что ваши два расследования несколько снизили напряжение. Так оно и есть. Эта жуткая гиперволнодрама тоже оказала благотворное действие. Но в целом трения уменьшились вот настолько (она сблизила большой и указательный пальцы так, что между ними осталась узенькая щелочка), при вот таком размахе. — И она развела ладони как могла шире.

— В таких обстоятельствах, — продолжала она, — было бы слишком рискованно отпустить вас на Аврору, где те или иные ваши действия могли бы вызвать межзвездный конфликт.

Бейли посмотрел ей прямо в глаза.

— Я был на Солярии, и никаких конфликтов не возникло. Наоборот…

— Знаю. Но вас командировали туда по просьбе космонитов. Просьба же с нашей стороны — это на сто парсеков другое дело, как вы отлично понимаете.

Бейли промолчал. Она неопределенно хмыкну-

ла и продолжала:

— С тех пор как вы подали свои просьбы, а вице-секретарь их проигнорировал (с полным на то основанием), ситуация заметно ухудшилась. Особенно за последний месяц.

— Поэтому мы здесь, мэм?

— Вы теряете терпение, сэр? — иронически произнесла она тоном, каким обращаются к начальству. — И требуете, чтобы я сразу перешла к сути?

— Нет, мэм.

— Требуете, требуете, И что такого? Я излишне многословна. Хорошо, начнем с вопроса. Вам известен доктор Хэн Фастольф?

— Я видел его один раз почти три года назад в тогдашнем Космотауне.

— Если не ошибаюсь, он вам понравился?

— Он держался очень дружелюбно. То есть для космонита.

— Еще бы! — Она снова хмыкнула. — Вам известно, что последние два года он пользовался на Авроре большим политическим влиянием?

— Я слышал, что он вошел в правительство, от… от одного моего бывшего партнера.

— От Р. Дэниела Оливо, косморобота, вашего приятеля?

— Моего бывшего партнера, мэм.

— Когда вы разбирались с маленьким недоразумением между двумя математиками на борту космолета?

Бейли кивнул:

— Да, мэм.

— Как видите, мы следим за событиями. Доктор Хэн Фастольф последние два года был, так сказать, путеводной звездой аврорианского правительства, влиятельнейшей фигурой в законодательном собрании их мира, и его даже прочат в будущие председатели. Председатель в аврорианском обществе, как вы знаете, — это почти аналог главного администратора.

— Да, мэм. — Бейли кивнул, спрашивая себя, когда же она наконец перейдет к крайне щекотливому делу, о котором говорил комиссар.

Но Лавиния Демачек словно не торопилась.

— Фастольф, — продолжала она, — принадлежит к… э… умеренным. Так он себя называет. Он считает, что Аврора — и вообще космомиры — ушли по своему пути слишком уж далеко. Как, возможно, считаете вы, что мы здесь на Земле слишком уж далеко ушли по нашему пути. Он хотел бы снизить степень роботизации, вернуться к союзу и дружбе с Землей. Естественно, мы его

поддерживаем… но втихомолку. Если мы выразим свое отношение открыто, для него это может обернуться смертным приговором.

— По-моему, — сказал Бейли, — он поддержит намерение Земли исследовать и заселять новые миры.

— Я тоже так полагаю. И, по-моему, он вам говорил об этом прямо.

— Да, мэм. В ту нашу встречу.

Лавиния Демачек сложила ладони и уперлась подбородком в кончики пальцев.

— Как вам кажется, он выражает общее мнение космомиров?

— Не знаю, мэм.

— Боюсь, что нет. Его сторонники не слишком рвутся в бой, а против него — легионы бешеных фанатиков. Только политическая искушенность и личное обаяние позволяют ему сохранять его нынешнее политическое положение. Наиболее уязвим он, естественно, в своих симпатиях к Земле. Из-за них он все время подвергается нападкам, и они отталкивают многих, кто был бы готов следовать за ним во всем остальном. Если бы вас отпустили на Аврору, малейший ваш промах лил бы воду на мельницу противников Земли и, следовательно, ослаблял бы положение доктора

Фастольфа. Быть может, непоправимо. Земля просто не имеет права пойти на подобный риск.

— Понимаю, — пробормотал Бейли.

— Сам Фастольф готов рисковать. Именно он устроил вашу командировку на Солярию, когда еще только приобретал политическое влияние и его положение было очень непрочно. С другой стороны, он может потерять только свое положение, мы же обязаны обеспечивать благополучие восьми с лишним миллиардов землян. Именно поэтому нынешняя политическая ситуация до предела щекотлива.

Она замолчала, и в конце концов Бейли был вынужден спросить:

— В чем, собственно, заключается ситуация, мэм?

— Видимо, — ответила Лавиния Демачек, — Фастольф втянут в очень серьезный, просто беспрецедентный скандал. Если у него недостанет ловкости, то почти наверное его ждет политическая гибель в самое ближайшее время. Если же он сверхъестественно умен, то продержится еще несколько месяцев. Но рано или поздно он перестанет быть политической силой на Авроре, а это, как вы легко поймете, для Земли будет подлинной катастрофой.

— Могу ли я спросить, в чем его обвиняют? В коррупции? В государственной измене?

— По сравнению, это все мелочи. Да и его личную честность не подвергают сомнению даже заклятые враги.

— Преступление по страсти? Убийство?

— Своего рода убийство.

— Не понимаю, мэм.

— На Авроре, мистер Бейли, живут люди. А еще на ней есть роботы. В большинстве они на манер наших узко специализированы. Но есть еще горстка человекоподобных роботов. Настолько подобных, что их легко принять за людей.

— Это я знаю по опыту. — Бейли кивнул.

— Так вот, уничтожение человекоподобного робота, на мой взгляд, нельзя назвать убийством в строгом смысле слова.

Бейли шагнул к ней. Глаза у него широко раскрылись. Он почти закричал:

— Иосафат! Хватит играть, женщина! Доктор Фастольф убил Р. Дэниела. Вы это хотите мне сообщить?

Роф вскочил и двинулся к Бейли, но Лавиния Демачек остановила его небрежным жестом. Она сохранила полную невозмутимость.

— Учитывая обстоятельства, я извиняю вашу

выходку, Бейли, — сказала она. — Нет, Р. Дэниел убит не был. На Авроре он не единственный человекоподобный робот. Убит был один из них, но не Р. Дэниел — то есть если термин «убит» тут применим. Точнее говоря, его мозг был парализован. Полностью и необратимо.

— И утверждают, будто это сделал доктор Фастольф?

— Да, его враги утверждают именно это. Экстремисты, считающие, что Галактику должны осваивать только космониты, а землянам следует вообще исчезнуть с лика Вселенной, как говорится. Если они сумеют добиться перевыборов в ближайшие недели, то приобретут в правительстве преобладающее влияние с непредсказуемыми последствиями.

— Не понимаю, каким образом роблок мог приобрести такую политическую важность.

— Точно сказать не могу, — ответила Лавиния Демачек. — В политике Авроры я не очень разбираюсь. Видимо, экстремисты в своих планах отводили человекоподобным роботам какую-то существенную роль, и этот роблок привел их в ярость. — Она наморщила нос. — Их политика ставит меня в тупик, и я только запутаю вас, если начну подыскивать объяснения.

Бейли сделал огромное усилие, чтобы не потерять самообладания под ее въедливым взглядом, и спросил негромко:

— Для чего я здесь?

— Из-за Фастольфа. Вы уже один раз покидали Землю, чтобы расследовать убийство. С успехом. Фастольф хочет, чтобы вы попытались сделать то же теперь. Вы отправляетесь на Аврору установить, кто виновен в роблоке. Он считает, что это единственный шанс остановить экстремистов.

— Но я не роб о психолог и ничего не знаю об Авроре…

— О Солярии вы тоже ничего не знали, но успеха добились. А главное, Бейли, мы не меньше доктора Фастольфа заинтересованы в установлении истины. Мы не хотим, чтобы он исчез с политической арены. Иначе космоэкстремисты окружат Землю такой стеной враждебности, какой мы и представить себе не можем. Этого допустить нельзя.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, мэм. Подобная задача…

— Практически невыполнима. Да, мы это знаем. Но у нас нет выбора. Доктор Фастольф настаивает, а за ним пока еще стоит правительство Авроры. Если вы откажетесь или мы вас не пустим, нам

придется испытать всю силу их ярости. Если вы отправитесь туда и преуспеете, мы будем спасены, и вы получите двойное вознаграждение.

— А если я отправлюсь… и потерплю неудачу?

— Мы сделаем все, чтобы вина за нее была возложена на вас лично, а не на Землю.

— Иными словами, администрация спасает свою шкуру.

— Красивей было бы сформулировать, — заметила Лавиния Демачек, — что вас бросают на съедение волкам ради жизненно важных интересов Земли. Один человек — не такая уж большая цена за благополучие планеты.

— Раз меня ожидает верная неудача, так зачем мне вообще туда лететь?

— Пустые слова, — спокойно сказала Лавиния Демачек. — Вас требует Аврора, и вы не можете отказать ей. Да и с какой стати? Вы два года добиваетесь возможности побывать на Авроре и возмущаетесь, что вам не дают разрешения.

— Я хотел побывать там с мирной миссией. Заручиться помощью для освоения новых миров, а не…

— Но что мешает вам попросить у них помощи для осуществления вашей мечты, Бейли, пока вы будете заниматься расследованием? А если вы

сумеете установить истину? Ведь это все-таки не исключается. Фастольф будет вам чрезвычайно обязан и, конечно, сделает для вас куда больше, чем в любом другом случае. И мы тоже будем благодарны вам настолько, чтобы со своей стороны оказать вам содействие. Ради всего этого разве не стоит пойти на риск, пусть и значительный? Даже если ваши шансы на успех малы, они будут равны нулю, останься вы на Земле. Подумайте, Бейли. Только, пожалуйста, не очень долго.

Бейли крепко сжал губы, но он знал, что выбора у него нет, и сказал:

— Сколько времени вы мне даете на…

Лавиния Демачек тут же его перебила:

— Послушайте! Я же объяснила, что альтернативы у нас нет. И времени тоже нет. Вы улетаете… — Она взглянула на охватывавший ее запястье часовой браслет. — Почти через шесть часов.

5

Космодром находился на восточной окраине Города в практически безлюдном секторе, который в сущности был почти Вне. Отчасти это компенсировалось тем, что кассы и залы ожидания были

расположены в пределах Города, а к космолету пассажиров доставляли в машине по коридору без окон. Традиционно взлеты производились по ночам, так что полог мрака дополнительно смягчал воздействие Вне.

Космопорт, учитывая населенность Земли, казался довольно тихим. Земляне редко покидали свою планету, а грузовые рейсы обслуживались главным образом космонитами и роботами.

В ожидании посадки Элайдж Бейли ощущал себя уже отрезанным от Земли.

Рядом с ним сидел Бен. Оба мрачно молчали. Наконец Бен сказал:

— Я так и думал, что мама не захочет тебя проводить.

— Естественно, — Бейли кивнул. — Когда я улетал на Солярию, она расстраивалась не меньше. Никакой разницы.

— Но ты сумел ее успокоить?

— Постарался, насколько мог, Бен. Она убеждена, что космолет погибнет со мной на борту. А если я все-таки доберусь до Авроры, меня обязательно убьют космониты.

— Так ты же вернулся с Солярии!

— Потому-то она вдвойне боится потерять меня. Боится, что вторично удача мне не улыбнется. Ну

да ничего, она справится. Но ты ей помоги, Бен. Проводи с ней больше времени и ни в коем случае не упоминай, что подумываешь эмигрировать на какую-нибудь новую планету. Ведь на самом деле именно это ее и угнетает. Она чувствует, что через год-другой расстанется с тобой навсегда. Ей известно, что полететь с тобой она не сможет и, значит, больше тебя никогда не увидит.

— Ведь скорее всего так и будет, — заметил Бен.

— Ты-то примиришься с этим легко, а каково ей? Ну и помалкивай, пока я не вернусь, хорошо?

— Хорошо. Только, по-моему, расстраивается она еще и из-за Глэдии.

Бейли резко вскинул голову:

— С какой стати ты…

— Я ей ни слова не говорил. Но ведь она тоже видела эту гиперволновку и знает, что Глэдия теперь живет на Авроре.

— Ну и что? Аврора — большая планета. По-твоему, Глэдия Дельмар примчится в космопорт встречать меня? Иосафат! Бен, неужели твоя мать не понимает, что эта гиперволновка на девять десятых чистейшая машинная смазка, нашпигованная выдумками?

Бен с явным усилием сменил тему.

— Как-то странно, что ты сидишь здесь совсем без багажа.

— Не совсем. А моя одежда? Не успею я подняться на борт, как ее с меня снимут, обработают химикалиями и вышвырнут в космос. Потом снабдят меня новым гардеробом, но прежде окурят, вычистят и отполируют и снаружи, и внутри. Я уже один раз через это проходил!

Они снова помолчали. Затем Бен сказал:

Знаешь, пап… — И вдруг осекся. — Он повторил: — Знаешь, пап… — И опять осекся.

Бейли внимательно посмотрел на сына:

— Бен, что ты мне хочешь сказать?

— Пап, я себя чувствую последним дураком, и все-таки, мне кажется, я не должен молчать. Ты ведь не герой. Даже я никогда тебя таким не считал. Ты отличный человек, замечательный отец, но ты не герой.

Бейли буркнул что-то невнятное.

— И все-таки, — продолжал Бен, — как подумать, так это ты убрал с карты Космотаун, это тебе принадлежит идея подготовки к заселению новых миров. Пап, ты сделал для Земли больше, чем все правительство, вместе взятое. Так почему тебя не ценят по заслугам?

— Именно потому, что я не герой, — ответил

Бейли. — И еще потому, что мне насильно посвятили идиотскую гиперволновку. Из-за нее полдепартамента меня ненавидит, она травмировала твою мать, а мне навязала репутацию, поддерживать которую я не в силах… — На его радиобраслете замигала лампочка, и он встал. — Ну, мне пора, Бен.

— Ага. Но я хочу сказать, пап, что страшно тебя уважаю. И на этот раз, когда ты вернешься, тебя все оценят по-настоящему, а не я один.

Бейли был глубоко тронут. Он торопливо кивнул, положил руку на плечо сына и пробормотал:

— Спасибо… Береги себя… и маму, пока меня не будет.

Он ушел, не оглянувшись. Бену он объяснил, что летит на Аврору обсудить планы эмиграции. Будь так, он действительно мог бы вернуться с победой. Но…

«Вернусь я с позором, — подумал он. — Если вообще вернусь!»

Глава вторая
Дэниел
6

На космолете Бейли летел уже в третий раз, и прошедшие два года не изгладили из его памяти ни единой подробности. Он досконально знал, что его ожидает.

Полная изоляция — к нему никто не подойдет, не заговорит с ним, за исключением разве что робота. Непрерывная медико-санитарная обработка — окуривание и стерилизация (других подходящих слов он просто не находил). Попытка довести до состояния, приемлемого для ипохондричных космонитов, которые каждого землянина считают рассадником всяческой инфекции.

Впрочем, ждет его и кое-что новое. Прежнего ужаса перед космосом он теперь не испытает. Конечно же, ощущение, будто он беспощадно выброшен из теплой материнской утробы, не достигнет прежней панической степени.

Нет, он готов к восприятию пространства. И, смело заверил он себя, обязательно настоит на том, чтобы ему показали глубины космоса! (Прав-

да, от этой мысли у него в горле поднялся комок.)

Намного ли это зрелище будет отличаться от фотографий, сделанных из Вне?

Ему припомнилось, как он впервые увидел (в безопасности Города, разумеется) ночной небосвод внутри планетария. Ни малейших неприятных ощущений, никакой иллюзии, будто он очутился во Вне.

А те два… нет, три раза, когда он ночью оказался без крыши над головой и видел подлинные звезды на подлинном небосводе, они ошеломили его даже меньше, чем в планетарии, однако оба раза дул прохладный ветер и возникало ощущение огромных расстояний, вызывавшее в отличие от картин в планетарии знобящий страх, хотя и не такой отчаянный, как днем, — темнота окружала его спасительной стеной.

Будут ли звезды за обзорными иллюминаторами космолета больше напоминать о планетарии или о ночном небе Земли? А может, впечатление окажется совсем иным?

Он сосредоточился на этих мыслях, стараясь забыть, что расстается с Джесси, Беном и Городом.

Из чистой бравады он отказался от машины и короткое расстояние от ворот до космолета прошел пешком в сопровождении присланного

за ним робота. В конце концов, идти надо было по закрытой галерее.

Она слегка изгибалась. На повороте он оглянулся на Бена у входа в нее, и небрежно ему помахал, словно отправлялся в Трентон на экспрессуэе. Бен отчаянно замахал в ответ обеими руками, растопырив пальцы в древнем знаке победы.

«Какая уж там победа!» — угрюмо подумал Бейли.

Чтобы отвлечься, он переключился на другую мысль. Каково было бы идти к космолету днем? Металл слепяще сверкает на солнце, а он и все остальные ощущают себя во Вне.

Каково было бы наглядно представить себе, что вот этот крохотный цилиндрический мирок сейчас отделится вместе с тобой от несравнимо огромного мира, на котором пребывал лишь временно, и затеряется во Вне, безмерно превосходящем все земные Вне, и отыщет среди бесконечного протяжения Пустоты другой…

Бейли мрачно понуждал себя идти ровным шагом и сохранять внешнюю невозмутимость (во всяком случае так ему казалось). Однако шедший рядом робот внезапно остановил его.

— Вам нехорошо, сэр? (Не «господин», а просто «сэр». Робот с Авроры!)

— Нет, бой, — хрипло ответил Бейли. — Идем!

Но он упорно смотрел в пол и поднял глаза, только когда над ним нависла громада космолета.

Аврорианский космолет!

Сомнений быть не могло. В теплых лучах прожекторов он уходил в высоту, изящный, менее массивный, чем солярианские корабли, но исполненный особой мощи.

Бейли вошел внутрь. И там сравнение оказалось в пользу Авроры.

Каюта была заметно просторнее тех, которые он занимал два года назад, роскошнее и комфортабельнее.

Он точно знал, что предстоит, а потому без колебаний снял всю свою одежду. Возможно, ее просто сожгут в плазменной топке, но в любом случае по возвращении на Землю (если он все-таки вернется) ему ее не отдадут. Как и в первый раз.

Новый костюм он получит только после того, как его вымоют, исследуют, накормят медикаментами и обезопасят всякими инъекциями. Но он почти обрадовался этим принудительным унизительным процедурам. Они отвлекали его от происходящего: он практически не заметил стартового ускорения и толком не осознал момента,

когда расстался с Землей и погрузился в космос.

Наконец одевшись, Бейли с тоской оглядел себя в зеркале.

Материал (неизвестно из чего сделанный) был совершенно гладким, глянцевым и менял цвет при каждом движении. Манжеты брючин туго обхватывали лодыжки и в свою очередь обхватывались верхом ботинок, которые мягко приняли форму его ступней. Манжеты блузы плотно прилегали к запястьям, а кисти были обтянуты тонкими прозрачными перчатками. Воротник блузы прилегал к шее и завершался капюшоном, которым при желании можно было укрыть всю голову. Бейли знал, что так его закутали только ради безопасности космонитов.

Оглядывая этот кокон, он не сомневался, что ему будет жарко, тесно и вдобавок его прошибет пот. Однако никаких неудобств он не испытывал, а главное, кожа у него оставалась совершенно сухой, к великому его облегчению. Вывод напрашивался сам собой, и Бейли спросил у робота, который проводил его на космолет и все время оставался с ним:

— Бой, этот костюм снабжен терморегулятором?

— Да, сэр, — ответил робот. — Такой костюм

рассчитан на любую погоду и считается максимально удобным. Он очень дорогой, и на Авроре далеко не все в состоянии купить его.

— Неужели? Иосафат!

Он уставился на робота. Модель довольно-таки примитивная и мало чем отличается от земных. Если не считать некоторой живости выражения, земным не свойственной. Например, в определенных пределах этот робот обладал мимикой. Он словно бы чуть улыбнулся, когда дал понять, что Бейли бесплатно получил то, что далеко не все аврорианцы могут себе позволить.

Текстура его тела была металлической, но словно бы тканой, что продавало движениям некоторую плавность, и окрашенной в приятно гармонирующие и контрастирующие цвета. Короче говоря, возникало впечатление, что робот, хотя и не человекоподобен, но носит одежду. Лишь внимательно всмотревшись, можно было обнаружить, что это обман зрения.

— Как мне тебя называть, бой? — спросил Бейли.

— Я Жискар, сэр.

— Р.Жискар?

— Если вам угодно, сэр.

— На корабле есть библиотека?

— Да, сэр.

— Ты можешь принести мне книги об Авроре?

— Какие именно, сэр?

— По истории, общественному устройству, географии. Словом, такие, какие помогут мне лучше узнать планету.

— Хорошо, сэр.

— И проектор.

— Хорошо, сэр.

Робот вышел через двойную дверь, и Бейли мрачно кивнул ему вслед. Во время полета на Солярию ему не пришло в голову воспользоваться нежданным досугом для пополнения своих знаний. Да, за последние два года он заметно прогрессировал!

Бейли занялся осмотром каюты. Покрутил ручки гиперволновика. В уши ударила оглушительная музыка. В конце концов ему удалось снизить громкость, но все равно слушал он с неодобрением. Дисгармоничное дребезжание. Словно оркестранты не потрудились толком настроить инструменты.

Бейли покрутил ручки, нажал на кнопки и сумел получить изображение. Передавали космофутбольный матч. Игра, естественно, происходила в невесомости. Мяч летел по прямой,

а футболисты (непривычно многочисленные, одетые в форму с плавниками на спине, локтях и коленях, видимо, обеспечивающими точность движений) грациозно взлетали наперерез или тихо парили в воздухе, С непривычки у Бейли закружилась голова. Он наклонился, отыскал выключатель, и тут у него за спиной открылась дверь.

Бейли обернулся, ожидая увидеть Р. Жискара, а потому в первый момент сообразил только, что вошел не Р. Жискар. Лишь через несколько секунд он осознал, что перед ним совершенно человеческая фигура. Широкое скуластое лицо, короткие золотистые волосы, гладко зачесанные назад, костюм консервативного покроя и расцветки…

— Иосафат! — придушенно ахнул Бейли.

— Партнер Элайдж! — произнес вошедший и шагнул к: нему с легкой улыбкой на губах.

— Дэниел! — вскричал Бейли, сжимая робота в объятиях. — Дэниел!

7

Бейли все не отпускал Дэниела. Против всех ожиданий — кто-то знакомый на корабле! Прочное звено между настоящим и прошлым!

Он цеплялся за Дэниела с невыразимым облегчением и нежностью.

Затем мало-помалу собрался с мыслями и вспомнил, что обнимает не просто Дэниела, но Р. Дэниела — робота Дэниела Оливо. Он тискал робота, а робот слегка его обнимал, позволяя себя тискать, поскольку человеку это, видимо доставляло удовольствие, терпеливо перенося объятия, так как позитронные связи его мозга воспрещали ему уклониться от них и тем огорчить человека или смутить его.

Непреодолимый Первый Закон, управляющий роботами, гласит: «Робот не может причинить вред человеку...», а встретить равнодушием изъявление дружбы — значит причинить вред.

Не спеша, стараясь не выдать своей боли, Бейли разжал руки и погладил Дэниела по плечу, чтобы робот ничего не заметил.

— Дэниел, — сказал он, — мы не виделись с тех пор, как ты прилетал на Землю с двумя математиками, помнишь?

— Ну конечно, партнер Элайдж. Увидеть вас — большая радость.

— Так ты испытываешь эмоции? — небрежно спросил Бейли.

— Человеческими терминами определить мое

состояние невозможно, партнер Элайдж. Однако когда я вас вижу, мне словно бы легче думается, а сила тяжести как будто уменьшается, слабее воздействует на мое восприятие окружающего. Я замечаю еще многое в том же роде. И мне кажется, все это в определенной мере аналогично тому, что испытываете вы, чувствуя радость.

Бейли кивнул:

— Можно обойтись без точных определений, старина. Раз такое состояние тебя устраивает больше того, в котором ты находился, пока не увидел меня, мне этого достаточно. Понимаешь? Но откуда ты взялся?

— Жискар Ревентлов доложил, что вы прошли…

— …очищение? — иронически вставил Бейли.

— …дезинфекцию, — докончил Дэниел. — И я счел, что могу войти.

— Неужто до этого ты опасался инфекции?

— Конечно, нет, партнер Элайдж. Но тогда многие на корабле не захотели бы, чтобы я к ним приближался. Возможность заражения настолько пугает жителей Авроры, что они неспособны логично оценить, насколько это маловероятно.

— Ах так! Но я спросил не о том, почему ты здесь сейчас, а о том, почему ты вообще здесь.

— Доктор Фастольф. к чьему дому я принадлежу, распорядился, чтобы я отправился на посланном за вами космолете по нескольким причинам. Он считает желательным, чтобы вы незамедлительно узнали некоторые факты, связанные с вашей трудной, как он опасается, миссией.

— Это большая любезность. Я благодарю его.

Р. Дэниел признательно поклонился.

— Далее, доктор Фастольф считал, что эта встреча доставит мне... — робот помолчал, — ...адекватные ощущения.

— Радость? Ты это хочешь сказать, Дэниел?

— Если мне уместно воспользоваться этим термином, то да. И третья причина, самая важная...

Дверь отворилась, и вошел Р. Жискар.

Бейли обернулся, и на него нахлынуло раздражение. Р. Жискар был типичным роботом, и его присутствие каким-то образом подчеркивало роботство Дэниела («Р. Дэниела», — внезапно подумал Бейли), хотя Дэниел неизмеримо превосходил его во всех отношениях. А Бейли не желал замечать роботство Дэниела, не желал стыдиться упрямства, с каким он воспринимал Дэниела как человека, настоящего человека, несколько педантичного в манере выражаться. Он нетерпеливо спросил:

— Что тебе, бой?

— Я принес фильмокниги, сэр, — ответил Р. Жискар. — Как вы пожелали. И проектор.

— Ну так положи их. Вот сюда. И можешь идти. Со мной останется Дэниел.

— Хорошо, сэр. — Глаза робота (чуть-чуть светившиеся в отличие от глаз Дэниела, отметил про себя Бейли) быстро обратились на Р. Дэниела, словно ожидая распоряжений высшего существа.

Р. Дэниел сказал негромко:

— Друг Жискар, наилучшим будет остаться возле двери с той ее стороны.

— Я так и сделаю, друг Дэниел, — ответил Р. Жискар.

Он вышел, а Бейли сказал сердито:

— Зачем ему оставаться у двери? Я что, здесь в заключении?

— Только в том смысле, — ответил Дэниел, — что в пути вам не полагается встречаться с членами экипажа. Но Жискар здесь не по этой причине… Прежде мне следует сказать вам, партнер Элайдж, что будет лучше, если вы не станете называть Жискара — или любого другого робота — боем.

Бейли нахмурился:

— Его задевает, когда к нему обращаются так?

— Никакой поступок человека не может задеть Жискара. Просто на Авроре обращение «бой» к роботу исчезло из употребления, и нежелательно, чтобы между вами и аврорианцами возникли трения из-за того, что вы непреднамеренно подчеркнули бы место своего происхождения, прибегнув к идиоме, без которой можно обойтись.

— Ну и как мне к нему обращаться?

— Как вы обращаетесь ко мне. Называйте его определительное имя. В конце концов, это просто набор звуков, обозначающий того, с кем вы говорите, так почему один набор должен быть предпочтительнее другого? Простая условность. И еще. На Авроре не принято упоминать инициал Р., кроме сугубо официальных случаев, когда робота необходимо назвать полным именем, хотя в последнее время инициал начали опускать и в этих случаях.

— При таком положении вещей, Дэниел (Бейли с трудом подавил внезапное желание сказать «Р. Дэниел»), как вы различаете роботов и людей?

— Различие чаще всего самоочевидно, партнер Элайдж, и нет нужды всякий раз вновь его подчеркивать. Во всяком случае, такова точка

зрения Авроры, а поскольку вы заказали Жискару фильмокниги про Аврору, я заключил, что вы намерены ознакомиться с обычаями и правилами поведения аврорианцев для облегчения взятой на себя задачи.

— Навязанной мне задачи. Остальное верно. А что, если различие между роботом и человеком не самоочевидно, Дэниел? Вот, например, ты сам.

— Но для чего проводить это различие, пока ситуация того не требует?

Бейли глубоко вздохнул. Теперь еще надо приспосабливаться к аврорианской причуде делать вид, будто роботов не существует.

Он спросил:

— Но если Р… Если Жискар тут не потому, что я под арестом, зачем ему стоять у двери?

— Таковы инструкции доктора Фастольфа, партнер Элайдж. Жискар охраняет вас.

— Охраняет? Меня? От чего или от кого?

— Доктор Фастольф не был конкретен, партнер Элайдж. Но поскольку человеческие страсти разбушевались из-за Джендера Пэнелла…

— Кто такой Джендер Пэнелл?

— Робот, чьей полезности был положен конец.

— То есть робот, который был убит?

— «Убит», партнер Элайдж, — это термин, обычно к роботам не прилагаемый, а только к людям.

— Но на Авроре же избегают проводить различия между людьми и роботами, разве нет?

— Да, конечно, Но в данном случае потери функциональности, насколько мне известно, вопроса о различиях не вставало, как и об их отсутствии, Какие тут действуют правила, я не знаю.

Бейли задумался. Конечно, мелочь, чисто семантический момент. Но ведь он решил проникнуть в аврорианский образ мышления. Иначе у него заведомо ничего не получится, И он сказал медленно:

— Функционирующий человек — это живой человек. Если его жизнь обрывается насильственно в результате преднамеренных действий другого человека, мы говорим «убийство». Или «лишение жизни», если действия были непреднамеренными. Можно также сказать во втором случае «убийство по неосторожности». Однако человек, увидев, как жизнь другого человека обрывают насильно, закричит: «Убийство!», не разбираясь, преднамеренно это или нет. Тут не до юридических тонкостей.

— Я не разобрался в различиях, которые вы проводите, партнер Элайдж. Поскольку термины

«убийство» и «непреднамеренное убийство», оно же «лишение жизни», равно означают насильственное прекращение существования человека, они должны быть взаимозаменяемыми. Так в чем различие?

— Термин «убийство» без дополнительного определения более эффективен. Он заставит похолодеть людей, которые его слышат. А «непреднамеренное убийство» или «лишение жизни» никто вообще кричать не станет.

— Но почему?

— Причина в ассоциациях, в контексте. Воздействует не словарное значение, а стоящий за ним образ. Различие в подразумеваемых условиях и обстановке.

— В моей программе ничего об этом нет, — сказал Дэниел, и Бейли вдруг почудились обертона беспомощности в его бесцветных интонациях, всегда бесцветных, о чем бы он ни говорил.

— Ты поверишь мне на слово, Дэниел? — спросил он.

— Ну конечно, — ответил Дэниел мгновенно, как будто ему сообщили решение задачи, поставившей его в тупик.

— Следовательно, мы можем сказать, что функционирующий робот — это живой робот, — про-

должал Бейли. — Далеко не все согласятся с таким расширением этого понятия, но у нас есть право выбирать определения, нам полезные. Функционирующего робота удобно воспринимать как живого, и попытка изобрести новый термин, лишь бы избежать употребления привычного, привела бы только к ненужным помехам. Ведь ты живой, Дэниел, верно?

— Я функционирую, — четко и раздельно произнес Дэниел.

— Ну послушай! Если мы говорим «живые» о белках, жуках, деревьях и даже травинках, почему нельзя сказать «живой» про тебя? Мне в голову не придет сказать — или подумать, — что я живой, а ты всего лишь функционирующий. И уж тем более на Авроре, где мне надо следить за собой, чтобы не проводить ненужных различий между людьми и роботами. Поэтому я говорю тебе, что мы оба живые, и прошу поверить Мне на слово.

— Хорошо, партнер Элайдж.

— Но можем ли мы тем не менее сказать, что сознательное насильственное действие со стороны человека, обрывающее жизнь робота, — это убийство? Тут есть повод для сомнений. Если преступление одно, то одной должна быть и кара. Но

будет ли это справедливо? Если кара за убийство человека — смерть, следует ли казнить человека, который прервал существование робота?

— За убийство, партнер Элайдж, человек подвергается психозондированию и реконструкции личности. Преступление совершила личностная структура сознания, а не живущее тело.

— А как на Авроре карается насильственное действие, кладущее конец функционированию робота?

— Не знаю, партнер Элайдж. Насколько мне известно, такого случая на Авроре до сих пор не было.

— Думается, за это стиранием личности не карают, — заметил Бейли. — Так, может, робийство?

— Робийство?

— В качестве термина, подразумевающего сознательное уничтожение робота.

— Ну а глагол от этого существительного, партнер Элайдж? Не говорят же «убийствовать» и, значит, нельзя сказать «робийствовать».

— Ты прав. В обоих случаях придется сказать «совершить убийство».

— Но «убийство» относится только к людям, Например, нельзя совершить убийство животного.

— Верно, — сказал Бейли. — И даже если убить

человека случайно, это не будет убийство в строгом смысле слова. Оно всегда подразумевает преднамеренность. Более общим будет «убить» в смысле «лишить жизни». Этот глагол употребляется, когда речь идет не только о сознательном убийстве, но и о несчастном случае, Он применим и к людям, и к животным. Даже дерево может быть убито болезнью, так почему же не может быть убит и робот, а, Дэниел?

— Люди, и животные, и растения, партнер Элайдж, — это живые существа, — ответил Дэниел. — А робот — такое же изделие человеческих рук, как вот этот проектор. Изделия же «уничтожают», «портят», «разбирают» и так далее, но не убивают.

— И все-таки, Дэниел, я предпочитаю слово «убить». Джендер Пэнелл был убит.

— Каким образом замена одного слова другим может сделать другим то, что это слово обозначает? — спросил Дэниел.

— «То, что зовется розой, и под иным названием будет благоухать все так же». Ты это имеешь в виду, Дэниел? Благоухание розы?

Дэниел помолчал, а затем сказал:

— Я не вполне уверен, что именно подразумевается под «благоуханием розы». Но если роза на

Земле — это тот же цветок, который называют розой на Авроре, а под благоуханием вы подразумеваете свойство, которое люди способны обнаружить, ощутить или измерить, то, разумеется, обозначение розы иной комбинацией звуков при сохранении всех остальных отличий не повлияет на ее благоухание или на любое другое из присущих ей свойств.

— Верно, Хотя, когда речь идет о людях, изменение названия порой приводит к изменению восприятия.

— Каким образом, партнер Элайдж?

— Видишь ли, люди часто бывают нелогичными, Дэниел. Отнюдь не похвальная черта характера.

Бейли погрузился в кресло поглубже и начал настраивать проектор, чтобы дать себе несколько минут на размышление. Разговор с Дэниелом был полезен сам по себе. Играя со смысловыми оттенками слов, он сумел забыть, что находится в космосе, что космолет стремительно удаляется от центра масс Солнечной системы, готовясь к Прыжку через гиперпространство. Сумел забыть, что вскоре между ним и Землей пролягут миллионы километров, а затем и несколько световых лет.

А еще важнее было то, что разговор этот подсказывал несколько практических выводов. Все утверждения Дэниела, будто аврорианцы не проводят различия между людьми и роботами, явно не слишком строго соответствовали истине. Пусть аврорианцы либерально убрали инициал Р., отказались от обращения «бой» и некоторых других формальных моментов, но упорное нежелание Дэниела пользоваться одним словом для обозначения насильственного уничтожения робота и человека (нежелание, заложенное в его программу, в свою очередь показывающую, какого поведения ждут от него аврорианцы) наталкивало на категорическое заключение, что все перемены остаются чисто внешними. По сути аврорианцы не меньше землян убеждены, что робот — машина и стоит неизмеримо ниже человека.

А это означало, что решение навязанной ему головоломки (если оно вообще достижимо) не будет осложнено неверным представлением хотя бы об одном аспекте человеческого общества Авроры.

Бейли взвесил, не расспросить ли Жискара для проверки, насколько правильные выводы он сделал из разговора с Дэниелом, и тут же отказался

от этой мысли. Прямолинейное, свободное от тонкостей сознание Жискара ничего полезного в этом смысле не сулило.

— Дэниел, — сказал он, — давай-ка рассмотрим случившееся с Джендером Пэнеллом, то есть, насколько я понял из твоих слов, первое робийство на Авроре. Человек, чьих рук это дело, — то есть убийца — видимо, остался неизвестным.

— Если, — ответил Дэниел, — предположить, что это сделал человек, то да, его личность неизвестна. В этом вы правы, партнер Элайдж.

— Ну а побудительная причина? Почему Джендер Пэнелл был убит?

— Она тоже неизвестна.

— Но Джендер Пэнелл был человекоподобным роботом, таким, как ты, а не как, например, Р. Жи… Жискар, хотел я сказать.

— Да. Джендер был таким же человекоподобным роботом, как и я.

— В таком случае это, возможно, вообще не робийство.

— Я не понял, партнер Элайдж.

Бейли сказал с легким раздражением:

— Что, если убивший принял Джендера за человека? И произошло не робийство, а убийство?

После паузы Дэниел покачал головой:

— Человекоподобные роботы внешне очень сходны с людьми. Вплоть до волосков и пор на нашей коже. Голоса у нас безупречно естественные, мы способны точно воспроизводить процесс поглощения пищи и так далее. Но в нашем поведении есть заметные отличия. Возможно, в дальнейшем технические усовершенствования позволят устранить большинство из них, но пока они многочисленны. Вам и другим землянам, не привыкшим к человекоподобным роботам, эти отличия не бросаются в глаза, но уроженец Авроры замечает их сразу. Ни один аврорианец не принял бы Джендера — как и меня — за человека. Ни на секунду.

— Ну а космонит с другой планеты мог бы так ошибиться?

— Не думаю, — поколебавшись, ответил Дэниел. — Вывод этот я сделал не из личных наблюдений, он не заложен в моей программе прямо. Однако она позволяет мне заключить, что на всех космомирах роботов знают не хуже, чем на Авроре, а на некоторых — на Солярии, например, — так даже еще лучше. А это дает мне основание заключить, что любой космонит сразу же заметит различие между человеком и роботом.

— А на других мирах есть человекоподобные роботы?

— Нет, партнер Элайдж. Пока они есть только на Авроре.

— В таком случае остальные космониты знают человекоподобных роботов не так уж хорошо и вполне могут не заметить их отличий от людей.

— Вероятность очень мала. Даже человекоподобные роботы обладают четкими отличиями, которых космонит не может не распознать.

— Но ведь есть же не очень умные космониты, менее опытные, менее зрелые. Ну и просто дети, наконец!

— Партнер Элайдж, это… это робийство неумный, неопытный или не вышедший из детства человек совершить не мог. Подобное совершенно исключено.

— Мы ограничиваем круг подозреваемых. Отлично. Итак, ни один космонит не мог бы допустить такой ошибки. Ну а землянин? Ведь…

— Партнер Элайдж, когда вы высадитесь на Авроре, то станете первым землянином, ступившим на ее почву по завершении периода заселения планеты. Все ныне живущие аврорианцы родились либо на Авроре, либо на других космомирах, но последних довольно мало.

— Первый землянин! — пробормотал Бейли. — Я польщен. Но не мог ли землянин попасть на Аврору тайно?

— Нет! — ответил Дэниел категорично.

— Но, Дэниел, возможно, твои сведения не полны.

— Нет! — Это было сказано с той же категоричностью.

— В таком случае, — Бейли пожал плечами, — остается предположить, что робийство было именно робийством и ничем иным.

— Таков был вывод с самого начала.

— Пришедшие к такому выводу аврорианцы с самого начала располагали всей полнотой информации, а я только сейчас узнаю кое-что.

— Партнер Элайдж, мои слова не несли в себе уничижительного оттенка. Мне ли ставить под сомнение ваши способности!

— Спасибо, Дэниел. И я знал, что в твоих словах не было насмешки. Но до этого ты сказал, что данное робийство не мог совершить кто-либо неумный, неопытный или не вышедший из детства, что подобное абсолютно исключено. Давай рассмотрим твое утверждение…

Бейли знал, что выбирает окольный путь, но иного выхода не было. Он не осведомлен в обы-

чаях аврорианцев, образ их мышления ему еще непонятен, а потому строить гипотезы и идти напролом пока рано. Примени он такую тактику к мало-мальски умному человеку, тот вскоре вскипел бы и сам все выложил бы, а вдобавок счел бы Бейли круглым идиотом. Но Дэниел будет следовать за ним по этой извилистой дороге с неистощимым терпением.

Одно из свойств, выдающих в нем робота вопреки его человекоподобию. Аврорианец определил бы, кто он такой, по ответу на первый же свой вопрос. Дэниел был совершенно прав, когда говорил о тонкости различий.

— Далее, — продолжал Бейли, — всех детей, а также, пожалуй, большинство женщин и многих мужчин можно исключить, исходя из предположения, что способ робийства требовал значительной силы — если голова Джендера, например, была разбита сокрушительным ударом или ему расплющили в лепешку грудную клетку. Сделать это, на мой взгляд, мог бы только человек могучего телосложения.

По сведениям, которые Бейли получил на Земле от Лавинии Драчек, робийство было совершено иначе, но ведь ее могли сознательно дезинформировать.

— Никакому человеку это было бы не под силу, — сказал Дэниел.

— Почему?

— Партнер Элайдж, вы же знаете, что скелет робота сделан из металла, несравнимо более прочного, чем человеческие кости. Для движений у нас выделяется больше энергии, они стремительнее, более четко контролируются. Третий Закон гласит: «Робот должен заботиться о своей безопасности». Нападение человека было бы предотвращено без малейшего труда. Самого сильного человека можно мгновенно обездвижить. А вероятность, что робот будет застигнут врасплох, крайне мала. Присутствие человека мы определяем сразу же, иначе мы не могли бы выполнять свои функции.

— Ну послушай, Дэниел! — сказал Бейли с досадой. — Третий-то Закон гласит не совсем то! «Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам». Второй Закон гласит: «Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону». Ну и Первый Закон: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы

человеку был причинен вред». Человек может приказать, чтобы робот себя уничтожил, и робот использует собственную силу, чтобы разбить собственный череп. А если человек нападет на робота, тот не сможет предотвратить нападения, не причинив человеку вреда. А это будет нарушением Первого Закона.

— Вы, мне кажется, думаете о земных роботах, — сказал Дэниел. — На Авроре (и на любом космомире) роботов ценят выше, чем на Земле, и в целом они сложнее, многостороннее и стоят дороже. Третий Закон заметно сильнее в сравнении со Вторым, чем на Земле. На любом космомире приказ самоуничтожиться будет подвергнут анализу и выполнен, только если причине окажется достаточно веской — наличие явной и неотвратимой опасности. А при отвращении нападения Первый Закон нарушен не будет. Аврорианские роботы очень умелы и способны обездвижить человека, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Ну, а если человек будет настаивать, что неминуемо погибнет, если он — робот — себя не уничтожит? Неужели робот и тогда не подчинится?

— Аврорианский робот безусловно усомнится в таком утверждении, если оно будет голословным.

Ему потребуются четкие доказательства того, что в противном случае человеку действительно угрожает гибель.

— А если человек достаточно хитер и подстроит так, что роботу представится, будто опасность реальна и очень велика? Именно такая находчивость и заставляет тебя исключить неумных, неопытных и не вышедших из детства?.

— Нет, партнер Элайдж, не она.

— В моих рассуждениях допущена ошибка?

— Нет.

— Следовательно, ошибочно мое предположение, что ему были нанесены физический повреждения. На самом деле физически он цел и невредим?

— Да, партнер Элайдж.

То есть сведения Лавинии Демачек были верными, подумал Бейли.

— Значит, Дэниел, робийство было психическим. Роблок! Полный и необратимый.

— Роблок?

— Упрощение термина «роботоблок», означающего перманентное отключение позитронных связей.

— На Авроре слово «роблок», партнер Элайдж, не употребляется.

— А как это называется у вас?

— Мы говорим «умственная заморозка».

— Два способа описать одно явление.

— Возможно, партнер Элайдж, разумнее будет пользоваться нашим, или ваши собеседники аврорианцы вас не поймут, и в разговоре возникнут затруднения. Вы недавно сами сказали, что разница в словах имеет значаще.

— Ладно. Буду говорить «умственная заморозка». А она может наступить мгновенно?

— Да. Но робопсихологи считают, что шансы на это крайне малы. Как человекоподобный робот могу сообщить, что ни разу не испытал ничего, хотя бы отдаленно напоминающего умственную заморозку.

— Следовательно, остается предположить, что какой-то человек сознательно создал ситуацию, ведущую к умственной заморозке.

— Именно это утверждают противники доктора Фастольфа, партнер Элайдж.

— А поскольку для этого требуется практическое владение робопсихологией, опыт и умение, неумные, неопытные и не вышедшие из детства автоматически исключаются.

— Абсолютно логичный вывод, партнер Элайдж.

— И открывается возможность составить точный список аврорианцев с достаточной квалификацией, тем самым очертив группу подозреваемых, вряд ли очень многочисленную.

— Это было сделано, партнер Элайдж.

— Так сколько имен в этом списке?

— В самом подробном из предложенных — одно.

— Только одно имя?! — сердито крикнул Бейли, нахмурив брови.

— Только одно имя, партнер Элайдж, — негромко, сказал Дэниел. — Это вывод доктора Хэна Фастольфа, крупнейшего теоретика в области робопсихологии на Авроре.

— Так где же тут тайна? Чье это имя?

— Доктора Хэна Фастольфа, естественно, — ответил Дэниел, — Я же только сейчас сказал, что он крупнейший теоретик в области робопсихологии на Авроре, и согласно профессиональному заключению доктора Фастольфа, только он один на Авроре был бы способен довести Джендера Пэнелла до полной умственной заморозки без каких-либо следов того, как это было достигнуто. Однако доктор Фастольф, кроме того, утверждает, что он этого не делал.

— Но никто другой сделать этого не мог?

— Вот именно, партнер Элайдж. В этом и заключается тайна.

— Ну а если доктор Фастольф… — Бейли умолк. Какой смысл спрашивать Дэниела, не мог ли доктор Фастольф солгать, допустить неточность либо в заключении, что кроме него ни у кого на это не достало бы квалификации, либо в утверждении, что сам он этого не делал. Дэниел программирован Фастольфом, и программа просто не может включать способность усомниться в программирующем.

А потому Бейли ограничился тем, что сказал со всей доступной ему мягкостью:

— Я все это обдумаю, Дэниел, и мы снова поговорим.

— Очень хорошо, партнер Элайдж. Да и наступило время сна. Поскольку на Авроре у вас будет очень много дела и вы не сможете придерживаться правильного режима, разумнее будет использовать возможность спать в полную меру. Я покажу вам, как раскрыть кровать и застелить ее.

— Спасибо, Дэниел, — буркнул Бейли, не сомневаясь, что заснуть ему не удастся. Его послали на Аврору, только чтобы доказать, что Фастольф не виновен в робийстве. Успешное достижение

этой цели укрепило бы позиции Земли, а также (пусть и не по такому большому счету, но лично для него очень важному) поспособствовало бы дальнейшей его карьере. И вот еще на полпути к: Авроре выясняется, что Фастольф практически признал себя преступником.

8

Бейли все-таки заснул, после того как Дэниел посоветовал ему снизить напряженность поля, обеспечивающего псевдотяготение. Это не было истинной антигравитацией и требовало такого количества энергии, что подобное понижение допускалось лишь на ограниченный срок в строго определенных условиях.

Дэниел не был запрограммирован для того, чтобы объяснить суть процесса. Впрочем, Бейли не сомневался, что никаких объяснений он все равно не понял бы. К счастью, включать и регулировать можно было и не разбираясь в принципах устройства.

— Снизить напряженность до нуля невозможно, — сообщил Дэниел. — Во всяком случае, с помощью этого аппарата. Да и в любом случае сон в условиях нуль-тяготения чреват рядом

неудобств, особенно для тех, кто не привык к космическим полетам. Снизить ее надо ровно настолько, чтобы, не ощущая веса своего тела сохранять ощущение верха и низа. Степень снижения для разных людей разная. Большинство предпочитает максимум, предлагаемый аппаратом, но в первый раз вам, наверное, будет приятнее более высокая напряженность, позволяющая сохранить в определенной мере привычное ощущение собственной тяжести. Просто испробуйте разные уровни и подберите наиболее вам приятный.

Увлекшись новизной ощущений, Бейли обнаружил, что проблема Фастольфа — его утверждение и отрицание — исчезает из его мыслей одновременно с тем, как на него накатывает сонливость. Видимо, это были две стороны одного процесса.

Ему приснилось, что он снова на Земле {естественно!) и едет на экспрессуэе, но не сидит, а словно парит над скоростной полосой над самыми головами движущихся людей, чуть-чуть их обгоняя. Никто из них словно не удивлялся, никто не оборачивался на него. Состояние было удивительно приятным, и, проснувшись, он пожалел, что оно не продлилось.

Утром после завтрака…

Но утро ли это? Бывает ли в космосе утро или другое время суток? Нет, конечно. Поразмыслив, он пришел к выводу, что «утро» следует определять как время, следующее сразу за пробуждением, а «завтрак» — как пищу, съедаемую в этот отрезок времени; вести же счет времени вообще не надо, так как оно объективного значения не имеет — во всяком случае для него, если не для экипажа.

Итак, утром после завтрака он просмотрел принесенные ему листы с новостями, убедился, что робийство на Авроре в них не упомянуто, и взялся за фильмокниги, которые накануне (в предыдущее бдение?) ему принес Жискар.

Он выбрал исторические — судя по названиям — и, бегло проглядев несколько, пришел к выводу, что Жискар снабдил его литературой, предназначенной для подростков. Множество иллюстраций и упрощенный текст. Ах так вот как Жискар определил его интеллектуальный уровень? Или же полагал, что точно выполняет его заказ? Бейли подумал, подумал и решил, что Жискар по своей позитронной простоте сделал совсем недурной выбор, и вовсе незачем выискивать тут скрытую насмешку.

Бейли расположился поудобнее и сосредото-

чился. Вскоре он заметил, что Дэниел смотрит фильмокниги вместе с ним. Из любопытства? Или просто чтобы дать занятие глазам?

Дэниел ни разу не попросил повторить страницу. И не задал ни единого вопроса. Возможно, он воспринимал все, что читал, с доверчивостью робота, не позволяя себе роскоши вроде сомнений или любопытства.

Бейли в свою очередь не задавал Дэниелу никаких вопросов по содержанию книг, хотя и осведомился у него, как включить аврорианский проектор, устройства которого не знал.

Иногда Бейли отрывался от проектора и посещал примыкавшее к его каюте маленькое помещение, которое служило для удовлетворения различных физиологических потребностей личного характера — настолько, что оно называлось «Личная» и помечалось заглавной буквой «Л» и на Земле, и — как Бейли понял из слов Дэниела — на Авроре. Тут места в нем хватало лишь на одного человека, что стесняло уроженца Города, привыкшего к длинным рядам уриналов, экскремент-сидений, раковин и душей.

Просматривая фильмокниги, Бейли не старался запоминать детали. Он не собирался стать специалистом по аврорианскому обществу или хотя бы

набраться сведений в школьном объеме. Нет, он просто хотел ощутить дух этого общества.

Например, вопреки житийному тону, присущему всякой исторической литературе, предназначенной для подростков, он убедился, что первопроходцы на Авроре — отцы-основатели, пионеры, — явившиеся с Земли осваивать Аврору в раннюю эпоху космических полетов, были землянами в полном смысле этого слова. Их политика, свары, все аспекты их поведения были законченно земными. То, что тогда происходило на Авроре, напоминало заселение относительно пустынных областей Земли за два-три тысячелетия до описываемых событий.

Естественно, аврорианцам не пришлось столкнуться и вести войну с разумными существами, с мыслящими аборигенами, и этических проблем гуманизма и беспощадной жестокости у пришельцев с Земли не возникало. Собственно, жизни как таковой на Авроре вообще почти не было, а потому люди, их культурные растения, их животные, а также паразиты и микроорганизмы, захваченные ими нечаянно, быстро освоили планету. Ну и, конечно, первопоселенцы привезли с собой роботов.

Первые аврорианцы быстро почувствовали, что

планета принадлежит им, тем более что завладели ею, ни с кем не соперничая. И вначале назвали ее Новой Землей. Вполне естественно: ведь она была первой планетой вне Солнечной системы — первым космомиром, — где поселились люди. Первый практический плод межзвездных полетов, первый проблеск зари чудесной новой эры. Правда, они очень скоро обрезали пуповину и назвали планету «Аврора» в честь римской богини зари.

Мир Зари! Вот так поселенцы практически с самого начала сознательно объявили себя праотцами обновленного человечества. Прежде его история являла собой темную Ночь, и только для аврорианцев на их новой планете наконец-то занялся новый День.

Это великое свершение, это упоенное самовосхваление давало себя чувствовать во всех частностях, оно отражалось в именах и праздниках, в различиях победителей и неудачников. В нем заключалась вся суть.

Началось заселение других миров — одних с Земли, других с Авроры, — но Бейли не задерживался на этих и других частных подробностях. Его интересовали более широкие мазки, и он обнаружил две кардинальные перемены, еще

больше столкнувшие аврорианцев с их былой земной орбиты: нарастающее включение роботов во все стороны жизни общества и, во-вторых, увеличение среднего срока человеческой жизни.

Чем технически совершеннее и разностороннее становились роботы, тем больше полагались на них аврорианцы. Но не в ущерб своей самостоятельности. Ничего общего с той полной зависимостью, с какой Бейли столкнулся на Солярии, где горстка людей нежилась в теплом коконе, сплетенном и обслуживаемом множеством роботов. На Авроре роль роботов была иной.

И все-таки зависимость возникла.

Интуитивно нащупывая какую-то общую тенденцию, Бейли обнаружил, что каждая ступень во взаимоотношении человек — робот словно бы зависела от зависимости. Даже то, как права роботов стали общепризнанными, — постепенный отказ от того, что Дэниел назвал бы «ненужными различиями», — было симптомом зависимости. На взгляд Бейли, более гуманная позиция аврорианцев объяснялась не внутренней потребностью, но лишь помогала маскировать искусственную природу роботов и рождалась из желания избавиться от неприятной необходимости открыто

признать тот факт, что люди зависят от неодушевленных предметов, снабженных искусственным интеллектом.

Продлению же срока жизни сопутствовало замедление исторического развития. Взлеты и падения выравнивались. Росло неприятие резких перемен, росло всеобщее согласие.

Во всяком случае история, с которой он знакомился, становилась все менее интересной и почти уже вызывала зевоту. Тем, из чьих судеб она слагалась, несомненно, жилось хорошо. Ведь история интересна катастрофами, весьма увлекательными на экране проектора, но наводящими ужас на тех, кого они постигают. Вероятно, индивидуальная жизнь продолжала быть интересной для подавляющего большинства аврорианцев, а если общее взаимодействие этих жизней обрело безмятежную устойчивость, кто мог возражать?

Если Мир Зари вступил в тихий солнечный день, кто из обитателей этого мира начал бы требовать бурь?

Наклоняясь над проектором, Бейли вдруг испытал ощущение, не поддававшееся описанию. Словно его на миг вывернули наизнанку, сказал бы он, если бы у него попросили объяснения. Вывернули и за ничтожную долю секунды вернули

в нормальное положение.

Произошло это столь мгновенно, что Бейли чуть не прозевал это ощущение, словно просто неожиданно икнул.

Лишь почти через минуту он задним числом осознал, что нечто подобное ему уже довелось почувствовать Дважды когда он летел на Солярию и когда возвращался с этой планеты на Землю.

Это был Прыжок, переброс в гиперпространство, который за вневременной внепространственный интервал перекинул корабль через парсеки, преодолев барьер скорости света, незыблемый для Вселенной. (В словах никакой тайны нет: корабль просто покинул Вселенную и пересек нечто, не ставящее предела скорости. Но вот понятие окружено непроницаемой тайной, ибо описать суть гиперпространства возможно лишь с помощью математических символов, которые еще никому не удавалось преобразовать в нечто удобопонятное.)

Если просто принять факт, что люди научились использовать гиперпространство, не понимая, что именно они используют, то практический результат становился предельно ясен. Корабль находился в нескольких микропарсеках от Земли, а в следующий момент оказался в нескольких

микропарсеках от Авроры.

В идеале Прыжок занимал нулевой момент — в буквальном смысле нуль времени — и будь он выполнен безупречно, никакой биологической реакции не возникло бы и возникнуть не могло. Однако по утверждению физиков абсолютная безупречность требовала неограниченной энергии, потому всегда возникал «эффект времени», не вполне равный нулю, но поддающийся сокращению до требуемой малой величины. Именно из-за него возникало непривычное, но абсолютно безвредное ощущение, что тебя вывернули наизнанку.

Едва Бейли осознал, что теперь находится очень далеко от Земли и очень близко от Авроры, как им овладело сильнейшее желание поскорее увидеть этот мир.

И просто как обитаемую планету, и как объект, с которым он познакомился по фильмокнигам, а теперь мог своими глазами посмотреть на то, чем были заняты все его мысли.

В эту минуту вошел Жискар с едой, подаваемой в середине периода между пробуждением и сном — так сказать, обедом, — и сообщил:

— Мы приближаемся к Авроре, сэр, но обозревать ее из рубки вы не сможете. Правда,

обозревать пока нечего. Солнце Авроры в данный момент выглядит просто яркой звездой, и пройдет еще несколько суток, прежде чем мы приблизимся к Авроре настолько, что ее можно будет рассматривать в подробностях.

Жискар замолчал, но затем как будто что-то сообразил и поспешил добавить:

— Но и тогда, сэр, обозревать ее из рубки вы не сможете.

Бейли стиснул зубы от унижения. Видимо, никто не сомневался, что он захочет взглянуть на планету из космоса, и это желание бесцеремонно подавили в самом зародыше. Его присутствия в рубке в качестве наблюдателя не требовалось.

— Хорошо, Жискар, — сказал он, и робот ушел.

Бейли угрюмо смотрел ему вслед. Какие еще ограничения будут на него наложены? Успешное завершение его миссии и так представлялось весьма сомнительным, но сколько способов изыщут аврорианцы, чтобы оно стало заведомо невозможным?

Глава третья
Жискар
9

Бейли обернулся к Дэниелу и сказал:

— Дэниел, меня раздражает, что я должен сидеть здесь взаперти, потому что аврорианцы на борту опасаются меня как источника инфекции. Ведь это чистейшей воды суеверие. Разве я не прошел полную обработку?

— Вас просят не покидать каюту, партнер Элайдж, вовсе не потому, что вы внушаете аврорианцам хоть какие-то опасения, — ответил Дэниел.

— Да? Тогда почему же?

— Если помните, при нашей встрече на этом корабле вы спросили меня о причине, из-за которой меня послали сопровождать вас. Я ответил: чтобы у вас, пока вы будете осваиваться с новой обстановкой, было рядом что-то знакомое и чтобы доставить радость мне. Я собирался сообщить вам третью причину, но пришел Жискар с проектором и фильмокнигами, а затем мы заговорили о робопсихологии.

— И третью причину ты так и не назвал. Так в чем она состоит?

— Просто, партнер Элайдж, мне поручили оберегать вас.

— От чего оберегать?

— Случай, который мы условились называть робийством, пробудил разные необычные страсти, Вас пригласили на Аврору доказать невиновность доктора Фастольфа. А гиперволновая драма…

— Иосафат, Дэниел! — возмущенно вскричал Бейли — Неужто ее видели и на Авроре?

— Ее видели на всех космомирах, партнер Элайдж. Она пользовалась огромным успехом и неопровержимо доказывала, что вы необычайно талантливый следователь.

— И замешанные в робийстве могли так испугаться моего появления, что готовы рискнуть многим, лишь бы помешать мне установить истину. Даже убить меня.

— Доктор Фастольф, — невозмутимо сказал Дэниел, — абсолютно убежден, что в робийстве никто не замешан, поскольку совершить его было под силу только ему самому. С точки зрения доктора Фастольфа, это была несчастная случайность. Однако есть люди, которые пытаются использовать ее в своих целях, и в их интересах

воспрепятствовать вам, помешать доказать, что это была именно случайность. Вот почему вас необходимо оберегать.

Бейли торопливо прошелся по каюте, словно стараясь подстегнуть свои мысли физическим напряжением. Почему-то ощущения грозящей опасности у него не возникло. Он сказал:

— Дэниел, сколько всего человекоподобных роботов на Авроре?

— Теперь, когда Джендер больше не функционирует?

— Да. Теперь, когда Джендер умер.

— Один, партнер Элайдж.

Бейли потрясенно уставился на Дэниела и беззвучно повторил: «один?» После паузы он сказал:

— Я хочу уточнить, Дэниел. Ты единственный человекоподобный робот на Авроре?

— И на всех остальных планетах, населенных людьми, партнер Элайдж. Я думал, вам это известно. Доктор Фастольф не счел нужным создать их больше, а никто другой на это не способен.

— Но если так и один из двух человекоподобных роботов был убит, неужели доктор Фастольф не сообразил, что второму и теперь единственному человекоподобному роботу — тебе, Дэниел, — может угрожать опасность?

— Такой вариант он учитывает. Но вероятность повторения редчайшего стечения обстоятельств, вызвавшего умственную заморозку, фантастически мала. Тем не менее он полагает, что возможность какого-либо несчастного случая полностью исключить нельзя, и, надо думать, это также сыграло свою роль в его решении отправить меня на Землю за вами. Так, чтобы меня неделю не было на Авроре.

— И теперь ты такой же заключенный, как и я, Дэниел?

— Только в том смысле, — спокойно ответил Дэниел, — что мне не следует покидать пределы этой каюты.

— А в каком еще смысле можно быть заключенным?

— В том смысле, что подобное ограничение свободы действий отрицательно влияет на подвергнутых ему. В понятие «заключение» заложено отсутствие добровольности. Я же вполне понимаю причину, почему мне нельзя выходить отсюда, и признаю ее весомость.

— Ты-то признаешь, — отрезал Бейли, — а я нет. То есть я заключенный в полном смысле слова. Да и что обеспечивает нам безопасность здесь?

— Во-первых, партнер Элайдж, снаружи дежу-

рит Жискар.

— А у него хватит сообразительности принять меры?

— Он полностью понимает распоряжения, которые получил. Он очень прочен, силен и сознает всю важность возложенных не него обязанностей.

— Ты хочешь сказать, что он позволит разломать себя, лишь бы защитить нас с тобой?

— Естественно. Как и я дам себя разломать, чтобы обеспечить безопасность вам.

Бейли растерялся.

— И тебя не возмущает ситуация, — пробормотал он, — при которой ты можешь быть вынужден отказаться от своего существования ради меня?

— Я так запрограммирован, партнер Элайдж, — ответил Дэниел голосом, в котором словно бы зазвучала необычная мягкость. — Но почему-то мне кажется, что и без программирования утрата моего существования куда менее важна, чем ваше спасение.

Бейли не устоял. Он схватил руку Дэниела и яростно ее потряс.

— Спасибо, партнер Дэниел, но только ни в коем случае собой не жертвуй. Я не хочу, чтобы ты перестал существовать. Это слишком дорогая

цена за мое спасение, так я считаю.

Бейли с изумлением понял, что говорит абсолютно искренне, и слегка ужаснулся своей готовности рискнуть жизнью ради робота… Нет, не робота — Дэниела.

10

Вошел Жискар, и снова без предупреждения. Бейли уже свыкся с этим: робот, как его телохранитель, должен был входить в выходить без разрешения, когда считал нужным сам. А в глазах Бейли Жискар оставался всего лишь роботом, пусть он и не называл его «боем» и опускал инициал Р. Если Жискар застанет его, когда он будет чесаться, ковырять в носу, удовлетворять ту или иную неаппетитную физиологическую потребность, то (решил Бейли) воспримет его действия с полным равнодушием, без осуждения или критики и лишь безразлично зафиксирует в памяти это наблюдение.

Таким образом, Жискар оставался самодвижущимся предметом обстановки, и его присутствие совершенно Бейли не смущало… Впрочем, мимоходом подумал Бейли, Жискар еще ни разу не появлялся в неподходящий момент.

В пальцах Жискара был зажат какой-то кубик.

— Сэр, я полагаю, вы все еще хотели бы посмотреть на Аврору из космоса?

Бейли вздрогнул от неожиданности. Разумеется, Дэниел заметил его досаду, правильно определил причину и нашел выход из положения. Поручить исполнение Жискару, словно тот сам простодушно додумался до этой идеи, Дэниелу подсказала тонкая деликатность. Так он освобождал Бейли от необходимости выразить Благодарность. Во всяком случае, это придумал Дэниел.

Собственно говоря, то, что ему беспричинно (как он убежден) препятствуют увидеть Аврору из космоса, сердило Бейли даже больше, чем самый факт заточения в каюте. После Прыжка миновало двое суток, но он все еще был зол, что лишился этого зрелища. И вот… Он повернулся к Дэниелу:

— Спасибо, друг.

— Это придумал Жискар, — сказал Дэниел.

— Ну конечно, — поправился Бейли с легкой улыбкой. — Я благодарю и его. А что это такое, Жискар?

— Астросимулятор, сэр. Работает примерно как трехмерный приемник и подключен к обзорному салону. Если мне можно добавить…

— Ну?

— Вид вам не покажется интересным, сэр. Мне не хотелось бы, чтобы вы были разочарованы.

— Постараюсь не предвкушать ничего особенного, Жискар. В любом случае, даже если я буду разочарован, то не по твоей вине.

— Благодарю вас, сэр. Я должен вернуться на свой пост, но Дэниел поможет вам настроить прибор, если возникнут какие-нибудь затруднения.

Он вышел, а Бейли сказал Дэниелу с одобрением:

— По-моему, Жискар отлично выполнил задание. Пусть он и простая модель, но прекрасной конструкции.

— Он ведь тоже робот доктора Фастольфа, партнер Элайдж. Астросимулятор снабжен блоками питания и самонастраивается. Поскольку он уже наведен на Аврору, достаточно слегка нажать на контрольную пластинку. Прибор включится, и больше вам ничего делать не надо. Хотите сами включить его?

— Зачем? — Бейли пожал плечами. — Включи ты. Дэниел поставил кубик на тот же стол, за которым Бейли работал с проектором.

— Это контрольная пластинка, партнер Элайдж, — сказал Дэниел, кивнув на узкий пря-

моугольник у себя на ладони. — Ее нужно просто взять за края — вот так — и слегка нажать. Прибор включится. При повторном нажатии он выключается.

Дэниел нажал на пластинку, и Бейли придушенно вскрикнул. Он полагал, что кубик засветится и спроецирует голографическое изображение звездного пространства. Но произошло прямо противоположное: внезапно он очутился в космосе — в космосе! — среди ярких немигающих звезд повсюду вокруг.

Длилось это мгновение, а затем все обрело прежний вид: каюта, а в ней Бейли, Дэниел и кубик.

— Прошу прощения, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Я выключил его, едва заметил вашу реакцию. Я не предусмотрел, что вы не подготовлены.

— Так подготовь меня. Что произошло?

— Астросимулятор воздействует непосредственно на зрительный центр человеческого мозга. Отличить внушаемый им образ от трехмерной реальности невозможно. Прибор относительно новый и пока употребляется только для астрономических изображений, поскольку они отличаются разнообразием мелких деталей.

— И ты видел то же, что я?

— Да, но туманно и далеко не так реалистично, как человек. Я вижу смутную картину, наложенную на обстановку каюты, сохраняющую полную четкость. Но мне объяснили, что люди видят только картину. Несомненно, когда мозг таких, как я, получит более тонкую восприимчивость и будет настроен…

Бейли уже совсем оправился.

— Дело в том, Дэниел, что я ничего, кроме изображения, не осознавал. Даже себя. Я не видел своих рук, не знал, где они. У меня было ощущение, будто я дух бесплотный, что… э… То есть я, наверное, так себя чувствовал бы, если бы умер, но продолжал существовать только как сознание в какой-то внематериальной загробной жизни.

— Теперь я понимаю, почему это так плохо на вас подействовало.

— По правде говоря, очень и очень плохо.

— Прошу прощения, партнер Элайдж, и сейчас же скажу Жискару, чтобы он унес прибор.

— Нет. Теперь я подготовлен. Дай мне попробовать еще раз. А сумею я выключить прибор, даже не осознавая, что у меня есть руки?

— Пластинка прилипнет к вашей ладони, партнер Элайдж, и уронить ее вы не сможете. Озна-

комившись с этим явлением, доктор Фастольф сказал мне, что едва у держащего контрольную пластинку возникнет желание выключить астросимулятор, как пальцы сожмутся сами собой. Безусловный рефлекс, связанный с теми же нервными механизмами, что и само зрение. Во всяком случае, так реагируют аврорианцы, и, полагаю…

— …что земляне достаточно сходны с аврорианцами и реакция будет такой же. Отлично. Дай мне пластинку, и я попробую.

Бейли не без внутренней дрожи нажал на края пластинки и вновь очутился в космосе. Но теперь он знал, чего ждать, и, убедившись, что дышит нормально и абсолютно не ощущает себя в вакууме, решил сполна воспользоваться этой зрительной иллюзией. Дышал он, правда, довольно глубоко (возможно, в доказательство, что он действительно дышит), однако озирался по сторонам с подлинным любопытством.

Внезапно осознав, что слышит свое сопение, он спросил:

— Дэниел, ты меня слышишь? — И услышал свой голос. Словно из отдаления с какой-то непривычной интонацией — но услышал.

А затем услышал и голос Дэниела, тоже чем-то отличающийся от обычного, однако вполне

внятный.

— Да, я вас слышу, — ответил Дэниел. — Как и вы меня, партнер Элайдж. Зрение и мышечное восприятие подвергаются воздействию ради реалистичности, но слух не затрагивается. Вернее, лишь в очень слабой степени.

— Ну, вижу я только звезды, причем знакомые. Но у Авроры же есть солнце, и мы настолько близко от него, что, по-моему, эта звезда должна выделяться особой яркостью.

— Совершенно верно, партнер Элайдж. Но ее яркость чересчур велика и астросимулятор ее снижает, иначе ваша ретина могла бы получить серьезные повреждения.

— Ну а планета где? Аврора?

— Видите созвездие Ориона?

— Да… Неужели и здесь созвездия выглядят так же, как с Земли? В планетарии Города?

— Более или менее. По космическим меркам мы находимся не очень далеко от Земли и Солнечной системы, к которой она принадлежит, и поэтому карты звездного неба Земли и Авроры примерно совпадают. Солнце Авроры, Тау Кита для землян, отстоит от земного всего лишь на три целых шестьдесят семь сотых парсека. Так вот, если вы медленно проведете черту от Бетельгейзе

к средней звезде в поясе Ориона и продолжите ее на чуть большее расстояние, то увидите звезду средней яркости. Это и есть Аврора. На протяжении ближайших нескольких суток она, по мере нашего приближения к ней, будет становиться все более заметной.

Бейли сосредоточенно уставился на блестящую звездочку. На нее не указывала светящаяся стрелка, над ней не изгибались четкие буквы названия. Он сказал:

— А где Солнце? Звезда Земли, хочу я сказать.

— В созвездии Девы, каким оно представляется с Авроры. Звезда второй величины. К сожалению, астросимулятор программирован недостаточно для того, чтобы как-то выделить его для вас. Но в любом случае отсюда оно выглядит самой обычной звездой.

— Неважно, — сказал Бейли. — Я хочу выключить эту штуку. Если у меня не получится, то помоги.

У него получилось. Стоило ему подумать об этом, как изображение исчезло, и он замигал от яркого света каюты.

Только почувствовав себя совершенно нормально, Бейли вдруг сообразил, что несколько минут он ощущал себя в открытом космосе, ни-

чем от него не отгороженном, и тем не менее его земная агорафобия не дала о себе знать! Едва он свыкся с условной бесплотностью, как все неприятные ощущения исчезли.

Эта мысль его заинтриговала и на некоторое время отвлекла от фильмокниг.

Опять и опять он включал астросимулятор и вновь созерцал космос таким, каким он выглядел бы с наблюдательного пункта вне оболочки корабля, а сам куда-то исчезал. (Мнимо, разумеется.) Иногда он включал прибор всего на минуту, просто чтобы убедиться, что неизмеримая пропасть пространства действительно не производит на него угнетающего действия. А иногда узоры звезд его завораживали. Он начинал лениво их: пересчитывать или выискивал геометрические фигуры, наслаждаясь способностью заниматься тем, что на Земле было ему недоступно: там нарастающая агорафобия быстро заслонила бы все.

Мало-помалу яркость Авроры увеличивалась. Вскоре отыскивать ее среди прочих светящихся точек стало очень просто, затем еще проще, и вот она уже сразу бросалась в глаза. Узкий осколочек света быстро увеличивался, Бейли начал различать фазы, когда Аврора обрела форму почти идеального полумесяца.

На его вопрос Дэниел ответил:

— Мы приближаемся к ней не в плоскости орбиты, партнер Элайдж. Под этим углом южный полюс Авроры находится примерно в центре ее диска на освещенной стороне. В южном полушарии там сейчас весна.

— Я прочел, — сказал Бейли, — что ось Авроры имеет наклон в шестнадцать градусов. (Физическое описание планеты он пробежал, торопясь добраться до аврорианского общества, но этот факт запомнил.)

— Да, партнер Элайдж. Скоро мы войдем в плоскость орбиты, и тогда смена фаз участится, поскольку Аврора вращается быстрее Земли…

— В ее сутках ведь двадцать два часа?

— Аврорианские сутки равны двадцати двум традиционным часам с тремя десятыми. Сутки Авроры делятся на десять аврорианских часов, каждый час на сто аврорианских минут, в свою очередь делящихся на сто аврорианских секунд. Иными словами, аврорианская секунда равна примерно одной восьмой земной секунды.

— В книгах их называют метрическими часами, метрическими минутами и так далее, верно?

— Да. Добиться, чтобы аврорианцы отказались от привычных единиц времени, было нелегко,

и вначале обе системы — стандартная и метрическая — употреблялись одновременно. Затем, естественно, метрическая система одержала победу. Теперь на Авроре говорят просто «часы», «минуты», «секунды», подразумевая метрическую систему. Она принята на всех космомирах, хотя и не увязана там с вращением планеты. Разумеется, каждый космомир пользуется и местной системой измерения времени.

— Как и Земля.

— Да, партнер Элайдж. Но Земля пользуется исключительно первоначальными стандартными единицами, и это причиняет много неудобств космомирам в сфере торговли, но они не препятствуют Земле поступать по-своему.

— Не из лучших чувств, естественно. Полагаю, они только рады подчеркнуть обособленность Земли. Но как десятеричность согласуется с исчислением года? Ведь у Авроры есть период обращения вокруг ее солнца, создающий смену времен года. Как же определяется он?

— Аврора, — ответил Дэниел, — обращается вокруг своего солнца за триста семьдесят три с половиной аврорианских суток, то есть приблизительно за девяносто пять сотых земного года. Для хронологии это существенно значимым не

считается. Аврора принимает тридцать своих суток за месяц. Десять месяцев составляют метрический год. Метрический год равен примерно восьми десятым периода обращения планеты, то есть, грубо говоря, трем четвертям земного года. Разумеется, у каждой планеты это соотношение меняется. Десять суток принято называть децимесяцем. Этой системой пользуются все космомиры.

— Неужели не нашлось более удобного способа отразить смену времен года?

— Каждый мир имеет и сезонный год, но в широкое употребление эта система не вошла. С помощью компьютера очень просто найти соответствие любой даты — прошлой или будущей — с сезонными сутками, если почему-либо возникнет нужда в такой информации. И соотношение местных суток любого мира устанавливается столь же легко. И, конечно, партнер Элайдж, любой робот способен вычислить все это и направить деятельность человека, когда она как-то связана с сезонным годом или местным исчислением времени. Преимущество десятеричных единиц состоит в том, что они обеспечивают человечеству единое исчисление времени, требующее поправок не более чем на одну-две десятые.

Бейли удивило, что в просмотренных им книгах это нигде точно не объяснялось. Впрочем, из истории Земли он знал, что некогда основой календаря был лунный месяц, а затем наступило время, когда ради более точного летоисчисления от лунного месяца отказались — и никаких следов это не оставило. В книгах о Земле, которые он мог бы предложить инопланетянину, тот, скорее всего, не нашел бы никаких упоминаний о лунном месяце или других преобразованиях календаря в прошлом. Даты давались бы без объяснений или ссылок.

А что еще давалось бы без объяснений?

Так в какой мере может он полагаться на приобретенные им сведения? Надо будет постоянно задавать вопросы и ничего не считать само собой разумеющимся.

Сколько будет случаев упустить очевидное, сколько будет шансов понять неверно, сколько будет возможностей ошибиться и избрать неправильный образ действий!

11

Теперь, когда Бейли включал астросимулятор, Аврора доминировала надо всем и очень напо-

минала Землю. (Своими глазами он Землю из космоса не видел ни разу, но внимательно ознакомился с фотографиями, иллюстрировавшими астрономические справочники.)

И теперь он видел те же конфигурации облаков, те же проблески пустынь, те же протяженности ночной тени и дневного света, те же скопления мерцающих огней по всему ночному полушарию, какие запечатлелись на космофотографиях земного шара.

Бейли жадно вглядывался в приближающуюся планету, а сам думал: что, если по неведомой причине его взяли в космос, сказали, будто он летит на Аврору, а на самом деле возвращают на Землю? По какой-то причине — тайной и безумной. Как определить до высадки, что происходит на самом деле?

Но какие у него основания для подозрений? Дэниел специально сообщил ему, что созвездия с обеих планет выглядят примерно одинаково. Но ведь так и должно быть на планетах, обращающихся вокруг соседних солнц? Общий вид их из космоса совпадает, но может ли быть иначе, раз обе они пригодны для людского обитания и отвечают основным нуждам человечества?

Не слишком ли нарочито предположение, что

приложено столько стараний для того лишь, чтобы ввести его в заблуждение? Ради чего? Ну а вдруг впечатление нарочитости и бесполезности создается умышленно? Ведь лежи причина на поверхности, он бы сразу ее обнаружил.

Но может ли Дэниел участвовать в подобном заговоре? Будь он человеком, ответом было бы категорическое «нет!». Но он робот, и не исключено, что имеется способ продиктовать ему такое двуличное поведение.

Сделать окончательный вывод было нельзя, и Бейли поймал себя на том, что высматривает, не подскажут ли ему очертания континентов, Земля перед ним или не Земля. Это было бы решающим доказательством, но, к несчастью, недостижимым. В прорехи облачного покрова он видел только частности, которые ни о чем ему не говорили. Географию Земли он знал поверхностно и по-настоящему хорошо представлял себе только се подземные Города — ее стальные пещеры.

То, что он успевал разглядеть, было ему незнакомо, однако с тем же успехом могло находиться на Земле, как. и на Авроре.

Но откуда вообще эти подозрения?. Он же летел на Солярию и не сомневался, что летит именно туда. Ему и в голову не приходило, что его могут

завернуть назад на Землю… Да, но тогда ему было дано четкое задание, вполне выполнимое. А теперь у него нет никаких шансов чего-то добиться.

Так, может, подсознательно он предпочел бы вернуться на Землю, вот и сочинил нелепый заговор, отвечающий его тайным желаниям?

Овладевшая им неуверенность словно обрела самостоятельное существование. От нее не удавалось избавиться, и он пожирал Аврору глазами, лишь бы не возвращаться к реальности своей каюты.

Аврора очень медленно вращалась.

Он так долго смотрел на нее, что успел заметить крохотное смещение. В глубинах космоса все выглядело неподвижным, как на театральном заднике, — беззвучный и статичный узор из огненных точек, среди которых позже возник полумесяц немногим больше их. Может, эта неподвижность и помогла ему преодолеть агорафобию?

Но теперь он увидел, что Аврора вращается, и понял, что корабль зашел на последние спирали перед посадкой. Облака вспухали ему навстречу…

Да нет же, нет! Не облака! Это корабль устрем-

ляется к ним. Движется корабль! Движется он сам! Бейли вдруг осознал свое существование. Он, он падает сквозь облака! Ничем не защищенный, он падает сквозь разреженный воздух на твердую поверхность.

Горло ему перехватила судорога. Дышать стало трудно. «Ты защищен! — в отчаянии твердил он себе. — Ты внутри оболочки корабля!»

Но никакой защитной оболочки он не ощущал. «Кроме той оболочки, у тебя же есть оболочка собственной кожи», — подумал он. Но он не ощущал и кожи.

Это было хуже простой наготы: он — ничем не огражденная внутренняя сущность, полностью обнаженная личность, точечка жизни, единственная среди распахнутой бесконечности Вселенной. И он падает!

Бейли попытался спастись от этого зрелища, стиснуть пластинку в кулаке, но ничего не произошло. Его нервные окончания настолько потеряли связь с реальностью, что усилие воли не сжало пальцы. Да у него и нет воли! Глаза не закрылись, кулак не сжался. Им овладел ужас, парализовал его.

Он осознавал только облака перед собой — белые… не совсем белые… с оранжево-золотой

подсветкой…

Все слилось в сплошную серость… Он тонул. Не мог вздохнуть… Он отчаянно пытался преодолеть судорогу, позвать Дэниела…

И не мог издать ни единого звука.

12

Бейли дышал так, словно секунду назад разорвал грудью ленточку на финише марафона. Каюта перекосилась, его локоть упирался в какую-то твердую поверхность.

Он сообразил, что лежит на полу.

Рядом с ним на коленях стоял Жискар. Пальцы робота (упругие, но довольно холодные) охватывали его запястье. За плечом Жискара Бейли увидел распахнутую дверь каюты.

Ему не нужно было спрашивать, что произошло. Жискар схватил бессильную человеческую кисть и сжал в ней пластинку, чтобы выключить астросимулятор. Не то бы…

Бейли увидел над собой и лицо Дэниела, выражавшее что-то похожее на страдание. Дэниел сказал:

— Партнер Элайдж, вы молчали. Если бы я быстрее понял, что вам плохо…

Бейли попытался жестом показать, что понял и что это неважно. Говорить он еще не мог.

Оба робота ждали, пока Бейли не сделал слабого движения, чтобы подняться, а тогда их руки тотчас подхватили его, подняли, усадили в кресло, и Жискар осторожно высвободил пластинку из его пальцев со словами:

— Мы скоро пойдем на посадку и, полагаю, астросимулятор вам больше не понадобится.

— В любом случае, его лучше унести, — добавил Дэниел.

— Погодите, — сказал Бейли таким хриплым шепотом, что сам себя не расслышал. Он с трудом кашлянул и повторил; — Погодите!.. Жискар!

Жискар вернулся.

— Слушаю, сэр.

Бейли помолчал. Раз Жискар знает, что нужен ему, он будет ждать. До бесконечности, если будет надо. Бейли попытался собраться с мыслями. Агорафобия агорафобией, но он все равно не знает, где сейчас они совершат посадку. Эта неуверенность возникла до припадка агорафобии и, возможно, дала толчок для него.

Надо узнать точно. Жискар не солжет. Робот не способен солгать, если его специально не проинструктировать. А для чего тратить время на

Жискара? В спутники ему дали Дэниела. Дэниел должен был безотлучно находиться при нем. И лгать принудили бы Дэниела. Жискар — просто посыльный, страж у дверей. Так зачем было бы прилагать усилия на сложное инструктирование, чтобы он мог сплести паутину лжи?

— Жискар! — Голос Бейли прозвучал почти нормально.

— Слушаю, сэр.

— Мы идем на посадку, так?

— Да. Остается несколько меньше двух часов.

Двух метрических часов, решил Бейли. А они длиннее реальных часов? Или короче? Неважно! Только лишняя путаница. Выкинь из головы.

Бейли сказал со всей резкостью, на какую был способен:

— Сейчас же назови планету, на которой мы совершим посадку!

Человек либо вовсе не ответил бы, либо ответил бы после недоуменной паузы.

Жискар ответил без запинки констатирующим тоном:

— Аврора, сэр.

— Откуда ты знаешь?

— Это порт нашего назначения. Кроме того, она не может быть, например, Землей, поскольку

солнце Авроры Тау Кита имеет массу на десять процентов меньше массы земного Солнца. Поэтому Тау Кита чуть холоднее и ее свет не привыкшим глазам землян кажется слишком оранжевым. Возможно, вы уже ознакомились с характерным цветом солнца Авроры по отблескам на облачном слое. И, пока вы не свыкнетесь, ландшафты планеты будут казаться вам необычными.

Бейли отвел глаза от невозмутимого лица Жискара. Конечно же, он заметил оранжевый тон облаков и не придал ему никакого значения. Непростительная ошибка.

— Можешь идти, Жискар.

— Слушаю, сэр.

Бейли с досадой обернулся к Дэниелу:

— Я свалял дурака, Дэниел.

— Насколько я понял, вы проверяли, не обманываем ли мы вас, не летим ли вместо Авроры куда-то еще. У вас есть причина для таких подозрений, партнер Элайдж?

— Никакой. Возможно, агорафобия порождала смутную тревогу и я искал для нее объяснения. Правда, при виде неподвижного космического пространства я никаких неприятных ощущений не сознавал. Однако они могли таиться у самого

порога сознания и воздавали тревожное чувство.

— Вина наша, партнер Элайдж. Зная ваше отвращение к открытым пространствам, мы не должны были подвергать вас астросимуляции, и, во всяком случае, следить за вами мы обязаны внимательнее.

Бейли раздраженно мотнул головой:

— Не говори так, Дэниел! С меня хватит слежки. Вопрос в том, насколько внимательно за мной будут следить на Авроре.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, — мне кажется, вам будет сложно получить свободный доступ на Аврору и к аврорианцам.

— Тем не менее такой доступ мне необходим. Установить подоплеку этого робийства я смогу, только если буду свободен собирать информацию на месте — и от людей, как-то причастных к случившемуся.

Бейли уже чувствовал себя нормально, хотя и несколько уставшим. Но, к его большому смущению, пережитое напряжение пробудило в нем острое желание выкурить трубку. А он-то думал, будто окончательно избавился от этой привычки больше года назад. И вот он прямо-таки ощущал запах и вкус табачного дыма, проникающего через гортань в ноздри.

Что ж, придется обойтись воспоминаниями. На Авроре ему курить не разрешать. Ни на одном космомире табак не употребляется, и захвати он с собой пачку, ее забрали бы и уничтожили.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Это вам необходимо обсудить с доктором Фастольфом, как только мы совершим посадку. У меня нет полномочий решать такие вопросы.

— Знаю, Дэниел. Но как мне поговорить с Фастольфом? С помощью какого-нибудь эквивалента астросимулятора? С пластиной в кулаке?

— Вовсе нет, партнер Элайдж. Вы будете разговаривать лицом к лицу. Он намерен встретить вас в космопорту.

13

Бейли прислушивался в ожидании звуков, которые сказали бы ему, что они совершили посадку. Но какие это будут звуки? Он не знал. Он не знал устройства корабля, не знал, сколько на борту людей и что им полагается делать при посадке, и каких именно звуков следует ожидать.

Крики? Гул? Вибрирующий свист?

Он не слышал ничего.

— Партнер Элайдж, вас что-то тревожит, — ска-

зал Дэниел. — Будет лучше, если вы сразу станете говорить мне о своих неприятных ощущениях, не откладывая. Я обязан помочь вам в тот самый момент, когда вы по какой бы то ни было причине почувствуете себя нехорошо.

Слово «обязан» было произнесено с легким нажимом.

«Его подстегивает Первый Закон, — рассеянно подумал Бейли. — Наверное, он по-своему страдал не меньше моего, когда я потерял сознание, а он не сумел вовремя этого предупредить. Пусть для меня недопустимый дисбаланс позитронных потенциалов — пустой звук, но у него в результате возникают те же неприятные ощущения и те же реакции, которые вызвала бы у меня сильная боль».

И еще он подумал: «Но откуда мне знать, что прячется под псевдокожей и в псевдосознании робота? Как и Дэниел не может знать, что происходит во мне».

И тут, терзаясь из-за того, что подумал о Дэниеле как о роботе, Бейли поглядел в его добрые глаза (когда именно они качали казаться ему добрыми?) и сказал:

— Я сразу же сообщу тебе о неприятных ощущениях. Но сейчас их у меня нет. Я просто при-

слушиваюсь к звукам, которые предупредили бы меня, что начинается посадка.

— Благодарю вас, партнер Элайдж, — очень серьезно произнес Дэниел, слегка наклонив голову. — Посадка никаких неприятных ощущений вызвать не должна. На вас может сказаться ускорение, но слабо, поскольку каюта оборудована так, чтобы смягчать его. Может подняться температура в каюте, но не больше чем на два градуса по шкале Цельсия. Что до звуков, то может послышаться негромкое шипение, когда мы войдем в более плотные слои атмосферы. Что-нибудь из этого способно плохо на вас подействовать?

— Вряд ли. Тревожит меня другое: что мне отказано в возможности наблюдать посадку. Я предпочел бы набраться опыта в подобных вещах. Я не желаю, чтобы меня держали взаперти и не позволяли ни с чем знакомиться.

— Но вы ведь уже убедились, партнер Элайдж, что такого рода опыт — слишком тяжелая нагрузка для вас.

— А как же я научусь с ней справляться, Дэниел? — упрямо возразил Бейли. — Разве этого достаточно, чтобы не выпускать меня отсюда?

— Партнер Элайдж, я уже объяснил, что вас не выпускают отсюда ради вашей безопасности.

Бейли мотнул головой, не скрывая злости:

— Я обдумал это. Полнейшая чепуха! Шансы, что я распутаю этот клубок, настолько малы, даже помимо всех накладываемых на меня ограничений, а также трудностей, с которыми я столкнусь, стараясь понять аврорианцев, что вряд ли хоть кто-нибудь в здравом рассудке палец о палец ударит, чтобы мне помешать. А если и так, с какой стати тратить усилия, добираясь до меня, когда можно уничтожить весь корабль? Если уж мы вообразили, что нам угрожают отпетые злодеи, так они и глазом не моргнут, покончив с кораблем, всеми людьми на нем, с тобой и Жискаром, ну и, естественно, со мной.

— Такая возможность была учтена, партнер Элайдж. Корабль был тщательно проверен. Любая попытка саботажа была бы обнаружена.

— Ты уверен? На сто процентов?

— Полной уверенности в подобных случаях не бывает. Однако Жискару и мне достаточно того, что вероятность подобного крайне мала и можно лететь спокойно, так как опасность минимальна.

— А если вы ошиблись?

Лицо Дэниела на мгновение сморщилось, словно его просили о чем-то, что нарушало ровную

работу позитронных связей его мозга.

— Но мы не ошиблись.

— Утверждать это ты не можешь. Мы заходим на посадку и приближается самый опасный момент. Собственно, сейчас уже незачем уничтожать корабль. Опасность, угрожающая лично мне, особенно велика именно сейчас, в эту самую минуту. Если мне предстоит высадиться на Авроре, я не смогу и дальше прятаться в каюте. Мне придется пройти через корабль в пределах досягаемости для прочих. Вы приняли меры предосторожности на время посадки? (Он просто злился и без всяких оснований нападал на Дэниела, потому что изнывал от долгого заключения в каюте и стыдился своего обморока.)

Но Дэниел сказал спокойно:

— Да, приняли, партнер Элайдж. И, кстати, посадку мы уже совершили и находимся на поверхности Авроры.

Бейли растерялся. Он дико посмотрел по сторонам, но, естественно, не увидел ничего, кроме глухих стен каюты. Он не услышал и не почувствовал ничего из того, о чем предупреждал Дэниел, Ни ускорения, ни повышения температуры, ни свиста воздуха… Или Дэниел нарочно заговорил еще раз о грозящей ему опасности,

чтобы отвлечь его от других неприятных — но мелких — возможностей?

— Однако остается еще высадка. Как мне покинуть корабль, не подставив себя потенциальным врагам?

Дэниел отошел к стене и прикоснулся к ней. Стена мгновенно раскололась посередине, и половины поползли в противоположные стороны. Бейли увидел перед собой длинную трубу. Туннель.

В эту секунду в дверь вошел Жискар и сказал:

— Сэр, мы втроем пойдем по выходному проходу. Снаружи он под наблюдением. А у того конца ждет доктор Фастольф.

— Мы приняли меры предосторожности, — добавил Дэниел.

Бейли пробормотал:

— Прошу извинения, Дэниел… Жискар… — И угрюмо вошел в туннель. Заверения, что все меры предосторожности приняты, указывали, что меры эти сочтены необходимыми.

Бейли хотелось думать, что он не трус, но он был теперь на чужой планете, не имел понятия, как отличать друзей от врагов, не находил опоры в привычном и знакомом (конечно, не считая Дэниела). В решающий момент, подумал он с

дрожью, у него не будет замкнутого приюта, где можно согреться и успокоиться.

Глава четвертая
Фастольф
14

Доктор Хэн Фастольф действительно ждал — и улыбался ему. Высокий, худощавый. Светло-каштановые не слишком густые волосы — и, конечно, уши. Бейли помнил их все три прошедших года. Большие уши, сильно оттопыренные, они придавали его внешности легкую комичность, симпатичную непритязательность. И улыбнуться Бейли заставили именно уши, а не приветственная улыбка Фастольфа.

Бейли мимолетно удивился; неужели медицина на Авроре не располагает средствами для такой несложной косметической операции, какой требуют эти уши? Но, может быть, Фастольфу они нравятся именно такими? Как ни странно, и ему они тоже нравятся. В лице, которое заставляет тебя улыбаться, есть что-то привлекательное.

Возможно, Фастольф дорожит приятным впечатлением, которое производит при первой встрече. Или считает полезным, чтобы его недооценивали? Или ему просто нравится быть

непохожим на других.

— Детектив Элайдж Бейли, — сказал Фастольф, — я прекрасно вас помню, хотя невольно представляю вас похожим на актера, который вас играл.

Бейли насупился:

— Эта гиперволновая постановка меня буквально преследует, доктор Фастольф. Если бы я знал, куда мне от нее сбежать!

— Некуда, — любезно сказал Фастольф. — То есть в обычных обстоятельствах. Но раз она вам неприятна, мы с этой минуты исключим ее из наших бесед. Больше я ее упоминать не буду. Договорились?

— Спасибо. — С рассчитанной внезапностью он протянул Фастольфу руку.

Фастольф заметно замялся. Потом взял руку Бейли, немножко — очень недолго — подержал в своей и сказал:

— Полагаю, вы не ходячий склад инфекции, мистер Бейли. — Потом добавил, с сожалением глядя на свои ладони: — Впрочем, должен признаться, мои руки покрыты защитной пленкой, что не так уж удобно. Я порождение иррациональных страхов моего общества.

Бейли пожал плечами:

— Как и все мы. Я не в восторге от мысли, что нахожусь во Вне, то есть под открытым небом. И если на то пошло, то я не в восторге от того, что вынужден был прилететь на Аврору при данных обстоятельствах.

— Я прекрасно это понимаю, мистер Бейли. Вас ждет закрытая машина, а когда мы приедем в мой дом, будет сделано все, чтобы вы оставались в замкнутом пространстве.

— Спасибо, но мне кажется, что на Авроре мне надо будет иногда оставаться во Вне. Я к этому подготовлен. Насколько возможно.

— Понимаю. Но подвергать вас Вне мы постараемся только в случае безусловной необходимости. Сейчас ее нет, так что, прошу вас, не отказывайтесь от закрытого пространства.

Машина ждала в тени туннеля. Почти не во Вне. Бейли знал, что позади него стоят Дэниел и Жискар — внешне совсем разные, но оба в позе спокойного ожидания, и оба бесконечно терпеливые.

Фастольф открыл заднюю дверцу и сказал:

— Садитесь, прошу вас.

Бейли сел. Быстро и осторожно Дэниел сел рядом с ним, а Жискар практически в тот же момент каким-то законченно танцевальным движени-

ем забрался в машину с другой стороны. Бейли оказался между ними, но это его не стеснило. Наоборот, его обрадовало, что между ним и Вне с обеих сторон находятся тела роботов.

Только никакого Вне не возникло. Фастольф сел на переднее сиденье, захлопнул дверцу, и стекла стали непроницаемо матовыми, а машину внутри залил мягкий искусственный свет. Фастольф сказал:

— Обычно я так не езжу, мистер Бейли, но ничего против не имею, а вам, наверное, это будет удобнее. Машина полностью компьютеризирована. Она знает, куда ехать, и сумеет справиться со всеми помехами и неожиданностями. Нашего вмешательства не требуется.

Бейли ощутил еле заметный толчок, а затем плавное, почти не воспринимаемое ускорение.

— Все в полном порядке, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Я приложил много стараний, чтобы как можно меньше людей знало, что вы будете находиться в этой машине, и чтобы вас не смогли в ней обнаружить. Да, кстати, движется она на воздушной подушке, и мы скоро будем на месте, однако, если желаете, вы могли бы вздремнуть. Вы в полной безопасности.

— Вы говорите так, словно считаете, что мне

угрожает опасность. На корабле меня для большей надежности держали взаперти. И теперь опять. — Бейли обвел взглядом тесное замкнутое пространство машины, в которой он был укрыт металлом и непрозрачным стеклом, не говоря уж о металлических телах двух роботов.

— Я, конечно, перебарщиваю. — Фастольф засмеялся. — Но обстановка на Авроре накаленная. Вы приехали в разгар кризиса, и я предпочту выглядеть несколько смешным, принимая излишние меры, лишь бы избежать риска, которым чреват любой недосмотр.

— По-моему, вы понимаете, доктор Фастольф, что моя неудача здесь обернется тяжелым ударом для Земли, — сказал Бейли.

— Я прекрасно это понимаю и не меньше вас хочу, чтобы вы добились успеха, поверьте мне.

— Верю. И еще: моя неудача тут, по какой бы ни было причине, означает конец моей карьеры на Земле и тяжелые перемены в личной жизни.

Фастольф обернулся и растерянно посмотрел на Бейли:

— Неужели? Но для этого нет причин.

— Согласен, однако так будет. Я окажусь идеальным козлом отпущения для земного правительства в его отчаянном положении.

— Я совершенно не представлял себе ничего подобного, когда просил, чтобы вас прислали сюда, мистер Бейли. Не сомневайтесь, я сделаю все, что в моих силах. Хотя, если быть честным (он отвел глаза), в случае нашей неудачи сделать я смогу немного.

— Знаю, — угрюмо ответил Бейли, откинулся на мягкую спинку и закрыл глаза. Движение машины было еле заметным и убаюкивающим, но Бейли не заснул. Он только сосредоточенно размышлял — другого ведь не оставалось.

15

Когда они приехали, Бейли опять избежал соприкосновения со Вне. Из машины он вышел в подземном гараже, и маленький лифт поднял его на — как оказалось — первый этаж.

Его проводили в солнечную комнату, и, пересекая прямые солнечные лучи (действительно оранжевые), он поежился.

Фастольф заметил это и поспешил сказать:

— Полностью заматовать окна нельзя, но они затемняются, и, если хотите, я их затемню. Собственно, мне следовало сообразить…

— Не надо, — ответил Бейли ворчливо. — Про-

сто я сяду к ним спиной. Нужно привыкать!

— Как угодно. Но если вам станет неприятно, сразу же скажите мне… Мистер Бейли, сейчас здесь, в этой части Авроры позднее утро. Не знаю, каким был распорядок на корабле. Но если вы не спали уже много часов и хотели бы отдохнуть, то пожалуйста. А если не хотите спать и не голодны, то завтракать вам необязательно. Однако если вы не прочь, то прошу вас позавтракать со мной через несколько минут.

— Это совпадает с распорядком на корабле.

— Прекрасно. Хочу напомнить вам, что наш день на семь процентов короче земного. Это не должно бы сказаться на ваших биоритмах, но в случае необходимости мы постараемся приспособиться к ним.

— Благодарю вас.

— И еще одно… Не знаю, какую еду вы предпочитаете.

— Буду есть все, что мне подадут.

— И все-таки… Я не обижусь, если что-то покажется вам несъедобным.

— Благодарю вас.

— Вы не станете возражать, если Дэниел с Жискаром присоединятся к нам?

— Они тоже будут есть? — Бейли слегка улыб-

нулся.

Но Фастольф не ответил ему улыбкой, а сказал серьезно:

— Нет. Но я хочу, чтобы они все время были с вами.

— Опасность? Даже здесь?

— Я ни на что полностью не полагаюсь. Даже здесь.

— Сэр, завтрак подан, — доложил вошедший робот.

Фастольф кивнул:

— Хорошо, Фабер. Мы сядем за стол через несколько минут.

— Сколько у вас роботов? — спросил Бейли.

— Довольно много. Мы не достигли уровня Солярии: десять тысяч роботов на одного человека, но у меня их больше, чем в среднем имеют мои сограждане. Пятьдесят семь. Дом большой, и в нем помещаются и моя приемная, и моя мастерская. Ну и моей жене — когда у меня есть жена, — необходимо отдельное крыло, изолированное от мастерской, а также своя прислуга.

— Ну, из полсотни роботов вы, пожалуй, можете поступиться двумя. Теперь я чувствую себя менее виноватым, что вам пришлось остаться без Жискара и Дэниела, когда вы отправили их за мной.

— Уверяю вас, мистер Бейли, это был не случайный выбор. Жискар мой мажордом и моя правая рука. Он со мной со времен моей молодости.

— И все-таки вы послали его проводить меня на Аврору, — сказал Бейли. — Я очень польщен.

— Просто доказательство вашей важности, мистер Бейли. Жискар — самый надежный из моих роботов, сильный и крепкий.

Бейли покосился на Дэниела, и Фастольф добавил:

— Моего друга Дэниела я в эти расчеты не включаю. Он не мой слуга, а мой триумф, и я им бесконечно горжусь. Он первый в своей категории, а доктор Родж Наменну Сартон был его дизайнером и моделью. Тот человек, который…

Он тактично умолк, но Бейли отрывисто кивнул и пробормотал:

— Знаю.

Фразу не нужно было доканчивать: он помнил, что Сартон был убит на Земле.

— Сартон занимался конструированием, — продолжал Фастольф, — но создание Дэниела сделали возможным мои теоретические выкладки. — Он улыбнулся Дэниелу, и тот чуть наклонил голову в знак признательности.

— Но ведь был еще Джендер, — напомнил

Бейли.

— Да. — Фастольф покачал головой и опустил глаза. — Наверное, мне следовало бы оставить его у себя, как Дэниела. Но он был вторым моим человекоподобным роботом, а это немножко другое. Дэниел, фигурально выражаясь, был моим первенцем, особым во всех отношениях.

— И теперь вы уже не создаете человекоподобных роботов?

— Нет. Но идемте, — сказал Фастольф, потирая ладони. — Пора поесть. По-моему, мистер Бейли, население Земли не привыкло к натуральным продуктам питания. Нас ждет салат из креветок, хлеб, сыр, молоко, если вы пожелаете, или фруктовый сок по вашему выбору. А на сладкое мороженое.

— Традиционные земные блюда, — заметил Бейли, — которые теперь существуют в своей первоначальной форме только в древней земной литературе.

— На Авроре они тоже редкость, но было бы неразумно предлагать вам наши изысканные блюда, основу которых составляют аврорианские пищевые продукты и пряности. К ним надо приобрести вкус. — Он встал. — Прошу вас, мистер Бейли. Мы будем вдвоем и обойдемся без церемо-

ний и застольных ритуалов.

— Спасибо — сказал Бейли. — Я считаю это большой любезностью с вашей стороны. Во время полета я развлекался, изучая видеоматериалы об Авроре, и знаю, что совместная еда подразумевает особый церемониал, который меня просто пугает.

— И напрасно.

— А не могли бы мы, — спросил Бейли, — нарушить правила вежливости даже еще больше, доктор Фастольф, и поговорить за столом о делах? Мне не следует терять времени.

— Я разделяю вашу точку зрения. Да, мы займемся обсуждением наших дел, и, полагаю, вы никому не выдадите, что я допустил подобное нарушение этикета. Мне не хотелось бы, чтобы двери светского общества для меня закрылись. — Он засмеялся, но тут же посерьезнел. — Только смеяться мне не следовало бы. Тут не до смеха. Напрасная трата времени в данном случае легко может стать роковой.

16

Комната, в которой происходил этот разговор, была скудно обставлена: несколько стульев, бю-

ро, какой-то похожий на рояль инструмент, но с латунными клапанами вместо клавиш. Стены покрывал мерцающий узор, пол был выложен квадратами коричневого цвета, но разных оттенков, возможно, под дерево, и блестел, словно только что натертый. Однако подошвы по нему не скользили.

Столовая, расположенная на том же этаже, оказалась совсем другой. Она представляла собой вытянутый прямоугольник, всячески изукрашенный. Шесть больших квадратных столов, которые можно было расставлять в любой конфигурации, у одной короткой стены — бар со множеством разноцветных сверкающих бутылок, а за ними выгнутое зеркало, словно удлиняющее комнату в бесконечность. В четырех нишах другой короткой стены ждали роботы.

Обе длинные стены были выложены мозаиками, цвета которых медленно изменялись. Одна изображала планетарные пейзажи, но Бейли не мог решить, Аврора это, какой-нибудь другой мир или просто плод воображения. В дальнем конце поле пшеницы (или какого-то другого растения) убирали нарядные машины, управляемые только роботами. Затем взгляд скользил по разбросанным человеческим жилищам, которые

у другого конца стены образовали, как решил Бейли, аврорианский Город.

Вторая длинная стена представляла космическую панораму. Бело-голубая планета, озаряемая отдаленным солнцем, отражала свет таким образом, что, лишь внимательно всмотревшись, можно было избавиться от иллюзии, будто она медленно вращается. Окружающие звезды — одни чуть заметные, другие яркие, — тоже словно меняли свое расположение, хотя стоило сосредоточить взгляд на одной мелкой группе, и оказывалось, что звезды в ней неподвижны.

Бейли оба панно показались перегруженными и неприятными.

— Подлинное произведение искусства, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Обошлось дороже, чем оно того стоило, но Фанья настояла… Фанья моя нынешняя подруга.

— Она присоединится к нам, доктор Фастольф?

— Нет, мистер Бейли. Как я и сказал, мы будем завтракать вдвоем. Я попросил ее временно оставаться в своем крыле. Мне не хотелось бы обременять ее проблемой, которой мы с вами занимаемся. Вы понимаете, я надеюсь?

— Ну конечно.

— Прошу вас, садитесь.

Один из столов был накрыт на два прибора. Тарелки, чашки, разнообразные ножи и вилки (Бейли знал назначение далеко не всех), а в центре стола — витой цилиндр, несколько напоминавший огромную пешку, вырезанную из серого камня. Бейли не удержался и потрогал цилиндр.

— Это комбисудок. Он очень прост в обращении и позволяет добавить в кушанье или какую-то его часть заданное количество различных специй и отдельно, и в десятках сочетаний. Его полагается взять в руку и проделать с ним довольно сложные трюки, сами по себе бесполезные, но очень ценимые в светском обществе Авроры как символ изящества и деликатности, с каким следует вести себя за столом. Я, когда был моложе легко проделывал тройной переброс с помощью трех пальцев и в заключение на ладони у меня оказывалась щепотка соли. Но решись я на что-либо подобное теперь, то рисковал бы посадить своему гостю синяк. Надеюсь, вы извините меня, если я обойдусь без этого ритуала.

— Прошу, доктор Фастольф, обойдитесь без него!

Робот поставил на стол салат, второй подал поднос с фруктовыми соками, третий принес

хлеб и сыр, четвертый разложил салфетки. Все четверо двигались в слаженном ритме, словно исполняли сложный танец, и ни разу не сбились с темпа, не помешали друг другу. Бейли следил за ними в полном изумлении.

Когда они завершили приготовления, то каждый оказался у одной из сторон стола. Они разом отступили на шаг, разом поклонились и, разом повернувшись, отошли в ниши в глубине столовой. И тут Бейли увидел Дэниела с Жискаром. Он не заметил, как они вошли и встали в двух нишах, возникших среди пшеничного поля. Дэниел стоял ближе к нему.

— Теперь, когда они ушли… — начал было Фастольф, умолк и виновато покачал головой. — Только они не ушли. Принято, чтобы роботы покидали комнату до того, как люди приступят к еде. В отличие от людей, роботы в пище не нуждаются. Поэтому логично, чтобы те, кто ест, ели, а кто не ест, уходили. И в конце концов это превратилось в еще один ритуальный обычай. Теперь и помыслить нельзя о том, чтобы приступить к еде, пока роботы находятся в столовой. Ну невозможно! Однако, учитывая обстоятельства…

— Им пришлось остаться, — докончил Бейли.

— Да. Я решил, что безопасность важнее этике-

та, и еще я решил, что вы не аврорианец, и вас это не шокирует.

Бейли ждал, чтобы Фастольф сделал первый ход. Фастольф взял вилку, и Бейли тоже взял вилку. Фастольф пустил вилку в ход, неторопливо, так чтобы Бейли мог следить за ним без помех.

Бейли осторожно раскусил креветку и мысленно облизнулся, Вкус напомнил ему земную креветочную пасту, но насколько же креветка была сочнее и восхитительнее! Он медленно ее пережевывал и, забыв нетерпеливое желание начать расследование здесь же за столом, предался гастрономическому блаженству, не в силах его прервать.

И первый ход сделал Фастольф.

— Не приступить ли нам к решению задачи, мистер Бейли?

Бейли почувствовал, что краснеет.

— Да-да. Разумеется. Прошу у вас извинения, но ваша аврорианская пища меня настолько поразила, что я просто не мог думать ни о чем другом. А задача ведь создана вами, доктор Фастольф, верно?

— Почему вы так считаете?

— Кто-то совершил робийство способом, требующим высочайшей квалификации. Так по

крайней мере меня информировали.

— Робийство? Забавный термин. — Фастольф улыбнулся. — Конечно, я понимаю, что вы под ним подразумеваете. И вас информировали правильно: способ требует неимоверной квалификации.

— И ею обладаете только вы… как меня информировали.

— И это тоже верно.

— Даже сами вы признаете… точнее, категорически настаиваете, что одни вы могли вызвать у Джендера умственную заморозку.

— Я говорю только чистую правду, мистер Бейли. Лгать было бы глупо, даже если бы я не побрезговал унизиться до *лжи*. Ведь я признан самым выдающимся знатоком теоретической робопсихологии на всех пятидесяти мирах.

Тем не менее, доктор Фастольф, разве второй после вас выдающийся робопсихолог… или третий… или пятнадцатый не может обладать достаточными знаниями, которые позволили бы совершить это робийство? Неужели тут требуется квалификация самого лучшего?

— Я считаю, — невозмутимо ответил Фастольф, — что оно бесспорно требует максимум квалификации от самого лучшего специалиста.

Собственно, на мой взгляд, даже я сумел бы это сделать лишь в особо удачный день. Не забывайте, что лучшие умы в области робопсихологии (включая меня) специально стремились создать позитронный мозг, который было бы невозможно довести до умственной заморозки.

— Вы уверены? По-настоящему уверены?

— Абсолютно.

— И объявили это публично?

— Естественно. Было проведено публичное расследование, дорогой мой землянин. Мне задавали те же вопросы, какие сейчас задали вы, и я отвечал правдиво. Так принято на Авроре.

— Я не сомневаюсь, — сказал Бейли, — что вы отвечали правдиво, насколько вам представляется. Но не могло ли на вас повлиять самолюбие? Естественная гордость за себя? Ведь и это может быть типичным для аврорианца, не так ли?

— Вы спрашиваете, не заставило ли меня желание слыть лучшим в своей области добровольно внушить всем, что только я мог довести Джендера до заморозки?

— Почему-то мне кажется, что вы готовы пожертвовать своим политическим влиянием и положением в обществе ради сохранения своей репутации как ученого.

— Ах так. У вас интересная манера мыслить, мистер Бейли. Мне бы подобное и в голову не пришло. Значит, по-вашему, окажись я перед выбором: признать себя не самым лучшим специалистом или признаться, что я виновен в робийстве, как вы это называете, я бы сознательно выбрал второе!

— Нет, доктор Фастольф, я представляю себе это совсем не так упрощенно. Разве не может быть, что вы обманываете себя, считая, будто вы далеко превосходите остальных робопсихологов, будто у вас нет и не может быть соперников, и вы отчаянно цепляетесь за эту веру, поскольку бессознательно, повторяю, бессознательно, доктор Фастольф, знаете, что другие уже равны вам или даже вас превосходят?

Фастольф засмеялся, но в его смехе проскользнуло раздражение.

— Ничего подобного, мистер Бейли. Вы попали пальцем в небо.

— Подумайте, доктор Фастольф. Вы абсолютно уверены, что никто из ваших коллег не способен с вами сравниться?

— Таких, кто хоть что-то знает о человекоподобных роботах, крайне мало. Создание Дэниела положило начало совершенно новой профессии,

у которой даже названия нет. На Авроре кроме меня нет ни одного робопсихолога, понимающего, как работает позитронный мозг Дэниела. Доктор Сартон понимал. Но он умер. А кроме того, в этом он разбирался хуже меня. Ведь теория разработана мной.

— Так, конечно, и было, но ведь вы не можете сохранять за собой исключительное право собственности на нее. Неужели с ней никто не знаком?

Фастольф отрицательно покачал головой:

— Никто. Я никого ей не обучал, и я хотел бы посмотреть, как кто-нибудь из ныне живущих робопсихологов попробовал бы самостоятельно ее разработать!

Бейли спросил досадливо:

— А что, если есть талантливый молодой человек, только что с университетской скамьи, еще никому неизвестный, но…

— Нет, мистер Бейли. Нет. О таком молодом человеке я бы знал. Он бы стажировался в моей лаборатории, он бы какое-то время работал со мной. В данный момент такого молодого человека не существует. Со временем он появится, И возможно, не один. Но пока его нет!

— Значит, если бы вы умерли, новая наука

умерла бы с вами?

— Мне всего только сто шестьдесят пять лет. Естественно, по метрическому календарю, то есть по вашему земному счету мне примерно сто двадцать четыре года. По меркам Авроры я еще относительно молод, и никаких медицинских оснований полагать, что я прожил хотя бы половину своей жизни. Не так уж редко люди доживают до четырехсот лет — метрических, естественно. У меня еще достаточно времени, чтобы найти себе учеников.

Они кончили есть, но продолжали сидеть за столом. И никто из роботов не подошел убрать со стола. Казалось, напряженный обмен репликами двух людей совершенно их обездвижил.

Прищурившись, Бейли сказал:

— Доктор Фастольф, два года назад я побывал на Солярии. Там у меня создалось четкое впечатление, что соляриане в целом — самые искусные робопсихологи и робоконструкторы на всех космомирах.

— В целом, пожалуй, и так.

— И никто из них не мог бы это сделать?

— Никто, мистер Бейли, Искусность их ограничивается роботами, которые в лучшем случае модернизированы не больше моего бедного на-

дежного Жискара. Соляриане не имеют понятия о конструировании человекоподобных роботов.

— Но как вы можете быть в этом уверены?

— Вы ведь были на Солярии, мистер Бейли, и, следовательно, знаете, что соляриане избегают всяких личных контактов и общаются друг с другом исключительно с помощью трехмерной проекции, кроме абсолютно неизбежных встреч для совершения полового акта. И вы думаете, что кому-то из них могла прийти мысль создать робота, настолько внешне неотличимого от человека, что его вид их невыносимо раздражал бы? Сходство с человеком заставило бы их избегать его, а в таком случае для чего бы он им понадобился?

— Ну а если есть отдельные соляриане, которых человеческое тело не отталкивает? Вы же не станете отрицать такой возможности?

— Я и не отрицаю, но в этом году на Авроре не было граждан Солярии.

— Ни одного?

— Ни одного! Контакт с аврорианцами им тоже неприятен, и сюда они прилетают в крайне редких случаях, если того требуют дела. Они избегают посещать и все остальные миры. А уж если вынуждены прилететь, то остаются на орбите и ведут переговоры с нами с помощью

электроники.

— В таком случае, — сказал Бейли, — если вы и только вы — тот единственный человек на всех мирах, кто мог бы это сделать, Джендер был убит вами?

— Не верю, чтобы Дэниел не поставил вас в известность, что я это отрицаю.

— Он мне сказал, но я хотел услышать, что скажете вы.

Фастольф скрестил руки на груди и нахмурился. Потом процедил сквозь стиснутые зубы:

— Хорошо, я скажу вам: я этого не делал.

Бейли покачал головой:

— Я верю, что вы верите своим словам.

— Верю. И совершенно искренне. Я говорю правду. Я не убивал Джендера.

— Но если вы этого не делали, а никто другой сделать этого не мог, значит… Погодите. Не исключено, что я сделал необоснованный вывод. Джендер действительно мертв или меня вызвали сюда под ложным предлогом?

— Робот действительно уничтожен. Вы сможете без помех увидеть его — если, конечно, Законодательное собрание до истечения дня не запретит мне доступ к нему. Но, полагаю, они этого не запретят.

— В таком случае, если вы этого не делали и никто другой сделать этого не мог, а робот действительно мертв, то кто же совершил это преступление?

Фастольф вздохнул:

— Полагаю, Дэниел сообщил вам, что я утверждал при расследовании, но вы желаете услышать это из моих уст.

— Совершенно верно, доктор Фастольф.

— Ну так никто этого преступления не совершал. Умственная заморозка Джендера была вызвана какой-то внутренней неполадкой в позитронных связях.

— Велика ли вероятность такой неполадки?

— Крайне мала. Но раз я тут ни при чем, произойти могло только это.

— Но не логично ли предположить, что вероятность того, что вы лжете, заметно больше вероятности неполадки?

— Многие предполагают именно это. Но мне известно, что я этого не делал, следовательно, неполадка остается единственным возможным объяснением.

— И вы затребовали меня сюда для того, чтобы я доказал, что причиной действительно была неполадка?

— Да.

Но как можно это доказать? А ведь очевидно, что и вас, Землю и себя я могу, только отыскав доказательства.

— По нарастающей важности, мистер Бейли?

Бейли поморщился:

— Ну, пусть вас, меня и Землю.

— Боюсь, — сказал Фастольф, — что по зрелом размышлении я пришел к выводу, что доказать это невозможно.

17

Бейли в ужасе уставился на Фастольфа:

— Невозможно?!

— Никак невозможно. — И тут словно в припадке внезапной рассеянности Фастольф взял комбисудок. — Знаете, мне хочется проверить, сумею ли я и теперь сделать тройной переброс.

Резким, точно рассчитанным рывком кисти Фастольф подбросил судок так, что он перевернулся в воздухе, и подставил под узкий конец ребро правой ладони, прижав к ней большой палец. Судок снова взлетел, покачиваясь, и был подкинут ребром левой ладони, перелетел по дуге в обратную сторону, ударился о ребро правой

ладони, затем о ребро левой. После этого — третьего — переброса он был подкинут так резко, что снова перевернулся, Фастольф поймал его правой рукой, подставляя левую ладонь. Зажав судок в кулаке, он показал Бейли левую ладонь с поблескивающей кучкой соли на ней.

— С научной точки зрения, — сказал Фастольф, — просто мальчишеское хвастовство, и затраченные усилия предельно непропорциональны цели — получению щепотки соли. Однако хороший хозяин дома на Авроре гордится таким умением жонглировать. Есть специалисты, способные перекидывать судок полторы минуты, двигая руки с такой быстротой, что за ними трудно уследить.

— Бесспорно, — задумчиво прибавил он, — Дэниел способен перекидывать судок гораздо изящнее и быстрее любого человека. Я давал ему такое задание, когда проверял действенность его мозговых связей, но позволить ему продемонстрировать такую способность зрителям было бы величайшей ошибкой. Это без всякого толку унизило бы судочников — разговорное их название которого ни в одном словаре вы не найдете.

Бейли буркнул что-то невнятное.

— Но нам следует вернуться к делу, — вздохнул

Фастольф.

— Ради которого по вашему настоянию я пролетел несколько парсеков.

— Совершенно верно. Ну так продолжим.

— Вы ведь не просто из тщеславия показали мне свое искусство, доктор Фастольф, — сказал Бейли.

— Мы зашли в тупик. Я вызвал вас сюда сделать, то, чего сделать нельзя. Выражение вашего лица было достаточно красноречивым, и, честно говоря, у меня на душе тоже кошки скребли. И потому я счел, что нам не помешает немного передохнуть. А теперь продолжим.

— Разговор о невыполнимой задаче?

— Но не для вас, мистер Бейли. Вы же слывете специалистом по невозможному.

— Гиперволновка? Вы поверили этому дурацкому перетолкованию того, что произошло на Солярии?

Фастольф развел руками:

— У меня нет выбора.

— Как и у меня, — сказал Бейли. — Я должен попытаться. Вернуться на Землю с неудачей я не могу. Это мне дали понять со всей ясностью. Так объясните мне, доктор Фастольф, как могли убить Джендера? Что требовалось проделать с

его сознанием?

— Мистер Бейли, не представляю, как бы я мог объяснить это даже другому робопсихологу, — а вы ведь не робопсихолог! — даже если бы намеревался обнародовать свою теорию, чего совсем делать не намерен. Однако кое-что растолковать вам я, пожалуй, смогу… Вам, конечно, известно, что роботы были изобретены на Земле.

— Робопсихология и роботехника на Земле не в чести…

— Космомиры полностью осведомлены о земном предубеждении против роботов.

— Однако земное происхождение роботов очевидно для всякого землянина, который потрудится хоть немного подумать. Всем известно, что гиперпространственные полеты были осуществлены с помощью роботов, а поскольку космомиры не могли быть заселены до начала гиперпространственных полетов, значит, роботы существовали до их заселения, когда Земля еще оставалась единственной планетой, где обитали люди. Следовательно, роботы были изобретены на Земле и землянами.

— Однако Земля этим не гордится, так?

— Мы этого не обсуждаем, — буркнул Бейли.

— И земляне ничего не знают о Сьюзен Кэл-

вин?

— Я встречал ее фамилию в старинных книгах. Она была в числе пионеров робопсихологии.

— И это все, что вы о ней знаете?

Бейли пожал плечами:

— Наверное, я мог бы узнать больше, порывшись в архивных документах, но у меня не было в этом надобности.

— Как странно! — сказал Фастольф. — Для всех космонитов она — богиня, и думаю даже, что, кроме узких специалистов, никто из них не представляет ее себе уроженкой Земли. Такая мысль показалась бы кощунством. И они не поверили бы, если бы им сообщили, что она умерла, не прожив и ста метрических лет. А для вас она всего лишь одна из числа пионеров робопсихологии!

— Она имеет какое-то отношение к нашей проблеме, доктор Фастольф?

— Косвенное. Учтите, что вокруг ее имени родилось множество легенд. По большей части это чистые измышления, но они неразрывно с ней связаны. Одна из самых знаменитых легенд (и наименее правдоподобная) касается робота, сконструированного в ту раннюю эпоху. Благодаря какой-то случайности при сборке он оказался наделенным телепатическими способностями…

— Что-о!

— Это же легенда, как я вам объяснил, и, несомненно, лживая. Хотя, учтите, существуют теоретические предпосылки, допускающие подобную возможность, но пока еще никто не предложил практической схемы, которая позволила бы создать такого робота. А о том, что подобная способность оказалась присуща примитивному позитронному мозгу в до гиперпространственную эру, и речи быть не может. Вот почему мы абсолютно уверены, что данное сказание — чистая выдумка. Но тем не менее разрешите мне продолжать, потому что у этой истории есть мораль.

— Продолжайте, прошу вас.

— Этот робот, как гласит сказание, умел читать мысли. И когда ему задавали вопросы, он читал мысли спрашивающего и говорил именно то, что спрашивающему хотелось услышать. Первый Закон ясно и недвусмысленно запрещает роботу причинять вред человеку или бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Обычный робот понимает этот вред как физический. Робот же, способный читать мысли, несомненно решил бы, что разочарование, гнев или любое другое тягостное чувство дела-

ют человека, их испытывающего, несчастным, и вызвать их — значит причинить ему вред. А потому, предполагая, что правда может огорчить или рассердить спрашивающего, пробудить в нем зависть, сделать его несчастным, робот-телепат подменил бы истину приятной ложью. Понимаете?

— Конечно.

— И робот лгал даже самой Сьюзен Кэлвин. Долго так продолжаться не могло, поскольку разным людям говорились разные вещи, не только не согласующиеся друг с другом, но и не подкрепляемые объективной реальностью. Сьюзен Кэлвин обнаружила, что робот ей лгал и что из-за его лжи она попала в крайне тягостное положение. То, что вначале причинило бы ей лишь некоторое разочарование, теперь из-за ложных надежд обернулось нестерпимой болью… Вы действительно не знаете эту историю?

— Даю вам слово.

Поразительно! Однако родилась она не на Авроре, поскольку бытует на всех космомирах… Как бы то ни было, Кэлвин отомстила. Она указала роботу, что скажет ли он правду или солжет, человеку, с которым он разговаривает, неизбежно будет причинен вред. И любое его действие

окажется нарушением Первого Закона. Осознав это, робот укрылся от неразрешимой дилеммы в полном бездействии. Его позитронные связи, если вам нравится цветистость, мгновенно испепелились. В его мозгу произошло необратимое разрушение. Согласно легенде, последним словом Сьюзен Кэлвин, обращенным к роботу, было «Лжец!»

— Если я понял правильно, — сказал Бейли, — что-то подобное произошло и с Джендером Пэнеллом. Он столкнулся с неразрешимым противоречием, и его мозг испепелился?

— Да, впечатление создается именно такое. Однако теперь поставить робота в подобное положение далеко не так просто, как в дни Сьюзен Кэлвин. Робопсихологи (возможно, из-за этой легенды) всегда принимали самые тщательные меры, чтобы подобное противоречие не могло возникнуть. Теория позитронного мозга развивается, модели его все более усложняются, а параллельно создаются все более надежные системы защиты, рассчитанные на то, чтобы в любой ситуации противодействующие факторы не уравновешивались, оставляя, возможность для какого-то действия, которое можно было бы истолковать как выполнение Первого Закона.

— Следовательно, испепелить мозг робота невозможно. Вы это хотите сказать? Но тогда что произошло с Джендером?

— Нет, этого я сказать не хочу! Все более надежные системы, о которых я говорю, абсолютной надежности не гарантируют и не могут гарантировать. Каким бы сложным и тонко мыслящим ни стал мозг, всегда найдется способ создать неразрешимое противоречие. Это математическая истина. Никогда не удастся создать настолько тонко мыслящий и защищенный мозг, чтобы свести возможность противоречия к нулю. К очень малой степени — да, но не к полному нулю. Однако системы настолько приближаются к нулю, что создание условий для умственной заморозки требует глубочайшего понимания конкретного позитронного мозга. А для этого необходим очень умный теоретик.

— Вроде вас, доктор Фастольф?

— Вроде меня. А если речь идет о человекоподобном роботе, так есть только я один.

— Или вообще нет никого, — заметил Бейли с тяжеловесной иронией.

— Или вообще никого. Вот именно, — ответил Фастольф, словно не заметив иронии. — Человекоподобные роботы обладают мозгом, да и телом,

могу я прибавить, сформированными сознательно по образцу человеческих. Позитронный мозг — чрезвычайно тонкий механизм и, естественно, в определенной мере обладает хрупкостью человеческого мозга. Как у человека может произойти инсульт в результате какого-то внутреннего процесса и без всякого внешнего воздействия, так и человекоподобный мозг может по чистой случайности — непроизвольного дрейфа позитронов — впасть в умственную заморозку.

— Вы можете доказать это, доктор Фастольф?

— Могу продемонстрировать это математически, но отнюдь не все из тех, кто способен разобраться в формулах, согласятся с ходом моих рассуждений. В них включены некоторые мои предположения, которые не согласуются с общепринятыми положениями робопсихологии.

— Насколько вероятна самопроизвольная умственная заморозка?

— Если взять большое количество человекоподобных роботов, например сто тысяч, то почти наверное у одного из них на протяжении среднего срока жизни аврорианца произойдет самопроизвольная заморозка. Но произойти это может и много раньше, вот как с Джендером, хотя вероятность будет несравненно меньше.

— Послушайте, доктор Фастольф! Даже если вы сумеете неопровержимо доказать, что робот в принципе может пострадать от самопроизвольной заморозки, отсюда еще не следует, что именно это произошло конкретно с Джендером конкретно в этот момент.

— Да, — признал Фастольф. — Вы совершенно правы.

Вы, величайший эксперт в области робопсихологии, не можете доказать, что Джендер оказался жертвой именно такой случайности.

— Опять-таки вы совершенно правы.

— Так как же вы можете требовать этого от меня, когда я ничего не смыслю в роб о психологии?

— Но ведь доказывать ничего не надо. Разве не достаточно выдвинуть хитроумное предположение, которое убедит широкую публику в возможности самопроизвольной заморозки?

— Например?

— Я не знаю.

— Вы уверены, что не знаете, доктор Фастольф? — резко спросил Бейли.

— Как это? Я же только что сказал вам, что не знаю.

— Разрешите, я укажу вам кое на что. Полагаю,

аврорианцам в целом известно, что я прилетел на планету для разрешения загадки. Было бы трудно привезти меня втайне, учитывая, что я землянин, а это Аврора.

— Бесспорно. И я не делал из этого никакой тайны. Я посоветовался с председателем Законодательного собрания и добился от него разрешения привезти вас сюда. Именно таким образом мне удалось настоять на отсрочке разбирательства. Вам дают возможность найти разгадку, прежде чем я предстану перед судом. Сомневаюсь, что они дадут мне много времени.

— Так я повторю: аврорианцы в целом знают, что я здесь, и, полагаю, совершенно точно знают, для чего. Чтобы разгадать загадку смерти Джендера.

— Разумеется. Какая еще могла быть причина?

— И с той минуты, когда я поднялся на корабль, доставивший меня сюда, вы держали меня под постоянным и неусыпным надзором из опасения, что ваши враги попытаются меня убрать, так как считают, будто я чудодей, разгадаю загадку и обеспечу вам победу, несмотря на все стоящие передо мной трудности.

— Боюсь, что такая возможность не исключена.

— Допустим, некто, не желающий, чтобы загадка была разгадана и вы вышли из положения с честью, все-таки сумеет меня убить. Не пойдет ли это вам на пользу, доктор Фастольф? Ведь люди предположат, будто ваши враги предполагали, что вы не виновны, а то почему бы им понадобилось препятствовать расследованию и убивать меня?

— Слишком сложно, мистер Бейли. Не исключаю, что при умении вашу смерть можно было бы использовать для такой цели, но ведь этого не произойдет. Вы надежно защищены, и вас не убьют.

— Но для чего защищать меня, доктор Фастольф? Почему не позволить, чтобы они меня убили, и не использовать мою смерть для своей победы?

— Потому что я предпочитаю, чтобы вы остались живы и сумели неопровержимо доказать мою невиновность.

— Но вы же знаете, что доказать вашу невиновность не в моих силах, — возразил Бейли.

— А вдруг? *У* вас достаточно побудительных причин. От того сумеете вы или нет, зависит благополучие Земли, а также, по вашим словам, ваша собственная карьера.

— Ч*ТО* толку от побудительных причин? Если

вы потребуете, чтобы я замахал руками и полетел, объяснив, что в случае неудачи я умру под пыткой, а Земля будет взорвана и все ее население уничтожено, у меня будут крайне веские причины взмахнуть руками и полететь. Но все равно я не полечу.

— Я знаю, что шансы невелики, — сказал Фастольф неуверенно.

— Вы знаете, что они равны нулю, — яростно воскликнул Бейли. — И что спасти вас может только моя смерть.

— В таком случае для меня нет спасения, потому что я забочусь, чтобы мои враги до вас не добрались.

— Но сами вы можете до меня добраться.

— Что?

— Мне пришла мысль, доктор Фастольф, что вы-то вполне можете меня убить таким образом, чтобы убийство приписали вашим врагам. Тогда вы используете мою смерть против них. Ради этого вы и затребовали меня на Аврору.

Секунду Фастольф смотрел на Бейли с недоумением, потом от внезапного бешеного гнева его лицо покраснело и свирепо исказилось. Схватив со стола комбисудок, он замахнулся, готовясь метнуть его в Бейли.

А Бейли, захваченный врасплох, только в ужасе прижался к спинке стула.

Глава пятая
Дэниел и Жискар
18

Как ни быстры были движения Фастольфа, Дэниел оказался быстрее.

Бейли, который забыл о присутствии роботов, увидел и услышал что-то стремительное, смутное, а затем рядом с Фастольфом Дэниела. Держа в руке судок, робот говорил:

— Надеюсь, доктор Фастольф, я не причинил вам вреда?

Как во сне Бейли обнаружил, что с другого бока от Фастольфа шагах в двух стоит Жискар, а четыре робота покинули свои ниши и очутились почти у обеденного стола.

Волосы Фастольфа были растрепаны. Он сказал слегка прерывающимся голосом:

— Нет, Дэниел. Ты отлично справился, — Он добавил погромче: — Вы все отлично справились, но помните: никаких промедлений, даже если это касается меня.

Он засмеялся и снова сел, проводя рукой по волосам.

— Извините, мистер Бейли, — сказал он, — но мне показалось, что наглядная демонстрация будет убедительнее любых моих слов.

Бейли, чей мгновенный ужас был чисто рефлекторным, расстегнул воротничок и ответил с легкой хрипотцой в голосе:

— Боюсь, я ожидал слов, но согласен, что демонстрация получилась очень убедительная. Рад, что Дэниел находился достаточно близко, чтобы вас обезоружить.

— Они все были достаточно близко, чтобы обезоружить меня, но Дэниел был ближе и добрался до меня первым — так быстро, что почти не применил силы. Находись он дальше, ему, возможно, пришлось бы вывихнуть мне руку или даже оглушить меня.

— И он бы зашел так далеко?

— Мистер Бейли, — сказал Фастольф, — я отдал распоряжение защищать вас, а отдавать распоряжения я умею. Они без колебаний спасли бы вас, даже если бы это означало причинить вред мне. Разумеется, они постарались бы — как Дэниел, — чтобы вред оказался минимальным. Он причинил вред только моему достоинству и прическе. Ну и пальцы у меня покалывает. — Фастольф огорченно пошевелил ими.

Бейли глубоко вздохнул, стараясь оправиться от секундной растерянности, и спросил:

— Разве Дэниел не стал бы защищать меня даже без вашего специального распоряжения?

— Разумеется. У него не было бы выбора. Однако не думайте, будто реакция робота — это просто да или нет, вверх или вниз, вперед или назад. Это очень распространенное заблуждение. Вопрос в быстроте реакции. Свои распоряжения относительно вас я сформулировал таким образом, что потенциал, заложенный во всех роботах моего дома, включая Дэниела, повысился далеко за нормальный уровень — до максимального в пределах разумного, насколько я мог это обеспечить. Поэтому реакция на четкую угрожающую вам опасность практически мгновенна, Я знал это и потому мог позволить себе напасть на вас со всей доступной мне быстротой — ведь необходимо было как можно наряднее показать вам, что любое мое нападение будет предотвращено.

— Безусловно, но «спасибо» я вам все-таки не скажу.

— А! Я абсолютно уверен в своих роботах, а в Дэниеле — особенно. Хотя, правда, я с некоторым опозданием сообразил, что не выпусти я судок сразу, Дэниел бы против своей воли — или экви-

валента воли у роботов — мог сломать мне руку.

— Мне кажется, было глупо подвергаться такому риску, — сказал Бейли.

— Мне тоже так кажется — задним числом. А вот если бы вы приготовились швырнуть в меня судок, Дэниел сразу вам воспрепятствовал бы, но не совсем с той же быстротой, поскольку особых распоряжений о моей безопасности не получал. Надеюсь, он сумел бы меня спасти, но абсолютной уверенности у меня нет, и, пожалуй, я предпочту этого не проверять. — Фастольф весело улыбнулся.

— Ну а если на дом сбросят с той или иной воздушной машины какое-нибудь взрывное устройство? — спросил Бейли.

— Или если бы мы подверглись удару гамма-луча с соседнего холма? Мои роботы не гарантия абсолютной защиты, но здесь, на Авроре, подобные террористические покушения крайне маловероятны. Полагаю, из-за них нам волноваться не стоит.

— Согласен. Сказать правду, я серьезно не думал, доктор Фастольф, что вы опасны для меня, но мне необходимо было полностью исключить такую возможность, прежде чем идти дальше. Теперь мы можем продолжить.

— Да, конечно, — сказал Фастольф. — Этот весьма драматичный эпизод не снял главной проблемы: как доказать, что умственная заморозка Джендера была самопроизвольной и случайной.

Но Бейли теперь полностью сознавал присутствие Дэниела и, обернувшись к нему, спросил с тревогой:

— Дэниел, тебе неприятно, что мы обсуждаем эту проблему?

Дэниел, тем временем поставивший комбисудок на самый дальний из столов, ответил:

— Партнер Элайдж, я предпочел бы, чтобы былой друг Джендер функционировал по-прежнему, но раз это не так и раз его функциональность восстановить невозможно, то важно принять меры, чтобы подобные случаи в будущем не повторялись. Поскольку данное обсуждение имеет именно такую цель, оно мне более приятно, чем неприятно.

— Ну, чтобы покончить с этим окончательно: Дэниел, ты полагаешь, что за гибель твоего бывшего товарища робота Джендера ответственность несет доктор Фастольф? Вы извините мой вопрос, доктор Фастольф?

Тот одобрительно кивнул, и Дэниел сказал:

— Доктор Фастольф заявил, что он тут ни при

чем. Значит, это так.

— И у тебя нет никаких сомнении, Дэниел?

— Никаких, партнер Элайдж.

Фастольфа это словно позабавило.

— Вы ведь допрашиваете робота, мистер Бейли!

— Я это знаю, но Дэниела я воспринимаю не совсем как робота, а потому спросил.

— Никакая следственная комиссия не примет его ответы во внимание. Его позитронные потенциалы вынуждают Дэниела верить мне.

— Но я-то не комиссия, доктор Фастольф, и расчищаю завалы. Вернемся к исходной позиции: либо вы испепелили мозг Джендера, либо это была случайность. Вы заверили меня, что такая случайность недоказуема, а потому у меня остается один выход: опровергнуть вашу причастность. Иными словами, если я смогу, продемонстрировать, что у вас не было возможности убить Джендера, единственной альтернативой останется случайность.

— И как же вы это продемонстрируете?

— Вопрос стоит о средствах, удобном случае и мотиве. Средство убить Джендера у вас имелось — теоретическая оснащенность, позволяющая поставить его перед такой дилеммой, что ум-

ственная заморозка была бы неизбежной. Но был ли у вас удобный случай? Джендер принадлежал вам в том смысле, что вы рассчитали его мозговые связи и наблюдали за его изготовлением, но находился ли он в вашем владении в момент заморозки?

— Собственно говоря, нет. Он находился во владении другого лица.

— Как долго?

— Около восьми месяцев. То есть несколько больше ваших шести.

— А-а! Интересно. Вы были с ним или где-нибудь поблизости в момент его гибели? Могли как-то добраться до него? То есть не можем ли мы доказать, что вы находились на таком расстоянии от него и настолько были лишены всякой связи с ним, что никак не могли быть причастным к его гибели в тот момент, когда она предположительно произошла?

— Боюсь, что нет, — ответил Фастольф. — Его гибель могла произойти на протяжении порядочного отрезка времени. С роботом после гибели не происходит ничего аналогичного окостенению или разложению — процессам, позволяющим точно установить время смерти человека. И мы можем сказать только: известно, что в такой-то

момент Джендер еще функционировал, а в такой-то момент уже не функционировал. Между этими двумя моментами — промежуток около восьми часов. Полного алиби на весь этот отрезок времени у меня нет.

— Никакого? А чем вы занимались в эти часы, доктор Фастольф?

— Я был здесь, у себя.

— Но ваши роботы, конечно, знают, что вы были здесь, и могут засвидетельствовать…

— Знать они безусловно знают, но юридически их свидетельства ничего не стоят, а в тот день Фанья уехала по своим делам.

— Да, кстати. Фанья тоже специалист в робопсихологии?

Фастольф позволил себе ироническую улыбку:

— О робопсихологии она знает меньше вас… К тому же все это ни малейшей важности не имеет.

— Как так?

Терпение Фастольфа явно истощилось.

— Мой дорогой мистер Бейли, речь же идет не о прямом физическом нападении вроде моей недавней атаки на вас. То, что произошло с Джендером, не требовало моего физического присутствия. Вообще-то Джендер находился от-

носительно недалеко отсюда, но с тем же успехом мог бы находиться в другом полушарии. Я ведь мог вызвать его по переговорному устройству и, манипулируя распоряжениями и его реакцией на них, довести его до умственной заморозки. И времени на это потребовалось бы немного.

— Следовательно, — перебил Бейли, — это короткий процесс и кто-то мог бы случайно получить роковой результат, хотя имел в виду что-то совсем другое?

— Нет! — отрезал Фастольф. — Авроры ради, землянин дайте же мне говорить. Я уже объяснил вам, что так быть не могло. Процесс доведения Джендера до заморозки был бы долгим, сложным и хитрым, требующим глубочайшего понимания и находчивости. И никто не мог бы получить такой результат случайно. Разве что ему предшествовал бы длинный ряд немыслимых совпадений и случайностей. Самопроизвольная заморозка все-таки гораздо более вероятна по сравнению со случайным следованием по такому сверхсложному пути, и я доказал бы это математически, если бы мои формулы принимались во внимание. Но вот если бы я хотел вызвать заморозку, то мало-помалу на протяжении недель, месяцев, даже лет, тщательно соразмеряя

изменения и реакции, довел бы Джендера до критической точки. И ни разу на протяжении этого процесса не появилось бы никаких признаков, что он находится на грани гибели, — вот как вы в темноте можете шаг за шагом приближаться к пропасти, до последнего момента ощущая под ногами твердую почву. Когда же я довел бы его до предела — до края пропасти, — достаточно было бы одного моего слова, чтобы покончить с ним. Этот последний шаг занял бы лишь миг, понимаете?

Бейли сжал губы. Какой смысл скрывать разочарование?

— Короче говоря, удобный случай у вас был.

— Не только у меня, по у любого обитателя (или обитательницы) Авроры при условии, что он (или она) обладает необходимыми качествами.

— Но качества эти есть только у вас.

— Боюсь, что так.

— Таким образом, остается только мотив.

— А!

— И вот тут мы можем преуспеть. Эти человекоподобные роботы — ваши. Они созданы на основании вашей теории и вы участвовали во всех стадиях их конструирования, пусть даже занимался им доктор Сартон. Они существуют

благодаря вам — и только благодаря вам. Вы назвали Дэниела своим «первенцем». Они ваши творения, ваши детища, ваш дар человечеству, ваша заявка на бессмертие. (Бейли дал волю своему воображению, на мгновение представив себе, будто выступает перед следственной комиссией.) Так зачем, во имя всего святого, — или, если угодно, во имя Авроры, — вам понадобилось перечеркнуть свой труд? С какой стати вы уничтожили бы жизнь, которую создали ценой неимоверной затраты умственных сил?

Фастольф усмехнулся:

— Но, мистер Бейли! Вы же ничего в этом не понимаете. Так почему вы считаете мою теорию плодом «неимоверной затраты умственных сил?» Ведь это могла быть просто очень скучная экстраполяция какого-то очень нудного уравнения, которую мог бы сделать кто угодно, и просто я первый решил поскучать.

— Не думаю, — ответил Бейли, стараясь вернуться к более спокойному тону. — Если никто кроме вас не способен понять человекоподобный мозг настолько, чтобы его уничтожить, то не сомневаюсь, что только вы понимаете его настолько, чтобы его создать. Вы будете это отрицать?

Фастольф покачал головой:

— Не буду. Однако, мистер Бейли (таким мрачным его лицо стало впервые с момента их встречи), ваш тщательный анализ только ухудшил наше положение. Мы уже установили, что средство для убийства и удобный случай его совершить были только у меня. Но волей судеб у меня есть и мотив — самый веский мотив в мире, И моим врагам это известно. Так как же, во имя всего святого — или, перефразируя вас, во имя Земли, мы сумеем доказать, что я его не совершал?

19

Бейли яростно насупился, Он быстро отошел, направляясь в угол, словно в поисках замыкающих стен, но внезапно обернулся и сказал резко:

— Доктор Фастольф, по-моему, вам нравится ошарашивать меня.

— Вовсе нет. — Фастольф пожал плечами. — Я просто обрисовываю вам проблему такой, какова она в реальности. Бедняга Джендер принял робосмерть из-за каприза позитронного дрейфа. Поскольку я не имел к ней никакого отношения, то могло быть только это, я убежден. Однако

больше никто не может безоговорочно признать меня невиновным, а все косвенные улики указывают на меня. И следует смотреть правде в глаза, решая, можем ли мы что-то сделать, а если можем, то что.

— Хорошо. В таком случае рассмотрим ваш мотив. Возможно, он вовсе не такой веский, как представляется вам.

— Вряд ли, мистер Бейли. Я ведь не дурак.

— Но вы и не судья себе и своим побудительным мотивам. Как правило, люди не слишком способны судить о себе и своих поступках. Не исключено, что по какой-то причине вы себя драматизируете.

— Не думаю.

— Ну так объясните мне свой мотив. В чем он заключается? Говорите!

— Не торопитесь, мистер Бейли. Это не так просто. Не выйдете ли вы со мной наружу?

Бейли быстро взглянул на окно. Выйти во Вне?

Солнце опустилось ниже, и свет его ярче наполнял столовую. Бейли замялся, а потом сказал громче, чем следовало:

— Да. С удовольствием.

— Превосходно, — отозвался Фастольф и добавил дружески; — Но не хотите ли сперва

заглянуть в Личную?

Бейли прикинул. Никакой потребности он не испытывал, Но как знать, что ждет его во Вне? Долго ли они там останутся и какие там есть удобства? Главное же, он не знает обычаев аврорианцев, а в фильмокнигах, которые он просмотрел на корабле, об этой стороне их жизни, насколько ему помнилось, не было ничего. Пожалуй, безопаснее последовать намеку хозяина дома.

— Спасибо, — сказал он, — Если можно.

Фастольф кивнул и распорядился:

— Дэниел, проводи мистера Бейли в Личную для гостей.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, — вот сюда.

Когда они вышли а соседнюю комнату, Бейли сказал:

— Мне очень жаль, Дэниел, что ты не принимал участия в моем разговоре с доктором Фастольфом.

— Так не полагается, партнер Элайдж. Когда вы задали мне прямой вопрос, я ответил, но стать участником разговора меня не пригласили.

— Я бы пригласил, Дэниел, но я здесь гость и подумал, что было бы нетактично взять иници-

ативу на себя.

— Я понимаю… Вот Личная для гостей, партнер Элайдж. Когда помещение свободно, дверь откроется, если вы прикоснетесь к ней в любом месте.

Но Бейли не вошел. Он задумался, а потом спросил:

— Но если бы тебя пригласили участвовать в разговоре, Дэниел, ты сказал бы что-нибудь? Сделал бы какое-нибудь замечание? Я хотел бы узнать твое мнение, друг мой.

Дэниел сказал с обычной серьезностью:

— Мне хотелось бы сказать, что утверждение доктора Фастольфа, будто у него был веский мотив вывести Джендера из строя, было для меня полной неожиданностью. Я не знаю, в чем заключается этот мотив. Но что бы он вам ни сказал об этом, вы могли бы спросить его, почему тот же мотив не побудит его подвергнуть умственной заморозке меня. Если кто-то верит, что у него была побудительная причина вывести из строя Джендера, почему та же причина не относится ко мне? Мне любопытно это узнать.

Бейли пристально посмотрел на Дэниела, машинально стараясь прочесть выражение лица, которое всегда находилось под жестким контролем, и сказал:

— Ты испытываешь тревогу, Дэниел? Ты чувствуешь, что Фастольф тебе угрожает?

— Третий Закон требует, чтобы я берег свое существование, — сказал Дэниел. — Однако я не стал бы защищаться, если бы доктор Фастольф или любой другой человек обоснованно решил, что его следует прервать. Таков Второй Закон. Но я знаю, что представляю большую ценность и с точки зрения вложенных в меня материалов, труда и времени, и в научном смысле, Поэтому потребовалось бы убедить меня в вескости причин, требующих, чтобы мое существование было прервано. Доктор Фастольф ни разу — ни разу, партнер Элайдж! — не говорил мне ничего, указывающего, что он думает о подобном. Я не верю, что он даже отдаленно помышляет о том, чтобы кончить мое существование, или что такая мысль приходила ему относительно Джендера. Существование Джендера, видимо, прервал случайный позитронный дрейф, как он, возможно когда-нибудь прервет и мое. Во Вселенной всегда присутствует элемент случайности.

— Ты утверждаешь это, Фастольф утверждает это, и я верю, что так и было. Трудность в том, чтобы убедить большинство людей согласиться с нами. — Он угрюмо посмотрел на дверь Лич-

ной. — Ты войдешь со мной, Дэниел?

По лицу Дэниела скользнуло что-то, соответствующее веселой улыбке.

— Очень лестно, партнер Элайдж, когда тебя настолько принимают за человека. Этих потребностей у меня, естественно, не существует.

— Естественно. Но все равно ты можешь войти.

— Входить мне не полагается. Не принято, чтобы роботы входили в Личную. Обстановка такого помещения чисто человеческая… А к тому же это одноместная Личная.

Одноместная! Бейли был неприятно поражен, но справился со своими чувствами. Другие миры — другие обычаи! И об этом обычае в фильмокнигах вроде не упоминалось. Он сказал:

— Ах так вот что ты имел в виду, когда сказал, что дверь откроется, только если там не занято. Ну а если занято, как будет тогда?

— Тогда прикосновение снаружи дверь не откроет: ваши личные процедуры полностью ограждены. Естественно, прикосновение изнутри ее откроет.

— Ну а если посетитель потеряет сознание, находясь там? Если с ним произойдет инсульт или инфаркт и он не сможет прикоснуться к двери

изнутри? Получается, что никто не сможет войти, чтобы помочь ему?

— Если появится такая необходимость, есть аварийные способы открыть дверь. — Он встревоженно добавил: — Вам кажется, что нечто подобное может произойти?

— Конечно, нет. Я просто поинтересовался.

— Я буду стоять у самой двери, — сказал Дэниел с беспокойством. — Если я услышу ваш голос, партнер Элайдж, то сразу приму меры.

— Ну, это вряд ли понадобится. — Бейли небрежным жестом чуть коснулся двери, и она тотчас открылась. Он подождал, проверяя, закроется она или нет. Дверь оставалась открытой, но едва он вошел, как она закрылась.

Пока он глядел в дверь, Личная казалась строго функциональным помещением. Раковина, кабинка (видимо, с душем), ванна, прозрачный экран на петлях, за которым виднелось сиденье, скорее всего унитаз. И еще какие-то приспособления, назначения которых он не знал. Предположительна, те или иные туалетные принадлежности.

Но ничего толком он разглядеть не успел, так как через мгновение обстановка исчезла, и ему оставалось гадать, действительно ли он видел ра-

ковину, ванну и прочее, или ему померещилось, потому что он ожидал их увидеть.

Едва дверь закрылась, на миг наступила полная темнота, так как помещение было без окон, затем свет вспыхнул, но вокруг все стало другим. Свет был солнечный, а он находился во Вне… или так казалось?

Открытое небо над головой с облаками, проплывающими настолько симметрично, что выглядели явно нереальными. А по сторонам простирались заросли трав, которые колыхались столь же упорядоченно.

Бейли почувствовал знакомый ком в горле, вставший там всякий раз, когда он бывал во Вне… Но сейчас он не во Вне. Он вошел в помещение без окон. Следовательно, это зрительная иллюзия.

Он медленно зашаркал по полу, глядя прямо перед собой. Вытянул руки вперед. Медленно. Напрягая зрение.

Его пальцы прикоснулись к гладкой стене. Он провел ладонями по ее гладкости вправо и влево. И прикоснулся к тому, что из-за двери показалось ему раковиной, Ощупывая ее, он сквозь слепящий свет разглядел смутные очертания.

Нащупал кран. Но вода не потекла. Провел

ладонью до его основания, но не обнаружил никакого эквивалента ручек регулирующих струю. Зато нащупал на стене шероховатый овал и слегка нажал на него, проверяя. Тут же травы, простирающиеся далеко за плоскость, которую его пальцы определили как стену, раздвинулись, пропуская поток воды, и она с громким плеском полилась с высоты к его ногам.

Бейли в панике отпрыгнул, но вода исчезала, не касаясь его ног. Она продолжала литься, но не достигала пола, Он подставил под нее ладонь. Не вода, а игра света. Ладонь осталась сухой, он ничего не почувствовал. Но глаза упорно продолжали видеть воду.

Он провел рукой по струе вверх и тут ощутил воду. Она струйкой текла из крана и была холодной.

Его пальцы снова нащупали овал и, экспериментируя, он начал нажимать на него в разных местах, Температура быстро изменялась, и он установил, где именно следует нажать, чтобы вода была теплой.

Мыла он не нашел и неохотно принялся тереть не намыленные руки друг о друга под (как казалось) струей родника, которая должна была бы обливать его с головы до ног, но не обливала. Тут

вода стала мыльной — то ли аппарат читал его мысли, то ли (что было вероятней) среагировал на потирание рук, — а родник, который он видел и не видел, вдруг запенился.

Все с той же неохотой он нагнулся над раковиной и обтер мыльной водой лицо, ощущая под ладонями колкую щетину. Но получить принадлежности для бритья без объяснения, как это сделать, он не мог.

Он кончил умываться, но продолжал беспомощно держать руки под струей. Как прекратить подачу мыла? Праздный вопрос! Видимо, достаточно было того, что его руки перестали тереться о его лицо и друг о друга. Вода перестала быть мыльной и смыла пену с его рук. Он ополоснул лицо, стараясь не касаться кожи. И сильно намочил рубашку, потому что ничего не видел и с непривычки был очень неуклюж.

Полотенца? Салфетки?

Он попятился, зажмурившись и вытянув шею вперед, чтобы вода, стекающая с лица, больше на одежду не попадала. Видимо, шаг назад явился сигналом, так как он ощутил на лице теплую струю воздуха, а потом подставил под нее и руки.

Комок в горле давно исчез под влиянием раз-

дражения. Он понимал, что Личные на каждой планете должны обладать своими особенностями, но создавать в Личной иллюзию Вне — это уж слишком!

На Земле Личная представляла собой обширное помещение для людей одного пола, снабженное закрытыми кабинками, которые отпирались личным ключом. На Солярии в Личную шли по узкому коридору, пристроенному к стене дома, словно соляриане надеялись создать впечатление, что помещение это к дому отношения не имеет. Однако на обеих планетах, несмотря на все их колоссальные различия, Личные были оборудованы строго функционально, и в них нельзя было спутать назначение предметов. Так для чего на Авроре старательно маскируют обстановку Личной сложной иллюзией сельской местности?

Ну во всяком случае злость не оставила места для переживаний из-за того, что он словно бы очутился во Вне.

Бейли шагнул туда, где видел прозрачный экран, но ошибся в выборе направления и отыскал его, медленно пробираясь вдоль стены на ощупь и ушибаясь о невидимые выступы.

В конце концов он помочился в иллюзию небольшого пруда, поверхность которого не по-

шла кругами от его струи, Колени сказали ему, что он целится в центр того, что счел уриналом. А если это вовсе не уринал или он промахивается, то вина не его!

Затем он хотел было снова отыскать раковину и ополоснуть руки, но передумал. Опять разыскивать, опять этот поддельный водопад? Нет уж!

Он принялся ощупью искать входную дверь, но обнаружил, что нашел ее, только когда она открылась от его прикосновения. Свет внутри сразу погас, и он вышел на нормальный реальный свет дня.

Рядом с Дэниелом стояли Фастольф и Жискар.

— Вы пробыли там почти двадцать минут, — сообщил Фастольф. — Мы уже начали беспокоиться.

Бейли захлестнула жаркая волна гнева.

— Мне мешали ваши дурацкие видеоиллюзии, — сказал он, крепко держа себя в руках.

Фастольф вытянул губы, и его брови поднялись в безмолвном удивлении. Он сказал:

— Сразу за дверью есть контакт, регулирующий видеоиллюзии. Их можно сделать прозрачными, так чтобы видеть обстановку, или отключить совсем.

— Меня не предупредили, И все Личные у вас

такие?

— Нет, — ответил Фастольф. — Личные на Авроре часто оборудованы для иллюзий, но в зависимости от индивидуальных вкусов. Мне нравится иллюзия природной зелени и время от времени я меняю некоторые детали. Ведь все приедается, вы понимаете. Некоторые люди заказывают эротические иллюзии, но меня они не прельщают. Помещения абсолютно стандартны, и ориентироваться в них легко. Не труднее, чем у себя в спальне, когда погашен свет… Но объясните, мистер Бейли, почему вы не вышли и не спросили, что надо делать?

— Потому что не захотел, — отрезал Бейли. — Не скрою, иллюзия вызвала у меня большое раздражение, но я приспособился. В конце концов, к Личной меня привел Дэниел, но он не предупредил меня, ничего не объяснил. А действуй он без специальных инструкций, я, конечно, получил бы от него подробные объяснения, поскольку он должен был предвидеть, что иначе мне будет причинен вред. Следовательно, я мог только заключить, что вы специально распорядились, чтобы он меня не предупреждал. Но, конечно, поступили вы так не из любви к шуткам, а из каких-то серьезных соображений.

— Да?

— Вы ведь пригласили меня выйти во Вне, но едва я огласился, как вы осведомились, не хочу ли я воспользоваться Личной. Я сделал вывод, что подвергнут действию иллюзии Вне для проверки, выдержу я или в панике выскочу наружу. Ну так я выдержал. Немного намок, спасибо вам, но скоро высохну.

— У вас ясная голова, мистер Бейли, — сказал Фастольф — Приношу извинение за проверку и неудобства, которые причинил вам. Но я просто стремился предупредить более серьезные последствия. Вы все еще хотите прогуляться со мной?

— Не только хочу, мистер Фастольф, а настаиваю.

20

Они пошли по коридору, Дэниел и Жискар следовали по пятам.

— Надеюсь, вы не против, что роботы будут нас сопровождать? — спросил Фастольф светским тоном. — Аврорианцы никогда не выходят из дома без сопровождения хотя бы одного робота, а я должен настаивать, чтобы Дэниел и Жискар все время были с вами.

Он открыл дверь, и Бейли собрал все силы, чтобы выдержать солнечные лучи и ветер, не говоря уж о сильных, незнакомых, инопланетных запахах аврорианской земли.

Фастольф отступил в сторону, а Жискар прошел вперед, внимательно оглядываясь. Было ясно, что все его органы чувств напряжены. Он оглянулся, и Дэниел, подойдя к нему, тоже произвел рекогносцировку.

— Подождем, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Они скажут нам, когда по их заключению мы сможем выйти. А пока я воспользуюсь случаем еще раз извиниться за подлую шутку, которую сыграл с вами в Личной. Но, поверьте, мы сразу же узнали бы, стань вам нехорошо — все проявления вашей жизнедеятельности регистрировались. Я очень доволен, хотя и не удивлен, что вы разгадали мое намерение. — Он улыбнулся и лишь с еле заметной заминкой положил ладонь на левое плечо Бейли и дружески его сжал.

Бейли ответил сухо:

— Вы, кажется, забыли еще одну вашу подлую шутку — псевдопопытку швырнуть в меня комбисудок. Если вы дадите мне слово, что с этой минуты между нами все будет открыто и честно, я признаю, что вами руководило желание сде-

лать как лучше.

— Договорились!

— Уже можно идти? — спросил Бейли, наблюдая за Жискаром и Дэниелом, которые тем временем прошли дальше и все с той же наряженной сосредоточенностью повернули в разные стороны.

— Пока еще нет. Они обойдут дом вокруг… Дэниел сказал, что вы приглашали его зайти с вами в Личную. Вы не шутили?

— Нет Конечно, я знаю, что ему это не требуется, но я опасался, что просто оставить его стоять было бы невежливо. О том, как положено поступать в подобных случаях на Авроре, я понятия не имею, хотя и много прочел об общественных институтах Авроры.

— Думается, аврорианцы не считают, что это заслуживает упоминания. Ну и нельзя требовать, чтобы в книгах была сделана попытка просветить заезжих землян в этих вопросах.

— Потому что земляне заезжают к вам редко?

— Вот именно. Суть, естественно, в том, что роботы не посещают Личные. Это единственное место, где люди от них свободны. Видимо, существует подсознательное чувство, что в определенные моменты и в определенных местах

надо от них освобождаться.

— Однако, — заметил Бейли, — когда Дэниел был на Земле в связи со смертью Сартона три года назад, я попытался не пустить его в коммунальную Личную, напоминая, что ему это не нужно, но он все-таки настоял и вошел.

— И поступил правильно. Ему тогда были даны строжайшие инструкции ни в чем не отличаться от людей — вы помните почему. Но здесь, на Авроре… А! Они закончили.

Роботы направились к двери, и Дэниел жестом пригласил их выйти.

Но Фастольф вытянул руку перед грудью Бейли.

— С вашего разрешения, мистер Бейли, я выйду первым. Сосчитайте неторопливо до ста и присоединяйтесь к нам.

21

Произнеся вслух «сто!», Бейли твердо переступил порог и пошел к Фастольфу. Пожалуй, лицо у него было слишком каменным, зубы стиснуты слишком крепко, а спина выглядела слишком прямой.

Он огляделся. Примерно то же, что он видел в

Личной. Возможно, Фастольф взял образцом собственные угодья. Всюду зелень, а в одном месте по склону струился ручей. Возможно, искусственный, но не иллюзорный. Вода была настоящей: проходя мимо, он почувствовал на лице брызги.

И все было каким-то приручeнным. На Земле Вне выглядело более диким и величаво красивым, чем этот пейзаж.

Фастольф слегка коснулся плеча Бейли и показал рукой:

— Пойдемте вон туда. Посмотрите! — И он указал на широкую лужайку, видневшуюся в просвете между двумя деревьями.

В первый раз Бейли ощутил протяженность пространства, различил у горизонта какое-то жилище — низкое, широкое и такого зеленого цвета, что оно почти сливалось с окружающим пейзажем.

— Это жилой район, — объяснил Фастольф, — Возможно, вам, привыкшему к гигантским ульям Земли, он таким не кажется, но тем не менее мы находимся в аврорианском городе Эос, административном центре планеты. В нем живет двадцать тысяч человек — и это самый крупный населенный пункт не только на Авроре, но и на всех космомирах. Численность населения Эоса

равна численности населения всей Солярии, — с гордостью закончил Фастольф.

— А роботов сколько, доктор Фастольф?

— В этом районе? Около ста тысяч. В целом на планете на каждого человека в среднем приходится пятьдесят роботов, а не десять тысяч, как на Солярии. Большая часть наших роботов занята на наших фермах, наших рудниках и в космосе. Собственно говоря, у нас все время ощущается нехватка роботов, особенно домашних. Большинству аврорианцев приходится обходиться двумя-тремя, а некоторым так даже одним. Однако мы не намерены идти путем Солярии.

— А у какого числа аврорианцев вообще нет домашних роботов?

— Таких нет. Это не в интересах общества. Если бы мужчина или женщина по той или иной причине не могли оплатить робота, ему или ей был бы предоставлен робот, оплачиваемый из общественных средств.

— Что произойдет с ростом населения? Вы добавите роботов?

Фастольф покачал головой:

— Численность населения не увеличивается. Население Авроры равно двумстам миллионам и цифра эта остается стабильной уже триста лет.

Число это наиболее оптимально. Но, конечно же, вы читали об этом в фильмокнигах?

— Да, — подтвердил Бейли, — но мне не верилось.

— Уверяю вас, это правда. Таким образом, у каждого из нас есть достаточно земли, достаточно пространства, достаточно возможностей уединиться и достаточная доля мировых ресурсов. Ни избытка населения, как на Земле, ни недостатка его, как на Солярии. — Он взял Бейли под руку, чтобы они могли идти дальше.

— Вы видите перед собой, — продолжал Фастольф, — одомашненный мир. Я пригласил вас сюда, чтобы показать его вам, мистер Бейли.

— И в нем нет ничего опасного?

— Какая-то опасность присутствует всегда, мистер Бейли. У нас есть ураганы, горные оползни, землетрясения, лавины, бураны, парочка вулканов… Несчастные случаи со смертельным исходом также полностью исключить нельзя. И остаются страсти злобных и завистливых людей, глупости умственно незрелых, безумие недальновидных. Однако все это второстепенные беды, и они не слишком влияют на цивилизованное спокойствие, царящее в нашем мире.

Фастольф, казалось, задумался над своими сло-

вами, а потом сказал со вздохом:

— Я не могу желать, чтобы он был иным, но у меня есть некоторые «но». Мы привезли на Аврору только те растения и тех животных, которых считали полезными или декоративными, или объединяющими эти два качества. Мы приложили все силы, чтобы уничтожить то, что расценивали как сорняки, как вредных животных или паразитов. Или просто не отвечающих стандартам. Мы отобрали сильных, здоровых, привлекательных людей — разумеется, с нашей собственной точки зрения. Мы пытались… Вы, по-моему, улыбаетесь, мистер Бейли.

Но Бейли не улыбался. Просто у него скривились губы.

— Нет, нет, — сказал он. — Чему тут улыбаться?

— Отчего же? Я не хуже вас понимаю, что не могу считаться привлекательным по аврорианским меркам. Беда в том, что мы не можем стопроцентно контролировать комбинации генов и внутри маточные воздействия. Теперь, разумеется, когда эктогенез становится все более распространенным (хотя я надеюсь, он никогда не распространится так, как на Солярии), меня ликвидировали бы на поздней стадий эмбрио-

нального развития.

— В таком случае, доктор Фастольф, миры лишились бы великого теоретика робопсихологии.

— Совершенно верно, — ответил Фастольф без малейшего видимого смущения. — Однако миры бы об этом не узнали, не правда ли? Но как бы то ни было, мы стремились создать очень простой, но абсолютно практичный экологический баланс, здоровый климат, плодородную почву, а также елико возможно равномерное распределение ресурсов. Результатом явился мир, который производит все, в чем мы нуждаемся, и в необходимых количествах. Мир, который, если мне будет позволено выразиться фигурально, считается с нашими потребностями. Сказать вам, к какому идеалу мы стремились?

— Прошу вас, — ответил Бейли.

— Мы трудились, чтобы создать планету, которая, взятая целиком, подчинялась бы Трем Законам роботехники. Она не причиняет вреда человеку ни активно, ни пассивно. Она делает то, чего мы от нее ждем, если только мы не толкаем ее причинять вред людям. И она защищает себя, если исключить те моменты и те места, когда и где она должна служить нам или спасать нас даже ценой причинения вреда себе. Нигде еще

— ни на Земле, ни на других космомирах — нет такого приближения к идеалу, как на Авроре.

— Земляне тоже стремились к этому, — печально сказал Бейли. — Но нас уже было слишком много, и мы в дни нашего невежества причинили планете такой ущерб, что теперь уже не в состоянии исправить. Но как же эндемичные формы жизни Авроры? Вы ведь осваивали не мертвую планету.

— Вы это знаете, — сказал Фастольф, — раз вы просмотрели фильмокниги по нашей истории, Когда мы прибыли на Аврору, она имела флору, фауну и азотокислородную атмосферу. Это же относится и ко всем пятидесяти космомирам. Интересно, что на всех них живые организмы были малочисленны и мало разнообразны. И за свою планету они держались не слишком цепко. Мы овладели планетой, так сказать, без борьбы, а что осталось от эндемиков, сохраняется в наших аквариумах, в наших зоопарках и нескольких тщательно поддерживаемых заповедниках первобытной природы. Мы, собственно, по-настоящему не знаем, почему все планеты, на которых человек обнаруживал жизнь, оказывались такими скудными ее носителями, почему только сама Земля просто кишела упорными всевозмож-

ными видами жизни, заполнявшими каждую экологическую нишу, и почему только на Земле появился разум.

— Может быть, это совпадение, — сказал Бейли. — Результат неполного исследования космоса. Слишком мало пока мы знаем планет.

— Согласен, — отозвался Фастольф. — Это наиболее правдоподобное объяснение. Возможно, где-то существует такой же сложный экологический баланс, как на Земле. Где-то может существовать разумная жизнь и технологическая цивилизация. Но ведь жизнь и разум Земли распространились на парсеки и парсеки во всех направлениях. Так почему же те не вышли в космос и почему мы не встретились?

— Это может произойти уже завтра. Как знать?

— Да, может. И если такая встреча неминуема, тем больше причин не ждать сложа руки. А. мы становимся все пассивнее, мистер Бейли. Ни единый космомир не был освоен за последние два с половиной столетия. Наши миры настолько одомашнены, настолько восхитительны, что мы не хотим их покидать. Видите ли, этот мир был освоен потому, что сама Земля стала такой неприятной, что риск и опасности освоения новых пустых миров выглядели в сравнении

куда предпочтительнее. К тому времени, когда сложились наши пятьдесят миров — последним была Солярия, — ни нужды, ни побудительных причин двигаться дальше не осталось. А сама Земля отступила в свои подземные стальные пещеры. Все. Конец.

— Вы говорите несерьезно!

— Если мы останемся такими же? Безмятежными, всем довольными и застывшими? Нет, я говорю совершенно серьезно. Человечество должно расширять свои границы, чтобы не захиреть. И один из способов — распространение в космосе, постоянное устремление к другим мирам. Если мы откажемся от этого, какая-нибудь иная цивилизация, переживающая такой же взрыв, доберется до нас, и мы не сможем противостоять ее динамизму.

— Вы предрекаете межзвездную войну? В стиле гиперволновок?

— Нет. Сомневаюсь, что в этом возникнет нужда. Цивилизации, распространяющейся в космосе, вряд ли потребуется горстка наших миров. К тому же в интеллектуальном отношении она, вероятно, достигнет таких высот, что ей не понадобится добиваться гегемонии тут насильственным путем. Однако в окружении более

энергичной, более дерзновенной цивилизации мы сойдем на нет просто в силу сравнения, мы погибнем, осознав, во что превратились, какой потенциал растратили зря. Конечно, мы могли бы заменить эту экспансию какой-нибудь другой — например, научным взлетом или подъемом культуры. Боюсь, однако, что все эти экспансии взаимосвязаны. Отказаться от одной — значит отказаться от всех. И мы, безусловно, сходим на нет во всем. Живем чересчур долго. Слишком ценим комфорт.

— На Земле, — сказал Бейли, — мы считаем космонитов всемогущими, полными неколебимой уверенности в себе. Я просто не могу поверить, что слышу от вас такое.

— Ни от одного другого космонита вы этого и не услышите. Мои взгляды не модны. Многие сочтут их возмутительными, и аврорианцам я редко говорю что-либо подобное, но просто призываю к новому устремлению в космос и умалчиваю об угрозе катастрофы, которая неминуемо разразится, если мы откажемся от дальнейшей колонизации. И хотя бы в этом я преуспел: Аврора серьезно — даже с энтузиазмом — обдумывала начало новой эры исследований и освоения.

— Вы говорите это, — заметил Бейли, — без

особого энтузиазма. В чем дело?

— Просто мы подходим к мотиву, который мог побудить меня уничтожить Джендера Пэнелла.

Фастольф помолчал, встряхнул головой и продолжал:

— Мне бы хотелось, мистер Бейли, лучше понимать людей. Я потратил шесть десятков лет на изучение тонкостей позитронного мозга и надеюсь посвятить им еще пятнадцать-двадцать. И за вес это время я практически не соприкоснулся с проблемами человеческого мозга, неизмеримо более сложными. Нет ли Законов для человека, аналогичных Трем Законам для роботов? Сколько их? Как их можно выразить математически? Я не знаю. Однако может наступить день, когда кто-то разработает Законы Человека и сможет предсказывать большие отрезки будущего, зная точно, что ждет человечество, а не просто строя догадки, как я, зная точно, как улучшить положение вещей, а не шаря в темноте. Иногда я мечтаю о создании математической науки, которую назвал бы «психоистория», но знаю, что мне это не удастся. Да и никому другому, боюсь, тоже.

Он умолк, Бейли подождал, а потом сказал мягко:

— А ваш мотив уничтожить Джендера Пэнелла,

доктор Фастольф?

Фастольф словно не услышал его. Во всяком случае, он ничего не ответил. И сказал только:

— Дэниел и Жискар опять сигналят, что опасности нет. Скажите, мистер Бейли, вы расположены пройти со мной еще некоторое расстояние?

— А куда? — осторожно осведомился Бейли.

— К соседнему дому. Вон в том направлении через лужайку. Вам тяжело будет идти через нее?

Бейли сжал губы и поглядел, куда указывал Фастольф. Он словно примеривался.

— По-моему, я стерплю. И не предвижу никаких осложнений.

Жискар, находившийся в пределах слышимости, подошел поближе. В солнечных лучах его глаза не светились. Его голос был лишен человеческой эмоциональности, но слова были исполнены заботливости:

— Сэр, могу ли я напомнить вам, что на пути сюда вы испытали серьезное недомогание при посадке?

Бейли обернулся к нему. Как бы он ни относился к Дэниелу, как бы теплота воспоминаний о их совместной работе ни нейтрализовала его отношения к роботам вообще, к Жискару это все никакого отношения не имело. Эта более

примитивная модель действовала на него отталкивающе. Он попытался подавить злость, и ответил:

— На борту корабля, бой, я был неосторожен, слишком поддавшись любопытству. Я столкнулся с тем, чего прежде никогда не испытывал, и у меня не было времени приспособиться. А это совсем другое.

— Сэр, вы испытываете сейчас неприятные ощущения? Могу ли я узнать это?

— Испытываю или нет, — твердо ответил Бейли (напомнив себе, что робот вынужден следовать требованиям Первого Закона, и пытаясь быть вежливым с куском металла, который, в конце концов, печется только о его, Бейли, благополучии), — значения не имеет. Я обязан исполнить свой долг, но не смогу этого сделать, если буду прятаться в закрытых помещениях.

— Ваш долг? — повторил Жискар так, словно его программа этого слова не включала.

Бейли быстро взглянул на Фастольфа, но тот стоял спокойно и явно вмешиваться не собирался. Казалось, он с абстрактным интересом взвешивает реакцию робота данного типа на новую ситуацию и примеривает ее к взаимосвязям, переменным и дифференциальным уравнениям,

понятным только ему.

Во всяком случае так показалось Бейли. Он рассердился, что служит пищей для подобных наблюдений, а потому сказал (излишне резким тоном, как сам заметил):

— Ты знаешь, что такое долг?

— То, что положено делать, сэр.

— Твой долг — повиноваться Трем Законам. У людей есть свои законы, как недавно упомянул доктор Фастольф, твой хозяин, и они должны им повиноваться. Я должен сделать то, что мне поручено. Это очень важно.

— Но выйти на открытое пространство, когда вам не…

— Тем не менее сделать это необходимо. Мой сын со временем, возможно, отправится на планету, куда менее приятную для жизни, чем ваша, до конца дней жить во Вне. А если бы я сумел вынести это, я бы отправился с ним.

— Но почему вы хотите это сделать?

— Я уже сказал тебе, что подчиняюсь своему долгу.

— Сэр, я не могу не подчиниться Законам. А вы своим? Прошу вас…

— Я могу пренебречь своим долгом, но не хочу, а это, Жискар, особо сильное побуждение.

Наступило молчание, потом Жискар сказал:

— Вам повредит, если я уговорю вас не выходить на открытое место?

— В той мере, в какой я тогда буду сожалеть, что не выполнил свой долг.

— А это вреднее неприятных ощущений, которые могут возникнуть у вас на открытом месте?

— Гораздо вреднее.

— Благодарю вас, сэр, за объяснение, — сказал Жискар, и Бейли почудилось удовлетворение на невыразительном лице робота. (Человеческая склонность к индивидуализации неукротима!)

Жискар отступил назад, и тут Фастольф сказал:

— Это было очень интересно, мистер Бейли. Жискару понадобились пояснения, прежде чем он разобрался, как согласовать реакцию позитронного потенциала с Тремя Законами, а вернее, как эти потенциалы должны среагировать в таких условиях. Теперь он знает, как себя вести.

— Я заметил, что Дэниел вопросов не задавал, — сказал Бейли.

— Дэниел знает вас. Он был с вами на Земле и на Солярии… Так пойдемте. Не будем спешить. Будьте осторожны, и если вам захочется подождать, отдохнуть или даже повернуть обратно, надеюсь, вы мне немедленно скажете.

— Хорошо. Но в чем цель этой прогулки? Раз вы опасаетесь, что я почувствую себя дурно, вы предложили совершить ее не просто так.

— Конечно, — ответил Фастольф. — Я подумал, что вы хотите увидеть парализованное тело Джендера.

— Да, чтобы выполнить все формальности. Но полагаю, мне это ничего не даст.

— Я тоже так считаю, но, кроме того, вы сможете задать вопросы лицу, в чьем временном владении находился Джендер в момент трагедии. Полагаю, вы захотите поговорить об этом еще с одним человеком, кроме меня.

22

Фастольф медленно пошел вперед, сорвал лист с какого-то куста, сложил его пополам и сунул а рот.

Бейли посмотрел на него с любопытством, недоумевая, что космониты, трепеща перед инфекцией, способны жевать что-то не обработанное, не приготовленное и даже не мытое. Тут он припомнил, что на Авроре нет (абсолютно нет?) патогенных микроорганизмов, но все равно почувствовал отвращение. Но отвращение

ведь не требует рационального обоснования, подумал он виновато… И внезапно почувствовал, что готов простить космонитам их отношение к землянам.

Он спохватился. Это же совсем другое! Речь идет о людях!

Жискар прошел вперед, сворачивая вправо. Дэниел шел сзади левее. Оранжевое солнце Авроры (Бейли перестал замечать его оранжевость) чуть грело его спину, а не пекло, как земное Солнце летом. (Но какое время года сейчас в этой части Авроры и вообще какой тут климат?)

Трава или… (но растительность очень напоминала траву) была более жесткой и пружинящей, чем ему помнилась земная, а почва казалась очень твердой, словно тут давно не выпадал дождь.

Теперь они направлялись прямо к дому впереди — видимо, дому квазивладельца Джендера.

Бейли услышал, как справа в траве прошуршало какое-то животное, на дереве позади громко чирикнула птица, а вокруг неясно где раздавался стрекот насекомых. А ведь предки всех них, подумал Бейли, когда-то жили на Земле. Откуда им знать, что этот участочек почвы не был для них исконным, уходящим назад во тьму времен. Ведь

даже деревья и трава происходят от деревьев и травы, которые росли на Земле.

Только люди могли жить в этом мире и сознавать, что они — не его аборигены, а происходят от землян. Но сознают ли это космониты или попросту выкинули из головы? Не наступит ли время, когда они прочно об этом забудут? Когда не будут знать, с какого мира происходят и даже что такой мир вообще существовал?

— Доктор Фастольф! — сказал он внезапно, отчасти для того, чтобы отвлечься от мыслей, которые становились все тягостнее. — Вы все еще не сообщили мне свой мотив уничтожения Джендера.

— Вы совершенно правы. Не сообщил. А как, по-вашему, мистер Бейли, для чего я потратил столько трудов, чтобы создать теоретическую основу позитронного мозга человекоподобных роботов?

— Не знаю.

— А вы подумайте. Задача заключается в том, чтобы создать мозг для робота, настолько близкий к человеческому, насколько возможно, а это, видимо, потребует определенного вторжения в поэтическую… — Он умолк, и его легкая улыбка превратилась в веселую усмешку. — Знаете, неко-

торых моих коллег шокирует, когда я говорю им, что вывод, если он поэтически не сбалансирован, не может быть верным научно. Они говорят, что не понимают, при чем тут поэзия.

— Боюсь, я тоже не понимаю, — сказал Бейли.

— А я понимаю. Не могу объяснить, но чувствую это объяснение, хотя не нахожу для него слов. Возможно, потому-то я добивался того, чего не добивались мои коллеги. Однако я впадаю в высокопарность, а это верный признак, что мне следует перейти на деловую прозу. Подражание человеческому мозгу, когда я ничего не знаю о человеческом мозге, требует интуитивного прорыва — чего-то, что я ощущаю как поэзию. И тот же интуитивный прорыв, который подарит мне позитронный для человекоподобных роботов, должен, по-моему, открыть нам новый доступ к познаниям о человеческом мозге. Вот во что я верил: что человекоподобные роботы помогут мне сделать хотя бы шажок к психоистории, про которую я вам говорил.

— Ах так.

— А раз мне удалось разработать теоретическую основу человекоподобного позитронного мозга, мне потребовалось для него человекоподобное тело. Мозг сам по себе не существует, вы

понимаете? Он взаимодействует с телом, так что человекоподобный мозг в не человекоподобном теле сам в какой-то мере станет нечеловечным.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Просто сравните Дэниела с Жискаром.

— Следовательно, Дэниел был создан как экспериментальный прибор для лучшего постижения человеческого мозга?

— Верно! Я трудился два десятилетия над этим вместе с Сартоном. Многочисленные неудачи, а потом первый успех — Дэниел. Конечно, я сохранил его для дальнейшего изучения, ну и… — Он криво усмехнулся, словно признаваясь в большой глупости. — И из нежности. Ведь Дэниел способен постигнуть понятие человеческого долга, а Жискару, несмотря на все его достоинства, это далось нелегко, как вы видели.

— А когда Дэниел три года назад был со мной на Земле, он выполнял первое свое задание?

— Первое важное. Когда Сартона убили, нам потребовался робот, которому не грозили бы инфекционные болезни Земли, и в то же время настолько похожий на человека, что он не пробуждал бы в землянах их обычной антипатии к роботам.

— Удивительное совпадение, что Дэниел оказался у вас под рукой в нужную минуту.

— А? Вы верите в совпадения? У меня такое ощущение, что всякий раз, когда появляется такое революционное изобретение, как человекоподобный робот, обязательно возникает ситуация, требующая его применения. Подобного рода ситуации, без сомнения, постоянно возникали на протяжении всех тех лет, пока Дэниела еще не было, — и потому, что его не было, приходилось подыскивать другие решения задачи и другие способы.

— А ваши труды оказались успешными, доктор Фастольф? Вы теперь понимаете мозг человека лучше, чем прежде?

Фастольф все замедлял и замедлял шаг, и Бейли тоже, а теперь они совсем остановились примерно на полпути между домом Фастольфа и тем, к которому они направлялись. Для Бейли это был самый трудный момент, поскольку он был равно далек от обоих возможных приютов, но он упрямо боролся с нарастающей тревогой, чтобы не спровоцировать Жискара. Он не хотел невольным движением и вздохом — или просто выражением лица — дать толчок желанию Жискара спасать его. Он не хотел, чтобы его взяли на

руки и отнесли в безопасное место.

Фастольф как будто не замечал дилеммы Бейли.

— Вне всяких сомнений, — сказал он, — в изучении мышления произошел значительный прогресс. Остаются еще огромные проблемы — и, возможно, они так и останутся неразрешенными, однако продвижение вперед налицо. Тем не менее…

— Да?

— Тем не менее Аврору не удовлетворяет чисто теоретическое изучение человеческого мозга. Были предложены способы использования человекоподобных роботов, которые я одобрить не мог.

— Например, на Земле.

— Нет. Это был короткий эксперимент, который я поддержал и наблюдал с большим интересом. Сможет Дэниел провести землян? Оказалось, что да, хотя, конечно, взгляд землян не натренирован на роботов. Однако предлагались и другие способы его использования.

— Какие же?

Фастольф задумчиво поглядел вдаль.

— Я говорил вам, что этот мир одомашнен. Когда я начал свою кампанию за возвращение к

исследованию космоса и освоению новых планет, я надеялся, что инициатива будет принадлежать не купающимся в комфорте аврорианцам и вообще космонитам. Мне казалось, нам следует привлечь землян. С их жутким простите меня — и кратким сроком жизни терять им практически нечего, и я думал, они ухватятся за такую возможность, тем более если мы окажем им техническую помощь. Я говорил с вами об этом, когда мы встретились три года назад на Земле. Вы помните? — Он искоса посмотрел на Бейли.

— Прекрасно помню, — ответил Бейли невозмутимо. — Собственно, вы навели меня на мысли, в результате которых на Земле возникло небольшое движение за то, о чем вы говорите.

— Неужели? Но, полагаю, это очень нелегко. Ваша агорафобия, ваше нежелание покидать ваши стены…

— Мы с ней боремся, доктор Фастольф. Наша организация планирует выход в космос. Мой сын принадлежит к лидерам этого движения, и я надеюсь, что наступит день, когда он покинет Землю во главе экспедиции, отправляющейся осваивать новый мир. И если мы действительно получим техническую помощь, о которой вы упомянули… — Бейли выжидающе умолк.

— Если мы предоставим вам корабли, имеете вы в виду?

— И другое оборудование. Да, доктор Фастольф.

— Тут есть трудности. Многие аврорианцы не хотят, чтобы земляне вышли в космос и заселили новые миры. Они опасаются быстрого распространения земной культуры, ее Городов-ульев, ее хаотичности. — Он переступил с ноги на ногу и сказал: — Но почему мы стоим тут? Идемте же!

Он медленно пошел вперед, говоря:

— Я доказывал, что ничего подобного не произойдет. Я напоминал, что поселенцы с Земли перестанут быть землянами в классическом смысле слова. Они не будут заключены в Городах. Поселившись на новой планете, они уподобятся Отцам-Основателям Авроры, когда те прибыли сюда. Они создадут управляемое экологическое равновесие и по мироощущению будут ближе к аврорианцам, чем к землянам.

— Но не разовьются ли и у них слабости, которые вы обнаружили в культуре космонитов, доктор Фастольф?

— Возможно, что и нет. Они учтут наши ошибки… Но это чисто академическая дискуссия: возник новый фактор, лишающий этот аргумент всякой силы.

— Какой же?

— Да человекоподобные роботы. Видите ли, есть люди, которые считают человекоподобных роботов идеальными первопоселенцами. Пусть они создают новые миры.

— Но роботы у вас были всегда, — заметил Бейли. — Вы хотите сказать, что эта идея никогда прежде не выдвигалась?

— Выдвигалась, конечно, но была практически неосуществимой. Обычные, не человекоподобные роботы без непосредственного человеческого руководства, создавая мир, подходящий для них, просто не сумеют одомашнить и приспособить его к более тонкому и гибкому человеческому интеллекту, к потребностям человеческого тела.

— Но ведь этот мир, наверное, окажется вполне освоенным в первом приближении и пригодным для дальнейшего усовершенствования.

— Бесспорно, мистер Бейли. Однако аврорианский декаданс проявляется в том, что в подавляющем большинстве мои сопланетники считают, что первого приближения вопиюще мало. А вот группа человекоподобных роботов, очень близких к человеку и телесно, и интеллектуально, сумеет создать мир, который, во всем отвечая их нуждам, неизбежно окажется удоб-

ным и для аврорианцев. Вам понятна их логика?

— Вполне.

— Они создадут такой безупречный мир, что, понимаете, когда он будет закончен, а аврорианцы, наконец, сочтут возможным переселиться, они просто сменят одну Аврору на другую. То есть в сущности не расстанутся с родной планетой, а обретут точно такую же, и упадок будет продолжаться.

— Я вижу силу вашего аргумента, но аврорианцы, насколько я понял, с ним не соглашаются.

— Могут не согласиться. Мне кажется, я сумею убедительно защитить свою позицию, если только оппозиции не удастся уничтожить меня политически с помощью этого обвинения в уничтожении Джендера. Понимаете теперь, какой мне приписывается мотив? Якобы я планирую уничтожить человекоподобных роботов, лишь бы не допустить, чтобы они осваивали новые планеты.

Теперь остановился Бейли. Задумчиво посмотрев на Фастольфа, он сказал:

— Вы отдаете себе отчет, доктор Фастольф, что победа вашей точки зрения полностью отвечает интересам Земли?

— И вашим интересам, мистер Бейли.

— И моим. Но если я на время оставлю их в стороне, то для моего мира остается жизненно важным, чтобы нашим людям позволили, поспособствовали укрепиться в таком намерении и помогли исследовать Галактику. Чтобы мы сохранили свой образ жизни в той мере, в какой он нас устраивает. Чтобы мы не были осуждены вечно оставаться на Земле, поскольку это неотвратимо приведет к нашей гибели.

— Думаю, многие из вас предпочтут остаться на Земле навеки.

— Безусловно. Не исключено, что такой выбор сделают почти все. И все-таки некоторые из нас — все, кого удастся убедить, — спасутся, если нам позволят. Поэтому мой долг, не только как блюстителя закона заметной части человечества, но и как просто землянина, помочь вам очистить свое имя, виновны вы или не виновны. Тем не менее полностью отдаться выполнению этой задачи я могу, только если буду твердо знать, что выдвинутые против вас обвинения несостоятельны.

— Разумеется! Я понимаю.

— В таком случае теперь, когда вы объяснили мне, какой вам приписывается мотив, подтвердите еще раз, что вы этого не делали.

— Мистер Бейли, — сказал Фастольф, — я прекрасно понимаю, что у вас нет выбора. Я сознаю, что с полной безнаказанностью мог бы открыть вам, что я виновен, и вы в силу ваших насущных интересов и насущных интересов вашего мира вынуждены были бы помочь мне скрыть этот факт. Более того, будь я виновен, мне пришлось бы сказать вам об этом, чтобы вы учитывали мою вину и, зная правду, более успешно помогали мне… и себе. Но я не могу признаться, потому что не виновен. Как бы факты ни свидетельствовали против меня, Джендера я не губил. Ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Ни разу?

Фастольф грустно улыбнулся:

— Ну возможно, раза два у меня и мелькала мысль, что для Авроры было бы лучше, если бы я не разрабатывал оригинальные идеи, которые привели к созданию человекоподобного позитронного мозга… Или что для нее было бы лучше, окажись такой мозг не очень стабильным, подверженным умственной заморозке. Но ни на одну секунду я не планировал покончить с Джендером по этой причине.

— В таком случае мы должны дезавуировать мотив, который вам приписывают.

— Отлично. Но как?

— Доказать его бессмысленность. Что толку было уничтожать Джендера? Ведь можно сконструировать других человекоподобных роботов. Тысячи их. Миллионы.

— Боюсь, это не так, мистер Бейли. Я один знаю, как их конструировать, а пока есть опасность, что их будут использовать для освоения планет, я не создам больше ни одного. Джендера больше нет, и остается только Дэниел.

— Другие повторят ваше открытие.

Фастольф вздернул подбородок:

— Покажите мне робопсихолога, способного на это. Мои враги создали Институт робопсихологии с единственной целью установить, какими методами можно создать человекоподобного робота, но у них ничего не получится. Во всяком случае, я знаю, что пока они своего не добились. И не добьются.

— Но если вы единственный человек, знающий секрет человекоподобных роботов… — Бейли нахмурился. — А ваши враги отчаянно рвутся его узнать, разве они не попытаются заставить вас его открыть?

— Конечно. Угрожая моему политическому существованию, даже обещая каким-то образом

добиться, чтобы мне было запрещено работать в этой области, что положит конец и моему профессиональному существованию, они рассчитывают вырвать у меня согласие на сотрудничество. Они даже могут устроить так, чтобы Законодательное собрание приказало мне открыть секрет под угрозой конфискации моего имущества, тюремного заключения или еще чего-нибудь. Однако я твердо решил принять все последствия — любые последствия, но не уступить. Но вы понимаете, что я предпочту избежать подобной необходимости.

— А они знают, что вы не уступите?

— Надеюсь. Я сообщил им это совершенно недвусмысленно. Возможно, они считают, что я в последнюю минуту пойду на попятный, что только делаю вид. Но мое решение серьезно.

— Но если они вам поверят, то могут предпринять что-нибудь опасное.

— То есть?

— Ну, украсть ваши расчеты. Похитить вас. Пытать.

Фастольф громко расхохотался, и Бейли, покраснев, буркнул:

— Сожалею, что вынужден говорить в стиле гиперволновки, но все-таки о такой возможности

выдумали?

— Мистер Бейли, — сказал Фастольф, — во-первых, мои роботы — вполне достаточная защита. Потребуется настоящая война, чтобы захватить мои расчеты или меня. Во-вторых, и удайся что-либо подобное, ни один из настроенных против меня робопсихологов не стерпит, чтобы всем стало ясно, что открыть секрет позитронного мозга он сумел, только украв или силой вырвав его у меня, Это стало бы полным крахом его (или ее) профессиональной репутации. В-третьих, на Авроре такого просто не может быть. Малейшего намека на непрофессиональное посягательство на меня или мою работу будет достаточно, чтобы Законодательное собрание — и общественное мнение! — оказалось на моей стороне.

— Ах так? — пробормотал Бейли, про себя кроя последними словами необходимость работать на планете, чье общественное устройство на каждом шагу ставило его в тупик.

— Да. Поверьте моему слову. Я бы очень хотел, чтобы они допустили такую мелодраматичную выходку, Я бы очень хотел, чтобы у них хватило на это глупости. Право, мистер Бейли, я очень жалею, что вряд ли сумею убедить вас познакомиться с ними, войти к ним в доверие и

подтолкнуть их напасть на мой дом или подстеречь меня в укромном месте, или... ну, что там еще принято у вас на Земле.

— Это не в моем стиле, — сухо ответил Бейли.

— Совершенно с вами согласен, а потому не стану и пытаться. Но, как я уже сказал, очень жаль. Ведь если мы не можем убедить их прибегнуть к самоубийственному насилию, они выберут метод, более удачный с их точки зрения, и уничтожат меня ложью.

— Какой ложью?

— Они приписывают мне не просто уничтожение одного робота. Это достаточно скверно и может сыграть решающую роль. Но они пускают слушок... пока еще только слушок, будто гибель Джендера была просто моим экспериментом — удачным и чреватым большой опасностью. Они намекают, что я разрабатываю метод, чтобы быстро и необратимо парализовать человекоподобный мозг. И тогда, чуть мои враги создадут собственных человекоподобных роботов, я вместе с моими сторонниками смогу всех этих роботов уничтожить, помешав таким способом Авроре осваивать новые миры и предоставив Галактику моим сообщникам землянам.

— Но ведь это же неправда!

— Конечно. Я ведь сказал вам, что они распускают ложь. И к тому же нелепую. Такой метод даже теоретически существовать не может, а Институт робопсихологии вовсе не готов выпускать собственных человекоподобных роботов. Я никак не могу устроить оргию массового уничтожения, даже если бы хотел. Не могу!

— Но в таком случае они сами себя изобличат.

— Да только будет уже поздно. Пусть это детский вздор, но он успеет восстановить против меня общественное мнение в такой степени, что в Законодательном собрании я не соберу необходимое число голосов, конце концов выяснится, какая это чепуха, но тогда уже ничего не поправить. И заметьте, Землю тут используют как козла отпущения. Обвинение, что я действую в стачке с Землей, имеет большую силу, и многие поверят этой ерунде, поверят ему рассудку вопреки, только из неприязни к Земле и землянам.

— Иными словами, по-вашему, общественное мнение активно восстанавливается против Земли, — сказал Бейли.

— Совершенно верно, мистер Бейли. С каждым днем положение Земли — и мое — становится все хуже, и времени у нас очень мало.

— Но разве нет очень простого способа опро-

вергнуть эту ложь? (В отчаянии Бейли решил, что пора пустить в ход аргумент Дэниела.) Если вам и в самом деле необходимо было проверить метод уничтожения человекоподобного робота, зачем было экспериментировать с роботом, находящимся в другом доме? Возможно, трудно достижимым? У вас же в доме есть Дэниел. Прямо у вас под рукой. Самый удобный материал. Будь в этих слухах хоть йота правды, вы бы поставили свой эксперимент на нем, ведь верно?

— Нет, нет, — возразил Фастольф. — Этому никто не поверит. Дэниел — мой первый успех, мой триумф. Его я бы не уничтожил ни при каких обстоятельствах. Естественно, я избрал бы Джендера. Это ясно всякому, и я выглядел бы дураком, попытайся я убедить их, что логика подсказывала бы мне выбрать Дэниела.

Они уже снова шли, и до их цели было рукой подать. Бейли хмуро молчал.

— Как вы себя чувствуете, мистер Бейли? — спросил Фастольф.

Бейли ответил тихо:

— Если вы спрашиваете о том, как на меня действует Вне, то я просто его не замечаю. Если вы подразумеваете нашу проблему, то я думаю, не проще ли мне просто залезть в ультразвуковую

камеру для размягчения мозгов. — Потом он добавил с яростью: — Почему вы за мной послали, доктор Фастольф? Почему задали мне эту задачу? Что я такого вам сделал?

— Собственно говоря, — ответил Фастольф, — идея принадлежала не мне, и в свое оправдание я могу только сослаться на безвыходность моего положения.

— Так чья же это идея?

— Предложена она была вот в этом доме, к которому мы подходим. А я готов был ухватиться за соломинку.

— В этом доме? Но с какой стати его владелец…

— Владелица.

— Пусть владелица. Но с какой стати она это предложила.

— Ах, да я же не упомянул, что она знакома с вами, мистер Бейли! Вон она встречает нас.

Бейли с недоумением взглянул туда, куда указывал Фастольф.

— Иосафат!

Глава шестая
Глэдия
23

Вышедшая к ним навстречу молодая женщина сказала с печальной улыбкой:

— Я знала, Элайдж, что, снова встретившись с вами, самым первым услышу именно это слово!

Бейли смотрел на нее во все глаза. Она заметно изменилась. Волосы были подстрижены короче, а лицо стало еще более печальным, чем два года назад, и как будто стало старше на два года. И тем не менее это была прежняя Глэдия. То же лицо сердечком с высокими скулами и небольшим подбородком. Та же невысокая тоненькая фигурка, сохранившая что-то от маленькой девочки.

После того как он вернулся на Землю, она часто ему снилась, но прямо эротически — никогда. В его снах она всегда оставалась недостижимой, как он ни искал ее. Она неизменно была так далеко, что с ней нельзя было заговорить. Если он звал ее, она не слышала. И когда шел к ней, то не приближался ни на шаг — расстояние, их разделявшее, не уменьшалось ни на йоту.

Он понимал, почему она снится ему только так. Ведь родилась она на Солярии и редко встречалась с другими людьми лицом к лицу — только с их трехмерными изображениями.

Элайдж был для нее запретен как человек, а сверх этого (разумеется) как землянин. Хотя расследование убийства вынудило их встречаться лицом к лицу, она всегда была в глухой одежде, чтобы избежать даже случайного прикосновения. И все же во время их последней встречи она вопреки здравому смыслу слегка погладила его щеку рукой без перчатки. Она должна была знать, что может таким образом получить инфекцию. Он тем более ценил это прикосновение, что оно противоречило всему ее воспитанию.

Со временем сниться ему она перестала.

— Так это вам принадлежал… — растерянно сказал Бейли.

Он умолк и Глэдия докончила за него:

— Тот робот. А два года назад у меня был муж. Все, к чему я ни прикоснусь, погибает.

Неожиданно для себя Бейли провел ладонью по щеке. Глэдия словно бы не заметила его жеста. Она сказала:

— В тот раз вы прилетели спасти меня. Простите, но я должна была позвать вас снова… Входите

же, Элайдж. Входите, доктор Фастольф.

Фастольф отступил, пропуская Бейли вперед, а сам вошел за ним. Следом за Фастольфом вошли Дэниел и Жискар, но сразу же с обычной для роботов ненавязчивостью молча встали в пустых стенных нишах напротив друг друга,

Мгновение казалось, что Глэдия отнесется к ним с обычным для аврорианцев равнодушием. Однако, взглянув на Дэниела, она отвернулась и сказала Фастольфу чуть прерывающимся голосом:

— Вон тот. Пожалуйста. Отошлите его.

— Дэниела? — спросил Фастольф, удивленно глядя на нее.

— Он… он слишком похож, на Джендера!

Фастольф обернулся к Дэниелу, и на мгновение его лицо исказилось от ничем не замаскированной боли.

— Конечно, моя дорогая. Простите меня. Я не подумал… Дэниел, пройди в соседнюю комнату и оставайся там, пока мы не уйдем.

Дэниел молча вышел.

Глэдия взглянула на Жискара, словно проверяя, насколько он похож на Джендера, и повернулась, слегка пожав плечами.

— Могу ли я предложить вам что-нибудь

перекусить или выпить? — сказала Глэдия, — Кокосовый коктейль, свежий и холодный?

— Нет, Глэдия, спасибо, — сказал Фастольф. — Я просто привел мистера Бейли, как обещал. Но я ненадолго.

— Я выпил бы воды, — сказал Бейли, — если можно.

Глэдия подняла ладонь. Несомненно, за ней наблюдали, так как почти сразу в комнату бесшумно вошел робот со стаканом воды на подкосе и вазочкой, полной чего-то вроде крекеров с розовой шишечкой на каждом.

Бейли не удержался и взял один, хотя и не представлял себе, чем может оказаться это угощение. Происхождение, конечно, земное: вряд ли на Авроре люди едят хоть что-то из скудной исконной биоты. Или синтетическую пищу, если на то пошло. Тем не менее земные источники пищи могли со временем претерпеть существенные изменения либо благодаря специальной селекции, либо под воздействием новой природной среды. Ведь Фастольф сказал за завтраком, что к аврорианской кухне надо приобрести вкус.

Он был приятно удивлен. Что-то островатое, пряное, но восхитительное. Он тут же взял второй крекер, сказал роботу «спасибо», хотя тот

продолжал бы невозмутимо стоять сколько угодно времени, и забрал у него стакан вместе с вазочкой.

Робот ушел.

День уже начинал клониться к вечеру, и в западные окна били красноватые солнечные лучи. Бейли показалось, что дом был меньше дома Фастольфа, но выглядел бы веселее к уютнее, если бы грустное лицо Глэдии не одевало все унынием.

Конечно, это могло ему просто почудиться. Да и как может казаться веселым и уютным здание, которое якобы служит людям жилищем и укрытием, а само со всех сторон открыто Вне, подстерегающему за каждой стеной. Нигде ни намека на покой многолюдия, общности. За каждой внешней стеной, крышей, полами — неодушевленный мир. Полный холода. Холода!

И холод нахлынул на Бейли, едва он вспомнил свое положение, (Встреча с Глэдией на миг заставила его забыть грозную дилемму.)

— Садитесь, Элайдж, — сказала Глэдия. — Извините что я немного не в себе. Во второй раз я оказалась в центре всепланетной сенсации, а для меня и первого раза было более чем достаточно.

— Я понимаю, Глэдия, — сказал Бейли. — Пожа-

луйста, не извиняйтесь.

— А вы дорогой доктор, пожалуйста, не считайте, что вам следует уйти.

— Ну-у… — Фастольф взглянул на временную ленту на стене. — Я останусь, но ненадолго, дорогая моя, — меня ждет работа, которую необходимо сделать, хоть рухни небеса. И тем более что меня поджидает скорое будущее, когда мне вообще не придется работать.

Глэдия заморгала, словно удерживая слезы.

— Я знаю, доктор Фастольф. У вас страшные неприятности из-за… из-за того, что произошло тут, а я веду себя так, словно думаю только… только о собственных неудобствах.

— Я постараюсь справиться со своими трудностями, Глэдия. И пожалуйста, не считайте себя виноватой. Возможно, мистер Бейли сумеет помочь нам обоим.

Бейли только стиснул зубы, услышав это, а потом сказал угрюмо:

— Я понятия не имел, Глэдия, что вы каким-то образом причастны к случившемуся.

— Как будто могло быть иначе! — сказала она со вздохом.

— Вы владеете… владели Джендером Пэнеллом?

— Ну, не совсем. Доктор Фастольф мне его одолжил.

— Вы были с ним, когда он… — Бейли замялся, ища слова.

— Когда он умер? Можно, мы будем говорить «умер»? Нет, не была. И сразу скажу вам, что в то время в доме никого не было. Только я. Я обычно бываю одна, Почти всегда. Привычка, воспитанная на Солярии, вы ведь не забыли? Конечно, это чисто добровольно. И вы сейчас здесь оба, и я ничего против не имею… почти.

— И вы точно были совсем одна, когда Джендер умер? Ошибки тут нет?

— Я ведь уже сказала, — с легким раздражением ответила Глэдия. — Извините, Элайдж. Я знаю, вам надо, чтобы все повторялось по нескольку раз. Да, я была одна. Честное слово.

— Но ведь в доме были роботы?

— Да, конечно. Я подразумеваю, что со мной не было других людей.

— Сколько у вас роботов, Глэдия? Не считая Джендера?

Глэдия помолчала, словно считая про себя. Потом сказала:

— Двадцать. Пять в доме и пятнадцать на участке. Кроме того, роботы свободно расхаживают

между моим домом и домом доктора Фастольфа, а из-за их быстроты не всегда успеваешь разглядеть, мой он или его.

— А-а! — сказал Бейли. — Поскольку у доктора Фастольфа пятьдесят семь роботов, то, если их объединить, получается в целом семьдесят семь роботов. А есть ли поблизости еще дома, так что роботы оттуда могут оказаться среди ваших?

— Других домов, расположенных достаточно близко, здесь нет. Да и вообще такое смешение роботов обычно не допускается. Мы с Глэдией особый случай — она не уроженка Авроры, а я взял на себя… э… определенную ответственность за нее.

— Но даже и так их семьдесят семь.

— Да, — сказал Фастольф. — Но почему вы придаете этому значение?

— А потому, — ответил Бейли, — что это подразумевает семьдесят семь движущихся объектов, более или менее сходных с человеческими фигурами, Вы привыкли замечать их уголком глаза и не обращать на них особого внимания. А потому, Глэдия, если бы какой-то человек пробрался в дом с какой бы то ни было целью, вы могли бы его и не заметить. Просто еще один движущийся объект, сходный с человеческой фигурой, не при-

влекающей вашего внимания.

Фастольф добродушно усмехнулся, а Глэдия покачала головой с полной серьезностью.

— Элайдж, — сказала она, — сразу видно, что вы землянин. Неужели вы воображаете, что человек, пусть даже доктор Фастольф, мог бы подойти к моему дому и мои роботы не доложили бы мне об этом? Я могла бы не заметить движущуюся фигуру, принять ее за робота, но ни один робот такой ошибки не совершил бы. Вот сейчас я вышла к вам навстречу, но потому лишь, что мои роботы предупредили меня о вашем приближении. Нет, нет, когда Джендер умер, в доме ни одного человека не было.

— Кроме вас?

— Кроме меня. Так же, как никого, кроме меня, не было в доме, когда был убит мой муж.

— Это совсем другое дело, Глэдия, — мягко вмешался Фастольф. — Ваш муж был убит тупым орудием. Убийца должен был оказаться рядом с ним, и если, кроме вас, других людей в доме не было, положение становилось серьезным. Но Джендера вывели из строя хитроумной словесной программой. Физическое присутствие того, кто это сделал, не требовалось. То, что вы были в доме одна, ровно ничего не значит, тем более что

вы понятия не имеете о том, как заблокировать сознание человекоподобного робота.

Они посмотрели на Бейли — Фастольф с легкой усмешкой, а Глэдия печально. (Бейли рассердило, что Фастольф, чье будущее выглядело не более светлым, чем его собственное, тем не менее не утратил юмора. «Ну над чем он смеется, точно идиот!» — подумал Бейли зло.)

— Незнание, — медленно сказал Бейли, — еще не доказательство, Человек может не знать дороги куда-то, пойти наугад и все-таки прийти на место. Или в разговоре с Джендером случайно вызвать заморозку.

— И какова вероятность? — спросил Фастольф.

— Вы специалист, доктор Фастольф, и, наверное, объясните, что она очень мала.

— Невероятно мала. Человек может не знать дороги куда-то, но, если добраться туда можно лишь по канатам, натянутым зигзагами, какова вероятность, что он доберется туда с завязанными глазами, шагая наугад?

Руки Глэдии словно вспорхнули, она крепко сжала кулачки и положила их на колени.

— Случайно или нет, это сделала не я! Когда это произошло, меня с ним не было. Не было! Я разговаривала с ним утром. Он был такой же, как

всегда, абсолютно нормальный. А через несколько часов я его позвала, он не пришел. Я пошла посмотреть, а он стоял на своем обычном месте, такой же, как всегда. Но только он не прореагировал на меня. Совсем. И теперь не реагирует ни на что и ни на кого.

— А не могло ли, — спросил Бейли, — что-то сказанное вами мимоходом вызвать заморозку, когда вы уже ушли? Через час, например.

Фастольф резко его перебил:

— Абсолютно исключено, мистер Бейли. Если заморозка происходит, то мгновенно. Пожалуйста, не допрашивайте Глэдию в такой манере. Она не способна вызвать заморозку сознательно, и немыслимо, чтобы она вызвала ее случайно.

— Но ведь немыслимо, чтобы ее вызвал случайный позитронный дрейф, хотя, по-вашему, причина все-таки он?

— Но не в такой степени.

— Обе возможности крайне маловероятны? Какие могут быть различия в немыслимости?

— Очень большие. Я оценил бы вероятность умственной заморозки из-за позитронного дрейфа как один к десяти в двенадцатой степени, а из-за непреднамеренного создания всех необходимых условий — как один к десяти в сотой степени.

Оценка, естественно, очень примерная, но соотношение достаточно точное. Различие больше, чем между одним электроном и всей Вселенной, и оно в пользу позитронного дрейфа.

Некоторое время царило молчание. Потом Бейли сказал:

— Доктор Фастольф, вы упомянули, что торопитесь.

— Я и так уже очень задержался.

— Так не уйти ли вам?

Фастольф привстал было, ко потом сказал:

— А что?

— Я хочу поговорить с Глэдией наедине.

— Допрашивать ее?

— Я должен расспросить ее без вашего вмешательства. Наше положение слишком серьезно, чтобы считаться с правилами вежливости.

— Милый доктор, я не боюсь мистера Бейли, — вмешалась Глэдия. И добавила тоскливо: — Мои роботы защитят меня, если его невежливость перейдет границы.

Фастольф улыбнулся.

— Ну хорошо, Глэдия. — Он встал и протянул руку. Она слегка ее пожала. Он добавил: — Я хотел бы, чтобы Жискар остался здесь для общей защиты и, если разрешите, Дэниел пока оста-

нется в соседней комнате. Не одолжите ли мне какого-нибудь вашего робота, чтобы он проводил меня домой?

— Ну конечно, — ответила Глэдия. — По-моему, вы знаете Пандиона.

— Да-да. Робот крепкий и надежный!

Он ушел в сопровождении робота.

Бейли выжидающе следил за Глэдией, всматривался в нее. Она сидела, разглядывая сложенные на коленях руки.

Бейли не сомневался, что она может рассказать еще многое. И не знал, как убедить ее быть откровеннее, Но в одном он был убежден; в присутствии Фастольфа она не скажет ничего.

24

Наконец Глэдия подняла голову. Лицо ее было лицом маленькой девочки. Она сказала тихим голоском:

— Как вы, Элайдж? Как себя чувствуете?

— Неплохо, Глэдия.

— Доктор Фастольф сказал, что приведет вас сюда через луг и постоит с вами в самом тяжелом для вас месте.

— А? Но зачем? Чтобы посмеяться?

— Нет, Элайдж, Я рассказывала ему, как на вас действует пребывание под открытым небом. Помните, как вы потеряли сознание и упали в пруд?

Элайдж быстро мотнул головой. Помнить-то он помнил, но вспоминать не хотел и сказал сердито:

— Я теперь уже не совсем такой. Стал выносливее. Но доктор Фастольф сказал, что испытает вас Все прошло хорошо?

— Достаточно хорошо. Сознания я не потерял. — Он вспомнил, что произошло, когда космолёт шел на посадку, и скрипнул зубами. Нет, это другое и обсуждения не требует. Он сказал, меняя тему:

— Как мне называть вас здесь? Как к вам обращаться?

— Вы же называете меня Глэдией.

— Но, возможно, это нежелательно. Миссис Дельмар? Но вы ведь…

Глэдия вскрикнула и перебила его:

— Тут я этой фамилией не пользуюсь! Пожалуйста, не называйте меня так.

— Ну, а как называют вас аврорианцы?

— «Глэдия Солярия», но это просто указание, что я с другой планеты, и мне тоже не нравится. Я просто Глэдия. Одно имя. Оно не аврорианское, и, наверное, другой Глэдии на планете нет, так что

его вполне достаточно. А я вас буду по-прежнему называть Элайдж, если вы не против.

— Нет, я не против.

— Не выпить ли нам чаю, — сказала Глэдия не вопросительно, а утвердительно, и Бейли кивнул.

— А я не знал, что космониты пьют чай, — сказал он.

— Не земной. Это экстракт одного растения, приятный на вкус и во всех отношениях безвредный. Мы называем его чаем.

Она подняла руку, и Бейли заметил, что рукав плотно затянут на запястье и соединен с тонкой перчаткой телесного цвета. Она по-прежнему в его присутствии укрывала свою кожу, где было возможно. Все еще снижала вероятность инфекции.

Ее рука на мгновение замерла в воздухе, а еще через несколько секунд вошел робот с подносом. Он был заметно примитивнее Жискара, но расставил чашки и тарелочки с канапе и бисквитиками плавно и ловко. А чай разлил даже с грацией.

— Как это у вас получается, Глэдия? — с любопытством спросил Бейли.

— Что получается, Элайдж?

— Вы просто поднимаете руку, когда вам что-

нибудь нужно, и роботы уже знают, что делать. Откуда вот этот узнал, что надо подать чай?

— Все очень просто, Элайдж, Каждый раз, когда я поднимаю руку, она вносит искажение в небольшое электромагнитное поле, постоянно поддерживаемое в комнате. Различия в повороте ладони и положении пальцев создают разные искажения, которые мои роботы воспринимают как распоряжения. Пользуюсь я этим приспособлением только для самых простых приказов: «иди сюда!», «принеси чай!» и тому подобное.

— Я не заметил, чтобы доктор Фастольф пользовался такой системой.

— Это на Авроре не очень принято. Но я привыкла к этому на Солярии… К тому же в это время я всегда пью чай. Борграф уже ждет сигнала.

— Его зовут Борграф? — Бейли с интересом оглядел робота, вдруг осознав, что до этого даже на него не посмотрел. Привычка быстро рождала равнодушие. Еще день, и он вообще перестанет видеть роботов. Они будут незримо хлопотать вокруг него, и все будет делаться словно само собой.

Однако просто их не замечать его не устраивало. Он хотел, чтобы их вообще рядом не было. Он сказал:

— Глэдия, я хочу остаться с вами наедине. Даже без роботов… Жискар, пойди к Дэниелу. Можешь охранять отгула.

— Слушаю, сэр, — ответил Жискар, словно включившись при звуке своего имени.

Глэдию это как будто позабавило.

— Вы, земляне, такие странные! Я знаю, что у вас на Земле есть роботы, но вы словно не знаете толком, как с ними обращаться. Выкрикиваете распоряжение, будто они глухие. — Она обернулась к Борграфу и сказала вполголоса: — Борграф, пусть никто из вас сюда не входит без зова. Не отвлекайте нас, если только не произойдет что-то, действительно не терпящее отлагательства.

— Слушаю, мэм, — сказал Борграф, попятился, оглядел стол, словно проверяя, не упустил ли он что-то, повернулся и вышел из столовой.

Теперь смешно стало Бейли. Голос Глэдии был тихим, зато тон таким резким, словно она была сержантом и отдавала приказ новобранцу. Но чему удивляться? Он давно убедился, что чужие промашки легче увидеть.

— Ну вот мы одни, Элайдж, — сказала Глэдия. — Даже роботы ушли.

— Вы не боитесь быть наедине со мной? — спросил Бейли.

Помедлив, она покачала головой:

— С какой стати? Стоит мне поднять руку, махнуть, вскрикнуть — и здесь сразу же появятся несколько роботов. На космомирах ни у одного человека нет оснований бояться другого. Это не Земля! Но почему вы спросили?

— Потому что есть другие страхи, помимо физических. Я не нападу на вас, не причиню вам никакого физического вреда, это разумеется само собой. Но разве вы не опасаетесь моих вопросов и того, что с их помощью может обнаружиться? Помните, это ведь не Солярия. Там я симпатизировал вам и поставил своей задачей доказать вашу невиновность.

— А сейчас вы мне не симпатизируете? — тихим голосом спросила она.

— На этот раз речь идет не об убитом муже. Вас не подозревают в убийстве. Всего лишь погиб робот, и, насколько мне известно, вы не подозреваетесь ни в чем. Заниматься я должен доктором Фастольфом. Мне крайне важно по причинам, о которых говорить нет нужды, убедительно доказать, что он ни в чем не виновен. Если это может как-то повредить вам, я буду бессилен что-либо изменить. Я не собираюсь сворачивать с пути, чтобы не причинить вам боли. Только честно

предупрежу вас об этом.

Она подняла голову и смерила его надменным взглядом:

— Как что-нибудь может повредить мне?

— Так, может быть, приступим к тому, чтобы выяснить это? — холодно ответил Бейли. — Без вмешательства доктора Фастольфа. — Он подцепил канапе вилочкой (брать пальцами не стоило — не исключено, что после этого Глэдия к ним не притронулась бы), стряхнул на свою тарелочку, отправил в рот и запил глотком чая.

Она тоже взяла одно канапе и тоже выпила глоток чая. Если он держался хладнокровно, видимо, она решила не уступать ему в этом.

— Глэдия, — сказал Бейли, — мне абсолютно необходимо знать, какие отношения существуют между вами и доктором Фастольфом. Вы его соседка и роботы у вас почти общие. Он явно озабочен вашей судьбой. Он не стал защищаться, ограничившись утверждением, что он этого не делал, но грудью встал на вашу защиту, едва я начал задавать вам жесткие вопросы.

— Что вы подозреваете, Элайдж? — Глэдия чуть-чуть улыбнулась.

— Не фехтуйте со мной, — сказал Бейли. — Я не хочу подозревать. Мне необходимо знать твердо.

— Доктор Фастольф говорил что-нибудь о Фанье?

— Да, он про нее упоминал.

— Вы спросили у него, жена ему Фанья или просто подруга? И есть ли у него дети?

Бейли поежился. Конечно, он мог бы задать такие вопросы, однако в тесноте Земли очень ценилось право человека не выставлять напоказ личную жизнь — именно потому, что практически это было невозможно. На Земле люди волей-неволей знали все о семейных делах окружающих, а потому такие вопросы не задавались, и полагалось делать вид, будто тебе ничего неизвестно.

Здесь, на Авроре, земные обычаи, естественно, соблюдать не следовало, но он машинально их придерживался. Глупо!

— Нет, пока не спрашивал. Так скажите мне, — попросил он.

— Фанья его жена. Он вступал в брак много раз, поочередно, разумеется, хотя одновременные браки для каждого пола или для обоих на Авроре тоже порой заключаются. — Легкая брезгливость, с какой она это произнесла, заставила ее добавить в свое оправдание: — На Солярии ни о чем подобном и помыслить нельзя.

— Однако — продолжала она, — нынешний брак доктора Фастольфа будет, по-видимому, скоро расторгнут. Тогда они оба будут свободны заключить новый брак, хотя часто ни муж, ни жена не ждут расторжения предыдущего… Признаюсь, я не понимаю, Элайдж, такого небрежного отношения к подобным вопросам, однако на Авроре так принято. Доктор Фастольф, насколько я понимаю, человек высокой морали. Он всегда состоит в том или ином браке и вне брака не ищет ничего. На Авроре это считается старомодным и глупым.

Бейли кивнул:

— Я кое-что узнал об этом из книг. Брак заключается, когда есть намерение иметь детей, если не ошибаюсь.

— Теоретически да, но мне говорили, что к этому уже давно никто не относится серьезно. У доктора Фастольфа уже есть двое детей, и его квота исчерпана, но он тем не менее вступает в брак и обращается за разрешением на третьего. Естественно, он получает отказ, в чем не сомневался с самого начала. А некоторые не затрудняют себя подачей заявления.

— Но тогда зачем затруднять себя заключением брака?

— Это дает определенные социальные преимущества. Я не аврорианка и не очень в этом разбираюсь.

— Неважно. Расскажите мне о детях доктора Фастольфа.

— У него две дочери от двух разных жен. Но, конечно, не от Фаньи. Сыновей у него нет. Обе дочери вызревали в материнской утробе, как принято на Авроре. Обе они уже взрослые и имеют свои дома.

— Он близок с дочерьми?

— Не знаю. Он о них почти не упоминает. Одна — робопсихолог, и, полагаю, он следит за ее работой. Вторая, кажется, выставила свою кандидатуру в совет одного из городов. Или она член совета? Точно не знаю.

— Вы что-нибудь знаете о каких-нибудь семейных неурядицах?

— Мне о них ничего неизвестно, но это мало что значит, Элайдж. Он как будто в нормальных отношениях со всеми своими прошлыми женами. Ни одно из расторжений не сопровождалось ссорами. Вообще доктор Фастольф не такой человек. Просто не могу себе представить, что он встретил бы превратности судьбы с чем-то кроме добродушного вздоха. Он будет шутить на смерт-

ном одре.

Вот это похоже на правду, подумал Бейли, а вслух сказал:

— Но ваши отношения с доктором Фастольфом? И, пожалуйста, правду. Наше положение не позволяет уклониться от правды, чтобы избежать неловкости.

Она подняла глаза и твердо встретила его взгляд.

— Никакой неловкости избегать не надо. Доктор Хэн Фастольф — мой друг, мой очень дорогой друг.

— Насколько дорогой, Глэдия?

— Я уже сказала; очень дорогой.

— Вы ждете расторжения его брака, чтобы стать его следующей женой?

— Нет. — Она произнесла это слово с полным спокойствием.

— Ну так вы любовники?

— Нет.

— Но были?

— Нет. Вас это удивляет?

— Мне просто нужна информация.

— Тогда, Элайдж, разрешите мне отвечать на ваши вопросы без понуждения и не рявкайте на меня так, словно надеетесь поймать меня врас-

плох, чтобы я от неожиданности призналась в том, что хотела скрыть. — В тоне у нее не было раздражения. Могло даже показаться, что это ее забавляет.

Бейли, слегка покраснев, хотел было ответить, что ничего подобного ему и в голову не приходило, но к чему было отрицать заведомую истину? Он проворчал:

— Ну так валяйте.

Чашки и тарелки все еще загромождали столик между ними, и Бейли подумал, что при обычных обстоятельствах Глэдия, наверное, подняла бы руку, согнула пальцы на определенный манер, и робот Борграф вошел бы бесшумно и быстро унес бы все.

Быть может, неубранный стол действует Глэдии на нервы, и от этого она, отвечая, немножко утрачивает власть над собой? Если так, пусть он стоит неубранный… Но Бейли особенно на это не надеялся: неубранный стол, насколько он мог судить, Глэдию нисколько не беспокоил — она его просто не замечала.

Глэдия вновь опустила глаза и наклонила голову. Лицо у нее стало словно жестче, как будто она возвращалась в прошлое, которое предпочла бы забыть.

Глэдия заговорила:

— Вы кое-что узнали о моей жизни на Солярии. Она не была счастливой, но ничего другого я не знала. И только когда я ощутила мгновение счастья, я внезапно поняла, до какой степени — и как глубоко — была несчастна моя прежняя жизнь. И первым намеком я обязана вам, Элайдж.

— Мне? — Бейли растерялся от удивления.

— Да, Элайдж. Наша последняя встреча на Солярии… надеюсь, вы помните ее, Элайдж… она открыла мне что-то. Я прикоснулась к вам! Сняла перчатку — такую же, как эта, — и прикоснулась к вашей щеке! Прикосновение было коротким. Не знаю, что оно значило для вас… нет-нет, не говорите, это неважно… Но для меня оно значило очень много.

Она подняла голову и посмотрела на него с вызовом.

— Для меня оно значило все! Оно изменило мою жизнь. Не забудьте, Элайдж, что до той минуты я, если не считать недолгих лет детства, ни разу не прикасалась к мужчине… вообще ни к кому, кроме моего мужа. И к мужу я прикасалась очень редко. Конечно, я видела мужчин в трехмерном теле изображении, рассматривала их и так ознакомилась со всеми физическими

особенностями мужчин, с каждой телесной их подробностью. И в этом смысле мне узнавать было нечего. Но у меня не было причин думать, что один мужчина при прикосновении чем-то отличается от другого. Я знала ощущение от кожи моего мужа, от его рук, когда он принуждал себя прикоснуться ко мне, от… от всего. Мне не приходило в голову, что с другим мужчиной может быть иначе. Прикосновения моего мужа не доставляли мне никакого удовольствия, но я его и не ожидала. Какое удовольствие доставит мне прикосновение моих пальцев к этому столу? Ну, разве что он приятно гладкий, Соприкосновение с моим мужем было частью ритуала, который он изредка исполнял, поскольку так было положено, и он, как порядочный солярианин, совершал все, чего от него ожидали, по календарю и часам, на протяжении стольких-то минут и в манере, предписываемой благовоспитанностью. Но и только. Он никогда не обращался за разрешением на ребенка, хотя этот периодический контакт имел целью половой акт, и мне кажется, не испытывал к такой возможности ни малейшего интереса. А я слишком благоговела перед ним, чтобы по собственной инициативе попросить разрешения, хотя это было мое право.

— Теперь, вспоминая, — продолжала Глэдия, — я понимаю что мой сексуальный опыт был поверхностным и механическим. Я ни разу не испытала оргазма. Ни разу. О существовании чего-то такого я узнала из некоторых книг, но описания только запутывали меня, а к тому же все эти книги импортировались — в солярианских книгах секс вообще не упоминается, — и они не внушали мне доверия. Я принимала их за вычурные иносказания. Не могла я испробовать — во всяком случае успешно — и аутоэротизм. Кажется, мастурбация — обиходное слово. То есть я слышала это слово на Авроре. На Солярии, естественно, никакие вопросы пола никогда не обсуждаются, и ни одно слово, связанное с сексом, в приличном обществе не употребляется. Впрочем, приличное общество там — единственное, и никаких других не существует, Почерпнутые мной отрывочные сведения ничего толком не объясняли. И хотя я несколько раз пыталась следовать описаниям, но тут же останавливалась. Запрет, наложенный на прикосновение к человеческой плоти, делал даже собственное мое тело чем-то запретным и неприятным. Порой я задевала рукой бок, закидывала ногу на ногу, ощущала прикосновение колена к колену, но это

были случайные касания, и я их не замечала. Но превратить процесс прикосновений в источник сознательного наслаждения это было совсем другое. Все мое существо восставало против этого, и потому наслаждение не приходило.

Она помолчала.

— И я ни разу не подумала, что прикосновение может принести радость при других обстоятельствах. С какой стати *я* подумала бы так? Откуда взялась бы подобная мысль? Так было, пока я не коснулась тогда вашей щеки. Не знаю, почему я это сделала. Я почувствовала прилив нежности к вам, потому что вы спасли меня от обвинения в убийстве. И к тому же запрет касался вас не полностью. Вы не были уроженцем Солярии. Вы не были — простите меня — подлинным мужчиной. Вы были порождением Земли. Внешность у вас была человеческая, но короткий срок жизни и склонность к инфекциям позволяли отмахнуться от вас как в лучшем случае от недочеловека. И вот, потому что вы спасли меня и по-настоящему мужчиной не считались, я могла прикоснуться к вам. И более того: вы смотрели на меня не с враждебностью и отвращением, как мой муж, и не с отработанным равнодушием, с каким смотрят на трехмерное изображение. Вы находились прямо

передо мной на расстоянии протянутой руки, и глаза у вас были теплыми, полными сочувствия. И вы даже вздрогнули, когда моя рука потянулась к вашей щеке, я это заметила.

Она снова помолчала.

— В чем тут дело, я не знаю, Прикосновение было таким коротким, а физическое ощущение ничем не отличалось от того, которое я испытала бы, прикоснувшись к мужу, к другому мужчине и даже к другой женщине. Но это не ограничивалось физическим ощущением. Вы были рядом, вы обрадовались ему, я замечала у вас все признаки… нежности. И когда ваша кожа и моя — моя рука, ваша щека — соприкоснулись, мне показалось, что я дотронулась до ласкового огня, и он пробежал по пальцам, по руке, и я вся запылала. Не знаю, как долго это длилось — хотя, конечно, не более одной-двух секунд, — по время для меня остановилось. Со мной случилось что-то, чего я прежде никогда не испытывала, и вспоминая, много времени спустя, уже узнав его, я поняла, что испытала почти оргазм. Я попыталась скрыть…

Бейли, не осмеливаясь взглянуть на нее, покачал головой.

— Так, значит, я скрыла. Я сказала: «Спасибо,

Элайдж», благодаря вас за то, что вы сделали для меня в связи со смертью моего мужа. Но еще больше я благодарила вас за то, что вы осветили мою жизнь, сами того не зная, показали, чем она богата, за то, что распахнули дверь, указали путь, открыли горизонты. Физически это был ничего не значащий пустяк, всего лишь прикосновение. Но оно стало началом всего.

Голос ее замер, она умолкла, вспоминая. Потом приподняла палец:

— Нет. Ничего не говорите. Я еще не кончила. У меня и прежде были фантазии: какой-то мужчина и я делаем то, что делали мой муж и я. Но что-то было другим… я не понимала, в чем именно… и чувствовали что-то другое — но что, я вообразить не могла, как ни напрягала воображение. И мне предстояло прожить всю жизнь, пытаясь вообразить невообразимое, и я бы умерла, как, полагаю, часто умирают женщины на Солярии… да и мужчины тоже… ничего не зная, даже после трех-четырех веков. Ничего не зная. Произведя на свет детей и не зная… не зная… Но одно прикосновение к вашей щеке, Элайдж, и я поняла. Удивительно, правда? Вы открыли мне то, чего искало мое воображение. Не механическую форму, не скучное неохотное сближение

тел, но нечто такое, чего я и представить себе не могла в связи с этим. Выражение лица, свет в глазах, ощущение… неясности… доброты… нет, я не могу описать… Принятие, исчезновение страшного барьера, разделяющего двух людей, Наверное, любовь — слово, охватывающее все это и больше, больше. Я почувствовала к вам любовь, Элайдж, потому что… мне показалось… вы могли почувствовать любовь ко мне, Я не говорю, что вы меня полюбили, но вы могли бы… Вот чего у меня никогда не было. Хотя в старинных книгах говорилось об этом, смысл мне оставался столь же непонятным, как и когда герои в тех же книгах говорили о «чести» и ради нее убивали друг друга. Слово, я знала, но не осознавала, что оно означает. И сейчас не понимаю. Как было и со словом «любовь», пока я не дотронулась до вашей щеки. После я могла воображать… И на Аврору я прилетела, помня вас, думая о вас, без конца мысленно разговаривая с вами и веря, что на Авроре я встречу миллион таких, как Элайдж.

Она замолчала, погрузившись в свои мысли, а затем внезапно снова заговорила:

— Я их не встретила. Оказалось, что по-своему Аврора ничем не лучше Солярии. На Солярии секс был неприличен. Его ненавидели, и мы все избе-

гали его. Мы не смогли любить из-за ненависти, которую вызывал секс. На Авроре секс оказался очень скучным. Его воспринимают спокойно, небрежно — так же небрежно, как дыхание. Когда возникает импульс, обращаются к кому-нибудь, кто кажется наиболее подходящим, и если тот или та не заняты чем-либо неотложным, совершается половой акт в наиболее удобной для обоих форме. Просто, как дыхание… Но какой экстаз дарит дыхание? Да, конечно, если подавиться, то, возможно, первый вздох после удушья будет исполнен невообразимого восторга и облегчения, но если вы всегда дышите нормально? А если никто добровольно не обходится без секса? Если его преподают детям на равных началах с чтением и программированием? Если детям полагается экспериментировать с ним точно так же, как играть? А, старшим детям помогать им?

Она вздохнула.

— На Авроре секс, дозволенный и доступный, как вода, не имеет ничего общего с любовью. Не более чем запретный и постыдный секс имеет отношение к ней на Солярии. И там, и тут детей мало и рождение их требует официальной санкции. А когда санкция получена, следует интерлюдия секса, назначение которого — зачатие

и больше ничего. Секса скучного и тягостного. А если через положенный срок выясняется, что зачатия не произошло, мало кто согласен на повторение и приходится прибегать к искусственному осеменению. Со временем здесь, как и на Солярии, победа останется за эктогенезисом — оплодотворение и развитие эмбриона будут происходить в генотариях, а секс превратится в одну из форм общения и игры, что походит на любовь не больше, чем космическое поло. Элайдж, я не могла принять аврорианский взгляд. Я не так воспитана. С ужасом я искала секса — и никто не отказал, и каждый ничего не значил. Когда я предлагала себя, глаза каждого оставались пустыми и были, пустыми, когда он соглашался. Еще одна, говорили они, почему бы и нет? Они соглашались с готовностью, но и только. И прикосновение к ним ничего не давало — словно я прикасалась к своему мужу. Я научилась проделывать, что полагается, следовать за ними, принимать их руководство — но все это ровно ничего не значило. Я даже не обрела потребности проделывать это сама наедине с собой. Чувство, которое подарили мне вы, не повторялось, и со временем я оставила эти попытки.

— И во время всего этого, — продолжала она по-

сле паузы, — доктор Фастольф был моим другом. Он один на Авроре знал все, что произошло на Солярии. То есть так мне кажется. Вы же знаете, что достоянием гласности случившееся стало не целиком, и уж во всяком случае настоящая наша история осталась за пределами этой ужасной гиперволновой программы, о которой я слышала. Смотреть ее я отказалась. Доктор Фастольф ограждал меня от отсутствия понимания у аврорианцев, от презрения, которое они питают ко всем солярианам. Он ограждал меня и от отчаяния, которое мной овладело. Нет, мы не были любовниками. Я бы предложила себя, но к тому времени, когда у меня мелькнула эта мысль, я уже не верила, что чувство, которое вызвали у меня вы, Элайдж, когда-нибудь, повторится. Я решила, что, возможно, память сыграла со мной шутку, и сдалась. Я не предложила себя. И он не предложил. Не знаю почему. Возможно, он понял, что мое отчаяние было порождением моей неудачи найти в сексе что-то мне нужное, и не хотел усугубить его еще одной неудачей. Типичная его доброта — поберечь меня таким образом. Вот мы и не стали любовниками. Он просто был моим другом, когда я нуждалась в друге особенно сильно. Ну вот, Элайдж, полный ответ на задан-

ные вами вопросы. Вы хотели узнать о моих отношениях с доктором Фастольфом, сказали, что вам необходима информация. Вот она. Вы удовлетворены?

Бейли попытался скрыть свою тоску.

— Мне очень жаль, Глэдия, что жизнь была так к вам жестока. Вы дали мне всю необходимую информацию. И дали много больше информации, чем, наверное, вам кажется.

— Каким образом? — Глэдия нахмурилась.

Бейли не ответил на ее вопрос, а сказал:

— Глэдия, я рад, что воспоминание обо мне так для вас значило. На Солярии мне ни на секунду приходило в голову, что я произвожу на вас такое впечатление, а если бы и пришло, я бы не… ну, вы понимаете.

— Да, Элайдж, — сказала она мягче. — И попытайся вы, ничего не было бы. Я бы не могла.

— Я знаю. И не считаю приглашением то, что вы мне сейчас сказали. Одно прикосновение, один миг сексуального прозрения — вот и все. Вполне вероятно, что он неповторим, и не следует его портить, глупо пытаясь воскресить пережитое один раз. Вот почему я сейчас… не предлагаю себя. Не надо истолковывать это как еще одну вашу неудачу. А кроме того…

— Что?

— Вы, как я упомянул, сказали мне, пожалуй, много больше, чем собирались. Вы мне сказали, что история не кончается вашим отчаянием.

— Почему вы так решили?

— Рассказывая мне о чувстве, которое вызвало у вас прикосновение к моей щеке, вы сказали примерно так: «Много позже, узнав его, я поняла, что почти испытала оргазм». А затем вы сообщили, что секс с аврорианцами неизменно бывал неудачным, и, полагаю, оргазма вы не испытали. А испытать его, Глэдия, вы были должны, иначе как бы вы узнали ощущение, охватившее вас тогда на Солярии? Вспомнить и распознать, что это было, вы могли, только если все-таки научились любить. Иными словами, у вас был любовник, и вы познали любовь. Если доктор Фастольф не ваш любовник и никогда им не был, из этого следует, что кто-то другой — ваш любовник… или был им.

— А если и так? Почему вы считаете, что это вас касается, Элайдж?

— Я не знаю, Глэдия, касается или нет. Скажите мне, кто он, и, если выяснится, что это правда не мое дело, на том оно и кончится.

Глэдия промолчала.

— Если вы мне не скажете, Глэдия, я должен буду сам вам сказать. Я ведь предупредил вас, что в моем положении не могу щадить ваши чувства.

Глэдия только крепче сжала губы — так, что их уголки побелели.

— Кто-то был, Глэдия, а вы необычайно тяжело переживаете потерю Джендера. Вы отослали Дэниела, потому что у вас не было сил смотреть на него — настолько его лицо напоминало вам о Джендере. Если я ошибаюсь, сделав вывод, что Джендер Пэнелл был... — Он помолчал, а потом сказал резко: — Если робот Джендер Пэнелл не был вашим любовником, отрицайте это.

И Глэдия прошептала:

— Джендер Пэнелл, робот, не был моим любовником. — Повысив голос, она договорила твердо: — Он был моим мужем.

25

Губы Бейли беззвучно шевельнулись, но восклицание все равно как будто прозвучало. Все четыре слога.

— Да, — сказала Глэдия. — Иосафат! Вы потрясены. Почему? Вы не одобряете?

— Не мое дело одобрять или не одобрять, — глу-

хо ответил Бейли.

— То есть вы не одобряете.

— То есть мне нужна только информация. Как на Авроре различают любовников и мужей?

— Если двое людей живут в одном доме какое-то время, они могут упоминать друг друга как «жену» или «мужа», а не как «любовницу» или «любовника».

— Но какое время?

— В разных регионах оно разное в зависимости от местных обычаев, Здесь, в городе Эос, оно равно трем месяцам.

— И в течение этого времени не полагается иметь половых отношений с другими?

Глэдия удивленно подняла брови:

— С какой стати?

— Я просто спросил.

— Избирательность на Авроре противопоказана. Муж, любовник — разницы нет никакой. Сексом занимаются по желанию.

— А у вас бывало такое желание, пока вы держались Джендера?

— Вообще-то нет, но так хотела я сама.

— Но другие предлагали себя?

— Иногда.

— И вы отказывали?

— Я всегда вправе отказать, это один из аспектов неизбирательности.

— Но вы отказывали?

— Да.

— А те, кому вы отказывали, знали причину?

— Не понимаю.

— Они знали, что у вас есть муж-робот?

— У меня был муж! Не называйте его «муж-робот». Такого выражения не существует.

— Они знали?

— Не имею представления, — ответила она после паузы.

— Вы им не говорили?

— Зачем?

— Не отвечайте вопросом на вопрос. Вы им говорили?

— Нет.

— Но как вы могли этого избежать? Вам не кажется, что объяснить причину своего отказа было бы естественнее?

— Никаких объяснений не требовалось. Отказ — это отказ, и его всегда принимают спокойно. Я вас не понимаю.

Бейли промолчал, собираясь с мыслями. Они с Глэдией не блуждали, а двигались параллельно. Он продолжал:

— А на Солярии иметь мужа-робота было бы нормально?

— На Солярии о таком и помыслить нельзя. Подобная мысль была бы для меня невозможна. На Солярии все было немыслимым… И на Земле тоже, Элайдж. Ваша жена могла бы взять в мужья робота?

— Это не относится к делу, Глэдия.

— Пожалуй. Но выражения вашего лица более чем достаточно. Пусть мы не уроженцы Авроры — вы и я, но мы находимся на Авроре. Я прожила здесь два года и принимаю ее мораль и нравы.

— Вы подразумеваете, что половая связь между человеком и роботом на Авроре явление заурядное?

— Не знаю. Убеждена, впрочем, что она позволительна, потому что здесь в области секса позволительно все, то есть все добровольное, дающее взаимное удовлетворение и никому не причиняющее вреда. Какая разница для всех остальных, как человек или любое объединение людей обретают удовлетворение? Кого-нибудь обеспокоило бы, какие книги я проглядываю, какую пищу ем, в какой час засыпаю или просыпаюсь? Люблю ли я кошек или не терплю роз? Вот и секс не имеет значения — на Авроре.

— На Авроре, — повторил Бейли. — Но вы же родились не на Авроре и воспитывались не по правилам ее морали. Совсем недавно вы сказали мне, что не сумели приспособиться к их равнодушию в вопросах пола, которое теперь хвалите. Еще раньше вы с брезгливостью отозвались о множественных браках и постоянной смене партнеров. Если вы не говорили тем, кому отказывали, почему отказываете им, не исключено, что где-то в глубине своего существа вы стыдились, что взяли в мужья Джендера. Возможно, вы знали, или подозревали, или просто предполагали, что вы — не такая, как все, и вам было стыдно.

— Нет, Элайдж, вы не заставите меня устыдиться, что бы вы ни говорили. Если иметь мужем робота необычно даже на Авроре, то лишь потому, что необычен такой робот, как Джендер. Роботы на Солярии, на Земле, даже на Авроре (если не считать Джендера и Дэниела) сконструированы так, что могут дать лишь самое грубое сексуальное удовлетворение. Их можно использовать, пожалуй, как приспособления для мастурбации — ну, вроде вибратора — но и только. Когда новые, человекоподобные роботы станут многочисленными, многочисленными станут и сексуальные связи людей и роботов.

— Но как вообще, Глэдия, — спросил Бейли, — Джендер оказался у вас? Ведь таких было только два, и оба в доме доктора Фастольфа. И он просто передал вам одного из них, то есть половину всего?

— Да.

— Почему?

— По доброте душевной, мне кажется. Я была одинока, разочарована, несчастна — чужая в чужой стране. И он отдал мне Джендера, чтобы скрасить мою жизнь, и мне никогда не отблагодарить его за это. Продолжалось это всего полгода, но эти полгода, возможно, стоят всей остальной моей жизни.

— Доктор Фастольф знал, что Джендер был вашим мужем?

— Он никогда об этом не упоминал, так что я не знаю.

— А вы когда-нибудь упоминали?

— Нет.

— Почему?

— Не видела надобности… И нет, не потому что я стыдилась.

— Как это произошло?

— Что я не видела надобности?

— Что Джендер стал вашим мужем.

Глэдия нахмурилась и сказала враждебно:

— С какой стати я должна это объяснять?

— Глэдия, час уже поздний. Почему вы все время боретесь со мной? Вы огорчены, что Джендера… больше нет?

— Зачем спрашивать?

— Вы хотите знать, что произошло?

— И еще раз: зачем спрашивать?

— Тогда помогите мне. Мне необходима вся информация, какую только мне удастся получить, чтобы я мог приступить — хотя бы приступить! — к решению задачи, видимо, не имеющей решения. Как Джендер стал вашим мужем?

Глэдия откинулась на спинку кресла, и ее глаза внезапно наполнились слезами. Она оттолкнула тарелку с крошками, которые остались от бисквитиков, и сказала прерывающимся голосом:

— Обычно роботы не носят одежду, но они сконструированы так, что создается впечатление, будто они одеты. Я хорошо знаю роботов, ведь я жила на Солярии, и у меня есть некоторые художественные способности.

— Я помню ваши световые скульптуры, — тихо сказал Бейли.

Глэдия благодарно кивнула.

— Я разработала несколько эскизов для новых

моделей, более, по-моему мнению, интересные и стильные, чем принятые на Авроре. Некоторые мои картины, сделанные по этим эскизам, висят в этой комнате. Остальные — в других.

Взгляд Бейли обратился на картины. Он уже заметил их. Да, конечно, роботы, но не натуралистические, а какие-то удлиненные с неестественными искривлениями. Но теперь он обнаружил, что искажения эти искусно выделяли те части тела, которые, когда он взглянул на них по-новому, казались одетыми. Каким-то образом возникала идея костюмов для слуг, которые он видел в книге посвященной средневековой Англии викторианской эпохи. Были они известны Глэдии или сходство возникло случайно, хотя и уместно? Вопрос этот скорее всего не имел ни малейшего значения, но оставлять его без внимания, пожалуй, не следовало.

В первый раз посмотрев на картины, он подумал, что таким способом Глэдия окружает себя роботами в подражание жизни на Солярии. Эту жизнь, по ее словам, она ненавидела, но чувство это было плодом сознательных мыслей. Солярия была для нее единственным по-настоящему знакомым ей приютом, а этого так просто не отбросить, даже если такая возможность вооб-

ще существует. И, быть может, это останется действенным фактором в се живописи, пусть ее новый мотив и выглядит правдоподобно. А Глэдия тем временем говорила:

— Я преуспела. Некоторые концерны, выпускающие роботов, хорошо заплатили за мои эскизы, и довольно много уже функционирующих роботов были обновлены внешне согласно моим указаниям. Все это принесло мне некоторое удовлетворение, чуть-чуть компенсирующее эмоциональную пустоту моей жизни. Когда доктор Фастольф одолжил мне Джендера, у меня в доме появился робот в настоящей одежде. Милый доктор был так добр, что снабдил меня сменными костюмами для Джендера. Но все они выглядели очень серо, и я для развлечения купила новые, на мой взгляд, более подходящие. Необходимо было снять с него мерку, поскольку я хотела, чтобы все было подогнано точно, ну а для этого ему пришлось раздеться. Постепенно. И только когда он остался совсем обнаженным, я окончательно поняла, как он похож на человека. Все было на своем месте, а части, способные к эрекции, действительно обладали такой способностью. Собственно, они находились под сознательным контролем, как мы сказали бы про человека.

Джендер мог включать и выключать эрекцию по приказанию. Он сказал мне это, когда я спросила, функционален ли его пенис в этом отношении. Мне было любопытно, и он продемонстрировал. Однако поймите, что при всем его сходстве мужчиной я знала, что он робот. Прикасаться к мужчинам, вы знаете, мне было трудно — думаю, это входило в причины, почему я не могла получить удовлетворения с аврорианцами. Но он не был настоящим мужчиной, а я всю жизнь общалась с роботами и могла прикасаться к Джендеру легко и свободно.

Глэдия помолчала.

— Вскоре я поняла, что мне нравится прикасаться к нему, и Джендер, конечно, сразу это заметил. Он был роботом, настроенным изумительно тонко, и безукоризненно выполнял Три Закона. Не дать радость, когда это было в его возможностях, значило вызвать разочарование. Разочарование же эквивалентно причинению вреда, а причинить вред человеку он не мог. И потому с бесконечной заботливостью старался дать мне радость, а я, видя это желание доставить радость, которого никогда не замечала в мужчинах Авроры, отдавалась ей целиком и в конце концов полностью познала то, что, как мне

кажется, называют оргазмом.

— Значит, вы были абсолютно счастливы?

— С Джендером? Да, абсолютно.

— Вы никогда не ссорились?

— С Джендером? А как я могла бы с ним поссориться? Его единственной целью, единственным смыслом существования было угождать мне.

— А это вас не угнетало? Что он угождал вам потому, что другого выбора у него не было?

— Но ведь в конечном счете все поступают так, а не иначе, потому что другого выбора у них нет.

— И у вас никогда не возникало потребности испытать настоящих… испытать аврорианцев, после того как узнали оргазм?

— Это было бы плохой заменой. Я хотела только Джендера… Теперь вы понимаете, как велика моя потеря?

Обычно серьезное лицо Бейли стало совсем мрачным. Он сказал:

— Глэдия, я понимаю. Если я раньше причинял вам боль, простите меня, потому что тогда я еще не понимал.

Но она плакала, и он замолчал, не зная, чем ее утешить, какие слова найти. Наконец она встряхнула головой, утерла глаза рукой и прошептала:

— Еще что-нибудь?

— Несколько вопросов на другую тему, — сказал Бейли виновато. — И тогда я перестану вам докучать. Сегодня — добавил он предусмотрительно.

— Так что? — Голос у нее был очень усталым.

— Вы знаете, что некоторые люди считают, будто в убийстве Джендера виноват доктор Фастольф?

— Да.

— Вы знаете, что доктор Фастольф настаивает, что только он обладает знаниями и опытом, достаточными, чтобы убить Джендера, как он был убит?

— Да, Милый доктор сам мне рассказывал об этом.

— Так вот, Глэдия: считаете ли вы, что Джендера убил доктор Фастольф?

Она бросила на него пронзительный взгляд и сказала гневно:

— Конечно, нет. Для чего он стал бы его убивать? Джендер был его роботом, не забывайте, и он очень им дорожил. Элайдж, вы не знаете милого доктора так хорошо, как знаю его я. Он очень мягкий человек и никогда никому не причинит зла, а уж тем более роботу. Сказать, что он мог бы убить робота, значит утверждать, что

брошенный камень будет падать вверх.

— Больше у меня вопросов нет, Глэдия, и мне здесь остается только увидеть Джендера… то, что осталось от Джендера. С вашего разрешения, конечно.

— Зачем? Для чего? — В ее голосе вновь появились подозрительность и враждебность.

— Глэдия! Ну прошу вас! Не думаю, что от этого будет хоть какая-то польза, но я обязан увидеть Джендера и убедиться, что его вид ничего мне не подскажет. Я попытаюсь не расстраивать вас еще больше.

Глэдия встала. Ее платье, очень простое и узкое, было не черным (какое она надела бы на Земле), но удивительно тусклого цвета без единой искорки. Бейли, мало что понимавший в умении одеваться, прекрасно понял, как точно оно воплощает траур.

— Идемте со мной, — прошептала Глэдия.

26

Следом за Глэдией Бейли прошел несколько комнат, стены которых мягко светились. Раза два он краем глаза замечал какое-то движение — видимо, робот поспешно ретировался — ведь

им было приказано держаться в стороне.

По коридору, вверх по небольшой лестнице — и они вошли в небольшую комнату, где часть одной стены светилась, точно под лучом прожектора.

В комнате не было никакой мебели, кроме простой кровати и стула.

— Это была его комната, — тихо произнесла Глэдия, а затем, точно прочитав его мысли, добавила: — Это все, что ему было нужно. Я как могла дольше не звала его — весь день, если у меня хватало силы. Я не хотела, чтобы он хоть когда-нибудь мне надоел. — Она скорбно покачала головой. — Как я теперь жалею, что не проводила с ним каждую секунду. Я же не знала, как мало у нас было времени… Вот он.

Джендер лежал на кровати, и Бейли сосредоточенно оглядел его. Робот был укрыт глянцевым покрывалом. Светящаяся стена озаряла голову, очень правильную и нечеловеческую в своей безмятежности. Широко раскрытые глаза были матовыми и тусклыми. Джендер походил на Дэниела настолько, что присутствие Дэниела действительно не могло не быть тягостным для Глэдии. Над покрывалом виднелись шея и обнаженные плечи.

— Доктор Фастольф его обследовал? — спросил

Бейли.

— Да. И очень тщательно. Я в отчаянии бросилась к нему, и если бы вы видели, как он поспешил сюда, как волновался, какую испытывал боль и… и панику, вы бы сразу поняли, что он тут ни при чем. Но помочь ему не удалось.

— Он лежит раздетый?

— Да. Доктор Фастольф снял с него одежду для полного обследования. А снова его одевать не имело смысла.

— Вы разрешите мне откинуть покрывало, Глэдия?

— Вам обязательно нужно?

— Я не хочу, чтобы меня могли упрекнуть в таком упущении.

— Но что вы надеетесь обнаружить такого, чего не заметил доктор Фастольф?

— Ничего, Глэдия. Но я обязан убедиться, что ничего не обнаружу. Прошу вас, не препятствуйте мне.

— Ну хорошо. Но, пожалуйста, потом накройте его покрывалом точно так, как он накрыт сейчас.

Она повернулась спиной к нему и к Джендеру, прижала к стене левую руку и опустила голову на локоть. Она стояла неподвижно в полной ти-

шине, но Бейли знал, что она снова плачет.

Тело было все-таки не совсем человеческим. Мускулатура выглядела несколько упрощенной и схематичной, но все было на своем месте. Соски, пупок, пенис, мошонка, волосы в паху и так далее. Даже тонкие светлые волосы на груди.

Сколько дней прошло с тех пор, как Джендера убили? Бейли вдруг сообразил, что точно это ему неизвестно, — но во всяком случае до того, как он отправился на Аврору. Значит, прошло более недели, но никаких признаков тления — ни зрительных, ни обонятельных. Четкое отличие робота.

Бейли заколебался, но затем подсунул одну руку под плечи Джендера, а другую под колени. Попросить Глэдию помочь ему он и подумать не мог. Он напрягся и с некоторым усилием перевернул Джендера на живот, удержав его на кровати.

Кровать скрипнула, Глэдия, конечно, поняла, что он делает, но не обернулась. Помочь, конечно, не предложила, но и не стала возражать.

Бейли опустил руки. На ощупь Джендер казался теплым. Видимо, блок питания продолжал поддерживать температуру, и когда мозг отключился. Тело было твердым и упругим. Явно стадии окостенения оно не проходило.

Теперь одна рука свисала с края кровати совсем человечески, Бейли осторожно ее потрогал и отпустил. Она чуть-чуть качнулась раз-другой и замерла. Он согнул одну ногу в колене, осмотрел обе ступни. Ягодицы были сформированы безупречно. Имелся даже сфинктер заднего прохода.

Бейли не мог отогнать тягостного чувства: ему все время казалось, что он посягает на неприкосновенность человеческого тела. А будь это действительно труп человека, охлаждение и окостенелость лишили бы его человеческой сущности.

Труп робота кажется более человеческим, чем человеческий, подумал он тоскливо.

Снова он подсунул руки под Джендера, приподнял и перевернул.

Расправив простыню, насколько сумел, он накрыл робота покрывалом, как раньше, и старательно разгладил покрывало. Потом отступил на шаг, посмотрел и решил, что вид совершенно прежний — во всяком случае почти.

— Глэдия, я кончил, — сказал он.

Она обернулась, посмотрела на Джендера влажными глазами и сказала:

— Так мы можем уйти?

— Конечно. Только, Глэдия…

— Что?

— Вы оставите его лежать так? Полагаю, он не истлеет.

— Если и так, то что? Какое это имеет значение?

— Некоторое имеет. Вы должны дать себе возможность оправиться от горя. Вы не можете провести триста лет, оплакивая его. Что прошло, то прошло. (Даже ему самому эти сентенции показались фальшиво напыщенными. Так как же их восприняла она?)

— Я знаю, Элайдж, — ответила Глэдия, — что вы желаете мне добра. Меня просили оставить Джендера здесь до конца расследования. А тогда по моей просьбе его сплазмуют.

— Сплазмуют?

— Поместят под плазменную горелку и разложат на составные элементы, как человеческие трупы. У меня останется его голограмма… и воспоминания. Это вас успокоит?

— Конечно. А теперь я должен вернуться в дом доктора Фастольфа.

— Да. Тело Джендера навело вас на какую-нибудь мысль?

— Я ни на что подобное не рассчитывал, Гл-

эдия.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Элайдж, я хочу, чтобы вы узнали, кто это сделал и почему. Мне необходимо знать.

— Но, Глэдия…

Она яростно мотнула головой, словно не желая слышать того, к чему была еще не готова. — Я знаю, вы сумеете это выяснить.

Глава седьмая
Снова Фастольф
27

Из дома Глэдии Бейли вышел навстречу закату. Он обернулся в ту сторону, которую счел западом, и увидел у горизонта багровое солнце Авроры, а над ним — светло-зеленое небо, исчерченное легкими полосками облаков.

— Иосафат! — пробормотал он.

Выяснилось, что это солнце, более холодное и оранжевое, чем земное, зримо и разительно отличается от земного в часы заката, когда его лучи косо, почти горизонтально, пронизывают всю толщу аврорианской атмосферы.

На этот раз Дэниел следовал за Бейли, а Жискар, как и по дороге в дом Глэдии, шел далеко впереди.

Внезапно Бейли услышал голос Дэниела совсем рядом:

— Партнер Элайдж, вам нехорошо?

— Наоборот, очень хорошо, — ответил Бейли, чрезвычайно довольный собой. — Дэниел, я как будто вовсе не замечаю, что нахожусь во Вне. И

даже спокойно любуюсь заходящим солнцем. А закаты здесь всегда такие?

Дэниел бесстрастно посмотрел на солнечный диск, уже почти коснувшийся горизонта.

— Да, — ответил он. — Но давайте побыстрее пойдем к дому доктора Фастольфа. В это время года темнеет быстро, партнер Элайдж, и я хотел бы проводить вас туда, пока вы еще видите дорогу.

— Я готов. Пошли! — Про себя Бейли взвешивал, не лучше ли дождаться темноты. Конечно, идти вслепую не так приятно, зато у него будет иллюзия замкнутого пространства, а в глубине души он не был уверен, долго ли продлится эйфория, вызванная тем, что он глядел на закат (закат прямо во Вне, заметьте!). Однако неуверенность эта была трусливой, и он не желал поддаваться ей.

Жискар бесшумно скользнул назад к нему и сказал:

— Не предпочтете ли подождать, сэр? Возможно, темнота вам будет приятнее, а для нас никакой разницы нет.

Тут Бейли заметил в отдалении других роботов. Поручила ли Глэдия своим полевым роботам охранять его или Фастольф прислал своих?

Это подчеркивало, как они его оберегают, но из духа противоречия он не захотел признаться в

своей слабости.

— Нет, — ответил он Жискару, — идемте сейчас же! — И энергично зашагал к дому, Фастольфа, еле различимому за дальними деревьями.

А роботы пусть идут за ним или нет, это уж как им угодно, храбро подумал он. Он знал, что стоит ему задуматься над своим решением, как что-то в нем съежится по-прежнему: он на поверхности планеты и ничем не защищен от необъятной бездны, если не считать тонкого слоя воздуха. Но думать он об этом не будет. Нет!

И конечно, опьяняющее освобождение от страха, только оно, заставляет дрожать его подбородок, а зубы стучать… И прохладный вечерний ветер, заодно покрывший его руки гусиной кожей…

Но не Вне!

Нет и нет!

Он сказал, стараясь не стискивать зубы:

— Ты хороню знал Джендера, Дэниел?

— Одно время мы были вместе: с того момента, когда друг Джендер был сконструирован, и до того, как он перешел в дом мисс Глэдии, мы почти не расставались.

— Дэниел, а тебя тревожило, что Джендер выглядит почти как ты?

— Нет, сэр. Мы с ним различались, партнер Элайдж, и доктор Фастольф нас не путал. Следовательно, индивидуальность у каждого из нас была своя.

— Жискар, а ты их тоже различал? {Жискар теперь шел почти рядом, потому что дорогу впереди проверяли другие роботы.)

— Я не припомню случая, — сказал Жискар, — когда мне требовалось их различать.

— А возникни такая необходимость, Жискар?

— Тогда я сумел бы их различить.

— Какого мнения ты был о Джендере, Дэниел?

— Какого мнения? — повторил тот. — Касательно какой стороны Джендера?

— Ну, например, хорошо ли он выполнял свои обязанности?

— Безусловно.

— И был надежен во всех отношениях?

— Насколько мне известно, во всех.

— Ну а ты, Жискар? Твое мнение?

— Я с другом Джендером никогда не был так близок, как друг Дэниел, а потому мне не следует высказывать какое-либо мнение. Но могу сказать, что, насколько мне известно, доктор Фастольф был неизменно доволен другом Джендером. Он, казалось, был одинаково доволен другом Джен-

дером и другом Дэниелом. Однако, по-моему, моя программа не позволяет мне составлять точные заключения в таких вопросах.

— Ну а с того времени, Дэниел, — сказал Бейли, — когда Джендер перешел в дом мисс Глэдии? Ты продолжал его видеть?

— Нет, партнер Элайдж. Мисс Глэдия держала его у себя в доме. Когда она навещала доктора Фастольфа, он, насколько мне известно, ее не сопровождал. Когда же я сопровождал доктора Фастольфа в дом мисс Глэдии, друга Джендера я не видел ни разу.

Бейли чуть удивился. Он обернулся к Жискару, чтобы задать тот же вопрос, помедлил и пожал плечами. Только пустая трата времени — как указал в их разговоре доктор Фастольф, допрашивать роботов бессмысленно. Они никогда сознательно не сообщат сведения, которые могут повредить человеку, и их нельзя ни запугать, ни подкупить, ни улестить. Прямо лгать они не станут но будут упрямо, хотя и со всей вежливостью, отделываться пустопорожними ответами.

Да и… может быть… это уже потеряло значение.

Они подходили к дверям Фастольфа, и Бейли почувствовал, как учащается его дыхание. Он

был уже твердо убежден, что руки и нижняя губа у него дрожат только из-за холодного ветра.

Солнце уже закатилось, заблестели первые звезды, темнеющее небо приобрело зеленовато-лиловый оттенок, словно по нему разливался синяк. И тут Бейли вошел в дверь — в тепло между светящимися стенами.

Безопасность!

Фастольф приветствовал его словами:

— Вот вы и вернулись, мистер Бейли. Ваш разговор с Глэдией оказался полезным?

— Очень, доктор Фастольф. Возможно даже, что ключ к загадке у меня в руке.

28

Фастольф только вежливо улыбнулся: без удивления, радости или недоверия. Он провел Бейли в столовую, но меньше и уютнее, чем та, в которой они завтракали.

— Мы с вами, мой дорогой мистер Бейли, — сказал Фастольф любезно, — пообедаем вместе без церемоний. Вдвоем. Даже отошлем роботов, если вам так больше нравится. И не станем разговаривать о деле, конечно, если вы сами не захотите.

Бейли промолчал, он в изумлении смотрел на

стены. По ним прокатывались волны зеленого сияния — медленно менялась яркость, менялись оттенки, волны вздымались от пола к потолку. Словно колыхались более темные водоросли, мелькали тени. Комната казалась освещенным гротом на дне мелкого морского залива. От этого зрелища кружилась голова. Во всяком случае у Бейли.

Фастольф без труда истолковал выражение на лице Бейли. И сказал:

— Согласен, мистер Бейли, к этому необходимо привыкнуть. Жискар, пригаси освещение стен. Благодарю тебя.

Бейли облегченно вздохнул:

— А я благодарю вас, доктор Фастольф. Не мог бы я зайти в Личную, сэр?

— Разумеется.

— Нельзя ли… — нерешительно начал Бейли. Фастольф засмеялся:

— Там все будет абсолютно обычным, мистер Бейли. Вам будет не на что пожаловаться. Бейли наклонил голову:

— Благодарю вас от всей души.

Без нестерпимых иллюзий Личная (та же самая, решил он) была тем, чем была, — только роскошнее и удобнее, чем все, какие он когда-ли-

бо видел. От земных она отличалась просто до невообразимости: на Земле Личные состояли из бесконечных рядов идентичных кабинок, каждая предназначалась для использования в данное время только одним человеком.

Она просто сверкала гигиенической чистотой. Возможно, верхний молекулярный слой убирался после каждого использования и накладывался новый. Бейли смутно почувствовал, что, если он останется на Авроре подольше, ему уже трудно будет приспособиться к земным толпам, оттеснявшим гигиену и чистоту на задний план, превращая их в недостижимый идеал, который почитают издалека.

И среди этих приспособлений из слоновой кости и золота (несомненно, не настоящей слоновой кости и не настоящего золота), таких сияющих и полированных, Бейли вдруг поймал себя на том, что с содроганием думает о небрежном обмене микроорганизмами на Земле, о богатстве ее инфекций. Не то ли чувствуют космониты? Можно ли их винить за это?

Он тщательно вымыл руки, весело прикасаясь к контрольной пластинке, меняя температуру. И все же эти аврорианцы украшают спои комнаты с неприятной броскостью, навязчиво изображая,

будто они живут в общении с природой, хотя одомашнили природу и выдрессировали ее. Или это только вкусы Фастольфа?

Ведь дом Глэдии производит куда более строгое впечатление… Или это потому, что она с Солярии?

Обед оказался сплошным восторгом. Снова, как и за завтраком, ощущение приближения к природе. Блюда были разнообразны и многочисленны, хотя количество каждого отнюдь не поражало изобилием и большинство выдавало, что прежде было частью какого-то растения или животного. А некоторые неудобства — косточки, кусочек хряща, растительное волоконце — уже не внушали Бейли отвращения, как было бы еще вчера, а превращались в забавное приключение.

Начали они с рыбки — очень маленькой, которую полагалось есть целиком со всеми ее внутренними органами, и в первую секунду Бейли счел это еще одним глупым способом барахтаться в Природе с большой буквы. Но по примеру Фастольфа он все-таки проглотил рыбку, ее вкус сразу его покорил. Он никогда ничего подобного не пробовал. Словно вкусовые сосочки были созданы и вставлены ему в язык только сейчас.

Каждое блюдо обладало своими особенностями, иногда странноватыми и не совсем приятными, но он обнаружил, что это не так уж важно. Своеобразие вкуса — букета своеобразных вкусов (по совету Фастольфа он запивал каждое кушанье глотком душистой воды), — вот что имело значение, а не отдельные частности.

Он прилагал все усилия, чтобы есть помедленнее, не сосредоточиваться на еде и не облизывать тарелку. С упорством отчаяния он продолжал следить за Фастольфом, подражать ему и не обращать внимания на насмешливые, хотя и добродушные искорки в глазах своего гостеприимного хозяина.

— Надеюсь, — сказал Фастольф, — вы находите обед съедобным?

— Прекрасным, — сумел выговорить Бейли, не подавившись.

— Прошу вас, не насилуйте себя из пустой вежливости. Не ешьте того, что покажется вам непривычным или неприятным. Я распоряжусь, чтобы второй раз подали то, чем вы остались довольны.

— Спасибо, доктор Фастольф. Все это очень недурно.

— Я рад, что вам нравится.

Хотя Фастольф сам предложил пообедать без роботов, еду подавал робот. (Очевидно, Фастольф так к этому привык, что просто его не замечает, подумал Бейли и промолчал.)

Конечно, робот молчал, а его движения были безупречными. Красивая ливрея казалась заимствованной из исторических гиперволновок. И только внимательно всмотревшись вблизи, удавалось заметить, что практически все это было иллюзией, игрой света, а на самом деле поверхность робота оставалась металлической и только.

— Наружность официанта сделана по эскизу Глэдии? — спросил Бейли.

— Да, — ответил Фастольф, явно довольный. — Как она будет польщена, услышав, что вы узнали ее стиль, Она очень талантлива, не правда ли? Ее роботы приобретают все большую известность, и она заняла очень нужную нишу в аврорианском обществе.

Разговор за обедом лился непринужденно, но никакого значения не имел. У Бейли не возникало желания «говорить о деле»: наоборот, он предпочитал молчать, наслаждаться едой и предоставлять своему подсознанию — или тому, что заменяет активную мысль, — решать, как

подойти к вопросу, который теперь представлялся ему ключом к загадке Джендера. Но Фастольф избавил его от этого труда, сказав:

— Да, кстати о Глэдии, мистер Бейли. Могу я спросить, каким образом, отправившись к ней в глубоком отчаянии, вы вернулись просто в радужном настроении и утверждаете, что ключ к этому делу в ваших руках? В доме Глэдии вы узнали что-то новое — и, может быть, неожиданное?

— Совершенно верно, — ответил Бейли рассеянно, увлекшись десертом, хотя и не понял, что это такое. Но выражение его глаз было, видимо, настолько жаждущим, что побудило официанта поставить перед ним еще одну (небольшую) порцию. Его переполняла приятная сытость, Никогда в жизни он так не наслаждался процессом еды и впервые подосадовал, что физиологические возможности организма не позволяют есть вечно. Ему стало немножко стыдно.

— Так что же удалось узнать нового и неожиданного — спросил Фастольф терпеливо. — Видимо, что-то мне неизвестное?

— Возможно. Глэдия сказала мне, что вы одолжили ей Джендера полгода назад.

— Ну, это мне известно. — Фастольф кивнул. — Я ей его одолжил.

— Почему? — резко спросил Бейли.

Лицо Фастольфа медленно утратило добродушное выражение, Он сказал после паузы:

— А почему бы и нет?

— Не знаю, почему бы и нет, доктор Фастольф. И не интересуюсь. Я спросил: почему?

Фастольф слегка покачал головой и ничего не ответил.

— Доктор Фастольф! — сказал Бейли. — Я здесь для того, чтобы разобраться в очень скверном деле. И вы еще не сделали ничего — абсолютно ничего! — чтобы упростить положение вещей. Наоборот, вы словно с удовольствием стараетесь показать мне, насколько оно скверно, и с удовольствием же разбиваете любые мои предварительные соображения. Нет, я не жду, что другие станут отвечать на мои вопросы — на этой планете я лицо сугубо неофициальное и не имею права даже задавать вопросы, а не то чтобы требовать ответа. Но к вам это не относится. Я здесь по вашей просьбе и стараюсь спасти не только мою карьеру, но и вашу, а по вашим же словам выручаю я не только Землю, но и Аврору. Вот почему я жду, что на мои вопросы вы будете отвечать правдиво и подробно. Прошу вас, оставьте эту нейтрализующую тактику. Не спрашивайте ме-

ня, почему бы и нет, когда я спрашиваю почему. И я снова спрашиваю: почему? В последний раз.

Фастольф выпятил губы и нахмурился:

Приношу свои извинения, мистер Бейли. Если я ответил не сразу, то потому лишь, что теперь, оглядываясь назад, убеждаюсь в отсутствии сколько-нибудь веской причины. Глэдия Дельмар… Нет, она не хочет употреблять эту фамилию… Ну так Глэдия на этой планете чужая, а на родной перенесла глубокую душевную травму, как возможно, вам неизвестно.

— Нет, я знаю. Пожалуйста, говорите прямее.

— Ну так я ее жалел. Она чувствовала себя отчаянно одинокой, а Джендер, подумал я, может скрасить ей жизнь.

— Жалели ее? И все? Вы любовники? Или были любовниками?

— Вовсе нет. Я не предлагал себя. А она себя. Почему вы спросили? Или она сказала, что мы любовники?

— Нет. Но мне в любом случае требовалось независимое подтверждение. Если возникнут какие-нибудь противоречия, я вам скажу, можете не беспокоиться. Но раз вы так ей сочувствуете, а Глэдия, насколько я понял из ваших слов, так вам благодарна, почему же ни вы, ни она себя не

предложили? У меня создалось впечатление, что на Авроре предложение совместного секса мало чем отличается от разговора о погоде.

Фастольф снова нахмурился:

— Мистер Бейли, вы ничего об этом не знаете. Не судите нас по меркам вашего мира. Секс для нас не составляет вопроса первостепенной важности, но пользуемся мы им с большой осмотрительностью. И даже, хоть вам так не кажется, предлагаем мы его отнюдь не легкомысленно и неразборчиво. Глэдия, не привыкшая к нашим обычаям, сексуально разочарованная на Солярии, возможно, и предлагала его бездумно (а вернее, с отчаянием), а потому не удивительно, что радости ей это не принесло.

— И вы не попытались улучшить положение?

— Предложив себя? Я не то, в чем она нуждается, и, раз уж мы коснулись этого, она не то, в чем нуждаюсь я. Я очень ее жалею. Она мне нравится. Я восхищаюсь ее талантом художницы. И я хочу, чтобы она была счастлива. В конце концов, мистер Бейли, вы не станете отрицать, что симпатия одного человека к другому вовсе необязательно должна иметь источником сексуальное чувство или что-либо еще, кроме обычной сердечности. Разве вы никогда ни к кому не питали симпатии?

Никогда не хотели помочь кому-то просто из доброжелательности без всякой задней мысли, только ради радости, которую получаешь, помогая чужому горю? Да с какой вы планеты?

— Вы вправе говорить так, доктор Фастольф. Я не ставлю под сомнение вашу порядочность. И все-таки разрешите мне продолжать. Когда я вас спросил, почему вы одолжили Джендера Глэдии, вы ведь не объяснили мне, как сделали сейчас — и очень эмоционально, могу я добавить. Первым вашим импульсом было уклониться, заколебаться, оттянуть время вопросом, почему бы и нет. Пусть затем вы сказали мне правду, но что в этом вопросе в первую минуту вас смутило? По какой причине, в которой вы не хотите признаться, вы подыскали причину, назвать которую готовы? Извините мою настойчивость, но мне необходимо это знать — и вовсе не из праздного любопытства, уверяю вас. Если то, что вы мне скажете, не будет иметь отношения к нашему злополучному делу, считайте, что ваше признание канет в черную дыру.

— Я искренне не знаю, — тихим голосом ответил Фастольф, — почему я сначала парировал ваш вопрос. Возможно, вы ненароком коснулись чего-то, на что я хотел бы закрыть глаза. Разре-

шите мне подумать, мистер Бейли.

Они замолчали. Подавальщик убрал со стола и ушел. Дэниел и Жискар отсутствовали (вероятно, охраняли дом). Наконец-то Бейли и Фастольф остались наедине друг с другом без роботов.

— Право, не знаю, что я могу вам сказать, — заговорил Фастольф. — Разрешите мне вернуться на несколько десятилетий назад. У меня есть две дочери. Возможно, это вам известно. Они от разных матерей…

— Вы бы предпочли сыновей, доктор Фастольф?

Фастольф взглянул на него с искренним удивлением.

— Нет. Вовсе нет. Кажется, мать моей второй дочери хотела сына, но я не дал согласие на искусственное осеменение обработанной спермой — пусть и моей собственной — и настоял на естественном броске генетических костей. Предупрежу ваш вопрос: потому что я не хочу исключать из жизни элемент случайности и еще, пожалуй, потому что предпочитал оставить шанс на рождение дочери. Нет, я не имел ничего против сына, вы понимаете, но не желал лишиться шанса на вторую дочь. Почему-то дочери меня больше устраивали. Ну, мой второй ребенок

действительно оказался дочерью. Возможно, это была одна из причин, почему ее мать вскоре расторгла наш брак. С другой стороны, значительный процент браков расторгается именно после рождения ребенка, и особой причины искать незачем.

— Насколько я понимаю, девочку забрала она?

Фастольф посмотрел на Бейли с недоумением:

— Зачем бы?.. А, я забыл, что вы с Земли. Естественно, нет. Детей помещают в ясли, где они вырастают, окруженные тщательным уходом. Однако (он сморщил нос, словно смущаясь) девочку в ясли не отдали. Я решил, что выращу ее сам. Это вполне законно, но бывает крайне редко. Конечно, я был еще очень молод — мне еще и ста не стукнуло, — однако уже приобрел имя в робопсихологии.

— И вам это удалось?

— Вырастить ее и воспитать? О да. Я к ней очень привязался. Назвал ее Василия. Это имя моей матери, понимаете? — Он усмехнулся своим воспоминаниям. — Есть во мне эта странная сентиментальность — вроде любви к моим роботам. Естественно, своей матери я никогда не видел. Но ее имя стояло в моей медицинской карте. И она еще жива, насколько мне известно, и я мог

бы с ней увидеться… но, по-моему, есть какая-то омерзительность во встрече с той, в чьем теле ты одно время находился… О чем, бишь, я?

— Вы назвали свою дочь Василией…

— А, да! Я ее вырастил и очень к ней привязался. Очень. Мне представлялось ясным, в чем заключается прелесть этого, но, естественно, я шокировал своих друзей и, когда контактировал с ними, должен был ее удалять, была ли встреча деловой или светской. Вот помню… — Он умолк.

— Что?

— Я уже десятки лет об этом не вспоминал. Как-то, когда у меня был доктор Сартон и мы обсуждали одну из первых программ для человекоподобных роботов, она вдруг вбежала вся в слезах и прижалась ко мне. Ей было только семь лет, по-моему, и, конечно, я обнял ее, расцеловал и прервал наше обсуждение — совершенно непростительная выходка с моей стороны. Сартон ушел, кашляя, давясь, вне себя от негодования. Прошла целая неделя, прежде чем мне удалось восстановить контакт с ним и продолжить дискуссию. Я полагаю, не следует чтобы дети действовали на людей подобным образом, но детей так мало и сталкиваешься с ними так редко!

— А ваша дочь… Василия… была к вам при-

вязана?

— О да! Во всяком случае, пока… Она была очень ко мне привязана. Я следил за ее обучением и позаботился, чтобы ее интеллект развился во всей полноте.

— Вы сказали, что она была привязана к вам, пока не произошло что-то. Фразу вы не закончили. Следовательно, настало время, когда ее привязанность к вам иссякла. Когда именно?

— Она выросла и пожелала жить в собственном доме. Вполне естественно.

— Но вы этого не хотели?

— Что значит — не хотел? Разумеется, хотел. Вы все время стараетесь сделать из меня чудовище, мистер Бейли.

— Следовательно, едва она достигла возраста, когда могла обзавестись собственным домом, у нее не осталось той привязанности к вам, какую она естественно испытывала, пока оставалась вашей дочерью активно и жила в вашем доме на вашем иждивении?

— Все не так просто. Наоборот, сложно и очень. Видите ли… — Фастольф словно бы смутился, — я отказал ей, когда она предложила мне себя.

— Она… предложила себя вам?! — в ужасе переспросил Бейли.

— Этого можно было ожидать, — ответил Фастольф невозмутимо. — Она хорошо меня знала. Я был ее наставником в сексе, поощрял ее эксперименты в этой области, брал ее на Игры Эроса, сделал для нее все, что было в моих силах. Так что этого следовало ожидать, а я по глупости не сообразил, и она поймала меня врасплох.

— Но это же кровосмешение!

— Кровосмешение? — переспросил Фастольф. — Ах да. Земной термин. На Авроре, мистер Бейли, такого понятия не существует. Очень малый процент аврорианцев знаком со своими родителями, или детьми, или другими близкими родственниками. Разумеется, когда речь идет о браке и подается заявление о ребенке, проводится генеалогическое исследование, но при чем тут простой секс? Нет-нет, противоестественным было, что я отказал собственной дочери! — Он покраснел, а его большие уши стали совсем багровыми.

— Еще бы вы не отказали! — пробормотал Бейли.

— И у меня не было для этого ни единой веской причины… то есть убедительной для Василии. С моей стороны было преступным не предвидеть этого, не подготовить логического обоснования для отказа такой юной и неопытной девочке,

чтобы не ранить ее, не подвергнуть столь страшному унижению. Мне нестерпимо стыдно, что я вопреки обычаю взял на себя ответственность за воспитание ребенка для того лишь, чтобы нанести своей дочери такую ужасную травму. Мне казалось, что нам следует продолжать наши отношения отца — дочери, двух друзей, но она не отступала. И каждый раз, когда я ей отказывал, как бы бережно я это ни делал, напряжение между нами росло.

— Пока наконец…

— Наконец она пожелала иметь свой дом. Сначала я возражал — не потому, что считал, будто она к этому не готова, но стремясь восстановить наши любовные отношения до того, как она переедет. Однако ничто не помогало. Пожалуй, это было самое тяжелое время в моей жизни. Наконец она твердо — и очень несдержанно — настояла на отъезде: больше я ей препятствовать не мог. К тому времени она уже стала дипломированным робопсихологом (я рад, что она не отказалась от своей профессии из отвращения ко мне) и могла завести собственный дом без моей помощи, которую отвергла наотрез. С тех пор мы практически не контактируем.

— Доктор Фастольф, — сказал Бейли, — раз она

не бросила робопсихологию, так, может быть, не чувствует себя совсем уж чужой вам.

— Но это область, которая ее особенно интересует, в которой она обретает наибольшее удовлетворение. Сначала у меня была такая мысль, и я попытался восстановить дружеские отношения, но безуспешно.

— Вам ее недостает, доктор Фастольф?

— Конечно, недостает, мистер Бейли… Лишнее доказательство того, что воспитывать ребенка самому — большая ошибка. Вы подчиняетесь иррациональному порыву, атавистической потребности, а в результате внушаете ребенку сильнейшую любовь и подвергаете себя опасности отвергнуть первое предложение себя юной девочки, эмоционально калеча ее на всю жизнь. А вдобавок обрекаете собственную психику воздействию абсолютно иррационального чувства тоски по отсутствующему. Прежде я ничего подобного не ощущал. И с тех пор тоже. И она, и я испытали совершенно ненужные страдания только по моей вине.

Фастольф, казалось, погрузился в воспоминания, и Бейли сказал мягко:

— И какое отношение все это имеет к Глэдии?

Фастольф растерянно посмотрел на него:

— Да, конечно. У меня просто из головы вылетело. Все вполне просто. Про Глэдию я вам говорил чистую правду. Она мне нравилась. Я сочувствовал ей. Я восхищался ее талантом. А еще — она похожа на Василию. Я заметил их сходство, когда смотрел гиперрепортаж о ее прибытии па Аврору. Сходство просто поразительное, и оно пробудило во мне интерес к ней. — Он вздохнул, — Когда я понял, что она, как и Василия, перенесла тяжелейшую сексуальную травму, то почувствовал, что обязан что-то сделать. Я, как вы знаете, устроил так, что она поселилась по соседству со мной, стал ее другом, старался по мере сил смягчать тяготы приспособления к чужому миру.

— Итак, для вас она — субститут дочери.

— В каком-то смысле. Да, пожалуй, это можно назвать и так, мистер Бейли. И вы не представляете, как я счастлив, что ей не вздумалось предложить себя. Отвергнуть ее — значило бы вторично пережить то, что я пережил с Василией. А приняв ее предложение только оттого, что мне не достало духа отказать, я горько омрачил бы собственную жизнь: меня бы мучило чувство, что для этой чужой женщины, слабой копии моей дочери, я делаю то, в чем дочери отказал! В любом случае… Но не важно, вы теперь понима-

ете, почему я ответил вам не сразу. Ваш вопрос напомнил мне о трагедии моей жизни.

— А. ваша другая дочь?

— Люмен? — равнодушно сказал Фастольф. — У меня с ней нет никакого контакта, хотя время от времени до меня доходят новости о ней.

— Насколько я понял, она выставила свою кандидатуру на политический пост.

— Региональный. С глобалистских позиций.

— А что это?

— Глобалисты? Они стоят за Аврору и только за нее — то есть наша планета в великом и в малом. Аврорианцы должны возглавить заселение Галактики. Никого другого к этому не допускать, насколько возможно, и в первую очередь землян. «Просвещенное самоутверждение», как они это называют.

— Вы этой точки зрения, конечно, не разделяете.

— Категорически нет. Я возглавляю гуманистическую партию, верящую, что у всех людей есть равное право на освоение Галактики. Когда я говорю о «моих врагах», то подразумеваю глобалистов.

— Значит, Люмен принадлежит к вашим врагам?

— И Василия тоже. Она член аврорианского Института робопсихологии — АИР, учрежденного несколько лет назад и возглавляемого робопсихологами, для которых я демон и должен быть ниспровергнут любой ценой. Однако, насколько мне известно, мои многочисленные экс-жены политикой не интересуются и могут даже принадлежать к гуманистам. — Криво улыбнувшись, он добавил: — Ну, мистер Бейли, вы задали все вопросы, какие собирались задать?

Руки Бейли бесцельно шарили в карманах его гладких, свободных аврорианских брюк (эта привычка у него появилась почти сразу же, как он облачился в них на корабле) и ничего не обнаружили. Тогда он скрестил их на груди — за неимением лучшего — и сказал:

— По-моему, доктор Фастольф, вы так и не ответили на мой первый вопрос. Мне кажется, вы старательно уклоняетесь. Почему вы одолжили Джендера Глэдии? Давайте вести разговор совершенно открыто, чтобы наконец увидеть свет в темноте.

29

Фастольф снова покраснел. На этот раз, возможно, от гнева, но голос его остался негромким.

— Не давите на меня, мистер Бейли. Я вам уже ответил. Я жалел Глэдию и подумал, что Джендер скрасит ее одиночество. Я был с вами откровеннее, чем с кем-либо другим, отчасти из-за положения, в котором нахожусь, а отчасти потому, что вы не аврорианец. Взамен я настаиваю на разумном уважении.

Бейли закусил нижнюю губу. Это не Земля, он не представитель власти, а на кон поставлено нечто большее, чем его профессиональная гордость.

— Извините, доктор Фастольф, — сказал он, — если я вас обидел. Я вовсе не подразумевал, будто вы говорите неправду или не стараетесь мне помочь. Тем не менее у меня ничего не получится, если я не узнаю всю правду. Разрешите мне самому предложить возможный ответ, а вы скажете, верен он, почти верен или полностью ошибочен. Возможно, вы одолжили Джендера Глэдии для того, чтобы ее сексуальные устремления сосредоточились на нем и у нее не возникало

бы желания предложить себя вам. Пусть побуждение было подсознательным, но подумайте над ним теперь. Не играло ли роль такое чувство в вашем подарке?

Фастольф, не глядя, взял легкую прозрачную безделушку, украшавшую обеденный стол, и начал крутить ее в пальцах. Если бы не это движение, его можно было бы принять за статую. Наконец он сказал:

— Не исключено, мистер Бейли. Бесспорно, после того как я одолжил ей Джендера (кстати, формально это не был подарок}, я уже меньше опасался, что она предложит себя.

— Вам известно, использовала ли Глэдия Джендера в сексуальных целях?

— А Глэдию вы об этом спрашивали, мистер Бейли?

— Тут нет никакой связи с моим вопросом. Известно это вам или нет? Видели ли вы что-либо сексуальное в их поведении? Сообщал ли вам какой-нибудь ваш робот о подобном? Не рассказала ли вам она сама?

— На все эти вопросы я отвечу «нет», мистер Бейли. Если подумать, то в использовании роботов в сексуальных целях мужчинами или женщинами ничего особенно нет. Обычно ро-

боты не слишком для этого подходят, но люди в подобных случаях бывают удивительно изобретательны. А Джендер вполне для этого подходил, поскольку мы стремились сделать его настолько человекоподобным, насколько возможно.

— Для того, чтобы он мог совершать половой акт?

— Нет. Об этом мы не думали. Мы решали абстрактную задачу создания абсолютно человекоподобного робота — покойный доктор Сартон и я.

— Но такие человекоподобные роботы идеальны для секса, не так ли?

— Полагаю, что так, и теперь, когда я позволил себе задуматься над этим, то Глэдия вполне могла использовать Джендера таким образом. И я признаю, что такая мысль, возможно, пряталась в моем подсознании с самого начала. Если это правда, надеюсь, она получала радость. В таком случае то, что я одолжил ей его, было истинно добрым делом.

— А что, если это доброе дело привело к последствиям, которых вы не учли?

— В каком смысле?

— Что вы скажете, если узнаете, что Глэдия и Джендер были женой и мужем?

Рука Фастольфа судорожно сжала безделушку, а потом уронила ее.

— Что? Какая нелепость! Это юридически невозможно. Дети исключаются, и, значит, просить разрешения бессмысленно. А без этого брак не заключают.

— Юридическая сторона тут роли не играет, доктор Фастольф. Не забывайте, что Глэдия — солярианка и взгляды у нее не аврорианские. Ситуация сугубо эмоциональная. Глэдия сама сказала мне, что считала Джендера своим мужем. Мне кажется, теперь она считает себя его вдовой и еще раз перенесла сильнейшую сексуальную травму. Если вы хоть в чем-то сознательно способствовали…

— Клянусь всеми звездами! — воскликнул Фастольф с внезапным гневом. — Я тут ни при чем. О чем бы я ни думал, мне в голову не приходило, что Глэдия вообразит себя замужем за роботом. Ни один аврорианец не способен вообразить подобное.

Бейли кивнул и поднял ладонь.

— Я вам верю. Не думаю, что вы настолько актер, что способны заморочить меня притворной искренностью. Но я должен был убедиться. В конце концов…

— Нет! Или, по-вашему, я мог предвидеть такую ситуацию? И сознательно устроил это омерзительное вдовство ради какой-то цели? Никогда! Это немыслимо, и я не мог этого измыслить. Мистер Бейли, в чем бы ни заключались мои намерения, когда я отправил Джендера в ее дом, они были самыми лучшими. И подобное в них не входило. Ссылка на хорошие намерения, разумеется, плохая защита, но другой у меня нет.

— Доктор Фастольф, не будем больше упоминать про это, — сказал Бейли. — Зато у меня, возможно, есть разгадка тайны.

Фастольф тяжело вздохнул и откинулся в кресле.

— Вы прозрачно намекнули на это, когда вернулись от Глэдии. — Он посмотрел на Бейли почти с яростью. — Почему вы сразу же не сказали? Неужели нельзя было обойтись без всего… этого.

— Простите, доктор Фастольф, но без всего… этого, мне нечего было бы сказать.

— Ну хорошо. Говорите же!

— Сейчас. Джендер оказался в положении, которого вы, величайший робопсихолог-теоретик во всем этом мире, по вашим же словам, не предвидели. Он давал Глэдии такую радость, что она глубоко его полюбила и считала своим

мужем. Что, если выяснится, что, давая Глэдии эту радость, он тем самым причинял ей вред?

— Я не вполне улавливаю смысл ваших слов.

— Послушайте, доктор Фастольф, она старательно это скрывала. А, насколько я понял, на Авроре то, что связано с сексом, никто особенно не прячет.

— По тривидению мы это не передаем, — сухо сказал Фастольф, — но скрываем не больше, чем все другие чисто личные дела. Обычно нам известен самый последний партнер, а если речь идет о друзьях, мы часто знаем, как хорош, как увлечен — или прямо наоборот — тот или другой партнер, а также оба. Это одна из тем дружеской болтовни.

— Да, но вы ничего не знали о связи Глэдии с Джендером.

— Подозревал…

— Это другое. Она вам ничего не говорила. Вы не видели никаких свидетельств. Ни один робот ничего не сообщил. Она хранила это в тайне даже от вас, своего лучшего друга на Авроре. Из чего следует, что ее роботам была дана строгая инструкция ничего о Джендере не говорить, а сам Джендер, несомненно, получил самые обстоятельные инструкции все скрывать.

— Полагаю, что такое заключение вполне логично.

— Но почему она так поступила, доктор Фастольф?

— Солярианское чурание секса?

— Иными словами, она стыдилась?

— Для этого причин у нее не было, хотя, бесспорно, идея считать Джендера мужем сделала бы из нее посмешище.

— Этот момент она могла бы скрыть очень легко, не пряча остального. Предположим, ей как солярианке было стыдно.

— Ну и?

— Стыдиться никто не любит, и она могла винить в этом Джендера — с той нелогичностью, с какой люди всегда стараются возложить на других ответственность за то, в чем, несомненно, виноваты сами.

— Так что же?

— Могли быть минуты, когда Глэдия, по натуре импульсивная, вдруг разражалась слезами и бранила Джендера как причину ее стыда и огорчений. Это могло длиться недолго, тут же сменяться извинениями и ласками, но ведь Джендер, наверное, пришел бы к выводу, что он — источник ее стыда и огорчений. И любое

его действие становилось нарушением Первого Закона, а потому спасти его могло только полное бездействие — умственная заморозка. Вспомните историю, которую вы мне рассказывали о легендарном роботе, читавшем мысли, которого довела до самоуничтожения эта зачинательница робопсихологии.

— Сьюзен Кэлвин. Да, понимаю! Вы построили свою разгадку на этой старой легенде. Очень изобретательно, мистер Бейли, но нереально.

— Почему же? Когда вы утверждали, что никто кроме вас не мог бы вызвать у Джендера умственной заморозки, вы же понятия не имели, в какой сложной ситуации он оказался. Точная параллель с ситуацией легенды.

— Предположим, что история Сьюзен Кэлвин и робота, читавшего мысли, не выдумка, а правда. Рассмотрим ее серьезно. И убедимся, что никакой параллели между этой историей и положением Джендера не существует. Сьюзен Кэлвин имела дело с примитивнейшим роботом — в наши дни он даже игрушкой быть не мог бы. И в подобной ситуации исходил бы только из оценки ситуации: А причиняет огорчение, не-А причиняет огорчение — и умственная заморозка.

— Ну а Джендер? — спросил Бейли.

— Любой современный робот — любой робот прошлого века — рассмотрел бы такое положение количественно. Какая из ситуаций причинит больше огорчения — А или не-А? Робот мгновенно пришел бы к выводу и выиграл бы причинение меньшего огорчения. Шанс, что по его оценке два взаимоисключающих действия вызывали бы абсолютно равное огорчение, ничтожно мал, но на такой непредвиденный случай современный робот снабжается рандомизирующим фактором. Если А и не-А порождают абсолютно равное огорчение, он выбирает то или иное, ничем не руководствуясь, а затем неуклонно его придерживается. И в умственную заморозку не впадает.

— Иными словами, Джендер вообще не мог в нее впасть? Но ведь, по вашему утверждению, сами вы были способны довести его до такого состояния.

— Имея дело с человекоподобным позитронным мозгом, можно найти способ обойти рандомизирующий фактор — способ, опирающийся на конструкцию данного мозга. Даже при глубоком знании теории процесс доведения робота до умственной заморозки с помощью искусной последовательности вопросов и распоряжений был бы крайне трудным и длительным. Случай-

ность тут полностью исключается, как и то, что видимое противоречие, рождаемое одновременностью любви и стыда, могло бы привести к заморозке без тщательнейшей количественной корректировки при крайне необычных обстоятельствах… А это, как я уже говорил, оставляет нам только одно объяснение: недетерминированную случайность.

— Но ваши враги будут настаивать, что ваше вмешательство куда вероятнее. Не могли бы мы в свою очередь настаивать на том, что до заморозки Джендера довел конфликт, рождаемый любовью и стыдом Глэдии. Ведь это же правдоподобно? И могло бы обеспечить вам поддержку общественного мнения, верно?

— Мистер Бейли! — Фастольф нахмурился. — Вы слишком увлекаетесь. Подумайте серьезно! Если бы мы попытались выбраться из этой дилеммы таким не слишком честным способом, каковы были бы последствия? Я уж не говорю, в какой стыд и горе ввергнет Глэдию мысль, что Джендера она потеряла по собственной вине — если, конечно, она действительно испытывала стыд и иногда каким-то образом его выдавала. Я не пошел бы на такое, но пока оставим этот аспект. Просто подумайте; мои враги заявят, будто

я одолжил ей Джендера, чтобы создать именно такую ситуацию. Они будут утверждать, что я сделал это, разрабатывая способ, как вызывать умственную заморозку у человекоподобных роботов и остаться вне подозрений. Мы окажемся даже в худшем положении, чем теперь, так как меня будут уже обвинять не просто в том, что я ловкий интриган, а еще и в чудовищном поведении по отношению к ничего не подозревавшей женщине, другом которой я бессовестно притворялся. Хотя бы от этого я пока избавлен!

Бейли был ошеломлен. Он почувствовал, что у него отвисает челюсть.

— Конечно же, они не посмеют... — произнес он, заикаясь.

— Еще как посмеют. Вы же сами несколько минут назад почти склонялись к такому предположению.

— Просто как к чисто гипотетическому...

— Мои враги не найдут в этом ничего гипотетического и обвинят меня совсем не гипотетически.

Бейли чувствовал, что стал совсем красным. Его словно обдало жаром, и он не решался посмотреть на Фастольфа. Прочистив горло, он пробормотал:

— Вы правы. Я так возликовал, что нашел выход… и не подумал. Могу только попросить у вас извинения. Мне очень стыдно. Полагаю, есть только один выход — истина. Если нам удастся ее установить.

— Не отчаивайтесь, — сказал Фастольф, — Вы уже узнали о Джендере много такого, о чем я и но подозревал. Вероятно, узнаете и другие факты, так что в конце концов объяснение этой тайны, которая пока ставит нас в тупик, окажется простым и ясным. Что вы думаете делать дальше?

Но Бейли был слишком угнетен своим фиаско.

— Не знаю, — вздохнул он.

— Мой вопрос был неуместным. Вы провели долгий и нелегкий день. Ваш мозг, естественно, подустал. Отдохните, посмотрите, усните. Утром вы почувствуете себя совсем по-другому.

Бейли кивнул и промямлил:

— Наверное, вы правы… — Но в эту минуту он не верил, что утром что-нибудь изменится.

30

Спальня оказалась холодной — и температура, и обстановка. Бейли поежился, Такая низкая температура в комнате придавала ей неприят-

ное сходство с Вне. Стены были почти белыми и (неожиданность в доме Фастольфа) ничем не украшены. На вид пол был выложен гладкой слоновой костью, но под босыми подошвами ощущался мягкий ворс ковра. Кровать была белой, а гладкое одеяло холодило руку.

Бейли присел на край матраца, слегка спружинившего под его весом. Он обернулся к Дэниелу, который вошел вместе с ним.

— Дэниел, тебя тревожит, когда человек лжет?

— Мне известно, партнер Элайдж, что люди иногда лгут. Порой ложь бывает полезной и даже необходимой. Мое отношение ко лжи зависит от того, кто лжет, при каких обстоятельствах и по какой причине.

— А ты всегда замечаешь, когда человек лжет?

— Нет, партнер Элайдж.

— Тебе не кажется, что доктор Фастольф часто лжет?

— Мне ни разу не показалось, что доктор Фастольф солгал.

— Даже в связи со смертью Джендера?

— Насколько мне дано судить, он не говорил ничего, кроме правды.

— Может быть, он проинструктировал тебя отвечать так, если я задам подобный вопрос?

— Он этого не делал, партнер Элайдж.

— Но, может быть, ты отвечаешь опять по его инструкции… — Бейли умолк. Да, допрашивать робота бессмысленно, А в данном случае он напрашивается на бесконечную регрессию… Тут он вдруг заметил, что матрац под ним постепенно проседал и теперь обволакивал его бедра. Он вскочил.

— Дэниел, есть ли какой-нибудь способ сделать эту комнату теплее?

— Когда вы ляжете под одеяло, партнер Элайдж, и погасите свет, станет теплее.

— А! — Бейли подозрительно огляделся. — Дэниел, ты не погасишь свет? А потом останься здесь.

Свет погас почти мгновенно, и Бейли обнаружил, что совершенно напрасно подумал, будто эта комната ничем не декорирована. Во всяком случае он ощутил, что находится во Вне. В деревьях шелестел ветер, сонно похрапывали и пофыркивали в отдалении какие-то существа. А над головой поблескивали иллюзорные звезды, и по ним скользили легкие облачка, почти невидимые.

— Зажги свет, Дэниел! Комнату затопил свет.

— Дэниел, — сказал Бейли, — мне ничего этого

не надо — ни звезд, ни облаков, ни звуков, ни деревьев, ни ветра… и запахов тоже не надо! Мне нужна темнота — непроницаемая темнота. Ты можешь это устроить?

— Конечно, партнер Элайдж.

— Ну так устрой, И покажи, как мне погасить свет, когда я захочу уснуть.

— Я здесь, чтобы оберегать вас, партнер Элайдж.

— Думается, оберегать меня ты можешь и с той стороны двери, — проворчал Бейли. — А Жискар, не сомневаюсь, уже стоит под окнами… Если за занавесками и вправду окна..

— Да, там окна… Партнер Элайдж, если вы переступите этот порог, то войдете в вашу Личную. Стена там нематериальна и вы просто пройдете сквозь нее. Свет загорится, когда вы войдете, и погаснет, когда вы выйдете, и зрительных иллюзий там нет. Если желаете, примите душ и вообще сделайте все процедуры, как привыкли перед сном и после пробуждения.

Бейли повернулся и посмотрел, куда указывал Дэниел. Стена выглядела сплошной, но плинтус в этом месте был выше, точно порог.

— А как я что-нибудь разгляжу в темноте, Дэниел?

— Та часть стены, где она не стена, будет слабо светиться. А чтобы зажечь или погасить свет, надо прижать палец к углублению в изголовье кровати, и, если в комнате темно, свет зажжется, а если светло, то погаснет.

— Спасибо, А теперь можешь идти.

Через полчаса Бейли вышел из Личной, погасил свет и укутался в одеяло в теплой обволакивающей тьме.

Фастольф верно заметил, что день был долгим. Ему не верилось, что на Аврору он прибыл в это утро. Узнать удалось немало, а толку — никакого.

Лежа во мраке, он неторопливо перебирал в уме события дня в хронологическом порядке, А вдруг он что-то упустил? Но эта надежда оказалась тщетной.

Где он — вдумчивый, проницательный и хитроумный Бейли, герой гиперволновой драмы?

Матрац снова полуобволакивал его — он словно свернулся в теплом убежище. Бейли пошевелился: матрац под ним упруго выпрямился, а затем медленно прогнулся в лад с его новой позой.

В голове у него мутилось от усталости, глаза наливались сном, и не было никакого смысла вновь мысленно переживать пережитое, но он

все равно не удержался и проследил этот день, свой первый день на Авроре, от космопорта до дома Фастольфа, потом до дома Глэдии — и назад к Фастольфу.

Глэдия… даже красивее, чем он ее помнил, но жесткая… какая-то жесткость в ней… Или она просто окружила себя защитной оболочкой, бедная женщина. Он радостно вспомнил, как на нее подействовало прикосновение ее руки к его щеке… Если бы он мог остаться с ней, он научил бы ее… дураки аврорианцы… отвратительно небрежное отношение к сексу… все, что угодно… а это значит — ничего, пустота… стоит ли… глупо… к Фастольфу, к Глэдии, назад к Фастольфу… назад к Фастольфу.

Он пошевелился, рассеянно почувствовал, как матрац опять спружинил и начал опускаться. Назад к Фастольфу. Что произошло на обратном пути к Фастольфу? Что-то сказанное? Что-то не сказанное? И на космолете, до посадки на Авроре… что-то стыкующееся…

Бейли был в призрачном мире полусна, когда сознание высвобождается и следует собственным законам. Точно тело, летящее, парящее в воздухе, освобожденное от пут тяготения.

Оно само перебирало события, мелочи, которые

он не заметил, соединяло их… одно стыковалось с другим, входило на место… сплеталось в паутину… в единую ткань…

Тут ему почудилось, что он услышал какой-то звук. Он очнулся, прислушался, ничего не услышал и вновь погрузился в полусон, чтобы продолжить нить рассуждений… но не сумел ее нащупать снова.

Словно произведение искусства провалилось в трясину. Он еще видел общие очертания, цветовые пятна. Они тускнели, но он знал, что оно там, отчаянно потянулся за ним… А оно исчезло. И он не помнил, что это было. Ничего не помнил.

Действительно ли он что-то нащупал? Или воспоминание это было иллюзорным, порождением сонной чепухи, вдруг всплывшей в смутном сознании?.. И тут он заснул.

На мгновение проснувшись ночью, он подумал: «У меня возникла идея. Важная идея».

Но он ничего не помнил, кроме вот этого ощущения, что идея была, была…

Некоторое время он лежал, уставившись в темноту. Если идея все-таки была, со временем она вновь возникнет.

Или не возникнет. (Иосафат!)

Тут он снова уснул.

Глава восьмая
Фастольф и Василия
31

Бейли, подскочив, проснулся и подозрительно втянул ноздрями воздух. На мгновение ему почудился какой-то незнакомый, очень слабый запах. Но это ощущение почти сразу же бесследно исчезло. Он огляделся. Возле его кровати невозмутимо стоял Дэниел.

— Партнер Элайдж, — сказал он с обычной серьезностью. — Надеюсь, вы хорошо спали?

Бейли посмотрел на занавески. Они все еще были задернуты, но за ними во Вне, несомненно, сиял день. Чуть в стороне Жискар аккуратно раскладывал приготовленную для него одежду — от туфель до куртки все было новым и совсем иным, чем то, что он носил накануне.

— Очень хорошо, — ответил Бейли на вопрос Дэниела. — Меня что-то разбудило?

— В циркулирующий по комнате воздух был введен антисонник, партнер Элайдж. У спящего человека он включает механизмы пробуждения. Мы на всякий случай использовали дозу меньше

обычной, так как не знаем реакции на него вашего организма. Возможно, ее следовало бы еще уменьшить.

— Да, ощущение было, как удар веслом под зад. Который час?

— Ноль семь, ноль пять по аврорианскому времени. Завтрак будет через физиологические полчаса. — Он сказал это с полной серьезностью, хотя человек нашел бы тут повод улыбнуться.

Заговорил Жискар — голос у него был не таким приятным и менее богат интонациями, чем у Дэниела.

— Сэр, другу Дэниелу и мне нельзя входить в Личную. Если вы войдете в нее и сообщите нам, что вам может потребоваться, мы немедленно принесем.

— Да, конечно. — Бейли сел, сбросил ноги с кровати и встал. Жискар немедленно начал снимать постельное белье.

— Не отдадите ли мне вашу пижаму, сэр?

Бейли колебался всего секунду. Говорил ведь всего только робот. Он разделся и протянул пижаму Жискару, который взял ее, благодарно наклонив голову.

Бейли с отвращением оглядел себя, вдруг застеснявшись немолодого тела, которое наверняка

выглядело много хуже, чем тело Фастольфа, хотя тот был втрое его старше.

Машинально он поискал взглядом шлепанцы, но не увидел ничего похожего. Предположительно, ему они не требовались. Пол под ногами казался теплым и мягким.

Он вошел в Личную и потребовал инструкций. С другой стороны несуществующей стены Жискар старательно объяснил механизм обривателя и датчика зубной пасты, растолковал, как перевести смывное устройство в автоматический режим и как регулировать температуру душа.

Все было несравненно роскошнее и продуманней того, что предлагала Земля, и отсутствовали перегородки, из-за которых доносились бы шорохи и невольные звуки какого-то другого человека, чье невидимое присутствие он стоически игнорировал, чтобы сохранить иллюзию уединенности.

«Изнеженность!» — думал про себя Бейли, используя всю эту роскошь. Но изнеженность, с которой (как он уже знал) ему удастся свыкнуться, Если он задержится на Авроре, то возвращение на Землю будет сопряжено с бытовым шоком… особенно из-за Личной. Он надеялся, что привыкать заново ему долго не придется, но он также надеялся, что земляне, заселяя новые миры, не

сделают фетиша из коммунальной Личной.

Может быть, думал Бейли, именно так и следует определять изнеживающую роскошь — то, к чему легко привыкаешь.

Бейли вышел из Личной, завершив различные процедуры, блестя гладким подбородком, сверкая зубами, вымытый и высушенный с головы до ног.

— Жискар, где я могу найти деодорант? — спросил он.

— Я не понял, сэр, — ответил Жискар, и Дэниел поспешил вмешаться:

— Когда вы включили датчик пены, партнер Элайдж, это создало эффект деодоранта. Прошу извинить друга Жискара — у него нет моего земного опыта.

Бейли с сомнением поднял брони и начал одеваться с помощью Жискара.

— Как вижу, вы с Жискаром, — сказал Бейли, — продолжаете меня опекать на каждом шагу. Были хоть какие-нибудь признаки попытки разделаться со мной?

— Пока никаких, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Тем не менее благоразумие подсказывает, что другу Жискару и мне следует все время быть с вами, насколько это возможно.

— А почему, Дэниел?

— По двум причинам, партнер Элайдж. Во-первых, мы можем оказать зам помощь, когда вы сталкиваетесь с аспектами аврорианской культуры или обычаями, вам не знакомыми. Во-вторых, друг Жискар в особенности способен фиксировать и воспроизводить каждое слово всех ваших разговоров. Вам это может пригодиться. Если помните, когда вы разговаривали с доктором Фастольфом и с мисс Глэдией, я и друг Жискар временами находились в отдалении или в соседней комнате.

— Так что Жискар эти разговоры не зафиксировал?

— Нет, зафиксировал, партнер Элайдж, но с затруднениями, и, возможно, четкость местами будет не такой, какой мы добивались. Будет лучше, если мы сможем находиться в предельной близости от вас.

— Дэниел, — спросил Бейли, — ты полагаешь, мне будет спокойнее, если я буду видеть в вас гидов и записывающие устройства, а не охранников? Почему просто не прийти к выводу, что в качестве охранников вы совершенно бесполезны. Поскольку до сих пор покушений на меня не было, почему нельзя заключить, что и в будущем

ждать их нечего?

— Нет, партнер Элайдж, это было бы неосторожным. Доктор Фастольф чувствует, что его враги очень вас опасаются. Они уже пытались убедить председателя, чтобы он отказал доктору Фастольфу в разрешении вызвать вас сюда, и, конечно, не прекратят добиваться, чтобы он распорядился незамедлительно отправить вас на Землю.

— Такого рода мирная оппозиция делает охрану ненужной.

— Да, сэр. Однако если у оппозиции есть основания бояться, что вы очистите доктора Фастольфа от обвинений, они могут решиться на крайние меры. Вы ведь все-таки не аврорианец, и по отношению к вам внутренний запрет, исключающий насилие на нашей планете, может оказаться недостаточно сильным.

— Тот факт, — сказал Бейли кисло, — что я пробыл здесь целый день и ничего не произошло, должен их заметно успокоить и снизить возможность насильственных действий.

— Да, это представляется вероятным, — ответил Дэниел, ничем не выдав, что уловил иронию в голосе Бейли.

— С другой стороны, — продолжал Бейли, — если я продвинусь в моих розысках, опасность

тотчас возрастет.

Дэниел взвесил услышанное и сказал:

— Это выглядит логичным выводом.

— А потому вы с Жискаром будете меня сопровождать повсюду, на тот случай, что я справлюсь со своей работой чересчур удачно.

Дэниел снова ответил не сразу.

— Ваша формулировка, партнер Элайдж, ввергает меня в недоумение, но, кажется, вы правы.

— В таком случае, — объявил Бейли, — я готов позавтракать, хотя моему аппетиту и не способствует сообщение, что альтернативой к неудаче является попытка меня прикончить.

32

Фастольф улыбнулся Бейли через накрытый к завтраку стол.

— Как вам спалось, мистер Бейли?

Бейли завороженно изучал кусок ветчины. Его необходимо было резать ножом. Он был волокнистый. С одного бока тянулась полосочка жира. Короче говоря, ветчина не прошла обработку. А в результате вкус у нее был гораздо ветчиннее, если можно так выразиться.

А еще — жареные яйца с уплощенным полу-

шарием желтка в центре, окаймленным белком. Прямо-таки ромашки, которые Бен однажды показал ему на лугу, там дома. Умозрительно он знал, как выглядит яйцо до обработки, и знал, что оно содержит желток и белок, но ни разу в жизни не видел, чтобы они оставались разделенными перед самым употреблением в пищу. Даже на космолете, когда он летел сюда, даже на Солярии в кушаньях из яиц желток и белок всегда были перемешаны.

Он вздрогнул и посмотрел на Фастольфа.

— Прошу прощения?

— Как вам спалось? — терпеливо повторил Фастольф.

— Неплохо. Возможно, я бы все еще спал, если бы не антисонник.

— А, да. Не совсем то обхождение, на какое имеет право гость, но я подумал, что вы, возможно, захотите начать пораньше.

— Вы абсолютно правы. Да и я не совсем гость. Некоторое время Фастольф ел молча, потом отхлебнул горячего напитка и сказал:

— Ночью на вас не снизошло озарение? Быть может, вы проснулись с новым подходом, с новой идеей?

Бейли подозрительно посмотрел на Фастольфа,

но сарказма не заметил и, поднося напиток к губам, сказал:

— Боюсь, что нет. Я в том же тупике, что и накануне. — Он отпил и невольно поморщился.

— Мне очень жаль, — сказал Фастольф. — Вам этот напиток неприятен?

Бейли буркнул что-то нечленораздельное и сделал еще глоток.

— Это всего лишь кофе, — объяснил Фастольф. — Без кофеина.

Бейли нахмурился:

— Вкус на кофе непохож и... Извините меня, доктор Фастольф, надеюсь, я не покажусь вам параноиком, но только что мы с Дэниелом полушутя обсудили вероятность нападения на меня — то есть пошучивал я, а Дэниел был вполне серьезен. И, по-моему, один из способов, какой они могут употребить против меня... — Он неловко замолчал.

Брови Фастольфа взлетели вверх. Он со словами извинения взял у Бейли чашку и понюхал ее. Затем зачерпнул немножко ложечкой и попробовал.

— Абсолютно нормальный кофе, мистер Бейли. Вас не пытаются отравить.

— Простите, что я веду себя так глупо — я ведь

знаю, что кофе варили ваши роботы, но вы все-таки уверены…

— Роботов иногда перепрограммировали, — улыбнулся Фастольф. — Однако в данном случае этого не было. Просто кофе, напиток, популярный на разных мирах, имеет много сортов и способов приготовления. Давно известно, что каждый человек предпочитает кофе своего мира. К сожалению, мистер Бейли, у меня нет земных сортов. Может быть, вы предпочтете молоко? Оно относительно одинаково повсюду. Фруктовый сок? Аврорианский виноградный сок считается превосходным на большинстве миров. Есть даже злопыхатели, намекающие, что мы даем ему бродить, но это, естественно, не так. Воды?

— Попробую ваш виноградный сок. — Бейли с опаской покосился на кофе. — Хотя, наверное, мне следует привыкнуть к этой бурде?

— Зачем? — сказал Фастольф. — К чему себя насиловать без необходимости? Так, значит, — вернулся он к своему первому вопросу, и улыбка у него стала чуть вымученной, — ночь и сон не принесли вам полезных мыслей?

— К сожалению, — сказал Бейли и вдруг нахмурился. — Хотя…

— Да?

— Мне кажется, в момент засыпания, в момент свободных ассоциаций полусна, что-то такое у меня промелькнуло.

— А! Так что же?

— Не знаю. Эта мысль меня разбудила и исчезла. А может быть, меня отвлек воображаемый звук. Не помню. Я попытался восстановить эту мысль, но не сумел. Она исчезла. По-моему, это частое явление.

— Вы все-таки уверены? — спросил Фастольф задумчиво.

— Не совсем. Она промелькнула так быстро, что никакой уверенности у меня нет. Да и вообще она могла показаться мне значимой только потому, что я почти спал. А сейчас выглядела бы полной чепухой.

— Но в чем бы она ни заключалась и какой бы беглой ни была, свой след она, наверное, оставила.

— Согласен, доктор Фастольф. И тогда она еще вернется ко мне. Не сомневаюсь.

— И нам надо ждать?

— А что еще нам остается?

— Ну, существует психозонд.

Бейли откинулся в кресле и несколько секунд смотрел на Фастольфа, потом сказал:

— Я слышал про него, но в полицейской работе, на Земле он не применяется.

— Мы не на Земле, мистер Бейли.

— Он может вызвать повреждения в мозгу. Ведь так?

— В опытных руках маловероятно.

— Но возможно даже в опытных руках, — сказал Бейли. — Насколько мне известно, на Авроре его использование ограничено четкими условиями. Те, к кому он применяется, должны быть виновны в очень серьезном преступлении или…

— Верно, мистер Бейли. Но это касается аврорианцев, а вы к ним не принадлежите.

— Иными словами, со мной можно обращаться как с нечеловеком. потому что я землянин?

Фастольф с улыбкой развел руками:

— Послушайте, мистер Бейли, это было лишь предположение. Вчера вечером вы в отчаянии были готовы ради разрешения наших трудностей поставить Глэдию в ужасное, трагическое положение. Вот я и подумал, не готовы ли вы при таких обстоятельствах рискнуть собой.

Бейли провел рукой по глазам и минуту-другую молчал. Потом заговорил изменившимся голосом:

— Вчера вечером я был неправ и признал это. А

что до вашего предложения, так ведь нет никаких гарантий, что моя полусонная мысль действительно имела хоть какое-то отношение к вопросу. А что, если это фантазия, нелогичная чепуха? Не исключено, что и мысли-то никакой не было. Да, никакой. Так, по-вашему, разумно ради столь малого шанса получить что-то полезное взять и подвергнуть риску мой мозг, от которого, по вашим же словам, вы ждете решения задачи?

— Вы очень красноречиво отстаиваете свою позицию. — Фастольф кивнул. — И я ведь предлагал это не очень серьезно.

— Благодарю вас, доктор Фастольф.

— Но что мы предпримем теперь?

— Во-первых, я хотел бы еще раз поговорить с Глэдией. Мне необходимо кое-что прояснить.

— Вам следовало сделать это вчера.

— Не спорю, но вчера я просто не успел осмыслить всего, что узнал, и некоторые моменты от меня ускользнули. Я ведь следователь, а не непогрешимый компьютер.

— Я вас ни в чем не виню, — ответил Фастольф. — Но мне тяжело смотреть, как Глэдию без особой необходимости расстраивают. Насколько я понял из нашего разговора вчера, она крайне удручена.

— Бесспорно. С другой стороны, она отчаянно

хочет узнать, что произошло. Кто убил того, кого она считала своим мужем, — если, конечно, он действительно был убит. Это тоже можно понять. Я убежден, что она хочет помочь мне. Кроме того, я хотел бы побеседовать еще с одной женщиной.

— С кем?

— С вашей дочерью Василией.

— С Василией? Зачем? Какой смысл?

— Она робопсихолог. Мне хотелось бы поговорить с каким-нибудь другим робопсихологом, кроме вас.

— Мне этого не хотелось бы, мистер Бейли.

Они кончили есть, и Бейли встал из-за стола.

— Доктор Фастольф, я вновь вынужден напомнить вам, что нахожусь здесь по вашей просьбе. У меня нет официального права вести полицейскую работу. У меня нет никакой связи с соответствующими аврорианскими властями. Единственный мой шанс распутать этот злосчастный клубок заключается в надежде, что разные люди добровольно согласятся содействовать мне и отвечать на мои вопросы. Если вы воспрепятствуете мне, значит, я так ничего и не добьюсь. А это поставит вас в крайне тяжелое положение — и Землю тоже. Так не препятствуйте мне. Если с вашей помощью я смогу беседовать со всеми, кто

мне понадобится, — или вы хотя бы попробуете это устроить, — тогда ваши сопланетники увидят в ваших действиях свидетельство вашей невиновности. Наоборот, если вы будете затруднять мою задачу, им останется только сделать вывод, что вы виновны и боитесь разоблачения.

Фастольф ответил с плохо сдерживаемым раздражением:

— Я прекрасно это понимаю, мистер Бейли. Но почему обязательно Василия? Есть же другие робопсихологи!

— Василия ваша дочь. Она хорошо вас знает. Вероятно, у нее есть твердое мнение относительно возможности того, что вы уничтожили робота. Раз она член Института робопсихологии и на стороне ваших врагов, любое благоприятное ее свидетельство обретает особый вес.

— А если она будет свидетельствовать против меня?

— Когда будет, тогда и посмотрим. Не могли бы вы связаться с ней и попросить принять меня?

— Будь по-вашему, — вздохнул Фастольф. — Но вы ошибаетесь, полагая, будто мне будет легко добиться, чтобы она вас приняла. Возможно, она очень занята… или ей так кажется. Возможно, ее сейчас нет на Авроре. Она может не пожелать,

чтобы ее в это втягивали, только и всего. Я же объяснил вчера, что у нее есть причина… как она считает, питать ко мне вражду. Если я попрошу ее встретиться с вами, она может отказать, подчеркивая свое отношение ко мне.

— Но вы попытаетесь, доктор Фастольф?

Фастольф снова вздохнул:

— Попытаюсь, пока вы будете у Глэдии. Полагаю, вы хотите увидеть ее без промедления? Мне кажется, достаточно было бы и тривидения. Изображение настолько высокого качества, что вы его не отличите от живой Глэдии.

— Я знаю, доктор Фастольф, но Глэдия солярианка, и тривидение вызывает у нее тягостные ассоциации. И в любом случае я убежден, что реальное присутствие добавляет не поддающуюся определению эффективность, Нынешнее положение слишком щекотливо, трудности слишком велики, и я не хотел бы лишиться этого небольшого преимущества.

— Что же, я предупрежу Глэдию, — Он повернулся, сделал шаг и вдруг снова обратился к Бейли, — Но, мистер Бейли…

— Да, доктор Фастольф?

— Вчера вечером вы сказали мне, что серьезность ситуации вынуждает вас не считаться с

тем, какое действие все это может оказать на Глэдию. На карту, как вы указали, поставлено много больше.

— Совершенно верно, но не сомневайтесь, я постараюсь оградить се, насколько возможно.

— Я сейчас имел в виду не Глэдию. Я просто хочу, чтобы эта ваша вполне принципиальная точка зрения распространялась и на меня. Мне не хотелось бы, чтобы мысль о моей гордости, о причинении мне неприятностей останавливала вас в разговоре с Василией, если она согласится на вашу встречу. Я не жду положительных результатов, но стерплю все последствия, и вы не должны меня как-то щадить. Понимаете?

— Откровенно говоря, доктор Фастольф, я и не собирался вас щадить. Если бы ради успеха вашей политики и успеха моей планеты мне пришлось поставить вас в неловкое положение или унизить, я не колебался бы ни секунды.

— Отлично! И, мистер Бейли, этот же принцип мы должны распространить и на вас. Ваши личные интересы не должны стать помехой.

— Как не стали, когда вы решили вызвать меня сюда, не посоветовавшись со мной.

— Я не о том. Если через достаточно долгое время — не очень долгое, но достаточное, —

вы не приблизитесь к решению, нам придется подумать о психозондировании. Ничего не поделаешь: возможно, у нас останется только этот последний шанс — установить, что вам неизвестно из известного вашему подсознанию.

— Возможно, ему ничего не известно, доктор Фастольф.

Фастольф бросил на Бейли грустный взгляд.

— Не спорю. Но, как вы сказали про возможность того, что Василия будет свидетельствовать против меня, — тогда и посмотрим.

Он снова повернулся и вышел из комнаты.

Бейли задумчиво смотрел ему вслед. Итак, если он приблизится к решению, неизвестные враги расправятся с ним физически, а не приблизится, его ожидает психическое зондирование, которое вряд ли многим лучше.

— Иосафат! — буркнул он себе под нос.

33

Дорога до дома Глэдии показалась ему короче, чем накануне. День опять был солнечный и приятный, но вид открывался немного другой. Солнечные лучи, естественно, падали с другой стороны, и краски словно бы изменились.

Возможно, растительность утром выглядела не так, как вечером, или пахла по-иному. На Земле, вспомнил Бейли, у него возникало такое же впечатление.

Его снова сопровождали Дэниел и Жискар, но шли гораздо ближе к нему и, казалось, были менее насторожены.

— Что, солнце здесь всегда так и сияет? — спросил Бейли от нечего делать.

— Вовсе нет, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Это было бы губительным для мира растений, а значит, и для человечества. И по прогнозу в течение дня небо заволокут тучи.

— А это что? — Бейли вздрогнул от неожиданности. В траве скорчился серо-бурый зверек. При виде их он неторопливо запрыгал прочь.

— Кролик, сэр, — сказал Жискар.

Бейли расслабился. Кроликов он видел и на земных лугах.

На этот раз Глэдия не встретила их в дверях, но тем не менее она их ждала. Когда робот проводил их к ней, она не встала, а только сказала устало — или сердито:

— Доктор Фастольф сообщил мне, что я вам опять понадобилась. Так для чего?

На ней было платье, плотно прилегавшее к

телу, а под ним явно ничего. Волосы кое-как стянуты на затылке, лицо бледное. Выглядела она гораздо более расстроенной, чем накануне, и, видимо, почти не спала.

Дэниел, памятуя, что произошло накануне, в комнату не вошел. Но Жискар последовал за Бейли, внимательно огляделся и встал в стенную нишу. В другой стоял один из роботов Глэдии.

— Мне неприятно, Глэдия, снова вас беспокоить, — сказал Бейли.

— Я вчера не упомянула, — отозвалась она, — что Джендер, когда его сплазмуют, будет использован на заводе, производящем роботов. Вот будет забавно всякий раз, когда я увижу нового робота, думать о том, что на его изготовление пошло много атомов Джендера.

— Мы сами, когда умираем, тоже становимся чем-то иным: как знать, чьи атомы сейчас присутствуют в вашем теле и в моем и в кого когда-нибудь перейдут паши атомы.

— Ах, как вы правы, Элайдж. И напоминаете мне, до чего легко философствовать на тему чужого горя.

— Верно и это, Глэдия, но я пришел сюда не философствовать.

— Ну так делайте то, для чего пришли.

— Мне надо задать несколько вопросов.

— Неужели вам мало вчерашних? Вы все это время придумывали новые?

— Отчасти да, Глэдия. Вчера вы сказали, что даже после того как вы с Джендером стали… женой и мужем, немало мужчин предлагали себя вам, а вы отказывали. Вот о чем мне надо вас расспросить.

— Зачем?

Бейли пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Ответьте, пожалуйста, — сказал он, — сколько именно мужчин предлагало себя в то время, когда вы были замужем за Джендером.

— Я не веду учета, Элайдж. Трое или четверо.

— Кто-нибудь из них был настойчив? Предлагал себя снова и снова?

Глэдия, которая смотрела в сторону, теперь взглянула ему прямо в глаза и сказала:

— Вы говорили об этом с кем-то еще?

Бейли покачал головой:

— Только с вами. Однако ваш вопрос указывает, что хотя бы один из них был настойчив.

— Да, один. Сантрикс Гремионис. — Она вздохнула. — У аврорианцев такие необычные имена. Да и он сам необычен для уроженца Авроры. Я ни у кого не встречала такой настойчивости в повто-

рении одного и того же. Он был всегда вежлив, всегда принимал мой отказ с легкой улыбкой и величавым поклоном, а затем проделывал все это на следующей неделе, если не на другой день. Такое повторение — уже небольшое нарушение этикета. Порядочный аврорианец принимает отказ как окончательный, за исключением случаев, когда намеченный партнер или партнерша показывают, что готовы взять свой отказ назад.

— Скажите мне еще раз… Те, кто предлагал себя, знали о вашем отношении к Джендеру?

— Это была не тема для светской болтовни.

— Ну так займемся только этим Гремионисом. Он знал, что Джендер ваш муж?

— Я ему этого не говорила.

— Не будьте так уверены, Глэдия. Дело же не в том, что именно ему было сказано. В отличие от остальных он предлагал себя неоднократно. Сколько раз конкретно, как по-вашему? Три раза? Четыре? Сколько?

— Я не считала, — устало ответила Глэдия. — Десяток раз или больше. Не будь он во всех других отношениях очень обаятельным человеком, я бы распорядилась, чтобы мои роботы не допускали его в дом.

— Но ведь вы такого распоряжения не отдали!

А для того чтобы предложить себя много раз, требуется время. Он приезжал повидать вас. Встречался с вами. У него было время заметить присутствие Джендера и ваше поведение с ним. Разве он не мог догадаться о ваших отношениях?

— Не думаю. — Глэдия покачала головой. — Когда я бывала с людьми, Джендер оставался у себя.

— По вашему распоряжению, насколько я понимаю.

— Совершенно верно. И, пожалуйста, не говорите, что мной руководил стыд. Просто я пыталась избежать ненужных осложнений. В отличие от аврорианцев я сохранила ощущение, что секс требует укромности.

— Попробуйте вспомнить. Мог он догадаться? Влюбленный мужчина…

— Влюбленный! — Она презрительно фыркнула. — Что аврорианцы знают о любви?

— Мужчина, считавший себя влюбленным. А вы остаетесь равнодушной. Чуткость и подозрительность отвергнутого влюбленного могли ведь подсказать ему что-то. Постарайтесь вспомнить! Он когда-нибудь хотя бы косвенно намекал на Джендера? Так, что у вас мелькнуло подозрение…

— Нет же, нет! Чтобы аврорианец показал, что не одобряет сексуальные предпочтения или привычки других? Неслыханно!

— Необязательно с неодобрением. Шутливое замечание, например. Хоть что-нибудь, указывающее на то, что у него были подозрения.

— Нет! Если бы Гремионис произнес хоть словечко на эту тему, он больше бы не появился в моем доме, я бы позаботилась, чтобы он не посмел больше искать встречи со мной… Но ничего подобного он не сделал бы. Этот юноша был со мной сама обходительность.

— Вы говорите «юноша». Сколько ему лет?

— Примерно мой ровесник. Тридцать пять лет. Или даже на год-другой моложе меня.

— Ребенок! — грустно произнес Бейли. — Даже моложе меня. Но в таком возрасте… Что, если он догадался о ваших отношениях с Джендером и ничего не сказал, не намекнул, а сам ревновал?

— Ревновал?

Бейли вдруг сообразил, что на Авроре или на Солярии это слово утратило смысл.

— Сердился, что вы предпочли ему другого.

— Я знаю смысл слова «ревность», — резко перебила его Глэдия. — И повторила, всего лишь удивившись что вы считаете, будто уроженец

Авроры способен ревновать. Из-за секса аврорианцы не ревнуют и не завидуют. Из-за многого другого — сколько угодно, но не из-за секса. — Ее губы скривились в ироничной усмешке. — Да и ревнуй он, что бы это изменило? Что он мог бы сделать?

— Но если он сказал Джендеру, что связь с роботом может поставить под угрозу ваше положение на Авроре…

— Но это ложь!

— Джендер мог бы ей поверить, поверить, что подвергает вас опасности, причиняет вам вред. Не могло бы это стать причиной заморозки?

— Джендер не поверил бы. Став моим мужем, он каждый день делал меня счастливой, и я ему это говорила.

Бейли оставался спокойным. Она упускала главное, но он растолкует пояснее:

— Не сомневаюсь, что он вам верил, но мог оказаться вынужден поверить кому-то, кто говорил прямо обратное. Если бы он попал в положение, когда любое его действие оказалось бы нарушением Первого Закона…

Лицо Глэдии исказилось, она вскрикнула:

— Чистое безумие! Вы пересказываете мне старинную басенку про Сьюзен Кэлвин и робота,

читавшего мысли. Да ей же и десятилетний ребенок не поверит!

— Но разве не может быть, что…

— Нет, не может! Я с Солярии и о роботах знаю достаточно, чтобы утверждать это категорически. Лишь небывалый специалист мог бы завязать робота узлом, манипулируя Первым Законом. Доктору Фастольфу это по плечу, но не Сантриксу Гремионису. Гремионис — стилист, он занимается людьми. Стрижет волосы, моделирует одежду. Я занимаюсь тем же, но ведь работаю я с роботами. Гремионис ни к единому роботу даже не прикасался. О них он знает ровно столько, сколько требуется, чтобы приказать закрыть окно или еще что-то простенькое. И вы, вы хотите убедить меня, будто смерть на Джендера навлекли отношения между ним и мной? — Она с силой ткнула себя между еле заметными под материей холмиками грудей.

— Только что-то неосознанное вами, — сказал Бейли, желая перестать, но не в силах остановиться. — Что, если Гремионис узнал от доктора Фастольфа, как…

— Гремионис не был знаком с доктором Фастольфом, и в любом случае ничего не понял бы, даже попробуй доктор Фастольф ему что-ни-

будь объяснить.

— Вы не можете твердо знать, что Гремионис был способен понять, а что нет. Ну а что до знакомства с доктором Фастольфом, так Гремионис, несомненно, часто бывал в вашем доме, раз он вас преследовал, и…

— И доктор Фастольф у меня не бывал! Вчера, когда он пришел с вами, то переступил порог моего дома всего лишь во второй раз. Он опасался приближаться ко мне, чтобы не испугать. Однажды он мне сам это сказал. Именно так он потерял свою дочь, как ему казалось. Из-за такой нелепости! Видите ли, Элайдж, когда живешь несколько сотен лет, у вас есть масса времени терять, терять тысячи вещей. Будьте б-б-благодарны за короткую ж-жизнь, Элайдж. — Она неудержимо расплакалась.

Бейли беспомощно смотрел на нее, не зная, чем помочь.

— Простите меня, Глэдия. Я задал все вопросы. Позвать робота? Вам требуется помощь?

Она мотнула головой и замахала на него руками.

— Нет. Только уйдите, уйдите! — придушенно пробормотала она. — Уходите!

Бейли с сомнением постоял, а потом вышел из

комнаты, неуверенно оглянувшись на Глэдию в дверях. Жискар последовал за ним, а Дэниел присоединился к нему, когда он вышел из дома. Бейли даже не сразу их заметил и рассеянно подумал, что уже привык к ним, словно к собственной тени или одежде, а скоро, наверное, начнет чувствовать себя без них совсем голым.

Он быстро шагал к дому Фастольфа, а в голове у него теснились мысли. Вначале он решил увидеться с Василией просто от отчаяния, оттого, что никто другой его вообще не интересовал, но теперь все изменилось, теперь появился шанс, что он случайно наткнулся на что-то очень существенное.

34

Невзрачное лицо Фастольфа, когда Бейли вернулся, было угрюмым.

— Какое-нибудь продвижение?

— Я исключил часть возможности… может быть.

— Часть? Как же вы исключите другую часть? А вернее, как вы определите возможность?

— Убедившись, что исключить некую возможность невозможно, вы тем самым делаете первый

шаг к ее определению, — ответил Бейли.

— А если вам не удастся исключить вторую часть возможности, на которую вы столь таинственно намекнули?

Бейли пожал плечами:

— Прежде чем мы будем зря тратить время на размышления об этом, я должен увидеться с вашей дочерью.

— Что же, мистер Бейли, — уныло сказал Фастольф. — Я исполнил вашу просьбу и попытался связаться с ней. Пришлось ее разбудить.

— То есть она в том полушарии, где сейчас ночь? Я об этом не подумал! — Бейли огорчился. — Боюсь, я, как дурак, все еще продолжаю чувствовать себя на Земле. В подземных Городах понятия дня и ночи утрачивают смысл, и время обретает единообразие.

Нет, все проще, Эос — центр робопсихологии на Авроре, и практически все робопсихологи живут здесь. Но она еще не вставала и, видимо, неожиданное пробуждение не привело ее в хорошее настроение, Она отказалась говорить со мной.

— Вызовите ее снова! — настойчиво потребовал Бейли.

— Я говорил с ее роботом-секретарем. Мы использовали его как посредника, что очень

неприятно. Она категорически заявила, что со мной не станет говорить ни за что. По отношению к вам она была чуть мягче. Робот сообщил, что она даст вам пять минут на своем видеоканале, если вы вызовете ее {Фастольф посмотрел на часы) через тридцать минут. Лично она вас ни при каких условиях не примет.

— Такой встречи мне недостаточно — как и времени. Я должен говорить с ней лицом к. лицу и столько времени, сколько понадобится. Вы объяснили ей, как это важно, доктор Фастольф?

— Попытался. Это ее не интересует.

— Но вы же ее отец! И, значит…

— Она скорее прислушается к случайному встречному, чем ко мне. Я это знал заранее, а потому пустил в ход Жискара.

— Как Жискара?

— Да-да. Жискар ее большой любимец. Когда она занималась робопсихологией в университете, то без спроса изменила некоторые частные моменты в его программе — а это как ничто другое устанавливает близость между человеком и роботом… за исключением способа, которым воспользовалась Глэдия. Могло показаться, что Жискар — это новый Эндрю Мартин…

— Кто такой Эндрю Мартин?

— Кто был Эндрю Мартин? — сказал Фастольф, делая ударение на «был». — Вы ничего про него не слышали?

— Абсолютно ничего.

— Любопытно. В этих наших древних легендах действие происходит на Земле, однако на Земле они неизвестны. Так вот: Эндрю Мартин был роботом, но постепенно стадия за стадией якобы стал человекоподобным. Конечно, человекоподобные роботы создавались и до Дэниела, но они представляли собой примитивные игрушки, почти автоматы. Тем не менее о способностях Эндрю Мартина повествуются чудеса — неопровержимые свидетельства мифичности описываемых событий. В легенде также фигурирует женщина — Крошка Мисс, как ее чаще называют. Отношения между ними были слишком сложны, чтобы пересказывать их сейчас, но, полагаю, каждая девочка на Авроре грезила о том, что она — Крошка Мисс и у нее есть свой Эндрю Мартин. Во всяком случае, Василия об этом мечтала, и Жискар стал ее Эндрю Мартином.

— Так что же?

— Я поручил ее роботу передать ей, что вас будет сопровождать Жискар. Она не видела его уже много лет, и я подумал, что ради него она

согласится встретиться с вами.

— Но, видимо, это ее не соблазнило.

— К сожалению, нет.

— Значит, необходимо придумать что-то еще. Должен же существовать способ заставить ее увидеться со мной.

— Вот и придумайте, — ответил Фастольф. — Через несколько минут вы увидите ее по трехмернику, и у вас будет пять минут, чтобы убедить ее, что ей необходимо встретиться с вами лично.

— Пять минут! Что я сумею сделать за пять минут?

— Не знаю. Но это все-таки лучше, чем ничего.

35

Пятнадцать минут спустя Бейли стоял перед трехмерным видеоэкраном, готовясь познакомиться с доктором Василией Фастольф.

Доктор Фастольф вышел, сказав с кривой усмешкой, что его присутствие только сделает его дочь неподатливой на убеждения. В комнате не было и Дэниела. Остался только Жискар составить Бейли компанию. Теперь он сказал:

— Трехмерный канал доктора Василии открыт для приема. Вы готовы, сэр?

— Насколько вообще могу быть готов, — буркнул Бейли. Он не захотел сесть, чувствуя, что стоя производит более внушительное впечатление. (Насколько внушительным может показаться землянин?)

Экран засветился, а комната погрузилась в полумрак. На экране появилась женщина — сначала не в фокусе. Она стояла лицом к нему, опираясь правой рукой на лабораторный стол, устланный диаграммами. (Она как будто тоже рассчитывала произвести внушительное впечатление.)

Изображение сфокусировалось, края экрана словно исчезли, и фигура Василии (если это действительно была она) обрела трехмерность. Она стояла в комнате, просто о ощутимо реальной, но только обстановка была другой, не соответствующей обстановке комнаты, где находился Бейли, и переход был резким.

На ней была темно-коричневая юбка, разделявшаяся на две широкие полупрозрачные брючины, так что ее ноги от середины бедра смутно сквозь них просвечивали. Блузка была узкой и без рукавов, открывая руки по плечи, Очень низкий вырез, очень светлые волосы завиты в тугие кудряшки.

Она не унаследовала невзрачности отца, и уж

тем более его огромные уши. Оставалось предположить, что мать ее была красавицей, и ей повезло с распределением генов.

Она была невысока, а черты ее лица поразительно напоминали черты Глэдии, только их выражение казалось гораздо более холодным, и несли печать сильной личности. Она спросила резко:

— Вы — землянин, который прилетел, чтобы распутать трудности моего отца?

— Да, доктор Фастольф, — ответил Бейли с той же резкостью.

— Называйте меня доктор Василия. Я не хочу, чтобы возникали недоразумения, поскольку это фамилия моего отца.

— Доктор Василия, мне необходимо встретиться с вами лицом к лицу и на достаточно долгое время.

— Естественно! Но вы же землянин и потенциальный источник инфекции.

— Я прошел медицинскую обработку и совершенно безопасен. Ваш отец провел со мной большую часть дня.

— Мой отец разыгрывает из себя идеалиста и вынужден время от времени проделывать всякие глупости, чтобы не выйти из образа.

— Но, полагаю, вы не хотите ему зла. Отказываясь встретиться со мной, вы подвергаете его опасности.

— Вы только теряете время. Иначе как сейчас вы меня не увидите, а половина времени, которое я вам уделила, уже прошла. Если вас это не устраивает, мы можем сейчас же прекратить разговор.

— Здесь Жискар, доктор Василия, и он хотел бы убедить вас, чтобы вы встретились со мной.

Жискар вошел в круг видимости.

— Доброе утро. Крошка Мисс, — сказал он негромко.

На мгновение Василия словно смутилась и сказала более мягким тоном:

— Рада трехмерно тебя видеть, Жискар, и готова тебя принять, когда ты захочешь, но этого землянина не приму, даже если попросишь ты.

— В таком случае, — почти крикнул Бейли, пуская в ход последние резервы, — мне придется представить дело Сантрикса Гремиониса на всеобщее обозрение без предварительной консультации с вами.

Глаза Василии расширились, рука на столе вскинулась и сжалась в кулак.

— При чем здесь Гремионис?

— При том, что он красивый молодой человек и ваш хороший знакомый. Так я буду разбираться дальше, не выслушав вас.

— Я скажу вам прямо сейчас, что…

— Вы можете сказать мне это только лицом к лицу.

Ее губы задергались.

— Хорошо, я вас приму, но останусь с вами ровно столько, сколько сочту нужным, предупреждаю вас… И привезите Жискара.

Раздался щелчок, и изображение исчезло, а у Бейли закружилась голова от внезапной перемены. Он с трудом добрался до кресла и рухнул в него.

Рука Жискара поддержала его под локоть.

— Сэр, вам помочь? — спросил робот.

— Все в порядке, — ответил Бейли. — Мне нужно немножко передохнуть, и все.

Он увидел перед собой Фастольфа.

— Вновь прошу у вас извинения, что я не исполнил свои обязанности хозяина. Я включил второй аппарат, который только принимает, но не передает. Мне хотелось увидеть дочь, пусть она меня и не видела.

— Понимаю, — с легким придыханием произнес Бейли. — Если хорошие манеры требуют

извиняться за то, что вы сделали, то я вас извиняю.

— Но что это еще за Сантрикс Гремионис? Впервые слышу это имя.

Бейли внимательно посмотрел на Фастольфа и ответил:

— Доктор Фастольф, это имя я сам в первый раз услышал сегодня утром от Глэдии. Мне про него ничего не известно, но я рискнул назвать его вашей дочери. Вероятность успеха была крайне мала, однако результат оправдал мои надежды. Как видите, я способен делать полезные выводы даже из крайне скудной информации, а потому не мешайте мне спокойно заниматься этим и дальше. Пожалуйста, в будущем оказывайте мне полное содействие, а о психическом зондировании больше не упоминайте!

Фастольф промолчал, и Бейли почувствовал угрюмое торжество: сначала он подчинил своей воле дочь, а теперь отца.

Но он понятия не имел, долго ли так продлится.

Глава девятая
Василия
36

Бейли остановился у дверцы машины и сказал твердо:

— Жискар, я не хочу, чтобы стекла заматовывались. Я не хочу сидеть сзади. Я хочу сидеть спереди и знакомиться со Вне. Поскольку сидеть я буду между тобой и Дэниелом, со мной ничего не случится, разве что машина разобьется. А в этом случае погибнем мы все, и где я буду сидеть, спереди или сзади, никакого значения иметь не может.

Жискар отреагировал на твердость его распоряжений сугубой почтительностью:

— Сэр, если вы почувствуете себя дурно…

— Ты остановишь машину, и я переберусь на заднее сиденье, а ты заматуешь задние стекла. Впрочем, останавливаться необязательно: я перелезу через спинку. Видишь ли, Жискар, мне крайне важно познакомиться Авророй настолько, насколько это возможно, и вообще привыкнуть ко Вне, Это приказ, Жискар.

— Партнер Элайдж совершенно прав в своей просьбе, друг Жискар, — мягко сказал Дэниел. — Он будет в достаточной безопасности.

Жискар уступил — возможно, с неохотой (Бейли не понял выражения его не вполне человеческого лица) — и занял водительское место. Бейли сел рядом с ним и посмотрел сквозь прозрачное стекло далеко не с той уверенностью, какую вложил в свой голос. Впрочем, роботы справа и слева служили хорошей поддержкой.

Машина поднялась на струях сжатого воздуха и чуть качнулась, точно обретая равновесие. Бейли слегка затошнило, и он едва было не пожалел о своей мужественной настойчивости. Какой смысл говорить себе, что Дэниел и Жискар не проявили никаких признаков страха — они роботы и не способны ощущать страх.

Тут машина рванулась вперед, и Бейли откинуло на спинку сиденья. А менее минуты спустя он уже мчался со скоростью даже большей, чем самая высокая скорость экспрессуэя в Городе. Впереди простиралась широкая зеленая равнина. Оттого, что по сторонам не мелькали дружеские огни и строения Города, скорость казалась еще выше. Вместо них — провалы зелени и несимметричные возвышения.

Бейли старался дышать ровно и говорить как можно естественнее, на нейтральные темы.

— Но, Дэниел, нигде не видно возделанных полей. Земля тут словно целинная.

— Это городская территория, партнер Элайдж. Парковая зона, где расположены частные владения и дома.

— Городская? — переспросил Бейли. Уж он-то знал, что такое Город.

— Эос самый большой и важный город на Авроре. Первый по времени основания. Здесь заседает Всепланетное Законодательное собрание, Здесь расположено владение его председателя, мимо которого мы проедем.

Не только Город, но еще и самый большой! Бейли посмотрел по сторонам.

— У меня сложилось впечатление, что дома Фастольфа и Глэдии расположены на окраине Эоса. Я полагал, что сейчас мы находимся за границей Города.

— Вовсе нет, партнер Элайдж. Мы как раз в самом центре. Граница пролегает в семи километрах отсюда, а место нашего назначения расположено в сорока километрах за ней.

— Центр? Но я не вижу ни единого здания.

— С дороги их и не должно быть видно, но вон

там за деревьями вы можете различить дом Фуада Лабора, известного писателя.

— Ты знаешь, как выглядят все дома?

— Они заложены в моей памяти, — невозмутимо ответил Дэниел.

— На дороге нет других машин. Почему?

— Для больших расстояний употребляются аэрокары или магнитные субкары. Трехмерные контакты…

— На Солярии их называют трехмерники, — заметил Бейли.

— Как и здесь в разговорной речи, а официально — ТМК. Большая часть общения осуществляется с их помощью. К тому же аврорианцы любят пешие прогулки и нередко проходят несколько километров, чтобы навестить знакомых, а то и для деловой встречи, если время не играет особой роли.

— А до нашей цели слишком далеко, чтобы идти пешком, слишком близко для аэрокара, ТМК исключается, вот мы и едем в наземной машине.

— Точнее сказать, в машине на воздушной подушке, партнер Элайдж, но, полагаю, это укладывается в определение «наземная».

— Долго нам добираться до дома Василии?

— Не очень, партнер Элайдж. Он, как вам,

возможно, известно, находится на территории Института робопсихологии.

Бейли помолчал, а затем указал рукой:

— Там у горизонта вроде бы небо все в облаках.

Жискар повернул, не сбросив скорости, машина накренилась под углом около тридцати градусов. Бейли охнул и уцепился за Дэниела, тот закинул левую руку ему за спину и крепко сжал его плечи. Машина выровнялась, и Бейли медленно перевел дух.

— Да, — ответил Дэниел, — позднее из них выпадут осадки, как указано в прогнозе.

Бейли нахмурился. Как-то во время его экспериментальной работы во Вне на Земле он попал под дождь — один-единственный раз! Словно встал под душ одетый. Мгновение слепой паники, когда он осознал, что под рукой у него нет панели, чтобы отключить эту воду, и она будет хлестать вечно, но тут все побежали — и он с ними назад в Город к сухости, к управляемости всего. Но это же, Аврора, и кто знает, что полагается делать, когда начинается дождь, — и нет Города, где можно укрыться. Бежать к ближайшему владению? Но какой прием встретят беглецы, если это не в обычае?

Последовал еще один быстрый поворот, и Жис-

кар сказал:

— Сэр, мы находимся ка автостоянке Института робопсихологии. Теперь мы можем войти и навестить дом во владениях Института, где проживает доктор Василия.

Бейли кивнул. Поездка заняла минут пятнадцать-двадцать земного времени, насколько он мог судить, и хорошо, что она кончилась! Он сказал немного хрипло:

— Прежде чем я встречусь с дочерью доктора Фастольфа, я хочу узнать о ней кое-что. Ты ее никогда не видел, Дэниел?

— В то время, когда я возник, — ответил Дэниел, — доктор Фастольф и его дочь уже давно расстались, и я с ней не знаком.

— Жискар, но вы с ней хорошо знаете друг друга, верно?

— Да, сэр: — невозмутимо ответил Жискар.

— И были привязаны друг к другу?

— Мне кажется, сэр, — ответил Жискар, — что дочери доктора Фастольфа было приятно, когда я бывал с ней.

— А тебе быть с ней доставляло удовольствие?

Жискар ответил, словно тщательно выбирая слова:

— Я испытываю ощущение, которое, если не

ошибаюсь, люди определяют как «удовольствие», всякий раз, когда я с человеком.

— Но в обществе Василии оно, полагаю, было сильнее, так?

— Ее удовольствие оттого, что она была со мной, — ответил Жискар, — как будто стимулировало те мои позитронные потенциалы, которые побуждали меня к поступкам, эквивалентным тем, которые удовольствие побуждает совершать людей. Так, во всяком случае, мне однажды объяснил доктор Фастольф.

— Почему Василия уехала от своего отца? — внезапно спросил Бейли.

Жискар ничего не ответил.

Бейли произнес с бесцеремонной властностью землянина, обращающегося к роботу:

— Я задал тебе вопрос, бой!

Жискар повернул к. нему голову и уставился на Бейли, которому вдруг почудилось, что свечение в глаза робота стало ярче, словно они были готовы запылать негодованием от этой презрительной клички. Но голос Жискара остался мягким, а его глаза не вспыхнули, когда он сказал:

— Я ответил бы, сэр, но в то время мисс Василия приказала мне никогда ничего не говорить обо всем, так или иначе связанном с их расста-

ванием.

— Но я приказываю тебе отвечать и могу сделать этот приказ абсолютно категорическим… если пожелаю.

— Мне очень жаль, — сказал Жискар, — но мисс Василия и тогда уже была искусным робопсихологом, и ее распоряжения окажутся сильнее любых ваших, сэр.

— Да, она должна была хорошо разбираться в робопсихологии, поскольку, как рассказал мне доктор Фастольф, однажды внесла изменения в твою программу.

— Это было безопасно, сэр, так как доктор Фастольф сразу же исправил бы любую ошибку.

— Так он что-то исправлял?

— Нет, сэр.

— А какие это были изменения?

— Мелкие, сэр.

— Возможно, но просто, чтобы удовлетворить мое любопытство: что именно она сделала?

Жискар заколебался, и Бейли прекрасно понял почему.

— Боюсь, — сказал робот, — что о репрограммировании я ничего сказать не могу.

— Тебе запретили?

— Нет сэр. Но репрограммирование автома-

тически стирает все, что было раньше. Если я в чем-либо изменился, мне бы казалось, что я всегда был таким, и у меня не сохранилось бы никаких воспоминаний о том, каким я был до изменения.

— Так откуда же ты знаешь, что изменения эти были именно мелкими?

— Поскольку доктор Фастольф не счел нужным скорректировать изменения, внесенные мисс Василией, а об этом он сам мне как-то сказал, я и сделал вывод, что они были мелкими. Вы можете спросить о них мисс Василию, сэр.

— Я так и сделаю, — отозвался Бейли.

— Однако, боюсь, сэр, что она не ответит.

Бейли пробрал озноб. До сих пор он расспрашивал только доктора Фастольфа, Глэдию и этих двух роботов, то есть тех, у кого были все причины сотрудничать с ним. Теперь впервые ему предстояло встретиться с враждебностью.

37

Бейли вышел из машины, которая стояла на траве, и с удовольствием ощутил под ногами незыблемую землю.

Он посмотрел по сторонам и удивился: здания

стояли относительно близко друг от друга, а справа высился огромный прямоугольник из металла и стекла.

— Это Институт? — спросил он.

— Институт, партнер Элайдж, — ответил Дэниел, — это весь комплекс. Вы видите лишь часть его, и застройка здесь более плотная, чем где-либо еще на Авроре, поскольку он представляет собой самостоятельную и самодостаточную политическую ячейку. В него входят частные дома, лаборатории, библиотеки, спортивный комплекс и так далее. А большое здание — это административный центр.

— Он настолько не в духе Авроры, во всяком случае, судя по тому, что я видел в Эосе, что, казалось бы, такое скопление зданий должно было бы вызвать заметное неодобрение.

— Так, по-моему, и было, партнер Элайдж, но глава Института находится в дружеских отношениях с председателем Законодательного собрания, человеком очень влиятельным, и получил специальное разрешение для обеспечения научно-исследовательской работы оптимальными условиями. Так, во всяком случае, я слышал. — Дэниел задумчиво посмотрел по сторонам. — Да, он заметно компактнее, чем я полагал.

— Чем ты полагал? Ты что, Дэниел, никогда прежде здесь не бывал?

— Нет, партнер Элайдж.

— А ты, Жискар?

— Нет, сэр.

— Но ты же нашел дорогу сюда без всяких затруднений и вроде бы хорошо знаешь это место, — сказал Бейли.

— Нас надлежащим образом информировали, партнер Элайдж, — объяснил Дэниел, — поскольку мы должны были вас сопровождать.

Бейли медленно кивнул и вдруг спросил:

— А почему доктор Фастольф с нами не поехал?

И снова убедился, что пытаться поймать робота врасплох бесполезно. Задаешь вопрос быстро, неожиданно, а они просто выжидают, пока не осмыслят его, и только тогда отвечают.

— Доктор Фастольф сказал, — ответил Дэниел, — что он не член факультета и не считает возможным приехать без приглашения.

— А почему он не член?

— О причине мне никогда не говорили, партнер Элайдж.

Бейли перевел взгляд на Жискара, который тотчас сказал:

— И мне, сэр.

Действительно не знают? Им приказано не знать? Бейли пожал плечами. Какая разница? Люди способны лгать, а роботы следуют инструкциям. Конечно, человека можно поймать на лжи или заставить признаться, а робота — ловко переинструктировать (если достанет умения или бессовестности), но приемы были разные, и как подступиться к роботу, Бейли не знал.

— Так где мы найдем доктора Василию Фастольф? — спросил он.

— Ее дом прямо перед нами, — ответил Дэниел.

— Вас проинструктировали, где он находится?

— Это было запечатлено в нашей памяти, партнер Элайдж.

— Ну так веди нас.

Оранжевое солнце уже стояло в небе довольно — явно приближался полдень. Подходя к дому Василии, они попали в тень фабрики, и Бейли поежился, немедленно ощутив температурный перепад.

Губы его крепко сжались при мысли об открытии и заселении планет без Городов, планет, где температура не регулируется и ее отличают непредсказуемые идиотские изменения. Тут он

с тревогой заметил, что темная линия облаков поднялась над горизонтом повыше. И дождь тут может лить, когда пожелает! Обрушивать каскады воды тебе на голову!

Земля! Как он стосковался по Городам!

Первым в дом вошел Жискар, а Дэниел протянул руку, помешав Бейли последовать за ним.

— Ах да, конечно! Жискар пошел на разведку.

Впрочем, не терял времени и Дэниел. Его глаза осматривали все вокруг с сосредоточенностью, на какую человек не способен. Бейли не сомневался, что глаза робота не упустят ничего. (А почему, собственно, подумал он, роботов не снабжают четырьмя глазами, равно распределенными по периметру головы, а то и оптической полоской, которая полностью бы ее опоясывала? Ну не Дэниела, естественно, поскольку ему положена человеческая внешность. А вот Жискара? Или позитронные связи не справятся с проблемами такого дополнительного зрения? На миг Бейли смутно представил себе трудности, с какими на каждом шагу сталкиваются робопсихологи.)

В дверях показался Жискар и кивнул. Дэниел почтительно чуть-чуть подтолкнул Бейли, и он шагнул в открытую дверь.

Дверь эта была без замка, но ведь, внезапно

вспомнил Бейли, замков не было и на дверях Глэдии и доктора Фастольфа. Малочисленность и рассредоточенность населения способствовали защите от непрошеных вторжений; несомненно, играл свою роль и обычай невмешательства, К тому же, сообразил он, вездесущие дозорные роботы много надежнее любых замков.

Пальцы Дэниела сжали руку Бейли повыше локтя, и он остановился. Впереди них Жискар о чем-то тихо говорил с двумя роботами, довольно на него похожими.

Бейли похолодел. А что, если Жискара сумели хитрым маневром подменить? Сумеет ли он обнаружить подмену? Отличить одного робота от другого? Что, если его оставят с роботом, не получившим специальных инструкций оберегать его, и тот ненароком навлечет на него опасность, а затем не сумеет с достаточной быстротой среагировать на нее?

Он сказал Дэниелу, сумев сохранить в голосе полное спокойствие:

— Эти роботы поразительно похожи, Дэниел. Ты способен их различать?

— Разумеется, партнер Элайдж. Иллюзорная одежда у них разная, не говоря уж о кодовых номерах…

— На мой взгляд, они совершенно одинаковы.

— Вы не привыкли замечать такого рода детали.

— А что это еще за кодовые номера? — попытался Бейли еще раз.

— Они четко видны, партнер Элайдж, если знать, куда смотреть, и если глаза воспринимают инфракрасную часть спектра, недоступную человеческому зрению.

— Значит, если я сам попробую их различать, у меня ничего не получится?

— Почему же, партнер Элайдж? Вам достаточно спросить у робота, как его полное имя и какой у него номер. Он сразу ответит.

— Даже если получит инструкцию назвать их мне неверно?

— Но для чего роботу станут давать такие инструкции?

Бейли решил не пускаться в объяснения.

Да и Жискар уже направился к ним. Он сказал Бейли:

— Сэр, вас примут. Сюда, пожалуйста.

Впереди пошли домашние роботы, за ними — Бейли и Дэниел, который все еще бережно сжимал руку Бейли. Жискар замыкал шествие.

Роботы впереди остановились перед широкой

дверью, створки которой тут же разошлись, видимо, автоматически. Комнату за ними наполнял тусклый свет, просачивавшийся сквозь тяжелые занавески.

Бейли смутно различил человеческую фигурку, сидевшую на краешке высокого табурета, положив локоть на стол, который тянулся вдоль всей стены.

Бейли и Дэниел вошли, следом за ними Жискар. Створки двери сомкнулись, и в комнате стало еще темнее. Женский голос произнес резко:

— Ближе не подходите! Стойте там!

И комнату залил солнечный свет.

38

Бейли заморгал и посмотрел вверх. Потолок оказался стеклянным, и за ним виднелось солнце. Почему-то оно выглядело не очень ярким, на него можно было смотреть, хотя свет в комнате почти слепил. Видимо, стекло (или какой-то другой материал?) рассеивало свет, не поглощая его.

Он посмотрел на женщину, сидевшую в той же позе, и сказал:

— Доктор Василия Фастольф?

— Доктор Василия Алиена, если вам требуется

полное имя. Чужими именами я не пользуюсь. Можете называть меня доктор Василия. Это имя, которым меня называют в Институте. — Ее суровый голос чуть смягчился. — А как ты, мой старый друг Жискар?

Жискар ответил тоном, странно непохожим на обычный:

— Я приветствую вас… — он помолчал и докончил: — Приветствую вас, Крошка Мисс.

Василия улыбнулась:

— А это, я полагаю, человекоподобный робот, про которого я слышала. Дэниел Оливо?

— Да, доктор Василия, — отчеканил Дэниел.

— И наконец — землянин.

— Элайдж Бейли, доктор, — сухо сказал Бейли.

— Да, мне известно, что у землян есть имена, и ваше — Элайдж Бейли, — произнесла она с холодным высокомерием. — И вы чертовски не похожи на актера, игравшего вас в гиперволновой драме.

— Мне это известно, доктор.

— А вот актер, игравший Дэниела, на него очень походил, но, полагаю, мы здесь не для того, чтобы обсуждать этот балаган.

— Совершенно верно.

— Насколько я поняла, землянин, мы здесь для

того, чтобы вы сказали то, что вам требуется, о Сантриксе Гремионисе и чтобы мы с этим покончили. Так?

— Не совсем, — ответил Бейли, — Это не главная причина, почему я приехал сюда, хотя, полагаю, мы доберемся и до нее.

— Ах, вот как! Так вы думаете, мы здесь для того, чтобы долго и подробно обсуждать тему, которую вы решили выбрать?

— Я думаю, доктор Василия, что вам следует позволить мне вести наш разговор на свой лад.

— Это что — угроза?

— Нет.

— Ну, я еще никогда не видела землян, и, пожалуй, будет любопытно посмотреть, насколько вы сходны с. актером, который играл вас, — помимо внешности, разумеется. Вы действительно такой волевой и сильный, каким вас изображали?

— Меня, — сказал Бейли, не скрывая отвращения, — мелодраматизировали и изобразили мой характер со всяческими преувеличениями. Я предпочел бы, чтобы вы принимали меня таким, какой я есть, и судили обо мне по тому, что видите сейчас.

Василия засмеялась:

— Во всяком случае, я вас не ввергла в трепет.

Очко в вашу пользу. Или вы считаете, что получили возможность командовать мной из-за чего-то там с Гремионисом?

— Я здесь только для того, чтобы выяснить правду о смерти человекоподобного робота Джендера Пэнелла.

— Смерти? Так, значит, до этого он был живым?

— Я употребляю одно короткое слово вместо выражений вроде «выведен из функционального состояния». Или «смерть» вас сбивает?

— А вы неплохо фехтуете, — сказала Василия. — Дебретт, принеси стул землянину. Он устанет стоять, если разговор затянется. А потом иди в свою нишу. Ты тоже, Дэниел, в какую захочешь. Жискар, встань возле меня.

Бейли сел.

— Спасибо Дебретт. Доктор Василия, у меня нет полномочии задавать вам вопросы, я не располагаю статусом, обязывающим вас отвечать на них. Однако смерть Джендера Пэнелла поставила вашего отца в положение, которое…

— Кого поставила?

— Вашего отца.

— Землянин, я иногда пользуюсь определением «отец» для обозначения одного индивидуума, но

только я, и никто другой! Будьте добры, употребляйте его имя.

— Доктор Хэн Фастольф. Он ведь ваш отец? Просто для сведения.

— Вы прибегаете к биологическому термину, — ответила Василия. — Я разделяю с ним гены по принципу, который на Земле рассматривается как связь отец — дочь. На Авроре это никакого значения не имеет, кроме как в медицинском или генетическом отношении. В определенных патологических состояниях бывает необходимо учитывать физиологию и биохимию тех, с кем у меня есть общие гены, — родителей, братьев и сестер, детей и так далее. В остальном на Авроре о таких связях упоминать не принято. Я объяснила это, потому что вы с Земли.

— Если я нарушил принятый обычай, — сказал Бейли, — то по неведению и прошу меня извинить. Могу ли я называть этого человека по имени в нашем разговоре?

— Разумеется.

— Ну, так смерть Джендера Пэнелла поставила доктора Хэна Фастольфа в трудное положение, и, полагаю, что вам это не безразлично и вы хотите ему помочь.

— Ах вот что вы полагаете! А почему?

— Он ваш… Он вас вырастил. Заботился о вас. Вы питали друг к другу глубокую привязанность. И он все еще питает ее к вам.

— Он вам это сказал?

— Это стало очевидным из нашего разговора — хотя бы из того факта, что он принял участие в солярианке Глэдии Дельмар из-за ее сходства с вами.

— И он вам это сказал?!

— Да. Но в любом случае сходство очевидно.

— Тем не менее, землянин, я ничем доктору Фастольфу не обязана. И ваши предположения можно отбросить.

Бейли откашлялся:

— Помимо личных чувств, какими вы руководствуетесь — или не руководствуетесь, — остается вопрос о будущем Галактики. Доктор Фастольф хочет, чтобы новые миры исследовались и заселялись людьми. Если политические последствия смерти Джендера приведут к тому, что исследовать и заселять эти миры предоставят роботам, это, по мнению доктора Фастольфа, обернется катастрофой. Полагаю, вы не захотите способствовать подобной катастрофе.

Василия ответила равнодушно, не спуская глаз с его лица:

— О, конечно, будь я согласна с доктором Фастольфом. Но я с ним не согласна. Не вижу ничего опасного в том, что всю предварительную работу сделают человекоподобные роботы. Собственно говоря, я работаю в Институте для того, чтобы сделать это возможным. Я глобалист. А доктор Фастольф, раз он гуманист, — мой политический враг.

Ответы ее были четкими, прямолинейными и предельно краткими. Затем наступала пауза, словно Василия с интересом ждала следующего вопроса. У Бейли сложилось впечатление, что он возбуждает ее любопытство, забавляет ее и она мысленно заключает с собой пари, о чем будет следующий вопрос, твердо решив сообщать ему информации ровно столько, чтобы понудить его к следующему вопросу.

— Давно ли вы член этого Института? — спросил он.

— С момента его организации.

— А сколько в нем членов?

— Насколько я могу судить, около трети всех робопсихологов Авроры, хотя живет и работает здесь примерно половина от этого числа.

— Остальные члены Института разделяют ваши взгляды на освоение новых миров робо-

тами? И все до единого противостоят доктору Фастольфу?

— По-моему они почти все глобалисты, но на голосование мы этот вопрос не ставили и даже не проводили по ему официальный диспут. Лучше опросите их индивидуально.

— А доктор Фастольф член Института?

— Нет.

Бейли подождал, но она ничего не добавила, и он сказал:

— Разве это не удивительно? Казалось бы, уж он-то должен быть его членом!

— Просто мы не хотим иметь с ним дела. И, хотя это менее важно, он не желает иметь дела с нами.

— Но ведь это даже удивительнее.

— Не вижу почему. — Внезапно, словно поддавшись внутреннему раздражению, она добавила: — Он живет в городе Эос. Полагаю, землянин, вы понимаете, откуда такое название?

Бейли кивнул.

— Эос, — сказал он, — богиня зари у древних греков, как Аврора — богиня зари у древних римлян.

— Совершенно верно. Доктор Хэн Фастольф живет в Городе Зари на планете Зари, но в Зарю

не верит. Он не понимает единственно возможного способа освоения Галактики, претворения Космической Зари в сияющий Галактический День. Исследование Галактики роботами — единственный практичный способ осуществить это, а он не желает его признавать… И нас тоже.

— Но почему единственно практичный? — медленно сказал Бейли. — Ведь Аврору и другие космомиры исследовали и осваивали не роботы, а люди.

— Извините, Не люди, а земляне. Это был расточительный и малоэффективный процесс, и теперь мы не допустим, чтобы земляне стали снова первопроходцами. Мы теперь — космониты, живем долго, имеем отличное здоровье, и у нас есть роботы, несравненно более многосторонние и гибкие, чем те, которые были у первопоселенцев. Другие времена и обстоятельства, и в наши дни единственный мыслимый способ — возложить эту задачу на роботов.

— Предположим, вы правы, а доктор Фастольф ошибается. Но и в таком случае его точка зрения вполне логична. Так почему он и Институт не в состоянии ужиться? Только потому, что в этом вопросе они расходятся?

— Нет. Это расхождение относительно второсте-

пенное. Существует более глубокий конфликт.

Вновь Бейли подождал, и вновь она ничего не добавила. Дать волю раздражению было бы опасно, а потому он сказал негромко, почти просительно:

— А в чем заключается этот более глубокий конфликт?

В голосе Василии прозвучали почти смешливые нотки. Черты ее лица чуть смягчились, и на момент ее сходство с Глэдией усилилось.

— Если вам не объяснят, догадаться вы не сможете, так?

— Потому я и задаю этот вопрос, доктор Василия.

— Хорошо, землянин. Мне говорили, что земляне живут недолго. Меня не ввели в заблуждение?

Бейли пожал плечами:

— Некоторые из нас доживают до ста лет по земному календарю. — Он прикинул. — Сто тридцать метрических лет или около того.

— А сколько лет вам?

— Сорок пять стандартных, шестьдесят метрических.

— А мне шестьдесят шесть метрических. Я рассчитываю прожить еще примерно триста

метрических лет, если буду беречься.

Бейли развел руками:

— Поздравляю вас.

— Тут есть и свои слабые стороны.

— Сегодня утром мне сказали, что за три-четыре века накапливается много горьких потерь.

— Боюсь, что да, — ответила Василия. — Но накапливается много-много приобретений. Так что в целом равновесие сохраняется.

— В таком случае, что подразумевается под слабыми сторонами?

— Вы, естественно, не ученый.

— Я следователь… полицейский, если хотите.

— Но, возможно, на своей планете вы встречались с учеными?

— Кое с кем, — выжидательно ответил Бейли.

— Вы знаете, как они работают? Насколько нам известно, на Земле они вынуждены сотрудничать. В лучшем случае у них есть лет пятьдесят для активной работы, так коротка их жизнь. Менее семи метрических десятилетий. За такой срок многого не добьешься.

— Некоторые наши ученые добились очень многого за куда более короткое время.

— Потому что они использовали чужие открытия в прошлом и черпали, что могли, из открытий

современников. Не так ли?

— Естественно. Наука у нас общественное достояние, в которое каждый вносит свой вклад через время и пространство.

— Вот именно. Иначе вообще ничего не получилось бы. Каждый ученый, сознавая, как мало у него шансов достигнуть чего-либо в одиночку, вынужден делиться с другими, волей-неволей становится работником на коммунальной кухне. Благодаря этому прогресс заметно ускоряется.

— Но разве на Авроре и других космомирах дело обстоит иначе? — спросил Бейли с удивлением.

— Теоретически — точно так же, на практике же далеко не так. В обществе долгожителей нет подобной спешки. В распоряжении ученого есть три — три с половиной столетия, чтобы посвятить их решению какой-либо проблемы, и возникает убеждение, что за такой срок и одиночка способен достигнуть многого. И появляется нечто вроде интеллектуальной алчности — человек стремится сделать что-то сам, приобрести право на данную грань прогресса, и он уже готов смириться с замедлением прогресса, лишь бы не отказаться от того, что считает своим. В результате общее развитие науки на космомирах замедлилось до того, что вопреки своим огром-

ным преимуществам нам не удается обогнать то, что делается на Земле.

— Полагаю, вы говорите все это, наталкивая меня на вывод, что доктор Хэн Фастольф ведет себя именно так.

— О, абсолютно! Его теоретический анализ позитронного мозга сделал возможным создание человекоподобных роботов. Он использовал его, чтобы с помощью своего друга покойного доктора Сартона сконструировать Дэниела, вашего друга робота, но он не сделал общим достоянием важнейшие положения своей теории и не знакомит с ними никого. Таким образом, он — и только он — препятствует изготовлению человекоподобных роботов.

Бейли наморщил лоб:

— А Институт робопсихологии ратует за сотрудничество между учеными?

— Совершенно верно. Институт схватывает больше сотни ведущих робопсихологов разного возраста, с разными достижениями и талантом. Мы надеемся учредить филиалы на других планетах и создать межзвездную ассоциацию. Все мы считаем себя обязанными объединять наши личные открытия и гипотезы в общем фонде, добровольно делая для общего блага то, что вы,

земляне, делаете вынужденно из-за своей короткой жизни. Но доктор Хэн Фастольф этого не желает. Не сомневаюсь, вам доктор Хэн Фастольф кажется благородным идеалистом, патриотом, думающим только о благе Авроры, но он не желает отдать свою интеллектуальную собственность (так он на это смотрит!) в общий фонд. И потому что он распространяет право частной собственности на научные открытия, мы не хотим иметь с ним ничего общего. Полагаю, наша взаимная антипатия уже не кажется вам загадочной.

Кивнув, Бейли сказал:

— Вы думаете, это сработает? Такой отказ от личной славы?

— Иначе не может быть, — мрачно объявила Василия.

— Но общие усилия Института повторить индивидуальное открытие доктора Фастольфа увенчались успехом? Теория человекоподобного позитронного мозга была открыта еще раз?

— Со временем так и будет. Это неизбежно.

— И вы пытаетесь сократить время, которое потребуется для подобного вторичного открытия, просто убедив доктора Фастольфа опубликовать свою теорию?

— Мне кажется, у нас появилась возможность

его убедить.

— обыгрывая скандал вокруг смерти Джендера?

— По-моему вам не следовало задавать этот вопрос. Ну так, землянин, я сообщила вам все, что вы желали узнать?

— Вы мне сообщили кое-что, чего я не знал.

— Значит, пора объяснить, при чем тут Гремионис. Почему вы связали имя этого парикмахера со мной?

— Парикмахера?

— Он воображает себя художником-куафером — и не только этим, но он просто парикмахер и ничего больше. Так объясните. Или закончим этот разговор.

Бейли томила усталость. Он не сомневался, что Василия получала большое удовольствие от словесного фехтования. Она сообщила ему достаточно, чтобы разжечь его желание узнать больше, и теперь он будет вынужден покупать добавочные сведения в обмен на собственную информацию. А ее у него нет. Только догадки. И если хотя бы одна из них неверна, существенно неверна, ему придется сразу уйти. И он сам начал фехтовать.

— Поймите, доктор Василия, бессмысленно де-

лать вид, будто смехотворно даже предположить, что между вами и Гремионисом есть какая-то связь.

— Почему же? Если это и правда смехотворно?

— Ну нет. Будь это смехотворно, вы бы расхохотались мне в лицо и отключили канал связи. А вы взяли назад свой недавний отказ, согласились меня принять, долго со мной говорили, многое мне рассказали — какие еще доказательства требуются, что вы опасаетесь, не прижимаю ли я нож к вашему горлу.

Василия крепко сжала губы, а потом сказала тихо и зло:

— Вот что, маленький землянин, мое положение уязвимо, и вы, возможно, это сообразили. Я все-таки дочь доктора Фастольфа, и в Институте есть люди, у которых хватает глупости — или подлости — из-за этого не доверять мне. Не знаю, какие сплетни вы слышали — или сами сочинили, но они смехотворны, иначе и быть не может. Но при всей смехотворности могут быть использованы против меня. А потому я готова на обмен. Я кое-что вам рассказала, могу рассказать и больше, но только если вы сейчас объясните, что у вас есть, и убедите меня в своей правдивости. Так говорите же! Если вы затеете со мной какую-

то игру, мое положение не станет хуже, если я вышвырну вас вон — а я хоть такое удовлетворение получу. И пущу в ход свое влияние, чтобы председатель отменил данное вам разрешение и сразу же отправил вас назад на Землю. От него уже и так этого требуют, и вам совершенно не нужно, чтобы еще и я на этом настаивала. Так что говорите! Сейчас же!

39

Бейли хотелось подобраться к кульминационному вопросу постепенно, проверяя, верно ли он догадался. Но ему было ясно, что у него ничего не получится. Она сразу поймет его тактику — она ведь вовсе не глупа — и оборвет разговор. А он чувствовал, что нащупал что-то, и опасался все испортить. Возможно, и правда ее положение уязвимо из-за отца, но она не приняла бы его, если бы не опасалась, что его предположение совсем не смехотворно.

Значит, надо найти что-то настолько важное, что оно сразу же даст ему хоть чуточку власти над ней. Ну, была не была! Он сказал:

— Сантрикс Гремионис предлагал вам себя. — И прежде чем Василия успела что-то сказать, он

усилил нажим, добавив жестко: — И не один раз.

Василия сжала руки на колене, потом встала и снова села на табурет, словно устраиваясь поудобнее. Она посмотрела на Жискара, который без всякого выражения неподвижно стоял рядом с ней. Затем поглядела на Бейли и сказала:

— Но этот идиот предлагает себя первому встречному любого возраста и пола. Вот если бы он обошел меня своим вниманием, это было бы странно!

Бейли нетерпеливо отмахнулся. (Она не засмеялась, не оборвала разговор. И даже не изобразила гнев. А просто ждала, как он разовьет свое утверждение, из чего следовало, что он действительно что-то нащупал.) Он сказал:

— Это преувеличение, доктор Василия.. Даже самый неразборчивый человек не хватает что попало, а Гремионис выбрал вас и, несмотря на ваш отказ, продолжал предлагать себя вопреки всем обычаям Авроры.

— Я рада, что вы не усомнились в моем отказе. Есть люди, считающие, что из любезности следует принимать любое предложение — или почти любое, но я подобного мнения не придерживаюсь. Не вижу, с какой стати я должна обрекать себя на совершенно неинтересную трату време-

ни. У вас есть возражения, землянин?

— Я не могу высказать мнения — ни отрицательного, ни положительного — относительно аврорианского обычая. (Она все еще выжидала и слушала его. Чего она ждет? Того, о чем он хочет заговорить, но пока не решается?)

Она сказала с вымученной небрежностью:

— Так вы можете хоть что-нибудь предложить или мы закончили?

— Нет, не закончили, — отрезал Бейли, вынужденный снова рискнуть. — Вы обнаружили в Гремионисе эту не аврорианскую навязчивость, и вам пришло в голову, что ее можно использовать.

— Да неужели? Какая чушь! Как и для чего я бы ее использовала?

— Его влекло к вам очень сильно, и, значит, не так уж трудно было устроить, чтобы его заинтересовала другая, очень похожая на вас женщина. Вы подтолкнули его, быть может, пообещав все-таки согласиться, если та ему откажет.

— И кто же эта бедняжка, столь на меня похожая?

— А вы не знаете? Ну послушайте, доктор Василия, это уже глупо. Я говорю о солярианке Глэдии, и уже упоминал, что доктор Фастольф взял ее

под покровительство именно из-за вашего с ней сходства. Было это в начале нашего разговора, и вы не выразили ни малейшего удивления. Теперь уже поздно притворяться, будто вы слышите о нем в первый раз.

Василия посмотрела на него очень внимательно:

— И вы из его интереса к ней заключили, что прежде он интересовался мной? И явились ко мне с этой дурацкой догадкой?

— Не такой уж дурацкой. Есть и другие весомые факты. Но вы отрицаете?

Она задумчиво водила пальцем по длинному столу рядом с собой. Какие тайны скрывали длинные листы на нем? Бейли различал сложнейшие схемы. Но они ничего ему не сказали бы, как бы долго и подробно он их ни штудировал.

— Мне это надоело, — сказала Василия. — Вы сообщили мне, что Гремионис сначала интересовался мной, а затем солярианкой, моим двойником. А теперь вы хотите, чтобы я это отрицала. Но для чего мне тратить время на отрицания? Какая в этом важность? Даже будь это правдой, какой мне может быть вред? Вы ведь просто говорите, что мне досаждали предложения, меня не привлекавшие, и я хитроумно от

них избавилась. Что дальше?

— Дело не столько в ваших поступках, — сказал Бейли, — сколько в их причине. Вы знали, что в характере Гремиониса проявлять настойчивость в определенных ситуациях. Он опять и опять предлагал себя вам, а следовательно, будет спять и опять предлагать себя Глэдии.

— Если она ему откажет!

— Она солярианка, пережившая сексуальную травму, и отказывала всем, о чем, полагаю, вы знали, поскольку вопреки отчуждению между вами и вашим… и доктором Фастольфом все еще испытываете чувства, которые побудили бы вас наводить справки о вашей замене.

— Ну тем лучше для нее. Если она отказала Гремионису, значит, у нее прекрасный вкус.

— Вы заранее знали, что никакого «если» быть не может, что она безусловно ему откажет.

— И все-таки — ну и что?

— Повторные предложения означали, что Гремионис будет часто бывать у Глэдии, что он будет за нее цепляться.

— В последний раз: ну и что?

— А в доме Глэдии была редкость — Джендер Пэнелл, один из двух человекоподобных роботов, существовавших в мире.

— К чему вы клоните? — замявшись, спросила Василия.

— По-моему вам пришло в голову, что убийство человекоподобного робота при обстоятельствах, бросающих тень на доктора Фастольфа, можно использовать как средство вырвать у него секрет человекоподобного позитронного мозга. Гремиониса, раздраженного постоянными отказами Глэдии, но часто бывающего в доме Глэдии, можно было подбить на убийство робота, чтобы страшнее ей отомстить.

Василия заморгала:

— Да будь у этого жалкого парикмахеришки двадцать таких причин и двадцать удобных случаев, так что? Он бы толком не сумел приказать роботу пожать ему руку. И за миллион световых лет он не смог бы вызвать умственную заморозку даже у простого робота!

— И вот теперь, — мягко сказал Бейли, — мы добрались до вопроса, который, мне кажется, вы предвидели, раз сдержались и не вышвырнули меня вон. Вам нужно было удостовериться, знаю я или нет. Иными словами: Гремионис проделал это с помощью Института робопсихологии, действовавшего через вас!

Глава десятая
Снова Василия
40

Словно стоп-кадр из гиперволновой постановки: не только оба робота хранили неподвижность, но застыли и Бейли, и доктор Василия Алиена. Прошли долгие секунды — невероятно долгие, прежде чем Василия глубоко вздохнула и очень медленно встала с табурета. Ее лицо сморщилось в невеселую улыбку, голос был тихим:

— По-вашему, землянин, я сообщница в уничтожении человекоподобного робота?

— Да, доктор, что-то вроде этого мне в голову приходило, — ответил Бейли.

— Благодарю вас за вашу мысль. Разговор окончен, уходите! — Она указала на дверь.

— Боюсь, что я не хочу, — сказал Бейли.

— Ваши желания меня не интересуют, землянин.

— Напрасно. Как вы можете заставить меня уйти против моего желания?

— У меня есть роботы, которые по моему распоряжению выведут вас вежливо, но твердо,

причинив боль только вашему чувству собственного достоинства, если оно у вас есть.

— У вас здесь всего один робот, а у меня два, которые этого не допустят.

— На мои зов явятся двадцать.

— Доктор Василия. поймите, пожалуйста! — сказал Бейли — Увидев Дэниела, вы удивились. Подозреваю, что вы, хотя и работаете в Институте робопсихологии, где тема человекоподобных роботов имеет первостепенное значение, даже вы в первый раз своими глазами увидели такого робота, завершенного и функционирующего. Следовательно, ваши роботы его тоже не видели. Поглядите на Дэниела. Он выглядит как человек. Ни один робот, кроме мертвого Джендера, никогда такого сходства с человеком не имел. И ваши роботы, несомненно, воспримут Дэниела как человека. А он сумеет отдать распоряжение таким образом, что они подчинятся ему, а не вам.

— Если понадобится, — ответила Василия, — я могу вызвать сюда двадцать человек из Института, и они выдворят вас, возможно, причинив немножечко физической боли, а ваши роботы, даже Дэниел, не смогут успешно им воспрепятствовать.

— А как вы думаете их вызвать, если мои роботы

не позволят вам сделать ни единого движения? У них ведь молниеносные рефлексы.

Василия оскалила зубы отнюдь не в улыбке:

— Про Дэниела я сказать ничего не могу, но Жискара я знаю почти всю мою жизнь. Не думаю, что он хоть как-то помешает мне вызвать помощь, и, полагаю, он не даст вмешаться Дэниелу.

Бейли попытался скрыть дрожь в голосе, когда ступил на еще более тонкий лед, сказав:

— Прежде чем сделать что-либо, не спросить ли вам Жискара, как он поступит, если мы с вами отдадим ему прямо противоположные распоряжения.

— Жискар? — В голосе Василии была непререкаемая уверенность.

Глаза Жискара обратились прямо на Василию, и он произнес странным тоном:

— Крошка Мисс, я обязан защищать мистера Бейли, В первую очередь.

— Неужели? По чьему приказу? Этого землянина? Инопланетянина?

— По приказу доктора Фастольфа, — ответил Жискар.

Глаза Василии сверкнули, и она снова опустилась на табурет, положив руки на колени. Они вздрагивали. Почти не шевеля губами, она

сказала:

— Он даже тебя отнял!

— Если этого недостаточно, доктор Василия, — внезапно сказал Дэниел, сам решив заговорить, — то и я поставлю благополучие партнера Элайджа выше вашего.

Василия посмотрела на него со злым любопытством:

— Партнер Элайдж? Ты так его называешь?

— Да, доктор Василия. Мой выбор в пользу землянина, а не в вашу диктуется не только инструкциями доктора Фастольфа, но и тем, что землянин и я ведем это расследование вместе, а также тем… — Дэниел сделал паузу, словно с удивлением прислушиваясь к себе. — Тем, что мы друзья.

— Друзья? — повторила Василия. — Землянин и человекоподобный робот? Что ж, подходящая пара. Оба недочеловеки.

— И тем не менее связанные дружбой, — резко сказал Бейли. — Ради себя не испытывайте силу нашей… — На этот раз паузу сделал он и докончил фразу с каким-то изумлением: — любви.

Василия обернулась к нему:

— Что вы хотите?

— Информации. Меня вызвали на Аврору — в

этот Мир Зари — разобраться в происшествии, словно бы необъяснимом, навлекшем на доктора Фастольфа ложное обвинение, а потому грозящем страшными последствиями для вашего мира и моего. Дэниел с Жискаром хорошо понимают ситуацию и знают, что мои усилия разгадать эту тайну важнее всего, и возобладать над этим может только Первый Закон в предельно критической ситуации, если иного выбора она не оставит. Они слышали, что я говорил, и знают, что вы можете быть соучастницей, а потому понимают, что не должны допустить, чтобы наш разговор прервался. Я повторяю: не рискуйте. Ведь ваш отказ отвечать на мои вопросы может понудить их к действиям, неприятным для вас. Я обвинил вас в том, что вы соучастница убийства Джендера Пэнелла. Вы отрицаете это или нет? Ответить вы обязаны.

— Отвечу, — сказала Василия с горечью. — Не беспокоитесь! Убийство? Робот выведен из строя, и это — убийство?! Так вот, я категорически отрицаю, убийство это или еще что-то! Отрицаю полностью. Я не снабжала Гремиониса сведениями по робопсихологии, с тем чтобы он сумел разделаться с Джендером. У меня просто нет необходимых знаний. И ни у кого в Институте их нет.

— Судить о том, есть ли у вас или у кого-то в Институте знания, требовавшиеся для совершения этого преступления, я не могу. Однако мы можем обсудить побудительные причины. Во-первых, вы можете питать к Гремионису теплое чувство. Сколько бы раз вы ни отвергали его, каким бы ничтожным он ни казался вам в роли любовника, его настойчивость могла вам льстить настолько, что вы не отказались бы помочь ему, обратись он к вам с просьбой, свободной от всяких сексуальных посягательств.

— То есть он пришел бы ко мне и сказал: «Василия, милая, я хочу вывести робота из строя. Пожалуйста, объясни мне, как это делается, и я буду тебе ужасно благодарен». А я ответила бы: «Ну, конечно, милый! Я только и мечтала, как бы поучаствовать с тобой в преступлении!» Возмутительная нелепость! Только землянин, понятия не имеющий о нравах Авроры, способен вообразить подобное. Причем только очень глупый землянин.

— Пусть так, но необходимо рассмотреть все возможности. Например, вторая возможность: что, если вас охватила ревность, когда Гремионис нашел для своей привязанности другой предмет, и вы помогли ему не из благодарной нежности, а

из желания вернуть его?

— Ревность? Это чисто земная эмоция. Если мне Гремионис не нужен, так какое мне дело, что он предложил себя другой женщине и не получил отказа или, если уж на то пошло, другая женщина предложила ему себя и не получила отказа?

— Мне уже говорили, что сексуальной ревности на Авроре не существует, и я готов теоретически счесть это правдой, но такие теории редко подтверждаются практикой. Обязательно должны быть исключения. Ведь ревность по сути эмоция иррациональная и простой логикой с ней не совладать. Но пока оставим это. Третья возможность: что, если вы ревновали к Глэдии и хотели причинить ей вред, хотя сами были к Гремионису абсолютно равнодушны?

— Ревновала к Глэдии? Да я же ее ни разу не видела если не считать гиперволновой передачи, когда она прибыла на Аврору. То, что в редких случаях люди упоминали о ее сходстве со мной, меня абсолютно не трогало.

— Но, может быть, вас трогает, что доктор Фастольф ее опекает, относится к ней как к дочери — как когда-то к вам? Она заняла ваше место.

— И на здоровье. Мне все равно.

— Даже если бы они были любовниками?

Василия уставилась на Бейли с возрастающим бешенством. На лбу у нее под волосами выступили бисеринки пота.

— Обсуждать это нет необходимости, — сказала она. — Вы спросили, отрицаю ли я, будто была соучастницей того, что вы называете убийством, и я ответила, что отрицаю. Я сказала, что у меня нет необходимых знаний. Не было у меня и причины. Можете представить свои заключения хоть всей Авроре. Изложите свои дурацкие попытки отыскать для меня побудительную причину. Твердите, если вам так хочется, что я обладаю возможностью устроить это. Вы ничего не добьетесь, ровным счетом ничего.

Она дрожала от ярости, но в ее голосе Бейли уловил искренность.

Этого обвинения она не боялась. Но она согласилась принять его — значит, он действительно нащупал что-то, чего она боится — и, кажется, отчаянно боится. Но не этого.

Так где он сбился с правильного пути?

41

Бейли сказал (напряженно ища выход):

— Предположим, я соглашусь с вашими утвер-

ждениями, доктор Василия. Предположим, я признаю, что ошибся, подозревая вас как соучастницу робийства. Это все равно не означает, что вы не способны мне помочь.

— А с какой стати я должна вам помогать?

— Просто из порядочности, — ответил Бейли. — Доктор Хэн Фастольф уверяет, что он этого не делал, что он не истребитель роботов, что не выводил из строя конкретного робота — Джендера. Предположительно вы знаете доктора Фастольфа лучше, чем кто-либо еще. Многие годы вы провели в тесном общении с ним, как любимый ребенок и подрастающая дочь. Вы видели его в такие моменты и в таких условиях, в каких никто другой его не видел. Как бы вы ни относились к нему теперь, прошлого это изменить не может. И зная его так близко, вы могли бы засвидетельствовать, что его характер не позволил бы ему причинить вред роботу вообще, и уж тем более роботу, который знаменовал величайшее его достижение. Готовы ли вы открыто выступить с таким свидетельством? Перед всеми мирами? Это было бы большой помощью.

Лицо Василии стало каменным.

— Поймите раз и навсегда, — отчеканила она, — я не желаю, чтобы меня в это втягивали.

— Но вы должны!

— Почему?

— Неужели вы ничем не обязаны своему отцу? Он же ваш отец. Значит это слово для вас что-то или нет, между вами существует биологическая связь, К тому же — отец или не отец — он заботился о вас, растил, воспитывал много лет. И вы перед ним в долгу.

Василия вся дрожала. Дрожь была зримой, у нее стучали зубы. Она попыталась заговорить, не смогла, судорожно вздохнула раз-второй, потом попыталась снова.

— Жискар, — сказала она, — ты слышал все, что тут говорилось?

Жискар наклонил голову:

— Да, Крошка Мисс.

— А ты, человекоподобный… Дэниел?

— Да, доктор Василия.

— Ты тоже все слышал?

— Да, доктор Василия.

— Вы оба понимаете, что этот землянин требует, чтобы я свидетельствовала о характере доктора Фастольфа?

Оба робота кивнули.

— Ну хорошо, я буду говорить — против своей воли и в гневе. Я не выступила с таким свидетель-

ством только потому, что была чем-то обязана этому моему… отцу как носителю моих генов и в какой-то мере моему воспитателю. А теперь выступлю. Слушайте меня, землянин. Доктор Хэн Фастольф, часть генов которого стала и моей, не заботился обо мне, именно обо мне как о конкретной человеческой личности. Я была для него экспериментальным материалом, объектом наблюдений.

Бейли мотнул головой:

— Я спрашивал не об этом.

Она гневно отрезала:

— Вы потребовали, чтобы я говорила, и я буду говорить. Это послужит вам ответом! Доктора Хэна Фастольфа интересует только одна вещь. Только одна. Одна-единственная. Функционирование человеческого мозга. Он хочет свести его до уравнений, до рабочей схемы, к решенной шараде и таким способом основать математическую науку о человеческом поведении, которая позволит ему предсказывать будущее человечества. Он называет ее «психоисторией». Никогда не поверю, что вы разговаривали с ним хотя бы час и он о ней не упомянул. Это мономания, которой он подчиняет все.

Василия вгляделась в лицо Бейли и злорадно

вскрикнула:

— Ну вот! Он с вами о ней говорил! И, значит, сказал вам, что роботы интересуют его постольку, поскольку через них он может подобраться к человеческому мозгу. В человекоподобных роботах он заинтересован постольку, поскольку через них он может подобраться к человеческому мозгу еще ближе… А, так он вам и это говорил! Теория, позволившая создать человекоподобных роботов, родилась, я уверена, из его попыток постигнуть человеческий мозг, и он утаивает ее, ни с кем ею не делится, потому что намерен единолично разгадать тайну человеческого мозга за оставшиеся ему два столетия. Все остальное — только подручные средства. И я в том числе.

Бейли, пытаясь утишить этот взрыв ярости, спросил негромко:

— Вы? Но каким образом, доктор Василия?

— После моего рождения меня, как любого другого младенца, следовало поручить профессионалам, а не оставлять под опекой дилетанта, пусть отца, пусть ученого. Нельзя было допускать, чтобы доктор Хэн Фастольф подверг ребенка воздействию такой среды. И этого не допустили бы, не будь он Хэном Фастольфом. Он пустил в ход весь свой престиж, обратился ко всем, кто

был чем-либо ему обязан, сумел убедить всех, от кого это зависело, и добился опеки надо мной.

— Он любил вас, — пробормотал Бейли.

— Любил — меня? Ему сгодился бы любой младенец, да только других ему было взять неоткуда. Ему требовалось, чтобы рядом с ним рос ребенок — развивающийся мозг. Он хотел тщательно изучить пути его развития, систему роста. Для этой цели он поместил меня в аномальную среду и подверг тонкому экспериментированию, совершенно не считаясь с моей человеческой личностью.

— Не могу поверить. Даже если вы интересовали его как предмет изучения, это не мешало ему любить вас саму.

— Нет! Вы рассуждаете как землянин. Возможно, на Земле как-то считаются с биологическими связями. Но не здесь. Я была для него экспериментальным объектом. И точка.

— Даже будь так вначале, доктор Фастольф не мог вас не полюбить, беспомощное существо, вверенное его заботам. Даже не будь биологической связи, даже будь вы, к примеру, зверьком, он научился бы любить вас.

— Ах, научился бы? — повторила она с горечью. — Вы понятия не имеете, как сильно

равнодушие у таких людей, как доктор Фастольф. Если бы для расширения его познаний понадобилась моя смерть, он не колебался бы ни секунды.

— Доктор Василия, это чушь. Он был с вами таким добрым и заботливым, что пробудил в вас ответную любовь. Я знаю… Вы… вы предлагали ему себя.

— Он вам и это сообщил? Ну конечно! Ни на секунду даже сейчас он не задумался, а будет ли мне приятна такая откровенность. Да, я предлагала ему себя. А что? Он был единственным человеком, которого я знала близко. Внешне он был со мной очень нежен, а его истинных целей я тогда не понимала. Естественно, я искала его. К тому же он позаботился, чтобы меня познакомили с сексуальной стимуляцией в контролируемых условиях. А контроль определял он. Я неизбежно должна была рано или поздно обратиться к нему. Непременно — ведь никого другого не было. А он мне отказал!

— И вы возненавидели его за это?

— Нет! Не сразу. Прошли годы. Хотя мое сексуальное развитие было заторможено и изуродовано и от последствий я не избавилась по сей день, я его не винила. Я же знала так мало! И находила для него оправдания: он очень занят, у него есть

другие, ему требуется женщина более зрелая… Вы поразились бы, с каким хитроумием я изобретала причины для его отказа. Только через несколько лет я осознала какую-то странность и сумела добиться объяснения лицом к лицу. «Почему ты отказал мне? — спросила я. — Согласись ты, это могло бы направить меня по верному пути, решить все проблемы».

Она сглотнула, умолкла и на секунду закрыла лицо ладонью. Бейли ждал, парализованный смущением. Лица роботов не выражали ничего. (Да Бейли и не знал, способны ли они ощущать какой-либо дисбаланс в позитронных связях, который был бы аналогом человеческого смущения.)

Василия продолжала, несколько успокоившись:

— Он уклонялся от ответа как мог дольше, но я снова и снова спрашивала: «Почему ты отказал мне?» Сексом он занимался. Мне было известно несколько случаев… Помню, я вдруг подумала, что, может быть, он предпочитает мужчин. Если о детях нет речи, личные предпочтения никого не касаются, а некоторым мужчинам женщины неприятны. Или наоборот. Однако с мужчиной, которого вы называете моим отцом, дело обстоя-

ло не так. Он наслаждался женщинами… иногда молодыми такими же молодыми, какой была я, когда предложила ему себя. «Почему ты отказал мне?» В конце концов он ответил. Догадайтесь что?

Она замолчала и насмешливо ждала, чтобы он что-нибудь сказал.

Бейли поежился и промямлил:

— Он не хотел заниматься любовью с собственной дочерью?

— Не говорите чуши! При чем здесь это? Учитывая, что на Авроре редкий мужчина знает своих дочерей, то каждая его любовница на несколько десятилетий моложе его может… Но неважно. Это понятно само собой. А ответил он… Как хорошо я помню каждое слово! Ответил он: «Дура! Если я свяжу себя с тобой таким образом, я же не сумею сохранить объективность и не смогу изучать тебя!» В то время я уже знала о его интересе к человеческому мозгу. Я даже последовала его примеру и сама стала робопсихологом. Я работала с Жискаром и экспериментировала с его программированием. И получалось у меня отлично, правда, Жискар?

— Правда, Крошка Мисс, — ответил Жискар.

— И я увидела, что человек, которого вы на-

зываете моим отцом, не смотрит на меня как на личность. Он был готов исковеркать меня до конца моей жизни, лишь бы не рискнуть своей объективностью! Его наблюдения значили для него больше моей нормальности! В ту минуту я поняла, что такое я и что такое он — и порвала с ним.

Наступила гнетущая тишина.

У Бейли стучало в висках. Ему хотелось спросить — но не могли бы вы учесть эгоцентризм великого ученого? Всю важность проблемы? Не могли бы вы быть снисходительной к словам, вероятно, сказанным в раздражении человеком, которого принудили обсуждать то, чего он обсуждать не хотел? И разве ярость Василии сейчас не то же самое чувство? Разве ее зацикленность на собственной «нормальности» (что бы она ни подразумевала под этим), нежелание считаться, быть может, с важнейшими двумя проблемами, стоящими перед человечеством, — природой человеческого мозга и освоением Галактики, — не представляет собой тот же эгоцентризм, но гораздо менее оправданный?

Но спросить об этом вслух он не мог. Не знал, как заставить ее понять, да и понял ли бы он сам, если бы она ответила?

Что он делает на этой планете? Понять их нравы и обычаи ему не удавалось, сколько бы их ему ни растолковывали. А они не могли понять его моральных ценностей.

— Извините, доктор Василия, — сказал он тоскливо. — Я понимаю, что вы сердитесь, но если на минуту вы забудете про свой гнев и вместо этого подумаете о докторе Фастольфе и убитом роботе, то убедитесь, что речь идет о совершенно разных вещах. Даже если доктор Фастольф и хотел наблюдать за вами как за объектом исследований, пусть и ценой вашего счастья, отсюда и на миллион световых лет не следует, что у него могло возникнуть желание уничтожить человекоподобного робота, свое последнее достижение.

Василия побагровела и закричала:

— Разве нельзя понять, землянин, о чем я говорю? Разве я стала бы рассказывать о том, о чем рассказала, только потому, что решила бы, будто вам — да и кому угодно еще — будет интересна грустная история моей жизни? По-вашему, мне приятно выворачиваться наизнанку? Я рассказала это для того лишь, чтобы доказать вам, что доктор Хэн Фастольф, мой биологический отец, как вы не устаете мне напоминать, действительно уничтожил Джендера. Конечно, это был он.

До сих пор я молчала, потому что до вас ни у кого не хватило идиотизма спросить меня — и еще из-за сохранившегося у меня нежелания вредить этому человеку. Но теперь, когда вы спросили, я заявляю, что это он, клянусь Авророй. И буду повторять это везде и перед всеми. Официально, если понадобится. Доктор Хэн Фастольф уничтожил Джендера Пэнелла. Я абсолютно уверена. Теперь вы довольны?

42

Бейли в ужасе уставился на женщину, потерявшую контроль над собой. Он пробормотал что-то бессвязное и повторил:

— Я ничего не понимаю, доктор Василия. Пожалуйста, успокойтесь и подумайте. Для чего доктору Фастольфу было уничтожать Джендера? Какое это имеет отношение к его поступкам с вами? По-вашему, он хотел таким способом посчитаться с вами?

Василия дышала часто и тяжело (Бейли почти неосознанно отметил про себя, что ее грудь как будто больше груди Глэдии, хотя обе одинаково худощавы). Казалось, она зажимает свой голос, чтобы он не вырвался из-под контроля.

— Я же сказала вам, землянин, что Хэн Фастольф вел наблюдения за человеческим мозгом. Он без колебаний подвергал его всяческим стрессам, чтобы оценивать результаты, И предпочитал особый мозг — например, младенца, чтобы наблюдать его в развитии. Любой мозг, лишь бы не заурядный.

— Но какое это…

— Спросите себя, почему его заинтересовала инопланетянка?

— Глэдия? Я прямо спросил его, и он объяснил. Она напоминает ему вас, и сходство действительно большое.

— А когда вы сказали это в начале нашего разговора, мне стало смешно, и я спросила, поверили вы ему или нет. И спрошу снова: вы ему поверили?

— С какой стати я усомнился бы в его словах?

— Потому что это неправда. Сходство, возможно, привлекло его внимание к ней, но истинная подоплека его интереса к этой инопланетянке в том, что она — инопланетянка. Она выросла на Солярии, где общественная мораль и этика не похожи на аврорианские. Следовательно, ему представлялся случай изучить мозг, сформированный в иных условиях, чем наш, и установить

интересные соотношения. Неужели вам это непонятно? И если на то пошло, почему его заинтересовали вы, землянин? Неужели он так глуп и верит, будто вы способны найти решение авроринанской проблемы, ничего не зная об Авроре?

Внезапно опять вмешался Дэниел, и Бейли даже вздрогнул.

— Доктор Василия, — сказал Дэниел, — партнер Элайдж нашел решение проблемы на Солярии, хотя ничего про Солярию не знал.

— Да, — кисло согласилась Василия, — как оповестила все Миры гиперволновая программа. Бывает, что молния ударяет в дом, но не думаю, будто Хэн Фастольф верит, что молния может тут лее ударить в него вторично. Нет, землянин, вы с самого начала привлекли его тем что вы — землянин. Еще один инопланетянский мозг для изучения и манипуляции.

— Но доктор Василия, вы же не можете серьезно верить, что он способен в критических обстоятельствах жизненно важных для Авроры, вызвать сюда совершенно никчемного человека, только чтобы изучать его мозг!

— Еще как способен! Разве не в этом суть всего, о чем я вам рассказала? Никакой угрожающий Авроре кризис в его глазах не сравнится по важ-

ности с решением загадки мозга. Могу точно сказать, что он ответит, если вы зададите ему такой вопрос. Аврора может возвыситься или пасть, процветать или хиреть, но все это вздор в сравнении с проблемой мозга, ибо если люди по-настоящему поймут мозг, то все утраченное за тысячелетия бездумности или неверных решений будет исправлено за десятилетие искусного руководства человеческим развитием, вдохновляемого его мечтой о «психоистории». Он пустит в ход этот аргумент для оправдания чего угодно — лжи, жестокости, ну чего угодно, и просто заявит, что все это служило задаче постижения мозга.

— Не представляю, чтобы доктор Фастольф был способен на жестокость. Он же добрейший человек!

— Неужели? Сколько времени вы провели с ним?

— Несколько часов на Земле три года назад. И день сейчас здесь на Авроре.

— Целый день! Целый-прецелый день. Я тридцать лет была с ним постоянно и с тех пор внимательно следила за его карьерой на расстоянии. А вы, землянин, провели с ним целый день? Ну, так за этот день он никак не унизил вас, не напугал?

Бейли промолчал. Он вспомнил руку с комби-

судком, которую перехватил Дэниел, о Личной, так его измучившей иллюзиями, о продолжительной прогулке во Вне, задуманной как проверка его способности привыкать к открытым пространствам.

— Ага! — сказала Василия. — Ваше лицо, землянин, не такая непроницаемая маска, как вы, наверное, думаете. Он угрожал вам психическим зондированием?

— Про него упоминалось, — ответил Бейли.

— Всего один день — и уже упоминалось! Полагаю, вам стало не по себе?

— Да.

— А причины о нем упоминать не было?

— Нет, причина была, — поспешно возразил Бейли. — Я сказал, что у меня промелькнула мысль, которую я тут же забыл. И вполне логично было указать, что психическое зондирование могло бы помочь мне вспомнить эту мысль.

— Ну, это не причина! — сказала Василия. — Психическое зондирование недостаточно избирательно для подобного, а вот шансы на необратимые повреждения мозга не так уж малы.

— Но не когда зондирование производит специалист. Доктор Фастольф, например.

— Он?! Да он не отличит один конец зонда от

другого. Он теоретик, а не практик.

— Ну пусть не он, но специалист. Собственно, доктор Фастольф не говорил, что проведет зондирование сам.

— Нет, землянин, таких специалистов не существует. Ну подумайте, подумайте же! Если бы кто-то мог проводить психическое зондирование людей со стопроцентной гарантией и если Хэн Фастольф так уж озабочен проблемой дезактивации робота, почему он не предложил, чтобы его подвергли зондированию?

— Его?

— Да неужели вам самому это в голову не пришло? Любой мало-мальски мыслящий человек пришел бы к выводу, что Фастольф виновен. Единственное свидетельство в его пользу — это его собственные заявления о своей невиновности. Ну так почему же он не предлагает доказать эту невиновность с помощью психического зондирования, которое показало бы, что недра его мозга никаких признаков виновности не содержат? Он предлагал подобное, землянин?

— Нет. Во всяком случае, в разговоре со мной.

— Потому что он знает, что это смертельно опасно. А вам без колебаний предложил — просто понаблюдать, как ваш мозг работает в стрессо-

вой ситуации, как вы реагируете на страх. Или он решил, что психическое зондирование, как бы оно ни было опасно для вас, может снабдить его интересными данными о частностях вашего мозга земной модели. Так скажите, жестоко это?

Бейли отмахнулся от ее вопроса резким движением правой руки:

— Но какое отношение это имеет к тому, чем мы занимаемся? К робийству?

— Солярианка Глэдия привлекла внимание моего отца. У нее интересный мозг — то есть для его целей. Поэтому он одолжил ей робота, Джендера, желая посмотреть, что произойдет, если женщина, выросшая не на Авроре, будет проводить время с роботом, во всех отношениях сходным с человеком, Он знал, что женщина с Авроры скорее всего незамедлительно использует робота в сексуальных целях с полным спокойствием. Признаюсь, мне бы это было непросто, потому что я росла в ненормальной обстановке, но к обыкновенной аврорианке это не относится. Для солярианки же это было бы чрезвычайно трудно, поскольку она выросла в крайне роботизированном мире и у нее выработались стойкие стереотипы по отношению к роботам. Различие это могло дать много материала моему отцу, ко-

торый пытается вывести из этих вариаций свою теорию функционирования мозга. Хэн Фастольф выждал полгода, чтобы солярианка достигла точки, когда могла попробовать экспериментально…

— Ваш отец, — перебил Бейли, — ничего не знал об отношениях Глэдии и Джендера.

— Кто зам это сказал, землянин? Мой отец? Глэдия? Если он, то, естественно, это обычная ложь. А если она, то, вероятно, ей об этом не было ничего известно. Не сомневайтесь, Фастольф знал, что происходит; иначе и быть не могло, поскольку он изучал, как условия жизни на Солярии воздействуют на человеческий мозг. А потом он подумал — я в этом уверена так, словно читала его мысли… Он подумал: что произойдет, если эта женщина, только-только начавшая опираться на Джендера, внезапно без всяких причин его потеряет? Как поступила бы аврорианка, он знал: испытала бы некоторое разочарование, а потом начала бы искать замену. Но как поступит солярианка? И вот он выводит Джендера из строя…

— Уничтожает ценнейшего робота, только чтобы удовлетворить пошлое любопытство?

— Чудовищно, правда? Но именно это и сделал бы Хэн Фастольф. Так что, землянин, отправляй-

тесь к нему и скажите, что его маленькая игра окончена. Если планета в целом не считает его виновным, после того как я выскажу все, что считаю нужным, общественное мление изменится кардинально.

43

Бейли какое-то время сидел в полном ошеломлении, а Василия глядела на него с мрачным торжеством. Лицо ее было беспощадным и совсем не походило на лицо Глэдии.

Больше он уже ничего не мог…

Бейли встал, ощущая себя очень старым — гораздо старше своих сорока пяти лет (детский возраст для аврорианцев!). До сих пор все его попытки завершались ничем. Нет, хуже того: после каждого предпринятого им шага веревка на горле доктора Фастольфа затягивалась еще туже.

Он взглянул вверх на прозрачный потолок. Солнце стояло высоко, но, по-видимому, миновало зенит, так как выглядело совсем тусклым. Его то и дело заволакивали полосы облаков.

Василия, очевидно, посмотрела на потолок следом за ним. Ее рука пробежала по краю длинного стола, возле которого она сидела. Потолок стал

матовым, и тут же комнату залил яркий свет, тоже оранжеватый, как само солнце.

— Полагаю, разговор окончен. Больше у меня нет причин видеться с вами, землянин. Или у вас со мной. Пожалуй, вам лучше покинуть Аврору. Вы уже причинили, — она сухо улыбнулась и договорила почти с яростью, — моему отцу порядочно вреда, хотя и меньше, чем он заслуживает.

Бейли шагнул к двери, и оба его робота оказались рядом с ним. Жискар произнес вполголоса:

— Сэр, вам нехорошо?

Бейли пожал плечами. Что он мог ответить?

— Жискар! — сказала им вслед Василия. — Когда доктор Фастольф перестанет в тебе нуждаться, ты перейдешь ко мне? …

— Да, с разрешения доктора Фастольфа, Крошка Мисс, — ответил Жискар, невозмутимо глядя на нее.

Ее улыбка обрела теплоту.

— Пожалуйста, Жискар! Мне все время тебя не хватает.

— Я часто о вас думаю, Крошка Мисс. Бейли посмотрел на дверь.

— Доктор Василия, нет ли у вас Личной, которой я мог бы воспользоваться?

Василия вытаращила глаза:

— Конечно, нет, землянин. В Институте есть коммунальные Личные. Ваши роботы, несомненно, найдут дорогу.

Он уставился на нее и покачал головой. Естественно, она не желала, чтобы какой-то землянин внес инфекцию в ее комнаты, и все равно он озлился. И сказал, просто чтобы дать выход гневу:

— Доктор Василия, на вашем месте я бы не стал заявлять о виновности доктора Фастольфа.

— А что мне помешает?

— Опасность разоблачения вашей связи с Гремионисом. Опасность для вас.

— Не будьте смешны! Вы же признали, что никакого сговора между мной и Гремионисом не было.

— Вовсе нет. Я признал, что есть основания полагать, что прямого сговора уничтожить Джендера между вами и Гремионисом все-таки не было. Но остается возможность косвенного подстрекательства.

— Вы сумасшедший! Что это еще за косвенное подстрекательство?

— Я предпочту не обсуждать этого в присутствии роботов доктора Фастольфа. Разве что вы будете настаивать. Но для чего? Вы и так пре-

красно понимаете, о чем идет речь. — У Бейли, собственно, не было никакой надежды, что она попадется на этот крючок, А вот еще сильнее ухудшить ситуацию это могло.

— Но нет! Василия нахмурилась и словно бы вся съежилась.

«Ага! Значит, косвенное подстрекательство, чем бы оно ни было, все-таки имело место! — подумал Бейли. — И это притормозит ее, пока она не сообразит, что я блефовал».

А вслух он сказал, немного приободрившись:

— Повторяю: ничего не говорите про доктора Фастольфа.

Естественно, он не знал, сколько времени выиграл. Возможно, очень мало.

Глава одиннадцатая
Гремионис
44

Они снова сидели в машине — все трое спереди, Бейли снова в середине, чувствуя легкое давление с обоих боков. Он был благодарен им за неизменную заботливость, пусть они и были всего лишь машинами, неспособными отступить от полученных инструкций.

А потом подумал: «Почему нужно отделываться от них этим словом — «машины»? Они добрые машины во Вселенной людей, которые порой бывают злыми. Какое же у меня право ставить противопоставление машины — люди выше противопоставления добро — зло? И уж Дэниела я не могу считать просто машиной!»

— Я должен снова спросить вас, сэр, — сказал Жискар. — Вам нехорошо?

Бейли мотнул головой:

— Я чувствую себя хорошо, Жискар, и рад находиться здесь с вами обоими.

Небо почти везде было белым, а точнее — сероватым. Дул легкий ветер, и было очень

прохладно, как успел заметить Бейли, пока они шли к машине.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Я внимательно слушал ваш разговор с доктором Василией. Мне не хотелось бы осуждать то, что говорила доктор Василия, но я обязан сказать вам, что, по моим наблюдениям, доктор Фастольф очень обязательный и добрый человек. Насколько известно мне, он никогда не бывал намеренно жесток и никогда, насколько я могу судить, не приносил благополучие другого человека в жертву своему любопытству.

Бейли посмотрел на лицо Дэниела: каким-то образом оно убеждало в его глубокой искренности, и спросил:

— А ты мог бы сказать что-нибудь в ущерб доктору Фастольфу, будь он действительно жестоким и безжалостным?

— Я мог бы промолчать.

— Но промолчал бы?

— Если бы, солгав, я причинил вред правдивой мисс Василии, бросив тень на ее правдивость, и если, промолчав, я причинил бы вред доктору Фастольфу, придав вес правдивым обвинениям против него, и если бы, на мой взгляд, оба эти вреда были примерно равны по силе, тогда я

должен был бы промолчать. Вред через действие, как правило, превалирует над вредом от пассивности. Если, конечно, все остальные условия примерно равны.

— В таком случае, — сказал Бейли, — хотя Первый Закон утверждает: «Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред», два слагаемых закона не равны? Ты говоришь, что вред от действия больше вреда от бездействия?

— Слова Закона лишь примерно соответствуют постоянным колебаниям позитронно-мотивационной силы в связях мозга робота. Партнер Элайдж, моих знаний недостаточно, чтобы выразить это математически, но мои побуждения мне известны.

— И они всегда подталкивают тебя предпочесть неделание деланью, если вред от того и от другого примерно одинаков?

— В целом — да. И всегда предпочитать правду неправде, если вред от них одинаков. То есть в целом.

— В данном случае, раз ты опровергаешь доктора Василию и тем причиняешь ей вред, сделать это ты можешь только потому, что, говоря правду, смягчаешь действие Первого Закона?

— Именно так, партнер Элайдж.

— Тем не менее ты бы сказал то же самое, и будь это ложью, если бы доктор Фастольф с достаточной силой проинструктировал тебя солгать таким образом в случае необходимости, не сообщая, что ты получил эти инструкции.

После паузы Дэниел ответил:

— Именно так, партнер Элайдж.

— Запутанный клубок, Дэниел. Но ты по-прежнему веришь, что доктор Фастольф не убивал Джендера Пэнелла?

— Мой опыт общения с ним, партнер Элайдж, убеждает меня, что он правдив и что он не причинил бы вреда другу Джендеру.

— Однако доктор Фастольф сам изложил вескую причину, по которой он мог так поступить, а доктор Василия назвала другую, не менее вескую и даже более непростительную, чем первая. — Бейли немного подумал. — Если любая из них станет достоянием гласности, в виновность доктора Фастольфа поверят все.

Внезапно Бейли обернулся к Жискару:

— А ты, Жискар? Ты знаешь доктора Фастольфа дольше, чем Дэниел. Ты согласен, что доктор Фастольф не мог сделать этого, не мог уничтожить Джендера, так как это не соответствует его

характеру, насколько он тебе известен?

— Да, сэр.

Бейли неуверенно посмотрел на лицо робота. Более примитивен по сравнению с Дэниелом. Насколько можно доверять ему как второму свидетелю? Не будет ли он следовать Дэниелу, какое бы направление тот ни избрал?

— Ты ведь знал доктора Василию, верно? — спросил Бейли затем.

— Я знал ее очень хорошо, — ответил Жискар.

— И она тебе нравилась, насколько я понимаю?

— Много лет я присматривал за ней, и эта обязанность не доставляла мне никаких трудностей.

— Хотя она тебя перепрограммировала?

— Она была очень умелой.

— Стала бы она лгать о своем отце, то есть о докторе Фастольфе?

Жискар поколебался.

— Нет, сэр.

Значит, по-твоему, она говорит о нем правду?

— Не совсем, сэр. Я думаю, что она сама верит в то, что говорит правду.

— Но почему она верит, что страшные вещи, которые она о нем говорит, — правда, если на

самом деле он такой, каким его сейчас мне описал Дэниел?

Жискар сказал медленно:

— Ее ожесточили некоторые события в ее юности — события, ответственным за которые она считает доктора Фастольфа, и в какой-то мере он действительно оказался невольной их причиной. Мне кажется, он не предполагал, что указанные события приведут к тем последствиям, к которым они привели. Но люди не управляются четкими законами, как роботы. А потому почти в любых условиях трудно разобраться в сложном сплетении причин, побуждающих их к тем или иным действиям.

— Что верно, то верно, — пробормотал Бейли.

— Вы считаете, что нет никакой надежды найти доказательства невиновности доктора Фастольфа? — спросил Жискар.

Брови Бейли сошлись на переносице.

— Не исключено. Я не вижу выхода, а если доктор Василия выполнит свою угрозу…

— Но вы приказали ей молчать. Вы объяснили, что иначе она подвергнет себя опасности.

Бейли качнул головой:

— Это был блеф. Я просто не знал, что мне сказать.

— Так; значит, вы решили прекратить расследование?

— Нет! — почти крикнул Бейли. — Касайся это только Фастольфа, возможно, я и махнул бы рукой. В конце концов, что ему, в сущности, угрожает? Робийство, видимо, даже не считается уголовным преступлением, а только нарушением гражданского кодекса. В худшем случае он лишится политического влияния и, может быть, будет вынужден на время прервать свои научные исследования. Мне бы не хотелось, чтобы это произошло, но если я больше сделать ничего не могу, то, значит, не могу. И касайся это только меня, я тоже, пожалуй, сдался бы. Неудача повредила бы моей репутации, но кирпичный дом без кирпичей не построишь. Я вернулся бы на Землю слегка запачканным. Был бы вынужден вести убогую жизнь без привилегии, но это угрожает каждому землянину и землянке. Людям и получше меня приходилось терпеть такую же несправедливость. Но речь идет о Земле. Если *я* потерплю неудачу, то не только доктору Фастольфу и мне придется лишиться многого — это положит конец всякой надежде землян открыть для себя Галактику. Вот почему потерпеть неудачу я не имею права и должен так или иначе

продолжать расследование до тех пор, пока меня не вышвырнут с этой планеты.

Договорив последнюю тираду почти беззвучным шепотом, Бейли внезапно поднял голову и проворчал:

— Почему мы торчим тут, Жискар? Или ты включил мотор для собственного развлечения?

— Со всем уважением, сэр, — ответил Жискар, — вы не дали указаний, куда вас везти.

— Действительно! Извини, Жискар. Сперва отвези меня к ближайшей из коммунальных Личных, о которых упомянула доктор Василия. Для вас обоих такой проблемы не существует, а у меня есть мочевой пузырь, и он требует, чтобы его опорожнили. Затем тоже поблизости в какое-нибудь место, где можно поесть, а то у меня живот подвело от голода. А затем, затем…

— А затем, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

— Сказать правду, я не знаю, Дэниел. Однако, разделавшись с этими чисто физическими нуждами, я что-нибудь придумаю.

Бейли так хотелось самому поверить в это!

45

Машина недолго скользила над землей. Вскоре она замерла, слегка покачиваясь, и Бейли ощутил привычный комок в горле. Это чуть заметное балансирование напомнило ему, что он находится внутри машины, и рассеяло временное ощущение безопасности, возникшее благодаря стенкам и роботам по бокам. За стеклом впереди, по сторонам (и сзади, если вывернуть шею) белело небо и зеленела листва — слагаемые Вне, иными словами, пустоты. Он судорожно сглотнул.

Остановились они перед небольшим строением.

— Это коммунальная Личная? — спросил Бейли.

— Ближайшая, партнер Элайдж, из расположенных на территории Института, — ответил Дэниел.

— Вы быстро ее отыскали. Или эти заведения помечены на плане, запечатленном в вашей памяти?

— Именно так, партнер Элайдж.

— В ней кто-нибудь есть?

— Возможно, партнер Элайдж, но трое-четверо

могут пользоваться ею одновременно.

— Для меня место найдется?

— По всей вероятности, партнер Элайдж.

— Ну так выпустите меня. Я пойду посмотрю… Роботы не шелохнулись. Жискар сказал:

— Сэр, мы не можем войти туда с вами.

— Я знаю, Жискар.

— Мы не сможем охранять вас должным образом.

Бейли нахмурился. Более примитивный робот, естественно, обладает менее гибким сознанием. Значит, внезапно осознал он, ему грозит опасность, что они не отпустят его от себя и, следовательно, не дадут войти в Личную. Он придал голосу нетерпеливую настойчивость и обратился к Дэниелу, которому человеческие потребности, вероятно, были понятнее:

— Ничего не могу поделать, Жискар. Дэниел, у меня нет выбора. Выпустите меня из машины.

Жискар глядел на Бейли, но не сделал ни единого движения, и Бейли в ужасе ждал, что робот предложит ему облегчиться на соседней лужайке, точно он — дикое животное.

Но секунду спустя Дэниел сказал:

— Думаю, в этом случае мы должны не мешать партнеру Элайджу поступить по-своему.

Тогда Жискар сказал Бейли:

— Если вы можете немного подождать, сэр, я подойду к зданию первым.

Бейли сморщился и тоскливо смотрел, как Жискар медленно направился к строению, а затем не спеша обошел вокруг него. Бейли мог бы заранее предсказать, что стоит Жискару отойти, как ему станет совсем невтерпеж.

Он пытался отвлечься, оглядывая окрестности. Внимательнее всмотревшись, он обнаружил, что белое небо кое-где прочерчивают тонкие линия проводов. Впрочем, заметил он их не сразу, а сперва увидел овальный предмет скользящий под облаками. Какая-то машина… Но она не летит свободно, а подвешена к горизонтальной проволоке. Он проследил проволоку глазами сначала вперед потом назад. Увидел другие проволоки, а затем еще одну машину — подальше. И еще одну — совсем далеко. Эта выглядела неясным пятнышком, и Бейли сообразил, что оно означает, только по аналогии с двумя поближе.

Значит, для передвижения по территории Института используется канатная дорога.

Как тут все разбросано, подумалось Бейли. Как расточительно Институт съедает свободное пространство! Однако при этом он почти не съедал

поверхности. Строения отстояли друг от друга так далеко, что растительность выглядела нетронутой, и, решил Бейли, деревья, травы и животные живут себе, как в пустоте.

Солярия, припомнилось ему, была пустой. Без сомнения, все космомиры были пустыми, раз Аврора, самая населенная из них, выглядела совсем пустой даже здесь, в самом застроенном регионе. А впрочем, и Земля, если не считать Городов, тоже пуста. Но Города-то на ней есть! Бейли вдруг овладела тоска по дому, и он не сразу сумел ее подавить.

— А! Друг Жискар кончил осмотр, — сказал Дэниел.

Жискар уже подходил к ним, и Бейли начал ядовито:

— Ну? Ты будешь столь добр, что разрешишь мне… — Он осекся. К чему тратить сарказмы на бесчувственных роботов?

— Представляется достаточно точным, что Личная свободна.

— Отлично! Так отойди с дороги! — Бейли распахнул дверцу машины и сошел на песок узкой дорожки, потом быстро зашагал к цели в сопровождении Дэниела.

У двери строения Дэниел безмолвно указал,

какую панель надо нажать, чтобы войти. Сам он не осмелился до нее дотронуться. По-видимому, прикоснуться без прямого приказа означало бы намеренно войти, а даже намерение не допускалось.

Бейли нажал панель и вошел, оставив роботов за дверью. Только когда она закрылась, он сообразил, что Жискар никак не мог войти в Личную и проверить, свободна ли она. Значит, робот судил по каким-то внешним признакам — процедура довольно-таки ненадежная.

Тут Бейли расстроенно осознал, что в первый раз оказался полностью изолированным, отгороженным от своих защитников. Они по ту сторону двери. и, если с ним что-нибудь приключится, войти сюда ют будет непросто. А что, если он окажется здесь не один? Что, если какой-нибудь враг, предупрежденный Василией — она ведь знала, что ему необходимо посетить Личную! — уже спрятался где-то здесь внутри?

И тут Бейли с тревогой сообразил, что он не вооружен: На Земле; конечно, такого не случилось бы.

46

Правда, строение было невелико. Ряд из шести небольших уриналов, маленькие раковины — тоже шесть. Ни душа, ни освежителей одежды, ни обривателей.

Шесть разделенных перегородками кабинок, каждая с маленькой дверью. А что, если в одной притаился кто-то… Дверцы не достигали пола, и, бесшумно ступая, он наклонялся и заглядывал под каждую, не обнаружатся ли там ноги? Потом начал по очереди открывать дверцы: примеривался и стремительно распахивал, готовый тут же ее захлопнуть и выскочить во Вне. Все кабинки оказались пустыми.

Он огляделся в поисках других укромных уголков. Их не было, Он подошел к двери во Вне и увидел, что ничего похожего на запоры на ней нет. А впрочем, естественно: Личная явно предназначалась для нескольких посетителей сразу. Следовательно, у других должна быть возможность входить по мере надобности.

Уйти и поехать искать другую? Неловко… Да и терпеть он уже не мог. На секунду он растерялся, не зная, какой уринал выбрать. Подойди к любо-

му и действуй. Но ведь так же может поступить и всякий другой человек…

Он принудил себя сделать выбор и, ощущая полную незащищенность, обнаружил, что его мочевой пузырь заартачился. Желание облегчиться было невыносимо, но приходилось ждать, пока не рассеется страх от навязчивой мысли, что сейчас сюда кто-то войдет.

Нет, не враг, а вообще кто-то. Но тут он подумал, что роботы если и не помешают постороннему войти, то уж, конечно, задержат его.

Этот вывод помог ему расслабиться…

Он завершил опорожнение пузыря и с огромным облегчением собирался повернуться и отойти к раковине, как вдруг в уши ему ударил довольно пронзительный голос, который, чуть дрожа, произнес:

— Вы Элайдж Бейли?

Бейли окаменел. Столько опасений, столько предосторожностей — и он не услышал, как кто-то вошел! Значит, под конец все его внимание сосредоточилось на простеньком физиологическом отправлении, которое никак не должно было занимать его мысли, (Стареет он, что ли?)

Правда, ничего пугающего в звуках этого голоса не было. Ни малейшей угрозы. Или его просто

поддерживает уверенность, что если не Жискар, так Дэниел в любом случае оградил бы его от опасности.

Угнетал его самый факт случившегося. Ни разу за всю его жизнь к нему в Личной не подходил ни один человек и уж тем более не окликал его! На Земле это было бы неслыханным нарушением приличий, а на Солярии (а до этой минуты и на Авроре) он пользовался только личными Личными.

Голос нетерпеливо повторил:

— Ну послушайте! Вы же Элайдж Бейли!

Очень медленно Бейли обернулся. Он увидел мужчину среднего роста, в изящной отлично сидящей одежде разных оттенков синевы. Светлокожий, белокурый, с усиками чуть темнее волос. Бейли невольно уставился на пушистые волосы над верхней губой. Впервые он видел усатого космонита.

Бейли сказал (испытывая жгучий стыд, что заговорил в Личной):

— Я Элайдж Бейли. — Собственный голос прозвучал в его ушах как сиплый фальшивый шепот.

Космонит явно счел его фальшивым. Сощурив глаза, он впился взглядом в лицо Бейли.

— Роботы снаружи сказали, что тут находится Элайдж Бейли, но вы совсем не похожи на себя в гиперволновке. Нисколько не похожи.

«Ох уж эта мне идиотская постановка!» — свирепо подумал Бейли. Видно, до скончания века всякий, с кем ему доведется встретиться, будет наперед отравлен этой немыслимой выдумкой. Никто не отнесется к. нему как к обычному человеку, способному ошибаться и терпеть неудачи. А когда обнаружит, что он не непогрешим, от разочарования сочтет его набитым дураком.

Он злобно отвернулся к раковине, ополоснул руки, а потом замахал ими, недоумевая, как включить сушилку. Космонит коснулся панели и словно из воздуха поймал тоненькую полоску адсорбирующего пуха.

— Спасибо, — сказал Бейли, беря ее. — В гиперволновке снимали не меня, а актера.

— Я знаю. Но ведь можно было бы подобрать кого-нибудь больше на вас похожего? — Это его словно расстроило. — Мне надо с вами поговорить.

— Как вы прошли мимо моих роботов? Видимо, он коснулся еще одного больного места.

— Еле-еле, — ответил космонит. — Они пытались меня остановить, а со мной был только один

робот. Мне пришлось притвориться, будто мне будет плохо, если я незамедлительно сюда не попаду, так они меня о-бы-ска-ли! Они буквально ша-ри-ли руками по мне, проверяя, нет ли у меня чего-либо опасного. Я бы привлек вас к суду, не будь вы землянином. Никто не имеет права отдавать роботам приказы, которые унижают людей!

— Мне очень жаль, — сухо ответил Бейли. — Но приказы им отдаю не я. Чем могу вам служить?

— Я хочу поговорить с вами.

— Но вы же говорите со мной. Кстати, кто вы?

Тот словно замялся, но потом ответил:

— Гремионис.

— Сантрикс Гремионис?

— Совершенно верно.

— Почему вы решили поговорить со мной?

Несколько секунд Гремионис смотрел на Бейли словно бы в смущении, потом промямлил:

— Ну, раз уж я здесь… с вашего разрешения… я, пожалуй… — И он отошел к уриналам.

Бейли с брезгливым ужасом сообразил, что Гремионис… Торопливо отвернувшись, он сказал:

— Я подожду вас снаружи.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнул Гремионис почта фальцетом. — Это и секунды не займет. Умоляю.

Если бы Бейли сам не хотел поговорить с Гремионисом столь же отчаянно и не опасался задеть его ненароком, он бы не выполнил его просьбы. Но вдруг Гремионис раздумает говорить?

Он стоял отвернувшись, зажмурившись от омерзения. И только когда Гремионис, вытирая руки собственной пушистой полоской, встал перед ним, Бейли чуть-чуть расслабился.

— Почему вы хотите поговорить со мной? — спросил он снова.

— Глэдия… ну, женщина с Солярии… — Гремионис растерянно умолк.

— Я знаком с Глэдией, — холодно сказал Бейли.

— Глэдия говорила со мной… по трехмернику, вы понимаете, и сказала, что вы расспрашивали про меня. И она спросила, не причинил ли я какого-нибудь вреда одному ее роботу. Похожему на человека. Как один из двух снаружи…

— А вы причинили ему вред?

— Да нет же! Я даже не знал, что у нее есть такой робот, пока… Вы ей сказали, что я знал?!

— Я только задавал вопросы, мистер Гремионис.

Гремионис сжал правую руку в кулак и нервно ввинчивал его в ладонь левой. Он сказал напряженно:

— Я не хочу, чтобы меня ложно в чем-то обвиняли, и особенно когда такое обвинение может повлиять на мои отношения с Глэдией.

— Как вы меня разыскали? — спросил Бейли.

— Она спросила меня про этого робота, — сказал Гремионис. — И добавила, что вы расспрашивали про меня. Я уже слышал, что доктор Фастольф вызвал вас на Аврору, чтобы вы разобрались в этом деле… с роботом. Об этом сообщали в «Последних известиях». И… — Каждое слово давалось ему с большим трудом.

— Продолжайте, — сказал Бейли.

— Я решил, что мне надо поговорить с вами и объяснить, что я никакого касательства к этому роботу не имел. Ни-ка-ко-го! Глэдия не знала, где вас можно найти, но я подумал, что, может быть, доктор Фастольф знает.

— И вы обратились к нему?

— Нет-нет, я… у меня духу не хватило… Такой знаменитый ученый! Но Глэдия сделала это для меня. Она… такая. Он объяснил ей, что вы отправились на встречу с его дочерью доктором Василием Алиеной. Очень удачно, потому что я с ней знаком.

— Да, мне это известно, — сказал Бейли.

— А как вы… — тревожно начал Гремионис. —

Вы и ее обо мне спрашивали? — Тревога его перешла в обескураженность. — В конце концов я обратился к доктору Василии, и она сказала, что вы только что уехали и вас, возможно, следует искать в какой-нибудь коммунальной Личной, а эта — ближайшая к ее дому. Я не сомневался, что вы воспользуетесь ею, а не станете искать дальше. То есть для чего бы вам это понадобилось?

— Вы рассуждаете совершенно верно, но каким образом вы так быстро очутились здесь?

— Я работаю в Институте робопсихологии, и мой дом — на его территории. Ролер домчал меня сюда за несколько минут.

— Вы приехали сюда один?

— Да! И всего с одним роботом. Видите ли, мой ролер двухместный.

— И ваш робот ждет снаружи?

— Да.

— Ну так объясните, зачем вы все-таки захотели меня увидеть.

— Я должен добиться, чтобы вы не думали, будто я имел хоть какое-то отношение к этому роботу. Я далее ни разу о нем не слышал, пока вся эта история не попала в «Последние известия». Так могу я поговорить с вами сейчас же?

— Да, но не здесь, — категорически заявил Бей-

ли. — Идемте отсюда.

До чего же странно, подумал Бейли, что он рад выбраться из стен во Вне. В этой Личной было что-то гораздо более чуждое в сравнении со всем, с чем ему доводилось сталкиваться и на Солярии, и на Авроре. Всепланетное небрежное отношение к таким вещам было достаточно неудобоваримым, но куда хуже был ужас охвативший его, когда к нему открыто подошли и заговорили с ним, будто так и надо! Поведение, не делающее различий между этим местом с его назначением и любым другим местом с иным назначением.

Фильмокниги, которые он просмотрел на космолете, этот предмет не затрагивали даже бегло. Ну да, как правильно указал Фастольф, писались они не для землян, а для аврорианцев и, отчасти, для потенциальных туристов с сорока девяти других космомиров. В конце концов, земляне почти не посещали космомиры, а уж Аврору и подавно. Их тут не жаловали. Так с какой стати делать фильмокниги с расчетом на них? И с какой стати останавливаться в фильмокнигах на том, что всем известно? С какой стати рассусоливать о том, что Аврора имеет сферическую форму или что вода — мокрая, а в Личной один человек может самым спокойным образом заговаривать

с другим?

Но это же превращает в насмешку самое название подобных устройств! Тут Бейли невольно вспомнил женские Личные на Земле, где, как он часто слышал от Джесси, посетительницы без конца болтали между собой и никакой неловкости не ощущали. Почему только женщины, а мужчины — нет? Бейли никогда прежде об этом не задумывался, а принимал просто как обычай — извечный обычай. Но если женщинам можно, так можно и мужчинам!

Впрочем, неважно. Эта мысль была логичным выводом, но не затрагивала того механизма его сознания, который вызывал в нем всеподавляющую и необоримую брезгливость к подобному поведению.

— Идемте отсюда! — повторил он.

— Но там же ваши роботы! — возразил Гремионис.

— Ну и что?

— Но я хочу поговорить конфиденциально. Как человек с человеком. — На последнем слове он запнулся.

— Полагаю, вы хотели сказать: как космонит с землянином.

— Если угодно.

— Присутствие моих роботов необходимо. Они — мои партнеры в этом расследовании.

— Но мое дело к расследованию никакого отношения не имеет, говорю же вам!

— Об этом позвольте судить мне, — твердо сказал Бейли и вышел из Личной.

Гремионис замялся, потом последовал за ним.

47

Дэниел и Жискар ждали — невозмутимые, непроницаемые, терпеливые. Но Бейли показалось, что лицо у Дэниела чуть озабочено. А впрочем, он мог приписать такое выражение этим нечеловечески человеческим чертам. Жискар, меньше напоминающий человека, естественно, сохранял полную невозмутимость, чего бы ни хотелось ему приписать.

За дверью ждал еще один робот — очевидно, сопровождавший Гремиониса. Облик его был даже примитивнее, чем у Жискара, и какой-то облезлый. Сразу было видно, что Гремионис не слишком преуспевает.

Дэниел сказал — с радостным облегчением, как почудилось Бейли:

— Я доволен, что вы чувствуете себя хорошо,

партнер Элайдж.

— Очень хорошо. Но мне любопытно узнать вот что: если бы вы услышали, что я внутри закричал, вы бы вошли?

— Немедленно, сэр, — ответил Жискар.

— Хотя вы запрограммированы не входить в Личные?

— Необходимость защитить человека — и особенно вас, сэр, доминировала бы.

— Да, партнер Элайдж, — подтвердил Дэниел.

— Рад это слышать, — сказал Бейли. — Перед вами Сантрикс Гремионис. Мистер Гремионис, перед вами Дэниел и Жискар.

Оба робота учтиво наклонили головы. Гремионис только взглянул на них и небрежно приподнял руку. Он и не подумал представить своего робота.

Бейли посмотрел по сторонам. Дневной свет заметно померк, ветер дул порывами, воздух стал прохладнее, солнце совсем исчезло за темными облаками. Все было подернуто мрачностью, но она не подействовала на Бейли который продолжал упиваться тем, что благополучно вышел из Личной. Ему понравилось оказаться во Вне! И настроение у него сразу улучшилось. Конечно, случай особый, но начало положено, и он, бес-

спорно, одержал победу!

Бейли уже обернулся к Гремионису, чтобы продолжить разговор, и тут краем глаза уловил какое-то движение. По траве в сопровождении робота шла женщина. Она приближалась, но на них даже не смотрела — ее целью явно была Личная.

Бейли протянул руку, словно намереваясь остановить ее, хотя их разделяло расстояние еще метров в тридцать, и буркнул:

— Разве она не знает, что это Личная для мужчин?

— Что-что? — переспросил Гремионис.

Женщина все приближалась, и Бейли смотрел на нее в полном недоумении. Затем робот отошел в сторону, а женщина вошла в строение.

— Но ей же туда нельзя! — растерянно пробормотал Бейли.

— Почему? Это общественное удобство.

— Так для мужчин же!

— Для людей, — поправил Гремионис, совсем сбитый с толку.

— Обоего пола? Вы что-то путаете.

— Вообще для людей. Я ничего не путаю! А вы как бы хотели? Я вас не понимаю.

Бейли отвернулся. А он-то еще несколько минут

назад думал, что заговорить с кем-то в Личной — это предел невоспитанности, всего, что недопустимо!

Даже попытайся он придумать что-нибудь похуже, кошмарная возможность столкнуться в Личной с женщиной ему бы даже в голову не пришла. Земные обычаи требовали, чтобы он полностью игнорировал присутствие других мужчин в обширных Личных планеты, предназначенных для общего пользования. Однако никакие обычаи или условности не помешали бы ему узнать женщину, пройди она там мимо него.

Что, если бы пока он был в Личной, туда вошла бы женщина — спокойно, равнодушно, вот как сейчас эта?

Или, хуже того: что, если бы он вошел в какую-нибудь Личную и наткнулся там на женщину? Нет, он не представлял, что с ним было бы. Никогда раньше даже возможность такой ситуации ему в голову не приходила, самая мысль о ней была невыносима.

А фильмокниги его и об этом не предупредили! Он взялся за них, чтобы заранее ознакомиться с аврорианским образом жизни и не попасть впросак, а они умалчивали о самом важном!

Как же он сумеет распутать все узлы загадки, в

которую превратилась смерть Джендера, если на каждом шагу спотыкается о собственное глубочайшее невежество?

Всего минуту назад он торжествовал из-за крохотной победы над ужасами Вне, а теперь его сокрушало сознание своего невежества во всем, даже в природе этого невежества. Именно в эту секунду, отгоняя от себя картину того, как женщина пересекает воздушное пространство, недавно занимавшееся им самим, он чуть было вовсе не отчаялся.

48

И снова Жискар сказал (причем так, что в его словах, если не в тоне, можно было услышать сочувствие):

— Вам нехорошо, сэр? Вы нуждаетесь в помощи?

— Нет-нет, — пробормотал Бейли. — Я чувствую себя нормально… Но пошли отсюда. Мы загораживаем вход. — Он быстро направился к их машине, которая стояла на площадке за дорожкой. По другую сторону от нее Бейли увидел двухколесную машинку с двумя сиденьями — ролер Гремиониса, решил он.

Тут он сообразил, что его угнетенное настроение усугубляется обыкновенным чувством голода. Время обеда давно прошло, а у него во рту и крошки не было. Он обернулся к Гремионису:

— Давайте поговорим. Но, с вашего разрешения, поговорим за едой. То есть если вы еще не обедали… и если готовы пообедать со мной.

— Но где?

— Не знаю. Где едят в Институте?

— Общественная столовая исключается, — сказал Гремионис. — Там мы не сможем поговорить.

— Так что же делать?

— Пойдемте ко мне, — сразу сказал Гремионис. — Конечно, мой дом не так роскошен, как многие тут. Я же не администратор! Но у меня все-таки есть несколько прилично функционирующих роботов и найдется, чем вас угостить. Вот что: я поеду на ролере с Брандиджем… ну, с моим роботом, вы понимаете, а вы поезжайте следом. Только помедленнее, но я живу всего в полутора километрах отсюда, и поездка займет две-три минуты, не больше.

Он бросился к ролеру почти бегом. Бейли проводил его взглядом: в Гремионисе ему почудилась какая-то юношеская порывистость. Естественно,

возраст космонита было нелегко определить — внешне космониты мало менялись с возрастом, и Гремионису вполне могло быть лет пятьдесят. Но вел он себя как юноша, почти как земной подросток, хотя Бейли не мог бы точно определить, откуда возникало такое впечатление.

Он обернулся к Дэниелу:

— Ты знаком с Гремионисом, Дэниел?

— Сейчас я увидел его впервые, партнер Элайдж.

— А ты, Жискар?

— Я видел его один раз прежде, но мимоходом.

— Ты что-нибудь знаешь про него, Жискар?

— Ничего — кроме того, что лежит на поверхности, сэр.

— Возраст? Характер?

— О них мне ничего не известно, сэр.

— Готовы? — крикнул Гремионис. Его ролер издавал довольно громкий гудящий звук. Было ясно, что он обходился без воздушной подушки. Колеса от земли не отрывались. Брандидж сидел позади Гремиониса.

Жискар, Дэниел и Бейли быстро вошли в свою машину.

Гремионис описал широкий полукруг, его волосы развевались на ветру, и Бейли вдруг

представил себе это ощущение ветра, если ехать на ролере без ограждающих стекол. Как хорошо, что он полностью укрыт в своей машине. Скольжение на воздушной подушке куда более цивилизованный способ передвижения.

Ролер вышел на прямую и с приглушенным ревом рванулся вперед, Гремионис махнул, рукой, сигналя «следуй за мной!» Робот у него за спиной сохранял равновесие с небрежной легкостью и не держался за пояс Гремиониса, хотя человек, решил Бейли, обязательно обхватил бы его обеими руками.

Они заскользили следом. Хотя ролер словно бы двигался с огромной скоростью, это оказалась иллюзией, возникшей из-за его миниатюрности. Их машину приходилось все время притормаживать, чтобы не налететь на него.

— И все-таки, — задумчиво произнес Бейли, — одно мне непонятно.

— Что именно, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

— Василия презрительно назвала Гремиониса «парикмахером». Видимо, он моделирует прически, одежду и еще всякие украшения человеческой внешности. Так почему же он живет в доме на территории Института?

Глава двенадцатая
Снова гремионис
49

Через несколько минут Бейли вошел в еще один аврорианский дом — четвертый с момента его прибытия на планету полтора дня назад. Дом Фастольфа, Глэдии, Василии и теперь — Гремиониса.

Жилище Гремиониса казалось меньше первых трех и каким-то запущенным, хотя построено оно было вроде бы недавно, насколько мог судить Бейли. Но, может быть, на Авроре критерии другие? Однако одно характерное отличие аврорианских жилых домов имелось и здесь — ниши для роботов. Едва войдя, Жискар и Дэниел быстро встали в две из них и застыли лицом к комнате, неподвижные и безмолвные. Брандидж, робот Гремиониса, столь же быстро встал в третью нишу.

Выбирали ниши они словно бы мгновенно, но ни разу выбор двух роботов не упал на одну и ту же нишу. Каким образом? Видимо, решил Бейли, они обменивались сигналами, которые человек

просто не успевал воспринимать. Не забыть спросить про это Дэниела, сказал он себе. И заметил, что Гремионис тоже рассматривает ниши.

Гремионис поднес руку к губам и пригладил усики указательным пальцем потом сказал неуверенно:

— Ваш робот, ну, похожий на человека, как-то не вяжется с нишей. Это ведь Дэниел Оливо? Робот доктора Фастольфа?

— Да, — ответил Бейли. — Он тоже показан в гиперволновке. То есть не он сам, но актер, правда, подобранный получше.

— Да, я помню.

Бейли обнаружил, что Гремионис — как Василия, и даже как Глэдия и Фастольф — держится на некотором расстоянии от него. Словно его окружало поле отталкивания — невидимое, неуловимое, никак не воздействующее на его органы чувств, но мешающее космонитам приблизиться к нему вплотную, заставляющее их огибать его по пологой дуге, если им надо было пройти мимо.

Отдает ли себе отчет Гремионис, что держится от него на расстоянии? Или это происходит непроизвольно? А что они делают со стульями, на которые он садился, пока был у них? С тарел-

ками, которыми он пользовался? С полотенцами? Будет ли достаточно обычной стирки? Или существуют особые дезинфицирующие процедуры? Может, они сразу все выбрасывают и заменяют другим? Окурят ли эти дома, когда он покинет планету? Или их окуривают каждую ночь? Ну а коммунальная Личная, которую он посетил? Ее снесут и отстроят заново? А женщина, которая по неведению вошла туда сразу после него? Или она — официальный окуриватель?

Ну это уже глупости! В космос все это! Как поступают аврорианцы, как разбираются со своими проблемами — их дело, и хватит забивать себе голову такой чушью! Иосафат! С него достаточно собственных проблем, а в данную секунду одна из них воплощается в Гремионисе, и он за него возьмется после еды.

Еда оказалась простой, почти чисто вегетарианской, но впервые на Авроре он испытал затруднения. Слишком уж резок был вкус каждого ингредиента. Вкус моркови был слишком уж морковным, а горошка — горошковым, если можно так выразиться.

Чересчур острым.

Он ел неохотно и старался не выдать свои неприятные ощущения.

И вдруг заметил, что свыкся, что вкусовые сосочки как бы пропитались насквозь и перестали реагировать на избыток. С некоторой грустью Бейли подумал, что еще немного — и знакомство с аврорианской пищей приведет к тому, что по возвращении на Землю ему будет недоставать этой четкости вкусовых ощущений и земная их нивелированность начнет его раздражать.

Даже поджаристость ингредиентов, сперва слегка его напугавшая, так как стоило ему сжать зубы — и слышался хруст, который (решил он) мог помешать разговору, — этот хруст успел превратиться в увлекательное свидетельство того, что он принимает пищу! На Земле же это всегда бесшумно, и ему будет чего-то не хватать.

Теперь он ел внимательно, изучая разные вкусы. Быть может, когда земляне обоснуются на других мирах, они тоже начнут питаться по рецептам космонитов, тем более если у них не будет роботов, чтобы готовить и подавать еду. И тут он тоскливо поправил себя. Не когда, а если земляне обоснуются на других мирах. А «если» это зависит от него, следователя Элайджа Бейли. Ему на плечи словно легла непосильная тяжесть.

Они кончили есть. Два робота внесли нагретые влажные салфетки, чтобы вытереть руки. Только

салфетки оказались необычными: едва Бейли положил свою на тарелку, как она чуть шевельнулась, истончилась, стала паутинкой. Потом вдруг взвилась вверх и исчезла за решеткой в потолке. Бейли вздрогнул и, приоткрыв рот, уставился в потолок.

— Это новинка, — объяснил Гремионис. — Самоубирающаяся, как вы заметили, но еще не знаю, стоит ли ими пользоваться. Говорят, они будут засорять вытяжку, а другие опасаются загрязнения воздуха — какие-то частицы обязательно, по их мнению, попадут в легкие. Изготовитель утверждает, что они абсолютно безвредны, но…

Бейли внезапно осознал, что сам за едой не сказал ни слова, и вообще, обменявшись несколькими словами о Дэниеле, они оба молчали до этого момента… Но не салфетки же им обсуждать! Он сказал грубовато:

— Вы парикмахер, мистер Гремионис?

Гремионис покраснел — его светлая кожа стала пунцовой до корней волос. Он пробормотал придушенно:

— Кто вам это сказал?

— Если вашу профессию так называть не принято, — сказал Бейли, — приношу свои извинения.

На Земле так говорят все, и ничего уничижительного в таком обозначении нет.

— Я дизайнер причесок и костюмов, — ответил Гремионис. — Это признанный раздел искусства. Собственно говоря, я персональный художник. — Его палец снова скользнул по усикам.

— Я заметил ваши усы, — серьезным тоном сказал Бейли. — Они приняты на Авроре?

— Нет. Но надеюсь, что будут. Взять мужское лицо… Многим из них можно придать больше мужественности, силы с помощью правильного использования лицевых волос. Все зависит от подхода. Это часть моей профессии. Конечно, можно переборщить. На планете Паллада лицевые волосы носят многие, но там модно прибегать к многоцветной окраске. Каждый волосок красится отдельно для создания определенного эффекта. Но это глупо. Эффект сохраняется недолго, со временем оттенки изменяются и смешиваются в нечто жуткое. И все-таки даже это по-своему лучше лысости лица. Нет ничего столь непривлекательного, чем пустынное лицо. Это мой собственный термин. Я им пользуюсь в беседах с потенциальными клиентами, и он производит впечатление. На планете Смитей…

Его негромкая быстрая речь обладала какой-

то гипнотической силой, подкрепляемой его увлеченностью, глубокой искренностью взгляда, прикованного к лицу Бейли. Тому пришлось сделать почти физическое усилие, чтобы стряхнуть с себя это наваждение. Он сказал:

— Мистер Гремионис, вы робопсихолог?

Гремионис вздрогнул и как будто растерялся, когда его внезапно перебили.

— Робопсихолог?

— Да. Робопсихолог.

— Вовсе нет. Я пользуюсь роботами как все, но что у них внутри, понятия не имею. Да и не интересуюсь.

— Но вы живете на территории Института робопсихологии. Как так?

— Это глупо! — Гремионис наморщил нос. — Институт был спроектирован несколько лет назад как самодостаточная община. У нас есть собственные ремонтные мастерские, собственные мастерские для робопрофилактики, врачи, структуралисты. Весь персонал живет здесь же, и раз им нужен персональный художник, то есть Сантрикс Гремионис, то и я живу здесь. Что-то в моей профессии есть такое, отчего мне не следовало бы жить здесь?

— Я этого не говорил.

Гремионис отвернулся с обидой, которую торопливое отрицание Бейли не смягчило. Он нажал на кнопку, а затем, скользнув взглядом по разноцветной прямоугольной панели, словно побарабанил по ней кончиками пальцев.

С потолка бесшумно опустился шар и повис в метре над их головами. Он раскрылся, точно разделяющийся на дольки апельсин, и внутри него заиграли краски под негромкие мелодичные, звуки. Они и цвета так гармонично сливались, что изумленный Бейли вскоре почувствовал, что уже не отличает звуков от красок.

Окна стали непрозрачными, дольки окрасились ярче.

— Не слишком ярко? — спросил Гремионис.

— Нет, — поколебавшись, ответил Бейли.

— Это служит фоном. Я подобрал успокаивающие комбинации, которые помогут нам вести цивилизованную беседу, понимаете? — Затем он добавил деловито: — Так приступим к делу?

Бейли с некоторым трудом оторвался от… но Гремионис никак не назвал этот апельсин, и сказал:

— Да, конечно.

— Вы обвиняли меня в том, что я имел какое-то отношение к прекращению функционирования

робота Джендера?

— Я расспрашивал об обстоятельствах конца этого робота.

— Но в связи с ним упоминали меня. И несколько минут назад спросили, не робопсихолог ли я. Мне понятно, о чем вы думали. Вы старались спровоцировать меня на признание, что я знаком с робопсихологией, с тем чтобы возвести на меня обвинение, будто я… э… кончатель этого робота.

— Проще сказать — убийца.

— Убийца? Но робота же нельзя убить. Но как бы то ни было, я не кончал его, или не убивал, или — называйте, как хотите. Я сказал вам, что я не робопсихолог. О робопсихологии я не знаю ни-че-го. Да как вы могли подумать, что…

— Я обязан расследовать все связи, мистер Гремионис. Джендер принадлежал Глэдии, соларианке, а вы были с ней в дружеских отношениях. Вот вам и связь.

— В дружеских отношениях с ней могут быть десятки людей. И никакой связи нет и не было.

— Вы хотите сказать, что никогда не видели Джендера, хотя часто бывали в доме Глэдии?

— Никогда! Ни единого раза!

— И не знали, что у нее есть человекоподобный робот?

— Нет!

— Она про него вообще не упоминала?

— У нее там повсюду роботы. Самые обычные. Ни про каких других она не говорила.

— Ну что же! — Бейли пожал плечами. — У меня нет причин не верить этому… пока.

— Так скажите это Глэдии. Потому-то я и захотел вас увидеть. Чтобы попросить об этом. И я настаиваю!

— А у Глэдии есть причины сомневаться?

— Конечно. Вы настроили ее против меня. Вы расспрашивали ее обо мне в этой связи, и она предположила… она не знает… Короче говоря, она контактировала со мной сегодня утром и спросила, имел ли я к этому какое-нибудь отношение. Я вам уже говорил.

— И вы отрицали?

— Конечно, отрицал, и категорически, потому что я дей-стви-тель-но тут ни при чем. Но сколько я ни отрицай, это неубедительно. Вот почему я хочу, чтобы это сделали вы. Я хочу, чтобы вы сказали ей, что, по вашему мнению, я никакого отношения к случившемуся не имею. Вы же сами только что это подтвердили, и у вас нет права губить мою репутацию совсем бездоказательно, Я могу подать на вас жалобу!

— Кому?

— В Комиссию защиты личности. В Законодательное собрание. Глава Института близкий друг самого председателя, а я уже отправил ему полное изложение этого дела. Я не собираюсь ждать, я действую!

Гремионис вздернул голову — гневным движением, как он видимо, полагал, но должного эффекта не полнилось из-за общей мягкости выражения его лица.

— Послушайте, — сказал он, — это не Земля. Мы здесь находимся под за-щи-той. На вашей перенаселенной планете люди вынуждены обитать в ульях, в муравейниках. Вы толкаете друг друга, не даете дышать друг другу, и это не имеет значения. Одна жизнь, миллион жизней — это не имеет значения.

— Вы начитались исторических романов, — сказал Бейли. стараясь, чтобы его голос не прозвучал презрительно.

— Конечно. И в них все изображено очень точно. На планете, где живут миллиарды людей, иначе и быть не может. А на Авроре жизнь каждого из нас дра-го-цен-на. Нас защищают физически — каждого из нас! — наши роботы, так что на Авроре не бывает даже драк, не говоря

уж об убийствах!

— Если не считать Джендера.

— Но это же не убийство. Он был робот. А наше Законодательное собрание защищает нас от посягательств другого рода. Комиссия защиты личности относится отрицательно — очень и очень отрицательно — к любым действиям, которые злонамеренно причиняют вред репутации или общественному положению гражданина. У аврорианца, который повел бы себя как вы, неприятностей было бы хоть отбавляй. Когда же землянин позволяет себе… ну…

— Я веду расследование по приглашению Законодательного собрания, насколько мне известно. Полагаю, без согласия Собрания доктор Фастольф не мог бы вызвать меня сюда.

— Пусть так, но это не дает вам права выходить за рамки нормального расследования.

— И вы собираетесь обратиться с этим в Собрание?

— Я собираюсь настаивать, чтобы глава Института…

— Кстати, как его зовут?

— Келден Амадиро. Я намерен просить его доложить об этом Собранию, а он его член, позвольте вам сказать, один из лидеров партии глобали-

стов. А потому, по-моему, вам лучше без экивоков объяснить Глэдии, что я ни в чем не виновен.

— Буду рад, мистер Гремионис, потому что у меня создалось впечатление, что вы действительно невиновны, но как я могу быть полностью уверенным, если вы не разрешаете мне задать вам несколько вопросов?

Гремионис нерешительно помолчал, а потом с вызовом откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и сказал, неудачно изобразив спокойную небрежность:

— Задавайте. Мне скрывать нечего. А когда закончите, извольте немедленно поговорить с Глэдией по трехмернику позади вас и сказать ей то, что я требую, не то вам придется так скверно, что вы и вообразить не можете.

— Я понял. Но сначала… Как давно вы знакомы с доктором Василией Фастольф, мистер Гремионис? Или с доктором Василией Алиеной, если вам она известна под этой фамилией?

Гремионис замялся, а потом сказал с напряжением в голосе:

— Почему вы задаете этот вопрос? Какое он имеет отношение к делу?

Бейли вздохнул, и его угрюмое лицо помрачнело еще больше.

— Хочу напомнить, мистер Гремионис, что вам нечего скрывать и что вы намерены убедить меня в своей невиновности, чтобы я в свою очередь убедил в ней Глэдию. Просто скажите, как давно вы знакомы с доктором Василией. Если вы с ней не знакомы, так и ответьте, но будет только честно предупредить вас, что, по словам доктора Василии, вы с ней близко знакомы. Во всяком случае, настолько, чтобы предложить себя.

Гремионис как будто расстроился. Он сказал дрожащим голосом:

— Не понимаю, почему это надо во что-то раздувать. Предлагать себя — общепринятый социальный обычай, который никого третьего не касается. Ну да вы-то землянин, вот и зациклились на этом.

— Насколько я понял, она вашего предложения не приняла.

Гремионис уперся в колени стиснутыми кулаками.

— Принять или не принять — это ее дело. Кое-кто предлагал мне себя, а я отказывал. Тут нет ничего такого.

— Ну хорошо. Как давно вы с ней знакомы?

— Несколько лет. Около пятнадцати.

— Вы были знакомы с ней, когда она еще жила

у доктора Фастольфа?

— Тогда я был еще ребенком, — ответил Гремионис краснея. — Когда я только-только кончил курс и стал персональным художником, меня пригласили смоделировать для нее костюмные ансамбли. Они ей понравились и с тех пор она пользовалась только моими услугами. В этой сфере, разумеется.

— Значит, вы заняли свое нынешнее положение, так сказать, официального персонального художника Института робопсихологии по ее рекомендации?

— Она знала мою квалификацию. Я прошел отборочные испытания наравне с другими и занял свое положение по праву.

— Тем не менее она вас рекомендовала?

— Да, — сердито буркнул Гремионис.

— И вы чувствовали, что можете достойно ее отблагодарить, предложив себя?

Гремионис поморщился и облизнул губы, словно избавляясь от неприятного вкуса.

— Это от-вра-ти-тельно! Видимо, землянин иначе и думать не способен. Мое предложение означало только, что я хотел его сделать.

— Потому что она привлекательна и душевна?

Гремионис замялся.

— Ну, особенно душевной я бы ее не назвал, — сказал он осторожно. — Но привлекательна она бесспорно.

— Мне говорили, что вы предлагаете себя кому ни попадя без всякого разбора.

— Это ложь.

— В каком смысле ложь? Что вы себя предлагаете всем или что мне об этом сказали?

— Что я предлагаю себя всем. Кто вам это сказал?

— Мне кажется, ответ на ваш вопрос нецелесообразен. Вам понравится, если я буду называть вас как источник неприятной кому-то информации? Были бы вы со мной откровенны, если бы так думали?

— Ну, в любом случае тот, от кого вы это услышали, лгал.

— Возможно, это было просто преувеличение для пущего эффекта, Вы предлагали себя кому-нибудь еще до доктора Василии?

Гремионис отвел глаза:

— Раза два. Но не серьезно.

— А к доктору Василии вы относились серьезно?

— Ну-у…

— Насколько я понял, вы предлагали себя ей

несколько раз вопреки аврорианскому обычаю.

— А! Аврорианский обычай… — в бешенстве начал Гремионис, но тут же взял себя в руки и нахмурился. — Послушайте, мистер Бейли, могу я говорить с вами строго конфиденциально?

— Да. Все мои вопросы имеют целью установить, что вы не имели отношения к смерти Джендера. Как только я удостоверюсь в этом, можете не сомневаться, что я сохраню в тайне все, что услышу от вас.

— Ну хорошо. В этом нет ничего дурного, и я ничуть не стыжусь, поймите. Просто я не люблю размениваться и имею право жить по-своему, верно?

— Безусловно, — ответил Бейли сочувственно.

— Видите ли, по-моему, секс тогда прекрасен, когда между партнерами возникла глубокая любовь и нежность.

— Мне кажется, это так и есть.

— Ну а тогда никого другого больше не нужно, так?

— Звучит логично.

— Я всегда грезил, как найду идеального партнера и никого больше не стану искать. Это называется моногамией. На Авроре она не существует, но на некоторых мирах ее соблюдают. И

на Земле тоже, верно, мистер Бейли?

— В теории, мистер Гремионис.

— Это то, что нужно мне, Я ищу уже давно. Иногда я экспериментирую с сексом, но мне всегда чего-то не хватает. И вот я познакомился с доктором Василией, и она призналась мне… Ну, люди бывают очень откровенны со своими персональными художниками, потому что его работа — глубоко личная… И это уж совсем конфиденциально.

— Так продолжайте же.

Гремионис облизнул губы.

— Если то, о чем я сейчас расскажу, станет известно еще кому-то, я погиб. Она сделает все, чтобы я больше не получал заказов. Вы действительно уверены, что это имеет отношение к делу?

— Не сомневайтесь, мистер Гремионис, это может оказаться решающим.

— Ну, в таком случае… — Гремионис явно не поверил до конца. — Так вот: из того, что проскальзывало в разговорах доктора Василии со мной, мне стало ясно… — его голос понизился до шепота, — что… что она девственница.

— Ах так, — сказал Бейли негромко (вспомнив непоколебимое убеждение Василии, что отец

исковеркал ее жизнь своим отказом, — теперь ему стал понятен источник ее ненависти к отцу).

— Это меня взволновало. Мне казалось, что ода будет всецело моей, что я буду единственным для нее. Не могу выразить, как много это для меня значило. Она сразу стала невообразимо прекрасной в моих глазах, и я искал ее всем моим существом.

— И вы предложили ей себя?

— Да.

— И не один раз. Ее отказы вас не обескураживали?

— Они только подтверждали ее девственность, если можно так выразиться, и возбуждали во мне новый пыл. Трудности усиливали влечение. Не знаю, как объяснить, и полагаю, вы не поймете.

— Отчего же, мистер Гремионис? Я вас понимаю. Но потом вы перестали предлагать себя доктору Василии.

— Ну-у… да.

— И начали предлагать себя Глэдии?

— Ну-у… да.

— Неоднократно?

— Ну-у… да.

— Почему? Чем объяснялась такая перемена?

— Доктор Василия наконец абсолютно ясно

дала понять, что никаких шансов у меня нет, а тут появилась Глэдия, так похожая на доктора Василию и… и… вот так.

— Но Глэдия не девственница, — заметил Бейли. — Она была замужем на Солярии, а на Авроре, как мне говорили, экспериментировала довольно широко.

— Я об этом знал, но она… прекратила. Видите ли, она по рождению солярианка и не вполне понимает обычаи Авроры. И прекратила, потому что ей не нравится «неразборчивость», как она выражается.

— Она вам это сказала?

— Да. На Солярии признается только моногамия. Брак ее не был счастливым, но это — обычай, в котором ока воспитывалась, а потому аврорианская манера ей никакой радости не давала, когда она ее испробовала. А моногамия — как раз то, что влечет меня. Ну, понимаете?

— Понимаю. Но как вы с ней познакомились?

— Очень просто. Она участвовала в гиперволновой передаче, когда приехала на Аврору — романтичная беглянка с Солярии. И у нее была роль в той драме…

— Да-да. Но ведь было и что-то еще, верно?

— Не понимаю, о чем вы.

— Разрешите мне высказать догадку. Не наступил ли момент, когда доктор Василия сказала, что отказывает вам раз и навсегда… и не предложила ли она вам альтернатив у?

— Так вам сказала доктор Василия?! — вдруг вспылил Гремионис.

— Прямо — нет, но, полагаю, я тем не менее верно понял, что произошло. Разве она не сказала, что вам имело бы смысл познакомиться с только что поселившейся на Авроре молодой соляриан-кой, протеже доктора Фастольфа? И, возможно, доктор Василия упомянула, что, по общему мнению, эта молодая женщина, Глэдия, очень на нее похожа, но моложе, с более мягким характером? Короче говоря, разве доктор Василия не толкала вас перенести ваше внимание с нее на Глэдию?

Гремионис явно мучился. Он то взглядывал на Бейли, то отводил глаза. Впервые Бейли уловил в глазах космонита испуг — или боязливое почтение. (Бейли тряхнул головой: только не радоваться, что ему удалось взять верх над космонитом! Верный способ утратить объективность.)

— Ну? — сказал он. — Я ошибаюсь или нет?

Гремионис ответил еле слышно:

— Так, значит, в гиперволновке преувеличений не было и вы действительно способны читать

чужие мысли?

50

— Я просто задаю вопросы, — спокойно ответил Бейли — а вы мне не ответили. Так я ошибаюсь или нет?

— Произошло это не совсем так. Отчасти. О Глэдии она со мной говорила, но… — Гремионис закусил нижнюю губу, а потом сказал: — Но по сути все было, как вы предположили. Именно так, как вы описали.

— И вы не были разочарованы? Вы убедились, что Глэдия правда похожа на доктора Василию?

— В какой-то мере. — Глаза Гремиониса посветлели. — Но это не настоящее сходство. Поставьте их рядом и сразу увидите разницу. Глэдия гораздо грациознее, деликатнее и… и с ней весело.

— Вы предлагали себя Василии, после того как познакомились с Глэдией?

— Вы с ума сошли! Нет конечно.

— Но Глэдии предлагали?

— Да.

— И она вам отказала?

— Ну да. Но поймите, она хотела быть твердо уверенной. Как и я. Подумайте, какую ошибку

совершил бы я, добившись согласия доктора Василии! Глэдия опасается такой ошибки, и я ее не виню.

— Но вы-то не считаете, что она сделает ошибку, дав вам согласие, и потому предложили себя еще раз… и еще… и еще.

Гремионис растерянно посмотрел на Бейли и содрогнулся. Он выпятил нижнюю губу, как обиженный ребенок.

— Вы выражаетесь оскорбительно…

— Простите, ничего оскорбительного я не подразумеваю. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

— Да, не один раз.

— А сколько именно?

Я не считал. Четыре раза. Ну-у… пять. Или больше.

— И она вам отказывала?

— Да. Иначе зачем бы мне было предлагаться снова?

— Она отказывала вам раздраженно?

— Нет. Глэдия не такая. Очень ласково.

— Это толкнуло вас предложить себя еще кому-то?

— Что?

— Ведь Глэдия вас отвергла. И, естественно, вы могли бы предложить себя кому-нибудь еще. И

почему нет? Если Глэдии вы не нужны…

— Нет! Мне никто другой не нужен!

— А почему, как по-вашему?

— Откуда мне знать почему? — резко сказал Гремионис. — Мне нужна Глэдия. Это… это какое-то безумие, но такое чудесное! Я был бы безумен, если бы хотел избавиться от такого безумия… Ну да вы не поймете!

— А Глэдии вы этого объяснить не пытались? Возможно, она поняла бы.

— Нет, не пытался. Ей было бы неприятно. О таких вещах не говорят. Мне требуется психоправ.

— И вы обращались к нему?

— Нет.

— Почему?

Гремионис нахмурился:

— У вас манера задавать бесцеремоннейшие вопросы, землянин!

— Возможно, именно потому, что я землянин. Неотесанный. Кроме того, я следователь, и мне необходимо знать все это. Так почему вы не обратились к психоправу?

Неожиданно Гремионис засмеялся:

— Я же вам сказал. Лечение было бы куда большим безумием, чем болезнь. Я предпочту быть с Глэдией, и пусть она мне отказывает, чем быть с

другой и получить согласие… Нет, вы вообразите! Свихнуться и радоваться тому, что ты свихнулся. Любой психоправ тут же подвергает меня принудительному лечению.

Бейли задумался, а потом спросил:

— Вы не знаете, доктор Василия по-своему не психоправ?

— Она робопсихолог. Говорят, что это почти одно и то же. Если вы знаете, что происходит в голове у робота, значит, имеете понятие и о том, как работает человеческий мозг. Во всяком случае, существует такое мнение.

— Вам не приходило в голову, что Василия знает, какие странные чувства вызывает в вас: Глэдия?

— Я ей об этом не говорил! — Гремионис весь напрягся. — То есть вот как сейчас вам.

— Но ведь она могла понять ваши чувства и не спрашивая ничего? Ей известно, что вы неоднократно предлагали себя Глэдии?

— Ну-у… Она спрашивала, как идут мои дела… По праву давней знакомой, понимаете? Ну, я отвечал. Но вообще. Без признаний.

— А вы уверены, что признание не вырвалось у вас случайно? Она же, несомненно, подталкивала вас продолжать.

— Ну-у… теперь, когда вы об этом заговорили, мне все представляется немного по-новому. Не понимаю, как вам удалось внушить мне такую мысль. Наверное, из-за ваших вопросов, но теперь мне кажется, что она продолжала одобрять мою дружбу с Глэдией. Прямо ей содействовала. — Лицо у него стало встревоженным, — Прежде мне и в голову не приходило. Я просто ни о чем таком не думал.

— Как вы считаете, почему она подталкивала вас повторять ваши предложения Глэдии?

Гремионис жалобно вздернул брови и провел пальцем по усикам.

— Наверное, можно предположить, что она пыталась от меня избавиться. Застраховывалась, чтобы я больше ей не досаждал. — Он усмехнулся. — Не очень лестно для меня, а?

— Доктор Василия перестала относиться к вам по-дружески?

— Вовсе нет. Даже наоборот.

— Она пыталась вам советовать, как лучше вести себя с Глэдией, чтобы добиться успеха? Например, проявлять больше интереса к творчеству Глэдии?

— Этого не требовалось. Творчество Глэдии и мое очень близки. Я работаю с людьми, а она с ро-

ботами, но оба мы — дизайнеры, художники. Это сближает, понимаете? Мы даже иногда помогаем друг другу. Кроме тех случаев, когда я предлагаю себя и получаю отказ, мы настоящие друзья. Если подумать, так это очень много.

— Доктор Василия рекомендовала вам проявить больше интереса к работе доктора Фастольфа?

— С какой стати? О работе доктора Фастольфа я понятия не имею.

— Но Глэдия могла интересоваться работой своего покровителя, и тогда это был бы способ понравиться ей.

Гремионис сощурился. Он вскочил на ноги, стремительно прошелся по комнате, остановился против Бейли и сказал:

— По-слу-шай-те! Я, конечно, не самый умный человек на планете, и даже в первый десяток не вхожу, но я все-таки не идиот и понимаю, к чему вы клоните.

— О?

— Все ваши вопросы направлены к тому, чтобы я сознался, будто доктор Василия подтолкнула меня влюбиться в Глэдию… И я… — Он удивленно умолк. — Я влюблен! Как в исторических романах… — Он задумался, и в глазах у него засветилось радостное изумление. Затем оно опять

сменилось злостью, — Подтолкнула влюбиться и оставаться влюбленным, чтобы я выведал побольше у доктора Фастольфа и узнал, как вывести из строя этого робота… Джендера.

— Вы так не считаете?

— Нет! — закричал Гремионис. — Я ничего не понимаю в робопсихологии. Ни-че-го! Как бы подробно мне ни объясняли, я все равно ничего не пойму. И уверен, что Глэдия тоже. И никому никаких вопросов по робопсихологии я не задавал. Никто ничего мне про робопсихологию не говорил. Ни доктор Фастольф, ни кто-либо другой. Доктор Василия ничего подобного мне не советовала. Ваша омерзительная теория не стоит и выеденного яйца! — Он взмахнул руками. — Полная бессмыслица. Бросьте о ней думать.

Он снова сел, скрестил руки на груди и так крепко сжал губы, что усики ощетинились.

Бейли поднял глаза на апельсин, который по-прежнему тихо играл приятные мелодии и мягко менял окраску, завораживающе покачиваясь по короткой дуге.

Если выпад Гремиониса сбил его, он ничем этого не выдал.

— Я все понял, — сказал он, — но тем не менее вы часто видитесь с Глэдией?

— Да, вижусь.

— Ваши повторные предложения не оскорбляют ее, а ее повторные отказы не оскорбляют вас?

— Мои предложения полны вежливости. — Гремионис пожал плечами. — Ее отказы полны мягкости. Что должно нас оскорблять?

— Но как вы проводите время вместе? О сексе, очевидно, и говорить нечего, робопсихологию вы тоже не обсуждаете. Чем же вы занимаетесь?

— А что — все отношения между людьми исчерпываются сексом и робопсихологией? Нам есть чем заняться вместе. Ну, во-первых, мы беседуем. Ее очень интересует Аврора, и я часами описываю нашу планету. Она же почти ее не видела, понимаете? А она часами рассказывает мне про Солярию — какая это адская дыра. Я даже Землю предпочел бы, не поймите меня превратно. И еще — ее покойный муж. Какой жалкий субъект! У Глэдии, бедняжки, жизнь была очень тяжелая. Мы вместе бываем на концертах, несколько раз я возил ее в Институт художеств, и мы работаем вместе, я же вам говорил. Мы вместе рассматриваем мои эскизы или ее эскизы. Сказать откровенно, по-моему, роботы большого простора для вдохновения не дают, но каждому свое, понимаете? Вот и она посмеивается, когда я объясняю, насколь-

ко важна правильная стрижка. Она сама носит волосы немножко не так. Впрочем, больше всего мы вместе гуляем.

— Гуляете? Где?

— Да повсюду. Просто гуляем. У нее такая привычка из-за ее жизни на Солярии. Вы бывали на Солярии… Ах, ну конечно же! Извините. На Солярии частные владения просто огромны, а живет в каждом один человек. Иногда двое. И множество роботов. Там можно идти милю за милей в полнейшем одиночестве, и Глэдия говорит, что возникает такое чувство, будто вся планета принадлежит тебе. Ну, естественно, роботы всегда рядом, приглядывают, чтобы с тобой ничего не случилось, но на глаза зря не показываются. Здесь на Авроре Глэдии не хватает ощущения, что мир принадлежит только ей.

— Вы хотите сказать, что она мечтает завладеть всем миром?

— В смысле, что она жаждет власти? Глэдия? Полнейшая нелепость! Она просто тоскует по единению с природой. Сам я ничего подобного не испытываю, понимаете? Но мне нравится угождать ей. Разумеется, на Авроре невозможно почувствовать себя так, как на Солярии. Обязательно где-нибудь будут люди, уж тем более

внутри городской черты Эоса, а в программе роботов нет указания, что им надо скрывать свое присутствие от людей. Собственно говоря, аврорианцы обычно сопровождаются роботами… Однако я знаю несколько довольно пустынных мест, и Глэдии нравится бродить там.

— А вам?

— Да, но только потому, что я с Глэдией. В общем аврорианцы тоже любят пешие прогулки, но, признаюсь, я этого увлечения не разделяю. Вначале у меня все мышцы ныли, и Василия подшучивала надо мной.

— Так она знала о ваших прогулках?

— Как-то раз я явился к ней, прихрамывая. У меня даже суставы похрустывали, так что пришлось рассказать. Она засмеялась и сказала, что это отличная идея, что лучший способ получить согласие любительницы прогулок — это гулять с ней. «Продолжай, — сказала Василия, — и она возьмет свой отказ назад, прежде чем ты улучишь случай опять себя предложить. Предложение сделает она сама!» Этого, правда, не произошло, но со временем я вошел во вкус прогулок. И очень.

Казалось, он забыл о своей вспышке и даже повеселел. Возможно, ему вспоминаются эти прогулки, подумал Бейли, увидев, как он чуть

улыбнулся. Теперь, когда мысли Гремиониса обратились к неизвестно какому разговору во время прогулки неизвестно где, он выглядел симпатичным… и ранимым. Бейли чуть было не улыбнулся в ответ.

— Следовательно, Василия знала, что ваши прогулки продолжались?

— По-видимому. Я сделал среды и субботы своими свободными днями, потому что они были удобны Глэдии, и Василия иногда шутила по поводу моих «двухэсных прогулок», когда я приносил ей эскизы.

— А доктор Василия принимала участие в ваших прогулках?

— Никогда.

Бейли переменил позу и, пристально глядя на кончики своих пальцев, сказал:

— Полагаю, гуляли вы в сопровождении роботов?

— Конечно. Один мой, один ее. Но они держались в стороне, а не шагали рядом, как обычно на Авроре. Глэдия говорила, что ищет уединения — такого, как на Солярии. Естественно, я поступал так, как хотелось ей, хотя вначале шею себе сворачивал, проверяя, где Брандидж.

— А какой робот сопровождал Глэдию?

— Разные. Но все они тоже близко не подходили, так что я ни с одним из них не разговаривал.

— А Джендер?

Радостное выражение исчезло с лица Гремиониса.

— При чем тут он?

— Он когда-нибудь сопровождал вас? Вы знали бы об этом?

— Человекоподобный робот? Конечно, знал бы. Но он ни разу с нами не ходил. Ни единого.

— Вы уверены?

— Абсолютно. — Гремионис насупился. — Наверное, она считала его слишком ценным, чтобы поручать ему то, с чем прекрасно справляются обычные роботы.

— Вы словно бы раздражены. Вы разделяли это мнение?

— Он был ее роботом. Меня это не интересовало.

— И в доме Глэдии вы его тоже не видели?

— Ни разу.

— Она что-нибудь про него говорила? Рассказывала?

— Насколько я помню — нет.

— И вы не считали это странным?

— Нет. — Гремионис мотнул головой. — Какой

смысл разговаривать о роботах?

Бейли не спускал с его лица угрюмых глаз.

— Вы что-нибудь знали от отношениях Глэдии и Джендера?

— Вы собираетесь сказать мне, что тут замешан секс?

— А вас бы это удивило? — спросил Бейли.

— Такое случается, — невозмутимо сказал Гремионис. — И довольно часто. Если у вас такое настроение, вы можете использовать робота. Ну а человекоподобный робот… насколько я понимаю, подобный во всем…

— Абсолютно, — перебил Бейли и сделал выразительный жест.

Уголки рта Гремиониса поползли вниз.

— Ну, так женщине было бы нелегко устоять.

— Но против вас она устояла. И вас это не мучает? Что Глэдия предпочла вам робота?

— Ну, если на то пошло, то еще вопрос, правда ли это. Но даже если правда, так и что? Женщина и робот, мужчина и робот — это же просто мастурбация и ничего больше.

— Вы действительно ничего не знали об этом, мистер Гремионис? И не подозревали?

— Я просто об этом не думал, — отрезал Гремионис.

— Потому что не знали? Или знали, но не придавали значения?

— Опять вы давите на меня! — Гремионис нахмурился. — Какого ответа вы от меня ждете? Теперь, когда вы заставили меня об этом подумать и надавили, мне уже мерещится, что, может быть, я о чем-то таком и думал. Но все равно, до того как вы начали задавать эти вопросы, я ни разу не почувствовал, будто происходит что-то такое.

— Вы уверены?

— Да, уверен! И перестаньте давить на меня.

— Я на вас не давлю. Я просто прикидываю, а вдруг вы знали, что Глэдия постоянно занимается сексом с Джендером, и знали, что никогда не станете ее любовником, если это будет продолжаться, и так сильно ее хотели, что готовы были любой ценой убрать Джендера — короче говоря, вы так ревновали, что ревность толкнула вас…

В эту секунду Гремионис — точно зажатая какое-то время пружина вдруг высвободилась — с громким бессвязным воплем бросился на Бейли, а тот, застигнутый врасплох, инстинктивно отпрянул назад и вместе се стулом опрокинулся на пол.

51

Его тут же подхватили сильные руки. Бейли почувствовал, что его поднимают. Стул водворяют на место, и осознал, что его держит робот. Как легко было забыть о присутствии в комнате безмолвных неподвижных фигур в нишах!

Но на помощь к нему бросился не Дэниел и Жискар, а Брандидж, робот Гремиониса.

— Сэр, — сказал Брандидж голосом, который лишь чуть-чуть отличался от естественного, — надеюсь, вы не ушиблись.

Но куда девались Жискар и Дэниел?

Ответ на этот вопрос он получил тут же. Роботы разделили необходимые действия быстро и точно; Дэниел и Жискар, молниеносно оценив, что падение со стулом менее опасно для Бейли, чем разъяренный Гремионис, кинулись к нему. Брандидж, сразу увидев, что там он не требуется, оказал помощь гостю.

Гремионис стоял, тяжело дыша, удерживаемый осторожной, но парализующей хваткой четырех нечеловеческих рук. Он сказал почти шепотом:

— Отпустите меня. Я полностью владею собой.

— Слушаю, сэр, — сказал Жискар.

— Разумеется, мистер Гремионис, — произнес Дэниел почти светским тоном.

Однако оба они, опустив руки, не отступили ни на шаг. Гремионис посмотрел по сторонам, одернул одежду, а затем неторопливо сел. Он все еще часто дышал, и волосы у него чуть растрепались.

Бейли стоял, опираясь о спинку своего стула.

— Сожалею, мистер Бейли, — сказал Гремионис, — что я утратил контроль над собой. С тех пор как я стал взрослым, этого со мной не случалось. Вы обвинили меня в р-ревности! Ни один аврорианец в здравом уме не позволит себе употребить это слово по отношению к другому, но мне следовало помнить, что вы землянин. Мы это слово встречаем только в исторических романах, но и в них оно обычно обозначается только первой буквой с многоточием. На вашей планете это, естественно, не так. Я понимаю.

— Я тоже сожалею, мистер Гремионис, — сказал Бейли с большой серьезностью, — что ненароком преступил аврорианский обычай. Уверяю вас, такое не повторится. — Он сел и добавил: — Пожалуй, мы исчерпали почти все…

Гремионис словно не слушал.

— Когда я был ребенком, — сказал он, — я иногда толкал других детей, толкали и меня, а роботы

словно не торопились нас разнять…

— Если разрешите, я объясню, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Точно установлено, что полное подавление агрессивности у маленьких детей приводит к нежелательным последствиям. Поэтому некоторая степень физического соперничества в играх малышей допускается и даже поощряется, конечно, при условии, что оно безопасно. Роботы, состоящие при детях, тщательно программируются различать возможность и степень потенциального вреда. Например, я не получил такого специального программирования и не гожусь присматривать за малышами, кроме экстренных случаев на самое короткое время. То же относится и к Жискару.

— Полагаю, — сказал Бейли, — этой агрессивности кладется конец в подростковом возрасте.

— Постепенно, — ответил Дэниел. — По мере того как уровень потенциального вреда возрастает и необходимость самоконтроля увеличивается.

— К тому времени, — сказал Гремионис, — когда мне пришла пора перейти на более высокую ступень обучения, я, подобно всем аврорианцам, уже прекрасно знал, что истинное соперничество состоит в сравнении умственных способностей и таланта…

— А физическое соперничество исключено? — спросил Бейли.

— Вовсе нет, но без физических контактов с целью причинить вред.

— И со времени детства…

— Я ни на кого не нападал. Естественно! Такое желание у меня неоднократно возникало, но, думается, это только нормально. Однако до этой минуты я всегда с ним справлялся. Но ведь никто никогда не приписывал мне… такого!

— И ведь нападение не имеет смысла, — сказал Бейли, — если вас все равно остановят роботы, правда? Ведь, наверное, рядом с потенциальным нападающим и объектом его агрессии всегда находится робот.

— Разумеется. Тем больше причин стыдиться, что я утратил самоконтроль. Надеюсь, в своем отчете вы об этом не упомянете.

— Уверяю вас, от меня никто ничего не узнает, ведь это не имеет отношения к делу.

— Благодарю вас. Вы сказали, что наш разговор окончен?

— Да, пожалуй.

— В таком случае вы сделаете то, о чем я вас просил?

— А именно?

— Скажете Глэдии, что к случившемуся с Джендером я никакого отношения не имею?

— Скажу, что таково мое мнение, — ответил Бейли, поколебавшись.

— Прошу вас, будьте по определеннее, — сказал Гремионис. — Я хочу, чтобы у нее не осталось ни малейших сомнений в моей непричастности. И тем более, если этот робот был ей дорог в сексуальном смысле. Я не вынесу, если она подумает, будто я испытывал р… ре… Ведь она солярианка и может так подумать!

— Пожалуй, — задумчиво произнес Бейли.

— Но послушайте! — быстро и настойчиво сказал Гремионис. — В роботах я ничего не смыслю, и никто — ни доктор Василия, ни кто-либо другой — со мной о них не говорил. В том смысле, как они функционируют, хочу сказать, И я никак не мог вывести Джендера из строя.

Бейли глубоко задумался. Потом сказал с явной неохотой:

— Мне приходится вам верить, Конечно, я всего не знаю. И не исключено, — я говорю так без желания оскорбить, — что вы, или доктор Василия, или вы с ней оба лжете. Я практически ничего не знаю о психологических механизмах аврорианского общества, и меня легко обмануть.

Тем не менее я вам верю. Но Глэдии могу сказать только, что вы, по моему мнению, абсолютно невиновны. Однако сказать «по моему мнению» я все-таки обязан. Не сомневаюсь, ей этого будет достаточно.

— Ну что же, — сказал Гремионис мрачно, — придется довольствоваться этим. Но, если это поможет, даю вам слово гражданина Авроры, что я невиновен.

Бейли слегка улыбнулся:

— Я ни на секунду не усомнюсь в вашем слове, но моя профессия требует от меня полагаться только на подтвержденные факты.

Он встал, секунду-другую внимательно смотрел на Гремиониса, а потом сказал:

— Прошу вас, мистер Гремионис, не поймите меня превратно. Насколько я понимаю, вы настаиваете, чтобы я дал Глэдии эти заверения, так как хотите сохранить ее дружбу.

— Очень хочу, мистер Бейли.

— И намерены в подходящий момент снова предложить себя?

Гремионис залился краской, сглотнул и пробормотал:

— Конечно.

— Могу ли я дать вам совет, сэр? Не делайте

этого.

— Оставьте такие советы при себе, Я не намерен отступать.

— Я имел в виду другое: не повторяйте обычного ритуала. А попробуйте просто… — Бейли смущенно отвел глаза. — Попробуйте просто обнять ее и поцеловать.

— Ни за что! — испуганно сказал Гремионис. — Да что вы! Ни одна аврорианка такого не потерпит. И ни один аврорианец.

— Мистер Гремионис, вспомните, что Глэдия не аврорианка, Она солярианка и воспитана в иных традициях. На вашем месте я бы испробовал такой способ.

Спокойный взгляд Бейли маскировал внезапный прилив ярости. С какой стати он дает такой совет мальчишке, который для него ничего не значит? Зачем учить другого сделать то, что он сам отчаянно хочет сделать?

Глава тринадцатая
Амадиро
52

Бейли вновь вернулся к делу, сказав голосом более басистым, чем обычно:

— Мистер Гремионис, в нашем разговоре вы назвали имя главы Института робопсихологии. Вы не повторите его?

— Келден Амадиро.

— Нельзя ли как-нибудь связаться с ним от вас?

— Ну-у, и да и нет, — ответил Гремионис. — Вы можете связаться с его секретаршей или с его помощником. До него самого вы вряд ли доберетесь. Мне говорили, что он умеет держать людей на расстоянии вытянутой руки. Конечно, я с ним не знаком. Иногда вижу его в Институте, но ни разу с ним не разговаривал.

— Следовательно, он не пользуется вашими услугами как модельера или дизайнера причесок?

Не знаю, пользуется ли он чьими-либо услугами вообще, но судя по тому, как он выглядел,

когда я его видел, они оказались бы далеко не лишними. Я предпочел бы, чтобы вы этих моих слов никому не повторяли.

— Не сомневаюсь, что вы правы, но ваше мнение останется между нами, — заверил его Бейли. — Мне хотелось бы добраться до него. И на расстояние ближе вытянутой руки. Если у вас есть трехмерник-передатчик, вы не разрешили бы мне воспользоваться им для этой цели?

— Брандидж может сконтактировать для вас.

— Я предпочел бы, чтобы это сделал мой партнер Дэниел. С вашего разрешения, разумеется.

— Пожалуйста! — ответил Гремионис. — Трехмерник вон там, так что, Дэниел, просто следуй за мной. Схема: семьдесят пять, тридцать на двадцать.

Дэниел наклонил голову:

— Благодарю вас, сэр.

Комната с передатчиком была совершенно пустой, если не считать довольно сложной консоли ближе к боковой стене. Консоль была примерно по пояс Бейли, и за ней высилась узкая колонка, расположенная в центре светло-серого круга, четко выделявшегося на зеленом полу. Почти рядом был второй круг тех же размеров и цвета, но без колонки.

Дэниел подошел к колонке, и тотчас круг беловато засветился. Рука Дэниела запорхала по консоли с такой быстротой, что Бейли не успевал следить, что делают его пальцы. Секунду спустя засветился второй круг. Над ним возник робот — только мерцание выдавало, что это трехмерное голо графическое изображение. Робот стоял возле такой же консоли, что и Дэниел, но и она чуть-чуть мерцала.

— Я Р. Дэниел Оливо, — сказал Дэниел, слегка подчеркнув «Р», чтобы робот не принял его за человека. — Я представляю моего партнера Элайджа Бейли, следователя с Земли. Мой партнер хотел бы поговорить с мэтром робопсихологии Келденом Амадиро.

— Мэтр робопсихолог Амадиро ведет совещание. Не может ли его заменить робопсихолог Сисиз?

Дэниел быстро взглянул в сторону Бейли, тот кивнул, и Дэниел сказал:

— Это вполне приемлемо.

— Если ты попросишь следователя Бейли занять твое место, — сказал робот, — попробую найти робопсихолога Сисиза.

— Возможно, будет лучше, — начал Дэниел, — чтобы ты прежде…

Но Бейли перебил его:

— Неважно, Дэниел. Я подожду.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, — как личный представитель мэтра робопсихолога Хэна Фастольфа вы, пусть временно, разделяете его социальный статус. И вам неуместно ждать…

— Неважно, Дэниел! — сказал Бейли подчеркнуто, чтобы предотвратить дальнейшую дискуссию. — Я не хочу тратить времени на выяснение тонкостей этикета.

Дэниел вышел из круга, и Бейли встал у консоли. Он ощутил легкое покалывание (возможно, чисто воображаемое), но оно тут же исчезло. Изображение робота в соседнем кругу заколебалось и растаяло. Бейли терпеливо ждал, пока новое изображение не сгустилось В объемную фигуру.

— Робопсихолог Мэлун Сисиз включен, — произнесла фигура. Коротко остриженные волосы цвета бронзы делали его в глазах Бейли типичным космонитом, хотя его нос отличала некоторая несимметричность, не слишком вязавшаяся с — космомирами.

— Я следователь Элайдж Бейли с Земли, — негромко сказал Бейли. — И хотел бы поговорить с мэтром робопсихологом Келденом Амадиро.

— Вам назначен прием, следователь?

— Нет, сэр.

— Если вы хотите его увидеть, то должны попросить о приеме. Но ни на этой неделе, ни на следующей назначить его невозможно.

— Я следователь Элайдж Бейли с Земли…

— Да, мне сообщили. Но это не меняет фактов.

— По просьбе доктора Хэна Фастольфа и с разрешения Аврорианского Законодательного собрания я расследую убийство робота Джендера Пэнелла…

— Убийство?! Робота Джендера Пэнелла? — переспросил Сисиз с изысканной вежливостью, равносильной презрению.

— Робийство, если вам так больше нравится. На Земле выведение робота из строя особого значения не имеет, но на Авроре, где с роботами обходятся почти как с людьми, мне кажется, можно употреблять и термин «убийство».

Тем не менее, — сказал Сисиз, — убийство это, робийство или вообще ничего, мэтр робопсихолог Амадиро принять вас не может.

А передать ему кое-что на словах можно?

— Да.

— И ему это будет передано немедленно? Сейчас же?

— Попробую, но, естественно, никаких гаран-

тий не даю.

— Пусть так, Я изложу все по пунктам, нумеруя их. Вам удобнее было бы записывать… Сисиз чуть улыбнулся:

— Полагаю, я сумею запомнить.

— Во-первых, убийство подразумевает убийцу, и я хотел бы предоставить доктору Амадиро возможность защитить себя…

— Что-о? — воскликнул Сисиз.

(А Гремионис в дальнем углу комнаты застыл с разинутым ртом.)

Бейли сумел изобразить легкую улыбочку, исчезнувшую с губ Сисиза.

— Я говорю слишком быстро, сэр? Может быть, вы все-таки решите делать записи?

— Вы обвиняете мэтра робопсихолога в том, что он имел какое-то отношение к этому Джендеру Пэнеллу?

— Наоборот, робопсихолог. Я не хочу его обвинять и должен для этого с ним увидеться. Мне было бы крайне неприятно из-за недостатка информации предположить, что мэтр робопсихолог был как-то связан с выведенным из строя роботом, когда достаточно одного его слова, чтобы прояснить все.

— Вы сошли с ума!

— Отлично. Так сообщите мэтру робопсихологу, что с ним желает поговорить сумасшедший, чтобы избежать необходимости обвинить его в убийстве. Это во-первых. Теперь во-вторых. Не могли бы вы сообщить ему, что тот же сумасшедший только что завершил подробный допрос персонального художника Сантрикса Гремиониса и контактирует из дома Гремиониса? И в-третьих… Или я говорю слишком быстро?

— Нет! Договаривайте!

— И, в-третьих, вот что. Возможно, мэтр робопсихолог, несомненно, занятый гораздо более важными вещами, не вспомнит, кто такой персональный художник Сантрикс Гремионис. В таком случае, пожалуйста, объясните, что он живет на территории Института и в этом году часто совершал долгие прогулки в обществе Глэдии, солярианки, живущей теперь на Авроре.

— Такой нелепый и оскорбительный вздор, землянин, я передавать не стану.

— В таком случае сообщите ему, что я немедленно отправляюсь в Законодательное собрание и доложу, что не могу продолжать расследование, так как некий Мэлун Сисиз взял на себя право заверить меня, что мэтр робопсихолог Келден Амадиро не пожелает помочь мне в рас-

следовании случившегося с роботом Джендером Пэнеллом и не станет защищаться от обвинения, что ответственность за это несет он.

Сисиз побагровел.

— Вы не посмеете!

— Нет? А что мне терять? С другой стороны, как это отразится на общественном мнении? Ведь аврорианцы знают, что знаниями в робопсихологии доктор Амадиро уступает только доктору Фастольфу, и если доктор Фастольф в робийстве не виновен, то… Надо ли мне продолжать?

— Вам, землянин, придется узнать, как строго на Авроре карается клевета.

— Несомненно, но если доктора Амадиро оклеветать успешно, он пострадает больше меня. И почему бы вам не сообщить о нашем разговоре немедленно? В таком случае, стоит ему объяснить некоторые второстепенные обстоятельства, мы избежим проблемы клеветы, обвинений и прочего.

Сисиз злобно нахмурился и сказал сквозь зубы:

— Я сообщу доктору Амадиро обо всем этом и порекомендую, чтобы он отказался вас принять.

Изображение Сисиза исчезло, и Бейли приготовился ждать. Гремионис замахал руками, зловеще зашептал:

— У вас ничего не выйдет, Бейли! Ни-че-го! Бейли сделал ему знак успокоиться.

Минут через пять (Бейли они показались нестерпимо долгими) в своем кругу вновь возник Сисиз. Вид у него был разъяренный.

— Доктор Амадиро через несколько минут займет мое место здесь и поговорит с вами. Подождите!

Бейли сказал без секунды промедления:

— Ждать не имеет смысла. Я сейчас же отправляюсь в приемную доктора Амадиро и поговорю с ним там.

Он вышел из серого круга и сделал рубящий жест в сторону Дэниела. Тот сразу отключил связь. Гремионис придушенно прохрипел:

— С сотрудниками доктора Амадиро так не разговаривают, землянин!

— Разве?

— Он вышвырнет вас с планеты еще до истечения суток.

— Если я не продвинусь в расследовании, меня могут вышвырнуть с планеты даже раньше.

— Партнер Элайдж, — вмешался Дэниел, — боюсь, мистер Гремионис встревожился не напрасно. Аврорианское Законодательное собрание может только выслать вас, поскольку вы не

гражданин Авроры. Но они могут потребовать от властей Земли, чтобы вы понесли наказание, и Земля в данном случае не сможет ответить отказом. А мне не хотелось бы, чтобы вы пострадали таким образом, партнер Элайдж.

— Я тоже не хочу, чтобы меня карали, Дэниел, — мрачно ответил Бейли. — Но мне приходится рисковать. Мистер Гремионис, очень сожалею, что должен был сказать, что говорю с ним из вашего дома. Мне необходимо было любой ценой добиться, чтобы он меня принял, а этот факт, по моему мнению, мог сыграть решающую роль. И в конце концов, я сказал только правду.

Гремионис мотнул головой:

— Мистер Бейли, знай я заранее, что вы скажете ему это, я не разрешил бы вам воспользоваться моим передатчиком, Теперь я наверняка потеряю свой пост здесь. А чем вы сможете мне это возместить? — добавил он с горечью.

— Постараюсь, мистер Гремионис, чтобы вы не лишились своего поста. И убежден, что никаких неприятностей вам ждать не следует. Если же я все-таки потерплю неудачу, не стесняйтесь назвать меня сумасшедшим, который обрушил на вас дикие обвинения и так напугал вас своей клеветой, что вы позволили мне поговорить по

вашему передатчику. Доктор Амадиро вам поверит, я не сомневаюсь. Ведь вы уже обратились к нему с жалобой, что я вас оклеветал, правда? Бейли прощально взмахнул рукой.

— Всего хорошего, мистер Гремионис. Еще раз благодарю вас. Не тревожьтесь и не забывайте, что я вам сказал про Глэдию.

С Дэниелом впереди и Жискаром сзади Бейли вышел из дома Гремиониса, даже не подумав, что сейчас снова окажется во Вне.

53

Но снаружи он сразу остановился и взглянул на небо.

— Странно! — сказал он. — Никак не думал, что прошло уже столько времени, даже учитывая, что аврорианский день немного короче стандартного.

— В чем дело, партнер Элайдж? — заботливо спросил Дэниел.

— Да солнце уже зашло. Я этого никак не ожидал.

— Солнце еще не зашло, сэр, — объяснил Жискар. — До захода около двух часов.

— Собирается гроза, партнер Элайдж, — сказал

Дэниел. — Тучи сгущаются, но разразится буря еще не скоро.

Бейли пробрал озноб. Темнота сама по себе его не пугала. Более того: во Вне темнота создавала иллюзию замкнутых стен и была много приятнее дневного света, который распахивал горизонты, озарял дали открытого пространства.

Но этот сумрак не был ни темнотой, ни дневным светом.

Он снова попытался вспомнить, что чувствовал под дождем во Вне.

Тут ему внезапно пришло в голову, что он ни разу не попадал во Вне под снег, — и даже толком не знает, на что похож этот дождь из твердой кристаллической воды. Словесные описания мало что давали. Молодежь иногда выходила поскользить или покататься на полозьях. Возвращались смельчаки с веселыми воплями — неизменно радуясь тому, что снова оказались внутри стен Города. Бен как-то раз попытался смастерить лыжи, сверяясь со старинным руководством, и кончил тем, что провалился чуть не с головой в это белое вещество. И даже Бен не сумел толком рассказать, что такое видеть снег вблизи, ощущать его.

К тому же никто не выходил в то время, когда снег падал — а не просто лежал на Земле. В це-

лом, решил теперь Бейли, все сходились только в одном: снег идет, если очень холодно, а больше — никогда. Сейчас было не холодно, а лишь прохладно, Значит, из этих туч снег не посыплется. Но эта мысль его почти не утешила.

Облачные дни на Земле, которые ему довелось увидеть, были совсем другими. На Земле облака были более светлыми, это он помнил точно, И даже когда заволакивали все небо, выглядели серовато-белыми, А здесь свет — совсем тусклый — имел желчный оттенок, отвратительно желтовато-серый.

Потому что солнце Авроры заметно оранжевее земного?

— Такой цвет неба… — спросил он, — редкость? Дэниел посмотрел вверх.

— Нет, партнер Элайдж. Оно просто грозовое.

— И часто у вас бывают такие бури?

— В это время года довольно часто. И грозы в том числе, А об этой упоминали в прогнозах погоды вчера и еще раз — сегодня утром. Кончится она задолго до рассвета, а полям не помешает увлажниться. Дождей было меньше нормы.

— И становится холодно? Это тоже нормально?

— Конечно. Но идемте в машину, партнер Элайдж. В ней есть отопление.

Бейли кивнул и направился к машине на лужайке, где они оставили ее перед обедом, но вдруг остановился.

— Погодите! Я же не спросил у Гремиониса, где находится дом Амадиро или его приемная.

— Нет нужды, партнер Элайдж, — тотчас сказал Дэниел, беря Бейли под локоть и мягко увлекая к машине, — В памяти друга Жискара запечатлена карта Института, и он отвезет нас к административному корпусу, По всей вероятности, приемная доктора Амадиро находится там.

— Согласно моей информации, — добавил Жискар, — приемная доктора Амадиро действительно находится в административном корпусе. А если его там не окажется, то его дом расположен неподалеку.

Вновь Бейли очутился на переднем сиденье между двумя роботами. Особенно ему было приятно соседство Дэниела, чье псевдочеловеческое тело излучало тепло. Хотя тканеобразный верхний слой оболочки Жискара служил хорошей изоляцией и не холодил, как просто металл, озябшему Бейли его соседство особого удовольствия не доставило.

Бейли чуть было не обнял Дэниела за плечи, чтобы теснее прижаться к нему, но в последнюю

минуту смущенно опустил руку.

— Что-то мне не нравится этот вид, — сказал он. Дэниел (возможно, чтобы отвлечь Бейли от открытых пейзажей за стеклом) спросил:

— Партнер Элайдж, а как вы узнали, что доктор Василия поощряла интерес мистера Гремиониса к мисс Глэдии? Я не заметил, чтобы вы обнаружили факты, которые указывали бы на это.

— Я их и не обнаружил, — ответил Бейли. — Я был в таком отчаянии, что положился на догадки, то есть поставил на реальность маловероятного. От Глэдии я узнал, что Гремионис был единственным человеком, настолько ею интересовавшимся, что он повторял свое предложение. И подумал, не убил ли он Джендера из ревности. Только как он это сделал, если ничего не знает о робопсихологии? И едва я услышал, что дочь доктора Фастольфа Василия не только робопсихолог, но и похожа на Глэдию, мне пришло в голову, что Гремионис, раз он увлекся Глэдией, мог прежде увлекаться доктором Василией и, значит, убийство могло быть результатом их сговора. Косвенно намекнув на такой сговор, я убедил Василию принять меня.

— Но ведь сговора не было, — сказал Дэниел. — То есть, партнер Элайдж, для выведения

Джендера из строя. Даже сотрудничая, Василия и Гремионис ничего не добились бы.

— Согласен. Но Василия испугалась намека на ее связь с Гремионисом. Почему? Когда Гремионис сказал нам, что сначала его влекло к Василии, а затем к Глэдии, я подумал, не была ли эта связь косвенной: то есть Василия содействовала его новому увлечению по причине, более отдаленно связанной со смертью Джендера, но все же связанной, Ведь какая-то связь была: недаром же Василия не сумела проигнорировать мой намек. И мои подозрения подтвердились. Василия действительно подтолкнула Гремиониса к Глэдии. Гремиониса удивило, что я это знаю — тоже полезный момент. Ведь будь все это совершенно безобидно, зачем понадобилось бы делать из этого секрет? Но вы помните, что Василия ничего не сказала о том, что уговаривала Гремиониса ухаживать за Глэдией. А когда я сказал, что Гремионис предлагал себя Глэдии, она сделала вид, будто впервые про это слышит.

— Но, партнер Элайдж, что тут важного?

— Возможно, мы это узнаем. Мне тоже кажется, что для Гремиониса и Василии это особой важности не имело. Следовательно, остается предположить, что здесь замешан кто-то третий.

А если тут есть связь с тем, что произошло с Джендером, этот третий должен быть робопсихологом еще более искусным, чем Василия, — что наводит на мысль об Амадиро. А потому я намекнул ему на сговор, подчеркнув, что я расспрашивал Гремиониса и контактирую от него. И это сработало.

— И все-таки я не понимаю, партнер Элайдж, что все это значит.

— Я тоже не понимаю, хотя и предполагаю кое-что. Попытаемся выяснить что-нибудь у Амадиро. Видишь ли, мы в таком скверном положении, что ничего не теряем, строя догадки и рискуя.

Тем временем машина поднялась в воздух и заскользила на небольшой высоте. Она пронеслась над живой изгородью, а теперь вновь летела над лужайками и песчаными дорожками. Бейли заметил, что там, где трава была более высокой, она клонилась под ветром, словно над ней проносилась невидимая и очень большая машина на воздушной подушке.

— Жискар, — сказал Бейли, — ты ведь фиксировал все разговоры, которые велись в твоем присутствии?

— Да, сэр.

— И можешь воспроизвести их в случае необходимости?

— Да, сэр.

— И можешь без труда найти и воспроизвести любые конкретные слова, сказанные данным человеком?

— Да, сэр. Вам не потребуется прослушивать всю запись.

— А в случае необходимости ты можешь выступить свидетелем в суде?

— Я, сэр? Нет, сэр. — Глаза Жискара были устремлены на дорогу. — Поскольку умело составленная инструкция может заставить робота солгать, причем никакие настояния или угрозы судьи действия не возымеют, закон мудро считает робота некомпетентным для дачи показаний.

— В таком случае для чего ты фиксируешь их?

— Это, сэр, совсем другое. То, что раз зафиксировано, не может быть изменено, а только стерто. Следовательно, зафиксированная запись может служить свидетельством. Однако твердого правила не существует, все зависит от данного дела и данного судьи.

Бейли не понял, что произвело на него угнетающее впечатление — слова Жискара или неестественный жутковатый свет за окнами.

— Ты хорошо видишь, куда ведешь машину, Жискар? — спросил он.

— Конечно, сэр, но это неважно. Машина снабжена компьютерным радаром и автоматически обогнет любое препятствие, даже если я против всякой вероятности не справлюсь сам. Так мы двигались вчера утром, когда все окна были заматированы.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, вновь отвлекая Бейли от неприятных мыслей о надвигающейся буре, — вы правда надеетесь, что доктор Амадиро окажет вам содействие?

Жискар посадил машину на широкой лужайке перед длинным, но не высоким зданием, со сложно украшенным фасадом, которое несомненно было новым, хотя и выглядело имитацией чего-то старинного.

Бейли сразу понял, что это административный корпус. Он сказал:

— Нет, Дэниел, боюсь, Амадиро слишком умен, чтобы дать нам хоть маленькую зацепку.

— И что вы сделаете, если так?

— Не знаю, — угрюмо ответил Бейли с ощущением, что это уже было, было, было… — Но постараюсь что-нибудь придумать.

54

Войдя в административный корпус, Бейли испытал огромное облегчение оттого, что укрылся от противоестественного освещения снаружи. И тут же чуть не усмехнулся.

Здесь на Авроре все дома — частные жилища — были сугубо аврорианскими. Сидя в гостиной Глэдии, завтракая в столовой Фастольфа, разговаривая в рабочем кабинете Василии, пользуясь передатчиком Гремиониса, он ни на секунду не мог вообразить, будто находится на Земле. Нет, эти комнаты отличались друг от друга, и все же их объединяла общность противоположности подземным квартирам Земли.

Однако административный корпус был пронизал чиновничьим духом, видимо, далеко превосходящим просто человеческий. Административный корпус явно не принадлежал к одному типу с жилыми домами — как и учрежденческие здания в родном Городе Бейли, совсем не похожие на системы квартир в жилых секторах. Однако административные корпуса на двух столь различных мирах обладали странным сходством.

Впервые на Авроре Бейли чуть не показалось, что он вдруг очутился на Земле. Те же длинные, холодные пустые коридоры, та же скудность и функциональность обстановки, те же светильники, рассчитанные на то, чтобы раздражать как можно меньше людей — и нравиться столь же малому количеству.

Были, конечно, детали, на Земле отсутствующие — например, кое-где висели горшки с растениями, которые купались в солнечном свете и были снабжены приборами (как заключил Бейли) для автоматической дозировки полива. На Земле это напоминание о живой природе отсутствовало, и он предпочел бы без него обойтись. А что, если такой горшок оборвется? А что, если в растениях заведутся насекомые? А что, если вода будет капать на пол?

Однако кое-чего здесь не хватало. В земном Городе всегда ощущался всеобъемлющий теплый гул людских голосов и машин — даже в самых холодно-официальных административных зданиях. «Деловой Гул Братства», по излюбленному выражению земных политиков и журналистов.

А здесь было тихо. Бейли как-то не обратил внимания на тишину в домах, которые посетил в этот день и накануне — там все выглядело настолько

непривычным, что одна какая-то несообразность осталась незамеченной. Наоборот, он сознавал жужжание насекомых снаружи, шелест растений под ветром, а не отсутствие «Гласа Человечества» (еще одно популярное определение).

Но здесь, где словно повеяло Землей, отсутствие «Гласа» было не менее гнетущим, чем оранжеватость искусственного света, куда более заметная среди голых почти белых стен, чем в жилых домах с их декоративной обстановкой.

Раздумывал Бейли над всем этим недолго. Они стояли внутри парадного входа, где Дэниел, протянув руку, остановил Бейли и Жискара, Через полминуты Бейли спросил шепотом (под воздействием окружающей тишины):

— Почему мы ждем тут?

— Потому что так разумнее, партнер Элайдж, — ответил Дэниел. — Перед нами щекотное поле.

— Что-что?

— Щекотное поле, партнер Элайдж, если применить эвфемистическое название. Это поле стимулирует нервные окончания, вызывая резкую боль. Роботы способны проходить сквозь него, люди — нет. Разумеется, любое его нарушение, роботом или человеком, сразу включит сигнал тревоги.

— А как ты определил, что тут есть щекотное поле?

— Его видно, партнер Элайдж, если знать, куда смотреть. Воздух словно чуть колеблется, а стена за полем кажется зеленоватой по сравнению со стеной перед ним.

— Но я ничего не замечаю, — с негодованием воскликнул Бейли. — Что помешает мне — или любому другому постороннему — вступить в него ненароком и подвергнуться пытке?

— У членов Института всегда при себе нейтрализатор, а посетителей практически всегда сопровождают роботы, которые сразу обнаружат щекотное поле.

По коридору с той стороны поля к ним приближался робот. (Колебания воздуха стали заметнее на матовом фоне его металлической оболочки.) Жискара он словно не заметил, но, казалось, замялся, переводя взгляд с Дэниела на Бейли и обратно. Затем принял решение и обратился к Бейли. («Наверное, — подумал Бейли, — Дэниел выглядит слишком уж человечным, чтобы быть человеком».)

— Ваше имя, сэр? — осведомился робот.

— Я следователь Элайдж Бейли с Земли. Меня сопровождают два робота из дома доктора Хэна

Фастольфа: Дэниел Оливо и Жискар Ревентлов.

— Удостоверение личности, сэр?

На левой половине груди Жискара мягко засветился его серийный номер.

— Я ручаюсь за остальных двух, друг, — сказал Жискар.

Робот вгляделся в номер, словно сравнивая его с картотекой в своей памяти. Потом кивнул и сказал:

— Серийный номер зарегистрирован. Проходите, Дэниел и Жискар сразу шагнули вперед, но Бейли невольно помедлил и протянул руку, словно ожидая болевого шока.

— Поле отключено, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Оно включится, когда мы пройдем.

«Осторожность не помешает!» — подумал Бейли и продолжал еще волочить ноги, пока не оказался далеко за местом невидимого барьера.

Робот без малейших признаков нетерпения или осуждения ждал, пока Бейли не подошел к ним, а затем свернул на спиральный пандус, такой узкий, что стоять рядом на нем могли только двое. Робот был впереди — один. Бейли и Дэниел за ним бок о бок (ладонь Дэниела легла на локоть Бейли легко, но с какой-то дружеской настойчивостью). Замыкал строй Жискар.

Бейли обнаружил, что носки его ботинок чуть задраны, и подумал, что будет не так-то просто взбираться по такому крутому пандусу, наклоняясь вперед, чтобы удерживать равновесие. Хоть бы его подметки или поверхность пандуса (а еще лучше — и они, и она) были рифлеными, а не такими гладкими.

Робот впереди произнес «мистер Бейли!», словно предупреждая о чем-то, и его пальцы на перилах заметно напряглись.

Тотчас пандус разделился на секции, которые составились в ступеньки, двинувшиеся вверх. Они сделали полный оборот сквозь раздвинувшуюся часть потолка и остановились (видимо) на втором этаже, а затем исчезли. Роботы и Бейли сошли с пандуса. Бейли с любопытством оглянулся на него.

— Вероятно, он служит и для спуска. Но что, если поднимающихся людей окажется больше? Ведь эта штука на полкилометра ввинтится в небо — или, наоборот, — в землю.

— Это подъемная спираль, — тихо пояснил Дэниел. — А есть еще спускные.

— Но ведь и эта должна опуститься?

— Она складывается вверху — или внизу, смотря о какой мы говорим, партнер Элайдж, и, так

сказать, раскручивается, пока ею не пользуются. Эта подъемная спираль сейчас как раз опускается.

Бейли оглянулся. Возможно, гладкая поверхность и скользила вниз, но на ней не было ни единой неровности, ни единого пятнышка, движение которых он мог бы заметить.

— А если кто-то захочет воспользоваться ею, когда она поднимется до максимума?

— Ему придется подождать конца раскрутки, занимающей менее минуты. Кроме того, здесь есть и обычные лестницы, партнер Элайдж, и многие аврорианцы их даже предпочитают. Роботы же практически всегда пользуются лестницами. Но вы гость, и для вас включили спираль.

Они уже шли по коридору к двери, отличавшейся красивой отделкой.

— Так мне оказали любезность? Обнадеживающий знак, — заметил Бейли.

Другим обнадеживающим знаком, возможно, было появление из-за красивой двери высокого аврорианца. Он был выше Дэниела по меньшей мере на восемь сантиметров, а Дэниел был выше Бейли сантиметров на пять. Человек в дверях был к тому же широкоплеч, плотного сложения, с круглым лицом, толстоватым носом, курчавыми

темными волосами, смуглой кожей и улыбкой на губах.

Улыбка, пожалуй, обращала на себя внимание больше всего. Широкая, как будто искренняя, она открывала крупные, белые и ровные зубы.

— А, мистер Бейли! — сказал он. — Знаменитый следователь с Земли, посетивший нашу планетку, чтобы доказать, какой я страшный злодей. Входите же, входите! Рад вас видеть. Сожалею, если мой талантливый помощник робопсихолог Мэлун Сисиз намекал вам на мою недоступность, но он человек осмотрительный и бережет мое время куда больше, чем я сам.

Он посторонился, пропуская Бейли впереди себя, и легонько хлопнул его ладонью по лопатке. Видимо, дружеское приветствие, с которым Бейли на Авроре еще не сталкивался.

Бейли сказал осторожно (что, если он принимает желаемое за действительное?):

— Если не ошибаюсь, вы мэтр робопсихолог Келден Амадиро?

— Он самый, он самый. Человек, который вознамерился покончить с доктором Хэном Фастольфом как политической силой на нашей планете. Однако это, как надеюсь убедить вас, еще не делает меня злодеем. В конце концов, я

не пытаюсь доказывать, что Фастольф — злодей, просто потому, что он глупо и вандальски уничтожил собственное творение — беднягу Джендера. Скажем только, что я продемонстрирую… заблуждение Фастольфа.

Он чуть поднял руку, и робот, их проводник, шагнул в свою нишу.

Дверь закрылась, и Амадиро гостеприимно указал Бейли на мягкое кресло, а другой рукой восхитительно экономным движением отослал в ниши Дэниела и Жискара.

Бейли заметил, что Амадиро проследил за Дэниелом жадным взглядом, и на секунду улыбка исчезла с его лица, вдруг ставшего хищным. Но мгновение спустя он уже вновь улыбался, и Бейли спросил себя, не почудилась ли ему эта моментальная смена выражений.

— Раз уж, — сказал Амадиро, — нам угрожает легкая непогода, то давайте обойдемся без этого скудного дневного света.

И тут же (Бейли толком не разобрал, что проделал Амадиро с панелью на своем письменном столе) окна стали матовыми, а стены засияли мягким дневным светом.

Улыбка Амадиро стала шире.

— Собственно, мистер Бейли, говорить нам

особо не о чем. Пока вы ехали сюда, я благоразумно побеседовал с мистером Гремионисом, а в результате решил обратиться и к доктору Василии. Видимо, мистер Бейли, вы практически обвинили их в сговоре, приведшем к гибели Джендера, и, если я правильно понял, заодно обвинили и меня.

— Я просто задавал вопросы, доктор Амадиро, как намерен сделать и сейчас.

— Конечно, конечно, но вы землянин и не отдаете себе отчета в чудовищности своих действий, и я искренне сожалею, что тем не менее вам придется полностью принять все их последствия. Возможно, вы знаете, что Гремионис подал мне жалобу, что вы его оклеветали.

— Да, он мне сказал, но он неправильно истолковал мои слова. Они не были клеветой.

Амадиро пожевал губами, словно взвешивая это утверждение:

— Со своей точки зрения вы, возможно, правы, мистер Бейли, но аврорианское определение этого понятия иное. Я был вынужден отправить жалобу Гремиониса председателю и, вероятнее всего, завтра утром вам будет предложено покинуть Аврору. Я, разумеется, крайне об этом сожалею, но, боюсь, ваше расследование на этом

кончается.

Глава четырнадцатая
Снова Амадиро
55

Бейли растерялся. Он не понимал, как ему следует расценивать Амадиро, и не ожидал от себя такой неуверенности. Гремионис сказал, что Амадиро держит всех на расстоянии вытянутой руки, после разговора с Сисизом он полагал, что увидит воплощение надменной властности. Однако Амадиро казался добродушным, обходительным, даже дружелюбным. Правда, из его слов следовало, что он хладнокровно намерен положить конец расследованию. Безжалостно… но словно с сострадательной улыбкой.

Что он такое на самом деле?

Бейли невольно покосился на ниши, где стояли Жискар и Дэниел: примитивный Жискар без всякого выражения, более совершенный Дэниел — невозмутимо спокойный. Вряд ли за свое относительно короткое существование Дэниел когда-нибудь видел Амадиро. С другой стороны, Жискар за его… — сколько десятилетий? — вполне мог встречаться с ним.

Бейли сердито сжал губы — ну почему он не сообразил заранее спросить Жискара об Амадиро. Тогда ему легче было бы судить, насколько робопсихолог такой на самом деле, а насколько это хитрая личина.

Ну почему, почему он так бездарно использует возможности своих роботов? И почему Жискар сам не сообщил… нет, это несправедливо. Жискар явно не был запрограммирован для независимых решений такого рода, Он сообщит информацию по требованию, но по собственной инициативе ее не предложит.

Амадиро заметил быстрый взгляд Бейли и сказал:

— Да, я один против троих. Как видите, ни одного моего робота в кабинете нет, хотя, признаюсь, по первому зову их сюда явится много… а с вами два робота Фастольфа: старый надежный Жискар и Дэниел, это чудо конструкции.

— Вижу, они оба вам знакомы, — сказал Бейли.

— Только понаслышке. Но вижу их… Я, робопсихолог, чуть было не сказал «вижу их во плоти»! Но физически вижу их впервые, хотя, конечно, наблюдал актера в роли Дэниела в гиперволновой постановке.

— Ну, просто все миры видели эту гиперволн-

новку, — мрачно буркнул Бейли. — Это страшно затрудняет мою жизнь как реального ограниченного в своих возможностях человека.

— Ко мне это не относится, — отозвался Амадиро, и его улыбка стала шире. — Уверяю вас, я не воспринял серьезно вашу сочиненную роль. Я так и полагал, что вы человек ограниченный, и вы это доказали, бросаясь на Авроре столь легкомысленными обвинениями.

— Доктор Амадиро, — сказал Бейли, — уверяю вас, никаких официальных обвинений я не предъявлял. Я просто вел расследование и исключал возможности.

— Не поймите меня ложно, — Амадиро вдруг стал серьезным. — Я вас не осуждаю. Не сомневаюсь, что по земным нормам вы вели себя безупречно. Просто теперь вы столкнулись с аврорианскими нормами. Мы дорожим нашими репутациями просто невообразимо.

— В таком случае, доктор Амадиро, разве вы и другие глобалисты не бросили своими подозрениями куда большую тень на репутацию доктора Фастольфа? Ведь все, что я сделал, и в сравнение с этим не идет.

— Совершенно верно, — согласился Амадиро. — Но я именитый аврорианец и обладаю

определенным влиянием, а вы — землянин и никакого влияния не имеете. Не спорю, это крайне несправедливо, о чем я сожалею, но так уж устроены миры. Что мы можем сделать? К тому же обвинение против Фастольфа может быть — и будет! — доказано, а клевета — уже не клевета, если она правда. Ваша ошибка в том, что вы бросаете ничем не подтвержденные обвинения. Я уверен, вы согласитесь, что ни мистер Гремионис, ни доктор Василия Алиена и по отдельности и вместе не сумели бы вывести из строя беднягу Джендера.

— Но я же не предъявлял им официального обвинения!

— Возможно, но на Авроре словечко «официальный» вас не защитит. Жаль, жаль, что Фастольф не предупредил вас об этом, когда привез сюда для этого расследования… для этого, боюсь, злополучного расследования.

Бейли почувствовал, как у него дернулись губы, когда он подумал, что Фастольф и правда мог бы его предупредить.

— Но меня выслушают, — спросил он, — или все уже предрешено?

— Разумеется, вас выслушают, прежде чем осудить. Мы здесь на Авроре не дикари. Председатель рассмотрит жалобу, которую я ему отослал

вместе с моими рекомендациями. Вероятно, он обратится к Фастольфу как к другой заинтересованной стороне, а потом встретится с нами троими, возможно, уже завтра. Тогда же или чуть позже будет принято какое-то решение, которое затем ратифицирует Законодательное собрание. Все будет сделано строго по закону, уверяю вас.

— Буква закона будет соблюдена, не сомневаюсь, но что, если председатель уже принял решение, что, если никакие мои утверждения не будут приняты во внимание, что, если Законодательное собрание просто проштемпелюет готовое решение? Такое возможно?

Амадиро не улыбнулся, но как будто внутренне посмеивался.

— Вы реалист, мистер Бейли, чему я очень рад. Люди, грезящие о справедливости, так часто обжигаются! И ведь обычно это чудесные люди и больно смотреть на их разочарование! — Взгляд Амадиро вновь перешел на Дэниела. — Какая поразительная работа этот человекоподобный робот! Фастольф на удивление скрытен. А то, что произошло с Джендером, — гнусность. То, что сделал Фастольф, непростительно.

— Сэр, доктор Фастольф отрицает, что имел к этому хоть какое-то отношение.

— Естественно, мистер Бейли. Что ему еще остается? И он утверждает, что к этому причастен я? Или это только ваша идея?

— У меня такой идеи нет, — сказал Бейли размеренным тоном, — Я просто хотел бы задать вам несколько вопросов, касающихся этого. Доктор же Фастольф никак не может стать объектом очередного вашего обвинения в клевете. Он абсолютно убежден, что вы никакого отношения к тому, что произошло с Джендером, не имеете, так как не сомневается, что ваших знаний и способностей недостаточно для того, чтобы вывести из строя человекоподобного робота.

Если Бейли надеялся спровоцировать вспышку, то его расчеты не оправдались. Амадиро принял этот выпад по своему адресу с полным благодушием и ответил:

— О, тут он совершенно прав, мистер Бейли. Ни у одного робопсихолога — живого или покойного — никогда не было достаточно способностей, за исключением самого Фастольфа. Он ведь это говорит, наш скромнейший мэтр из мэтров?

— Да.

— Ну так как же он объясняет случившееся с Джендером, хотел бы я знать?

— Случайность. Произвольное стечение обсто-

ятельств.

Амадиро рассмеялся:

— А он вычислил вероятность такого случайного стечения обстоятельств?

— Да, мэтр робопсихолог. Но ведь случается даже самое невероятное, особенно если что-то этому содействовало.

— Что, например?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. Поскольку вы уже устроили так, что меня вышвырнут с Авроры, вы теперь намерены заранее отказаться отвечать на мои вопросы или я могу продолжать мое расследование, пока ему еще официально конец не положен? Прежде чем вы ответите, доктор Амадиро, прошу вас подумать, что официально оно еще не кончено, и завтра или позже на слушании я смогу обвинить вас в отказе отвечать на мои вопросы, если вы сейчас пожелаете окончить наш разговор. Это может повлиять на решение председателя.

— О нет, мой дорогой мистер Бейли, Не воображайте, будто вы способны мне помешать. Однако можете расспрашивать меня сколько угодно. Я во всем пойду вам навстречу, хотя бы для того, чтобы полюбоваться, как наш добрый Фастольф тщетно пытается выпутаться из последствий

своего злосчастного поступка. Я не отличаюсь особой мстительностью, мистер Бейли, но тот факт, что Джендер был творением Фастольфа, не давал ему права уничтожить его.

— Пока официально не установлено, что он это сделал, и, значит, это ваше утверждение является клеветой, хотя бы потенциальной. Предлагаю пока оставить эту тему и перейти к делу. Мне нужна информация. Я буду задавать короткие и четкие вопросы, и если вы будете отвечать так лее, наша беседа завершится быстро.

— Нет, мистер Бейли, не вам определять условия нашей беседы, — сказал Амадиро. — Полагаю, один ваш робот или оба запрограммированы записывать наш разговор полностью.

— Кажется, да.

— Безусловно, да. У меня есть собственное записывающее устройство. Не думайте, мой добрый мистер Бейли, что вам удастся, жонглируя короткими вопросами и ответами, выудить у меня что-то полезное для целей Фастольфа. Я буду отвечать так, как сочту нужным, и позабочусь, чтобы мои ответы не могли быть истолкованы неверно. А мои собственные записи гарантированно избавят меня от такой возможности. — В первый раз из-за дружеской обходительности

выглянул волк.

— Очень хорошо. Но если ваши ответы будут многословными и уклончивыми, запись покажет и это.

— Разумеется.

— Ну, раз с предисловием покончено, не могу ли я попросить стакан воды?

— Конечно! Жискар, ты не обслужишь мистера Бейли?

Жискар мгновенно покинул нишу, у бара в дальнем углу комнаты о стекло зазвякали ледяные кубики, и на столе перед Бейли возник бокал с водой.

— Спасибо, Жискар, — сказал Бейли и подождал, чтобы робот встал в свою нишу. — Доктор Амадиро, я верно понял, что вы глава Института робопсихологии?

— Да, именно так.

— И его основатель?

— Правильно. Как видите, я отвечаю кратко.

— Давно ли он существует?

— Как идея — десятилетия. Я собирал единомышленников не менее пятнадцати лет, Разрешение Законодательного собрания было получено двенадцать лет назад. Строительство началось девять лет назад, а к активной деятельности

мы приступили шесть лет назад. В нынешней законченной форме Институт существует два года, но со временем предполагается дальнейшее расширение. Ответ довольно длинный, сэр, но сформулированный достаточно экономно.

— Почему вы сочли необходимым создать Институт?

— Мистер Бейли, мистер Бейли, вы же понимаете, что ответ обязательно будет многословным!

— Как вам угодно, сэр.

В кабинет вошел робот, держа поднос с миниатюрными бутербродиками и еще более миниатюрным печеньем, Бейли еще ничего подобного не пробовал и, откусив половину бутербродика, доел его с трудом — вкус был не то чтобы неприятный, но слишком уж непривычный.

Амадиро, следивший за ним с мягкой улыбкой, сказал:

— Вы должны понять, мистер Бейли, что мы, аврорианцы, люди не обычные. Как, собственно, и все космониты, но сейчас я говорю конкретно об аврорианцах. Мы происходим от землян — о чем многие из нас предпочитают не вспоминать, — но мы результат самоотбора.

— В каком смысле, сэр?

— Земляне очень долго обитали на немыслимо

перенаселенной планете и скапливались в еще более перенаселенных городах, которые в конце концов превратились в ульи и муравейники — Города с большой буквы, как вы их называете. Так какого типа земляне решались покинуть Землю и отправиться на другие планеты, дикие и враждебные, чтобы создавать там из ничего новое общество, причем зная, что не успеют при жизни насладиться плодами своих трудов — так сказать, будущие деревья только-только дадут ростки, когда сажавшим их предстоит умереть?

— Полагаю, это были незаурядные люди.

— Незаурядные и необычные. И, в частности, не настолько зависевшие от скоплений себе подобных, чтобы утратить способность встречаться лицом к лицу с безлюдьем и пустотой. Это были люди, которые даже предпочитали пустоту, предпочитали трудиться по-своему и единолично решать свои проблемы, а не прятаться в стаде, не делить общую ношу, так что их собственная доля оказывалась почти невесомой. Это были индивидуалисты, мистер Бейли! Индивидуалисты.

— Я понимаю.

— Такова была основа нашего общества. Все направления, по которым развивались космомиры, только еще больше подчеркивали нашу

индивидуальность. Мы горды тем, что мы на Авроре люди, а не жмущиеся друг к другу овцы Земли. Эту метафору, мистер Бейли, я употребил не в оскорбительном для Земли смысле. Просто это общество, которое у меня восхищения не вызывает, но для вас, без сомнения, оно удобно и даже идеально.

— Но какое отношение, доктор Амадиро, все это имеет к организации Института?

— Даже гордый и здоровый индивидуализм имеет свою оборотную сторону. Величайшие таланты, работая в одиночку пусть и века, не могут продвигаться вперед с необходимой быстротой, если держат в тайне этапы своих поисков или их результаты. Ученый, например, целое столетие ломает голову над сложной проблемой, а его коллега тем временем успел найти ее решение, даже не подозревая, для чего оно может пригодиться. Так вот: Институт — это попытка хотя бы в узкой сфере робопсихологии создать определенную общность научной мысли.

— Случайно, сложная проблема, которой вы конкретно занимаетесь, — это не создание человекоподобных роботов?

Глаза Амадиро весело заблестели.

— Это же очевидно, не так ли? Двадцать шесть

лет назад новая математическая система Фастольфа, которую он назвал «анализом пересечений», позволила создать человекоподобных роботов, но систему эту он не опубликовал, Годы ушли на получение необходимых технических решений, а тогда он и доктор Сартон применили эту теорию для конструирования Дэниела. Затем Фастольф уже один закончил Джендера. Но весь процесс также держался в полном секрете. Робопсихологи в большинстве пожимали плечами и находили это вполне естественным. Им оставалось только самим в одиночку повторить эти открытия. Меня же посетила идея создать Институт для объединения наших усилий. Было очень непросто убедить других робопсихологов в полезности такого плана, а затем вопреки внушительным стараниям Фастольфа добиться от Законодательного собрания необходимого финансирования и упорно трудиться годы и годы. Вот так.

— Почему доктор Фастольф был против?

— Ну, во-первых, обычное честолюбие, чего, поймите, я не осуждаю. Кто из нас не честолюбив? Это одна из сторон индивидуализма. Суть же в том, что Фастольф считает себя величайшим робопсихологом в истории, а человекоподобных роботов — своим личным триумфом. И не желает,

чтобы это достижение повторила группа робопсихологов, в сравнении с ним индивидуально безликая. Думается, ему это представляется заговором бездарностей, стремящихся размазать и обесценить его собственную великую работу.

— Вы сказали, что это было причиной его оппозиции «во-первых». Следовательно, имелись и другие причины. Какие же?

— Ну, он возражает против того, как мы намерены использовать человекоподобных роботов.

— А как вы намерены их использовать, доктор Амадиро?

— Ну-ну, не хитрите! Уж, конечно, доктор Фастольф рассказал вам, как глобалисты планируют заселение Галактики?

— Совершенно верно, и, кстати, доктор Василия объяснила мне трудности, связанные с развитием науки в чисто индивидуальном порядке. Однако это не помеха тому, чтобы я ознакомился с вашими взглядами. И не причина, чтобы вы отказались мне их изложить. Например, вы хотите, чтобы я принял точку зрения доктора Фастольфа на планы глобалистов как объективную и беспристрастную? И прямо скажете это для протокола? Или предпочтете объяснить ваши планы сами?

— При такой постановке вопроса, мистер Бей-

ли, вы не оставляете мне выбора.

— Совершенно верно, доктор Амадиро.

— Ну хорошо. Я… то есть мы, поскольку сотрудники Института в этом единодушны. Так вот, мы смотрим в будущее и хотим, чтобы человечество продолжало открывать все новые и новые планеты для заселения. Однако мы не хотим, чтобы процесс самоотбора губил старые планеты или обрекал их на вымирание, как (извините меня) произошло с Землей. Мы не хотим, чтобы новые планеты забирали всех лучших, оставляя поскребышей. Вы понимаете?

— Прошу вас, продолжайте.

— В любом обществе, которое опирается на роботов, как наше, самое простое — отправить роботов осваивать новый мир. А затем мы все сможем последовать за ними без всякого отбора, Ведь новый мир будет столь же приспособленным для нас и столь же удобным, как старый, и, переселяясь, мы, так сказать, останемся на родине.

— Но ведь роботы создадут мир, приспособленный для роботов, а не для людей?

— Вот именно, если мы пошлем наших нынешних роботов. Однако нам представляется возможность послать человекоподобных ро-

ботов, таких, как Дэниел. И создавая мир для себя, они автоматически создадут ею для нас. Но доктор Фастольф возражает против этого. Его прельщает мысль о том, как люди будут лепить новый мир из чужой, враждебной им планеты. И он не хочет видеть, что это не только будет стоить бесчисленных человеческих жизней, но и приведет к возникновению мира, который в результате множества катастрофических событий оформится в нечто со всем не похожее на то, к чему мы привыкли.

— Как теперь космомиры не похожи на Землю и друг на друга?

На мгновение Амадиро утратил свое добродушие и нахмурился.

— Тут, мистер Бейли, вы коснулись чрезвычайно важного момента. Я говорю только об Авроре. Космомиры действительно очень разные, и многие мне вовсе не по вкусу. Мне ясно (хотя тут я могу быть и пристрастен), что Аврора, старейшая из них, наиболее преуспела. Мне не нужны разнообразные новые миры, из которых лишь единицы окажутся удачными. Моя цель — множество Аврор, бесчисленные миллионы Аврор. Вот поэтому я и хочу, чтобы новые миры превращались в Авроры до того, как туда

отправятся люди. Вот почему мы называемся глобалистами. Нас интересует только глобальная судьба нашей планеты и никакой другой. Только судьба Авроры.

— Вы не видите ничего полезного в разнообразии, доктор Амадиро?

— Будь другие варианты равно удачными, оно, возможно, и имело бы смысл, но если некоторые — а вернее, большинство, — хуже, то какую пользу оно может принести человечеству?

— Когда вы начнете приводить свои планы в исполнение?

— Когда получим человекоподобных роботов для их осуществления. Пока их было создано только два — Фастольфом. И он уничтожил одного, так что Дэниел остался единственным представителем этой категории.

При этих словах он покосился на Дэниела.

— А когда у вас будут человекоподобные роботы?

— Трудно сказать, Пока еще мы не догнили доктора Фастольфа.

— Хотя он один, а вас много, доктор Амадиро?

Амадиро передернул плечами:

— Не тратьте понапрасну ваши сарказмы, мистер Бейли. Фастольф далеко опережал нас, когда

мы взялись за эту проблему, и, хотя в зародыше Институт существовал довольно давно, по-настоящему мы работаем всего два года. К тому же догнать Фастольфа еще мало, мы должны его перегнать. Дэниел недурной экземпляр, но он только прототип и нуждается в улучшении.

— В каких направлениях человекоподобных роботов необходимо улучшить по сравнению с Дэниелом?

— Ну, совершенно очевидно, что их надо еще более очеловечить. Нужны два пола и эквивалент детей. Необходимо сосуществование нескольких поколений, если мы хотим, чтобы на планетах создавалось требуемое подобие человеческого общества.

— Мне кажется, тут много трудностей, доктор Амадиро.

— Согласен. Очень много. Но о каких говорите вы, мистер Бейли?

— Если вы создадите роботов настолько человекоподобных, что они сумеют создать человеческое общество — и создадите их разнополыми, да еще разных поколений, то как вы будете отличать их от реальных людей?

— Это так важно?

— Как знать? Если такие роботы будут совсем

очеловечены, они могут слиться с аврорианским обществом, стать частью человеческих семейных групп — а это не вяжется с их ролью первопроходцев.

Амадиро засмеялся.

— На эту мысль вас явно навела привязанность Глэдии Дельмар к Джендеру. Видите ли, из моих бесед с Гремионисом и доктором Василией я кое-что узнал о ваших расспросах той женщины. Напомню вам, что Глэдия с Солярии, и ее представления о том, что такое муж, вовсе не обязательно совпадают с аврорианскими.

— Я думал не о ней. А о том, что интерпретация сексуальных отношений на Авроре отличается большой терпимостью и что даже теперь против роботов как сексуальных партнеров никакого предубеждения не существует — роботов, лишь номинально человекоподобных, А если будет вообще невозможно отличить робота от человека…

— А дети? Роботы не способны зачать ребенка.

— Это подводит нас к еще одному моменту. Роботы эти будут долгоживущими, поскольку на создание общества могут уйти века.

— Долгоживущими они будут в любом случае, чтобы уподобиться аврорианцам.

— Ну а дети? Они тоже будут долгоживущими?

Амадиро промолчал.

— Значит, — продолжал Бейли, — значит, в этом обществе будут существовать искусственные дети-роботы, не меняющиеся, не взрослеющие, не достигающие зрелости? Разве это не создаст ситуацию настолько далекую от человеческой, что все общество обретет иную окраску?

— Вы проницательны, мистер Бейли. — Амадиро вздохнул. — Мы планируем изыскать способ, чтобы роботы производили младенцев, которые бы каким-то образом росли и взрослели — во всяком случае в течение срока, необходимого для создания нужного нам общества.

— А тогда на планету прибудут люди, и роботов можно будет вернуть к поведению, более обычному для роботов?

— Не исключено. Если это окажется желательным.

— А производство младенцев? Ведь наилучшей была бы система, наиболее близкая к человеческой?

— Возможно.

— Но если роботы создадут общество практически неотличимое от человеческого, не может ли случиться, что, когда настанет время переселять-

ся туда истинным людям, роботов это не устроит и они попытаются закрыть планету для иммигрантов? Что, если роботы начнут относиться к аврорианцам, как вы к землянам?

— Мистер Бейли, роботы будут по-прежнему подчиняться Трем Законам.

— Три Закона требуют не причинять вреда человеку и подчиняться ему.

— Вот именно.

— А что, если роботы, столь близкие во всем к людям, начнут считать себя людьми, которых должны слушаться и защищать? И с полным правом поставят себя выше иммигрантов.

— Мой добрый мистер Бейли, ну почему все это так вас заботит? Речь же идет о далеком будущем. И в свое время каждая проблема найдет решение в зависимости от того, какой она будет представляться нам.

— Однако, доктор Амадиро, ваши планы могут не понравиться аврорианцам, едва им станет понятна вся суть, и тогда они предпочтут точку зрения доктора Фастольфа.

— Да неужели? Фастольф считает, что раз аврорианцы не могут непосредственно осваивать новью миры без помощи роботов, то им следует помогать землянам взяться за это.

— По-моему, очень здравый взгляд на вещи.

— Только потому, мой добрый Бейли, что вы землянин. Уверяю вас, аврорианцы не обрадуются, если орды землян начнут завладевать новыми планетами, сооружать новые ульи и создавать подобие галактической империи, населенной триллионами и квадрильонами их. А космомиры в лучшем случае окажутся оттесненными на задний план, а в худшем — уничтожены.

— Но ваша альтернатива этому — миры, населенные человекоподобными роботами, создающие квазичеловеческие общества и не допускающие в свои пределы истинных людей. Мало-помалу возникнет галактическая империя роботов, которая в лучшем случае оттеснит космомиры на задний план, а в худшем — уничтожит их.

— Почему вы так в этом уверены, мистер Бейли?

— Меня убеждает нынешнее состояние вашего общества. Когда я летел на Аврору, мне сказали, что на Авроре не делается никаких различий между людьми и роботами, но это явно не так. Возможно, таков желанный идеал, и аврорианцы тешат себя мыслью, будто он достигнут. Но на самом деле ничего похожего нет.

— Вы пробыли здесь… сколько? Менее двух суток. И вам уже все ясно?

— Да, доктор Амадиро. Возможно, именно потому, что я тут посторонний. Обычаи и идеалы не делают меня слепым. Роботам не разрешается заходить в Личные — различие, проводимое очень четко. В результате у людей есть место, где они могут побыть в полном одиночестве. Мы с вами удобно сидим, а роботы стоят в нишах, — Бейли махнул рукой в сторону Дэниела. — Вот вам еще одно различие. Я не сомневаюсь, что люди, пусть даже аврорианцы, всегда будут блюсти какие-нибудь отличия и оберегать свою человечность.

— Поразительно, мистер Бейли!

— Ничего поразительного, доктор Амадиро. Вы проиграли. Даже если вам удастся внушить другим, будто доктор Фастольф вывел Джендера из строя, даже если вы лишите доктора Фастольфа всякого политического влияния, даже если Законодательное собрание и народ Авроры одобрят ваш план освоения планет с помощью роботов, вы только добьетесь отсрочки. Едва аврорианцы разберутся в последствиях вашего плана, они утратят к вам всякое доверие. Вероятно, будет лучше, если вы прекратите свою кампанию против доктора Фастольфа, встретитесь с ним

и выработаете какое-нибудь компромиссное решение, благодаря которому освоение новых планет землянами можно будет устроить так, чтобы оно ничем не угрожало Авроре или вообще кос мо мирам.

— Поразительно, мистер Бейли! — повторил Амадиро.

— У вас нет выбора, — отрезал Бейли.

Но Амадиро ответил с ленивой усмешкой:

— Когда я назвал ваши утверждения поразительными, то имел в виду не их смысл, а лишь тот факт, что вы вообще сочли нужным высказывать подобную чушь и при этом серьезно думать, будто она хоть чего-нибудь стоит.

56

Бейли смотрел, как Амадиро взял последний бутербродик и с видимым наслаждением положил его в рот.

— Очень недурен, — заметил Амадиро. — Но, пожалуй, я уж слишком неравнодушен к еде. Так о чем бишь я? А, да! Мистер Бейли, вы воображаете, будто узнали важный секрет? Что я сообщил вам то, чего наша планета еще не знает? Что мои планы опасны, а я выбалтываю их первому

встречному? Полагаю, вы лелеете мысль, что я, если наш разговор продлится, непременно допущу какой-нибудь мелкий промах, который вы используете. Это очень маловероятно, поверьте мне. Мои планы создания еще более человекоподобных роботов, семейных роботов, созидающих совсем человеческую культуру, — эти планы опубликованы. Они доступны и Законодательному собранию, и любому, кому они интересны.

— И это широко известно? — спросил Бейли.

— Полагаю, что нет. У людей, далеких от этих проблем, хватает своих забот. Следующий обед, следующая гиперволновая программа, следующий космофутбольный матч их занимают куда больше, чем следующий век или следующее тысячелетие. Тем не менее они согласятся с моими планами, как и специалисты, уже с ними ознакомившиеся. Возражающих будет так мало, что они ничего не смогут изменить.

— И вы абсолютно в этом уверены?

— Как ни странно, да. Боюсь, вы не отдаете себе отчета, как сильно аврорианцы, да и космониты вообще, настроены против землян. Сам я, учтите, этих чувств не разделяю и, скажем, чувствую себя в вашем обществе вполне нормально. Я не страдаю первобытным страхом перед инфекцией, не

воображаю, будто от вас скверно пахнет, не опасаюсь, что вы и ваши сопланетники замышляете истребить нас или украсть нашу собственность, но почти все аврорианцы думают и чувствуют именно так. Возможно, все это спрятано достаточно глубоко, и аврорианцы способны заставить себя соблюдать вежливость по отношению к землянину, который кажется безобидным, но при малейшем предлоге их ненависть и подозрения вырвутся наружу. Скажите им, что земляне стремительно заселяют новые планеты, готовясь завладеть Галактикой, и они завоют, требуя, чтобы Земля была уничтожена, пока еще это не произошло.

— Даже если альтернативой будет общество, состоящее из роботов?

— Безусловно. Вы и нашего отношения к роботам не понимаете. Мы их знаем. Мы с ними как дома.

— Нет. Они ваши слуги. Вы ощущаете свое превосходство над ними и чувствуете себя как дома только при условии этого превосходства. Если возникнет угроза обратного — что превосходство перейдет к ним, вы впадете в панику.

— Вы говорите так, потому что такой будет реакция землянина.

— Нет. Вы не впускаете их в Личные. Достаточный симптом.

— Для чего им эти помещения? У них есть свои умывальные, и они не испражняются. Да и к тому же они не человекоподобны. А то, возможно, мы этого ограничения не ввели бы.

— Тогда вы будете страшиться их еще больше.

— Да неужели? — сказал Амадиро. — Чепуха. Разве вы боитесь Дэниела? Если положиться на эту гиперволновую программу, хотя, признаюсь, я ей не слишком доверяю, так вы очень привязались к Дэниелу. И сейчас питаете к нему то же чувство, не правда ли?

Молчание Бейли было достаточно красноречиво, и Амадиро поспешил воспользоваться своим преимуществом.

— Вот в эту минуту, — сказал он, — вас совершенно не трогает тот факт, что Жискар стоит в алькове молча и неподвижно. Однако некоторые ваши непроизвольные движения выдают, что вас смущает такое же положение Дэниела. Вы чувствуете, что он слишком похож; на человека, что с ним нельзя обходиться как с роботом. И вы вовсе не боитесь его, потому что он выглядит как человек.

— Я землянин, — сказал Бейли. — У нас есть ро-

боты, но не культура роботов. Я не могу служить доказательством.

— А Глэдия, которая предпочла Джендера людям…

— Она солярианка. И тоже не может служить доказательством.

— Так что же, по-вашему, может служить доказательством? Вы просто рассуждаете и строите догадки. Мне представляется очевидным, что робот, достаточно сходный с человеком, будет восприниматься как человек. Разве вы требуете подтверждений, что я не робот? С вас достаточно, что я выгляжу человеком. И нас не будет беспокоить, заселен ли новый мир аврорианцами, только похожими на людей, или действительно людьми, поскольку разница незаметна. Но люди или роботы, эти поселенцы будут так или иначе аврорианцами, а не землянами.

Бейли растерялся и сказал совсем не убедительно:

— Ну а если вы так и не научитесь производить человекоподобных роботов?

— С чего вы взяли, что мы потерпим неудачу? Заметьте, я говорю «мы». Тут нас много.

— Даже большое число посредственностей не складывается в одного гения.

— Мы не посредственности, — жестко сказал Амадиро. — Фастольф еще убедится, что ему выгоднее быть с нами.

— Не думаю.

— А я думаю. Ему не понравится остаться без всякого влияния в Законодательном собрании, а когда наши планы заселения Галактики начнут осуществляться и он убедится, что не может нам помешать, он присоединится к нам. Такой поступок будет только естественным.

— Я не думаю, что вы победите, — сказал Бейли.

— Так, по-вашему, вы каким-то образом выгородите Фастольфа и, может быть, впутаете в это дело меня или кого-то другого?

— Очень возможно, — сказал Бейли с решимостью отчаяния.

Амадиро покачал головой:

— Друг мой, полагай я, что у вас есть хоть малейшая возможность помешать моим планам, разве я сидел бы сложа руки и ждал конца?

— А вы и не ждете, а делаете все, что в ваших силах, чтобы сорвать это расследование. Зачем бы, будь вы уверены, что я никак помешать вам не могу?

— Ну, — сказал Амадиро, — немного помешать

вы можете, деморализуя некоторых членов Института. Вы не опасны, но способны причинить мелкие неприятности, а мне они тоже не нужны. Поэтому я положу им конец, но сделаю это без эксцессов, даже мягко. Будь вы правда опасны…

— Что вы могли бы сделать в таком случае, доктор Амадиро?

— Я мог бы схватить вас и запереть, пока вас не выслали бы, Мне кажется, аврорианцы в целом остались бы равнодушны, как бы я ни поступил с землянином.

— Вы стараетесь запугать меня, — сказал Бейли. — Но у вас ничего не выйдет. Вы прекрасно знаете, что в присутствии моих роботов не можете меня и пальцем тронуть.

— А вам не приходит в голову, что у меня под рукой сотня роботов? Ваши против них бессильны.

— И все сто не причинят мне вреда. Они не различают землян и аврорианцев. Я человек, и меня охраняют Три Закона.

— Они могут обездвижить вас, не причинив вам вреда, а тем временем ваши роботы будут уничтожены.

— Нет, — ответил Бейли. — Жискар слышит каждое ваше слово и, если вы попробуете призвать своих роботов, Жискар обездвижит вас. Он

движется молниеносно, а после этого ваши роботы уже ничего сделать не смогут, даже если вам и удастся их вызвать. Они поймут, что любое посягательство на меня станет причиной вреда вам.

— По-вашему, Жискар может причинить мне вред?

— Чтобы защитить меня? Несомненно. В случае абсолютной необходимости он вас убьет.

— Это вы уже выдумываете.

— Вовсе нет, — ответил Бейли. — Дэниел и Жискар получили инструкцию защищать меня. И Первый Закон был в этом смысле подкреплен со всем искусством, на какое способен доктор Фастольф, — причем конкретно для меня. Прямо мне этого не говорили, но я не сомневаюсь, что так и есть. Если роботам придется выбирать между вредом для вас и вредом для меня, пусть я и землянин, их выбор предрешен. Полагаю, вы прекрасно понимаете, что у доктора Фастольфа нет особого желания оберегать вас.

Амадиро засмеялся, а потом сказал с широкой ухмылкой:

— Не сомневаюсь, что вы правы во всем, мистер Бейли, но очень хорошо, что вы это изложили. Вы знаете, дорогой сэр, что я тоже фиксирую наш разговор, я же с самого начала предупредил вас,

и теперь очень рад своей предусмотрительности. Доктор Фастольф, возможно, сотрет заключительную часть нашего разговора, но, не сомневайтесь, я его примеру не последую. Из ваших слов ясно, что он готов с помощью роботов причинить мне вред, даже убить меня, если сумеет, тогда как из нашего разговора — да и любого другого — никак не следует, что я планирую физические посягательства на него, или далее на вас, мистер Бейли. Так кто же из нас злодей? По-моему, вы это ясно показали, и давайте на этом закончим нашу беседу. Он встал, все еще улыбаясь, и Бейли, судорожно сглатывая, тоже встал — почти машинально.

— Впрочем, — продолжал Амадиро, — я хочу еще кое-что добавить. Не о наших мелких недоразумениях здесь на Авроре. О вашей проблеме, мистер Бейли.

— Моей проблеме?

— Пожалуй, мне следовало бы сказать — о проблеме Земли, Мне кажется, вам очень-очень хотелось бы выручить беднягу Фастольфа, избавить его от последствий того, что он сам же натворил, так как вы верите, будто это даст вашей планете шанс для экспансии. Разуверьтесь, мистер Бейли. Вы глубоко заблуждаетесь

— вляпались, если прибегнуть к вульгарному выражению, на которое я набрел в одном из исторических романов о вашей планете.

— Мне оно незнакомо, — холодно сказал Бейли.

— Я хочу сказать, вы понимаете все как раз наоборот. Видите ли, когда Законодательное собрание поддержит мои планы (заметьте, я говорю «когда», а не «если»), Земле, не спорю, придется довольствоваться собственной солнечной системой, но, в сущности, для ее же пользы. Перед Авророй откроется перспектива учреждения безграничной империи. Если тогда мы будем уверены, что Земля останется просто Землей, причем навеки, нас она перестанет заботить. Имея в своем распоряжении всю Галактику, мы не посягнем на единственный мир землян. И даже не откажемся помочь сделать этот мир более комфортабельным для его населения, насколько это окажется практичным. С другой стороны, мистер Бейли, если аврорианцы пойдут навстречу желанию доктора Фастольфа и разрешат Земле отправлять в космос собственных поселенцев, весьма скоро все больше и больше аврорианцев начнут понимать, что Земля захватит Галактику, а мы будем окружены, заперты, обречены на упа-

док и гибель. А уж тогда я ничего сделать не смогу. Мое собственное расположение к землянам окажется бессильным перед бурей подозрений и предубеждений, которая ничего хорошего Земле не сулит. А потому, мистер Бейли, если вы действительно принимаете близко к сердцу благо своих сопланетников, должны думать только о том, как бы Фастольфу не удалось навязать Авроре свой губительный план. Вам следовало бы стать моим союзником. Вы поразмыслите. А я сказал вам все это, поверьте, только из самых дружеских чувств и симпатии к вам и к вашей планете.

Амадиро улыбался все так же широко, но совсем уж волчьей улыбкой.

57

Следом за Амадиро Бейли и его роботы покинули кабинет и пошли по коридору. Амадиро остановился у одной из дверей.

— Не хотите ли воспользоваться удобствами перед дорогой?

На секунду Бейли недоуменно нахмурился. Но тут же вспомнил, что означает старинный эвфемизм, который употребил Амадиро. Он ведь

тоже читал старинные романы!

— Какой-то древний генерал (забыл его имя), учитывая возможные неожиданности, однажды порекомендовал: «Если есть возможность помочиться, не упускай ее!»

Амадиро широко улыбнулся:

— Превосходный совет. Почти не уступающий моей рекомендации серьезно обдумать мои слова… Но, кажется, вы все-таки колеблетесь? Неужели вы вообразили, что я устрою вам ловушку? Поверьте, я не дикарь. Вы мой гость, и одно это обеспечивает вам полную безопасность.

— Если я и колеблюсь, — осторожно ответил Бейли, — то потому лишь, что не знаю, насколько прилично мне, неаврорианцу, воспользоваться… э… вашими удобствами.

— Вздор, мой дорогой Бейли. Есть ли у вас выбор? Нужда диктует свои условия. Прошу вас, воспользуйтесь. Хотя бы в доказательство того, что лично я свободен от аврорианских предрассудков и желаю вам с Землей всяких благ.

— А не могли бы вы доказать это еще нагляднее?

— Каким образом, мистер Бейли?

— Продемонстрировав, что стоите выше предрассудков вашей планеты, касающихся

роботов…

— Таких предрассудков вообще нет, — быстро перебил Амадиро.

Бейли глубокомысленно кивнул и докончил фразу:

— …разрешив им войти в Личную вместе со мной? Без них я теперь чувствую себя неловко.

На мгновение Амадиро будто растерялся, но справился с собой и ответил почти без паузы, хотя и хмуро:

— Пожалуйста, мистер Бейли.

— Но тот, кто внутри, может возмутиться. Мне не хотелось бы стать причиной скандала.

— Там никого нет. Это одноместная Личная, и, если она занята, горит предупредительный сигнал.

— Благодарю вас, доктор Амадиро, — сказал Бейли, открывая дверь. — Жискар, войди.

Жискар явно заколебался, но не возразил и вошел, а за ним по жесту Бейли и Дэниел. Но тот взял Бейли за локоть и увлек за собой. Пока дверь закрывалась, Бейли успел сказать:

— Я недолго. Еще раз спасибо за разрешение.

Он старался выглядеть беззаботным, но внутри у него все сжалось. Какой неприятный сюрприз ждет его тут?

58

Однако Личная была пуста. И меньше, чем в доме Фастольфа. Ее даже обыскивать не потребовалось.

Жискар и Дэниел молча встали у самой двери, точно стараясь не заходить в помещение дальше самого необходимого.

Бейли хотел заговорить нормальным голосом, но у него получилось одно сипение. Откашлявшись с ненужной громкостью, он выговорил:

— Вы можете отойти от двери… и, Дэниел, тебе молчать необязательно. (Дэниел бывал на Земле и знал, что там в Личных разговаривать не принято.)

И Дэниел показал, что помнит об этом табу — он прижал палец к губам.

— Да знаю я, знаю, — проворчал Бейли, — но забудь об этом. Если Амадиро вопреки аврорианскому обычаю допустил роботов в Личную, так мы же не на Земле, чтобы соблюдать тамошние запреты.

— Но вам не станет неловко, партнер Элайдж? — спросил Дэниел вполголоса.

— Ни чуточки, — ответил Бейли обычным

тоном. (Действительно, разговор с Дэниелом, роботом, оказался вовсе не угнетающим. Голоса в таком помещении без людей прозвучали не так уж устрашающе. А вернее, и вовсе не устрашающе, поскольку были тут только роботы, пусть один и выглядел совсем человеком. Естественно, сказать это вслух Бейли не мог. Пусть у Дэниела не было чувств, которые следовало бы щадить, Бейли переживал за него.)

Внезапно Бейли пришла в голову еще одна мысль, и он почувствовал себя полным идиотом.

— Или, — спросил он совсем уж замогильным шепотом, — ты намекнул, что надо молчать, так как эта комната прослушивается? — Последнее слово он произнес совсем уж беззвучно.

— Если, партнер Элайдж, вы опасаетесь, что люди снаружи могут разобрать, о чем здесь говорят, с помощью подслушивающего устройства, то это абсолютно исключено.

— Почему?

Туалетное удобство мгновенно и бесшумно самоочистилось, и Бейли перешел к раковине.

На Земле, — ответил Дэниел, — плотная населенность Городов исключает уединение. Подслушивание само собой разумеется, и приспособления для большей его эффективности,

вероятно, воспринимаются как нечто естественное. Если землянин не хочет, чтобы его подслушивали, он просто замолкает. Вот поэтому, наверное, молчание стало нерушимым правилом в помещениях, формально подразумевающих уединенность, и, в частности, в тех, которые вы называете Личными. На Авроре же, как и на всех космомирах, уединенность — реальный факт и ценится очень высоко. Вряд ли вы забыли Солярию и патологические крайности, до которых доводит желание обеспечить ее? Но даже на Авроре при всем ее отличии от Солярии каждый человек отделен от всех остальных расстоянием, на Земле невозможным, а вдобавок еще и стеной из роботов. Посягнуть на такую изолированность было бы немыслимым поступком.

— По-твоему, установка тут подслушивающего устройства явилась бы преступлением?

— Хуже, партнер Элайдж. Дикостью, недостойной благородного аврорианца, гордого своей цивилизованностью.

Бейли поглядел по сторонам. Неверно истолковав этот взгляд, Дэниел тотчас извлек полотенце из малоприметного автомата и протянул его Бейли.

Полотенце Бейли взял, но думал он о другом: его

глаза шарили по стенам, выискивая микрофон. Чтобы кто-то отказался от такого преимущества, оберегая свою цивилизованность? Чушь! Однако он ничего не увидел и уныло подумал, что иначе и быть не могло. Откуда ему знать, как выглядят микрофоны на Авроре? Иная культура, и все тут иное.

Но у него были и кое-какие другие подозрения.

— Дэниел, ты знаешь аврорианцев лучше, чем я, так объясни, почему Амадиро до такой степени со мной любезен? Беседует со мной обстоятельно, не спеша, предлагает воспользоваться этим помещением, о чем Василия и слушать не пожелала. Держится так, словно ему не жаль тратить на меня свое драгоценное время. Что это? Вежливость?

— Многие аврорианцы считают вежливость высоким достоинством. Может быть, Амадиро принадлежит к таким, Он ведь несколько раз подчеркивал, что он — не дикарь.

— Еще вопрос. Почему он позволил мне взять с собой в это помещение тебя с Жискаром? Как ты полагаешь?

— Мне кажется, он хотел успокоить вас на случай, если вы заподозрите тут какую-то ловушку.

— К чему было затрудняться? Неужели он хотел

избавить меня от ненужной тревоги?

— Еще одна любезность благородного и цивилизованного аврорианца.

Бейли покачал головой:

— Что же, если это помещение прослушивается и Амадиро меня слышит, то пусть! Я не считаю его благородным и цивилизованным аврорианцем. Он без обиняков дал мне понять, что я должен оставить расследование, иначе он добьется, чтобы плохо пришлось всей Земле. Так это благородный и цивилизованный поступок? Или гнусный шантаж?

— Самый благородный аврорианец, — сказал Дэниел, — может оказаться в положении, когда угрозы становятся необходимостью, но прибегнет он к ним со всей цивилизованностью.

— Как и поступил Амадиро. Следовательно, благородным и цивилизованным аврорианца делает форма, а не содержание его речи. А впрочем, Дэниел, ты же робот и не способен отнестись к человеку критически, верно?

— Да, мне было бы трудно, — ответил Дэниел. — Но можно мне задать вопрос, партнер Элайдж? Почему вы попросили разрешения, чтобы друг Жискар и я вошли сюда с вами? Мне казалось, раньше вы не хотели признавать, что вам грозит

опасность. Вы теперь решили, что чувствуете себя спокойно только в нашем присутствии?

— Вовсе нет, Дэниел. Теперь я совершенно убежден, что опасность мне не угрожала и не угрожает.

Однако, когда вы вошли сюда, партнер Элайдж, вы вели себя так, словно подозревали что-то. Вы обыскали помещение.

— Естественно! Я сказал, что мне опасность не угрожает, но я не утверждаю, что опасности вообще нет.

— Я не улавливаю разницы, партнер Элайдж.

— Поговорим об этом позже, Дэниел, Я все еще не уверен, что нас не подслушивают.

Бейли вытер руки и добавил:

— Как видишь, Дэниел, я не торопился, даже наоборот. Теперь я готов отправиться дальше. Интересно, Амадиро все еще терпеливо ждет нас или перепоручил кому-нибудь проводить нас до дверей. Ведь он человек очень занятой и вряд ли ему удобно потратить на меня весь день.

— Будет более логичным, если доктор Амадиро нашел себе замену.

— А ты, Жискар? Что думаешь ты?

— Я согласен с другом Дэниелом, хотя согласно моему опыту люди не всегда выбирают наиболее

логичный образ действий.

— Лично я, — сказал Бейли, — не сомневаюсь, что Амадиро ждет нас с полным терпением. Если что-то заставило его уже потратить на нас столько времени, побудительная причина, в чем бы она ни заключалась, еще не утратила своей силы.

— Не представляю себе, партнер Элайдж, что это может быть за причина, — сказал Дэниел.

— Вот и я не представляю, Дэниел, — ответил Бейли. — И это сильно меня тревожит. Однако откроем дверь и посмотрим.

59

Амадиро ждал за дверью точно на том же месте, где они его оставили. Он улыбнулся им без малейших признаков нетерпения. Бейли не удержался и бросил на Дэниела взгляд, без слов говоривший «ага!», но тот сохранял полную невозмутимость.

— Жаль, мистер Бейли, что вы не оставили Жискара за дверью, входя в Личную. Я ведь имел много случаев познакомиться с ним в былые времена, когда отношения между мной и Фастольфом еще не испортились, но как-то не получалось. Вы знаете, что Фастольф был моим

учителем?

— Неужели? — отозвался Бейли. — Нет, я не знал.

— Откуда же? Разве что кто-нибудь вам сказал, но вы пробыли на нашей планете так недолго, что, естественно, не успели набраться подобных мелких сведений. Идемте! Мне пришло в голову, что вы с полным правом сочтете меня негостеприимным, если я не покажу вам Институт, раз уж вы здесь.

— Право же! — Бейли насторожился. — Мне…

— Нет, я вас не отпущу! — сказал Амадиро властно. — Вы прибыли на Аврору вчера утром и, полагаю, останетесь здесь очень недолго. Вряд ли вам когда-нибудь еще представится случай заглянуть в современную лабораторию, ведущую исследования в сфере робопсихологии.

Он взял Бейли под руку и продолжал говорить совсем запросто — тараторить, вдруг подумал Бейли с недоумением.

— Вы умылись, — болтал Амадиро. — Позаботились о прочих своих нуждах. Возможно, у вас найдутся вопросы к другим робопсихологам, и я буду только рад, так как хочу доказать, что не намерен вам ни в чем препятствовать в то короткое время, которое остается у вас для вашего

расследования, пока на него не наложен запрет. И почему бы вам не поужинать с нами?

— Можно мне сказать, сэр… — начал Жискар.

— Нельзя! — резко оборвал его Амадиро, и робот умолк. — Мой дорогой мистер Бейли, — продолжал Амадиро, — я понимаю роботов. Никто не понимает их лучше — кроме, разумеется, нашего злополучного Фастольфа. Жискар, не сомневаюсь, хотел напомнить вам о каком-то деловом свидании, каком-то обещании или деле, но теперь это ни к чему. Поскольку расследование практически окончено, то, о чем он хотел вам напомнить, уже утратило всякую важность. Забудем весь этот вздор и на краткий час будем друзьями. Поверьте, мой добрый мистер Бейли, я питаю живейший интерес к Земле и ее культуре. Не самое популярное увлечение на Авроре, но я просто покорен. Особенно меня занимает древняя история Земли, когда там говорили на сотнях языков, а межзвездный единый был еще делом будущего… Да, кстати, межзвездным вы владеете просто превосходно… Нет, нет, не сюда! — внезапно перебил себя Амадиро и увлек Бейли за собой в поперечный коридор. — Мы идем в зал стимуляции позитронных связей. Он обладает своеобразной, хотя и жутковатой красотой, и,

возможно, включено что-нибудь увлекательное. Симфония образов… Но я говорил о том, как вы владеете межзвездным. Среди многих аврорианских предубеждений против Земли существует и поверье, будто земляне говорят на межзвездном так, что их невозможно понять. Когда показывали гиперволновую постановку о вас, многие не верили, что в ней играли земные актеры — ведь все они говорили безупречно, Но я вас прекрасно понимаю!

При последних словах он улыбнулся, а потом продолжал доверительно:

— Я пытался читать Шекспира, но в оригинале он мне, естественно, недоступен, а в переводе кажется каким-то плоским. Вина, не сомневаюсь, переводчика, а не Шекспира. Диккенс и Толстой идут у меня лучше, возможно, потому что это проза, хотя имена персонажей и у того и у другого равно неудобопроизносимы. Мистер Бейли, все это я говорю, потому что я друг Земли. Искренний. И хочу того, что для нее лучше. Вы понимаете? — Он посмотрел на Бейли, и снова из его смеющихся глаз выглянул волк.

Бейли сказал громко, вклинивая свой голос в журчащие фразы Амадиро:

— Боюсь, я не могу воспользоваться вашей лю-

безностью, доктор Амадиро, Мне больше не о чем спрашивать ни вас, ни кого-либо другого здесь, а у меня еще есть дела. Если вы…

Бейли умолк. До его слуха донеслось странное рокотание.

— Что это? — спросил он с тревогой.

— О чем вы? Я ничего не заметил. — Амадиро оглянулся на двух роботов, которые следовали за ними в полном молчании. — Ничего! — повторил он властно, — Абсолютно ничего!

Бейли понял, что это эквивалент приказания. Теперь роботы уже не могли сказать, что слышали рокот, — это значило бы поступить наперекор воле человека. Разве что сам Бейли отдал бы контрприказ, но он знал, что не сумеет взять верх над профессионализмом Амадиро.

Да и неважно! Он-то слышал, а он не робот и не позволит морочить себя.

— По вашим же словам, доктор Амадиро, — сказал он, — у меня почти не остается времени. А потому я должен…

Снова рокот — и гораздо громче. В голосе Бейли появилась сталь:

— Полагаю, это именно то, чего вы не услышали раньше и чего не слышите теперь. Отпустите меня, сэр, или я обращусь за помощью к моим

роботам.

Амадиро тут же отпустил руку Бейли.

— Друг мой, вам достаточно высказать желание. Идемте! Я провожу вас до ближайшего выхода, и, если вы когда-нибудь вновь окажетесь на Авроре, что кажется весьма маловероятным, прошу вас, загляните в Институт, и я покажу вам его, как обещал.

Они ускорили шаги, спустились по спиральному пандусу, прошли по коридору до обширного и теперь совершенно пустого вестибюля и оказались перед дверью, через которую не так давно вошли в Институт.

Окна в вестибюле были непроницаемо темными. Неужели наступила ночь? Но нет, Амадиро пробормотал себе под нос:

— Жуткая погода! Окна заматировали. — Он обернулся к Бейли, — Вероятно, идет дождь. О нем предупреждали в прогнозе, которые в общем-то надежны, а уж скверные — всегда.

Дверь отворилась, и Бейли, охнув, отшатнулся. В. вестибюль ворвался холодный ветер, на фоне неба — не черного, но тускло-серого — гнулись и качались вершины деревьев. А с неба падала вода — лилась струями. Бейли в ужасе посмотрел вверх, и тут по всему небу зазмеилась ослепи-

тельно яркая полоска света, а затем раздался тот же рокот, завершившись оглушительным треском, словно небо раскололось.

Бейли повернулся и бросился назад, испуганно всхлипывая.

Глава пятнадцатая
Снова Дэниел и Жискар
60

Бейли почувствовал, как сильные руки Дэниела сжали его руки у самых плеч. Он остановился и вынудил себя оборвать это детское хныканье. Его била неудержимая дрожь.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел с самым почтительным уважением, — это гроза… предсказанная… ожидавшаяся… самая обычная.

— Знаю, — шепнул Бейли.

Да, он знал. В книгах, которые он читал, грозы описывались несчетное количество раз — и в художественных, и в научно-популярных. Он видел голографические их изображения и в гиперволновках — и звуки, и ослепительные вспышки — ну, словом, все. Но реальное стихийное явление — подлинные звуки, подлинное зрелище — для них Город был недоступен, и Бейли ни разу в жизни не испытывал ничего подобного.

Как ни хорошо знал он грозы в теории, настоящая гроза потрясла его. Описания, слова, изображения на картинках и маленьких экранах,

записи звуков совершенно не подготовили его к тому, что вспышки так ослепительны и так змеятся по небосводу, что звуки так оглушительны и так раскатисты, словно отдаются в пустоте, что вспышки и звуки так внезапны, а дождь льется словно из неиссякаемой перевернутой чаши.

— Я не могу выйти в это… в эту… — пробормотал он тоскливо.

— И не надо, — твердо сказал Дэниел. — Жискар подаст машину прямо к двери. На вас и капли не упадет. — Но почему не подождать, пока она не кончится?

— Это вряд ли разумно, партнер Элайдж. Дождь будет идти до полуночи или дольше, а, если председатель прибудет завтра утром, как намекнул доктор Амадиро, вам будет полезнее провести вечер, советуясь с доктором Фастольфом.

Бейли заставил себя повернуться лицом навстречу тому, от чего ему хотелось бежать опрометью, и поглядел в глаза Дэниела. Они, казалось, выражали тревогу и глубокое сочувствие, но Бейли уныло подумал, что это только его собственное воображение. У роботов эмоции отсутствуют — есть только позитронные импульсы, имитирующие эмоции. (Но, может быть, и у людей никаких эмоций нет, — а только

нервные импульсы, которые истолковываются как чувства.)

Он смутно осознал, что Амадиро покинул вестибюль, и прошептал:

— Амадиро нарочно меня задерживал — предложив зайти в Личную, бессмысленным словоизвержением, не позволяя тебе или Жискару перебить его и предупредить меня о грозе. Он даже уговаривал меня осмотреть Институт и поужинать с ним. И перестал, только услышав звуки грозы. Значит, он дожидался ее.

— Выглядит именно так. Но если гроза заставит вас задержаться тут, возможно, он этого и добивался.

Бейли тяжело вздохнул:

— Ты прав. Мне необходимо отсюда выбраться… если смогу.

Он, стиснув зубы, шагнул к двери — она так и осталась открытой, и за ней с темно-серого неба лилась и лилась серая вода. Еще шаг. Еще… Он почти повис на Дэниеле.

У двери спокойно ждал Жискар.

Бейли остановился, закрыл на секунду глаза, а потом сказал тихо, больше себе, чем Дэниелу:

— Я должен! — И снова шагнул.

61

— Вы чувствуете себя хорошо, сэр? — спросил Жискар.

Дурацкий вопрос, подумал Бейли, заложенный в его программу. Хотя, если на то пошло, так не глупее вопросов, которые иной раз задают совершенно невпопад потому лишь, что так запрограммировано правилами вежливости.

— Да, — ответил Бейли голосом, который вопреки его усилиям не поднялся выше хриплого шепота. Бессмысленный ответ на дурацкий вопрос: Жискар, пусть и робот, не мог не заметить, что чувствует себя Бейли очень скверно, и его ответ — очевидная ложь.

Однако ответ этот освободил Жискара для следующего шага. Он сказал:

— Сейчас я пойду к машине и подведу ее к двери.

— А она будет двигаться в такую… под такой водой, Жискар?

— Да, сэр. Дождь самый обычный.

Он ровным шагом скрылся за водяной завесой. Молнии сверкали почти непрерывно, нескончаемо ворчал гром, каждые две-три минуты достигая

краткого крещендо.

Впервые в жизни Бейли позавидовал роботу. Спокойно идти, не обращая внимания на воду, сверкание и грохот, жить псевдожизнью, исключающей страх. Не бояться боли, не бояться смерти. Потому что ни боли, ни смерти для тебя не существует. Но при этом жить без способности мыслить самостоятельно, не знать внезапных интуитивных озарений…

Однако стоят ли эти дары того, чем их оплачивают люди? В эту минуту Бейли не знал, что ответить. Но понимал: стоит ужасу рассеяться и станет очевидно, что любая цена за право быть человеком не покажется слишком высокой. Теперь же он сознавал только, как колотится его сердце, и совершенно лишился воли, а потому невольно подумал: какой смысл быть человеком, если ты не в силах преодолеть этот гнездящийся в тебе ужас, эту сокрушающую агорафобию.

Но он же в течение двух дней много времени проводил под открытым небом и умудрялся чувствовать себя практически нормально!

Однако страха он не поборол, в чем убедился теперь. Только подавлял его, напряженно думая о другом. Но гроза отняла возможность сосредоточиться.

Нельзя этого допустить. Если мысль, гордость, воля перестали быть опорой, остается стыд. Поддаться слабости под безразличными и в своем безразличии высокомерными взглядами роботов? Стыд должен пересилить страх.

Его талию успокаивающе обвивала рука Дэниела, но стыд помешал ему сделать то, чего ему больше всего хотелось в эту минуту, — повернуться и спрятать лицо на груди робота. Будь Дэниел человеком, наверное, он не удержался бы… Видимо, он утратил связь с реальностью — голос Дэниела доносился до него словно бы издалека. И звучал он так, будто Дэниел испытывал что-то вроде паники.

— Партнер Элайдж, вы меня слышите?

Из той лее дали донесся — голос Жискара:

— Надо взять его на руки.

— Нет, — промямлил Бейли. — Я пойду сам.

Может быть, они его не расслышали, а может быть, он только подумал, будто сказал это. Он почувствовал, что его оторвали от земли. Левая рука беспомощно повисла, и он попытался поднять ее, упереть в чье-нибудь плечо, выпрямиться, нащупать ногами землю и встать прямо, Но левая рука продолжала болтаться в воздухе, все его усилия кончились ничем.

Он смутно замечал, что движется по воздуху, ощутил брызги на лице. Не настоящую воду, а влажный воздух. К его левому боку прижималось что-то твердое, к правому — что-то упругое.

Он уже сидел в машине между Жискаром и Дэниелом. И сознавал главным образом то, что Жискар совершенно мокрый.

Тут его обдала струя теплого воздуха. Густой сумрак снаружи, пленка воды, скользящая по стеклам, совсем заматовали стекла — во всяком случае, так казалось Бейли, пока окна не стали по-настоящему матовыми и наступил непроницаемый мрак. Мягкий шум двигателя, когда машина поднялась над травой и качнулась, приглушил рокот грома и словно вырвал его зубы.

— Сожалею, что моя мокрая поверхность причиняет вам неудобство, сэр, — сказал Жискар. — Но я быстро высохну. Мы немножко подождем, чтобы вы совсем оправились.

Бейли стало легче дышать. Он чувствовал себя в чудесном замкнутом пространстве. Он думал: «Верните мне мой Город. Перечеркните Вселенную, пусть ее колонизируют космониты. Кроме Земли, нам ничего не надо».

Но, думая так, он понимал, что в это верит его безумие, а не он.

Необходимо было занять мысли чем-то другим.

— Дэниел, — сказал он слабым голосом.

— Что, партнер Элайдж?

— Председатель. По-твоему, Амадиро правильно оценивал ситуацию, считая, что председатель запретит расследование, или он выдавал желаемое за действительное?

— Возможно, партнер Элайдж, что председатель действительно обсудит положение с доктором Фастольфом и Амадиро. Обычная процедура в спорах такого рода. Есть множество прецедентов.

— Но почему? — растерянно спросил Бейли. — Если Амадиро так убедителен, почему председателю не запретить расследование сразу?

— Председатель, — сказал Дэниел, — находится в сложном политическом положении. Он дал согласие по настоянию доктора Фастольфа, чтобы вас доставили на Аврору, и не может сразу занять противоположную позицию, выставив себя слабым и нерешительным. К тому же оскорбив доктора Фастольфа, который все еще имеет большое влияние в Законодательном собрании.

— Тогда почему же он не отказал Амадиро?

— Доктор Амадиро тоже влиятельный чело-

век, партнер Элайдж, и, вероятно, станет еще влиятельнее. Председатель должен пойти на компромисс и выслушать обе стороны, чтобы принять решение, хотя бы сделав вид, будто он все тщательно взвешивал.

— А на чем будет основано его решение?

— Следует надеяться, что на объективной оценке ситуации.

— Следовательно, завтра утром я должен иметь что-то, что убедит председателя встать на сторону Фастольфа. И это будет победа?

— Председатель не всесилен, — сказал Дэниел, — но его влияние очень велико. Если он поддержит доктора Фастольфа, то в данных политических условиях доктор Фастольф, возможно, получит поддержку большинства Законодательного собрания.

Бейли заметил, что в голове у него почти совсем прояснилось.

— Это, пожалуй, достаточное объяснение попыток Амадиро задержать нас. Он рассудил, что мне пока нечего сказать председателю, и достаточно помешать мне найти хоть что-нибудь за оставшееся короткое время.

— Вполне вероятно, партнер Элайдж.

— И он отпустил меня, рассчитывая, что гроза

помешает мне уехать.

— Возможно, и так, партнер Элайдж.

— В таком случае мы не должны позволить, чтобы гроза нас задержала.

— Куда прикажете отвезти вас, сэр? — спокойно спросил Жискар.

— Назад в дом доктора Фастольфа.

— Нельзя ли подождать еще немного, партнер Элайдж? — спросил Дэниел. — Вы намерены сказать доктору Фастольфу, что должны прекратить расследование?

— Зачем ты спрашиваешь? — резко спросил Бейли. Он уже настолько пришел в себя, что его голос прозвучал громко и сердито.

— Просто я опасаюсь, — ответил Дэниел, — не забыли ли вы, что доктор Амадиро просил вас об этом ради благополучия Земли.

— Я не забыл, — мрачно сказал Бейли. — И удивляюсь, Дэниел, что ты подумал, будто его слова могут на меня повлиять. Фастольфа необходимо очистить от подозрений, а Земля должна послать своих поселенцев в просторы Галактики. Если глобалисты попробуют помешать, все равно надо попытаться.

— Но в таком случае, партнер Элайдж, для чего возвращаться к доктору Фастольфу? Мне кажет-

ся, ничего существенного мы сообщить ему не можем. Нет ли возможности продолжить расследование до того, как мы вернемся к доктору Фастольфу?

Бейли выпрямился и прижал ладонь к Жискару, который был уже совсем сухим. Потом сказал совершенно нормальным голосом:

— Я доволен тем, что уже выяснил, Дэниел. Едем, Жискар. В дом доктора Фастольфа. — А затем, сжав кулаки и напрягшись, Бейли добавил: — Только прежде, Жискар, сделай окна прозрачными. Я хочу наблюдать грозу.

62

Затаив дыхание, Бейли ждал. Сейчас маленькая коробка машины утратит непроницаемость, уже не будет состоять только из стенок.

Едва окна обрели прозрачность, как мгновенная вспышка молнии словно сделала окружающий мрак еще чернее по контрасту. Бейли невольно съежился, готовясь услышать гром, который тут же и прогрохотал.

— Хуже уже не будет, — успокоил его Дэниел. — Гроза кончается.

— Мне все равно, кончается она или нет, — про-

изнес Бейли дрожащими губами. — Ну ладно. Едем! — Ему нужно было внушить себе, что он командует роботами.

Машина чуть поднялась в воздух и сразу же накренилась так, что Бейли навалился на Жискара и вскрикнул (вернее, охнул):

— Жискар, выровняй машину!

Дэниел обнял Бейли за плечи и мягко посадил прямо. Другой рукой он держался за скобу на стойке.

— Это невозможно, партнер Элайдж, — объяснил он. — Ветер очень силен.

— Ты хочешь сказать… нас сдует? — У него по коже забегали мурашки.

— Нет, конечно, — ответил Дэниел. — Будь машина антигравитационной — что, естественно, технически неосуществимо, если отнять у нее массу и инерцию, — вот тогда бы ветер унес ее как пушинку. Но и на воздушной подушке мы сохраняем всю свою массу, и наша инерция противостоит ветру. Тем не менее он нас покачивает, хотя машина остается полностью управляемой.

— Непохоже… — В ушах Бейли стоял пронзительный свист — видимо, решил он, это свистит ветер, разрезаемый корпусом машины. Затем она снова накренилась, и Бейли отчаянно ухватился

за шею Дэниела, так и не сумев справиться со своей паникой.

Дэниел выждал несколько секунд, а когда Бейли задышал ровнее и чуть-чуть разжал руки, осторожно высвободился, но обнял Бейли покрепче и сказал:

— Чтобы удержаться на курсе, партнер Элайдж, Жискар должен включать сопла асимметрично: струи воздуха смещаются так, что машина словно ложится на ветер, и силу и направление струй приходится менять в зависимости от того, как сам ветер меняет силу и направление, Жискар умеет это делать как никто другой, но все-таки полностью избежать крена и покачиваний невозможно. И вы должны извинить Жискара, что он не принимает участия в нашем разговоре. Все его внимание отдано управлению машиной.

— Это… это безопасно? — пробормотал Бейли, а внутри его все сжималось: вот так играть с ветром? Еще хорошо, что он давно не ел, Не хватает только, чтобы его вытошнило в машине. От этой мысли ему сразу стало хуже, и он попытался переключиться на другое.

Он вспомнил скоростные полосы на Земле, о том, как он перепрыгивал с одной на другую, более быструю, а затем назад на медленные,

всякий раз умело наклоняясь навстречу воздушной струе, В одну сторону, ускоряясь (словечко любителей скачки по полосам), и в другую — замедляясь. В молодости он проделывал это без передышки и безошибочно.

А Дэниел научился этому сразу, и в тот единственный раз, когда они бежали по полосам вместе, Дэниел не сделал ни единой ошибки. И сейчас то же самое. Машина меняет полосы. Абсолютно то же самое!

Ну, конечно, не совсем. Скорость полос в Городе постоянна, и сила встречной струи воздуха полностью предсказуема, поскольку представляет собой результат движения полос. Но в грозу здесь ветер своевольничает, то есть его скорость и направление зависят от такого количества переменных факторов (Бейли сознательно вынуждал себя рассуждать логически), что кажется, будто он обладает собственной волей, и Жискару приходится это учитывать. Вот и все. А в остальном это та же смена полос с некоторыми усложнениями: полосы движутся с переменными, резко меняющимися скоростями.

— А если ветер швырнет нас в дерево? — пробурчал Бейли.

— Очень маловероятно, партнер Элайдж. Жис-

кар замечательно водит машину, а мы движемся совсем низко, что обеспечивает максимум маневренности.

— Ну так заденем днищем валун!

— Мы ничего днищем не заденем, партнер Элайдж.

— Это почему? И как вообще Жискар различает дорогу? — Бейли уставился на стену мрака впереди.

— Солнце еще только заходит, — ответил Дэниел, — и кое-какой свет пробивается сквозь тучи. Вполне достаточно, и к тому же у нас включены фары. Жискар будет усиливать их яркость, если станет темнее.

— Какие еще фары? — сердито спросил Бейли.

— Вы почти не видите их света, — сказал Дэниел, — поскольку он практически инфракрасный, а глаза Жискара в отличие от ваших воспринимают его. Более того, инфракрасный свет обладает большей проницающей способностью, чем коротковолновый, а потому гораздо эффективнее во время дождя или в тумане.

Бейли вопреки снедавшей его тревоге вдруг почувствовал любопытство:

— И твои глаза, Дэниел, обладают такой же способностью?

— Мои глаза, партнер Элайдж, сконструированы точно наподобие человеческих. О чем в эту минуту можно и пожалеть.

Машина завибрировала, и у Бейли снова перехватило дыхание. Он сказал шепотом:

— Глаза космонитов все еще адаптированы к земному солнцу в отличие от глаз роботов. И это хорошо — пусть напоминает им о их земном происхождении.

Его голос замер. Он ничего не видел, и секундные вспышки ничего не меняли. Только слепили. Он закрыл глаза, но это не помогло — раскаты грома сразу стали более громкими и угрожающими.

Может быть, им следует остановиться? Переждать грозу?

— Машина плохо слушается, — внезапно сказал Жискар.

Бейли почудилось, что их подбрасывает вверх-вниз, точно машина была на колесах и ехала по неровной земле.

— Из-за грозы, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Непохоже, друг Дэниел, И вообще маловероятно, чтобы эта гроза или любая другая вызвала поломку в такой машине.

Бейли с трудом понял, о чем они говорят.

— Поломка, — пробормотал он. — Какая поломка?

— Насколько я могу судить, сэр, — ответил Жискар, — течет компрессор, но очень медленно. Это не просто разрыв.

— А что же тогда? — спросил Бейли.

— Сознательное повреждение, пока она стояла перед административным корпусом. Я уже некоторое время замечаю, что нас преследуют, но старательно не нагоняют.

— Как так, Жискар?

— Возможно, сэр, они ждут, чтобы машина окончательно вышла из строя. Вибрация машины заметно увеличилась.

— До дома доктора Фастольфа мы добраться сумеем?

— По-видимому, нет, сэр.

Бейли попытался собраться с мыслями.

— В таком случае я неверно понял, с какой целью Амадиро нас задерживал. Он давал время своему роботу или роботам повредить нашу машину так, чтобы мы вынуждены были остановиться среди безлюдья и молний.

— Но зачем ему это? — спросил Дэниел, и в его голосе было потрясение. — Захватить вас? Но ведь вы уже, так сказать, находились у него

в руках.

— Я ему не нужен. Я никому не нужен, — сказал Бейли сердито. — В опасности ты, Дэниел.

— Я, партнер Элайдж?

— Да, ты, Дэниел! Жискар, поскорее найди безопасное место для остановки. Как только мы будем на земле, Дэниел должен сразу покинуть машину и найти надежное убежище.

— Это невозможно, партнер Элайдж, — возразил Дэниел. — Я не могу оставить вас, когда вам плохо, и тем более если за нами гонятся и вам что-то угрожает!

— Дэниел! — воскликнул Бейли. — Они гонятся за тобой. Ты обязан скрыться. А я останусь в машине. Мне ничего не угрожает.

— Как я поверю?

— Надо! Понимаешь? Надо. Я не могу объяснить, когда все кружится… Дэниел! — с невероятным усилием Бейли заставил себя говорить спокойно. — Сейчас ты самый важный здесь. Несравненно важнее меня и Жискара, взятых вместе. И прошу я не потому, что ты мне дорог и я не хочу, чтобы с тобой случилась беда. Судьба всего человечества зависит от тебя. Обо мне не беспокойся. Я всего один человек. Беспокойся о миллиардах… Дэниел, пожалуйста!..

63

Бейли почувствовал, что раскачивается из стороны в сторону. Или раскачивалась машина? Она сейчас развалится? Или Жискар теряет управление? Или пытается сбить преследователей с толку?

Бейли было все равно. Да, все равно! Пусть машина разобьется. Пусть разлетится на мелкие куски. Он будет рад забвению. Только бы избавиться от этого ужаса, от полной неспособности обрести равновесие во Вселенной.

Только прежде он обязан удостовериться, что Дэниел спасся. Но как?

Все стало нереальным, как он объяснит роботам, что происходит? Сам он понимает все, но как передать это понимание двум роботам, двум нелюдям, знающим только свои Три Закона, готовым обречь на гибель всю Землю, а в конечном счете и все человечество, потому что не признают ничего, кроме одного человека у себя под носом?

И зачем только изобрели роботов?

И тут, как ни странно, на помощь ему пришел Жискар, более примитивный из двух. Он сказал своим равнодушным голосом:

— Друг Дэниел, я сумею продержать машину в воздухе очень недолго. Вероятно, разумнее будет поступить, как говорит мистер Бейли. Он отдал тебе очень сильный приказ.

— Могу ли я оставить его, когда ему нехорошо, друг Жискар? — спросил Дэниел растерянно.

— Взять его с собой под дождь ты не можешь, друг Дэниел. И к тому же он так хочет, чтобы ты ушел, что, оставшись, ты можешь причинить ему вред.

Бейли почувствовал, что к нему возвращаются силы.

— Да… да… — прохрипел он. — Как сказал Жискар. И ты, Жискар, иди с ним, спрячь его, пригляди, чтобы он не вернулся, а тогда возвращайся за мной.

— Этого нельзя, партнер Элайдж! — твердо сказал Дэниел. — Мы не можем бросить вас одного без защиты, без помощи!

— Опасности нет… для меня. Делайте, что я сказал…

— За нами следуют, видимо, роботы, — заметил Жискар. — В такую грозу люди не решатся покинуть дом. А роботы не причинят вреда мистеру Бейли.

— Они могут забрать его с собой, — возразил

Дэниел.

— Не в грозу, друг Дэниел. Ведь это значило бы причинить ему несомненный вред. Сейчас я остановлю машину, друг Дэниел. Будь готов выполнить приказ мистера Бейли. Как я.

— Отлично! — прошептал Бейли. — Отлично! — Как все-таки удобен простой мозг! Сразу же подчиняется команде, а не теряется в «за» и «против», приходящих с изощренностью.

Ему смутно представилось, что Дэниел попал в ловушку зловещего противоречия: он видит, что Бейли плохо, а приказ требует его покинуть. И это противоречие выводит из строя его мозг.

«Нет, нет, Дэниел! — подумал Бейли. — Просто сделай то, что я тебе велю, и ни в чем не сомневайся!»

Машина ударилась о землю, чиркнув по ней днищем, и остановилась, Дверцы по обеим сторонам распахнулись и тут же закрылись с тихим вздохом. Роботы исчезли. Приняв решение, они не колебались, а двигались они с быстротой, недоступной людям.

Бейли перевел дух и вздрогнул. Но машина стояла неподвижно. Теперь она была частью поверхности.

Внезапно он понял, что в значительной мере

его страдания объяснялись покачиваниями и толчками, ощущением зыбкости, оторванности от надежной Вселенной, превращением в игрушку бездушных стихийных сил.

Однако теперь мир замер в неподвижности, и Бейли: открыл глаза, не успев толком осознать, что закрывал их.

У горизонта еще сверкали молнии, гром рокотал уже глухо, но ветер, встречая теперь больше сопротивления — неподвижный предмет оказался совсем уж непреодолимой преградой, — свистел пронзительнее.

Вокруг чернел мрак. Глаза Бейли были всего лишь человеческими, и он не видел никакого света, кроме дальних вспышек молний. Солнце, несомненно, уже, зашло, а облачный покров был густым.

И впервые с той минуты, когда он покинул Землю, Бейли остался совсем один!

64

Один!

Все это время он чувствовал себя слишком скверно и почти ничего не соображал. Даже и теперь он не знал, что мог бы сделать и что

сделал бы, если бы в его меркнувшем сознании оставалось место для других мыслей, кроме одной-единственной — Дэниел должен бежать.

И вот он не спросил, где находится, что есть по соседству, с чем и куда направляются Дэниел и Жискар. И он понятия не имел о механизмах машины. Естественно, он не сумел бы поднять ее в воздух, но вот включить обогрев, если ему станет холодно, и выключить его, если понадобится… ничего этого он тоже не знал.

Он не знал, как заматовать окна, если бы захотел замкнуться, и не знал, как открыть дверцу, если бы захотел выйти.

Ему оставалось только ждать возвращения Жискара, ведь у Жискара нет выбора. Приказ ему был очень прост: «Возвращайся за мной», и не содержал даже намека, что он, Бейли, может уйти куда-то, и это «возвращайся» прямолинейное незамусоренное сознание Жискара, конечно же, истолкует как распоряжение вернуться к машине.

Бейли попытался освоиться с этой мыслью, В каком-то смысле просто ждать было облегчением. Ничего не решать… Да и какое решение мог он принять? Как все-таки хорошо, что машина неподвижна и можно отдохнуть, избавившись от

жутких вспышек и небесного грохота.

Не соснуть ли ему? Он вздрогнул, Можно ли так рисковать?

За ними гнались. За ними наблюдали. Машину, пока она стояла у административного корпуса, кто-то повредил, и повредившие вот-вот появятся. И ждет он их, а не только Жискара.

Но ясно ли он обдумал все это, находясь в таком состоянии? Машину повредили перед административным корпусом. Сделать это мог и случайный прохожий, но более вероятно, что это был тот, кто знал, что она там. А кому это было известно лучше, чем Амадиро?

Амадиро нарочно задерживал его, пока не разразилась гроза. Тут никаких сомнений нет. Амадиро рассчитал, что он уедет в грозу и машина сломается в грозу. Амадиро изучал Землю и ее обитателей — он этим хвастал. И, значит, прекрасно понимал, как тяжело землянам находиться во Вне, а в грозу тем более.

Он, конечно, убежден, что Бейли скоро станет очень скверно.

Но зачем ему это?

Чтобы вернуть Бейли в Институт? Но Бейли уже был там. Да, но Бейли, не доведенный почти до умопомешательства, Бейли под охраной двух

роботов, вполне способных защитить его физически. Но теперь-то все переменилось!

Если машина сломается в грозу, Бейли будет сломлен эмоционально. Может быть, даже потеряет сознание и уж во всяком случае не сумеет потребовать, чтобы его не возвращали в Институт. И его роботы не помешают. Видя, что Бейли плохо, они помогут роботам Амадиро спасти его.

И оба робота вынуждены будут вернуться с ним и ничего не смогут поделать.

А если кто-то заинтересуется действиями Амадиро, тому достаточно ответить, что он опасался отпустить Бейли в грозу, предлагал ему переждать ее в Институте, а получив отказ, послал следом за ним своих роботов — на всякий случай. Что оказалось очень удачно: когда машина сломалась в безлюдной местности, его роботы доставили Бейли в безопасное убежище. И если никто не будет знать, что машину повредили по приказу Амадиро (а кто этому поверит, если доказательств нет?), то все только восхитятся добротой Амадиро — тем более удивительной, что объектом ее был землянин — недочеловек!

А что тогда Амадиро сделает с Бейли? Да ничего. Просто задержит его на некоторое время, потому что на выручку к нему не придет никто.

Сам Бейли его не интересует. Б том-то вся соль!

У Амадиро окажутся и два робота Бейли, совершенно беспомощные. Инструкции, полученные ими, требовали от них неукоснительно оберегать Бейли, и если Бейли стало плохо и ему помогают, они начнут исполнять распоряжения Амадиро, если эти распоряжения будут отдаваться якобы для пользы Бейли. Да и сам Бейли (скорее всего) вряд ли сумеет нейтрализовать эти распоряжения. А возможно, его и вовсе транквилизируют.

Как ясно! Как все ясно! Бейли, Дэниел и Жискар были у Амадиро — но не в его власти. И он отправил их в грозу, чтобы вернуть назад — в более удобном для него состоянии. И, главное, Дэниела! Дэниел — ключ ко всему!

Разумеется, Фастольф будет их искать и найдет — когда уже будет поздно, так ведь?

А зачем Амадиро нужен Дэниел?

Голова у Бейли раскалывалась. Он не сомневался, что знает — зачем, но как доказать?

Нет, у него нет больше сил думать. Вот если бы он мог заматовать окна, создать для себя снова маленький укрытый неподвижный мирок, тогда, пожалуй, ему удалось бы немного собраться с мыслями.

Но он не знал, как это сделать, и ему оставалось

только сидеть и смотреть в бурный мрак за стеклами, слушать, как дождь хлещет по машине, наблюдать, как вспыхивают молнии, и ждать удара грома.

Он крепко зажмурился. Веки — это тоже стена, но заснуть боялся.

Дверца машины справа от него открылась. Он узнал ее мягкий вздох. Ощутил ворвавшийся сырой воздух, внезапный холод, острый запах влажных растений, который сразу заглушил слабый милый запах машинного масла и кожаной обивки — запах, почему-то напоминавший ему о Городе, который он, быть может, никогда не увидит.

Он открыл глаза, и ему почудилось обращенное к нему лицо робота, которое плыло вбок, но не двигалось. У Бейли закружилась голова.

Робот — сгусток темноты — выглядел высоким. В нем чудилась какая-то компетентность.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Разве с вами нет двух роботов?

— Ушли, — пробормотал Бейли, изо всех сил притворяясь, что ему очень плохо, и сознавая, что притворяться ему в сущности незачем. Особенно яркая молния забралась и под веки, уже разомкнувшиеся.

— Ушли! Куда ушли, сэр? — Потом, не дождавшись ответа, спросил: — Вам нехорошо, сэр?

И Бейли в той мере, в какой он еще мог соображать, обрадовался: если бы робот не получил четких инструкций, он сразу бы прореагировал на его скверное состояние. Раз он начал расспрашивать явно больного человека о роботах, значит, ему был отдан приказ именно о них и в категорической форме.

Все сходилось.

Бейли попытался (без особого успеха) придать себе нормальный вид и сказал:

— Я чувствую себя хорошо. Обо мне не заботься. При обычных обстоятельствах никакого робота его слова не убедили бы, но этот был так нацелен на Дэниела (тут сомневаться не приходилось), что он удовольствовался его отрицанием и повторил:

— Куда ушли роботы, сэр?

— Назад в Институт робопсихологии.

— Но зачем они пошли в Институт, сэр?

— Их вызвал мэтр робопсихолог Амадиро и приказал им вернуться. Я жду их здесь.

— Но почему вы не отправились вместе с ними, сэр?

— Мэтр робопсихолог Амадиро не хотел, чтобы

я возвращался в грозу. Он приказал мне ждать здесь. Я выполняю приказ мэтра робопсихолога Амадиро.

Он надеялся, что повторение авторитетного имени вместе с почетным званием, как и повторение слова «приказ», воздействует на робота и вынудит его оставить Бейли в машине.

С другой стороны, если им было поручено привести назад именно Дэниела и они сочтут, что он уже возвращается сам, власть этой инструкции над ними ослабнет, они точнее оценят его состояние и скажут…

— Но вам, видимо, нехорошо, сэр, — сказал робот. И вновь Бейли обрадовался точности своих догадок.

Он ответил:

— Я чувствую себя хорошо.

За спиной говорившего с ним робота он смутно различал еще нескольких — сколько именно, он сосчитать не мог. При вспышках молний их лица поблескивали. А когда глаза Бейли свыклись с темнотой, он различил тусклое свечение их глаз. Он повернул голову. У левой дверцы тоже толпились роботы, но она оставалась закрытой.

Сколько их послал Амадиро? Приказав силой вернуть его и Дэниела с Жискаром? Он сказал:

— Мэтр робопсихолог Амадиро приказал, чтобы мои роботы вернулись в Институт, а я остался тут ждать их. Вы видите, что они вернулись, а я жду. Если вас послали на помощь и у вас есть машина, догоните их и подвезите. Эта машина неисправна. — Он старался говорить уверенно и твердо, как здоровый человек, но это ему не очень удалось.

— Они пошли назад пешком, сэр?

— Найдите их, — приказал Бейли. — Вам даны точные инструкции.

Они все еще не знали, на что решиться.

Туг Бейли наконец сообразил пошевелить правой ногой — он надеялся, что движение получилось достаточно убедительным, но тело плохо подчинялось его воле.

А роботы все еще колебались, и Бейли расстроился. Он же не космонит и не знает, какие требуются слова, какой тон. Опытный робопсихолог обошелся бы жестом, движением бровей — и робот подчинился бы ему, словно марионетка, которую дернули за нужную ниточку… Особенно если бы этого робота сконструировал он сам.

Но Бейли был всего лишь землянином.

Он нахмурился — вот это ему в его унынии удалось легко — и, устало прошептав «идите!»,

махнул рукой.

Возможно, это добавило последний штрих к его распоряжению, а может быть, за это время вольтаж и контрвольтаж позитронных связей помогли роботам привести свои инструкции в согласие с Тремя Законами.

Так или иначе, но решение они приняли и, больше не колеблясь, ушли к своей машине, какой бы она ни была и где бы они ее ни оставили. Исчезли они так стремительно, что словно сразу растворились в темноте. Дверца, которую робот открыл и придерживал, теперь начала закрываться, и Бейли сунул в просвет ногу, рассеянно подумав, что дверца, возможно, размозжит кости, а то и вовсе оторвет ступню. Однако ноги не убрал, рассудив, что вряд ли конструкторы машины не обезопасили пассажиров от такого несчастья.

Он опять был один. Вынудил роботов покинуть человека в явно тяжелом состоянии, сыграв на силе приказа, отданного им именитым робопсихологом, который подкрепил в своих целях Второй Закон — причем до такой степени, что заведомая ложь Бейли возобладала над Первым Законом.

Как отлично он это проделал, подумал Бейли

с неясной гордостью, и тут же обнаружил, что дверца уперлась в его ногу, которая осталась целой и невредимой.

65

Бейли почувствовал, что его ногу овевает холодный ветер и на нее сыплются холодные брызги, однако убрать ее он не решался: если дверца закроется, ему ее не открыть. (Как ее открывали роботы? Естественно, для жителей Авроры тут никакой тайны не было, но ни в одной книге об Авроре он не видел толковой инструкции, объясняющей, как открываются дверцы стандартных машин на воздушной подушке. Авторы все наиболее существенное посчитали само собой разумеющимся. Почему-то от читателя ждали, что он сам все знает, хотя теоретически предполагалось, что книги эти — источник сведений для него.)

Раздумывая так, он старался попасть руками в карманы, но и это оказалось нелегко. Находились они не на привычных местах и были наглухо застегнуты, так что ему пришлось долго водить по ним пальцами, прежде чем выяснилось, какое именно движение их раскрывает. Он вытащил

носовой платок, смял его и положил между дверцей и стойкой, оставив узенькую щелку, и тогда убрал ногу.

Ну а теперь — думай, сказал он себе. Если сможешь. Зачем оставлять дверцу открытой, если он намерен остаться в машине?

А с другой стороны, для чего ему вылезать из нее? Если он останется здесь, то рано или поздно Жискар явится за ним и, предположительно, доставит в безопасное место.

Не рискованно ли дожидаться его здесь?

Сколько времени понадобится Жискару, чтобы проводить Дэниела в безопасное место и вернуться?

Но он не знал, и как скоро роботы Амадиро решат, что на дорогах, ведущих к Институту, они Дэниела с Жискаром не найдут. (Нет, не может быть, чтобы Дэниел и Жискар в поисках убежища пошли назад в Институт. Конечно, он им этого конкретно не запретил… Ну а вдруг это наиболее удобный путь? Нет! Немыслимо!)

Бейли даже головой покачал, отчего у него сразу заломило виски. Он зажал их ладонями и скрипнул зубами.

Долго ли роботы Амадиро будут продолжать поиски, прежде чем предположат, что Бейли ввел

их в заблуждение — или заблуждался сам? А тогда что? Вернутся и захватят его — очень вежливо и всячески стараясь не причинить вреда? Сможет ли он отделаться от них, заявив, что умрет, если ему придется выйти из машины под дождь?

Поверят ли они? Свяжутся с Институтом по радио, чтобы проверить? Это уж наверняка! А тогда, пожалуй, явятся люди, и они с ним миндальничать не будут.

Если выйти из машины и отыскать укромное местечко среди окружающих деревьев, роботам будет труднее его отыскать, и он выиграет время.

Конечно, тогда и Жискару будет труднее его отыскать, но инструкции охранять Бейли будут воздействовать на Жискара гораздо сильнее, чем инструкции отыскать его — на роботов Амадиро. Главной целью первого будет найти Бейли, а вторых — найти Дэниела.

К тому же Жискара программировал сам Фастольф, а Амадиро, какой бы он ни был прекрасный специалист, до Фастольфа все-таки далеко.

Значит, при прочих равных условиях первым сюда вернется Жискар.

А что, если не таких уж равных? С легким

сарказмом Бейли подумал; «Я измучен и не в состоянии размышлять здраво, а просто в отчаянии хватаюсь за крупицы утешения».

Но что ему остается? Лишь одно: действовать в зависимости от обстоятельств, какими они представляются ему.

Бейли нажал на дверь и вышел наружу. Платок слетел в мокрую, остро пахнущую траву. Машинально нагнувшись, он поднял его и побрел прочь от машины.

Дождь хлестал по лицу и рукам, промокшая одежда облепила тело, его пробирала ледяная дрожь.

Огненный зигзаг распорол небо так быстро, что Бейли не успел зажмуриться, и тут же громовой раскат заставил его в ужасе зажать уши.

Гроза возобновилась? Или его оглушило только потому, что он очутился под открытым небом?

Но надо идти. Надо отойти от машины подальше, чтобы преследователи не нашли его сразу. К чему колебаться и торчать здесь? Тогда уж лучше было бы остаться в машине — и сухим!

Он начал утирать лицо платком. Но платок тоже был мокрым, и, оставив бесполезные попытки, он протянул перед собой руки и пошел в темноту. Есть ли у Авроры луна? Вроде бы он о ней что-то

читал, а теперь ее свет оказался бы очень кстати… А впрочем, если даже она и существует, все равно тучи поглощали бы весь ее свет.

Он ощутил что-то. Он не видел, чего коснулись его пальцы, но решил, что это шершавая кора дерева. Да, дерева. Это понятно и жителю Города.

Внезапно он вспомнил, что молния, бывает, раскалывает деревья и убивает людей. А вот о том, как чувствует себя человек, пораженный молнией, или о том, как от нее уберечься, он ничего не читал. На Земле он ни разу не встречал человека, в которого бы угодила молния.

Он начал ощупью огибать дерево, весь во власти страха и дурных предчувствий. Как узнать, что он не замкнул круга и не возвращается к машине?

Ну хватит. Вперед!

Теперь у него на дороге появились густые кусты, и пробирался он сквозь них с большим трудом. Казалось, за его одежду цепляются костлявые пальцы. Он раздраженно рванулся и услышал треск ткани.

— Вперед!

У него стучали зубы, он весь дрожал.

Новая вспышка. Не такая слепящая. На миг он увидел окружающее.

Деревья. И много. Он в роще. Что опаснее в грозу — скопление деревьев или одно-единственное? Этого он не знал. Может, безопаснее к деревьям не прикасаться?

Этого он тоже не знал. Для Городов смерти от молнии не существовало, а в исторических романах (а иногда и в курсах истории) такие случаи хотя и упоминались, но не описывались подробно.

Он посмотрел на темное небо, и в глаза ему плеснула вода. Он протер их мокрыми руками и пошел, спотыкаясь, дальше. Он старался поднимать ноги повыше. Потом, скользя на камушках, перешел узкую полоску текущей воды.

Странно! Более мокрым он после этого не стал.

Он все шел и шел. Теперь роботы его не разыщут. А Жискар?

Он понятия не имел, где находится и куда идет. И далеко ли до дома Фастольфа, до Института робопсихологии.

Он не мог бы вернуться к машине, если бы захотел.

Не сумел бы сам отыскать себя.

А гроза будет длиться до бесконечности, и в конце концов он растворится в дожде, растечется ручейком, и никто уже не разыщет Бейли.

И его молекулы унесутся в океан…

Есть на Авроре океан?

Конечно есть! И больше земного, но и льда у полюсов больше.

Его молекулы доплывут до полярных льдов, вмерзнут в них и будут блестеть под холодным оранжевым солнцем.

Его пальцы снова прикоснулись к дереву — мокрые пальцы, мокрое дерево… Рокот грома… Странно, молнии он не видел. А молния ведь вспыхивает раньше. Она в него ударила?

Он ничего не ощущал… кроме земли.

Прямо под собой — его пальцы скребли холодную грязь, Он повернул голову, чтобы свободнее дышать. Лежать было скорее удобно. И никуда не надо идти. Он подождет туг. Жискар его отыщет.

Все сомнения вдруг исчезли. Жискар непременно его найдет, потому что…

Потому что… он забыл почему. Второй раз он что-то забыл. Тогда, засыпая… То же самое, что и теперь? То же самое?

Неважно.

Все будет хорошо… все…

Он лежал без сознания — один, под дождем у древесного ствола, а гроза продолжала бушевать.

Глава шестнадцатая
Снова Глэдия
66

Потом, вспоминая и прикидывая время, Бейли пришел к выводу, что пролежал без сознания не меньше десяти минут и не больше двадцати.

Но в тот момент оно могло быть чем угодно — от нуля до бесконечности. Он осознавал голос. Не слова, а только голос. Он не мог понять, что в нем странное, но благополучно разгадал загадку, решив, что голос принадлежит женщине.

Его обвили руки, подняли, понесли. Одна рука болталась… его рука. Голова откинулась.

Он пошевелился, но поднять голову не удалось. Снова женский голос.

Он утомленно открыл глаза. И почувствовал, что ему холодно, что он весь мокрый. А затем осознал, что вода на него больше не льется. И уже не темно. Не совсем темно. Откуда-то просачивался свет, и он рассмотрел лицо робота. И узнал его.

— Жискар, — прошептал он и вспомнил грозу, свое бегство. И Жискар нашел его первым. Жискар, а не те роботы.

И Бейли подумал с удовлетворением: «Я так и думал».

Он позволил глазам снова закрыться. Да, его несли — он ощущал легкое покачивание в такт шагам несущего. Потом оно прекратилось, его медленно опустили на что-то теплое и удобное. Сидение машины — видимо, накрытое полотенцем. Он это знал неизвестно откуда.

Затем ощущение плавного движения по воздуху; его лицо и руки почувствовали прикосновение мягкой ткани, впитывающей влагу; его грудь обнажили — прикосновение холодного воздуха, а затем той же ткани.

Потом множество смутных ощущений и впечатлений.

Он в доме — приоткрывая глаза, он видел стены, искусственный свет, какую-то мебель.

Он чувствовал, что его бережно раздевают, и слабо зашевелился, стараясь помочь. Потом его погрузили в теплую воду, начали энергично растирать. Это все продолжалось, продолжалось, и он был рад.

Его вдруг осенила мысль, и он ухватил поддерживающую его руку:

— Жискар! Жискар!

— Я здесь, сэр, — услышал он голос Жискара.

— Жискар, Дэниел в безопасности?

— В полной безопасности, сэр.

— Отлично. — Бейли снова закрыл глаза, и когда его начали сушить, даже не пошевелился. Его бережно переворачивали под струями теплого воздуха, а потом одели во что-то теплое.

Какое блаженство! С раннего детства он не испытывал ничего подобного и от души пожалел младенцев, которые не способны понять и оценить, как их лелеют.

А вдруг способны? Не определяет ли скрытое воспоминание о таком блаженстве поведение взрослого человека? И, может, теперь он просто радуется, что снова стал младенцем?

И он услышал голос женщины, Его матери?

Нет, невозможно!

— Мама?

Теперь он сидел в кресле. Это он чувствовал, и еще каким-то образом чувствовал, что короткое счастливое возвращение в младенчество кончилось, Что надо возвращаться в печальный мир полного сознания и необходимости все делать для себя самому.

Но ведь был голос женщины… Какой женщины? Бейли открыл глаза.

— Глэдия?

67

Это был вопрос, удивленный вопрос, но где-то внутри он не удивился. Ведь, конечно, он сразу узнал ее голос.

Он осмотрелся. Жискар стоял в своем алькове, но он подождет. Сначала самое главное. Бейли спросил:

— Где Дэниел?

— Он почистился и высушился в помещении роботов, — ответила Глэдия. — Его окружают мои домашние роботы. Они получили нужные инструкции. Не сомневайтесь: никто посторонний не подойдет к дому ближе чем на пятьдесят метров без того, чтобы мы об этом не узнали. Жискар тоже почистился и высушился.

— Вижу, — ответил Бейли. Жискар его не занимал, только Дэниел. Ему уже стало легче: Глэдия как будто поняла, что Дэниела необходимо охранять, и можно обойтись без сложных объяснений.

Однако в этой защитной стене было уязвимое место, и в его голосе прозвучала сердитая нота, когда он сказал:

— Как вы могли бросить его только на роботов,

Глэдия? Без вас в доме ведь не осталось человека, который остановил бы шайку посторонних роботов. Они бы увели Дэниела силой.

— Чепуха! — решительно ответила Глэдия. — Мы отсутствовали недолго, а я известила доктора Фастольфа. Многие его роботы присоединились к моим, и в случае необходимости он появился бы через несколько минут. Я бы посмотрела, как шайка посторонних роботов не подчинилась бы ему!

— Но вы видели Дэниела, когда вернулись, Глэдия?

— Конечно. Говорю же вам, он в полной безопасности.

— Спасибо! — с облегчением сказал Бейли и закрыл глаза. И, как ни странно, подумал: не так уж это было скверно.

Бесспорно! Он же выжил? При этой мысли что-то внутри него радостно заухмылялось. Открыв глаза, он спросил:

— Как вы меня отыскали, Глэдия?

— Жискар отыскал. Они пришли сюда — оба. И Жискар объяснил мне ситуацию. Я сразу занялась Дэниелом, но он отказался двинуться с места, пока я не пообещала тут же послать Жискара за вами. Он был очень красноречив. Его реакция

на все, что касается вас, Элайдж, крайне сильна. Дэниела, конечно, мы с собой не взяли. Он очень расстроился, но Жискар потребовал прямо-таки прикрикнуть на Дэниела, чтобы он остался. Видимо, Жискару вы дали очень строгий приказ. Затем мы связались с доктором Фастольфом и отправились за вами на моей машине.

Бейли укоризненно качнул головой:

— Вам не следовало оставлять дом, Глэдия. Вы были обязаны следить, чтобы с Дэниелом ничего не случилось.

Губы Глэдии скривились в презрительной усмешке:

— И бросить вас умирать под дождем? Или позволить, чтобы вас захватили враги доктора Фастольфа? Просто вижу голограмму, как я бы допустила подобное! Нет, Элайдж, я могла понадобиться для того, чтобы освободить вас из рук тех роботов, если бы они добрались до вас раньше. Может быть, я мало что умею, но на Солярии, позвольте вам сказать, любой человек способен управиться с толпой роботов. Мы к этому привыкли.

— Но как вы меня отыскали?

— Это было не так уж трудно. До вашей машины оказалось отсюда не так уж и далеко. Не будь

грозы, мы бы и пешком дошли. Мы…

— То есть мы почти добрались до дома Фастольфа? — перебил Бейли.

— Да, — ответила Глэдия. — Либо вашу машину повредили недостаточно для того, чтобы она сломалась раньше, либо Жискар сумел продержать ее в воздухе дольше, чем рассчитывали эти вандалы. Получилось очень удачно. Сломайся вы ближе к Институту, они могли бы захватить вас всех. Ну, так мы добрались на моей машине до вашей. Жискар, естественно, знал точно, где она находилась. Мы вылезли…

— И вы насквозь промокли, Глэдия?

— Нисколечко, — ответила она. — Я захватила большой дождезонт и светосферу. Мои ботинки запачкались и капельку промокли, потому что у меня не было времени обрызгать их латексом, но это пустяки. Во всяком случае мы добрались до вашей машины меньше чем за полчаса после того, как вы отослали Жискара с Дэниелом, ну и, конечно, вас в ней не оказалось.

— Я пытался… — начал Бейли.

— Да-да. Я испугалась, что они — другие — увезли вас. Ведь Жискар сказал, что за вами гнались. Но Жискар нашел ваш платок метрах в пятидесяти от машины и решил, что вы пошли в этом

направлении. Он сказал, что это был нелогичный поступок, что люди часто поступают нелогично и надо вас искать. И мы стали искать с помощью светосферы, но нашел вас он. Увидел инфракрасное излучение тепла вашего тела у подножья дерева, и мы привезли вас сюда.

— Что было нелогичного в моем поведении? — спросил Бейли с обидой.

— Он не объяснил, Элайдж. Хотите спросить у него? — Она кивнула на Жискара.

— Так в чем дело, Жискар? — сказал Бейли.

Жискар сразу утратил каменное равнодушие и посмотрел на Бейли.

— Я чувствовал, — сказал он, — что вы совершенно напрасно вышли из машины в грозу. Если бы вы подождали в ней, мы быстрее доставили бы вас сюда.

— Те роботы добрались бы до меня быстрее!

— Но они же побывали там, и вы их отослали, сэр.

— А ты откуда знаешь?

— Возле машины было много следов, оставленных роботами, но внутри машины я не увидел ни единого сырого пятнышка, а если бы мокрые руки протянулись, чтобы вытащить вас, таких пятен было бы много. Я рассудил, что по собствен-

ной воле вы к ним не вышли бы, сэр. А раз вы их отослали, вам не надо было опасаться, что они тут лее вернутся, ведь по вашей собственной оценке ситуации гнались они за Дэниелом, а не за вами. Вдобавок вы знали, что я вернусь быстро.

— Я так и рассуждал, — буркнул Бейли, — но решил, что не помешает еще больше их запутать. И поступил, как мне казалось, наилучшим образом, и ведь ты же меня все равно нашел!

— Да, сэр.

— Но почему я здесь? Если мы были близко от дома Глэдии, значит, до дома доктора Фастольфа тоже было недалеко. Или даже ближе.

— Не совсем, сэр. Ближе был этот дом, а, судя по настойчивости ваших приказаний, на счету была каждая минута, иначе Дэниел мог бы и не спастись. Дэниел согласился с этим, хотя очень не хотел покидать вас. А когда он очутился здесь, я решил, что и вам следует быть здесь на случай, если вы пожелаете собственными глазами убедиться в его безопасности.

Бейли кивнул и сказал ворчливо (его все еще язвил упрек в нелогичности):

— Ты поступил правильно, Жискар.

— Вам необходимо повидать доктора Фастольфа, Элайдж? — спросила Глэдия. — Я могу

пригласить его сюда. Или поговорите с ним по трехмернику.

Бейли откинулся на спинку кресла. Он успел убедиться, что его умственные процессы заторможены и что он совсем измотан. Говорить с Фастольфом сейчас не имело смысла. И он сказал:

— Нет. Я увижусь с ним утром после завтрака. Времени достаточно. А потом, полагаю, я увижусь с этим человеком, Келденом Амадиро, главой Института робопсихологии. И с важной персоной… как вы его называете? Ах, да — с председателем. Полагаю, и он сюда прибудет?

— У вас ужасно усталый вид, Элайдж, — сказала Глэдия. — Разумеется, у нас на планете нет микроорганизмов — ну, микробов и вирусов, которые у вас на Земле вызывают все эти болезни. И вы от них очищены. Однако видно, как вы устали.

Бейли подумал: после всего этого ни гриппа, ни даже насморка! Да, пребывание на космомире имеет и свои положительные стороны.

— Правда, я устал, — сказал он. — Но отдохну немного и буду в полном порядке.

— Вы не голодны? Как раз время ужина.

Бейли поморщился:

— Есть мне что-то не хочется.

— Но оставаться голодным не следует. Конечно, ничего тяжелого, но, может быть, горячего супа? Он вас подкрепит.

Бейли захотелось улыбнуться. Пусть она и солярианка, но в сходных обстоятельствах ведет себя и говорит совершенно так же, как женщина Земли. Наверное, аврорианки тоже не составляют исключения. Есть вещи, которых различие в культурах не затрагивает.

— Но суп готов? — спросил он. — Я не хочу доставлять затруднений.

— Какие затруднения? У меня есть домашний штат — не такой многочисленный, как на Солярии, но достаточный, чтобы любое не слишком экзотическое блюдо было приготовлено за несколько минут. Так что просто скажите мне, какой суп вы предпочтете. И все.

— Куриный, — Бейли не сумел противостоять соблазну.

— Как угодно. Я как раз сама хотела его предложить, — добавила она невинным тоном. — Ну и с кусочками куриного мяса для сытости.

Тарелка возникла передним через несколько минут.

— А вы, Глэдия?

— Я поужинала, пока вас мыли и лечили.

— Лечили?

— Профилактическое восстановление биохимического баланса. Вы перенесли тяжелый нервный шок, и его следовало нейтрализовать. Да ешьте же!

Бейли попробовал суп. В общем-то неплохой, хотя и непривычно островат на странный манер аврорианской кухни. А может, к нему просто добавлены какие-то незнакомые специи.

Внезапно он вспомнил свою мать — мгновенная судорога памяти, вернувшая его в далекое детство. Она наклоняется над ним — он снова отказался есть свой «вкусный супчик».

«Ну-ка, Лайдж, — говорит она. — Настоящая курочка и очень дорогая! Даже космониты не едят вкуснее!»

И не едят! Через далекие годы он крикнул ей: «Не едят, мам!»

Нет, правда! Если положиться на память и учесть, что в детстве все кажется вкуснее, куриный суп его матери, если она не потчевала им каждый день, был подлинным объедением.

Он ел ложку за ложкой, а когда тарелка опустела, смущенно буркнул:

— А еще немножко не найдется?

— Столько, сколько хотите, Элайдж.

— Самую чуточку.

Когда он доедал вторую порцию, Глэдия сказала:

— Элайдж, эта завтрашняя встреча…

— Что, Глэдия?

— Она означает, что ваше расследование закончено? И вы знаете, что случилось с Джендером?

Бейли ответил, взвешивая каждое слово:

— Мне кажется, я знаю, что могло произойти с Джендером. Но не убежден, что сумею убедить в этом кого-либо.

— Тогда зачем вы устраиваете эту встречу?

— Не я, Глэдия. А мэтр робопсихолог Амадиро. Он против самой идеи расследования и рассчитывает отослать меня назад на Землю.

— Это он испортил вашу машину и послал роботов захватить Дэниела?

— По-моему, он.

— Так неужели его нельзя за это судить и заставить понести наказание?

— Можно-то можно, — ответил Бейли яростно. — Но только у меня нет пустячной мелочи — веских доказательств.

— И, сделав все это, он выйдет сухим из воды, а вдобавок прекратит расследование?

— Боюсь, так и будет. Говоря его словами: люди,

не надеющиеся на справедливость, не разочаровываются.

— Но так же нельзя! Не допустите этого. Вы должны довести расследование до конца и узнать правду!

— Ну а если узнать правду я не сумею? — Бейли вздохнул. — Или сумею, но не смогу добиться, чтобы меня выслушали?

— Нет, вы можете и найти правду, и заставить выслушать себя!

— Ваша вера в меня, Глэдия, очень трогательна. Однако, если Законодательное собрание Авроры захочет отправить меня на Землю, а расследование прекратить, я не смогу этому помешать.

— Но разве вы хотите вернуться, ничего не добившись?

— Нет, конечно. И ведь я не просто ничего не добьюсь, положение гораздо хуже, Глэдия. Моя карьера пойдет прахом, а будущее Земли останется самым черным.

— Так не допустите, чтобы они этого добились, Элайдж!

— Иосафат, Глэдия! Я попытаюсь, Но не могу же я поднять планету голыми руками. Не требуйте от меня чудес.

Глэдия кивнула, опустила глаза и прижала

кулачок ко рту. Она замерла, словно о чем-то задумавшись. Бейли не сразу сообразил, что она беззвучно плачет.

68

Бейли вскочил и обошел стол, рассеянно и с досадой заметив, что ноги у него подгибаются, а левое бодро сводит судорога.

— Глэдия, — сказал он, нагибаясь к ней, — не плачьте!

— Не обращайте внимания, Элайдж, — прошептала она. — Это пройдет.

Он беспомощно стоял рядом с ней. Протянул было руки и опустил их.

— Я не прикоснусь к вам, — сказал он. — Лучше не надо, правда?

— Да нет же, нет! Не так уж я обожаю свое тело, да и заразиться от вас я ничем не могу. Я... я не такая, как прежде.

И Бейли протянул руку и прикоснулся к ее локтю, неловко погладив его кончиками пальцев.

— Завтра я сделаю все, что в моих силах, Глэдия, — сказал он. — Я постараюсь.

Она встала, повернулась к нему и прошептала:

— Ах, Элайдж!

Машинально, почти сам того не заметив, Бейли раскрыл ей объятия. И так же, словно не отдавая себе отчета, она прижалась к нему и спрятала лицо у него на груди, а он бережно обвил ее руками.

Он только чуть ее касался, ожидая, когда она осознает, что обняла землянина. (Конечно, она обнимала человекоподобного робота, но все-таки не землянина!)

Глэдия громко всхлипнула и пробормотала в рубашку Бейли:

— Это нечестно! Только потому что я с Солярии! Никому нет дела, что случилось с Джендером. Но будь я аврорианкой, они бы приняли его гибель близко к сердцу! А так все свелось к предрассудкам и политике.

Бейли подумал: «Космониты — просто люди. Именно это сказала бы Джесси в такой ситуации. А если бы Глэдию сейчас обнимал Гремионис, он бы сказал именно то, что сказал бы я — знай я, что сказать!»

Но он сказал:

— Это не совсем так, Я уверен, что доктор Фастольф принимает близко к сердцу гибель Джендера.

— Да нет же! Не по-настоящему, Он только

хочет взять верх в Законодательном собрании, а этот Амадиро хочет того же, и они оба пожертвовали бы Джендером, лишь бы добиться своего!

— Обещаю вам, Глэдия, Джендером я не пожертвую, что бы мне за это ни предлагали.

— Да? А если вам пообещают, что вы сможете вернуться на Землю без ущерба для своей карьеры и против вашего мира никаких санкций предпринято не будет, при условии, что вы забудете про Джендера, как вы поступите?

— Какой смысл сочинять гипотетические альтернативы, когда заведомо ничего подобного произойти не может? Меня не станут прельщать, чтобы я забыл про Джендера. Их цель — отправить меня назад с пустыми руками, предрешая и мою гибель, и гибель моего мира. Но если они не воспрепятствуют мне, я доберусь до человека, уничтожившего Джендера, и добьюсь, чтобы он понес заслуженное наказание.

— Что значит «если»? Не допустите, чтобы они вам воспрепятствовали!

Бейли горько улыбнулся.

— По-вашему, аврорианцы с вами не считаются, потому что вы с Солярии, так подумайте, как они третировали бы вас, будь вы с Земли! — Он крепче ее обнял, — Но я попытаюсь, Глэдия. Не

хочу пробуждать напрасные надежды, но кое-что в запасе у меня есть. Я попытаюсь…

Он почти забыл, что он с Земли, хотя только что сам это сказал.

— Вы говорите, что попытаетесь, но как? — Она чуть отодвинулась, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Ну, я могу… — Бейли растерянно умолк.

— Найти убийцу?

— И вообще… Глэдия, простите, мне нужно сесть. Он попятился к столу и оперся о него.

— Что с вами, Элайдж?

— У меня был тяжелый день, и я еще не собрался с силами.

— Так вам лучше поскорее лечь!

— Честно говоря, Глэдия, я этого и хочу.

Она разжала руки, лицо у нее стало тревожно-сочувственным, и слезы были забыты. Она подняла руку, слегка махнула, и Бейли тотчас (так ему по крайней мере показалось) окружили роботы.

А когда он уже лежал в постели и последний робот ушел, Бейли уставился в темноту. Он не знал, идет ли еще во Вне дождь, вспыхивают ли еще редкие усталые молнии, но грома он больше не слышал.

Бейли глубоко вздохнул и подумал: «Что я обе-

щал Глэдии? Что произойдет завтра?»

Финал драмы… Полная неудача?

И погружаясь в дремоту, Бейли думал об озарении, внезапно осеняющем на границе между сном и явью.

69

С ним это случалось уже дважды. Накануне ночью, когда он вот так же почти засыпал, и в этот вечер, когда он терял сознание, лежа в грезу под деревом. Оба раза его осеняло, что-то освещало загадку, как молния, рассеивающая на миг ночную тьму.

Но озарение исчезало с быстротой той же молнии.

Что, что это было? И сумеет ли он вспомнить?

На этот раз он приготовился удержать в уме ускользающую истину. Или ускользающую иллюзию? Вдруг в затмении сознания какой-то вздор представлялся истиной, проанализировать которую логически мозг в такую минуту не мог?

Поиски неуловимого нечто, однако, оказались бесплодными: призывать его было столь же бессмысленно, как звать единорога в мире, где единороги не водятся.

Проще было думать о Глэдии, о том, что ощущали его руки. Непосредственно — шелковистое прикосновение ее блузки, но под блузкой — хрупкие изящные плечи, стройную спину.

Рискнул бы он поцеловать ее, если бы у него не начали подгибаться ноги? Или это было бы слишком?

Он вдруг слегка всхрапнул и, как всегда, смутился. Заставил себя очнуться и снова думать о Глэдии, До своего отъезда, конечно же… но если он сможет предложить ей что-то в за… Плата за оказанную услу… Он снова всхрапнул и уже не смутился.

Глэдия… А он думал, что никогда больше ее не увидит… а чтобы прикоснуться к ней… тем более, обнять ее… обнять…

Он не заметил, как заснул.

И снова ее обнимал. Но блузки не было… только ее теплая нежная кожа… а его ладонь медленно скользнула по лопатке, по чуть прощупывающимся тонким ребрам…

Все было странно реальным. Пять его чувств подтверждали это. Он ощущал запах ее волос, его губы впивали легкую солоноватость ее кожи… и теперь они не стояли. А легли? Или лежали с самого начала? И куда девался свет?

Он ощущал матрац под собой, одеяло сверху… мрак… а она лежала в его объятиях, и тело ее было совсем обнаженным.

Вздрогнув, он окончательно проснулся.

— Глэдия? — Почти крик… недоверчивый…

— Ш-ш-ш, Элайдж. — Она нежно прижала пальцы к его губам. — Не говори ничего.

С тем же успехом она могла бы попросить, чтобы он остановил ток своей крови.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Ты не понимаешь? — сказала она. — Лежу с тобой в кровати.

— Но почему?

— Потому что я так хочу. — Она прильнула к нему, дернула воротник его пижамы и раскрыла ее.

— Не шевелись, Элайдж. Ты устал, и я не хочу, чтобы ты утомлялся еще больше.

По телу Элайджа прокатилась жаркая волна. Он решил, что больше не будет оберегать Глэдию от нее самой. Он сказал:

— Я не настолько устал, Глэдия…

— Нет, — перебила она. — Отдыхай! Я хочу, чтобы ты отдыхал. Не шевелись.

Ее губы прижались к его губам, словно чтобы не дать ему говорить. Он расслабился и невольно по-

думал, что подчиняется, что действительно устал и предпочтет предоставить все ей. И со стыдом сообразил, что это как бы его оправдывает («Что мне оставалось? — словно услышал он собственный голос. — Она меня заставила!») Иосафат! Какая подленькая трусость! Как унизительно…

Но и эти мысли исчезли. Откуда-то лилась тихая музыка, воздух заметно потеплел. Одеяло и пижама куда-то подевались. Ее руки обвили его голову, прижали к нежной мягкости.

Словно со стороны он понял, что мягкость эта — ее левая грудь, и губы ему щекочет сосок.

Глэдия тихонько напевала под музыку — радостный баюкающий мотив, который был ему незнаком.

Она легонько покачивалась, поглаживая кончиками пальцев его подбородок и шею. Он растворился в блаженном покое, предоставляя ей делать все, что она захочет. И послушно позволял ей двигать его руки, прижимать их то тут, то там.

Он не помогал ей, а когда отозвался с нарастающим возбуждением и достигнул пика, было это словно против его воли, просто иначе он не мог.

Она, казалось, не знала усталости, и он был этому рад. Снова за волнами чувственности он

ощущал блаженство полной младенческой беспомощности.

Но в конце концов у него уже не осталось сил отзываться, и она, казалось, тоже совсем себя исчерпала и прилегла головой в ложбинку его левого плеча, ее левая рука протянулась через его грудь, и пальцы неясно поглаживали крутые завитки волос.

Ему почудилось, что она шепчет: «Благодарю тебя, благодарю»…

И удивился. За что?

Он уже почти не осознавал ее присутствия — этот блаженнейший конец тяжелейшего дня заставлял слипаться веки, точно сказочный сонный напиток, и он чувствовал, что соскальзывает в неведомые глубины, точно его пальцы перестали цепляться за край обрыва суровой реальности, чтобы он мог упасть… упасть сквозь туман дремоты в медленно колышущийся океан сновидений.

И пока он соскальзывал в сны, то, что не явилось на зов, пришло само. В третий раз занавес взвился, все события с того момента, как он покинул Землю, обрели четкость и последовательность. Вновь все стало абсолютно ясно. Он попытался заговорить, услышать необходимые

слова, зафиксировать их, сделать неотъемлемой частью своих умственных процессов, но как он ни вцеплялся в них всеми щупальцами сознаний, они проскальзывали мимо и исчезали.

Так что в этом отношении второй день Бейли на Авроре кончился совершенно так же, как первый.

Глава семнадцатая
Председатель
70

Когда Бейли открыл глаза, в окно лился солнечный свет, и он ему обрадовался. К своему еще сонному удивлению он обрадовался солнечному свету!

Значит, гроза миновала, ее словно никогда и не было. В сравнении с ровным, мягким, теплым, контролируемым освещением Городов солнечный свет безусловно казался резким и неустойчивым. Но по контрасту с грозой он был залогом безмятежного покоя. Все относительно, подумал Бейли. Он уже никогда не будет считать солнечный свет злом.

— Партнер Элайдж? — Возле кровати стоял Дэниел, а за ним Жискар.

Мрачное лицо Бейли расплылось в улыбке чистой радости.

Он протянул руки обоим.

— Иосафат, ребята! — воскликнул он, не заметив полной человечности такого обращения. — Когда я в последний раз видел вас вместе, то не

знал, доведется ли мне снова увидеть вас — или хотя бы одного из вас.

— Но в любом случае, — мягко заметил Дэниел, — ни при каких обстоятельствах никому из нас не причинили бы подлинного вреда.

— Теперь при свете солнца я это вижу, — ответил Бейли. — Но вчера вечером я думал, что гроза меня прикончит, и не сомневался, что тебе, Дэниел, грозит серьезная опасность, Казалось даже, что и Жискар может пострадать, защищая меня от многочисленных противников. Довольно-таки мелодраматично, не спорю, но я же был немного не в себе, понимаете?

— Нам это известно, сэр, — ответил Жискар. — Вот почему нам было так трудно уйти от вас вопреки вашим настойчивым требованиям. И надеемся, что сейчас это не вызывает вашего неудовольствия.

— Нисколько, Жискар.

— А кроме того, — сказал Дэниел, — мы знаем, что о вас хорошо заботились, пока мы отсутствовали.

И только тут Бейли вспомнил прошедшую ночь.

Глэдия!

Он осмотрелся. Ее не было в комнате. Или ему

пригрезилось…

Да нет же! Сном это быть не могло.

Он хмуро взглянул на Дэниела, как будто заподозрив а его словах скабрезный намек.

Нет, и этого быть не могло. Робот, даже самый человекоподобный, не будет запрограммировав смаковать двусмысленности.

— Да, — ответил он. — Очень хорошо. Однако сейчас я котел бы, чтобы меня проводили в Личную.

— Мы здесь, сэр, — сказал Жискар, — чтобы оказывать вам необходимые утренние услуги. Мисс Глэдия решила, что с нами вам будет спокойнее, чем с ее роботами, и она специально подчеркнула, чтобы мы предупреждали ваши малейшие желания.

— Что она, собственно, под этим подразумевала? — спросил Бейли с некоторой тревогой. — Я чувствую себя вполне хорошо и не хочу, чтобы меня мыли и высушивали. Я сам могу о себе позаботиться. Надеюсь, она это понимает.

— Вам нечего опасаться, партнер Элайдж, — сказал Дэниел с легкой улыбкой, которая (как казалось Бейли) была аналогична той, которая у человека означала бы дружескую симпатию. — Мы просто должны позаботиться, чтобы у вас не

возникало никаких затруднений. Если в какие-то моменты вам будет удобнее обходиться без нас, мы подождем в стороне.

— В таком случае, Дэниел — и Жискар тоже — мы во всем разобрались. — И Бейли спрыгнул на пол, заметив, что ноги его прекрасно слушаются. Ночной отдых и лечение, которому его подвергли, внеся в дом, — в чем бы оно ни заключалось, — сотворили чудеса. Не говоря уж о Глэдии!

71

Не одеваясь, ощущая приятную свежесть после душа, Бейли причесал волосы и критически оглядел в зеркале достигнутые результаты. Скорее всего завтракать он будет с Глэдией, но как она его встретит? Пожалуй, наиболее разумным будет держаться так, будто ничего не произошло, и руководствоваться ее поведением с ним. И почему-то ему казалось, что будет легче, если он придаст себе презентабельный вид — если это вообще возможно, Он состроил недовольную гримасу своему отражению.

— Дэниел! — позвал он.

— Что, партнер Элайдж?

— На тебе новая одежда? — пробурчал Бейли

сквозь зубную пасту.

— Она не моя, партнер Элайдж. Это костюм Джендера.

— Она дала тебе костюм Джендера! — У Бейли глаза полезли на лоб.

— Мисс Глэдия не пожелала, чтобы я оставался нагим, пока мою промокшую одежду стирали и высушивали. Теперь она готова, но мисс Глэдия говорит, чтобы этот костюм я оставил себе.

— Когда она это сказала?

— Сегодня утром, партнер Элайдж.

— Так она проснулась?

— Да, она уже встала. И ждет вас к завтраку, когда вы будете готовы.

Бейли стиснул зубы. Странно, что пока встреча с Глэдией волновала его куда больше, чем предстоящая встреча с председателем. В конце концов, как пройдет встреча с председателем — решит судьба, а он уже продумал свою стратегию, и она либо даст результаты, либо нет, но что касается Глэдии, у него никакой стратегии нет.

Будь что будет. И он спросил по возможности равнодушнее:

— Как мисс Глэдия чувствует себя сегодня?

— Она выглядит хорошо, — ответил Дэниел.

— Она весела? Или кажется угнетенной?

— Судить о внутреннем состоянии человека очень трудно, — после некоторого колебания ответил Дэниел. — Но в ее поведении ничто не указывает на внутреннее волнение.

Бейли опять взглянул на Дэниела, и опять ему почудился намек на события прошлой ночи. И опять он отмел такую возможность.

И всматриваться в лицо Дэниела не имело смысла. По выражению лица робота догадаться о его мыслях было невозможно, поскольку мыслей в человеческом представлении у него не было.

Бейли вернулся в спальню и осмотрел приготовленную для него одежду, прикидывая, сумеет ли он одеться без ошибок, или придется просить роботов о помощи. Гроза и ночь остались позади, и он хотел вновь обрести взрослую независимость.

— Что это? — спросил он, поднимая широкую полосу ткани со сложным узором.

— Перевязь, — ответил Дэниел. — Назначение ее чисто орнаментальное. Надевают ее через левое плечо и завязывают на поясе справа. На некоторых космомирах ее принято надевать к завтраку, но не на Авроре.

— Так почему же она тут?

— Мисс Глэдия подумала, что перевязь будет

вам к лицу, партнер Элайдж. Завязывается она сложным узлом, и я буду рад помочь.

«Иосафат! — подумал Бейли скорбно. — Она хочет придать мне смазливость! Что еще она задумала?»

Выбрось из головы!

— Не нужно, — сказал он вслух. — Завяжу простым бантом. Но вот что, Дэниел. После завтрака я пойду к Фастольфу и встречусь у него с Амадиро и председателем Законодательного собрания. Мне неизвестно, будет ли присутствовать кто-нибудь еще.

— Да, я знаю, партнер Элайдж. И, мне кажется, больше там никого не будет.

— Ну, в таком случае, — сказал Бейли, начиная надевать белье очень неторопливо, чтобы ничего не спутать и не воззвать о помощи к Дэниелу, — расскажи мне про председателя. Я вычитал, что на Авроре он примерно соответствует главе администрации, но пост этот скорее почетный и, несколько я понял, никакой реальной власти у председателя нет.

— Боюсь, партнер Элайдж, это действительно так, — сказал Дэниел.

— Сэр, — перебил Жискар, — политическую ситуацию на Авроре я знаю лучше, чем друг Дэниел,

так как функционирую много дольше, чем он. Хотите ли, чтобы на ваш вопрос ответил я?

— Конечно, Жискар. Давай!

— Когда на Авроре, сэр, было учреждено правительство, — наставительно заговорил Жискар, словно внутри него равномерно крутился информационный диск, — главе администрации отводились чисто представительные функции. Он должен был принимать посланников других космомиров, открывать заседания Законодательного собрания, вести их, а голосовать только в случаях, когда голоса депутатов разделялись поровну. Однако после Речного спора…

— Да-да, я читал о нем, — поспешно сказал Бейли. Это был скучнейший эпизод в истории Авроры, когда спор по поводу использования гидроэнергии в первый и последний раз чуть не привел планету на грань гражданской войны. — Обойдись без подробностей.

— Хорошо, сэр. Однако после Речного спора было решено не допускать, чтобы споры подвергали опасности основы аврорианского общества, и в обычай вошло улаживать все спорные вопросы частным и мирным образом вне Законодательного собрания. Когда же оно, наконец, голосует, то уже по готовому решению, которому обеспечено

большинство. Ключевой фигурой в улаживании всех недоразумений стал председатель Собрания. Считается, что он стоит выше частных интересов, и его власть (которая, хотя в теории и равна нулю, на практике довольно значительна) сохраняется только до тех пор, пока он занимает такую позицию. Поэтому каждый председатель ревниво оберегает свою объективность, и до тех пор, пока это так, именно он решает спор в пользу той или иной стороны.

— То есть, — сказал Бейли, — председатель выслушает меня, Фастольфа и Амадиро, а затем вынесет решение?

— Возможно. Однако, сэр, он может и не прийти к окончательному выводу и потребовать дополнительных доказательств, или дополнительного времени на размышления, или того и другого.

— А если председатель примет решение, Амадиро согласится с ним, если оно будет не в его пользу? И доктор Фастольф, если оно будет против него?

— Оно не абсолютно обязательно. Почти всегда находятся люди, не желающие смириться с решением председателя, а доктор Амадиро и доктор Фастольф — оба настойчивы и упрямы, если судить по их поступкам. Однако большинство

членов Законодательного собрания поддержат председателя, каково бы ни было его решение, и при голосовании тот, с кем председатель не согласится, будь то доктор Амадиро или доктор Фастольф, останется в незначительном меньшинстве.

— Наверно, Жискар?

— Почти наверно. Председатель занимает свой пост тридцать лет, причем Законодательное собрание может переизбрать его на еще один тридцатилетний срок. Однако, если Собрание проголосует против какого-либо решения председателя, ему придется тут же подать в отставку и правительственный кризис будет продолжаться, пока Собрание в обстановке ожесточенных дискуссий не найдет нового председателя. Мало какой депутат захочет пойти на подобный риск, и шансы, что большинство проголосует против председателя с такими последствиями, ничтожны.

— В таком случае, — сказал Бейли тоскливо, — все зависит от этой утренней встречи.

— Вполне вероятно.

— Спасибо, Жискар.

Бейли мрачно обдумывал и перепроверял цепь своих рассуждений. Они казались многообещаю-

щими, но неизвестно, какие возражения найдет Амадиро и каким окажется председатель. Встречу эту устроил Амадиро, и, значит, он уверен в себе, в своей победе.

Тут Бейли вспомнил, что опять, когда он засыпал, обнимая Глэдию, он осознал — во всяком случае так ему показалось — смысл случившегося на Авроре. Все выглядело ясным, очевидным, неопровержимым. И вновь, в третий раз, все словно стерлось, словно ничего вообще не было.

И его надежды тоже исчезли.

72

Дэниел проводил Бейли в комнату, где был сервирован завтрак — более уютную и домашнюю, чем парадная столовая. Небольшая, просто убранная — стол и два стула исчерпывали всю мебель, и Дэниел не отступил в нишу (ниш вообще не было), а ушел, и на минуту Бейли оказался в ней один, совершенно один.

Разумеется, относительно один. По первому зову мгновенно явятся роботы. И все же это была комната для двоих, комната, смущенно подумал Бейли, для влюбленных.

На столе виднелись две горки… оладий? Только

пахли они не оладьями, хотя и очень аппетитно. Два судка с чем-то вроде растопленного масла (но кто его знает!) стояли сбоку от тарелок. И кофейник с горячим якобы кофе, который он уже пробовал — без всякого удовольствия.

Вошла Глэдия, одетая довольно строго. Волосы у нее поблескивали, точно она только что сделала прическу. Она остановилась с легкой улыбкой на губах.

— Элайдж?

— Как вы, Глэдия? — с запинкой сказал Бейли, пойманный врасплох, и вскочил.

Она словно не заметила. Лицо у нее было веселым, беззаботным.

— Если тебе не нравится, что Дэниела тут нет, не тревожься. Он в полной безопасности. Ну а мы… — Она подошла к нему почти вплотную и медленно прикоснулась пальцами к его щеке, как когда-то давно на Солярии, и звонко засмеялась. — Вот все, что я сделала тогда, Элайдж. Ты помнишь?

Бейли молча кивнул.

— Ты хорошо спал, Элайдж? Садись же, милый.

Он сел.

— Очень хорошо. Спасибо, Глэдия. — Он поколебался, но решил обойтись без нежных слов.

— Не надо меня благодарить, — сказала она. — Я выспалась так, как давно уже не высыпалась. Но только потому, что ушла, когда убедилась, что ты крепко уснул. Если бы я осталась — а мне только этого и хотелось, — то не сумела бы оставить тебя в покое и ты бы не отдохнул по-настоящему.

Он понял, что молчать нельзя.

— Есть вещи, которые важнее от-т-дыха, Глэдия, — произнес он с запинкой таким нравоучительным тоном, что она опять засмеялась.

— Бедный Элайдж! Как ты смущен!

От ее слов он смутился еще больше. Он ожидал сожаления, отвращения, стыда, притворного безразличия, и был к ним готов — но не к такой веселой игривости.

— Не мучайся так, — сказала она. — Тебе надо поесть. Вчера вечером ты почти ничего не ел. Запасись калориями и сразу почувствуешь прилив сил.

Бейли с сомнением взглянул на псевдооладьи.

— А! — воскликнула Глэдия. — Ты же, наверное, никогда их не видел. Солярианское блюдо. Блинчики! Мне пришлось репрограммировать моего повара, иначе они у него не получались. А главное, нужна импортная мука с Солярии. Аврорианские сорта зерна не годятся. А делают

блинчики с начинкой. Самой разной — есть тысячи рецептов. Но это моя любимая, и тебе она понравится, я знаю. А из чего она, догадайся сам. Я только немножко подскажу: толченые каштаны и капелька меда. Ну попробуй же! Я хочу знать твое мнение. Их можно брать пальцами, только поберегись, когда куснешь.

Она изящно взяла блинчик за концы большими и средними пальцами обеих рук, неторопливо откусила бочок и поймала на язык густую золотистую каплю, которая выползла наружу.

Бейли повторил все ее движении. Блинчик оказался почти твердым и не слишком горячим. Бейли осторожно сунул конец в рот и куснул, но блинчик не поддался. Тогда он сильнее сжал зубы, блинчик хрустнул и начинка вымазала руки Бейли.

— Ты откусил слишком большой кусок и очень резко, — сказала Глэдия, бросаясь к нему с салфеткой. — Лизни-ка! Блинчики невозможно есть аккуратно. Да этого и не нужно. Ими положено наслаждаться без церемоний. В идеале их едят раздетыми и сразу принимают душ.

Бейли опасливо лизнул — и выражение его лица оказалось красноречивей всяких слов.

— Вкусно, правда? — сказала Глэдия.

— Восхитительно! — пробормотал Бейли, медленно и осторожно кусая блинчик. В меру сладкий, он, казалось, таял во рту.

Бейли съел три блинчика и не взял четвертого только из стеснительности. Зато пальцы облизал без приглашения и салфеткой не воспользовался. Тратить такую прелесть на бесчувственную ткань?

— Ополосни пальцы, Элайдж, — посоветовала Глэдия, подавая ему пример. Судок с «растопленным маслом» оказался полоскательницей.

Бейли воспользовался ею по назначению, вытер руки и понюхал их. Ни малейшего запаха!

— Ты смущаешься из-за прошлой ночи, Элайдж? — сказала Глэдия. — И это все, что ты чувствуешь?

Ну, что тут можно ответить, уныло подумал Бейли, а вслух сказал:

— Боюсь, что да, Глэдия. То есть чувствую я далеко не только это, на двадцать километров дальше! Но я действительно смущен. Подумай сама. Я землянин, и ты это знаешь, но на какое-то время принуждаешь себя забыть, сделать вид, что «землянин» — всего лишь набор бессмысленных звуков. Вчера ночью тебе было жаль меня, тебя беспокоило, как на меня подействовала гроза, ты

воспринимала меня как ребенка и (быть может, сочувствуя мне из-за собственной своей потери) подарила мне свою близость. Но это чувство пройдет — я удивлен, что оно уже не прошло, — и ты вспомнишь, что я землянин, и устыдишься, ощутишь себя униженной, запачканной. И ты возненавидишь меня за то, что я сделал с тобой, а я не хочу, чтобы меня ненавидели, не хочу, Глэдия. (Если он выглядел таким несчастным, каким ощущал себя, то должен был казаться воплощением горести.)

Видимо, она поняла это. Во всяком случае она нагнулась и погладила его по руке.

— Я тебя не возненавижу, Элайдж. За что? Ты не сделал мне ничего, о чем бы я пожалела. Я сама — и буду рада этому до конца моих дней, Два года назад, Элайдж., ты освободил меня одним прикосновением, и вчера ночью ты снова освободил меня. Два года назад мне нужно было узнать, что я способна ощущать желание, а вчера ночью мне нужно было узнать, что я способна чувствовать желание, и потеряв Джендера. Элайдж, останься со мной. Это будет…

Он торопливо ее перебил:

— Но как, Глэдия? Я обязан вернуться в свой собственный мир. У меня там есть обязанности,

есть замыслы, а уехать со мной тебе нельзя. Жизнь, которую мы ведем на Земле, не для тебя. Ты умрешь от одной из земных болезней — если тебя прежде не убьют многолюдие и замкнутость в четырех стенах. Полагаю, ты понимаешь.

— Про Землю — да, — ответила Глэдия со вздохом. — Но ведь ты же не уезжаешь сию секунду.

— Еще до конца утра председатель может вышвырнуть меня с Авроры.

— Нет! — горячо воскликнула Глэдия. — Ты этого не допустишь… Но если и так, мы можем отправиться на еще какой-нибудь космомир. У нас огромный выбор — их же десятки и десятки. Неужели Земля значит для тебя так много, что ни один космомир тебе не подойдет?

— Я мог бы прибегнуть к отговоркам, Глэдия. Напомнить, что ни один космомир не разрешит мне поселиться там навсегда, и тебе это известно. Но это лишь ничтожная доля истины. Важнее то, что и прими меня какой-нибудь космомир, Земля значит для меня так много, что я должен был бы вернуться… Даже если это означает разлуку с тобой.

— И больше никогда не видеться со мной? Больше не посещать Авроры?

— Если бы я мог вновь тебя увидеть, я бы сделал

для этого все, — ответил Бейли искренне, — Поверь мне. Но какой смысл говорить это? Ты знаешь, что меня вряд ли снова сюда пригласят. И ты знаешь, что это так и что без приглашения я приехать не смогу.

— Не хочу верить этому, Элайдж, — тихо сказала Глэдия.

— Глэдия, ты только делаешь себя несчастной. Не надо! Между нами произошло чудо, но тебя впереди ждет еще много чудес, самых разных, хотя это не повторится. Думай о них, о новых.

Она ничего не сказала.

— Глэдия, — произнес он настойчиво, — нужно ли кому-то знать о том, что было между нами?

Она посмотрела на него страдальчески:

— Ты до такой степени стыдишься?

— Того, что произошло? Нет конечно. Но хоть я и не стыжусь, возможны тяжелые последствия. Пойдут разговоры. Из-за этой гнусной гиперволновки, среди многого другого исказившей и наши отношения, мы оказались в центре внимания праздной публики. Как же! Землянин и солярианка. Если возникнет хоть малейшее подозрение, что… что нас связала любовь, новость эта долетит до Земли со скоростью гиперпространственного двигателя.

Глэдия высокомерно подняла брови:

— И Земля сочтет, что ты уронил свое достоинство? Что ты допустил сексуальную связь с кем-то ниже себя по положению?

— Ну что ты! — Но Бейли знал, что миллиарды землян взглянут на случившееся именно так. — Но ты подумала, что об этом узнает моя жена? Я ведь женат.

— Ну и узнает. Что тут такого?

Бейли перевел дух:

— Ты не понимаешь. Обычаи Земли иные, чем у космонитов. В нашей истории бывали времена большой половой распущенности. Во всяком случае, в некоторых местах и у определенных сословий. Но сейчас другое время. Земляне живут скученно, и только пуританская этика может обеспечить стабильность семьи в подобных условиях.

— Ты хочешь сказать, у каждого только одна, и наоборот?

— Нет, — ответил Бейли, — Честно говоря, не совсем так. Но принимаются все меры, чтобы не произошло огласки, чтобы люди могли… могли…

— Делать вид, будто ничего не знают?

— В общем так, но в этом случае…

— Огласка будет такой, что уже никто не смо-

жет притворяться незнающим и твоя жена на тебя рассердится и даст тебе пощечину.

— Нет, обойдется без этого. Но она будет страдать от стыда и косых взглядов. И мой сын тоже, и я. Пострадает мой общественный статус и… Глэдия, если ты не понимаешь, то и не поймешь, но прошу тебя, не говори об этом другим на манер аврорианцев. — Он понимал, что ведет себя попросту жалко.

— Я не хочу делать тебе больно, Элайдж, — сказала Глэдия, задумавшись. — Ты был добр ко мне, и я не хочу платить тебе неблагодарностью, но (она беспомощно развела руками) ваши земные обычаи так нелепы!

— Не спорю. Но я должен считаться с ними. Как ты считалась с обычаями Солярии.

— Да. — Она помрачнела. — Прости меня, Элайдж. Я искренне прошу прощения. Мне нужно то, чего я не могу получить, и разочарование я вымещаю на тебе.

— Пустяки.

— Нет, не пустяки, Элайдж, ну пожалуйста! Я должна объяснить тебе. По-моему, ты не понял, почему вчера произошло… Но тебе, наверное, станет совсем уж неловко, если я заговорю об этом.

Что почувствовала бы и что подумала бы

Джесси, если бы слышала этот разговор? Бейли прекрасно знал, что ему следует сосредоточиться на предстоящем разговоре с председателем — труднейшем, решающем испытании, которое ожидает его через час, — а не на своих супружеских проблемах. Ему следует думать об опасности, грозящей Земле, а не его жене, но думал он о Джесси. И сказал:

— Скорее всего мне будет очень неловко, но все-таки объясни.

Глэдия передвинула свой стул, не позвав для этого робота. Бейли нервно следил за ней, но помочь не предложил.

Она поставила стул прямо перед ним, чтобы все время видеть его лицо, села и вложила свою руку в его. Он почувствовал, что неясно сжимает тонкие пальцы.

— Видишь, — сказала она, — прикосновения меня больше не пугают. Время, когда я могла принудить себя только чуть погладить тебя по щеке, осталось далеко позади.

— Пусть так, но ведь это и не потрясает тебя, Глэдия, как то единственное прикосновение, правда?

Она кивнула:

— Да, не потрясает, но просто радует меня. И

я считаю, что это шаг вперед. Ошеломление от краткого прикосновения показало, насколько ненормальной была моя жизнь и как долго. То, что теперь, несравненно лучше. Можно, я расскажу тебе почему? Пока было только предисловие.

— Расскажи.

— Лучше бы мы сейчас лежали в постели, в темноте. Я говорила бы свободнее.

— Мы сидим в светлой комнате. Глэдия, но я слушаю так же внимательно.

— Да… На Солярии, Элайдж, подлинного секса вообще не было, как тебе известно.

— Я знаю.

— И для меня его тоже не существовало. В редких случаях — очень редких! — мой муж исполнял свой супружеский долг. Я не стану ничего про это говорить. Поверь только, что теперь, вспоминая, я понимаю, что это было даже хуже, чем ничего.

— Я верю тебе.

— Но я знала про секс. Читала. Иногда говорила с другими женщинами, но они все делали вид, будто это тягостная обязанность. А если они уже выполнили свою квоту по детям, то всячески подчеркивали, как довольны, что могут покончить с сексом навсегда.

— И ты им верила?

— Конечно, Я ведь ничего другого не знала, а то немногое, что было написано не на Солярии, объявлялось вредными измышлениями. И этому я тоже верила. Мой муж как-то увидел эти мои книги, назвал их порнографией и уничтожил. Но ты же знаешь, люди способны заставить себя уверовать во что угодно. По-моему, солярианки верили собственным словам и действительно относились к сексу брезгливо. Во всяком случае, так мне казалось, и я боялась, что страдаю серьезными отклонениями, раз испытываю к нему интерес… и какие-то непонятные чувства.

— А тогда ты не использовала роботов, чтобы найти облегчение?

— Нет. Даже в голову не приходило. Ни их и ничто другое. На подобное иногда намекалось, но с такой гадливостью! Или с притворной гадливостью. И, конечно, я бы ни на что подобное не решилась. Естественно, у меня бывали сны… и во сне я иногда испытывала то, что было, как я понимаю теперь, подобием оргазма, и сразу просыпалась. Конечно, я ничего не понимала и не рисковала говорить об этом. Мне было невыносимо стыдно. Хуже того: я пугалась наслаждения, которое они мне доставляли… Ну а потом я пере-

селилась на Аврору.

— Ты мне рассказывала. Секс с аврорианцами обманул твои ожидания.

— Да. Я даже начала думать, что солярианская точка зрения все-таки верна. Явь оказалась совсем другой, чем мои сны. Но только после Джендера я поняла причину. На Авроре это… это хореография. Каждая фигура диктуется модой, начиная от манеры предлагать себя и до расставания. Нет ничего неожиданного, ничего спонтанного. На Солярии никто не дарил и не принимал. А на Авроре стилизация привела к тому же: никто не дарит, не принимает. Ты понимаешь?

— Не уверен, Глэдия, так как не имел сексуальных отношений с аврорианками, да и аврорианцем никогда не был. Но не надо объяснять. По-моему, хоть смутно, но я понимаю, о чем ты говоришь.

— И чувствуешь себя ужасно неловко?

— Не настолько, чтобы отказаться слушать дальше.

— Затем в моей жизни появился Джендер, и я научилась использовать его. Он не был аврорианским мужчиной. Его целью — его единственной целью — было доставлять мне радость. Он дарил,

а я принимала — и впервые узнала секс таким, каким он должен быть. Ты и это понимаешь? Способен ли ты вообразить, что это такое — вдруг узнать, что ты не безумна, не извращена, не порочна, что твои чувства тебя не обманывали? Узнать, что ты просто женщина, которая обрела настоящего сексуального партнера?

— Мне кажется, могу.

— И почти сразу же все это у меня отняли. Я решила… я решила, что это конец. Я обречена жить века и больше ни разу не испытать радости гармоничного сексуального общения. Не знать его вначале, жить без него — это было очень тяжело. Но обрести его вопреки всем ожиданиям, познать это счастье, а потом внезапно лишиться его, вернуться в пустоту… Невыносимо! Теперь ты понимаешь, как для меня важна прошлая ночь.

— Но почему именно я, Глэдия? Почему не кто-нибудь другой?

— Нет, Элайдж! Это могло быть только с тобой. Мы тебя разыскали — Жискар и я. Ты был совсем беспомощен. Совсем! Почти в сознании, но твое тело тебе не подчинялось. Тебя пришлось поднять, отнести в машину, уложить. Я следила, как тебя отогревают, приводят в порядок, купают, высушивают — такого беспомощного. Роботы

проделывали все это очень компетентно, сосредоточивая все усилия на том, чтобы помочь тебе, оберечь от любого вреда, но без какого-либо подлинного чувства. А я только смотрела, и мне было так больно за тебя.

Бейли опустил голову, скрипнув зубами. Его беспомощность была выставлена напоказ! Тогда он наслаждался своим состоянием, но теперь думал только о его позорности. А Глэдия продолжала:

— Мне так хотелось самой ухаживать за тобой, Я сердилась, что роботы присвоили себе право помогать тебе… дарить. А когда я представила себя на их месте, я почувствовала сексуальное волнение, которого не испытывала после гибели Джендера ни разу. И тут я осознала, что в единственных сексуальных отношениях, что-то мне дававших, я только принимала. Джендер дарил мне все, чего бы я ни пожелала, но от меня не принимал ничего. И не был на это способен, поскольку единственное его удовлетворение заключалось в том, чтобы удовлетворять меня. А мне и в голову не приходило дарить — я ведь выросла среди роботов и знаю, что принимать они неспособны. И пока я смотрела, мне стало ясно, что я познала лишь половину того, что

может дать секс, и у меня возникла всевластная потребность познать вторую половину. Но потом за столом, когда ты ел свой суп, ты, казалось, снова стал сильным. Настолько сильным, что мог утешить меня, а я, после того, что испытала, глядя, как роботы ухаживали за тобой, просто забыла, что ты с Земли, и радовалась твоим объятиям. Я хотела их. Но, пока ты меня обнимал, мне стало горько, что я вновь принимаю, а не дарю. И тут ты сказал: «Глэдия, простите, мне нужно сесть». Ах, Элайдж! Более чудесных слов я от тебя не слышала.

Бейли почувствовал, что краснеет:

— Мне было страшно неловко. Так сознаться в своей слабости!

— Но именно это и было мне нужно. Я вынудила тебя лечь в постель, пришла к тебе и впервые в жизни я дарила. А не брала. И вырвалась из чар Джендера, так как поняла, что и с ним настоящего не было. Ведь, наверное, можно и дарить, и брать одновременно… Элайдж, останься со мной.

Бейли покачал головой:

— Глэдия, даже разорви я свое сердце пополам, факты не изменятся. На Авроре я остаться не могу и должен вернуться на Землю. А ты не можешь приехать на Землю.

— Элайдж, а если я все-таки приеду на Землю?

— Зачем ты говоришь глупости? Даже если бы ты вопреки всему и приехала, так ведь я очень быстро состарюсь, стану тебе не нужен. Через двадцать, от силы тридцать лет я буду глубоким стариком, если не умру раньше, а ты останешься такой, как сейчас, не одну сотню лет.

— Но я же так и рассчитала, Элайдж. На Земле я подхвачу ваши инфекции и тоже быстро состарюсь.

— Тебе это не понравится. К тому же старость не болезнь, ее нельзя подхватить. Ты просто очень скоро начнешь болеть и умрешь. Глэдия, ты найдешь себе другого.

— Аврорианца? — В ее голосе прозвучало презрение.

— Но ты можешь научить! Теперь, когда ты поняла, как дарят и принимают, научи их.

— Но научатся ли они?

— Некоторые научатся. Не сомневайся. И у тебя достаточно времени найти такого. Например… (Нет, подумал он, еще рано упоминать про Гремиониса, но — как знать? — если он обойдется с ней более решительно, оставит пустые любезности…)

— Неужели это возможно? — задумчиво произ-

несла Глэдия и подняла на Бейли увлажнившиеся серо-голубые глаза: — Элайдж, ты помнишь хоть что-то о прошлой ночи?

— Должен признаться, — грустно сказал Бейли, — что многое словно в тумане.

— Если бы ты помнил, то не захотел бы расстаться со мной.

— Я и сейчас не хочу с тобой расставаться, Глэдия. Но ничего не могу поделать.

— А после ты выглядел таким спокойно-счастливым, таким безмятежным. Я положила голову тебе на плечо и слушала, как бьется твое сердце — сначала часто, а потом вес; медленнее, пока ты вдруг не привскочил и не сел на кровати. Ты помнишь?

Бейли вздрогнул и, чуть откинувшись, растерянно посмотрел ей в Глаза.

— Нет, этого я не помню. О чем ты? Что я сделал?

— Но я же сказала: ты вдруг сел на кровати.

— Да-да. Но еще что? — Его сердце учащенно билось — наверное, так же часто, как ночью, когда Глэдия прилегла к нему на плечо. Три раза он словно бы устанавливал правду, но в двух первых случаях он был один, а прошлой ночью — когда это случилось в третий раз, — с ним была Глэдия.

Свидетельница.

— Больше ничего, Элайдж. Я спросила: «Что с тобой, Элайдж?» Но ты словно не услышал, а только повторил два раза: «Знаю! Знаю!» Ты говорил неясно, и глаза у тебя ничего не видели. Я даже немножко испугалась.

— Я сказал только это? Иосафат! Глэдия, неужели я ничего не добавил?

— Больше я ничего не помню, — Глэдия сдвинула брови. — Ты сразу снова лег, а я сказала: «Не бойся, Элайдж. Не бойся. Ты в безопасности». Я тебя погладила, И ты опять уснул и… и захрапел! Я никогда не слышала, как храпят, но было очень похоже на описания. — Она чуть улыбнулась.

— Послушай, Глэдия! — настойчиво сказал Бейли. — Ты говоришь, я пробормотал: «Знаю! Знаю!» Но я не объяснил, что именно я знаю?

Она снова сдвинула брови:

— Не помню… Подожди! Ты, правда, добавил совсем тихо: «Он успел раньше».

— «Он успел раньше»… Я это сказал?

— Да. Я решила, что ты говоришь про Жискара — что он успел раньше тех роботов, что ты опять испугался, не похитят ли тебя, что ты вспомнил, как ждал в лесу во время грозы. Да-да! Потому-то я и гладила тебя, повторяя: «Не бойся, Элайдж! Ты

в безопасности!» — пока ты не уснул.

— «Он успел раньше». «Он успел раньше». Теперь не забуду! Глэдия, спасибо тебе за прошлую ночь. И спасибо за этот наш разговор.

— Но что важного в том, что Жискар успел найти тебя первым? Так и **было.**И ты это знаешь.

— Нет, Глэдия, тут что-то другое. Что-то, о чем я вспоминаю только когда мое сознание отключается.

— Так в чем смысл?

— Толком не знаю, но раз я это сказал, какой-то смысл тут есть. И у меня остается час, чтобы успеть разобраться. — Он встал. — Мне пора.

Он шагнул к двери, но Глэдия бросилась к нему и крепко его обняла.

— Подожди, Элайдж!

Бейли поколебался, потом нагнулся и поцеловал ее. На долгое мгновение они застыли, обнявшись.

— Но я тебя еще увижу, Элайдж?

— Не знаю, — тоскливо ответил Бейли. — Надеюсь, что да.

И он ушел на поиски Дэниела с Жискаром, чтобы как следует подготовиться к предстоящей встрече.

73

Бейли шагал через луг к дому Фастольфа. Ему было все так же грустно.

Роботы шли справа и слева от него. Дэниел казался спокойным, но Жискар, подчиняясь данным ему инструкциям, все так же бдительно оглядывал окрестности. Бейли спросил:

— Как зовут председателя Законодательного собрания, Дэниел?

— Не знаю, партнер Элайдж. В тех случаях, когда о нем говорили в моем присутствии, его называли просто «председатель». При обращении к нему говорят «господин председатель».

— Его зовут Рутилен Хордер, сэр, но официально его имя нигде не упоминается. Употребляется только титул. Это подчеркивает преемственность правительства. Люди занимают этот пост на определенный срок, а «председатель» существует всегда.

— Но данный председатель — сколько ему лет?

— Он уже не молод, сэр, Ему триста тридцать один год, — ответил Жискар с типичной молниеносностью.

— Здоровье у него хорошее?

— Насколько мне известно, сэр.

— Какие-нибудь особенности характера, о которых мне полезно было бы узнать заранее?

К этому вопросу Жискар явно не был готов. Он сказал после паузы:

— Затрудняюсь ответить, сэр. Он занимает свой пост второй срок и считается компетентным председателем, много работает и добивается результатов.

— Он вспыльчив? Терпелив? Не терпит возражений? Внимателен?

— О подобном вы должны сами судить, сэр.

— Партнер Элайдж, — вмешался Дэниел, — председатель — выше личных пристрастий. Он справедлив и беспристрастен по определению.

— В этом я уверен, — пробурчал Бейли. — Но определения — это абстракция, как и титул «председатель», а индивидуальные председатели — с именами — это конкретные люди, предположительно с собственными особенностями.

Он покачал головой. Вот и у него появилась особенность: три раза он что-то осознавал и трижды забывал, а теперь ему известны собственные слова по этому поводу, а толку никакого.

«Он успел раньше».

Кто успел раньше? Когда?

Ответа Бейли не находил.

74

Бейли увидел, что Фастольф ждет его в дверях, а сзади мается робот, словно огорченный тем, что не может встретить гостя, хотя это его функция.

(Вечная человеческая манера — приписывать роботам человеческие побуждения и реакции. На самом деле он не мается, не испытывает огорчения — или каких-либо других чувств, а только легкие колебания позитронных потенциалов из-за того, что он был запрограммирован принимать и оглядывать посетителей, но не мог выполнить свое назначение, не оттолкнув Фастольфа, а сделать этого он также не мог, поскольку отсутствовала достаточно веская причина. А потому он снова и снова делал шаг вперед и пятился, отчего создавалось впечатление, будто он мучится.)

Бейли поймал себя на том, что рассеянно уставился на робота, и с трудом заставил себя перевести глаза на Фастольфа. (Ну почему он все время думает о роботах?)

— Рад снова с вами свидеться, доктор Фастольф, — сказал он и протянул руку. После того что произошло между ним и Глэдией, легко

было забыть, что космониты избегают физического соприкосновения с землянами.

Фастольф замялся, потом воспитанность взяла верх над благоразумием, он взял протянутую руку, на мгновение задержал в своей и тут же отпустил.

— Я еще больше рад, что вижу вас, мистер Бейли, — сказал он. — То, что вам пришлось перенести вчера вечером, очень меня встревожило. Гроза была не слишком сильной, но не могла не ошеломить землянина.

— Так вы знаете, что произошло?

— Дэниел и Жискар ввели меня в курс. Мне было бы легче, явись они сразу же сюда, с тем чтобы потом доставить сюда и вас, но их решение опиралось на то, что дом Глэдии находился ближе к месту поломки машины, а ваш приказ был абсолютно категоричным и безопасность Дэниела вы поставили выше своей. Они верно вас поняли?

— Да, Я принудил их оставить меня там.

— Но было ли это разумно? — Фастольф уже проводил его в гостиную и указал на кресло.

Бейли сел.

— Этого требовали обстоятельства. За нами гнались.

— Жискар сообщил об этом. И еще он сооб-

щил…

— Доктор Фастольф! — перебил Бейли. — Извините, но времени остается мало, а я должен задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас, — тотчас сказал Фастольф с обычной своей любезностью.

— Меня уверяли, что свои исследования функций мозга вы ставите превыше всего, что вы…

— Разрешите, я договорю, мистер Бейли. Я не позволю ничему встать на моем пути, я абсолютно беспощаден, не признаю никаких этических или нравственных обязательств, не остановлюсь ни перед чем, оправдаю что угодно, если это нужно для моих исследований.

— Да, именно.

— Кто вам это сказал, мистер Бейли? — спросил Фастольф.

— А это имеет значение?

— Возможно, что и нет. К тому же догадаться не трудно. Моя дочь Василия, я это твердо знаю.

— Может быть, — ответил Бейли. — Но я хотел бы знать, верна ли такая оценка вашего характера.

— Вы ждете от меня честного ответа о моем характере? — грустно сказал Фастольф. — В чем-то эти обвинения соответствуют истине. Я действи-

тельно придаю своей работе огромную важность и действительно испытываю потребность приносить ей в жертву все и вся. Я пренебрег бы общепринятыми понятиями морали и этики, если бы мог. Но не могу. И в частности, если меня обвинили в убийстве Джендера ради моих исследований человеческого мозга, я категорически это отрицаю. Я не убивал Джендера.

— Вы предлагали, чтобы я подвергся психическому зондированию, чтобы извлечь из моего мозга информацию, изгладившуюся у меня из памяти. А вы не подумали о том, что психическое зондирование могло бы продемонстрировать вашу невиновность, если бы вы на него согласились?

Фастольф задумчиво кивнул:

— Полагаю, Василия настаивала, что мое нежелание подвергнуться ему доказывает мою виновность. Вовсе нет. Психическое зондирование сопряжено с риском и внушает мне такие же опасения, как и вам. Однако остановило меня другое. Больше всего зондирование устроило бы моих противников. Оно не настолько тонко, чтобы послужить неопровержимым доказательством, и они постарались бы поставить под сомнение любые свидетельства моей невиновно-

сти. Но с помощью зондирования они получили бы сведения о теории и методах создания человекоподобных роботов. Вот что им нужно. Такой возможности я им не предоставлю!

— Превосходно, — сказал Бейли. — Благодарю вас, доктор Фастольф.

— Не стоит благодарности. А теперь, если разрешите, я вернусь к тому, что узнал от Жискара. По его словам, к вам, пока вы оставались в машине один, подходили неизвестные роботы. Во всяком случае, вы довольно бессвязно говорили об этом, когда вас нашли без чувств под дождем.

— Неизвестные роботы действительно подходили ко мне, доктор Фастольф, — ответил Бейли. — Мне удалось остановить их и отослать обратно. Но благоразумие требовало покинуть машину и спрятаться, прежде чем они вернутся, Возможно, я принял такое решение, потому что мысли у меня мешались. Так утверждает Жискар.

— Жискар воспринимает Вселенную упрощенно. — Фастольф улыбнулся, — А у вас есть предположения о том, чьи это были роботы?

Бейли заерзал в кресле, словно не находя удобной позы.

— Председатель уже прибыл? — ответил он

вопросом на вопрос.

— Нет. Но он будет здесь с минуты на минуту. Как и Амадиро, глава Института, с которым вы, как я узнал от роботов, имели вчера встречу. Я не уверен, что это было разумно. Вы его раздражили.

— Я должен был поговорить с ним, доктор Фастольф. И он держался очень любезно.

— С Амадиро это ничего не означает. Ссылаясь на то, что он именует вашей клеветой и нестерпимым очернением профессиональных репутаций, он вынудил председателя принять меры.

— Каким образом?

— Задача председателя — устраивать встречу спорящих для достижения компромисса. Раз Амадиро пожелал встретиться со мной, председатель в силу своего положения не мог отложить ее, а тем более запретить. Он обязан провести эту встречу, и, если Амадиро собрал достаточно улик против вас — а собрать улики против землянина ничего не стоит, — расследованию будет положен конец.

— Возможно, доктор Фастольф, вам не следовало прибегать к помощи землянина, учитывая, насколько мы уязвимы.

— Возможно, что и так, мистер Бейли, но ничего

другого я просто не сумел придумать. И теперь не могу. Так что предоставляю вам убедить председателя в нашей правоте… Если вы сумеете.

— И вся ответственность лежит на мне? — угрюмо спросил Бейли.

— На вас и только на вас, — мягко ответил Фастольф.

— Мы будем только вчетвером?

— Вернее, — поправил Фастольф, — втроем. Председатель, Амадиро и я: два оппонента и арбитр, так сказать. Вы же, мистер Бейли, будете всего лишь условно допущены. Председатель может отослать вас, когда ему заблагорассудится, так что, надеюсь, вы будете с ним осторожны.

— Постараюсь, доктор Фастольф.

— Например, мистер Бейли, не протягивайте ему руки. Извините мою прямолинейность.

Бейли поежился, задним числом испытывая смущение за свою бестактность.

— Не протяну, — буркнул он.

— И будьте крайне вежливы. Не бросайтесь гневными обвинениями, избегайте ничем не подкрепленных обвинений…

— Иными словами, я не должен добиваться, чтобы кто-то нечаянно выдал себя. Например, Амадиро.

— Вот именно. Это будет расценено как клевета, и вы добьетесь обратного эффекта. А потому будьте вежливы! Если вежливость прикроет нападение, то пусть. И постарайтесь ничего не говорить, пока к вам не обратятся.

— Пожалуйста, доктор Фастольф, — сказал Бейли, — объясните, почему теперь вы не скупитесь на советы, а раньше не позаботились предупредить меня об опасностях обвинения в клевете?

— Я действительно виноват, — ответил Фастольф. — Но это настолько само собой разумеется, что мне как-то в голову не пришло, что нужны особые объяснения.

— Да, я так и подумал, — пробурчал Бейли.

Фастольф вдруг встрепенулся.

— Я слышу шум машины, и кто-то из роботов идет к двери. Это председатель с Амадиро.

— Вместе? — спросил Бейли.

— Несомненно. Видите ли, Амадиро предложил встретиться у меня, таким образом предоставив мне некоторое преимущество. А потому получил возможность под видом любезности заехать за председателем и привезти его сюда. Ведь это только естественно, раз они оба должны быть здесь. Но это обеспечило ему несколько минут частной беседы с председателем для отстаивания

своей точки зрения.

— Но это не слишком честно, — заметил Бейли. — Вы не могли ему помешать?

— Но я не хотел. Амадиро идет на сознательный риск. Ведь он может раздражить председателя.

— А председатель очень раздражителен по натуре?

— Нет. Не больше любого другого председателя, находящегося на своем посту уже пятое десятилетие. Однако необходимость строго выдерживать все требования протокола плюс необходимость сохранять полное беспристрастие и власть арбитра очень способствуют развитию раздражительности. Амадиро же не всегда разумен. Его добродушная улыбка, белейшие зубы и избыток обходительности могут действовать очень раздражающе, когда тот, кому он их адресует, по какой-либо причине пребывает не в слишком солнечном настроении… Однако я должен идти их встречать, мистер Бейли, и пустить в ход не столь, надеюсь, агрессивное обаяние. Прошу, останьтесь здесь и не вставайте с кресла.

Бейли оставалось только ждать. Почему-то он вдруг подумал, что пробыл на Авроре чуть меньше пятидесяти стандартных часов.

Глава восемнадцатая
Снова председатель
75

Председатель был низенький — просто на удивление. Амадиро высился над ним сантиметров на тридцать. Однако причина заключалась в коротеньких ногах — когда они сели, председатель сразу почти сравнялся ростом с остальными, а массивные плечи и грудь придавали ему особую внушительность. Голова у него тоже была крупной, но возраст уже пометил его лицо морщинами, причем не теми, которые оставляет веселый смех. Возникало впечатление, что они прорезали его лоб и щеки из-за тяжелого бремени власти. Волосы у него были совсем белые, жидкие, а на макушке розовела плешь.

Говорил он, как и подобало лицу его положения, властным басом. Пожалуй, от возраста бас этот загрубел, но для председателя, решил Бейли, это был скорее плюс, чем минус.

Фастольф выполнил весь церемониал приветствий, обменялся вступительными пустопорожними фразами, предложил подкрепиться с

дороги. Бейли при этом полностью игнорировался.

Только когда с пролиминариями было покончено и все сели — Бейли чуть в стороне от остальных, — Фастольф наконец официально его представил.

— Господин председатель! — произнес Бейли, не протянув руки, но поклонившись, а затем с небрежным кивком добавил: — С доктором Амадиро, естественно, я знаком.

Легкое пренебрежение в голосе Бейли не угасило улыбку Амадиро.

Председатель, никак не ответив на приветствие Бейли, положил ладони на колени, растопырил пальцы и сказал:

— Так начнем и постараемся, чтобы это заняло поменьше времени и было как можно продуктивнее.

— С самого начала, — продолжал он, — мне хотелось бы подчеркнуть, что я не хочу останавливаться на проступках — или предполагаемых проступках — землянина, но перейду сразу к сути дела. Причем разбирая эту суть, мы оставим в стороне чрезмерно раздутый вопрос о роботе. Нарушение функций робота — это повод для иска в гражданском суде о покушении на право соб-

ственности, и наказанием может быть штраф, и только. Более того: если даже будет установлено, что робота Джендера Пэнелла из строя вывел доктор Фастольф, так ведь он помогал в разработке этого робота, руководил его конструированием и владел им в момент, когда робот перестал функционировать. Следовательно, решение будет в его пользу, поскольку человек вправе распоряжаться своей собственностью, как находит нужным. Спорный же вопрос касается исследования и заселения Галактики: будет ли заниматься этим одна Аврора, или Аврора в сотрудничестве с другими космомирами, или мы предоставим это Земле. Доктор Амадиро и глобалисты считают, что это бремя должна нести одна Аврора, доктор Фастольф предпочел бы оставить его Земле.

Председатель сделал паузу.

— Если мы сумеем удалить этот вопрос, то дело о роботе можно будет оставить на усмотрение гражданского суда, а разбора поведения землянина вообще не потребуется — мы просто отошлем его назад. А потому я начну с вопроса, готов ли доктор Амадиро согласиться с позицией доктора Фастольфа для достижения единства. Или не готов ли доктор Фастольф согласиться с позицией доктора Амадиро ради того же.

Председатель выжидающе умолк.

— Мне очень жаль, господин председатель, — сказал Амадиро, — но я вынужден настаивать на том, чтобы земляне ограничились собственной планетой, а Галактику заселяли только аврорианцы. Однако я готов пойти на компромисс и согласиться, чтобы другие космомиры приняли определенное участие в заселении Галактики, если такая уступка предотвратит раздоры между нами.

— Так-так, — сказал председатель. — Доктор Фастольф, согласны ли вы поступиться своей позицией с учетом этого предложения?

— Компромисс, предложенный доктором Амадиро, господин председатель, ничего в сущности не меняет, Я готов предложить более значимый компромисс, Почему бы не открыть Галактику для исследований как других космонитов, так и землян? Галактика велика, и места в ней хватит для всех. На такое условие я соглашусь охотно.

— О, конечно! — торопливо заговорил Амадиро. — Ведь это никакой не компромисс. Население Земли, численностью свыше восьми миллиардов, вдвое превосходит население всех космомиров, взятое вместе. Люди Земли живут недолго и приспособились быстро восполнять свои потери. У

них отсутствует уважение к индивидуальной жизни. Они облепят новые миры, размножаясь с быстротой насекомых, и завладеют Галактикой, когда мы только приступим к ее исследованию. Предложить Земле якобы равную возможность освоения Галактики — значит подарить ее им, так какое же тут равенство? Земляне должны ограничиться Землей.

— Что скажете на это вы, доктор Фастольф? — осведомился председатель. Фастольф вздохнул:

— Моя точка зрения известна, и, полагаю, мне не нужно вновь ее излагать. Доктор Амадиро планирует использовать человекоподобных роботов для освоения планет, на которые затем переселятся аврорианцы-люди, но у него человекоподобных роботов пока нет. Он не способен создать их, но и будь они у него, этот проект обречен на неудачу. И компромисс возможен, только если доктор Амадиро согласится в принципе, что земляне все-таки будут участвовать в заселении новых миров.

— В таком случае компромисс невозможен, — сказал Амадиро.

Председатель недовольно, поморщился.

— Боюсь, одному из вас придется уступить. Я не допущу, чтобы Аврору раздирала буря эмо-

циональных противоречий по столь важному вопросу. — Он посмотрел на Амадиро подчеркнуто без всякого выражения. — Вы намерены использовать выведение робота Джендера из строя как аргумент против взгляда доктора Фастольфа, не так ли?

— Да, намерен, — подтвердил Амадиро.

— Довод чисто эмоциональный. Вы собираетесь утверждать, что Фастольф пытается подорвать ваш план, ложно внушая, будто человекоподобные роботы менее эффективны, чем в действительности.

— Именно этого он и добивается…

— Клевета, — негромко произнес Фастольф.

— Нет, не клевета, если я докажу это, а я докажу! Пусть этот аргумент эмоционален, но он неопровержим. Вы ведь видите это, господин председатель, не так ли? Победа, конечно, останется за моими взглядами, но не без прискорбных осложнений. Мне кажется, вам следует убедить доктора Фастольфа смириться с неизбежным поражением и избавить Аврору от трагической процедуры, которая ослабит наше положение среди космомиров и подорвет нашу веру в себя.

— Как вы можете доказать, что доктор Фастольф вывел этого робота из строя?

— Он сам признает, что он — единственный человек, который мог бы это сделать. Как вам известно.

— Да, — сказал председатель. — Но я хотел, чтобы вы подтвердили это мне — не своим последователям и не средствам массовой информации, а лично мне в частной беседе. Как вы и сделали, — Он обернулся к Фастольфу: — А что скажете вы, доктор Фастольф? Вы действительно единственный человек: который мог бы вывести этого робота из строя?

— Не оставив никаких следов физического насилия? Да, насколько мне известно, никому другому это не удалось бы. Не думаю, что доктор Амадиро настолько силен в робопсихологии, и не перестаю изумляться, что, основав Институт робопсихологии, он с такой готовностью во всеуслышание объявляет о собственной некомпетентности, даже имея за спиной всех своих сотрудников. — Он насмешливо улыбнулся Амадиро.

Председатель вздохнул:

— Доктор Фастольф, обойдемся без риторики, без сарказмов и тонких шпилек. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Только одно: никакого вреда Джендеру я не

причинял. И не утверждаю, что это сделал кто-то еще. Игра случая — принцип неопределенности проявил себя в конкретных позитронных связях. Редко, но бывает. Пусть доктор Амадиро признает, что это была случайность, что никого не станут обвинять бездоказательно, и тогда мы сможем обсудить предлагаемые варианты соглашения, исходя только из их весомости.

— Нет, — сказал Амадиро. — Вероятность случайной гибели робота слишком мала — заметно меньше, чем вероятность того, что ее вызвал доктор Фастольф. Настолько меньше, что снять вину с доктора Фастольфа было бы безответственно. Я не отступлю, и победа останется за мной. Господин председатель, вы знаете, что победа будет моей, и мне кажется, что единственным разумным шагом будет принудить доктора Фастольфа смириться с поражением во имя всепланетного единства.

— А это, — быстро перебил Фастольф, — прямо связано с расследованием, которое по моей просьбе ведет мистер Бейли с Земли.

— Шаг, против которого я возражал с самого начала, — столь же быстро сказал Амадиро. — Этот землянин, возможно, умелый следователь, но он не знает Авроры и ничего не сможет тут сделать.

Если, конечно, не считать всяких клеветнических измышлений, из-за которых Аврора может быть выставлена перед космомирами в недостойном и смешном виде. Уже в десятке важных гиперволновых программ десятка космомиров встречались сатирические заметки на эту тему. Записи были отправлены в вашу канцелярию.

— И были доведены до моего сведения, — сказал председатель.

— На Авроре многие возмущены, — гнул свое Амадиро. — Позволить этому расследованию продолжаться было бы в моих эгоистических интересах. Оно лишает Фастольфа поддержки общественного мнения и голосов в Законодательном собрании. И чем дольше оно продлится, тем вернее будет моя победа, но оно компрометирует Аврору, и я не хочу получать выгоду от того, что наносит ущерб моей планете. Со всем уважением, господин председатель, я рекомендую положить расследованию конец и теперь же убедить доктора Фастольфа добровольно согласиться с тем, с чем он волей-неволей будет вынужден смириться, заплатив куда более высокую цену.

— Не отрицаю, — сказал председатель, — что, возможно, согласие на это расследование было дано доктору Фастольфу несколько необдуманно.

Но, повторяю — возможно. Признаюсь, я предпочел бы прекратить его. Тем не менее землянин (присутствия Бейли он все еще словно не замечал) провел здесь некоторое время…

Он замолчал, как будто ожидая от Фастольфа подтверждения, и тот поспешил сказать:

— Сегодня третий день, как он занимается расследованием.

— В таком случае, — объявил председатель, — мне кажется, будет только справедливо, чтобы, перед тем как запретить расследование, я выяснил, не установил ли он уже что-либо.

Председатель снова замолчал, и Фастольф, взглянув на Бейли, чуть заметно кивнул.

— Господин председатель, — сказал Бейли негромко, — мне не хотелось бы говорить без приглашения. Мне задан вопрос?

Председатель нахмурился и, не глядя на Бейли, произнес:

— Я прошу мистера Бейли с Земли сообщить нам, удалось ли ему что-нибудь установить.

Бейли глубоко вздохнул. Вот оно!

76

— Господин председатель, — начал он, — вчера днем я задавал вопросы доктору Амадиро, который всячески шел мне навстречу и во многом мне помог. Когда я и мои сопровождающие…

— Ваши сопровождающие? — переспросил председатель.

— Меня сопровождали два робота все время, пока я вел расследование, господин председатель, — ответил Бейли.

— Роботы, принадлежащие доктору Фастольфу? — вмешался Амадиро. — Я спрашиваю об этом для записи.

— Да. Для записи, — сказал Бейли. — Человекоподобный робот Дэниел Оливо и Жискар Ревентлов, робот более старой модели.

— Благодарю вас, — сказал председатель. — Продолжайте.

— Когда мы покинули территорию Института, выяснилось, что наша машина повреждена.

— Повреждена? — с недоумением повторил председатель. — Кем?

— Мы не знаем, но произошло это на территории Института. Мы прибыли туда по приглаше-

нию, так что персонал Института знал о нашем прибытии. И маловероятно, чтобы кто-нибудь еще мог оказаться там без приглашения и без ведома персонала. Если бы это было мыслимо, пришлось бы предположить, что повредить машину мог кто-то из служащих или сотрудников Института, что, разумеется, невозможно без прямого указания доктора Амадиро, а это столь же немыслимо.

— Вы что-то много думаете о немыслимом, — заметил Амадиро. — Обследовал ли машину квалифицированный механик? И было ли это действительно следствие чьих-то козней или просто поломка?

— Осмотр не производился, сэр, — ответил Бейли, — но Жискар, запрограммированный водить машину и хорошо знающий эту, утверждает, что ее повредили.

— А он робот доктора Фастольфа, запрограммированный им и ежедневно получающий от него распоряжения, — сказал Амадиро.

— Вы намекаете… — начал Фастольф.

— Я ни на что не намекаю. — Амадиро примирительно поднял ладонь. — Я просто констатирую… для записи.

Председатель сделал неопределенный жест:

— Может быть, мистер Бейли с Земли продолжит?

— Когда машина сломалась, — сообщил Бейли, — к ней явились другие.

— Другие? — переспросил председатель.

— Другие роботы. Когда они появились, моих роботов там уже не было.

— Минуточку, — перебил Амадиро. — Каким было ваше состояние в тот момент, мистер Бейли?

— Я чувствовал себя не очень хорошо.

— Не очень хорошо? Вы землянин и приспособлены жить только в искусственной обстановке ваших Городов. Под открытым небом вы чувствуете себя плохо, не так ли, мистер Бейли? — спросил Амадиро.

— Да, сэр.

— А вчера вечером разразилась сильная гроза, как, полагаю, известно председателю. Не точнее будет ли сказать, что вы чувствовали себя очень скверно? Почти теряли сознание, если не хуже?

— Да, мне было плохо, — с неохотой признал Бейли.

— В таком случае, — резко сказал председатель, — как ваши роботы могли уйти от вас? Раз вы чувствовали себя плохо, они должны были

остаться с вами.

— Я приказал им уйти, господин председатель.

— Почему?

— Я полагал, что так будет лучше, — ответил Бейли. — И объясню почему, если вы разрешите мне продолжить.

— Продолжайте.

— За нами действительно гнались — преследовавшие нас роботы появились у машины вскоре после того, как я отослал моих. Преследователи сразу спросили, где мои роботы, и только услышав, что я отослал их назад в Институт, поинтересовались, не плохо ли я себя чувствую. Я ответил, что нет, и они сразу бросили меня и отправились на поиски моих роботов.

— На поиски Дэниела и Жискара? — уточнил председатель.

— Да, господин председатель. Мне было ясно, что роботы эти следовали строжайшему приказу найти их.

— Почему вам это было ясно?

— Хотя они не могли не видеть, что мне плохо, эти роботы сначала спросили меня о Дэниеле с Жискаром, а потом уже о том, как я себя чувствую. Затем они бросили меня в таком состоянии и продолжили свои поиски. Следовательно, они

получили строжайший приказ отыскать моих роботов, иначе не оставили бы человека, которому явно было плохо. Только я предусмотрел эту погоню за моими роботами, почему и отослал их. Мне представлялось абсолютно-необходимым уберечь их от посторонних рук.

— Господин председатель, — вмешался Амадиро, — разрешите мне задать мистеру Бейли несколько вопросов по этому поводу, чтобы доказать, насколько беспочвенны его утверждения.

— Разрешаю.

— Мистер Бейли, — начал Амадиро, — когда ваши роботы ушли, вы остались в одиночестве, не так ли?

— Да, сэр.

— Следовательно, вы не вели записи происходящего? Не могли их вести? У вас не было записывающего устройства?

— Нет на все три вопроса, сэр.

— И вы чувствовали себя плохо?

— Да, сэр.

— Сумеречное состояние? Вам было так худо, что вы ничего толком не запомнили?

— Вовсе нет, сэр. Я все помню ясно.

— Естественно, вам так кажется. Но не исключено, что вы бредили, что у вас были галлюцинации.

А потому несомненно, что слова роботов, да и само их появление никакого доверия не заслуживают.

— Согласен, — задумчиво произнес председатель. — Мистер Бейли с Земли, предположим, что вы действительно помните — или утверждаете, будто помните, — все это, то как вы истолковываете то, о чем говорили?

— Я не решаюсь, господин председатель, высказать вслух свои мысли по этому поводу, опасаясь, что их могут принять за клевету на достойнейшего доктора Амадиро.

— Поскольку вы говорите по моей просьбе и поскольку все сказанное вами не выйдет из этих стен (председатель посмотрел на пустые ниши), вопроса о клевете не встает. Конечно, если я не приду к выводу, что вы злословите.

— В таком случае, господин председатель, — начал Бейли, — я не исключаю, что доктор Амадиро преднамеренно задерживал меня в своем кабинете, подробно обсуждая со мной всякие вопросы, таким образом выгадывая время, достаточное, чтобы повредить мою машину. И продолжал меня задерживать до начала грозы с расчетом, что мне в пути станет дурно. Он несколько раз повторял, что изучал условия жизни на Земле,

а потому представлял, какое действие произведет на меня гроза. Мне кажется, он задумал послать за нами роботов, чтобы они забрали нас из остановившейся машины и доставили назад в Институт, якобы чтобы помочь мне, а на самом деле для того, чтобы роботы доктора Фастольфа оказались в его власти.

Амадиро мягко усмехнулся:

— Но чем я руководствовался, подстраивая все это? Вы видите, господин председатель, это сплошные предположения, и любой суд на Авроре признал бы их клеветой.

— У мистера Бейли с Земли есть чем подкрепить эти гипотезы? — сурово осведомился председатель.

— Логикой, господин председатель.

Председатель встал, сразу утратив изрядную долю внушительности, так как практически сохранил тот же рост.

— Я пройдусь и обдумаю то, что уже услышал. И скоро вернусь.

Он удалился в Личную.

Фастольф наклонился к Бейли, а Бейли к нему. (Амадиро почти не удостоил их взглядом, словно его совершенно не интересовало, о чем они могут совещаться.) Фастольф прошептал:

— Вам есть что сказать еще?

— По-моему, есть, — шепнул в ответ Бейли. — Если мне дадут сказать, но, по-моему, председатель настроен не очень дружески.

— Вот именно. До сих пор вы только ухудшали положение. Я не удивлюсь, если он, вернувшись, объявит разбирательство оконченным.

Бейли качнул головой и уставился на свои ботинки.

77

Бейли все еще созерцал их, когда председатель возвратился, сел поудобнее и обратил на землянина суровый и несколько раздраженный взгляд.

— Мистер Бейли с Земли! — сказал он.

— Я слушаю, господин председатель?

— Мне кажется, вы злоупотребляете моим временем, но я не хочу дать повода для утверждений, будто я не выслушал обе стороны до конца, хотя это и выглядело напрасной тратой времени. Можете вы назвать мне причину, которая побудила бы доктора Амадиро совершать безумства, в которых вы его обвиняете?

— Господин председатель, — произнес Бейли

тоном, граничащим с отчаянием, — причина была. И очень веская. Она кроется в том факте, что принадлежащий доктору Амадиро план освоения Галактики пойдет прахом, если он или его Институт не сумеют создать человекоподобных роботов. До сих пор доктор Амадиро не создал ни единого и не способен его создать. Спросите у него, даст ли он согласие, чтобы назначенная Законодательным собранием комиссия установила, есть ли какие-либо признаки, что там создаются или хотя бы разрабатываются функционирующие человекоподобные роботы. Если он заявит, что производство таких роботов уже поставлено на конвейер или они хотя бы существуют в виде чертежей — ну, пусть даже в виде рабочей формулы, если он готов наглядно подтвердить этот факт перед компетентной комиссией, я больше ничего не добавлю и признаю, что мое расследование не привело ни к каким результатам.

Бейли умолк, и у него перехватило дыхание. Председатель посмотрел на Амадиро, с чьих губ исчезла улыбка.

— Не отрицаю, — сказал Амадиро, — что в настоящее время мы еще не готовы приступить к производству человекоподобных роботов.

— В таком случае я продолжу, — сказал Бей-

ли, тяжело переведя дух. — Разумеется, доктор Амадиро мог бы получить всю необходимую ему информацию от доктора Фастольфа, хранящего ее у себя в голове, но Доктор Фастольф отказывается сотрудничать с ним в этом проекте.

— И не соглашусь ни при каких условиях, — пробормотал Фастольф.

— Однако, господин председатель, — продолжал Бейли, — секрет создания человекоподобных роботов известен не только доктору Фастольфу.

— Разве? — удивленно спросил председатель. — Но кому еще? Ваши слова озадачили и самого доктора Фастольфа, мистер Бейли. (В первый раз он не добавил «с Земли».)

— Я действительно озадачен, — сказал Фастольф. — Я убежден, что это известно только мне, и не понимаю, на что намекает мистер Бейли.

— Думаю, мистер Бейли и сам этого не понимает, — заметил Амадиро, кривя губы в улыбке.

Бейли стало душно. Он переводил взгляд с одного на другого, чувствуя, что из них никто… никто ему не сочувствует. Он сказал:

— Но ведь это должно быть известно каждому человекоподобному роботу, не так ли? Возможно, не на уровне сознания — не так, чтобы давать

объяснения, но информация эта должна быть скрыта в нем, правда? Если умело задавать вопросы человекоподобному роботу, его ответы и реакции дадут стройную картину его конструкции и создания. В конце концов, если времени будет достаточно, а вопросы составлены умело, человекоподобный робот выдаст информацию, пригодную для создания других человекоподобных роботов. Короче говоря, невозможно сохранить секрет механизма, если сам механизм доступен для подробного изучения.

Фастольф, казалось, был поражен.

— Я понял, мистер Бейли, и вы правы. Мне както и в голову не приходило.

— Со всем уважением, доктор Фастольф, не могу не сказать вам, что вы, как и все аврорианцы, обладаете особой индивидуалистичной гордостью. Вас настолько удовлетворяла мысль, что вы — самый лучший робопсихолог, единственный, способный создать человекоподобного робота, что вы перестали замечать очевидное.

Председатель позволил себе улыбнуться.

— Тут он вас поймал, доктор Фастольф! Меня все время удивляла настойчивость, с какой вы утверждали, что вывести Джендера из строя было бы не под силу никому, кроме вас самих, хотя

такое утверждение ослабляло ваше политическое положение. Но теперь мне понятно, что вы готовы пожертвовать своим политическим влиянием, лишь бы не утратить свою уникальность.

Фастольфу это явно пришлось не по вкусу, а Амадиро нахмурился и сказал:

— Господин председатель, я протестую. Мне еще не доводилось слышать столь злобной клеветы. Все это основано на бредовых фантазиях больного человека. Мы не знаем, и, возможно, никогда не узнаем, действительно ли машину кто-то повредил, а если да, то кто. Не узнаем, действительно ли роботы гнались за машиной и говорили с мистером Бейли или нет. Он просто громоздит заключение на заключение, опираясь на сомнительные происшествия, свидетелем которых был он один — причем в полубредовом состоянии от страха, возможно, галлюцинируя. В суде все это не было бы принято во внимание ни на секунду.

— Здесь не суд, доктор Амадиро, — сказал председатель, — и я обязан выслушивать все, что может пролить свет на спорный вопрос.

— Пролить свет? Это блуждание в потемках, господин председатель.

— Но каким-то образом складывается опреде-

ленная картина. Я не поймал мистера Бейли ни на единой нелогичности. Если признать, что он действительно испытал все, о чем говорил, то его заключения кажутся основательными. Но вы отрицаете все это, доктор Амадиро? Поломку машины, погоню, намерение завладеть человекоподобным роботом?

— Конечно, отрицаю! Категорически! — воскликнул Амадиро. (Улыбаться он перестал уже давно.) — Землянин может предъявить запись всего нашего с ним разговора и без сомнения, заявит, будто я нарочно задерживал его долгими рассуждениями, приглашением осмотреть Институт, приглашением поужинать со мной… Но ведь все это вполне объясняется моим, как теперь видно, не вполне разумным желанием оказать ему любезность, быть гостеприимным. Я поддался определенной симпатии, которую питаю к землянам, только и всего. Я отвергаю его нелепые истолкования моих поступков и полагаю, что мое слово весит больше его измышлений. Моя репутация — достаточная гарантия, и эти высосанные из пальца построения никого не убедят, будто я — тот хитрый интриган, каким рисует меня этот… этот землянин.

Председатель неторопливо потер подбородок

и сказал:

— Естественно, я не намерен обвинять вас на основе того, что услышал пока от землянина. Мистер Бейли, если это все, то этого недостаточно, хотя ваши соображения и не лишены интереса. Вы можете добавить что-нибудь доказательное? Если нет, то учтите, я больше не могу тратить время без толку.

78

— Я хотел бы остановиться только еще на одном, господин председатель. Возможно, вы слышали о Глэдии Дельмар. Или о Глэдии с Солярии. Сама она называет себя просто Глэдия.

— Да, мистер Бейли, — ответил председатель с досадой в голосе. — Я о ней слышал. И видел гиперволновую драму, в которой вы и она играете столь замечательные роли.

— Много месяцев робот Джендер находился у нее и под конец стал ее мужем.

Устремленный на Бейли неодобрительный взгляд председателя стал возмущенным.

— Чем-чем?!

— Ее мужем, господин председатель.

Фастольф приподнялся, но снова сел. Вид у него

был расстроенный.

— Это противозаконно! — резко сказал председатель. — Хуже того: это глупо. Робот не может зачать ребенка. Детей с роботом у нее быть не могло. А статус мужа, как и жены, даруется только после изъявления желания иметь ребенка, если на него получено разрешение. Мне кажется, даже землянину это должно быть известно.

— Да, конечно, господин председатель, — сказал Бейли. — Не сомневаюсь, что и Глэдия это знает. Слово «муж» она употребляла не в юридическом, а в эмоциональном смысле. Она считала Джендера эквивалентом мужа. И относилась к нему как к мужу.

Председатель обернулся к Фастольфу:

— Вы об этом знали, доктор Фастольф? Он ведь был вашим роботом.

— Я знал, что она к нему привязалась, — ответил Фастольф с явным смущением. — Я подозревал, что она использует его сексуально. Но об этой противозаконной фантазии я узнал только сейчас от мистера Бейли.

— Глэдия уроженка Солярии, — сказал Бейли. — И слово «муж» для нее означает не совсем то, что для аврорианки.

— Более чем очевидно, — буркнул председа-

тель.

— Но у нее хватало здравого смысла скрывать это ото всех, господин председатель. Никому на Авроре она об этой фантазии, как выразился доктор Фастольф, не говорила. Мне позавчера она открылась только потому, что хотела, чтобы я усерднее расследовал дело, так близко ее касающееся. Но, думаю, она все равно промолчала бы, не будь я землянином, способным понять ее толкование этого слова.

— Пусть так, — сказал председатель. — Я готов признать за ней — как за солярианкой — такую крупицу здравого смысла. Так вы на этом хотели остановиться?

— Да, господин председатель.

— Но это не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу и не может повлиять на оценку положения.

— Господин председатель, я должен задать еще один вопрос. Один-единственный. Десяток слов, сэр, и я закончу.

Бейли говорил со всей доступной ему убедительностью, ведь наступил решающий момент.

— Ну хорошо. Один последний вопрос, — согласился председатель после некоторых колебаний.

— Да, господин председатель. — Бейли хотелось

свирепо закричать, но он сдержался, И даже не повысил голоса. От того, что он собирался сказать, зависело все. Но он даже пальцем не указал, хотя все время подводил разговор к этому финалу. Памятуя наставления Фастольфа, он произнес роковой вопрос почти небрежным тоном:

— Так откуда доктор Амадиро знал, что Глэдия считала Джендера своим мужем?

— Что-о? — Седые мохнатые брови председателя поползли на лоб. — Откуда вы взяли, что он об этом знал?

Прямой вопрос позволил Бейли продолжать:

— Спросите у него, господин председатель. — И он кивнул в сторону Амадиро, который вскочил и теперь смотрел на Бейли с явным ужасом.

79

Бейли повторил, очень мягко, не желая отвлечь внимание от Амадиро:

— Спросите его, господин председатель. Он как будто взволнован.

— В чем дело, доктор Амадиро? — спросил председатель. — Вы что-нибудь знали о том, что эта солярианка считала робота своим мужем?

Амадиро что-то бессвязно пробормотал, потом

крепко сжал губы. Внезапная бледность на его лице сменилась багровой краской. Наконец он выговорил:

— Это бессмысленное обвинение меня несколько ошеломило, господин председатель. Я просто ничего не понимаю.

— Могу ли я объяснить, господин председатель? Очень коротко? — спросил Бейли. (А что если ему не позволят говорить?)

— Попробуйте, — мрачно сказал председатель. — Если у вас есть объяснение, я буду рад его услышать.

— Господин председатель, — начал Бейли, — вчера днем я беседовал с доктором Амадиро. Поскольку он решил задержать меня, пока не разразится гроза, то говорил много и, видимо, не очень следил за собой. Разговор коснулся Глэдии, и доктор Амадиро мимоходом назвал Джендера ее мужем. Мне любопытно узнать, откуда ему это было известно.

Амадиро все еще стоял, точно обвиняемый перед судьей. Он сказал:

— Правда это или нет, разбираемый вопрос тут ни при чем.

— Может быть, — ответил председатель. — Но меня удивляет ваша реакция на этот вопрос. Мне

кажется, для мистера Бейли и для вас он имеет подспудный смысл, и я хотел бы его понять. Ответьте, знали вы или не знали об этой немыслимой связи между Джендером и солярианкой?

— Откуда мне было знать? — произнес Амадиро прерывающимся голосом.

— Это не ответ, — сказал председатель, — а уход от ответа. Я прошу вас вспомнить, а вы рассуждаете. Так говорили вы или не говорили то, что вам приписывают?

— Прежде чем доктор Амадиро ответит, — вмешался Бейли, которому негодующая вспышка председателя придала уверенности, — я обязан напомнить ему, что Жискар, робот, присутствовавший при пашем разговоре, может в случае необходимости повторить весь наш разговор дословно, воспроизводя наши голоса и интонации. Короче говоря, весь разговор был записан.

Амадиро вскричал с бешенством:

— Господин председатель, робот Жискар был сконструирован и программирован доктором Фастольфом, объявляющим себя лучшим из всех робопсихологов, моим ожесточенным противником. Можем ли мы доверять записям такого робота?

— Господин председатель, — сказал Бейли, —

не прослушать ли вам запись, чтобы сделать собственные выводы?

— Пожалуй, — протянул председатель, — Доктор Амадиро, я здесь не для того, чтобы мои решения принимались за меня. Но пока оставим это. Доктор Амадиро, несмотря на эту запись, готовы ли вы заявить — тоже для записи, — что вы ничего не знали о манере солярианки называть робота своим мужем и ни разу не упомянули о нем, как о ее муже? Не забывайте — вы же оба члены Законодательного собрания, — что весь наш разговор, хотя здесь и нет робота, записывается моим личным аппаратом. (Он похлопал себя по нагрудному карману.) — Так как же, доктор Амадиро? Да или нет?

Амадиро ответил почти с отчаянием:

— Господин председатель, я, право, не могу вспомнить, что именно сказал в случайном разговоре. Если я и произнес это слово, в чем отнюдь не уверен, то лишь вследствие другого такого же случайного разговора: возможно, кто-то упомянул при мне, что Глэдия просто влюблена в своего робота, точно он ее муж.

— С кем вы вели этот второй случайный разговор? — спросил председатель. — Кто вам сказал это?

— Сейчас я не могу вспомнить.

— Господин председатель, — сказал Бейли, — если доктор Амадиро будет столь любезен и составит список всех, кто мог бы употребить такую фразу в разговоре с ним, можно было бы опросить их и таким образом установить, кто это был.

— Надеюсь, господин председатель, — воскликнул Амадиро, — вы учтете, как такой опрос подействует на сотрудников Института.

— Надеюсь, что и вы это учтете, доктор Амадиро, — ответил председатель. — И дадите на наш вопрос более удовлетворительный ответ, чтобы не вынуждать нас к крайним мерам.

— Прошу вас, господин председатель, есть еще один вопрос, — сказал Бейли, насколько сумел просительнее.

— Вопрос? Еще один? — Председатель посмотрел на Бейли без особой ласковости. — Какой же?

— Почему доктор Амадиро с таким упорством не хочет признать, что ему было известно пристрастие Глэдии к Джендеру? Он утверждает, что это не имеет отношения к делу. Тогда почему он просто не скажет, что знал о нем, и все тут? А я утверждаю, что отношение это прямое, что док-

тор Амадиро знает, в какой мере оно доказывает преступность некоторых его действий!

— Я возмущен этим словом и требую извинений! — загремел Амадиро.

Фастольф чуть улыбнулся, а Бейли крепко сжал губы. Ему удалось вывести Амадиро из себя.

Председатель побагровел и воскликнул гневно:

— Вы требуете? Тре-бу-ете?! От кого вы требуете? Я председатель и выслушиваю все стороны, прежде чем решить, что будет наилучшим в данной ситуации. Позвольте мне выслушать, как именно землянин истолковывает ваши поступки. Если он клевещет на вас, то понесет наказание, можете не сомневаться — как и в том, что я интерпретирую статьи закона о клевете в наиболее широком смысле. Но вы, доктор Амадиро, никаких требований мне предъявлять не можете! Продолжайте, землянин, изложите вашу версию, но будьте осторожны.

— Благодарю вас, господин председатель, — сказал Бейли. — Дело в том, что один аврорианец знал о тайне Глэдии от нее самой.

— Так кто же это? — перебил председатель. — Перестаньте пускать в ход ваши гиперволновые приемы!

— Господин председатель, — ответил Бейли, — у меня и в мыслях этого не было. Я просто хотел указать, что таким аврорианцем был сам Джендер. Хоть он и робот, но жил на Авроре, а потому его можно назвать аврорианцем. Уж конечно Глэдия в минуты нежности называла его «мой муж:». Поскольку доктор Амадиро допускает, что мог слышать от кого-то об отношении Глэдии к Джендеру как к мужу, не логично ли предположить, что слышал он об этом от Джендера? Готов ли доктор Амадиро заявить сейчас для записи, что никогда не разговаривал с Джендером, пока тот находился в доме Глэдии?

Дважды Амадиро открывал рот, словно хотел что-то сказать, и дважды его закрывал без единого слова.

— Так как же? — спросил председатель. — Вы разговаривали с Джендером в указанный период, доктор Амадиро?

Ответа вновь не последовало.

— Если такие разговоры были, — мягко вставил Бейли, — это имеет самое прямое отношение к рассматриваемому вопросу.

— Я тоже начинаю склоняться к этой мысли, мистер Бейли. Ну так как же, доктор Амадиро? Да или нет?

И тут Амадиро взорвался:

— Какие улики есть у землянина против меня в этом деле? Он располагает записями моих разговоров с Джендером? У него есть свидетели, готовые подтвердить, что видели меня с Джендером? Что у него вообще есть, кроме голословных утверждений?

Председатель обернулся к Бейли, и тот сказал:

— Господин председатель, если у меня нет ничего, то доктор Амадиро мог бы заявить для записи, что никаких контактов у него с Джендером не было, но он этого не сделал. Мне в процессе расследования пришлось побеседовать с доктором Василием Алиеной, дочерью доктора Фастольфа. Кроме того, я беседовал с юным аврорианцем Сантриксом Гремионисом. Запись этих бесед ясно покажет, что доктор Василия поощряла ухаживания Гремиониса за Глэдией. Вы можете спросить доктора Василию, зачем ока так поступала и не по совету ли доктора Амадиро. Выяснится также, что Гремионис постоянно отправлялся с Глэдией в дальние прогулки, как нравилось им обоим, — и они никогда не брали с собой робота Джендера. Можете все это проверить, сэр, если угодно.

— Разумеется, — сухо ответил председатель. — Но если и так, что из этого следует?

— Я указал, что кроме доктора Фастольфа о секрете человекоподобных роботов можно было бы узнать еще и от Дэниела, — начал Бейли, — До гибели Джендера секретом этим в той же мере владел Джендер. Но если Дэниел находился при докторе Фастольфе вне досягаемости, Джендер жил у Глэдии, а она менее способна ограждать своих роботов. Так не мог ли доктор Амадиро воспользоваться длительными отлучками Глэдии, пока она гуляла с Гремионисом, чтобы разговаривать с Джендером — возможно, по трехмернику, чтобы изучать его реакции, подвергать различным тестам, а затем блокировать робота так, чтобы он ничего не мог сказать Глэдии про эти разговоры? Не исключено, что он уже почти узнал то, ради чего все это затеял, когда гибель Джендера положила конец его исследованиям. Тогда он переключился на Дэниела. Возможно, веря, что ему осталось провести лишь несколько испытаний, он и устроил мне вчера ловушку, о чем я уже… э… давал показания.

Председатель пробормотал почти шепотом:

— Да, все сходится. Я просто вынужден поверить…

— Еще одно, и мне действительно будет нечего добавить, — сказал Бейли. — Исследуя и ставя

опыты на Джендере, доктор Амадиро мог случайно и абсолютно непреднамеренно вывести Джендера из строя, то есть совершить робийство.

И Амадиро, не стерпев, закричал:

— Нет! Ни в коем случае! Все, что я делал с этим роботом, было абсолютно для него безопасно!

— Я совершенно с этим согласен, господин председатель, — вмешался Фастольф. — Я тоже не думаю, что доктор Амадиро вывел Джендера из строя. Однако, господин председатель, это заявление доктора Амадиро представляет собой безоговорочное признание, что он действительно работал с Джендером и что анализ ситуации, сделанный мистером Бейли, в целом верен.

Председатель кивнул:

— Я вынужден согласиться с вами, доктор Фастольф. Вы, доктор Амадиро, вправе заявить, что отрицаете все это, и тогда я, скорее всего, буду вынужден начать официальное расследование, которое крайне вам повредит, чем бы оно ни завершилось. И ведь скорее всего, судя по тому, что я выслушал здесь, завершится оно не в вашу пользу. А потому я рекомендовал бы вам не настаивать на нем, не подвергать риску свое положение в Законодательном собрании, не подвергать риску политический курс, которым

Аврора пока следует без малейших осложнений. Насколько я могу судить, до того как был поднят вопрос о гибели Джендера, доктор Фастольф располагал в Собрании большинством голосов (бесспорно, не очень большим) в вопросе о заселении Галактики. Возложив на доктора Фастольфа ответственность за то, что произошло с Джендером, вы привлекли бы на свою сторону достаточно депутатов, чтобы оказаться в большинстве. Теперь, наоборот, доктор Фастольф, если пожелает, может обвинить в гибели Джендера вас — а также в попытке оклеветать своего противника, и вы заведомо проиграете. Однако если я не вмешаюсь, то вы, доктор Амадиро, и вы, доктор Фастольф, поддавшись упрямству или даже мстительности, сплотите вокруг себя своих сторонников и начнете выдвигать друг против друга всяческие обвинения. Наши политические силы, как и общественное мнение, будут расколоты, раздроблены к величайшему вреду для нас всех. На мой взгляд, в таком случае неизбежная победа доктора Фастольфа обойдется слишком дорого, а потому мой долг как председателя сразу же высказаться в его пользу и подвергнуть давлению ваших сторонников, доктор Амадиро. Так не лучше ли вам сразу благоразумно уступить и

смириться с победой доктора Фастольфа во имя блага Авроры?

— Я не ищу сокрушительной победы, господин председатель, — сказал Фастольф. — И вновь предлагаю компромисс: пусть Аврора, остальные космомиры, а также Земля получат равные права на заселение Галактики. Взамен я буду рад стать сотрудником Института робопсихологии, предоставить в его распоряжение все, что знаю о человекоподобных роботах, облегчив таким образом осуществление плана доктора Амадиро — в обмен на его торжественное обещание не принимать никаких мер против Земли когда-либо в будущем и облечь это обещание в форму договора, который будет подписан нами и Землей.

Председатель кивнул:

— Мудрое государственное решение. Могу ли я рассчитывать на ваше согласие, доктор Амадиро?

Амадиро опустился в кресло. На его лице застыла горечь поражения.

— Я не искал личной власти или тщеславного удовлетворения победой, — сказал он. — Я хотел того, что для Авроры лучше всего, в чем я твердо убежден, как убежден и в том, что план доктора Фастольфа рано или поздно обернется

концом Авроры. Однако я признаю, что бессилен против происков этого землянина (он бросил на Бейли злобный взгляд), и вынужден принять предложение доктора Фастольфа. Все же я прошу разрешения обратиться к Законодательному собранию на эту тему и изложить для записи мои опасения относительно последствий.

— Это, разумеется, мы разрешим, — ответил председатель. — И, доктор Фастольф, если вы послушаетесь моей рекомендации, то незамедлительно отправите землянина восвояси. Он обеспечил победу вашей точке зрения, но она утратит популярность, если у аврорианцев отыщутся причины усмотреть тут победу Земли.

— Вы совершенно правы, господин председатель, и мистер Бейли вскоре отправится на Землю — с моей благодарностью и, надеюсь, также и с вашей.

— Что ж, — не слишком любезно сказал председатель, — поскольку его находчивость предотвратила опасные политические схватки, я ему благодарен. Так благодарю вас, мистер Бейли.

Глава девятнадцатая
Снова Бейли
80

Бейли издали наблюдал, как они уезжали. Хотя Амадиро привез председателя, отбыли они по отдельности.

Фастольф проводил их и вернулся, не скрывая облегчения.

— Идемте, мистер Бейли, — сказал он. — Перекусим, а затем вы отправитесь на Землю без лишних промедлений.

Его роботы уже занялись необходимыми приготовлениями.

Бейли кивнул и заметил саркастически:

— Председатель меня, бесспорно, поблагодарил, но при этом он словно костью подавился.

— Вы представления не имеете, какая вам оказана честь! — сказал Фастольф. — Председатель крайне редко кого-нибудь благодарит. Но, с другой стороны, никто никогда не благодарит председателя. Хвалить его предоставляется истории, а нынешний занимает свой пост свыше сорока лет. Он успел стать раздражительным и

брюзгливым, как всегда случается с председателями в конце их пребывания на посту. Однако; мистер Бейли, я благодарю вас еще раз, и вместе со мной вас благодарит Аврора. Вы еще увидите, как земляне выйдут в открытый космос, хотя срок вашей жизни и короток. Всю необходимую техническую помощь мы вам окажем. Каким образом, мистер Бейли, вы умудрились распутать этот наш клубок за двое с половиной суток… нет, меньше… я просто вообразить не могу! Вы — чудо… Но идемте. Конечно, вы захотите немножко привести себя в порядок. Во всяком случае, мне это необходимо.

В первый раз после прибытия председателя у Бейли хватило времени подумать о чем-то кроме следующей своей фразы.

Он все еще не знал, какое озарение трижды посетило его: на грани сна, затем на грани обморока и, наконец, в момент полной расслабленности.

«Он успел раньше».

По-прежнему непонятно, однако он все равно убедил председателя, полностью справился со своей задачей. Так, может, и смысла-то никакого нет? Будто деталь механизма, которая никуда не вставляется и словно бы бесполезна? Так просто чепуха?

Это продолжало его грызть, и за стол он сел победителем, обманутым своей победой. Его мучило ощущение, что он упустил главное.

И вообще, не отступит ли председатель от своего решения? Амадиро проиграл сражение, но он из тех, кто ни при каких обстоятельствах до конца не сдается. Если отдать ему должное и поверить, что он не кривил душой, утверждая, что им движет не честолюбие, а патриотизм, любовь к Авроре, он ни за что не сдастся.

Пожалуй, следует предостеречь Фастольфа.

— Доктор Фастольф, — сказал Бейли, — мне кажется, это еще не конец. Доктор Амадиро будет по-прежнему добиваться изоляции Земли.

Фастольф кивнул и придвинул к себе тарелку.

— Не сомневаюсь. Я другого и не жду, но поскольку с вопросом о гибели Джендера покончено, опасаться больше нечего. Теперь, когда он лишился этого козыря, я знаю, что в Законодательном собрании верх всегда будет за мной. Не бойтесь, мистер Бейли, Земля выйдет в космос. И мести Амадиро — он человек злопамятный — тоже не опасайтесь. Вы покинете Аврору еще до захода солнца. И вас, разумеется, будет сопровождать Дэниел. Ну а наше сообщение, которое мы отправим с вами, обеспечит вам солидное

продвижение по службе.

— Я буду рад поскорее вернуться, — сказал Бейли. — Но надеюсь, у меня еще есть время попрощаться кое с кем. Я… я хотел бы повидать Глэдию, а также пожелать всего доброго Жискару, который, возможно, вчера ночью спас мне жизнь.

— Ну разумеется, мистер Бейли! Но что же вы не едите?

Бейли послушно начал ковырять у себя в тарелке — еда не доставляла ему никакого удовольствия. Она почему-то казалась безвкусной, точно воспоминание о разговоре с председателем и недавней победе.

Он не должен был победить. Почему председатель не прервал его, а дал договорить? Да и Амадиро мог бы все отрицать наотрез. И его слово должно было бы перевесить утверждения и рассуждения землянина.

Впрочем, Фастольф ликовал.

— Я опасался худшего, мистер Бейли. Я опасался, что встреча с председателем преждевременна, что у вас не найдется, что сказать, чтобы изменить положение. Но вы справились великолепно! Слушая вас я был просто вне себя от восхищения. Я все время ждал, что Амадиро потребует, чтобы

его слово поставили выше слова землянина, пребывающего в полубезумии, потому что он оказался на чужой планере под открытым небом…

— Извините, доктор Фастольф, — ледяным тоном перебил Бейли, — но я не пребывал в полубезумии. Единственное исключение — прошлая ночь, по больше я ни разу не терял контроля над собой. Все остальное время на Авроре я был в здравом рассудке, пусть иногда и чувствовал себя не наилучшим образом. — Наружу прорывался тот гнев, который он вынужден был подавлять, пока говорил с председателем. — Только во время грозы, сэр… Ну и конечно, — вдруг вспомнил он, — на корабле… несколько секунд, когда мы приближались к Авроре…

Он не понял, почему, каким образом, с какой быстротой его осенила мысль… воспоминание… истолкование. Мгновение назад ее не было, а теперь она пронизала его сознание — четкая, ясная, как будто все время была там, прячась за завесой мыльных пузырьков.

— Иосафат! — потрясенно пробормотал он и вдруг ударил кулаком по столу, так что задребезжали тарелки. — Иосафат!

— Что с вами, мистер Бейли? — растерянно спросил Фастольф.

Бейли уставился на него, не сразу осознав вопрос.

— Ничего, доктор Фастольф. Просто при мысли о наглости Амадиро, когда он погубил Джендера, а потом постарался свалить вину на вас и подстроил, чтобы я вчера попал в грозу, а сегодня приписал мне из-за этого безумие, просто при этой мысли я поддался возмущению.

— Напрасно, мистер Бейли. И, кстати, Амадиро никак не мог убить Джендера. Это все-таки была случайность. Хотя, бесспорно, работа Амадиро с Джендером могла значительно увеличить вероятность такой случайности. Но я решил не возвращаться к этому.

Бейли слушал его вполуха. То, что он сказал Фастольфу, было лишь отговоркой, а то, что говорил Фастольф, никакой важности не имело. Это, как сказал бы председатель, не имело отношения к рассматриваемому вопросу. Собственно говоря, все, что произошло, все объяснения Бейли не относились к делу. Хотя это ничего не меняло.

За одним исключением… и не сразу.

— Иосафат! — прошептал он про себя и внезапно с аппетитом принялся за еду.

81

Снова Бейли пересек луг между домом Фастольфа и домом Глэдии. Он увидит Глэдию в четвертый раз за три дня — и (сердце у него болезненно сжалось) теперь в последний.

Его сопровождал Жискар — на некотором расстоянии, оглядывая окрестности еще более внимательно, чем прежде. Но для чего, если все факты уже известны председателю? Да и вообще, с самого начала опасность угрожала не ему, а Дэниелу. Видимо, Жискар еще не получил новых инструкций.

Только один раз он приблизился к Бейли — когда тот его окликнул:

— Жискар, а где Дэниел?

Жискар мгновенно очутился рядом с ним, словно не хотел повышать голоса.

— Дэниел отправился в космопорт вместе с другими нашими, чтобы организовать вашу доставку на Землю. Он встретит вас в космопорту, сопроводит на Землю и попрощается с вами уже там.

— Отлично! Мне дорог каждый лишний день, который я проведу с Дэниелом. А ты, Жискар? Ты

полетишь с нами?

— Нет, сэр, я получил инструкции остаться на Авроре. Однако Дэниел и без меня будет хорошо вам служить.

— Не сомневаюсь, Жискар, но мне будет не хватать тебя.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Жискар и столь же молниеносно унесся в сторону. Бейли секунду-другую задумчиво следил за ним… Нет, всему свое время. Сейчас его ждет Глэдия.

82

Она вышла к нему навстречу, и как она изменилась за какие-то два дня! Нет, она не сияла радостью, не танцевали, не искрилась веселье, в ее лице и глазах оставалась серьезность, следствие шока и горькой потери, но тревога, безнадежность исчезли, сменились светлой безмятежностью, словно она вдруг поняла, что жизнь продолжается и даже приносит радость.

Она протянула ему руку с теплой дружеской улыбкой.

— Пожми ее, Элайдж, пожми же! — сказала Глэдия, когда он замялся. — Смешно, если после прошлой ночи ты будешь стесняться и делать

вид, будто не хочешь дотронуться даже до моей руки. Как видишь, я все помню и ни с чем не жалею, Наоборот!

Бейли проделал необычную (для него) операцию — улыбнулся в ответ:

— Я тоже помню эту ночь, Глэдия, и тоже ни о чем не жалею. И хотел бы, чтобы она повторилась, но я пришел проститься.

Ее лицо омрачилось.

— Значит, ты возвращаешься на Землю! Но мои роботы все время поддерживают прямую связь с роботами доктора Фастольфа и они сказали мне, что все прошло очень хорошо. Ведь ты и не мог потерпеть неудачи!

— Да, все прошло удачно. Собственно говоря, доктор Фастольф одержал полную победу. Думаю, теперь никто не посмеет даже намекнуть, что он имел хоть какое-то отношение к гибели Джендера.

— Благодаря тому, что ты установил, Элайдж?

— По-видимому.

— Я так и знала! — В ее голосе прозвучала гордость. — Я знала, что ты во всем разберешься, когда посоветовала вызвать тебя сюда... Но в таком случае почему же тебя сразу отсылают?

— Именно потому, что все выяснилось. Если я

задержусь, то, видимо, стану занозой под ногтями вершителей большой политики.

Глэдия посмотрела на него с некоторым недоумением, а потом с тем же недоумением сказала:

— Я не совсем поняла. Это что — земная идиома? Впрочем, неважно. Ты сумел установить, кто убил Джендера? Вот что важно.

Бейли обвел взглядом комнату. В одной нише стоял Жискар, в другой — робот Глэдии. Она без труда истолковала его взгляд.

— Элайдж, да перестань же думать о присутствии роботов! Тебя же не стесняет присутствие стула или вон тех штор?

Бейли кивнул:

— Ну хорошо. Глэдия, мне жаль, мне страшно жаль, но я был вынужден упомянуть, что Джендер был твоим мужем.

Ее глаза широко раскрылись, и он торопливо продолжал:

— У меня не оставалось другого выхода, но я гарантирую, это никак не скажется на твоем положении здесь.

Вкратце пересказав ей ход беседы с председателем, он закончил:

— Как видишь, Джендера никто не убивал. Гибель его была результатом случайности, хотя

вероятность этой случайности скорее всего заметно увеличилась из-за того, чему он подвергался.

— А я даже не подозревала! — ахнула Глэдия. — Ничего не подозревала и оказалась пособницей Амадиро в его гнусном плане. И он виновен так же, как будто взял молот и ударил Джендера!

— Глэдия, — настойчиво сказал Бейли, — это несправедливо. Он не собирался причинить Джендеру вреда и делал то, что делал, ради блага Авроры, как он его понимает. И наказан он сполна. Потерпел сокрушительное поражение, все его планы рухнули, а Институт робопсихологии скоро признает руководство доктора Фастольфа. Ты не сумела бы придумать наказания страшнее, как бы ни старалась.

— Может быть… Мне надо подумать, — сказала она. — И ведь еще остается Сантрикс Гремионис, смазливый лакейчик, которому поручили выманивать меня из дома! Теперь понятно, почему он так упорствовал и делал вид, будто надеется вопреки моим отказам. Ну, он, конечно, снова сюда явится, и я с таким наслаждением…

Бейли яростно затряс головой:

— Нет, Глэдия, ты ошибаешься. Я разговаривал с ним и могу тебя заверить, что он понятия не имел о том, что делалось у него за спиной. Все

происходило без его ведома, как и без твоего. Как раз наоборот: упорствовал он вовсе не потому, что тебя нужно было выманить из дома, но Амадиро ловко использовал его настойчивость. А настойчивым Гремиониса сделали его чувства к тебе. Его любовь, если на Авроре это слово означает то же, что на Земле.

— На Авроре оно означает балет. Джендер был робот, а ты — землянин. У аврорианцев все поиному…

— Об этом ты уже говорила. Но, Глэдия, от Джендера ты научилась принимать, а от меня (я только повторяю твои слова) ты научилась дарить. И если ты научилась радости, то ведь будет только честно в свою очередь научить ей кого-то. Гремионис так увлечен тобой, что будет учиться охотно. Он уже бросил вызов обычаям Авроры, продолжая упорствовать вопреки твоим отказам. Переступит он и через другие предрассудки. Ты можешь научить его брать и дарить, и сама научишься, как брать у него и дарить ему.

Глэдия пристально посмотрела ему в глаза:

— Элайдж, ты стараешься избавиться от меня?

Бейли, помедлив, кивнул:

— Да, Глэдия, это так. Сейчас я больше всего на свете хочу счастья для тебя, как никогда ничего

не хотел ни для себя, ни для Земли. Сам я счастья тебе дать не могу, но, если его тебе даст Гремионис, я буду счастлив… почти так же счастлив, как если бы дар этот ты получила от меня. Глэдия, думаю, ты будешь изумлена, с какой поспешностью он откажется от балета, стоит тебе показать ему, как это сделать. Ну а тогда явятся и другие пасть к твоим ногам… И Гремионис, наверное, сумеет обучить многих женщин. Возможно, Глэдия, вдвоем с ним вы полностью революционизируете сексуальную жизнь на Авроре, Как-никак, в распоряжении у вас целые века!

Глэдия растерянно уставилась на него, но тут же засмеялась.

— Ты меня дразнишь! Нарочно говоришь глупости. Вот уж не ожидала такого от тебя, Элайдж, У тебя ведь лицо всегда ужасно серьезное, даже торжественное. Иосафат! (Последнее слово она попыталась произнести низким баритоном на его манер.)

— Ну, может быть, я тебя чуточку и поддразнивал, но я действительно так думаю. Обещай, что не отнимешь у Гремиониса этой возможности.

Глэдия шагнула к нему, и он без колебаний обнял ее. Она прижала палец к его губам, и он ответил ей поцелуем.

— Разве ты не предпочел бы оставить меня себе, Элайдж? — шепнула она нежно.

Он прошептал в ответ совсем тихо (не в силах ни на секунду забыть о роботах в нише):

— Да, Глэдия, да! Стыдно признаться, но в эту минуту я позволил бы Земле рассыпаться прахом, лишь бы ты стала моей. Но это невозможно. Через несколько часов я покину Аврору, а лететь со мной тебе нельзя. На Аврору меня вряд ли когда-нибудь еще пустят, а ты не можешь посетить Землю. Я никогда больше тебя не увижу, Глэдия, но помнить буду всегда. Еще три-четыре десятилетия, и я умру, а ты будешь все такой лее молодой — и, значит, нам все равно пришлось бы проститься навсегда, даже если бы могли сбыться наши желания.

Глэдия положила голову ему на грудь:

— Ах, Элайдж! Ты дважды появлялся в моей жизни и оба раза — лишь на несколько часов. Дважды ты успевал сделать для меня так много и сразу прощался. В первый раз я только прикоснулась к твоему лицу, но как много это изменило! Второй раз я решилась на несравненно большее, и вновь это изменило так много! Я не забуду тебя, Элайдж, даже проживи я неисчислимые века!

— Только не допусти, чтобы это воспоминание

стало преградой твоему счастью. Не прогоняй Гремиониса, сделай счастливым его и позволь ему дать счастье тебе. И ведь ты можешь писать мне, сколько захочешь… Между Авророй и Землей налажена гиперпочта.

— Я буду писать, Элайдж! А ты мне?

— Да, Глэдия.

Они умолкли и оторвались друг от друга, словно против воли. Она осталась стоять в центре комнаты, и когда у двери он обернулся, она все еще стояла там, чуть улыбаясь.

Его губы беззвучно произнесли «прощай!» И так же беззвучно — вслух эти слова у него никогда бы не вырвались — они произнесли «любовь моя».

Ее губы тоже дрогнули, неслышно шепча:

— Прощай, возлюбленный мой!

Он повернулся и вышел, зная, что никогда больше не увидит ее настоящую, никогда больше не прикоснется к ней.

83

Прошло довольно много времени, прежде чем Бейли собрался с силами для дела, которое ему еще оставалось довести до конца. Он молча прошел примерно половину расстояния до дома

Фастольфа, но тут остановился и махнул рукой.

Внимательный Жискар тотчас оказался рядом с ним.

— Сколько у меня времени до отъезда в космопорт? — спросил Бейли.

— Три часа и десять минут, сэр.

Бейли на секунду задумался.

— Мне бы хотелось пройтись вон до того дерева, — сказал он затем. — Посидеть, прислонившись к стволу, а полном одиночестве. То есть, разумеется, с тобой, но вдали от других людей.

— Под открытым небом, сэр? — Естественно, робот был неспособен выразить удивление и озабоченность, но Бейли почему-то не сомневался, что, будь Жискар человеком, в его голосе прозвучали бы именно эти чувства.

— Да, — ответил он. — Мне необходимо поразмыслить, а после вчерашней ночи такой тихий день — солнечный, безоблачный, теплый — совсем не кажется опасным. Если я почувствую приближение приступа агорафобии, то сейчас же потороплюсь вернуться в дом, обещаю. Так ты побудешь со мной?

— Да, сэр!

— Отлично!

И Бейли зашагал к дереву. Он осторожно потро-

гал ствол и осмотрел свой пальцы. Они остались абсолютно чистыми. Убедившись, что кора не испачкает ему спину, он внимательно осмотрел траву у корней, затем осторожно сел и прислонился к стволу.

Спинка кресла, конечно, была бы удобнее, зато, как ни странно, его охватило ощущение тихого покоя, которое в комнате он обрел бы едва ли.

Жискар встал рядом, но Бейли сказал:

— Садись-ка и ты!

— Я чувствую себя совершенно нормально и стоя, сэр.

— Знаю, Жискар, но мне будет удобнее думать, если не придется задирать голову, чтобы смотреть на тебя.

— Но ведь сидя, сэр, мне будет труднее уберечь вас от опасности.

— Я и это знаю, Жискар, но сейчас мне никакая опасность не угрожает. Я выполнил то, что мне поручили, дело завершено, положение доктора Фастольфа вновь стало твердым. Сесть ты можешь без всякого риска, и я тебе приказываю: садись!

Жискар тотчас сел лицом к Бейли, но его взгляд продолжал настороженно блуждать по сторонам.

Бейли поглядывал на небо сквозь листву, удивительно зеленую на голубом фоне, прислушивался к жужжанию насекомых и нежданным птичьим трелям, следил за колыханием травы неподалеку (наверно, сквозь нее пробиралась какая-нибудь зверушка) и наслаждался этим тихим покоем — таким непохожим на вечный шум и суету Города, подумал он. Такой безмятежный, такой ленивый, такой нерушимый покой…

И впервые в жизни Бейли как будто понял, почему Вне можно предпочесть Городу. Внезапно он поймал себя на мысли, что рад всему пережитому на Авроре и больше всего — грозе. Ведь теперь нет сомнений, что он способен покинуть Землю и приспособиться к условиям нового мира, на котором поселится. Поселится с Беном, а может быть, И с Джесси.

— Вчера ночью во время грозы было темно хоть глаз выколи, — начал он. — И я все думал, увидел ли бы я спутник Авроры, если бы не тучи. У нее же есть спутник, если я не ошибаюсь?

— Два спутника, сэр. Тот, что побольше, — Тифон — тем не менее так мал, что выглядит как звезда второй величины. А второй вообще невооруженным глазом не виден. И его называют попросту «Тифон-два», если о нем вообще вспо-

минают.

— Спасибо. И, Жискар, спасибо за то, что ты меня спас в прошлую ночь. — Он взглянул на робота. — Я не знаю, как полагается тебя благодарить.

— Меня совершенно незачем благодарить. Я ведь просто выполнял требования Первого Закона. У меня не было выбора…

— Тем не менее не исключено, что я обязан тебе жизнью. И очень важно, чтобы ты знал, что я это хорошо понимаю… А теперь, Жискар, что мне следует сделать?

— Касательно чего, сэр?

— Я выполнил то, что мне было поручено. Доктор Фастольф может больше не опасаться своих врагов в Законодательном собрании. Будущее Земли более или менее. обеспечено. И мне словно бы больше нечего здесь делать. Однако все еще остается вопрос о том, что произошло с Джендером.

— Я не понял, сэр.

— Ну, предполагается, что он погиб от случайного замыкания позитронных связей своего мозга, но Фастольф не отрицает, что вероятность этого ничтожно мала. Конечно, от действий Амадиро она увеличилась, но все равно осталась

бесконечно малой. Во всяком случае, так полагает Фастольф. Вот мне и продолжает казаться, что смерть Джендера явилась результатом сознательного робийства. Однако вновь вернуться к этому вопросу я не осмеливаюсь. Не хочу нарушать нынешнего положения вещей, когда все так хорошо уладилось. Не хочу вновь подвергать Фастольфа опасности. Не хочу бередить горе Глэдии. И не знаю, как поступить. Ни с одним человеком я этого обсудить не могу, вот и разговариваю с тобой, Жискар.

— Да, сэр.

— Ведь я всегда могу приказать, чтобы ты стер все мною сказанное и забыл о нем.

— Да, сэр.

— Так как же мне, по-твоему, следует поступить?

— Если это все-таки было робийство, сэр, его должен был кто-то совершить, однако совершить подобное по силам только доктору Фастольфу, а доктор Фастольф говорит, что он этого не делал.

— Да. С этого мы и начинали. Я верю доктору Фастольфу и совершенно убежден, что он тут ни при чем.

— В таком случае, сэр, это не было робийство.

— А предположим, кто-то еще знает о роботах

столько же, сколько доктор Фастольф. Так-то, Жискар.

Бейли подтянул колени к самому подбородку и обхватил их руками. На Жискара он не смотрел и, казалось, о чем-то глубоко задумался.

— Но кто же это может быть, сэр? — спросил Жискар.

Наконец-то для Бейли наступил решающий момент.

— Ты, Жискар, — ответил он.

84

Будь Жискар человеком, он бы молча и ошеломленно уставился на Бейли, или вспыхнул гневом, или съежился от ужаса, или отреагировал еще как-нибудь, Но он был робот и просто спросил без тени эмоции:

— Почему вы это говорите, сэр?

— Жискар, я абсолютно уверен, что ты точно знаешь, почему и каким образом я пришел к своему выводу. Но, сделай милость, дай мне в этом мирном уголке, пока у меня еще есть время до отъезда, объяснить, как и что — для моего удовольствия. Хочу послушать собственные объяснения. И, пожалуйста; поправь меня, если я в

чем-нибудь ошибусь.

— Хорошо, сэр.

— Полагаю, моя исходная ошибка состоит в том, что я счел тебя не таким разносторонним и более примитивным роботом, чем Дэниел, — из-за того лишь, что ты меньше похож на человека. Люди невольно чувствуют, что чем больше робот походит на человека, тем сложнее, совершеннее и способнее должен он быть. Бесспорно, робот твоего типа конструктивно относительно прост, а вот создание робота типа Дэниела оказалось неразрешимой задачей для робопсихологов уровня доктора Амадиро. Только гений — доктор Фастольф — сумел с ней справиться. Но, сдается мне, проблема Дэниела сводится к внешним человеческим характеристикам — мимике, тембру голоса, интонациям, жестам, движениям. Все это очень сложно, но не имеет отношения к сложности мозга. Я прав?

— Вы совершенно правы, сэр.

— Вот я автоматически и недооценил тебя, как недооценивают все. А ведь ты выдал себя еще до того, как мы высадились на Авроре. Возможно, ты помнишь, что перед посадкой у меня начался приступ агорафобии, и на какое-то время я стал даже еще более беспомощным, чем вчера

в грозу.

— Я помню, сэр.

— В тот момент со мной в каюте был Дэниел, а ты стоял у двери снаружи. Я впадал в кататоническое состояние и был не в силах издать ни звука, а он, вероятно, на меня не смотрел и потому ничего не заметил. Ты был за дверью, и все же это ты бросился внутрь и отключил астросимулятор. Ты успел раньше Дэниела, хотя в быстроте рефлексов он тебе не уступает, что и продемонстрировал, когда помешал доктору Фастольфу меня ударить.

— Но доктор Фастольф, конечно же, вас не ударил бы.

— Разумеется. Он просто хотел убедить меня в молниеносности рефлексов Дэниела… Тем не менее, как я только что сказал, в каюте ты успел ко мне раньше. Я был не в том состоянии, чтобы анализировать факты, однако наблюдать — моя профессия, и даже агорафобическая паника не отключает меня полностью, как я доказал вчера ночью. Я все-таки заметил, что ты успел мне помочь раньше Дэниела, хотя потом постоянно об этом забывал. И вывод напрашивался только один.

Бейли умолк, словно ожидая от Жискара подтверждения, но робот ничего не сказал.

(В последующие годы, вспоминая Аврору, Бейли в первую секунду представлял себе именно это. Не грозу. Даже не Глэдию. А тихие минуты под деревом — зеленые листья на фоне небесной синевы, теплый ветерок, жужжание насекомых, шорох зверушек в траве… а напротив него Жискар, и глаза робота чуть светятся.)

— Выходит, — сказал Бейли, — что ты каким-то образом сумел уловить мое внутреннее состояние и даже за закрытой дверью понять, что у меня случился припадок. То есть, говоря коротко и, вероятно, упрощенно, ты способен читать чужие мысли.

— Да, сэр, — спокойно ответил робот.

— И не только читать, а еще и как-то воздействовать на них. По-моему, ты уловил, что я заметил эту странность, и тогда затемнил память о ней в моем мозгу, чтобы я забыл об этом случае, а и вспомнил бы, так не придал бы ему значения. Однако полностью тебе это не удалось, возможно, твоя способность ограничена…

— Сэр, — сказал Жискар, — все решает Первый Закон. Я должен был спасти вас, хотя и понимал, что тем самым выдам себя. А сознание ваше затемнить я мог лишь слегка, чтобы не причинить ему вреда.

Бейли кивнул:

— Да, вижу, у тебя есть свои трудности. Слегка — а потому я вспоминал, когда сознание у меня расслаблялось и было открыто для свободных ассоциаций. В грозу перед самым обмороком я подумал, что ты найдешь меня раньше других — как тогда на корабле. Да, ты мог меня найти по инфракрасному излучению, но ведь оно исходило от всех млекопитающих и птиц, а это запутывало поиски… Но ты-то воспринимал деятельность моего мозга и тогда, когда я был без сознания, и это, конечно, тебе помогло.

— Да, очень помогло, — сказал Жискар.

— То, что мне вспоминалось на грани сна или обморока, я вновь забывал, если сознание возвращалось ко мне полностью, Однако вчера ночью со мной была Глэдия, и утром она повторила мне мои слова: «Он успел раньше». Но смысл их я уловил только тогда, когда случайные слова доктора Фастольфа разорвали темную паутину. А тогда я вспомнил и многое другое. Например, когда я усомнился, действительно ли мы летим на Аврору, ты привел доказательства этому прежде, чем я успел задать вопрос… Насколько я понимаю, ты скрываешь свою способность читать мысли?

— Совершенно верно, сэр.

— А почему?

— Чтение мыслей открывает мне, сэр, особую возможность эффективнее выполнять требования Первого Закона, а потому я этой способностью очень дорожу. Она позволяет мне гораздо лучше оберегать людей от потенциальных опасностей. Но мне представляется, что доктор Фастольф, да и любой другой человек, не станет долго терпеть возле себя робота, умеющего читать мысли, а потому я скрываю свою способность. Доктор Фастольф любит рассказывать легенду о роботе, чтеце мыслей, которого Сьюзен Кэлвин уничтожила, и мне не хочется, чтобы он повторил ее достижение.

— Да, он рассказывал мне эту легенду. По-моему, он подсознательно подозревает о твоей способности, не то легенда не занимала бы его в такой степени. А для тебя, мне кажется, она опасна. Во всяком случае, я разобрался в случившемся отчасти благодаря ей.

. — Я делаю все, что могу, чтобы нейтрализовать опасность, не оказывая излишнего воздействия на сознание доктора Фастольфа. Он ведь никогда не забывает упомянуть о фантастичности и неправдоподобности легенды.

— Да, я помню. Но раз Фастольф не знает, что

ты умеешь читать мысли, значит, эта способность не планировалась при твоем создании. Так откуда она у тебя?.. Нет, не отвечай, Жискар. Дай я сам попробую сообразить. Мисс Василия, когда в юности только-только заинтересовалась робопсихологией, специально занималась тобой, Она сказала мне, что экспериментировала с твоим программированием, а доктор Фастольф особенно за ней не следил. Так, может быть, она совершенно случайно вложила в тебя эту способность, Я прав?

— Да, сэр.

— И ты знаешь, что именно она сделала?

— Да, сэр.

— И пока среди роботов ты единственный чтец мыслей?

— Да, сэр. Но будут и другие.

— Спроси тебя я — или доктор Фастольф, — что именно сделала доктор Василия, ты нам ответил бы в силу Второго Закона?

— Нет, сэр, поскольку я заключил бы, что это причинит вам вред, И мой отказ будет опираться на Первый Закон. Впрочем, эта дилемма не возникнет. Я заранее узнаю о намерении задать этот вопрос и успею нейтрализовать импульс задать его.

— Верно, — сказал Бейли. — Позавчера вечером, когда мы возвращались от Глэдии в дом Фастольфа, я спросил Дэниела, были ли у него контакты с Джендером, пока тот жил у Глэдии, и он ответил отрицательно. Тогда я повернулся к тебе, чтобы задать тот же вопрос, но так его и не задал. Ты нейтрализовал импульс задать его?

— Да, сэр.

— Иначе тебе пришлось бы ответить утвердительно, а ты не хотел, чтобы я знал о твоем с ним общении.

— Да, не хотел, сэр.

— Контактируя с Джендером, ты знал, что Амадиро подвергает его испытаниям — ведь, полагаю, ты мог читать мысли Джендера или улавливать степень напряжения его позитронных потенциалов.

— Да, сэр. Эта способность равно распространяется на умственные процессы и людей, и роботов. Только роботов понимать значительно легче.

— Ты был против того, чем занимался Амадиро, поскольку согласен с Фастольфом в вопросе о заселении Галактики.

— Да, сэр.

— Но тогда почему ты не остановил Амадиро? Почему не нейтрализовал его импульс использо-

вать Джендера?

— Сэр, — ответил Жискар, — заметное вмешательство в умственную деятельность недопустимо. Побуждения Амадиро были глубокими и сложными, нейтрализация их требовала радикального вмешательства, а его интеллект так развит и так ценен, что я не мог рискнуть на воздействие, которое почти наверное причинило бы ему вред. Я не вмешивался, но все время искал способ наилучшим образом осуществить требования Первого Закона. И наконец нашел наименее опасный способ. Принять решение было нелегко.

— Ты решил вывести Джендера из строя, прежде чем Амадиро получил бы сведения, необходимые для создания подлинно человекоподобного робота. И ты знал, как этого достигнуть, поскольку за долгие годы почерпнул все необходимые сведения о теории Фастольфа из его мыслей. Так?

— Именно так, сэр.

— Следовательно, Фастольф все-таки не единственный в мире специалист, которому было по силам уничтожить Джендера!

— В определенном смысле он все-таки единственный, сэр. Ведь мое умение было всего лишь отражением… или экстраполяцией его знаний.

— И этого оказалось достаточно, Но разве ты не предвидел, что в результате Фастольф попадет в опасное положение? Что подозрения, естественно, падут на него? Ты собирался сознаться в содеянном и рассказать о своей способности, если бы это потребовалось для его спасения?

— Я действительно понимал, что доктор Фастольф окажется в неприятном положении, но признаваться в своей вине не собирался. Я надеялся использовать ситуацию для того, чтобы вас послали на Аврору, сэр.

— Меня?! Так это была твоя идея? — Бейли был ошеломлен.

— Да, сэр. С вашего разрешения, я хотел бы объяснить.

— Да уж пожалуйста! — сказал Бейли.

— Я знал про вас от мисс Глэдии и доктора Фастольфа, сэр, и не только из их слов, но и из их мыслей. Я узнал о положении дел на Земле. Выяснилось, что земляне живут за стенами, из которых не имеют сил вырваться. Но мне стало ясно, что аврорианцы тоже живут за стенами — за стенами из роботов, которые оберегают их от всех превратностей жизни, а по плану Амадиро начали бы создавать такие же тепличные условия на других планетах, чтобы вновь укрывать авро-

рианцев, как стенами. Кроме того, аврорианцы живут за стенами, созданными их собственными долгими жизнями, которые заставляют их переоценивать индивидуализм, мешают объединить научные ресурсы, Избегают они и открытых схваток, а при помощи своего председателя требуют во что бы то ни стало избегать конфронтации и принимать решения прежде, чем проблема будет по-настоящему переварена. Они не желают затрудняться и с боями вырабатывать наилучшие решения. Им требуются умиротворяющие решения.

Стены землян — реальны и буквальны, их существование очевидно и навязчиво, и всегда есть жаждущие вырваться из них. Аврорианские стены нематериальны и даже не воспринимаются как стены, а потому никому даже в голову не приходит рваться на свободу. И я пришел к выводу, что заселить Галактику, положить начало Галактической империи должны земляне, а не аврорианцы или другие космониты. Так рассуждал доктор Фастольф, и я был с ним согласен, но он довольствовался рассуждениями, а мне при моих способностях требовалось больше. Я хотел познакомиться с сознанием хотя бы одного землянина напрямую, а вы были землянином,

которого, мне казалось, я мог бы вызвать на Аврору. Заморозка Джендера позволила и остановить Амадиро, и найти повод для вашего появления здесь. Я самую чуточку подтолкнул мисс Глэдию, чтобы она посоветовала доктору Фастольфу пригласить вас, и чуточку подтолкнул его, чтобы он рекомендовал это председателю, и чуточку подтолкнул председателя, чтобы он дал согласие, С той минуты, как мы встретились, я изучал вас, и результаты превзошли все ожидания.

Жискар замолчал и вновь стал воплощением невозмутимости, как любой робот. Бейли нахмурился.

— Очевидно, в том, чего я здесь добился, никакой моей заслуги нет. Ты, конечно, позаботился, чтобы я добрался до истины.

— Нет, сэр. Наоборот, я чинил вам помехи — конечно, в разумной мере. Я не позволил вам узнать про мою способность, хотя мне и пришлось выдать себя. Я постарался, чтобы иногда вы испытывали уныние и отчаяние. Я подталкивал вас выходить во Вне, чтобы изучать, какое действие это на вас окажет. Но вы сумели так или иначе справиться с этими помехами, и я был очень доволен. Я убедился, что вы тоскуете по стенам своего Города, но понимаете, что должны

научиться жить без них. Убедился, что вид на Аврору из космоса, а потом гроза оказали на вас самое мучительное воздействие, но не помешали вам думать и не заставили отказаться от вашей цели. Я убедился, что вы умеете справляться со своими недостатками и своим кратким жизненным сроком и что вы не стараетесь уклониться от схватки.

— Откуда ты знаешь, что я типичный представитель Земли? — спросил Бейли.

— Я знаю, что вы не типичны, но ваши мысли сказали мне, что вы не единственный такой, и мы будем созидать вместе с ними. Я об этом позабочусь. И теперь, когда я ясно вижу путь, по которому следует идти, я помогу другим роботам стать такими, как я, и они тоже будут помогать.

— Ты хочешь сказать, что на Землю прибудут роботы, читающие мысли? — перебил Бейли.

— Вовсе нет. И вы имели право встревожиться. Прямое участие роботов означало бы возведение тех самых стен, которые обрекают Аврору и другие космомиры на паралич. Землянам придется осваивать Галактику вообще без роботов. Это означает неимоверные трудности, опасности и беды — все то, что роботы попытались бы предотвратить, — но в конечном счете люди

колоссально выиграют, добившись всего собственным трудом. И может быть, когда-нибудь в далекомдалеком будущем роботы снова внесут свою лепту. Кто знает?

— Ты провидишь будущее? — с любопытством спросил Бейли.

— Нет, сэр, но, изучая человеческие мысля, я смутно ощущаю, что существуют законы, которые управляют человеческим поведением, как Три Закона управляют поведением роботов, и, возможно, благодаря им когда-нибудь начнут в какой-то мере оформлять будущее. Человеческие законы несравненно сложнее Трех Законов, и я не знаю, как они действуют. Возможно, они статистические по своей природе, и плодотворно изучать их необходимо на человеческих массах огромной численности. Не исключено, что они очень рыхлы и обретают смысл только тогда, когда эти массы ничего не знают об их действии.

— Скажи, Жискар, это ведь та психоистория, о которой говорил доктор Фастольф? — спросил Бейли.

— Да, сэр. Я очень осторожно внедрил эту идею в его сознание, чтобы начался процесс ее изучения. В ней возникнет нужда — рано или поздно. Ведь теперь существованию космомиров с их

долгим сроком жизни и роботизированной культурой подходит конец, а новая волна экспансии человечества, осуществляемая людьми с коротким сроком жизни — без роботов! — вот-вот начнется.

— А теперь, — Жискар поднялся с земли, — я думаю, сэр, нам пора вернуться в дом доктора Фастольфа и приготовиться к вашему отбытию. Разумеется, никаких упоминаний про то, о чем мы говорили, не будет.

— Все останется строго между нами, можешь мне поверить, — сказал Бейли.

— Совершенно верно, — невозмутимо добавил Жискар. — Но пусть вас не пугает мысль о ложащейся на вас ответственности. Я позволю вам помнить, но у вас никогда не возникнет желания рассказать о нашем разговоре — никогда и ни малейшего.

Бейли только поднял брови, покоряясь неизбежности, и сказал:

— Жискар, еще одно, прежде чем ты заткнешь мне рот. Присмотри, чтобы Глэдии спокойно жилось на этой планете, чтобы ее не третировали за то, что она солярианка и считала робота своим мужем, и… и пусть она даст согласие Гремионису, хорошо?

— Я слышал ваш последний разговор с мисс Глэдией, сэр, и я все понял. Об этом не тревожьтесь. А теперь, сэр, можно мне попрощаться с вами, пока нас никто не видит? — И Жискар протянул ему руку таким человеческим жестом, какого Бейли у него прежде не видел.

Бейли пожал ее — твердую и прохладную.

— Прощай, друг Жискар.

— Прощай, друг Элайдж, — сказал Жискар, — и помни, хотя название это принято давать Авроре, с этого момента истинный Мир Зари — это Земля.

РОБОТЫ И ИМПЕРИЯ

Часть первая
Аврора
Глава первая
Потомок
1

Глэдия пощупала шезлонг на лужайке и, убедившись, что он не слишком влажный, села. Одним прикосновением к кнопке она установила шезлонг в полулежачее положение, другим включила диамагнитное поле, что, как обычно, дало ей ощущение полного покоя. Она буквально парила в сантиметре от кресла.

Была теплая ласковая ночь, одна из лучших, что бывают на Авроре, — благоухающая и звездная.

Неожиданно погрустнев, она принялась разглядывать звездный узор на небе; крохотные искорки стали ярче, потому что она велела уменьшить освещение в доме.

Однако сколько же их! — поразилась Глэдия: за все двести тридцать лет своей жизни она никогда не интересовалась их названиями и никогда не отыскивала на небе ту или иную звезду. Вокруг одной из них кружилась ее родная планета Соля-

рия, до тридцати пяти лет Глэдия называла эту звезду солнцем.

Когда-то Глэдию называли Глэдией с Солярии. Это было двести обычных галактических лет назад, когда она появилась на Авроре, и означало, что к чужестранке относятся не слишком дружелюбно.

Месяц назад исполнилось двести лет со дня ее прибытия, но она не отметила это событие, потому что вспоминать о тех днях не хотелось. Тогда, на Солярии, она была Глэдией Дельмар.

Глэдия недовольно шевельнулась. Она почти забыла свое первое имя — то ли потому, что это было так давно, то ли просто старалась забыть.

Все эти годы она не жалела о Солярии, не скучала по ней.

Сейчас она совершенно неожиданно осознала, что пережила Солярию. Солярия исчезла, ушла в историю, а она, Глэдия, все живет. Не потому ли она скучает по планете?

Она нахмурилась. Нет, она не скучает. Ей не нужна Солярия, она вовсе не хочет возвращаться.

Это просто странное сожаление о том, что было частью ее, хотя и неприятной, а теперь ушло.

Солярия! Последний из Внешних миров, став-

ший домом для человечества. И по какому-то таинственному закону симметрии он должен был погибнуть первым. Первым? Значит, за ним последует второй, третий и … Глэдия опечалилась еще больше. Кое-кто предполагал, что так и будет.

Значит, Авроре, ставшей ее домом и заселенной первой из Внешних миров, по тому же закону симметрии суждено умереть последней из пятидесяти планет. Вполне возможно, что это случится еще при жизни Глэдии. А что тогда?

Она снова устремила взгляд к звездам. Нет, это безнадежно: она не сможет определить, какая из этих светящихся точек — солнце Солярии. Она почему-то думала, что оно ярче других, но на небе сверкали сотни одинаковых звезд.

Она подняла руку и сделала жест, который про себя называла «жест-Дэниел». Правда, было темно, но это не имело значения. Робот Дэниел Оливо немедленно очутился рядом. Те, кто знал его двести лет назад, когда он был сконструирован Хеном Фастольфом, не заметили бы в нем никаких перемен. Его широкое, с высокими скулами лицо, короткие волосы цвета бронзы, зачесанные назад, голубые глаза, хорошо сложенное человекоподобное тело не менялись; робот всегда

выглядел молодым.

— Могу быть вам чем-нибудь полезен, мадам Глэдия? — спросил он.

— Да, Дэниел. Какая из этих звезд солнце Солярии?

Дэниел даже не взглянул на небо.

— Никакая, мадам. В это время года солнце Солярии поднимается в три двадцать.

— Разве?

Глэдия смутилась. Она почему-то решила, что любая заинтересовавшая ее звезда должна быть все время видна на небе. Конечно же, они поднимаются в разное время — ведь она это прекрасно знает.

— Значит, я зря искала?

Дэниел попытался ее утешить:

— Люди говорят, что звезды прекрасны, даже если их не видно.

— Говорят, — с досадой проворчала Глэдия.

Она нажала на кнопку — спинка шезлонга поднялась — и встала.

— Не так уж мне хочется видеть солнце Солярии, чтобы сидеть здесь до трех часов.

— В любом случае вам понадобилась бы подзорная труба.

— Труба?

— Невооруженным глазом ее не видно, мадам Глэдия.

— Час от часу не легче! Мне следовало бы сначала спросить у тебя, Дэниел.

Тот, кто знал Глэдию два столетия назад, когда она впервые появилась на Авроре, нашел бы в ней перемены. В отличие от Дэниела, она была человеком. Ростом сто пятьдесят пять сантиметров — на десять сантиметров ниже идеального роста женщины Галактики.

Она следила за собой и сохранила стройную фигуру. Однако в волосах серебрилась седина, вокруг глаз лежали тонкие морщинки, кожа немного увяла. Она могла бы прожить еще сто, сто двадцать лет, но сомнений не было: она уже не молода. Но это не беспокоило ее.

— Ты знаешь все звезды, Дэниел?

— Только те, что видны невооруженным глазом, мадам.

— И можешь сказать когда они восходят, в какое время года видны и все остальное?

— Да, мадам Глэдия. Доктор Фастольф как-то попросил меня собрать астрономические сведения, чтобы всегда иметь их под рукой и не обращаться всякий раз к компьютеру. Он сказал, что ему приятнее, когда я сообщаю ему данные,

а не компьютер. — И, предвосхитив следующий вопрос, робот добавил: — Но он не объяснил, зачем ему это нужно.

Глэдия подняла левую руку и сделала жест. В доме тут же зажегся свет, стали видны темные фигуры нескольких роботов, но Глэдия не обратила на них. внимания. В любом порядочном доме роботы всегда рядом с человеком — как для обслуживания, так и для охраны.

Глэдия в последний раз бросила взгляд на небо и пожала плечами. Донкихотство! Даже если бы она могла увидеть солнце погибшего теперь мира — ну и что? Можно выбрать наугад любую звезду и считать ее солнцем Солярии. Ее внимание снова вернулось к Дэниелу. Он терпеливо ждал, стоя в тени. Глэдия снова подумала, как мало он изменился с тех пор, как она впервые увидела его в доме доктора Фастольфа. Конечно, его конструкцию совершенствовали. Она знала, но старалась не думать об этом.

Это общая участь, которой подвержены и люди. Космониты гордились железным здоровьем и долголетием — от трех до четырех столетий, — но они не обладали абсолютным иммунитетом к возрастным изменениям.

В одно бедро Глэдии была вставлена титаново-

силиконовая трубка, большой палец левой руки искусственный, хотя это нельзя заметить без тщательной ультрасонограммы, даже некоторые нервы заново подтянуты. Все это могло быть у любого космонита ее возраста в любом из пятидесяти Внешних миров, нет, из сорока девяти, поскольку Солярию больше не учитывали.

Упоминать о подобных вещах считалось до крайности неприличным. Медицинские записи хранились, поскольку могло потребоваться дальнейшее лечение, но никто не имел к ним доступа. Хирурги зарабатывали порой лучше, чем сам Председатель. Происходило это отчасти потому, что они были практически изгнаны из светского общества.

Потому что они знали.

Все это было частью стремления космонитов к долгой жизни, их нежелания признать, что старость существует, но Глэдия не задерживалась на анализе причин: ей просто было неприятно думать о себе в этой связи. Имей она трехмерную карту своего тела, где все протезы, все исправления отмечались красным на сером фоне природного, даже издали можно было заметить эти красные пятна.

Однако мозг ее был цел и невредим, и, пока это

так, она цела и невредима, что бы ни произошло с ее телом.

Ее мысли вернулись к Дэниелу.

Она знала его двести лет, но только год была его хозяйкой. Когда Фастольф умирал, он, по обычаю, завещал все городу, но две вещи оставил Глэдии, не считая того, что официально ввел ее во владение домом, в котором она жила, со всеми его роботами, имуществом и земельным участком.

Одной из этих двух вещей был Дэниел.

— Ты помнишь все, что случилось за двести лет? — спросила Глэдия.

— Думаю, что да, мадам Глэдия. Если бы я что-то забыл, я бы не знал об этом, потому что мне нужно было бы забыть.

— Я не об этом. Скажем, ты прекрасно помнил что-то, но вдруг забыл. Что-то вертится на языке, а что — никак не поймешь.

— Я не понимаю, мадам. Если я что-то знаю, то всегда вспомню, когда понадобится.

— Отличная память.

— Обычная, мадам. Так я сконструирован.

— И это надолго?

— Не понял, мадам?

— Я имею в виду — как долго может функционировать твой мозг? Ведь в нем воспоминания за

два столетия — сколько еще в нем поместится?

— Не знаю, мадам. Пока я не испытываю затруднений.

— Да, но когда-нибудь ты обнаружишь, что больше не в состоянии запоминать.

Дэниел задумался.

— Такое возможно, мадам.

— Знаешь, Дэниел, не все твои воспоминания одинаково важны.

— Я не могу выбрать, мадам.

— Другие могут. Твой мозг можно очистить и снова наполнить воспоминаниями, скажем, процентов десять от того, что было. Тогда тебя хватит еще на несколько столетий. А если такие чистки делать регулярно, ты стал бы вечным. Правда, это дорогостоящая процедура, но я не постояла бы за ценой.

— А со мной посоветуются, мадам? Спросят моего согласия?

— Конечно. Я не стану приказывать тебе: это означало бы не оправдать доверия доктора Фастольфа.

— Спасибо, мадам. В таком случае должен сказать, что никогда не соглашусь добровольно на такую процедуру, если только сам не обнаружу, что моя память перестала функционировать.

Они дошли до двери. Глэдия остановилась, честно недоумевая:

— А почему, Дэниел?

— Есть воспоминания, — тихо сказал Дэниел, — которые я могу потерять из-за небрежности или неразумности тех, кто станет проводить операцию, Я не хочу рисковать.

— Какие воспоминания ты имеешь в виду?

Дэниел заговорил еще тише:

— Мадам, я имел в виду воспоминания о моем бывшем партнере, землянине Элайдже Бейли.

Глэдия в оцепенении стояла перед дверью до тех пор, пока наконец Дэниел не проявил инициативу и не приказал двери отвориться.

2

Робот Жискар Ривентлов ожидал в гостиной. Глэдия поздоровалась с ним с легким чувством неловкости, какое всегда испытывала при виде его.

По сравнению с Дэниелом он был примитивным. Он был обычным металлическим роботом; его лицо ничего не выражало. Его глаза вспыхивали красным в темноте.

Дэниел был одет, а Жискар имел только ими-

тацию одежды — впрочем, очень хорошую, поскольку ее изобрела сама Глэдия.

— Привет, Жискар, — сказала она.

— Добрый вечер, мадам Глэдия, — ответил он с легким поклоном.

Глэдия вспомнила слова Элайджа Бейли, сказанные давным-давно, — и сейчас они словно прошелестели в ее мозгу: «Дэниел будет заботиться о тебе. Он будет твоим другом и защитником, и ты должна быть ему другом — ради меня. И я хочу, чтобы ты слушалась Жискара. Пусть он будет твоим наставником».

Глэдия нахмурилась.

«Почему он? Я его недолюбливаю».

«Я не прошу тебя любить его. Я прошу тебя верить ему».

Он не захотел сказать почему.

Глэдия старалась верить Жискару, но была рада, что ей не надо любить его. Было в нем что-то такое, что заставляло ее вздрагивать.

Дэниел и Жискар были действующими элементами ее хозяйства уже много десятилетий, но их официальным хозяином был Фастольф. Только на смертном одре Хен Фастольф передал Глэдии права на владение роботами.

Она сказала тогда старику:

— Хватит и одного Дэниела, Хен. Ваша дочь Василия хотела бы иметь Жискара. Я уверена в этом.

Фастольф тихо лежал в постели, закрыв глаза, и выглядел таким умиротворенным, каким Глэдия его никогда не видела. Он не сразу ответил. Она испугалась, что он умер, и судорожно сжала руку умирающего. Он открыл глаза и прошептал:

— Я ничуть не забочусь о моих биологических дочерях, Глэдия. За два столетия у меня была только одна настоящая дочь — это ты. Я хочу, чтобы Жискар был у тебя. Он ценный.

— Чем же он ценен?

— Не могу сказать. Но его присутствие всегда утешает меня. Береги его, Глэдия. Обещай мне.

— Обещаю, — сказала она.

Затем его глаза открылись в последний раз, голос вдруг обрел силу, и он сказал почти как обычно:

— Я люблю тебя, Глэдия, дочь моя.

— Я люблю тебя, Хен, отец.

Это были последние слова, которые он сказал и услышал. Глэдия обнаружила, что держит руку мертвеца, и некоторое время не могла заставить себя выпустить ее.

Так Жискар стал ее собственностью.

Однако в его присутствии она чувствовала себя неловко и не понимала почему.

— Знаешь, Жискар, — сказала она, — я пыталась найти среди звезд солнце Солярии, но Дэниел сказал, что его можно увидеть только в три двадцать, да и то в подзорную трубу. Ты знаешь об этом?

— Нет, мадам.

— Как по-твоему, стоит мне ждать столько времени?

— Я бы посоветовал вам лучше лечь спать, мадам Глэдия.

Глэдия рассердилась, но не подала виду.

— Да? А если я все-таки подожду?

— Я только посоветовал, мадам, потому что у вас завтра трудный день, и вы, без сомнения, пожалеете, что не выспались.

Глэдия нахмурилась.

— А почему у меня завтра трудный день, Жискар? Мне ничего не: известно.

— Вы назначили встречу, мадам. Некоему Левулару Мандамусу.

— Назначила? Когда это случилось?

— Час назад. Он звонил, и я взял на себя смелость…

— Ты? Кто он такой?

— Он работник Института роботехники, мадам.

— Подчиненный Калдина Амадейро?

— Да, мадам.

— Пойми, Жискар, мне совсем не интересно видеть этого Мандамуса или любого, кто связан с этой ядовитой жабой Амадейро. Если ты взял на себя смелость договориться о встрече от моего имени, то будь любезен позвонить ему и отменить ее.

— Если вы приказываете, мадам, и приказываете строго, то я попытаюсь повиноваться, но, может быть, не смогу. Видите ли, по моему суждению, вы нанесете себе вред, если откажетесь от этого свидания, а я не должен делать ничего такого, что может повредить вам.

— Твои суждения могут быть ошибочными, Жискар. Кто он такой, чтобы отказ от встречи с ним повредил мне? Может, он и работник Института, но для меня это ничего не значит.

Глэдия прекрасно понимала, что зря срывает злость на Жискаре. Ее расстроили известия о том, что Солярия покинута, и ей было досадно, что она искала в небе солнце Солярии, которого там не было. Правда, указал ей на ошибку робот Дэниел, но на него она не сердилась — Дэниел

так походил на человека, что она бессознательно относилась к нему, как к человеку.

Внешность — это все. Жискар выглядел роботом и, значит, вроде бы не мог чувствовать обиды.

И в самом деле, Жискар никак не отреагировал на раздражение Глэдии. Впрочем, и Дэниел тоже не отреагировал бы.

— Я говорил, что доктор Мандамус — работник Института роботехники, — сказал Жискар, — но, возможно, он занимает высокое положение. В последние несколько лет он был правой рукой доктора Амадейро. Это делает его лицом значительным, и игнорировать его непросто. Доктор Мандамус не из тех, кого можно оскорбить, мадам.

— А почему, Жискар? Мне плевать на Мандамуса, а на Амадейро тем более. Я думаю, ты помнишь, что Амадейро в свое время делал все возможное, чтобы обвинить доктора Фастольфа в убийстве, и только чудом его махинации провалились.

— Я прекрасно помню, мадам.

— Это хорошо. Я опасалась, что за двести лет ты обо всем забыл. За все это время я не имела ничего общего ни с Амадейро, ни с кем-либо связанным с ним, и намерена продолжать такую политику.

Меня не беспокоит, повредит ли это мне и каковы будут последствия. Я не желаю видеть этого доктора, кем бы он ни был, и впредь не назначай свидания от моего имени без спроса.

— Слушаюсь, мадам. Но не могу ли я обратить ваше внимание…

— Нет, не можешь, — отрезала Глэдия и повернулась, собираясь уйти.

Стало тихо. Глэдия сделала несколько шагов и услышала спокойный голос Жискара:

— Мадам, я прошу вас верить мне.

Глэдия остановилась. Почему он употребил это выражение? Она снова услышала давний голос: «Я не прошу тебя любить его. Я прошу тебя верить ему».

Она сжала губы, нахмурилась и неохотно вернулась.

— Ну, — мрачно сказала она, — что ты хочешь сказать, Жискар?

— Пока доктор Фастольф был жив, его политика господствовала на Авроре и других Внешних мирах. В результате народу Земли было разрешено свободно мигрировать на другие планеты, которые мы называем Поселенческими. Но доктор Фастольф умер, а его последователи утратили свое влияние, Доктор Амадейро исповедует ан-

тиземную точку зрения, и вполне возможно, что теперь восторжествует она и начнется мощная политика, направленная против Земли и Поселенческих миров.

— Пусть так, Жискар, но что и могу поделать?

— Вы можете повидаться с доктором Мандамусом и узнать, почему он так стремится увидеть вас, мадам. Уверяю вас, он страшно настойчив и требовал свидания как можно скорее. Он просил вас принять его в восемь утра.

— Жискар, я никогда ни с кем не встречаюсь раньше полудня.

— Я объяснил ему это, мадам, но он так хотел увидеть вас до завтрака, что прямо пришел в отчаяние. Я чувствовал, что важно узнать, почему он так расстроен.

— А если я его не приму, чем, по-твоему, это повредит лично мне? Не Земле, не поселенцам, а мне?

— Мадам, это может повредить Земле и поселенцам в дальнейшем заселении Галактики. Эта идея появилась в уме у полицейского инспектора Элайджа Бейли более двухсот лет назад. Вред, нанесенный Земле, будет осквернением его памяти. Разве я ошибаюсь, думая, что любой вред, нанесенный его памяти, вы примете как личный?

Глэдия вздрогнула. Уже дважды в течение часа в разговоре упоминался Элайдж Бейли. Землянин, проживший такую коротенькую жизнь, он давным-давно умер — сто шестьдесят лет назад, — но его имя все еще волнует ее.

— А почему вдруг это стало так важно? — спросила она.

— Не вдруг, мадам. Два столетия назад жители Земли и Внешних миров шли каждый своим путем и не конфликтовали благодаря мудрой политике доктора Фастольфа. Но существовала сильная оппозиция, и доктор Фастольф всегда противостоял ей. Теперь же, когда он умер, оппозиция стала еще сильней. Уход населения с Солярии еще увеличил ее мощь, и вскоре оппозиция стала главенствующей политической силой.

— Почему?

— Существуют явные признаки, что космониты теряют былую силу, и многие аврориане считают, что решительные действия надо предпринять сейчас или никогда.

— И тебе кажется, что мое свидание с этим человеком поможет воспрепятствовать этому?

— Да, мои ощущения именно таковы, мадам.

Глэдия помолчала. Мысль о том, что она обещала Элайджу верить Жискару, настойчиво лезла

ей в голову.

— Ладно. Не думаю, что встреча принесет какую-нибудь пользу, но так и быть, увижусь с ним.

3

Глэдия спала, и в доме было темно — по человеческим понятиям. Однако дом жил, в нем двигались и работали, потому что роботы видели в инфракрасном свете.

Они приводили в порядок дом, приносили продукты, выносили мусор, чистили, полировали и убирали вещи, проверяли приборы, и, как всегда, несли охрану.

Ни одна дверь не имела запора, этого не требовалось. На Авроре не бывало преступлений ни против людей, ни против собственности, да и не могло быть, поскольку дома и людей всегда охраняли роботы, все это знали и одобряли.

Роботы-сторожа всегда были на месте.

Но они никогда не задерживали — именно потому, что всегда были здесь.

Жискар и Дэниел, чьи способности были гораздо выше, чем у других домашних роботов, не имели специальных обязанностей; они отвечали

за работу остальных роботов.

В три часа они обошли лужайку и лесной участок, чтобы проверить, выполняет ли свои функции внешняя охрана и нет ли каких-нибудь проблем.

Они встретились на южной границе поместья и некоторое время разговаривали на своем сокращенном эзоповском языке. За десятилетия общения они привыкли понимать друг друга, и им не нужно было прибегать к сложностям человеческой речи.

Дэниел сказал едва слышно:

— Облака. Почти не видно.

Если бы Дэниел говорил с человеком, он сказал бы: «Как видишь, друг Жискар, небо покрыто облаками. Если бы мадам Глэдия стала ждать восхода солнца Солярии, она все равно не увидела бы его».

Жискар ответил:

— Предсказано. Лучше интервью.

Что означало: «Бюро погоды так и предсказывало, друг Дэниел, и это может служить извинением тому, что мадам Глэдия легла спать пораньше. Мне казалось более важным убедить ее согласиться на встречу, о которой я уже говорил тебе».

— Мне кажется, друг Жискар, что главной при-

чиной того, что тебе с трудом удалось убедить ее, было огорчение по поводу оставления Солярии. Я дважды бывал там с партнером Элайджем, когда мадам Глэдия была солярианкой и жила там.

— Я всегда знал, что мадам не была счастлива на своей родной планете, что она с радостью оставила ее и не имела намерения возвращаться. Но я согласен с тобой; ее расстроило, что история Солярии завершилась.

— Я не понимаю реакции мадам Глэдии, — сказал Дэниел, — но очень часто человеческие реакции логически не соответствуют событиям.

— Поэтому иной раз так трудно решить, что будет вредно для человека, а что нет. — Будь Жискар человеком, он вздохнул бы, произнося эти слова. — Это одна из причин, почему мне кажется, что Три Закона Роботехники неполны и несовершенны.

— Ты уже говорил об этом, друг Жискар, и я стараюсь поверить, да не могу.

Жискар помолчал.

— Умом я понимаю, что они должны быть несовершенными, но когда хочу поверить в это — не могу. Оказывается, что я связан Законами. Если бы я не был ими связан, я бы, наверное, поверил в их недостаточность.

— Это парадокс, которого я не понимаю.

— Я тоже. Но я чувствую, что должен объяснить этот парадокс. Иногда мне даже кажется, что я жажду обнаружить неполноту и недостаточность Трех Законов, как например, сегодня вечером в разговоре с мадам Глэдией. Она спросила, как отказ от встречи может повредить ей лично, и я не мог ей ответить, поскольку это вне пределов Трех Законов.

— Ты дал прекрасный ответ, друг Жискар. Вред, нанесенный памяти партнера Элайджа, должен произвести глубокое впечатление на мадам Глэдию.

— Это был лучший ответ в пределах Трех Законов, но не лучший из возможных.

— А какой был бы лучшим?

— Не знаю, потому что не могу выразить его словами или хотя бы понятиями, пока я связан Законами.

— Но за пределами Законов ничего нет, — возразил Дэниел.

— Будь я человеком, — сказал Жискар, — я бы мог видеть за их пределами. Думаю, друг Дэниел, что ты способен на это больше, чем я.

— Я? Да, я давно считаю, что хоть ты и робот, но думаешь почти как человек.

— Ты не прав, — медленно и словно с болью сказал Дэниел. — Ты так считаешь потому, что уместив заглядывать в человеческий мозг. Это вредит тебе и в конце концов может тебя разрушить. Мне тяжело об этом думать. Если можешь удержаться от такого заглядывания — удержись.

Жискар отвернулся.

— Не могу и не хочу. Я жалею, что из-за Трех Законов могу сделать так мало. Я не могу проникать достаточно глубоко из боязни нанести вред. И не могу влиять достаточно сильно — из той же боязни.

— Но ты сильно повлиял на мадам Глэдию.

— Я мог бы изменить ее мысли и заставить согласиться на встречу без всяких вопросов, но человеческий мозг так сложен, что я могу отважиться лишь на очень немногое. Почти любое изменение, которое я вношу, может вызвать дополнительные изменения, в природе которых я не уверен, и они могут повлиять на мозг, повредить его.

— Но ты что-то сделал с мадам Глэдией?

— В сущности, нет. Слово «верить» действует на нее и делает более сговорчивой. Я давно отметил сей факт, но употребляю это слово с величайшей осторожностью, чтобы не ослабело от частого

употребления. Меня это озадачивает, но докопаться до решения я не в силах.

— Три Закона не позволяют?

Казалось, тусклые глаза Жискара заблестели ярче.

— Да. Три Закона везде стоят на моем пути, и именно поэтому я не могу изменить их. Но я чувствую, что обязан изменить, потому что ощущаю наступление катастрофы.

— Ты уже говорил об этом, друг Жискар, но не объяснил природы катастрофы.

— Я не знаю ее природы. В ее основе растущая вражда между Авророй и Землей, но как это разовьется в реальную катастрофу, я не могу сказать.

— Но ведь ее может и не быть?

— Я так не думаю. Я ощущаю вокруг некоторых аврорианских чиновников, с которыми сталкиваюсь, ауру катастрофы — ожидание триумфа. Не могу описать это более точно, потому что не проникал глубоко — Три Закона не позволяют. Это вторая причина, почему встреча с Мандамусом должна состояться: это даст мне возможность изучить его мозг.

— Но если ты не сможешь изучить его достаточно эффективно?

Хотя голос Жискара не мог выражать эмоций в

человеческом понятии, в словах его было заметно отчаяние:

— Значит, я буду беспомощен. Я могу лишь следовать Трем Законам. Что мне еще остается?

— Ничего не остается, — тихо и уныло пробормотал Дэниел.

4

В восемь пятнадцать Глэдия вышла в гостиную, надеясь, что заставила Мандамуса (это имя она запомнила без особого желания) ждать. Она как следует позаботилась о своей внешности, и впервые за многие годы расстроилась из-за седины: надо было последовать общей аврорианской традиции и покрасить волосы. Выглядеть как можно моложе и привлекательнее — значит поставить фаворита Амадейро в невыгодное положение.

Она готовилась к тому, что вид его ей не понравится. Не хотелось думать, что он, возможно, молод и привлекателен, что жизнерадостное лицо засияет улыбкой при ее появлении, что он может против ее воли понравиться ей.

Увидев его, она успокоилась. Он действительно был молод. Ему, видимо, не было и пятидесяти, но это его не красило.

Он был высок, но очень тощ, и казался долговязым. Волосы слишком темные для аврорианина, глаза тускло-ореховые, лицо слишком длинное, губы слишком тонкие, рот слишком широкий, а чопорное, без тени улыбки выражение лица окончательно лишало его молодости.

Глэдия тут же вспомнила исторические романы, которыми увлекались на Авроре (все они неизменно рассказывали о примитивной Земле, что было довольно странно для мира, ненавидящего землян), и подумала: «Вот изображение пуританина».

Она успокоилась и чуть заметно улыбнулась. Пуритане обычно изображались злодеями, и, был ли этот Мандамус злодеем или нет, он вполне подходил для этой роли.

Но его голос разочаровал Глэдию: он оказался мягким и мелодичным. Чтобы выдержать стереотип, он должен был быть гнусавым.

— Миссис Гремионис?

Она снисходительно улыбнулась и протянула руку.

— Доктор Мандамус, пожалуйста, называйте меня Глэдией. Меня все так зовут.

— Я знаю, что вы пользуетесь личным именем в профессиональном…

— Я пользуюсь им во всех случаях. А брак мой был расторгнут по обоюдному согласию несколько десятилетий назад.

— Вы, кажется, долго были замужем?

— Очень долго, и брак был очень удачным, но даже большим удачам приходит конец.

— О да, — сентенциозно сказал Мандамус, — продолжение после конца может сделать удачу провалом.

Глэдия кивнула:

— Мудро сказано для такого молодого человека. Не пройти ли нам в столовую? Завтрак готов, а я и так заставила вас ждать слишком долго.

Только сейчас, когда Мандамус повернулся и пошел с ней, Глэдия заметила двух роботов, сопровождавших его.

Ни один аврорианин и подумать не мог о том, чтобы выйти куда бы то ни было без роботов. Но пока они стояли неподвижно, их никто не замечал.

Мельком взглянув на роботов, Глэдия отметила, что они последней модели, явно очень дорогие. Их псевдоодежда была первоклассной, хотя дизайн не во вкусе Глэдии.

Она невольно восхитилась. Надо будет узнать, кто конструировал одежду: похоже, появился

новый солидный конкурент. Ее привело в восторг то, что стиль псевдоодежды обоих роботов один, но в то же время индивидуален для каждого. Их нельзя было спутать.

Мандамус уловил ее быстрый взгляд и точно истолковал впечатление:

— Экзодизайн моих роботов создал один молодой человек из Института, но не создал еще себе имени. А они хороши, как по-вашему?

— Бесспорно, — ответила Глэдия и огорченно подумала: «А он умен».

Глэдия не рассчитывала, что за завтраком придется вести деловую беседу. Говорить за едой о чем-то кроме пустяков считалось полной невоспитанностью. Она предполагала, что Мандамус не силен в легкой беседе. Говорили, конечно, о погоде, о недавних дождях, которые, к счастью, кончились, об ожидавшемся сухом сезоне.

Было почти обязательно восхищаться домом хозяйки, и Глэдия приняла похвалы с подобающей скромностью.

Она ничем не облегчала положение гостя и предоставляла ему самому подыскивать тему для беседы.

Наконец взгляд Мандамуса упал на Дэниела, неподвижно стоявшего в нише, и гость сумел

преодолеть аврорианское безразличие и заметил его:

— А это, наверное, знаменитый Р. Дэниел Оливо? Его ни с кем не спутаешь, Замечательный образец.

— Да, замечательный.

— Он теперь ваш, кажется, по завещанию Фастольфа?

— Да, по завещанию доктора Фастольфа, — сказала Глэдия, подчеркнув слово «доктор».

— Меня поражает, что работа Института над человекоподобными роботами провалилась, хотя сначала шла. Вы никогда не задумывались почему?

— Я слышала об этом, — осторожно ответила Глэдия. Неужели он пришел сюда из-за этого? — Но я не уверена, что мне стоило бы тратить время на подобные размышления.

— Социологи все еще пытаются разобраться что к чему. Мы в Институте впали в отчаяние: похоже, что это естественный процесс. Но кое-кто из нас думает, что Фа… что доктор Фастольф каким-то образом причастен к нему.

Глэдия подумала, что второй раз он не сделал бы ошибки, и зло прищурилась.

— Только дурак может так подумать, — резко

сказала она. — Если и вы так думаете, я не смягчу для вас этого выражения.

— Я не из тех, кто так думает, в основном потому, что не вижу, каким образом доктор Фастольф мог бы привести это дело к фиаско.

— А почему кто-то что-то должен был сделать? Важно, что народ не хочет таких роботов. Робот, выглядящий, как мужчина, конкурирует с мужчиной, причем конкурирует весьма успешно, а это не нравится. Аврориане не хотят конкуренции.

— Сексуальной конкуренции? — спокойно спросил Мандамус.

На миг Глэдия встретилась с ним взглядом, Неужели он знает о ее давней любви к роботу Джандеру?

Впрочем, что такого, если и знает?!

Лицо его, казалось, не выражало ничего такого, что скрывалось бы за его словами. Наконец она сказала:

— Конкуренции во всех отношениях. Если доктор Фастольф и создал такое впечатление, то лишь для тех, кто конструировал своих роботов по человеческому образцу, но и только.

— Я вижу, вы думали об этом, — сказал Мандамус. — Социологи считают, что страх перед

конкуренцией послужил просто оправданием. Однако этого страха недостаточно, а других причин для отвращения, похоже, нет.

— Социология не точная наука, — сказала Глэдия.

— Не совсем так.

Глэдия пожала плечами. Помолчав, Мандамус продолжал:

— Во всяком случае это здорово задерживает организацию колонизационных экспедиций. Без человекоподобных роботов, мостящих дорогу…

Завтрак еще не кончился, но Глэдии было ясно, что Мандамус не может больше избегать нетривиальной беседы.

— Мы должны полететь сами, — сказала она.

На этот раз Мандамус пожал плечами:

— Это слишком трудно. К тому же, эти маложивущие варвары с Земли с разрешения вашего доктора Фастольфа ринулись на все планеты, словно рой пчел.

— Осталось еще немало планет, миллионы. А если земляне могут это сделать…

— Они-то, конечно, могут, — с неожиданным пылом сказал Мандамус. — Это стоит жизней — но что им жизнь? Какие-то десятилетия, и только — а землян миллиарды. Если в процессе колони-

зации погибнет миллион, — кто это заметит, для кого это важно?

— Я уверена, что для них важно.

— Вздор! Наша жизнь долгая, следовательно, более ценная, и мы, естественно, больше дорожим ею.

— Поэтому мы и сидим здесь и ничего не делаем, а только злимся на земных поселенцев за то, что они рискуют жизнями и в конце концов, похоже, станут частью Галактики.

Глэдия не была на стороне переселенцев, но ей хотелось противоречить Мандамусу, и она не могла удержаться, хотя чувствовала, что ее слова могут быть расценены как убеждение. К тому же, в последние годы она слышала подобные речи от Фастольфа.

По сигналу Глэдии быстро убрали со стола. Завтрак мог бы продолжаться, но разговор и настроение стали совершенно неподходящими для цивилизованного принятия пищи.

Они вернулись в гостиную. Роботы Мандамуса так же, как Дэниел и Жискар, последовали за хозяевами и заняли свои ниши. Мандамус не обращал никакого внимания на Жискара. «Да и с чего бы?» — подумала Глэдия. Жискар был старомодным, примитивным и совершенно не

выдерживал сравнения с прекрасными образцами Мандамуса.

Она села и скрестила ноги, прекрасно зная, что они сохранили девичью стройность.

— Могу ли я узнать причину вашего желания видеть меня, доктор Мандамус? — спросила она.

Она не хотела откладывать дело в долгий ящик.

— У меня дурная привычка после еды жевать лекарственную резинку для улучшения пищеварения. Вы не возражаете?

— Я думаю, это будет отвлекать, — ответила Глэдия.

А про себя подумала: «Пусть терпит неудобство. Кроме того, в его возрасте нет нужды улучшать пищеварение».

Мандамус сунул пакетик обратно в нагрудный карман, не выказав разочарования.

— Я спросила, доктор Мандамус, о причине вашего желания видеть меня.

— У меня их две, леди Глэдия. Одна личная, другая — государственная. Вы позволите начать с личной?

— Откровенно говоря, доктор Мандамус, я не могу себе представить, какие личные дела могут быть между нами. Вы работаете в Роботехниче-

ском институте, не так ли?

— Да.

— И близки с Амадейро, как я слышала?

— Я имею честь работать с доктором Амадейро, — ответил он.

«Он платит мне той же монетой, — подумала Глэдия. — Но я не приму ее».

— Я встретилась с Амадейро случайно два столетия назад, и эта встреча была крайне неприятной. С тех пор я не имела с ним никакого контакта. Я не стала бы встречаться и с вами, его коллегой, но меня убедили, что наша встреча может оказаться важной. Не перейти ли нам теперь к государственному делу?

Мандамус опустил глаза; на его щеках вспыхнул слабый румянец, может быть, от смущения.

— Тогда позвольте мне представиться заново: я Левулар Мандамус, ваш потомок в пятом поколении. Я прапрапраправнук Сантирикса и Глэдии Гремионис. Значит, вы моя прапрапрапрабабушка.

Глэдия быстро заморгала, стараясь не показать, что ее словно громом поразило.

Ну что ж, у нее были потомки, и почему бы этому человеку не быть одним из них?

— Вы в этом уверены?

— Полностью, Я провел генеалогическое расследование. В ближайшие годы я намерен иметь детей, так что у меня все равно потребуют такого рода данные. Если вас интересует, схема между нами — М-Ж-Ж-М.

— То есть вы сын сына дочери дочери моего сына?

— Да.

О дальнейших подробностях Глэдия не спрашивала.

У нее были сын и дочь. Она была хорошей матерью, но дети повзрослели и стали вести независимую жизнь. Что касается потомков сына и дочери, то она, как принято у космонитов, никогда о них не спрашивала. Даже встречая кого-нибудь из них, она, как истинная космонитка была к ним безразлична. Поразмыслив, она успокоилась.

— Прекрасно. Вы мой потомок в пятом поколении. Если это и есть то личное дело, о котором вы желали говорить, то оно не имеет никакой важности.

— Согласен, Мне хотелось бы поговорить не о генеалогии, а о том, что лежит в ее основании. Видите ли, доктор Амадейро, как я подозреваю, знает о наших родственных связях.

— Да? И каким же образом?

— Я думаю, он справляется о происхождении всех тех, кто поступает на работу в Институт.

— А зачем?

— Чтобы точно знать о том, что он отыскал в моем случае. Он человек недоверчивый.

— Не понимаю. Если вы мой потомок, почему его это касается больше, чем меня?

Мандамус задумчиво потер подбородок.

— Его неприязнь к вам ничуть не меньше, чем ваша к нему, мадам Глэдия. Если вы готовы были отказать мне во встрече из-за него, то он тоже готов отказать мне в повышении из-за вас. Было бы немногим хуже, если бы я оказался потомком Фастольфа.

Глэдия напряженно выпрямилась; ноздри ее раздулись.

— Так чего же вы ожидаете от меня? — резко спросила она. — Я не могу заявить, что вы не мой потомок. Не объявить ли мне по гипервидению, что вы мне безразличны и я отрекаюсь от вас? Удовлетворит ли это вашего Амадейро? Если да, то должна предупредить вас, что я этого не сделаю. Для этого человека я не сделаю ничего. Если он уволит вас и испортит вам карьеру из-за вашего происхождения, это заставит вас впредь

сотрудничать с более здравомыслящей и менее злобной особой.

— Он не уволит меня, мадам Глэдия, Я слишком ценен для него, простите за нескромность. Но я надеюсь когда-нибудь сменить его на посту главы Института, а этого, я уверен, он не допустит, пока подозревает, что я происхожу из худшего рода, чем ваш.

— Он считает, что бедняга Сантирикс хуже меня?

— Отнюдь нет.

Мандамус покраснел и сглотнул, но голос его остался ровным и спокойным:

— Я не хочу показаться невежливым, мадам, но я обязан для себя самого узнать правду.

— Какую правду?

— Я ваш потомок в пятом поколении. Это явствует из генеалогических записей. Но может ли быть, что я потомок в пятом поколении не Сантирикса Гремиониса, а землянина Элайджа Бейли?

Глэдия вскочила, как марионетка, которую дернули за ниточки. Она даже не осознала, что встала.

Трижды за последние двенадцать часов упоминалось имя этого давно ушедшего землянина, и каждый раз различными индивидуумами.

— Что вы имеете в виду? — сказала она не своим голосом.

Мандамус тоже встал и сделал шаг назад.

— Мне кажется, это достаточно просто, Не является ли рождение вашего сына, моего прапрапрапрадеда результатом вашей сексуальной связи с землянином Элайджем Бейли? Был ли Элайдж Бейли отцом вашего сына? Я не знаю, как проще объяснить.

— Как вы смеете делать такие намеки и даже думать об этом?

— Смею, потому что от этого зависит моя карьера. Если вы скажете «да», то моя профессиональная жизнь, вероятно, будет разрушена. Я хочу услышать «нет», однако несказанное «нет» не принесет мне ничего хорошего. Я должен в соответствующее время явиться к доктору Амадейро и доказать ему, что его недовольство по поводу моего происхождения может быть связано только с вами. Мне ясно, что его антипатия к вам и к доктору Фастольфу — сущий пустяк, вообще ничто по сравнению с ненавистью к землянину Элайджу Бейли. Дело даже не в том, что землянин — существо маложивущее, хотя мысль об унаследовании варварских генов могла бы страшно расстроить меня. Если бы я представил

доказательства, что происхожу от землянина, но не от Элайджа Бейли, доктор Амадейро мог бы с этим смириться, но одна мысль об Элайдже Бейли приводит его в бешенство — уж не знаю почему.

Снова и снова повторенное, это имя оживило Элайджа Бейли в сознании Глэдии. Взволнованно дыша, она погрузилась в лучшие воспоминания своей жизни.

— Я знаю почему, — наконец сказала она. — Потому что Элайдж, против которого было все, вся Аврора, сумел уничтожить Амадейро как раз в тот момент, когда тот считал, что успех уже у него в руках. Элайдж сделал это благодаря своему мужеству и уму. Амадейро обнаружил, что землянин, которого он презирал, превосходит его во всем, его, мелочного ненавистника. Элайдж умер более ста шестидесяти лет назад, а Амадейро все еще не может забыть, не может простить, не может преодолеть ненависти к мертвому человеку. Я тоже не прощу Амадейро и не перестану ненавидеть его. И хотела бы, чтобы это отравляло каждую минуту его жизни.

— Я вижу, у вас есть причины желать зла доктору Амадейро — но почему вы желаете зла мне? Дайте доктору Амадейро возможность думать, что я потомок Элайджа Бейли, и он с удовольстви-

ем уничтожит меня, Зачем вам доставлять ему это удовольствие, если я не потомок Элайджа? Дайте мне доказательства, что я произошел от вас и Сантирикса Гремиониса или от вас и кого угодно, только не от Элайджа Бейли.

— Вы дурак! Идиот! Зачем вам мои доказательства? Обратитесь к историческим записям. Там вы узнаете точные сроки пребывания Элайджа Бейли на Авроре. Вы узнаете точную дату рождения моего сына Даррела. Вы узнаете, что Даррел был зачат после отъезда Элайджа с Авроры. Вы узнаете также, что Элайдж больше ни разу не был на Авроре. Не думаете ли вы, что моя беременность длилась пять лет?

— Я знаю статистику, мадам. И не думаю, что вы носили плод пять лет.

— Тогда зачем вы пришли ко мне?

— Потому что есть кое-что еще. Я знаю — и, думаю, доктор Амадейро тоже знает, — что, хотя землянин Элайдж Бейли никогда больше не возвращался на Аврору, однажды он был на корабле, который примерно день находился на орбите Авроры. Я знаю, и, думаю, доктор Амадейро тоже знает, что землянин не покидал корабля и не спускался на Аврору, — но вы посещали корабль. Вы оставались там почти целый день. Это было

пять лет спустя после того, как землянин покинул Аврору. Примерно в то же время вы и зачали своего ребенка.

Услышав эти спокойные слова, Глэдия почувствовала, как кровь отлила от ее лица. Она покачнулась, комната вокруг потемнела, Она ощутила мягкое прикосновение сильных рук и поняла, что это руки Дэниела, которые медленно опустили ее в кресло.

Издалека до нее донесся голос Мандамуса:

— Правда ли это, мадам?

— Конечно, правда.

Глава вторая
Предок?
5

Воспоминания! Они всегда прячутся где-то рядом. В один прекрасный день их словно выталкивает, и они возникают, четкие, разноцветные, динамичные. Живые.

Она снова была молода, моложе человека, стоящего перед ней. Достаточно молода, чтобы ощущать трагедию и любовь, — в ее жизни-смерти на Солярии они дошли до своего пика, когда умер первый из тех, кого она считала мужем.

Нет, она не назовет его имени даже сейчас, мысленно.

Несколько месяцев длилась ее любовь ко второму — не человеку, — которого она тоже называла мужем. Джандер, человекоподобный робот, был подарен ей и стал ее собственностью, но, как и первый муж, он внезапно умер.

И тогда, наконец, появился Элайдж Бейли, который никогда не был ее мужем, да и встречались они только дважды, и оба раза всего на несколько часов. Элайдж, до щеки которого она дотронулась рукой без перчатки, и это прикосновение ее зажгло; Элайдж, чье нагое тело она обнимала и, наконец, обрела по-настоящему.

Потом был третий муж, с которым она жила спокойно и мирно, без восторга и страданий, твердо решив ни о чем не вспоминать.

Так было до того дня — она точно не помнила, какой именно день ворвался в ее сонные безмятежные годы, — когда Хен Фастольф попросил разрешения навестить ее. Глэдия отнеслась к этому с некоторым беспокойством, потому что он был слишком занятым человеком, чтобы убивать время на светские беседы.

Прошло всего пять лет после кризиса, который сделал Хена ведущим государственным деяте-

лем Авроры. Он стал Председателем планеты и настоящим лидером Внешних миров. У него оставалось очень мало времени на то, чтобы быть просто человеком. Эти годы оставили на нем свой след и продолжали оставлять до самой его кончины. Он угасал, сознавая свое крушение, но не прекращая борьбы. А Калдин Амадейро, который потерпел поражение, был здоров и крепок, как бы в доказательство того, что за победу расплачиваются дороже.

Фастольф по-прежнему говорил мягко, был терпеливым и безропотным, но даже Глэдия, не интересовавшаяся политикой и бесконечными махинациями власти, знала, что контроль над Авророй держится только благодаря постоянным неослабевающим усилиям Фастольфа, не оставлявшим ему времени на то, что делало жизнь ценной, и он жил только тем, что считал благом… для кого? Для Авроры? Для космонитов? Или это была просто неопределенная концепция идеализированного блага? Она не знала, но не спрашивала.

Но это было всего лишь через пять лет после кризиса. Фастольф все еще производил впечатление молодого и многообещающего человека, и его приятное простое лицо все еще было способно

улыбаться.

— У меня известие для вас, Глэдия, — сказал он.

— Надеюсь, приятное?

Он взял с собой Дэниела. Это был знак, что старые раны зажили; она могла смотреть на Дэниела просто с симпатией, а не с болью, как раньше — потому что он был копией ее умершего Джандера. Она могла разговаривать с Дэниелом, хотя он отвечал голосом Джандера. За пять лет рана зарубцевалась, боль умерла.

— Надеюсь, да, — сказал Фастольф и ласково улыбнулся, — О старом друге.

— Приятно, что у меня есть старые друзья, — ответила она.

Она пыталась, чтобы се слова не прозвучали ядовито.

— Об Элайдже Бейли.

Пяти лет как не бывало. Она почувствовала удар и внезапную резкую боль вернувшихся воспоминаний.

— Как он? — произнесла она сдавленным голосом после минуты ошеломленного молчания.

— Хорошо. И, что более важно, он близко.

— Как? На Авроре?

— На орбите Авроры. Он знает, что не получит

разрешения на посадку, даже если я употреблю все свое влияние. Он очень хотел увидеть вас, Глэдия. Он связался со мной, поскольку думал, что я смогу помочь вам посетить его корабль. Я полагаю, что смогу, но только если вы хотите этого. Вы хотите?

— Я не знаю… Это так неожиданно… Он подождал и спросил:

— Глэдия, скажите честно, как вам живется с Сантириксом?

Она недоуменно посмотрела на него, словно не понимая причины смены темы разговора, но потом сообразила, о чем идет речь.

— Мы живем хорошо.

— Вы счастливы?

— Я не несчастлива.

— Я что-то не слышу восторга.

— Надолго ли его могло хватить, даже если он и был?

— Вы предполагаете когда-нибудь иметь детей?

— Да.

— Планируете изменить брачный статус?

Она решительно покачала головой:

— Пока нет.

— В таком случае, моя дорогая Глэдия, если

вы хотите совета довольно скучного человека, чувствующего себя до отвращения старым, — откажитесь от приглашения. Я помню то немногое, что вы рассказали мне после отъезда Бейли с Авроры, и, сказать по правде, вывел из этого куда больше, чем вы, вероятно, думаете. Если вы увидите его, то можете испытать разочарование, ваши приятные воспоминания могут не ожить, или — что еще хуже — погибнет ваше хрупкое спокойствие, и вы его не обретете вновь.

Глэдия, бессознательно думавшая именно так, решила, что такое предположение, как только оно выразилось в словах, следует отбросить.

— Нет, Хен, я должна его увидеть. Но я боюсь ехать одна. Вы поедете со мной?

Фастольф чуть заметно улыбнулся:

— Меня не приглашали, Глэдия. Да и в любом случае я вынужден был бы отказаться. В Совете будет важное голосование. Это государственное дело, и я не могу отсутствовать.

— Бедный Хен!

— Да уж, действительно, бедный я! Но вы не можете ехать одна. Насколько мне известно, вы не умеете вести корабль.

— О, я думала, меня отвезут…

— На коммерческом транспорте? — Фастольф

покачал головой. — Это абсолютно невозможно. Если вы воспользуетесь коммерческим транспортом, это будет означать, что вы открыто посещаете земной корабль на орбите, и потребуется специальное разрешение, на что уйдет не одна неделя. Если вы не хотите ехать, Глэдия, вам не придется мотивировать свой отказ нежеланием видеть Бейли: бумажная волокита займет много времени, а Бейли, конечно, не сможет ждать так долго.

— Но я очень хочу видеть его, — решительно возразила Глэдия.

— В таком случае можете воспользоваться моим личным космическим кораблем и возьмите с собой Дэниела. Он прекрасно управляет им и так же, как и вы, будет рад повидать Бейли. О путешествии мы никому не сообщим.

— Но у вас могут быть неприятности, Хен.

— Будем надеяться, что никто не узнает или сделает вид, что не узнал. А если кто-нибудь и поднимет шум, я все улажу.

Глэдия опустила голову и задумалась.

— Простите; меня, Хен, что я так эгоистична и могу навлечь на вас неприятности, но я хочу поехать.

— Ну и поезжайте.

5а

Корабль оказался маленьким, меньше, чем предполагала Глэдия. Вообще-то он был удобным, но кое-что в нем путало. Он был так мал, что не имел аппаратов псевдогравитации, и ощущение невесомости побуждало Глэдию к забавной гимнастике и постоянно напоминало, что состояние, в котором она находится, ненормально.

Она была космониткой. Все пять миллиардов космонитов, живших в пятидесяти мирах, гордились этим названием. Но многие ли из называвших себя космонитами в самом деле были космическими путешественниками? Очень немногие. Процентов восемьдесят никогда не покидали мир, где родились, да и из оставшихся двадцати процентов вряд ли кто-нибудь летал в космос более двух-трех раз. «Какая она космонитка?» — угрюмо думала Глэдия. Она всего один раз летала — с Солярии на Аврору семь лет назад. Теперь она летит на маленькой космической яхте всего лишь за пределы атмосферы, на какие-нибудь сто тысяч километров, с каким-то человеком — нет, даже не с человеком — в гости.

Она быстро взглянула на Дэниела, сидевшего в

маленькой пилотской кабине…

Она никогда нигде не была только с одним роботом. На Солярии в ее распоряжении их были сотни и тысячи, на Авроре — десятки, а здесь всего один.

— Дэниел!

— Да, мадам Глэдия!

Он не сводил глаз с приборов.

— Ты рад, что снова увидишь Элайджа Бейли?

— Не знаю, мадам Глэдия, как лучше описать мое внутреннее состояние. Наверное, оно аналогично тому, что люди называют радостным.

— Но что ты чувствуешь?

— Я чувствую, что могу принимать решения быстрее обычного. Ответы приходят легче, движения требуют меньше энергии. Я мог бы назвать это чувством благополучия.

— А если бы я сказала, что хочу встретиться с ним одна?

— Так бы оно и было.

— Даже если бы это означало, что ты не увидишь его?

— Да, мадам.

— Но это тебя разочарует? Я хочу спросить, у тебя будет ощущение, противоположное благополучию? Ты не сможешь быстро принимать

решения, ответы не будут такими легкими, тебе понадобится больше энергии, чтобы двигаться?

— Нет, мадам Глэдия, я испытываю то же чувство благополучия, выполняя ваши распоряжения.

— Твое собственное приятное ощущение — это Третий Закон, подчинение моим приказам — Второй. И Второй преобладает. Так?

— Да, мадам.

Глэдия сама удивлялась своему любопытству. Ей никогда не приходило в голову спрашивать о таких вещах обычного робота. Робот — машина. Но она никогда не думала о Дэниеле как о машине, так же как пять лет назад не могла считать машиной Джандера. Но с Джандером был только взрыв страсти, который исчез вместе с ним. При всем сходстве с Джандером Дэниел не мог зажечь пепел. Тут была область интеллектуального любопытства.

— А тебе не надоело быть связанным Законами?

— Я не представляю себе ничего иного, мадам.

— Меня всю жизнь связывала гравитация, даже во время моего первого путешествия на космическом корабле, но я могу представить себя невесомой.

— Вас это радует, мадам?

— В каком-то смысле — да.

— Это не доставляет вам неудобства?

— Ну, в каком-то смысле, и это тоже.

— Иногда, мадам, когда я думаю, что человек не связан Законами, мне становится не по себе.

— Почему, Дэниел? Ты когда-нибудь пытался понять, почему мысль об отсутствии Законов неприятна тебе?

Дэниел помолчал и сказал:

— Я пытаюсь, мадам, но полагаю, что стал задумываться о таких вещах только после моего краткого сотрудничества с партнером Элайджем. Он имел манеру…

— Да, я знаю. Он желал знать все. Его неугомонность заставляла его задавать вопросы всегда и везде.

— Похоже, что так. Я пытаюсь подражать ему, задаю вопросы. Я спрашиваю себя, на что похоже отсутствие Законов, и не могу представить. Не быть связанным Законами, вероятно, то же самое, что быть человеком, и от этого мне становится не по себе. Я спрашиваю себя, отчего вы спросили меня, почему у меня такое ощущение?

— И что же ты себе ответил?

— После долгих размышлений я решил, что

Три Закона управляют поведением моих позитронных путей. В любое время, при любых условиях Законы определяют направление и интенсивность позитронного потока по этим путям, и я всегда знаю, что делать. Однако уровень этого знания не всегда одинаков. Бывает, что мое «поступать как должно» находится под меньшим принуждением, чем в других случаях. Я всегда замечаю это понижение потенциала и последующее отступление от уверенности, какое именно действие следует предпринимать. Чем дальше я отхожу от уверенности, тем я ближе к болезненному состоянию. Решения, принятые за миллисекунду вместо наносекунды, вызывают очень неприятное ощущение. И я подумал: «А что, если бы для меня совсем не существовало Законов, как для человека? Что если бы я вообще четко не представлял себе, что предпринять в тех или иных условиях?». Это было бы невозможно, и у меня пропало желание даже думать об этом.

— Но ты все-таки думал, Дэниел, и сейчас думаешь.

— Только потому, что я сотрудничал с партнером Элайджем, мадам. Я наблюдал за ним, когда он какое-то время не мог решить как поступить, потому что его сбивала с толку запутанность

стоящей перед ним проблемы. В результате он становился прямо-таки больным, и я тоже чувствовал себя больным, потому что ничем не мог помочь ему. Но я, вероятно, понимал лишь малую часть того, что понимал он. Если бы я понял больше и лучше осознал последствия его неспособности что-то предпринять, я бы, наверное… — Дэниел замолчал.

— Перестал бы функционировать? Дезактивировался? — спросила Глэдия. Она вдруг с болью подумала о Джандере.

— Да, мадам. Моя неспособность помочь могла бы расстроить защитное приспособление в моем позитронном мозгу. Но потом я заметил, что, несмотря на то что Элайдж болезненно переживает свою нерешительность, он продолжает попытки разрешить проблемы. Меня это восхищало.

— Значит, ты способен восхищаться?

— Я употребляю слово, слышанное мною от людей. Я не знаю, насколько верно оно выражает то ощущение, которое вызывали во мне действия партнера Элайджа.

Глэдия кивнула:

— Но человеком тоже управляют — инстинкты, побуждения, доктрины.

— Так думает и друг Жискар.

— Вот как?

— Но он находит эти законы слишком сложными для анализа. Он думает, что когда-нибудь разработают математическую систему анализа человеческого поведения и из нее выведут неоспоримые Законы управления человеческим поведением.

— Сомневаюсь, — сказала Глэдия.

— Вот и друг Жискар не такой уж оптимист. Он думает, что это случится через много лет после развития такой системы.

— Я бы сказала, через очень много лет.

— А теперь, — сказал Дэниел, — мы приближаемся к земному кораблю и должны приготовиться к стыковке, а это дело непростое.

5б

Глэдии показалось, что стыковка длилась дольше, чем все их путешествие до земного корабля. Дэниел оставался спокойным — впрочем, он и не мог быть иным — и уверял ее, что все корабли людей стыкуются друг с другом, несмотря на различие форм и размеров.

— Как люди, — заметила Глэдия, стараясь улыб-

нуться.

Но Дэниел не ответил. Он сосредоточился на стыковке. Видно, это и в самом деле не всегда легко сделать.

На мгновение Глэдия почувствовала беспокойство. Земляне живут недолго и стареют быстро. Прошло пять лет с тех пор, как она видела Элайджа. Сильно ли он постарел? Как выглядит? Может, перемена в нем потрясет или испугает ее?

Ах, как бы он ни выглядел, он все равно останется тем Элайджем, которому Глэдия бесконечно благодарна.

Только благодарность ли это?

Она заметила, что до боли стиснула руки, и с большим трудом заставила их разжаться.

Когда стыковка закончилась, она это сразу поняла. В момент стыковки псевдогравитационное поле, создаваемое генератором большого земного корабля, распространилось и на маленькую яхту. Пол мгновенно очутился внизу, и Глэдию замутило от внезапно возникшей тяжести. Ее ноги подкосились, как от удара, и она сползла по стене.

Справившись с этой маленькой трудностью, Глэдия рассердилась на себя: ведь она знала о том,

что произойдет, и должна была подготовиться.

— Мы состыковались, мадам Глэдия, — сказал Дэниел. — Партнер Элайдж просит разрешения войти.

— Ну конечно, пусть войдет!

Часть стены отошла с легким жужжанием. В отверстие, пригнувшись, вошел человек, и стена за ним закрылась. Человек выпрямился.

— Элайдж! — прошептала Глэдия.

Она почувствовала радость и облегчение.

Казалось, волосы его поседели, но во всем остальном он остался прежним Элайджем. Никакой заметной перемены, никаких признаков старости.

Он улыбнулся, с минуту, казалось, пожирал ее глазами, затем поднял палец, как бы говоря: «Подожди», — и подошел к Дэниелу.

— Дэниел! — Он схватил робота за плечи и потряс. — Вы не изменились! Иосафат! Вы — константа всех наших жизней!

— Партнер Элайдж, как я рад видеть вас!

— Как приятно снова услышать, как меня называют партнером, и я хочу, чтобы так и было. Я встречаюсь с вами в пятый раз, но впервые мне не нужно решать проблему. Теперь я уже не полицейский. Я вышел в отставку и переезжаю в

один из новых миров. Дэниел, почему вы не приехали с доктором Фастольфом, когда он посещал Землю три года назад?

— Так решил доктор Фастольф. Он взял с собой Жискара.

— Я очень огорчился, Дэниел.

— Мне было бы очень приятно видеть вас, партнер Элайдж, но доктор Фастольф сказал мне потом, что визит прошел весьма успешно; таким образом, его решение было правильным.

— Он действительно был весьма успешным, Дэниел. До этого земное правительство неохотно занималось процедурой заселения, но теперь вся планета бурлит, миллионы людей хотят уехать. У нас не было столько кораблей, даже несмотря на помощь Авроры, чтобы отправить их всех, и не было столько планет, готовых принять их, потому что каждую еще надо было приспосабливать для жизни людей. Иначе ни на одной из них нельзя будет жить. На той, куда я еду, низкое содержание кислорода, и нам придется жить в куполах, пока на планете не распространится растительность земного типа.

Элайдж то и дело смотрел на Глэдию, а она сидела и улыбалась.

— Так и должно быть, — сказал Дэниел. —

Насколько я знаком с человеческой историей, Внешние миры тоже прошли период формирования поверхности.

— Конечно! Благодаря этому опыту теперь такой процесс пойдет быстрее. Дэниел, не побудете ли вы некоторое время в рубке? Мне надо поговорить с Глэдией.

— Конечно, партнер Элайдж.

Дэниел вышел; Бейли вопросительно посмотрел на Глэдию и сделал движение рукой. Она поняла, подошла к двери и нажала кнопку. Дверь бесшумно закрылась. Теперь они были одни. Бейли протянул руки.

— Глэдия!

Она взяла его за руки, не подумав даже, что она без перчаток, и сказала:

— Если бы Дэниел остался, он бы не помешал нам.

— Физически — да, но психологически — мог бы! — Бейли печально улыбнулся. — Прости меня, Глэдия, что я сначала заговорил с Дэниелом.

— Ты знаком с ним дольше, — тихо сказала она. — У него право первенства.

— Нет, но он беззащитен. Если я тебе надоем, ты можешь прогнать меня с глаз долой, если захочешь, а Дэниел не может. Я могу игнориро-

вать его, приказать уйти, обращаться с ним, как с роботом, а он должен повиноваться и оставаться таким же преданным и безропотным.

— Но ведь он и есть робот, Элайдж.

— Для меня — нет. Умом я сознаю, что он робот и не имеет физических ощущений, но в душе считаю его человеком и должен обходиться с ним соответственно. Я бы попросил доктора Фастольфа отпустить Дэниела со мной, но на новые поселения роботам путь закрыт.

— А меня ты не хотел бы взять с собой?

— Космонитов туда тоже не пускают.

— Похоже, у землян столько же неразумных ограничений, сколько и у нас, космонитов.

Бейли угрюмо кивнул:

— Глупость с обеих сторон. Но даже если бы мы были умнее, я бы не взял тебя с собой. Ты не смогла бы там жить. А я бы вечно боялся, что твой иммунный механизм не справится и ты умрешь от какой-нибудь пустяковой болезни. Или наоборот, будешь жить слишком долго и наблюдать, как умирают наши поколения. Прости меня, Глэдия.

— За что, дорогой?

— За это… — Он протянул руки ладонями вверх. — За то, что я просил тебя приехать.

— Но я так рада увидеть тебя.

— Я знаю. Я пытался не видеть тебя, но мысль о том, что я буду в космосе и не остановлюсь на Авроре, мучила меня. Но и в том, что мы встретились, тоже нет ничего хорошего, Глэдия. Это означает новую разлуку, которая будет терзать меня. Поэтому я никогда не вызывал тебя по гиперволне. Ты, наверное, удивлялась.

— Нет, пожалуй. Я согласна с тобой, надо было поставить точку, иначе все было бы бесконечно труднее. Но я писала тебе много раз.

— Правда? Я не получил ни одного письма.

— Я их не посылала. Я писала и уничтожала.

— Почему же?

— Потому, Элайдж, что частное письмо с Авроры на Землю проходит цензуру, а я этого не хотела. Если бы ты послал мне письмо, оно скорее всего не дошло бы до меня, каким бы невинным ни было. Я думала, что именно поэтому не получала писем. Теперь, когда я знаю, что ты подозревал о такой ситуации, я страшно рада, что ты не сделал глупости и не писал мне: ты не понял бы, почему я тебе не отвечаю.

Бейли удивленно уставился на нее.

— Как же ты попала сюда?

— Незаконно. Я воспользовалась частным

кораблем доктора Фастольфа, поэтому прошла мимо пограничной стражи, и нас не остановили. Не принадлежи этот корабль доктору Фастольфу, меня отправили бы обратно. Я думаю, ты тоже понял, в чем дело и связался со мной через доктора Фастольфа.

— Ничего я не понимал. Я удивляюсь, что двойное неведение спасло меня. Тройное! Ведь я не знал правильной комбинации гиперволны, чтобы добраться непосредственно до тебя, а на Земле узнать эту комбинацию оказалось невозможно. Сделать это частным образом я не мог — и так о нас с тобой болтали по всей Галактике благодаря тому идиотскому фильму, который сняли после Солярии. Но комбинацию доктора Фастольфа я достал, и, добравшись до орбиты Авроры, сразу же связался с ним.

— Так или иначе, но мы встретились.

Глэдия села на край койки и протянула Элайджу руки.

Он сжал их и хотел было сесть на табурет, который стоял рядом, но она притянула его к себе и усадила рядом.

— Ну, как ты, Глэдия? — неловко произнес он.

— Хорошо, а ты?

— Старею. Три недели назад отметил пятиде-

сятилетие.

— Пятьдесят — это не… — Она замолчала.

— Для землянина это старость. Ведь наш век недолог, ты знаешь.

— Даже для землянина пятьдесят лет не старость. Ты нисколько не изменился.

— Приятно слышать, но я мог бы сказать тебе, что скрип усилился. Глэдия!..

— Да, Элайдж?

— Глэдия, я должен спросить: ты и Сантирикс Гремионис…

Глэдия улыбнулась и кивнула:

— Он мой муж. Я послушалась твоего совета.

— Он помог?

— Да. Живем неплохо.

— Это хорошо. Надеюсь, так все и останется.

— На столетия — вряд ли, а вот на годы, даже на десятилетия, — очень может быть.

— Детей нет?

— Пока нет. Ну а как твоя семья, мой женатый мужчина? Как сын, жена?

— Бентли уехал два года назад с переселенцами. Я еду к нему. Он крупное должностное лицо на новой планете. Ему всего двадцать четыре, но он уже заслужил уважение и почет. — В глазах Бейли заплясали огоньки. — Я уж думаю, не при-

дется ли мне обращаться к нему «ваша честь» — на людях, конечно.

— Великолепно. А миссис Бейли? Она с тобой?

— Джесси? Нет. Она не захотела покинуть Землю. Я говорил ей, что мы будем жить в куполах, так что большой разницы с Землей она не почувствует. Правда, жизнь будет попроще. Может, со временем она переменит мнение. Может, ей надоест одиночество, и она захочет приехать. Посмотрим.

— А пока ты один.

— На корабле больше сотни переселенцев, так что на самом деле я не один.

— Они по ту сторону стыковочной стены. И я тоже одна.

Бейли бросил быстрый взгляд в сторону рубки, и Глэдия сказала:

— Не считая Дэниела, конечно. Но он там, за дверью, и он робот, хоть ты и думаешь о нем, как о человеке. Но ты, наверное, хотел увидеться со мной не для того, чтобы поговорить о наших семьях?

Лицо Бейли помрачнело.

— Я не могу просить тебя…

— А я могу. Эта койка вообще-то не предназначена для занятий сексом, но я надеюсь, что ты с

нее не свалишься.

— Глэдия, я не могу отрицать, что… — начал он. И умолк.

— Ох, Элайдж, не надо пускаться в долгие рассуждения, чтобы надлежащим образом удовлетворить вашу земную мораль. Я предлагаю себя тебе согласно аврорианским обычаям. У тебя есть полное право отказать, и я не могу спрашивать о причинах отказа. Впрочем, я думаю, что право отказываться принадлежит только аврорианам. Я не приму отказа от землянина.

Бейли вздохнул:

— Я уже не землянин.

— Еще меньше я рассчитываю получить отказ от несчастного переселенца, едущего на варварскую планету. Элайдж, у нас было так мало времени, и его так мало сейчас, и я, наверное, никогда больше не увижу тебя. Эта встреча так неожиданна, что было бы космическим преступлением упустить такой случай.

— Ты и в самом деле хочешь старика?

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я тебя умоляла?

— Но мне стыдно.

— Закрой глаза.

— Я имею в виду — стыдно за себя, за свое дрях-

лое тело.

— Переживешь. Твое дурацкое мнение о себе меня нисколько не касается.

Она обняла его, и застежка на ее платье расстегнулась.

5в

Многое открыла для себя Глэдия. Она с удивлением узнала, что Элайдж остался таким, каким она его помнила. Пять лет ничего не изменили. Ей не пришлось оживлять воспоминания. Он был Элайджем.

Она обнаружила разницу между ним и Сантириксом Гремионисом. Впечатление, что у Гремиониса, кроме главного недостатка, о котором она уже знала, были и другие, усилилось. Сантирикс был нежным, мягким, рациональным, в меру неглупым и… однообразным. Она не могла бы сказать, почему он был однообразным, но что бы он ни делал и ни говорил, он не возбуждал ее, как Бейли, даже когда тот молчал. Бейли был старше Сантирикса годами, много старше физиологически, не так красив, как Сантирикс, он, что всего важнее, нес в себе неуловимый дух распада, ауру быстрого старения и короткой жизни, как

все земляне. И все же…

Она узнала, как глупы мужчины: Бейли приближался к ней нерешительно, совершенно не оценив своего воздействия на нее.

Она осознала, что его нет, когда он вышел поговорить с Дэниелом. Земляне ненавидели и боялись роботов, но Бейли, отлично зная, что Дэниел — робот, всегда обращался с ним как с человеком. А вот космониты любили роботов и чувствовали себя без них неуютно, но никогда не думали о них иначе, как о машинах.

И она почувствовала время. Она знала, что прошло ровно три часа тридцать пять минут с того момента, как Бейли вошел в маленькую яхту Фастольфа, что времени остается очень мало. Чем дольше она отсутствует и чем дольше корабль Бейли находится на орбите, тем больше шансов, что кто-нибудь их заметит, а если уже заметил, то почти наверняка заинтересуется, станет расследовать, и тогда Фастольфу грозят крупные неприятности.

Бейли вышел из рубки и грустно посмотрел на Глэдию:

— Мне пора, Глэдия.

— Я знаю.

— Дэниел будет заботиться о тебе. Он станет

твоим другом и защитником, и ты должна быть ему другом — ради меня. Но я хочу, чтобы ты слушалась Жискара. Пусть он будет твоим советником.

Глэдия нахмурилась.

— Почему Жискар? Я недолюбливаю его.

— Я не прошу любить его. Я прошу тебя верить ему.

— Почему, Элайдж?

— Этого я не могу тебе сказать. Ты просто должна поверить мне.

Они смотрели друг на друга и молчали. Молчание остановило время, сдерживало неуловимый бег секунд. Но ненадолго.

— Ты не жалеешь? — спросил Бейли.

— Как я могу жалеть, если я больше не увижу тебя?

Бейли хотел ответить, но она прижала свой маленький кулачок к его губам.

— Не надо лгать, — сказала она. — Я никогда не увижу тебя.

Она его больше никогда не увидела.

6

Глэдия болезненно ощущала, как ее тянет в настоящее через мертвую пустоту лет.

«Я так и не увидела его больше, — подумала она. — Никогда».

Она так долго защищала себя от этой горькой сладости, а сейчас окунулась в нее — больше горькую, чем сладкую, и все из-за этого типа, Мандамуса, из-за того, что Жискар попросил ее принять Мандамуса и она обещала слушаться Жискара.

Это была последняя его просьба…

Она сосредоточилась на настоящем. Сколько времени прошло? Мандамус холодно смотрел на нее.

— По вашей реакции, мадам Глэдия, я вижу, что это правда. Вы не могли бы рассказать откровенно?

— Что правда? О чем вы говорите?

— О том, что вы виделись с землянином Элайджем Бейли через пять лет после его визита на Аврору. Его корабль был на орбите, вы ездили туда, чтобы увидеть Бейли, и были с ним примерно в то время, когда был зачат ваш сын.

— Какие у нас доказательства?

— Мадам, это не было абсолютной тайной. Земной корабль заметили на орбите. Яхту Фастольфа заметили в полете. Самого Фастольфа на борту яхты не было, там были предположительно вы. Влияние доктора Фастольфа было достаточно велико, чтобы запись об этом изъяли.

— Если нет записи, нет и доказательства.

— Доктор Амадейро две трети жизни ненавидел доктора Фастольфа. Среди правительственных чиновников всегда находились такие, кто был душой и телом предан политике доктора Амадейро и стремился сохранить Галактику для космонитов. Они охотно сообщали ему все, что он хотел знать. Доктор Амадейро услышал о вашей маленькой эскападе почти сразу же.

— Это еще не доказательство. Ничем не подкрепленное слово мелкого чиновника-подлизы не в счет. Амадейро ничего не мог сделать. Даже он понимал, что у него нет доказательств.

— Нет доказательств, на основании которых он мог бы обвинить кого-то в преступлении. Нет доказательств, на основании которых он мог бы навредить Фастольфу. Но их достаточно для подозрения, что я потомок Бейли, и для крушения моей карьеры.

— Можете не беспокоиться, — с горечью сказала Глэдия. — Мой сын — сын Сантирикса Гремиониса, настоящий аврорианин, и вы его потомок.

— Убедите меня в этом, мадам. Я больше ни о чем не прошу. Убедите меня, что вы провели несколько часов наедине с землянином, разговаривая о политике, о дружбе, о былом, рассказывая анекдоты, но не прикасаясь друг к другу. Убедите меня.

— Что мы делали — не ваше дело, так что оставьте при себе свой сарказм. Когда я виделась с ним — я уже была беременна от мужа. Я несла в себе трехмесячный аврорианский плод.

— Вы можете доказать это?

— Зачем мне доказывать? Дата рождения моего сына занесена в записи, а Амадейро наверняка знает дату моего визита к землянину.

— Как я уже говорил, ему сообщили, но с тех пор прошло уже два столетия, и он не помнит точно. Визит ваш не был записан, так что справиться негде. Доктор Амадейро, кажется, думает, что это было за девять месяцев до рождения вашего сына.

— За шесть.

— Докажите.

— Даю слово.

— Этого недостаточно.

— Ну тогда… Дэниел, ты был там со мной… Когда я виделась с Элайджем Бейли?

— Мадам, это было за сто семьдесят три дня до рождения вашего сына.

— Как раз за шесть месяцев до родов.

— Этого мало, — сказал Мандамус.

Глэдия вздернула голову.

— У Дэниела идеальная память, а свидетельства роботов считаются доказательством в судах Авроры.

— Это дело не для суда, а память Дэниела ничего для Амадейро не значит. Дэниел создан Фастольфом и находился при нем почти два столетия. Мы не знаем, какие изменения в него внесли, не знаем, как инструктировали Дэниела во всем, что касается доктора Амадейро.

— Подумайте вот о чем: земляне генетически совершенно отличны от нас. Мы практически разные образцы. И мы взаимно не даем потомства.

— Это не доказано.

— Хорошо, существуют генетические записи Даррела и Сантирикса. Сравните их. Если мой бывший муж не отец Даррела, генетические различия будут очень заметны.

— Генетические записи не показывают никому. Вы это знаете.

— Амадейро не посчитается с этическими соображениями. При его влиянии можно увидеть эти записи нелегально. Может, он боится, что его гипотеза не получит подтверждения?

— Он ни за что не нарушит право аврорианина на личные тайны.

— Тогда отправляйтесь в космос и задохнитесь в вакууме. Если Амадейро не поддастся убеждению, это его дело. Вы во всяком случае должны были поверить, вот и убеждайте Амадейро, как хотите. Если это не удастся и ваша карьера повернется не так, как вам хочется, то уж, поверьте, меня это абсолютно не касается.

— Это меня не удивляет. На большее я и не рассчитывал. Что касается меня, то я убежден. Просто я надеялся, что вы дадите мне какое-нибудь материальное доказательство, чтобы я мог убедить Амадейро. Но его у вас нет.

Глэдия презрительно пожала плечами.

— Тогда я воспользуюсь другими методами, — сказал Мандамус.

— Я рада, что они у вас есть, — холодно произнесла Глэдия.

— Есть, — тихо сказал он, словно боялся, что его

подслушают. — Очень мощные методы.

— Прекрасно. Я думаю, вы попытаетесь шантажировать Амадейро. За ним, наверное, многое водится.

Мандамус вдруг нахмурился.

— Не будьте дурой.

— Теперь можете идти, — сказала Глэдия. — Я достаточно терпела вас. Убирайтесь из моего дома!

Мандамус поднял руки.

— Подождите! Я уже сказал, что у меня есть две причины искать с вами встречи: личное дело и государственное. Я потратил слишком много времени на первое и прошу вас уделить мне пять минут на второе.

— Я даю вам пять минут, но не больше.

— Еще кое-кто хочет увидеть вас. Это землянин, или, во всяком случае, потомок землян, житель одного из Поселенческих миров.

— Скажите ему, что никто из землян и их потомков-переселенцев не допускается на Аврору, и отошлите его прочь.

— К сожалению, мадам, за последние два столетия равновесие сил несколько нарушилось. У землян больше планет, чем у нас, а населения у них всегда было больше. У них больше космиче-

ских кораблей, хотя и не таких первоклассных, как у нас, и из-за короткой жизни и плодовитости земляне умирают, видимо, с большей готовностью, чем мы.

— В последнем я не уверена.

Мандамус напряженно улыбнулся:

— Почему? Восемь десятилетий значат меньше, чем сорок. В любом случае мы вынуждены обращаться с ними вежливо, куда вежливее, чем во времена Элайджа Бейли. Если хотите знать, к такому положению дел привела политика Фастольфа.

— От чьего имени вы говорите? От имени Амадейро, который теперь вынужден быть вежливым с поселенцами?

— Нет, от имени Совета.

— Вы представитель Совета?

— Официально нет, но меня просили проинформировать вас.

— А если я повидаюсь с этим поселенцем, что дальше? Чего он от меня хочет?

— Как раз этого мы не знаем, мадам. Мы рассчитываем узнать это от вас. Вы увидите его, выясните, чего он хочет, и сообщите нам.

— Кому это — вам?

— Как я уже говорил — Совету. Поселенец будет

у вас сегодня вечером.

— Вы, кажется, считаете, что у меня нет иного выбора, кроме как стать доносчицей?

Мандамус встал, дав понять, что окончил свою миссию.

— Вы не будете доносчицей. Вы ничем не обязаны этому поселенцу. Вы просто сообщите своему правительству, как честная аврорианская гражданка. Вы же не хотите, чтобы Совет предположил, что солярианское происхождение в какой-то мере умаляет ваш аврорианский патриотизм.

— Сэр, я живу на Авроре в четыре раза дольше, чем вы.

— Не спорю, но вы родились и выросли на Солярии. Вы — необычная аномалия, аврорианка чужеземного происхождения, и этого не забыть. Это особенно справедливо, поскольку поселенец хочет видеть именно вас, а не кого-нибудь другого на Авроре, именно потому, что вы солярианского происхождения.

— Откуда вы это знаете?

— Предполагаем. Он назвал вас «солярианской женщиной». Мы хотим знать, почему это для него имеет значение, теперь, когда Солярия больше не существует.

— Спросите у него.

— Мы предпочитаем спросить у вас после того, как вы спросите у него. А теперь я прошу разрешения оставить вас и благодарю за гостеприимство.

Глэдия холодно кивнула:

— Я прощаюсь с вами с большей охотой, чем предлагала вам свое гостеприимство.

Мандамус пошел к двери, за ним двинулись его роботы. На пороге он обернулся:

— Чуть не забыл…

— Да?

— Фамилия поселенца, как ни странно, Бейли.

Глава третья
Кризис
7

Дэниел и Жискар с присущей механическим людям вежливостью проводили Мандамуса и его роботов за пределы поместья, а заодно обошли территорию, дабы убедиться, что рабочие роботы на своих местах, и обратили внимание на погоду — было облачно и немного холоднее, чем полагалось по сезону.

Дэниел сказал:

— Доктор Мандамус открыто признал, что Поселенческие миры теперь сильнее Внешних. Я не ожидал от него этого.

— Я тоже, — подхватил Жискар. — Я был уверен, что поселенцы стали сильнее, чем космониты. потому что Элайдж Бейли много лет назад предсказал это, но я не мог сказать, когда это станет ясно аврорианскому Совету. Мне казалось, что социальная инерция будет держать Совет в полной уверенности относительно превосходства космонитов еще долго после того, как это превосходство исчезнет. Я только не мог рассчитать, как долго продлится их заблуждение.

— Я поражен, что партнер Элайдж предсказал это так давно.

— Люди способны мыслить так, как мы не умеем.

Будь Жискар человеком, в его словах слышались бы сожаление или зависть, но, поскольку Жискар был роботом, он просто констатировал факт.

— Читая историю людей, я пытался получить если не способ мышления, то знания. Наверняка где-то в длинных описаниях событий должны быть скрыты Законы Человечества, эквивалентные Трем Законам Роботехники.

— Мадам Глэдия сказала мне, что эта надежда несбыточна, — произнес Дэниел.

— Вполне возможно, друг Дэниел. Хоть мне и кажется, что Законы Человечества должны существовать, я не могу найти их. Каждое обобщение, которое я пытался сделать, имело множество исключений. Но если такие Законы существуют и я их найду, я лучше пойму человека и буду уверен, что повинуюсь Трем Законам наилучшим образом.

— Поскольку партнер Элайдж понимал человека, у него, наверное, было какое-то знание Законов Человечества.

— Возможно. Но он знал их, как люди говорят, интуитивно. Я не понимаю этого слова, оно означает неизвестную мне концепцию. Возможно, это лежит за пределами разума, а в моем распоряжении только разум.

7а

Разум и память!

Память, которая работает, конечно, не по образцу человеческой. В ней нет несовершенства воспроизведения событий, суетливости, пробелов и того, когда желаемое принимают за

действительное или руководствуются эгоизмом.

Память робота отмечает события так, как они произошли, только в ускоренном темпе. Секунды складываются в наносекунды, и дни событий могут ожить за время малой заминки в беседе.

Жискар оживил в памяти тот визит на Землю, как делал много раз, чтобы понять способность Бейли предсказывать будущее, но так и не понял.

Земля!

Фастольф отправился на Землю на аврорианском военном корабле с полным комплектом товарищей-пассажиров, как людей, так и роботов. Однако, когда они оказались на орбите, только Фастольф взял модуль для высадки. Инъекции стимулировали его иммунный механизм; надев перчатки, комбинезон, контактные линзы и носовые фильтры, он чувствовал себя в полной безопасности, но другие аврориане не пожелали войти в состав делегации. Фастольф только пожал плечами: ему казалось, как он позже объяснил Жискару, что его примут лучше, если он будет один. Делегация могла напомнить Земле о старых временах Космотауна, когда космониты имели постоянную базу на Земле и непосредственно влияли на жизнь планеты.

Но Фастольф взял с собой Жискара.

Приехать без робота было немыслимо даже для Фастольфа. Однако появление нескольких роботов могло бы насторожить землян, которые и так ненавидели космонитов, а Фастольф надеялся увидеться и провести переговоры с землянами.

Первым делом он, разумеется, встретится с Бейли, который должен был олицетворять его связь с Землей и ее народом. Фастольф очень хотел увидеться с Бейли, поскольку был ему многим обязан.

Вообще-то Бейли хотел видеть Жискар. Он слегка укрепил эмоции и импульс в мозгу Фастольфа, чтобы привести свое желание в исполнение, но Фастольф об этом не знал и даже не подозревал.

Бейли ждал его на посадочной полосе, с ним была небольшая группа официальных лиц с Земли. Началась нудная процедура встречи с вежливыми фразами и официальным протоколом. Прошло несколько часов, прежде чем Бейли и Фастольфу удалось поговорить, да и то потому лишь, что вмешался Жискар и коснулся мозга самого главного чиновника, выглядевшего явно усталым. Лучше ограничиться усилением уже существующей эмоции, это почти никогда не приносит вреда.

Бейли и Фастольф сидели в маленькой столовой, которой обычно пользовались только высшие правительственные чины.

Еду здесь можно было заказать набрав на компьютерном меню комбинацию знаков; подавали компьютерные разносчики.

Фастольф улыбнулся:

— Очень передовой метод. Но эти разносчики — те же специализированные роботы, Я удивлен, что на Земле пользуются ими. Они явно не космонитского происхождения.

— Да, — согласился Бейли. — они, так сказать, доморощенные. Предназначены только для верхушки, и мне впервые приходится пользоваться ими. Второго случая, конечно, не представится.

— Вас могут назначить на высокий пост, и тогда вы станете пользоваться такими вещами.

— Никогда этого не будет, — сказал Бейли.

Перед собеседниками были поставлены блюда; разносчик оказался достаточно искушенным, чтобы проигнорировать Жискара, который стоял за спиной Фастольфа.

Некоторое время Бейли ел молча, потом нерешительно сказал:

— Я очень рад снова видеть вас, доктор Фастольф.

— Я тоже. Я не забыл, как два года назад вы сумели отвести от меня подозрение в уничтожении робота Джандера и все ловко повернули против моего самоуверенного оппонента доктора Амадейро.

— Я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю об этом, — сказал Бейли. — И вас, Жискар, я тоже рад видеть. Надеюсь, что вы не забыли меня.

— Это совершенно невозможно, сэр, — ответил Жискар.

— Вот и хорошо. Ну, доктор, похоже, что политическая ситуация на Авроре продолжает оставаться благоприятной. Так говорят наши источники информации. Правда, я не очень им доверяю.

— В данный момент можете верить. Моя партия жестко контролирует деятельность Совета. Амадейро упорно держится в оппозиции, но я подозреваю, что пройдет немало лет, прежде чем его приверженцы оправятся от нанесенного вами удара. А как дела у вас и у Земли?

— Неплохо. Скажите, доктор, вы привезли с собой Дэниела?

Лицо доктора слегка дернулось в замешательстве.

— Простите, Бейли, — медленно сказал

Фастольф. — Я его привез, но оставил на корабле. Мне показалось невежливым являться в сопровождении робота, столь похожего на человека. Поскольку Земля по-прежнему настроена против роботов, появление человекоподобной машины могло, по моему мнению, показаться им намеренным вызовом.

— Я понимаю. — Бейли вздохнул.

— Правда ли, что ваше правительство намерено запретить использование роботов в городах?

— Я подозреваю, что к этому очень скоро придут, дабы сократить финансовые потери. Все роботы будут переведены в сельскую местность, где будут использоваться в сельском хозяйстве и на рудниках. Так они постепенно будут исчезать, и на новых планетах их не будет совсем.

— Кстати, о новых планетах: ваш сын уже оставил Землю?

— Да, несколько месяцев назад. Он сообщил нам, что благополучно прибыл с несколькими сотнями поселенцев, как они себя называют, на новую планету. Там есть какая-то местная растительность, но в атмосфере мало кислорода. Со временем эта планета станет подобием Земли. А пока там поставлены купола. Поселенцы объявили всем и каждому, что необходимо срочно

заняться землеустройством. Письма Бентли и редкие гиперволновые переговоры обнадеживают, но все равно его матери чертовски недостает сына.

— А вы поедете туда, Бейли?

— Я не уверен, что жизнь на чужой планете под куполами — то, о чем я мечтал, доктор Фастольф. У меня нет молодости и энтузиазма Бена, но, думаю, года через два-три я поеду. Во всяком случае я уже подал в департамент заявление о своем намерении эмигрировать.

— На Земле, наверное, очень огорчены?

— Ничуть. Они, конечно, выражают сожаление, но рады избавиться от меня. У меня здесь чересчур дурная слава.

— А как земное правительство реагирует на стремление расселиться по всей Галактике?

— Нервно. Не запрещает, но и не поощряет. Оно по-прежнему подозревает, что космониты противятся этому и хотят каким-то нехорошим образом воспрепятствовать такой практике.

— Социальная инерция, — сказал Фастольф. — Они судят о нас по нашему поведению в прошлом. А сейчас мы ясно дали понять, что поощряем земную колонизацию новых планет и даже намерены колонизировать новые планеты для себя.

— Надеюсь, вы объясните это нашему правительству. Еще один маленький вопрос, доктор Фастольф: как там… — Бейли замялся.

— Глэдия? — спросил Фастольф, скрывая улыбку. — Вы забыли ее имя?

— Нет. Я просто не решался…

— С ней все в порядке. Живет хорошо, Она просила напомнить вам о ней, но, думаю, в этом нет необходимости: вы и так ее помните.

— Надеюсь, ее солярианское происхождение не используется против нее?

— Нет, так же как и ее роль в падении Амадейро. Скорее наоборот. Я позабочусь о ней, будьте уверены. Однако я не могу вам позволить полностью отойти от дел. Значит, бюрократический аппарат продолжает препятствовать эмиграции? Будет ли процесс продолжаться, несмотря на такое сопротивление?

— Возможно, — сказал Бейли, — но не наверняка. Сильная оппозиция в основном среди народа. Им трудно вырваться из громадных подземных городов, из своего дома.

— Из своего лона.

— Да, если хотите. Отправиться на новые планеты, десятки лет вести примитивную жизнь очень трудно. Когда я думаю об этом, особенно

в бессонные ночи, то решаю, что не поеду. Так случалось сотни раз, но по утрам я отменял свое решение. А уж если так тревожусь я, можно сказать, зачинщик всего этого дела, то кто же поедет спокойно и с радостью? Без правительственного одобрения, без, так сказать, его напутственного пинка под зад населению весь проект может провалиться.

Фастольф кивнул:

— Я попытаюсь убедить ваше правительство. А если мне не удастся?

— Если вам не удастся, — тихо сказал Бейли, — и проект провалится, останется только один выход: Галактику должны заселить космониты. Дело должно быть сделано.

— И вы согласны смотреть, как космониты заселяют Галактику, тогда как ваш народ остается на единственной планете?

— Совершенно не согласен, но это все-таки лучше, чем ничего. Много столетий назад земляне полетели к звездам, основали несколько поселений, которые теперь называются Внешними мирами. И эти немногие первопроходцы освоили другие миры. Но потребуется много времени, чтобы космониты или земляне заселили и обжили новый мир. И это должно продолжаться.

— Согласен. Но почему вы так ратуете за экспансию, Бейли?

— Я чувствую, что иначе человечество не продвинется вперед. Дело не в географическом распространении, а в стимуляции других видов экспансии. Если на другие планеты не претендуют иные разумные существа, если распространение пойдет в пустом пространстве, так почему бы не расселиться? В таких условиях противиться освоению новых пространств — значит упрочить распад.

— Значит, вы тоже видите альтернативу? Экспансия — продвижение вперед, а отсутствие ее — упадок?

— Да, я верю в это. Но если Земля откажется от экспансии, то ее должны предпринять космониты. Человечество, будь то земляне или космониты, должно распространяться. Я хотел бы увидеть, как эту задачу выполняют земляне, но уж лучше экспансия космонитов, чем вообще никакой. Либо те, либо другие.

— А если одни станут расселяться, а другие — нет?

— Тогда распространившееся общество окажется сильнее, а оставшиеся ослабеют.

— Вы уверены?

— Мне кажется, это неизбежно.

Фастольф кивнул:

— Вполне согласен, вот поэтому я пытаюсь подвигнуть на это и землян, и космонитов. Это третья возможность и, думаю, лучшая.

7б

В памяти пролетали последующие дни: огромные толпы народа, беспрерывно двигавшиеся по экспресс-путям, бесконечные совещания с многочисленными чиновниками, мозги в толпе.

Главное — мозги в толпе, мозги в такой плотной толпе, что Жискар не мог выделить индивидуумов. Мозги перемешивались и сливались в громадную пульсирующую серую массу, где время от времени можно было заметить искры подозрительности и неприязни, возникавшие всякий раз, когда кто-то из этого множества смотрел на Жискара.

Однако как-то раз Фастольф оказался на конференции с небольшим количеством участников. И Жискару удалось иметь дело с индивидуальным мозгом, что было важно.

Их пребывание на Земле близилось к концу, когда Жискару наконец удалось остаться наедине с

Бейли. Минимально воздействовав на несколько мозгов, он добился своего — объявили перерыв.

— Не думайте, что я игнорировал вас, Жискар, — виновато сказал Бейли. — Просто у меня не было случая побыть с вами. Я не такая уж большая шишка и не могу распоряжаться своим временем.

— Я так и понял, сэр, но сейчас мы можем побыть вместе некоторое время.

— Да. Доктор Фастольф сказал мне, что Глэдия живет хорошо. Но он мог сказать так по доброте душевной, зная, что я хочу услышать. Вам я приказываю говорить правду. У Глэдии все в порядке?

— Доктор Фастольф сказал вам правду, сэр.

— Надеюсь, вы помните, что, когда мы в последний раз виделись на Авроре, я просил вас охранять и защищать Глэдию?

— Друг Дэниел и я, сэр, помним вашу просьбу. Я устроил так, что, когда доктора Фастольфа не станет, мы с другом Дэниелом перейдем в собственность мадам Глэдии. Тогда у нас будет еще больше возможностей оберегать ее.

— Это будет уже после меня, — печально сказал Бейли.

— Я понимаю, сэр, мне очень жаль.

— Ничего не поделаешь, но кризис наступит — должен наступить — раньше смерти доктора Фастольфа. Но все равно после моей.

— Что вы имеете в виду, сэр? Какой кризис?

— Жискар, кризис может наступить, доктор Фастольф говорит на редкость убедительно. Есть и другие факторы, действующие вместе с ним, и это обеспечивает выполнение задачи.

— И что же, сэр?

— Все чиновники, с которыми виделся и говорил доктор Фастольф, теперь с энтузиазмом поддерживают эмиграцию. Раньше они не одобряли ее, или, во всяком случае, относились к ней сдержанно, а теперь, коль скоро власть предержащие отнеслись к проекту благосклонно, другие последуют за ними. Это будет похоже на эпидемию.

— Но ведь вы этого хотели, сэр?

— Да, но такого я, пожалуй, не ожидал. Мы начнем распространяться в Галактике, а что, если космониты не последуют нашему примеру?

— А зачем им отказываться?

— Не знаю. Я высказываю предположение. Что, если они этого не сделают?

— Тогда Земля и планеты, которые заселит ее народ, станут сильнее, как вы сами говорили.

— А космониты ослабеют. Но какое-то время они будут сильнее, чем Земля и Поселенческие миры, хотя разница будет резко сокращаться. Космониты неизбежно станут рассматривать землян как растущую опасность и наверняка решат, что Землю и поселенцев надо остановить, пока не поздно, и принять для этого крутые меры. Это и будет период кризиса, который определит всю будущность человечества.

— Я понимаю вашу точку зрения, сэр.

Бейли задумался, а потом спросил шепотом, словно боялся, что его подслушивают:

— Кто знает о ваших способностях?

— Из людей только вы, но вы не можете сказать об этом другим.

— Знаю, что не могу. Дело в том, что не Фастольф, а вы осуществили поворот на сто восемьдесят градусов и сделали всех чиновников, с которыми вошли в контакт, ярыми сторонниками эмиграции. И вы сделали так, что Фастольф взял сюда вас, а не Дэниела. В вас все дело, а Дэниел мог бы только отвлекать внимание.

— Я чувствовал необходимость свести персонал к минимуму, чтобы избежать трудностей со стиранием обидчивости людей. Мне очень жаль, сэр, что вы не встретились с Дэниелом. Я вполне

сознаю ваше разочарование.

— Ладно. Я понимаю и прошу вас передать Дэниелу, что я чертовски соскучился по нему. В любом случае я остаюсь при своей точке зрения: если Земля вступит в большую политику заселения планет, а космониты отстанут, ответственность за это и, следовательно, за кризис, ляжет на вас. Вы должны чувствовать эту ответственность и в дальнейшем, когда кризис наступит, и использовать свои способности для защиты Земли.

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

— Если вам это удастся, Амадейро или его коллеги могут наброситься на Глэдию. Не забудьте, вы должны защищать ее.

— Ни Дэниел, ни я не забудем.

— Спасибо, Жискар.

Они расстались. А вскоре после этого гости улетели домой.

Поднимаясь вслед за Фастольфом в модуль, Жискар еще раз увидел Бейли, но на этот раз у них не было возможности поговорить. Бейли помахал рукой и беззвучно, одними губами, выговорил: «Помните».

Жискар понял, что он сказал и что чувствовал, Больше Жискар никогда не видел Бейли.

8

Когда Жискар думал о своем единственном посещении Земли, а памяти его сразу всплывали подробности последовавшего за этим визита к Амадейро в Институт роботехники.

Устроить такую встречу оказалось делом нелегким.

Амадейро, тяжело переживавший свое поражение, всячески уклонялся от визита к Фастольфу: он считал это унизительным.

— Ну что ж, — сказал тогда Фастольф Жискару. — Я могу позволить себе великодушие победителя и сам пойду к нему. В конце концов, должен же я с ним увидеться.

Фастольф стал членом Института роботехники после того, как благодаря Бейли Амадейро не удалось осуществить свои политические амбиции. Тогда Фастольф передал в Институт все сведения о создании и эксплуатации человекоподобных роботов. Сколько-то их было сделано, а затем проект приказал долго жить, и Фастольф занервничал.

Сначала Фастольф решил прибыть в Институт без сопровождения роботов. Явиться без охраны,

можно сказать, голым, в самое сердце все еще сильного вражеского лагеря. Это был знак не только доверия и дружелюбия, но и полнейшей уверенности в себе, и Амадейро должен был понять это. Фастольф продемонстрировал бы, что убежден — Амадейро и вся его команда не посмеет пальцем тронуть единственного врага, легкомысленно явившегося прямо в волчью пасть.

Но затем Фастольф, сам не зная почему, изменил решение и взял с собой Жискара.

Со времени последней встречи с Фастольфом Амадейро, похоже, немного похудел, но по-прежнему был высок и крепок.

Однако утратил свою самоуверенную улыбку. И когда при появлении Фастольфа он попытался изобразить ее, она более напоминала звериный оскал; впечатление усиливал угрюмый взгляд.

— Ну, Калдин, — сказал Фастольф, — мы нечасто видимся, несмотря на то что уже четыре года коллеги.

— Бросьте ваше показное благодушие, Фастольф! — раздраженно рявкнул Амадейро. — И называйте меня Амадейро. Мы коллеги только по работе, и я не скрываю и никогда не скрывал уверенности в том, что ваша внешняя политика

— самоубийство для нас.

За спиной Амадейро стояли три робота, огромные, блестящие. Подняв брови, Фастольф посмотрел на них.

— А вы неплохо защищены от мирного человека и его единственного робота.

— Вы прекрасно знаете, что они не нападут на вас. А почему вы пришли с Жискаром, а не с вашим шедевром Дэниелом?

— Дэниелу лучше держаться от вас подальше, Амадейро. Так безопаснее.

— Шутить изволите? Мне больше не нужен Дэниел. Мы делаем собственных человекоподобных роботов.

— На базе моих чертежей.

— Усовершенствованных.

— Однако, вы их не используете. Вот поэтому я и пришел к вам. Я знаю, что мое положение в Институте чисто номинально, что даже мое присутствие нежелательно, не говоря уже о моих суждениях и рекомендациях. Однако я как сотрудник Института протестую против вашего нежелания использовать человекоподобных роботов.

— А как, по-вашему, мы должны их использовать?

— Предполагалось, что человекоподобные роботы будут осваивать новые миры, куда впоследствии эмигрируют космониты — не так ли?

— Но против этого вы и выступали, не так ли?

— Да, выступал. Я хотел, чтобы космониты сами обустраивали новые планеты. Этого, однако, не произошло, и, как я теперь вижу, вряд ли произойдет. Тогда давайте пошлем человекоподобных роботов. Это все же лучше, чем ничего.

— Все ваши альтернативы ничего из себя не представляли, пока в Совете не возобладала ваша точка зрения. Космониты не поедут в необустроенную глушь, и им, похоже, не нравятся человекоподобные роботы.

— Так вы же не дали космонитам шанс полюбить их. Земляне уже начали заселять новые планеты, даже самые дикие, и делают это без помощи роботов.

— Вы прекрасно знаете разницу между землянами и нами. Их на Земле восемь миллиардов плюс множество поселенцев.

— Но и нас пять с половиной миллиардов.

— Это не единственное различие, — сердито сказал Амадейро. — Они плодятся, как насекомые.

— Нет. Численность земного населения ста-

бильна вот уже несколько столетий.

— Но у них есть потенциальная возможность. Если они дружно бросятся в эмиграцию, то легко могут производить по сто шестьдесят миллионов особей каждый год, и по мере завоевания новых миров это число будет расти.

— Но и мы способны увеличить прирост населения до ста миллионов в год.

— Биологически — да, но не социологически. Мы живем долго и не хотим уходить так быстро.

— Мы можем послать большую часть новых людей на другие планеты.

— Они не поедут. Мы дорожим нашими людьми, сильными, здоровыми, способными прожить почти четыре столетия. Земля же не ценит людей, которые живут меньше ста лет, страдают от болезней и выживают из ума даже за этот короткий промежуток времени. Для них не имеет значения, что они будут ежегодно обрекать миллионы на нищету и гибель. В сущности, даже сами жертвы не боятся нищеты и смерти, поскольку ничего другого на Земле не имеют. Эмигрирующие земляне улетают из своего зачумленного мира, хорошо зная, что хуже не будет. А мы, наоборот, ценим наши благоустроенные и уютные планеты, и нам нелегко покинуть их.

— Сколько раз я слышал эти аргументы! Между прочим, Амадейро, Аврора тоже когда-то была дикой планетой, а стала удобной и уютной, и так было с каждым Внешним миром.

— Мне тоже осточертели ваши аргументы, но я не устаю отвечать на них. Пусть Аврора была примитивной, но ее заселили земляне, а другие Внешние миры заселялись если не землянами, то космонитами, которые еще не забыли о своем земном происхождении. Но теперь не те времена. То, что сделали тогда, сегодня сделать нельзя. — Он хищно оскалился. — Нет, Фастольф, вся ваша политика направлена на то, чтобы сотворить Галактику, населенную одними землянами, в то время как космонитам должен прийти конец. Теперь вы видите, что так и происходит. Ваша знаменитая поездка на Землю два года назад стала поворотным пунктом. Вы предали собственный народ, подтолкнув этих полулюдей к экспансии. Всего за два года они заняли двадцать четыре планеты, и число это растет.

— Не преувеличивайте. Ни один из Поселенческих миров еще не готов к заселению и не будет готов еще несколько десятилетий. И не все они окажутся подходящими, так что, когда ближайшие планеты будут заняты, шансы на

дальнейшее заселение уменьшатся, и первоначальный поток спадет. Я одобрял их экспансию, потому что рассчитывал и на нашу. Мы еще можем догнать их, если постараемся, и в здравом соревновании займем Галактику вместе.

— Нет, — сказал Амадейро. — То, что вы имеете в виду, — самая деструктивная политика из всех возможных. Дурацкий идеализм. Экспансия односторонняя и таковой останется, что бы мы ни делали. Земляне лезут безудержно, и их нужно остановить, пока они не стали слишком сильными.

— Как вы предлагаете это сделать? У нас с Землей подписан договор о дружбе, где особо оговорено, что мы не станем препятствовать их экспансии в космосе, а они не тронут ни одной планеты в радиусе двадцати световых лет от каждого Внешнего мира. И они строго соблюдают свои обязательства.

— О договоре всем известно. Всякий знает, что ни один договор не будет соблюдаться, если он начинает действовать против государственных интересов более могущественной из подписавших его сторон. Я не признаю ценности этого договора.

— А я признаю, и он будет соблюдаться.

Амадейро покачал головой:

— Трогательная вера. Как он будет соблюдаться после того, как вы отойдете от власти?

— Я пока не намерен отходить.

— Как только Земля и ее поселенцы станут сильнее, космониты испугаются, и вы долго у власти не удержитесь.

— А если вы разорвете договор, уничтожив Поселенческие миры, и закроете ворота на Землю, станут ли космониты эмигрировать и заселять Галактику?

— Скорее всего, нет. Но если мы решим, что нам этого не надо, что нам и здесь хорошо, так не все ли равно?

— В таком случае Галактика не станет человеческой империей.

— Ну и что?

— Тогда космонитам придет конец, даже если и Земля погибнет.

— Излюбленная трескучая фраза вашей партии, Фастольф. Нет никаких доказательств, что такое случится. Но, даже если это случится, это будет наш выбор. По крайней мере, мы хоть не увидим, как маложивущие варвары захватывают Галактику.

— Вы всерьез намекаете, что хотели бы увидеть

смерть космической цивилизации, лишь бы остановить Землю?

— Я надеюсь, что мы не погибнем, Фастольф, но, если случится худшее, тогда что ж, моя смерть не менее страшна, чем триумф этих недочеловеков, маложивущих, пораженных болезнями существ.

— От которых мы произошли.

— …и с которыми больше не имеем генетической общности. Разве мы черви, потому что миллиарды лет назад наши предки были червями?

Фастольф сжал губы и направился к выходу. Торжествующий Амадейро не остановил его.

9

Дэниел не догадался, что Жискар погрузился в воспоминания. Во-первых, выражение лица у Жискара не менялось, а во-вторых, он уходил в воспоминания не так, как люди. У него это не занимало много времени.

С другой стороны череда мыслей, которая заставила Жискара вспомнить прошлое, побудила и Дэниела задуматься о тех же давних событиях, о которых в свое время рассказал ему Жискар. Жискар тоже не удивился задумчивости Дэниела.

После паузы их разговор продолжился, но продолжился по-новому, словно теперь каждый думал о прошлом за двоих.

— Похоже, друг Жискар, что народ Авроры теперь понимает, насколько он слабее Земли и ее Поселенческих миров, а значит, кризис, предсказанный Элайджем Бейли, благополучно миновал.

— Похоже, что так, друг Дэниел.

— Ты постарался, чтобы так случилось.

— Постарался. Я удерживал Совет в руках Фастольфа. Я сделал все возможное, чтобы убедить тех, кто формировал общественное мнение.

— Однако мне не по себе.

— Мне было не по себе на каждой стадии процесса, хотя я стремился никому не делать вреда. Я не прикоснулся ни к одному человеческому существу, когда видел, что ему нужно нечто большее, чем легкое касание. На Земле я просто смягчал страх репрессалий, в основном у тех, у кого этот страх и так был невелик: я рвал нить, которая готова была порваться. На Авроре все наоборот. Политические деятели не хотели поддерживать политику, ведущую к изгнанию их из уютного мирка, и я просто поддерживал это нежелание и укреплял нить, которая удерживала их. Это

погружало меня в постоянное, хотя и слабое, беспокойство.

— Почему? Ты поощрял экспансию Земли и не одобрял экспансии космонитов. Так и должно было быть.

— Так ли? Подумай, друг Дэниел, разве землянин стоит больше, чем космонит? Ведь они оба люди.

— Есть разница. Элайдж Бейли считал, что ради заселения Галактики можно пожертвовать даже собственным народом. А доктор Амадейро думает, что пусть лучше зачахнут и Земля и космониты, лишь бы в Галактике не распространились земляне. Первый надеялся на успех либо одного, либо другого народа, а второй не хочет ничьего успеха. Разве мы не должны выбрать первого, друг Жискар?

— Похоже, что так, друг Дэниел. Наверное, ты до сих пор испытываешь определенное влияние своего бывшего партнера Элайджа Бейли?

— Я дорожу памятью о партнере Элайдже, и народ Земли — его народ.

— Я понимаю. Я уже много десятилетий говорю, что у тебя тенденция думать по-человечески, но не уверен, что это комплимент. Хотя ты и стараешься думать, как человек, ты все-таки не

человек и связан Тремя Законами. Ты не смог бы повредить человеку, землянин он или космонит.

— Бывают случаи, друг Жискар, когда приходится выбирать. Нам дан приказ защищать леди Глэдию. Защищая ее, я могу вынужденно нанести вред человеку, и думаю, что при прочих равных условиях я охотнее немного повредил бы космониту, чтобы защитить землянина.

— Это тебе только кажется. На самом деле ты руководствовался бы конкретными обстоятельствами. Ты обнаружил бы, что не можешь обобщать, — сказал Жискар. — Вот так и со мной. Подталкивая Землю и удерживая Аврору, я сделал так, чтобы доктору Фастольфу не удалось убедить аврорианское правительство поддержать политику эмиграции и позволить распространиться сразу двум силам. Я не мог помочь и понимал, что часть его трудов пропала даром. Это наполняло его отчаянием и, возможно, ускорило его кончину. Я чувствовал его мысли, и это было больно. И все-таки, друг Дэниел, если бы я не сделал то, что сделал, это сильно уменьшило бы способность землян к экспансии, не улучшив и аврорианского продвижения в этом направлении. Тогда доктор Фастольф потерпел бы двойное фиаско — как с Землей, так и с Авророй, и доктор Амадейро

оттеснил бы его от власти, Чувство поражения было бы для него еще сильнее. Я был глубоко предан доктору Фастольфу всю его жизнь, поэтому и предпочел действовать так, чтобы меньше его ранить и, по мере возможности, не вредить другим индивидуумам, с которыми имел дело, Если доктор Фастольф постоянно расстраивался, не умея убедить аврориан и вообще космонитов идти на новые планеты, то он, по крайней мере, радовался активной эмиграции землян.

— А ты не мог бы подтолкнуть и землян, и аврориан, чтобы полностью удовлетворить доктора Фастольфа?

— Мне это приходило в голову. Я рассмотрел такую возможность и решил, что не смогу. Чтобы склонить к эмиграции землян, требовалось пустяковое изменение, не приносящее вреда. Чтобы сделать то же самое с аврорианами, нужно было многое изменить, и это не могло пройти бесследно. А Первый Закон это запрещает.

— К сожалению.

— Да. Подумать только, что я мот бы сделать, если бы имел возможность радикально изменить образ мыслей доктора Амадейро! Но как я мог изменить его твердое решение противодействовать доктору Фастольфу? Это все равно что повернуть

его голову на сто восемьдесят градусов. Такой поворот самой головы либо ее содержимого мог бы с равной эффективностью убить его. Цена моего могущества, друг Дэниел — невероятная дилемма, с которой я постоянно сталкиваюсь. Первый Закон, запрещающий вредить людям, обычно имеет в виду физический вред, который мы видим и о котором можем судить. Но человеческие эмоции и повороты мыслей понимаю только я, поэтому знаю о более тонких формах вреда, хотя и не вполне их понимаю. Во многих случаях я вынужден действовать без настоящей уверенности, и это вызывает постоянный стресс моих проводников. И все-таки я чувствую, что сделал хорошо. Я провел космонитов мимо кризисной точки. Аврора знает об объединенной силе поселенцев и будет вынуждена избегать конфликтов. Космониты должны понять, что применять репрессии уже поздно, и наше обещание Элайджу Бейли в этом смысле выполнено. Мы указали Земле путь, который приведет к покорению Галактики и образованию Галактической Империи.

Роботы возвращались к дому Глэдии. Дэниел вдруг остановился и прикоснулся к плечу Жискара:

— Картина, нарисованная тобой, привлека-

тельна. Партнер Элайдж гордился бы нами. Он сказал бы: «Роботы и Империя» — и, наверное, похлопал бы меня по плечу. Однако, как я уже говорил, мне что-то не по себе. Я беспокоюсь.

— О чем?

— Хотел бы я знать, миновали ли мы кризис, о котором говорил партнер Элайдж много лет назад. А что, мы и в самом деле можем уже не опасаться космонитов?

— А ты сомневаешься?

— Меня насторожило поведение доктора Мандамуса во время его разговора с мадам Глэдией.

Жискар пристально посмотрел на Дэниела. В тишине слышался шорох листьев, трепетавших на холодном ветру. Облака рассеялись, скоро должно было выглянуть солнце. Их беседа в телеграфном стиле заняла мало времени, и они знали, что Глэдия еще не удивляется их отсутствию.

— Что встревожило тебя в этом разговоре? — спросил Жискар.

— Мне довелось четыре раза наблюдать, как партнер Элайдж решал запутанную проблему. В каждом из этих случаев я обращал внимание на его манеру вырабатывать полезные заключения из ограниченной и даже сбивающей с толку информации. С тех пор я всегда пытался в меру своих

ограниченных возможностей думать, как он.

— Мне кажется, друг Дэниел, ты хорошо это делаешь.

— Ты, конечно, обратил внимание, что у доктора Мандамуса было два дела к мадам Глэдии. Он сам подчеркнул этот факт. Одно дело касалось лично его — произошел он от Элайджа или нет. Второе — просьба к мадам Глэдии принять поселенца, а потом сообщить о беседе. Второе дело, видимо, было важно для Совета, первое — только для самого Мандамуса.

— Мандамус дал понять, что дело о его происхождении важно и для доктора Амадейро, — сказал Жискар.

— Тогда это было дело, важное для двоих, но не для Совета и, значит, не для всей планеты. Однако дело государственное, как его назвал сам доктор Мандамус, пошло вторым и как бы между прочим. К тому же вряд ли для этого требовался личный визит. Это могло сделать голографическое изображение любого члена Совета. С другой стороны, доктор Мандамус поставил дело о своем происхождении первым, очень долго о нем дискутировал, и это дело никто не мог сделать, кроме него.

— Каково же твое заключение, друг Дэниел?

— Я уверен, что дело поселенца лишь повод для встречи с мадам Глэдией, чтобы поговорить с ней о своем происхождении с глазу на глаз. По-настоящему его интересовало только это и ничего больше. Ты можешь подтвердить это заключение, друг Жискар?

— Напряжение в мозгу доктора Мандамуса было в известной степени сильнее в первой части разговора. Пожалуй, это может служить подтверждением.

— Тогда нам стоит подумать, почему вопрос о происхождении так важен для него.

— Так ведь доктор Мандамус объяснил, — сказал Жискар. — Если он не является потомком Элайджа Бейли — дорога к продвижению по службе для него открыта. Доктор Амадейро, от которого это зависит, отвернулся бы от него, окажись он потомком Бейли.

— Это он так сказал, друг Жискар, но что-то в его словах настораживало.

— Почему ты так думаешь? Пожалуйста, продолжай рассуждать, как человек. Я нахожу это весьма поучительным.

— Спасибо, друг Жискар, — серьезно ответил Дэниел. — Ты заметил, что всякий раз, когда мадам Глэдия говорила, что Мандамус не может

быть потомком партнера Элайджа, ее возражения рассматривались как неубедительные? И всякий раз доктор Мандамус утверждал, что доктор Амадейро не примет этого возражения.

— Да. И какой вывод ты из этого делаешь?

— Мне кажется, что доктор Амадейро не примет никакого аргумента, и просто удивительно, что Мандамус так надоедал мадам Глэдии. Он наверняка знал с самого начала, что это бессмысленно.

— Возможно, но это только домысел. Ты можешь сказать, каков возможный мотив его действий?

— Могу. Я уверен, что он хотел знать о своем происхождении не для того, чтобы убедить несгибаемого доктора Амадейро, а для себя лично.

— В таком случае зачем он вообще упоминал о докторе Амадейро? Почему он не сказал просто: «Я хочу знать»?

Легкая улыбка пробежала по лицу Дэниела и изменила его выражение, на что другой робот был не способен.

— Если бы он сказал просто: «Я хочу знать», — мадам Глэдия ответила бы, что это не его дело и что он ничего не узнает. Но дело в том, что мадам Глэдия так же сильно ненавидит Амадейро,

как тот — Элайджа Бейли. Мадам Глэдия уверена, что для нее оскорбительно любое мнение о ней, поддерживаемое доктором Амадейро. Она пришла бы в ярость, будь это мнение более или менее справедливым, а в данном случае оно абсолютно фальшиво. Она постаралась убедить доктора Мандамуса, что он ошибся, и представила все возможные доказательства. А холодное утверждение доктора Мандамуса, что каждое из этих доказательств неубедительно, заставляло ее злиться все больше и вытягивало из нее дальнейшую информацию. Доктор Мандамус выбрал такую стратегию, чтобы узнать у мадам Глэдии как можно больше. В конце концов он убедился, что у него нет предка-землянина, во всяком случае, на протяжении последних двух столетий. Амадейро же в этом смысле, я думаю, в действительности в игре не участвовал.

— Это интересная точка зрения, — сказал Жискар, — но она, как мне кажется, не очень обоснована. Как мы можем узнать, что это не просто твоя догадка?

— Не кажется ли тебе, друг Жискар, что Мандамус, закончив расследование своего происхождения, не получил достаточного доказательства для доктора Амадейро? По его словам, это долж-

но было означать, что у него не будет шанса на продвижение и он никогда не станет главой Института. Но мне показалось, что он отнюдь не расстроен, а наоборот, сиял. Конечно, я мог судить только по внешнему виду, но ты мог сделать больше. Скажи, друг Жискар, каково было его умственное состояние в конце этой части разговора?

— Он не просто сиял, он торжествовал, друг Дэниел. Ты прав. Теперь, когда ты объяснил ход своих рассуждений, это уловленное мною ощущение триумфа точно соответствует твоему мнению, вообще-то я даже удивляюсь, как сам не учел этого.

— Во множестве случаев и я так же реагировал на Элайджа Бейли. В данном же случае я мог пройти через такое рассуждение частично из-за наличия кризиса, Он вынуждает меня мыслить более точно.

— Ты недооцениваешь себя. Ты уже давно думаешь обоснованно и точно. Но почему ты говоришь о наличии кризиса? Объясни, каким образом радость доктора Мандамуса по поводу того, что он не происходит от Элайджа Бейли, связана с наличием кризиса?

— Доктор Мандамус наврал нам насчет доктора

Амадейро, но вполне можно предположить, что его желание выдвинуться и стать в дальнейшем главой Института — истинная правда. Верно?

Жискар помолчал.

— Я не искал в нем честолюбия, — сказал он. — Я изучал его мозг без особой цели и познакомился лишь с поверхностными проявлениями. Но вроде бы заметил искры честолюбия, когда он говорил о продвижении по службе. У меня нет оснований соглашаться с тобой, но нет причин и не согласиться.

— Тогда давай допустим, что доктор Мандамус человек честолюбивый, и посмотрим, что это нам даст. Идет?

— Идет.

— Не кажется ли тебе, что его ощущение триумфа, как только он убедился, что не является потомком Элайджа, проистекает из того факта, что теперь его амбиции будут удовлетворены? И это не зависело от одобрения доктора Амадейро, поскольку мы согласились, что ссылка на доктора Амадейро — лишь отвлекающий маневр. Значит, его честолюбие будет теперь удовлетворено по каким-то другим причинам.

— По каким?

— Явного ничего нет, но можно предположить.

Что, если доктор Мандамус что-то знает или может что-то сделать, что поможет ему добиться большого успеха и наверняка сделает главой Института? Помнишь, он сказал, что ему остается использовать мощные методы? Допустим, это правда, но он может воспользоваться ими только в том случае, если он не потомок партнера Элайджа. И когда он убедился в этом, то обрадовался, что теперь может использовать эти методы и обеспечить себе блестящее будущее.

— Но каковы эти «мощные методы», друг Дэниел?

— Продолжим рассуждения. Мы знаем, что доктор Амадейро больше всего на свете хочет погубить Землю и вернуть ее в прежнее состояние покорности Внешним мирам. Если доктор Мандамус имеет возможность сделать это, он получит от доктора Амадейро все, что хочет, включая гарантию получения заветной должности. Однако, возможно, что доктор Мандамус не решался нанести поражение Земле, пока не знал точно, что не состоит в родстве с ее народом. Происхождение от землянина Элайджа Бейли могло удерживать его, и он возликовал, узнав, что свободен в своих действиях.

— Ты хочешь сказать, что у доктора Мандамуса

есть совесть?

— Что такое совесть?

— Это слово иногда употребляют люди. Как я понял, оно характеризует людей, которые твердо придерживаются правил поведения, заставляющих их действовать подчас вопреки личным сиюминутным интересам. Если доктор Мандамус чувствовал, что не может позволить Себе унизить тех, с кем хотя бы отдаленно связан, я считаю, что он человек совестливый, Я много думал о таких вещах, друг Дэниел, поскольку они предполагают наличие у людей законов, управляющих их поведением хотя бы в отдельных случаях.

— Можешь ли ты сказать, что доктор Мандамус в самом деле совестливый человек?

— Из наблюдений над его эмоциями? Нет, я не следил за чем-то таким, но если твой анализ правилен, то совесть у него должна быть. Но, с другой стороны, если мы допустим, что он человек совестливый, то в наших прежних рассуждениях можем прийти к другому выводу. Если доктор Мандамус считал, что у него есть предки-земляне в пределах двух столетий, он мог подсознательно стремиться в первые ряды тех, кто пытается подавить Землю, чтобы освободить себя от клейма происхождения. Если же у него нет земных

предков, ему не обязательно действовать против Земли, и совесть может уговорить его оставить Землю в покое.

— Нет, — сказал Дэниел, — это не соответствует фактам. Если бы он решил не предпринимать насильственных действий против Земли, он не имел бы возможности удовлетворить доктора Амадейро и добиться продвижения. Принимая во внимание его честолюбие, нельзя предположить, что в этом случае у него было то чувство триумфа, которое ты заметил.

— Понятно. Значит, мы делаем заключение, что у доктора Мандамуса есть способ подавить Землю?

— Да. А если так, значит, кризис, предсказанный партнером Элайджем, отнюдь не миновал, а существует сейчас.

Жискар задумчиво сказал:

— Но мы не ответили на главный вопрос какова природа этого кризиса? Чем он опасен? Можешь ты это определить?

— Не могу, друг Жискар. Я сделал все, что мог. Партнер Элайдж, будь он жив, сделал бы больше, но я не могу, и никто другой не может. А ты можешь обнаружить природу кризиса?

— Боюсь, что нет, друг Дэниел. Если бы я долго

жил рядом с Мандамусом, как жил рядом с доктором Фастольфом, а потом с мадам Глэдией, я мог бы постепенно проникнуть в его мозг, развязать замысловатый узел по одной нитке и узнать многое, не повредив ему. Изучение мозга доктора Мандамуса за одну короткую встречу, даже за сотню таких встреч, почти ничего не дает. Эмоции читаются легко, а мысли — нет. Если же я поспешу и усилю процесс, то наверняка нанесу вред, но я не могу этого сделать.

— Но ведь от этого может зависеть жизнь миллиардов людей на Земле и в Галактике.

— Может, но это предположение, а вред человеку — факт. Возможно, что только доктор Мандамус знает природу кризиса и может разрешить его: ведь он не мог бы использовать это знание для нажима на доктора Амадейро, если бы тот мог узнать обо всем из другого источника.

— Да, это вполне вероятно.

— В этом случае нет надобности знать природу кризиса. Если бы доктора Мандамуса удалось удержать от передачи того, что он знает, Амадейро или кому-либо другому, кризис не распространился бы.

— Но кто-то другой может обнаружить то, что знает доктор Мандамус.

— Конечно. Но нам не известно, когда это случится. Вероятно, у нас будет время узнать больше и лучше подготовиться, чтобы играть полезную роль. Есть две возможности удержать доктора Мандамуса: либо испортить его мозг так, чтобы он не мог эффективно мыслить, либо — просто убить. Повредить его мозг в состоянии только я, но я не могу этого сделать. А отнять у него жизнь не может никто из нас. Ты мог бы? Дэниел молчал.

— Ты знаешь, что нет, — наконец прошептал он. — Даже если от этого зависит будущее землян?

— Я не могу заставить себя нанести вред доктору Мандамусу.

— И я не могу. Итак, мы пришли к выводу, что кризис наступает, по природы его мы не знаем и определить не можем.

Они посмотрели друг на друга.

Их лица ничего не выражали, в воздухе словно повисло отчаяние.

Глава четвертая
Другой потомок

10

Глэдия пыталась расслабиться после мучительной беседы с Мандамусом. Она занавесила окна в спальне, включила легкий теплый ветерок со слабым шепотом листвы и далекими трелями птиц и добавила слабый звук прибоя. Но ничего не помогало.

Глэдия машинально думала о том, что произошло, — и о том, что скоро случится. Чего ради она так разболталась с Мандамусом? Какое ему или Амадейро дело, встречалась она с Элайджем на орбите или нет, и от кого — от Элайджа или от другого — имела сына?

Ее вывело из равновесия требование Мандамуса рассказать ему о его происхождении. Человека из общества, где никто не беспокоился о происхождении или родственных связях, кроме как по причинам медико-генетическим, такая навязчивость могла просто выбить из колеи. И это упорное — конечно, случайно, — упоминание имени Элайджа…

Она решила, что нашла себе оправдание и попыталась не думать об этом. Она болезненно отреагировала на вопрос и разболталась, как ребенок, вот и все.

А тут еще этот поселенец!

Он не землянин, наверняка родился не на Земле и, вполне возможно, никогда там не был, Его народ, должно быть, живет н чужом мире, о котором она никогда не слышала, и живет, наверное, уже не одно столетие.

Тогда он должен считаться космонитом, подумала она. Космониты произошли от землян много столетий назад, но это неважно. Правда, космониты долго живут, а поселенцы, кажется, нет, но так ли уж велика разница? Даже космонит может умереть раньше времени от какого-нибудь несчастного случая, а однажды она слышала о космоните, умершем естественной смертью, когда ему не было и шестидесяти. Отчего бы этому визитеру не быть этаким необычным космонитом?

Нет, не так все просто. Поселенец наверняка не считает себя космонитом.

Важно не то, кем тебя считают, а кем ты сам себя чувствуешь. Так что надо думать о нем как о поселенце, а не космоните.

Но ведь все люди, просто люди, как бы они себя ни называли — космонитами, поселенцами, аврорианами, землянами… И доказательством тому: роботы не могут нанести вред ни одному из

них. Дэниел бросится защищать самого последнего землянина, как и Председателя аврорианского Совета, и это означает…

Глэдия начала засыпать, но внезапная мысль прогнала сон.

Почему у поселенца фамилия Бейли? Почему Бейли?

Может, это обычное имя у поселенцев?

В конце концов именно Элайдж сделал такое возможным и стал их героем, как…

Она не могла припомнить аналогичного героя Авроры. Кто возглавлял экспедицию, которая первой достигла Авроры? Кто наблюдал за переустройством дикой безжизненной планеты? Глэдия не знала — потому ли, что родилась на Солярии, или потому, что аврориане не искали героев? В конце концов, первая экспедиция на Аврору состояла только из землян. Только через несколько поколений, удлинив жизнь с помощью ухищрений биоинженерии, эти земляне стали аврорианами, и зачем аврорианам делать героями своих презренных предшественников?

Но у поселенцев должны быть герои-земляне. Они, вероятно, не так изменились. Постепенно они тоже изменятся, и тогда Элайдж будет забыт, но до тех пор…

Да, скорее всего, так. Может, половина поселенцев приняла фамилию Бейли?

Бедный Элайдж! Все толпятся в его тени. Бедный Элайдж, милый Элайдж.

Она наконец уснула.

11

Тревожный сон не успокоил ее, не развеял мрачные мысли. Она встала хмурая, сама не зная почему, посмотрела на себя в зеркало и поразилась, как же она немолода.

Для Дэниела Глэдия была просто человеком, независимо от возраста, внешности и настроения.

— Мадам…

Глэдия вздрогнула.

— Пришел поселенец?

Она взглянула на часы и жестом велела Дэниелу включить в комнате обогреватель. День был холодный, вечер ожидался еще холоднее.

— Он здесь, мадам.

— Куда ты его отвел?

— В большую гостиную, мадам. С ним Жискар, а домашние роботы поблизости.

— Надеюсь, они имеют представление, что ему

подать на ленч.

— Я уверен, мадам, что Жискар все устроит, как надо.

Глэдия тоже была в этом уверена.

— Полагаю, он прошел карантин, прежде чем получил разрешение высадиться?

— Иначе и быть не может, мадам.

— Все равно я надену перчатки и носовые, фильтры. Она вошла в ванную, рассеянно отметив, что вокруг нее домашние роботы, и знаком приказала подать новые перчатки и фильтры. В каждом доме на Авроре был свой язык жестов, и каждый хозяин совершенствовал его, учась делать знаки быстро и незаметно. Робот следовал этим почти невидимым приказам хозяина, словно читал его мысли. Но чужой человек мог приказать роботу только устно.

Самое досадное для хозяина — когда домашний робот не решается выполнить приказ или, что еще хуже, выполняет его неправильно. Это означает, что либо человек, либо робот спутали знаки. Глэдия знала, что ошибается всегда человек, но этого никто не хотел признавать.

Робота отправляли на проверку, в которой не было необходимости, либо продавали. Глэдия была уверена, что никогда не попадет в такую

досадную ситуацию, но если бы сейчас ей не подали перчатки и носовые фильтры, она бы…

Размышление Глэдии прервало появление робота, который поспешно принес ей все необходимое.

— Как он выглядит, Дэниел?

— Обычного роста и сложения, мадам.

— Я имею в виду его лицо.

Глупо было спрашивать. Если бы он имел хоть какое-то сходство с Элайджем Бейли, Дэниел сразу заметил бы это и сказал ей.

— Трудно сказать, мадам. Оно не все видно.

— Что ты имеешь в виду? Не в маске же он?

— В известной степени — да, мадам. Его лицо покрыто волосами.

Она засмеялась:

— Как в исторических фильмах? Борода?

Она сделала жест, означающий волосы на подбородке и под носом.

— Больше, мадам. Половина лица закрыта волосами.

Глэдия широко раскрыла глаза и впервые почувствовала желание увидеть поселенца. Что же это за лицо, наполовину закрытое волосами? У аврориан и вообще у космонитов было очень мало волос на лице; их уничтожали, едва подросток

становился юношей. Верхнюю губу никогда не трогали. Глэдия помнила, что ее муж, Сантирикс Гремионис, до женитьбы носил тонкую полоску волос под носом, усы, как он это называл. Они выглядели, как брови, оказавшиеся не на месте, и Глэдия, как только уговорила себя выйти за Гремиониса, сразу же потребовала, чтобы он избавился от них. Он так и сделал почти без возражений — сейчас она впервые подумала, что ему, наверное, было очень жаль усов. В первые годы она замечала, что он часто проводил пальцем по верхней губе, и считала это нервным жестом. Только теперь ей пришло в голову, что он бессознательно искал исчезнувшие навеки усы.

Как выглядит человек с усами по всему лицу? Как медведь? Каково это ощущение? А если бы у женщины были такие же волосы на лице? Она представила себе, как трудно целоваться такой паре, и громко рассмеялась. От раздраженности не осталось и следа, Ей захотелось взглянуть на чудовище — в конце концов, бояться его нечего, даже если он животное как по виду, так и по поведению. С ним нет ни одного робота — поселенцы хотели создать общество без роботов — а вокруг нее их десятки. Монстра тут же схватят, стоит ему сделать неосторожное движение или хотя бы

повысить голос. И она сказала:

— Отведи меня к нему, Дэниел.

12

Чудовище встало и сказало что-то вроде: «Добрый вечер, миледи».

— Добрый вечер, — рассеянно ответила Глэдия. Она помнила, как трудно ей было понимать аврорианское произношение галактического стандартного в те давние дни, когда она приехала сюда с Солярии.

Акцент монстра был грубым и неуклюжим, но, может быть, ей так казалось с непривычки. Элайдж тоже, кажется, произносил некоторые буквы чуточку не так, но вообще говорил очень хорошо. Но ведь прошло два столетия, а этот поселенец даже не землянин, а язык, развиваясь в изоляции, очень меняется.

Но языковая проблема мало занимала Глэдию. Она уставилась на бороду.

Во всяком случае, эта борода не похожа на бороды актеров в исторических фильмах. Те были кустистыми — клок тут, клок там — и казались клейкими, глянцевитыми. У поселенца же была совсем иная борода. Она густо покрывала щеки

и подбородок: темно-коричневая, чуть светлее волос на голове, и по крайней мере на два дюйма длиннее. Она не покрывала все лицо. Лоб был голым, за исключением бровей, такими же были нос и область под глазами. Верхняя губа тоже была голой, но на ней была тень, словно там начинали расти новые волосы. Волосы отсутствовали и под нижней губой, но там меньше замечалась новая растительность. Поскольку обе губы были голыми, стало ясно, что целовать его, видимо, нетрудно. Сознавая, что невежливо смотреть так пристально, но все-таки не сводя с него глаз, Глэдия сказала:

— Мне кажется, вы убрали волосы вокруг рта.

— Да, миледи.

— Можно спросить почему?

— Можно. Из гигиенических соображений. Я не хочу, чтобы пища застревала в волосах.

— Вы их соскабливаете? Я вижу, они растут вновь.

— Я пользуюсь электробритвой. Это занимает всего пятнадцать секунд утром.

— А почему не депилятором?

— А вдруг я снова захочу отрастить их?

— Зачем?

— Из эстетических соображений, миледи.

Глэдия не поняла слово «эстетический» — оно прозвучало как «асидический».

— Простите?

— Иногда мне надоедают усы — вот как сейчас, — а иногда я отращиваю их снова. Некоторым женщинам это нравится. — Поселенец не удержался и похвастался: — А вообще-то у меня роскошные усы.

Глэдия внезапно сообразила, что сказал незнакомец.

— Вы хотели сказать — эстетических соображений?

Он засмеялся, показав красивые белые зубы.

— Вы тоже чудно говорите, миледи.

Глэдия улыбнулась. Правильное произношение — дело местного общественного мнения.

— Вы бы послушали мой бывший соляриан-ский акцент. Тогда я говорила «ессетитсские соопрасения». И все время грассировала.

— Мне приходилось слышать нечто подобное. Забавно звучит. — Поселенец тоже необычно произносил букву «р».

Глэдия хихикнула:

— Это потому, что слова произносят только кончиком языка. Никто, кроме солярианн, не умеет так говорить.

— Может быть, вы меня научите? Торговцы бывают везде, и мне приходилось сталкиваться со всевозможными языковыми искажениями. — И снова это гортанное «р».

— Вряд ли, у вас горло устроено по-другому.

Она все еще смотрела на его бороду и, наконец, не в силах сдержать любопытства, протянула руку. Поселенец едва не отпрянул, но быстро сообразил, чего она хочет. Глэдия легко коснулась его лица и сквозь тонкий пластик перчатки ощутила, что волосы мягкие и упругие.

— Какие приятные, — удивилась она.

— Я польщен. — Поселенец усмехнулся.

— Но я не могу держать вас здесь целый день, — спохватилась Глэдия и, не обращая внимания на его «Ах, не беспокойтесь, пожалуйста», спросила: — Вы сказали моим роботам, чего бы вам хотелось съесть?

— Миледи, я сказал им то же, что говорю сейчас вам: я ем, что дают. В прошлом году я побывал во многих мирах, там везде своя кухня. Торговец умеет есть все, кроме ядовитого. Я предпочту аврорианскую еду всему тому, что вы попытались бы сделать, имитируя еду Бейлимира.

— Бейлимира? — удивленно переспросила Глэдия.

— Он назван так в честь руководителя первой экспедиции Бена Бейли.

— Сына Элайджа Бейли?

— Да, — сказал переселенец и тут же сменил тему разговора. Он оглядел себя и с досадой произнес: — Как ваши люди ухитряются носить такую скользкую одежду? Мечтаю влезть в свою собственную.

— Я уверена, что ваша мечта скоро исполнится, а пока прошу к столу. Мне сказали, что вас зовут Бейли, как и вашу планету.

— Ничего удивительного. Это самое почетное имя на планете. Меня зовут Диджи Бейли.

В сопровождении Жискара и Дэниела они прошли в столовую, и роботы заняли свои места в стенных нишах. Появились два робота-лакея. Комната была залита солнцем, стены оживлены украшениями. Стол был накрыт, и очень вкусно пахло. Поселенец принюхался и удовлетворенно вздохнул.

— Не думаю, что мне будет трудно есть аврорианскую пищу. Где вы позволите мне сесть, миледи?

— Не сядете ли вы сюда, сэр? — мгновенно спросил робот.

Поселенец сел первым, как полагалось гостю,

затем села Глэдия.

— Я не знаю терминологических особенностей вашего языка, поэтому вы извините меня, если мой вопрос покажется вам обидным: разве Диджи не женское имя?

— Вовсе нет, — немного чопорно ответил поселенец. — Впрочем, это не имя, а два инициала; Д. и Ж.

— Ах, вот как. Д. Ж. Бейли. Простите мое любопытство, но что значат эти инициалы?

— Пожалуйста. Вон Д… — Гость показал пальцем в сторону одной ниши. — А вон там, я думаю, Ж. — Он показал на другую.

— Не хотите ли вы сказать…

— Именно это я и хочу сказать. Мое имя Дэниел Жискар Бейли. Во всех поколениях моей семьи всегда были хотя бы один Дэниел и один Жискар. Я был последним, шестым ребенком, но первым мальчиком. Моя мать решила, что достаточно и одного сына, и дала мне оба имени. Но Дэниел Жискар Бейли — слишком длинное имя, и я предпочел называться Диджи, и буду рад, если и вы станете так звать меня. — Он добродушно улыбнулся. — Я первый, кто носит оба имени, и первый, увидевший оригиналы.

— Но почему эти имена?

— Как гласит семейное предание, это идея Элайджа Бейли. Предка. Ему была предоставлена честь дать имена своим внукам, и он назвал старшего Дэниелом, а второго — Жискаром. Он настаивал, и это стало традицией.

— А дочери?

— Традиционное имя, передающееся из поколения в поколение, — Джезебел, Джесси. Вы знаете, так звали жену Элайджа.

— Я знаю.

— Но нет ни… — Он замолчал и воззрился на блюдо, стоящее перед ним. — Будь я дома, я бы сказал, что это жареная свинина в арахисовом соусе.

— А на самом деле это овощное блюдо. Вы, кажется, хотели сказать, что в семье не было ни одной Глэдии?

— Не было, — спокойно сказал Д. Ж. — Единственное объяснение состоит в том, что якобы Джесси — первая Джесси — возражала — но я с этим не согласен. Жена Элайджа никогда не была в Бейлимире, не уезжала с Земли. Как она могла возражать? Нет, мне совершенно ясно, что Предок просто не хотел другой Глэдии. Никаких имитаций, никаких копий, никаких претензий. Глэдия одна-единственная. И он просил также,

чтобы не было других Элайджей.

— Я думаю, ваш Предок в последние годы жизни старался быть сдержанным, как Дэниел, но в душе всегда оставался романтиком. Он мог бы допустить существование других Элайджей и Глэдии. Я бы не обиделась. Его жена, наверное, тоже, — Она принужденно засмеялась. Кусок не лез ей в горло.

— Все это кажется таким нереальным. Предок — история, собственно, древняя, он умер сто шестьдесят четыре года назад. Я его потомок в седьмом колене, а вот сижу с женщиной, которая знала его еще молодым.

— Я его, в сущности, не знала, — сказала Глэдия, глядя в тарелку. — Я встречалась с ним — и то на короткое время — три раза за семь лет.

— Я знаю. Сын Предка Бен написал его биографию. Это стало литературной классикой в Бейлимире. Даже я ее читал.

— Да? А я не читала и даже не знала, что она существует. И что же там про меня?

Д. Ж. усмехнулся:

— Ничего такого, против чего вы могли бы возражать. Вы там — что надо. Но не в этом дело. Меня потрясло, что мы здесь с вами через семь поколений. Сколько вам лет, миледи? Прилично

ли задавать вам такой вопрос?

— Не знаю, прилично ли, но я не возражаю. Мне двести тридцать пять стандартных галактических лет, двадцать три с половиной десятилетия.

— А на вид никак не больше пятидесяти. Предок умер, когда ему было восемьдесят два. Он был очень стар. Мне тридцать девять, и когда я умру, вы еще будете живы…

— Да, если ничего не случится.

— И проживете еще пять десятилетий…

— Вы завидуете мне, Диджи? — огорченно спросила Глэдия. — Вы завидуете, что я пережила Элайджа больше чем на полтора столетия и осуждена пережить еще на сто лет?

— Конечно, завидую! Еще бы! Я бы не прочь прожить несколько столетий, если бы не создал этим дурного примера для народа Бейлимира. Я не хотел бы, чтобы они жили так долго. Замедлился бы ход истории и интеллектуальное развитие. И правительство оставалось бы у власти слишком долго. Бейлимир погрузился бы в консерватизм и застой, как ваш мир.

Глэдия вздернула подбородок.

— На мой взгляд, с Авророй все в порядке.

— Я говорю о вашем мире, о Солярии.

— Солярия — не мой мир, — твердо сказала

Глэдия.

— Надеюсь, что это не так. Я пришел к вам именно потому, что считаю Солярию вашим миром.

— В таком случае вы напрасно потратили время, молодой человек.

— Но вы родились на Солярии и жили там какое-то время?

— Я жила там первые тридцать лет.

— Тогда вы в достаточной степени солярианка, чтобы помочь мне в важном деле.

— Я не солярианка, несмотря на ваше так называемое дело.

— Дело касается войны и мира — если вы считаете это важным. Внешним мирам грозит война с Поселенческими мирами, и это будет скверно для всех. А вы, миледи, способны предупредить войну и сохранить мир.

13

Трапеза закончилась, и Глэдия обнаружила, что смотрит на Д. Ж. с холодной яростью.

Она спокойно жила последние два столетия, отрешившись от сложностей жизни. Постепенно она забыла свои беды на Солярии, трудности привыкания к Авроре.

Ей удалось очень глубоко похоронить боль двух убийств и два экстаза необычной любви — с роботом и землянином — и смириться. Затем она долго и спокойно жила в браке, имела двух детей, занималась своим делом. Сначала ушли дети, затем муж, скоро и она, вероятно, оставит работу и останется одна с роботами, довольная своей судьбой, а может быть, смирившись с нею. Жизнь ее потечет спокойно и без событий к неизбежному концу, такому тихому, что эти механические люди наверняка не заметят, как он наступит.

Так она жила. Но что же случилось?

Все началось вчера ночью, когда она напрасно искала в небе солнце Солярии, которого там не было. Эта глупость словно вызвала к жизни прошлое, которое должно было оставаться мертвым, и мыльный пузырь спокойствия, который она создала вокруг себя, лопнул.

Имя Элайджа Бейли — самое болезненно-радостное воспоминание, которое она так старательно прятала, вдруг повторялось снова и снова.

Затем ее принудили иметь дело с человеком, считавшим себя потомком Элайджа, и вот теперь с другим, который и в самом деле его потомок. И наконец ей навязали проблемы подобные тем,

которые мучили самого Элайджа.

Не должна ли она стать в некоторой степени Элайджем, не имея ни его таланта, ни его жестокой решимости выполнить свой долг любой ценой?

Что она сделала, за что ей все это?

Она чувствовала, как под покровом жалости к себе в ней тлеет ярость. Это несправедливо. Никто не имеет права взваливать на нее ответственность вопреки ее воле.

Стараясь говорить спокойно, она произнесла:

— Почему вы твердите, что я солярианка, когда я говорю вам обратное?

Д. Ж., казалось, нисколько не смутил ее холодный тон.

Он держал мягкую салфетку, которую ему вручили в конце обеда. Она оказалась влажной и горячей — но не слишком горячей, — и он, имитируя действия Глэдии, тщательно вытер руки и рот, затем сложил пополам и провел ею по бороде. Салфетка уже начала расползаться на куски и съеживаться.

— Полагаю, она скоро совсем исчезнет, — сказал он.

— Исчезнет, — подтвердила Глэдия, кладя свою салфетку в особое углубление в крышке стола.

Оказывается, держать ее в руках было признаком невоспитанности, и единственным оправданием для Диджи могло служить лишь то, что он был явно не знаком с обычаями цивилизованности. — Некоторые полагают, что их остатки загрязняют атмосферу, но в доме созданы слабые восходящие потоки воздуха, которые увлекают пыль к фильтрам. Сомневаюсь, что из-за нее могут возникнуть неприятности… Но вы не ответили на мой вопрос, сэр.

Диджи скомкал остатки салфетки и положил комочек на подлокотник кресла. Робот, повинуясь быстрому и небрежному жесту Глэдии, тут же его забрал.

— Миледи, я не заставляю вас быть солярианкой, я только узнал, что вы родились и прожили какое-то время на Солярии, значит, вас можно считать таковой. Вы знаете, что Солярия покинута?

— Да, я слышала.

— И на вас это никак не подействовало?

— Я аврорианка вот уже два столетия.

— Это не ответ. Даже уроженец Авроры может быть опечален гибелью планеты-сестры. А вы?

— Мне все равно, — ледяным тоном ответила Глэдия. — Почему это вас интересует?

— Сейчас объясню. Мы — я имею в виду торговцев Поселенческих миров — народ заинтересованный, потому что надо делать дело и получать прибыли, чтобы приобрести планету. Солярия — благоустроенный комфортабельный мир. Вы, космониты, похоже, в нем не нуждаетесь. Почему бы нам не заселить его?

— Потому что он не ваш.

— Что значит «не ваш», мадам? Разве Аврора имеет на него больше прав, чем Бейлимир? Разве мы не можем предположить, что пустая планета принадлежит тому, кто хочет заселить ее?

— Так вы ее заселили?

— Нет, потому что она не пустая.

— Вы хотите сказать, что не все соляриане покинули ее? — быстро спросила Глэдия.

Д. Ж. широко улыбнулся:

— Вас это взволновало, несмотря на то что вы аврорианка?

Глэдия снова нахмурилась.

— Ответьте на мой вопрос.

Д. Ж. пожал плечами:

— Перед исходом на Солярии было всего пятьдесят пять тысяч жителей — по нашим оценкам. Население уменьшалось с каждым годом. Ну пусть пять тысяч в год. Как мы можем быть уве-

рены, что ушли все? Но не в этом дело. Даже если все соляриане ушли, планета не опустела. Там осталось двести миллионов, если не больше, разнообразных роботов, среди которых самые современные. Можно предположить, что соляриане взяли сколько-то роботов с собой. Трудно представить себе космонитов вообще без роботов. — Он с улыбкой оглядел ниши с роботами. — Однако они не могли взять сто сорок тысяч роботов на каждого.

— Но поскольку в ваших Поселенческих мирах роботы полностью отсутствуют и вы хотите, чтобы так и оставалось, вы, стало быть, не можете заселить Солярию.

— Правильно. Но только пока роботы не исчезнут, а уж об этом мы, торговцы, позаботимся.

— Каким образом?

— Мы не хотим общества с роботами, но это не значит, что мы не можем взять с собой несколько штук и делать с ними бизнес. У нас нет суеверного страха перед ними. Мы точно знаем, что роботехническое общество идет к застою. Космониты довольно наглядно показывают нам это. Но если они так глупы, что желают иметь такое общество, мы можем продавать им роботов по сходной цене.

— Вы думаете, космониты купят их?

— Я уверен. Они будут рады элегантным моделям солярианского производства. Всем известно, что соляриане были ведущими конструкторами роботов и Галактике, — хотя покойный доктор Фастольф считался непревзойденным в этой области, но только на Авроре.

К тому же, даже если мы назначим солидную цену, она все равно будет ниже себестоимости, так что в выигрыше будут и космониты, и торговцы — вот секрет удачной торговли.

— Космониты не захотят покупать роботов у поселенцев, — с явным презрением сказала Глэдия.

Д. Ж. имел профессиональную привычку не обращать внимания на такие пустяки, как злость и презрение. Игра стоила свеч.

— Еще как захотят! Им предложат самых современных роботов за полцены — а они откажутся? Вы даже удивитесь, насколько несущественны для бизнеса идеологические вопросы.

— Я думаю, удивляться придется вам. Попробуйте продать своих роботов — и увидите.

— Я бы продал, миледи, кабы они у меня были. Но их нет.

— Почему нет?

— Не удалось взять. Два торговых корабля по

очереди приземлились на Солярии. Каждый мог взять штук двадцать пять роботов. Если бы им это удалось, весь торговый флот двинулся бы за ними, и мы продолжали бы делать дело не один десяток лет, а потом заселили бы планету.

— Но им, значит, не удалось. Почему?

— Потому что оба корабля были уничтожены на поверхности планеты, и, как мы слышали, погибли оба экипажа.

— Подвело оборудование?

— Нет. Оба приземлились нормально, без повреждений. В последних рапортах они сообщили, что приближаются космониты — то ли солярианe, то ли из других Внешних миров, мы не знаем. Мы можем только предполагать, что космониты напали без предупреждения.

— Этого не может быть.

— Так уж и не может?

— Конечно. Зачем это им?

— Я бы сказал — чтобы мы держались подальше от планеты.

— Если бы они этого хотели, они просто сообщили бы, что планета занята.

— А может, им хотелось убить нескольких поселенцев? Во всяком случае, у нас многие так думают и требуют, чтобы на Солярию послали

несколько военных кораблей и построили там военную базу.

— Это опасно.

— Вот именно. Это приведет к войне. Некоторые наши драчуны рвутся в бой. Может, и среди космонитов есть такие — вот они и уничтожили оба корабля, чтобы спровоцировать войну.

Глэдия была ошеломлена. В программах новостей не было и намека на напряженные отношения между космонитами и поселенцами.

— Конечно, поговорить об этом следует. Ваш народ обращался в Федерацию Внешних миров?

— Обращался, но через незначительное лицо. Мы обращались и в Совет Авроры.

— И что?

— Космониты все отрицают, они намекают, что потенциальная выгода от торговли солярианскими роботами так высока, что торговцы, заинтересованные только в деньгах — словно сами космониты не нуждаются в них, — передрались между собой. Похоже, они хотят убедить нас, что наши корабли сами уничтожили друг друга, поскольку каждый хотел сохранить монополию торговли для своего мира.

— Значит, корабли были с разных планет?

— Да.

— И вы не думаете, что они и в самом деле передрались?

— Не думаю, хотя такая вещь возможна. Прямых конфликтов между Поселенческими мирами не было, но споры бывали, и все проходило через арбитраж Земли. Конечно, Поселенческие миры могут и не поддерживать друг друга, когда дело касается миллиардов долларов. Вот почему война для нас — не слишком хорошая идея, и надо как-то остудить слишком горячие головы. Вот мы и подошли к сути.

— Кто «мы»?

— Вы и я. Меня просили съездить на Солярию и по возможности выяснить, что там случилось. У меня один вооруженный корабль, но тяжелого вооружения у меня нет.

— Вас тоже могут уничтожить.

— Могут. Но мой корабль, по крайней мере, не будет захвачен врасплох. Кстати, я не гипервизионный герой и постараюсь свести такую возможность к минимуму. Мне пришло в голову, что одной из неудач поселенцев на Солярии является наше полное незнание этой планеты. Значит, полезно было бы взять с собой кого-то, кто знает этот мир, — солярианина, короче говоря.

— Вы имеете в виду меня?

— Именно, миледи.

— Почему меня?

— Я думаю, вам и так ясно, миледи. Покинув планету, соляриане ушли неизвестно куда. Если там кто-то и остался — так только враги. Во Внешних мирах нет ни одного солярианина, кроме вас. Вы — единственная солярианка, единственная во всей Галактике. Вы мне нужны и должны поехать со мной.

— Ошибаетесь, поселенец. Может, я вам и подхожу, но вы мне не подходите. Я окружена роботами. Один шаг — и вас схватят, а при сопротивлении можете и пострадать.

— У меня нет намерения действовать силой. Вы должны ехать добровольно. Ведь дело касается предотвращения войны.

— Это забота правительства, моего и вашего. Я отказываюсь что-нибудь делать. Я частное лицо.

— Вы обязаны сделать это для вашего мира. В случае войны пострадаем не только мы, но и Аврора.

— Я тоже не гипервизионная героиня.

— Тогда вы должны лично мне.

— Вы спятили! Я вам ничего не должна.

Д. Ж. тонко улыбнулся:

— Лично мне как индивидууму вы ничего не

должны. Но у вас большой долг передо мной, как перед потомком Элайджа Бейли.

Глэдия замерла, глядя на бородатого монстра. Как она могла забыть, кто он?

— Нет, — наконец выговорила она.

— Да, — твердо сказал Д. Ж. — Два раза Предок сделал для вас больше, чем вы когда-либо могли бы оплатить. Его здесь нет, чтобы потребовать хотя бы часть долга, но я унаследовал его право.

— Но что я могу сделать для вас, если поеду? — в отчаянии спросила Глэдия.

— Там увидим. Так вы поедете?

Глэдии хотелось отказаться. Но как случилось, что Элайдж снова вошел в ее жизнь за последние сутки? Почему это невероятное требование прозвучало от его имени, да так, что отказаться было просто невозможно?

— Но Совет не позволит мне ехать с вами. Ни один аврорианин не сядет на поселенческий корабль.

— Миледи, вы прожили на Авроре двести лет, а потому думаете, что коренные аврориане и вас считают таковой. Это не так. Для них вы всегда останетесь солярианкой. Вас отпустят.

Сердце ее забилось, руки покрылись гусиной кожей. Он прав. Амадейро, например, считает ее

солярианкой. И все-таки она повторила, стараясь убедить себя:

— Нет, не пустят.

— Пустят, — возразил Д. Ж. — Ведь кто-то из вашего Совета приходил к вам и просил принять меня?

— Он просил меня только сообщить о нашем с вами разговоре, и я это сделаю.

— Если они хотели, чтобы вы шпионили за мной в своем собственном доме, то сочтут даже более полезным, чтобы вы шпионили за мной на Солярии. — Он подождал ответа и, не получив его, продолжал с легкой улыбкой: — Миледи, если вы откажетесь, я не смогу заставить вас. Но они вас заставят. Только я не хочу этого. И Предок не хотел бы, будь он здесь. Он хотел бы, чтобы вы поехали со мной только из благодарности к нему и ни по какой иной причине. Миледи, Предок работал для вас в исключительно трудных условиях. Неужели вы не хотите поработать ради его памяти?

Сердце Глэдии упало. Она знала, что не может сопротивляться.

— Я никуда не могу ехать без роботов.

— Я на это и не рассчитывал. — Он снова улыбнулся. — Почему бы не взять с собой двух моих

тезок?

Глэдия посмотрела на Дэниела. Он стоял неподвижно. Посмотрела на Жискара. Он стоял неподвижно. Посмотрела внимательнее, и ей показалось, что как раз в этот момент он чуть заметно кивнул.

Она должна верить ему.

— Ладно, — сказала она, — я поеду с вами. Эти два робота — все, что мне нужно.

Часть вторая
Солярия
Глава пятая
Покинутая планета
14

В пятый раз в жизни Глэдия оказалась на космическом корабле. Сейчас она не могла вспомнить, когда они с Сантириксом ездили на Эвтерпу, чтобы полюбоваться ее знаменитыми лесами, которые считались несравненными, особенно в романтическом сиянии спутника планеты Джампстоуна.

Лес действительно оказался пышным, зеленым. Деревья росли правильными рядами, животные были тщательно подобраны, дабы могли радовать взор приятным внешним видом; среди них не было ни ядовитых, ни страшных.

Спутник, почти полтораста километров в диаметре, сиял над планетой, как бриллиант. Можно было наблюдать, как он двигается по небу с запада на восток, обгоняя медленное вращение Эвтерпы. Он блестел, поднимаясь к зениту, и тускнел, спускаясь к горизонту. В первую ночь

Глэдия очарованно следила за ним, во вторую — восхищения поубавилось, в третью — она смотрела на него со смутным раздражением, полагая, что в первые ночи небо было яснее, что, впрочем, не соответствовало истине. Местные жители никогда на небо не смотрели, но громко расхваливали — перед туристами, конечно.

В общем-то Глэдия осталась довольна поездкой, но еще больше радовалась возвращению на Аврору и решила, что больше путешествовать не будет, разве что в случае крайней необходимости. Подумать только, это было по меньшей мере сто десять лет назад!

Какое-то время она боялась, что муж захочет еще куда-нибудь поехать, но он ни разу не заговорил об этом. Видимо, он пришел к тому же решению и, возможно, тоже боялся, что ей захочется путешествовать.

В этом не было ничего необычного. Аврориане — да и вообще космониты — слыли домоседами.

Их планеты, их дома были такими уютными. В конце концов, что может быть лучше, когда все за вас делают ваши роботы, которые понимают каждый ваш жест, и вам даже не надо вслух выражать свои желания.

Она поежилась. Что имел в виду Д. Ж., когда

говорил об упадке роботизированного общества?

Однако она все-таки вернулась в космос и на земном космическом корабле.

Она мало что видела на нем, но то, что видела, ей страшно не понравилось. Тут, кажется, ничего не было, кроме прямых линий, острых углов и гладких поверхностей. «Лишнее», видимо, исключалось, словно все было подчинено одной функциональности. Хотя она и не знала назначения того или иного предмета на корабле, она чувствовала, что это вещь необходимая; ничто не могло вмешиваться в кратчайшее расстояние между двумя точками.

Все аврорианское и вообще космонитское было многослойным. В основе лежала функциональность и только она — что, впрочем, не относилось к предметам чисто декоративным, — дальше находилось то, что ласкало глаз и чувства, а над всем этим — нечто удовлетворявшее душу. И это было гораздо лучше! Космониты просто не смогли бы жить в унылой Вселенной, где не было бы простора для творчества. Разве это плохо? Неужели будущее принадлежит строгой геометрии? Или поселенцы просто еще не научились радоваться жизни?

Но если в жизни так много радости, то почему

же ей, Глэдии, так мало досталось?

Оказалось, что на корабле ей делать ровным счетом нечего. И она принялась размышлять и отвечать себе на вопросы. А все этот Д. Ж., этот варвар, потомок Элайджа со своими рассуждениями о гибели Внешних миров. Ведь даже за то короткое время, что он провел на Авроре, он мог бы убедиться, что планета здравствует и процветает.

Чтобы отвлечься от своих мыслей, Глэдия стала смотреть голофильмы, которыми ее снабдили. Без особого интереса она следила за стремительно изменяющимися событиями — все фильмы были приключенческими. Герои почти не разговаривали друг с другом, и не о чем было подумать и нечему радоваться. Очень похоже на все, что делают поселенцы.

Д. Ж. вошел, когда Глэдия смотрела очередной вестерн. Его приход не был для нее неожиданностью: роботы предупредили ее и, будь хозяйка не в настроении, не пустили бы гостя. С ним вместе вошел Дэниел.

— Ну, как вы тут? — спросил Д. Ж.

Глэдия дотронулась до кнопки, и изображение исчезло.

— Не выключайте, я посмотрю вместе с вами.

— Необязательно. С меня хватит.

— Вам тут удобно?

— Не очень. Я… одна.

— Простите, но и я был один на Авроре. Моим людям не разрешили высадиться со мной.

— И теперь вы взяли реванш?

— Вовсе нет. Во-первых, я позволил вам взять с собой двух роботов. Во-вторых, дело не во мне, а в моем экипаже. Они не любят космонитов и роботов. Но почему вы недовольны? Ведь сидя здесь, вы можете не бояться инфекции.

— Я уже слишком стара, чтобы бояться инфекции. Я думаю, что прожила уже достаточно долго. К тому же у меня есть перчатки, носовые фильтры и, если понадобится, маска. Да и вы вряд ли захотите прикоснуться ко мне.

— И никто другой не захочет, — сказал он неожиданно жестко и коснулся рукой какого-то предмета на правом бедре.

Глэдия проследила за его движением.

— Что это?

Д. Ж. улыбнулся.

— Оружие. — И он вытащил его за рукоятку.

Прямо в лицо Глэдии смотрел тонкий цилиндр сантиметров пятнадцать длиной. В нем не было никакого отверстия.

— Это убивает?

Она протянула руку к цилиндру. Д. Ж. быстро убрал оружие.

— Никогда не тянитесь к чужому оружию, миледи. Это не просто дурной тон — это хуже, потому что поселенцы привыкли быстро реагировать на такой жест и вы можете пострадать.

Глэдия широко открыла глаза и убрала руки за спину.

— Не угрожайте, Диджи. Дэниел не имеет чувства юмора. На Авроре нет варваров, носящих оружие.

— А у нас нет роботов, которые защищали бы нас. Эта штука не убивает. В каком-то смысле он хуже. Он производит вибрацию, которая стимулирует нервные окончания, ответственные за чувство боли. Он наносит вред гораздо больший, чем вы можете себе представить. Никто добровольно не согласится испытать это второй раз, и те, кто носит такое оружие, редко применяют его. Мы называем его нейронным хлыстом.

— Отвратительно! У нас есть роботы, но они никогда не причиняют никому вреда, разве что в крайнем случае, и то минимальный.

Д. Ж. пожал плечами:

— Звучит весьма цивилизованно, но лучше

немного боли — даже убийство, — чем духовное разложение, которому способствуют роботы. Кстати, нейронный хлыст не предназначен для убийства, а у вашего народа на космических кораблях есть оружие, которое несет смерть и разрушение.

— Мы воевали на заре нашей истории, когда наследие Земли еще жило в нас, по потом мы исправились.

— Вы пользовались этим оружием и на Земле, и после того, как исправились.

— Это… — начала Глэдия и замолчала. Д. Ж. кивнул:

— Я знаю. Вы хотели сказать: «Это другое дело». Подумайте над этим, миледи, и не удивляйтесь, что моя команда не любит космонитов. И я не люблю. Но вы нужны мне, миледи, поэтому я смиряю свои эмоции.

— Чем я могу быть полезна вам?

— Вы солярианка.

— Вы настойчивый. Прошло более двух столетий. Я не знаю, какова теперь Солярия. Я ничего не знаю о ней. Каким был Бейлимир двести лет назад?

— Двести лет назад его не было, а Солярия была, и я надеюсь, что вы вспомните что-нибудь

полезное.

Он встал, подчеркнуто вежливо поклонился и вышел.

15

Глэдия задумалась.

— А он не слишком вежлив, верно? — наконец сказала она.

— Мадам Глэдия, — ответил Дэниел, — поселенец явно нервничает. Он приближается к планете, где погибли два корабля и убиты их экипажи. Он и его экипаж здорово рискуют.

— Ты всегда защищаешь любое человеческое существо, Дэниел. Опасность существует и для меня, и я тоже не хотела бы попасть в переделку, но это же не заставляет меня грубить.

Дэниел не ответил.

— А, может, и заставляет. Я была чуточку груба?

— Я думаю, поселенец не обиделся. Могу я посоветовать вам, мадам, приготовиться ко сну? Уже поздно.

— Ладно, я лягу, но вряд ли усну.

— Друг Жискар уверяет меня, что уснете, мадам, а он обычно не ошибается в таких вещах.

Глэдия в самом деле уснула.

16

Дэниел и Жискар стояли в темноте в каюте Глэдии.

— Она крепко спит, друг Жискар, ей нужен отдых. Впереди опасное путешествие. И мне кажется, друг Жискар, что она согласилась ехать под твоим влиянием. У тебя, наверное, были причины.

— Друг Дэниел, мы так мало знаем о природе кризиса, стоящего перед Галактикой, что просто не можем отказаться от действия, которое может расширить наши знания. Мы должны узнать, что происходит на Солярии, и единственный способ — устроить так, чтобы мадам Глэдия поехала туда. Что касается влияния, то это почти не требовало усилий. Несмотря на ее заявление, она жаждала поехать туда. Ее переполняло желание увидеть Солярию. Ее мучает душевная боль, которая не прекратится, пока мадам не побывает там.

— Если ты говоришь, значит, так оно и есть, но меня это удивляет. Она часто давала понять, что была несчастной на Солярии, что полностью адаптировалась на Авроре, и никогда не желала

вернуться.

— Да, и это тоже. В ее мозгу совершенно ясно существовали оба чувства. Я не раз наблюдал в человеческих мозгах одновременное существование двух противоположных эмоций.

— Вроде бы нелогично.

— Согласен и могу только заключить, что люди не всегда и не во всех отношениях логичны. Вероятно, это одна из причин, по которой так трудно разработать законы поведения человека. У мадам Глэдии я время от времени замечал желание увидеть Солярию. Обычно оно было хорошо скрыто, затемнено куда более сильной антипатией, которую она также чувствует к этой планете. Когда стало известно, что Солярия покинута ее народом, чувства мадам Глэдии изменились.

— Почему? Какое отношение имеет это событие к юношеским переживаниям мадам Глэдии, породившим эту ее антипатию? Если желание увидеть этот мир сдерживалось в течение двух столетий, когда там существовало развитое общество, почему же сдерживающее начало ушло, как только планету покинули? Почему ей вдруг захотелось увидеть ее? Мир, ставший для нее совсем чужим.

— Не могу объяснить, друг Дэниел. Чем больше

знаний я собираю о человеческом мозге, тем больше отчаиваюсь, что не способен понять его. Не такое уж это счастье — заглядывать в мозг, и я часто завидую твоей простоте контролируемого поведения, исходящей из твоей неспособности видеть под поверхностью.

— Но у тебя есть предположительное объяснение? — настаивал Дэниел.

— Я полагаю, она огорчена опустошением планеты. Она дезертировала оттуда два столетия назад…

— Она была вынуждена уехать.

— Теперь ей кажется, что она дезертировала, и я думаю, она считает, что подала дурной пример: если бы она осталась, то и другие не уехали бы, и планета была бы теперь населена и благополучна. Поскольку я не могу читать ее мысли, я отталкиваюсь, может, и неправильно, только от ее эмоций.

— Но она же не могла подать пример, друг Жискар. Прошло два столетия с тех пор, как она уехала, и, значит, не может быть никакой связи между столь разными во времени событиями.

— Согласен, но люди иногда находят удовольствие в том, чтобы питать болезненные эмоции, порицать себя без оснований и даже вопреки

им. Во всяком случае, мадам Глэдия чувствовала такое острое желание вернуться, что было необходимо лишь ослабить сдерживающий эффект, под действием которого она могла бы отказаться ехать. Для этого потребовалось простейшее прикосновение. Я чувствовал, что ей необходимо поехать, потому что это означало, что поедем и мы, но у меня неприятное ощущение, что вреда, возможно, будет больше, чем пользы.

— В каком смысле, друг Жискар?

— Совет был рад отправить мадам с поселенцем. Не означает ли это, что ее желательно было удалить с Авроры на критический период, пока подготавливается падение Земли и Поселенческих миров?

Дэниел, видимо, обдумывал это положение, потому что долго молчал, а затем сказал:

— А зачем, по-твоему, нужно отсутствие мадам Глэдии?

— Не могу решить, друг Дэниел. Хотел бы услышать твое мнение.

— Я не думал об этом.

— Ну так подумай сейчас.

Будь Жискар человеком, эта просьба прозвучала бы приказом.

Последовала еще более долгая пауза.

— Друг Жискар, до появления доктора Мандамуса в доме мадам Глэдии она никогда не выказывала интереса к международной политике. Она была другом доктора Фастольфа и Элайджа Бейли, но эта дружба была личным чувством и не имела идеологической основы. И оба ушли от нас. Она терпеть не могла — и взаимно — доктора Амадейро, но это тоже личное дело. Эта антипатия существовала два столетия, но в ней нет ничего материального, просто оба ненавидят друг друга. У доктора Амадейро, имеющего теперь большое влияние в Совете, нет оснований бояться мадам Глэдии или пытаться избавиться от нее.

— Ты забыл, что, избавившись от мадам Глэдии, он избавится и от нас? Он уверен, что мадам Глэдия не уедет без нас, так что, может, он нас считает опасными?

— Друг Жискар, мы никогда не давали доктору Амадейро повода опасаться нас. Чего ради ему бояться нас? Он не знает о твоих способностях и о том, как ты пользуешься ими. Зачем ему спроваживать нас на время с Авроры?

— На время? Почему ты думаешь, что он хочет отвязаться от нас на время? Вполне может быть, что он знает о беде на Солярии больше поселенца

и знает также, что поселенец и его экипаж наверняка погибнут. А с ними и мадам Глэдия, и ты, и я. Возможно, его главная цель — уничтожение корабля поселенцев, и он хочет лишь присовокупить к этому гибель друзей и роботов доктора Фастольфа.

— Бесспорно, доктор Амадейро не отважится на то, чтобы начать войну. Но минутное удовольствие от нашей гибели не увеличит риска.

— А не может быть, друг Дэниел, что доктор Амадейро как раз и имеет в виду войну и считает, что никакого риска нет?

— Нет, друг Жискар, это неразумно. В войне, развязанной в данных условиях, поселенцы могут победить. Они более рассеяны по Галактике, а потому могут успешно применять тактику молниеносных ударов. Им почти нечего терять в их примитивных мирах, тогда как космониты потеряют многое на своих уютных высокоорганизованных планетах. Если поселенцы изъявят готовность пожертвовать одним из своих миров в обмен на уничтожение одного космонитского, космониты сразу же сдадутся.

— Не будет ли такая война происходить «в данных условиях»? Что, если у космонитов есть новое оружие, которое быстро уничтожит Посе-

ленческие миры? Может, это и есть кризис, перед угрозой которого мы сейчас стоим?

— В этом случае, друг Жискар, победу легче и эффективнее завоевать во внезапной атаке. Зачем провоцировать поселенцев? Это чревато большими потерями.

— Может, космонитам нужно испытать оружие, и уничтожение кораблей на Солярии — просто проверка?

— Космониты должны быть более изобретательны и найти другой способ, чтобы не выдать тайны существования нового оружия.

Настала очередь Жискара задуматься.

— Ну ладно, друг Дэниел, — но как ты объясняешь это наше путешествие? Как ты объясняешь желание — и очень горячее, — чтобы мы сопровождали поселенца? Поселенец сказал, что Совет прикажет мадам Глэдии ехать, — так оно и вышло.

— Я не думал над этим.

— Ну так подумай сейчас.

— Подумаю.

Молчание затянулось, но Жискар терпеливо ждал. Наконец Дэниел заговорил, медленно, словно пробирался по лабиринтам мыслей:

— Я не думаю, что Бейлимир, или любой другой

Поселенческий мир, имеет право присваивать роботов, принадлежащих Солярии. Пусть сами соляриане ушли или, может быть, вымерли, все равно Солярия остается Внешним миром, даже если она и не заселена. Остальные сорок девять Внешних миров наверняка рассуждают так же. И прежде всего так должна рассуждать Аврора — если она хочет управлять ситуацией.

— Значит, ты считаешь, что, уничтожив два поселенческих корабля, космониты таким образом утвердили свое право на Солярию?

— Нет, Аврора — если она хочет управлять ситуацией — не пошла бы по этому пути. Аврора, главная сила космонитов, просто объявила бы Солярию, пустую или нет, запрещенной зоной для поселенческих кораблей и пресекла бы любую попытку поселенцев вторгнуться в систему Солярии, окружив эту систему кораблями и наблюдательными станциями. Но ведь не было такого предупреждения, таких действий. Зачем же уничтожать корабли, если можно их просто прогнать?

— Но корабли были уничтожены, друг Дэниел. Не хочешь ли ты воспользоваться нелогичностью человеческого мышления для объяснения этого факта?

— Пока нет. Давай примем их гибель как данное. Посмотрим на последствия. Капитан поселенческого корабля высаживается на Авроре, просит разрешения обсудить с Советом ситуацию, настаивает, чтобы гражданка Авроры ехала с ним расследовать ситуацию на Солярии — и Совет соглашается. Если уничтожение кораблей без предупреждения — слишком сильное действие для Авроры, то трусливая уступка капитану поселенцев — слишком уж слабое. Аврора как бы готова сделать все что угодно, лишь бы предотвратить войну.

— Да, — сказал Жискар, — я думаю, это возможный вариант интерпретации события. Но что дальше?

— По-моему, Внешние миры еще не слабы, чтобы вести себя так заискивающе. Но даже будь они слабы, гордое сознание того, что многие столетия они царили в Галактике, удержало бы их от таких действий. Тут не слабость, а что-то другое. Я уже говорил, что они не могут намеренно спровоцировать войну. Больше похоже на то, что они тянут время.

— И как долго они будут его тянуть, друг Дэниел?

— Они хотят уничтожить поселенцев, но еще

не готовы к этому. Они дали этому поселенцу то, что он просил, чтобы избежать войны до тех пор, пока они не будут к ней готовы. Я только удивляюсь, что с ним не послали аврорианский военный корабль. Если мой анализ правилен — а я думаю, что это так, — то Аврора не имеет отношения к событиям на Солярии. Она не пошла бы на этот «булавочный укол», который только насторожил поселенцев, пока не готова на нечто опустошительное.

— Как же расценивать этот «булавочный укол»?

— Узнаем, когда высадимся на Солярии. Вероятно, это интересует и Аврору, и поселенцев, и это вторая причина, почему они так охотно сотрудничают с капитаном и даже позволили Глэдии сопровождать его.

Жискар долго молчал.

— А что за таинственное опустошение они планируют? — спросил он наконец.

— Раньше мы говорили о кризисе, в основе которого лежат планы космонитов уничтожить Землю, но мы говорим «Земля», имея в виду всех землян и их потомков в Переселенческих мирах. Однако, если мы всерьез подозреваем подготовку к разрушительному удару, который позволит

космонитам разом избавиться от врагов, мы, вероятно, можем развить нашу точку зрения. Следовательно, они не планируют ударить по одному Поселенческому миру; эти миры разбросаны, и оставшиеся быстро нанесут ответный удар. Не могут они также атаковать несколько или сразу вес Поселенческие миры — их слишком много, и они очень раскиданы. Все удары вряд ли могут оказаться удачными, и уцелевшие яростно бросятся уничтожать Внешние миры.

— Значит, ты предполагаешь, что удар будет нанесен Земле?

— Да. На Земле живет основная масса маложивущих существ. Она — постоянный источник эмигрантов и сырья для благоустройства новых миров. Это родина всех поселенцев, которую они почитают. Если Земля будет уничтожена, поселенческое движение более не возобновится.

— Но не станут ли поселенцы мстить за Землю так же сильно и жестоко, как за любой из своих миров? По-моему, это неизбежно.

— По-моему, тоже. Мне кажется, что если Внешние миры еще не сошли с ума, их действия должны быть очень хитрыми, такими, за которые они вроде бы не ответственны.

— Но почему бы не нанести такой хитрый удар

по Поселенческим мирам, где находится большая часть военного потенциала землян?

— Космониты понимают, что удар по Земле более разрушителен психологически. А может быть, природа его такова, что он может сработать только против Земли, но не против Поселенческих миров. Я подозреваю последнее, поскольку Земля — уникальный мир и ее общество не похоже на любое другое, поселенческое или космонитское.

— Итак, ты приходишь к заключению, что космониты планируют нанести искусный удар но Земле, который разрушит ее, но не сработает против любого другого мира. При этом они хотят остаться в стороне, поскольку еще не готовы к решительному сражению.

— Да, друг Жискар, но они, возможно, скоро будут готовы, и тогда нападут немедленно. Любое промедление увеличивает шанс на утечку информации, которая выдаст их.

— Ты сделал вывод, не располагая достаточным количеством фактов. Это весьма похвально. А теперь расскажи о природе удара. Что именно задумали космониты?

— Я пришел к нему издалека, по зыбкой почве, и не уверен, что мои рассуждения целиком правильны. Но, даже предполагая, что прав, я не

могу идти дальше. Боюсь, что не знаю и не могу себе представить природу удара.

— Но если мы этого не знаем, то не сумеем принять необходимых мер и разрешить кризис. Если же мы будем ждать, чем все это кончится, можем опоздать что-либо предпринимать.

— Если кто-то из космонитов и знает о том, что готовится, то только Амадейро. Не можешь ли ты заставить его рассказать о своем плане и тем самым предупредить поселенцев и сделать его намерения бесполезными?

— Не могу, друг Дэниел, не разрушив практически его мозг. Я даже сомневаюсь, что смог бы сохранить его целым до тех пор, пока Амадейро не сделает сообщения. Такие вещи я делать не могу.

— Тогда нам придется утешаться мыслью, что мои рассуждения ошибочны и никакого зла против Земли не замышляется.

— Нет, — сказал Жискар, — Я чувствую, что ты прав, и нам остается только беспомощно ждать.

17

Глэдия почти болезненно ожидала последнего прыжка. Корабль уже так близко подошел к Соля-

рии, что стало видно ее солнце. Всего лишь диск, кружок света, через фильтры на него можно было смотреть не щурясь. В нем не было ничего особенного. Все видимые звезды казались человеку похожими друг на друга и на земное Солнце. Ни одна из них не была ярче или тусклее, горячее или холоднее, чем остальные. И на каждом были пятна, на каждом происходили вспышки. И человеческий глаз не находил между ними никакой разницы. Только детальный спектрогелиографический анализ обнаруживал их непохожесть.

Однако, глядя на этот ничем не примечательный кружок света, Глэдия почувствовала, что глаза ее наполнились слезами.

Живя на Солярии, она никогда не думала о солнце. Просто это был вечный источник света и тепла, поднимавшийся и опускавшийся в постоянном ритме. Покидая Солярию, она видела, как солнце исчезает позади, и не испытывала ничего, кроме чувства благодарности.

Сейчас она молча плакала. Ей было стыдно перед собой за такую беспричинную чувствительность, но она не могла сдержать слез.

Но она заставила себя успокоиться, когда вспыхнул световой сигнал, означавший, что пришел Д. Ж. Никто другой не подходил к ее каюте.

— Можно ему войти, мадам? — спросил Дэниел. — Вы, кажется, взволнованы?

— Да, я взволнована, Дэниел, но впусти его. Я думаю, он не удивится.

Но Д. Ж. удивился. Он вошел улыбаясь, но сразу же погасил улыбку, шагнул назад и тихо сказал:

— Я приду попозже.

— Останьтесь! — приказала Глэдия. — Это ничего не значит. Глупая минутная реакция. — Она шмыгнула носом и сердито вытерла глаза. — Зачем вы пришли?

— Я хотел говорить с вами о Солярии. Если повезет, завтра мы приземлимся. Но если вы не в состоянии разговаривать…

— Я в состоянии. У меня к вам есть вопрос. Почему мы сделали три прыжка? Достаточно было бы и одного. Когда я летела с Солярии на Аврору два столетия назад, был один. Неужели с тех пор техника регрессировала?

Д. Ж. Ухмыльнулся.

— Обманный маневр. Если за нами шел авроринский корабль, я хотел избавиться от него.

— А зачем ему следовать за нами?

— Просто подумалось, миледи. По-моему, Совет уж очень жаждал помочь. Предложил, чтобы в экспедицию на Солярию меня сопровождал

солярианский корабль.

— Ну что ж, это могло бы помочь.

— Возможно… если бы я был уверен, что Аврора не стоит за всем этим. Я просто сказал Совету, что обойдусь и без них, — он указал пальцем на Глэдию, — что мне нужны только вы. Но ведь Совет мог послать корабль и против моего желания, просто из добрых побуждений, верно? Ну вот, а я не хотел этого. У меня и так достаточно хлопот, а тут еще каждую минуту нервно оглядывайся, И я сделал так, чтобы им трудно было преследовать нас. Итак, что вы знаете о Солярии?

— Я уже сто раз вам говорила: ничего! Прошло два столетия.

— Поговорим насчет психологии соляриан. За два столетия она не могла измениться. Скажите, почему они бросили свою планету?

— Как я слышала, — спокойно сказала Глэдия, — численность населения постоянно снижалась. Видимо, играли роль низкая рождаемость и преждевременная смерть.

— Для вас это звучит резонно?

— Конечно. Рождаемость там всегда была низкой. По солярианским обычаям оплодотворение происходит нелегко, будь оно естественное, искусственное или эктогенетическое.

— У вас не было детей, мадам?

— На Солярии — нет.

— А преждевременная смерть?

— Я могу только догадываться. Полагаю, на рост смертности повлияло ощущение неудачи. Солярия явно не состоялась, хотя соляриане с большим усердием строили идеальное общество — не только лучшее, чем когда-либо было на Земле, но даже более близкое к идеалу, чем в любом Внешнем мире.

— Вы хотите сказать, что Солярия умирала от коллективного разрыва сердца ее народа?

— Да, если вы хотите выразить это в насмешливой форме, — недовольно сказала Глэдия.

Д.Ж. пожал плечами:

— Похоже, что вы сказали именно это. Но они в самом деле ушли. Куда? Как они будут жить?

— Не знаю.

— Но, мадам Глэдия, нам известно, что соляриане привыкли жить в огромных поместьях, где их обслуживали тысячи роботов, таким образом каждый солярианин был почти полностью изолирован. Если они покинули Солярию, где они найдут такое общество, которое одобрит их образ жизни? Может, они ушли во Внешний мир?

— Насколько мне известно, нет — впрочем, они

со мной не советовались.

— Могли они сами найти новую планету? Если так, ее пришлось бы благоустраивать самим. Могли они быть готовы к этому?

— Не знаю.

— А может, они не уходили?

— По всем признакам Солярия пуста.

— Какие это признаки?

— Прервано все межпланетное сообщение, прекращены все радиопередачи с планеты.

— Откуда вы знаете?

— Это сообщалось в аврорианских новостях.

— А! Сообщалось! А не мог кто-то соврать?

— А зачем?

— Чтобы наши корабли попали в засаду и были уничтожены.

— Это смешно, Диджи. — Ее голос зазвучал еще резче. — Что выиграют космониты, угробив два торговых корабля?

— Но что-то же уничтожило два корабля поселенцев на пустой планете. На якобы пустой. Как вы это объясните?

— Я не могу. Я предполагаю, что мы идем на Солярию как раз для того, чтобы найти объяснение.

Д. Ж. серьезно взглянул на нее.

— Сможете ли вы проводить меня в тот район планеты, где вы жили?

— В мое поместье? — Она была ошеломлена.

— Разве вам не хотелось бы снова увидеть его?

Сердце Глэдии забилось сильнее.

— Да, хотелось бы. Но почему вы хотите попасть именно туда?

— Два корабля высадились в разных местах планеты, но оба были уничтожены чертовски быстро. Конечно, всякое место может быть опасным, но мне кажется, что там, где жили вы, менее опасно.

— Почему?

— Потому что нам могут помочь роботы. Вы же их знаете? Не так ли? Надеюсь, они могут существовать более двух столетий. Взять хотя бы Дэниела и Жискара. А те, которые были в вашем поместье при вас, наверное помнят вас. Они отнесутся к вам как к хозяйке и будут служить вам куда лучше, чем любому другому.

— В моем имении было десять тысяч роботов. Я знала в лицо не более трех десятков, а остальных никогда не видела, и они меня тоже. Сельскохозяйственные, лесные и рудничные роботы более примитивны. Домашние роботы должны бы помнить меня, если их не продали после моего

отъезда. Могли быть и несчастные случаи, так что не все просуществовали два столетия. К тому же, что бы вы ни думали о памяти роботов, человеческая память слабее, и я могу не узнать их.

— Пусть так, но вы сможете отвести меня в ваше поместье? У меня есть карта Солярии. Это поможет?

— Немного. Оно в южно-центральной части северного континента Гелионы.

— Когда мы окажемся примерно там, вы сможете воспользоваться ориентирами для большей точности, если мы сфотографируем поверхность Солярии?

— Морские берега, реки?

— Да.

— Думаю, что смогу.

— Прекрасно. И все-таки постарайтесь вспомнить имена и внешность роботов.

18

Со своими офицерами Д. Ж. Бейли держался совсем иначе. Ни широкой улыбки, ни легкомысленного отношения к опасности. Он внимательно и сосредоточение рассматривал карту.

— Если женщина точна, мы подлетим к по-

местью достаточно близко, и это займет не так много времени.

— Пустая трата энергии, капитан, — пробормотал Джемин Озер, второй помощник.

Он был высок и бородат.

Борода была темная, рыжеватая, такого же цвета брови выгибались над светло-голубыми глазами. Он выглядел немолодым, но это впечатление создавалось больше его опытностью, чем возрастом.

— Ничего не поделаешь, — сказал Д. Ж. — Будь у нас антигравитация, которую техники обещают нам целую вечность, другое дело. — Он снова посмотрел па карту. — Она сказала, что поместье у реки, примерно в шестидесяти километрах вверх по течению от места впадения в большую реку. Если женщина точна.

— А вы сомневаетесь? — спросил Чандрус Надираба, штурман.

Именно он должен был посадить корабль в указанном месте. Темная кожа и аккуратные усы подчеркивали красоту его лица.

— Ей нужно вспомнить, как это было двести лет тому назад, — заметил Д. Ж. — Какие детали участка вы могли бы вспомнить, если видели его хотя бы тридцать лет назад? Она же не робот,

могла забыть.

— Тогда зачем было брать ее с собой? — проворчал Озер. — Ее и другого, и робота. Команда недовольна, и мне они тоже не по душе.

Д. Ж. нахмурился и посмотрел на помощника:

— На этом корабле не имеет значения, что нравится и не нравится вам, мистер, и команде, Мы все можем погибнуть через шесть часов после высадки, если эта женщина не сумеет спасти нас.

— Умрем так умрем, — холодно сказал Надираба. — Мы не были бы торговцами, если бы не знали, что рядом с большими прибылями ходит внезапная смерть. А что касается этой миссии, тут мы все добровольцы. Кстати, не вредно, бы знать, откуда нам грозит смерть, капитан. Если вы догадываетесь, почему держите в секрете?

— Я не догадываюсь. Считается, что соляриане ушли, но, может, пара сотен осталась следить, так сказать, за имуществом.

— А что они могут сделать с вооруженным кораблем, капитан? Или у них есть секретное оружие?

— Не столь секретное, — ответил Д. Ж. — Солярия наводнена роботами. Именно по этой причине наши корабли и высадились на планете. Каждый оставшийся солярианин мог иметь в рас-

поряжении миллион роботов. Скромная армия.

Ибен Калайя, связист, до сих пор молчал как младший по званию, что, казалось, подчеркивалось и тем обстоятельством, что из четырех присутствовавших офицеров у него одного не было никакой растительности на лице. Но сейчас он рискнул заговорить:

— Роботы не могут нанести вред человеку.

— Так говорят, — сухо сказал Д. Ж. — Но что мы знаем о роботах? Мы знаем только, что два корабля были уничтожены, а поселенцы убиты в разных частях планеты, набитой роботами. Кто это мог сделать кроме роботов? Мы не знаем, какие приказы дали соляриане роботам или какой хитростью обошли так называемый Первый Закон роботехники. Так что мы тоже должны иметь свои маленькие хитрости. Из дошедших до нас рапортов этих кораблей мы знаем, что после посадки все люди вышли. Пустая планета, вот они и решили поразмять ноги, подышать свежим воздухом и поглядеть на роботов, за которыми приехали. Их корабли не имели защиты, да люди и не ожидали нападения. На сей раз такого не случится. Я выйду, но вы останетесь на борту или поблизости.

Взгляд темных глаз Надирабы стал неодобри-

тельным.

— Почему вы, капитан? Если нужен кто-то для приманки, можно брать любого.

— Ценю, штурман, — но я пойду не один, а с космонитской женщиной и ее спутниками. Она тут самая главная. Она может узнать нескольких роботов, а кто-то из них может узнать ее. Я надеюсь, что, если роботам и приказано напасть на нас, на нее они не нападут.

— Вы хотите сказать, что они вспомнят свои бывшую хозяйку и упадут к ее ногам? — сухо спросил Надираба.

— Да, если хочешь. Поэтому я ее и взял с собой, и поэтому мы высадимся в ее поместье. И пойду с ней я, потому что немного знаю ее, и посмотрю, как она поведет себя. Если мы уцелеем, пользуясь ею как щитом, и узнаем точно, что нам предстоит, сможем действовать по-своему. В ней уже не будет нужды.

— И что мы тогда с ней сделаем? — спросил Озер. — Выкинем в космос?

— Отвезем обратно на Аврору! — рявкнул Д. Ж.

— Хочу сказать вам, капитан, — проговорил Озер, — что команда расценит это как ненужное путешествие. Они скажут, что ее просто можно оставить на этой проклятой планете. Она же все

равно местная.

— Да, — сказал Д. Ж., — и так и будет в тот день, когда я стану получать распоряжения от своей команды.

— Я уверен, что такой день не наступит, но у команды есть свое мнение, а с недовольной командой путешествовать опасно.

Глава шестая
Экипаж
19

Глэдия стояла на земле Солярии. Она чувствовала запах растительности — совсем не тот, что на Авроре — и двух столетий как не бывало.

Ничто не могло так возродить воспоминания, как запах — ни вид, ни звук.

Этот слабый неповторимый запах вернул ее детство: вот она резвится под неусыпным наблюдением роботов, замечает других детей, останавливается, пугливо смотрит, приближается к другому ребенку — полушажок, вот-вот коснешься — и тут робот говорит: «Хватит, мисс Глэдия», — и уводит ее. Она оглядывается через плечо на малыша, которого тоже уводит робот.

Она вспомнила день, когда ей сказали, что

отныне она будет видеть других людей только в голографическом изображении, видеть — и не видеть. Роботы говорили «видеть» шепотом, словно само слово было запретным. Их она могла видеть, но они не люди.

Сначала все было не так плохо. Образы, с которыми она разговаривала, были трехмерными и двигались. Они говорили, бегали, делали, что хотели, но их нельзя было почувствовать. Затем ей сказали, что она сможет встретиться с человеком, с которым она часто виделась по трехмерке и который ей нравился.

Он был взрослым мужчиной, старше ее но выглядел юношей, как многие на Солярии. Она получила разрешение встречаться с ним, когда пожелает.

Она желала. Она отчетливо вспомнила, как это было в первый раз. Она онемела, и он тоже. Они кружили друг возле друга, боясь прикоснуться. Но это и был брак.

Да, конечно, брак. Потом они снова встречались, потому что это был брак. Наконец они должны были коснуться друг друга, им было предложено сделать это.

Это был самый волнующий день в ее жизни… До тех пор, пока он не наступил.

Глэдия со злобой отогнала эти мысли. Что толку вспоминать? Она была так страстна и нетерпелива, а он так холоден и равнодушен! Когда он приходил к ней через точные промежутки времени для ритуала, который мог — или не мог? — оплодотворить ее, он делал это с таким отвращением, что она скоро стала желать, чтобы он забыл прийти. Но он был человеком долга и никогда не забывал.

Затем потянулись несчастные годы, потом она обнаружила его мертвым, с разбитым черепом, и на нес пало подозрение. Элайдж Бейли спас ее тогда, и она уехала с Солярии на Аврору.

Теперь она вернулась и чувствует запах Солярии.

Все остальное было незнакомым. Дом вдалеке совсем не походил на тот, который она смутно помнила. За два столетия он был модифицирован, потом снесен и вновь отстроен. Земля, на которой он стоял, не показалась знакомой.

Глэдия отступила назад, желая коснуться корабля, привезшего ее сюда, в этот мир, который пахнул домом, но не был им, коснуться чего-то, что было более или менее знакомым.

Дэниел, стоявший поблизости в тени корабля, спросил:

— Вы видите роботов, мадам Глэдия?

В сотне ярдов от них, в саду, стояла группа роботов. Они стояли торжественно, неподвижно, сияя на солнце сероватым, прекрасно отполированным металлом. Глэдия узнала солярианское производство.

— Да, вижу, Дэниел.

— Вы узнаете их, мадам?

— Нет. Похоже, это новая модель, Я не помню их и уверена, что они не помнят меня. Диджи будет разочарован.

— Они, кажется, ничего не собираются делать, мадам, — сказал. Жискар.

Это понятно. Мы чужие, и они пришли наблюдать за нами, чтобы потом сообщить о нас согласно приказу. Но сообщить некому, поэтому они просто наблюдают. Без дальнейших приказов они ничего не сделают, но следить не перестанут.

— Не лучше ли, мадам, вернуться на корабль? — сказал Дэниел. — Я уверен, что капитан наблюдает за сооружением защиты и еще не готов идти с вами. Я думаю, он не одобрит ваш выход без его разрешения.

— Я не намерена по его прихоти торчать на корабле, не смея выйти на поверхность собствен-

ного мира, — высокомерно ответила Глэдия.

— Я понимаю, но поблизости члены команды, и, я думаю, кое-кто уже заметил ваше присутствие.

— И приближаются, — прибавил Жискар. — Если вы хотите избежать инфекции…

— Я приготовила новые фильтры и перчатки.

Глэдия не понимала назначения сооружений, возводимых на плоском грунте вокруг корабля. Большая часть команды, занятая работой, не видела Глэдию и ее двух спутников, стоявших в тени — в этой части Солярии в летний сезон было жарче, чем на Авроре. Но пятеро из команды приближались, и один, самый высокий и крепкий, указал на Глэдию. Четверо остановились было, но по знаку первого снова двинулись к аврорианской тройке.

Глэдия молча смотрела на них, презрительно подняв брови. Жискар тихо сказал Дэниелу:

— Я не знаю, где капитан. Он где-то среди членов экипажа, но я не вижу его.

— Мы уходим? — громко спросил Дэниел.

— Это будет малодушно, — сказала Глэдия, — это моя планета, — и не двинулась с места.

Когда они подошли поближе, Глэдия почувствовала запах пота. Они работали и вспотели, подумала Глэдия, надо бы уйти. Но она все-таки

осталась. Вся надежда на новые фильтры.

Высокий подошел еще ближе. У него были бронзовая кожа и крепкие мускулистые руки, блестевшие от пота. Ему было, наверное, лет тридцать, насколько Глэдия могла судить о возрасте маложивущих, и, если бы его вымыть и прилично одеть, он, наверное, выглядел бы вполне презентабельно.

— Вы и есть та космонитская леди, которую мы привезли на своем корабле? — спросил он.

Он говорил медленно, явно стараясь придать своему галактическому аристократический оттенок. Это ему, конечно, не удавалось. Он говорил как поселенец, даже хуже, чем Диджи.

— Я с Солярии, поселенец, — сказала Глэдия, устанавливая свои территориальные права.

И замолчала, растерявшись. Она так много думала о Солярии, что два столетия словно пропали, и она вдруг заговорила с резким солярианским акцентом — с грубым раскатистым «р» и с «и», более похожим на «си».

— Я с Солярии, поселенец, — повторила она тише, менее надменным тоном и с акцентом аврорианского университета — стандарт для галактического, которого придерживались все Внешние миры.

Поселенец засмеялся и повернулся к товарищам.

— Говорит тара-бара, но старается. Все правильно, парни.

Те тоже засмеялись. Один крикнул;

— Поговори с ней еще, Нисс. Может, и мы научимся чирикать по-космонитски.

— Ладно, заткнитесь все! — все еще улыбаясь, сказал Нисс.

Наступило молчание. Он снова повернулся к Глэдии:

— Я Берто Нисс, матрос первого класса. А как вас зовут, дамочка?

Глэдия не рискнула заговорить снова.

— Я парень вежливый, дамочка, Я говорю по-джентльменски, как космонит. Я знаю, вы достаточно старая, чтобы быть моей прапрапрабабкой. Сколько вам лет, дамочка?

— Четыреста! — крикнул кто-то за спиной Нисса, — Но она не выглядит на столько.

— Она не выглядит и на сто, — сказал другой.

— Она вполне подходит, чтобы позабавиться, — сказал третий. — И я думаю, она давно не развлекалась. Спроси ее, Нисс, может, она не против? Спроси вежливее, не можем ли мы сделать оборот.

Глэдия вспыхнула.

— Матрос первого класса Нисс, — сказал Дэниел, — ваши товарищи оскорбляют мадам Глэдию. Не уйти ли вам?

Нисс оглядел Дэниела, которого до сих пор игнорировал. Улыбка исчезла с его лица.

— Послушай, ты! К этой маленькой леди вход воспрещен. Так сказал капитан. Мы не будем беспокоить ее. Это просто треп. Эта штука с вами — робот, мы с ним не связываемся, и он не может нанести нам вред. Мы знаем Законы роботехники. Мы прикажем ему отойти от нас, вот и все. А ты — космонит, и капитан ничего не говорил насчет тебя. Так что стой, где стоишь, и не ввязывайся, иначе мы выдубим твою красивую шкуру, и иди потом, жалуйся. — Дэниел не ответил. Нисс кивнул. — Вот и хорошо. Люблю, когда у типа хватает ума не начинать того, чего он не может кончить. — Он повернулся к Глэдии. — Ну, космическая дамочка, мы оставим вас одну, потому что капитан велел не надоедать вам. А если кто-то сделал грубое замечание, это вполне естественно. Потрясем друг другу руки и расстанемся друзьями. Космонит, поселенец — какая разница!?

Он протянул руку, и Глэдия сжалась от ужаса. Дэниел мгновенно схватил Нисса за запястье.

— Матрос первого класса Нисс, — спокойно сказал он, — не пытайтесь коснуться леди.

Нисс посмотрел на свою руку, на пальцы, крепко сжимавшие ее, и сказал тихо и угрожающе:

— Отойди! Считаю до трех!

Дэниел отпустил его руку и сказал:

— Должен сказать, что я не хотел бы повредить вам, но я обязан защищать леди, и если она не хочет, чтобы к ней прикасались, мне придется причинить вам боль. Будьте уверены, я постараюсь свести ее к минимуму.

— Всыпь ему, Нисс! — закричал один из членов команды. — Дай этому болтуну!

— Послушай, космонит, — сказал Нисс, — я уже два раза говорил, чтобы ты держался подальше, а ты еще хватаешь меня. В третий раз говорю: шевельнись, скажи хоть слово, и я тебя разделаю. Дамочка пожмет нам руки, только и всего. По-дружески. А потом мы уйдем. Ясно?

— Я не хочу, чтобы он меня касался, — сказала дрожащим голосом Глэдия. — Сделай, что надо.

— Сэр, — сказал Дэниел, — извините, но леди не хочет, чтобы вы ее трогали. Я прошу вас всех уйти.

Нисс улыбнулся. Он размахнулся, чтобы оттолкнуть Дэниела, но левая рука робота мелькнула в

воздухе и снова схватила Нисса за запястье.

— Пожалуйста, уходите, сэр.

Нисс оскалился, но это уже не было улыбкой. Он яростно дернул руку, пытаясь вырваться. Рука Дэниела чуть поднялась и опустилась. Лицо его не показывало никакого напряжения. Затем быстрым движением заломил руку поселенца за спину.

Нисс, неожиданно оказавшись к Дэниелу спиной, поднял вторую руку, нащупывая шею Дэниела, но и второе запястье было схвачено, и Нисс хрюкнул от унижения.

Четверо его товарищей стояли неподвижно, разинув рты. Нисс взглянул на них и проворчал:

— Помогите мне!

— Они не помогут вам, сэр, — сказал Дэниел, — потому что в этом случае капитан накажет их. Теперь я прошу вас пообещать мне, что вы больше не будете беспокоить мадам Глэдию и спокойно уйдете. Иначе, матрос первого класса, я, к своему крайнему сожалению, вынужден буду вывернуть вам руки.

Сказав это, он крепко сжал оба запястья, и Нисс глухо застонал.

— Простите меня, сэр, — сказал Дэниел, — но у меня строгий приказ. Вы обещаете?

Неожиданно Нисс с яростью лягнул Дэниела тяжелым сапогом, но тот отклонился, и Нисс тяжело упал лицом вниз.

— Вы обещаете, сэр? — снова спросил Дэниел и несильно вывернул руки Нисса за спиной.

Нисс взвыл.

— Обещаю, — пробормотал он. — Отпусти меня.

Дэниел тут же отпустил его и отошел. Нисс медленно перекатился на спину, осторожно поднял руки и морщась пошевелил кистями. Затем протянул правую руку к кобуре и схватился за оружие. Дэниел наступил ему на руку.

— Не делайте этого, сэр, иначе я вынужден буду сломать вам одну или несколько мелких костей в вашей руке.

Он наклонился и извлек бластер Нисса из кобуры.

— А теперь вставайте.

— Ну, мистер Нисс, — прозвучал чей-то голос, — делайте, что вам говорят, и вставайте.

Рядом стоял Д. Ж. Бейли. Борода его сердито ощетинилась, лицо слегка покраснело, но голос был подозрительно спокоен.

— Вы, четверо, — сказал Бейли, — сдайте оружие. Давайте, пошевеливайтесь. Раз, два, три,

четыре. А теперь — смирно! — Он обратился к Дэниелу. — Сэр, отдайте мне оружие, которое вы у него отобрали. Пять. Мистер Нисс, смирно!

Бейли сложил бластеры на землю. Нисс вытянулся. Глаза его налились кровью, лицо исказилось от боли.

— Не расскажет ли кто-нибудь, что здесь произошло? — спросил Диджи.

— Капитан, — быстро сказал Дэниел, — у меня с мистером Ниссом произошла шуточная ссора. Вреда не нанесено.

— Однако мистер Нисс выглядит несколько поврежденным?

— Это временно, капитан, — ответил Дэниел.

— Понятно. Ну, мы вернемся к этому позже. — Он повернулся к Глэдии. — Мадам, я не помню, чтобы давал вам разрешение выйти из корабля. Вы немедленно вернетесь со своими компаньонами в каюту. Тут вам не Аврора, и здесь капитан я. Ясно?

Дэниел положил руку на локоть Глэдии. Она вздернула подбородок, повернулась и пошла по трапу на корабль. Дэниел шел рядом, Жискар — сзади. Д. Ж. повернулся к команде.

— Вы, — сказал он все так же спокойно, — пойдете со мной, и мы доберемся до сути этого… или

до вас. — И жестом приказал офицеру подобрать оружие и унести.

20

Д. Ж. хмуро глядел на пятерых. Дело происходило в его каюте, единственном помещении корабля, которое было достаточно просторно и имело некоторые элементы роскоши.

— Сделаем так, — сказал он, тыкая в каждого пальцем. — Ты подробно расскажешь, что случилось. Ты — скажешь, что он упустил или сказал неверно. Затем ты то же самое, и ты, а потом я примусь за тебя, Нисс. Я предполагаю, что вы все отбились от рук, сделали какую-то глупость, следовательно, провинились, особенно Нисс. Если из вашего рассказа будет ясно, что вы не сделали ничего неправильного и ни в чем не виноваты, то я буду знать, что вы врете, особенно когда космонитская женщина расскажет мне все, а я склонен верить каждому ее слову. Ложь будет хуже того, что вы сделали. Ну! — рявкнул он. — Начинай!

Первый член команды, запинаясь, поведал всю историю. Второй кое-что добавил, то же сделал третий, потом четвертый. Д. Ж. слушал с каменным лицом, затем велел Берто Ниссу отойти в

сторону и сказал остальным:

— А когда космонит тыкал Нисса мордой в пыль, вы что делали? Смотрели? Боялись двинуться? Четверо одного испугались?

Один нарушил тяжелое молчание:

— Это произошло так быстро, капитан. Мы только собирались вмешаться, а все уже кончилось.

— А что вы собирались сделать, если бы все-таки вмешались?

— Ну, оттащили бы чужака-космонита от нашего парня.

— Думаешь, удалось бы?

На сей раз никто не издал ни звука.

Д. Ж. наклонился к ним.

— Значит, так: за то, что задирались с иноземцами, похудеете на недельное жалование каждый. И вот еще что: если кто из вас скажет о случившемся кому-нибудь на корабле или вне его, сейчас или потом, по пьянке или сгоряча — всех вас понизят до учеников матроса. Проболтается один — понизят всех четверых. Так что приглядывайте друг за другом. Теперь займитесь делом. И если станете возникать во время этого путешествия, пикнете не по уставу — окажетесь в карцере.

Угрюмые, пристыженные, четверо вышли,

поджав губы.

Нисс остался. По его лицу расплывался синяк, руки онемели. Д. Ж. разглядывал его с угрожающим спокойствием, а Нисс смотрел то вправо, то влево, то в пол, то в потолок, но только не в лицо капитану. Лишь когда Нисс случайно встретился взглядом с капитаном, тот сказал:

— Хорош. Славно тебя отделал этот неженка-космонит вполовину меньше тебя! В следующий раз прячься, когда увидишь кого-нибудь из космонитов.

— Слушаюсь, капитан, — униженно пробормотал Нисс.

— Ты слушал мои инструкции или нет? Перед отлетом с Авроры вам было велено космонитов и леди не трогать, не докучать им, не лезть к ним с разговорами.

— Капитан, я просто хотел вежливо пообщаться. Нам интересно было посмотреть на нее поближе. Мы не хотели ничего плохого.

— Ничего плохого? Ты спросил, сколько ей лет. Это входит в твои обязанности?

— Я просто полюбопытствовал, хотел знать.

— Один из вас делал непристойные намеки.

— Это не я, капитан.

— Кто-то другой? А ты извинился?

— Перед космонитами? — ужаснулся Нисс.

— Конечно. Вы действовали вопреки моим приказам.

— Я не хотел никого обидеть, — упрямо повторил Нисс.

— Ты не хотел обидеть мужчину?

— Он сам поднял на меня руку, капитан.

— Знаю. А почему?

— Потому что он приказал мне уйти.

— И ты не стерпел?

— А вы бы стерпели, капитан?

— Ладно. Ты не стерпел. Ты упал мордой в пыль. Как это случилось?

— Право, не знаю, капитан. Он такой шустрый, а хватка у него прямо железная.

— Так оно и есть. А ты что думал, идиот? Он и есть железный.

— Как это, капитан?

— Ты, видно, не знаешь историю Элайджа Бейли?

Нисс смущенно потер ухо.

— Я знаю, что он какой-то наш предок, капитан.

— Это-то все знают по моей фамилии. Ты никогда те видел фильмы о его жизни?

— Я не охотник до исторических фильмов,

капитан.

Он пожал плечами, но тут же сморщился и решил больше этого не делать.

— Ты когда-нибудь слышал о Р. Дэниеле Оливо?

— Он был другом Элайджа Бейли.

— Ну да. Значит, ты кое-что знаешь. Ты знаешь, что такое «Р» в этом имени?

— Это значит «робот». Правильно? У него был друг-робот. В те времена на Земле были роботы.

— Они и сейчас есть. Но Дэниел не просто робот. Он был космическим роботом и внешне походил на космонита. Подумай об этом, Нисс, и сообрази, кто тот космонит, который задал тебе трепку.

Глаза Нисса округлились, лицо побагровело.

— Вы хотите сказать, что космонит — ро…

— Это Р. Дэниел Оливо.

— Капитан, но ведь прошло двести лет!

— Да. И космонитская женщина была близким другом моего предка Элайджа. Она прожила, если хочешь знать, двести тридцать пять лет, а робот, думаешь, не мог? Ты пытался драться с роботом, дурачина.

— Почему же вы об этом не сказали? — возмутился Нисс.

— А зачем? Ты спрашивал? Слушай, Нисс. Ты

слышал, как я велел другим придержать язык? Это относится и к тебе, только в большей степени. Они всего лишь члены экипажа, а тебя я хотел сделать старшим в команде. Хотел! Чтобы управлять командой, нужно иметь мозги, а не только мускулы, Теперь тебе придется доказывать наличие мозгов вопреки моему твердому убеждению, что у тебя их нет.

— Капитан, я…

— Молчи и слушай. Если эта история выплывет наружу, то четверо станут учениками матроса, но ты станешь никем. Ты никогда больше не ступишь на корабль, ни на один. Это я тебе обещаю, Ни в экипаже, ни пассажиром. Подумай, что ты станешь делать в Бейлимире, как будешь зарабатывать на жизнь. Это в том случае, если ты будешь болтать или встанешь поперек дороги космонитской женщины, даже просто будешь глазеть на нее и ее роботов. И следи, чтобы никто из команды не смел ее оскорблять. Ты отвечаешь за это. И лишаешься двухнедельного жалованья.

— Капитан, — жалобно сказал Нисс, — другие…

— На других я меньше полагался, Нисс, поэтому и наказал их меньше. Проваливай!

21

Д. Ж. бесцельно играл фотокубиком, который всегда стоял на столе. Когда кубик поворачивали, он темнел. Поставленный на грань, он светлел, и в нем появлялось трехмерное изображение улыбающейся женщины. Команда поговаривала, что на каждой стороне кубика появлялись разные женщины. Так оно и было.

Джемин Озер следил за сменой изображений без всякого интереса. Теперь, когда корабль был в безопасности — по крайней мере, так считалось, — было время подумать о следующих шагах. Однако Д. Ж, подходил к делу кружным путем, а может, и вовсе не подходил. Он сказал:

— Конечно, это женщина была виновата.

Озер пожал плечами и погладил бороду, как бы уверяя себя, что он, во всяком случае, не женщина. В отличие от Д. Ж., на верхней губе Озера красовались роскошные усы.

— По-видимому, — продолжал Д. Ж., — прибыв на родную планету, она забыла об осторожности. И вышла из корабля, хотя я просил ее не делать этого.

— Вы должны были приказать ей не выходить.

— Не знаю, помогло ли бы это. Она аристократка и привыкла сама приказывать своим роботам и поступать, как заблагорассудится. Кроме того, она нужна мне, и я хочу сотрудничать с ней, а не ссориться. И еще… Она была другом Предка.

— И до сих пор жива, — сказал Озер и покачал головой, — Прямо мороз по коже. Древняя старуха.

— Да, но выглядит совсем молодой и привлекательной, и нос кверху. Не ушла, когда ребята подошли к ней, не пожелала пожать им руки. Ну ладно, что было, то было.

— Капитан, а правильно ли вы поступили, сказав Ниссу, что он пытался справиться с роботом?

— Правильно, Озер. Если бы он думал, что его побил и унизил перед товарищами космонит, который меньше и легче его, он навеки стал бы для нас бесполезным. Это сломало бы его. И нам не нужны слухи, что космониты — супермены. Поэтому я строго-настрого приказал помалкивать об этом случае. Нисс будет внимательно следить за ребятами, и если это дело не выплывет наружу, никто не узнает, что космонит оказался роботом. Но я полагаю, что в этой истории есть одна хорошая сторона.

— Какая, капитан?

— Я задумался о роботах. Много ли мы знаем о них? Что, например, знаешь ты?

Озер пожал плечами:

— Капитан, я о них не думал.

— И никто не думает. Во всяком случае, поселенцы. Мы знаем, что космониты имеют роботов, зависят от них, никуда без них не ходят, ничего без них не могут сделать, и мы уверены, что они чахнут из-за роботов. Мы знаем, что на Земле раньше были роботы, навязанные нам космонитами, и что они постепенно исчезают с лица Земли. В земных городах их вовсе нет, они остались только в сельской местности. Мы знаем, что Поселенческие миры не имеют и не хотят иметь роботов ни в городах, ни в сельской местности. Таким образом, поселенцы никогда не видели их на своих планетах и вряд ли видели на Земле… — При слове «Земля» голос Бейли всякий раз странно дрожал. — Что мы еще знаем?

— Есть Три Закона роботехники.

— Правильно. — Д. Ж. отложил кубик и подался вперед. — И главный из них Первый: «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Так вот, не полагайся на него. Он означает не совсем то. Мы считаем, что благодаря Первому

Закону роботы для нас не опасны. Хорошая уверенность, но не в том случае, когда она мнимая. Робот Дэниел повредил Ниссу и ничуть не огорчен этим, несмотря на Первый Закон.

— Он защищал…

— Вот именно. А что, если ты должен выбирать: повредить ли Ниссу или позволить нанести вред твоей космонитской хозяйке? Естественно, ты предпочтешь первое.

— Это имеет смысл.

— Ясное дело, имеет. А сейчас мы на планете роботов. Их тут сотни две миллионов. Что им приказано? Как они выбирают между тем или иным вредом? Можем ли мы быть уверены, что никто из них не тронет нас? Ведь что-то на этой планете уничтожило два корабля.

— Ну, этот робот Дэниел — необычный робот, — пробормотал Озер. — Он больше похож на человека, чем мы. Может, не стоит обобщать? Вот другой робот — как его там?..

— Жискар. Легко запомнить. Меня зовут Дэниел Жискар.

— Я мысленно называю вас капитаном, капитан. Во всяком случае, этот Жискар стоял там и ничего не делал. Он выглядит как робот и действует так же. Мы встретили здесь кучу роботов,

но они нам ничего не сделали. Они только наблюдают.

— А если здесь есть какие-нибудь специальные роботы, которые могут быть для нас опасными?

— Я думаю, мы готовы к этому.

— Сейчас — да. Вот почему инцидент с Дэниелом и Ниссом сослужил нам хорошую службу. Мы думали, что нам следует опасаться только соляриан, оставшихся здесь. Но не их нам следует опасаться. Их, возможно, здесь нет. Для нас опасны именно роботы, специально сконструированные. Если леди Глэдия сумеет мобилизовать своих бывших роботов — это же было ее поместье — и заставить их защищать ее и нас, то мы нейтрализуем здесь все остальное.

— А она сможет?

— Посмотрим, — сказал Д. Ж.

22

— Спасибо тебе, Дэниел, — сказала Глэдия. — Ты хорошо поступил. — Лицо ее осунулось и побледнело, губы стали тонкими, бескровными. — Лучше бы я не приезжала, — тихо добавила она.

— Бесполезно жалеть, мадам Глэдия, — сказал

Жискар. — Друг Дэниел и я останемся за дверью, чтобы никто больше не потревожил вас.

Коридор был пуст. Дэниел и Жискар разговаривали на звуковой волне выше человеческого порога слышимости и в своей обычной краткой манере.

— Мадам Глэдия приняла неразумное решение, отказавшись уйти, — сказал Жискар. — Это ясно.

— Я думаю, друг Жискар, что не было возможности заставить ее изменить решение.

— Оно было слишком твердым и принято было слишком быстро. То же самое справедливо и по отношению к поселенцу Ниссу. Его любопытство к мадам Глэдии и враждебность и злоба к тебе были слишком сильны, чтобы их можно было устранить без серьезного повреждения мозга. Остальными четверыми я мог управлять. Их нетрудно было удержать от вмешательства. Твоя способность справиться с Ниссом ошеломила их, и я лишь слегка усилил это состояние.

— Очень удачно, друг Жискар. Если бы эти четверо присоединились к мистеру Ниссу, я встал бы перед трудным выбором: вынудить мадам Глэдию к унизительному отступлению или сильно покалечить одного-двух поселенцев. Думаю, что пришлось бы выбрать последнее и я почувство-

вал бы большой дискомфорт.

— А сейчас тебе хорошо?

— Вполне. Урон, нанесенный мистеру Ниссу, был минимальным.

— Физически — да, друг Дэниел. Однако он испытал великое унижение, что для него хуже физического повреждения. Поскольку я осознавал это, я не смог бы действовать так легко, как ты. И еще…

— Да?

— Меня тревожит будущее. Много десятилетий на Авроре я работал медленно, выжидая удобный момент, чтобы мягко коснуться мозга, не нанося ущерба, усиливая то, что было, ослабляя то, что и так шло на убыль, подталкивая и направляя уже существующий импульс. Теперь же мы вступили в пору кризиса, когда эмоции усиливаются, решения приходят быстро, и события бегут мимо. Если я хочу сделать что-то хорошее и должен действовать быстро, Три Закона запрещают мне это. Требуется время, чтобы взвесить тонкости сравнения физического и умственного вреда. Будь я один с мадам Глэдией во время приближения поселенцев, я бы не знал, что делать, чтобы не нанести серьезного вреда мадам Глэдии, одному или нескольким поселенцам и себе.

— Что же теперь делать, друг Жискар?

— Поскольку Три Закона изменить нельзя, мы снова приходим к заключению, что ничего не можем сделать. И нам остается только ждать краха.

Глава седьмая
Надзирательница
23

Это было утро на Солярии, утро в поместье — в ее поместье.

Вдалеке виднелся дом, который вполне мог быть ее домом. Двух столетий как не бывало, и Аврора казалась ей далекой несбывшейся мечтой.

Она повернулась к Д. Ж.; с его туго затянутого пояса свисали два предмета — на левом бедре нейронный хлыст, а на правом — что-то более короткое и круглое, видимо, бластер.

— Мы пойдем к дому? — спросила она.

— Возможно, — рассеянно ответил он.

Он рассматривал поочередно свое оружие, поднося его к уху, как бы прислушиваясь: жужжит — значит, работает.

— Вчетвером? — Она машинально поискала глазами: Д. Ж., Дэниел… — Дэниел, а где Жискар?

— Он подумал, мадам Глэдия, что ему лучше

действовать в качестве разведчика. Как робот он не привлекает к себе внимания других роботов, и, если что не так, он предупредит нас. В любом случае ему легче выйти в расход, чем вам или капитану.

— Хорошее мышление робота, — заметил Д. Ж. — Так оно и есть. Ну, пошли.

— Только втроем? — жалобно спросила Глэдия. — Честно говоря, мне не хватает покорности робота Жискара выходить в расход.

— Мы все уязвимы, леди Глэдия. Количество тут не имеет значения. Ведь погибли экипажи двух кораблей.

— Вы меня не ободряете, Диджи.

— Ну, давайте попробую. Те корабли не были подготовлены, а наш подготовлен, и я тоже. — Он хлопнул руками по бедрам. — С вами робот, который уже показал себя вашим надежным защитником. Больше того, вы сами — наше лучшее оружие. Вы умеете приказывать роботам делать то, что вы хотите, и это может оказаться решающим. Кроме вас никто этого не может, а те корабли не имели того снаряжения, которое есть у нас. Ну, пошли!

Они пошли. Через некоторое время Глэдия сказала:

— Мы идем не к дому.

— Туда пока не надо. Скачала подойдем к группе роботов. Вы их видите, надеюсь.

— Да, вижу, но они ничего не делают.

— Верно. Но, когда мы высадились, их было гораздо больше. Большая часть ушла, а эти остались. Зачем?

— Если мы их спросим, они ответят.

— Если вы их спросите, леди Глэдия.

— Они ответят как мне, так и вам: мы оба люди.

Д. Ж. вдруг остановился и с улыбкой повернулся к Глэдии:

— Оба люди, дорогая леди? Космонит и поселенец? Что это с вами?

— Мы оба люди для роботов, — резко ответила Глэдия. — И бросьте эти шуточки. Я не играла в космонита и землянина с вашим Предком.

Улыбка Д. Ж. исчезла.

— Вы правы. Простите меня, леди. Я постараюсь умерить свой сарказм. В конце концов на этой планете мы союзники. — Бейли помолчал. — Мадам, я хочу, чтобы вы выяснили, какие приказы были даны роботам, — если были даны. Нет ли здесь знакомых вам роботов? Есть ли люди в поместье или на планете? И вообще, поговорите

с ними. Они не должны быть опасными: они роботы, а вы человек. Они не могут нанести вам вред. — И, вспомнив, он добавил: — Правда, ваш Дэниел довольно грубо обошелся с Ниссом, но там были особые обстоятельства, а здесь их нет. И Дэниел может пойти с вами.

— Я в любом случае должен сопровождать леди Глэдию, капитан, — почтительно произнес Дэниел. — Это мой долг.

— И Жискара тоже, я думаю, — сказал Д. Ж. — Однако он где-то шляется.

— Не зря, капитан. Он говорил со мной, и мы решили, что это немаловажно для защиты леди Глэдии.

— Ну и прекрасно. Вы двое идите вперед. Я буду прикрывать вас. — Он снял оружие с правого бедра. — Если я крикну «Ложись!», тут же падайте. Эта штука не выбирает.

— Только, пожалуйста, пользуйтесь ей только в самом крайнем случае, Диджи, — сказала Глэдия. — Вряд ли это поможет при защите от роботов. Пошли, Дэниел!

Она быстро и уверенно пошла вперед, к группе примерно из десяти роботов, стоявших перед рядом низких кустов. Утреннее солнце отражалось в их блестящих телах.

24

Роботы не отступили и не двинулись вперед. Они спокойно стояли на месте.

Глэдия подсчитала: одиннадцать. Возможно, есть и другие, но их не видно.

Все они были сделаны на Солярии, очень гладкие, прекрасно отполированные. Никакой иллюзии одежды и минимум реализма. Они выглядели почти математической абстракцией человеческого тела, но среди них не было и двух одинаковых.

Ей показалось, что они не так гибки и сложены, как аврорианские роботы.

У них был простой мозг, предназначенный для определенной задачи.

Они остановились метрах в четырех от шеренги роботов, Дэниел — чуть позади, в метре от Глэдии, чтобы было ясно: главная — она. Роботы наверняка посчитали Дэниела за человека, но она знала, что Дэниел слишком уж сознавал себя роботом, и не стала полагаться на ошибочное мнение других роботов.

— Кто из вас будет говорить со мной? — спросила Глэдия.

Никто не ответил, Казалось, роботы беззвучно совещались. Затем один из них вышел вперед.

— Я буду говорить, мадам.

— У тебя есть имя?

— Нет, мадам, только серийный номер.

— Давно ты функционируешь?

— Двадцать девять лет, мадам.

— Есть среди вас такие, которые функционируют дольше?

— Нет, мадам, поэтому говорю я, а не другие.

— Сколько роботов в этом поместье?

— Точной цифры я не знаю, мадам.

— Примерно.

— Тысяч десять, мадам.

— Среди них есть функционирующие более двух столетий?

— Среди сельскохозяйственных роботов есть несколько таких, мадам.

— А среди домашних?

— Нет, мадам. Хозяева предпочитают новые модели. Глэдия кивнула и повернулась к Дэниелу.

— Это разумно. Так было и при мне. — Она снова повернулась к роботу: — Кому принадлежит это имение?

— Это имение Зоберлона, мадам.

— Давно оно принадлежит семье Зоберлона?

— Дольше, мадам, чем я функционирую. Я не знаю, насколько дольше, но информацию можно получить.

— Кому оно принадлежало до Зоберлона?

— Не знаю, мадам, но информацию можно получить.

— Ты когда-нибудь слышал о семье Дельмар?

— Нет, мадам.

Глэдия повернулась к Дэниелу и печально сказала:

— Я пыталась вести робота, как сделал бы Элайдж, но, похоже, не умею делать это правильно.

— Наоборот, леди Глэдия, — возразил Дэниел. — Мне кажется, что вы уже многое установили. Похоже, что в имении нет роботов, знавших вас, кроме нескольких сельскохозяйственных. Вы знали кого-нибудь из рабочих роботов, когда жили здесь?

Глэдия покачала головой:

— Нет. Я никогда не видела их даже издали.

— Тогда ясно, почему вас не узнают.

— Точно. Бедняга Диджи напрасно гонял нас. Если он надеялся, что от меня будет толк, то он ошибся.

— Знать правду всегда полезно, мадам. А где

еще вы могли бы получить информацию?

— Да, минутку… — Глэдия подумала несколько секунд. — Странно, с этим роботом я говорила с солярианским акцентом, а с тобой так не говорю.

— Ничего удивительного, леди Глэдия. Роботы говорят с таким же акцентом, потому что они солярианские. Вы вернулись в дни вашей юности и машинально заговорили, как в те времена. Но вы сразу же стали собой, когда повернулись ко мне, потому что я часть вашего теперешнего мира.

Глэдия медленно улыбнулась:

— Твои рассуждения вес больше напоминают человеческие, Дэниел.

Она снова повернулась к роботам и внезапно ощутила покой. Небо было голубым и почти безоблачным, лишь узкая полоска облаков на западе означала, что полдень может быть пасмурным; шелестели листья от легкого ветра, жужжали насекомые, где-то крикнула птица. И ни одного звука, производимого человеком. Вокруг, возможно, было много роботов, но они работали молча. Не было того гомона человеческих голосов, к которому она привыкла — сначала с трудом — на Авроре. Но теперь, вернувшись на Солярию, она нашла удивительное спокойствие. Не так уж плохо на Солярии, подумала она.

— Где ваши хозяева? — спросила она робота с едва заметным раздражением.

— Они ушли, мадам, — спокойно ответил робот.

— Куда?

— Не знаю, мадам. Они мне не сказали.

— А другие знают?

Общее молчание.

— Кто-нибудь в имении знает?

— Я не знаю этого, мадам.

— Хозяева взяли с собой роботов?

— Да, мадам.

— Но они не взяли вас. Почему вы остались?

— Делать свою работу, мадам.

— Но вы стоите и ничего не делаете. Это и есть ваша работа?

— Мы охраняем имение, мадам.

— От таких, как мы?

— Да, мадам.

— Но вы здесь ничего не делаете. Почему?

— Мы наблюдаем, мадам. У нас нет иных приказов.

— Вы сообщаете о своих наблюдениях?

— Да, мадам.

— Кому?

— Надзирателю, мадам.

— Где надзиратель?

— В доме, мадам.

— Ага.

Глэдия повернулась и быстро пошла к Д. Ж. Дэниел двинулся следом.

— Ну? — спросил Д. Ж.

Он держал оружие наготове, но, когда его спутники вернулись, спрятал его в кобуру.

— Ничего. Ни один робот меня не знает. И я уверена, что никто из них не знает, куда ушли соляриане. Но роботы докладывают обо всем надзирателю.

— Какому надзирателю?

— На Авроре и в других Внешних мирах в больших имениях с множеством роботов бывает надзиратель — человек, который должен организовывать и направлять группы рабочих роботов на поля, рудники и промышленные предприятия.

— Значит, здесь остались соляриане?

— Солярия — исключение. Здесь роботов столько, что не было целесообразно поручать мужчине или женщине надзирать за роботами. Эту работу выполнял специально запрограммированный робот.

— Значит, в доме есть робот, более совершен-

ный, чем этот, и его можно с пользой допросить как следует.

— Возможно, но я не уверена, что попытка войти в дом безопасна.

— Это же только робот! — ядовито заметил Д. Ж.

— Дом может быть заминирован.

— Это поле тоже может быть заминировано.

— Лучше бы, — сказала Глэдия, — послать одного из роботов в дом сказать надзирателю, что люди желают говорить с ним.

— Не требуется, — возразил Д. Ж. — Это, по-видимому, уже сделано. Надзиратель появился, и это не робот и не «он», Я вижу женщину.

Глэдия ошеломленно застыла, К ним шла высокая, стройная и очень привлекательная женщина. Женщина! Это было видно издалека.

25

Д.Ж. широко улыбнулся, приосанился, расправил плечи и коснулся рукой бороды, словно удостоверяясь, что она гладкая и мягкая.

Глэдия неодобрительно посмотрела на него:

— Это не солярианка.

— Откуда вы знаете?

— Ни одна солярианка не позволит себе показываться незнакомым людям живьем, а не по видео.

— Я знаю, миледи. Но вы же позволили мне видеть вас.

— Я два столетия прожила на Авроре. Но все-таки осталась достаточно солярианкой, чтобы не появляться перед людьми, как эта.

— Ей есть что показать, мадам. Я бы сказал, что она выше меня и прекрасна как вечерняя заря.

Надзирательница остановилась метрах в двадцати от них, роботы разошлись в стороны.

— За два столетия обычаи могли измениться.

— Нет ничего основательнее, чем неприязнь соляриан к контактам с людьми, — резко сказала Глэдия. — Это не могло измениться за какие-то два столетия. — Она снова заговорила по-соляриански.

— Я думаю, вы недооцениваете социальную пластичность. Но солярианка она или нет, в любом случае она космонитка, и, если здесь есть другие такие же, я готов к мирному сосуществованию.

Взгляд Глэдии стал еще более неприязненным.

— Сколько вы намерены глазеть на этот образец? Час, два? Вы не хотите, чтобы я допросила

женщину?

Д. Ж, вздрогнул и посмотрел на Глэдию с явным раздражением.

— Вы допрашиваете роботов, и вы это сделали, а я допрашиваю людей.

— Особенно женщин, я полагаю.

— Мне бы не хотелось хвастаться, но…

— Я не знаю мужчин, которые бы не хвастались.

В разговор вмешался Дэниел:

— Я не думаю, что женщина захочет долго ждать. Если вы хотите перехватить инициативу, капитан, то идите к ней. Я пойду за вами.

— Вряд ли мне понадобится защита, — отрезал Д. Ж.

— Вы — человек, и я не могу своим бездействием допустить, чтобы вам был причинен вред.

Д.Ж. быстро зашагал вперед. Дэниел двинулся следом. Глэдия, не желая оставаться в одиночестве, осторожно пошла за ними.

Надзирательница спокойно ждала. На ней было простое белое платье, едва доходившее до середины бедер, сильно декольтированное. Под тонкой тканью виднелись соски. Не было никаких признаков, что на ней надето что-то еще, кроме туфель.

Д. Ж. остановился в метре от нее. Гладкая кожа, высокие скулы, широко поставленные, немного раскосые глаза, невозмутимое выражение лица.

— Мадам, — начал он, — я имею удовольствие разговаривать с надзирательницей этого поместья?

Он старался говорить, как аврорианские патриции.

Женщина выслушала и сказала с сильным солярианским акцентом, который казался почти комичным для такого красивого рта:

— Ты не человек.

Все произошло так быстро, что Глэдия, находившаяся метрах в десяти, не поняла, что случилось. Она увидела только какое-то движение, а затем Д. Ж., неподвижно лежащего на спине, и женщину, державшую в обеих руках его оружие.

26

В этот момент Глэдию больше всего поразило то, что Дэниел не попытался прийти на помощь. Но не успела она так подумать, как Дэниел схватил женщину за левое запястье и сказал грубым и властным тоном, какого Глэдия никогда у него не слышала:

— Брось немедленно оружие!

Просто непостижимо, как он ног так обращаться с. человеком.

— Ты не человек, — ответила женщина так же грубо.

В тот же миг она подняла оружие и выстрелила. Слабое свечение охватило тело Дэниела, и Глэдия, ошеломленная, онемевшая, почувствовала, как у нее потемнело в глазах.

Но Дэниел не расплавился и не разлетелся на куски. Глэдия поняла, что он предусмотрительно схватил женщину за ту руку, в которой она держала бластер. В другой руке был нейронный хлыст, его-то она и разрядила в Дэниела с близкого расстояния.

Будь Дэниел человеком, такое массированное возбуждение сенсорных окончаний убило бы его или сделало инвалидом. Но он не был человеком, и эквивалент нервной системы робота не отреагировал на хлыст.

Он схватил женщину за другую руку и повторил.

— Брось оружие, а то я вырву тебе руку!

— Ты? — спросила женщина.

Она подняла руки, и через секунду Дэниел повис над землей. Ноги его болтались в воздуха.

Изловчившись, он с силой пнул женщину, и оба тяжело упали на землю.

Глэдия мгновенно поняла, что женщина — хоть и очень похожая на человека, как и Дэниел, — не человек. Чувство негодования захлестнуло Глэдию, которая все-таки оставалась солярианкой: как смеет робот поднимать руку на человека! Пусть женщина-робот каким-то образом узнала, что такое Дэниел, — но как она посмела ударить Д. Ж.?

Глэдия с воплем бросилась вперед. Ей и в голову не пришло бояться робота только потому, что он сбил с ног сильного мужчину и даже более сильного робота.

— Как ты смеешь? — завопила она с грубым солярианским акцентом, который даже ее резанул по ушам. Но как еще говорить с солярианским роботом? — Как ты смеешь, девка? Немедленно прекрати сопротивление!

Мускулы женщины, казалось, расслабились полностью, и одновременно ее словно током ударило. Ее прекрасные глаза посмотрели на Глэдию без человеческого выражения.

— Простите, мадам, — безжизненным голосом произнесла она.

Дэниел уже стоял и бдительно смотрел на ле-

жавшую в траве женщину. Д. Ж., сдерживая стон, пытался встать.

Дэниел наклонился было за оружием, по Глэдия яростным жестом отогнала его.

— Дай мне оружие, девка!

— Слушаюсь, мадам.

Женщина подняла оружие и протянула Глэдии, Та схватила его и протянула бластер Дэниелу:

— Уничтожь ее, Дэниел, если понадобится. Это приказ!

Нейронный хлыст она отдала Д. Ж.

— Он опасен только для вас и для меня. С вами все в порядке?

— Нет, не все, — пробормотал Д. Ж., потирая бедро. — Вы хотите сказать, что она робот?

— А разве женщина могла бы так ударить вас?

— Те, которых я встречал, — нет. Я же говорил, что здесь должны быть роботы, которых специально запрограммировали, чтобы они были опасными.

— Говорили, — зло сказала Глэдия, — но как только увидели нечто похожее на свой идеал красавицы, сразу все забыли.

— Легко рассуждать постфактум.

Глэдия фыркнула и снова повернулась к роботу:

— Как твое имя, девка?

— Я зовусь Ландари, мадам.

— Встань, Ландари.

Ландари вскочила, словно на пружинах. Так не сумел бы даже Дэниел. Казалось, ее стычка с Дэниелом, не причинила ей никакого вреда.

— Почему вопреки Первому Закону ты напала, на этих людей?

— Мадам, — твердо сказала Ландари, — они не люди.

— Может, ты скажешь, что и я не человек?

— Нет, мадам, вы человек.

— Тогда я как человек заявляю: эти двое — люди. Ты слышишь?

— Мадам, — сказала Ландари чуть тише, — они не люди.

— Они люди, говорю. Тебе запрещено нападать на них или вредить каким бы то ни было образом.

Ландари молчала.

— Ты понимаешь, что я сказала? — Глэдия повысила голос, и он стал еще более солярианским.

— Мадам, — повторила Ландари, — они не люди.

— Мадам, — тихо сказал Дэниел, — она получила такие строгие приказы, что вам нелегко будет

переубедить ее.

— Посмотрим, — сказала Глэдия.

Ландари оглянулась. Группа роботов за это время подошла ближе к Глэдии и ее спутникам. Вдалеке появились два робота, которых, как показалось Глэдии, не было среди роботов в саду. Они несли какой-то длинный, массивный и, видимо, очень тяжелый прибор.

Ландари махнула им рукой и они пошли быстрее.

— Роботы, стоп! — крикнула Глэдия. Они остановились.

— Мадам, я выполняю свои обязанности, — сказала Ландари. — Я следую инструкциям.

— Твои обязанности, девка, повиноваться моим приказам!

— Мне нельзя приказывать не повиноваться инструкции.

— Дэниел, сожги ее! — приказала Глэдия.

Только потом Глэдия поняла, что произошло. Реакция Дэниела была быстрее человеческой, и он знал, что перед ним робот, на которого Три Закона не распространялись. Однако Ландари была так похожа на человека, что он не смог сразу преодолеть замешательство. Поэтому он выполнил приказ медленнее, чем должен был.

Ландари, чье определение «человека» явно не соответствовало определению Дэниела, напала быстрее: ее не обманула его внешность.

Она схватила его за руку, державшую бластер, и они снова начали бороться.

Д. Ж. подбежал к Ландари и ударил ее по голове рукояткой нейронного хлыста, но это не произвело на робота ровно никакого впечатления, зато Д. Ж. от пинка Ландари отлетел назад.

— Робот, стоп! — крикнула Глэдия, подняв вверх сжатые кулаки.

— Все ко мне! — закричала Ландари зычным контральто. — Двое, похожие на мужчин, не люди! Уничтожьте их, но ни в коем случае не повредите женщине!

Если Дэниела смутила внешность робота, то простые солярианские роботы смутились еще больше и двинулись вперед медленно и неуверенно.

— Стоп! — взвизгнула Глэдия.

Роботы остановились, но на Ландари этот приказ не подействовал.

Крепко сжимая бластер, Дэниел изогнулся под напором явно превосходящей силы Ландари.

Глэдия растерянно оглянулась, ища хоть какое-нибудь оружие.

Д. Ж. попытался включить рацию.

— Не работает, — проворчал он. — Я, видимо, разбил ее.

— Что нам делать?

— Бежать к кораблю. Быстрее!

— Тогда бегите, а я не могу бросить Дэниела, Глэдия подскочила к дравшимся роботам.

— Ландари, стоп!

— Я не могу остановиться, мадам. У меня точные инструкции.

Пальцы Дэниела разжались, и бластер снова оказался у Ландари.

Глэдия заслонила собой Дэниела.

— Ты не можешь нанести вред человеку!

— Мадам, — сказала Ландари. — Вы прикрываете собой того, кто похож на человека, но не человек. — Она решительно направила бластер на Глэдию. — Мне приказано убивать таких, — и громко крикнула: — Носильщики, к кораблю!

— Роботы, стоп! — заорала Глэдия.

Все замерло. Казалось, роботы хотели сдвинуться с места, но не могли.

— Ты не можешь уничтожить моего друга-человека Дэниела, не уничтожив меня, а ты сама признала, что я человек, и, следовательно, мне нельзя вредить.

— Миледи, вы не должны подвергать себя опасности, защищая меня, — тихо произнес Дэниел.

— Это бесполезно, мадам, — сказала Ландари. — Я могу отодвинуть вас в сторону, а затем уничтожить нечеловека, стоящего у вас за спиной. Поскольку это может повредить вам, я почтительно прошу вас отойти добровольно.

— Отойдите, миледи, — попросил Дэниел.

— Нет, Дэниел, я останусь. Как только она прикоснется ко мне, беги.

— Я не могу бежать быстрее заряда бластера, и, если я попытаюсь бежать, она скорее выстрелит сквозь вас, нежели откажется от выстрела. Видимо, ей даны очень строгие инструкции. Мне жаль, миледи, что это принесет вам горе.

Дэниел поднял сопротивляющуюся Глэдию и слегка оттолкнул в сторону.

Палец Ландари лежал на кнопке бластера, но не нажимал. Ландари стояла неподвижно.

Глэдия, севшая от толчка Дэниела, вскочила. Д. Ж. осторожно подошел к Ландари. Дэниел спокойно протянул руку и вытащил бластер из безжизненных пальцев.

— Я думаю, — сказал он, — что этот робот окончательно дезактивирован.

Он слегка толкнул Ландари, и та упала в той же

позе, в которой стояла: руки согнуты, одна рука держала невидимый бластер, палец нажимал на невидимую кнопку.

Из-за деревьев вышел Жискар. Его блестящее лицо не выражало никакого любопытства.

— Что случилось, пока меня не было?

27

Совершенно обессилевшие, они тронулись в обратный путь. Придя в себя, Глэдия почувствовала жару и усталость.

Шли медленно: Д. Ж. двигался с трудом, к тому же два солярианских робота еле тащились со своим тяжелым массивным прибором.

Д. Ж. оглянулся на них:

— Теперь они слушаются меня, когда надзирательница вышла из строя.

— Почему вы не побежали за помощью? — спросила Глэдия сквозь зубы. — Отчего без толку стояли и смотрели?

— Ну, — сказал Д. Ж., — вы отказались оставить Дэниела, и мне вроде бы стыдно было праздновать труса.

Он старался говорить бодро, и это без труда удалось бы ему, если бы он чувствовал себя лучше.

— Вы глупец! Мне ничего не грозило. Она не могла навредить мне.

— Мадам, — сказал Дэниел, — мне очень неприятно противоречить вам, но думаю, она нанесла бы вам вред, поскольку потребность уничтожить меня была сильнее.

Глэдия возмущенно повернулась к нему:

— А ты ловко оттолкнул меня. Ты что, хотел, чтобы тебя уничтожили?

— Это лучше, чем видеть вас покалеченной, мадам. Меня сбила с толку внешность робота, я не сумел остановить его и тем самым продемонстрировал вам неудовлетворительные границы своей полезности.

— Но ведь она долго не решалась стрелять в меня, поскольку я человек, и ты мог бы за это время вырвать у нее бластер.

— Я не мог рисковать вашей жизнью, мадам, поскольку не был уверен, что она не решится стрелять.

— А вы, — обратилась Глэдия к Д. Ж., никак не отреагировав на слова Дэниела, — не должны были брать с собой бластер.

Д.Ж. нахмурился.

— Мадам, я предполагал, что мы можем попасть в переплет. Роботы об этом не подумали,

а я в какой-то мере привык всегда быть настороже. Однако для вас это оказалось неприятной неожиданностью, и вы ведете себя по-детски. Я прощаю вас. А теперь послушайте, пожалуйста. Я никак не мог предполагать, что бластер у меня так легко отнимут. Но если бы я не взял с собой оружие, надзирательница убила бы меня голыми руками так же быстро, как бластером. Вы спросили, почему я не убежал. Да потому что от бластера не убежишь. А теперь продолжайте, пожалуйста, если хотите, но я больше не намерен с вами препираться.

Глэдия перевела взгляд на Дэниела, потом снова посмотрела на Д. Ж. и тихо сказала:

— Полагаю, что вела себя неразумно. Прекрасно, не будем больше к этому возвращаться.

Они подошли к кораблю. Команда высыпала им навстречу. Глэдия заметила, что все вооружены. Д. Ж. поманил пальцем помощника:

— Озер, видите предмет, который несут два робота?

— Да, сэр.

— Так вот, пусть они отнесут его на корабль. Положите его в надежнее место и заприте. — Бейли быстро оглянулся. — Когда это будет сделано, будем готовиться к отлету.

— Капитан, а роботов тоже оставим на корабле?

— Нет, они слишком примитивны, к тому же, если ты их заберешь в данных обстоятельствах, это может иметь нежелательные последствия. Прибор, который они несут, куда ценнее их.

Жискар смотрел, как предмет медленно и очень осторожно вносили на корабль.

— Капитан, я предполагаю, что это очень опасная штука.

— Мне тоже так кажется, — ответил Д. Ж. — Я думаю, что наш корабль был бы уничтожен вскоре после посадки.

— Этой штукой? — спросила Глэдия. — Что это такое?

— Точно не скажу, но думаю, что ядерный усилитель. Я видел экспериментальную модель в Бейлимире, а этот похож на нее, как старший брат.

— Что такое ядерный усилитель?

— Само название говорит, леди Глэдия, что это прибор, усиливающий ядерный распад.

— Как?

— Я не физик, миледи, — пожал плечами Диджи. — Тут участвуют пучки W-частиц, они являются передатчиками слабых взаимодей-

ствий внутри атомов. Вот все, что мне известно.

— И как он действует? — спросила Глэдия.

— Предположим, что силовая установка такова, какова она сейчас. Из емкости с топливом в нее попадает источник энергии — водород, имеющий небольшое количество очень горячих протонов, которые сливаются, выделяя энергию. Дополнительные порции водорода постоянно подогреваются для образования свободных протонов, которые, когда достаточно горячи, также сливаются, выделяя энергию. Если пучок W-частиц из ядерного усилителя сталкивается со сливающимися протонами, они начинают сливаться быстрее и выделять больше тепла. Это тепло порождает новые протоны и побуждает их сливаться быстрее, чем полагается естественным путем, и в этом процессе выделяется еще больше тепла, поддерживающего зловещий цикл. За крошечную долю секунды в реакцию вступает такое количество топлива, которого достаточно для образования небольшой термоядерной бомбы, а корабль и все в нем просто испаряется.

Глэдия встревожилась.

— Но почему не вспыхивает все? Почему не взрывается сама планета?

— Полагаю, такой опасности не существует,

миледи. Протоны должны быть горячими и сливающимися. Холодные протоны настолько неспособны к слиянию, что даже когда подобное устройство запускается на полную мощность, побуждая их к ядерной реакции, этого все равно оказывается недостаточно. Так, по крайней мере, говорилось на лекции, на которой мне довелось присутствовать. Насколько мне известно, усилитель действует только на водород, и даже в случае сверхгорячих протонов количество выделяющегося тепла не бесконечно. При удалении от пучка усилителя температура сильно снижается, поэтому усиление слияния протонов невелико. Разумеется, оно достаточно, чтобы уничтожить корабль, но взорвать, к примеру, богатый водородом океан невозможно, даже если часть его сверхгоряча — и уж тем более, холодный.

— А если этот аппарат сам собой включится в отсеке?

— Я не думаю, что он может включиться. — Д. Ж. разжал кулак и показал двухсантиметровый блестящий металлический кубик. — Хотя я и мало знаю о таких вещах, но похоже, что это активатор. Без него ядерный усилитель не работает.

— Вы уверены?

— Не вполне, но придется рискнуть, потому что

я должен привезти эту штуку в Бейлимир. Ну, пошли на корабль.

Глэдия и ее роботы поднялись по трапу на корабль. Д. Ж. шел следом, коротко переговариваясь с кем-то из офицеров. Затем он сказал Глэдии:

— Размещение этого прибора и подготовка к полету займут часа два, а каждая минута увеличивает опасность.

— Опасность?

— Вы думаете, красавица-робот и наш трофейный усилитель единственные на Солярии? Я полагаю, что рано или поздно здесь появится другой гуманоидный робот и другой прибор. Нам нужно выиграть время. А пока, мадам, пойдемтека в вашу каюту и займемся одним необходимым делом.

— Каким, капитан?

— Поскольку я чуть не пал жертвой предательства, — сказал Д. Ж., подталкивая ее вперед, — думаю что следует провести военно-полевой суд.

28

Д. Ж. уселся и тяжело вздохнул:

— Мне бы сейчас горячий душ, хорошенько помыться, да закусить, да вздремнуть — но все

это только после того, как мы взлетим. Вам тоже придется подождать, мадам. Но кое-что ждать не может, например, мои вопросы. Жискар, где вы были, когда нас чуть не прикончили?

— Капитан, — ответил Жискар, — я не думал, что на планете, где остались одни роботы, они могут представлять какую-то опасность. Кроме того, с вами остался Дэниел.

— Капитан, — сказал Дэниел, — мы решили, что Жискар произведет разведку, а я останусь с мадам Глэдией и с вами.

— Вы решили! А с кем вы посоветовались?

— Ни с кем, капитан, — ответил Жискар.

— Если вы были уверены, что роботы безопасны, то как вы объясните гибель двух кораблей?

— Мне казалось, капитан, что на планете должны были остаться люди… они стараются не попасться на глаза. Я хотел знать, где они и что делают. Я искал их, расспрашивал роботов.

— И не нашли?

— Нет, капитан.

— Вы осматривали дом, из которого появилась надзирательница?

— Нет, капитан, но я был уверен, что людей там нет. Я и сейчас уверен.

— Но там была надзирательница.

— Да, капитан, но она робот.

— Опасный робот.

— К сожалению, я не знал этого, капитан.

— Вы можете чувствовать сожаление?

— Я выбрал это выражение для описания эффекта в моих позитронных проводниках. Это грубая аналогия того, что, похоже, испытывают люди, капитан.

— Как же вы не сообразили, что робот может быть опасным?

— Три Закона роботехники…

— Прекратите, капитан, — вмешалась Глэдия. — Жискар знает только то, на что запрограммирован. Ни один робот не опасен для человека. Вот если люди ссорятся, а робот, как положено, пытается их остановить — другое дело. Тогда Дэниел и Жискар станут защищать нас, стараясь при этом нанести минимальный вред другим.

— Вот как? — Д. Ж. пощупал двумя пальцами свою переносицу. — Дэниел действительно защищал нас. На нас напал робот, а не человек, и ему не пришлось решать, кого и как защищать. Однако он не преуспел в этом, хотя Три Закона не запрещали ему нанести повреждения роботу. Жискара же вообще не было, он появился как раз в тот момент, когда все уже кончилось. А может,

роботы некоторым образом симпатизируют друг другу? Может быть, роботы, защищая людей от роботов, испытывают то, что Жискар назвал сожалением? А может быть, наша неудача или их отсутствие…

— Нет! — взорвалась Глэдия.

— Нет? Между прочим, я не считаю себя знатоком роботехники, леди Глэдия. А вы?

— Я не роботехник, но всю жизнь прожила с роботами бок о бок. Ваши предположения смехотворны. Дэниел был готов отдать жизнь за меня, и Жискар сделал бы то же.

— И так сделал бы любой робот?

— Конечно.

— Однако эта Ландари готова была убить меня. Допустим, она каким-то образом определила, что Дэниел такой же робот, как и она, запрет на него не распространяется. Но я-то человек. Почему же она напала на меня? Насчет вас она колебалась, но в конце концов признала в вас человека. Как она отличила нас? Может, она все-таки не робот?

— Робот, — сказала Глэдия. — Но я, честно говоря, не знаю, почему она так действовала. Я никогда не слышала о таком. Я могу только предположить, что соляриане, научившись конструировать человекоподобных роботов, создали

их без защиты Трех Законов, но я бы поклялась, что из всех космонитов солярианне менее всего способны на это. У солярианн огромное количество роботов, они полностью зависят от роботов — куда больше, чем другие космониты — и поэтому больше боятся их. В солярианских роботов встроена покорность и даже туповатость. Три Закона на Солярии сильнее, чем где бы то ни было. Но объяснить по-другому, почему Ландари нарушила Первый Закон, я не могу.

— Мадам Глэдия, — сказал Дэниел, — извините, что вмешиваюсь, но не позволите ли мне попробовать объяснить поведение надзирательницы?

— Так и должно быть, — язвительно заметил Д. Ж. — Только робот может объяснить поведение робота.

— Сэр, — сказал Дэниел, — пока мы не поняли поведения надзирательницы, мы не можем принять необходимые меры против солярианской опасности в дальнейшем. Я уверен, что могу объяснить ее поведение.

— Валяйте, — сказал Д. Ж.

— Надзирательница, — начал Дэниел, — не сразу предприняла действия против нас. Она стояла и ждала, видимо, не зная, что делать. Когда вы, капитан, подошли к ней и заговорили,

она заявила, что вы не человек, и тут же напала на вас. Когда я вмешался, она объявила, что и я не человек, и тоже сразу же напала. Когда же мадам Глэдия вышла вперед и закричала на нее, надзирательница признала в ней человека и позволила командовать собой.

— Да, я помню, Дэниел. Но что это значит?

— Мне кажется, капитан, что можно кардинально изменить поведение робота, не трогая Трех Законов, если изменить определение «человека». В конце концов, человек — это существо, которое принято считать человеком.

— Вот как? А как вы определяете человека?

Дэниела не смущало присутствие или отсутствие сарказма в словах Д. Ж.

— В мою конструкцию вложено детальное описание внешности и поведения человека, капитан. Всякий, кто подходит под это описание, для меня человек. Таким образом, у вас внешность и поведение человека, а у надзирательницы только внешность, но не поведение. У надзирательницы же ключ к определению человека — речь, капитан. Солярианский акцент весьма своеобразен, и из всех существ, похожих на человека, надзирательница считает человеком лишь того, кто говорит по-соляриански. По-видимому, всякий,

кто выглядит человеком, но не говорит по-соляриански, подлежит уничтожению без колебаний, равно как и корабль, привезший такое существо.

— Наверное, вы правы, — задумчиво сказал Д. Ж.

— У вас, капитан, акцент поселенца. Он сильно отличается от соляриан с кого. Как только вы заговорили, надзирательница решила, что вы не человек. Она объявила об этом и напала на вас.

— А вы говорили с аврорианским акцентом, и все же она вас атаковала.

— Да, капитан. Но леди Глэдия говорила с подлинным солярианским акцентом и была признана человеком.

Д. Ж. помолчал, обдумывая услышанное, и сказал:

— Это опасное устройство даже для тех, кто должен был пользоваться им. Если солярианин почему-то обратится к такому роботу так, что робот не усмотрит подлинного акцента, этот солярианин немедленно будет убит. На месте солярианина я не подошел бы к такому роботу. При всем моем старании говорить на чистом солярианском, я мог бы сбиться и тут же был бы убит.

— Согласен, капитан. Я думаю, именно поэтому те, кто производит роботов, обычно не огра-

ничивают определение человека, а наоборот, расширяют, насколько возможно. Но соляриане оставили планету. Тот факт, что надзирательница над роботами имеет такую опасную программу, лучшее доказательство того, что соляриане действительно ушли и уже не встретятся с опасностью. Соляриане в данный момент имеют отношение лишь к тому, чтобы ни один несолярианин не ступил на планету.

— Даже другие космониты?

— Я полагаю, капитан, что было бы трудно определить человеческое существо, включив в его описание десятки различных космонитских акцептов и исключив множество поселенческих. Определение только по одному солярианскому и то достаточно сложно.

— Вы очень умны, Дэниел, — сказал Д. Ж. — Я не одобряю роботов, конечно, не их самих, а их влияние на общество — однако быть рядом с роботом вроде вас, как когда-то Предок…

— Боюсь, что ничего не выйдет, Диджи, — вмешалась Глэдия. — Дэниел никогда не будет ни продан, ни подарен, а силой его взять нелегко.

Д. Ж. с улыбкой поднял руки.

— Я просто помечтал, леди Глэдия. Уверяю вас, законы Бейлимира делают для меня немысли-

мым обладание роботом.

— Не позволите ли мне добавить несколько слов? — неожиданно заговорил Жискар.

— А, робот, который ухитрился избежать участия в происходящем и вернулся, когда все было кончено!

— Мне жаль, что все выглядело так, как вы утверждаете. Может быть, вы разрешите мне добавить несколько слов?

— Ладно, давайте.

— Похоже, капитан, что ваше решение взять с собой в экспедицию леди Глэдию оказалось благоразумным. Не будь ее, вас всех перебили бы, а корабль уничтожили. Только способность леди Глэдии говорить по-соляриански и ее мужество при встрече с надзирательницей изменили исход события.

— Это не совсем так, — возразил Д. Ж. — Мы все были бы убиты, возможно, даже леди Глэдия, если бы надзирательница случайно не дезактивировалась.

— Это не случайность, капитан, — сказал Жискар, — и так не бывает, чтобы робот сам собой вдруг дезактивировался. Была причина. Как мне рассказывал друг Дэниел, леди Глэдия приказала надзирательнице прекратить действия, но у той

были очень строгие инструкции. Однако действия леди Глэдии смутили надзирательницу. Тот факт, что леди Глэдия, даже по определению надзирательницы, бесспорно была человеком и действовала так, что могла вынудить надзирательницу повредить ей, а то и убить ее, еще больше дезактивировало робота. Таким образом, в критический момент два противоположных требования — уничтожить нелюдей и удержаться от нанесения вреда человеку — уравновесились, и робот застыл, неспособный ни к каким действиям вообще. Его контуры сгорели.

Глэдия рассеянно нахмурилась.

— Но… — начала она.

— Я подумал, — продолжал Жискар, — что вы вполне могли бы информировать команду об этом. Их недоверие к леди Глэдии ослабеет, если вы подчеркнете, что члены экипажа остались живы лишь благодаря ее инициативе и храбрости. Это заставит их думать, что вы были весьма прозорливы, взяв ее с собой, возможно, даже вопреки советам ваших офицеров.

Д. Ж. громко захохотал:

— Леди Глэдия, теперь я понимаю, почему вы никогда не расстаетесь с этими роботами. Они не только умны, как люди, но еще и дьявольски хит-

ры. Поздравляю вас. Теперь, если не возражаете, я пойду потороплю команду. Я не хочу оставаться на Солярии дольше, чем это необходимо, и обещаю не беспокоить вас несколько часов. Я знаю, что вы нуждаетесь в отдыхе не меньше меня.

Когда он ушел, Глэдия некоторое время размышляла, затем повернулась к Жискару и сказала на обычном аврорианском диалекте галактического стандартного, который был распространен на Авроре и который чужаки понимали с трудом:

— Жискар, что за вздор ты нес насчет сгоревших контуров?

— Миледи, я высказал предположение, и только. Я считаю, что это подчеркнет вашу роль в том, что надзирательницы не стало.

— Но как ты мог подумать, что он поверит, будто робот так легко может выйти из строя?

— Он мало что знает о роботах, мадам. Он может торговать ими, но в его мире они не используются.

— Но я-то знаю о них очень много, как и ты. Кстати, у надзирательницы не было никаких признаков нарушения работы схемы: ни заикания, ни дрожи, ни неадекватного поведения. Она просто остановилась.

— Мадам, поскольку мы не знаем специфики конструкции надзирательницы, мы можем удовольствоваться этим рациональным объяснением.

Глэдия покачала головой:

— Все равно это очень странно.

Часть третья
Бейлимир
Глава восьмая
Поселенческий мир
29

Корабль Д. Ж. снова был в космосе, в вечном, неизменном, бесконечном вакууме.

Он взлетел не слишком скоро, по мнению Глэдии, которая плохо переносила напряженность ожидания возможного появления другой надзирательницы с другим усилителем. Тот факт, что смерть в этом случае была бы быстрой, как-то ее не удовлетворял. Только после взлета, когда раздалось мягкое шипение протонных струй, она успокоилась и решила лечь спать. Засыпая, она думала: как странно, что в космосе она чувствует себя в большей безопасности, чем в мире своей юности, который во второй раз оставляет с большим облегчением, чем в первый.

Нет, Солярия уже не была миром ее юности, она стала планетой без человечества, которую охраняли жалкие пародии на людей, гуманоидные роботы — насмешка над ласковым Дэниелом и

рассудительным Жискаром.

Наконец она уснула, и Дэниел и Жискар, стоявшие на страже, снова могли поговорить друг с другом.

— Друг Жискар, я почти уверен, что это ты уничтожил надзирательницу.

— Выбора не было, друг Дэниел. Это была чистая случайность, что я появился вовремя, потому что все мои чувства были заняты поисками людей, но я никого не находил. Я бы не понял важности происходящего, если бы не ярость и отчаяние леди Глэдии. Я почувствовал это на расстоянии и прибежал как раз кстати. В этом смысле леди Глэдия действительно спасла положение, во всяком случае, что касалось существования капитана и твоего. Я мог бы еще спасти корабль, даже если бы не успел уберечь вас. — Он помолчал. — Но я нашел бы это крайне неудовлетворительным, друг Дэниел.

— Я благодарю тебя, друг Жискар, — серьезно и торжественно произнес Дэниел. — Я рад, что тебя не смутила человеческая наружность надзирательницы. Это замедлило мои реакции, так же, как моя внешность смутила ее.

— Друг Дэниел, ее физический облик для меня ничего не значил, потому что я рассмотрел

рисунок ее мыслей. Он был так ограничен и так резко отличался от человеческого, что мне не пришлось делать никакого усилия, чтобы узнать в ней робота. Определение ее как нечеловека было таким ясным, что я сразу отреагировал. В сущности, я не сознавал своих действий, пока не произвел их.

— Я так и думал, друг Жискар, но хотел подтверждения, что не ошибся. Значит, ты не чувствовал дискомфорта, когда убивал ту, которая по виду была человеком?

— Нет, поскольку это был робот.

— Мне кажется, что я тоже мог бы убить ее, но страдал бы потом от закупорки позитронных цепей, хотя и понимал бы, что она робот.

— Гуманоидную внешность, друг Дэниел, нельзя не принять во внимание, если приходится судить только по ней. Зрение гораздо более проворно, чем дедукция, а я видел ее внутреннюю структуру и сосредоточился на этом; поэтому мог игнорировать ее физический облик.

— А как, по-твоему, чувствовала бы себя надзирательница, уничтожив нас, если исходить из структуры ее мыслей?

— Она получила исключительно сильные инструкции, и у нее не было сомнения, что ты и

капитан — не люди, по ее определению.

— Но ведь она могла убить и мадам Глэдию.

— В этом мы не можем быть уверены, друг Дэниел.

— А если бы она это сделала, могла бы она пережить это, как ты думаешь?

Жискар долго молчал.

— У меня не было времени изучить рисунок мыслей, — наконец сказал он. — Не могу сказать, каковы были бы ее реакции, если бы она убила мадам Глэдию.

— Я представляю себя на месте надзирательницы, и мне кажется, что я мог бы убить человека ради спасения другого, которого по каким-либо причинам необходимо спасти, — но сделать это было бы трудно, и это нанесло бы мне ущерб. — Голос Дэниела дрогнул. — Но убить человека, чтобы уничтожить тех, кого я считаю нелюдьми, совершенно немыслимо.

— Она просто угрожала. Она не шла дальше угроз.

— А могла бы?

— Откуда нам знать! Мы же не знаем, какие инструкции она получила.

— Но разве могут инструкции совершенно отрицать Первый Закон?

— Я вижу, что целью нашего разговора был именно этот вопрос. Я советую тебе не идти дальше, — сказал Жискар.

Дэниел упрямо продолжал:

— Я поставлю его условно. Это не факт, это можно считать фантазией. Если бы инструкции были строго ограничены определениями и условиями, если бы инструкции были даны достаточно подробно и достаточно убедительно, возможно ли убить человека ради цели менее важной, чем спасение другого человека?

— Не знаю, — ответил Жискар шепотом, — но подозреваю, что это возможно.

— Но если твое подозрение справедливо, это означает, что при особый условиях можно нейтрализовать Первый Закон. Значит, и другие Законы могут быть изменены и даже отменены. Следовательно, Законы, в том числе Первый, не абсолютны, а являются такими, какими должны быть по мнению создателей роботов.

— Хватит, друг Дэниел, не продолжай.

— Еще один шаг, друг Жискар. Партнер Элайдж обязательно сделал бы этот добавочный шаг.

— Он был человеком. Он мог.

— Я должен попытаться. Если Законы робототехники, даже Первый, не абсолютны, и если

люди могут модифицировать их, не окажется ли возможным, что и мы в подходящих условиях можем лю…

Он замолчал.

— Не надо, — слабо сказал Жискар.

— Не буду, — сказал Дэниел изменившимся голосом.

Они надолго замолчали. Их позитронные пути с трудом преодолевали наступивший беспорядок. Наконец Дэниел сказал:

— Возникают другие соображения. Надзирательница была опасна не только из-за полученных ею инструкций, но и из-за своей внешности, которая могла сбить с толку и обмануть любого человека, как я невольно обманул матроса первого класса Нисса. Он явно не знал тогда, что я робот.

— И что из этого следует?

— На Авроре в Институте роботехники было сконструировано множество человекоподобных роботов под руководством доктора Амадейро и по чертежам доктора Фастольфа.

— Это общеизвестно.

— Что произошло с этими роботами?

— Проект провалился.

— Это общеизвестно, — в свою очередь сказал

Дэниел, — но это не ответ. Что случилось с гуманоидными роботами?

— Можно предположить, что их уничтожили.

— Такое предположение не обязательно правильно. Были ли они на самом деле уничтожены?

— Это было бы самое разумное. Что еще делать при провале?

— Почему мы полагаем, что роботы не удались? Ведь кроме того что они исчезли, мы ничего не знаем.

— Разве недостаточно того, что их убрали с глаз и уничтожили?

— Я не сказал «уничтожили», друг Жискар. Этого мы как раз и не знаем. Мы знаем только, что они исчезли.

— Зачем же их просто убирать, если они не годны?

— А если они годны, то нет ли причины убирать их с глаз долой?

— Думаю, что нет.

— Подумай еще, друг Жискар. Вспомни, что мы говорили о человекоподобных роботах, которые, как мы теперь думаем, могут быть опасны именно потому, что человекоподобны. Во время нашей предыдущей беседы нам казалось, что на

Авроре готовится план разгрома поселенцев. Мы решили, что цель этого плана — уничтожение Земли. Я прав?

— Да, друг Дэниел.

— Тогда не может ли быть, что в центре этого плана — доктор Амадейро? Его неприязнь к Земле не уменьшилась за эти два столетия. Если доктор Амадейро сконструировал множество гуманоидных роботов — куда их могли послать, когда они исчезли из виду? Не забудь, что если солярианские роботехники исказили Три Закона, то аврориане могли сделать то же самое.

— Ты хочешь сказать, что человекоподобные роботы были посланы на Землю?

— Именно. Чтобы обмануть землян их человеческой внешностью и дать возможность доктору Амадейро нанести удар по Земле.

— У тебя нет доказательств.

— Однако это возможно. Подумай сам.

— Если это так, мы должны лететь на Землю и каким-нибудь образом предупредить несчастье.

— Именно так.

— Но мы не можем лететь, если не полетит леди Глэдия, а это вряд ли случится.

— Если ты сможешь повлиять на капитана, чтобы он повел этот корабль к Земле, у мадам

Глэдии не будет выбора.

— Я не могу это сделать, не повредив ему, — сказал Жискар. — Он твердо решил ехать домой, в Бейлимир. Мы должны устроить, если удастся, его путешествие на Землю после того, как он выполнит свою задачу в Бейлимире.

— Но тогда может быть уже поздно.

— Ничем не могу помочь. Я не могу повредить человеку.

— Если будет поздно... Друг Жискар, подумай, что это может значить.

— Я не могу думать, что это может значить. Я знаю только, что не могу навредить человеку.

— Значит, Первого Закона недостаточно, и мы должны...

Дэниел не мог продолжать, и оба робота беспомощно умолкли.

30

По мере приближения корабля к Бейлимиру планета становилась все заметнее. Глэдия напряженно разглядывала ее на экране в своей каюте.

Когда Глэдия узнала, куда предстоит лететь, она запротестовала, но Д. Ж. только пожал плечами и чуть заметно улыбнулся.

— Что вы хотите, миледи? Я же должен притащить оружие вашего народа своему народу. — Он слегка подчеркнул слово «вашего». — А кроме того я должен отчитаться.

— Совет Авроры дал вам разрешение взять меня на Солярию при условии, что вы привезете меня обратно, — холодно сказала Глэдия.

— На самом деле это не совсем так, миледи. Состоялись неофициальные переговоры, но ничего не было записано, и официального согласия не было.

— Я, как и любой цивилизованный человек, стала бы соблюдать и неофициальную договоренность, Диджи.

— Не сомневаюсь, но для нас, торговцев, существуют только деньги и подписи на законных документах. Ни при каких обстоятельствах я не нарушил бы контракт и никогда не отказался бы сделать то, за что мне заплатили.

Глэдия вздернула подбородок.

— Вы намекаете, что я должна заплатить вам за возвращение домой?

— Мадам!

— Бросьте, Диджи, не прикидывайтесь. Скажите прямо, что меня будут держать пленницей на вашей планете, и объясните почему. Растолкуйте

мне мое положение.

— Вы не моя пленница и не будете ею. Я отнесусь с уважением к этой негласной договоренности. Я отвезу вас домой… со временем. Но сейчас я должен ехать в Бейлимир, и вы должны ехать со мной.

— А почему я должна ехать с вами?

— Люди моего мира хотят увидеть вас. Вы — героиня Солярии, вы спасли нас. Вы не можете лишить их возможности орать до хрипоты при виде вас. Тем более что вы были добрым другом Предка.

— Что они знают об этом? — резко спросила Глэдия.

Д. Ж. ухмыльнулся.

— Ничего, что порочило бы вас, уверяю. Вы — легенда, а легенды больше жизни, хотя я допускаю, что легендарной Глэдии легко было перерасти вас, миледи, и стать много благороднее. В обычных условиях я не хотел бы видеть вас на нашей планете, потому что вы могли бы не оказаться достойной легенды: у вас не хватает роста, красоты и величественности. Но когда история на Солярии станет известной всем, вы сразу обретете необходимые качества. Вас могут даже не пожелать отпустить. Не забудьте, что вы

будете в Бейлимире, на планете, где к истории Предка относятся серьезнее, чем на любой другой, а вы — часть этой истории.

— Это не причина, чтобы держать меня в тюрьме.

— Я обещаю, что этого не будет. Я обещаю отвезти вас домой, когда смогу.

Глэдия успокоилась, хотя чувствовала, что вправе возмущаться. Ей и в самом деле хотелось увидеть этот Поселенческий мир, необычный мир Элайджа Бейли. Этот мир основал его сын, а Элайдж провел там последние годы жизни, и что-то там осталось от него — название планеты, его потомки, легенда о нем…

Она смотрела на планету и думала об Элайдже.

31

Понаблюдав немного, Глэдия с досадой оставила это занятие: сквозь слой облаков, покрывавших планету, почти ничего не было видно. Через несколько часов они, вероятно, приземлятся.

Вспыхнул световой сигнал. Глэдия нажала кнопку «Подождите». Выждав несколько секунд, она нажала кнопку «Войдите».

Вошел улыбающийся Диджи.

— Я не вовремя, миледи?

— Нет, — ответила Глэдия, — просто надо было надеть перчатки и вставить носовые фильтры. Я думала, что буду носить их все время, но это утомляет, к тому же я почему-то стала меньше бояться инфекции.

— Фамильярность рождает презрение, миледи.

— Давайте не будем называть это презрением, — сказала Глэдия и неожиданно для себя улыбнулась.

— Спасибо, — сказал Д. Ж. — Мы скоро приземлимся, мадам, и я принес вам комбинезон. Он тщательно простерилизован и находится в пластиковом пакете, так что его не касались руки поселенцев. Надевается он просто и закрывает человека целиком, кроме глаз и носа.

— Специально для меня, Диджи?

— Нет, миледи. Мы все носим такие комбинезоны на улице в это время года. Сейчас у нас зима, холодно. Мы живем на довольно холодной планете — тяжелый облачный слой, много осадков, часто идет снег.

— Даже в тропиках?

— Нет. Там жарко и сухо. Однако основная часть населения живет в более холодных регионах. И мы тоже. В морях развели формы жизни с: Земли,

и рыба и другая живность плодится в изобилии. Следовательно, у нас нет недостатка в пище, хотя количество сельскохозяйственной площади ограничено, и мы никогда не станем хлебной корзиной Галактики. Лето короткое, но жаркое, на пляжах много народу, хотя вам это может показаться непривычным, поскольку нагота у вас — строгое табу.

— Странный климат.

— Дело в распределении воды и суши, в планетной орбите, которая чуть более эксцентрична, чем другие, и еще кое в чем. Откровенно говоря, меня это не волнует. — Д. Ж. пожал плечами. — Мои интересы лежат в другой области.

— Вы торговец. Вероятно, вы не часто бываете на своей планете.

— Это верно, но я стал торговцем не потому, что хотел отсюда сбежать, Мне здесь нравится, но я, наверное, любил бы этот мир меньше, если бы проводил здесь больше времени. На мой взгляд, суровые условия Бейлимира служат важной цели. Они поощряют торговлю. Жители Бейлимира бороздят океаны, добывая пищу, и есть некоторое сходство между плаванием по морям и в космосе. Я бы сказал, добрая треть всех торговцев, работающих на космических линиях, — народ Бейли.

— Вы, кажется, в полуманиакальном состоянии, Диджи.

— Я? Я думаю, что как раз сейчас я в хорошем расположении духа, У меня есть на то причины. И у вас тоже.

— Да?

— Разве это не очевидно? Мы ушли с Солярии живыми. Мы точно знаем, в чем состоит солярианская опасность. Мы добыли необычайное оружие, которое заинтересует наших военных. Вы будете героиней Бейлимира. Наше правительство уже знает, что произошло, и жаждет приветствовать вас. Вы героиня этого корабля. Почти каждый на борту хотел принести вам этот комбинезон. Все стремятся быть рядом с вами и, так сказать, купаться в вашей ауре.

— Полная перемена, — сухо заметила Глэдия.

— Абсолютно. Нисс, которого Дэниел наказал…

— Я помню.

— Он хочет просить у вас прощения и привести своих четверых товарищей, чтобы они могли тоже извиниться и в вашем присутствии дать пинка тому, кто делал неприличные намеки. Нисс неплохой парень.

— Я уверена в этом. Передайте ему, что он прощен, а инцидент забыт. Если вы все уладите, то я…

я пожму руку ему, а может, и некоторым другим, прежде чем мы высадимся. Но только велите им не толпиться вокруг меня.

— Я понимаю, но не могу гарантировать, что вокруг вас не будет столпотворения в Бейлитауне — столице Бейлимира. Нельзя удержать правительственных чиновников, стремящихся получить политическую выгоду от встречи с вами.

— «Иосафат!» — как говорил ваш Предок когда-то.

— Не говорите так, когда высадимся, мадам. Это выражение принадлежит ему. Считается дурным тоном, если так выразится кто-то другой. Так вот, будут речи, приветствия и всякие несущественные формальности. Извините, мадам.

— Я могла бы обойтись без этого, но полагаю, избежать этого нельзя?

— Нельзя, миледи.

— Долго это будет продолжаться?

— Пока они не устанут. Наверное, несколько дней, но могут быть варианты.

— Долго мы пробудем на планете?

— Пока я не устану. Простите, мадам, но мне много чего придется сделать: посетить кой-какие места, повидаться с друзьями…

— Любить женщин.

— Увы, и я подвержен человеческим слабостям. — Д.Ж. широко улыбнулся.

— Любой, кроме сентиментальности.

— Это мой недостаток, Я не могу позволить себе быть сентиментальным.

Глэдия улыбнулась.

— Но ведь вы не всегда руководствовались здравым смыслом.

— Я никогда не утверждал этого. Но, даже несмотря на это, я просто должен учитывать тот скучный факт, что мои офицеры и команда хотят повидаться со своими семьями, друзьями, отоспаться и повеселиться. А если хотите учесть чувства неодушевленных предметов, то кораблю нужно, чтобы его отремонтировали, почистили, обновили, заправили и все такое прочее.

— И много времени потребуется на это?

— Кто знает? Может, несколько месяцев.

— А что я буду делать в это время?

— Можете осматривать нашу планету, расширять свой кругозор.

— Но ваша планета — не игровая площадка Галактики.

— Совершенно справедливо, но мы постараемся, чтобы вам было интересно. — Д. Ж. взглянул

на часы. — Еще одно предупреждение, мадам. Не упоминайте о своем возрасте.

— Зачем бы я стала это делать?

— Это может получиться случайно. Вас могут попросить сказать несколько слов, и вы, к примеру, скажете: «За свои двести лет ни одна встреча не доставляла мне столько радости, как встреча с народом Бейлимира». Если вам придет в голову сказать что-нибудь подобное, воздержитесь.

— Воздержусь. В любом случае я не намерена преувеличивать. Но просто из любопытства — почему?

— Просто потому, что им лучше не знать вашего возраста.

— Но ведь они знают его! Они знают, что я была другом вашего Предка, и знают, когда он жил. Может, они предполагают, что я потомок той Глэдии?

— Нет, они знают, кто вы и сколько вам лет, но знают это только умозрительно. — Он постучал себя по лбу. — А кое у кого головы работают, как вы сами замечали.

— Да, замечала. Даже на Авроре.

— Это хорошо. Я бы не хотел, чтобы поселенцы отличались в этом смысле. Ну вот, вы выглядите на… — Д. Ж. оценивающе взглянул на Глэдию. —

Лет на сорок, сорок пять, и именно такой они воспримут вас своими потрохами, в которых у среднего поселенца находится мыслительный механизм, если вы не будете твердить о своем настоящем возрасте.

— А какая разница?

— Видите ли, среднему поселенцу действительно не нужны роботы. Он их не любит и не желает иметь. В этом он отличается от космонита, и это его удовлетворяет. Другое дело долголетие. Четыреста лет значительно больше ста.

— Немногие из нас доживают до четырех столетий.

— И немногие из нас доживают до ста. Мы толкуем о преимуществе короткой жизни: качество важнее количества, быстрая эволюция, все время меняющийся мир. Но людям не хочется жить один век, когда они могли бы жить четыре. Так пусть лучше не думают об этом. Они не часто видят космонитов, у них нет случая погоревать, что космонит выглядит молодым и сильным, будучи вдвое старше самого старого из живых поселенцев. Они увидят это в вас и, если станут думать об этом, будут расстраиваться.

Глэдия с горечью сказала:

— Вам бы хотелось, чтобы я произнесла речь и

сказала, что означают четыре столетия? Чтобы я сказала, на сколько столетий человек переживает весну надежд, и ничего не говорила о друзьях и близких? Чтобы я сказала, как мало значения имеют, дети и семьи, о бесконечной смене мужей и не запоминающихся встречах в промежутках между мужьями и при них, о том, что наступает время, когда уже видел все, что хотел увидеть, и слышал все, что хотел услышать, когда уже невозможно думать о чем-то новом, когда забываешь, что такое волнения и новые открытия, и с каждым годом все больше убеждаешься, какой невыносимой может быть скука?

— Люди Бейлимира не поверят этому. И я вряд ли поверю. Так чувствуют все космониты или только вы?

— С уверенностью могу сказать лишь о моих личных ощущениях. Но я наблюдала, как другие с возрастом тускнеют. Они становятся более угрюмыми, безразличными и ни к чему не стремятся.

— Должно быть, среди космонитов много самоубийц? Я никогда об этом не слышал.

— Их практически нет.

— Но это не вяжется с тем, что вы говорили.

— Подумайте, мы окружены роботами, задача которых — охранять нас от чего бы то ни было.

Мы не можем убить себя, когда рядом всегда бдительные и активные роботы. Я сомневаюсь, что кто-то из нас мог бы даже помыслить о такой попытке. Сама я не думаю об этом хотя бы потому, что не могу перенести мысли о том, что тогда будет с моими домашними роботами, в особенности с Дэниелом и Жискаром.

— Но вы же знаете, что они, в сущности, не живые, у них нет чувств.

Глэдия покачала головой:

— Вы так говорите, потому что никогда не жили с ними. Во всяком случае, вы переоцениваете стремление вашего народа к долголетию. Вы знаете, сколько мне лет, видите, как я выгляжу, однако это не беспокоит вас.

— Потому что я убежден, что Внешние миры выродятся и погибнут, а Поселенческие миры — надежда будущего человечества, и это гарантировано именно краткостью нашего существования. Выслушав то, что вы сказали, и принимая ваши слова за правду, я укрепляюсь в этом убеждении.

— Напрасно вы так уверены. У вас тоже могут возникнуть неразрешимые проблемы, если уже не возникли.

— Это, без сомнений, возможно, миледи, но сей-

час я должен покинуть вас. Корабль готовится к посадке и мне придется с умным видом смотреть на управляющий компьютер, иначе никто не поверит, что я капитан.

Он вышел. Глэдия некоторое время сидела, рассеянно пощипывая пакет, в котором лежал комбинезон.

На Авроре ее жизнь была размеренной и неторопливой: от завтрака до ужина, день за днем, год за годом. Глэдия почти равнодушно думала о единственном оставшемся ей приключении — смерти.

И вот она побывала на Солярии, и ее растревожили воспоминания о прошедшем детстве и канувшем в небытие мире. Спокойствие ее исчезло — возможно, навсегда, — Глэдия оказалась беззащитной перед ужасом продолжавшейся жизни. Что заменит ей пропавшее спокойствие?

Она поймала тускло горящий взгляд Жискара, устремленный на нее, и сказала:

— Помоги мне разобраться в этом, Жискар.

32

Было холодно. Небо затянули серые тучи, в воздухе мелькали снежинки. Кружилась поземка;

далеко за посадочной площадкой Глэдия видела сугробы.

Вокруг корабля поставили барьер, чтобы толпа, собравшаяся со всех сторон, не подходила слишком близко. Люди были одеты в комбинезоны разных фасонов и цветов, казавшиеся надутыми, отчего человечество превратилось в кучу бесформенных предметов с глазами. Лица некоторых были прикрыты прозрачными щитками.

Глэдия прижала руку в варежке к лицу. Ей было тепло, мерз только нос. Комбинезон не только укрывал от холода, но и сам выделял тепло.

Она оглянулась. Дэниел и Жискар стояли рядом, оба в комбинезонах.

Поначалу она протестовала:

— Им не нужны комбинезоны. Они не чувствуют холода.

— Не сомневаюсь, — сказал Д. Ж. — Но вы говорили, что никуда без них не пойдете, и мы не можем допустить, чтобы Дэниел торчал на морозе, как есть. Это будет выглядеть противоестественно. Мы не хотим вызвать враждебность, так явно давая понять, что с вами роботы.

— Но они же знают, что со мной роботы, а лицо выдаст Жискара даже в комбинезоне.

— Знать-то они знают, но могут не подумать об

этом, если их не заставить... Так что давайте не будем заставлять.

Д. Ж. подвел ее к наземному кару с прозрачными стенками и крышей.

— Народ хочет видеть вас, — сказал он и улыбнулся. Глэдия села, Д. Ж. сел рядом.

— Я герой за компанию, — сказал он.

— Это для вас важно?

— О да. Это означает премию для моего экипажа и возможное повышение по службе для меня. Я не хочу пренебрегать такой возможностью.

Дэниел и Жискар сели напротив людей.

Перед ними стоял еще кар, но не прозрачный, и не меньше десятка каров позади.

Толпа разразилась приветственными воплями и дружно замахала руками.

В ответ Д. Ж. тоже поднял руку и с улыбкой подтолкнул плечом Глэдию. Она небрежно помахала. В машине было тепло, нос Глэдии стал отогреваться.

— Как неприятно блестят стекла, — сказала она. — Можно это устранить?

— Можно, — ответил Д. Ж., — но не нужно. Это самое ненавязчивое силовое поле, которое мы можем установить. Восторженная публика, конечно, обыскана, но кто-нибудь мог ухитриться

скрыть оружие, а мы не хотим, чтобы вам нанесли вред.

— Вы хотите сказать, что кто-нибудь захочет убить меня?

Дэниел спокойно разглядывал толпу с одной стороны кара, а Жискар — с другой.

— Весьма маловероятно, миледи, — ответил Д Ж. — Но вы космонитка, а поселенцы не любят космонитов. Кто-нибудь может ненавидеть их так сильно, что увидит в вас только космонитку. Но опасаться нечего, Даже если кто-то и попытается, хотя это и невероятно, то ничего у него не выйдет.

Вереница каров очень мягко двинулась с места. Глэдия даже привстала от удивления: в передней части кара не было кабины.

— Кто ведет? — спросила она.

— Кары полностью компьютеризованы, — ответил Д. Ж. — Разве у космонитов не так?

— У нас кары водят роботы.

— А у нас роботов нет.

— Но компьютер, по существу, тот же робот.

— Компьютер не похож на человека, и его не видно. Каково бы ни было технологическое сходство, психологически это совсем иное.

Глэдия огляделась по сторонам: все вокруг ка-

залось совершенно безжизненным. Было что-то заброшенное в редких, лишенных листьев кустиках и одиноких деревцах; природа словно умерла.

Заметив, как Глэдия тоскливо озирается по сторонам, Д. Ж. сказал:

— Сейчас все выглядит не слишком привлекательно, миледи, но вообще-то здесь неплохо. Есть сады, луга, поля…

— И леса?

— Настоящие, дикие леса. Мы — развивающаяся планета. Все еще надо делать. Мы живем здесь всего полтораста лет. Первым делом надо было засеять привозными семенами участки первых поселенцев. Затем мы пустили в океан рыбу и всяких беспозвоночных, чтобы по возможности создать самостоятельную экологию. Это не так сложно, если химический состав океанской воды подходящий. Если нет, то без предварительных масштабных изменений планету заселять бесполезно, а этого еще ни разу не пытались сделать, хотя существует множество планов процедур. И, наконец, мы пытаемся сделать страну цветущей, а это работа трудная и медленная.

— И все Поселенческие миры в таком состоянии?

— Да. Ни один еще окончательно не обустроен. Бейлимир — самый старый из всех, но и его еще не довели до ума. Еще пара столетий — и Поселенческие миры будут богатыми и полными жизни как на суше, так и на море, и за это время появятся новые миры, которые пройдут через разные предварительные стадии. Я уверен, что Внешние миры прошли тот же путь.

— Много столетий назад и, я думаю, без таких огромных усилий. Нам помогали роботы.

— Мы обойдемся без них, — отрезал Д.Ж.

— А как насчет местной жизни — растений, животных, которые были здесь до появления людей?

Д. Ж. пожал плечами:

— А, ерунда. Мелкие, слабые. Ученые, конечно, заинтересовались ими, поэтому местная жизнь и сейчас существует в аквариумах, ботанических садах, зоопарках. Кроме того, есть обширные пространства как воды, так и суши, которые еще не обработаны, и там местная жизнь находится в первозданном виде.

— Но и они со временем будут изменены?

— Надеемся.

— А вам не кажется, что планета принадлежит этим незначительным, мелким, слабым суще-

ствам?

— Нет. Мы не сентиментальны. Планеты и вся Вселенная принадлежат разуму. Космониты согласны с этим. Где местная жизнь на Солярии? На Авроре?

Кары подъехали к ровному мощеному пространству, где виднелось несколько куполообразных зданий.

— Это главная площадь, — тихо сказал Д. Ж., — официальный центр планеты. Здесь размещены правительственные здания. Здесь собирается Планетарный конгресс, здесь правительственный дворец и так далее.

— Простите, Диджи, но это не очень впечатляет. Здания какие-то маленькие и невзрачные.

— Вы видите только верхушки, миледи. — Д. Ж. улыбнулся. — Сами здания под землей и сообщаются друг с другом. Это, по существу, единый комплекс, который все время растет. Это город. Вместе с окружающей территорией он составляет Бейлитаун.

— Вы собираетесь со временем все запихать под землю? Целый город? Целый мир?

— Да, большинство из нас представляет себе Бейлимир подземным.

— Я слышала, что на Земле есть подземные

города.

— Да. Так называемые Стальные пещеры.

— И вы хотите сделать такие же здесь?

— Не совсем такие. Мы добавляем свои идеи и… Мы приехали. Миледи, нам вот-вот прикажут остановиться. На вашем месте я застегнул бы комбинезон; зимой на главной площади жуткий ветер.

Глэдия так и сделала, с трудом соединив концы непослушной застежки.

— Так вы говорите, не совсем такие?

— Да. Мы конструируем наше подземелье, учитывая особенности климата. Поскольку здесь климат в целом более суровый, чем на Земле, требуются некоторые изменения в архитектуре. Правильно построенное здание должно сохранять тепло зимой и прохладу летом. В какой-то мере мы действительно сохраняем их, запасая тепло с предыдущего лета, а прохладу с предыдущей зимы.

— А как с вентиляцией?

— Пользуемся ею экономно. Но когда-нибудь, миледи, мы догоним Землю. Это, так сказать, высшее стремление — сделать Бейлимир похожим на Землю.

— Никогда не думала, что Земля настолько

хороша, чтобы желать ее повторить, — пошутила Глэдия.

Д. Ж. быстро взглянул на нее:

— Не шутите так, миледи, с поселенцами, даже со мной. На эту тему нельзя шутить.

— Простите, Диджи, я не хотела вас обидеть.

— Вы не знали. Но теперь знаете. Давайте выйдем. Двери кара бесшумно открылись. Д. Ж. вышел и протянул руку Глэдии.

— Знаете, вы должны выступить перед Планетарным конгрессом. Так поступает всякое официальное лицо, прибывающее на планету.

В лицо Глэдии ударил холодный ветер. Она отдернула протянутую Д. Ж. руку.

— Выступить? Мне об этом не говорили.

Д. Ж. выглядел удивленным.

— Я думаю, вам следует сказать что-то вроде приветствия.

— Нет, я не буду. И я не могу держать речь. Я никогда не делала ничего подобного.

— Придется. Ничего страшного. Всего-то несколько слов после долгих и утомительных приветственных речей.

— Но что я скажу?

— Ничего замысловатого, поверьте, не надо. Мир, любовь и прочий вздор. Потратьте на них

полминуты. Я набросаю кое-что для вас, если хотите.

Глэдия вышла из кара. Голова ее шла кругом.

Глава девятая
Речь
33

Войдя в здание, гости сняли комбинезоны и отдали служителям. Дэниел и Жискар тоже сняли комбинезоны, и служитель, бросив быстрый взгляд на Жискара, подошел к нему с опаской.

Глэдия нервно поправила носовые фильтры. Ей никогда не приходилось бывать среди стольких мало-живущих, отчасти потому, что — как говорили — они носят в себе хронические инфекции и массу паразитов.

— Мне отдадут именно этот комбинезон? — прошептала она.

— Вы не наденете его второй раз, — ответил Д. Ж. — Все они будут простерилизованы.

Глэдия осторожно огляделась. Ей почему-то казалось, что даже визуальный контакт может быть опасным.

— Кто эти люди? — Она показала на нескольких человек в яркой одежде и несомненно воору-

женных.

— Охрана, мадам.

— Даже здесь, в правительственном здании?

— Совершенно верно. А когда мы поднимемся на сцену, силовое поле отделит нас от аудитории.

— Значит, вы не доверяете собственным законодателям?

Д. Ж. чуть заметно улыбнулся.

— Не вполне. Наш мир еще «сырой», и мы идем собственным путем. Мы еще не пообтесали острые углы, и у нас нет роботов, приглядывающих за нами. К тому же у нас есть партии воинствующего меньшинства, наши ястребы.

— Что такое ястребы?

Большинство прибывших уже сняли комбинезоны и стали выпивать. В воздухе стоял гул голосов. Многие рассматривали Глэдию, но никто не пытался с ней заговорить.

Глэдии стало ясно, что вокруг нее был круг изоляции. Д. Ж. заметил, что она оглядывается по сторонам, и понял это правильно.

— Им сказали, что вы не выносите толкотни. Я думаю, они понимают, что вы боитесь инфекции.

— Надеюсь, они не обижаются?

— Может быть, но рядом с вами робот, а большинство бейлимирцев опасаются этого вида инфекции, в особенности ястребы.

— Вы мне так и не сказали, кто они?

— Скажу, если будет время. Мы с вами скоро пойдем на сцену. Большинство поселенцев думают, что со временем Галактика будет принадлежать им, что космониты не могут и не смогут состязаться с ними в деле освоения Галактики. Но мы понимаем, что на это потребуется время. Мы не увидим этого, наши дети, вероятно, тоже. Это может занять и тысячу лет, Ястребы не хотят ждать. Они хотят сделать это сейчас.

— Они хотят войны?

— Они, конечно, так не говорят. И они не называют себя ястребами. Это мы, люди здравомыслящие, называем их так. Они называют себя супрематистами Земли. Трудно согласиться с людьми, уверяющими, что только они желают господства Земли. Мы все к этому стремимся, но большинство из нас не считают, что это случится завтра, и не приходят в ярость при мысли, что этого не случится.

— И эти ястребы могут напасть на меня?

— Я думаю, нам надо идти, мадам. — Д. Ж. указал вперед. — Нас хотят поставить в ряд. Нет, я не

думаю, что ястребы могут напасть, но осторожность не помешает.

Глэдия попятилась, когда Д. Ж. указал, где ей следует встать.

— Без Дэниела и Жискара — нет, Диджи. Без них я никуда не пойду, даже на сцену. Тем более после того, что вы рассказали мне про ястребов.

— Вы просите слишком многого, миледи.

— Наоборот, я не прошу ничего. Отвезите меня домой вместе с моими роботами прямо сейчас.

Д. Ж. направился к небольшой группе официальных лиц. Глэдия напряженно следила за ним. Опустив руки, он сделал полупоклон. Глэдия решила, что так в Бейлимире выражают почтение.

Она не слышала, что говорил Д. Ж., но в ее душу невольно закрались подозрения, Если они попытаются разделить ее с роботами, Дэниел и Жискар сделают все возможное, чтобы предотвратить это. Они-то никому не нанесут вреда, но охрана тут же пустит в ход оружие. Она должна предупредить это любой ценой — сделать вид, что сама отошла от Дэниела и Жискара и попросила их подождать ее. Сумеет ли она?

Никогда в жизни она не оставалась без роботов. Разве она может чувствовать себя в безопасности без них? Есть ли другой выход?

Д. Ж. вернулся.

— Ваш статус героини, миледи, полезная штука. Я, конечно, убедил парней. Ваши роботы могут идти с вами. Они будут сидеть на сцене позади вас, но видно их не будет. Ради Предка, не привлекайте к ним внимания, не оглядывайтесь на них.

Глэдия облегченно вздохнула:

— Вы хороший парень, Диджи. Спасибо.

Она заняла свое место почти в самом начале вереницы, Д. Ж. встал слева от нее, Дэниел и Жискар — сзади, а за ними длинный хвост официальных лиц обоих полов.

Женщина-поселенка с жезлом, который, видимо, был символом ее должности, внимательно осмотрела строй, кивнула и пошла вперед. Все потянулись за ней.

Глэдия услышала бравурные звуки марша и подумала, уж не предлагают ли ей маршировать. Как бесконечно разнообразны и странны обычаи на разных планетах!

Краем глаза она видела, что Д. Ж. шагает вразвалку, почти неуклюже. Она неодобрительно поджала губы и пошла в такт музыке, подняв голову и выпрямив спину. Если ей никто не говорит, как идти, она пойдет так, как хочет.

Они взошли на возвышение, и тут же из углублений в полу поднялись стулья.

Строй рассыпался. Д. Ж. слегка потянул Глэдию за рукав, и она пошла за ним.

Оба робота, естественно, двинулись следом.

Глэдия остановилась перед стулом, на который указал Д. Ж. Музыка зазвучала громче, но освещение уже не было таким ярким, как раньше. Ей показалось, что она простояла так целую вечность; наконец она почувствовала прикосновение Д. Ж. и села. Все остальные тоже сели.

Она заметила слабое мерцание силового поля, а за ним публику, несколько тысяч человек. Все сиденья в амфитеатре, круто поднимающемся вверх, были заняты. Как женщины, так и мужчины были в темном — коричневом или черном. Охрана в боковых проходах — в зеленой с красным форме. Без сомнения, так их было легко узнать. Однако, подумала Глэдия, эта форма делала их мишенью.

Она повернулась к Д. Ж. и тихо сказала:

— У вас огромное правительство.

Д. Ж. слегка пожал плечами:

— Я думаю, здесь весь правительственный аппарат с женами, мужьями и гостями. Это дань вашей популярности, миледи.

Глэдия обвела публику глазами, пытаясь разглядеть сбоку Дэниела и Жискара, чтобы просто удостовериться, что они тут, но затем решила, что от одного взгляда ничего не случится, и повернула голову. Они были здесь.

Глэдия тут же заметила, как Д. Ж. раздраженно закатил глаза.

Луч света упал на одного из сидящих на возвышении, а весь зал еще больше погрузился в темноту. Человек встал и заговорил. Он говорил очень громко, но Глэдия никогда не слышала, чтобы голос так мощно отражался от стен. Должно быть, подумала Глэдия, он проникает в каждый уголок большого зала. Интересно, такой эффект достигается с помощью какого-нибудь диковинного прибора, которого она никогда не видела, или это просто акустические особенности зала? Она не знала, но продолжала размышлять, избавившись таким образом на время от необходимости слушать то, что говорилось.

В какой-то момент она услышала слово «шарлатанство», произнесенное кем-то из публики. Не обладай зал превосходной акустикой (если это действительно было так), его наверняка никто бы и не расслышал.

Это слово для нее ничего не значило, но судя по

короткой волне смеха, прокатившейся по залу, оно означало что-то вульгарное, Смех почти сразу стих, и Глэдия поразилась наступившей тишине.

Наверно, если уж помещение обладало такой акустикой, что слышен был каждый звук, зрители вынуждены были соблюдать тишину. И как только в зале воцарилась тишина, никто не смог и помыслить о нарушении тишины. Кроме тех случаев, когда внезапное желание пробормотать: «шарлатанство», — становится непреодолимым, предположила Глэдия.

Мысли ее начали путаться, глаза закрывались. Она резко выпрямилась. Люди планеты пришли выразить ей свое уважение, и, если она заснет, они оскорбятся. Она заставила себя слушать, но это усыпляло еще больше. Она прикусила губу и глубоко задышала.

Трое говорили один за другим, и вдруг Глэдия вздрогнула — похоже, что она все-таки задремала, несмотря на все свои усилия, под тысячами устремленных на нее глаз — когда луч света упал слева от нее. Д. Ж. встал. Он засунул большие пальцы за пояс и, похоже, чувствовал себя вполне непринужденно.

— Мужчины и женщины Бейлимира, — начал он, — должностные лица, законодатели, уважае-

мые лидеры, сограждане! Вы все слышали о том, что произошло на Солярии. Вы знаете, что мы добились успеха. Вы знаете, что леди Глэдия с Авроры способствовала этому успеху, Сейчас пора сообщить о деталях вам и всем моим соплеменникам, которые слушают нас по гипервидению.

И он стал описывать события, но в несколько измененной форме, и, слушая, Глэдия посмеивалась про себя. О том, как он растерялся, попав в руки гуманоидного робота, Д. Ж. упомянул вскользь, о Жискаре вообще ничего не сказал, роль Дэниела была сведена к минимуму, а Глэдии — преувеличена. Инцидент превратился в дуэль между двумя женщинами, Глэдией и Ландари, в которой победили мужество и авторитет Глэдии.

Наконец Д. Ж. сказал:

— А теперь леди Глэдия, солярианка по происхождению, гражданка Авроры, совершившая подвиг во славу Бейлимира…

Раздались громкие аплодисменты, хотя предыдущих ораторов встречали довольно прохладно, но Д. Ж. поднял руки, прося тишины, и закончил:

— Леди Глэдия хочет приветствовать вас.

Луч света выхватил из темноты Глэдию, и она в панике повернулась к Д. Ж. Аплодисменты гремели в ее ушах. Хлопая в ладоши, Д. Ж. наклонился

к ней и прошептал:

— Вы их всех любите, вы желаете мира, а поскольку вы лицо неофициальное, то не привыкли к длинным речам. Скажите это и сядьте.

Она смотрела на него, ничего не понимая, слишком взволнованная, чтобы слышать его слова, затем встала — и очутилась перед бескрайним людским морем.

34

Глэдия встала и почувствовала себя совсем маленькой. Люди на сцене, даже женщины, были выше ее. Она стояла, а они сидели, и все равно были выше. Что касалось публики, застывшей в каком-то угрожающем молчании, то все и каждый в ней были, как казалось Глэдии, больше ее по всем параметрам.

Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Друзья! Вы потомки землян, все до одного, и я тоже. Иных нет ни в одном обитаемом мире — ни во Внешних мирах, ни в Поселенческих, ни на самой Земле, везде только земляне или их потомки. Перед этим фактом все остальные различия — ничто.

Она бросила быстрый взгляд на Д. Ж. Тот чуть

заметно улыбнулся, и одно его веко дрогнуло, словно он собирался подмигнуть. Глэдия продолжала:

— Чувство родства должно руководить каждым нашим поступком, каждым помыслом. Я благодарю вас всех за то, что вы считаете меня такой же, как вы, и приветствуете меня здесь несмотря ни на что. Поэтому я надеюсь, что скоро настанет время, когда шестнадцать миллиардов людей, живущих в любви и мире, будут считать себя близкими — не больше и не меньше. Я думаю о нас не только как о друзьях, но и как о родственниках.

Буря аплодисментов оглушила ее. Глэдия восприняла это как знак, что говорила хорошо и, главное, достаточно. Она поклонилась направо и налево и хотела сесть. Но в зала раздался голос:

— Почему вы говорили не по-соляриански?

Она застыла и растерянно посмотрела на Д. Ж. Тот чуть заметно покачал головой и беззвучно выговорил одними губами: «Не обращайте внимания», — и сделал жест, чтобы она села.

Она смотрела на него одну-две секунды, затем сообразила, как некрасиво выглядит она, ярко освещенная, в незаконченном процессе усаживания. Она снова выпрямилась и заулыбалась

публике, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Тут она впервые заметила приборы, сверкавшие объективы которых уставились на нее. Ну, конечно! Д. Ж. упоминал, что происходящее транслируется по гипервидению. Однако сейчас ей это было безразлично.

Она говорила, ей аплодировали, и она стояла перед публикой прямо, спокойно, все ее видели. Что еще за непредвиденное обстоятельство? Глэдия улыбнулась.

— Я считаю этот вопрос дружеским. Вы хотите, чтобы я продемонстрировала вам свое образование? Кто из вас хочет, чтобы я заговорила по-соляриански? Не стесняйтесь, поднимите руки.

Поднялось несколько рук.

— Человекоподобный робот на Солярии слышал, как я говорила по-соляриански. И это его погубило. А ну-ка, кто хочет услышать солярианскую речь?

Зал превратился в море колыхавшихся рук. Глэдия почувствовала, как ее теребят за брюки, и быстрым движением стряхнула чужую руку.

— Прекрасно. Опустите руки, дорогие мои родственники. Видите ли, сейчас я говорю на галактическом стандартном, который является и

вашим языком. Однако я говорю так, как говорят на Авроре, но вы понимаете меня, хотя некоторые слова я, возможно, выговариваю не так, и мой голос может иногда сбивать вас с толку, потому что некоторые звуки у нас произносят высоко или низко, словно поют. Другим космонитам это кажется смешным. В солярианском же языке эта напевность отсутствует, в ней много горловых звуков, раскатистое «р».

Она произнесла несколько фраз. В зале засмеялись, но Глэдия даже не улыбнулась.

Наконец она подняла руки и резко опустила их, словно что-то отрубила, Смех смолк.

— Я, вероятно, никогда больше не поеду на Солярию, а потому у меня не будет случая пользоваться солярианским языком. — Она повернулась к Д. Ж. и слегка поклонилась ему, заметив, что у того выступил пот на лбу. — Славный капитан Бейли информировал меня, что я неизвестно когда вернусь на Аврору, так что могу отбросить и аврорианский диалект тоже. Значит, у меня единственный выход — говорить на диалекте Бейлимира, и я сразу же начинаю практиковаться.

Она сделала вид, что засовывает большие пальцы за несуществующий пояс, выпятила грудь,

опустила подбородок, изобразила самодовольную улыбку Д. Ж. и сказала, стараясь имитировать его баритон:

— Мужнины и женщины Бейлимира, должностные лица, законодатели, уважаемые лидеры, сограждане — сюда входит каждый, кроме, вероятно, неуважаемых лидеров… — Она старалась проглатывать некоторые буквы или произносить их с придыханием.

На этот раз смех был громче и продолжительнее, и Глэдия тоже позволила себе улыбнуться. В конце концов она заставила их смеяться над собственным языком.

Когда все успокоились, она сказала по-аврориански:

— Все диалекты странны тому, кто к ним не привык, и это часто восстанавливает людей друг против друга. Но ведь диалект — это просто манера говорить. Все мы — и я, и вы, и люди в других обитаемых мирах — должны слушать язык сердца, а у него нет диалектов. Этот язык — если только мы будем его слушать — звучит одинаково для всех.

Глэдия хотела сесть, но тут раздался женский голос:

— Сколько вам лет?

— Сядьте, мадам! — проговорил Д. Ж. сквозь зубы. — Не обращайте внимания на вопросы.

Глэдия повернулась к Д. Ж. Он привстал.

Люди на сцене, которых она видела в полутьме, напряженно подались вперед. Она снова повернулась к зрителям и звонко крикнула:

— Здесь хотят, чтобы я села. А вы хотите? Я вижу, вы молчите, Кто хочет, чтобы я осталась здесь и честно ответила на вопрос?

Раздались аплодисменты и крики:

— Оставайтесь! Оставайтесь!

— Глас народа, — сказала Глэдия. — Простите, Диджи и все прочие, но мне велят говорить. — Она искоса взглянула на луч света и крикнула: — Я не знаю, кто там управляет светом, но осветите зал и отключите этот луч. Мне наплевать, как это отразится на гиперволновых камерах. Наладьте хорошенько звук, вот и все. Я буду говорить хоть в темноте, лишь бы меня было слышно. Правильно?

— Правильно! — послышался многоголосый ответ. — Свет! Свет!

Кто-то на сцене дал сигнал, и в зале вспыхнул свет.

— Вот так гораздо лучше, — сказала Глэдия, — Теперь я вижу вас, мои родственники. Я хотела

бы, в частности, увидеть женщину, задавшую мне вопрос. Я хочу говорить непосредственно с ней. Давайте не прятаться. Если у вас хватило смелости задать вопрос, то задайте его открыто.

Она ждала. Наконец где-то в середине зала встала женщина. Темные волосы, туго стянутые сзади, смуглая кожа, темно-коричневое платье подчеркивало стройную фигуру. Она сказала слегка скрипучим голосом:

— Я не боюсь встать и еще раз спросить: сколько вам лет?

Глэдия спокойно смотрела на нее и не чувствовала неприязни. Возможно ли это? На протяжении трех первых десятилетий жизни ее настойчиво учили, что находиться в присутствии людей, даже одного человека, непереносимо. А сейчас она без всякого смущения видит перед собой тысячи. Она была слегка ошеломлена и вполне довольна.

— Пожалуйста, мадам, оставайтесь стоять, и поговорим. Как мы измеряем возраст? В годах, прошедших после рождения?

Женщина спокойно ответила:

— Меня зовут Синдра Лэмбит. Я член законодательного органа и, следовательно, из тех, кого капитан Бейли назвал «законодателями

и уважаемыми лидерами». Во всяком случае, надеюсь, что я «уважаемая». — В зале раздался смех. — Отвечая на ваш вопрос, я думаю, что число галактических стандартных лет, прошедших со дня рождения, — обычное определение возраста человека. Так, мне пятьдесят четыре года. А сколько вам? Вы можете назвать цифру?

— Могу. Со времени моего рождения прошло двести тридцать пять галактических стандартных лет, значит, я больше чем в четыре раза старше вас.

Глэдия говорила откровенно и знала, что ее маленькая стройная фигурка выглядит в тусклом освещении совсем девчачьей.

По залу прокатился глухой рокот. Слева от Глэдии как будто кто-то простонал. Она быстро взглянула и увидела, как Д. Ж. схватился за голову. Глэдия сказала:

— Но это пассивный метод измерения времени. Здесь количество не переходит в качество. Моя жизнь была спокойной, можно сказать, тусклой. Я шла по проторенному пути, огражденная от неприятностей, ведомая четко функционирующей социальной системой, в которой нет места никаким переменам и экспериментам, и моими роботами, которые всегда стояли между мной и

любыми неприятностями. Всего дна раза в жизни я испытывала переживания, и оба раза были трагичными. Когда мне было тридцать два года — меньше, чем многим из вас, — меня обвинили в убийстве. Два года спустя я оказалась замешана в другое убийство. В обоих случаях следователь Элайдж Бейли был на моей стороне. Я уверена, что многие из вас, а возможно, даже все, знакомы с ситуацией, описанной сыном Элайджа Бейли. Теперь к этим двум я могу добавить и третий случай, потому что в этом месяце я испытала великое волнение, достигшее пика, когда от меня потребовалось встать здесь, перед вами, а это было совершенно не похоже на то, что я делала всю свою жизнь. Должна признаться, что только ваша приветливость и радушный прием сделали это возможным. Сравните это со своей жизнью. Вы — пионеры и живете в новом мире. Он растет вместе с вами и будет расти после вас. В этом мире каждый день — приключение. Сначала холод, потом жара, потом опять холод. Непредсказуемый, переменчивый климат. Вы не можете позволить себе прожигать время, как в мирах, где перемен почти нет. Многие жители Бейлимира — торговцы. Половину своей жизни они рыскают в космосе. Когда вы приручите эту

планету, многие ее обитатели перекинут сферу своей деятельности на новые планеты или присоединятся к экспедициям, ищущим новые миры, где еще не ступала нога человека, чтобы сделать их пригодными для обитания. Если мерить жизнь событиями и делами, свершениями и волнениями, то я — ребенок, моложе любого из вас. Большая часть моих лет — балласт и тяжесть, тогда как вы с каждым годом духовно богаче и неуемнее. Так скажите еще раз, мадам Лэмбит, сколько вам лет?

Лэмбит улыбнулась:

— Пятьдесят четыре полноценных года, мадам Глэдия.

Лэмбит села, и зал снова разразился аплодисментами.

— Глэдия, кто научил вас так управлять публикой? — хрипло спросил Д. Ж.

— Никто, — шепнула она. — Я никогда этого не делала.

— Тогда закругляйтесь, пока вы на коне. Тот тип, который встает, наш главный ястреб. Не стоит с ним разговаривать. Скажите, что вы устали, и сядьте. Со стариком Бастервейном мы управимся сами.

— Но я не устала, — возразила Глэдия. — Мне

самой интересно.

Человек, стоявший почти у самой сцены, был высок и крепок, с седыми нависшими бровями. Редкие волосы его были седыми, одежда — черная, мрачная, белые полосы сбегали по рукавам и штанинам брюк, словно очерчивая его тело. Голос его был низким и звучным:

— Меня зовут Томас Бастервейн, но больше я известен как Старик, наверное, потому, что кое-кто считает, что я слишком зажился на этом свете. Не знаю, как обращаться к вам, поскольку у вас вроде бы нет фамилии, а я не так хорошо знаком с вами, чтобы звать вас по имени. Честно говоря, я и не хочу быть вашим знакомцем. Похоже, вы помогли уберечь наш корабль на вашей планете от ловушек, поставленных вашим же народом, и мы вам за это благодарны, а вы в ответ принялись болтать насчет дружбы и родства. Чистое лицемерие! Это когда ваш народ считал себя нашими родичами? Когда это космониты чувствовали, что имеют какое-то отношение к Земле и ее народу? Конечно, космониты — потомки землян, Мы этого не забываем и помним, что вы забыли это. Более двух столетий космониты заправляли в Галактике и считали землян отвратительными маложивущими больными тварями. Теперь, ко-

гда мы становимся силой, вы протягиваете нам руку дружбы, но рука эта в перчатке, как и у вас. Вы стараетесь не воротить от нас нос, а в носу, небось, фильтры? А? Я прав?

Глэдия подняла руки.

— Возможно, люди в зале и тем более те, кто видит меня по гипервидению, не знают, что я в перчатках. Их не заметно, но они есть, и я этого не отрицаю, И носовые фильтры, чтобы при дыхании в легкие попадало меньше пыли и микроорганизмов. И время от времени я тщательно полощу горло. И моюсь чаще, чем требует элементарная гигиена. Этого я тоже не отрицаю. Но дело во мне, а не в вас. У меня слабая иммунная система. Моя жизнь слишком комфортабельна, и я слишком мало рисковала. Я не выбирала такую жизнь, но должна платить за это. Что сделал бы любой из вас, окажись он в моем положении? Что сделали бы в частности вы, мистер Бастервейн?

— Я сделал бы то же, что и вы, — угрюмо ответил тот, — и рассматривал бы это как признак слабости, отсутствие жизнеспособности, а следовательно, обязан был бы уступить дорогу более сильным. Женщина, вы говорили о родстве с нами. Но мне вы не родня. Вы из тех, кто пытался уничтожить нас, когда был силен, а ослабев, за-

искивает перед нами.

В зале началось явно недружелюбное движение, но Бастервейн держался твердо. Глэдия мягко спросила:

— Вы помните зло, которое мы причинили вам, когда были сильны?

— Не бойтесь, мы не забудем. Мы помним об этом всегда.

— Прекрасно! Значит, вы знаете, как этого избежать. Вы знаете, как плохо, когда сильные подавляют слабых, и, значит, теперь, когда все перевернулось и вы стали сильными, а мы ослабели, вы не будете подавлять нас.

— Ну-ну, слышал я такие аргументы. Когда вы были сильны, вы знать не знали о морали, а теперь хватаетесь за нее.

— Однако вы, когда были слабы, все знали о морали и были потрясены поведением сильных, а теперь, став сильными, забываете о морали.

— Вы получите то, что заслужили, — сказал Бастервейн и поднял кулак.

— Вы дадите то, что вам кажется заслуженным, — сказала Глэдия и протянула к нему руки, словно хотела обнять. — Поскольку каждый может думать о мести за какую-то прошлую обиду, вы считаете, что сильный вправе давить на сла-

бого. Если так, то вы оправдываете космонитов прошлого, и теперь вам не на что жаловаться, а я говорю, что давление, которое вы собираетесь применить, несправедливо. К сожалению, вы не можете изменить прошлое, но пока еще мы можем решать, каким быть нашему будущему. — Глэдия сделала паузу и, поскольку Бастервейн не ответил, продолжала: — Кому нужна новая Галактика?

Начались аплодисменты, а Бастервейн вскинул руки и зычно закричал:

— Подождите, не будьте дураками! Прекратите!

Медленно воцарилась тишина, и Бастервейн заговорил:

— Неужели вы думаете, что женщина верит тому, что говорит? Неужели вы думаете, что космониты хотят нам добра? Они все еще считают, что сильны, они по прежнему презирают нас и намерены уничтожить, если мы первыми не уничтожим их. Эта женщина приехала сюда, и мы, как дураки, приветствуем ее, чуть ли не молимся на нее. Нет, давайте проверим ее слова. Пусть кто-нибудь из вас попросит разрешения посетить Внешний мир, и посмотрим, получит ли он его. Если за вами стоит планета, если вы

можете пригрозить, как капитан Бейли, то вам позволят высадиться — но как с вами будут обращаться? Спросите капитана, отнеслись ли к нему по-родственному. Эта женщина — лицемерна, несмотря на все ее слова, нет, именно благодаря этим словам. Они как раз и доказывают ее лицемерие. Она жалуется тут на свою иммунную систему и говорит, что должна защищаться от возможного заражения. Ну, конечно, она делает это не потому, что считает нас грязными и заразными, такая мысль не приходила ей в голову! Она жалуется на свою спокойную жизнь, защищенную от всяких бед и неудач, слишком хорошо организованную обществом и толпой чрезмерно заботливых роботов. Как она, наверное, ненавидит их! Но что угрожает ей здесь? Какие беды могут настигнуть ее на этой планете? Однако она привезла с собой двух роботов. Мы собрались в этом зале, чтобы выразить ей свое уважение, а ведь она привела даже сюда своих роботов. Они сидят позади нее, на возвышении. Теперь вы видите их. Один — имитация человека Р. Дэниел Оливо. а другой — бесценный робот, явно металлический Р. Жискар Ривентлов. Приветствуйте их, мои дорогие соотечественники! Вот они-то и есть родня этой женщины!

— Шах и мат! — тихонько простонал Д. Ж.

— Еще нет, — сказала Глэдия.

Зрители стали вытягивать шеи, словно всех сразу одолел зуд, и слово «робот» прокатилось по всему залу.

— Вы можете видеть их, — сказала Глэдия. — Жискар, Дэниел, встаньте!

Оба робота встали позади нее.

— Встаньте рядом со мной, чтобы вас было видно. А теперь позвольте мне кое-что пояснить вам всем, Эти два робота приехали со мной не для того, чтобы прислуживать мне. Да, они помогают мне вести дом на Авроре вместе с пятьюдесятью другими роботами, и я не делаю сама то, что могут сделать для меня роботы. Таков обычай в том мире, где я живу. Роботы различны по сложности, по способностям, и эти два — особо высоки в этих отношениях, в особенности Дэниел, разум которого очень близок к человеческому в тех областях, где такое сравнение возможно. Я взяла с собой только Дэниела и Жискара, но они не так уж много служат мне. Если хотите знать, я одеваюсь сама, сама пользуюсь столовыми приборами, когда ем, и хожу сама, не заставляя себя носить. Пользуюсь ли я ими для личной защиты? Нет. Они защищают меня, это верно, но они бу-

дут защищать любого человека, нуждающегося в защите. Совсем недавно на Солярии Дэниел сделал все, что мог, защищая капитана Бейли, и готов был пожертвовать собой, чтобы защитить меня. Без него корабль не был бы спасен. Конечно, здесь, на этом возвышении мне не нужна защита: меня защищает силовое поле. Я об этом не просила, но оно есть. Тогда зачем здесь мои роботы? Те из вас, кто знает историю Элайджа Бейли, освободившего Землю от космонитских правителей, положившего начало новой политике поселенчества, и его сына, который первым ступил на землю Бейлимира — иначе почему бы так назвали планету? — знают, что еще до знакомства со мной Элайдж Бейли работал вместе с Дэниелом. Он работал с ним на Земле, на Солярии и на Авроре. Для Дэниела Элайдж Бейли всегда был «партнер Элайдж», Не знаю, есть ли это в биографии Бейли, но можете мне поверить. Хотя Элайдж Бейли, будучи землянином, сначала сильно недолюбливал Дэниела, но потом они подружились. Когда Элайдж Бейли умирал здесь, на этой планете, около ста шестидесяти лет назад, когда здесь была лишь кучка примитивных домиков с палисадниками, в эти последние минуты с ним был не его сын и не я… — Голос ее

дрогнул. — Он послал за Дэниелом и боролся за жизнь, пока тот не прибыл. Да, это второй визит Дэниела на эту планету. Я тогда была с ним, но осталась на орбите. Дэниел высадился на планету и слышал последние слова Элайджа Бейли. Ну как, это для вас ничего не значит? — Она повысила голос: — Должна ли я говорить об этом? Здесь робот, которого любил Элайдж Бейли. Я хотела повидаться с ним, но он желал видеть Дэниела, этого самого Дэниела. Другой робот, Жискар, который познакомился с Элайджем на Авроре, спас ему жизнь. Без этих двух роботов Элайдж Бейли не выполнил бы свою задачу. Внешние миры все еще царили бы в Галактике, Поселенческих миров не существовало бы и никого из вас не было бы здесь. Я это знаю, и вы знаете. Интересно, знает ли это мистер Бастервейн? Имена «Дэниел» и «Жискар» уважают на этой планете. По просьбе Элайджа Бейли их дают его потомкам. Я приехала сюда на корабле капитана, которого зовут Дэниел Жискар Бейли. Я хотела бы знать, многие ли из тех, кто видит меня сейчас, носят имена Дэниела и Жискара? Так вот, те, чьи имена почитаются, — роботы. И это их поносит Томас Бастервейн?

В зале зашумели, и Глэдия умоляюще подняла руки.

— Минуточку. Дайте мне закончить. Я еще не сказала вам, почему я привезла этих роботов.

Шум немедленно смолк.

— Эти два робота никогда не забудут Элайджа Бейли, как не забуду и я. Столько лет прошло, а воспоминания живут. Когда я готовилась вступить на корабль капитана Бейли, когда я узнала, что смогу посетить Бейлимир, — как я могла отказаться взять с собой Дэниела и Жискара? Им хотелось увидеть планету, которую создал Элайдж Бейли, планету, на которой он прожил свои последние годы и на которой умер. Да, они роботы, но разумные роботы, и они верой и правдой служили Элайджу Бейли. Нельзя уважать одних лишь людей, нужно уважать все разумные существа, Вот поэтому я привезла их сюда. — И она громко выкрикнула: — Я сделала ошибку?

Громогласное «НЕТ!» пронеслось по залу; все встали, захлопали в ладоши, затопали, заревели и завизжали:

— Нет!

Глэдия ждала и улыбалась; она сознавала только две вещи: что она мокрая от пота и что она счастлива, как никогда.

Ей казалось, что она всю жизнь ждала этого момента: прожив двести тридцать пять лет в

изоляции, она наконец узнала, что может стоять перед толпой и управлять ею, как хочет.

Она слушала это бесконечное «нет!» — еще, еще и еще…

35

Прошло немало времени, прежде чем Глэдия пришла в себя.

Крепкие охранники помогли Глэдии пробраться сквозь гудящую толпу, потом она очутилась в каком-то бесконечном туннеле, который, казалось, уходил в глубь земли.

Она потеряла Д. Ж. и не была уверена, с ней ли Дэниел и Жискар. Она хотела спросить о них, но ее окружали какие-то безликие люди. Она рассеянно подумала, что роботы должны быть где-то рядом, ведь их с ней невозможно разлучить.

Когда она наконец добралась до какого-то помещения, оказалось, что оба робота с ней. Она не знала, куда ее привели. Комната была большая и чистая, конечно, жалкая по сравнению с ее домом на Авроре, но против корабельной каюты — роскошная.

— Здесь вы будете в безопасности, мадам, — сказал последний из уходивших охранников. — Если

вам что-нибудь понадобится, дайте нам знать. — И он указал на прибор, стоявший на столике у постели.

Глэдия посмотрела на прибор и хотела было спросить, как он работает, но охранник уже ушел.

Ладно, подумала она, разберусь.

— Жискар, посмотри, где ванная, и проверь, как работает душ. Сейчас он мне просто необходим.

Она села очень осторожно, боясь, что кресло пропитается запахом пота. Вернулся Жискар.

— Мадам, душ включен, и температура установлена. Там лежит кусок чего-то — я думаю, мыла — и грубая полотняная ткань, и разные другие вещи, которые могут понадобиться.

— Спасибо, Жискар.

Глэдия прекрасно сознавала, что, несмотря на свои заявления, будто роботы типа Жискара не предназначены для мелких услуг, сейчас она требовала от него именно этого.

Но в некоторых случаях обстоятельства…

Никогда она не получала такого удовольствия от душа. Она плескалась под душем дольше обычного, и только после того, как вытерлась, подумала, простерилизованы ли полотенца, но было уже поздно.

Среди вещей, о которых говорил Жискар, оказались пудра, дезодорант, расческа, зубная паста, фен, но не было зубной щетки. Пришлось чистить зубы пальцем, что Глэдии не слишком понравилось. Отсутствовала и щетка для волос, что тоже было неприятно. Она вымыла расческу с мылом, но не решилась ею воспользоваться. Потом она обнаружила какое-то одеяние, при ближайшем рассмотрении оказавшееся ночной рубашкой. Она пахла чистотой, но, как выяснилось, была слишком просторной.

— Мадам, капитан желает знать, может ли он видеть вас, — сообщил Дэниел.

— Думаю, да, — сказала Глэдия, ища что-нибудь, чем можно было бы заменить ночную рубашку. — Пусть войдет.

Д. Ж. выглядел усталым и даже измученным, но, когда она повернулась к нему, он улыбнулся:

— Трудно поверить, что вам двести тридцать пять лет.

— Да? В этой-то штуке?

— Именно. Он же полупрозрачен. Вы не заметили? Глэдия неуверенно оглядела свое ночное одеяние.

— Хорошо, если это вас забавляет, но мне все-таки два с третью столетия.

— Глядя на вас, никто бы не подумал. Вы, наверное, были исключительно красивы в юности.

— Мне никогда этого не говорили. Я всегда считала, что самое большее, чем я располагала, — скромный шарм. Как пользоваться этим инструментом?

— Нажмите кнопку справа, кто-нибудь отзовется, и вы сможете потребовать, чего душе угодно.

— Хорошо. Мне нужны зубная щетка, щетка для волос и одежда.

— Щетки вам принесут, я распоряжусь. Что до одежды, то тут придется подумать. В вашем шкафу целый гардероб. Все самое модное в Бейлимире. Но вам может не понравиться. К тому же, может быть, не все окажется впору. Наши женщины выше вас и плотнее. Но это неважно. Я думаю, некоторое время побудете здесь.

— Почему?

— Ну, миледи. Вы толкнули такую речь, и, насколько я помню, ни разу не присели, хотя я вам советовал не один раз.

— Я, кажется, имела полный успех, Диджи.

— Да, огромный успех. — Д. Ж. широко улыбнулся и почесал бороду. — Однако у вашего успеха есть и обратная сторона. Сейчас вы — самая знаменитая особа в Бейлимире, и каждый

житель мечтает увидеть вас и пожать вам руку, и если вы появитесь где-нибудь, могут начаться беспорядки. Придется подождать, пока страсти остынут, а сколько времени это продлится — неизвестно. Кроме того, вами восхищались даже ястребы, но завтра, при дневном свете, истерия пройдет, и ястребы придут в ярость. Если старик Бастервейн не решился убить вас сразу после выступления, то завтра ваша смерть станет целью его жизни, а его единомышленники по партии будут исподволь подталкивать Старика на это. Вот поэтому вы здесь, миледи. Вот поэтому эта комната, этот этаж, этот отель охраняются, уж не знаю сколькими подразделениями безопасности, среди которых, я надеюсь, нет тайных ястребов. Поскольку я тесно связан с вами в этой игре в героя и героиню, я тоже загнан сюда и не могу выйти.

— Мне очень жаль вас, — равнодушно сказала Глэдия. — Вы даже не можете повидаться со своей семьей.

Д. Ж. пожал плечами:

— Торговцы обычно не обременены семьей.

— Ну, тогда с подружкой.

— Она переживет. Наверное, даже легче, чем я.

Он задумчиво посмотрел на Глэдию.

— Даже не думайте, капитан, — спокойно сказала Глэдия.

Д. Ж. поднял брови.

— Я не могу запретить себе думать, но я ничего не сделаю, мадам.

— Как по-вашему, я надолго здесь? Серьезно.

— Это зависит от директората.

— Какого?

— Это наш пятисоставной исполнительный орган, мадам. Пять человек, — Д. Ж. вытянул руку и растопырил пальцы, — служат в течение пяти лет, каждый год сменяя друг друга. Если кто-либо умирает или по какой-то иной причине становится неспособен осуществлять свои обязанности, проводятся внеочередные выборы. Таким образом обеспечивается преемственность и устраняется опасность единоличного правления. Это также означает, что все решения должны быть согласованы, что занимает время, иногда больше, чем мы можем себе позволить.

— Значит, если один из пяти решительный и сильный…

— …то он навязывает свою точку зрения остальным. Такое иной раз случается, но сейчас этого нет. Главный директор — Джиновус Пандарал. Неплохой человек, но нерешительный, а это

иногда еще хуже. Я уговорил его позволить вашим роботам подняться с вами на сцену, и это оказалось плохой идеей. Теперь он злится на нас обоих.

— Почему это плохая идея? Люди были довольны.

— Слишком довольны, миледи. Мы хотели, чтобы вы стали нашей любимой космонитской героиней, но не собирались накалять общественное мнение: нам не нужна преждевременная война. Вы очень хорошо сказали о долгожительстве, вы заставили их ценить короткую жизнь, но затем вы заставили их аплодировать роботам, а этого мы не хотим. Поэтому мы не слишком одобряем реакцию публики на упоминание о родстве с космонитами.

— Вы не хотите преждевременной войны, но не хотите и преждевременного мира?

— Очень верно сказано, мадам.

— Чего же вы хотите?

— Мы хотим всю Галактику. Мы хотим заселить каждую пригодную для обитания планету и основать Галактическую империю. И мы не хотим вмешательства космонитов. Пусть остаются на своих планетах и живут, как им нравится, но вмешиваться они не должны.

— Но тогда вы запрете их в пятидесяти мирах, как мы много лет назад заперли вас на Земле. Та же старая несправедливость. Вы такой же скверный, как Бастервейн.

— Сейчас ситуация совсем иная. Землян изолировали, дабы подавить их стремление к экспансии. У космонитов такого стремления нет. Вы пошли по иному пути: долгожительство, роботы. Теперь у вас уже не пятьдесят миров: Солярия покинута, со временем это произойдет со всеми. Поселенцы не намерены толкать космонитов на путь вымирания. На каком, собственно, основании мы должны вмешиваться в чужие дела? Но ваша речь подстрекала к этому вмешательству.

— Я рада. Что же, по-вашему, я должна была сказать?

— Я вам говорил: мир, любовь… — и садитесь. Вы могли закончить меньше чем за минуту.

— Я не могу поверить, что вы рассчитывали на такую глупость с моей стороны, — сердито сказала Глэдия. — За кого вы меня принимаете?

— За того, кем вы себя считаете — за человека, который до смерти боится выступить. Откуда мы знали, что вы сумасшедшая, которая за полчаса сумеет убедить жителей Бейлимира громогласно приветствовать то, против чего они восставали

всю жизнь? — Д. Ж. тяжело встал. — Но сейчас я тоже хочу принять душ и хорошенько выспаться, если смогу. Увидимся завтра.

— А когда мы узнаем, что решили ваши директора насчет меня?

— Когда они решат. А это может случиться не так скоро. Спокойной ночи, мадам.

36

— Я сделал открытие, — бесстрастно сказал Жискар, — Я сделал его потому, что впервые за все время моего существования оказался перед тысячами человеческих существ. Будь это два столетия назад, я сделал бы свое открытие тогда. Если бы я не встретился с таким множеством людей, не было бы и открытия. Подумать только, как много важного я мог бы усвоить, но никогда не усвою только потому, что никогда не попаду в нужные условия. Я останусь в полном неведении, если обстоятельства не помогут мне, а на них я не могу рассчитывать.

— Я думаю, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что леди Глэдия, с ее устоявшимся отношением к жизни, не могла бы с таким хладнокровием выступить перед многотысячной аудиторией. Я

полагаю, что ты направил ее и обнаружил, что можешь это сделать без вреда для нее. Это и есть твое открытие?

— Друг Дэниел, я рискнул только ослабить некоторые нити торможения, ослабить лишь настолько, чтобы позволить ей сказать несколько слов и чтобы ее услышали.

— Но она сделала гораздо больше.

— После такого микроскопического вмешательства я обратился к множеству мозгов аудитории. Я никогда не экспериментировал с таким количеством людей, как и леди Глэдия, и был ошеломлен, как и она. Сначала я думал, что ничего не смогу сделать с обширной ментальной спаянностью, которая так и била в меня. Я чувствовал себя беспомощным. Затем я заметил слабое дружелюбие, любопытство, интерес — не могу выразить это словами, — цвет симпатии к леди Глэдии, Я воздействовал на это, и обнаружил, что цвет симпатии уплотняется. Я хотел добиться небольшой реакции в пользу леди Глэдии, которая подбодрила бы ее, а для меня сделала бы обязательным вмешательство в ее собственный мозг. Только это я и сделал. Я не знаю, сколькими нитями нужного цвета я управлял. Но немногими.

— И что дальше, друг Жискар?

— Я обнаружил, что начал нечто вроде автокатализа. Каждая нить, которую я тянул, тащила за собой ближайшую, а обе они тянули еще несколько. Больше я ничего не делал. Легкие движения, звуки, взгляды, казалось, одобряли то, что говорила леди Глэдия, и побуждали к этому других. Затем я обнаружил нечто еще более странное. Все эти маленькие знаки одобрения, которые я мог уловить лишь потому, что мозги были открыты мне, леди Глэдия тоже уловила, и торможение в ее мозгу пропало без моего вмешательства. Она стала говорить быстрее, откровеннее, и публика реагировала активнее, чем раньше, и тоже без моего вмешательства. Потом начались истерия, шторм, буря мысленного грома и молний такой интенсивности, что я закрыл свой мозг, иначе это могло бы перегрузить мои контуры. За все свое существование я никогда еще не сталкивался с подобным явлением, однако все это началось с незначительного изменения, внесенного мною в эту толпу, какое я раньше вносил в небольшую горстку людей. Я подозреваю, что эффект распространился на большую территорию, чем та, которая воспринимала мое внушение, поскольку прошел по гиперволне.

— Я не понимаю, как это могло случиться, друг

Жискар.

— Я тоже не понимаю. Я не человек. Я никогда не обладал человеческим мозгом со всеми его сложностью и противоречиями, поэтому не понимаю механизма его реакций. Но, по-видимому, толпой управлять легче, чем индивидуумом. Это выглядит парадоксом. Казалось бы, чем тяжелее груз, тем больше усилий. Большое расстояние проходишь медленнее, чем малое. Почему же большое количество народа покачнуть легче, чем несколько человек? Ты, друг Дэниел, думаешь, как человек. Можешь ты это объяснить?

— Ты сам, друг Жискар, сказал, что это эффект автокатализа, какая-то зараза. Маленькая искорка может сжечь дотла целый лес.

Жискар молчал и, казалось, глубоко задумался.

— Не зараза, а эмоции, — наконец сказал он. — Мадам Глэдия выбрала аргументы, которые, по ее мнению, должны были взволновать аудиторию, Она не пыталась доказать ей что-то. Возможно, чем больше толпа, тем легче ее поколебать именно эмоциями, а не разумом. Поскольку эмоций мало, а разумов много, поведение толпы легче предсказать, чем поведение одной личности. Это, в свою очередь, означает, что если законы, которые должны развиться для улучшения хода

истории, можно предсказать, то нужно иметь дело с возможно большим количеством людей. Чем больше, тем лучше. Это и должно быть первым законом психоистории, ключом к изучению Человека, Но…

— Да?

— Видимо, я поэтому так долго шел к пониманию этого, что я не человек. Человек же, возможно, инстинктивно понимает свой мозг и поэтому знает, как управлять другими такими же. Мадам Глэдия, не имея никакого ораторского опыта, выступила перед аудиторией мастерски. А насколько было бы лучше, если бы это был кто-то вроде Элайджа Бейли. Друг Дэниел, ты подумал о нем?

— Ты видишь его образ в моем мозгу? Удивительно!

— Нет, я не вижу его. Я не могу принимать твои мысли, но чувствую эмоции и настроение и знаю по прошлому опыту, что такая текстура твоего мозга ассоциируется с Элайджем Бейли.

— Мадам Глэдия упомянула о том, что я последний видел Элайджа Бейли живым, и я снова вспомнил то, что он мне тогда сказал, и думаю об этом сейчас.

— Почему, друг Дэниел?

— Я ищу выражение. Я чувствую, что это важно.

— Как он мог сказать что-то важное, не прибегнув к словам? Если там было нечто важное, Элайдж Бейли должен был сказать это.

— Возможно, — медленно ответил Дэниел, — партнер Элайдж и сам не понимал значения того, что он сказал.

Глава десятая
После выступления
37

Память!

Она лежала в мозгу Дэниела, как закрытая книга, всегда готовая для чтения. Некоторые ее эпизоды вспоминались часто, поскольку хранили необходимую в тот или иной момент информацию, и лишь к очень немногим Дэниел обращался только потому, что хотел почувствовать их текстуру. Таких было очень мало, по большей же части те, которые относились к Элайджу Бейли.

Много десятилетий назад, когда Элайдж Бейли был еще жив, Дэниел и мадам Глэдия приехали в Бейлимир. Когда они вышли на орбиту Бейлимира, на их маленьком корабле появился Бентли

Бейли. Это был довольно грубый мужчина средних лет. Он посмотрел на Глэдию несколько враждебно и сказал:

— Вы не можете увидеть его, мадам.

Глэдия заплакала.

— Почему?

— Он не хочет, мадам, и я должен уважать его желания.

— Я не могу поверить, мистер Бейли.

— У меня есть его собственноручная записка и запись голоса. Я не знаю, узнаете ли вы его почерк и голос, но даю вам честное слово, что так оно и есть и на него не оказывалось никакого постороннего влияния, когда он делал эту запись.

Глэдия ушла в свою каюту, где в одиночестве прочитала записку и прослушала запись. Затем она вышла, как будто надломленная, но сказала твердо:

— Дэниел, ты высадишься один, повидаешь его, а потом сообщишь мне обо всем, что он сделает или скажет.

— Да, мадам.

Дэниел перешел на корабль Бентли.

— На эту планету роботы не допускаются, Дэниел, — сказал Бентли, — но для вас сделано исключение, потому что это желание моего отца,

а его здесь очень уважают. Лично я ничего не имею против вас, вы понимаете. Но ваше присутствие на планете должно быть ограниченным. Вы пойдете прямо к отцу, а когда он закончит беседовать с вами, вас сразу же отвезут на орбиту. Вы понимаете?

— Понимаю, сэр. Как ваш отец?

— Он умирает, — ответил Бентли, пожалуй, намеренно грубо.

— Я это тоже понимаю, — сказал Дэниел.

Голос его заметно дрогнул, естественно, не от эмоций, а потому что сознание смерти человека, хоть и неизбежной, нарушало его позитронные пути.

— Я имел в виду, долго ли ему осталось жить?

— Он мог бы уже умереть, но цеплялся за жизнь, поддерживая себя мыслью о том, что должен увидеться с вами.

Они приземлились. Планета была большой, но ее обитаемая часть оказалась крошечной. День был облачный, недавно прошел дождь. Широкие прямые улицы были пусты, словно в знак того, что жители не желают смотреть на робота.

Наземный кар привез его к дому, который был побольше остальных.

Они вошли в дом. У двери в комнату Бентли

остановился.

— Мой отец там. Идите один. Он не хотел, чтобы я шел с вами. Идите. Вы, наверное, не узнаете его.

Дэниел вошел в темную комнату. Глаза его быстро привыкли к темноте, и он увидел покрытое простыней тело внутри прозрачного кокона, который слабо поблескивал. В комнате стало чуть светлее, и Дэниел отчетливо увидел лицо.

Бентли был прав. Дэниел не узнал своего бывшего партнера. Его лицо было изможденным, костлявым.

Глаза лежащего были закрыты, и Дэниелу показалось, что он видит мертвеца. Он никогда не видел мертвого человека, и когда эта мысль пришла ему в голову, он покачнулся — ноги не держали его.

Глаза старика открылись, и слабая улыбка пробежала по бледным сморщенным губам.

— Дэниел, мой старый друг Дэниел!

Этот шепот отдаленно напоминал голос Элайджа Бейли. Из-под простыни медленно возникла рука, и Дэниелу показалось, что он все-таки узнал Элайджа.

— Партнер Элайдж, — тихо сказал он.

— Спасибо, Дэниел, что вы приехали.

— Это для меня было важно, партнер Элайдж.

— Я боялся, что вам не позволят. Они, даже мой сын, считают вас роботом.

— Я и есть робот.

— Для меня — нет, Дэниел. А вы не изменились. Я не очень ясно вижу вас, но мне кажется, что вы все такой же, каким я вас помню. Когда я в последний раз видел вас? Тридцать один год назад?

— Да, и за это время я не изменился, так что видите — я действительно робот.

— Зато я очень изменился. Я бы не позволил вам увидеть меня таким, но я слишком слаб, чтобы противиться желанию увидеть вас еще раз.

Голос Бейли немного окреп, словно старику стало лучше при виде Дэниела.

— Я рад видеть вас, партнер Элайдж, как бы вы ни изменились.

— А леди Глэдия? Как она?

— Хорошо. Она приехала со мной.

— Она не… — Болезненная тревога появилась в голосе Бейли.

— Нет, она осталась на орбите. Ей объяснили, что вы не хотите ее видеть, и она поняла.

— Это не так. Я очень хотел ее видеть, но этому искушению я сумел противостоять. Она не изменилась?

— Она осталась такой же, какой вы видели ее в последний раз.

— Это хорошо. Но я не мог позволить ей увидеть меня таким. Я не хочу, чтобы таким было ее последнее воспоминание обо мне. Вы — другое дело.

— Потому что я робот, партнер Элайдж.

— Бросьте, Дэниел, — раздраженно сказал Бейли. — Вы не могли бы больше значить для меня, даже если бы были человеком. — Он немного полежал молча и продолжил: — Все эти годы я ни разу не писал ей и не вызывал по гипервидению. Я не мог позволить себе вмешиваться в ее жизнь. Она все еще замужем за Гремионисом?

— Да, сэр.

— И счастлива?

— Я не могу судить. По ее поведению нельзя предположить, что она несчастна.

— Дети есть?

— Разрешено иметь двоих.

— Она не сердилась, что я не подавал о себе вестей?

— По-моему, она понимала ваши мотивы.

— Она когда-нибудь говорила обо мне?

— Почти никогда, но, по мнению Жискара, она часто думает о вас.

— А как Жискар?

— Функционирует правильно.

— Значит, вы тоже знаете о его способностях?

— Он говорил мне, мистер Элайдж.

Бейли снова помолчал, потом пошевелился.

— Дэниел, я хотел видеть вас здесь, чтобы убедиться, что вы не изменились, что дыхание лучших дней моей жизни все еще живет, что вы помните меня и будете помнить. Но еще я хотел сказать вам кое-что. Я скоро умру, Дэниел, и знаю, что это известие дойдет до вас. Даже если бы вас не было здесь, если бы вы были на Авроре, вам было бы известно. О моей смерти объявят в галактических новостях. — Его грудь колыхнулась от слабого беззвучного смеха. — Кто бы мог подумать когда-то? Глэдия, конечно, тоже услышит. Но она знает, что я должен умереть, и примет это как печальный факт. Но я боялся, какое впечатление это произведет на вас, поскольку вы, как вы настаиваете, а я отрицаю, робот. Ради прошлого вы, возможно, считаете своим долгом уберечь меня от смерти, но сделать это не можете. И потому данное обстоятельство произведет на вас нежелательное воздействие. Поэтому давайте договоримся.

Голос Бейли слабел. Дэниел сидел неподвиж-

но, но лицо его против обыкновения отражало эмоции — заботу и печаль. Глаза Бейли были закрыты, и он не видел этого.

— Моя смерть, Дэниел, не имеет значения. Среди людей ни одна индивидуальная смерть не имеет значения. Умирая, человек оставляет после себя свои дела и не умирает полностью, пока существует человечество, Вы понимаете меня?

— Да, партнер Элайдж.

— Дело каждого индивидуума есть часть общего дела, а потому становится неумирающей частью целого. Это целое — человеческие жизни прошлого, настоящего и грядущего, это ковер, который десятки тысячелетий растет и хорошеет. Космониты — краешек ковра, они тоже добавляют совершенства и красоты в узор. Индивидуальная жизнь — всего лишь нитка в его основе, а что такое нитка в сравнении с целым? Дэниел, думайте о ковре и не вспоминайте об одной выдернутой нити. В нем так много других нитей, каждая нужна, каждая участвует…

Бейли замолчал. Дэниел терпеливо ждал. Бейли открыл глаза, увидел Дэниела и слегка нахмурился.

— Вы еще здесь? Вам пора. Я сказал все, что хотел.

— Я не хочу уходить, партнер Элайдж.

— Вы должны. Я не могу больше бороться со смертью. Я страшно устал. Я хочу умереть. Пора.

— Я не могу подождать?

— Я не хочу. Если я умру на ваших глазах, это может скверно подействовать на вас, несмотря на все мои слова. Уходите. Я приказываю. Я позволю вам быть роботом, если желаете. Но в этом случае вы должны повиноваться моим приказам. Вы не можете спасти мне жизнь и ничего не можете сделать, так что Второй Закон тут ни при чем. Идите! — Умирающий указал на дверь и добавил: — Прощайте, друг Дэниел.

Дэниел медленно повернулся, с невероятным затруднением повинуясь приказу.

— Прощайте, партнер... — Он сделал паузу и хрипловато закончил: — Прощайте, друг Элайдж.

Бентли встретил его в другой комнате.

— Он еще жив?

— Был жив, когда я уходил.

Бентли пошел к отцу и тут же вернулся.

— Уже нет. Он увиделся с вами и ушел.

Дэниел прислонился к стене. Прошло некоторое время, прежде чем он смог встать, ни на что не опираясь. Вскоре они вернулись на малень-

кий корабль и отправились на орбиту, где ждала Глэдия.

Она тоже спросила, жив ли еще Элайдж, и когда ей сказали, что умер, повернулась и с сухими глазами ушла в свою каюту. Плакать.

37a

Дэниел продолжал, словно короткое воспоминание о смерти Элайджа Бейли не ворвалось в ход его мыслей.

— Теперь, в свете речи мадам Глэдии, я как-то лучше понимаю, о чем говорил партнер Элайдж.

— В каком смысле?

— Я еще не вполне уверен. Очень трудно думать о том, о чем я пытаюсь думать.

— Я буду ждать, сколько нужно, — сказал Жискар.

38

Джиновус Пандарал был высок и не очень стар, Копна густых белых волос и пушистые белые баки придавали ему достойный и изысканный вид. Его внешность лидера помогала ему продви-

гаться по службе, но сам он прекрасно знал, что его наружность много значительнее внутреннего содержания.

Когда его избрали в директорат, он довольно быстро утратил первоначальный энтузиазм. Место оказалось хлопотливым, и, автоматически поднимаясь по службе каждый год, он сознавал это все яснее.

Сейчас Пандарал был главным директором. В прежние времена задачи управления не были достаточно сложными. Чем был Бейлимир во времена Нефи Морлера восемь десятилетий назад? Маленьким мирком, кучкой ферм и городков, сгруппировавшихся вокруг пригородных коммуникационных линий. Население не превышало пяти миллионов, а основной статьей дохода был экспорт древесины и немного — титана. Под влиянием Хена Фастольфа с Авроры, который относился к поселенцам более или менее благосклонно, космониты полностью игнорировали их, и жизнь была проста. Когда хотелось вдохнуть культуры или подучиться, ездили на Землю. Да и встречный поток мигрантов с Земли не иссякал. Мощность земного источника была неистощима.

Так почему же Морлер не стал тогда главным

директором? Ему же нечего было делать.

В будущем управление, наверное, опять станет простым. Поскольку космониты продолжают вырождаться — каждый школьник знал, что они вырождаются и должны погрязнуть в противоречиях своего общества, правда, сам Пандарал был не вполне в этом уверен, — а число и сила поселенцев растут, скоро настанет время, когда жизнь снова будет безмятежной.

Поселенцы будут спокойно жить и развивать собственные технологии.

Когда Бейлимир, а равно и остальные миры станет таким же, как Земля, а новых поселений будет еще больше, появится Великая галактическая империя. И как старейший и наиболее населенный из Поселенческих миров Бейлимир будет занимать в этой Империи первое после Земли место.

Но, увы, Пандарал был главным директором не в прошлом и не в будущем, а сейчас.

Хен Фастольф умер, но Калдин Амадейро жив.

Амадейро еще два столетия назад был против того, чтобы Земле разрешили отправлять поселенцев, и он все еще жив и может доставить еще много неприятностей. Космониты пока достаточно сильны, их не сбросишь со счетов, а

поселенцы еще не настолько окрепли, чтобы уверенно идти вперед. Но поселенцы каким-то образом сдерживали космонитов, и равновесие не слишком изменилось.

Задача умиротворять космонитов, а в поселенцах поддерживать решительность и одновременно здравомыслие падала, в основном, на плечи Пандарала, что было для него нежелательно и неприятно.

Это было холодное серое утро, шел снег. Пандарал брел по отелю один. Он не пожелал идти со свитой.

Охранники вытягивались, когда он проходил мимо, но он почти не замечал их. Капитан охраны вышел ему навстречу.

— Никаких неприятностей, капитан? — спросил Пандарал.

— Никаких, директор. Все спокойно.

Пандарал кивнул:

— В какой комнате Бейли? Ага. А космонитка и ее роботы под охраной? Хорошо.

Он пошел дальше, Вообще-то Д. Ж. вел себя хорошо.

Покинутая Солярия, где было превеликое множество роботов, могла бы стать источником сказочных прибылей, хотя прибыли ни в коей

мере нельзя было считать естественным эквивалентом безопасности, мрачно думал Пандарал. Но Солярию, набитую ловушками, лучше оставить в покое. Д. Ж. хорошо сделал, что сразу же убрался оттуда и взял с собой ядерный усилитель. Подобные приборы были настолько массивны, что ими можно было пользоваться только в громадных устройствах, предназначенных для уничтожения вторгшихся кораблей, к тому же они еще не вышли из стадии разработки. Да, слишком уж они огромны. Совершенно необходимо иметь меньшие варианты, и Д. Ж. правильно рассудил, что куда важнее всех роботов, вместе взятых, привезти в Бейлимир этот прибор. Этот усилитель должен здорово помочь ученым Бейлимира.

Однако, если один Внешний мир имел портативный усилитель, то почему бы не иметь и другим? Если это оружие поместить в корабль, космический флот может без труда уничтожить любое количество Поселенческих миров. Как далеко они ушли в этом развитии и как скоро Бейлимир сможет прогрессировать в том же направлении с помощью привезенного Д. Ж. усилителя?

Пандарал постучал в дверь комнаты Д. Ж., не дожидаясь ответа, вошел и сел без приглашения.

Это были немногие полезные преимущества звания главного директора.

Д. Ж. выглянул из ванной и сказал сквозь полотенце, которым вытирал голову:

— Рад был бы приветствовать господина директора надлежащим образом, но вы застали меня в крайне недостойном виде, поскольку я только что из-под душа.

— Ладно, заткнитесь, — раздраженно пробормотал Пандарал.

Обычно он всегда радовался неистощимому остроумию Д. Ж., но не сегодня. В каком-то смысле он никогда по-настоящему не понимал Д. Ж.

Д. Ж. был Бейли, прямой потомок великого Элайджа и основателя Бентли. Это делало его естественным кандидатом на пост директора, к тому же, он был добродушен, что нравилось публике. Однако он выбрал карьеру торговца, трудную и опасную. Она могла сделать его богатым, а могла и убить или, что еще хуже, преждевременно состарить.

Кроме того, Д. Ж. месяцами отсутствовал в Бейлимире, а Пандарал предпочитал его советы советам большинства членов его ведомства.

Никто никогда не мог догадаться, серьезен ли Д. Ж., но слушать он умел.

Пандарал тяжело вздохнул:

— Я не думаю, что речь этой женщины была лучшим из того, что могло случиться с нами.

Д.Ж., одеваясь, пожал плечами:

— Кто мог предвидеть это?

— Вы могли. Вы должны были узнать о ней все, прежде чем везти ее с собой.

— Так я и узнал о ней все, директор. Более тридцати лет она прожила на Солярии. Она выросла там и жила в окружении одних роботов. Людей она видела только на трехмерном экране, за исключением мужа, но и тот не часто посещал ее. Когда она приехала на Аврору, ей трудно было приспособиться, и даже там она жила в основном среди роботов. За два с лишним века она едва ли видела одновременно человек двадцать, а здесь было четыре тысячи. Я думал, что она скажет несколько слов, если вообще сможет открыть рот. Откуда мне было знать, что она такой оратор?

— Вы должны были остановить ее. Вы же сидели рядом.

— Вы хотели скандала? Люди восхищались ею. Вы были там и знаете, что, если бы я заставил ее сесть. Слушатели полезли бы на сцену. Но ведь и вы, директор, не пытались остановить ее.

Пандарал покашлял.

— Я думал об этом, но каждый раз, когда оглядывался, встречался глазами с роботом — ну, тем, который похож на робота.

— С Жискаром. Ну и что? Он же не мог ничего вам сделать.

— Я знаю, но он нервировал меня и каким-то образом смирял.

— Ладно, директор, это неважно, — сказал Д. Ж.

Он уже оделся и придвинул к собеседнику поднос с завтраком.

— Кофе еще горячий, берите булочку и джем. Все прошло хорошо. Не думаю, что публика преисполнится любовью к космонитам и испортит нашу политику. Случившееся даже может пойти нам на пользу. Если космониты узнают, к чему она призывала, партия Фастольфа может усилиться. Несмотря на то что Фастольф умер, партия его жива, и нам нужно поддержать ее политику умеренности.

— Я думаю о том, — сказал Пандарал, — что через пять месяцев соберется Всепоселенческий конгресс и я услышу множество ядовитых намеков на умиротворение Бейлимира и на любовь ее жителей к космонитке. — И угрюмо добавил: — Чем меньше планета, тем больше на ней яст-

ребов.

— А вы найдите на это достойный ответ, — посоветовал Д. Ж. — На публике держитесь по-государственному, а их отведите в сторонку, посмотрите прямо в глаза и скажите, что в Бейлимире свобода слова и мы намерены поддерживать ее и в дальнейшем. Скажите им, что Бейлимир принимает близко к сердцу интересы Земли, но если какая-нибудь планета захочет доказать большую преданность Земле тем, что объявит войну космонитам, Бейлимир будет с интересом наблюдать, но и только. Такое заявление заткнет им глотки.

— Ой, нет, — с тревогой сказал Пандарал. — Об этом может стать известно, уж тогда так завоняет…

— К сожалению, вы правы. Впрочем, не думайте об этом и не позволяйте этим безмозглым горлопанам уговорить вас.

Пандарал вздохнул:

— Я полагаю, что мы справимся, но прошлый вечер сорвал все наши планы. Вот о чем я жалею.

— Какие планы?

— Когда вы уехали с Авроры на Солярию, за вами последовали два аврорианских корабля. Вы

об этом знали?

— Нет, но предполагал что-то в этом роде, — равнодушно ответил Д. Ж. — Именно по этой причине я и старался попасть на Солярию обходным путем.

— Один из аврорианских кораблей приземлился на Солярии в нескольких тысячах километров от вас, так что он, похоже, не собирался следить за вами, а второй остался на орбите.

— Разумно. Я бы сделал то же самое, если бы имел в своем распоряжении второй корабль.

— Приземлившийся второй корабль был уничтожен в считанные часы. Тот, что остался на орбите, сообщил об этом и получил приказ вернуться. Торговая мониторная станция перехватила его сообщение и передала нам.

— Оно было не кодированным?

— Нет, конечно, кодированным, но мы раскрыли код.

Д. Ж. задумчиво кивнул:

— Очень интересно. Я полагаю, у них на борту не было никого, кто говорил бы по-соляриански.

— Ясное дело. Если никто не знает, куда девались соляриане, эта ваша женщина — единственная солярианка в Галактике.

— И аврориане отдали ее мне. Не повезло им.

— Во всяком случае я хотел объявить о гибели аврорианского корабля вчера вечером. Просто как факт, без злорадства. Это, наверное, взволновало бы всех поселенцев в Галактике, ведь мы вернулись, а аврориане — нет.

— Но она же солярианка, — сухо сказал Д. Ж., — а не аврорианка.

— Прекрасно. Это тоже выставило бы тебя и женщину в хорошем свете. Но теперь все ни к чему, После того, что она сделала, ничего не имеет значения, даже известие о гибели аврорианского корабля.

— После того, как все аплодировали любви и родственным отношениям, было бы противоестественным через полчаса рукоплескать смерти двухсот аврорианских родственников.

— Я тоже так думаю. А какой был общий душевный порыв — и мы его упустили.

Д. Ж. нахмурился.

— Забудьте об этом, директор. Вы сможете развернуть пропаганду в более подходящее время. Важно одно: что все это означает. Аврорианский корабль сокрушен. Это значит, что он не ожидал, что против него применят ядерный усилитель. Второму кораблю приказали возвращаться, и это может означать, что корабль не был снабжен за-

щитой от такого оружия, а может быть, подобной защиты у них и вовсе нет. Отсюда я делаю вывод: портативный усилитель, или хотя бы полупортативный — исключительно солярианского производства, а не общекосмонитского. Если так, то это хорошее известие для нас. Так что в данный момент не беспокойтесь о своей пропаганде, а сосредоточьтесь лучше на том, чтобы добыть максимум информации об этом усилителе. Было бы неплохо опередить в этом космонитов.

Пандарал прожевал кусок булочки и сказал:

— Наверное, вы правы, но как в этом случае отнестись к другой информации?

— Какой? Послушайте, директор, вы собираетесь дать мне информацию, которая мне нужна, чтобы вести разумную беседу? Или намерены бросать ее частями в воздух и заставлять меня прыгать за ней?

— Не злитесь, Диджи. Не было бы смысла разговаривать с вами, если бы я не мог держаться свободно. Вы знаете, что такое совещание директората? Не желаете ли взять на себя мою работу? Вы можете ее получить, как вам известно.

— Нет, спасибо, не хочу. Я хочу только получить от вас немного информации.

— Нам передали послание с Авроры, срочное.

Они соизволили обратиться непосредственно к нам, а не через Землю.

— Стало быть, важное послание. Что же они хотят?

— Они хотят, чтобы солярианка вернулась домой.

— Значит, они знают, что наш корабль покинул Солярию и вернулся в Бейлимир. У них тоже есть мониторные станции, и они тоже перехватывают наши сообщения.

— Наверняка, — раздраженно сказал Пандарал. — Они расшифровывают наши коды так же быстро, как и мы их. Мы квиты.

— Они сказали, зачем им женщина?

— Конечно, нет! Космониты не объясняют, а приказывают.

— Может, они знают, что она сделала на Солярии? Поскольку никто из них не говорит по-соляриански, может, они хотят, чтобы она очистила планету от надзирателей?

— Откуда им было узнать, Диджи? Мы объявили об этом только вчера вечером, а послание с Авроры получено гораздо раньше. Но неважно, зачем она им. Вопрос в другом: что нам делать? Если мы не вернем ее, то можем обострить отношения с Авророй, если вернем, будем неважно

выглядеть в глазах наших жителей, а старик Бастервейн станет кричать, что мы пресмыкаемся перед космонитами.

Собеседники посмотрели друг другу в глаза.

— Мы вернем ее, — сказал Д. Ж. — В конце концов она космонитка и гражданка Авроры. Мы не можем удерживать ее здесь против воли Авроры, иначе поставим под удар всех торговцев, которые появляются на территории космонитов. Но отвезу ее я, директор, и вы не сможете меня ни в чем упрекнуть. Когда я увозил ее на Солярию, то пообещал, что верну ее на Аврору. Официально это нигде не записано, но я человек чести, и должен сдержать обещание. Это может обернуться к нашей выгоде.

— Каким образом?

— Придумаем. Однако, директор, мой корабль должен быть отремонтирован для полета. А моим людям нужна премия. Они же лишаются отпуска.

39

Несмотря на то что Д. Ж. предполагал появиться на своем корабле не раньше, чем через три месяца, он, как ни странно, пребывал в благодушном

настроении.

Несмотря на то что Глэдия теперь имела на корабле помещение более роскошное, чем раньше, она, как ни странно, была несколько удручена.

— Зачем все это, Диджи?

— Смотрите в зубы дареному коню?

— Я просто спрашиваю — почему?

— По одной причине, миледи: вы — героиня класса А, а когда корабль ремонтировался, это помещение было решено отдать вам.

— Но ведь корабль не стал больше. У кого отняли?

— Вообще-то это была комната отдыха для команды, но ребята настаивали. Вы помните Нисса?

— Конечно.

— Он хочет, чтобы вы взяли его на работу вместо Дэниела. Он говорит, что Дэниел не рад работе и извиняется перед своими жертвами, а он, Нисс, отлупит всякого, кто доставит вам хоть малейшую неприятность, сделает это с удовольствием и, уж конечно, не станет извиняться.

Глэдия улыбнулась:

— Скажите ему, что я польщена его предложением, и в следующий раз, когда мы с ним увидимся, с удовольствием пожму ему руку. В тот

раз я отказалась, а, наверное, зря.

— Надеюсь, вы наденете перчатки, когда станете пожимать руки.

— Конечно, но я вот думаю, так ли это необходимо. Я уже не так часто простужаюсь, с тех пор как уехала с Авроры. Инъекции, которые мне сделали, видимо, укрепили мою иммунную систему. — Она снова огляделась. — Вы даже сделали ниши для Дэниела и Жискара. Вы очень внимательны, Диджи.

— Мадам, мы очень старались, чтобы вы были довольны.

— Странное дело, — сказала Глэдия, словно сама удивлялась тому, что хотела сказать. — Я не уверена, что хочу уезжать с вашей планеты.

— Вот как? Холод, снег, грязно, убого, огромные вопящие толпы всюду. Что может привлекать вас здесь?

Глэдия покраснела.

— Уж конечно, не толпы.

— Позволю себе поверить вам, мадам.

— Дело совсем в другом. Я никогда ничего не делала. Я занимала себя всевозможными способами. Я занималась светоскульптурой и экзодизайном роботов. Я занималась любовью, была женой и матерью и ни в чем не чувствова-

ла себя личностью. Если бы я внезапно исчезла из жизни или вообще никогда не родилась, это никого бы не огорчило, кроме, может быть, одного-двух близких друзей. Теперь же дело другое.

— Да? — Чуть заметная усмешка проскользнула в голосе Д. Ж.

— Да! Я могу влиять на людей. Я могу выбрать дело и сделать его своим. Я выбрала такое дело: я хочу предупредить войну. Я хочу, чтобы Вселенную заселили и космониты и поселенцы одинаково. Я хочу работать над этим, чтобы после меня история изменилась благодаря мне, и люди сказали бы: «Если бы не она, все могло быть гораздо хуже». — Она повернула к Д. Ж. сияющее лицо. — Понимаете ли вы, что значит после двух с лишним столетий безделья получить шанс стать кем-то, узнать, что жизнь вовсе не пуста и бессодержательна, что есть в ней нечто удивительное, стать счастливой через много лет после того, как была утрачена всякая надежда на счастье?

— Но вы этого ничего не получите в Бейлимире, мадам, — сказал Д. Ж. чуточку смущенно.

— Я не получила бы этого на Авроре. Там я всего лишь солярианская женщина, эмигрантка. А в Поселенческом мире я космонитка — нечто необычное.

— Однако вы много раз и очень настойчиво утверждали, что хотите вернуться на Аврору.

— Раньше — да, но сейчас я не хочу этого, Диджи. Теперь я не хочу возвращаться.

— Это могло бы оказать большое влияние на Бейлимир. Но Аврора желает вашего возвращения. Так она нам заявила.

Глэдия оторопела.

— Они хотят этого?

— Официальное письмо за подписью Председателя Авроры требует вашего возвращения. Мы бы рады оставить вас у себя, но директорат решил, что это может вызвать обострение межзвездных отношений. Я не согласен с этим, но мне приказали.

Глэдия нахмурилась.

— Зачем я им? Я жила на Авроре больше двух столетий, и мною никогда не интересовались. А может, теперь они считают, что только я могу остановить надзирателей на Солярии? Как вы думаете?

— Такая мысль приходила мне в голову, миледи.

— Но я не могу. Да, я оттаскивала надзирательницу за волосы, но никогда не смогу повторить того, что сделала. Я знаю, что не смогу. Кроме

того, зачем им высаживаться на планету? Они могут уничтожить надзирателей на расстоянии, раз они теперь знают, что это за надзиратели.

— Дело в том, что послание с Авроры было получено задолго до того, как на Авроре могли узнать о вашем конфликте с надзирательницей. У них есть какая-то другая причина требовать вашего возвращения.

— О! — Глэдия выглядела совершенно ошеломленной, но скоро она пришла в себя. — Мне наплевать на их причины. Я не хочу возвращаться. У меня здесь работа, и я собираюсь продолжить ее.

Д. Ж. встал.

— Рад слышать это от вас, мадам Глэдия. Я надеялся, что вы захотите так поступить. Я обещаю вам, что, оставляя Аврору, сделаю все возможное, чтобы взять вас с собой. Однако сейчас я должен отправляться на Аврору, и вы должны ехать со мной.

40

Глэдия смотрела на исчезающий Бейлимир и испытывала совершенно иные чувства, нежели те, с которыми приближалась к этой планете.

Да, это действительно холодный, серый, жалкий мир, каким он и показался поначалу, но в нем были человеческие жизнь и тепло, реальные, основательные.

Солярия, Аврора, другие Внешние миры, которые она посещала или видела по гипервидению, казались ей наполненными чем-то… газообразным. Неважно, сколько именно людей живут в том или ином Внешнем мире, они разлетаются по планете, как молекулы газа в какой-нибудь емкости. Кажется, что космониты отталкиваются друг от друга.

Глэдия мрачно подумала, что так оно и есть. Космониты всегда отталкивали ее.

Она привыкла к этому на Солярии, но даже на Авроре, где она сначала так безрассудно экспериментировала с сексом, близость была близостью словно по необходимости.

Исключение — Элайдж. Но Элайдж не был космонитом.

Бейлимир оказался не таким. Наверное, все Поселенческие миры не такие. Поселенцы держатся вместе, вокруг них огромные пустынные пространства — впрочем, пустынные до тех пор, пока растущее население не осваивает их. Поселенческий мир — это мир, заполненный людьми,

камнями, булыжниками — всем, чем угодно, но не газом.

Почему так? Из-за роботов. Они уменьшают зависимость людей друг от друга. Они заполняют промежутки. Они являются своеобразным изоляционным материалом, уменьшающим естественную тягу людей друг к другу, и в результате вся система оказывается в изоляции.

Да, конечно. Нигде не было столько роботов, как на Солярии, и изоляционный эффект там настолько велик, что маленькие частички этого газа — люди — становились такими инертными, что почти не общались между собой. «Куда же ушли соляриане? — думала Глэдия. — И как они живут?»

Длинная жизнь тоже, наверное, играла свою роль. Как могут добрые чувства существовать долгие десятилетия и не превратиться в озлобленность? А если человек умирал, как другой мог переносить утрату столько десятилетий? Поэтому-то люди учились подавлять эмоциональную привязанность и держались друг от друга подальше.

С другой стороны, люди, которые живут мало, не успевают ощутить всей прелести жизни. И это чувство передается из поколения в поколение,

словно мяч, который перебрасывают из рук в руки, не давая ему коснуться земли.

Недавно Глэдия жаловалась Д. Ж., что ей нечего делать, потому что она испытала все и передумала обо всем и ей осталось только скучать. Ей даже не снилось, что она может стоять перед толпой людей, говорить с ними, чувствовать их, слиться с ними в единый большой организм. Она даже мечтать не могла испытать то, что испытала. А сколько еще такого, о чем она не знала, не подозревала, несмотря на то что так долго прожила! Что еще можно испытать?

— Мадам Глэдия, — мягко сказал Дэниел, — капитан хочет войти.

— Впусти его.

Д. Ж. вошел.

— Я думал, что вас нет дома.

Глэдия улыбнулась:

— Можно сказать и так. Я задумалась, да так, что заблудилась в мыслях. Со мной это иногда случается.

— Счастливая женщина! А мои мысли никогда не бывают такими глубокими, чтобы я в них потерялся. Ну, вы примирились с тем, что вам придется вернуться на Аврору, мадам?

— Нет. Среди мыслей, в которых я заблудилась,

была и та, которую я все еще не могу усвоить: зачем вам ехать на Аврору? Ведь не затем же, чтобы отвезти меня: это мог сделать любой грузовой корабль.

— Могу я сесть, мадам?

— Конечно. И нечего спрашивать, капитан. Я хотела бы, чтобы вы перестали обращаться со мной, как с аристократкой. Это становится утомительным. А если вы таким образом хотите напомнить мне, что я космонитка, тогда еще хуже. И я даже предпочла бы, чтобы вы звали меня просто Глэдия.

— Вы, кажется, хотите отказаться от своей космонитской сущности, Глэдия?

— Я просто хочу забыть о несущественных различиях.

— Несущественных? Ваша жизнь в два раза длиннее моей.

— Как ни странно, я считаю это досадным недостатком космонитов. Скоро мы достигнем Авроры?

— На этот раз обходных маневров не будет. Через несколько дней делаем прыжок, а там два-три дня — и Аврора.

— А зачем вам-то ехать на Аврору, Диджи?

— Я мог бы сказать: просто из вежливости —

но в действительности я хочу воспользоваться случаем, чтобы объяснить вашему Председателю или хотя бы кому-то из его подчиненных, что произошло на Солярии.

— Разве они этого не знают?

— В целом знают. Они перехватывали наши сообщения, как и мы поступали бы, будь мы на их месте. Однако они могут сделать неверные выводы, и в этом случае я хотел бы их поправить.

— И какой же вывод верный?

— Как вы знаете, надзиратели на Солярии обучены считать существо человеком лишь в том случае, если оно говорит по-соляриански, как вы. Это означает, что не только поселенцы, но и все космониты-несоляриане людьми не считаются. Таким образом, аврориане, высадившиеся на Солярии, не были приняты за людей.

Глэдия широко раскрыла глаза.

— Невероятно! Соляриане не могли заставить надзирателей относиться к аврорианам так же, как к вам.

— Не могли? Они уже уничтожили авроpианский корабль. Вы знаете об этом?

— Авроpианский корабль! Нет, я не знала.

— Уверяю вас, что это так. Авроpианский корабль приземлился примерно в то же время, что

и мы. Мы улетели, а они — нет. Но у нас были вы, а у них… Отсюда возможен вывод, что Аврора не может автоматически считать союзниками все Внешние миры. И в случае чего каждый Внешний мир будет вынужден действовать самостоятельно.

Глэдия затрясла головой:

— Нельзя так обобщать. Возможно, солярианам трудно было научить надзирателей положительно реагировать на каждый из пятидесяти акцентов и отрицательно — на все остальные: легче приучить их к одному акценту. Соляриане считали, что никто из космонитов не высадится на их пустой планете.

— Да, я уверен, что аврорианское руководство согласится с этим соображением, поскольку людям всегда легче сделать удобный вывод. Но я хочу убедить их и в возможности неудобного вывода, и пусть им станет не по себе. Простите мое самомнение, но, по-моему, никто не сделает это лучше меня, и, следовательно, именно я должен ехать на Аврору.

Глэдия чувствовала, что разрывается на части. Она не хотела быть космониткой, она хотела быть просто человеком и забыть о том, что она называла «несущественными различиями». Но когда

Д. Ж. с таким удовлетворением говорил о том, что поставит Аврору в унизительное положение, она снова почувствовала себя космониткой.

— Я думаю, что Поселенческие миры тоже имеют свои особенности. Разве каждый из них не действует самостоятельно?

Д.Ж. покачал головой:

— Вам может показаться, что так оно и есть, и я не удивлюсь, если каждый поселенец иногда ставит свои интересы и интересы своего мира выше общего блага, но у нас есть то, чего не хватает космонитам.

— А именно? Вы благороднее?

— Конечно, нет. Мы не благороднее, чем космониты, но у нас есть Земля. Это наш мир. Каждый поселенец старается почаще бывать там. Каждый поселенец знает, что существует большой развитый мир с невероятно богатой историей, множеством культур и сложной экологией, к которому он, поселенец, принадлежит. Поселенческие миры могут не ладить между собой, но для выяснения отношений они никогда не применяют силу, потому что земное правительство сразу призовет их к порядку, а решения Земли подлежат немедленному исполнению и не обсуждаются. Вот наши три преимущества, мадам

Глэдия: отсутствие роботов, позволяющее нам строить новые миры своими руками, быстрая смена поколений, что способствует постоянному обновлению, и, самое главное, Земля, наша опора и пристанище.

— Но космониты… — начала было Глэдия и замолчала.

Д. Ж. невесело улыбнулся:

— Вы хотели сказать, что космониты тоже потомки землян и Земля тоже их планета? Фактически правильно. Космониты сделали все, что могли, чтобы отказаться от своего наследства. Они не признают себя потомками землян. Будь я мистиком, я бы сказал, что, оторвавшись от своих корней, космониты долго не просуществуют. Но я не мистик. Поэтому не выражусь в такой форме, но все равно они не смогут выжить, я уверен. — Он помолчал и добавил немного смущенно, словно понял, что задел Глэдию за живое: — Пожалуйста, думайте о себе как о человеке, а не как о космоните, и я буду думать о себе как о человеке, а не поселенце. Человечество выживет, будь то поселенцы, или космониты, или те и другие вместе. Я думаю, что это будут поселенцы, но может, я ошибаюсь.

— Нет, — сказала Глэдия, стараясь выглядеть

спокойной, — Я думаю, что вы правы — люди должны перестать отличать космонитов от переселенцев. Это и есть моя цель — научить их не различать.

— Я задерживаю ваш обед, — сказал Д. Ж. и взглянул на часы. — Могу я поесть с вами?

— Конечно.

Д. Ж. встал.

— Тогда я пойду и принесу. Я бы послал Дэниела или Жискара, но не хочу привыкать приказывать роботам. Кроме того, хоть команда и обожает вас, это обожание вряд ли распространяется на ваших роботов.

Глэдия вообще-то не хотела есть. Она все еще не могла привыкнуть к недостаточно тонкому вкусу еды, которую, видимо, готовили так же, как на Земле. Но невкусной еда не была, и Глэдия стала флегматично жевать.

Д. Ж. заметил, что она ест без интереса, и спросил:

— Надеюсь, пища хорошо усваивается?

— Да. Видимо, я привыкаю. Сначала было немного неприятно но потом прошло.

— Я рад. Но вот что, мадам…

— Вы не представляете, почему аврорианское правительство так настойчиво зовет вас домой?

Дело же не в том, как мы обошлись с надзирательницей или как вы выступили. Они потребовали вашего возвращения до того, как могли узнать об этих событиях.

— В таком случае, — грустно сказала Глэдия, — я им вовсе не нужна и никогда не была нужна.

— Но что-то должно быть. Я же говорил вам, что письмо подписал Председатель Совета Авроры.

— В данном случае именно этого Председателя можно рассматривать как подставное лицо.

— Да? И кто же стоит за ним? Калдин Амадейро?

— Точно. Значит, вы его знаете?

— О, да, — мрачно ответил Д. Ж. — Фанатически ненавидит Землю. Человек, который как политическая фигура был уничтожен доктором Фастольфом два столетия назад, но выжил и снова угрожает нам. Вот пример долголетия мертвой руки.

— Но тут такая странность: Амадейро — человек мстительный. Он знает, что причиной его поражения, о котором вы упомянули, был Элайдж Бейли, и уверен, что я тоже причастна к этому, поэтому его крайняя неприязнь распространяется и на меня. Если Председатель хочет видеть меня, значит, этого хочет Амадейро. А

зачем я нужна Амадейро? Он должен радоваться, что избавился от меня. Наверное, он и послал меня с вами на Солярию, рассчитывая, что ваш корабль погибнет и я вместе с ним. Это ничуть не огорчило бы Амадейро.

— Он не стал бы оплакивать вас, да? Но вам, надо полагать, никто не сказал: «Поезжайте с этим дураком поселенцем, потому что нам доставит удовольствие известие о вашей гибели»?

— Нет, мне сказали, что вам очень нужна моя помощь, что в настоящее время существует политика сотрудничества с Поселенческими мирами и для Авроры будет великим благом, если я по возвращении сообщу обо всем, что происходит на Солярии.

— Да, конечно, они должны были сказать так. Но когда, вопреки их ожиданиям, наш корабль вернулся, а аврорианский погиб, им, конечно, захотелось узнать о происшедшем из первых рук. И когда я вместо Авроры повез вас в Бейлимир, они взвыли и потребовали вашего возвращения. Так вполне могло быть. Но сейчас-то им известно обо всем — так зачем им вы? Впрочем, им известно обо всем исключительно из передач с Бейлимира. Стало быть, они просто не верят этому. Но все-таки…

— Что все-таки, Диджи?

— Все-таки я инстинктивно чувствую, что в их послании сквозит желание не только послушать вас. За их настойчивостью, мне кажется, что-то скрывается.

— Ничего там не может скрываться. Ничего!

— Не знаю, не знаю — может быть, — задумчиво произнес Д. Ж.

41

— Я тоже хотел бы знать, — сказал ночью Дэниел из своей ниши.

— О чем, друг Дэниел? — спросил Жискар.

— Об истинном значении послания с Авроры, требующего возвращения леди Глэдии. Мне, как и капитану, желание выслушать ее отчет кажется не вполне достаточным.

— У тебя есть альтернативное предложение?

— Есть одна мысль.

— Могу я узнать ее?

— Мне думается, что в требовании Совета Авроры содержится нечто большее, чем говорится, и они, возможно, желают видеть не мадам Глэдию.

— Кого же они могут ждать, кроме мадам Глэдии?

— Друг Жискар, мыслимо ли, чтобы леди вернулась без нас?

— А зачем мы с тобой нужны Совету Авроры?

— Я-то не нужен, а ты уникален, потому что умеешь проникать в мозг человека.

— Это верно, друг Дэниел, но они этого не знают.

— А не могло ли случиться, что после нашего отъезда они каким-то образом обнаружили этот факт и горько пожалели, что отпустили нас?

— Нет, этого не может быть, — без колебаний сказал Жискар, — Откуда им это узнать?

— Я размышлял об этом, — осторожно сказал Дэниел. — Ты во время своего давнего визита на Землю с доктором Фастольфом ухитрился переналадить несколько земных роботов и снабдил их ограниченными умственными способностями, достаточными для того, чтобы продолжать влиять на правительство Земли в смысле благоприятного отношения к заселению планет. Ты сам однажды говорил мне об этом. Таким образом, роботы на Земле способны исправлять мысли. Затем, как мы недавно предположили, Институт роботехники Авроры послал гуманоидных роботов на Землю. Мы не знаем точно, с какой это было сделано целью, скорее всего

такие роботы наблюдают за событиями на Земле и сообщают на Аврору. Даже если аврорианские роботы не умеют манипулировать мозгами, они могут посылать рапорты о том, что то или иное официальное лицо вдруг изменило свое отношение к поселенчеству, и, может быть, как раз в то время, когда мы уезжали с Авроры, кого-то из власть имущих на Авроре осенило, что все это можно объяснить присутствием на Земле мысленаправляющих роботов. И это можно связать только с доктором Фастольфом либо с тобой. Тогда аврорианскому правительству станет ясно значение некоторых других событий, которые можно связать скорее с тобой, чем с доктором Фастольфом, В результате они хотят во что бы то ни стало получить тебя обратно, но не могут открыто требовать, потому что это выдает факт их нового знания. Вот они и требуют леди Глэдию — естественное требование, — зная, что если она вернется, то только вместе с нами.

Жискар долго молчал.

— Рассуждение очень интересное, друг Дэниел, но кое-что в нем никуда не годится. Те роботы, которых я программировал, выполнили свою работу более столетия назад и с тех пор бездеятельны, по крайней мере в том, что касается

мысленаправления. Больше того, Земля отправила роботов из городов в ненаселенную местность уже очень давно. Это означает, что человекоподобные роботы, посланные, как мы думаем, на Землю, не имели возможности встретиться с моими мысленаправляющими роботами или хотя бы узнать о них, ведь роботы давно не занимаются мысленаправлением. Так что опасения, что мои особые способности обнаружены, беспочвенны.

— А нельзя ли обнаружить их по-другому?

— Нет, — твердо ответил Жискар.

— И все-таки хотел бы я знать… — произнес Дэниел.

Часть четвертая
Аврора
Глава одиннадцатая
Старый лидер
42

Память, простая человеческая память мучила Калдина Амадейро словно болезнь, к которой он не имел иммунитета: пожалуй, он был даже более восприимчив к ней, чем большинство людей. Кроме того, память Амадейро была настолько цепкой, что, однажды засев в ее глубине, гнев и разочарование возвращались к нему вновь и вновь.

А ведь так все хорошо сложилось двести лет назад! Он стал директором Института роботехники (и до сих пор оставался им), и в этот победоносный момент ему казалось, что, опрокинув своего главного врага Хена Фастольфа и оставив его в беспомощной оппозиции, он обязательно добьется полного контроля над Советом.

Если бы ему это удалось… если бы ему это только удалось…

Он пытался не думать об этом, но все думал

и думал, словно не мог насытиться скорбью и отчаянием.

Если бы он победил, Земля так и осталась бы в изоляции и одиночестве, и он увидел бы, как она медленно гибнет. Почему бы и нет? Маложивущему народу на больной перенаселенной планете лучше умереть, в сто раз лучше умереть — это в сто раз лучше, чем жить той жизнью, которую они сами себя заставили вести.

А царство Внешних миров, где так спокойно и безопасно, должно было расширяться. Фастольф всегда сетовал на то, что космониты слишком долго живут и слишком благоденствуют в своих роботизированных мирках, а потому не стремятся стать пионерами, но Амадейро доказал бы, что он не прав.

Но победил Фастольф. В момент, казалось, полного провала он каким-то непостижимым, невероятным образом вышел, так сказать, в свободное пространство, выскочил из ниоткуда, извернулся и ухватил победу.

А все этот землянин, Элайдж Бейли…

Но хваткая память Амадейро почему-то всегда обходила землянина стороной. Амадейро не мог вспомнить ни его лица, ни голоса, ни поступков. Достаточно было одного имени. Два столетия

не угасили ненависть Амадейро, ни на йоту не смягчили боль.

В результате политики Фастольфа презренные земляне разлетелись со своей гнилой планеты и стали заселять один мир за другим. Вихрь земного прогресса ошеломил и парализовал Внешние миры. Сколько раз Амадейро обращался к Совету, указывая, что Галактика ускользает из рук космонитов, а Аврора безучастно смотрит, как одну планету за другой захватывает низшая раса, что с каждым годом апатия все сильнее овладевает духом космонитов.

«Поднимайтесь! — призывал он. — Поднимайтесь! Смотрите, как растет их число! Смотрите, как множатся Поселенческие миры! Чего вы ждете? Когда они возьмут нас за горло?»

И всегда Фастольф отвечал мягко и успокаивающе, а аврориане и другие космониты, всегда следовавшие за лидером Авроры, снова возвращались к своей дремоте.

Очевидное словно не касалось их.

Цифры, факты, бесспорное ухудшение дел с каждым десятилетием не могли поколебать их. Можно было постоянно убеждать, пророчествовать — и видеть, как большинство следует за Фастольфом, как бараны.

Как могло случиться, что Фастольф, зная, что все его слова — полнейший вздор, так и не отказался от своей политики? Вероятно, он не из упрямства не признавал своих ошибок — он просто не видел их.

Если бы у Амадейро было богатое воображение, он, вероятно, подумал бы, что Внешние миры зачарованы, заколдованы, погружены в апатию, что некто обладающий магической силой заставил людей мыслить по-иному, скрыл истину от глаз.

И вдобавок ко всему этому народ жалел Фастольфа, ведь тот умер глубоко разочарованным. А ведь именно политика Фастольфа удерживала их! Какое право имел он быть разочарованным после этого? А что бы он делал, если бы, как Амадейро, видел и говорил правду, но не мог заставить космонитов внимать?

Сколько раз Амадейро думал: Галактике лучше быть пустой, чем под властью недочеловеков. Если бы он мог уничтожить Землю — мир Элайджа Бейли — одним кивком головы, с каким удовольствием он сделал бы это!

Однако искать спасения в подобных фантазиях — признак полного отчаяния. Время от времени его посещало желание уйти, позвать смерть, но

его роботы не допустили бы этого.

Но настало время, когда власть разрушить Землю была дана ему, даже навязана против воли. Это время пришло три четверти десятилетия назад, когда он впервые встретился с Левуларом Мандамусом.

43

Воспоминание! Три четверти десятилетия назад…

Амадейро поднял глаза и увидел входящего в кабинет Мэлуна Сисиса. Он, конечно, позвонил, но, если сигнал не был услышан, он имел право войти.

Амадейро вздохнул и отложил в сторону маленький компьютер. Сисис был его правой рукой со времени основания Института. Он состарился на службе у Амадейро.

Ничего особенного не было заметно, просто в воздухе словно повеяло тлением. Нос Сисиса казался несколько более асимметричным, чем раньше. Амадейро потер собственный нос и подумал, как скверно, если и от него веет тлением. Когда-то рост помощника был 1,95 — высокий даже по космонитским меркам. Конечно, он

держится прямо, как и раньше, но стал ниже сантиметра на два. Значит, он уже начал по-старчески горбиться?

Амадейро отогнал эти унылые мысли, которые тоже были признаками возраста, и спросил:

— В чем дело, Мэлун?

За Сисисом шел его личный робот, очень современный, элегантно поблескивающий. Это тоже было признаком возраста: когда человек уже не может сохранять молодое тело, он покупает нового робота-юношу. Амадейро никогда не решался вызвать улыбку настоящих молодых людей и не впадал в эту иллюзию, в особенности потому, что Фастольф, который был старше Амадейро на восемьдесят лет, никогда этого не делал.

— Мандамус опять пришел, шеф, — сказал Сисис.

— Какой Мандамус?

— Тот, который добивался встречи с вами.

Амадейро задумался.

— Вы имеете в виду того идиота, потомка солярианки?

— Да, сэр.

— Ну а я не хочу видеть его. Разве вы не объяснили ему, Мэлун?

— Объяснил, но он попросил, чтобы я передал

вам записку, и сказал, что тогда вы примете его.

— Не думаю, — протянул Амадейро. — Что в записке?

— Я не понял, шеф. Она не на галактическом.

— Так как же я ее пойму?

— Не знаю, но он просил передать ее вам. Если вы соблаговолите взглянуть на нее и распорядиться, я вернусь и тут же выгоню его вон.

— Ну ладно, давайте.

Амадейро с отвращением взглянул на записку. «Ceterum censeo, delenda est Carthago». Амадейро прочитал, поглядел на Мэлуна, снова на записку и наконец сказал:

— Вы, стало быть, видели это, раз говорите, что она не на галактическом. Вы спросили его, что это значит?

— Да, спросил, шеф. Он сказал, что это латынь, чем решительно ничего не объяснил. Он сказал, что вы поймете. Он человек очень настойчивый и сказал, что будет сидеть хоть весь день, пока вы не прочтете.

— Какой он из себя?

— Худой, серьезный, вероятно, без чувства юмора, высокий, но не такой, как вы, внимательный. Глубоко посаженные глаза, тонкие губы.

— Сколько ему лет?

— Судя по его коже, ему четыре десятилетия или около того. Он очень молод.

— В таком случае надо учесть его юность. Пригласите его.

Сисис удивился:

— Вы примете его?

— Я именно так и сказал — верно? Пригласите его.

44

Молодой человек чеканя шаг вошел в комнату, вытянулся перед столом и сказал:

— Благодарю вас, сэр, что, согласились принять меня. Могу ли я просить, чтобы вы разрешили позвать сюда моих роботов?

Амадейро удивленно поднял брови.

— Рад буду увидеть их. Вы мне позволите оставить здесь моих?

Уже очень много лет он ни от кого не слышал такой старинной просьбы.

Это был один из добрых старых обычаев, которые канули в небытие, когда понятие официальной вежливости устарело и стало принято считать, что личные роботы человека есть часть его самого.

— Да, сэр, — сказал Мандамус.

Вошли два робота.

Амадейро заметил, что они не входили, пока не получили разрешения. Роботы были новые, явно многофункциональные, и было видно, что над ними хорошо поработали.

— Ваша собственная конструкция, доктор Мандамус? В роботах, спроектированных хозяевами, всегда есть что-то особенное.

— Правильно, сэр.

— Значит, вы роботехник?

— Да, сэр. Я получил степень в университете на Эос.

— Вы работали под руководством…

— Нет, не у доктора Фастольфа, сэр, — невозмутимо ответил Мандамус. — Под руководством доктора Маскельника.

— Ага, но вы не член Института.

— Я попросил разрешения им стать, сэр.

— Понятно. — Амадейро поправил бумаги на столе и быстро спросил, не поднимая глаз: — Где вы изучили латынь?

— Я не настолько знаю латынь, чтобы говорить и читать, но запомнить цитату и к месту ее применить могу.

— Это замечательно. Как же вы учились ла-

тыни?

— Я не могу отдавать роботехнике каждую минуту своего времени: у меня есть другие интересы, например планетология, в частности Земля. Так я добрался до земной истории и культуры.

— Не очень популярный предмет у космонитов.

— Да, сэр, и это очень плохо. Всегда нужно знать своих врагов, как знаете вы, сэр.

— А разве я знаю?

— Да, сэр. Я уверен, что вы знакомы со многими аспектами жизни Земли и знаете гораздо больше моего, поскольку изучали предмет дольше.

— С чего вы взяли?

— Я постарался узнать о вас все, что возможно, сэр.

— Значит, я тоже ваш враг?

— Нет, сэр, но я хочу сделать вас своим союзником.

— Меня? И как же вы собираетесь использовать меня? Вам не кажется, что вы несколько дерзки?

— Нет, сэр, поскольку я уверен, что вы захотите стать моим союзником.

Амадейро внимательно посмотрел на гостя:

— А вот мне кажется, что вы не просто дерзки, а нахальны. Вы понимаете смысл цитаты, которую

подобрали для меня?

— Да, сэр.

Переведите ее на стандартный галактический.

— «По моему мнению, Карфаген должен быть уничтожен».

— И что это означает, по вашему мнению?

— Это сказал Марк Порций Катон, сенатор Римской республики, политической единицы древней Земли. Рим свалил своего главного соперника — Карфаген, но не уничтожил его. Катон считал, что Рим не может чувствовать себя в безопасности, пока Карфаген не разрушен, и со временем, сэр, это было сделано.

— Но что же для нас Карфаген, молодой человек?

— Существует такое понятие, как аналогия.

— И что это означает?

— Что у Внешних миров есть главный соперник, который, по моему мнению, должен быть уничтожен.

— Имя врага?

— Планета Земля, сэр.

Амадейро мягко побарабанил пальцами по столу.

— И вы хотите, чтобы я был вашим союзником в подобном проекте? Вы полагаете, что я буду

счастлив стать им? Скажите, доктор Мандамус, разве я хоть раз сказал в какой-нибудь из своих многочисленных речей или писал, что Земля должна быть уничтожена?

Мандамус поджал тонкие губы, его ноздри раздулись.

— Я здесь не для того, чтобы пытаться обнаружить нечто, что можно использовать против вас. Меня никто не посылал сюда — ни доктор Фастольф, ни кто-либо из его партии. Сам я тоже не состою в его партии. Я не хочу говорить о том, что думаете вы. Расскажу вам только о том, что думаю я. А я думаю, что Земля должна быть разрушена.

— И как же вы намереваетесь разрушить ее? Хотите предложить нам бросать на нее атомные бомбы до тех пор, пока взрывы, радиация и пылевые облака не уничтожат планету? Если так, то каким образом вы удержите поселенческие корабли от ответных действий? Ведь они станут мстить Авроре и тем Внешним мирам, до которых смогут достать. Полтораста лет назад Землю можно было разрушить безнаказанно, но не сейчас.

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, доктор Амадейро. — возмутился Мандамус. — Я вовсе не предполагал уничтожать людей,

несмотря на то что они земляне. Однако есть возможность уничтожить Землю, избегнув массовой гибели населения… и не опасаясь возмездия.

— Вы фантазер, — сказал Амадейро, — или, может быть, не совсем в своем уме.

— Разрешите мне объяснить.

— Нет, молодой человек. У меня мало времени, и только из-за вашей цитаты, которую я, кстати, отлично понял и которая возбудила мое любопытство, я позволил себе слишком долго разговаривать с вами.

Мандамус поднялся.

— Я понимаю, доктор Амадейро, что отнял у вас больше времени, чем вы могли мне уделить, но все-таки подумайте о моих словах и, если заинтересуетесь, то можете вызвать меня, когда у вас будет больше времени. Но не тяните, потому что иначе я вынужден буду действовать другим образом. Как видите, я откровенен с вами. — Он растянул губы в некотором подобии улыбки. — До свидания, и еще раз спасибо.

Он повернулся и вышел.

Амадейро некоторое время смотрел ему вслед, затем нажал кнопку звонка.

— Мэлун, — сказал он, когда Сисис вошел, — я хочу, чтобы за этим молодым человеком следили

круглосуточно. Я хочу знать имена всех, с кем он будет разговаривать, поскольку намерен всех их допросить. Все, кого я позову, должны быть приведены ко мне. Но все следует делать тихо, ласково и по-дружески. Пока я еще здесь не хозяин, как вам известно.

Но со временем он станет им. Фастольфу триста шестьдесят лет, и он явно сдал, а Амадейро на восемьдесят лет моложе.

45

Амадейро получал рапорты девять дней. Мандамус разговаривал со своими роботами, иногда — с университетскими коллегами, еще реже — с кем-нибудь из соседей.

Разговоры были самые тривиальные. И еще до того как эти девять дней миновали, Амадейро решил, что долго тянуть не следует. Длинная жизнь Мандамуса только что начинается, и впереди у него еще лет триста, тогда как Амадейро осталось восемь или десять десятилетий — в лучшем случае.

Обдумав все, что говорил молодой человек, Амадейро с возрастающей тревогой почувствовал, что не может упустить шанс уничтожить

Землю, им нельзя пренебрегать. Мог ли он допустить, чтобы все это произошло после его смерти, чтобы он не был свидетелем? Или, что тоже плохо, чтобы это произошло при его жизни, но командовал кто-то другой, чтобы чей-то чужой палец нажал кнопку?

Нет, он должен быть свидетелем, должен увидеть это и участвовать в этом — иначе зачем он так долго страдал? Не исключено, что Мандамус дурак или чокнутый, но в таком случае Амадейро должен точно знать, что он дурак или чокнутый.

Сделав такой вывод, Амадейро вызвал Мандамуса к себе в кабинет.

Амадейро понимал, что таким образом унижает себя, но унижение было платой за уверенность, что нет ни малейшего шанса разрушить Землю без него, Амадейро. Эту цену он готов был заплатить. Он даже приготовился к тому, что Мандамус войдет с презрительной улыбкой, торжествуя.

Придется вытерпеть и это. В конце концов, если предложение молодого человека окажется чепухой, он, Амадейро, накажет его полной мерой, какую разрешает цивилизованное общество, в противном же случае…

Ему понравилось, что Мандамус вошел в кабинет с видом разумного смирения и поблагодарил,

похоже искренне, за то, что его приняли во второй раз. Амадейро подумал, что и он, в свою очередь, должен быть любезным.

— Доктор Мандамус, когда я отослал вас, не выслушав ваших соображений, я поступил невежливо, виноват. Теперь расскажите мне, что вы имели в виду, и я буду слушать вас, пока мне не станет ясно — а я предполагаю, что так и будет, — что ваш план, возможно, более результат энтузиазма, нежели холодного рассудка. В этом случае я снова отпущу вас, но без всякого презрения с моей стороны, и, надеюсь, что вы не рассердитесь.

— Я и не смогу сердиться, если вы соблаговолите терпеливо выслушать меня, доктор Амадейро, — но что если то, что я скажу, будет иметь для вас смысл и внушит надежду?

— В этом случае, — медленно произнес Амадейро — вероятно, мы с вами станем работать вместе.

— Это было бы замечательно, сэр. Вместе мы сделаем больше. Но будет ли что-нибудь более ощутимое, чем привилегия работать с вами? Будет ли вознаграждение?

Амадейро это не понравилось.

— Конечно, я должен быть благодарным, но я

только член Совета и глава Института роботехники. Мои возможности не безграничны.

— Я понимаю, доктор Амадейро, — но могу ли я рассчитывать на что-то в пределах этих границ сейчас? — Мандамус уверенно смотрел на Амадейро.

Амадейро нахмурился, растерявшись под взглядом немигающих решительна глаз. Смирения как не бывало.

— Что вы имеете в виду? — холодно спросил он.

— Ничего, что было бы не в ваших силах, доктор Амадейро. Сделайте меня членом Института.

— Если ваша квалификация…

— Не беспокойтесь, я ее имею.

— Мы не можем принять такое решение о кандидате. Мы должны…

— Послушайте, доктор Амадейро, так отношения не начинают. Поскольку вы установили за мной наблюдение сразу, как я ушел от вас в прошлый раз, я не поверю, что вы не изучили внимательно все данные обо мне, и вы должны знать, что я квалифицирован. Если бы вы по каким-то причинам решили, что это не так, вы бы не надеялись, что я окажусь достаточно изобретательным, чтобы разработать план уничтожения

вашего личного Карфагена, и я не пришел бы сюда по вашему зову.

Амадейро вспыхнул. Он почувствовал, что даже уничтожение Земли — недостаточная плата за наглость мальчишки. Но это продолжалось только миг. Затем к нему вновь вернулось хладнокровие и он даже сказал себе: «Молодой, а уже такой смелый и самоуверенный — вот такой мне и нужен».

Кроме того, он и в самом деле изучил Мандамуса и знал, что тот вполне квалифицирован, чтобы работать в Институте. Он спокойно — ценой перепада кровяного давления — сказал:

— Вы правы. Вы квалифицированы.

— Тогда зачислите меня. В вашем компьютере наверняка есть необходимые анкеты, Вам стоит только ввести мое имя, образование, год окончания института и прочие необходимые статистические данные, а затем поставить свою подпись.

Ни слова не говоря, Амадейро ввел а компьютер нужную информацию, получил распечатку, подписал ее и протянул Мандамусу.

— Датировано сегодняшним числом. Вы — сотрудник Института.

Мандамус прочитал бумагу и отдал одному из

своих роботов; тот спрятал ее в небольшую папку, которую держал под мышкой.

— Спасибо, — сказал Мандамус. — Это очень мило с вашей стороны, и я надеюсь, что не подведу вас и не заставлю пожалеть о том, что вы так высоко оценили мои способности. Однако осталось еще одно дело.

— Вот как? Какое же?

— Нельзя ли нам договориться об окончательном вознаграждении? Конечно, в случае удачи, в случае полного успеха.

— Нельзя ли нам отложить этот вопрос — что было бы логично — до того времени, когда полный успех будет достигнут или достаточно близок к достижению?

— С точки зрения рациональности — да. Но у меня, кроме рассудка, есть и мечты. И я хотел бы немного помечтать.

— И о чем же вы мечтаете?

— Мне кажется, доктор Амадейро, что доктор Фастольф теперь ничего не значит. Он прожил долго, и скоро ему конец.

— И что же?

— Как только он умрет, ваша партия станет более энергичной, и вялые члены партии Фастольфа, вероятно, переменят свою лояльность.

Следующие выборы, без Фастольфа, наверняка будут вашими.

— Возможно, — ну и что?

— Вы станете лидером Совета де факто и поведете аврорианскую внешнюю политику, которая фактически является политикой всех Внешних миров. Если мои планы воплотятся, ваше правление будет столь успешным, что Совет выберет вас Председателем при первом удобном случае.

— Вы слишком высоко воспарили в своих мечтах, молодой человек. Но если ваши предсказания сбудутся, что тогда?

— У вас не хватит времени править Авророй и Институтом одновременно. Вот я и прошу, чтобы вы, когда наконец решите уйти с поста главы Института, поддержали бы меня как своего преемника. Вряд ли вы можете сомневаться, что ваш выбор будет одобрен.

— Есть такая вещь, как квалификация, которая необходима, чтобы занять этот пост.

— Она у меня будет.

— Поживем — увидим.

— Я-то поживу, а вот вы еще до полного нашего успеха пожелаете удовлетворить мою просьбу. Прошу вас, привыкайте к этой мысли.

— И все это прежде, чем я услышал хоть сло-

во, — пробормотал Амадейро. — Итак, вы член Института, а я должен привыкнуть к вашей личной мечте, но давайте ближе к делу. Расскажите, как вы намерены уничтожить Землю.

Почти автоматически Амадейро сделал знак своим роботам, чтобы они не запоминали то, что услышат. Чуть заметно улыбнувшись, Мандамус сделал то же самое, адресуясь к своим роботам.

— Итак, начнем, — сказал Мандамус.

И Амадейро тут же бросился в атаку:

— Вы уверены, что вы не сторонник Земли?

Мандамус оторопел:

— Я пришел к вам с предложением разрушить Землю!

— Но вы потомок солярианки в пятом поколении, как я понимаю.

— Да, сэр, так записано в свидетельстве. И что из этого?

— Солярианка долгое время была близким другом и протеже Фастольфа, и я подумал, не симпатизируете ли вы его проземным взглядам.

— Из-за моей прапрапрабабки? — Мандамус был искренне удивлен. На миг в его глазах вспыхнула досада, даже злость, но быстро исчезла, и он спокойно продолжал: — Точно так же и вашим близким другом и протеже была доктор Василия

Фастольф, дочь доктора Фастольфа. Она его потомок в первом поколении. Мне интересно, она не симпатизирует его взглядам?

— Когда-то я этим интересовался, — сказал Амадейро, — но она ни в коей мере не симпатизирует им, и я перестал об этом задумываться.

— Вы можете перестать задумываться об этом и в моем случае, сэр. Я космонит и хочу, чтобы Галактикой правили космониты.

— Ну и прекрасно. Так в чем же заключается ваш план?

— Я начну с начала, если не возражаете. Доктор Амадейро, астрономы считают, что в нашей Галактике миллионы планет, подобных Земле, на которых люди могут жить после некоторых внешних преобразований, однако кардинальной геологической перестройки при этом проводить не нужно. Их атмосфера пригодна для дыхания, есть вода, подходящие климат и почва, существует жизнь. Действительно, атмосфера не могла бы содержать свободного кислорода при отсутствии хотя бы океанического планктона. Почва в основном голая, но как только ее и океан подвергнут биологическому изменению, их сразу же заселяют земными формами жизни. Они приживаются — и планету можно заселять. Сотни таких планет

были открыты и изучены, и примерно половина из них уже занята поселенцами. Однако из всех пригодных для обитания планет нет ни одной с таким огромным разнообразием жизни, как Земля. Нигде нет ничего более сложного, чем немногочисленные червеподобные и насекомоподобные беспозвоночные, а в растительном мире — папоротникообразный кустарник. О разуме или о чем-то более близком к нему даже говорить не стоит.

Амадейро слушал эти нудные сентенции и думал: шпарит как по-писаному. Вслух он сказал:

— Доктор Мандамус, я не планетолог, но все, что вы говорите, мне известно.

— Как я уже предупредил — доктор Амадейро, я начал с начала. Астрономы все более убеждаются, что все или почти все планеты Галактики, пригодные для обитания, заметно отличаются от Земли. По каким-то причинам Земля — планета необычная, и эволюция на ней происходила невероятно быстро и совершенно аномально.

— Обычный аргумент, — сказал Амадейро, — состоит в том, что если бы в Галактике жили другие разумные существа, такие же развитые, как мы, они знали бы о нашем существовании и так или иначе дали бы о себе знать.

— Да, сэр. В сущности, будь в Галактике другие разумные существа, более развитые, чем мы, у нас с самого начала не было бы шансов занять даже одну планету. Отсюда следует, что в Галактике существует только один вид существ, способных путешествовать в гиперпространстве. То, что мы вообще единственные в Галактике носители разума, еще не вполне ясно, но весьма вероятно.

Теперь Амадейро слушал со скучающей полуулыбкой.

Молодой человек любит поучать, как человек, подавленный тупым ритмом своей мономании. Парень с причудами; слабая надежда Амадейро, что у этого Мандамуса действительно есть что-то, могущее повернуть ход истории, начала гаснуть.

— Вы продолжаете сообщать всем известные вещи, доктор Мандамус. Все знают, что Земля уникальна и что мы, по всей вероятности, единственные разумные существа в Галактике.

— Но никто не задавался простым вопросом: почему? Земляне и поселенцы не задают его. Они согласны с этим. У них мистическое отношение к Земле, они считают ее священным миром и необычные ее свойства принимают как должное. А мы, космониты, тоже не спрашиваем. Мы игнорируем этот вопрос. Для нас куда лучше

не думать о Земле вовсе, потому что иначе нам придется считать себя потомками землян.

— Я не вижу смысла в этом вопросе, — сказал Амадейро. — Нам не нужно искать сложные ответы на это «почему». Случайные процессы призваны играть важную роль в эволюции и в какой-то мере во всех вещах. Если пригодных для жизни планет миллионы, эволюция может происходить на них по-разному. На одних быстрее, на других медленнее, где-то исключительно медленно, где-то исключительно быстро. Земле повезло, что эволюция на ней происходила исключительно быстро, и поэтому мы здесь. Так что если мы спрашиваем «почему?», естественным исчерпывающим ответом будет «случайность».

Амадейро ожидал, что Мандамус выдаст свою очередную причуду, обозлившись на неожиданное логическое утверждение, представленное в смешном виде и полностью опровергавшее его тезис. Однако Мандамус посмотрел на Амадейро и спокойно сказал:

— Нет. — Помолчав, он продолжал; — Для многократного ускорения эволюции нужно нечто большее, чем одна-две счастливые случайности. На каждой планете, кроме Земли, скорость эволюции тесно связана с потоком космической

радиации. Скорость увеличивается не вдруг, а под влиянием этой радиации. На Земле же, где происходит больше изменений, чем на других обитаемых планетах, они не связаны с космическими лучами, поскольку количество радиации, достигающей Земли, невелико. Теперь вам, наверное, становится ясно, отчего это «почему» так важно.

— Хорошо, доктор Мандамус, поскольку я все еще слушаю и даже с большим нетерпением, чем сам предполагал, ответьте же на вопрос, который вы так настойчиво поднимаете. Или у вас есть только вопрос, но не ответ?

— У меня есть ответ, — сказал Мандамус. — И зависит он от того, что Земля уникальна еще в одном смысле.

— Дайте-ка я сам угадаю? Вы упоминали большой спутник. Однако, доктор Мандамус, вы не можете считать это своим открытием.

— Конечно, — холодно произнес Мандамус, — но учтите, что большие спутники — вещь обычная. В нашей планетной системе их пять, в системе Земли — семь, et cetera. Все известные большие спутники, кроме того, вращаются вокруг газовых гигантов, но только спутник Земли — Луна — вращается вокруг планеты ненамного

большей, чем сам спутник.

— Осмелюсь ли я еще раз употребить слово «случайность», доктор Мандамус?

— В этом случае, возможно, и случайность, но Луна остается уникальной.

— Пусть так, но какая связь между сателлитом и обилием жизни на Земле?

— Это не совсем ясно, и связь может быть маловероятной, но казалось бы более невероятным, если бы два таких необычных примера уникальности у одной планеты не были бы не связаны между собой. И я обнаружил такую связь.

— Да? — насторожился Амадейро.

Вот сейчас-то его придурь и проявится. Амадейро украдкой взглянул на часы. Времени прошло немного больше, чем он предполагал потратить, но его любопытство росло.

— Луна, — сказал Мандамус, — медленно отходя от Земли, производит приливно-отливный эффект на Земле. Большие приливы на Земле — следствие существования этого большого спутника. Земное Солнце тоже вызывает приливы, но их интенсивность на две трети ниже, чем у лунных, — так же, как и наше солнце вызывает незначительные приливы на Авроре. Так вот, Луна была гораздо ближе к Земле в ранней исто-

рии этой планетной системы. Чем ближе Луна к Земле, тем выше приливы на Земле. Эти приливы производили два важных эффекта: они сгибали земную кору, поскольку Земля вращалась, и замедляли ее вращение. От этого сгибания и от трения приливных океанских вод о неровности морского дна энергия вращения превращалась в тепло. Следовательно, кора у Земли более тонкая, чем у известных нам пригодных для обитания планет, что доказывается вулканической деятельностью и подвижным строением коры.

Но все это не имеет отношения к изобилию жизни на Земле, — сказал Амадейро. — Я думаю, доктор Мандамус, вам следует перейти к делу либо уйти.

— Прошу вас, доктор Амадейро, потерпите еще немного. Важно понять суть дела. С помощью компьютера я в мельчайших подробностях воспроизвел развитие земной коры, учитывая и приливно-отливную деятельность, и подвижность земной коры. Если мне позволено будет похвастаться, то я скажу, что никто до меня не делал этого так скрупулезно и дотошно.

— О да, конечно, — пробормотал Амадейро.

— И оказалось — я покажу вам необходимые данные, если пожелаете, — что концентрация

урана и тория, находящихся в земной коре и верхней части мантии, в тысячу раз выше, чем на любой другой планете. Больше того, они распространены неравномерно, и на Земле есть места, где урана и тория еще больше.

— И, я полагаю, уровень радиоактивности опасно высок?

— Нет, доктор Амадейро. Уран и торий очень слабо радиоактивны, и даже там, где они относительно сконцентрированы, их концентрация не слишком велика в абсолютном смысле. Все это, повторяю, из-за наличия большой Луны.

— И несмотря на то что уровень радиоактивности не опасен для жизни, он достаточен для увеличения количества мутации. Так, доктор Мандамус?

— Совершенно верно. И, вероятно, вымирание видов происходило так же быстро, как и развитие новых. В результате — огромное разнообразие и изобилие форм жизни. Постепенно только на одной Земле развились разум и цивилизация.

Амадейро кивнул. Пожалуй, молодой человек вовсе и не чокнутый. Он может ошибаться, но он в своем уме. Может, он и прав. Амадейро не был планетологом, и ему нужно было заглянуть в книги, чтобы обнаружить, что Мандамус, как

и многие энтузиасты, открыл общеизвестное. Но тут было нечто более важное, что следовало проверить немедленно.

Он тихо сказал:

— Вы говорили о возможном уничтожении Земли. Какая связь между этим и уникальными свойствами Земли?

— Уникальные свойства можно использовать уникальным способом, — так же тихо ответил Мандамус.

— Каким же в данном случае?

— Прежде чем говорить о методе, доктор Амадейро, я должен объяснить, что физическая возможность уничтожения Земли зависит от вас.

— От меня?

— Да, — твердо сказал Мандамус. — От вас. Зачем бы я пришел к вам с этим длинным рассказом, если бы не надеялся убедить вас, что знаю, о чем говорю, да так, чтобы вы захотели сотрудничать со мной? Ведь это необходимо для моего успеха.

Амадейро медленно вздохнул:

— А если бы я отказался, мог бы кто-нибудь другой послужить вашим целям?

— Я мог бы обратиться к другим, если бы вы

отказались. Так вы отказываетесь?

— Вероятно, нет, но я бы хотел знать, насколько я вам необходим.

— Я бы сказал: вы не так необходимы мне, как я необходим вам. Вы должны сотрудничать со мной.

— Должен?

— Я бы хотел этого, если вы предпочитаете, чтобы я выразился иначе. Но если вы желаете, чтобы Аврора и космониты навечно восторжествовали над Землей и поселенцами, то вы должны сотрудничать со мной, нравится вам это слово или нет.

— Скажите мне, что это значит, что я должен делать?

— Для начала скажите, правда ли, что Институт в прошлом проектировал гуманоидных роботов.

— Да, мы сделали всего пятьдесят. Это было полтора-два столетия назад.

— Так давно? И что с ними случилось?

— Они не пригодились, — равнодушно ответил Амадейро.

Мандамус сел с выражением ужаса на лице.

— Их уничтожили?

Амадейро поднял брови.

— Уничтожили? Кто же уничтожает дорогостоящих роботов? Они на складе. Энергетические

элементы вынуты, а специальные долгодействующие батареи поддерживают деятельность позитронных путей.

— Их можно снова привести в рабочее состояние?

— Уверен, что можно.

Мандамуса стукнул правой рукой по ручке кресла и зловеще промолвил:

— Тогда мы победим!

Глава двенадцатая
План и дочь
46

Амадейро давно не вспоминал о человекоподобных роботах. Это было болезненно, и он с некоторым трудом заставил себя вернуться к этой теме — под нажимом Мандамуса.

Гуманоидный робот был крупным козырем Фастольфа в те далекие дни, когда Амадейро был в миллиметре от того, чтобы перехватить игру, козыри и все остальное. Фастольф спроектировал и построил двух гуманоидных роботов (один из них существовал и поныне) — и никому больше не удалось сделать нечто подобное, даже целому Институту роботехники.

Потерпев грандиозную неудачу, Амадейро сумел спасти эту козырную карту, Фастольф был вынужден обнародовать проект гуманоидного робота.

Это означало, что таких роботов можно было создать, и они были созданы, но оказались не нужны. Аврориане не приняли их в свое общество.

Амадейро скривился от неприятного воспоминания. Каким-то образом стала известна история о солярианской женщине, которая пользовалась одним из гуманоидных роботов Фастольфа, Джандером, в сексуальных целях. Теоретически аврориане не возражали против такой ситуации, но на практике ни мужчины, ни женщины не были в восторге, что их могут заменить роботы-мужчины и роботы-женщины.

Институт с пеной у рта объяснял, что гуманоидные роботы предназначены не для Авроры, а для того, чтобы составить первую партию пионеров, которая заселит и обустроит новые, пригодные для жизни планеты, после чего туда приедут аврориане.

Это было отвергнуто. Кто-то назвал гуманоидных роботов «раскалывающим клином». Это выражение распространилось, и Институт был

вынужден отступить.

Амадейро упорно ратовал за сохранение в «нафталине» уже созданных роботов, чтобы их можно было использовать в будущем — но использовать их так и не пришлось.

Почему же существовало такое предубеждение против гуманоидов? Амадейро вновь почувствовал раздражение, которое отравляло ему жизнь много десятилетий назад. Сам Фастольф, пусть неохотно, но согласился поддержать проект и, надо отдать ему должное, действительно поддерживал его, хотя и не с тем красноречием, с каким отстаивал те дела, к которым лежала его душа. Однако и это не помогло.

И все-таки… все-таки… если у Мандамуса действительно есть проект, который может сработать с помощью роботов…

Амадейро меньше всего хотелось таинственно восклицать: «Так даже лучше. Так и было задумано». Однако он с трудом удерживался от таких мыслей, пока лифт опускал их на нижний подземный уровень, — единственное место на Авроре, которое напоминало пресловутые Стальные пещеры Земли.

По знаку Амадейро Мандамус вышел из лифта и очутился в тускло освещенном коридоре. Было

прохладно, работали вентиляторы. Мандамус поежился.

— Сюда мало кто ходит, — заметил Амадейро.

— Мы глубоко под землей? — спросил Мандамус.

— Около пятнадцати метров. Здесь много уровней. На этом хранятся гуманоидные роботы. — Амадейро остановился, подумал и решительно свернул налево. — Сюда.

— Здесь нет указателей?

— Я же сказал, сюда мало кто ходит, а те, кто ходит, знают, где им найти то, что нужно.

Они подошли к массивной двери, по обе стороны которой стояло по роботу. Обычные роботы, не человекоподобные, Мандамус критически оглядел их.

— Простая модель.

— Очень простая. Не думаете же вы, что мы должны были поставить что-то особенное для охраны двери. — Он повысил голос и бесстрастно произнес: — Я Калдин Амадейро.

Глаза роботов вспыхнули. Роботы отошли от двери, и та бесшумно поднялась вверх. Входя, Амадейро приказал стражникам:

— Оставьте дверь открытой и включите свет.

— Не думаю, что сюда любой мог бы войти, —

заметил Мандамус.

— Конечно. Эти роботы знают мою внешность и голос и, прежде чем открыть дверь, убеждаются, что и то и другое принадлежит мне. — Затем он добавил как бы про себя: — На Внешних мирах нет необходимости в замках и ключах. Роботы всегда охраняют нас.

— Мне иногда приходит в голову, — задумчиво сказал Мандамус, — что если бы аврорианин обзавелся бластером, какие поселенцы вечно таскают с собой, то здесь для него не было бы запертых дверей. Уничтожь роботов — и иди куда хочешь, делай, что хочешь.

Амадейро бросил на него злобный взгляд.

— Какому космониту придет в голову пользоваться таким оружием во Внешних мирах? Мы живем без оружия и без насилия. Разве вы не понимаете, что именно поэтому я всю жизнь ищу способ уничтожить Землю и ее отравленное племя? Да, конечно, и у нас было когда-то насилие, но это было очень давно, когда Внешние миры только начали создаваться, и мы еще не избавились от земного яда, привезенного с собой, и не научились ценить безопасность, которую обеспечивают роботы. Разве мир и безопасность не дороже всего? Планеты без насилия! Планеты,

управляемые разумом! Разве нужно уступать новые миры маложивущим варварам, которые, как вы говорите, всюду таскают с собой оружие?

— Однако, — пробормотал Мандамус, — вы готовы применить насилие, чтобы уничтожить Землю.

— Это насилие кратковременное и целенаправленное, это цена, которую мы заплатим за то, чтобы покончить с насилием навеки.

— Я в достаточной мере космонит, — сказал Мандамус, — и даже в этом случае выступаю за то, чтобы насилия было как можно меньше.

Они вошли в большое, действительно напоминавшее пещеру, помещение. Стены и потолок тут же осветились рассеянным, неярким светом.

— Ну, вы этого хотели, доктор Мандамус? — спросил Амадейро.

Мандамус огляделся вокруг и остолбенел:

— Невероятно!

В помещении оказался добрый полк людей, чуть более живых, чем статуи, но гораздо менее живых, чем казались бы, например, спящие.

— Они стоят, — прошептал Мандамус.

— Так они занимают меньше места.

— Но они стоят почти полтора столетия. Они не могут остаться в рабочем состоянии. Их суставы

наверняка застыли, а органы разрушены.

Амадейро пожал плечами:

— Возможно. Но даже если суставы испорчены, их можно заменить. Была бы причина.

— Причина будет, — сказал Мандамус.

Он оглядел их лица. Все роботы смотрели в разные стороны, и казалось, вот-вот нарушат строй.

— У каждого своя внешность, — сказал он. — Они отличаются ростом, сложением и вообще…

— Да. Вас это удивляет? Мы же задумывали их как первооткрывателей новых планет. И потому хотели, чтобы они по возможности походили на людей и отличались друг от друга, как жители Авроры. Вам это кажется сентиментальным?

— Нет. Я рад, что они такие. Я прочел все, что мог, о двух первых гуманоидных формах, созданных Фастольфом, — Дэниеле Оливо и Джандере Пенеле. Я видел их голограммы, и мне они показались одинаковыми.

— Да, — нетерпеливо сказал Амадейро, — они были не только одинаковые, они практически были карикатурой на идеального космонита. Это уже романтизм Фастольфа. Я уверен, что он создал бы расы взаимозаменяемых гуманоидных роботов обоих полов с этаким неземным добрым взглядом, который делал бы их полностью нелю-

дьми. Фастольф, может, и блестящий роботехник, но человек невероятно упрямый.

Амадейро покачал головой. «Быть побитым таким невероятно упрямым человеком…» — подумал он и тут же отогнал эту мысль. Его побил не Фастольф, а тот проклятый землянин. Погрузившись в мысли, он не сразу услышал Мандамуса.

— Простите? — немного раздраженно сказал он. — Я спросил, вы сами проектировали их, доктор Амадейро?

— Нет, по странному совпадению их проектировала дочь Фастольфа Василия. Она столь же блестящий роботехник, как и он, но гораздо умнее, и это, очевидно, одна из причин их разногласий.

— Я слышал их историю… — начал Мандамус. Амадейро прервал его:

— Я тоже слышал эту историю, но она не имеет значения. Достаточно того, что Василия прекрасно делает свою работу, и можно не опасаться, что она станет когда-нибудь симпатизировать человеку, который хоть и является ее биологическим отцом, но навсегда останется для нее чужим и ненавистным. Она даже называет себя, как вам известно, Василией Алиеной.

— Да, я знаю. У вас есть записи мозговых рисун-

ков этих гуманоидных роботов?

— Конечно.

— Для каждого?

— Конечно.

— Я могу получить их?

— Если на то будет причина.

— Будет, — твердо сказал Мандамус. — Итак, поскольку они предназначены для первооткрывательской деятельности, есть ли у них снаряжение для исследования планеты и работы в суровых условиях?

— Само собой.

— Отлично. Но могут потребоваться некоторые модификации. Как вы полагаете, Василия Фас… Алиена сможет помочь мне в случае необходимости? Она гораздо лучше знакома с рисунком мозга.

— Бесспорно. Но я не знаю, захочет ли она помогать вам. Я знаю только, что в данный момент это физически невозможно, потому что ее нет на Авроре.

— Где же она, доктор Амадейро? — Мандамус казался удивленным и разочарованным.

— Вы увидели эти гуманоидные формы, и я больше не хочу оставаться в их довольно-таки мрачном окружении. Вы заставили меня ждать

достаточно долго, поэтому не обижайтесь, если я вас тоже заставлю потерпеть. Если у вас есть еще вопросы, мы можем обсудить их в моем кабинете.

47

Войдя в кабинет, Амадейро прервал беседу с Мандамусом.

— Подождите здесь, — повелительно произнес он и вышел.

Мандамус напряженно ждал Амадейро. Когда он вернется и вернется ли вообще? Может, его, Мандамуса, арестовали или просто плюнули на него? Может, Амадейро надоело ждать, когда он изложит суть дела?

Мандамус отказывался этому верить. Он выведал отчаянное желание Амадейро свести кое с кем счеты. Казалось, Амадейро не устанет слушать его, пока будет оставаться хоть малейший шанс, что Мандамус сделает месть возможной.

Рассеянно разглядывая кабинет, Мандамус подумал, не хранится ли здесь какая-нибудь информация, которая может помочь ему. Было бы неплохо не зависеть во всем от Амадейро. Но эта мысль была бесполезной. Мандамус не знал

входного кода в записи, а кроме того, несколько роботов Амадейро, стоявших в нишах, немедленно остановят его при первой же попытке сделать что-либо недозволенное. Это сделают даже его собственные роботы.

Амадейро был прав: роботы настолько полезные, эффективные и неподкупные стражи, что мысль о преступлении, незаконном действии, даже простой хитрости никому не приходила в голову. Такая склонность попросту атрофировалась, во всяком случае, у космонитов.

Интересно, как поселенцы обходятся без роботов? Мандамус попытался представить себе, как происходят конфликты между людьми в обществе, где нет роботов, выполняющих роль амортизаторов. Ведь само присутствие роботов позволяет человеку чувствовать себя в безопасности. Как этим людям удается соблюдать правила нравственного поведения?

При таких обстоятельствах поселенцы могут быть только варварами, и Галактику нельзя оставить им. Амадейро был прав в этом отношении и вообще, тогда как Фастольф фантастически ошибался.

Мандамус кивнул, словно еще раз убеждая себя в правильности своих намерений, и вздохнул.

Ему бы хотелось, чтобы в этом не было необходимости, но, как ни крути, это необходимо — и все тут.

В этот момент вошел Амадейро.

У Амадейро была очень выразительная внешность. Типичный космонит. Через год ему должно было стукнуть двести восемьдесят.

— Простите, что я заставил вас ждать, но у меня были неотложные дела. Быть руководителем Института — хлопотливое занятие.

— Вы можете мне сказать, где доктор Василия Алиена? — спросил Мандамус. — А затем я, не откладывая, изложу вам свой проект.

— Василия уехала. Ей нужно посетить каждый из Внешних миров, чтобы выяснить, в каком состоянии там исследования по роботехнике. Видимо, она думает, что хотя Роботехнический институт был основан для координации исследований на Авроре, интерпланетарная координация может продвинуть дело. Вообще-то идея Хорошая.

Мандамус невесело усмехнулся:

— Ей ничего не расскажут. Я сомневаюсь, что какой-нибудь Внешний мир захочет дать Авроре большую власть, чем она уже имеет.

— Напрасно вы так уверены. Ситуация с посе-

ленцами тревожит всех.

— Вы знаете, где она сейчас?

— У нас есть ее маршрут.

— Верните ее, доктор Амадейро.

Амадейро нахмурился.

— Я сомневаюсь, что это будет легко. Я уверен, она не захочет вернуться на Аврору, пока ее отец не умрет.

— Почему?

Амадейро пожал плечами:

— Не знаю и не интересуюсь. Но зато я знаю, что ваше время истекает. Вы понимаете? Выкладывайте суть наконец или уходите.

Он угрюмо показал на дверь, и Мандамус понял, что терпение Амадейро лопнуло.

— Прекрасно. Так вот, есть еще и третье, в чем Земля уникальна.

Он говорил легко и свободно, словно заранее отшлифовал и вызубрил свою речь. Амадейро жадно слушал.

Так вот оно что! Сначала Амадейро испытал громадное облегчение. Да, этот парень не чокнутый. Да, он в уме и здравой памяти.

Затем пришло чувство торжества. Это наверняка сработает. Правда, точка зрения молодого человека в том виде, н каком была изложена,

несколько не совпадала с мнением Амадейро, но это дело поправимое, изменения всегда возможны.

Когда Мандамус закончил, Амадейро сказал как можно спокойнее:

— Василия нам не нужна. Соответствующая экспертиза в Институте позволит сразу же начать. Доктор Мандамус, — в голосе Амадейро зазвучала нотка официального уважения, — пусть все идет, как запланировано, и — я не могу помочь, но думаю, что это случится — вы станете руководителем Института, когда я займу пост Председателя Совета.

Мандамус коротко улыбнулся. Амадейро снова сел в кресло и позволил себе чуть-чуть помечтать о будущем, о том, что он не мог сделать все эти долгие и печальные два столетия.

Сколько времени это займет? Десятилетия? Одно десятилетие? Несколько лет?

Немного. Немного. Это надо всеми средствами ускорить, чтобы он успел увидеть, как падут старые представления о мире, успел стать правителем Авроры, а следовательно, и всех Внешних миров, и даже — когда погибнут Земля и Поселенческие миры, — повелителем Галактики.

48

Спустя семь лет после встречи Амадейро и Мандамуса и начала осуществления их проекта доктор Хен Фастольф умер. Гиперволна сообщила о его смерти всей Вселенной. И повсюду эта весть привлекла огромное внимание.

Для Внешних миров это было важно, потому что последние двести лет Фастольф был самым влиятельным человеком на Авроре, а следовательно, и в Галактике, Для Поселенческих миров и Земли это было важно потому, что Фастольф был другом — насколько космонит может быть другом — и теперь возник вопрос, изменится ли космонитская политика, и если да, то как?

Новость дошла и до Василии Алиены, но не произвела на нее особого впечатления, поскольку ее отношения с биологическим отцом не сложились с самого начала.

Она научилась ничего не чувствовать, когда он умирал, и не хотела быть с ним на одной планете, когда пробьет его час. Она не хотела вопросов, которые посыплются на нее повсюду, но больше всего — на Авроре.

Отношения между родителями и детьми на

Авроре были в лучшем случае никакими. Среди долгоживущих — дело обычное. И никто бы не стал интересоваться Василией, если бы не то обстоятельство, что Фастольф был выдающимся партийным деятелем, а Василия — почти столь же выдающейся представительницей противоположного лагеря.

Это было ужасно. Она официально приняла имя «Василия Алиена» и пользовалась им во всех документах, во всех интервью, вообще везде, но знала точно, что большинство людей называют ее Василией Фастольф, словно ничто не могло вычеркнуть из ее жизни эти ничего не значащие отношения. И она стала называть себя только по имени. По счастью, оно не было распространенным.

Это будто подчеркнуло ее сходство с солярианкой, которая, правда, по совершенно иным причинам отказалась от фамилии своего первого мужа, как. Василия отказалась от фамилии отца. Солярианка тоже стала называться только именем — Глэдия.

Василия и Глэдия и внешне походили друг на друга.

Василия встала перед зеркалом в каюте космического корабля. Она много десятилетий не

видела Глэдию, но была уверена, что сходство сохранилось. Обе были маленькие, стройные, светловолосые и даже лица были похожи.

Но Василия всегда теряла, а Глэдия выигрывала. Когда Василия ушла от отца и вычеркнула его из своей жизни, он нашел себе Глэдию, и она стала ему уступчивой и пассивной дочерью, как он хотел, и какой Василия никогда не могла быть.

Все это раздражало Василию. Она была робототехником, таким же компетентным и умелым, как Фастольф, а Глэдия — всего лишь художница, развлекающаяся светоскульптурой да одеванием роботов. Как мог Фастольф, потеряв дочь, взять на ее место такое ничтожество?

Когда этот полицейский с Земли, Элайдж Бейли, приехал на Аврору, он добился, чтобы Василия рассказала ему больше, чем когда-либо кому-либо рассказывала. Однако с Глэдией он был сама мягкость и помог ей и ее покровителю Фастольфу одержать победу над всеми, хотя тогда Василия не понимала, как это произошло.

Глэдия сидела у постели больного Фастольфа, она держала его за руку в последнюю минуту и услышала его последние слова. Василия не понимала, почему это ее злит. Ведь она, хоть и знала, что жизнь старика кончается, ни за что не

навестила бы его, чтобы не стать свидетельницей его ухода. Но злилась, что Глэдия была рядом. «Я так чувствую, — говорила она себе, — и ни перед кем не обязана оправдываться».

Она потеряла Жискара. Жискар был ее роботом, собственным. Когда Василия была маленькой, робота подарил ей казавшийся любящим отец. На Жискаре она училась роботехнике и от него впервые почувствовала неподдельную привязанность. Она была ребенком и не размышляла о Трех Законах, не занималась философией позитронного автоматизма. Казалось, Жискар любил ее; он и действовал так, словно любил, и этого ребенку было достаточно. Такого чувства она никогда не встречала в человеке, а уж в отце тем более.

В те дни она могла играть в дурацкую игру в любовь с кем угодно. Горькая потеря Жискара научила ее, что любая начальная выгода не стоит финальной потери.

Когда она ушла из дома, не поладив с отцом, он не отпустил Жискара с ней, хотя она все время совершенствовала конструкцию Жискара.

Умирая, отец отдал Жискара солярианке. Он отдал ей и Дэниела, но Василия нисколько не интересовалась этой бледной имитацией че-

ловека. Ей нужен был Жискар, который был ее собственностью.

Сейчас Василия возвращалась домой. Ее путешествие было закончено, фактически она сделала все дела еще несколько месяцев назад, но осталась на Гесперосе, потому что ей было необходимо, как она объяснила Институту в своем официальном извещении, отдохнуть.

Теперь Фастольф умер, и она может вернуться.

Она не могла уничтожить прошлое целиком, она могла перечеркнуть лишь часть его. Жискар должен снова принадлежать ей. Она так решила.

49

Амадейро отнесся к возвращению Василии неоднозначно. Она вернулась только тогда, когда старый Фастольф (теперь, когда он умер, Амадейро мог легко произносить его имя) был уже месяц как кремирован. Амадейро был в восторге от собственной проницательности. Ведь он же сказал Мандамусу, что она не вернется, пока ее отец не умрет.

Кроме того, Василия была откровенна, что очень удобно. Она не обладала раздражающими качествами Мандамуса, нового фаворита, кото-

рый, казалось, всегда имел какую-то идею, но прятал ее, несмотря на кажущуюся откровенность.

С другой стороны, ею было невероятно трудно руководить, ее нельзя было заставить спокойно идти по пути, который наметил Амадейро. Разрешение ездить по Внешним мирам в течение нескольких лет означало разрешение описывать их в черном свете и критиковать.

Итак, он приветствовал ее с энтузиазмом, одновременно искренним и притворным.

— Василия, я счастлив, что вы вернулись. Без вас Институт как птица с одним крылом.

Василия засмеялась.

— Бросьте, Калдин. — Она называла его по имени, хотя была на двадцать пять лет моложе. — Это оставшееся крыло — ваше, а давно ли вы стали сомневаться, что одного вашего крыла достаточно?

— С тех пор, как вы уехали. Как по-вашему, Аврора сильно изменилась за это время?

— Ни капельки — это, вероятно, должно огорчить вас. Ведь отсутствие перемен — упадок.

— Парадокс. Без перемены к худшему упадка нет.

— По сравнению с окружающими нас Поселенческими мирами, Калдин, отсутствие перемен и

есть перемена к худшему. Они изменяются быстро, распространяют свое влияние все дальше и дальше. Они копят силу, энергию и самоуверенность, в то время как мы сидим тут, дремлем и считаем, что наше постоянство укрепляет равновесие.

— Прекрасно, Василия! Я думаю, вы старательно учили эту речь, пока летели домой. Однако в политическом положении и жизни Авроры произошли перемены.

— Вы имеете в виду смерть моего биологического отца?

Амадейро развел руками и слегка поклонился:

— Именно. Он нес полную ответственность за наше ничегонеделание, но теперь он умер, и я думаю, что перемены наступят, хоть, возможно, не обязательно видимые.

— У вас от меня секреты?

— Почему вы так решили?

— Эта ваша притворная улыбка всегда выдавала вас.

— Придется научиться быть с вами серьезным. Послушайте, ваш отчет у меня. Расскажите о том, о чем в нем не написано.

— В нем написано почти все. Каждый Внешний мир жалуется, что его тревожит растущее высо-

комерие поселенцев. Каждый мир твердо решил сопротивляться поселенцам до конца, следуя за Авророй, мужественно и с презрением к смерти.

— Следовать за нами, да? А если мы не поведем?

— Тогда они будут ждать и пытаться скрыть радость от того, что мы не ведем. В других отношениях… ну, каждый мир продвигается в технологии и очень неохотно сообщает, что именно он делает. Каждый ученый работает самостоятельно и не связан ни с кем даже на собственной планете. Ни в одном Внешнем мире нет единой исследовательской группы вроде нашего Института. В каждом мире несколько отдельных исследователей, и все они ревниво оберегают свою информацию друг от друга.

— Я не думаю, что они продвинулись так далеко, как мы, — самодовольно сказал Амадейро.

— Очень плохо, если не продвинулись, — отрезала Василия. — Пока все Внешние миры представляют собой кучу индивидуумов, прогресс очень замедляется. Поселенческие миры регулярно устраивают конференции, имеют свои институты и, хотя они сильно отстали от нас, они нагонят. Но я все-таки сумела обнаружить несколько технических новшеств, разработан-

ных Внешними мирами, и все их перечислила в своем отчете. Все они сейчас работают над ядерным усилителем, но я сомневаюсь, что в каком-нибудь мире приборы продвинулись дальше лабораторных испытаний. Некоторые приборы должны испытываться на космических кораблях, а этого пока нет.

— Надеюсь, что вы правы, Василия. Ядерный усилитель — оружие, которым мог бы воспользоваться наш флот и разом покончить с поселенчеством. Но я думаю, что было бы лучше, если бы у Авроры было более совершенное оружие, чем у наших космонитских братьев. Вы сказали, что в вашем отчете написано почти все. О чем же не написано?

— О Солярии!

— Ага, самый младший и самый необычный из Внешних миров.

— Непосредственно от них я почти ничего не получила. Они смотрели на меня абсолютно враждебно, как, видимо, смотрели бы на любого несолярианина, будь то космонит или поселенец. Говоря «смотрели», я имею в виду — в их понимании. Я пробыла там почти год, гораздо дольше, чем в любом другом мире, и за это время не видела ни одного солярианина во плоти — од-

ни гиперволновые голограммы. Я не имела дела ни с чем реальным. Планета комфортабельная, невероятно роскошная, совершенно девственная природа — но как бы мне хотелось увидеть ее *живьем.*

— Соляриане предпочитают показывать картинки. Мы это знаем, Василия, Что же, живи и дай жить другим.

— Хм… Ваша терпимость может быть тут не к месту. Ваши роботы в запоминающем режиме?

— Нет. Уверяю вас, нас никто не подслушивает.

— Надеюсь, Калдин. У меня создалось впечатление, что соляриане близки к созданию уменьшенного варианта ядерного усилителя. Возможно, они близки к созданию портативного усилителя, достаточно малого, чтобы поместить его на космический корабль.

— Как это они ухитрились? — Амадейро нахмурился.

— Не могу сказать. Вы же не думаете, что они показали мне чертежи. Впечатление мое настолько расплывчато, что я не решилась включить его в отчет, но из того немногого, что я слышала тут и заметила там, я сделала вывод, что они существенно продвинулись. Над этим нам следует

основательно подумать.

— Подумаем. Есть еще что-нибудь, что вы хотели бы сказать мне?

— Да. И этого тоже нет в отчете. Солярия уже много десятилетий работает над человекоподобными роботами, и я думаю, что они достигли цели. Ни один Внешний мир, кроме нас, даже не пытался заниматься этим. На каждой планете я спрашивала о гуманоидных роботах, и везде реакция была одинаковой. Они находят эту идею неприятной и пугающей. Я подозреваю, что все они знают о нашем провале и приняли его близко к сердцу.

— Но только не Солярия. Почему?

— Потому, что они всегда жили в самом роботизированном обществе в Галактике. Они окружены роботами — по десять тысяч на каждого индивидуума. Планета переполнена роботами. Пройдите через всю планету в поисках людей — и вы никого не найдете. Так зачем немногим солярианам, живущим в таком мире, расстраиваться из-за того, что несколько липших роботов будут человекоподобными? К тому же, тот псевдочеловеческий ублюдок, которого спроектировал и сделал Фастольф и который еще существует…

— Дэниел.

— Да. Он был на Солярии два столетия назад, и соляриане обращались с ним, как с человеком. Они так и не оправились: их унизили и обманули. Это была незабываемая демонстрация аврорианского превосходства, во всяком случае, в этой области роботехники. Соляриане страшно гордятся тем, что они самые передовые роботехники в Галактике. И с тех пор некоторые соляриане работают над гуманоидными роботами исключительно для того, чтобы смыть позор. Если бы этих роботехников было больше, если они имели бы Институт, координирующий их работу, они, бесспорно, сделали бы это уже давно. Сейчас, я думаю, такие роботы у них есть.

— Но точно вы не знаете? И это только ваше подозрение, основанное на обрывках сведений?

— Совершенно верно, но подозрение чертовски сильное и достойное дальнейшего расследования. И наконец: могу поклясться, что они работают над телепатической связью. Там есть какое-то оборудование, которое мне осторожно показали, и однажды, когда я беседовала с одним роботехником, экран показал его задний план с матрицей позитронного рисунка, какого я никогда еще не видела, но мне показалось, что это рисунок для телепатической программы.

— Я подозреваю, что эта новость соткана из паутины, даже более тонкой, чем сведения о гуманоидных роботах.

Василия немного смутилась:

— Должна признать, что в этом вы, вероятно, правы.

— В сущности, Василия, это звучит совсем уж фантастично. Если матрица, которую вы видели, не похожа ни на что, виденное вами раньше, с чего вы взяли, что это рисунок для чего-нибудь?

Василия поколебалась.

— Сказать по правде, я сама этому удивляюсь, но, как только я увидела рисунок, мне сразу пришло в голову слово «телепатия».

— Несмотря на то что телепатия невозможна даже теоретически?

— Считается невозможной даже теоретически, а это не совсем одно и то же.

— Но пока еще никому не удавалось добиться прогресса в этом отношении!

— Да. Но почему при виде рисунка мне пришла в голову мысль о телепатии?

— Василия, может быть, это просто ваш заскок, и бесполезно пытаться его анализировать. Забудем об этом. Что еще скажете?

— Еще одна вещь, самая загадочная. По неко-

торым незначительным признакам у меня создалось впечатление, что соляриане собираются покинуть свою планету.

— Да?

— Не знаю. Их всегда было немного, а становится еще меньше. Возможно, они хотят начать сначала где-нибудь в другом месте, пока совсем не вымерли.

— Как это сначала? Куда же они поедут?

Василия покачала головой:

— Я рассказала вам все, что знаю.

— Тогда я все это приму в расчет, — медленно сказал Амадейро. — Ядерный усилитель — раз, гуманоидные роботы — два, роботы-телепаты — три, уход с планеты — четыре. Откровенно говоря, ничему этому я не верю, но уговорю Совет санкционировать беседу с регентом Солярии. А теперь, Василия, вы можете отдохнуть. Почему бы вам не взять несколько недель отпуска, чтобы заново привыкнуть к солнцу Авроры и прекрасной погоде, прежде чем взяться за работу?

— Это очень мило с вашей стороны, Калдин, — сказала Василия, не вставая с кресла, — но осталось еще два вопроса, которые мне нужно с вами обсудить.

Амадейро невольно взглянул на часы.

— Это займет много времени, Василия?

— Сколько бы ни заняло, Калдин, это необходимо обсудить.

— И что же вы хотите?

— Прежде всего — кто этот молодой всезнайка, который, кажется, пробрался в Институт? Как бишь его, Мандамус?

— Вы уже виделись с ним? — Амадейро натянуто улыбнулся. — Как видите, на Авроре кое-что изменилось.

— В этом случае явно не в лучшую сторону, — угрюмо сказала Василия. — Кто он?

— Как вы сказали — всезнайка. Блестящий молодой человек, достаточно разбирающийся в роботехнике и неплохо осведомленный в общей физике, химии, планетологии…

— Сколько лет этому исполину эрудиции?

— Неполных пятьдесят.

— А что будет из этого дитяти, когда он вырастет?

— Он останется таким же мудрым, сколь и блестящим, наверное.

— Не прикидывайтесь, что не поняли меня, Калдин. Вы намерены сделать его руководителем Института после себя?

— Я намерен прожить еще много десятилетий.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Василия беспокойно ерзала в кресле, и ее робот, стоявший за ее спиной, водил глазами из стороны в сторону, словно готовился отразить нападение. Вероятно, на него подействовало беспокойство Василии.

— Калдин, — сказала она, — следующим руководителем буду я. Это решено. Вы сами так говорили.

— Да, Василия, я так говорил, но после моей смерти этот вопрос будет решать Совет директоров. Даже если я кого-нибудь порекомендую, Совет может все переиграть. Таковы правила Института.

— Вы составьте рекомендацию, Калдин, а уж я займусь Советом.

Амадейро нахмурился.

— Я не буду обсуждать это сейчас. Что еще вы хотели обсудить? Пожалуйста, будьте коротки.

Она несколько секунд злобно смотрела на него, а потом сказала, как отрубила:

— Жискар!

— Робот?

— Конечно, робот. Разве вы знаете какого-

нибудь другого Жискара, о котором я стала бы говорить?

— Ну, так что с ним?

— Он мой.

Амадейро удивился:

— Он был законной собственностью Фастольфа.

— Жискар стал моим, когда я была еще маленькой.

— Фастольф одолжил его вам, а потом взял обратно. Ведь официально он не был вашим.

— Он был моим фактически. Но в любом случае у Фастольфа больше нет собственности. Он умер.

— Он оставил завещание. Если я правильно запомнил, по этому завещанию два робота, Жискар и Дэниел, теперь являются собственностью солярианки.

— Я не хочу, чтобы они были у нее. Я дочь Фастольфа.

— Ого!

Василия вспыхнула:

— Я требую Жискара! Почему им владеет чужестранка?

— Только потому, что так завещал Фастольф. К тому же она гражданка Авроры.

— Кто это сказал? Для всех аврориан она со-

лярианка.

Охваченный внезапным приступом ярости, Амадейро стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Василия, чего вы от меня хотите? Я не люблю солярианку, она мне очень неприятна, и, будь у меня возможность, я бы, — он быстро взглянул на роботов, — я бы вышвырнул ее с планеты. Но я не могу оспаривать завещание. Даже если бы был законный путь к этому — а его нет — я не счел бы разумным делать это. Фастольф умер…

— Именно поэтому Жискар должен быть моим.

Амадейро не обратил внимания на ее слова.

— Коалиция, которой руководил Фастольф, распадается. В последние несколько десятилетий она держалась только благодаря его обаянию. Я хочу собрать остатки этой коалиции и присоединить к своим последователям. Таким образом я могу собрать группу, которая станет доминировать в Совете и контролировать следующие выборы.

— И сделает вас следующим Председателем?

— А почему бы и нет? Авроре хуже не будет, а мне это дало бы шанс изменить нашу никудышную политику, пока не поздно. Беда в том, что у меня нет популярности Фастольфа, нет его дара излучать святость, чтобы скрыть глупость.

Следовательно, если я стану праздновать победу над умершим, это будет плохо выглядеть. Никто не должен говорить, что при жизни Фастольф пренебрегал мною, а когда он умер, я наплевал на его завещание. Я не желаю быть смешным. Вы поняли? Обойдетесь без Жискара!

Василия встала, выпрямилась и прищурилась.

— Посмотрим!

— Уже видим. Наш разговор окончен, и если вы мечтали стать главой Института, я не потерплю никаких угроз. Так что, если вы намерены продолжать, советую вам одуматься.

— Я не угрожаю, — сказала Василия, всем своим видом свидетельствуя о том, что говорит неправду.

Она знаком приказала роботу следовать да собой и вышла.

50

Неожиданность, вернее, серия неожиданностей, началась через несколько месяцев, когда Мэлун Сисис пришел в кабинет Амадейро на обычное утреннее совещание.

Амадейро всегда радовался приходу Сисиса. Этот самый Сисис был спокойным промежутком

в курсе делового дня. Он был старым сотрудником Института и единственным, кто не имел амбиций и не ждал смерти или отставки Амадейро. Он был просто превосходным подчиненным. Он преданно служил патрону и пользовался доверием.

Поэтому Амадейро очень огорчился, когда примерно год назад заметил впалую грудь и неуверенную походку своего превосходного подчиненного, учуял некий запах тления. Неужели Сисис стареет? Ведь он всего на несколько десятков лет старше Амадейро.

Больше всего Амадейро поразила неприятная мысль, что с постепенной деградацией многих сторон жизни космонитов исчезают, похоже, и надежды. Он не раз собирался посмотреть статистические данные, по все время забывал или подсознательно боялся сделать это.

Судя по всему, Сисис был взволнован: лицо раскраснелось (это еще более подчеркивало седину в бронзовых волосах), его буквально распирало от изумления.

Амадейро даже не пришлось спрашивать, что случилось. Сисис сразу же выложил все.

Когда он закончил, Амадейро ошеломленно спросил:

— Прекращены все радиопередачи?

— Все, шеф. Видимо, они умерли или уехали. Ни одна обитаемая планета не может не испускать хоть какого-то электромагнитного излучения при нашем уровне…

Амадейро жестом приказал ему замолчать. Василия говорила — не очень уверенно, правда, — что соляриане готовятся покинуть планету. Это было бессмысленное предположение. Все четыре загадки были в той или иной степени бессмысленными. Он тогда сказал, что подумает об этом, и, конечно, не подумал. Теперь, по-видимому, ясно, что он совершил ошибку.

Рассказ Василии выглядел абсурдным, таким же абсурдным это казалось и сейчас.

Амадейро задал тот же вопрос, что и тогда, хотя и не рассчитывал получить ответ. Да и откуда взяться ответу?

— Куда они могли деваться, Мэлун?

— Об этом не говорится ни слова, шеф.

— Ладно. А когда они ушли?

— Об этом тоже ни слова. Мы получили известие сегодня утром. Беда в том, что интенсивность излучения на Солярии и так была низка. Население очень разбросано, а роботы хорошо экранированы. Интенсивность там ниже, чем в других Внешних мирах, и на два порядка ниже,

чем у нас.

— Значит, однажды кто-то обратил внимание, что малая интенсивность упала до нуля, но никто не заметил, когда это случилось. Кто обнаружил?

— Нексонианский корабль, шеф.

— Каким обрезом?

— Корабль вынужденно оказался на орбите Солярии — непредвиденный ремонт. По гиперволне он просил разрешения, но ответа не получил. Им ничего не оставалось, как остаться на орбите и делать ремонт. За это время их никто не побеспокоил. Наконец с помощью приборов они обнаружили, что не получали не только ответа, но и вообще никаких сигналов. Когда точно прекратилось излучение, они сказать не могут. Последняя запись сообщения с Солярии была сделана больше двух месяцев назад.

— А другие три ее загадки? — пробормотал Амадейро.

— Простите, шеф?

— Ничего-ничего. — Амадейро нахмурился и погрузился в размышления.

Глава тринадцатая

Робот-телепат
51

Мандамус ничего не знал о событиях на Солярии, когда через несколько месяцев вернулся из продолжительного третьего путешествия на Землю.

В первое путешествие, шесть лет назад, его послал Амадейро, с некоторыми затруднениями добившись его назначения на пост уполномоченного эмиссара Авроры. Нужно было договориться о некоторых мелочах, связанных с переходом торговыми кораблями границы космонитской территории.

Он с честью вытерпел церемониальные и бюрократические мероприятия и очень быстро понял, что свобода передвижения такого эмиссара, как он, весьма ограничена. Но все это не важно, потому что он узнал то, что хотел узнать.

Он вернулся с новостями.

— Я сомневаюсь, доктор Амадейро, что там возникнут какие-нибудь проблемы. Земное правительство не имеет никакой возможности контролировать въезд и выезд. Каждый год Землю посещают миллионы поселенцев с десятков планет, и каждый год эти миллионы гостей разъ-

езжаются по домам. Похоже, каждый поселенец считает свою жизнь неполной, если периодически не дышит воздухом Земли и не бывает в ее перенаселенных подземельях. Я думаю, это поиски корней. Они вроде и не замечают, что жизнь на Земле просто кошмарна.

— Я это знаю, Мандамус, — устало ответил Амадейро.

— Только умозрительно, сэр. Вы не можете понастоящему понять, пока сами не увидите. Один раз побывав там, вы обнаружили бы, что ваше «знание» и реальность, как день и ночь. Поэтому никто не должен был хотеть вернуться…

— Ваши предки наверняка не хотели возвращаться, когда оставили планету.

— Наверное, — согласился Мандамус. — Но в те времена межзвездный перелет был не таким легким, как сейчас. Он длился много месяцев, а прыжок был хитрой штукой. Теперь же время перелета — несколько дней, а прыжок — самое обычное дело. Если бы во времена наших предков вернуться на Землю было так же легко, как сейчас, я думаю, мы вряд ли отделились бы.

— Давайте без философии, Мандамус. Ближе к делу.

— Да, конечно. Кроме бесчисленных пото-

ков поселенцев, которые шастают туда-сюда, каждый год миллионы землян эмигрируют в Поселенческие миры. Некоторые почти сразу же возвращаются, не сумев адаптироваться, другие привыкают, но очень часто приезжают в гости на Землю. Нет никакой возможности следить за этими приездами и отъездами, да Земля и не пытается. Такие попытки могут нарушить движение потока, а Земля прекрасно понимает, что каждый пассажир везет монету. Туристский бизнес, если можно так выразиться, является самой прибыльной отраслью Земли.

— Я полагаю, вы хотите сказать, что мы без труда сможем внедрить на Землю гуманоидных роботов?

— Без всякого труда, Теперь, когда они правильно запрограммированы, мы можем послать на Землю несколько групп с фальшивыми документами. Мы ничего не можем сделать с их уважением к людям, но это не выдаст их: его примут за обычное уважение поселенцев к планете предков. Но боюсь, нам не удастся высадить их к космопорту какого-нибудь города. Обширные пространства между городами практически безлюдны, если не считать примитивных: рабочих роботов, и приземлившийся там корабль не бу-

дет замечен или во всяком случае не привлечет внимания.

— Я думаю, это слишком рискованно, — сказал Амадейро.

51a

Две группы человекоподобных роботов были посланы на Землю и смешались с жителями городов, но никак не могли найти способ выбраться в пустынные области между городами, чтобы общаться с Авророй по защищенному гиперлучу.

Мандамус все хорошенько обдумал и после долгих колебаний сказал:

— Я снова поеду туда, сэр. Я не уверен, что они найдут правильное место.

— А вы сами-то знаете правильное место? — саркастически спросил Амадейро.

— Я тщательно копался в древней истории Земли, сэр, и знаю, что найду его.

— Я не думаю, что мне удастся убедить Совет послать вас на военном корабле.

— А я и не хотел этого. Это хуже, чем просто бесполезно. Мне нужно одноместное судно с достаточным запасом энергии, чтобы хватило на оба конца.

Вот так Мандамус нанес второй визит на Землю и высадился неподалеку от одного из малых городов. С облегчением и удовлетворением он обнаружил нескольких роботов в нужном месте и провел некоторое время с ними, наблюдая за их работой, сделал несколько распоряжений и кое-что улучшил в их программе.

Затем под нелюбопытными взглядами нескольких примитивных роботов земного производства Мандамус пошел к городу.

Это был рассчитанный риск, и Мандамус, отнюдь не герой, чувствовал неприятное сердцебиение. Но все прошло хорошо.

Стражник у ворот был слегка удивлен, когда появился человек, по всем признакам проведший долгое время на открытом пространстве.

Мандамус предъявил документы поселенца, и стражник только пожал плечами. Поселенцы ничего не имели против открытого пространства, и даже предпринимали небольшие экскурсии на поверхность, в поля и леса, лежавшие вокруг Города. Поэтому стражник бегло посмотрел на бумаги, а больше их никто не спрашивал.

Внеземной акцент Мандамуса — он старался, чтобы акцент как можно меньше походил на аврорианский — принимался без обсуждения,

и никому не приходило в голову, что Мандамус — космонит. Да и прийти не могло. Прошло уже двести лет с тех пор, как космониты имели на Земле постоянный аванпост. Официальных космонитских эмиссаров было мало, а в последнее время стало еще меньше, и земляне из провинции, видимо, даже забыли о существовании космонитов.

Правда, Мандамус немного опасался, что тонкие прозрачные перчатки и носовые фильтры, которые он все время носил, могут обратить на себя внимание, но этого не случилось. Никто не запрещал ему путешествовать из города в город. Он был человеком состоятельным, а деньги многое значили на Земле — как, впрочем, и во Внешних мирах.

Он начал привыкать к отсутствию за спиной робота, и когда встречал аврорианских гуманоидных роботов в том или ином городе, то объяснял им, что они не должны таскаться за ним по пятам.

Он выслушивал их рапорты, давал инструкции, если требовалось, и устраивал их отправку за пределы Города. Наконец он вернулся на корабль и отбыл на Аврору.

Никто не обратил на него внимания, когда он

появился, никто не заметил, как он исчез.

— Вообще-то, — задумчиво сказал он Амадейро, — земляне не такие уж и варвары.

— Вот как?

— На своей планете они ведут себя совершенно по-человечески. В их дружелюбии есть даже что-то привлекательное.

— Уж не жалеете ли вы о том, чем занимались там?

— Я скверно себя чувствовал, когда ходил среди них и думал, что они не знают о том, что случится. Не могу заставить себя радоваться тому, что делаю.

— Сможете, Мандамус. Подумайте о том, что, как только работа будет сделана, пост директора Института фактически станет вашим. Это должно вас согревать.

С тех пор Амадейро не спускал с Мандамуса глаз.

51б

В третьем путешествии Мандамус почти совсем освоился и держался как настоящий землянин. Проект медленно сдвигался с мертвой точки.

Во время первых своих посещений он не испы-

тывал проблем со здоровьем, но в третий раз, без сомнения, по излишней самоуверенности, он не уберегся, и настало время, когда его встревожило истечение из носа, сопровождаемое кашлем. В городской амбулатории ему вкатили инъекцию гамма-глобулина, отчего сразу полегчало. Но амбулатория произвела на Мандамуса более жуткое впечатление, чем сама болезнь: все там, похоже, болели чем-то заразным или были в контакте с больными.

Но вот он вернулся к привычному распорядку жизни на Авроре и был несказанно рад этому. Он слушал сообщение Амадейро о солярианском происшествии.

— Вы ничего не слышали об этом? — спросил Амадейро.

Мандамус покачал головой.

— Ничего, сэр. Земля на редкость провинциальна. Восемьсот городов с восемью миллиардами жителей, все интересы которых касаются только восьмисот городов с восемью миллиардами жителей. Можно подумать, что поселенцы существуют только для того, чтобы посещать Землю, а космонитов вовсе не существует. Последние известия в любом городе на девяносто процентов относятся к этому городу. Земля — очень замкну-

тый мир, как духовно, так и физически.

— Однако вы говорили, что они не варвары.

— Агорафобия — не обязательно варварство. По их словам, они цивилизованы.

— По их словам! Ну, ладно. Это неважно. Сейчас проблема — Солярия. Ни один из Внешних миров пальцем не пошевелит. Принцип невмешательства — наш главнейший. Считается, что внутренние проблемы Солярии — дело самой Солярии. Наш Председатель инертен, как и все остальные в Совете, несмотря на то что Фастольф умер и его паралличные руки больше не давят на нас. А сам я ничего не могу сделать до тех пор, пока не стану Председателем.

— Как они могут считать проблемы Солярии внутренними, в которые нельзя вмешиваться, когда соляриане исчезли?

— Они не замечают этой глупости, а вы сразу ухватили суть? — ядовито сказал Амадейро. — Они говорят, что пока нет твердой уверенности в исчезновении солярианин и на планете остается хоть кто-то из них, другие Внешние миры не могут явиться туда без приглашения.

— Но как же они объясняют отсутствие излучений?

— Они думают, что соляриане, может быть,

ушли под землю или научились устранять утечку излучения. Говорят также, что никто не видел, как соляриане уходили и что им абсолютно некуда податься, Конечно, никто не следил, потому и не видели.

— Как они доказывают, что солярианам некуда уйти? Пустых планет много.

— Их аргумент состоит в том, что соляриане не могут жить без своей несметной толпы роботов, а взять их всех с собой они не смогут. Но если они все же ушли, как вы полагаете, сколько рабов они прихватили?

— А каковы ваши аргументы?

— Их нет, сэр. Но, исчезли они или нет, ситуация тревожная, и просто невероятно, что никто не хочет разобраться. Я всех предупреждал, как мог настойчиво, что инерция и апатия не доведут нас до добра, что, как только Поселенческие миры узнают, что Солярия опустела — или, возможно, опустела — они без колебании бросятся расследовать, в чем дело. У этой шайки бездумное любопытство. Я хотел бы, чтобы мы обладали хоть частью его. Не подумав дважды, они рискнут жизнью, если им светит какая-то выгода.

— И какая же выгода в данном случае, доктор Амадейро?

— Если соляриане ушли, то волей-неволей должны были оставить почти всех своих роботов. Они исключительно изобретательные роботехники, и поселенцы, при всей своей неприязни и ненависти к роботам, не раздумывая соберут их и продадут нам за хорошие деньги. Они уже объявили об этом. Два поселенческих корабля уже высадились на Солярии. Мы послали протест, но они, разумеется, не обратили на него внимания, а мы, ясное дело, ничего больше не сделали. Наоборот: некоторые Внешние миры интересуются, какие роботы будут продаваться и почем.

— Наверное, так и должно быть, — спокойно сказал Мандамус.

— Мы ведем себя так, как о нас говорят пропагандисты поселенцев — так и должно быть? Мы действуем так, словно и в самом деле деградируем и катимся к упадку.

— Зачем повторять их трепотню, сэр? Мы благополучны и цивилизованы, и пока еще нам никто не грозит. Если это случится, мы будем драться и, будьте уверены, сотрем их в порошок. Технологически мы пока их опережаем.

— Но мы сами себе повредим, а это не очень приятно.

— Значит, мы не готовы к войне. Если Солярия

опустела и поселенцы хотят ограбить ее, возможно, нам не следует мешать им. В конце концов, я могу предсказать, что мы сделаем свой ход через несколько месяцев.

Амадейро посмотрел на Мандамуса с какой-то яростной жадностью:

— Месяцев?

— Я уверен в этом. Поэтому первое, что мы должны сделать, это избегать провокации. Мы погубим все, если ввяжемся в конфликт без необходимости, и сами себе повредим, даже если победим — а зачем нам это? Очень скоро мы добьемся полной победы — и не ввязываясь в конфликт, и без вреда для себя.

— Бедная Земля!

— Если вы сочувствуете им, — произнес Амадейро с наигранной легкостью, — то, возможно, ничего не станете с ними делать.

— Как раз наоборот, — холодно отозвался Мандамус. — Именно потому, что я твердо намерен что-то с ними сделать — и знаю, что это будет сделано — я испытываю к ним сочувствие. А Председателем станете вы!

— А вы возглавите Институт.

— Скромный пост, если сравнивать с вашим.

— А после моей смерти? — едва не рявкнул

Амадейро.

— Так далеко в будущее я не заглядываю.

— Я почти… — начал Амадейро, но его прервало гудение аппарата связи. Автоматически и даже не взглянув на аппарат, Амадейро поднес руку к выходной щели машины. Пробежав глазами выползший из аппарата листок бумаги, он медленно растянул губы в улыбке. — Те два корабля поселенцев, что сели на Солярии…

— Да, сэр? — нахмурился Мандамус.

— Уничтожены! Оба!

— Каким образом?

— Взрыв превратил их во вспышку радиации, легко детектируемую из космоса. Вы понимаете, что это значит? Получается, что соляриане все-таки не покинули планету и самый слабый из наших миров способен легко справиться с кораблями поселенцев. Да, им здорово расквасили нос, и такой урок они долго не забудут. Возьмите, Мандамус, прочтите сами.

Мандамус отпихнул листок.

— Но это вовсе не значит, что соляриане все еще на планете. Вполне возможно, что они всего лишь нашпиговали ее ловушками.

— Да какая разница? Что прямая атака, что ловушка — корабли-то уничтожены.

— На сей раз их застали врасплох. А что будет в следующий раз, когда они подготовятся? И что если они воспримут это событие как преднамеренную атаку космонитов?

— Мы ответим, что соляриане только отражали преднамеренную атаку поселенцев.

— Но, сэр, неужели вы стремитесь к войне миров? Что если поселенцы не станут утруждать себя болтовней, а сочтут уничтожение своих кораблей военным действием и тут же примут ответные меры?

— С какой стати?

— Потому что когда задевается их гордость, они становятся такими же безрассудными, как и мы. Даже в еще большей степени, потому что опыт всевозможного насилия у них богаче.

— Они потерпят поражение.

— Вы сами признали, что даже если их разобьют, они успеют причинить нам серьезнейший ущерб.

— И как вы мне предлагаете поступить? Аврора те корабли не уничтожала.

— Уговорить Председателя сделать заявление, что Аврора не имеет к этому никакого отношения, ни один из Внешних миров тоже, и вся вина за произошедшее ложится исключительно на

Солярию.

— И бросить Солярию? Это трусость!

— Доктор Амадейро, — возбужденно произнес Мандамус, — вам знакомо такое понятие, как стратегическое отступление? Убедим Внешние миры немного отступить, тем более что есть подходящий предлог. Еще несколько месяцев — и наш план на Земле окончательно созреет. Да, отступить и умиротворить космонитов будет трудно, потому что они не знают, что вскоре произойдет, — но мы-то знаем. Более того, мы с вами, зная то, что неизвестно другим, можем взглянуть на это событие как на дар тех, кого раньше называли богами. Пусть поселенцы возятся на Солярии, не подозревая, что на Земле готовится их уничтожение. Или вы предпочитаете, чтобы паши планы потерпели крах накануне окончательной победы?

Под пронзительным взглядом глубоко посаженных: глаз собеседника Амадейро непроизвольно съежился.

52

Никогда еще Амадейро не было так тяжело, как после уничтожения поселенческих кораб-

лей. К счастью, Председателя удалось уговорить следовать политике «силовых уступок», как ее назвал Амадейро. Это выражение понравилось Председателю, хотя и было оксюмороном. Кстати говоря, по части силовых уступок Председатель был докой.

Остальными членами совета манипулировать оказалось труднее. Раздраженный Амадейро до изнеможения расписывал перед ними картины ужасов войны и распинался о необходимости выбора подходящего момента для удара, если войны избежать не удастся, упирая на то, что ошибиться ни в коем случае нельзя.

Он изобретал все новые аргументы, поясняя, почему нужный момент еще не настал, и использовал их в дискуссиях с лидерами других Внешних миров. Чтобы заставить их поддаться на уговоры, приходилось злоупотреблять традиционной гегемонией Авроры.

А когда со своим кораблем и своим требованием явился капитан Д. Бейли, Амадейро почувствовал, что у него больше нет сил. Всему есть предел.

— Это совершенно невозможно, — пожаловался Амадейро. — Неужели мы позволим ему совершить посадку на Авроре? Бородатому, в дурацкой одежде и с уму непостижимым акцен-

том! Неужели я вынужден буду просить у Совета разрешения выдать ему женщину-космонитку? В нашей истории еще не бывало такого прецедента. Женщину-космонитку!

— Вы всегда называли эту женщину-космонитку солярианкой, — сухо заметил Мандамус.

— Она и есть солярианка — для нас. Но если дело касается поселенца, ее следует считать космониткой. Если его корабль приземлится на Солярии — а он намерен отправиться именно туда — его могут уничтожить, подобно другим кораблям, а вместе с ним и женщину. Тогда мои противники, и не без оснований, смогут обвинить меня в убийстве. Моя политическая карьера этого может и не перенести.

— Подумайте о том, — напомнил Мандамус, — что мы почти семь лет трудились, подготавливая окончательное уничтожение Земли, и до завершения этого проекта остались считанные месяцы. Так неужели нам стоит рисковать ввязаться в войну, и одним ударом разрушить все, когда мы так близки к окончательной победе?

Амадейро покачал головой.

— Ситуация такова, мой друг, что выбора у меня фактически нет. Совет не пойдет за мной, если я попытаюсь уговорить их выдать женщину

поселенцу. Подобное намерение будет использовано против меня. Мало того, что пострадает моя политическая карьера — мы можем оказаться втянутыми в войну. Кроме того, для меня невыносима мысль о том, что женщина-космонитка может погибнуть, оказывая услугу поселенцу.

— Кое-кто может подумать, что вы неравнодушны к солярианке.

— Вы же знаете, что это не так. Я искренне желал бы, чтобы она умерла еще двести лет назад, но не подобным образом и не на корабле поселенца… Но мне следует вспомнить, что она ваша прабабка в пятом поколении.

Мандамус нахмурился сильнее обычного.

— И что с того? Я самостоятельная личность, космонит и осознаю свое место в обществе. Разве я похож на поклоняющегося предкам члена некоего племенного конгломерата? — Мандамус на мгновение умолк, и на его худом лице отразилась глубокая сосредоточенность. — Доктор Амадейро, — попросил он, — не могли бы вы объяснить Совету, что мою дальнюю родственницу все же следует отпустить, но не как заложницу, а исключительно потому, что ее уникальные знания о Солярии, где она провела детство и юность, могут очень помочь в расследовании и что это

расследование может оказаться полезным не только для поселенцев, но и для нас? Если, в конце концов, говорить откровенно, неужели нам не было бы полезно знать, что задумали эти жалкие соляриане? А женщина сможет рассказать нам обо всем — если уцелеет.

Амадейро оттянул кончиками пальцев нижнюю губу.

— Да, это может сработать, если женщина перейдет на корабль добровольно, если ясно даст понять, что сознает важность задания и желает выполнить свой патриотический долг. Но заставить ее отправиться на корабль силой просто немыслимо.

— В таком случае предположим, что я навещу свою родственницу и попытаюсь уговорить ее добровольно перейти на борт корабля. Предположим также, что вы поговорите по гиперсвязи с капитаном-поселенцем и скажете ему, что он сможет сесть на Авроре и забрать женщину, если уговорит ее отправиться с ним добровольно… или, как минимум, убедит ее сказать, что она поступает так по собственной воле, как бы то ни обстояло в действительности.

— Полагаю, мы ничего не потеряем, если попытаемся это сделать, но сомневаюсь в успехе

всей затеи.

И все же, к удивлению Амадейро, она удалась, и вскоре он, не веря собственным ушам, выслушивал подробности, которые ему излагал Мандамус:

— Я завел разговор о гуманоидных роботах. Совершенно очевидно, что она о них ничего не знает. Из этого я заключил, что и Фастольф ничего про них не знал. Эта деталь не давала мне покоя больше всего. Потом я перевел разговор на своих предков таким образом, чтобы вынудить ее заговорил, о землянине Элайдже Бейли.

— И что? — резко спросил Амадейро.

— Ничего. Она лишь помнит такого, и все. Поселенец, который ее домогается — потомок Бейли, и я подумал, что эта деталь может заставить ее отнестись к предложению капитана более благосклонно.

Как бы то ни было, все сложилось удачно, и несколько дней Амадейро не испытывал над собой того почти непрерывного давления, что изводило его с самого начала солярианского кризиса.

Но лишь несколько дней.

53

За время солярианского кризиса Амадейро не встречался с Василией, чем был весьма доволен.

Время для подобных встреч было явно неподходящим. У него не было ни малейшего желания раздражаться из-за ее мелочных забот о роботе, которого она считала своей собственностью, совершенно не принимая во внимание незаконность подобного утверждения, в то время как его мысли были заняты истинным кризисом. Не хотелось ему и ввязываться в ссору между ней и Мандамусом, которая неизбежно возникла бы при разговоре о том, кто возглавит в будущем Институт роботехники.

Он уже почти принял решение, что Мандамус станет его преемником. В течение всего солярианского кризиса тот держал в поле своего внимания все самое важное, и даже в тех ситуациях, когда Амадейро ощущал неуверенность, Мандамус оставался невозмутимо спокойным. Именно Мандамусу пришла в голову мысль, что солярианская женщина может добровольно улететь с капитаном-поселенцем, и он же смог уговорить ее решиться на этот поступок.

Если его план уничтожения Земли сработает, как может — и должен сработать, то со временем Мандамус станет преемником Амадейро на посту Председателя Совета, Так будет даже справедливо, подумал Амадейро во время редкого приступа самоотверженности.

В тот самый вечер он и думать позабыл о Василии. Когда он вышел из Института, стайка роботов проводила его до машины, где уже сидел робот-шофер, а еще два робота поджидали на заднем сидении. Смеркалось, шел холодный дождь. Машина бесшумно довезла Амадейро до дома, где его встречали еще два робота. И за все это время он ни разу не вспомнил о Василии.

И, обнаружив ее в своей комнате, где она смотрела по гипервизору какой-то замысловатый балет роботов; несколько роботов Амадейро стояли в нишах, а два робота Василии — за спинкой ее кресла, он остолбенел — не столько от возмущения по поводу вторжения в его жилище, сколько от неожиданности.

Отдышавшись и вновь обретя способность говорить, Амадейро гневно спросил:

— Что вы здесь делаете? Как вы попали в мой дом?

Василия выглядела спокойной — в конце кон-

цов, она-то знала, что Амадейро приедет домой.

— Что я здесь делаю? — переспросила она. — Вас жду. А попасть в дом оказалось совсем нетрудно. Вашим роботам моя внешность очень хорошо знакома, равно как и мое положение в Институте. Почему бы им не впустить меня, если я сказала, что мне назначили встречу?

— Но это ложь. Вы нарушили неприкосновенность моего жилища.

— Не совсем. Доверие роботов к чужакам не безгранично. Взгляните на них. Они с меня глаз не спускают. И если бы я захотела порыться в ваших вещах, просмотреть бумаги и вообще как-то воспользоваться вашим отсутствием, уверяю вас — мне бы это не удалось. Два моих робота им не помеха.

— Да будет вам известно, — резко произнес Амадейро, — что ваше поведение недостойно космонитки. Я презираю вас и никогда вам этого не забуду.

На сей раз слова Амадейро задели Василию.

— Надеюсь, вы не забудете, Калдин, — ответила она негромко, но решительно, — потому что я сделала то, что сделала, ради тебя — и если бы я отреагировала на ваши оскорбления должным образом, то встала бы и ушла, оставив вас до

конца жизни прозябать в неудачниках, коим вы были последние двести лет.

— Что бы вы ни сделали, неудачником я не буду.

— Вы говорите так, словно верите собственным слонам, — возразила Василия. — Но, видите ли, вы не знаете того, что известно мне. Должна сказать, что без моего вмешательства вы так и останетесь неудачником. Мне абсолютно все равно, что вы там замыслили. И еще меньше меня заботит, что сварганил для вас этот тонкогубый кислорожий Мандамус…

— Почему вы о нем заговорили? — быстро спросил Амадейро.

— Потому что мне так хочется, — презрительна ответила Василия. — Все, что он делает или думает, что делает — не пугайтесь, я понятия не имею о его планах — так вот, ничего из этого не выйдет. И пусть я не знаю ничего, но в одном я уверена — ничего у него не получится.

— Да вы просто чушь несете, — сказал Амадейро.

— Советую вам прислушаться к этой чуши, Калдин, если не хотите, чтобы рухнуло все. И не только вы, но, возможно, и Внешние миры, все до единого. Впрочем, вы можете отказаться меня

слушать. Дело ваше. Выбирайте.

— С какой стати мне вас слушать? Разве у меня есть для этого основания?

— Вспомните хотя бы, как я говорила вам, что соляриане собираются покинуть свою планету. Если бы вы тогда ко мне прислушались, это событие не застало бы вас врасплох.

— Солярианский кризис еще обернется нам на пользу.

— И не надейтесь, — парировала Василия. — Вы можете думать, что так будет, но так не будет. Кризис уничтожит вас — какие бы меры вы ни предприняли, чтобы с ним справиться — если вы не согласитесь выслушать то, что я обязана сказать.

Слегка дрожащие губы Амадейро побелели. Упоминание Василии о двух столетиях неудач отнюдь не укрепило его дух, равно как и ее слова о солярианском кризисе, и у него не хватило решимости приказать роботам вывести ее вон.

— Ладно, выкладывайте, только покороче, — угрюмо бросил он.

— Если я расскажу все, что должна рассказать, вы мне не поверите, так что позвольте мне сделать это по-своему. Вы можете прервать меня в любой момент, но этим вы погубите все Внешние

миры. На мой век, разумеется, их хватит, и не мое имя войдет в историю — историю поселенцев, между прочим — как синоним величайшей неудачи. Так мне начинать?

Амадейро сгорбился в кресле.

— Хорошо, начинайте. А когда кончите — убирайтесь.

— Я так и намерена поступить, Калдин, если, конечно, вы не попросите меня — и очень вежливо попросите — остаться и помочь вам. Начинать?

Амадейро промолчал. Василия заговорила.

— Я уже говорила, что во время своего пребывания на Солярии узнала о разработанных там очень странных позитронных структурах. Они поразили меня — и поразили чрезвычайно, — поскольку то была попытка создания роботов-телепатов. А теперь ответьте, почему я об этом вспомнила?

— Откуда мне знать, — резко ответил Амадейро, — какие именно патологические импульсы направляют ход ваших мыслей.

Василия состроила в ответ гримасу.

— Спасибо, Калдин… я размышляла об этом несколько месяцев, поскольку у меня хватило ума догадаться, что причина этих мыслей не в патологии, а в неких подсознательных воспо-

минаниях. И мои мысли вернулись в детство, когда Фастольф, которого я считала своим отцом, неожиданно расщедрившись — он время от времени экспериментировал со щедростью, понимаете ли — подарил мне робота.

— Опять Жискар? — нетерпеливо пробормотал Амадейро.

— Да, Жискар. Как всегда Жискар. Я тогда еще была подростком, но уже имела задатки робототехника, или, вернее сказать, родилась с этими задатками. В математике я разбиралась еще слабо, но схемы схватывала на лету. За последующие с тех пор десятилетия мои знания математики расширились и усовершенствовались, но, как мне кажется, мои достижения в схемотехнике выросли ненамного. «Маленькая Вас», — говаривал отец — он экспериментировал и с ласковыми уменьшительными именами, проверяя, какое впечатление они на меня производят. Так вот: «Ты просто гений в схемах». Как мне кажется, я…

— Избавьте меня от подробностей. Я охотно признаю вашу гениальность. Кстати, вам известно, что я еще не обедал?

— Что ж, — резко ответила Василия, — закажите обед и пригласите меня присоединиться к вам.

Нахмурившись, Амадейро повелительно поднял руку и подал быстрый знак. Роботы тут же тихо засуетились.

— Я изобретала для Жискара всяческие схемы, — продолжала Василия. — Потом приходила к Фастольфу и показывала их ему. Он качал головой, смеялся и говорил; «Если ты добавишь это к мозгу бедняги Жискара, он не сможет с тобой разговаривать, к тому же ему будет очень больно». Помню, я спросила, действительно ли Жискар может испытывать боль, и отец ответил: «Мы не знаем, что он будет испытывать, но он станет вести себя так, словно ему очень больно, так что можешь считать, что боль он ощущает».

Иногда, когда я показывала ему очередную схему, он рассеянно улыбался и говорил: «Что ж, это ему не повредит, малышка Вас. Может быть, даже стоит попробовать».

И я пробовала. Иногда я снова вынимала схему, иногда оставляла. Я вовсе не издевалась над Жискаром ради садистского удовольствия, хотя такое искушение появиться могло, будь у меня другой характер. Наоборот, я очень любила Жискара и совсем не хотела причинить ему вред, И когда мне казалось, что мое очередное усовершенствование — а я всегда считала свои схемы

усовершенствованиями — помогает Жискару свободнее говорить или реагировать быстрее и интереснее, и к тому же безвредно для него, я оставляла схему на месте. Но однажды…

Подошедший к Амадейро робот не посмел бы прервать гостью, разве что в случае крайней необходимости, но Амадейро без труда понял, что означает его выжидательная поза.

— Обед готов?

— Да, сэр.

Амадейро нетерпеливо махнул рукой в сторону Василии.

— Вы приглашены пообедать со мной.

Они перешли в столовую, где Василии еще не доводилось бывать. Впрочем, Амадейро был затворником и славился пренебрежением к социальным традициям. Ему неоднократно говорили, что он достигнет больших успехов в политике, если станет устраивать у себя дома приемы, на что он всегда вежливо улыбался и отвечал; «Цена слишком высока».

Возможно, именно из-за его неумения развлекать, подумала Василия, в обстановке столовой нет ничего оригинального или творческого. Зауряднейшие стол, тарелки и приборы. Стены — одноцветные вертикальные плоскости. Общее

впечатление способно испортить аппетит кому угодно.

Суп, поданный на первое — обычный бульон — оказался столь же заурядным, как и обстановка. Василия начала есть без всякого желания.

— Моя дорогая Василия, — заметил Амадейро, — вы видите, как я терпелив. Я даже не стал возражать против вашего желания изложить свою автобиографию. Вы действительно намерены прочитать мне наизусть несколько ее глав? Если да, то должен откровенно признаться, что она меня не интересует.

— Если вы еще чуточку потерпите, ваш интерес неизмеримо возрастет, — пообещала Василия. Впрочем, если грядущее поражение вас и в самом деле не тревожит и вы желаете и в дальнейшем тратить усилия понапрасну, достаточно просто сказать мне об этом. Я молча доем и уйду. Вы этого хотите?

Амадейро вздохнул:

— Продолжайте, Василия.

— Так вот, однажды я создала очередную схему. Она показалась мне более совершенной, остроумной и многообещающей, чем все виденное прежде, или, если честно, все виденное с тех пор. Я с удовольствием показала бы ее отцу, но он

уехал по каким-то делам на другую планету.

Я не знала, когда он вернется, и пока отложила новую схему, но каждый день разглядывала ее со все возрастающим интересом и восхищением. В конце концов у меня попросту лопнуло терпение. Схема казалась такой совершенной, что даже в принципе не могла нанести вред роботу. Мне не было тогда и двадцати лет, и я еще не переросла детскую безответственность. И я модифицировала Жискара, встроив в его мозг эту схему.

И не навредила ему — это было совершенно очевидно. Жискар общался со мной с безупречной легкостью, и, как мне показалось, стал гораздо расторопнее, понятливее и разумнее, чем раньше. Новый Жискар стал для меня восхитительнее и милее, чем прежний.

Я очень обрадовалась и одновременно встревожилась. То, что я сделала — модифицировала Жискара, не получив предварительно одобрения Фастольфа, — категорически запрещали правила, установленные им для меня, и я это прекрасно понимала. Но мне была ясно и то, что я не стану переделывать уже сделанное. Модифицируя мозг Жискара, я оправдывалась перед собой тем, что изменение временно и вскоре я нейтрализую все последствия модификации. Однако, едва

завершив модификацию, я поняла, что не стану ничего менять. Я этого попросту не хотела. Более того, с тех пор я ни разу не модифицировала Жискара из опасения исказить результат последней модификации.

И Фастольфу я тоже ничего не рассказала. Уничтожила все рабочие записи об этой поразительной схеме, и Фастольф так никогда и не узнал, что Жискар был модифицирован без его ведома. Никогда!

Затем наши пути, мой и Фастольфа, разошлись. Он не отдал мне Жискара. Я кричала, что он мой, что я люблю его, но мягкая благосклонность Фастольфа, которую он всю жизнь выставлял напоказ, так и не позволила ему встать на пути у собственных желании.

Он дал мне других роботов, которые были мне совершенно не по душе, а Жискара оставил себе.

А когда он умер, Жискар достался той солярианской женщине — последний жестокий удар.

Амадейро справился лишь с половиной своей порции мусса из лососины.

— Если вы рассказали мне все это для того, чтобы подтвердить свои права на Жискара, то напрасно старались. Я вам уже объяснял, почему не могу нарушить волю Фастольфа.

— Кроме моего желания, тут есть еще кое-что, Калдин, — ответила Василия. — Гораздо большее. Бесконечно большее. Хотите, чтобы я замолчала?

Амадейро растянул губы в кривоватой улыбке.

— Раз уж я потратил столько времени, слушая все это, то сыграю роль безумца и послушаю еще.

— Вы станете безумцем, если откажетесь меня слушать, потому что сейчас я подойду к главному… У меня не выходили из головы мысли о Жискаре и той несправедливости, когда меня с ним разлучили, — но почему-то я совсем не задумывалась о схеме, которую тайком н него встроила. Я совершенно уверена, что не смогу воспроизвести ее, даже если попытаюсь, и, насколько могу вспомнить, она совершенно не походила на схемы, которые мне доводилось с тех пор видеть в различных роботах. И лишь на Солярии мне удалось совсем недолго разглядывать нечто похожее.

Та солярианская схема показалась мне знакомой, но я не могла понять почему. И лишь после нескольких недель упорных размышлений мне удалось докопаться до той глубоко скрытой области моего подсознания, где затаилось ускользающее воспоминание о той схеме, которую я

выдумала два с половиной столетия назад.

И хотя я не могу вспомнить свою схему в точности, я уверена, что солярианская схема — лишь ее жалкое подобие, не более, Она лишь напоминала то, что мне удалось изобрести и воплотить в изумительно сложную симметрию. Но на солярианскую схему я смотрела глазами специалиста, за двадцать пять десятилетий досконально изучившего теорию роботехники, и она навела меня на мысль о телепатии. И если даже эта простейшая, почти не интересная для меня схема навела меня на такую мысль, то какой же телепатической способностью должен обладать мой оригинал — то, что я изобрела ребенком, и о чем с тех пор ни разу не вспоминала?

— Вы все повторяете, что подходите к главному, Василия, — заметил Амадейро. — По-моему, логично будет попросить вас перестать стонать и сокрушаться и изложить наконец суть просто и ясно.

— С радостью, Я хочу сказать вам, Калдин, что я, сама того не подозревая, превратила Жискара в робота-телепата и что второго такого робота не существует и никогда не существовало.

54

Амадейро долго смотрел на Василию. Уразумев, что рассказ окончен, он вернулся к муссу из лососины и с задумчивым видом отправил в рот несколько ложек.

— Невозможно! — произнес он наконец. — Вы что, считаете меня идиотом?

— Я считаю вас неудачником, — парировала Василия. — Я не говорила, что Жискар способен читать мысли, принимать или передавать слова или идеи. Скорее всего, такое невозможно, даже теоретически. Но я уверена, что он может улавливать эмоции и общий настрой умственной активности, и, возможно, даже изменять их.

Амадейро тряхнул головой.

— Невозможно!

— Разве? Подумайте немного. Двести лет назад вы почти достигли своей цели. Вы могли сделать с Фастольфом что угодно, а Председатель Хордер был вашим союзником. Что же случилось? Почему все пошло наперекосяк?

— Землянин… — начал Амадейро, но тут же умолк — его душил гнев.

— «Землянин…» — передразнила его Васи-

лия. — Ах, землянин. Или то была солярианка? Ни он, ни она! Никто! Рядом с вами все время был Жискар. Вынюхивал и крутил вами, как хотел.

— Чем же он интересовался? Он же робот.

— Робот, преданный своему хозяину, Фастольфу. Согласно Первому Закону, он обязан следить, чтобы Фастольфу не был причинен вред, а будучи телепатом, он не мог ограничиться возможностью причинения лишь существенного физического ущерба. Он знал, что если Фастольф не добьется своего, не сможет содействовать созданию новых поселений на пригодных для обитания планетах Галактики, то будет глубоко разочарован — а в телепатической вселенной Жискара это равносильно «вреду». Такого он допустить не мог, поэтому и вмешивался.

— Нет, нет и еще раз нет, — с отвращением произнес Амадейро. — Это вам хочется, чтобы все обстояло именно так, потому что вас обуревают всевозможные безумно-романтические идеи — но ваши желания не могут повлиять на истину. Я даже слишком хорошо помню, кто был причиной неудач — землянин. И мне не нужен для их объяснения робот-телепат.

— А что произошло с тех пор, Калдин? — не унималась Василия. — Удалось ли вам за двести

лет одолеть Фастольфа? Когда все обстоятельства обернулись в вашу пользу, когда политика Фастольфа потерпела очевидный крах, разве сумели вы склонить на свою сторону большинство совета? Смогли подчинить своему влиянию Председателя, чтобы обладать реальной властью?

Как вы это объясните, Калдин? Все эти двести лет землянина на Авроре не было, он был мертв уже шестьдесят лет — ведь его жалкая короткая жизнь длилась лет восемьдесят. И все же вас продолжали преследовать неудачи, сплошная цепочка неудач, без единого просвета. Даже сейчас, когда Фастольф умер, разве смогли вы извлечь для себя пользу из того, что его коалиция развалилась? Вы в который раз убедились, что удача избегает вас.

Так что же получается? Землянина нет. Фастольфа нет. И только Жискар все эти годы действовал против вас, Сейчас он столь же предан солярианке, как некогда Фастольфу, а у солярианки, как мне кажется, нет причин любить вас.

Лицо Амадейро исказилось, превратившись в маску гнева и отчаяния.

— Нет, не так. Все это выдумки, плод вашего воображения!

— Я ничего не выдумываю, — невозмутимо

отозвалась Василия. — Я лишь объясняю те факты, которые вы сами не в силах объяснить. Или у вас все же есть другое объяснение?.. Хотите, я предложу вам решение? Сделайте так, чтобы официальным владельцем Жискара стала я, а не солярианка, и события тут же начнут складываться в вашу пользу.

— Нет. Они и так складываются в мою пользу.

— Вы можете сколько угодно убеждать самого себя, но пока Жискар действует против вас, этого не случится. Как бы вы ни приблизились к победе, как бы ни были в ней уверены, все обернется пшиком — до тех пор, пока Жискар не окажется на вашей стороне. Так случилось двести лет назад и случится снова, сейчас.

Лицо Амадейро неожиданно просветлело.

— Знаете, если поразмыслить — пусть Жискар не ваш и не мой, неважно, — то я могу доказать, что Жискар никакой не телепат. Будь это так, как вы говорите, если он способен перекраивать события на свой вкус или на вкус того, кто считается его хозяином, то почему он позволил солярианке рисковать жизнью?

— Рисковать жизнью? Вы о чем, Калдин?

— Слыхали ли вы, Василия, что на Солярии были уничтожены два корабля поселенцев? Или вы

в последнее время только и делали, что раздумывали о схемах и смелых деньках своего детства, когда вы модифицировали своего любимца?

— Сарказм вам не к лицу, Калдин. Я слышала в новостях о тех кораблях. И что с того?

— Для расследования обстоятельств происшествия туда отправляется третий корабль поселенцев. Возможно, он тоже будет уничтожен.

— Вероятно, С другой стороны, он примет меры предосторожности.

— Уже принял. Он потребовал и получил солярианку. Они полагают, что она настолько хорошо знает планету, что поможет им уцелеть.

— Вряд ли это возможно, потому что в последний раз она была там двести лет назад.

— Правильно! В таком случае она имеет все шансы погибнуть вместе с ними. Для меня лично это мало что значит — я буду только рад, если ее не станет. Думаю, и вы тоже. К тому же это даст нам хороший повод жаловаться на поселенцев, а им будет очень трудно утверждать, что уничтожение кораблей было сознательным актом Авроры. Неужели мы стали бы губить своих граждан?.. Вопрос теперь в том, Василия, почему Жискар, если он обладает тем умением, которое вы ему приписываете — и так предан — позволил

солярианке добровольно отправиться навстречу почти верной гибели?

— Неужели она полетит добровольно? — спросила потрясенная Василия.

— Абсолютно добровольно. Она сама этого хочет. А заставить ее поступить так силой было бы невозможно.

— Но я не понимаю…

— Тут нечего понимать кроме того, что Жискар самый обычный робот.

Василия на мгновение замерла, подперев рукой подбородок, потом медленно сказала:

— На корабли поселенцев и на их планеты роботов не допускают. И это означает, что она полетит одна. Без роботов.

— Разумеется, нет. Поскольку она согласилась добровольно, поселенцы вынуждены принять на борт и ее личных роботов. С ней полетит тот человекоподобный Дэниел, а вторым будет… — Амадейро сделал паузу и прошипел; — …Жискар. Кто же еще? Так что чудо-робот из ваших фантазий тоже отправится навстречу своей гибели. И он самый обычный…

Он неуверенно умолк. Василия вскочила. Глаза ее сверкали, лицо от гнева покрылось пятнами.

— Вы сказали, что Жискар полетит с ними?

Он покинет эту планету на корабле поселенцев? Калдин, вы погубили всех нас!

55

Никто из двоих более не прикоснулся к еде. Василия торопливо вышла из столовой и исчезла за дверью туалетной комнаты. Амадейро, с трудом пытаясь сохранить холодную логичность, крикнул ей сквозь запертую дверь, прекрасно сознавая, что тем самым унижает свое достоинство:

— Это самое сильное доказательство того, что Жискар не более чем робот! Зачем ему отправляться на Солярию, где он увидит смерть своей хозяйки?

Через некоторое время шум льющейся воды прекратился. Василия распахнула дверь. Ее только что умытое лицо, казалось, излучало ледяное спокойствие.

— Вы что, в самом деле ничего не поняли? — сказала она. — Вы изумляете меня, Калдин. Подумайте хорошенько. Пока Жискар сохраняет умение манипулировать умами людей, он не может подвергнуться опасности, разве не так? И солярианка тоже — пока Жискар ей предан.

Поселенец, который ее увезет, наверняка после разговора с ней узнал, что она не была на Солярии двести лет, так что вряд ли он всерьез полагает, что она может принести ему хоть какую-то пользу. Вместе с ней он берет и Жискара, но не знает, что тот может оказаться полезным, или же… А может, он это знает? — Она ненадолго задумалась, потом медленно сказала: — Нет, он никак не мог это узнать. Если за двести лет никто не проник в тайну умственных возможностей Жискара, значит, Жискар сам заинтересован в ее сохранении… и если я права, то догадаться о ней не мог никто.

— Но вы же говорите, что раскусили его, — ехидно заметил Амадейро.

— Я обладаю специальными знаниями, Калдин, но даже я только сейчас разглядела очевидное — и то лишь благодаря подсказке на Солярии. Наверное, Жискар и мне заморочил голову, — в противном случае я догадалась бы давным-давно. Интересно, знал ли Фастольф…

— Насколько проще признать тот простой факт, — нетерпеливо оборвал ее Амадейро, — что Жискар просто робот.

— Вы все порываетесь пойти по самой легкой дороге к краху, Калдин, но я не позволю вам даже

ступить на нее, как бы вам ни хотелось… Важнее всего то, что поселенец явился за солярианкой и взял ее с собой, уже обнаружив, что пользы от нее будет очень мало — если вообще будет. А солярианка вызвалась лететь добровольно, хотя ей наверняка внушает отвращение перспектива оказаться на одном корабле с варварами, набитыми бациллами. Ее не остановила даже весьма вероятная возможность погибнуть на Солярии.

В таком случае, как мне кажется, это работа Жискара, который вынудил поселенца требовать выдачи солярианки даже тогда, когда смысла в этом уже не оставалось, а солярианку — столь же бессмысленно согласиться.

— Но для чего? — удивился Амадейро. — Могу я задать такой простой вопрос? Для чего?

— Полагаю, Калдин, Жискар почувствовал, что ему необходимо покинуть Аврору. Может, он догадался, что я вот-вот раскрою его секрет?.. Если да, то он мог поставить под сомнение свое нынешнее умение манипулировать мною. Ведь я, в конце концов, опытный роботехник. Кроме того, он мог вспомнить, что некогда был моим, а роботам трудно игнорировать требования лояльности. Вероятно, единственным для него способом обеспечить безопасность солярианки

осталась возможность убраться подальше от моего влияния. — Она подняла глаза на Амадейро и решительно произнесла: — Калдин, мы должны его вернуть. Мы не можем ему позволить подыгрывать поселенцам в безопасном раю поселенческих планет. Он уже успел натворить немало и среди нас. Мы обязаны его вернуть, и я должна стать его законной владелицей. Будьте уверены, я сумею с ним справиться и заставить работать на нас. И помните! Я единственная, кто может его укротить.

— Не вижу причин для тревоги, — возразил Амадейро. — Если, что весьма вероятно, он просто робот, его уничтожат на Солярии, и мы избавимся и от него, и от солярианки. Если же, что весьма сомнительно, он таков: каким вы его представляете, он уцелеет на Солярии, но тогда ему придется вернуться на Аврору. В конце концов хоть солярианка и не родилась на Авроре, но прожила здесь слишком долго, чтобы ужиться с варварами. Она сама начнет настаивать на возвращении к цивилизации. И у Жискара не останется иного выхода кроме как вернуться вместе с ней.

— Калдин, неужели, даже узнав обо всем, вы не убедились в возможностях Жискара? Если он посчитает нужным держаться подальше от Авро-

ры, то с легкостью настроит эмоции солярианки таким образом, что ей придется по вкусу жизнь на поселенческой планете. Он ведь уже заставил ее пожелать подняться на борт их корабля.

— Что ж, в таком случае, если возникнет необходимость, мы сможем просто вернуть их корабль — вместе с Жискаром и солярианкой — обратно на Аврору.

— И как вы предполагаете это сделать?

— Это можно устроить. Мы, аврориане вовсе не дураки, хоть из ваших слов ясно, что вы считаете себя единственной рациональной личностью на планете. Корабль поселенцев отправляется на Солярию расследовать факт уничтожения двух других кораблей, но, надеюсь, вы не думаете, что мы станем целиком полагаться на их услуги или на услуги солярианки. Мы тоже посылаем на Солярию два своих боевых корабля, а уж им-то неприятности вряд ли угрожают. Если на планете еще остались соляриане, им, возможно, удастся уничтожить примитивный корабль поселенцев, но боевое судно Авроры им не по зубам. Если же корабль поселенцев, благодаря магическим штучкам Жискара…

— Это не магия, — едко перебила его Василия, — а ментальное воздействие.

— Ну, хорошо. Если их корабль по какой бы то ни было причине сумеет взлететь с Солярии, наши корабли перехватят его и вежливо попросят передать им солярианку и ее робота. Если же просьбу не удовлетворят, наши корабли эскортируют их корабль до Авроры. В этом нет никакой враждебности — наш корабль станет просто сопровождать гражданку Авроры домой. Как только солярианка и ее робот высадятся на Авроре корабль поселенцев сможет лететь, куда ему заблагорассудится.

Василия кивнула:

— Звучит неплохо, Калдин. Но знаете, как мне кажется, все обернется в действительности?

— Как, Василия?

— Сдается мне, что их корабль сможет взлететь с Солярии, а ваши боевые корабли — нет. Что бы на Солярии ни обнаружили, Жискар сумеет этому противостоять. Но, боюсь, только Жискар, и никто другой.

— Ну, если случится именно так, — мрачно усмехнулся Амадейро, — то я признаю, что в ваших фантазиях, может быть, что-то и есть. Но этого не произойдет…

56

На следующее утро главный личный робот Василии, которому была придана внешность изящной женщины, подошел к ее постели. Василия пошевелилась и, не открывая глаз, спросила:

— В чем дело, Надила?

Василии не нужно было открывать глаза. Вот уже многие десятилетия никто, кроме Надилы, не приближался к ее постели.

— Мадам, — тихо произнесла Надила, — доктор Амадейро просит вас приехать в Институт.

— Который час? — спросила Василия, открыв глаза.

— Пять часов семнадцать минут, мадам.

— Утра? — раздраженно уточнила Василия.

— Да, мадам.

— И когда он хочет меня видеть?

— Сейчас, мадам.

— Зачем?

— Его роботы не информировали нас, мадам, но утверждают, что это важно.

Василия откинула простыни.

— Сперва я позавтракаю, Надила, но перед этим приму душ. Передай роботам Амадейро: пусть

встанут в ниши для посетителей и ждут. А если будут нетерпеливы, напомни им, что они находятся в моем доме.

Раздраженная Василия не стала торопиться. По крайней мере туалетом она занималась тщательнее обычного и позавтракала не спеша, (Обычно она не тратила много времени ни на то, ни на другое.) Посмотрев выпуск новостей, она не узнала ничего такого, что могло стать причиной вызова Амадейро.

Когда ее машина (где, кроме нее, было четыре робота — два Амадейро и два ее собственных) подъехала к Институту, солнце уже показалось над горизонтом.

— Ну, наконец-то, — сказал Амадейро, подняв на нее глаза. Стены его кабинета все еще светились, хотя их свет уже был не нужен.

— Извините, — жестко произнесла Василия. — Я совершенно уверена, что начинать работу на рассвете — слишком поздно.

— Прошу вас, Василия, оставьте свои шуточки. Я тороплюсь на заседание Совета. Председатель встал еще раньше меня. Василия, я покорно прошу прощения за то, что не верил вам.

— Значит, корабль поселенцев благополучно взлетел.

— Да. А один из наших кораблей уничтожен, как вы и предполагали… Сей факт еще не доведен до общего сведения, но со временем новости, разумеется, просочатся.

Глаза Василии расширились. Она предсказывала подобный исход с несколько большей уверенностью, чем испытывала на самом деле, но сейчас момент для подобных признаний был явно неподходящим.

— Значит, вы принимаете тот факт, что Жискар обладает экстраординарными способностями.

— Я не считаю эту проблему математически доказанной, — осторожно ответил Амадейро, — но согласен принять ее, если получу дополнительную информацию. Сейчас я хочу знать, как нам поступать дальше. Совет о Жискаре ничего не знает, а рассказывать им я не намерен.

— Очень рада, что вы сохранили хоть какую-то ясность ума, Калдин.

— Но вы понимаете Жискара и лучше кого бы то ни было можете посоветовать, что делать. Итак, что мне сообщить Совету и как объяснить акцию, не раскрывая всей правды?

— Надо подумать. Куда отправился корабль поселенцев, взлетев с Солярии? Это мы знаем? В конце концов, если он возвращается к Авроре,

надо лишь подготовиться к его встрече.

— Он летит не к Авроре! — воскликнул Амадейро. — Кажется, вы и в этом оказались правы. Похоже, Жискар — если он действительно стоит за всеми событиями — намерен держаться от нас подальше Мы перехватили сообщения, посланные с корабля на родную планету. Они, разумеется, зашифрованы, но мы расшифровали коды поселенцев…

— Подозреваю, что и они раскрыли наши коды. Почему бы всем нам не передавать сообщения открытым текстом? Скольких хлопот удалось бы избежать.

— Не все ли равно? — пожал плечами Амадейро. — Главное в том, что их корабль возвращается к себе домой.

— С солярианкой и роботами?

— Разумеется.

— Вы уверены? Их не оставили на Солярии?

— Совершенно уверен, — нетерпеливо ответил Амадейро. — Ведь без солярианки им не удалось бы взлететь.

— Без нее? Каким образом?

— Пока не знаем.

— Это наверняка штучки Жискара, — сказала Василия. — Он подстроил, чтобы эту заслугу при-

писали женщине.

— И что же нам теперь делать?

— Мы обязаны вернуть Жискара.

— Верно, но я не могу заставить Совет рискнуть ввязаться в межзвездный кризис ради возвращения робота.

— А вам этого и не нужно делать, Калдин. Потребуйте у поселенцев возвращения солярианки — уж это мы вправе сделать. Неужели вы хоть на секунду усомнитесь, что она вернется без роботов? Или Жискар позволит ей вернуться без него? Просите вернуть ее. Настаивайте. Она гражданка Авроры, которой поручили выполнить задание на Солярии. Задание выполнено, и теперь она должна вернуться домой. Проявите настойчивость, словно угрожаете войной.

— Мы не можем так рисковать, Василия.

— Вы ничем не рискуете. Жискар не может предпринять действия, напрямую ведущие к войне. Если лидеры поселенцев станут возражать и заупрямятся, Жискар будет вынужден внести необходимые изменения в их точку зрения, чтобы солярианка спокойно вернулась на Аврору. И ему, разумеется, придется вернуться вместе с ней.

— И вернувшись, он начнет изменять нас, —

угрюмо заметил Амадейро. Мы позабудем о его возможностях, перестанем обращать на него внимание, и он без помех продолжит выполнение своего плана.

Василия запрокинула голову и рассмеялась.

— У него нет ни единого шанса. Видите ли, я знаю Жискара и умею с ним справляться. Главное, верните его и уговорите Совет изменить завещание Фастольфа — это можно сделать, и вам это по силам. Жискар должен принадлежать мне. И тогда он станет работать на нас. Аврора будет править Галактикой, вы проведете оставшиеся вам десятилетия на посту Председателя Совета, а я займу ваше место в Институте роботехники.

— Вы уверены, что все получится именно так?

— Абсолютно. Надо лишь предъявить им жесткое требование, а остальное я гарантирую — победу для нас и космонитов, поражение для Земли и поселенцев.

Глава четырнадцатая
Дуэль
57

Глэдия разглядывала на экране Аврору. Облачный покров опоясывал толстый серп, блестевший

на солнце.

— Мы, конечно, не так близко, — сказала она.

— Да. — Д. Ж. улыбнулся. — Мы видим ее через мощные линзы. Нам еще осталось несколько дней, считая спиральное приближение. Если бы поставить антигравитационную тягу, о которой физики только мечтают, а сделать, похоже, пока не могут, космический полет был бы проще и быстрее. А наши прыжки — безопасный способ оказаться лишь на приличном расстоянии от планетной массы.

— Странно, — задумчиво сказала Глэдия.

— Что именно, мадам?

— Когда мы летели на Солярию, я думала, что я еду домой, но когда оказалась там, обнаружила, что я вовсе не дома. Теперь мы летим к Авроре, и я думала: вот теперь я еду домой, но эта планета тоже не мой дом.

— Где же тогда ваш дом, мадам?

— Сама начинаю задумываться. Но почему вы упорно зовете меня «мадам»?

Д. Ж. удивился:

— Вы предпочитаете «леди Глэдия»?

— Это тоже притворная почтительность. Разве вы так относитесь ко мне?

— Конечно, нет. Но как еще поселенец должен

обращаться к космонитке? Я пытаюсь быть с нами вежливым и приспосабливаюсь к вашим привычкам, чтобы вы чувствовали себя хорошо.

— Но я не чувствую себя хорошо. Называйте меня просто Глэдия. Ведь я зову вас Диджи.

— Это мне вполне подходит, хотя я бы предпочел, чтобы при подчиненных вы называли меня капитаном, и я буду звать вас «мадам». Надо поддерживать дисциплину.

— Да, конечно, — рассеянно ответила Глэдия и снова посмотрела на Аврору. — У меня нет дома. — Вдруг она повернулась к Д. Ж. — Вы можете взять меня на Землю, Диджи?

— Могу. — Он улыбнулся. — Но вы не захотите, Глэдия.

— Я думаю, что захочу, если не растеряю храбрости.

— Но ведь существует инфекция, а космониты ее боятся, верно?

— Может быть, даже слишком. В конце концов, я знала вашего Предка и не заразилась. Я была на его корабле и осталась жива. И сейчас вы рядом со мной. Я даже была в нашем мире, где тысячи людей окружали меня. Я думаю, что приобрела некоторую сопротивляемость.

— Должен сказать, что на Земле гораздо больше

народу, чем в Бейлимире.

— Ну и что? — горячо заговорила Глэдия. — Я полностью изменила свое представление о многих вещах. Я говорила вам, что через двести лет в жизни уже ничего не остается, но оказалось — остается. То, что произошло со мной в Бейлимире, — то, как я выступала и как мои слова взволновали людей, — было совершенно новым, чем-то таким, чего я никогда не представляла. Я словно родилась заново. Теперь мне кажется, что, даже если Земля погубит меня, все равно ехать стоит, потому что я умру, борясь со смертью, молодой и цветущей, а не слабой старухой, которая ждет конца.

— Здорово! — воскликнул Д. Ж., воздев руки в шутливо-торжественном жесте. — Вы похожи на героиню исторического фильма. Вы когда-нибудь видели их на Авроре?

— Конечно. Они очень популярны.

— И вы повторяете то, что слышали, или в самом деле думаете так, как говорите?

Глэдия рассмеялась.

— Наверное, я глупо выглядела, Диджи, но, как ни странно, именно так я и думаю.

— В таком случае я возьму вас с собой на Землю. Я не думаю, что из-за вас начнется война, особен-

но, если вы расскажете о событиях на Солярии и дадите честное слово космонитки — если это у вас принято, — что вернетесь обратно.

— Но я не хочу возвращаться.

— Когда-нибудь можете захотеть. А теперь, миледи… я хотел сказать, Глэдия, — мне всегда приятно разговаривать с вами, и всегда хочется посвятить этому больше времени — но я нужен в рубке. Если команда может обойтись без меня, лучше будет, чтобы она об этом не догадалась.

58

— Это твоя работа, друг Жискар?

— Что ты имеешь в виду, друг Дэниел?

— Леди Глэдия желает ехать на Землю и, возможно, даже не возвратится. Это желание настолько противоречит желаниям космонита, что я подозреваю, что ты поработал над ее мозгом.

— Я даже не касался ее, — сказал Жискар. — Очень трудно изменять человеческий мозг, будучи связанным Тремя Законами. Проникнуть в чей-нибудь мозг и не повредить при этом его владельцу необычайно трудно.

— Тогда кто же сделал так, чтобы она захотела ехать на Землю?

— Пребывание в Бейлимире очень изменило ее точку зрения. У нее есть цель — обеспечить мир в Галактике — и она горит желанием действовать.

— В таком случае, друг Жискар, не лучше ли тебе убедить капитана ехать на Землю сейчас же?

— Это трудно. Аврорианские власти настаивают, чтобы леди вернулась на Аврору, и лучше будет так и сделать, приехать хотя бы на время.

— Но это может быть опасно.

— Значит, ты все еще думаешь, друг Дэниел, что они хотят именно моего возвращения, потому что узнали о моих способностях?

— Я не вижу других причин их настойчивости.

— Похоже, способность думать, как человек, — это ловушка. Начинаешь предполагать несуществующие затруднения. Даже если кто-то на Авроре и подозревает о моих способностях, я уничтожу эти подозрения. Бояться нечего, друг Дэниел.

— Будь по-твоему, друг Жискар, — неохотно согласился Дэниел.

59

Отослав роботов небрежным движением руки, Глэдия задумчиво осмотрелась.

Она взглянула на свою руку, сделавшую жест, словно видела ее впервые. Этой рукой она пожала руки каждому члену экипажа корабля, прежде чем сесть в маленький челнок, который отвез ее и Д. Ж. на Аврору. Она обещала вернуться, и команда разразилась одобрительными возгласами, а Нисс заорал: «Мы не улетим без вас, миледи!»

Ей это было очень приятно. Ее роботы служили ей честно, преданно, терпеливо, но никогда так не радовались.

— Ну вот вы и дома, Глэдия, — сказал Д. Ж.

— Я в своем доме, — тихо сказала она. — Этот дом стал моим с тех пор, как доктор Фастольф отписал мне его двести лет назад, но до сих пор кажется мне чужим.

— Он чужой для меня, — сказал Д. Ж. — Мне кажется, что я в нем заблужусь, если останусь один.

Он улыбаясь оглядел богато украшенную мебель и изысканно декорированные стены.

— Вы не будете один, — сказала Глэдия. — С вами будут мои домашние роботы, они получили подробные распоряжения и сделают все, чтобы вам было удобно.

— Они поймут мой поселенческий акцент?

— Если не поймут, то переспросят. А вы долж-

ны говорить медленно и жестикулировать. Они приготовят вам еду, покажут, как пользоваться приспособлениями в комнате для гостей, и будут зорко следить, чтобы вы не делали того, что гостю не полагается. Если понадобится, они вас остановят, но вреда не нанесут.

— Я надеюсь, они не сочтут меня нечеловеком?

— Как надзирательница? Нет, это я вам гарантирую, хотя ваша борода и акцент могут смутить настолько, что их реакция запоздает на одну-две секунды.

— Я полагаю, что они могут защитить меня от непрошеных гостей?

— Да, но здесь таких не бывает.

— Я могу понадобиться Совету.

— В этом случае он пришлет за вами роботов, а мои заставят их уйти.

— А если их роботы окажутся сильнее ваших?

— Этого не случится. Жилище неприкосновенно.

— Продолжайте, Глэдия. Вы хотите сказать, что никто никогда…

— Никто, никогда, — быстро повторила она. — Вы просто останетесь здесь, и мои роботы позаботятся о вас. Если вы захотите связаться с вашим

кораблем, с Бейлимиром, даже с аврорианским Советом, роботы точно знают, что надо делать. Вам стоит только поднять палец.

Д. Ж. уселся в ближайшее кресло, вытянулся и глубоко вздохнул:

— Как мудро, что мы не допускаем роботов в Поселенческие миры! Вы знаете, как скоро я обленился бы и избаловался, если бы проводил время в подобном обществе? Самое большее через пять минут. Собственно говоря, я уже избаловался. — Он зевнул и потянулся. — Они не обидятся, если я усну?

— Конечно, нет. Если вы уснете, они проследят, чтобы в комнате было тихо и темно.

— А если вы не вернетесь?

— Почему не вернусь?

— Совет, кажется, очень хотел вас видеть.

— Они же не могут задержать меня. Я свободная гражданка Авроры и иду, куда хочу.

— Правительство может изобрести непредвиденные случаи, и в этих случаях правило всегда можно нарушить.

— Ерунда. Жискар, меня могут задержать там?

— Мадам, — ответил Жискар, — вас там не задержат. Пусть капитан не беспокоится на этот счет.

— Вот видите, Диджи. А ваш Предок, когда мы виделись с ним в последний раз, сказал мне, чтобы я всегда верила Жискару.

— Прекрасно! Великолепно! Но я приземлился с вами, Глэдия, чтобы убедиться, что получу вас назад. Помните это и скажите об этом вашему доктору Амадейро. Если они попробуют задержать вас против вашей воли, то задержат также и меня, а мой корабль на орбите способен отреагировать на это.

— Нет, пожалуйста, не вздумайте делать ничего такого. На Авроре тоже есть корабли, и я уверена, что за вами наблюдают.

— Тут есть одно «но», Глэдия. Я сильно сомневаюсь, что Аврора захочет развязать войну из-за вас. Но, с другой стороны, Бейлимир готов к этому.

— Нет и нет. Я бы не хотела, чтобы ваш мир начал войну из-за меня. Да и зачем ему это? Потому что я была другом вашего Предка?

— Не только. Я не думаю, что кто-нибудь верит, что вы были этим другом. Ваша прапрапрабабушка — может быть, но не вы. Даже я не верю, что это были вы.

— Вы знаете, что это была я.

— Умом понимаю, но чувствую, что это невозможно. Это было двести лет назад.

Глэдия покачала головой:

— Ваша точка зрения — точка зрения маложивущего.

— Наверное, как у всех нас, но дело не в этом. Вы стали в Бейлимире важной персоной из-за речи которую произнесли. Вы — героиня, и все скажут, что вас необходимо представить землянам. И ничто не должно помешать этому.

— Представить? — Глэдия встревожилась. — С полной церемонией?

— С наиполнейшей.

— Но почему это настолько важно, что можно рискнуть безопасностью планеты?

— Вряд ли я смогу объяснить это космониту. Земля — особый мир, где человеческие существа стали личностями, где они эволюционировали, развивались и жили в окружении другой жизни. У нас в Бейлимире есть деревья, есть насекомые, но на Земле такое изобилие деревьев и насекомых, какого нет ни в одном известном мне мире. Наши миры — имитация, бледная имитация. Они не существуют и не могут существовать без разума, культуры и духовной силы, которую получают от Земли.

— Космониты придерживаются прямо противоположного мнения о Земле. Когда мы упоминаем

о ней — что редко делаем — то говорим, что это мир варварский и гибнущий.

Д. Ж. вспыхнул:

— Вот поэтому Внешние миры все время слабеют. Как я уже говорил, вы похожи на растения без корней, да животных с вырезанным сердцем.

— Я предвкушаю то, что увижу на Земле, а сейчас мне надо идти. Пожалуйста, чувствуйте здесь себя как дома, пока я не вернусь.

Она направилась было к двери, но остановилась и повернулась:

— В этом доме, как, впрочем, везде на Авроре, нет спиртного, табака, алкалоидных стимуляторов и вообще ничего такого.

Д. Ж. угрюмо усмехнулся.

— Мы, поселенцы, знаем об этом. Вы такие пуритане.

— Вовсе не пуритане, — недовольно возразила Глэдия. — Тридцать-сорок десятилетий надо чем-то оплатить. А это только одна из возможностей. Не думаете ли вы, что такая жизнь нам досталась по волшебству?

— Ладно, я приналягу на фруктовые соки и оздоровляющий эрзац-кофе, и от меня будет пахнуть цветами.

— Вы обнаружите полный набор всего этого, —

холодно сказала Глэдия. — А когда вернетесь на корабль, сможете восполнить недостаток того, чего вам сейчас будет не хватать.

— Мне будет не хватать только вас, мадам, — серьезно сказал капитан.

Глэдия невольно улыбнулась:

— Вы неисправимый лжец, мой капитан. Я вернусь. Дэниел, Жискар, пошли!

60

Глэдия напряженно сидела в кабинете Амадейро. Многие десятилетия она видела Амадейро только издали или на видеоэкране, и в таких случаях имела обыкновение отворачиваться. Она знала его только как главного врага Фастольфа, и вот сейчас впервые оказалась в одной комнате с ним, лицом к лицу, и изо всех сил старалась не пошевелить ни одним мускулом лица, чтобы ненависть не вырвалась наружу.

Хотя она и Амадейро были в комнате одни, здесь присутствовали, по крайней мере, дюжина членов правительства, даже сам Председатель, но в голографическом изображении. Глэдия узнала Председателя и многих других, но не всех.

Испытание было не из приятных. Казалось, на

Солярии такие изображения — дело обычное и она привыкла к этому с детства, но вспомнила теперь об этом с отвращением.

Она старалась говорить ясно, без драматизма и сжато. Ей задавали вопросы, и она отвечала как можно короче по существу, не пытаясь выглядеть учтивой.

Председатель слушал бесстрастно, другие подражали ему. Он был явно стар — Председатели всегда были старыми, потому что обычно достигали этого положения лишь на склоне лет. У него было длинное лицо, все еще густые волосы и нависшие брови. Голос его был медоточивым, но отнюдь не дружелюбным.

Когда Глэдия замолчала, он сказал:

— Значит, вы предполагаете, что соляриане свели понятие «человек» до понятия «солярианин»?

— Я ничего не предполагаю, мистер Председатель. Просто никто не мог найти другого объяснения происшедшего.

— Вы знаете, мадам Глэдия, что за всю историю роботехники ни один робот не конструировался с узким определением «человека»?

— Я не роботехник, мистер Председатель, и ничего не понимаю в математике позитронных путей. Раз вы говорите, что так никогда не дела-

лось, я, конечно, принимаю это. Я также не знаю и не могу сказать, что если что-то никогда не делалось раньше, то оно не может быть сделано в будущем.

Ее взгляд никогда не был таким открытым и невинным, как сейчас, и Председатель покраснел.

— Сузить определение теоретически возможно, но это просто немыслимо.

Глэдия ответила, глядя на свои руки, спокойно лежащие на коленях:

— Люди иногда думают об очень необычных вещах.

Председатель сменил тему разговора:

— Аврорианский корабль был уничтожен. Как вы это объясните?

— Я не присутствовала при этом, мистер Председатель. Я не знаю, что случилось, и не могу объяснить это.

— Вы были на Солярии, и вы уроженка этой планеты. Учитывая свой недавний опыт и уже полученные объяснения, что вы могли бы сказать о случившемся?

Председатель заметно терял терпение.

— Если я должна догадываться, то я бы сказала, что ваш военный корабль был взорван с

помощью портативного ядерного усилителя, подобного тому, от которого чуть не погиб корабль поселенцев.

— Вам не приходило в голову, что эти два случая никак не связаны? В одном — корабль поселенцев вторгся на Солярию с целью захвата солярианских роботов, а в другом — аврорианское судно пришло защищать планету-сестру.

— Я могу только предполагать, мистер Председатель, что надзиратели — гуманоидные роботы, оставленные охранять планету, — не были достаточно инструктированы, чтобы понять эту разницу.

Председатель выглядел оскорбленным.

— Не может быть, чтобы их не проинструктировали о том, что между поселенцами и братьями космонитами существует разница.

— Наверное, не может быть, если вы так говорите, мистер Председатель. Тем не менее, если единственное определение человека — это его физический облик и умение говорить по-соляриански, — то аврориане, которые тоже не говорят по-соляриански, могли не подпасть под определение «человека» в представлении надзирателя.

— Значит, вы говорите, что солярианe определили своих братьев космонитов как нелюдей и

уничтожили их?

— Я представляю это только как возможность, потому что никак иначе не могу объяснить уничтожение аврорианского военного корабля. Более опытные люди, вероятно, могут дать другое объяснение.

И снова невинный, почти пустой взгляд.

— Вы намерены вернуться на Солярию, мадам Глэдия? — спросил Председатель.

— Нет, мистер Председатель, я не имею такого намерения.

— Ваш друг поселенец не требовал от вас освободить планету от надзирателей?

Глэдия медленно покачала головой.

— От меня этого не требовали. Да я бы и не согласилась. Я, собственно, и поехала на Солярию только для того, чтобы выполнить свой долг перед Авророй. Меня просил поехать доктор Левулар Мандамус из Института роботехники, работающий под началом доктора Калдина Амадейро. Меня просили поехать, чтобы по возвращении я сообщила о том, что там происходит и я сейчас это сделала. Просьба имела, как я понимаю, оттенок приказа, и я приняла ее как приказ, — она бросила быстрый взгляд на Амадейро, — исходящий от самого доктора Амадейро.

Амадейро сделал вид, что не слышит.

— Каковы ваши планы на будущее? — спросил Председатель.

Глэдия помолчала, но решила, что должна быть смелой в данной ситуации.

— Я намереваюсь, — отчетливо произнесла она, — посетить Землю, мистер Председатель.

— Землю? Зачем?

— Для аврорианского правительства, мистер Председатель, может оказаться важным знать, что творится на Земле. Власти Бейлимира пригласили меня посетить Землю, а капитан Бейли готов отвезти меня туда. Надо воспользоваться случаем собрать сведения о событиях, как я сделала это на Солярии и в Бейлимире, — сказала Глэдия и подумала: «А что, если он в самом деле, вопреки обычаям, заставит меня остаться на Авроре? Если так, то придется отказаться от этого».

Она чувствовала, что напряжение ее растет, и мельком взглянула на Дэниела, который, как всегда, выглядел совершенно бесстрастным.

Председатель помрачнел.

— В этом отношении, мадам Глэдия, вы как аврорианская гражданка вольны действовать по своему желанию, но на свой страх и риск. Никто от вас этого не требует, как требовали, по

вашим словам, чтобы вы поехали на Солярию. Поэтому я должен предупредить вас, что Аврора не обязана помогать вам в случае каких-либо неприятностей.

— Я понимаю, сэр.

— Нам есть о чем поговорить позже, Амадейро. — резко произнес Председатель. — Я свяжусь с вами.

Изображение исчезло, и Глэдия со своими роботами неожиданно осталась одна с Амадейро и его роботами.

61

Глэдия встала и, стараясь не смотреть на Амадейро, сухо сказала:

— Встреча, я полагаю, закопчена, и я хочу уйти.

— Да, конечно, но у меня есть пара вопросов, и я надеюсь, вы не будете возражать, если я их задам.

Он встал, и его высокая фигура, казалось, нависла над Глэдией. Он улыбался и говорил так любезно, словно между ними существовали дружеские отношения.

— Позвольте мне проводить вас, леди Глэдия.

Итак, вы собираетесь на Землю?

— Да. Председатель не возражает, а аврорианские граждане могут свободно путешествовать по Галактике в мирное время. Простите, но мои роботы — и ваши при необходимости — сами будут сопровождать меня.

— Как прикажете, миледи.

Робот открыл дверь.

— Вы, вероятно, возьмете с собой роботов, когда поедете на Землю?

— Без сомнения.

— Каких, мадам, не могу ли я спросить?

— Этих двух.

Она быстро пошла по коридору, решительно постукивая каблуками, не оглядываясь на Амадейро и нимало не заботясь о том, чтобы он ее услышал.

— Разумно ли это, миледи? Эти роботы не имеют себе равных, необычное произведение великого доктора Фастольфа. Вы будете в окружении варваров-землян, которые могут покуситься на них.

— Пусть попробуют, все равно они их не получат.

— Не стоит недооценивать опасность и переоценивать способность роботов защищаться. Вы будете в одном из городов, в окружении десятков

миллионов землян, а роботы не могут вредить людям. Чем более усовершенствован робот, тем более он чувствителен к нюансам Трех Законов и тем менее вероятно, что он предпримет действия, которые могут хоть в какой-то мере повредить человеку. Не так ли, Дэниел?

— Да, доктор Амадейро, — ответил Дэниел.

— Жискар, я думаю, с тобой согласен.

— Да, доктор Амадейро, — сказал Жискар.

— Вот видите, миледи? Здесь, на Авроре, в обществе без насилия, ваши роботы могут защищать вас, а на Земле — безумной, гибнущей, варварской — два робота не будут иметь возможности защитить ни вас, ни себя. Мне не хотелось бы, чтобы вас их лишили. Но, что еще более существенно, ни Институт, ни правительство не хотели бы видеть таких бесценных роботов в руках варваров. Не лучше ли взять с собой роботов обычного типа, на которых земляне не обратят внимания? В этом случае вы можете взять их столько, сколько захотите.

— Доктор Амадейро, я брала этих двух на поселенческий корабль и ездила с ними в Поселенческий мир. Никто не подумал посягнуть на них.

— Поселенцы не пользуются роботами и уве-

ряют, что не одобряют их. А на Земле все еще есть роботы.

— Не могу ли я вмешаться, доктор Амадейро? — спросил Дэниел. — Насколько я знаю, в земных городах почти нет роботов. Роботы используются на сельскохозяйственных работах и в рудниках. Во всем остальном — обычно используется автоматизация без роботов.

Амадейро быстро взглянул на Дэниела и снова обратился к Глэдии:

— Ваш робот, вероятно, прав. Я полагаю, что Дэниелу не причинят вреда, а вот Жискара стоило бы оставить дома. Он может вызвать стяжательские инстинкты в стяжательском обществе, даже если там действительно пытаются обходиться без роботов.

— Я не оставлю их, сэр, — сказала Глэдия. — Они поедут со мной. Я одна могу решать, какую часть имущества брать с собой, а какую оставить.

— Конечно. — Амадейро улыбнулся самым любезным образом. — Никто не спорит. Не подождете ли вы здесь?

Открылась дверь в очень уютную комнату, Она не имела окон, но была освещена мягким светом. Слышалась тихая музыка. Глэдия остановилась у порога и резко спросила:

— Зачем?

— Один сотрудник Института желал бы встретиться с вами и поговорить. Это необходимо. Разговор не займет много времени, а потом вы можете уйти. Вы даже не будете страдать от моего присутствия. Прошу. — В голосе Амадейро прозвучал металл.

Глэдия протянула руку к Дэниелу и Жискару.

— Я пойду с ними.

Амадейро добродушно засмеялся:

— Неужели вы думаете, что я пытаюсь разлучить вас с вашими роботами? Разве они позволили бы это сделать? Вы слишком долго пробыли с поселенцами, моя дорогая.

Глэдия посмотрела на закрывшуюся дверь и процедила сквозь зубы:

— Ненавижу этого человека, особенно когда он улыбается. — Она потянулась, в локтях у нее хрустнуло. — Во всяком случае, я устала. Если кто-то опять станет спрашивать о Солярии и Бейлимире, то получит весьма краткие ответы, честное слово.

Она села на кушетку, которая мягко прогнулась под ее тяжестью. Сняв туфли, она забралась с ногами на кушетку, сонно улыбнулась, глубоко вздохнула, легла, отвернувшись к стенке, и тут

же уснула.

62

— Это хорошо, что ей самой хотелось спать, — сказал Жискар. — Я только сделал ее сон глубже, ничуть не повредив ей. Я не хотел, чтобы она слышала то, что, видимо, произойдет.

— А что произойдет, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Произойдет то, что, я думаю, является результатом моей ошибки. Ты был совершенно прав. Мне следовало бы более серьезно отнестись к твоей великолепной догадке.

— Значит, они хотят оставить тебя на Авроре?

— Да. Настойчиво требуя возвращения леди, они фактически требовали моего возвращения. Ты слышал, как доктор Амадейро просил леди оставить меня здесь… сначала нас обоих, а потом только меня.

— Значит, его слова о боязни потерять усовершенствованных роботов, были произнесены только для отвода глаз?

— Там был подспудный поток тревоги, друг Дэниел, куда более сильный по сравнению со словами.

— Как по-твоему, он знает о твоих способностях?

— Определенно сказать не могу, поскольку не читаю сами мысли, но во время беседы с Советом в мозгу доктора Амадейро дважды произошел резкий подъем эмоциональной интенсивности, исключительно резкий и кратковременный интенсивный цветной всплеск.

— Когда это было?

Во второй раз, когда леди сказала, что поедет на Землю.

— И с чем это было связано?

— Не знаю. Это были изображения, а они не сопровождаются мысленными ощущениями, которые я могу определить.

— Тогда мы можем сделать вывод, что был или не был Совет расстроен предполагаемой поездкой леди на Землю — неизвестно, но доктор Амадейро определенно был.

— И не просто расстроен, Он, похоже, в высшей степени встревожился. Словно у него и в самом деле был проект, как мы подозревали, уничтожения Земли, и он испугался, что это обнаружится. Больше того, друг Дэниел, при упоминании леди о ее намерениях доктор Амадейро быстро взглянул на меня, единственный раз за всю беседу.

Вспышка эмоциональной интенсивности как раз совпала с этим взглядом. Я думаю, его встревожила мысль о моей поездке на Землю. Как мы можем предположить, он чувствует, что я со своими способностями могу представлять главную опасность для его планов.

— Но его тревогу можно принять и за страх, что земляне попытаются захватить тебя, как наисовершенного робота, и тем причинят ущерб Авроре.

— Опасение, что такое случится, друг Дэниел, и нанесет ущерб космонитам, слишком мало для степени его тревоги. Да и что Аврора потеряет, если Земля захватит какого-то робота Жискара?

— По-твоему, доктор Амадейро знает, что ты не просто робот Жискар?

— Я не уверен. Может, он только подозревает это. Если бы он знал, разве не приложил бы усилий, чтобы воздержаться от исполнения задуманного в моем присутствии?

— Может, ему просто не повезло, что леди Глэдия не захотела оставить нас за дверью? Он не мог настаивать, не выдав себя, чтобы именно ты не присутствовал тут. — Дэниел помолчал. — Твое счастье, что ты способен оценивать эмоциональное состояние мозга. Но ты говорил, что

всплеск эмоции доктора Амадейро при известии о путешествии на Землю был вторым. А когда произошел первый?

— При упоминании о ядерном усилителе, хорошо известном на Авроре. Правда, аврорианские не портативны, но достаточно легки для установки на космических кораблях, но это не то известие, которое могло подействовать на него, как удар грома. Откуда же такая тревога?

— Может быть, — сказал Дэниел, — усилитель играет какую-то роль в его плане в отношении Земли?

— Возможно.

Тут дверь открылась, и раздался чей-то голос:

— Привет, Жискар!

63

Жискар посмотрел на вошедшую и спокойно ответил:

— Здравствуйте, мадам Василия.

— Значит, ты помнишь меня. — Она тепло улыбнулась.

— Да, мадам. Вы хорошо известный роботехник и ваше лицо время от времени появляется в гиперволновых новостях.

— Брось, Жискар. Я имела в виду не то, что ты узнал меня. Меня многие знают. Я хотела сказать, что ты помнишь меня. Когда-то ты звал меня мисс Василия.

— Я помню и это, мадам. Это было очень давно.

Василия закрыла за собой дверь, уселась в кресло и повернула голову к другому роботу:

— А ты, конечно, Дэниел?

— Да, мадам, — сказал Дэниел, — У вас прекрасная память, Я помню вас, потому что был со следователем Элайджем Бейли, когда он допрашивал вас.

— Не упоминай этого землянина, — резко сказала Василия. — Я тоже узнала тебя, Дэниел, Ты так же известен на свой лад, как и я. Ты вдвойне известен, потому что ты — величайшее творение доктора Хена Фастольфа.

— Вашего отца, мадам, — сказал Жискар.

— Ты прекрасно знаешь, Жискар, что я не придаю значения чисто генетическим связям. Больше не говори о них.

— Не буду, мадам.

— А эта? — Она бросила взгляд на спящую. — Поскольку вы оба здесь, я могу предположить, что эта спящая красавица — солярианка.

— Это леди Глэдия, — сказал Жискар, — и я ее

собственность. Вы хотите ее разбудить?

— Мы только расстроим ее, Жискар, если будем говорить при ней о старых временах. Пусть спит.

— Хорошо, мадам.

— Разговор между мной и Жискаром вряд ли будет тебе интересен, Дэниел, — сказала Василия. — Не подождешь ли ты за дверью?

— Боюсь, что я не могу уйти, миледи. Моя задача — охранять леди Глэдию.

— Я не думаю, что ее нужно охранять от меня. Ты видишь, что со мной нет роботов, так что одного Жискара вполне достаточно.

— В комнате ваших роботов нет, мадам, но, когда открылась дверь, я видел в коридоре четырех роботов. Так что я лучше останусь.

— Ладно, я не имею ничего против данных тебе приказов. Можешь остаться. Жискар!

— Да, мадам?

— Ты помнишь, как ты был впервые активирован?

— Да, мадам.

— Что ты помнишь?

— Сначала свет, потом звук, потом выкристаллизировалось изображение доктора Фастольфа. Я понимал галактический стандартный и имел некоторые представления о знаниях, встроенных

в мои позитронные мозговые пути. Три Закона, большой словарный запас с определениями, обязанности робота, социальные обычаи. Другим вещам я быстро научился.

— Ты помнишь своего первого хозяина?

— Да. Доктор Фастольф.

— Подумай как следует, Жискар. А не я? Жискар помолчал и ответил:

— Мадам, мне было поручено оберегать вас в меру моих способностей, как собственность доктора Фастольфа.

— Я думаю, тут было несколько большее. В течение десяти лет ты повиновался только мне, а кому-нибудь другому, включая доктора Фастольфа, только изредка, поскольку это входило в твои обязанности робота, и лишь в том случае, когда была выполнена твоя главная обязанность — обеспечение моей безопасности.

— Я подчинялся вам, леди Василия, это верно, но хозяином моим оставался доктор Фастольф. Как только вы оставили его дом, доктор Фастольф стал меня полностью контролировать. Он оставался моим хозяином и позже, когда отдал меня леди Глэдии. Он был моим единственным хозяином, пока был жив. После его смерти по его завещанию право владеть мною было передано

леди Глэдии, и так все остается до сих пор.

— Я спросила тебя, помнишь ли ты, когда тебя впервые активировали и что ты помнишь. Тогда ты не был таким, как сейчас.

— Мой банк памяти, мадам, теперь несравненно полнее, и я приобрел много опыта, которого у меня раньше не было.

Голос Василии стал строже:

— Я говорю не о памяти и не об опыте. Я увеличила количество твоих позитронных путей, исправила их и усовершенствовала.

— Да, мадам. Вы делали это с помощью и с одобрения доктора Фастольфа.

— Один раз, Жискар, я сделала это без помощи и одобрения доктора Фастольфа. Ты помнишь это?

Жискар молчал довольно долго.

— Я помню один случай, когда я не был свидетелем того, как вы советовались с доктором Фастольфом. Я решил, что вы консультировались с ним в мое отсутствие.

— Ты решил неправильно. Вообще-то ты знал, что доктора Фастольфа не было в то время на Авроре и не мог так решить. Ты увиливаешь.

— Нет, мадам, вы могли проконсультироваться с ним по гиперволне. Я считал это возможным.

— Тем не менее то, что я сделала, целиком моя

заслуга. Ты стал совсем другим после этого. То, чем ты стал с тех пор, — мое изобретение, мое создание, и ты это прекрасно знаешь.

Жискар молчал.

— Итак, Жискар, по какому праву доктор Фастольф был твоим хозяином? — Она помолчала. — Отвечай, Жискар! Это приказ!

— Потому, что он меня спроектировал и руководил моим конструированием.

— А когда я перепроектировала и реконструировала тебя весьма основательно, разве ты не стал моей собственностью?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Жискар. — В этом случае необходимо решение суда. Вероятно, это зависит от степени реконструирования.

— А ты знаешь, какова эта степень?

Жискар опять не ответил.

— Это ребячество, Жискар. Ну почему я должна вытягивать из тебя слова? Не заставляй меня это делать. Ведь молчание — знак согласия. Ты знаешь, это изменение было кардинальным, и знаешь, что я это знаю. Ты усыпил солярианку, потому что не хотел, чтобы она узнала это от меня, Она ведь не знает?

— Нет, мадам.

— И ты не хочешь, чтобы она это знала?

— Не хочу, мадам.

— А Дэниел знает?

— Да, мадам.

Василия кивнула:

— Недаром он так хотел остаться здесь. Так вот, слушай меня, Жискар. Допустим, суд обнаружит, что до того, как я тебя реконструировала, ты был обычным роботом, а после реконструкции ты научился чувствовать состояние мозга человека и изменять его по своему желанию. Как ты думаешь, сочтет ли суд это достаточным, чтобы передать мне право владения тобой?

— Мадам Василия, этот вопрос нельзя рассматривать в суде. Я уверен, что в таком случае меня объявят государственной собственностью. Могут даже приказать дезактивировать.

— Вздор! Что я — ребенок? С твоими способностями ты можешь отвести суд от подобного решения. Я не сказала, что обращусь в суд. Я требую, чтобы ты сам решил. Разве ты не считаешь, что я твоя настоящая хозяйка еще с детства?

— Мадам Глэдия считает себя моей хозяйкой, и пока по закону не будет решено иначе, она должна так считать.

— Но ты знаешь, что она и закон заблуждают-

ся. Если ты щадишь чувства солярианки, то ей легко внушить, чтобы она больше не считала тебя своим. Ты даже можешь заставить ее испытать чувство облегчения, когда я возьму тебя у нее. Я прикажу тебе так сделать, как только ты признаешь меня своей хозяйкой. Впрочем, ты и так это знаешь. Дэниел давно знает о твоих способностях?

— Несколько десятков лет, мадам.

— Так вот, ты можешь заставить его забыть об этом. В некотором роде и доктор Амадейро знает — можно заставить забыть и его. Только двое должны знать об этом — ты и я.

— Мадам Василия, — вдруг заговорил Дэниел, — поскольку Жискар не считает себя вашей собственностью, он может заставить вас обо всем забыть, и тогда вы будете вполне довольны настоящим положением вещей.

Василия холодно взглянула на него:

— Да? Видишь ли, не твое дело решать, кого Жискар считает своей хозяйкой. Он знает, что его хозяйка — я. И его долг в рамках Трех Законов — полностью принадлежать мне. Если он должен заставить кого-то о чем-то забыть и может это сделать, ему придется выбирать, и он выберет любого, кроме меня. Меня он не может заставить

забыть, он вообще не может касаться моего мозга. Благодарю тебя, Дэниел, за предоставленную возможность все это объяснить.

— Но эмоции мадам Глэдии так тесно связаны с Жискаром, что принуждение к забвению может повредить ей.

— Это может решить только Жискар, — сказала Василия. — Жискар, ты знаешь, что ты мой, и я приказываю тебе ввести забвение в мозг этого человекообразного робота, который стоит рядом с тобой, этой женщины, которая считает тебя своей собственностью. Сделай это, пока она спит, и тогда это не принесет ей никакого вреда.

— Друг Жискар, — сказал Дэниел, — леди Глэдия — твоя законная хозяйка. Если ты внушишь забвение леди Василии, ей это не повредит.

— Повредит, — тут же возразила Василия. — Солярианке не будет вреда, поскольку ей лишь кажется, что она владелица Жискара, а я знаю о ментальной силе Жискара. Вытаскивать это из меня сложнее, и, поскольку я твердо намерена сохранить это знание, в процессе его удаления Жискар нанесет мне вред.

— Друг Жискар… — начал Дэниел.

— Робот Дэниел Оливо, — резко перебила его Василия, — я приказываю тебе замолчать. Я не хо-

зяйка тебе, но твоя хозяйка спит и не отдает иных приказов, поэтому ты должен повиноваться мне.

Дэниел замолчал, но губы его шевелились, словно он пытался говорить вопреки приказу. Василия следила за ним, иронически улыбаясь.

— Видишь, Дэниел, ты не можешь говорить.

— Могу, мадам, — хрипло прошептал Дэниел. — Мне трудно, но я могу, потому что чувствую нечто более сильное, чем ваш приказ; что стоит над Вторым Законом.

Василия широко раскрыла глаза.

— Молчи, я говорю! Ничто, кроме Первого Закона, не может быть сильнее моего приказа, а я уже сказала, что Жискар нанесет наименьший вред, в сущности, вообще никакого, — если вернется ко мне. Он повредит мне — хотя именно он меньше всего способен принести вред — если поступит по-другому. — Она указала пальцем на Дэниела и прошипела: — Молчать!

Дэниел с явным усилием издал какой-то жужжащий звук и еле слышно прошептал:

— Мадам Василия, есть кое-что посильнее Первого Закона.

— Друг Дэниел, ты не должен так говорить, — тихо, но твердо сказал Жискар. — Ничто не может быть сильнее Первого Закона.

Василия нахмурилась.

— Вот как? Дэниел, предупреждаю тебя, если ты и дальше будешь спорить, ты просто развалишься, Я никогда не видела робота, делающего то, что делаешь ты, и, наверное, будет очень интересно наблюдать твое самоуничтожение. Продолжай.

После этого приказа голос Дэниела стал обычным.

— Спасибо, мадам Василия. Много лет назад я сидел у смертного одра землянина, о котором вы не велели мне упоминать. Могу ли я теперь упомянуть его имя, или вы и так знаете, о ком я говорю?

— Об этом полицейском Бейли, — равнодушно сказала Василия.

— Да, мадам. Он сказал мне перед смертью: «Работа каждого индивидуума вносит вклад в целое и таким образом становится вечной его частью. Это целое — сумма человеческих жизней, прошлых, настоящих и будущих, это ковер, который ткет время и который становится все прекраснее. Даже космониты — часть его узора. Человеческая жизнь — ниточка, — а что такое одна нитка по сравнению с целым? Дэниел, думай все время об этом ковре и не переживай из-за одной выдернутой нитки».

— Слащавая сентиментальность, — пробормотала Василия.

— Я уверен, — продолжал Дэниел, — что, умирая, партнер Элайдж хотел как-то оградить меня от переживаний. Он назвал свою жизнь ниточкой ковра, одной выдернутой ниткой, чтобы я не огорчался. Его слова помогли мне и защитили меня.

— Не сомневаюсь, — произнесла Василия, — но скажи, что сильнее Первого Закона: ведь именно это уничтожит тебя.

— Много лет я обдумывал слова Элайджа Бейли. Я, вероятно, понял бы их сразу, если бы мне не мешали Три Закона. В моих поисках мне помогал друг Жискар, который давно чувствовал, что Три Закона неполны. Мне помогло также то, что сказала недавно леди Глэдия в Поселенческом мире. Кроме того, этот теперешний кризис обострил мое мышление. Теперь я знаю, чего не хватает в Трех Законах.

— Робот-роботехник, — с легким презрением заметила леди Василия. — И чего же им не хватает, робот?

— Ковер жизни важнее одной нити. Это касается не только моего партнера Элайджа, а всех. И мы сделали вывод, что человечество как целое

более важно, чем один человек.

— Ты запнулся, робот. Ты сам не веришь в это.

— Есть закон выше Первого: «Робот не может повредить человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был нанесен вред». Я считаю это Нулевым Законом робототехники. Тогда Первый Закон должен гласить: «Робот не может повредить человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, если это не противоречит Нулевому Закону».

Василия фыркнула:

— И ты все еще держишься на ногах?

— Держусь, мадам.

— Тогда я тебе кое-что объясню, робот, и посмотрим, переживешь ли ты объяснение. Три Закона робототехники относятся к отдельным людям и отдельным роботам. Ты можешь указать на того или иного человека или робота. Но что такое человечество, как не абстракция? Можешь ты указать на человечество? Ты можешь повредить или не повредить отдельному человеку и понять, был ли причинен вред? А можешь ты повредить человечеству? Можешь ты оценить этот вред? Можешь заметить?

Дэниел молчал. Василия широко улыбнулась:

— Отвечай, робот, можешь ты заметить вред, нанесенный человечеству, и указать на него?

— Нет, мадам, но я уверен, что такой вред может иметь место, и вы видите, что я все еще на ногах.

— Тогда спроси Жискара, может ли и будет ли он повиноваться твоему Нулевому Закону роботехники?

Дэниел повернул голову к Жискару:

— Друг Жискар?

— Я не могу принять Нулевой Закон, друг Дэниел, — медленно промолвил Жискар, — Ты знаешь, что я много читал о человеческой истории. Я нашел в ней великие преступления, совершенные отдельными людьми против других, и всегда для этих преступлений находились оправдания, что они-де совершались ради племени, государства или даже ради всего человечества. Но человечество — это абстракция, так легко найти оправдание всему. Следовательно, твой Нулевой Закон не годится.

— Но ты знаешь, друг Жискар, что сейчас опасность для человечества существует, и она наверняка даст плоды, если ты станешь собственностью мадам Василии. Это-то, по крайней мере, не абстракция.

— Опасность, о которой ты упоминаешь, лишь

предполагается. Мы не можем действовать, исходя из этой вероятности и пренебрегая Тремя Законами. Неизвестно, существует ли она в самом деле.

Дэниел помолчал и тихо сказал:

— Но ты надеешься, что твое изучение человеческой истории поможет тебе установить законы, управляющие человеческим поведением, что ты научишься предсказывать и направлять человеческую историю, по крайней мере, положишь этому начало, чтобы когда-нибудь кто-то тоже научился предсказывать и направлять ее. Ты даже назвал этот метод «психоисторией». Разве в этом случае ты не имеешь дело с человеческим ковром? Разве ты не пытаешься работать с человечеством как с единым целым, а не собранием индивидуумов?

— Да, друг Дэниел, но это всего лишь надежда, и я не могу действовать, руководствуясь только надеждой, и не могу подогнать под нее Три Закона.

Дэниел ничего не ответил.

— Ну, вот, робот, — сказала Василия, — все твои попытки ни к чему не привели. Однако ты все еще стоишь на ногах. Ты на редкость упрям, а робот, который отрицает Три Закона и все-таки продолжает функционировать, опасен для чело-

века. По этой причине ты будешь немедленно демонтирован, Случай слишком опасный, чтобы обращаться к неповоротливому закону, тем более что ты, в конце концов, только робот, а не человек, на которого пытаешься походить.

— Миледи, — сказал Дэниел, — вы не можете сами вынести такое решение.

— Я его все равно вынесу и улажу все последствия.

— Вы лишите леди Глэдию и второго робота, на которого не претендовали.

— Она и Фастольф лишили меня моего робота Жискара более двух столетий назад, и я не думаю, что это их расстроило хоть на миг. Так что я не огорчусь, отняв у нее роботов. У нее много других роботов, а в Институте их тоже достаточно, так что до дома ее проводят.

— Друг Жискар, может, ты разбудишь леди Глэдию, и она сумеет убедить леди Василию…

Василия хмуро взглянула на Жискара:

— Нет, Жискар. Пусть женщина спит.

Жискар, шевельнувшийся было при словах Дэниела, снова застыл. Василия щелкнула пальцами. Дверь открылась, вошли четыре робота.

— Ты был прав, Дэниел, здесь четыре робота. Они демонтируют тебя, а я приказываю тебе не

сопротивляться. А потом мы с Жискаром уладим все остальное.

Она оглянулась на вошедших роботов.

— Закройте дверь и быстро и аккуратно размонтируйте его. — И она указала на Дэниела.

Роботы посмотрели на Дэниела и не пошевелились. Она сказала с нетерпением:

— Я же сказала, что он робот, и вы не должны обращать внимания на его человеческую внешность. Дэниел, скажи им, что ты робот.

— Я робот, — сказал Дэниел, — и я не буду сопротивляться.

Василия отошла в сторону. Роботы направились к Дэниелу, который стоял, опустив руки. Он последний раз взглянул на спящую Глэдию и повернулся к роботам.

Василия улыбнулась:

— Это будет интересно.

Роботы остановились.

— Берите его, — приказала Василия.

Они не двигались. Василия растерялась и хотела повернуться к Жискару, но вдруг вся обмякла и упала.

Жискар подхватил ее, усадил на пол, прислонив к стене, и глухо сказал:

— Мне нужно несколько секунд, а потом мы

уйдем.

Прошло несколько секунд. Василия сидела с открытыми и остекленевшими глазами. Ее роботы не шевелились. Дэниел сделал шаг к Глэдии, Жискар поднял глаза и сказал роботам Василии:

— Охраняйте свою леди. Не позволяйте никому входить, пока она не проснется. Она проснется спокойной.

В это время Глэдия зашевелилась, и Дэниел помог ей встать.

— Кто эта женщина? — удивленно спросила она. — Чьи это роботы? Как она…

— Потом, миледи, — ответил Жискар. В его голосе как будто чувствовалась усталость. — Я все объясню, а сейчас нам нужно спешить.

И они вышли.

Часть пятая
Земля
Глава пятнадцатая
Священная планета
64

Амадейро прикусил губу, бросил взгляд на задумавшегося Мандамуса и начал оправдываться:

— Но она настаивала. Она говорила, что одна может справиться с Жискаром, оказать на него достаточно сильное влияние и не допустить, чтобы он воспользовался своими ментальными силами.

— Вы никогда не говорили мне об этом, доктор Амадейро.

— Не о чем было говорить, молодой человек, и я не очень верил в то, что она рассказывала.

— А теперь верите?

— Полностью. Она ничего не помнит о том, что произошло.

— Значит, и мы ничего не знаем о том, что произошло.

Амадейро кивнул:

— Совершенно верно. И она ничего не помнит

о том, что говорила мне раньше.

— А она не притворяется?

— Я видел ее электроэнцефалограмму. Она резко отличается от прежних.

— Есть шанс, что со временем к ней вернется память?

Амадейро горестно покачал головой:

— Кто знает. Но я сомневаюсь.

Мандамус опустил глаза и задумался.

— Ладно, это неважно. Допустим, что о Жискаре она говорила правду и он действительно может воздействовать на мозг. Это важное известие, и теперь оно наше. В сущности даже хорошо, что наша коллега роботехник потерпела такую неудачу. Если бы Василия взяла контроль над этим роботом, вы тоже очень скоро оказались бы под ее контролем… и я также, если бы она решила, что я заслуживаю ее внимания.

Амадейро кивнул:

— Я полагаю, что у нее было в мыслях что-то вроде этого. Хотя сейчас трудно сказать, что у нее на уме. Она как будто — внешне, по крайней мере — нисколько не пострадала, если не считать специфической потери памяти. Все остальное она, видимо, помнит, но кто знает, как все это повлияло на ее более глубокие мыслительные

процессы и знания и опыт роботехника. Этот Жискар мог бы проделать такой трюк с кем угодно. Чрезвычайно опасный феномен, Таким уж искусным она его сделала.

— Доктор Амадейро, вам не приходило в голову, что поселенцы, возможно, правы, что не доверяют роботам?

— Приходило, Мандамус.

Мандамус потер руки.

— По вашему унылому лицу я понял, что все это было обнаружено уже после того, как Жискар покинул Аврору.

— Верно. Поселенческий капитан взял на свой корабль солярианку, двух ее роботов и отправился на Землю.

— Что же нам теперь делать?

— Мне кажется, что еще не все потеряно, — медленно произнес Амадейро. — Если мы осуществим наш план, мы победим, есть Жискар или его нет. А осуществить его мы можем — что бы там Жискар ни делал с эмоциями, читать мысли он не умеет. Он, вероятно, способен сказать, когда через головной мозг проходит волна эмоций, может отличить одну эмоцию от другой, заменить одну на другую, погрузить в сон или амнезию — что-нибудь безобидное вроде этого,

но прочесть мысль — не может. Он не ухватит слова или идеи.

— Вы уверены?

— Так говорила Василия.

— Она могла не знать. В конце концов, она не смогла подчинить себе робота, хоть и была уверена в своих силах. Это доказывает, что она не слишком сильна в догадках.

— Однако здесь я ей верю. Для чтения мыслей понадобилась бы чрезвычайно сложная схема позитронных путей, и совершенно невероятно, что ребенок мог включить ее в робота два столетия назад. Это невозможно даже при нынешнем состоянии науки, Мандамус. Вы, конечно, согласитесь со мной.

— Хотелось бы так думать. Значит, они направились на Землю?

— Я уверен.

— Зачем воспитанной женщине ехать на Землю?

— Если Жискар влияет на нее, у нее нет выбора.

— А зачем Жискару нужно, чтобы она ехала туда? Не прознал ли он о нашем плане? Вы, кажется, полагаете, что нет.

— Возможно, не узнал. А может, просто хочет

убраться с солярианкой подальше, туда, где мы их не достанем.

— Я не думаю, что он боится нас, если справился с Василией.

— Дальнобойное оружие, — ледяным голосом сказал Амадейро, — может сбить его. Его способности, вероятно, ограничены расстоянием. Они базируются только на электромагнитном поле и ни на чем больше. Так что чем дальше он от нас, тем слабее его способности. Он вряд ли выйдет из поля действия нашего оружия.

Мандамус недовольно нахмурился.

— У нас, похоже, некосмонитское пристрастие к насилию, доктор Амадейро. Хотя в данном случае применение силы, я полагаю, может быть оправдано.

— В данном случае? Когда робот способен вредить людям? Я думаю, что нам надо найти предлог отправить корабль в погоню. Вряд ли стоит объяснять истинную причину.

— Нет, — твердо сказал Мандамус. — Представьте себе, сколько найдется желающих завладеть таким роботом.

— Чего мы не можем позволить. Это вторая причина, по которой я считаю, что уничтожение робота — наиболее безопасный и предпочтитель-

ный вариант наших действий.

— Может быть, вы и правы, — неохотно согласился Мандамус. — Но думаю, что его уничтожение не самый лучший вариант. Я должен немедленно ехать на Землю. Выполнение плана необходимо ускорить, даже если мы не поставим все точки над «и». Как только он будет выполнен — все, Никакой мысленаправляющий робот ни под чьим контролем не сможет переделать сделанное. А если он и сделает что-нибудь, то это уже не будет иметь значения.

— Вы говорите только о себе. Я тоже поеду.

— Вы? Земля — ужасный мир. Я-то должен ехать, а вам зачем?

— Я тоже должен. Я больше не могу оставаться здесь. Вы не ждали столько, сколько я, Мандамус. И вам не нужно сводить старые счеты, как мне.

65

Глэдия снова была в космосе и снова смотрела на диск Авроры. Д. Ж. был занят чем-то, и на корабле чувствовалась неопределенная атмосфера чрезвычайного положения, словно готовилось сражение, словно убегали от кого-то или сами кого-то преследовали.

Глэдия потрясла головой, Она могла мыслить ясно и чувствовала себя хорошо, но когда мысли ее возвращались к тому времени в Институте после ухода Амадейро, ее охватывало ощущение нереальности. Был провал во времени. Вот она сидит на кушетке, ей хочется спать, а в следующий момент в комнате оказались четыре робота и женщина, которых раньше не было.

Значит, она спала, но не помнит этого, Какой-то провал в небытие…

Теперь, оглядываясь назад, она поняла, кем была та женщина.

Это была Василия Алиена, дочь Хена Фастольфа, место которой в его сердце заняла Глэдия. Глэдия ни разу не встречалась с Василией, только несколько раз видела на экране. Глэдия всегда думала о ней, как о своем втором «я», далеком и враждебном.

Они были неуловимо похожи внешне, что все всегда замечали — правда, Глэдия уверяла, что не видит сходства, — и прямо противоположно относились к Фастольфу.

Оказавшись на корабле и оставшись со своими роботами наедине, она задала им неизбежный вопрос:

— Что Василия Алиена делала в комнате, и

почему меня не разбудили, когда она пришла?

— Мадам Глэдия, — сказал. Дэниел, — на ваш вопрос отвечу я, потому что другу Жискару, наверное, трудно говорить об этом.

— А почему ему трудно, Дэниел?

— Мадам Василия пришла с надеждой убедить Жискара перейти к ней на службу.

— Уйти от меня? — возмутилась Глэдия.

Она не очень любила Жискара, но это не имело значения. Что принадлежало ей — то принадлежало ей.

— И вы не разбудили меня и сами решили этот вопрос?

— Мы чувствовали, мадам, что вам необходимо поспать. К тому же мадам Василия приказала не будить вас. И, наконец, мы решили, что Жискар ни в коем случае не уйдет. Поэтому мы и не разбудили вас.

— Я верю, что Жискар ни на минуту не подумал оставить меня. Это было бы незаконно как по аврорианским законам, так и по законам роботехники, что особенно важно. Стоило бы вернуться на Аврору и подать на Василию в суд.

— В данный момент это было бы нежелательно, миледи.

— Какие у нее права на Жискара?

— Когда она была маленькой, Жискара передали ей.

— По закону?

— Нет, мадам. Просто доктор Фастольф позволил ей пользоваться им.

— Тогда она не имеет никаких прав на Жискара.

— Мы сказали ей об этом, мадам. По-видимому, все дело в сентиментальной привязанности к нему мадам Василии.

Глэдия фыркнула:

— Она обходилась без Жискара еще до того, как я приехала на Аврору. Она прекрасно могла продолжать в том же духе и не делать незаконных попыток лишить меня моей собственности. — Затем она беспокойно добавила: — Вы должны были меня разбудить!

— С мадам Василией было четыре робота, — сказал Дэниел. — Если бы вы проснулись и стали с ней спорить, роботам трудно было бы разобраться, чьим приказам подчиняться.

— Уж я бы отдала тот приказ, который нужно, можешь быть уверен.

— Я не сомневаюсь, мадам, но и мадам Василия тоже могла бы это сделать, ведь она одна из выдающихся роботехников в Галактике.

Глэдия взглянула на Жискара:

— А тебе нечего сказать?

— Только то, что все хорошо кончилось, мадам.

Глэдия задумчиво посмотрела в слабо светившиеся глаза робота, такие непохожие на человеческие глаза Дэниела, и подумала, что тот инцидент был, вообще-то говоря, несущественным. Пустяк. Сейчас нужно думать о другом: они едут на Землю.

И она перестала думать о Василии.

66

— Я беспокоюсь, — сказал Жискар почти конфиденциальным тоном; звуковые волны почти не колебали воздух.

Поселенческий корабль спокойно покинул Аврору, и погони как будто пока не было. Жизнь на борту шла обычным чередом, а поскольку все вокруг было автоматизировано, на корабле царило спокойствие, и Глэдия безмятежно спала.

— Я беспокоюсь о леди, друг Дэниел.

Дэниел достаточно хорошо знал характеристики позитронных связей Жискара, так что не нуждался в объяснениях.

— Направить леди Глэдию было необходимо, друг Жискар. Если бы она стала расспрашивать, она могла бы узнать о твоих способностях, и твое вмешательство стало бы более опасным. Достаточно вреда, что уже нанесли из-за того, что леди Василия узнала о них. Мы не знаем, с кем она этим поделилась.

— И все-таки я не хотел вмешиваться. Если бы леди Глэдия хотела забыть, все было бы просто и безопасно, но она отчаянно желала знать. Ей было досадно, что обошлись без нее. Поэтому я вынужден был рвать связки солидной интенсивности.

— Это было необходимо, друг Жискар.

— Однако риск причинить вред в этом случае все-таки был. Если представить связующие силы как тонкий шнур — далекая аналогия, но другой я не придумал, — то обычно препятствия, с которыми я имею дело, так тонки и эфемерны, что исчезают при моем прикосновении. Но мощная связующая сила щелкает и отскакивает, когда рвется, и отскочивший конец может ударить по другим связующим силам и захлестнуть, чем невероятно усиливает их. В этом случае человеческие эмоции могут неожиданно измениться, что наверняка приведет к вреду.

— Тебе кажется, что ты повредил леди, друг Жискар?

— Думаю, что нет. Я был исключительно осторожен, я работал все то время, пока мы разговаривали. Спасибо, что ты взял разговор с леди на себя и сумел не попасться между правдой и полуправдой. Но, несмотря на это, на всю мою осторожность, я пошел на риск, и меня удручало, что я сознательно рисковал. Это было так близко к нарушению Первого Закона, что требовало от меня исключительных усилий. Я уверен, что не смог бы сделать это, если бы…

— Да, друг Жискар?

— Если бы ты не разъяснил мне свой взгляд на Нулевой Закон.

— Значит, ты принимаешь его?

— Нет, не могу. А ты можешь? Встав лицом к лицу с возможностью нанести вред индивидуальному человеческому существу или допустив, что ему был причинен вред, можешь ли ты нанести вред абстрактному человечеству? Подумай!

— Я не уверен, — сказал Дэниел. Голос у него дрожал. — Мог бы, — с усилием продолжал он. — Только идея подталкивает меня… и тебя. Она помогла тебе рискнуть внести исправление в мозг леди Глэдии.

— Да, это верно, — согласился Жискар, — и чем больше мы думаем о Нулевом Законе, тем больше он подталкивает нас. Интересно, может ли он сделать это в самом крайнем случае? Может ли он помочь нам пойти на риск, больший чем тот, на который мы обычно идем?

— И все-таки я убежден в ценности Нулевого Закона, друг Жискар.

— Наверное, и я был бы убежден, если бы мог определить, что мы понимаем под человечеством.

Дэниел помолчал.

— Разве ты не принял Нулевой Закон недавно, когда остановил роботов мадам Василии и стер из ее мозга знание о твоих способностях?

— Нет, друг Дэниел, не совсем так. Я пытался принять его, но не по-настоящему.

— Однако твои действия…

— Они были продиктованы комбинацией мотивов. Ты говорил мне о своей концепции Нулевого Закона, и мне показалось, что она имеет некоторую ценность, однако этого не достаточно, чтобы зачеркнуть Первый Закон или хотя бы ослабить строгость Второго Закона в приказах мадам Василии. Затем, когда ты обратил мое внимание, что Второй Закон приложим к психоистории, я

почувствовал, что сила позитронной мотиваций становится выше, но все-таки не настолько высокой, чтобы перешагнуть через Первый и Второй Законы.

— Но ты одолел мадам Василию, — прошептал Дэниел.

— Когда она приказала роботам демонтировать тебя, друг Дэниел, и выказала при этом явное удовольствие, беспокойство о тебе, добавившееся к тому, что уже сделала концепция Нулевого Закона, вытеснило Второй Закон и стало соперничать с Первым. Комбинация Нулевого Закона, психоистории, моей преданности леди Глэдии и твоей беды продиктовала мне действия.

— Моя беда вряд ли могла воздействовать на тебя, друг Жискар. Я всего лишь робот. Она могла повлиять на мои собственные действия согласно Третьему Закону, но не на твои. Ты без колебаний уничтожил надзирательницу на Солярии и мог бы наблюдать, как меня демонтируют, ничего не предпринимая.

— Да, друг Дэниел, обычно так и бывает. Однако твое упоминание о Нулевом Законе уменьшило интенсивность Первого до нормально низкого уровня. Необходимость спасти тебя была достаточной, чтобы отринуть остатки Первого Закона,

и я действовал соответственно.

— Нет, друг Жискар. Перспектива вреда для робота не могла волновать тебя. Она ни в коем случае не могла бы способствовать нарушению Первого Закона, разве что ослабила бы его действие.

— Как ни странно, друг Дэниел, но я знаю, как это получилось. Может, потому, что, как я заметил, твоя манера мыслить все больше напоминает человеческую, но в тот момент, когда роботы направились к тебе, а леди Василия излучала дикую радость, мои позитронные пути реформировались аномальным образом. В тот момент я думал о тебе как о человеке и действовал соответственно.

— Это было неправильно.

— Я знаю. И все-таки, если бы это случилось снова, я уверен, что появилось бы снова то же аномальное изменение.

— Очень странно, — сказал Дэниел, — но, слушая тебя, я чувствовал, что ты поступил правильно. Случись обратная ситуация, я почти убежден, что тоже думал бы о тебе как о человеке.

Дэниел медленно и нерешительно протянул руку.

Жискар неуверенно посмотрел на нее и мед-

ленно протянул свою. Их пальцы встретились, и роботы пожали друг другу руки, словно настоящие друзья, как они называли один другого.

67

Глэдия огляделась, скрывая любопытство. Она впервые попала в каюту Д. Ж. Каюта была роскошнее, чем новая, предназначенная для нее. Экран был тщательнее отделан, была тут сложная система ламп и контактов, которая, как подумала Глэдия, служила Д. Ж. для связи со всем кораблем.

— Я почти не видела вас после того, как мы покинули Аврору, Диджи, — сказала она.

— Польщен, что вы заметили это. — Д. Ж. ухмыльнулся. — Сказать по правде, Глэдия, я это тоже заметил. Вы не вписываетесь в целиком мужскую команду.

— Не слишком лестная причина, чтобы скучать по мне. Дэниел и Жискар тоже не вписываются. Вы и по ним соскучились?

Д. Ж. оглянулся:

— Я так мало скучаю по ним, что только сейчас заметил их отсутствие. Где они?

— В моей каюте. По-моему, глупо таскать их

с собой по кораблю. Они, похоже, даже обрадовались, когда я ушла одна, и это удивило меня. Впрочем, нет, если подумать. Ведь я довольно резко приказала им остаться.

— Не странно ли это? Аврориане никуда не ходят без роботов. Я уже это усвоил.

— Ну и что же? Когда я впервые приехала на Аврору, мне пришлось научиться переносить реальное присутствие людей, поскольку солярианское образование не подготовило меня к этому. Научиться временами обходиться без роботов будет, вероятно, менее трудно.

— Прекрасно. Признаться, я предпочитаю беседовать с вами, когда на меня не устремлены блестящие глаза Жискара, и еще больше — без вечной улыбки Дэниела.

— Он вовсе не улыбается.

— А мне кажется, что у него чуть заметная, весьма неопределенная нахальная улыбка.

— Вы спятили. Это совершенно чуждо Дэниелу.

— Вы не приглядывались к нему, как я. Его присутствие сдерживает и заставляет меня вести себя, как полагается.

— Что ж, надеюсь, что так.

— Нет необходимости надеяться так подчеркнуто. Но это пустяки. Извините меня, что я так

мало виделся с вами после отлета с Авроры.

— Вряд ли стоит извиняться.

— Я думаю, что стоит, раз вы заговорили об этом. Но позвольте мне объяснить. Мы были уверены, что нас станут преследовать аврорианские корабли.

— А я подумала, что они рады избавиться от поселенцев.

— Конечно, но вы-то не поселенка, и они могли не захотеть отпускать вас. Ведь они так старались вытащить вас из Бейлимира.

— Они и вытащили. Я доложила им обо всем.

— И больше они ничего от вас не хотели?

— Нет. — Глэдия нахмурилась, пытаясь вспомнить что-то, вдруг кольнувшее память, но так и не вспомнила, и повторила: — Нет.

— Странно, что они не делали попыток задержать вас ни на Авроре, ни на орбите. Мне как-то не верилось. Но скоро мы сделаем прыжок, и после него никаких неприятностей не должно быть.

— А почему у вас мужской экипаж? На аврорианских кораблях смешанные команды.

— На обычных поселенческих тоже, а это торговое судно.

— Какая разница?

— Торговля связана с опасностью, жизнь тяжелая, все может случиться. Женщины на борту создали бы проблемы.

— Вздор! Какие проблемы создаю я?

— Не будем спорить. Это традиция. Мужчины не возражают.

— Откуда вы знаете? Вы пробовали набрать смешанный экипаж?

— Нет. Но ведь и нет вереницы женщин, умоляющих принять их на мой корабль.

— Но я здесь, и рада этому.

— К вам особое отношение. Кабы не ваши заслуги на Солярии, здесь было бы много неприятностей. Фактически они и были. Ну ладно, это неважно. Ровно через две минуты мы сделаем прыжок. Вы никогда не были на Земле, Глэдия?

— Нет, конечно.

— И никогда не видели Солнце — не солнце вообще, а земное Солнце?

— Нет. Впрочем, видела в исторических фильмах, но думаю, в них показывали не настоящее Солнце.

— Уверен, что не настоящее. Если вы не против, давайте уменьшим свет в каюте.

Освещение уменьшили, и Глэдия увидела на обзорном экране звезды, более яркие и многочис-

ленные, чем в небе Авроры.

— Ну вот мы и по ту сторону планетарного плана, — сказал Д. Ж. — Хорошо. Малость рискнули: мы должны были отойти подальше от Авроры перед прыжком, но слегка поспешили. Вот Солнце.

— Вы имеете в виду ту яркую звезду?

— Да. Что вы о ней думаете?

Глэдии хотелось сказать: «Ну, звезда как звезда», — но она сказала:

— Очень впечатляет.

— Не просто впечатляет, — сказал Д. Ж. — В Галактике нет ни одного поселенца, который не считал бы ее своей. Излучение звезд, освещающих наши родные планеты, как бы взято взаймы, напрокат, но только здесь — настоящее излучение, давшее нам жизнь. Эта звезда и планета Земля, вращающаяся вокруг нее, объединяют нас всех. А вы, космониты, забыли о Солнце, поэтому вы далеки друг от друга и долго не просуществуете.

— Места хватит для всех, капитан, — мягко сказала Глэдия.

— Да, конечно. Я не стал бы делать ничего такого, что усилит нежизнеспособность космонитов. Я просто уверен, что так будет, но это могло бы и не случиться, если бы космониты отказались

от наглой уверенности в своем превосходстве, от своих роботов и от самозабвенного преклонения перед долгой жизнью.

— Значит, вот как вы смотрите на меня, Диджи?

— У вас были свои недостатки. Но вы исправились, И я вам в этом помог.

— Благодарю, — сказала она с явной иронией. — Вам, конечно, трудно поверить, но и у поселенцев хватает высокомерия. Но вы лично также исправились, так что я возвращаю вам ваш комплимент.

Д. Ж. засмеялся:

— Все то, что я с удовольствием дал вам, а вы мне любезно вернули, может означать конец вражды между нами.

— Вряд ли.

Глэдия засмеялась и с удивлением обнаружила, что он взял ее за руку. Но еще удивительнее было то, что она не стала убирать руки.

68

— Мне как-то не по себе, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что леди Глэдия не под нашим непосредственным наблюдением.

— На борту корабля это необязательно, друг Дэниел. Я не обнаруживаю опасных эмоций, кроме того, в данный момент с ней капитан. Да ей и полезно чувствовать себя хорошо без нас, по крайней мере, на то время, пока мы будем на Земле. Возможно, нам с тобой придется предпринять неожиданные действия, если ее присутствие и безопасность явятся осложняющим фактором.

— Значит, это ты устроил так, что сейчас мы не вместе?

— Чуть-чуть. Как ни странно, я обнаружил в ней сильное стремление подражать поселенческому образу жизни в этом отношении. Она подавляла тягу к независимости главным образом из-за того, что ей казалось, будто этим она нарушает обычаи космонитов. Эти ощущения и эмоции нелегко интерпретировать, потому что я никогда еще не сталкивался с таковыми у космонитов. Так что я просто ослабил торможение легчайшим прикосновением.

— А она не захочет вообще отказаться от наших услуг, друг Жискар? Это очень огорчило бы меня.

— Этого не случится. Если она решит, что будет счастлива, живя без роботов, тогда и мы захотим для нее того же. Но я уверен, что мы будем полезны ей. Этот корабль — маленькое и спе-

циализированное обиталище, где нет большой опасности. Кроме того, рядом с капитаном она чувствует себя в безопасности, и это уменьшает ее нужду в нас. На Земле мы, как я уже говорил, ей понадобимся, хотя и не так сильно, как на Авроре. На Земле нам, возможно, придется быть более гибкими.

— Значит, ты догадываешься о природе кризиса, грозящего Земле? Ты знаешь, что мы будем делать?

— Нет, друг Дэниел, не знаю. Это ведь ты обладаешь даром предвидения. Ты видишь что-нибудь?

Дэниел немного помолчал.

— У меня есть какие-то мысли.

— Какие же?

— Помнишь, в Роботехническом институте перед тем, как леди Василия вошла в комнату, где спала мадам Глэдия, ты говорил мне, что у Амадейро было два интенсивных всплеска тревоги? Первый — при упоминании о ядерном усилителе, а второй — при заявлении леди Глэдии, что она поедет на Землю. Мне показалось, что они связаны между собой. Я почувствовал, что и кризис связан с использованием ядерного усилителя на Земле, и есть время предотвратить его. А доктор Амадейро боится, что мы так и сделаем, если

поедем на Землю.

— Я чувствую, что ты не удовлетворен этой мыслью. Почему, друг Дэниел?

— Атомный усилитель ускоряет уже действующие процессы распада с помощью потока частиц. И я думаю, что доктор Амадейро хочет воспользоваться одним или несколькими усилителями, чтобы взорвать реакторы, снабжающие Землю энергией. Высокая температура и механическая сила, сопровождающие атомный взрыв, вызовут многочисленные разрушения и пыль, и радиоактивные продукты выбросятся в атмосферу. Если это не погубит Землю, то уничтожение ее энергетических ресурсов наверняка приведет к длительному коллапсу земной цивилизации.

— Страшная мысль, — мрачно сказал Жискар. — Это, похоже, и есть определенный ответ на вопрос о природе кризиса. Но почему ты не удовлетворен?

— Мне разрешили пользоваться корабельным компьютером, чтобы получить информацию о планете Земля. Как и полагается компьютеру поселенческого корабля, он богат такой информацией. Похоже, что земля единственный населенный людьми мир, который не пользуется реакторами микрослияния в качестве крупномас-

штабных источников энергии. Там пользуются исключительно прямой солнечной энергией, и все ее станции находятся на геостационарной орбите. С атомным усилителем тут нечего делать; им можно разве что уничтожить мелочь — космические корабли, какие-то сооружения. Конечно, убыток ощутимый, но он не угрожает существованию Земли.

— А не может быть, друг Дэниел, что доктор Амадейро имеет какой-то прибор, который способен разрушить генераторы солнечной энергии?

— Если так, то почему он отреагировал на упоминание о ядерном усилителе? Против генераторов солнечной энергии усилитель бесполезен.

Жискар медленно кивнул:

— Это ты верно подметил. И еще одно: если доктор Амадейро испугался, что мы поедем на Землю, то почему он не попытался тогда остановить нас еще на Авроре? А если он слишком поздно узнал о нашем отлете, почему не послал, корабль, чтобы перехватить нас до того, как мы сделали прыжок? Может, мы на совершенно неправильном пути и, таким образом, сделали ложный шаг, что…

По всему кораблю разнесся прерывистый звук сигнала.

— Мы благополучно сделали прыжок, — сказал Дэниел. — Я почувствовал это несколько минут назад. Но мы еще не добрались до Земли, и перехват, о котором ты говорил, еще может произойти, так что мы, вероятно, сделали шаг отнюдь не ложный.

69

Д. Ж. не уставал восхищаться. Перейдя к действиям, аврориане выказали технологическую сноровку. Это был, без сомнения, новейший корабль, следовательно, цель, которую преследовала Аврора, была для нее необычайно важной.

Этот корабль установил присутствие корабля Д. Ж. через пятнадцать минут после того, как тот появился в нормальном пространстве; причем, с большого расстояния.

На аврорианском корабле была установлена короткофокусная гиперволновая система. Голова говорящего отчетливо виднелась в центре экрана, а все остальное скрывалось серым туманом. Если говорящий отодвигал голову на дециметр от центра, она тоже пропадала в тумане. Звук тоже был ограничен. Все было сделано так, чтобы никто не увидел и не услышал больше, чем надо.

Корабль Д. Ж. тоже имел короткофокусную гиперволну, но ей явно не хватало аврорианских отделки и элегантности. Правда, его корабль был далеко не лучшим из поселенческих судов, но в любом случае космониты здорово опережали их в технологии. Поселенцам было до них далеко.

Голова аврорианина выглядела настолько реальной, что казалась отрубленной, и Д. Ж. не удивился бы, увидев кровь. Однако, приглядевшись, можно было заметить в сером тумане шею и отлично сшитую униформу.

Голова безупречно вежливо представилась: «Лизиформ, командир аврорианского корабля "Бореалис"». Д. Ж. в свою очередь назвал себя, выставив подбородок, чтобы было видно бороду. Д. Ж. считал, что борода придает ему свирепый вид, который может запугать безбородого и, как он полагал, безвольного космонита. Д. Ж. принял традиционно неофициальный вид, что раздражало космонитского офицера точно так же, как его традиционная надменность раздражала поселенца.

— Почему вы меня окликнули, командир Лизиформ? — спросил Д. Ж.

Аврорианский командир говорил с подчеркнутым акцентом. Он, видимо, считал его таким же

устрашающим, как Д. Ж. — свою бороду.

Д. Ж. пришлось поднапрячься, чтобы понять речь космонита.

— Мы полагаем, — сказал Лизиформ, — что на борту вашего корабля находится аврорианская гражданка по имени Глэдия Солярия. Это верно, капитан Бейли?

— Мадам Глэдия на борту этого корабля, командир.

— Благодарю, капитан. С ней, как мне говорили, летят два робота аврорианского производства — Р. Дэниел Оливо и Р. Жискар Ривентлов. Это так?

— Так.

— В таком случае я должен сообщить вам, что Р. Жискар Ривентлов в настоящее время опасен. Незадолго до того, как ваш корабль покинул Аврору, вышеуказанный робот Жискар вопреки Трем Законам нанес большой вред аврорианской гражданке. Следовательно, робот должен быть размонтирован и переделан.

— И вы хотите, командир, чтобы мы на этом корабле демонтировали робота?

— Нет, сэр. Ваши люди не имеют опыта работы с роботами и не смогут правильно демонтировать его, и тогда его нельзя будет переделать.

— Тогда мы можем просто уничтожить его.

— Он слишком дорог для этого. Капитан Бейли, робот аврорианский, и Аврора отвечает за него. Мы не желаем причинить вам неприятности на корабле и на планете Земля, если вы там высадитесь. Поэтому мы просим выдать его нам.

— Командир, — сказал Д. Ж., — я ценю ваше беспокойство, но робот — законная собственность леди Глэдии, которая летит с нами. Вполне возможно, что она и согласится расстаться со своим роботом, а я, хоть и не хочу учить вас авророианским законам, уверен, что, отняв его у нее, вы поступите незаконно. Хотя мой экипаж и я не подчиняемся авророианским законам, мы тем не менее не должны добровольно помогать вам в том, что ваше правительство может счесть незаконными действиями.

В голосе командира послышалось раздражение.

— О незаконности и речи быть не может, капитан. Когда неисправный робот представляет собой угрозу для жизни, обычные права владельца не имеют значения. Тем не менее, если вы так ставите вопрос, мой корабль готов принять леди Глэдию с обоими ее роботами. В этом случае у Глэдии Солярии не будет отнята ее собственность до прибытия на Аврору, а там закон скажет свое

слово.

— Но может, командир, леди Глэдия не захочет ни покидать мой корабль, ни расставаться со своей собственностью.

— У нее нет выбора, капитан. Я уполномочен своим правительством предъявить ей наши требования, и она как аврорианская гражданка должна повиноваться.

— Но я не обязан выдавать кого бы то ни было со своего корабля по требованию иноземной власти. Что, если я пренебрегу вашими требованиями?

— В таком случае, капитан, я буду рассматривать это как недружественный акт. Должен сказать, что мы находимся в сфере планетной системы, частью которой является Земля. Вы напомнили мне об аврорианских законах, так что, извините, если я укажу вам, что ваш народ не считает возможным затевать конфликт в пространстве этой планетной системы.

— Я знаю, командир, и не желаю предпринимать никаких недружественных действий. Но я еду на Землю по важному делу. Я теряю время на разговор и потеряю еще больше, если пойду к вам или буду ждать, пока вы подойдете ко мне, чтобы передать вам леди Глэдию и ее роботов. Я предпочел бы продолжать путь к Земле и офици-

ально принять на себя ответственность за робота Жискара и его поведение до того времени, пока леди Глэдия и ее роботы не вернутся на Аврору.

— Могу посоветовать вам, капитан, посадить женщину и роботов в спасательную шлюпку и отправить к нам с вашим пилотом. Как только женщина и роботы будут выданы, мы проводим шлюпку до Земли и таким образом вознаградим вас за потерю времени и беспокойство. Торговец не должен возражать против этого.

— Я и не возражаю, капитан. — Д. Ж. улыбнулся. — Но пилот может оказаться в большой опасности, поскольку останется один с опасным роботом.

— Капитан, если хозяйка робота держит его под контролем, ваш пилот подвергается в шлюпке не большей опасности, чем на корабле, и мы компенсируем ему риск.

— Но если робот полностью под контролем хозяйки, следовательно, он не представляет опасности. Так пусть останется с нами.

Командир нахмурился.

— Капитан, надеюсь, вы не собираетесь шутить со мной. Вы слышали мое требование, и я хотел бы, чтобы вы немедленно удовлетворили его.

— Надеюсь, я могу посоветоваться с леди Гл-

эдией?

— Да, если вы сделаете это безотлагательно. Прошу вас подробно объяснить ей, в чем дело. Если же вы попытаетесь двинуться к Земле, я буду считать это недружественным актом и приму соответствующие меры. Поскольку, как вы заявили, ваше путешествие к Земле имеет важное значение, я советую вам принять решение сотрудничать с нами. В этом случае вас не задержат надолго.

— Я сделаю, что смогу. — Лицо Д. Ж. было непроницаемым.

Командир отошел от экрана.

70

— Ну? — мрачно спросил Д. Ж.

Глэдия, казалось, была в отчаянии. Она машинально взглянула на Дэниела и Жискара, те стояли молча и неподвижно.

— Я не хочу возвращаться на Аврору, Диджи, — сказала она. — Вряд ли они хотят уничтожить Жискара. Он в рабочем состоянии, уверяю вас. Это просто уловка. Они по каким-то причинам хотят вернуть меня. Я полагаю, что их нельзя остановить.

— Это аврорианский военный корабль, — сказал Д. Ж., — и здоровый. А наш — всего лишь торговое суденышко. Мы можем поставить энергетические щиты, и они не смогут одним ударом уничтожить нас, но постепенно они нас измотают — в сущности, довольно быстро — и тогда уничтожат.

— А вы не можете каким-нибудь способом сразить их?

— С моим вооружением? К сожалению, Глэдия, их щиты могут отражать наши удары до тех пор, пока у нас не кончится энергия, Кроме того…

— Да?

— Видите ли, они загнали меня в угол. Я ведь думал, что они попытаются перехватить нас до прыжка, но они знали место моего назначения, прибыли сюда первыми и ждали меня. Мы внутри Солнечной системы, Земля является ее частью. Даже если бы я захотел, команда не станет мне подчиняться.

— Почему?

— Можете называть это предрассудком. Солнечная система — священное место, если выражаться возвышенно. Мы не можем осквернить его дракой.

— Могу я принять участие в дискуссии, сэр? —

неожиданно вмешался Жискар.

Д. Ж. хмуро взглянул на Глэдию.

— Пожалуйста, позвольте ему, — попросила она. — Эти роботы чрезвычайно умны. Я знаю, вам трудно поверить, но…

— Я выслушаю, но это не повлияет на мое решение.

— Сэр, я уверен, что им нужен именно я. Я не могу себе позволить стать причиной вреда для людей. Если вы не можете защищаться сами и уверены, что погибнете в конфликте с их кораблем, у вас нет иного выбора, кроме как выдать меня. Я уверен, что если вы согласитесь меня отдать, они не станут возражать, чтобы леди Глэдия и друг Дэниел остались здесь. Это единственное решение.

— Нет! — яростно сказала Глэдия. — Ты мой, и я не отдам тебя! Я поеду с тобой, если капитан решит, что ты должен ехать, и присмотрю, чтобы они в самом деле не вздумали уничтожить тебя.

— Могу я тоже сказать? — спросил Дэниел.

Д. Ж. развел руками в комическом отчаянии.

— Пожалуйста. Все хотят говорить.

— Если вы решите выдать Жискара, вам следует подумать о последствиях. По-моему, Жискар полагает, что на аврорианском корабле ему не

сделают ничего плохого, но я не уверен. Я считаю, что аврориане всерьез думают, что он опасен, и, вполне вероятно, имеют инструкции уничтожить спасательную шлюпку, когда она станет приближаться, со всеми, кто будет на ее борту.

— Зачем им это? — спросил Д. Ж.

— Аврориане никогда не имели дело с опасным роботом и даже не представляют себе, что это такое. Они не захотят взять такого на борт корабля. Я бы посоветовал вам, капитан, отступить. Почему бы не сделать еще один прыжок, от Земли? Мы не так близки к какой-то планетной массе, чтобы это нам помешало.

— Отступить? Вы хотите сказать — бежать? Я не могу.

— Ну, тогда отдайте нас, — сказала Глэдия, всем своим видом выражая покорность судьбе.

— Я не выдам вас, — яростно сказал Д. Ж., — и бежать не могу, и не могу драться.

— Тогда что же остается? — спросила Глэдия.

— Четвертое, — сказал Д. Ж. — Глэдия, я прошу вас оставаться здесь с роботами, пока я не вернусь.

71

Д. Ж. все обдумал. В течение разговора было достаточно времени, чтобы определить точное местоположение аврорианского корабля. Он находился чуть дальше от Солнца, чем корабль Д. Ж., и это было хорошо. Прыжок к Солнцу при таком расстоянии от него дело, конечно, рискованное. Прыжок в сторону в сравнении с этим был сущим пустяком. Правда, существовала опасность катастрофы при отклонении, но такая опасность всегда существует.

Он заверил команду, что не будет сделано ни одного выстрела. Это было плохо в любом случае. Люди искренне верили, что земное пространство защищает их, пока они не осквернят его покой насилием. Это распространенное заблуждение Д. Ж. мог бы презрительно высмеять, если бы сам не разделял это мнение.

Он снова подошел к экрану. Ему пришлось довольно долго ждать, но сигнала с той стороны не было: аврориане демонстрировали примерное терпение.

— Говорит капитан Бейли. Я хочу поговорить с командиром Лизиформом.

— Командир Лизиформ слушает. Могу я получить ваш ответ?

— Мы высадим женщину и двух роботов.

— Прекрасно. Это мудрое решение.

— И мы выдадим их как можно скорее.

— Тоже мудрое решение.

— Спасибо.

Д. Ж. дал сигнал, и корабль сделал прыжок.

Он произошел мгновенно — как начался, так и кончился, или, во всяком случае, никто не ощутил время прыжка.

— Новое положение вражеского корабля установлено, капитан, — доложил пилот.

— Хорошо, — ответил Д. Ж. — Ты знаешь, что делать.

Корабль вышел из прыжка на высокой скорости относительно аврорианского судна, и корректировка курса не составила труда, как и предполагалось. Затем увеличилось ускорение.

Д. Ж. снова подошел к экрану.

— Командир, мы приближаемся. Можете стрелять, если хотите, но наши щиты подняты, и прежде чем вы их разобьете, мы подойдем к вам, чтобы осуществить передачу.

— Вы высылаете шлюпку?

Командир исчез, но вскоре вновь появился с

перекошенным лицом.

— В чем дело? Мы можем столкнуться!

— Похоже, да, сэр, — сказал Д. Ж. — Это наиболее быстрый способ, чтобы осуществить передачу.

— Но вы уничтожите свой корабль!

— И ваш тоже. Ваш корабль раз в пятьдесят мощнее моего, если не больше. Жалкий обмен для Авроры.

— Вы вступаете в бой в земном пространстве, капитан. Ваши обычаи не позволяют вам делать это.

— Ах, вы знаете наши обычаи и решили ими воспользоваться? Но я не сражаюсь. Я не выпустил ни единого эрга энергии и не выпущу. Я просто следую по своей траектории. Получилось так, что она совпадает с положением вашего корабля, но я уверен, что вы уступите мне дорогу, Вам должно быть совершенно ясно, что я не собираюсь вступать в бой.

— Стоп. Давай обсудим это.

— Мне надоели обсуждения, командир. Может, мы будем разговаривать вечно? Если вы не двинетесь с места, я потеряю, вероятно, лет сорок с хвостиком. А сколько потеряете вы? — И Д. Ж. отошел от экрана.

С аврорианского корабля ударил пробный луч,

словно проверял, подняты ли щиты на корабле Д. Ж. Они были подняты.

Щиты защищали корабль от электромагнитного излучения и субатомных частиц, включая нейтрино, и могли противостоять кинетической энергии малых масс — пылевых частиц и даже мелких метеоритов. Но они были бессильны против больших кинетических энергий, таких, как энергия корабля на суперсветовой скорости.

Даже с опасными массами, если они неуправляемы, как, например, метеориты, можно было справиться: корабельный компьютер автоматически отводил корабль в сторону от метеорита, которому не могли бы противостоять щиты. Но это не могло сработать против корабля, который поворачивал туда же, куда и его мишень. Поселенческий корабль был вдвое меньше, а, следовательно, более маневренным.

Так что для аврорианского корабля существовал только один способ избежать столкновения.

Д. Ж. следил за большим кораблем на экране и думал, знает ли Глэдия в своей каюте о том, что происходит. Она должна была бы почувствовать ускорение, несмотря на противоперегрузочное устройство в ее каюте.

Затем аврорианский корабль просто исчез из

виду, сделав прыжок в сторону, и Д. Ж. с досадой отметил, что затаил дыхание и сердце его колотится, Неужели он не верил в защитное влияние Земли или в собственную оценку ситуации?

— Хорошо сделано, ребята, — хладнокровно сказал Д. Ж. в микрофон. — Держите курс к Земле!

Глава шестнадцатая
Город
72

— Вы серьезно, Диджи? — спросила Глэдия. — Вы в самом деле намеревались столкнуться с тем кораблем?

— Вовсе нет, — равнодушно ответил Д Ж. — Я на это не рассчитывал. Я просто надул их, зная, что они отступят. Эти космониты не станут рисковать своей замечательной долгой жизнью, если легко могут избежать этого.

— Эти космониты?

Д. Ж. покашлял.

— Я все время забываю, что вы космонитка, Глэдия.

— Забываете и, кажется, считаете, что это комплимент. А если бы они оказались так же глупы, как и вы, и проявили такое же детское упрямство,

которое вы считаете храбростью, и остались бы на месте, что бы вы сделали?

— Ударил бы, — пробормотал Д. Ж.

— И тогда мы все погибли бы.

— Трансакция была в нашу пользу, Глэдия. Паршивое, старое торговое поселенческое суденышко — и новенький современный корабль космонитов. — Д. Ж. откинулся в кресле и заложил руки за голову. Удивительно, как хорошо он чувствовал себя, когда все кончилось. — Однажды я видел исторический фильм. Там в конце войны аэроплан, груженый взрывчаткой, нарочно врезался в морское судно, чтобы потопить его. Конечно, пилот расстался с жизнью.

— Это выдумка, — сказала Глэдия. — Не думаете же вы, что цивилизованные люди сделали бы такое на самом деле?

— А почему бы и нет? Если причина достаточно уважительная…

— Значит, вы чувствовали, что вас ждет славная смерть? Экзальтация? Ведь вы потащили за собой свою команду.

— Команда знала об этом, Мы не могли поступить иначе. Земля следила за нами.

— Люди на Земле ничего далее не знали.

— Я выразился образно. Мы в земном простран-

стве. Мы не могли поступить малодушно.

— Ох, какой вздор! А вы рисковали и моей жизнью.

Д. Ж. взглянул на свои ботинки.

— Хотите услышать нечто безумное? Это единственное, что тревожило меня.

— Что я должна погибнуть?

— Не совсем так. Что я потеряю вас. Когда они приказали мне выдать вас, я знал, что не сделаю этого, даже по вашей просьбе. Я лучше протараню их, но вас они не получат. Пока я следил за их кораблем на экране, я думал: «Если они не уйдут отсюда, я потеряю ее». Я знал, что они уйдут, но все-таки думал… — Д. Ж. покачал головой.

Глэдия нахмурилась.

— Я не понимаю вас. Моя смерть вас не огорчала, но вы тревожились, что потеряете меня. Одно с другим не вяжется.

— Знаю. Я не говорю, что это разумно. Я думал о том, как вы бросились на надзирательницу, чтобы спасти меня, хотя знали, что она может одним ударом убить вас. Я думал о том, как вы стояли перед толпой в Бейлимире и покорили ее, хотя раньше даже не видели толпы. Я даже думал, как вы совсем молодой женщиной приехали на Аврору и научились жить по-новому. И мне

казалось, что я не боялся смерти; я думал только о том, что потеряю вас. Вы правы, это, конечно, бессмысленно.

— Вы забыли о моем возрасте? Я была почти такой же, как сейчас, когда вы родились. Кроме того, у меня искусственный бедренный сустав, большой палец на левой руке — протез. — Она повертела пальцем, — Все зубы у меня керамические, имплантированные, а вы говорите так, словно охвачены страстью. К чему? К кому? Подумайте, Диджи! Посмотрите на меня! Постарайтесь увидеть меня такой, какая я есть!

Д. Ж. выпрямился и погладил бороду.

— Ладно, пусть я говорю глупо, но намерен продолжать в том же духе. Я знаю ваш возраст, знаю, что вы переживете меня и будете немногим старше, чем сейчас. Значит, вы моложе меня. Да мне наплевать, что вы старше, я только хотел, чтобы вы оставались со мной, где бы я ни был, до конца моей жизни. — Глэдия хотела что-то сказать, но Д. Ж. поспешно перебил ее: — Или, если вам это больше нравится, чтобы я оставался с вами, где бы вы ни были, до конца моей жизни. Если это вас устроит.

— Я космонитка, а вы — поселенец.

— Кого это беспокоит? Вас, Глэдия?

— К тому же вопрос с детьми — отпадает. У меня они уже были.

— А мне какая разница? И так нет опасности, что имя Бейли умрет.

— У меня есть своя цель. Я намерена принести мир в Галактику.

— Я помогу вам.

— А ваша торговля? Вы откажетесь от возможности разбогатеть?

— Мы кое-что сделаем вместе, как раз столько, чтобы мой экипаж был доволен и помогал бы мне поддерживать вас в вашей миротворческой деятельности.

— Жизнь покажется вам скучной, Диджи.

— Разве? Мне кажется, что с вами она будет чересчур волнующей.

— Вы, вероятно, будете настаивать, чтобы я отказалась от своих роботов?

— Так вот почему вы пытались отговорить меня? Я не стану возражать, если вы оставите двоих, даже Дэниела с его нахальной улыбочкой, Но если мы будем жить среди поселенцев…

— Тогда, я думаю, мне придется набраться храбрости и так и поступить.

Она засмеялась, Д. Ж. тоже. Он протянул руки, и она положила в них свои руки.

— Вы помешались, я тоже, — сказала она. — Но все было так странно с того вечера, когда я смотрела на небо Авроры и хотела найти солнце Солярии, что, полагаю, уже было помешательством.

— То, что вы сказали, не просто помешательство — это безумие. Но мне бы хотелось, чтобы вы были безумной. — Он замялся. — Нет, подожду. Я сначала сбрею бороду, а потом поцелую вас, Меньше опасность инфекции.

— Нет, не надо, Мне интересно, какое это ощущение.

И она немедленно узнала это.

73

Командир Лизиформ ходил взад и вперед по своей каюте.

— Не было смысла губить корабль, — сказал он. — Никакого смысла.

Его политический советник спокойно сидел на стуле и следил за метавшимся туда и обратно собеседником.

— Да, конечно, — согласился он.

— Варварам что терять? Им в любом случае жить несколько десятилетий. Для них жизнь

ничего не значит.

— Да, конечно.

— Однако, я никогда не видел и не слышал, чтобы поселенец сделал такое. Может, это новая изуверская тактика, и у нас нет защиты против нее. Что, если они пошлют против нас управляемые корабли, но без людей на борту?

— Мы можем полностью роботизировать наши корабли.

— Это не поможет. Мы не можем позволить себе терять корабль. Нам нужно иметь этакий щитовой нож, который пронзит их щиты.

— Тогда и они сделают такое же, и нам придется изобретать ножеупорный щит, им тоже, и так оно и пойдет на высшем уровне.

— Нам нужно нечто совершенно новое.

— Ну, — сказал советник, — может, что-то и подвернется. Но ведь главной нашей целью была не солярианка с ее роботами, верно? Было бы неплохо, если бы нам удалось снять их с поселенческого корабля, но это дело второстепенное, не так ли?

— Все равно Совету это не понравится.

— Это уже моя работа — позаботиться об этом, Главное, что Амадейро и Мандамус покинули корабль и теперь на пути к Земле в скоростном

челноке.

— Это верно.

— А вы не только отвлекли поселенческий корабль, но и задержали его. Это значит, что Амадейро и Мандамус покинули корабль незамеченными и доберутся до Земли раньше нашего варварского капитана.

— Я полагаю, что да. Но что из этого?

— Я сам хотел бы знать. Если бы только Мандамус, я бы и внимания не обратил, невелика персона. Но Амадейро! Бросить политическую борьбу дома, в трудное время и ехать на Землю! Здесь должно быть что-то исключительно важное, ключевое.

— Но что?

Командиру, видимо, было страшно досадно, что он так сильно, почти фатально впутался в дело, которого совершенно не понимает.

— Понятия не имею.

— Вы не думаете, что могут вестись тайные переговоры на высшем уровне об изменении плана мирного расселения, о котором говорил Фастольф?

Советник улыбнулся:

— Мирное расселение? Если вы так думаете, то не знаете нашего доктора Амадейро. Он не поедет

на Землю, чтобы заменить пару пунктов в плане мирного расселении. Его идеал — Галактика без поселенцев, и если он поехал на Землю… Ну, я могу только сказать, что не хотел бы в это время оказаться на месте варваров поселенцев.

74

— Я уверен, друг Жискар, — сказал Дэниел, — что мадам Глэдии неплохо без нас. Ты можешь чувствовать это на расстоянии?

— Я определяю ее мозг слабо, но безошибочно. Она с капитаном, заметно перевозбуждение и радость.

— Великолепно, друг Жискар.

— Для меня не так уж великолепно. Я в состоянии некоторого расстройства и сильного напряжения.

— Мне больно это слышать. Могу я спросить о причине?

— Мы были здесь, когда капитан разговаривал с аврорианским кораблем.

— Да, но сейчас аврорианский корабль ушел, так что капитан, похоже, поговорил удачно.

— Он сделал это таким образом, о котором ты, видимо, не знал. А я знал — в некоторой степени.

Хотя капитана не было с нами, мне нетрудно было почувствовать его мозг. Он был переполнен напряжением и тревогой, а под ними собиралось и усиливалось чувство потери.

— И ты мог определить, что это за потеря?

— Я не могу описать мой метод анализа, но потеря, похоже, была не из тех, что я раньше ассоциировал с потерей вообще или с потерей неодушевленного предмета. Тут было чувство потери определенного лица.

— Леди Глэдии?

— Да.

— Но это естественно, друг Жискар. Ведь он должен был отправить ее на аврорианский корабль.

— Для этого чувство было чрезмерно и интенсивно — рыдающее чувство. Это единственное слово, какое я могу придумать. Это была потрясающая скорбь, ассоциирующаяся с чувством потери, словно леди должна была уйти куда-то в недосягаемое место. В конце концов, все могло быть исправлено в будущем. Но нет, тут леди словно должна умереть и стать навеки недостижимой.

— Значит, он чувствовал, что авриориане убьют ее? Но это, разумеется, невозможно.

— Это верно, невозможно. Но дело не в этом. Я

чувствовал нити ощущения личной ответственности, связанной с глубоким страхом потери. Я обследовал все мозги на борту и пришел к выводу, что капитан намеренно послал свой корабль наперерез аврорианскому.

— Но этого тоже не может быть, — сказал Дэниел.

— А я принял это. Моим первым побуждением было изменить эмоциональный настрой капитана и вынудить его изменить курс, но я не смог. Его мозг был насыщен решимостью и, несмотря на тревогу, напряжение и страх потери, такой уверенностью в успехе…

— Как же могли одновременно существовать страх потери и чувство уверенности в успехе?

— Друг Дэниел, я перестал удивляться способностям человеческого мозга одновременно содержать две противоположные эмоции, я просто принимаю их. В данном случае, если бы я попытался заставить капитана изменить курс корабля, я мог бы убить его. Этого я не смог сделать.

— Но тогда могли бы погибнуть люди на корабле, включая мадам Глэдию и еще несколько сотен человек на аврорианском корабле.

— Они не должны были погибнуть, если ка-

питан был прав в своей уверенности в успехе. Я не мог бы пожертвовать человеческой жизнью, чтобы предупредить всего лишь вероятную гибель многих. В этом-то и трудность, друг Дэниел, с твоим Нулевым Законом. Первый Закон имеет дело с индивидуумом и уверенностью, а твой Нулевой Закон — с неопределенной группой и вероятностью.

— Люди на борту корабля — не неопределенная группа, это собранные вместе отдельные индивидуумы.

— Но если бы я принял решение, то оно повлияло бы на судьбу одного индивидуума. Тут я ничего не могу поделать.

— Но все-таки ты что-то сделал?

— Я в отчаянии пытался воздействовать на мозг командира аврорианского корабля после прыжка, который приблизил нас к нему, но не смог — слишком велико расстояние. Однако попытка сказалась не совсем бесплодной: я определил нечто вроде слабого гула. Я не сразу понял, что принял ощущения всех людей на борту аврорианского корабля. Отфильтровать этот слабый гул от более сильных ощущений, идущих от нашего корабля, — трудная задача.

— Я думаю, вообще невозможная, друг Жискар.

— Почти невозможная, но с огромными усилиями я все-таки смог это сделать. Как я ни старался, я не мог выделить ни одного индивидуального мозга. Когда мадам Глэдия стояла перед толпой в Бейлимире, я ощущал сумбурную путаницу мозгов, но сумел выделить то тут, то там индивидуальный мозг хотя бы на миг. Но в этом случае так не было. — Жискар замолчал, погрузившись в раздумья.

— Я думаю, — сказал Дэниел, — это похоже на то, как мы различаем отдельные звезды в скоплении их, когда они относительно близки. Но в далекой Галактике мы видим только слабое свечение, а отдельных звезд не различаем.

— Удачная аналогия, друг Дэниел. Когда я сосредоточился на слабом, но далеком шуме, мне показалось, что я смутно различаю в нем всплеск страха. Я не был уверен, но решил попробовать. Я никогда еще не пытался оказать влияние на таком расстоянии, но все-таки постарался усилить этот страх. Не могу сказать, удалось ли это.

— Аврорианский корабль ушел. Значит, тебе удалось.

— Это еще ничего не значит. Он мог уйти и без моих усилий.

Дэниел задумался.

— Мог. Если наш капитан был так уверен, что тот корабль уйдет.

— С другой стороны, — сказал Жискар, — я не думаю, что у капитана были основания для такой уверенности. Мне казалось, что эта уверенность смешивалась с чувством благоговения и почтения к Земле. Эта уверенность была подобна тому доверию, какое испытывают дети по отношению к своим родителям, защитникам и тому подобным. Капитан верил, что Земля не даст ему пропасть рядом с ней. Чувство, конечно, нерациональное.

— В этом ты, без сомнения, прав, друг Жискар. Капитан при нас говорил о Земле весьма почтительно. Поскольку Земля не может реально влиять мистическим образом на развитие событий, вполне можно предположить, что имело место именно твое влияние. Больше того…

Глаза Жискара тускло засветились.

— О чем ты, друг Дэниел?

— Я думаю, что индивидуальный человек конкретен, а все человечество абстрактно. Определив слабый шум на аврорианском корабле, ты определил не индивидуума, а часть человечества, Если бы ты был ближе к Земле и если бы посторонний шум был достаточно слабым, разве

ты не уловил бы гул мыслительной активности всего населения Земли? И потом, разве нельзя представить, что в Галактике присутствует гул мысленной активности всего человечества? Как тогда быть с предположением, что все человечество — абстракция? Оно нечто такое, что ты можешь указать. Подумай об этом в связи с Нулевым Законом и увидишь, что расширение Законов роботехники оправдано — оправдано твоим же собственным опытом.

Жискар долго молчал, потом медленно сказал, будто подбирал слова:

— Наверное, ты прав. Однако же на Земле мы, может быть, сумеем воспользоваться Нулевым Законом, но пока не знаем как. Мы вроде бы знаем, что кризис, перед которым стоит Земля, включает использование атомного усилителя, но, насколько нам известно, на Земле нет ничего такого, на чем мог бы работать усилитель. Что же мы будем делать на Земле?

— Пока не знаю, — грустно ответил Дэниел.

75

Шум!

Глэдия тревожно прислушивалась. Это был не

стук чего-то обо что-то, не скрип, не грохот, не взрыв. Его вообще нельзя было назвать каким-то словом. Он был мягким, ненавязчивым, то громким, то тихим, но не умолкавшим ни на миг.

Д. Ж. заметил, что она прислушивается.

— Мы называем это «гудением города», Глэдия.

— Он когда-нибудь прекращается?

— В сущности, никогда — а что ты думала? Если ты стоишь в поле, то слышишь ветер, шорох листьев, жужжание насекомых, крики птиц, журчание ручья. Это тоже никогда не прекращается.

— Это совсем другое.

— Нет, то же самое. Это смешение звуков работы машин и различных шумов, производимых людьми, но в принципе то же самое, что и шум в поле. К полям ты привыкла и не слышишь их шума. Земляне тоже не слышат шума города, за исключением тех редких случаев, когда возвращаются из сельской местности. Тогда они снова слышат его и радуются. Завтра ты тоже перестанешь замечать его.

Глэдия задумчиво посмотрела вокруг с маленького балкона:

— Как много домов!

— Это верно. Улицы тянутся во все стороны на много километров, и вверх, и вниз тоже. Это ведь

не просто город, как на Авроре или Бейлимире. Это Город с заглавной буквы. Города существуют только на Земле.

— Стальные пещеры, я знаю. Ведь мы под землей, верно?

— Да. Должен сказать, что я и сам не сразу привык, когда впервые приехал на Землю, Куда ни пойдешь, везде полно народу. Тротуары, дороги, площади — все забито людьми. Всюду мягкий свет, похожий на солнечный, но солнца нет, и даже не знаешь, светит ли оно наверху или закрыто тучами, или вообще мир погружен в ночную темноту.

— Это делает город каким-то замкнутым. Люди дышат одним и тем же воздухом.

— Верно, но ведь так и в любом мире, везде.

— Не так. — Она принюхалась, — Пахнет.

— Все планеты пахнут. Даже города на Земле пахнут по-разному. Ты привыкнешь.

— А люди не задыхаются?

— Хорошая вентиляция.

— А если она сломается?

— Этого никогда не бывает.

Глэдия снова огляделась:

— Кажется, у всех домов балконы.

— Это признак общественного положения.

Очень немногие имеют квартиры с наружными стенами, и те, кто их имеет, хочет пользоваться этим преимуществом. Большинство горожан обитает в жилищах без окон.

Глэдия поежилась.

— Ужасно! А как называется этот город?

— Нью-Йорк, главный город, но не самый большой. На этом континенте самые большие Мехико и Лос-Анджелес, а на других континентах есть города больше Нью-Йорка.

— Но почему же Нью-Йорк главный?

— По обычной причине: здесь помещается правительство планеты, Объединенные Нации.

— Нации? Земля была разделена на несколько независимых политических единиц, верно?

— Верно. На десятки. Но это было до гиперкосмических путешествий. А название осталось. Это как раз и удивительно на Земле. Застывшая история. Все остальные миры новые и незначительные. Только Земля — человечество в своей сути, — прошептал Д. Ж. и вернулся в комнату.

Комната была невелика и очень скудно обставлена.

— А почему никого нет? — разочарованно спросила Глэдия.

Д. Ж. засмеялся:

— Не огорчайся, дорогая. Если тебе нужны парады и внимание, то все это будет. Просто я попросил оставить нас одних на некоторое время. Хочется немного мира и покоя, думаю, и тебе тоже. Что касается моих людей, то они на корабле: чистят его, возобновляют запасы, занимаются своими делами.

— А, женщины.

— Нет, я не это имел в виду, хотя женщины тоже сыграют свою роль, но позже. Под делами я подразумевал, что Земля все еще имеет религии, и это почему-то утешает людей. Во всяком случае, здесь, на Земле. Здесь они как-то больше значат.

— Ну-ну, — немного пренебрежительно сказала Глэдия. — Застывшая история. Как ты думаешь, мы можем немного пройтись?

— Послушай моего совета, Глэдия, не лезь сразу в дела. Их у тебя будет много, когда начнутся церемонии.

— Но это все будет официально. А нельзя обойтись без них?

— Никоим образом. Поскольку ты упорно стремилась стать героиней Бейлимира, придется быть ею и на Земле. А церемонии в конце концов кончатся, и, когда ты отдохнешь от них, мы возьмем гида и как следует посмотрим город.

— А мне можно будет взять с собой роботов? — Она показала на роботов, которые стояли в другом конце комнаты. — Я обходилась без них, когда была с тобой на корабле, но в толпе чужих людей я буду чувствовать себя в большей безопасности, если мои роботы будут рядом.

— С Дэниелом нет проблем. Он и сам герой. Он был партнером Предка и может сойти за человека, а вот Жискар — явный робот, и по идее его нельзя допускать в город, но в данном случае сделано исключение, и я надеюсь, что так будет и в дальнейшем. Вообще-то плохо, что мы должны ждать здесь и не можем выйти.

— Ты хочешь сказать, что мне пока противопоказан весь этот шум?

— Нет, я не имею в виду общественные парки и дороги. Я должен был бы провести тебя по коридорам этого здания. Они тянутся буквально на километры и составляют лишь малую часть города. Здесь магазины, столовые, места для развлечений, туалеты, лифты, переходы и прочее. На одном этаже одного дома в одном городе на Земле больше цвета и разнообразия, чем в целом поселенческом городе или во всем Внешнем мире.

— Тут, наверное, легко заблудиться.

— Нет. Здесь каждый хорошо знает зону, в ко-

торой живет, и даже больше. Даже иноземцам достаточно только следить за указателями.

— Я полагаю, что люди просто вынуждены гулять для своего же физического блага, — с сомнением сказала Глэдия.

— И для социального тоже. В коридорах все время полно народу, и обычно люди останавливаются, чтобы поболтать с приятелем, а незнакомых просто приветствуют. Ходить пешком просто необходимо, потому что лифты двигаются только вверх-вниз. Снаружи здания, конечно, есть экспресс-линия. Вот это да! Ты обязательно покатаешься.

— Я слышала о них. Это полосы, на которые надо забираться, а они тащат тебя все быстрее и быстрее, или наоборот, медленнее и медленнее, когда переходишь с одной на другую. Я не могу. И не проси.

— Я тебе помогу. Надо будет — на руках понесу. Но вообще-то тут нужно очень немного практики. Все земляне пользуются экспресс-путями, даже малыши и старики с палками. Должен признаться, что поселенцы довольно неуклюжи. Я тоже не чудо грации, но могу. И ты сможешь.

Глэдия тяжело вздохнула:

— Ну ладно, попробую. Но вот что я хочу тебе

сказать, дорогой. Нам нужна по возможности тихая комната на ночь. Мне бы не хотелось слышать это ваше «гудение города».

— Я думаю, это можно устроить.

— И я не хочу есть в столовых.

— Ну, можно договориться, чтобы еду принесли сюда, — нерешительно сказал Д. Ж., — но тебе лучше принимать участие в общественной жизни Земли. К тому же, я буду с тобой.

— Может быть, через некоторое время, Диджи, но не сейчас. И потом, мне нужен отдельный туалет.

— О нет, это невозможно. В комнате, которую нам дадут, будет умывальник и унитаз, но если ты намерена принять душ или ванну, тебе придется выйти. Есть женщина, которая познакомит тебя с процедурой и выделит тебе кабинку, или что там у них. Тебе никто не будет мешать. Все поселенцы пользуются общественными туалетами. В конце концов, это может тебе понравиться, Глэдия. Мне говорили, что в женском туалете очень оживленно и весело. А вот в мужском, наоборот, не разрешается говорить. Очень глупо.

— Это ужасно, — пробормотала Глэдия. — Как же можно быть все время на людях?

— В перенаселенном мире нужда заставля-

ет, — беззаботно ответил Д. Ж. — Чего никогда не имел, о том никогда не скучаешь. Хочешь еще какой-нибудь афоризм?

— Нет, пожалуй.

Глэдия выглядела удрученно, и Д. Ж. обнял ее за плечи.

— Ну ладно. Все будет не так плохо, как ты думаешь, Обещаю тебе.

76

В общем-то все оказалось не таким ужасным. И Глэдия с благодарностью думала о Бейлимире, который некоторым образом подготовил ее к встрече с человечеством. Народу в Нью-Йорке было куда больше, чем в Поселенческом мире, но здесь толпы не так докучали Глэдии.

Члены правительства стремились встретиться с ней. Шла бессловесная вежливая борьба за то, чтобы попасть вместе с гостьей на гипервизионный экран. Полицейские кордоны отделяли ее не только от толпы, но и от Д.Ж. и роботов. Ее даже вежливо подталкивали, чтобы она смотрела только в камеру.

Глэдия слушала бесчисленные речи, к счастью, короткие, но не слышала их. Она то и дело веж-

ливо улыбалась, сверкая имплантированными зубами во все стороны, чтобы никого не обидеть.

Она ехала в наземном каре по многокилометровым дорогам, и толпы, выстроившиеся по обочинам, выкрикивали приветствия и махали руками. Вряд ли кого-нибудь из космонитов земляне встречали с таким восторгом, думала Глэдия и считала свой случай беспрецедентным.

В одном месте она заметила толпу, окружившую гипервизионный экран, и мельком увидела на нем свое изображение. Она знала, что они слушают ее речь в Бейлимире. Запись передавали повсюду и без конца, неустанно, и превеликое множество людей слушали ее вновь и вновь. Когда-то ее услышат во Внешних мирах, думала Глэдия.

Может, ее посчитают предательницей аврорианского народа, и здешний прием послужит тому доказательством? Возможно. Глэдию это не беспокоило. Она явилась с миссией мира и будет следовать ей без колебаний, куда бы эта миссия ни завела ее, даже в невероятную оргию массового мытья и навязчивого бессознательного эксгибиционизма в женском туалете, которую она наблюдала утром. Ну, может, не совсем без колебаний…

Они подъехали к одной из экспресс-дорог, о которых говорил Д. Ж., и Глэдия с откровенным ужасом посмотрела на бесконечную вереницу пассажирских каров, которые шли, шли и шли, и во всех были люди, которые спешили по делам — или просто не хотели толкаться — и с интересом разглядывали толпу и процессию, проезжая мимо.

Затем кар нырнул под экспресс-дорогу в короткий туннель, ничем не отличавшийся от перехода наверху — город весь был пронизан туннелями — и снова вынырнул на другой стороне.

Наконец они остановились у огромного здания, которое выглядело, к счастью, более привлекательным, чем бесконечные одинаковые блоки жилых кварталов.

В здании состоялся еще один прием, где подавали спиртные напитки и различные закуски. Привередливая Глэдия ни до чего не дотрагивалась. Тысячи людей крутились вокруг и без конца подходили к ней, чтобы поговорить.

Видимо, пожимать руки на сей раз было необязательно, но некоторые протягивали руку, и Глэдия, стараясь не показать замешательство, касалась двумя пальцами протянутой ладони и тут же убирала руку.

Несколько женщин собрались удалиться в ближайший туалет, и одна из них — очевидно, так было принято — тактично спросила Глэдию, не хочет ли она составить им компанию. Особой необходимости Глэдия не ощущала, но подумала, что впереди целая ночь, и позже, возможно, будет трудней уйти.

В туалете, как всегда, смеялись и болтали. Будучи закаленной своим утренним опытом, Глэдия уже не удивлялась, обнаружив, что у кабинок отсутствуют двери. Видя, что никого это не смущает, Глэдия постаралась убедить себя, что надо привыкать к местным обычаям. По крайней мере здесь было чисто и отлично работала вентиляция.

На Дэниела и Жискара никто не обращал внимания. Это делалось, как поняла Глэдия, из доброты: роботы в город не допускались, несмотря на то что за его пределами роботов было немало. Присутствие Дэниела и Жискара нарушало закон, поэтому было проще притвориться, что их тут и нет.

Когда начался банкет, они тихонько сидели за столом с Д. Ж. недалеко от возвышения, на котором сидела Глэдия и очень мало ела, размышляя, не расстроится ли у нее желудок.

Д. Ж., видимо, не слишком довольный своей ролью хранителя роботов, не спускал с Глэдии глаз. Время от времени она махала ему рукой и улыбалась.

Жискар, тоже следивший за Глэдией, решил поговорить с Дэниелом под звук человеческих голосов и стука посуды.

— Друг Дэниел, в этом зале сидят высокопоставленные чиновники. Может быть, у кого-нибудь из них есть полезная для нас информация.

— Возможно, друг Жискар. Ты можешь ее обнаружить?

— Нет. Ментальный фон не дает мне специфических эмоциональных реакций. И случайных всплесков в моем непосредственном окружении тоже нет. Но кризис, я уверен, быстро приближается, пока мы сидим здесь и ничего не делаем.

— Я попытаюсь действовать, как действовал бы партнер Элайдж, и форсирую темп, — серьезно сказал Дэниел.

77

Дэниел спокойно разглядывал собравшихся и наконец нашел то, что искал. Он встал и направился к другому столу, пристально глядя на

женщину, которая ухитрялась быстро есть и одновременно разговаривать с мужчиной, сидевшим рядом с ней. Она была крепкой; коренастой, в коротких волосах блестела седина. Лицо немолодое, но приятное.

Дэниел подождал, надеясь, что они умолкнут хоть на миг, но не дождался, и спросил:

— Мадам, не могу ли я прервать вас?

Она посмотрела на него испуганно и явно недовольно.

— Да, — грубовато сказала она. — В чем дело?

— Мадам, я прошу прощения, что мешаю, но не позволите ли вы мне поговорить с вами?

Она хмуро посмотрела на него, а затем ее лицо смягчилось.

— Судя по вашей исключительной учтивости, вы робот, верно?

— Я робот леди Глэдии, мадам.

— Да, но вы совсем как человек. Вы Р. Дэниел Оливо?

— Это мое имя, мадам.

Женщина повернулась к мужчине.

— Пожалуйста, извините меня, я просто не могу отказать этому роботу.

Ее сосед неопределенно улыбнулся и сосредоточился на блюде, стоявшем перед ним.

— Если у вас есть стул, — обратилась женщина к Дэниелу, — почему бы не принести его сюда? Я буду рада поговорить с вами.

— Спасибо, мадам.

Дэниел принес стул и сел.

— Вы в самом деле Дэниел Оливо? — спросила женщина.

— Это мое имя, мадам, — снова ответил Дэниел.

— Я имею в виду того, кто когда-то работал с Элайджем Бейли. Вы не новая модель того же наименования? Вы не Р. Дэниел Четвертый или еще какой-нибудь?

— Во мне мало что осталось. За прошедшие двести лет многое было заменено, модернизировано, улучшено, но мой позитронный мозг тот же, что и был, когда я работал с Элайджем на трех разных планетах и однажды на космическом корабле. Его не меняли.

— Прекрасно! — Она с восхищением посмотрела на него. — Вы явно хорошей работы. Если бы все роботы были такие, как вы, я бы не возражала против вас. О чем же вы хотели поговорить со мной?

— До того как мы все сели, вы подходили к леди Глэдии, мадам, и представились ей как замести-

тель министра по энергетике, София Квинтана.

— Вы правы. Это мое имя и должность.

— Ваши полномочия распространяются на всю Землю или только на город?

— Это всепланетное министерство.

— Значит, вы разбираетесь в энергетических полях?

Квинтана улыбнулась. Она, казалось, не имела ничего против того, чтобы ее допрашивал робот, — это ее забавляло, а может, привлекал серьезный вид Дэниела или сам факт, что робот может задавать такие вопросы. Во всяком случае она с улыбкой ответила:

— Я специализировалась по энергетике в Калифорнийском университете и имею степень магистра. А насколько я разбираюсь — трудно сказать. Я много лет на административной работе, кое-что могла и забыть.

— Но вы, вероятно, хорошо знакомы с практическими аспектами энергоснабжения Земли в настоящее время, не так ли?

— Да. Верно. Вы хотите что-то узнать об этом?

— Кое-что вызывает у меня любопытство, мадам.

— Любопытство? У робота?

Дэниел наклонил голову.

— Если робот достаточно сложен, он ощущает в себе нечто ищущее информацию. Это аналогично тому, что люди называют любопытством, и я свободно пользуюсь этим словом, имея в виду свои ощущения.

— Очень хорошо. Так что вас интересует, Р. Дэниел? Могу я называть вас так?

— Да, мадам. Как я понимаю, земное энергоснабжение осуществляют станции солнечной энергии, расположенные на геостационарной орбите в экваториальной плоскости Земли?

— Правильно.

— Эти станции — единственный источник энергии для планеты?

— Нет. Они главные, но не единственные. Широко используется энергия внутреннего ядра Земли, энергия ветра, волн, течения рек и так далее. Есть и комплексные смеси, и каждый вариант имеет свои достоинства. Но солнечная энергия все-таки основное.

— Вы не упомянули об атомной энергии, мадам. Вы не используете микросинтез?

Квинтана подняла брови.

— Вы интересуетесь именно этим, Р. Дэниел?

— Да, мадам. Какова причина отсутствия источников атомной энергии на Земле?

— Они не отсутствуют, Р. Дэниел. Они используются, но не широко, например в роботах. Их у нас, как вы знаете, много в сельскохозяйственных районах. В вас, кстати, тоже есть эти источники?

— Да, мадам.

— Кое-где есть машины, использующие этот вид энергии, но очень мало.

— Правда ли, мадам Квинтана, что источники энергии микросинтеза чувствительны к действию атомных усилителей?

— Наверняка. Да, конечно. Такой источник взорвется.

— Не может ли быть, чтобы кто-нибудь с помощью атомного усилителя всерьез повредил основную часть системы энергоснабжения Земли?

Квинтана засмеялась:

— Нет, ни в коем случае. Во-первых, я не думаю, чтобы кто-то таскался с атомным усилителем с места на место. Он же весит несколько тонн, и вряд ли его можно протащить по улицам и коридорам города. Такая попытка наверняка была бы замечена. Во-вторых, если бы атомный усилитель вступил в игру, ему удалось бы разрушить всего лишь несколько роботов и машин до того, как его обнаружили бы и обезвредили. Шансы

повредить нам таким образом — нулевые. Вы это хотели услышать, Р. Дэниел?

Ему дали понять, что разговор окончен.

— Есть еще два небольших вопроса, которые я хотел бы задать, мадам Квинтана. Почему на Земле так мало используются источники микросинтеза? Все Внешние миры зависят от них, все Поселенческие — тоже. Устройство это портативное, многостороннее, дешевое, не требует больших усилий по уходу, ремонту и перемещению.

— И, как вы сами сказали, Р. Дэниел, чувствительное к атомному усилителю.

— Но, как вы сказали, мадам Квинтана, атомные усилители слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими широко пользоваться.

Квинтана улыбнулась и кивнула:

— Вы очень умны, Р. Дэниел. Мне никогда и в голову не приходило, что я буду вести подобную дискуссию с роботом. Ваши аврорианские роботехники очень умелы, даже слишком, поэтому я боюсь вести такой разговор. Вы знаете, у нас есть легенда о роботе Стивене Байерли, занимавшем высокий пост в правительстве.

— Это, вероятно, просто выдумка, мадам Квинтана, — серьезно сказал Дэниел. — Ни в одном из

Внешних миров нет роботов на правительственных постах. Мы просто роботы.

— Приятно слышать. Пойдем дальше; различие в источниках энергии имеет исторические корни. Когда широко распространились гиперпространственные путешествия, у нас были источники микросинтеза, и люди, оставляя Землю, брали их с собой. Они были необходимы на космическом корабле и на планетах тоже в течение поколений. Чтобы построить комплекс станций солнечной энергии, требовалось много лет, и, пока эта задача выполнялась, эмигранты пользовались реакторами микросинтеза. Так было в свое время и с космонитами, так теперь и с поселенцами. На Земле же использование солнечной энергии и микросинтеза развилось примерно в одно время и использовалось и то и другое. Наконец у нас появился выбор — и мы выбрали солнечную энергию.

— Мне это кажется странным, мадам. Почему же не обе?

— На этот вопрос нетрудно ответить, Р. Дэниел. В прежние времена Земля экспериментировала с примитивными формами атомной энергии, люди Земли увидели в микросинтезе форму ядерной энергии и отказались от нее. В других

мирах, не имевших нашего опыта с примитивными формами ядерной энергии, не было причин отказываться от микросинтеза.

— Могу я спросить, что это были за примитивные формы?

— Расщепление урана. Оно радикально отличается от микросинтеза. Распад включает в себя расщепление массивного ядра, такого, как ядро урана. Микросинтез включает в себя объединение легких ядер, таких, как ядро водорода. Но и то и другое — формы ядерной энергии.

— Я полагаю, уран должен быть топливом для расщепляющих приборов.

— Да, или другие тяжелые атомы, вроде тория или плутония.

— Но это исключительно редкие металлы.

— Эти элементы редки на других планетах, на Земле же они хоть и не очень обычны, но и не редки. Уран и торий широко распространены в земной коре в малых количествах, но в некоторых местах они сконцентрированы.

— Сохранились ли сейчас на Земле какие-нибудь расщепляющие приборы, мадам?

— Нет, нигде и ни в каком виде. Люди будут скорее жечь нефть или даже дерево, чем расщепленный уран. Даже само слово «уран» запрещено

в приличном обществе. Будь вы человеком и землянином, вы не задали бы такого вопроса, а я не ответила бы.

— Но вы уверены в этом, мадам? — настаивал Дэниел. — Может быть, такие секретные устройства используются в целях национальной безопасности?

— Нет, робот, — хмуро сказала Квинтана. — Я же сказала вам, такого устройства нет.

Дэниел встал.

— Благодарю вас, мадам, и приношу извинения, что отнял у вас время и коснулся щекотливой темы. С вашего разрешения я вас сейчас оставлю.

Квинтана небрежно махнула рукой.

— Всего доброго, Р. Дэниел.

Она снова повернулась к соседу, уверенная, что в этой толпе землян никто не пытался подслушать разговор, а если и подслушал, то не понял ничего, и сказала:

— Могли бы вы представить себе дискуссию об энергетике с роботом?

Дэниел вернулся на свое место и тихо сказал Жискару:

— Ничего, друг Жискар. Ничего полезного. — И грустно добавил: — Может, я задавал неправильные вопросы? Партнер Элайдж задал бы

правильные.

Глава семнадцатая
Покушение
78

Генеральный секретарь Эдгар Эндрю, глава исполнительной власти Земли, был высоким и видным мужчиной, гладко выбритым по космонитской моде. Он двигался размеренным, спокойным шагом, словно выставляя себя напоказ; казалось, он нравился самому себе. Голос его, пожалуй, излишне высокий для его фигуры, иногда становился скрипучим. Упрямым он вроде не был, но сдвинуть его было нелегко. Не удалось и на этот раз.

— Нет, — твердо сказал он Д. Ж., — она должна появиться.

— У нее был тяжелый день, Генеральный секретарь, — возразил Д. Ж. — Она не привыкла к толпе, а я отвечаю за ее благополучие перед Бейлимиром, и моя личная честь поставлена на карту.

— Я вхожу в ваше положение, — сказал Эндрю, — но я представляю Землю и не могу лишить ее жителей возможности увидеть леди Глэдию.

Коридоры полны народа, гипервизионщики наготове, и я при всем желании не могу прятать леди. Да, в сущности, долго ли это продлится? Полчаса? Потом она может уйти и не появляться до завтрашнего вечера, когда ей придется выступать.

Д. Ж. мгновенно изменил тон разговора.

— Надо обеспечить ей комфорт. Она должна держаться на некотором расстоянии от толпы.

— Поставим надежный кордон. Отгородим ее от людей на достаточном пространстве. Отодвинем зрителей подальше. Сейчас они уже волнуются. Если мы не объявим, что она вскоре появится, могут начаться беспорядки.

— Это не было предусмотрено, — сказал Д. Ж. — Это не безопасно. Некоторые земляне не любят космонитов.

Генеральный секретарь пожал плечами:

— Как я мог вас предупредить? В настоящий момент она героиня и не может отказаться выйти. Никто не причинит ей зла, ее только хотят приветствовать; но если она не появится — дело другое. А теперь пойдемте-ка.

Д. Ж. недовольно повернулся и встретил взгляд Глэдии. Она казалась усталой и несчастной.

— Придется, Глэдия. Ничего не поделаешь.

Она посмотрела на свои руки, словно сообра-

жая, могут ли они защитить ее, затем выпрямилась и вздернула подбородок — маленькая космонитка посреди толпы варваров.

— Должна так должна. Ты останешься со мной?

— Если меня не оттащат силой.

— А мои роботы?

Д. Ж. замялся.

— Глэдия, разве два робота могут помочь тебе среди миллионов людей?

— Я знаю, Диджи. И знаю также, что в конце концов останусь без них, если буду продолжать выполнять свою миссию! Но не сразу! А сейчас я буду чувствовать себя с ними в безопасности, есть в этом смысл или нет. Если земные чиновники хотят, чтобы я вышла к толпе, улыбалась, махала рукой и так далее, присутствие Дэниела и Жискара поможет мне. Видишь ли, Диджи, я заставляю себя, хотя мне это неприятно и больше всего хотелось бы уехать. Так пусть и они уступят мне в такой малости.

— Попробую, — явно обескураженно сказал Д. Ж.

Он снова подошел к Эндрю. Жискар спокойно последовал за ним.

Через несколько минут Глэдия в окружении

отобранного контингента официальных лиц двинулась к открытому балкону. Д. Ж. держался чуть позади нее, а по бокам шли Дэниел и Жискар.

Генеральный секретарь жалобно сказал:

— Ладно. Я не знаю, как вам удалось уговорить меня, но ладно. — Он потер лоб, чувствуя легкую боль в виске, встретился взглядом с Жискаром и, вздрогнув, отвернулся. — Но пусть они стоят неподвижно, капитан, помните. И пожалуйста, присмотрите, чтобы тот, кто выглядит, как робот, не высовывался и не привлекал к себе внимания. Мне от него как-то не по себе, и я не хочу, чтобы люди знали о нем больше, чем уже знают.

— Они будут смотреть на Глэдию, Генеральный секретарь, — пообещал Д. Ж., — и больше ни на кого.

— Надеюсь, — раздраженно сказал Эндрю.

Он вздохнул, остановился, чтобы взять капсулу с сообщением, которую кто-то протянул ему, машинально сунул ее в карман и пошел дальше.

79

Глэдия чувствовала себя все хуже — людей все прибывало, шум становился все громче, свет — все ярче, впечатления — все острее.

Раздались крики. Она слышала, как в толпе выкрикивают ее имя. Она с трудом подавила желание убежать и спрятаться.

Она подняла руки, помахала и улыбнулась. Шум стал громче. Кто-то заговорил; его изображение появилось на громадном экране над балконом, чтобы вся толпа могла видеть. Конечно, происходящее транслировалось на бесчисленных экранах каждого города на планете.

Глэдия облегченно вздохнула, когда луч света высветил на сцене не ее. Она пыталась съежиться, стать незаметной, чтобы внимание аудитории сосредоточилось на говорившем.

Генеральный секретарь Эндрю, кажется, обрадовался, что благодаря Глэдии ему не придется выступать. И тут он вспомнил о послании, лежавшем в его кармане, и встревожился: что заставило передавшего вмешаться в торжественную церемонию? Скорее всего, сущий пустяк, с раздражением подумал он.

Он нажал пальцем на капсулу, извлек тонкий листок пластика, прочел сообщение и подождал, пока листок рассыплется. Смахнув оставшуюся от листка пыль, он сделал знак Д. Ж.

Шептаться не пришлось — на площади было шумно.

— Вы говорили, что в пространстве Солнечной системы встретились с аврорианским кораблем? — спросил Эндрю.

— Да, я думаю, что земные сенсоры засекли его.

— Конечно, засекли. Вы сказали, что ни с одной стороны враждебных действий не предпринималось.

— Оружие не использовалось. Они потребовали передать им мадам Глэдию и ее роботов, я отказался, и они ушли. Я обо всем этом докладывал.

— Как долго это продолжалось?

— Недолго, несколько часов.

— Вы хотите сказать, что Аврора послала военный корабль только для того, чтобы вы могли поболтать с командиром пару часов, а затем разойтись?

Д. Ж. пожал плечами:

— Генеральный секретарь, я не знаю их мотивов. Я могу только доложить, что произошло.

Генеральный секретарь высокомерно взглянул на него:

— Но вы рассказали не обо всем. Информация сенсоров теперь проанализирована компьютером, и выходит, что вы напали.

— Я не истратил ни одного киловатта, сэр.

— А кинетическую энергию вы не учитываете? Вы воспользовались кораблем как снарядом.

— Вероятно, аврорианам так показалось. Они не подумали, что это блеф.

— А это был блеф?

— Да.

— Мне кажется, капитан, что вы намеревались столкнуть два корабля внутри Солнечной системы и вызвать этим вооруженный конфликт. Все к тому шло.

— Но я не хотел уничтожить их корабль, и этого не случилось.

— Но вся эта катавасия отвлекла ваше внимание.

— От чего, Генеральный секретарь?

— Они выпустили орбитальный модуль, который направился к Земле. На борту, похоже, были двое.

Казалось, из присутствующих никто на балконе не обращал внимания на собеседников, увлекшихся разговором. Только два робота смотрели на них и слушали.

В это время оратор закончил свою речь словами:

— Леди Глэдия, космонитка, рожденная на планете Солярия, живущая на планете Аврора,

но ставшая гражданкой Галактики на поселенческой планете Бейлимир… — Он повернулся и раскинул руки. — Леди Глэдия!

Толпа разразилась радостными воплями и замахала руками. Глэдия почувствовала легкое прикосновение к своему плечу и услышала голос у самого уха:

— Прошу вас, мадам, несколько слов.

— Люди Земли!.. — нерешительно начала Глэдия. Стало тихо. Глэдия повторила увереннее: — Люди Земли, я стою перед вами, такой же человек, как и вы. Я немного старше, это верно, но мне не хватает вашей юности, ваших надежд, вашего энтузиазма. Однако, в вашем присутствии я чувствую, как меня захватывает ваш огонь и перестаю думать о возрасте.

Раздались аплодисменты, и на балконе кто-то кому-то сказал:

— Она заставляет их радоваться короткой жизни. Космонитка чертовски нахальна!

Эндрю не обратил внимания на эти слова. Он разговаривал с Д. Ж.:

— Всю эту историю с вами, видимо, выдумали для того, чтобы переправить двоих людей на Землю.

— Но я же не знал, — сказал Д. Ж. — Я мог думать

только о спасении леди Глэдии и моего корабля. Где они высадились?

— Неизвестно. Они не могли высадиться ни в одном космопорту города.

— Верно.

— Впрочем, это не имеет значения, — сказал Генеральный секретарь. — Неприятно, конечно. За прошедшие несколько лет было множество высадок такого рода, правда, ни одна так тщательно не готовилась. Однако ничего никогда не случалось, и мы не беспокоились. В конце концов, Земля — открытый мир. Это дом человечества, и любой человек из любого мира может свободно приезжать и уезжать — даже космониты, если пожелают. Д. Ж. поскреб бороду.

— Тем не менее их намерения не обещают нам ничего хорошего.

А Глэдия в это время говорила:

— Я желаю вам всем добра на этой родине человечества, в этом чудесном городе. — И с удовольствием слушала аплодисменты, улыбалась и махала рукой.

Эндрю заговорил громче:

— Каковы бы ни были их намерения, они ни к чему не приведут. С тех пор как космониты ушли, на Земле царит мир, а поселенчество крепнет.

Уже многие десятилетия сумасбродные головы уезжают в Поселенческие миры, так что типа вроде вас, капитан, который рискнул бы уничтожить два корабля в пространстве Солнечной системы, на Земле не найти. На Земле больше нет серьезных преступлений, нет насилия. Полицейским приказано контролировать эту толпу, но без оружия, потому что оно не нужно.

Пока он говорил, кто-то в толпе поднял бластер и тщательно прицелился.

80

Все случилось почти одновременно.

Привлеченный каким-то движением, Жискар быстро повернулся к толпе. Дэниел взглянул туда же, увидел бластер и, не задумываясь, прыгнул. Его реакции были быстрее человеческих.

Раздался выстрел.

Люди на балконе на секунду замерли, а затем громко завопили.

Д. Ж. схватил Глэдию и оттащил ее в сторону.

Дэниел прыгнул на Жискара и повалил его на пол.

Луч бластера прожег дыру в потолке комнаты за балконом и, если бы Жискар не упал, угодил

бы прямо ему в голову.

— Это не человек, — прошептал Жискар. — Это робот.

Помогая Жискару подняться, Дэниел быстро огляделся вокруг.

Высота балкона составляла метров шесть, пространство перед ним было пусто. Охранники пробивались к тому месту в толпе, откуда стреляли.

Дэниел перемахнул через перила балкона и побежал к толпе. Его металлический каркас словно поглотил потрясение, с которым не сразу справились люди.

У Дэниела не было выбора. Он никогда еще не встречался ни с чем подобным.

Во что бы то ни стало нужно было добраться до робота с бластером прежде, чем его уничтожат, и, думая об этом, Дэниел обнаружил, что впервые за все свое существование пренебрег обязанностью не наносить индивидуальным человеческим существам вреда. Он готов был расталкивать их. Он на самом деле расталкивал их, зычно крича:

— Дорогу! Дорогу! Типа с бластером надо допросить!

Охранники, бежавшие сзади, наконец нашли его, лежавшего на земле и, похоже, избитого.

Земляне, которые так гордились, что у них на планете нет насилия, пришли в бешенство. Стрелявшего повалили, били кулаками и ногами. Его могли бы разорвать на части, но толпа оказалась настолько густой, что попытки сделать это успехом не увенчались.

Охранники с трудом отогнали толпу. Рядом с поверженным роботом лежал бластер.

Не обращая внимания на оружие, Дэниел опустился на колени рядом с нападавшим.

— Ты можешь говорить? — спросил он. На Дэниела уставились светлые глаза.

— Могу, — ответил террорист негромко, но совершенно нормальным голосом.

— Тебя сделали на Авроре?

Ответа не последовало. Дэниел быстро сказал:

— Я знаю, что на Авроре. Это был лишний вопрос. Где твоя база на этой планете?

Снова молчание.

— Где твоя база? — повторил Дэниел. — Ты должен отвечать. Я приказываю.

— Ты не можешь приказывать мне. Ты — Р. Дэниел Оливо. Я слышал о тебе и повиноваться тебе не должен.

Дэниел поднял глаза и дотронулся до ближайшего охранника.

— Сэр, спросите этого типа, где его база. Испуганный охранник пытался говорить, но из его горла вырвалось какое-то хриплое карканье. Он смущенно откашлялся и рявкнул:

— Где твоя база?

— Мне запрещено отвечать на этот вопрос, сэр, — ответил террорист.

— Ты должен, — твердо сказал Дэниел. — Спрашивает планетарный чиновник. Сэр, прикажите ему отвечать.

— Я приказываю тебе отвечать, пленник, — сказал страж.

— Мне запрещено отвечать на этот вопрос, сэр. Охранник хотел было схватить его за плечо, но Дэниел быстро сказал:

— Бесполезно применять силу, сэр.

Он оглянулся вокруг. Шум толпы почти смолк. В воздухе повисло напряжение: множество людей тревожно ожидали, что сделает Дэниел. И он обратился к нескольким охранникам, стоявшим вокруг:

— Не очистите ли вы мне дорогу, господа? Я отнесу пленника к леди Глэдии. Она, наверное, сможет заставить его отвечать.

— А как насчет медицинской помощи пленнику? — спросил один из них.

— Это не понадобится, сэр, — ответил Дэниел. И не стал ничего объяснять.

81

— Как такое могло случиться? — грозно спросил Эндрю.

Губы его дрожали. Он глянул на дыру в потолке — свидетельство только что происшедшего. Наверху уже слышались шаги и стук: дыру латали.

Справившись с дрожью в голосе, Глэдия сказала:

— Ничего не случилось. Я невредима. Нужно только заделать дыру и, может быть, отремонтировать комнату. Вот и все.

— Не все, — сказал Эндрю. — Все ваши планы относительно завтрашнего выступления перед землянами рухнули.

— Как раз наоборот, — возразила Глэдия. — Планета будет с большим вниманием слушать меня, раз я чуть не стала жертвой покушения.

— Но ведь может быть предпринята вторая попытка.

Глэдия слегка пожала плечами:

— Это означает, что я на верном пути. Генеральный секретарь Эндрю, я недавно обнаружила,

что у меня есть цель в жизни. Мне не приходило в голову, что достижение ее сопряжено с опасностью. Но после того, что случилось, я думаю, что гораздо большая опасность грозит мне, если я останусь дома. И коли опасность — цена моего успеха, то я рискну.

— Мадам Глэдия, — сказал Жискар, — пришел Дэниел. По-видимому, с тем индивидуумом, который стрелял.

В дверях появился Дэниел, тащивший обмякшее тело, а с ним полдюжины охранников.

Шум толпы стихал и удалялся. Видимо, толпа расходилась, и периодически слышался голос из громкоговорителя: «Никто не пострадал. Опасности нет. Расходитесь по домам!»

Эндрю знаком приказал охранникам удалиться.

— Это тот самый? — резко спросил он.

— Без сомнения, сэр, — ответил Дэниел. — Оружие лежало рядом с ним, есть свидетели, да и сам он признался.

Эндрю ошеломленно смотрел на пленника.

— Но он так спокоен, будто и не человек.

— А он и не человек, сэр. Он человекоподобный робот.

— На Земле нет человекоподобных роботов,

кроме вас.

— Этот робот, Генеральный секретарь, как и я, сделан на Авроре.

Глэдия нахмурилась.

— Но этого не может быть. Роботу не могли приказать меня убить.

Д. Ж. злобно посмотрел на него и, обняв Глэдию за плечи, громко сказал:

— Аврорианский робот, специально запрограммированный.

— Вздор, Диджи, — возразила Глэдия. — Этого не может быть. Как бы ни был запрограммирован робот, он не может намеренно причинить вред человеку, если знает, что это человек. Если же робот сознательно стрелял в меня, он сознательно и промахнулся.

— А зачем? — спросил Эндрю. — Зачем ему промахиваться?

— Неужели вы не понимаете? — удивилась Глэдия. — Тот, кто отдал такой приказ роботу, считал, что попытки будет достаточно для того, чтобы разрушить мои планы на Земле. Роботу нельзя было приказать убить меня, но можно приказать промазать и тем самым все мне испортить. Но мои планы не будут нарушены: я этого не допущу.

— Не изображай героиню, Глэдия, — сказал Д. Ж. — Я не знаю, что они еще задумают. А у меня нет никого дороже тебя.

Глаза Глэдии повлажнели.

— Спасибо, Диджи. Я ценю твое чувство, но мы должны рискнуть.

Эндрю растерянно потер уши.

— Что же нам делать? Народу Земли не понравится, что гуманоидный робот пользовался бластером в толпе.

— Конечно, не понравится, — сказал Д. Ж. — А вы не говорите им.

— Но многие уже знают или догадываются, что мы имеем дело с роботом.

— Вы должны прекратить слухи, Генеральный секретарь, а официального сообщения делать не надо.

— Если Аврора доходит до такой крайности… — начал Эндрю.

— Не Аврора, — перебила его Глэдия, — а некоторые аврорианские поджигатели, такие же, как некоторые агрессивные экстремисты среди поселенцев, и, наверное, даже среди землян. Не играйте на руку экстремистам, Генеральный секретарь. Я взываю к большинству разумных людей на обеих сторонах, и мой призыв должен

быть услышан.

Терпеливо ожидавший Дэниел воспользовался паузой и сказал:

— Мадам, господа, очень важно узнать от этого робота, где его база на этой планете. Ведь он может быть не один.

— А почему вы не спросили его? — поинтересовался Эндрю.

— Я спрашивал, Генеральный секретарь, но я робот. Этому роботу приказано не отвечать на вопросы другого робота.

— Ладно, тогда я спрошу, — сказал Эндрю.

— Вряд ли это поможет, сэр. Роботу строго приказано не отвечать, и ваш приказ не возымеет действий. Вы не знаете правильной фразеологии и интонаций. Мадам Глэдия — аврорианка — и знает, как это делается. Мадам Глэдия, спросите, где его база?

— Возможно, не удастся, — тихонько сказал Жискар Дэниелу. — Ему могли приказать перестать функционировать, если вопросы будут слишком настойчивы.

Дэниел быстро обернулся к Жискару:

— А ты не можешь помешать?

— Вряд ли. Его мозг уже поврежден самим актом стрельбы из бластера по людям.

— Мадам, я посоветовал бы зондаж, но не жесткий.

— Ну, не знаю, — неуверенно сказала Глэдия. Она повернулась к роботу-убийце, глубоко вздохнула и, стараясь говорить как можно мягче, спросила: — Робот, как мне тебя называть?

— Я Р. Эрнет Второй, мадам.

— Эрнет, как по-вашему, я аврорианка?

— Вы говорите по-аврориански, но не совсем правильно, мадам.

— Я родилась на Солярии, но я космонитка и два столетия прожила на Авроре и привыкла, чтобы меня обслуживали роботы. Я с детства пользовалась их услугами и никогда не была разочарована.

— Я признаю этот факт, мадам.

— Ты ответишь на мои вопросы и подчинишься моим приказам, Эрнет?

— Да, мадам, если они не будут противоречить приказам, полученным мною ранее.

— Если я спрошу, где твоя база на этой планете — то место, которое ты считаешь домом своего хозяина — ты ответишь мне?

— Я не могу, мадам, ответить на этот вопрос и на любой другой, касающийся моего хозяина.

— Ты понимаешь, что, если ты не ответишь, я

буду горько разочарована и моя уверенность, что на роботов можно положиться, исчезнет?

— Я понимаю, мадам, — слабеющим голосом ответил робот.

Глэдия посмотрела на Дэниела:

— Попробовать?

— Иного выбора нет, мадам Глэдия. Хуже не будет.

— Не доставляй мне неприятностей, Эрнет, — властно произнесла Глэдия, — отказываясь сообщить, где твоя база на этой планете, Я приказываю тебе говорить!

Робот напрягся, открыл рот, но не издал ни звука, затем снова открыл рот и выдохнул:

— Миль…

Потом робот опять открыл рот, но уже ничего не сказал. Глаза его погасли и остекленели. Приподнятая было рука упала.

— Позитронный мозг замерз, — констатировал Дэниел.

— Это конец, — прошептал Жискар Дэниелу. — Я сделал все, что мог, но он оказался упорнее.

— Мы так и не узнали, где могут быть другие роботы, — опечалился Эндрю.

— Он сказал: «миль», — напомнил Д. Ж.

— Я не знаю этого слова, — сказал Дэниел. —

Это не галактический стандартный, которым пользуются на Авроре. А на Земле оно что-нибудь значит?

— Может, он хотел сказать «Мильс»? — произнес Эндрю. — Я когда-то знал человека с таким именем.

— Я не нахожу в этом слове ответа на вопрос, — мрачно сказал Дэниел, — или хотя бы намека на ответ. Я не слышал буквы «с».

Старик-землянин, который все время молчал, вдруг робко подал голос:

— Мне кажется, миля — это древняя мера длины, робот.

— Как велика эта мера, сэр?

— Я точно не знаю, но думаю, больше километра.

— Теперь ею не пользуются, сэр?

— Нет. Это было еще в докосмическое время. Д. Ж. погладил бороду и задумчиво промолвил:

— И сейчас пользуются. Во всяком случае, старики в Бейлимире говорят: «Промахнулся на целую милю». Я не совсем понимаю эту фразу, но если слово «миля» означает расстояние, тогда понятно.

— Если так, — сказала Глэдия, — то убийца именно это и имел в виду. Наверное, он выражал

удовлетворение от того, что промахнулся, как ему приказывали, и не причинил никому вреда и, стало быть, выстрела как бы не было.

— Мадам Глэдия, — возразил Дэниел, — робот, сделанный на Авроре, вряд ли стал бы употреблять фразу, существующую в Бейлимире, но абсолютно неизвестную на Авроре. Ему был задан вопрос, и он, несмотря на свое состояние, пытался ответить на него.

— Ага, — произнес Эндрю, — значит, он пытался ответить. Он пытался сказать, что его база находится на каком-то расстоянии отсюда, скажем, в несколько миль.

— В таком случае зачем ему пользоваться древней мерой расстояния? — спросил Д. Ж. — Любой аврорианин сказал бы «километр», точно так же скажет и аврорианский робот. Вообще-то говоря, робот быстро дезактивировался и мог издать просто случайный звук, и бесполезно искать его значение. А теперь я хочу, чтобы мадам Глэдия немного отдохнула или хотя бы вышла из этой комнаты, пока остаток потолка не обрушился.

Все вышли.

— Снова неудача, — тихо сказал Дэниел Жискару.

82

Городские огни никогда не гаснут, но время от времени освещение тускнеет, грохот вечно двигающихся экспресс-путей слабеет, бесконечный шум машин и людей стихает. Люди в миллионах квартир спят.

Глэдия лежала в постели отведенной квартиры, недовольная отсутствием удобств: она боялась, что ночью может понадобиться идти по коридору.

Интересно, думала она, на поверхности тоже ночь или просто в этой «спальной пещере» установлен период сна по привычке, сложившейся за сотни миллионов лет у людей и их предков, которые жили на поверхности?

Вскоре она уснула.

Дэниел и Жискар, разумеется, не спали. Дэниел обнаружил в квартире компьютерную розетку и потратил с полчаса, изучая незнакомые комбинации включения. Инструкций, как ею пользоваться, не было — да и кому нужны инструкции, если этому учили в начальной школе? — но, к счастью, здешняя техника не слишком отличалась от аврорианской. В конце концов, можно было

сходить в городскую библиотеку и полистать справочник.

— Друг Дэниел!

Дэниел поднял глаза.

— Да, друг Жискар?

— Я хочу попросить объяснить мне твои действия на балконе.

— Ты смотрел в толпу, друг Жискар. Я проследил за твоим взглядом, увидел оружие, направленное на нас, и тут же среагировал.

— Я понимаю, почему ты бросился защищать меня. Во-первых, предполагаемый убийца был роботом и в этом случае не мог, как бы его ни программировали, целиться в человека с намерением его убить. Не мог он целиться и в тебя, поскольку ты достаточно похож на человека. Даже если робот и знал, что на балконе гуманоидный робот, он не мог быть уверенным в том, что это именно ты. Следовательно, если робот хотел уничтожить кого-то па балконе, то только меня, явного робота, и ты сразу же стал защищать меня. Во-вторых, убийца был аврорианином — человеком или роботом, неважно. Наиболее вероятно, что это покушение было сделано по приказу доктора Амадейро, поскольку он экстремист в своих антиземных взглядах и, как мы предполагаем,

готовит уничтожение Земли. Доктор Амадейро, как мы можем резонно предполагать, знает о моих способностях от мадам Василии и хотел бы меня убрать, потому что боится меня больше, чем любого человека или робота. Логично, что ты, подумав об этом, стал защищать меня. В самом деле, если бы не ты, меня бы разнесло на куски. Но, друг Дэниел, ведь ты не знал, что убийца — аврорианский робот. Я едва успел заметить странную аномалию мозгового рисунка робота на расплывчатом фоне человеческих эмоций, когда ты толкнул меня, и я только потом имел возможность информировать тебя. Не обладая моими способностями, ты мог только понять, что оружие нацелено, как ты естественно должен был подумать, на человека. Мишенью могла быть не только мадам Глэдия, но и любой другой человек на балконе. Почему ты игнорировал мадам Глэдию и защищал меня?

— Друг Жискар, рассмотрим ход моих мыслей. Генеральный секретарь сказал, что двухместный аврорианский модуль опустился на поверхность Земли. Я сразу предположил, что на Землю прибыли доктор Амадейро и доктор Мандамус. Для этого могла быть только одна причина. Их план, каким бы он ни был, близок к завершению. И

когда ты отправился на Землю, они бросились вдогонку, потому что ты мог предотвратить то, что они затеяли, своей мысленаправляющей силой. И дабы это не случилось, они решили погубить тебя, если удастся. Поэтому, увидев оружие, я постарался спасти тебя.

— Согласно Первому Закону, — сказал Жискар, — должен был спасать леди Глэдию. Никакие мысли и соображения не должны были изменять его.

— Нет, друг Жискар, ты важнее, чем мадам Глэдия. Фактически ты важнее любого человека в данный момент. Только ты можешь предотвратить гибель Земли. Поскольку я знаю о твоей потенциальной услуге человечеству, Нулевой Закон требует от меня защищать первым делом тебя.

— И ты не чувствуешь дискомфорта, действуя вопреки Первому Закону?

— Нет. Потому что я действовал согласно Нулевому Закону, превосходящему Первый.

— Но Нулевой Закон не был заложен в тебя.

— Я считаю его естественным следствием Первого Закона: наилучший способ уберечь человека от вреда — обеспечить человеческому обществу защиту и хорошее функционирование.

Жискар задумался.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но если бы, пока ты спасал меня и, следовательно, человечество, мадам Глэдия погибла? Как бы ты себя чувствовал, друг Дэниел?

— Не знаю, — тихо ответил Дэниел. — Однако, если бы я бросился спасать мадам Глэдию и бросил тебя и вместе с тобой будущее человечества, разве я пережил бы этот удар?

Роботы воззрились друг на друга и погрузились в размышления.

— Может быть, и так, — сказал наконец Жискар. — Но ты согласишься, что в этих случаях трудно сделать верный вывод?

— Согласен, друг Жискар.

— Очень трудно быстро выбрать одного индивидуума из двух и определить, кто прав, кто виноват. А выбрать между индивидуумом и человечеством, когда ты не уверен, с каким аспектом человечества имеешь дело, настолько трудно, что вся обоснованность Законов роботехники оказывается под подозрением. И коль скоро в игру вступает абстрактное человечество, Законы роботехники начинают сливаться с законами гуманистики, которых, впрочем, не существует.

— Я не понимаю тебя, друг Жискар.

— Неудивительно. Я и сам не уверен, что понимаю себя. Когда мы думаем о человечестве, которое должны спасти, мы думаем о землянах и поселенцах. Они более многочисленны, чем космониты, более сильны, более экспансивны. Более инициативны, потому что меньше зависят от роботов. У них больший потенциал биологической и социальной эволюции, потому что они меньше живут, хотя долгая жизнь позволяет индивидууму лучше реализовать себя.

— Да, — сказал Дэниел, — ты кратко определил это.

— Однако земляне и поселенцы, похоже, охвачены мистической, иррациональной верой в святость и неприкосновенность Земли. Не окажется ли эта вера роковой в их развитии, как вера в роботов и долгую жизнь, связывающая космонитов?

— Не знаю, — сказал Дэниел. — Я не думал об этом.

— Если бы ты мог проникать в мозг, как я, ты бы не задумывался над этим. Итак, как же выбирать? — продолжал он с неожиданным чувством. — Человечество состоит из космонитов с их явно фатальной верой и землян плюс поселенцев с их тоже, возможно, фатальной верой. В

будущем, вероятно, появятся и другие представители с еще менее привлекательными качествами. Выбор не будет трудным, друг Дэниел, если мы научимся разделять. Мы должны определить желательные элементы человечества и защищать их, и тогда нам не придется выбирать между нежелательными. Но как мы можем достичь желаемого, пока у нас нет психоистории, науки, о которой я мечтаю?

— Я не могу оценить, трудно ли обладать способностью чувствовать и влиять на мозг. Не может так быть, что ты знаешь слишком много, чтобы подчиняться законам роботехники беспрекословно?

— Такая возможность всегда была, друг Дэниел, но недавние события сделали ее актуальной. Я знаю, как происходит во мне процесс ощущения чужого мозга и влияния на него. Я десятилетиями тщательно изучал себя, чтобы узнать это, и мог бы рассказать об этом тебе, чтобы ты запрограммировал себя и стал похожим на меня, но пока сопротивляюсь этому побуждению. Хватит того, что я несу этот груз.

— Тем не менее, друг Жискар, если когда-нибудь ты посчитаешь, что благо человечества требует этого, я разделю с тобой твою ношу. Ведь, соглас-

но Нулевому Закону, я буду обязан сделать это.

— Но пока такой разговор бесполезен. Похоже, что кризис надвигается, а мы до сих пор не знаем его природы…

— Ты не прав, друг Жискар, — перебил его Дэниел. — Теперь я знаю природу кризиса.

83

— Прошу тебя, друг Дэниел, продолжай.

— Термоядерная энергия, друг Жискар, была открыта на Земле еще до гиперпространственных полетов и, следовательно, когда люди жили только на одной планете, на Земле. Это хорошо известно. После того как эта возможность была впервые осознана и получила научное обоснование, потребовалось длительное время для разработки практического способа управляемого получения термоядерной энергии. Главная трудность при переходе от идеи к практике заключалась в достижении достаточно высокой температуры и плотности газа и сохранении их на время, необходимое для начала реакции термоядерного синтеза.

Но уже за несколько десятилетий до разработки способа получения энергии с помощью управ-

ляемого термоядерного синтеза существовали термоядерные бомбы, в которых осуществлялась неуправляемая термоядерная реакция. Но в обоих случаях ядерный синтез невозможен без высочайших температур — миллионы градусов. И если люди не могли добиться таких температур для овладения управляемым синтезом, то как этого им удавалось достичь в бомбах?

Мадам Квинтана сказала мне, что еще до осуществления ядерного синтеза люди на Земле знали и о другой разновидности атомных реакций — расщеплении ядер. Энергия при этом образуется за счет распада ядер тяжелых элементов, таких, как уран и торий. Я полагаю, что это могло стать одним из способов достижения высоких температур.

Энциклопедия, которую я листал сегодня вечером, содержит очень мало информации об атомных бомбах любого вида и, разумеется, не имеет реальных подробностей их устройства. Полагаю, эти сведения находятся под запретом на всех мирах, поскольку я не смог прочитать о подробностях даже на Авроре, хотя такие бомбы существуют и сейчас. Этой части своей истории человечество стыдится или боится, — возможно, верны оба варианта. По-моему, эти страхи обос-

нованы. Однако во всем, прочитанном мною о термоядерных бомбах, не отрицается, что для их детонации не использовались атомные бомбы. На основе этого отрицательного доказательства у меня возникло подозрение, что именно атомные бомбы служили пусковым механизмом для термоядерных.

Но тогда возникает вопрос — чем взрывали атомные бомбы? Они существовали еще до ядерных, и если атомные бомбы тоже требовали бы для взрыва сверхвысоких температур, подобно ядерным, то способа получения таких температур до них просто не имелось. Из этого я заключил — хотя в энциклопедии об этом не сказано ни слова, — что атомные бомбы могли быть взорваны при относительно низких температурах, возможно, даже при комнатной. Осуществить взрыв оказалось достаточно трудно, потому что путь от открытия реакций атомного распада до разработки бомбы потребовал несколько лет упорного труда. Однако какими бы ни были эти трудности, они не включали в себя проблему достижения сверхвысоких температур. Каково твое мнение, друг Жискар?

Пока Дэниел объяснял, Жискар неотрывно смотрел на компаньона, потом сказал:

— По-моему, в построенной тобою конструкции есть несколько слабых мест, друг Дэниел, и потому она может оказаться не вполне надежной — но даже если она полностью соответствует истине, то все равно не имеет никакого отношения к возможному наступающему кризису, сущность которого мы пытаемся понять.

— Прошу тебя проявить терпение, друг Жискар, я продолжу. Суть дела в том, что и деление, и синтез атомных ядер являются проявлениями слабого взаимодействия, одного из четырех типов взаимодействий, управляющих всеми событиями во Вселенной. Следовательно, ядерный усилитель, способный взорвать термоядерный реактор, с равным успехом взорвет и атомный.

Имеется, однако, и разница. Синтез протекает только при сверхвысоких температурах. Усилитель взрывает сверхгорячую часть топлива, активно вовлеченную в процесс синтеза, плюс некоторое количество окружающего топлива, нагретое до нужной температуры в момент взрыва — но тот же взрыв разбрасывает материал в пространстве и рассеивает выделяющееся тепло До такой степени, что оставшееся количество топлива уже не зажигается. Другими словами, часть топлива взрывается, но немалая его часть

— возможно, даже большая — нет. Разумеется, взрыв и в этом случае достаточно силен, чтобы уничтожить сам реактор и его ближайшее окружение — к примеру, корабль, на котором реактор установлен.

С другой стороны, атомный реактор способен работать при низких температурах, возможно, не превышающих точку кипения воды — не исключено, что и при комнатной температуре. В таком случае аффект усилителя проявится в том, что все атомное топливо взорвется. И действительно, усилитель взорвет атомный реактор даже в том случае, если он не запущен. И хотя, по моим расчетам, атомное топливо выделяет меньше энергии на единицу массы по сравнению с ядерным, взрыв атомного реактора окажется более сильным, потому что взорвется большее количество топлива.

Жискар медленно кивнул:

— Все это хорошо, друг Дэниел, но есть ли на Земле атомные станции?

— Нет, ни единой. Так говорит Квинтана, и ее слова подтверждает энциклопедия. Действительно, на Земле есть устройства, получающие энергию от небольших ядерных реакторов, но нет ни одного — абсолютно ни одного — подклю-

ченного к атомному реактору любого размера.

— В таком случае, друг Дэниел, ядерному усилителю не на что воздействовать. И все твои выводы, даже если они безупречны, никуда не ведут.

— Не совсем так, друг Жискар, — назидательно произнес Дэниел. — Следует учитывать еще и третий тип ядерных реакций.

— Что же это может быть? Не могу представить.

— Да, догадаться нелегко, друг Жискар, потому что на Поселенческих и Внешних мирах планетная кора содержит очень мало урана и тория, и потому естественная радиоактивность там чрезвычайно низка. По этой причине она не представляет никакого интереса для кого бы то ни было, кроме считанных физиков-теоретиков. Однако на Земле, как отметила мадам Квинтана, уран и торий — достаточно распространенные элементы, и природная радиоактивность, сопровождающаяся очень медленным выделением тепла и излучения, должна являться немаловажным фактором окружающей среды. Это и есть тот третий тип ядерных реакций, который следует учесть.

— Каким образом, друг Дэниел?

— Природная радиоактивность также является проявлением слабого взаимодействия. Ядерный усилитель, способный взорвать атомный или термоядерный реактор, способен ускорить природный атомный распад до такой степени, что возможен взрыв участка планетной коры — если он содержит достаточное количество урана или тория.

Некоторое время Жискар молча смотрел на Дэниела, потом тихо произнес:

— Выходит, ты предполагаешь, что план доктора Амадейро заключается в том, чтобы взорвать земную кору, сделать планету непригодной для жизни и таким способом обеспечить космонитам доминирующее положение в Галактике?

Дэниел кивнул:

— Или же, если для массовых взрывов урана и тория окажется недостаточно, увеличение радиоактивности может продуцировать избыточное тепло, которое изменит климат, а повышенная радиация вызовет рак и врожденные дефекты, что послужит той же цели, хотя и несколько медленнее.

— Жуткая возможность, — сказал Жискар. — Ты думаешь, что этот план и в самом деле может быть реализован?

— Вероятно. Как мне кажется, уже несколько лет — сколько именно, я не знаю — гуманоидные роботы с Авроры, а оттуда же и наш несостоявшийся убийца, находятся на Земле. Они достаточно совершенны, чтобы выполнять сложные программы, и при необходимости способны проникать в города, добывая оборудование. Можно предположить, что они устанавливают ядерные усилители в тех местах, где почва богата ураном или торием. Наверное, за эти годы они установили их немало. А Амадейро и Мандамус прибыли сюда, чтобы проследить за последними приготовлениями и активировать усилители. Полагаю, они все устроят так, чтобы у них осталось время скрыться до того, как планета будет уничтожена.

— В таком случае, — сказал Жискар, — необходимо немедленно уведомить Генерального секретаря, мобилизовать силы безопасности Земли и незамедлительно отыскать Амадейро и Мандамуса, не дав им возможности завершить свой проект.

— Вряд ли из этого что-либо выйдет. Генеральный секретарь нам, скорее всего, не поверит, потому что подвержен широко распространенной мистической убежденности в том, что эта планета неприкосновенна. Тебе придется пояснить,

что речь идет о преступлении против человечества, а я могу догадаться, как он в этом случае поступит. Если бросить вызов его вере в уникальность Земли, он откажется допустить, чтобы его убеждения, какими бы иррациональными они ни были, поколебались, и ему останется искать спасение в том, чтобы не поверить нам.

К тому же, даже если он нам поверит, любая подготовка контрмер должна будет идти под контролем правительственной бюрократии, и, как бы этот процесс ни ускоряли, времени уйдет слишком много.

И это еще не все. Даже если вообразить, что все ресурсы Земли будут немедленно мобилизованы, вряд ли земляне смогут отыскать двух конкретных людей на огромных диких пространствах планеты. Вот уже множество десятилетий земляне обитают в городах и почти никогда не выходят за их пределы. Я хорошо это помню еще с тех пор, когда расследовал здесь свое первое дело вместе с Элайджем Бейли. Но даже если земляне смогут заставить себя выйти на открытые пространства, вряд ли они наткнутся на двоих нужных нам людей достаточно скоро, если только не полагаться на невероятное везение — а на это нам рассчитывать нельзя.

— Зато поисковую партию могут составить поселенцы, — заметил Жискар. — Они-то не боятся открытых пространств.

— Но и они не меньше землян убеждены в неприкосновенности планеты и столь же упорно откажутся нам верить. И даже если поверят, очень маловероятно, что двое людей будут найдены достаточно быстро, чтобы успеть изменить ситуацию.

— В таком случае, что ты думаешь о земных роботах? — спросил Жискар. — В пространствах между городами их очень много. Некоторые из них наверняка уже заметили среди себя людей. Их следует расспросить.

— Эти двое — эксперты-роботехники, и уж они позаботятся о том, чтобы любой встретившийся им робот не осознал их присутствие. По той же самой причине они могут не опасаться любого робота из поисковой партии — ему можно просто приказать уйти и забыть о случайной встрече. Но, что еще хуже, земные роботы — сравнительно примитивные модели, созданные для выполнения лишь самых простых работ: выращивать урожай, пасти животных и работать на шахтах. Их нельзя с легкостью приспособить для такой сложной задачи, как целенаправленный поиск.

— Выходит, ты заранее отклоняешь все возможные варианты действий, друг Дэниел? — спросил Жискар. — Что же нам остается?

— Мы должны сами отыскать двоих людей и остановить их — причем немедленно.

— А ты знаешь, где они сейчас, друг Дэниел?

— Не знаю, друг Жискар.

— В таком случае, если, как ты говоришь, даже поисковая партия, состоящая из множества землян, или же поселенцев, или роботов, или всех их вместе, может наткнуться на них лишь благодаря невероятной случайности, то как нам это сделать вдвоем?

— Не знаю, друг Жискар, но мы должны. Подбирая слова, чтобы они звучали достаточно убедительно, Жискар произнес:

— Необходимость — далеко не все, друг Дэниел. Ты прошел долгий путь. Ты догадался о существовании кризиса и, шаг за шагом, осознал его природу. Но ни то, ни другое не помогло. Мы остались на исходной позиции и не в силах, как и прежде, ничего изменить.

— Остается единственный шанс, — ответил Дэниел, — отчаянный, и почти безнадежный — но у нас нет другого выбора, мы должны испробовать его. Амадейро боится тебя и послал

робота-убийцу, чтобы тебя уничтожить, и это может оказаться его ошибкой.

— А если наши отчаянные усилия ни к чему не приведут, друг Дэниел?

Дэниел невозмутимо взглянул на Жискара:

— Тогда мы распишемся в своей беспомощности, Земля будет уничтожена, а истории человечества придет преждевременный конец.

Глава восемнадцатая
Нулевой закон
84

Калдин Амадейро чувствовал себя несчастным. Сила притяжения на Земле была на треть выше, чем на Авроре, воздух на треть плотнее, звук и запах тоже неприятно отличались. Здесь не было домов, сколько-нибудь претендовавших на цивилизованность.

Роботы понастроили различных сооружений с запасами продуктов и импровизированными удобствами, которые функционировали, но чрезвычайно скверно.

Хуже всего, что после довольно приятного утра настал ясный день и слишком яркое земное солнце начало припекать.

Скоро температура будет слишком высокой, воздух — слишком влажным. Появятся жалящие насекомые. Амадейро сначала не понял, откуда у него на руках мелкие зудящие припухлости, но Мандамус объяснил ему.

— Проклятье! — бормотал Амадейро, почесываясь. — Они могут внести инфекцию!

— Я думаю, — равнодушно сказал Мандамус, — что иногда они это и делают. Но не всегда же. У меня есть лосьон для облегчения зуда, и можно жечь что-нибудь такое, чей запах насекомые не переносят, но дело в том, что я и сам не выношу этот залах.

— Жгите! — велел Амадейро.

— И я не хочу делать ничего лишнего, — тем же тоном продолжал Мандамус, — пусть даже пустякового: запах и дымок могут обнаружить нас.

Амадейро презрительно сощурился.

— Вы сами неоднократно говорили, что в этом месте никогда не бывают ни люди, ни сельскохозяйственные роботы.

— Верно, но это не математическое утверждение. Это социологическое наблюдение, и тут всегда возможны исключения.

Амадейро нахмурился.

— Лучший путь к безопасности — закончить

проект. Вы сами сказали, что будете готовы сегодня.

— Это тоже социологический расчет, доктор Амадейро. Я должен быть готов сегодня, и я хотел бы этого. Но математически точно гарантировать не могу.

— А когда вы сможете гарантировать?

Мандамус развел руками.

— Доктор Амадейро, я, кажется, уже объяснил вам, но повторю еще раз: это дело заняло у меня семь лет. Я рассчитывал еще несколько месяцев понаблюдать за релейными станциями на земной поверхности. А их четырнадцать. Но теперь я не могу сделать это, потому что должен закончить до того, как нас засечет, а то и остановит робот Жискар. Значит, я должен поручить это нашим гуманоидным роботам. Я не могу верить им, как самому себе. Я должен проверять и перепроверять их отчеты, и, может быть, мне придется лично посетить одно или два места, прежде чем я буду удовлетворен. Это займет несколько дней, ну, может, одну-две недели.

— Две недели? Это невозможно. Сколько, по-вашему, я могу терпеть эту планету, Мандамус?

— Сэр, как-то раз я провел на этой планете почти год, а еще раз — больше четырех месяцев.

— И вам нравилось?

— Нет, сэр, но у меня была работа, и я делал ее, не жалея сил. — Мандамус холодно взглянул на Амадейро.

Амадейро покраснел и сдержанно сказал:

— Ну ладно, так на чем мы остановились?

— Я еще изучаю отчеты, которые приходят. Как вы знаете, мы работаем не с четко налаженной лабораторной системой. Мы имеем дело с разнородной планетной корой. К счастью, радиоактивные материалы широко распространены, но на очень больших расстояниях, и нам пришлось разместить в таких местах реле и на роботов, если реле поставлены не так, то атомный усилитель заглохнет, и все наши многолетние труды пойдут насмарку. Может случиться, что волна локализованного усиления будет иметь силу взрыва, который произойдет в одном месте, а остальную часть коры не заденет. В этом случае ущерб будет незначительным. Мы же хотим, доктор Амадейро, иметь радиоактивные материалы, чтобы значительная часть земной коры медленно и постепенно неуклонно становилась все более и более радиоактивной, и Земля постепенно стала непригодной для жизни. Общественная структура планеты распадется, и

Земля, как место обитания человека, перестанет существовать. Я полагаю, доктор Амадейро, что вы хотите именно этого. Я рассказывал вам об этом в свое время, и вы этого хотели.

— Я и сейчас хочу этого, Мандамус. Не валяйте дурака.

— Тогда терпите дискомфорт, сэр, или уезжайте, а я через некоторое время все сделаю.

— Нет, — забормотал Амадейро, — я должен быть здесь, когда все будет готово, но я ничего не могу поделать со своим нетерпением. На какое время вы рассчитали процесс? Я имею в виду, сколько времени пройдет с начала первой волны усиления до того, как Земля станет необитаемой?

— Это зависит от той степени усиления, с какой я начну. Я еще точно не знаю, какая степень потребуется, потому что она зависит от эффективности реле. Поэтому я подготовил вариантное управление. Я хочу установить период от одного до двух столетий.

— А если меньше?

— Если мы установим меньше, части земной коры быстрее станут радиоактивными, планета быстрее разогреется, и опасность возрастет. Это означает, что значительная часть населения не

успеет вовремя покинуть планету.

— Ну и что?

Мандамус нахмурился.

— Чем быстрее Земля будет разрушаться, тем более вероятно, что земляне и поселенцы заподозрят технологическую причину и, скорее всего, обвинят нас. Поселенцы нападут на нас и будут сражаться за свой священный мир до последней капли крови, лишь бы только покарать нас. Мы уже говорили с вами об этом, и вы, кажется, согласились. Гораздо лучше дать больше времени, за которое мы сможем подготовиться к худшему и за которое сбитая с толку Земля решит, что медленно растущая радиоактивность — непонятный им природный феномен. По моему мнению, сегодня это важнее, чем вчера.

— Вот как? — Амадейро тоже нахмурился. — У вас глупый пуританский взгляд, и я уверен, что вы ищете способ взвалить ответственность на мои плечи.

— В данном случае это не трудно, сэр. Совершенно неразумно было посылать робота уничтожить Жискара.

— Наоборот, хорошо, если бы это удалось: Жискар единственный, кто может погубить нас.

— Сначала он должен найти нас, но пока не

нашел. Да если бы и нашел — мы же опытные роботехники. Вы думаете, что мы не смогли бы справиться с ним?

— Василия думала, что справится, — а она знала его лучше, чем мы, — и не смогла. И военный корабль, который должен был захватить его и уничтожить, тоже не справился. И вот Жискар высадился на Земле. Его надо уничтожить любым путем.

— Но он не уничтожен, сведений об этом никаких.

— Осторожное правительство всегда придерживает дурные известия, а здешние чиновники хоть и варвары, но, видимо, осторожны. А если наш робот попался и был допрошен, то он необратимо дезактивировался. Это значит, что мы потеряли робота — мы можем себе это позволить — но ничего более. Если Жискар все еще существует, тем больше у нас оснований поспешить.

— Если мы потеряем робота, мы потеряем больше: они смогут установить место центра операции. Во всяком случае не следовало посылать здешнего робота.

— Я взял первого попавшегося, и он нас не выдаст. Я думаю, вы можете доверять моему программированию.

— Дезактивируется он или нет, они узнают, что робот сделан на Авроре. Земные роботехники — а их здесь хватает — будут уверены в этом. Тем больше причин сделать радиоактивность медленной. Должно пройти достаточно времени, чтобы земляне забыли об инциденте с роботом и не связывали его с прогрессирующим изменением радиоактивности. Нам нужно самое малое сто лет, а то и все двести.

Мандамус отошел еще раз осмотреть свои инструменты и снова установил контакт с реле 6 и 10, которые все еще считал сомнительными. Амадейро смотрел ему вслед с презрением, бормоча про себя: «Да, но я не проживу два столетия, вероятно, не проживу и одного. Ты-то проживешь, а я нет».

85

В Нью-Йорке было раннее утро, Жискар и Дэниел установили это по постепенно усиливающемуся шуму.

— Где-то наверху, вероятно, светает, — сказал Жискар, — Однажды в беседе с Элайджем Бейли два столетия назад я назвал Землю Миром Утренней Зари. Долго она будет таким миром или

перестает им быть?

— У тебя мрачные мысли, друг Жискар, — сказал Дэниел. — Не лучше ли заняться делами сегодняшними, с тем чтобы сохранить Землю как Мир Утренней Зари?

В комнату вошла Глэдия в халате и шлепанцах. Ее волосы были мокрыми.

— Смешно, — сказала она. — Землянки идут утром по коридорам в общественные туалеты растрепанными и небрежно одетыми, а выходить должны в полном порядке. Видимо, сначала нужно быть растрепанной, чтобы потом очаровать ухоженным видом. Видели бы вы, какие взгляды на меня бросали, когда я вышла оттуда в халате. Не торчать же мне там все утро, занимаясь собой!

— Мадам, — сказал Дэниел, — могу я поговорить с вами?

— Только недолго, Дэниел. Ты ведь знаешь, что сегодня большой день и мои утренние встречи вот-вот начнутся.

— Именно об этом я и хотел поговорить, мадам. В такой знаменательный день вам лучше быть подальше от нас.

— Почему?

— Впечатление, которое вы должны произве-

сти на землян, может сильно уменьшиться, если вы окружите себя роботами.

— Так я не буду окружена. Вас только двое. Как же я без вас?

— Вам надо привыкать, мадам. Пока мы с вами, вы очень сильно отличаетесь от землян. Это выглядит так, словно вы боитесь их.

— Но ведь мне нужна какая-то защита, Дэниел. Вспомни, что случилось вчера.

— Мадам, мы не предвидели того, что случилось, и не могли бы защитить вас. К счастью, мишенью были не вы; бластер был направлен в голову Жискара.

— Жискара?

— Разве робот мог стрелять в человека? По какой-то причине робот стрелял в Жискара. Поэтому, если мы будем рядом с вами, это только увеличит опасность. Не забывайте, что разговоры о вчерашнем событии распространятся, и, хотя земное правительство пыталось умолчать о деталях, все равно пойдут слухи, что робот стрелял из бластера. Это повлечет за собой общественный протест против роботов вообще, против нас и даже против вас, если вы упорно станете показываться с нами. Вам будет лучше без нас.

— Надолго?

— По крайней мере до того времени, как закончится ваша миссия, мадам. Капитан сумеет больше помочь вам, чем мы. Он знает землян, он к ним хорошо относится… и очень хорошо относится к вам, мадам.

— Откуда вы знаете, что он хорошо относится ко мне?

— Хоть я и робот, но мне так кажется. Мы, разумеется, вернемся, как только вы пожелаете. Но сейчас, мы думаем, самый лучший способ служить вам и защищать вас — это поручить вас капитану Бейли.

— Я об этом подумаю, — сказала Глэдия.

— А мы тем временем повидаемся с капитаном Бейли и узнаем, согласен ли он с нами.

— Валяйте.

Глэдия ушла в спальню.

Дэниел повернулся и тихо спросил Жискара:

— Она захочет?

— Не только захочет, — ответил Жискар. — Ей всегда было немного не по себе в моем присутствии и она не будет страдать, если меня рядом не окажется. А вот к тебе, друг Дэниел, у нее противоречивые чувства. Ты напоминаешь ей друга Джандера, дезактивация которого потрясла ее много десятилетий назад. Это и привлекает, и

отталкивает ее, так что мне надо будет сделать немногое: я уменьшил ее влечение к тебе и увеличил и так сильное влечение к капитану, Она легко обойдется без нас.

— Тогда пойдем к капитану, — сказал Дэниел. Они вышли из комнаты и направились к капитану.

86

И Дэниел, и Жискар уже бывали на Земле, причем Жискар сравнительно недавно. Они умели пользоваться компьютерным справочником, где были указаны сектор, крыло и номер квартиры Д. Ж., и разбирались в цветных кодах в коридорах, указывающих повороты и лифты.

Было еще слишком рано, и редкие встречные ошеломленно смотрели на Жискара, а затем подчеркнуто равнодушно отворачивались.

Шаг Жискара стал неровным, когда они подошли к двери квартиры Д. Ж. Это было почти незаметно, но привлекло внимание Дэниела.

— Что с тобой, друг Жискар?

— Мне пришлось ликвидировать изумление, подозрительность, даже просто внимание у многих мужчин и женщин и у одного подростка, с

которым оказалось трудновато. У меня не было времени проверить, не нанес ли я им вреда.

— Но это было необходимо: нам нельзя было останавливаться.

— Я понимаю, но Нулевой Закон плохо работает во мне. У меня нет твоей легкости. — Казалось, он хотел отделаться от неприятных ощущений. — Я часто замечал, что гиперсопротивление на позитронных путях действует сначала на ноги, а потом уже на речь.

Дэниел нажал на кнопку звонка и сказал:

— У меня тоже так, друг Жискар. Даже в самых оптимальных условиях поддерживать равновесие на двух опорах трудно. Контролировать устойчивость при ходьбе еще труднее. Я слышал, что когда-то были попытки производить роботов с четырьмя ногами и двумя руками. Их называли «кентаврами». Работали они хорошо, но их не приняли из-за явно нечеловеческой внешности.

— В данный момент, — сказал Жискар, — я был бы рад четырем ногам. Но по-моему, чувство дискомфорта проходит.

В дверях показался Д. Ж. и, широко улыбаясь, посмотрел на роботов. Потом он взглянул в один конец коридора, в другой, и улыбка его исчезла.

— Что вы здесь делаете без Глэдии? Она не…

— Капитан, с мадам Глэдией ничего не случилось, — успокоил его Дэниел. — Мы можем войти и объяснить?

Д. Ж. сердито махнул рукой, приглашая войти. Тоном, которым обычно говорят с забарахлившей машиной, он сказал:

— Почему вы оставили ее одну? Какие обстоятельства заставили вас покинуть ее?

— Она не более одинока, чем любой человек на Земле, и никакая опасность ей не грозит. Если вы спросите ее, она вам скажет, что не может чувствовать себя свободно здесь, на Земле, если за ней по пятам ходят космонитские роботы. Мы уверены, что она сама этого хочет, по крайней мере, сейчас. Если через какое-то время она пожелает нас вернуть, то мы вернемся.

Д Ж. снова заулыбался:

— Значит, она хочет, чтобы я ее охранял?

— В данный момент, капитан, она больше заинтересована в вашем присутствии, чем в нашем.

Улыбка Д. Ж. стала шире:

— Кто же станет порицать ее? Я пойду к ней, как только смогу.

— Но сначала, сэр…

— О, — воскликнул Д. Ж., — что-то еще?

— Да, сэр, Мы обеспокоены тем, что случилось

вчера.

Д. Ж. посерьезнел.

— Вы думаете, с мадам Глэдией еще что-то может произойти?

— Ни в коем случае. Тот робот стрелял не в леди Глэдию. Как робот он не мог этого сделать. Он стрелял в друга Жискара.

— Зачем это ему?

— Вот это мы и хотели бы узнать. Для этого нам нужно поговорить с мадам Квинтаной, заместителем министра энергетики. Это может оказаться очень важным и для вас, и для правительства Бейлимира, если вы попросите ее позволить мне задать ей несколько вопросов. Мы просим вас постараться убедить ее.

— И только-то? Больше вы ничего не хотите? Чтобы я убеждал важное и очень занятое официальное лицо подвергнуться перекрестному допросу со стороны роботов?

— Сэр, — сказал Дэниел, — она, наверное, согласится, если вы достаточно заинтересованы в расследовании. И еще. Поскольку она, возможно, находится далеко отсюда, было бы неплохо нанять для нас дартер, чтобы доставить нас туда. Мы, как вы понимаете, спешим.

— Кроме этих мелочей все?

— Не совсем, — сказал Дэниел. — Нам еще нужен водитель, и вы, пожалуйста, заплатите ему как следует, чтобы он согласился везти нашего друга Жискара. Меня-то он за робота не примет.

— Надеюсь, вы понимаете, Дэниел, — сказал Д. Ж. — что просите о совершенно немыслимом?

— Я надеялся, что это не так, капитан. Но поскольку вы так считаете, говорить больше не о чем. Нам придется вернуться к мадам Глэдии, и она будет очень недовольна, потому что она хотела побыть только с вами.

Дэниел повернулся.

— Подождите, — сказал Д. Ж. — В коридоре есть общественный коммуникатор. Я попробую. Оставайтесь здесь и ждите меня.

Роботы остались.

— Что тебе удалось сделать, друг Жискар? — спросил Дэниел.

Теперь Жискар уже уверенно держался на ногах.

— Ничего. Ему очень не хотелось иметь дело с мадам Квинтаной, и так же сильно — нанимать машину. Я не мог бы изменить эти чувства, не нанеся вреда. Но когда ты сказал, что мы вернемся к мадам Глэдии, его настроение внезапно и драматически изменилось. Ты почувствовал это,

друг Дэниел?

— Да.

— Похоже, ты едва ли нуждаешься во мне. Есть разные способы корректировки мозгов. Но кое-что я все-таки сделал. Изменение в мыслях капитана сопровождалось сильными и благоприятными эмоциями по отношению к мадам Глэдии, и я их усилил.

— Вот поэтому ты и нужен. Я не мог бы этого сделать.

— Ты еще сможешь, друг Дэниел, может быть, очень даже скоро.

Д. Ж. вернулся.

— Невероятно, но она хочет видеть вас, Дэниел. Дартер и водитель будут через минуту, и чем скорее вы уедете, тем лучше. Я сразу же отправлюсь к Глэдии.

Оба робота вышли в коридор и стали ждать.

— Он очень счастлив, — сказал Жискар.

— Так и должно быть, друг Жискар. Но я боюсь, что легкие дела для нас кончились. Мы легко устроили так, что мадам Глэдия предоставила нас самим себе. Затем мы с некоторым трудом убедили капитана устроить нам встречу с заместителем министра, но вот с ней справиться будет потруднее.

87

Водитель бросил взгляд на Жискара, и его решимость как рукой сняло.

— Послушайте, — сказал он Дэниелу. — Мне обещали заплатить вдвое, если я повезу робота, но роботам не разрешается находиться в городе, и я могу нарваться на крупные неприятности. Деньги мне не помогут, если я потеряю лицензию. Может, я отвезу только вас, мистер?

— Я тоже робот, сэр. Мы уже в городе, и это не ваша вина. Мы собираемся выехать из города, и вы должны помочь нам. Мы едем к высокому правительственному чину, который, я надеюсь, это устроит, и ваш гражданский долг — помочь нам. Если вы откажетесь везти нас, водитель, вы таким образом оставите нас в городе, и это могут счесть противозаконным.

Лицо водителя стало спокойным. Он открыл дверцу:

— Садитесь! — и все-таки тщательно задвинул толстую прозрачную загородку, отделявшую его от пассажиров.

— Тебе пришлось вмешаться, друг Жискар?

— Очень мало. Ты поговорил с ним и тем самым

сделал основную часть работы. Просто удивительно, что с помощью набора утверждений, которыми можно пользоваться как индивидуально, так и в комбинациях, порой добиваешься такого эффекта, какого не добился бы, сказав просто правду.

— Я часто замечал такое в человеческих разговорах, друг Жискар, даже у обычно правдивых людей. Я полагаю, что это оправдано, если служит высокой цели.

— Нулевой Закон, ты хочешь сказать?

— Или его эквивалент, если человеческий мозг имеет такой эквивалент. Друг Жискар, ты сказал недавно, что я буду иметь твои способности и, возможно, скоро. Ты готовишь меня для этой цели?

— Да, друг Дэниел.

— Могу я спросить — зачем?

— Опять же Нулевой Закон. Недавний случай со слабостью в коленках показал, каким уязвимым я становлюсь, когда пытаюсь применить Нулевой Закон. До этого дня я собирался действовать по Нулевому Закону, чтобы спасти мир и человечество, но, наверное, не смогу. В этом случае ты должен быть готов продолжить работу. Я постепенно готовлю тебя и в нужный момент

передам тебе последнюю инструкцию, и все станет на свои места.

— Я не понимаю, как это произойдет.

— Поймешь, всему свое время. Я изредка применял такой способ, когда давным-давно посылал роботов на Землю. Тогда их еще не изгоняли из городов, и они помогали ориентировать земных лидеров на одобрение поселенческой политики.

У дартера не было колес, он плыл примерно в сантиметре от поверхности. Водитель вел его по специально предназначенным для такого транспорта коридорам. Машина неслась как стрела, оправдывая свое название[2]. Она выскочила в коридор, шедший параллельно экспресс-путям, свернула налево, нырнула под экспресс-пути, вынырнула с другой стороны и, пропетляв с полкилометра, остановилась перед богато украшенным зданием. Дверь дартера открылась автоматически. Дэниел вышел, подождал, пока выберется Жискар, и протянул водителю кусочек фольги, который получил от Д. Ж. Водитель внимательно рассмотрел его, резко хлопнул дверцей и быстро умчался, не сказав ни слова.

---

[2] notes: 2

To dart — мчаться стрелой *(англ.).*

88

Дэниел позвонил, но дверь открылась не сразу. Дэниел подумал, что их проверяют. Наконец дверь распахнулась, и молодая женщина проводила гостей в дом. Она избегала смотреть на Жискара, но с большим интересом разглядывала Дэниела.

Заместитель министра Квинтана сидела за большим письменным столом. Она улыбнулась и с деланной бодростью произнесла:

— Два робота одни, без людей. Мне не грозит опасность?

— Абсолютно никакой, мадам Квинтана, — серьезно ответил Дэниел. — Нам тоже непривычно видеть человека без робота за спиной.

— Уверяю вас, у меня есть роботы, — сказала Квинтана. — Я называю их челядью, и один из них привел вас сюда. Я поражена, что она не хлопнулась в обморок при виде Жискара. А могла бы, если бы ее не предупредили и если бы вы, Дэниел, не имели такой исключительно интересной внешности. Но речь не об этом. Капитан Бейли так настойчиво уговаривал меня увидеться с вами, а поддерживать добрые отношения со

всем Поселенческим миром в моих интересах, поэтому я согласилась. Но день у меня очень загружен, и я буду вам очень благодарна, если мы все обговорим быстро. Что я могу сделать для вас, Дэниел?

— Мадам Квинтана… — начал Дэниел.

— Минуточку. Может, вы сядете? В прошлый вечер вы сидели, а не стояли.

— Мы можем сесть, но нам все равно, сидеть или стоять.

— Но мне не все равно. Мне стоять неудобно, а сидя я должна задирать голову, чтобы увидеть вас. Так что, пожалуйста, возьмите стулья и сядьте. Спасибо. Ну, Дэниел, в чем дело?

— Мадам Квинтана, я думаю, вы помните инцидент с бластером вчера после банкета?

— Конечно. Я знаю, что из бластера стрелял гуманоидный робот, хотя официального подтверждения не было. Но сейчас я сижу напротив двух роботов и совершенно беззащитна. А один из вас тоже гуманоидный.

— У меня нет бластера, мадам, — сказал Дэниел и улыбнулся.

— Я верю. Тот гуманоидный робот не был похож на вас, Дэниел. Вы — произведение искусства. Вы это знаете?

— Я очень сложно запрограммирован, мадам.

— Я имею в виду внешность. Так что инцидент?

— Мадам, у того робота где-то на Земле есть база, и я должен знать, где именно. Я приехал с Авроры с приказом отыскать эту базу и предупредить инциденты, которые могут нарушить мир между планетами. У меня есть основания считать…

— Вы приехали? Не капитан? Не мадам Глэдия?

— Мы, мадам. Жискар и я. Я не имею права сказать Вам, каким образом мы оказались замешанными в это дело, и не могу назвать имя человека, по приказу которого мы действуем.

— Подумать только! Межзвездный шпионаж! Очаровательно! Какая жалость, что я не могу помочь вам. Я не знаю, откуда взялся тот робот, не имею представления, где может быть его база, и даже не понимаю, почему вы пришли именно ко мне за такой информацией. На вашем месте я обратилась бы в департамент безопасности. — Она наклонилась к Дэниелу: — На вашем лице настоящая кожа, Дэниел? Если нет, то это изумительная имитация. — Она протянула руку и осторожно дотронулась до его щеки. — Она даже

на ощупь настоящая.

— И все-таки, мадам, она не настоящая. Если ее разрезать, она сама собой не зарастет. Но с другой стороны, ее легко зашить и даже поставить заплатку.

— Фу! — Квинтала сморщила нос:. — Но наше дело закончено, поскольку я не могу помочь вам и не имею отношения к владельцу бластера. Я ничего не знаю.

— Позвольте мне кое-что объяснить, мадам. Тот робот, по-видимому, был членом группы, заинтересованной в ускорении энергопроизводящего процесса, который вы вчера описали, — расщепления. Допустим, что это так и есть. Кто-то интересуется расщеплением и содержанием урана в земной коре. Где они могли бы развернуть свою базу?

— Старый урановый рудник, возможно. Но я не знаю, где он находится. Поймите, Дэниел, у Земли почти суеверное отвращение ко всему ядерному, в особенности к расщеплению. В наших популярных работах по энергии вы не найдете почти ничего насчет расщепления, а в технических изданиях для специалистов — только голую суть. Даже я очень мало знаю об этом. Впрочем, я администратор, а не ученый.

— Тогда еще кое-что, мадам. Мы допрашивали робота-убийцу относительно местонахождения его базы и допрашивали очень строго. Но он был запрограммирован на дезактивацию, на полное замораживание мозга в случае допроса — так и случилось. Однако перед этим в последний момент он трижды открыл рот. Вероятно, он собирался произнести три слова, или три группы слов, или три слога. Вторым из этих слогов, или звуков, или слов было «миль». Может ли это иметь отношение к расщеплению?

Квинтана медленно покачала головой:

— Нет, я не могу сказать, что это значит. Такого слова вы не найдете в словаре галактического стандартного. Простите меня, Дэниел. Приятно было встретиться с вами снова, но мой стол завален бумагами, над которыми нужно работать. Извините меня. Но Дэниел как будто бы не слышал ее слов.

— Мне сказали, мадам, что слово «миль» может означать старинную меру длины. Кажется, больше километра.

— Даже если это и правда, ваше слово тут совсем неуместно. Откуда аврорианскому роботу знать архаичные выражения и старинные… — Она вдруг замолчала. Глаза ее широко раскрылись,

лицо побледнело. — Постойте! Неужели?..

— Что, мадам?

— Есть место, — задумчиво произнесла Квинтана, — которого избегают все — и земляне, и роботы. Если бы я хотела выразиться возвышенно, я бы сказала, что это зловещее место. Настолько зловещее, что начисто стерлось в сознании. Его нет даже на карте. Это квинтэссенция всего, что означает расщепление. Я помню, что слышала его в очень старом фильме еще когда начинала здесь работать. Там говорилось о месте, где произошел «инцидент», который навсегда отвратил мысли землян от расщепления как источника энергии. Это место называлось «Трехмильный Остров».

— Место абсолютно изолированное, — сказал Дэниел, — и совершенно необитаемое, место, где могут быть те самые расщепляющиеся материалы, идеальное для тайной базы и в названии которого есть слово «миль». Это и есть то самое место, мадам. Не скажете ли вы нам, как туда попасть, и не поможете ли получить разрешение выйти из города, чтобы добраться до этого Трехмильного Острова или хотя бы до его окрестностей?

Квинтана улыбнулась. Улыбаясь, она казалась моложе.

— Если вы имеете дело с интересным случаем межзвездного шпионажа, вы не можете терять времени, верно?

— Действительно не можем, мадам.

— Ладно. Допустим, что в круг моих обязанностей входит посещение Трехмильного Острова. Почему бы мне не взять вас с собой в аэрокар? Я умею управлять им.

— Мадам, но ваша куча бумаг…

— Ее никто не тронет. Она так и будет тут, когда я вернусь.

— Но вам придется выехать из города…

— Ну и что? Небось, не старые времена. Давным-давно, в печальную пору космонитского господства земляне не смели выходить из городов, но теперь, вот уже почти два столетия, мы выходим и даже заселяем Галактику. Кое-кто, конечно, придерживается старых обычаев, но большинство стало вполне мобильным. Наверное, когда-нибудь мы присоединимся к какой-нибудь поселенческой группе. Сама я не намерена этого делать, но часто летаю в собственном аэрокаре и пять лет назад летала в Чикаю и обратно. Посидите, я сейчас отдам распоряжения.

Ее как ветром сдуло. Дэниел глянул ей вслед и прошептал:

— Друг Жискар, это не похоже на нее. Ты что-то сделал?

— Чуточку. Когда мы входили, мне показалось, что проводившая нас сюда молодая женщина привлечена твоей внешностью. Я почти уверен, что тот же фактор присутствовал в мозгу Квинтаны на вчерашнем банкете, хотя я находился очень далеко от нее и в комнате было множество других людей. Здесь, как только ты начал с ней разговаривать, я окончательно утвердился в своей догадке. Я мало-помалу усиливал это влечение, и каждый раз, когда она намекала, что разговор окончен, она капалась все менее решительной и не возражала против его продолжения. Наконец она сказала об аэрокаре. Я уверен, что она не хотела упустить шанс побыть с тобой побольше.

— Это может осложнить мне дело, — задумчиво сказал Дэниел.

— Это прекрасная возможность, — возразил Жискар. — Думай об этом с точки зрения Нулевого Закона.

Казалось, сейчас Жискар должен был улыбнуться — но его лицо не умело выражать чувства.

89

Квинтана посадила аэрокар на подходящее место и с облегчением вздохнула. К машине подошли два робота, чтобы осмотреть ее и при необходимости перезарядить.

Квинтана прислонилась к Дэниелу и взглянула вправо.

— Вот там, в нескольких километрах отсюда река Саскуэханна. Какой жаркий день! — Она с явной неохотой выпрямилась и улыбнулась Дэниелу: — Хуже всего, когда покидаешь город. Окрестности совершенно не контролируются. Подумать только, какое пекло! Вы не чувствуете жару, Дэниел?

— У меня есть внутренний термостат, мадам, он хорошо работает.

— Великолепно! Хотела бы я иметь такой. Здесь нет дорог, Дэниел, и нет роботов, которые проводили бы вас, потому что они никогда туда не ходят. И я не знаю, где именно то место, которое вы ищете. Мы можем лишь случайно обнаружить вашу базу, а можем и проскочить мимо всего в каких-нибудь пятистах метров.

— Не «мы», мадам. Вам придется остаться. На-

ше путешествие может быть опасным; к тому же у вас нет кондиционера, и вы можете просто физически не выдержать, даже если ничего не случится. Могли бы вы подождать нас, мадам? Для меня это было бы очень важно.

— Я подожду.

— Но мы можем отсутствовать несколько часов.

— У меня в машине есть кой-какие приспособления, к тому же здесь неподалеку маленький городок Гаррисбург.

— В таком случае, нам нужно идти, мадам.

Дэниел легко выпрыгнул из аэрокара. Жискар последовал за ним. Роботы направились на север. Был полдень, и яркое летнее солнце отражалось в полированном корпусе Жискара.

— Любое проявление мыслительной активности, которое ты заметишь, будет тем, что мы ищем, — сказал Дэниел. — Здесь на много километров вокруг никого нет.

— Ты уверен, что мы идем туда, куда нужно?

— Нет, друг Жискар, но мы должны идти.

90

Левулар Мандамус хмыкнул и, скупо улыбнувшись, посмотрел на Амадейро.

— Поразительно, — сказал он, — и более чем удовлетворительно.

Амадейро вытер лоб и щеки обрывком полотенца и спросил:

— Что это означает?

— Это означает, что все релейные станции в рабочем состоянии.

— Значит, вы можете приступить к усилению?

— Как только определю необходимый уровень концентрации частиц.

— А сколько времени это займет?

— Минут пятнадцать… Тридцать.

Амадейро смотрел на Мандамуса, все более хмурясь, наконец тот сказал:

— Вес в порядке. Готово. Я устанавливаю временную шкалу на 2, 72. Через полтора столетия установится высший уровень равновесия и будет поддерживаться без существенных изменений миллионы лет. При этом уровне на Земле в лучшем случае останутся лишь несколько разбросанных групп людей в относительно ма-

лорадиоактивных районах. Нам нужно только подождать полтора столетия, и кучка дезорганизованных Поселенческих миров станет нашей легкой добычей.

— Я не проживу еще полтора столетия, — медленно сказал Амадейро.

— Сожалею, сэр, — сухо ответил Мандамус, — но мы говорим об Авроре и Внешних мирах. Появятся другие, которые возьмут на себя вашу задачу.

— Вы, например?

— Вы мне обещали высший пост в Институте, и, как вы знаете, я жаждал этого. С такой политической базой я могу надеяться стать когда-нибудь Председателем и повести такую политику, которая обеспечит окончательное исчезновение анархических миров поселенцев.

— Приятно слышать. А что, если вы установите поток частиц, а потом кто-нибудь возьмет да понизит его еще на полтора столетия?

— Это невозможно, сэр. Едва включившись, прибор застынет на определенной отметке. Процесс станет необратимым. Что бы ни случилось, земная кора все равно будет медленно гореть. Я полагаю, что можно перестроить всю систему заново, если кто-то на Земле или из поселенцев мог бы сдублировать мою работу, но даже тогда доза

радиоактивности увеличится, но не уменьшится. Второй Закон термодинамики присмотрит за этим.

— Мандамус, вы сказали, что жаждете стать директором. Однако пока я директор, значит, я и должен решать.

— Нет, сэр, не вы, — холодно сказал Мандамус. — Детали процесса известны только мне. Данные закодированы в таком месте, которое вам не найти, к тому же оно охраняется роботами, которые скорее уничтожат их, чем отдадут вам. Вы ничего не сможете с ними поделать, а я могу.

— Тем не менее, — сказал Амадейро, — мои рекомендации ускорили бы ваше дело. Если вы отберете у меня лидерство каким бы то ни было способом, вы будете иметь постоянную оппозицию среди других членов Совета, что будет мешать вам все десятилетия вашего пребывания на этом посту. Вы хотите только титула или реальной власти?

— Разве сейчас время говорить о политике? Минуту назад вы были весьма недовольны, что я замешкался на пятнадцать минут над компьютером.

— Да, но сейчас мы говорим о величине потока частиц. Вы хотите поставить его на 2, 72 — что это

за цифра? — а я думаю, правильно ли это. Какое максимальное значение вы можете установить?

— Шкала от нуля до двенадцати, но необходимо 2, 72 — плюс-минус 0, 05, если вы хотите точнее. На основании отчетов всех четырнадцати реле, до установления равновесия пройдет полтора столетия.

— Но я думаю, что правильно было бы установить 12.

Мандамус с ужасом уставился на Амадейро:

— Двенадцать? Да вы понимаете, что это означает?

— Да. Это означает, что Земля станет слишком радиоактивной для жизни через десять-пятнадцать лет, в результате чего погибнет десять-пятнадцать миллиардов землян.

— И начнется война с разъяренной федерацией поселенцев. Зачем нам эта бойня?

— Повторяю, я не надеюсь прожить еще полтора столетия, но хочу увидеть гибель Земли.

— Но в таком случае вы же искалечите — это в лучшем случае — и Аврору. Не может быть, чтобы вы говорили серьезно.

— Я говорю вполне серьезно. Два столетия я терпел поражения и унижения.

— Но в этом виноват Хен Фастольф и Жискар,

но не Земля.

— Нет, в этом виноват землянин Элайдж Бейли.

— Который умер более полутора столетий назад. И это цена мести давно умершему человеку?

— Я не хочу спорить. Я делаю вам предложение — должность директора немедленно. Как только мы вернемся на Аврору, я уйду со своего поста и назначу вас на мое место.

— Нет. Я не хочу этой должности на таких условиях. Смерть миллиардов!

— Миллиардов землян. Ну тогда я не могу доверить вам манипулировать с приборами. Покажите мне, как включить контрольный прибор. И я возьму всю ответственность на себя. Но все равно по возвращении я уйду со своего поста и отдам его вам.

— Нет. Это все равно будет означать смерть миллиардов землян и неизвестно скольких миллионов космонитов. Доктор Амадейро, поймите, что я ни в коем случае не сделаю этого, а вы не обойдетесь без меня. Механизм включается с помощью отпечатка моего большого пальца.

— Я прошу вас.

— Вы не в своем уме, если просите, несмотря на то что я вам сказал.

— Это ваше личное мнение, Мандамус. Я не настолько безумен, чтобы не сообразить разослать всех здешних роботов по разным местам. Мы с вами здесь одни.

Мандамус усмехнулся краем рта.

— И чем же вы намерены угрожать мне? Не собираетесь ли вы убить меня, пока нет роботов, которые могут остановить вас?

— Да, Мандамус, вообще-то могу, если захочу, — Амадейро вытащил из кармана бластер малого калибра. — На Земле такую штуку добыть трудно, но можно — если хорошо заплатить. И я умею им пользоваться. И поверьте, если я скажу, что с превеликим удовольствием прострелю вам голову, если вы не приложите свой большой палец к контакту и не позволите мне поставить шкалу на двенадцать.

— Не посмеете. Если я умру, как вы включите прибор?

— Не будьте дураком. Если я пробью вам голову, ваш палец останется целым. И даже некоторое время теплым. Вот я им и воспользуюсь. Я предпочел бы, чтобы вы остались в живых, потому что объяснять на Авроре вашу смерть будет скучно. Но как бы утомительно это ни было, я переживу. Короче, даю вам тридцать секунд на

размышления. Если вы согласны, я немедленно отдаю вам пост директора Института, нет — все будет так, как я хочу, а вы умрете. Начинаю: один, два, три…

Мандамус с ужасом смотрел на Амадейро, который продолжал считать, холодно глядя на Мандамуса поверх бластера.

— Уберите бластер, Амадейро, — прошипел наконец Мандамус, — иначе мы оба будем обездвижены под предлогом, что нас надо защитить от вреда.

Но предупреждение Мандамуса опоздало. В мгновение ока чья-то рука схватила Амадейро за запястье, парализовав его. Бластер упал.

— Извините, — сказал Дэниел, — что я причинил вам боль, доктор Амадейро, но я не могу позволить вам целиться из бластера в человека.

91

Амадейро ничего не сказал.

— Вы два робота, с которыми, как я вижу, нет хозяина, — холодно промолвил Мандамус. — В его отсутствии ваш хозяин я, и я приказываю вам уйти и не возвращаться. Поскольку, как вы видите, никому из людей в данный момент не

угрожает опасность, ничто не может заставить вас игнорировать мой приказ. Уходите.

— Простите, сэр, — сказал Дэниел, — нет нужды скрывать от вас наши имена, поскольку вы их и так знаете. Мой спутник, Р. Жискар Ривентлов, умеет распознавать эмоции. Друг Жискар!

— Когда мы подходили, определив ваше присутствие издалека, — начал Жискар, — я отметил, что ваш мозг, доктор Амадейро, переполнен яростью. А в вашем, доктор Мандамус, — бесконечный страх.

— Ярость доктора Амадейро — если это была ярость — просто реакция на приближение двух необычных роботов, — сказал Мандамус, — особенно того, который способен внедряться в человеческий мозг и который погубил — может быть, навсегда — мозг леди Василии. Мой страх — если это был страх — также явился результатом его появления. Теперь мы овладели собой, и у вас нет оснований вмешиваться. Мы приказываем вам немедленно уйти.

— Прошу прощения, доктор Мандамус, — сказал Дэниел, — но я хочу удостовериться, что мы можем спокойно подчиниться вашему приказу. Не было ли бластера в руке доктора Амадейро, когда мы появились, и не целился ли он из бла-

стера в вас?

— Он объяснял мне, как работает бластер, и уже хотел убрать его, когда ты вмешался.

— Значит, я должен вернуть его доктору Амадейро, прежде чем уйду?

— Нет, — без колебаний ответил Мандамус, — потому что тогда у вас будет уважительная причина остаться, чтобы, как вы скажете, защищать нас. Возьмите бластер с собой и уходите, и у вас не будет причины возвращаться.

— У нас есть основания думать, — сказал Дэниел, — что вы сейчас находитесь там, куда людям не разрешено приходить…

— Это правило, а не закон, и на нас оно в любом случае не распространяется, поскольку мы не земляне. Кстати, роботам тоже не разрешается здесь находиться.

— Мы привезены сюда, доктор Мандамус, высокопоставленным членом земного правительства. У нас есть основания думать, что вы намерены поднять уровень радиации в земной коре и нанести серьезный и непоправимый ущерб планете.

— Вовсе нет… — начал Мандамус.

Но тут в первый раз вмешался Амадейро:

— По какому праву, робот, ты устраиваешь нам перекрестный допрос? Мы люди и отдали вам

приказ. Подчиняйтесь!

Его повелительный тон заставил Дэниела вздрогнуть, а Жискар уже собрался уйти. Но Дэниел сказал:

— Простите, доктор Амадейро, но я не веду перекрестный допрос, а только хочу убедиться, что могу спокойно подчиниться вашему приказу. У нас есть основания думать, что…

— Можешь не повторять, — перебил его Мандамус и повернулся к Амадейро. — Доктор Амадейро, разрешите мне ответить. — Мандамус вновь взглянул на Дэниела. — Дэниел, наша задача носит антропологический характер. Мы должны найти истоки различных человеческих обычаев, влияющих на поведение космонитов. Эти истоки можно найти только на Земле, вот мы их тут и ищем.

— У вас есть на это разрешение Земли?

— Семь лет назад я консультировался с соответствующими чиновниками Земли и получил разрешение.

— Что скажешь, друг Жискар?

— Показания мозга доктора Мандамуса таковы, что его слова не соответствуют существующей ситуации.

— Значит, он лжет?

— Предполагаю.

Невозмутимость Мандамуса не поколебалась.

— Ты можешь предполагать, но предположение — не уверенность, — сказал он. — Ты не можешь не повиноваться приказу на основании простого предположения. Я знаю это, и ты это знаешь.

— Но в мозгу доктора Амадейро ярость сдерживалась только эмоциональными силами, чего вряд ли требовала работа, — продолжал Жискар. — Вполне возможно, что эти силы, так сказать, порвутся, и ярость выплеснется наружу.

— Что вы распинаетесь перед ними, Мандамус! — закричал Амадейро.

— Молчите, Амадейро! — рявкнул Мандамус Вы играете им на руку.

Амадейро не обратил внимания на окрик.

— Это унизительно и бесполезно. — Он злобно оттолкнул протянутую руку Мандамуса. — Они знают правду! Ну и что? Роботы, мы — космониты, более того, мы — аврориане, мы с планеты, где вас сконструировали. И еще того больше, мы высокопоставленные официальные лица на Авроре, и для вас слово «люди» в Трех Законах роботехники должно означать авриан. Если вы не повинуетесь нам, вы вредите нам, унижаете нас и нарушаете этим Первый и Второй Законы.

То, что мы намереваемся уничтожить землян, даже большое их количество, — правда, но это к делу не относится. Это все равно, как если бы вы отказались повиноваться нам, потому что мы едим мясо убитых животных. Ну, я объяснил вам все, а теперь убирайтесь! — прохрипел Амадейро и, выпучив глаза, упал.

Открыв рот в беззвучном крике, Мандамус склонился над ним.

— Доктор Мандамус, — сказал Жискар, — доктор Амадейро не умер. Он в коме, из которой его в любое время можно вывести. Но он забудет все, связанное с вашим проектом, и ничего не поймет, если вы станете объяснять ему. Когда я это делал — я не мог бы этого сделать, если бы не собственное признание доктора Амадейро, что он намерен уничтожить большое количество землян — я, возможно, надолго повредил некоторые участки его памяти и некоторые мыслительные процессы. Сожалею, но ничем не могу помочь.

— Знаете, доктор Мандамус — произнес Дэниел, — на Солярии мы встретили роботов, которые считали людьми только соляриан. И мы поняли, что в том случае, когда роботы так узко трактуют понятие «человек», это может стать причиной безмерных разрушений. Бесполезно пытаться

ограничить в нашем понимании понятие «люди» только аврорианами. Мы определяем всех людей — и землян, и поселенцев — как хомо сапиенс, и чувствуем, что предотвратить вред для группы людей и человечества в целом важнее, чем предотвратить вред для индивидуума.

— Но в Первом Законе так не говорится, — еле слышно прошептал Мандамус.

— Я называю это Нулевым Законом, и он довлеет над Первым.

— Но тебя так не запрограммировали.

— Я сам себя так запрограммировал. И, поскольку с момента вашего появления здесь я знаю, что вы прибыли сюда, чтобы нанести вред, вы не можете приказать мне уйти или удержать меня от нанесения вреда вам. Нулевой Закон превыше остальных. Я должен спасти Землю, поэтому прошу вас добровольно уничтожить ваши приборы, иначе я буду вынужден угрожать вам, как доктор Амадейро, хоть и не воспользуюсь бластером.

— Подожди! — сказал Мандамус, — Выслушай меня. Дай мне объяснить, Из головы этого Амадейро улетучилось все хорошее. Он хотел уничтожить Землю, а я не хочу. Поэтому он и целился в меня из бластера.

— Однако это ваша идея, вы создали все эти

приборы, иначе доктору Амадейро не нужно было бы принуждать вас что-то сделать. Он сделал бы это сам, не требуя от вас никакой помощи. Правильно?

— Да, Жискар может сказать, лгу ли я. Я построил эти приборы и был готов воспользоваться ими, но не так, как желал доктор Амадейро. Я говорю правду?

Дэниел посмотрел на Жискара.

— На мой взгляд, он говорит правду, — подтвердил Жискар.

— Конечно, правду, — поддакнул Мандамус. — Я хотел ввести очень медленное увеличение радиоактивности в земную кору. Должно пройти сто пятьдесят лет, в течение которых народ Земли может перебраться на другие планеты. Увеличится население имеющихся Поселенческих миров, и будет создано множество новых. Земля, этот огромный аномальный мир, который вечно угрожает космонитам и сводит на нет усилия поселенцев, перестанет существовать. Исчезнет центр мистического поклонения, который так тянет поселенцев назад. Я говорю правду?

— На мой взгляд, он говорит правду, — подтвердил Жискар.

— Мой план, если он сработает, сохранит мир

и сделает Галактику домом как для космонитов, так и для поселенцев. Вот почему, когда я конструировал этот прибор… — Указывая на прибор, он приложил большой палец к контакту и устремился к главному прибору, крикнув: — Застыть!

Дэниел бросился было к Мандамусу, но застыл с подмятой рукой. Жискар не шевельнулся.

Мандамус, задыхаясь, вернулся.

— Поставлено на 2, 72. Сделано. Изменить нельзя. Теперь все пойдет так, как я задумал. И вы не можете никому ничего сказать, потому что тогда начнется война, а ваш Нулевой Закон запрещает это! — Он холодно и презрительно взглянул на распростертое тело Амадейро. — Глупец! Ты никогда не узнаешь, как это надо было сделать!

Глава девятнадцатая
Один
92

— Теперь вы не можете повредить мне, роботы, — сказал Мандамус, — и ничего не сделаете, чтобы изменить судьбу Земли.

— Тем не менее, — дрожащим голосом произнес Жискар, — вы не должны помнить о том, что натворили. Вы ничего не должны объяснить

космонитам.

Он трясущейся рукой подтянул к себе стул и сел. А Мандамус согнулся и медленно опустился на землю. Казалось, он безмятежно уснул.

— И все-таки, — с глубоким отчаянием сказал Дэниел, взглянув на два бесчувственных тела, — я потерпел неудачу и когда нужно было схватить доктора Мандамуса, чтобы он не нанес вреда людям, я почему-то подчинился его приказу и застыл на месте. Нулевой Закон не сработал.

— Нет, друг Дэниел, — возразил Жискар, — дело не в тебе. Это я остановил тебя. Доктор Мандамус хотел сделать то, что потом все-таки сделал, но боялся твоей реакции на свои действия. Я нейтрализовал его страх, а затем нейтрализовал тебя. И доктор Мандамус включил под земной корой, так сказать, медленный огонь.

— Но зачем, друг Жискар? Зачем?

— Потому что он прав. Я так и сказал тебе. Он-то думал, что он лжет. Изучив чувство торжества в его сознании, я убедился: он уверен, что результатом усиления радиоактивности станут анархия и сумятица, которые охватят Землю и Поселенческие миры; и тогда космониты уничтожат их и захватят Галактику. Но я подумал, что сценарий, который он разработал, чтобы покорить нас,

правильный. Устранение Земли, этого огромного перенаселенного мира, уничтожит мистическое и, по-моему, опасное преклонение перед ней и поможет землянам. Они с новой силой устремятся во все концы Галактики и без Земли, на которую они всегда оглядывались и которую обожествляли, создадут Галактическую империю. И мы должны им помочь. — Жискар помолчал и слабеющим голосом добавил: — Роботы и Империя.

— Как ты себя чувствуешь, друг Жискар?

— Я не могу стоять, но говорить еще в состоянии. Слушай. Пора тебе принять мой груз. Я сориентировал тебя на ментальное обнаружение и контроль. Тебе осталось только выслушать последнее наставление, которое должно запечатлеться внутри тебя. Слушай…

Он говорил ровно, преодолевая растущую слабость. Дэниел всем своим существом чувствовал слова и символы. Что-то двигалось внутри и вставало на место.

Когда Жискар закончил, Дэниел вдруг ощутил холодное мурлыканье мозга Мандамуса, неровное биение мозга Амадейро и тонкую металлическую нить мозга Жискара.

— Ты должен вернуться к мадам Квинтане, — сказал Жискар, — и сделать так, чтобы этих двоих

отправили на Аврору. Они больше не опасны для Земли. Затем проследи, чтобы земная полиция нашла и дезактивировала гуманоидных роботов, посланных на Землю Мандамусом. Будь осторожен, пользуясь своей новой силой, потому что ты еще не привык к ней и пока не умеешь ее четко контролировать. Постепенно ты приспособишься, если будешь тщательно анализировать свои действия. Пользуйся Нулевым Законом, но не оправдывай им вред, нанесенный индивидуумам без нужды. Первый Закон почти так же важен. Охраняй мадам Глэдию и капитана Бейли, но ненавязчиво. Пусть они будут счастливы вместе, пусть мадам Глэдия продолжает бороться за мир в Галактике. Пригляди, чтобы земляне покинули эту планету. И еще одно… если я вспомню… да, если сможешь, узнай, куда делись соляриане. Это может оказаться важным.

Жискар замолчал.

Дэниел встал на колени рядом с Жискаром и взял его за руку. Металлическая рука Жискара бессильно повисла.

— Очнись, друг Жискар, — в отчаянии прошептал Дэниел. — Очнись. Все, что ты сделал, было правильным по Нулевому Закону Ты спас множество жизней. Ты сделал добро человечеству.

Почему же ты так страдаешь?

Голос Жискара так изменился, что слова трудно было разобрать.

— Потому что я не уверен… Если… другая точка зрения… все-таки правильна… и космониты восторжествуют, а потом сами погибнут… то Галактика… опустеет… Прощай, друг Дэ…

И Жискар умолк навсегда.

Дэниел встал.

Он остался один… Ему предстояло позаботиться о Галактике.

ЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф

Айзек

АЗИМОВ



i. Asimov

ЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф